This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1891 г.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

P Slav 605.25
~~S Slav 25.10~~

Harvard College Library
Jan. 1[illegible], 1902
PIERCE FUND.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать второй. АПРѢЛЬ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Москва и Казань въ началѣ XIX в.** Записки Ивана Алексѣевича Вторева 1

II. **Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова** съ 1816 г. Гл. I. . 23

III. **Фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій** въ его разсказахъ. Записалъ въ янв. 1830 г. баронъ Тизенгаузенъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ 45

IV. **Записки ректора-профессора императорской академіи художествъ Ѳедора Ивановича Іордана**, 1800—1883 гг. Гл. V—IX. 71

V. **Записки Николая Ѳед. Здекауера**, почетнаго члена императорской медико-хирургической академіи. 1833—1863 гг. Главы I—II . 117

VI. **Дневникъ академика-профессора Александра Васильевича Никитенко**, 1864 годъ 131

VII. **Дневникъ гр. Петра Александровича Валуева**, 1847—1860 гг. . 167

VIII. **Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой** въ 1866—1880 гг. Посмертныя записки П. Д. Шостакова (Окончаніе) 183

IX. **Петръ Александровичъ Степановъ**, генералъ-отъ-инфантеріи . . . 211

X. **Банкротъ [Свои люди—сочтемся]**. Комедія въ 4 дѣйств. Сочиненіе А. Н. Островскаго, — собственноручная его рукопись . . . 219

XI. **Дворянскій полкъ**: 84-я годовщина его учрежденія, 1807—1891 гг. 251

XII. **Матеріалы, замѣтки и стихотв.**: П. Ѳ. Щербина (44).—Гр. А. А. Закревскому, стихотв. Н. Ф. Павлова (130). — Ѳ. Н. и А. П. Гаевки (218).—О портретѣ А. Н. Островскаго (249). — Поручикъ Александръ Неелевъ (263).

XIII. **Библіографическій листокъ.** (На оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: I. Портретъ **Александра Николаевича Островскаго**, съ фотографіи, сообщенной Михаломъ Николаевичемъ Островскимъ, гравировалъ на мѣди художникъ Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ. — II. Заставки (виньетки) — рисовалъ почетный членъ академіи художествъ, профессоръ Ѳ. Г. Солнцевъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

☞ Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпуски III-й и IV-й Напечатанъ и разсылается ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ портретовъ, художественно выполненныхъ гелиогравюры. Цѣна каждаго выпуска ОДИНЪ руб. и три почтов. марки за перес. (21 к.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1891 г.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціею ген.-лейт. Г. А. Леера, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб., 1883—1890 гг., въ б. 8 д., въ два столбца, пять томовъ въ 17-ти выпускахъ, буквы: А — Наполеоны. Цѣна 3 руб. за томъ (по 75 к. выпускъ).

Эта энциклопедія, какъ объяснено въ предисловіи къ ней, представляетъ новое изданіе «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона», генералъ-лейтенанта барона Зедделера (1852—1858 гг.), существенно переработанное и въ то-же время, съ одной стороны, значительно дополненное описаніемъ всѣхъ военныхъ явленій въ области науки, техники и боевой практики за послѣднія 25 лѣтъ, а съ другой—въ сильной степени сокращенное, въ видахъ возможнаго удешевленія, чтобы сдѣлать изданіе по цѣнѣ доступнымъ для каждаго офицера». Изданіе предполагалось въ пяти томахъ, всего 200 печатныхъ листовъ, но обиліе матеріала и невозможность уложить его въ предѣлы пяти томовъ, безъ вреда для дѣла, было причиною, что объемъ Энциклопедіи, какъ можно судить по первымъ 17-ти выпускамъ, значительно превыситъ первоначальныя предположенія редакціи. Высокій авторитетъ въ военныхъ наукахъ, какой представляетъ собою уважаемый профес. г.-л. Г. А. Леръ и удачный подборъ имъ сотрудниковъ, каковыхъ уже въ самомъ началѣ дѣла было до 70-ти, поставили это изданіе на высоту его задачи, именно «дать каждому военному, по возможности сокращенно, въ формѣ лексической, справочной, всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ потребоваться отъ него какъ служебною дѣятельностью, такъ и трудами на военно-ученомъ поприщѣ, въ видѣ общихъ свѣдѣній и указаній для дальнѣйшей самостоятельной разработки того или другаго вопроса». Жаль только, что матеріальныя средства, предоставленныя въ распоряженіе редакціи, слишкомъ скромны, чѣмъ и объясняется отсутствіе при Энциклопедіи чертежей, плановъ и картъ, столь необходимыхъ при чтеніи многихъ статей военно-историческаго содержанія.

Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томъ шестой. Исторія академіи наукъ. Г. Ф. Миллера, съ продолженіями І. Г. Штриттера (1725—1743 гг.). Спб. 1890 г., б. 8 д., стр. 635 (составлено и издано на нѣмецкомъ языкѣ).

Все монументальное изданіе этихъ матеріаловъ представляетъ драгоцѣнный сборникъ не только для исторіи академіи наукъ, этого высшаго разсадника просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, но и для политической исторіи Россіи XVIII вѣка, и для исторіи русскаго общества.

Свѣтъ Азіи (The light of Asia). Поэма Эдвина Арнольда. Переводъ А. Анненской, подъ редакціей В. Лесевича. Съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ-же. Спб., 1890 г., 8 д., стр. CIII+238. Цѣна 2 руб.

«Свѣтъ Азіи» есть поэма Эдвина Арнольда, въ которой авторъ «даетъ описаніе жизни и характера основателя буддизма, индійскаго царевича Сиддартхи, и очеркъ его ученія, излагая ихъ отъ имени предполагаемаго поклонника Будды, строго придерживающагося преданій, завѣщанныхъ предками». Переводу предпослана статья нашего извѣстнаго ученаго и философа Лесевича—«Индія до буддизма», которая, конечно, прочтется съ большимъ интересомъ. Г. Лесевичу-же принадлежатъ двѣ статьи въ приложеніи: «Посѣщеніе Эдвиномъ Арнольдомъ цейлонскихъ буддистовъ» и «Буддизмъ по эдиктамъ царя Асоки Великаго».

Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности императорскаго вольнаго экономическаго общества, съ 1865 до 1890 г. Составленный по порученію общества секретаремъ его А. Н. Бекетовымъ. Спб. 1890 г., 8 д., стр. 200.

Вотъ содержаніе этой хорошо составленной книги, всесторонне знакомящей съ дѣятельностію стодвадцатипятилѣтняго ученаго общества въ Россіи, за время послѣдней четверти вѣка: Изслѣдованія и мѣры, касающіяся экономическаго положенія Россіи. — Земледѣліе и почвовѣдѣніе.—Скотоводство и молочное хозяйство.—Пчеловодство.—Льноводство.— Шелководство. — Мѣры по улучшенію положенія

МОСКВА и КАЗАНЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

Записки Ивана Алексѣевича Второва [1]).

I.

Воспоминанія московской жизни моей — Первый слухъ о кончинѣ императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра Павловича.— Его торжественный въѣздъ въ Москву и коронованіе.
[Писано въ 1822 г.].

Пріятно вспоминать подъ старость юны лѣта.

Прошло уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ я въ первой разъ пріѣхалъ въ Москву, а теперь еще помню, какъ будто было это вчера; такъ сильно врѣзалось впечатлѣніе въ моей памяти. Тогда былъ я молодъ, здоровъ, свободенъ и веселъ, но небогатъ.

Одно это пугало меня, какъ я буду жить въ столицѣ, при недостаточномъ состояніи, какія найду знакомства и пріобрѣту-ли что для образованія себя по непреодолимой склонности моей отъ самаго дѣтства къ наукамъ и просвѣщенію? Я предполагалъ

---

[1]) Выдержки изъ этого отрывка интересныхъ записокъ И. А. Второва были приведены покойнымъ М. Ѳ. де-Пуле въ статьѣ: „Отецъ и сынъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1870-хъ годовъ, но въ виду особеннаго интереса этого разсказа мы, по совѣту академика Л. Н. Майкова, печатаемъ вновь эти записки, притомъ въ болѣе полномъ видѣ и по подлинной рукописи автора, сообщенной намъ покойнымъ Александромъ Николаевичемъ Яхонтовымъ.
Ред.

пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратиться въ свое жилище къ роднымъ моимъ и знакомымъ, но вмѣсто того прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ два года такъ пріятно и весело, что это время было лучшею эпохою во всю семидесятилѣтнюю жизнь мою.

Въ Москвѣ у меня знакомыхъ было только 4 дома нашихъ симбирскихъ помѣщиковъ: именно Степана Григор. Мельгунова, Николая Алексѣев. Дурасова, Александра Дмитр. Карпова, бывшаго въ Симбирскѣ губернатора, и Ивана Петровича Тургенева, которые знали коротко меня и любили, пятаго дома хозяина Павла Иванов. Комарова я никогда не видалъ, но по знакомству его съ моею сестрою съ нимъ переписывался.

1801 года января 28 числа утромъ, въ воскресенье, въѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на красивые дома и на толпы людей идущихъ и ѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ, о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія. Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволитъ-ли состояніе мое завести знакомства? Можетъ быть, никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

Остановился на Тверской улицѣ въ Цареградскомъ трактирѣ (тогда еще не называли гостинницами); на заставѣ при въѣздѣ въ городъ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ, но онъ, возвратясь, сказалъ мнѣ, что должно взять его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицмейстера, къ которому надобно явиться лично самому.

Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицмейстеру Ѳедору Ѳедоровичу Эртелю. Дожидаясь выхода въ его канцеляріи, видѣлъ какъ изъ внутреннихъ комнатъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. За ними тотчасъ вышелъ и г. Эртель, въ полной униформѣ, потребовалъ мой пачпортъ, прочиталъ его и спросилъ меня, долго-ли я пробуду въ Москвѣ? и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавши, чтобъ я изволилъ росписаться. Дѣло кончено.

Я поѣхалъ вновь знакомиться съ извѣстными мнѣ людьми; былъ у господъ: Мельгунова, Дурасова и Карпова, потомъ у Павла Ивановича Комарова, нашелъ въ немъ прекраснаго образованнаго человѣка лѣтъ въ 40. Онъ былъ холостъ, богатъ и жилъ въ собственномъ домѣ съ зятемъ своимъ, несчастнымъ обгорѣлымъ слѣпцомъ, Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который былъ женатъ на сестрѣ его и о которомъ я буду говорить послѣ. Оба они обласкали

меня какъ роднаго, потому болѣе, что оба полюбили сестру мою, бывшую прежде въ Москвѣ съ сестрою Павла Ивановича, бригадиршею Цызыревою, и стояли у него въ домѣ. Я у него обѣдалъ и онъ пригласилъ меня непремѣнно переѣхать къ нему изъ трактира. Вечеромъ пріѣхалъ къ Ивану Петровичу Тургеневу, который жилъ въ университетѣ и былъ его директоромъ.

Здѣсь весь вечеръ провелъ я въ самомъ пріятномъ обществѣ. Хозяинъ самъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни; съ нимъ бесѣдовали другъ бѣдныхъ—Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и лучшій поэтъ нашъ—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, которыхъ видѣлъ я первый разъ; но въ комнатахъ дѣтей его, коротко познакомившихся со мною еще въ Симбирскѣ, Андрея Ивановича и Александра Ивановича, нашелъ я многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ; помню только князя Якова Козловскаго и В. А. Жуковскаго, да пожилаго уже Максима Ивановича Невзорова.

Меня пригласили въ театръ университетскаго пансіона, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми г. Тургенева; играли драму „Добрый сынъ“, переведенную питомцами изъ Беркенева „L'ami des enfants“, и прекрасно! Актеры, переодѣтыя актрисы и полный оркестръ музыкантовъ—были всѣ пансіонные воспитанники. Зрители—бо́льшая часть родители, родственники и знакомые воспитывающихся въ пансіонѣ дѣтей у гг. Тургеневыхъ, два брата были тутъ-же въ пансіонѣ. И такъ первый день моего пріѣзда въ Москву я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ.

Въ трактирѣ ночевалъ я только одну ночь, а на другой день переѣхалъ на житье къ П. И. Комарову въ домъ его, состоящій близь Сухаревой башни, въ приходѣ Св. Троицы, въ Троицкой улицѣ.

Пріѣздъ мой въ древнюю нашу столицу былъ въ самомъ началѣ сырной недѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты: театры, маскерады и собранія наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и всѣ ихъ увеселенія.

29 января, во вторникъ, отъ Ст. Григ. Мельгунова присланъ мнѣ визитерной билетъ въ Благородное собраніе. Въ 8 часовъ вечера поѣхали мы туда въ каретѣ съ П. И. Комаровымъ, Елизаветою Матвѣевною Ратьковою и ея дочерью, дѣвицею Елизаветою Михайловною. Входъ въ освѣщенныя комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненные лучшимъ дворянствомъ обоего пола, былъ поразителенъ. Въ тотъ вечеръ до четырехъ тысячъ персонъ, собранныхъ въ одномъ домѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенныя брилліантами и жемчугомъ, составляли

для меня восхитительное зрѣлище, какимъ я никогда не наслаждался. Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елизаветы императрицы, каковы, напримѣръ, двое братьевъ—Ѳедоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и проч.

Кавалеры всѣ, безъ исключенія, въ мундирахъ со шпагами и башмакахъ, подъ пудрою. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность!.. Ежели по тѣснотѣ вы кого, или васъ кто нечаянно задѣнетъ, то всегда съ пріятною миною и уклончивостію извиняются. Французскій языкъ больше въ употребленіи, нежели русскій. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышанъ въ маскерадахъ или другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорохъ отъ движущихся массъ народа. Залъ великолѣпный и обширнѣйшій освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ въ стаканчикахъ огней. На внутреннихъ верхнихъ балконахъ вокругъ всего зала, поддерживаемыхъ множествомъ коллонъ, два оркестра музыкантовъ, одинъ инструментальный, а другой роговой музыки; а внизу, возлѣ стѣнъ, сдѣлано возвышеніе о двухъ ступеняхъ, окруженное перилами, и по обѣимъ сторонамъ мягкіе диваны, для сидящихъ зрителей. Посреди зала въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ между сидящихъ на диванахъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ другихъ комнатахъ играютъ въ карты; въ концѣ зала, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ стоялъ мраморный бюстъ Екатерины Второй, тогда безъ всякаго освѣщенія, а по вступленіи на престолъ Александра Павловича былъ всегда освѣщаемъ.

Конфекты, мороженое, лимонадъ и аршадъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ подносятъ богато-одѣтые оффиціанты съ медалями, означающими номеръ. Цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиры, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, не только русскіе, но и другихъ государствъ.

Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами, узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разъѣзда изъ собранія: это были Василій Николаевичъ и Анна Васильевна, Пановы, Ѳедоръ Михайловичъ, его дочери Капитолина и Марья Ѳедоровна Тимашевы. Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урочище дома своей квартиры; всякой день послѣ того я видѣлся съ сею почтенною женщиною. Она имѣетъ въ Москвѣ много знакомыхъ и родныхъ, мы часто ѣздили съ нею къ ея знакомцамъ на обѣды и вечера.

Чрезъ нее познакомился я коротко съ четырью домами: господъ Ладыженскихъ, Дмитрія Ѳедор. и Андрея Ѳедоровича, тетки ея, любезной старушки Анны Петровны Кроткой, урожденной княжны Волконской, Григорья Борисовича Кошелева и брата Вас. Никол., Алексѣя Николаевича и Елизаветы Борисовны Пановыхъ. У всѣхъ ихъ бывалъ я часто и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны.

Сырная недѣля доставила мнѣ случай видѣть всѣ увеселенія московскихъ жителей; всякой день были спектакли, маскерады и катанья; я былъ вездѣ. На катаньѣ нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ, возковъ и саней тянутся въ два ряда, а на Москвѣ-рѣкѣ катаются на ледяныхъ горахъ. На прощальный день, въ послѣднее воскресенье, въ маскерадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 10-ти часовъ утра, начинается денной маскерадъ, а съ 8-ми часовъ вечера—ночной. Многіе остаются въ обоихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семъ домѣ. Денной маскерадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго, потому-что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первый залъ съ прихода длинный и большой, освѣщенъ солнечнымъ свѣтомъ, изъ него входишь въ огромный круглый залъ, называемый ротонда; тамъ ночь, ни одного окна, окруженъ колоннадою, поддерживающею оркестры музыкантовъ, внизу кругомъ переходы, между каждой колонны висятъ люстры, которыхъ множество повѣшано съ потолка, сдѣланнаго куполомъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдовательно представляютъ ночь среди дня. Людей обоихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество разныхъ состояній: дворянства, купечества и иностранцевъ, одѣтыхъ въ разныя маскерадныя платья и съ разными каррикатурными масками; многіе безъ масокъ, но непремѣнно въ доминахъ или венецьянахъ и въ шляпахъ. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ нѣсколько круговъ, а по переходамъ ротонды и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты, ходятъ изъ однѣхъ комнатъ въ другія или сидятъ. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разъѣздъ и оканчивается уже часовъ въ шесть утра, когда разсвѣтаетъ. Посему можно заключить, какое бываетъ многочисленное собраніе людей и разныхъ экипажей.

Въ великой постъ уже не бываетъ ни спектаклей, ни маскерадовъ. Въ благородномъ собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлѣ (кромѣ первой и страстной недѣль), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сіи великолѣпныя и также многолюдныя собранія называютъ концертомъ. Тутъ играетъ музыка, а члены и визитёры сидятъ, ходятъ,

разговариваютъ, а большая часть играютъ въ карты. При жизни царствующаго тогда императора Павла запрещены были названія клубовъ, вмѣсто того при мнѣ было два прежніе клуба подъ названіемъ Академій, музыкальной и танцовальной. Первая для дворянства, а вторая для купечества и иностранцевъ. Въ нихъ читаютъ газеты и журналы, играютъ въ карты и на билліардѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ, иногда бываютъ и балы, на которые съѣзжаются и дамы.

Я былъ въ обѣихъ Академіяхъ визитёромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ которыхъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшаго роста, худощавъ, физіономія не взрачная, но умная и добрая. Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною Академіи, но я, бывши три раза въ сей Академіи, не видалъ его, и что еще удивительнѣе, ни въ одномъ публичномъ собраніи, ни въ театрѣ, нигдѣ не случалось видѣть сего любимаго мною писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частные домы. Два раза случалось, что я нѣсколькими минутами не заставалъ его въ домѣ Ивана Петровича Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, сказывалъ ему о желаніи моемъ съ нимъ познакомиться и обѣщалъ вмѣстѣ со мною ѣхать къ нему, однако-же за разными отвлеченіями этого не случилось до тѣхъ поръ, когда я пріѣхалъ къ нему одинъ.

Я часто бывалъ въ домахъ Ст. Григ. Мельгунова, Николая Алексѣевича Дурасова, Александра Дмитріевича Карпова, часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ; наконецъ, увидалъ и любезнаго автора—Николая Михайловича Карамзина.

Февраля 14-го числа въ четвертокъ объявлено было афишами, что первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славную ораторію г. Гайдена: Сотвореніе міра. Въ большомъ кругломъ залѣ Петровскаго театра (ротондѣ) собрано было около трехъ-сотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которыми дирижировали гг. Денглеръ и Керцелли. Кантаты и речитативы переведены были съ нѣмецкаго Н. М. Карамзинымъ. Купивши билетъ для входа (5 р. ассиг.) пріѣхалъ я въ 5 часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Александромъ Ивановичами Тургеневыми, въ ротонду; тамъ было уже большое собраніе изъ лучшей московской публики кавалеровъ и дамъ. Концертъ еще не начинался; мы ходили по залу, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говоритъ—хочу-ли я видѣть Николая Михайловича Карамзина?

Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человѣка, стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темно-зеленымъ казимиромъ. Физіономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною, ростомъ около 8 вершковъ. Я долго смотрѣлъ на него, воображалъ себѣ всѣ его творенія, какія читалъ я съ восхищеніемъ, представлялъ себѣ и то, какъ сіе милое лицо улыбалось, съ непріятнымъ ощущеніемъ читая язвительную на него сатиру въ одѣ: Въ честь моему другу [1]).

Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ-же познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ: все собраніе слушателей, которыхъ было около трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, стоялъ или сидѣлъ, тутъ всякой и остановился. Шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ, всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и пѣніемъ; я чувствовалъ пріятную гармонію, но не могу изъяснить моихъ чувствованій.

Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ у г. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23-го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ въ каменномъ домѣ портнаго Шмита, на Никольской улицѣ. Я пріѣхалъ къ нему по утру, часовъ въ 10, и нашелъ его только что возвратившагося съ утренней прогулки, которую обыкновенно дѣлаетъ онъ каждый день. Онъ встрѣтилъ меня ласково, и когда сказалъ я о себѣ, то онъ отвѣчалъ, что уже меня знаетъ по словамъ А. И. Тургенева, и читалъ мои сочиненія, напечатанныя въ двухъ журналахъ. Мы сидѣли съ нимъ въ диванной его комнатѣ, пили кофе, говорили о литературѣ, о Симбирскѣ и о старшемъ его братѣ, Васильѣ Михайловичѣ, знакомомъ мнѣ по Симбирску.

Не изъ лести, а отъ чистаго сердца я сказалъ ему, что, не зная его лично, давно уже почиталъ и любилъ его за сочиненія, которыя всегда читалъ я съ восхищеніемъ. Онъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился? Какъ старшина музыкальной академіи, предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ у него лежали напечатанные листы „Московскаго Журнала“, издаваемаго имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Книгопродавцы перепечатывали его вновь, съ позволенія издателя, и онъ самъ разсматривалъ корректуру. Вдругъ

---

[1]) Эта сатира написана Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, бывшимъ тогда куратором университета, и напечатана въ „Ипокренѣ“, 4-й части, на страницѣ 17, гдѣ всѣ его сочиненія поименованы какъ развратныя и подвергали автора опасности. Второвъ.

вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ-эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву; начали говорить по французски, и изъ разговоровъ ихъ замѣтилъ я, что они познакомились прежде во время путешествія Н. М. по Европѣ. Я, побывши нѣсколько, раскланялся и вышелъ, удостоясь его привѣтствія, чтобы посѣщать его чаще.

Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣли черезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту-же комнату; на лѣвой сторонѣ, у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, и на моемъ мѣстѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ двери, сидѣлъ хозяинъ, обвязанный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ; возлѣ его стояли два лекаря и готовились выдергивать у него больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня сими словами:

— „Извините меня, милостивый государь, видите въ какомъ я положеніи, прошу васъ въ другое время“.

Такой пріемъ огорчилъ меня и заставилъ, извинясь ему взаимно, выйти. За дверью слышалъ я, что г. Дмитріевъ спрашивалъ его обо мнѣ, не Урусовъ-ли я? Не успѣлъ я перейти еще чрезъ залъ, какъ Николай Михайловичъ выбѣжалъ за мною и, назвавъ меня по имени, извинялся, что онъ не узналъ меня, что дня чрезъ четыре онъ будетъ здоровъ, и просилъ тогда къ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявлялъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ довольнымъ. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ я не былъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ, потому что весною жилъ онъ на дачѣ, а потомъ уже женился на первой супругѣ его, урожденной Протасовой.

Московская жизнь моя въ первые дни доставила мнѣ много пріятности въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ, но для чувствительнаго сердца, существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды, была отравою одна мысль о будущей безъизвѣстности и о бѣдномъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ пышностяхъ. Позволитъ-ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ, которыми я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды въ отдаленныхъ разстояніяхъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки. Впрочемъ, гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе, когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ, и пеняютъ, что не часто къ нимъ пріѣзжаю, такъ что все-бы время моего проживанія въ Москвѣ могъ я никогда не имѣть своего обѣда, что точно и было со мною.

Часто бывалъ я въ театрѣ, въ маскерадахъ и почти ни одного благороднаго собранія не пропускалъ по визитернымъ билетамъ, всегда легко мнѣ доставляемымъ отъ почтенныхъ членовъ его, особливо посредствомъ С. Г. Мельгунова и любезной Анны Петровны Кроткой. Въ семъ собраніи, какъ я сказалъ прежде, бываетъ лучшее и блестящее общество, и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости. Здѣсь, между знакомыхъ и незнакомыхъ, наблюдательный философъ можетъ съ любопытствомъ разсматривать разныя физіономіи, изучать характеры и нравы общества, вслушиваться въ разговоры занимательные, умные и смѣшные до глупости. Много молодыхъ людей, прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва-ли не больше глупыхъ, вѣтренныхъ шарлатановъ, избалованныхъ счастіемъ и богатствомъ. Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными малтійскими орденами, выказывая свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны въ очкахъ, не для пособія зрѣнію, а для моды.

Тогда въ общія собранія иначе нельзя было появиться какъ не въ мундирѣ. Были и фраки для частныхъ домовъ, но особаго покроя въ родѣ французскихъ кафтановъ, однобортные и съ стоячимъ воротникомъ, и непремѣнно треугольная шляпа. Въ толпѣ молодыхъ щеголей я рѣдко слыхалъ умные разговоры, вотъ напримѣръ, въ Благородномъ собраніи изъ числа трехъ модниковъ, сидѣвшихъ подъ оркестромъ, одинъ лѣтъ двадцати говорилъ другимъ:

— „Я-бы теперь уже былъ полковникомъ, если-бы батюшка мой не упустилъ случая попросить NN, а онъ съ нимъ очень знакомъ“.

Въ ту минуту проходитъ мимо ихъ молодой блѣднолицый мальтійскій кавалеръ, мечтающій полковникъ вскакиваетъ съ мѣста и почтительно кланяется ему, называя вашимъ сіятельствомъ, а этотъ сіятельный едва удостоилъ его кивнуть головою и прошелъ мимо. Въ другой разъ сѣлъ я возлѣ своего знакомаго Г. Волкова, рядомъ сидѣлъ модный щеголь, съ превеликимъ жабомъ, причесанный и одѣтый довольно каррикатурно; я вслушался въ разговоръ его, онъ ропталъ, для чего такъ долго не умираетъ отецъ его, чтобъ онъ могъ располагать имѣніемъ, жить веселѣе и путешествовать за границу, „что здѣсь увидишь и узнаешь!“

— „Я недавно былъ въ Казани и въ тамошнемъ Благородномъ собраніи, гдѣ было четыре человѣка съ половиною, а нѣкоторые влѣзали на хоры смотрѣть на меня“.

Каковъ молодецъ! И подобные имъ глупцы роптали на строгость правительства, жаловались на оберъ-полицмейстера Эртеля,

за его дерзости на разныя запрещенія своевольной глупости богатыхъ избалованныхъ шарлатановъ, на треугольныя шляпы, парадныя платья и проч., и проч.

Г. Эртель человѣкъ благоразумный; онъ никогда но выходилъ изъ благопристойности, исполнялъ въ точности волю своего монарха и свою обязанность по совѣсти. Что оставалось ему дѣлать, какъ не то, какъ онъ однажды поступилъ? Это случилось при мнѣ въ Благородномъ собраніи; одинъ молодой щеголь, изъ лучшей фамиліи, одѣтъ былъ такъ каррикатурно, что воротникъ у мундира торчалъ выше головы, а жабо его галстуха закрывало нижнюю губу. Г. Эртель подходитъ къ нему и съ вѣжливостію напоминаетъ ему о непристойности такого наряда, не говоря уже о воротникѣ мундира, потому что такихъ было еще много, кромѣ его; по крайней мѣрѣ, приказываетъ ему перевязать свой галстухъ; онъ обѣщалъ исполнить, но спустя нѣсколько времени опять встрѣчается съ нимъ и въ томъ-же видѣ, и опять далъ то-же обѣщаніе. Въ третій разъ, уже спустя долго, г. Эртель замѣтилъ то-же и, подойдя къ нему, сказалъ:

— „Вы не хотите меня послушать?“

— „Да помилуйте, ваше превосходительство, со мною здѣсь нѣтъ камердинера, кто будетъ мнѣ перевязывать галстухъ?“

— „А! Такъ у васъ нѣтъ камердинера,“ сказалъ Эртель и, подозвавъ полицейскаго офицера, приказалъ взять ослушника.—Бѣднаго франта вывели подъ-руки изъ собранія. Благоразумные одабривали оберъ-полицмейстера, а глупые роптали на него.

Слухъ о кончинѣ императора Павла I.

14-го числа марта въ четвертокъ, часа въ три пополудни, во всемъ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. Сначала шептали и боялись говорить открыто, что императоръ скончался, потомъ увидали, какъ всѣ полки, стоявшіе въ Москвѣ, повели въ Кремль присягать новому императору Александру I. Я поѣхалъ въ Кремль узнать подробнѣе и на Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ, встрѣтился нечаянно съ симбирскимъ моимъ знакомцемъ, Николаемъ Андреевичемъ Дудинымъ, и въ его каретѣ поѣхали съ нимъ не въ Кремль, а на его квартиру; тутъ читалъ я и манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра Павловича. Г. Дудинъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ у Дмитрія Александровича Гурьева, и при немъ вошелъ къ нему пріѣхавшій изъ Петербурга курьеромъ князь Долгорукой, и первыя слова его были:

— „L'Empereur est mort!"

Весь день и вечеръ говорили только о сей перемѣнѣ, во всѣхъ домахъ, куда ни пріѣдешь.

На другой день, 15-го марта, было гулянье въ Кремлѣ, множество каретъ, саней, пѣшихъ и конныхъ наполняли весь Кремль. Это гулянье было издавна въ обыкновеніи и принято отъ того, что прежде ходили туда покупать вербу для будущаго вербнаго Воскресенія. Москву можно уподобить республикѣ, по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ.

Чрезвычайнымъ удивительнымъ и страннымъ показалось, что многіе изъ щеголей-шарлатановъ, какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ, были уже на семъ гуляньѣ въ круглыхъ шляпахъ, о чемъ прежде боялись и думать, потому что всѣмъ полицейскимъ служителямъ приказано было, не смотря на лица, срывать круглыя шляпы, на комъ увидятъ, и тутъ-же разрывать или изрѣзывать ихъ. Теперь полиція смотрѣла равнодушно на сей запрещенный нарядъ. Надобно сказать, что вмѣстѣ съ курьеромъ, привезшимъ извѣстіе о кончинѣ государя, пріѣхалъ и новый оберъ-полицмейстеръ въ Москву, г. Каверинъ, которому велѣно тотчасъ смѣнить прежняго г. Эртеля, кого многіе боялись, какъ строгаго блюстителя строгихъ повелѣній покойнаго государя.

Другой предметъ еще толковъ, разговоровъ, тайныхъ и явныхъ для московскихъ жителей былъ о смѣнѣ господъ оберъ-полицмейстеровъ. Каверинъ, принимая должность отъ Эртеля, требовалъ, подробнаго отчета въ денежной суммѣ, у него находившейся. Эртель не хотѣлъ дать ему и говорилъ, что суммы ввѣрены были ему отъ государя императора по секрету, а потому и отчетъ долженъ онъ дать лично новому императору. Каверинъ прибѣгнулъ съ жалобою къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ивану Петровичу Салтыкову, которому Эртель отзывался тѣмъ-же и принужденъ былъ показать ему свой отчетъ, гдѣ написаны были лица самыя знатныя и почтенныя изъ московскихъ дамъ, которыя получали большія суммы за ихъ шпіонство. Главнокомандующій съ первыхъ строкъ отчета не захотѣлъ далѣе знать сей тайны, и оправдалъ г. Эртеля.

Болѣе недѣли во-всѣхъ домахъ, гдѣ я бывалъ, только и было разговоровъ, толкованій и даже угадываній тайныхъ лицъ. Москва также славится и сплетнями, какія бываютъ въ провинціяхъ.

24-го марта былъ день Святыя Пасхи. Мы были у заутрени въ своей приходской Троицкой церкви. При концѣ службы отъ множества народа и стѣсненнаго воздуха со мною сдѣлался обморокъ, я не помню, какъ вынесли меня изъ церкви. На открытомъ

воздухѣ я опомнился и наслаждался прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ: всѣ церкви отъ подошвы до самаго верха снаружи освѣщены были плошками и разноцвѣтными фонарями, особенно глава и крестъ Ивана Великаго казались украшенными брилліантами и разными блестящими цвѣтными каменьями.

Во всю недѣлю Пасхи бываетъ здѣсь гулянье подъ Новинскимъ: множество каретъ, колясокъ и дрожекъ со зрителями туда съѣзжаются, множество пѣшихъ и конныхъ тамъ прогуливается и смотрятъ на простой народъ, качающійся на разныхъ качеляхъ, и заходятъ иногда въ балаганы, гдѣ представляютъ разные фокусы, показываютъ звѣрей и другія рѣдкости; балансируютъ на канатахъ и проч., и проч.

Наступающая весна радовала меня, что я буду имѣть много пріятности и удовольствія въ прогулкахъ по окрестностямъ Москвы. Мое здоровье, молодость и свобода позволяли мнѣ наслаждаться всѣми возможными удовольствіями въ жизни. Я имѣлъ хорошее знакомство, не было большой нужды и въ деньгахъ, потому что игралъ въ коммерческія игры довольно счастливо; любезный хозяинъ мой, Павелъ Ивановичъ, держалъ мнѣ всегда половину. Игры были тогда: бостонъ, три и три и пикетъ, а въ вистъ почти никто не игралъ, кромѣ стариковъ и старухъ. По такимъ достоинствамъ молодые люди здѣсь принимаются лучше, нежели по учености. Знатные и лучшіе дома для нихъ всегда открыты.

Правда, я бывалъ и въ такихъ домахъ, гдѣ болѣе любятъ ученость и свѣдѣнія, напримѣръ, въ домѣ И. П. Тургенева, у дѣтей котораго всегда находилъ благовоспитанныхъ, ученыхъ и скромныхъ молодыхъ людей, и наслаждался съ ними поучительною бесѣдою. Тутъ познакомился еще съ двумя умными молодыми братьями, Паисіемъ Сергѣевичемъ и Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровыми, изъ нихъ первый служилъ тогда плацъ-адъютантомъ въ Москвѣ, а другой въ Руничевомъ полку поручикомъ. Ума и остроты сего послѣдняго служитъ доказательствомъ слѣдующее: разговоръ былъ о г. Карамзинѣ, который тогда женился на первой супругѣ Протасовой. Молодые литераторы шутили надъ женитьбой философа и хотѣли, чтобы изъ нихъ кто-нибудь написалъ стихами или прозою церемоніалъ его свадьбы. Андрей Кайсаровъ на другой-же день принесъ къ Тургеневу пьесу, имъ сочиненную, подъ названіемъ: „Бракосочетаніе г. Карамзина“, гдѣ весь обрядъ свадьбы и вѣнчанія написаны собственными словами г. Карамзина, выбранными изъ его сочиненій, стихами и прозою. Шутка острая, но безвредная, надъ которою вѣрно и самъ Карамзинъ отъ души смѣялся. Вездѣ показались списки съ этой пьесы и всѣ забавлялись ею съ удовольствіемъ.

Въ началѣ 1802 года, вышедъ въ отставку, Кайсаровъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ заграницу и оба тамъ слушали лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, а возвратясь въ Россію, Андрей Кайсаровъ былъ профессоромъ въ дерптскомъ университетѣ, потомъ въ 1812 году вызвался въ петербургское ополченіе и убитъ подъ Витебскомъ.

Пріятныя и поучительныя бесѣды были также въ домахъ Семена Дмитріевича Ситникова, любезнаго и почтеннаго, умнаго старика, Григорія Борисовича Кошелева, которыхъ я любилъ и уважалъ и они меня любили. А чаще всѣхъ бесѣдовалъ въ уединеніи съ добрымъ, умнымъ и несчастнымъ слѣпцомъ Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который во всю бытность мою въ Москвѣ былъ лучшимъ моимъ другомъ, и съ которымъ по разлукѣ болѣе шести лѣтъ мы переписывались. Я обѣщалъ говорить о немъ, и вотъ часть его біографіи:

Ему было не болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, какъ я съ нимъ познакомился, но въ какомъ ужасномъ положеніи! Лицо его обезображено, огонь выжегъ глаза и волосы, кожа на лицѣ и рукахъ была ничто иное, какъ тонкая плѣна, покрывающая тѣло, еще гніющее отъ обжога; къ симъ мѣстамъ ежедневно прикладывали цѣлительныя примочки, особливо близь самыхъ глазъ; волосы на бородѣ и головѣ не растутъ уже. Кромѣ слуги, который водитъ его и прислуживаетъ ему, никто не видитъ лица его; онъ носитъ парикъ и закрываетъ лице до нижней губы; на бородѣ, вмѣсто волосъ, видна тонкая съ румянцемъ бѣлая кожица; и въ семъ положеніи онъ не только не безобразенъ для разговаривающихъ съ нимъ, но по пріятному произношенію его, по уму и свѣдѣніямъ, даже чрезвычайно любезенъ и привлекателенъ.

Ихъ три брата: старшій, Иванъ Алексѣевичъ (съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ), былъ ректмейстеромъ, тайный совѣтникъ; средній—горнымъ офицеромъ, а сей послѣдній въ молодости служилъ въ гвардіи, а потомъ въ межевой канцеляріи землемѣромъ. Лѣтъ за пять передъ симъ, какъ я съ нимъ познакомился, онъ женился на родной сестрѣ П. И. Комарова, имѣлъ свой домъ въ Мѣщанской улицѣ, и не прожилъ года съ любимою женою. Въ день имянинъ было у него много гостей, которые пировали до полуночи, и какъ скоро разъѣхались, то хозяева почувствовали въ комнатахъ запахъ дыма. Андрей Алексѣевичъ встревожился, побѣжалъ осмотрѣть, но, вышедши въ сѣни, едва не задохся отъ дыма, вдругъ пламя бросилось въ двери и загорѣлся весь домъ. Онъ въ ужасѣ прибѣжалъ опять въ комнаты, желая спасти жену свою, схватилъ

ее и понесъ на рукахъ изъ покоевъ, но выходя изъ дверей сквозь пламя не могъ вынести на дворъ, упалъ съ нею въ сѣняхъ, уже въ безпамятствѣ. Съ тѣхъ поръ онъ ничего не помнитъ и не знаетъ, что происходило. Сдѣлалась тревога, сбѣжался народъ и полицейская команда, но весь домъ и вещи, какія были въ немъ, все превратилось въ пепелъ. Ихъ вытащили уже обгорѣлыхъ, жена его лишилась жизни, а онъ едва дышалъ, не имѣлъ даже подобія человѣческаго: глаза лопнули отъ жара, волосы, лицо и руки обгорѣли, но корпусъ менѣе поврежденъ, видно потому, что на немъ было суконное платье, его перенесли въ домъ къ П. И. Комарову.

Болѣе трехъ дней онъ былъ въ безчувственномъ положеніи, оставался только признакъ жизни; между тѣмъ жену его схоронили и могила была не закрыта, въ ожиданіи его кончины, чтобы поставить и его гробъ съ нею вмѣстѣ. Благодѣтельный и искусный докторъ, г. Фрезъ, поддерживалъ жизнь его разными лекарствами. Болѣе двухъ недѣль отчаявались въ его жизни, но молодость спасла его отъ смерти и оставила надолго еще страдать отъ незаживающихъ ранъ. Здоровье его поправили, а зрѣнія лишился онъ навсегда.

Прежде, сказываютъ, онъ былъ собою прекрасный мущина, бывалъ всегда въ лучшемъ обществѣ, образованъ ученіемъ и съ обширными свѣдѣніями. Сіи качества остались въ немъ понынѣ; надобно прибавить къ тому, что, при его умѣ, онъ имѣлъ доброе, чувствительное сердце, и въ теченіи пяти лѣтъ привыкъ къ бѣдственному своему положенію, нравъ имѣлъ веселый и снисходительный. Я никогда не забуду тѣхъ пріятнѣйшихъ вечеровъ, какіе проводилъ я съ нимъ, наслаждаясь умною, поучительною его бесѣдою. О прошедшемъ разсказывалъ онъ съ горестнымъ воспоминаніемъ, но о несчастіи своемъ никогда, такъ больно было ему напоминать!.. Говоря о себѣ, всегда прибавлялъ: тогда я былъ еще живъ. Послѣ несчастія онъ отставленъ отъ службы съ полной пенсіей, жилъ въ домѣ своего шурина Комарова, имѣлъ при себѣ комнатнаго слугу и нанятаго секретаря, который читалъ ему книги и писалъ подъ его диктовку письма, подписывалъ самъ ихъ ощупью. Онъ любилъ меня, какъ искренній другъ, какъ ближній родственникъ, что доказываютъ его умныя, краснорѣчивыя письма, ихъ болѣе 20, храню я какъ рѣдкость. Я столько-же любилъ его, кажется, по сходству нашихъ чувствованій и склонности.

Теперь протекло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я прервалъ съ нимъ переписку, а разстались уже 20 лѣтъ (писано въ 1822 году).

Не знаю, живъ-ли онъ и гдѣ находится. Ежели судьба приве-

детъ меня когда въ Москву, то я найду его самого или его могилу и окроплю слезами [1]).

Въ разсѣяніи, праздности и прогулкахъ человѣкъ имѣетъ болѣе недосуговъ; я рѣдко записывалъ въ журналъ свой всѣ происшествія, со мною случившіяся, и рѣдкости, мною видѣнныя. Прекрасное время вёсны и лѣта вызывало меня на прогулки: бо̀льшую часть Москвы и ея окрестностей обходилъ я пѣшкомъ одинъ, а иногда ѣзжали вмѣстѣ съ семействомъ Елизаветы Матвѣевны Ратьковой или съ П. И. Комаровымъ въ каретѣ. Вотъ помню я нѣкоторыя прогулки:

Весною въ Кремлѣ и по набережной Москвы-рѣки. Тутъ множество бываетъ разнаго званія кавалеровъ и дамъ. Съ Воробьевыхъ Горъ любовался я видомъ всей обширной Москвы, съ ея улицами, огромными зданіями и движущимся народомъ. Зрѣлище прекрасное!.. У Симонова монастыря бывалъ нѣсколько разъ, повѣрялъ описаніе Н. М. Карамзина, искалъ хижины, гдѣ жила его „Бѣдная Лиза“, и видѣлъ только бугры и ямы, признаки бывшихъ жилищъ, видѣлъ и тотъ прудъ или небольшое круглое озеро, осѣненное березами, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза; смотрѣлъ на многія надписи, начертанныя на деревахъ по-русски и по французски; ихъ трудно было читать, и потому не могъ разобрать тѣхъ стиховъ, о коихъ мнѣ сказывалъ А. И. Тургеневъ:

Погибла здѣсь въ прудѣ Эрастова невѣста,
Топитесь, дѣвушки, и вамъ тутъ много мѣста.

Бульваръ среди города, отъ Тверскихъ до Никитскихъ воротъ, гдѣ всякій вечеръ прогуливается лучшая московская публика. Среди широкой улицы сдѣлана перспектива, болѣе версты длиною, укатанная ровно и усыпанная пескомъ; на обѣихъ сторонахъ ея, во всю длину, посажены деревья, а обѣ стороны улицы и площадь заставлены каретами пріѣзжающихъ туда для прогулки дамъ и кавалеровъ, которыхъ всегда бываетъ по нѣскольку тысячъ. Тутъ можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть на разставленныхъ по всему проспекту софахъ, а въ галлереѣ, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и оршадъ, лакомиться конфетами и мороженымъ.

---

[1]) Я былъ въ Москвѣ въ 1837 и 1839 году, и къ удивленію моему нашелъ его еще живымъ, точно въ такомъ-же темно-зеленомъ сюртукѣ и подъ зонтикомъ. Свиданіе наше было самое пріятное; прежнія раны его на рукахъ превратились уже въ какую-то твердую кору. Онъ не узналъ меня по голосу и едва вспомнилъ прошедшее; въ 70 лѣтъ память его ослабѣла; онъ попрежнему ходитъ по комнатѣ. И. А. Второвъ.

Въ воскресенье, апрѣля 21-го числа, пользуясь прекрасною погодою, поѣхалъ я съ семействомъ Е. М. Ратьковой въ поле за Тверскую заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу. Это огромный замокъ, построенный возлѣ большой дороги, верстахъ въ трехъ отъ заставы, окруженный стѣнами и башнями въ азіатскомъ вкусѣ. Дворецъ выкрашенъ подъ кирпичный цвѣтъ, съ пробѣлами. Придворный лакей показывалъ намъ всѣ внутреннія комнаты дворца. Я не сосчиталъ, сколько перешли мы всѣхъ покоевъ, скажу только, что около часа безпрестанно переходили мы изъ комнаты въ комнату. Тутъ нѣтъ никакихъ пышныхъ украшеній, кромѣ прекрасной мебели. Огромный круглый залъ, простиравшійся во всю высоту дворца съ куполомъ, украшенъ барельефами лѣпной работы, изображеніемъ всѣхъ русскихъ владѣтельныхъ князей, царей и императоровъ, отъ Рюрика до Александра I.

Близъ самой Тверской заставы, на обширномъ, открытомъ полѣ, по воскресеньямъ бываетъ чрезвычайное множество народа разныхъ состояній смотрѣть на псовыхъ охотниковъ, которые пріѣзжаютъ сюда съ наловленными зайцами и съ борзыми собаками дѣлать такъ называемые сатки, т. е. сажать пойманныхъ зайцевъ и травить ихъ собаками. Тутъ бываютъ между охотниковъ большіе споры объ отличіи своихъ псовъ, ссорятся, а иногда доходятъ и до драки.

Для меня любопытно было видѣть движеніе огромной массы людей во всѣ тѣ стороны, куда бѣгутъ зайцы, и за ними собаки, толпа людей туда-же, съ восхищеніемъ, крикомъ и восклицаніями. Тутъ глупыя дѣти, разныхъ возрастовъ, отъ 15 до 70 лѣтъ, составляютъ, такъ сказать, одну душу въ тиранскомъ удовольствіи: смотрѣть, какъ бѣдный заяцъ старается избѣгнуть мучительной смерти, какъ его схватываютъ собаки и терзаютъ зубами, какъ иногда онъ вырывается, оставляя кровавые куски плоти своей, его опять догоняютъ и оканчиваютъ страданіе ножемъ. Такое кровопійственное зрѣлище утѣшаетъ народъ. И это человѣки, одаренные умомъ и чувствами, невѣжды и просвѣщенные!

Мая 1-го числа, среда. Этотъ весенній мѣсяцъ встрѣтилъ я здѣсь съ унылыми, осиротѣвшими чувствами; вспомнилъ прошедшее время, когда въ юности моей встрѣчалъ его на утренней прогулкѣ въ полѣ, при солнечномъ восходѣ.

Послѣ обѣда хозяинъ мой, П. И., далъ мнѣ свою карету и я поѣхалъ одинъ на гулянье въ Нѣмецкіе Станы. Тамъ было до 4 тысячъ каретъ и болѣе ста тысячъ народа, разныхъ состояній. Мѣстоположеніе сихъ Становъ прекрасное, по рощамъ и долинамъ. Тутъ множество надгробныхъ камней съ нѣмецкими надписями;

вездѣ палатки, домики, галлереи и разныя увеселенія для черни; всего лучше надобно гулять тамъ пѣшкомъ или верхомъ, а сидящіе въ каретахъ подобны заключеннымъ въ клѣткахъ невольникамъ, надобно глотать пыль и ѣхать поневолѣ, гдѣ тихо, гдѣ прытко, и притомъ никто близь гулянья не можетъ остановиться или выѣхать изъ цѣпи каретъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ; полицейскіе драгуны не пускаютъ и бьютъ кучеровъ, которые отважатся своротить въ сторону. Надобно, не доѣзжая, оставить карету и выйти пѣшкомъ.

Мая 2 числа въ четвертокъ. Праздникъ Вознесенія Господня. У обѣдни былъ я въ церкви Никиты Мученика на Басманной улицѣ, гдѣ славятся лучшіе въ Москвѣ пѣвчіе г. Колокольникова и гдѣ каждое воскресенье бываетъ съѣздъ лучшей московской публики, не для моленія, но болѣе.....

Примѣчаніе. Здѣсь прерывается имѣющійся у насъ отрывокъ.

Ред.

II.

Мои воспоминанія о Казани.

За тридцать лѣтъ до сего времени (1842 г.), когда я въ первый разъ познакомился съ Казанью, положеніе города было тогда не въ такомъ видѣ, какъ впослѣдствіи. Оно измѣнялось, украшалось и опять упадало отъ разрушительныхъ пожаровъ. Прежде не было проѣзда отъ грязи по Проломной улицѣ; даже самыя лучшія части города, какъ улицы Воскресенская и Покрово-Грузинская, проѣзжающими по нихъ экипажами въ сырую погоду закидывало грязью, а въ сухое время засыпало пылью пѣшеходцевъ. Послѣ ужаснаго пожара 1815 года, уничтожившаго почти половину города, началъ онъ постепенно возрастать и поправляться, воздвигались новыя зданія, срывались крутизны горъ, засыпались овраги, мостились улицы камнемъ и сосновыми полигонами. До 1842 года нарядилась и украсилась Казань, какъ невѣста, такъ что была первымъ лучшимъ городомъ послѣ столицы; но роковой день 24 августа 1842 года разрушилъ лучшія его зданія и уничтожилъ цѣлыя улицы, превратившіяся въ чистое поле. Это извѣстно всѣмъ; многіе города и обѣ столицы приняли участіе и своими пожертвованіями способствовали казанскимъ жителямъ въ бѣдственномъ ихъ положеніи; извѣстно и то, какія пособія доставилъ сердобольный отецъ-монархъ для дѣтей своихъ, раззорившихся отъ пожара.

1812 года, января 10 числа, пріѣхалъ я въ Казань. Въ Ляцкой улицѣ былъ тогда домъ Анны Васильевны П...: кто не зналъ ее изъ старожилыхъ Казани? Кто не любилъ ее за пріятный умъ, ловкость и любезную привѣтливость въ обращеніи? Многіе и теперь помнятъ эту милую женщину. Съ ранней молодости и до старости моей она благодѣтельствовала мнѣ и моему семейству, какъ ближайшая родственница, и была мнѣ другомъ до конца жизни своей.

У ней остановился я въ домѣ, и она познакомила меня съ лучшимъ казанскимъ обществомъ, съ домами почтенныхъ Николая Михайловича и Авдотьи Сергѣевны М—П..., Катерины Алексѣевны Б..., Дмитрія Александровича и Варвары Алексѣевны Б..., Ѳедора Ѳедоровича и Анны Николаевны Ж..., Натальи Ипатовны Ю..., Ѳедора Ѳедоровича и Катерины Петровны Г..., Василья Ивановича, Николая Васильевича и Александры Николаевны Ч..., Василья Петровича и Александры Петровны Л...—

Противъ квартиры моей былъ домъ Н. И. Ю..., и первый визитъ мой сдѣланъ къ ней, какъ знакомой со мною только по перепискѣ, а къ тому я прежде познакомился съ ея сыномъ, Николаемъ Ивановичемъ. Второй визитъ былъ къ К. А. Б..., которую, какъ равно и дѣтей, никогда не видалъ, но знакомъ былъ также по перепискѣ заочно съ дочерьми ея, Варварою Александровною и Анною Александровною. Онѣ ввели меня въ комнату, гдѣ увидѣлъ я больную старуху лѣтъ семидесяти, съ азіатскимъ умнымъ лицемъ, которая сидѣла въ нишѣ на своей постелѣ; она приняла меня ласково, благодарила за небольшую услугу, мною оказанную дочерямъ ея. Пріятный разговоръ ея со мною доказывалъ высокую образованность. Мнѣ сказывали, что она была крестница императрицы Екатерины и воспитана при дворѣ ея. Третій визитъ былъ къ В. И. Ч., съ которымъ я за годъ предъ симъ познакомился на сѣрныхъ водахъ и въ деревнѣ дочери его А. В.; ко всѣмъ прочимъ ѣздилъ я вмѣстѣ съ Анною Васильевною, и ею рекомендованъ былъ; всѣми принятъ и обласканъ, какъ нельзя лучше.

Проживши двѣ недѣли въ Казани, я часто въ сихъ домахъ обѣдалъ и бывалъ на вечерахъ, но чаще всѣхъ посѣщалъ домы К. П. Г.... которая была уже знакома со мною до пріѣзда въ Казань, Д. А. Б... и В. И. Ч..., потому что обращеніе ихъ со мною было простѣе и безцеремоннѣе. Впрочемъ всѣми почтенными лицами, здѣсь означенными, я былъ обласканъ тогда, какъ заѣзжій гость. Послѣ того неоднократно пріѣзжалъ я въ Казань и пользовался ихъ гостепріимствомъ; познакомился и съ другими лицами.

Лѣтомъ и весною любовался прелестными окрестностями Казани,

осматривалъ монастыри, древности Кремля и разныя зданія, особенно университетъ казанскій, который не былъ еще доведенъ до такого совершенства, какъ нынѣ. Кабинеты: зоологическій, орнитологійскій, минеральный, нумизматическій и другіе только что начинали пріобрѣтать собранія вещей, принадлежащихъ каждому кабинету; но библіотека замѣчательна была уже рѣдкими книгами, присоединеніемъ къ ней двухъ библіотекъ, князя Потемкина и господина Полянскаго.

Попечителемъ университета былъ тогда Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, библіотекаремъ Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ. Знакомство мое съ ними и профессорами К. Ѳ. Фуксомъ, Г. Н. Городчаниновымъ и В. М. Перевощиковымъ доставило мнѣ случай видѣть всѣ рѣдкости тогдашняго университета; особливо подробнѣе разсматривалъ я во время бытности моей въ Казани, 1819 года мая 12 числа. Тогда проѣзжалъ чрезъ Казань въ Сибирь Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, вмѣстѣ съ нимъ и его сопутниками, изъ коихъ помню одного Г. Цейера, пробылъ я болѣе трехъ часовъ въ университетѣ. Всѣ комнаты и заведенія показывали тогда ему господа профессоры: Г. И. Солнцевъ, К. Ѳ. Фуксъ, П. С. Кондыревъ, баронъ Е. В. Врангель и Н. И. Лобачевскій. Особенно долго пробыли мы въ библіотекѣ, въ которой, какъ выше сказано, книги были пожертвованы княземъ Потемкинымъ Екатеринославскому училищу, отколѣ переданы въ собственность Казанской гимназіи; другія также пожертвованы той-же гимназіи г. Полянскимъ и потомъ уже поступили въ университетъ. О семъ другомъ благотворителѣ, какъ о замѣчательномъ лицѣ и какъ о казанскомъ уроженцѣ и помѣщикѣ, я скажу болѣе.

Василій Ипатовичъ Полянскій былъ родной братъ Н. И. Юшковой, человѣкъ образованный, извѣстный императрицѣ Екатеринѣ и знаменитому фернейскому философу Вольтеру. Онъ путешествовалъ по Европѣ, что въ тогдашнее время почиталось необыкновеннымъ. Выписываю о немъ изъ переписки Вольтера съ императрицею.

1) Ферней, 1771. Мая 25.

„Въ пустынѣ моей теперь находится вашъ подданный г. Полянскій, уроженецъ казанскаго вашего царства. Не могу довольно хвалить его вѣжливость, благоразуміе и признательность къ милостямъ вашего императорскаго величества. Сказываютъ, что и Аттила былъ казанскій-же уроженецъ; если это правда, то надобно полагать,

что сей бичъ Божій былъ прелюбезный человѣкъ! [1]) Я въ томъ и не сомнѣваюсь, ибо Онорія, сестра глупаго императора Валентіана III, въ него влюбилась и очень желала выйти за него замужъ".

2) Ферней, декабря 3, 1771 года.

„Господинъ Полянскій дѣлаетъ мнѣ иногда честь своими посѣщеніями; онъ приводитъ насъ въ восхищеніе описаніемъ о великолѣпіи двора вашего, о вашей снисходительности, о непрерывныхъ трудахъ и множествѣ великихъ дѣлъ вашихъ, кои вы, такъ сказать, шутя производите..... г. Полянскій имѣетъ большое желаніе увидѣть Италію, гдѣ онъ могъ-бы болѣе научиться служить В. И. В., нежели въ сосѣдствѣ къ Швейцаріи и въ Женевѣ; онъ даже ожидаетъ на то вашего повелѣнія и на сей случай щедротъ. Онъ сколько умный, столько и добрый человѣкъ, коего сердце съ истиннымъ усердіемъ привержено къ вашему величеству".

Императрица отвѣчаетъ Вольтеру въ письмѣ отъ 30-го генваря 1772 года:

„Господину Полянскому, принятому подъ ваше покровительство (votre protégé), приказала я доставить деньги для его путешествія въ Италію, думаю, что онъ получилъ ихъ въ самый сей часъ".

3) Ферней, 11-го декабря 1772 года.

„Я получилъ печальное для меня извѣстіе, что тотъ Полянскій, который, по волѣ вашей, путешествовалъ и котораго я столько любилъ и почиталъ, возвратившись въ Петербургъ, утонулъ въ Невѣ; если это правда, то я очень сожалѣю. Частныя несчастія всегда будутъ случаться, но общее благо вы устроиваете".

4) 3-го генваря 1773 года.

„Г. Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ мнѣ о томъ сказывали, но,- напротивъ, въ тихомъ пристанищѣ, и что в. в. пожаловали его секретаремъ академіи".

Императрица пишетъ къ нему отъ 20-го февраля—3-го марта нов. штиля 1773 г. [2]):

---

[1]) Si la chose est vraie, il se peut fort bien que le fléau de Dieu ait été un très aimable homme.

[2]) Вольтеръ не жаловалъ нашего штиля. Онъ говоритъ: „Votre chronologie grecque n'est pas meilleur que la notre: vous comptez vos jours par des victoires".

„Вашъ баронъ Пеллембергъ въ арміи, а г. Полянскій секретаремъ въ академіи художествъ (des beaux arts); онъ не утонулъ, хотя и часто переѣзжаетъ чрезъ Неву въ каретѣ. У насъ зимою безопасенъ бываетъ такой переѣздъ".

Кстати помѣщу я здѣсь странный анекдотъ о кончинѣ г. Полянскаго, слышанный мною отъ В. И. Чемесова, а ему разсказанный самимъ г. Полянскимъ за день до своей смерти.

Во время путешествія его по Европѣ пропало у него ружье, съ надписью на стволѣ его имени; когда онъ возвращался въ Россію, то въ небольшомъ нѣмецкомъ городѣ увидѣлъ нѣсколько экипажей у одного дома, узналъ, что тутъ жила ворожея, старая нѣмка, и изъ любопытства зашелъ къ ней. Она разливала кофейную гущу, и по фигурамъ отливавшагося кофе предсказывала своимъ посѣтителямъ будущую судьбу. Любимецъ Вольтера не вѣрилъ ни пророкамъ, ни колдунамъ, смѣялся внутренно надъ предсказаніями ворожеи, однако-жъ, загадалъ, найдется-ли пропавшее ружье его. Ворожея, разливши кофе, сказала ему, что пропавшая у него вещь найдется не прежде, какъ за три дня до его смерти.

Онъ возвратился въ Россію, жилъ въ Петербургѣ, потомъ въ Казани, забылъ о своемъ ружьѣ и о своемъ гаданіи. Спустя много лѣтъ послѣ того, когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, пріѣхалъ къ нему одинъ знакомый изъ казанскихъ жителей, возвратившійся отъ Макарьевской ярмарки, и сказалъ ему, что тамъ въ тульской лавкѣ увидалъ онъ ружье, съ подписью на стволѣ: Василія Полянскаго, купилъ его и привезъ къ нему.

Онъ вспомнилъ давно прошедшее, узналъ свое ружье и, можетъ быть, преслѣдуемый воображеніемъ или по разстроенному уже здоровью, точно умеръ чрезъ три дня послѣ находки своей.

Жаль, что нигдѣ не напечатано его біографіи. Я видѣлъ только портретъ Полянскаго, и другой Державина, казанскаго-же уроженца, которые хранятся въ библіотекѣ университета.

Обращаюсь къ моимъ „Воспоминаніямъ": пріѣзжая нерѣдко въ Казань, я пользовался учеными бесѣдами просвѣщенныхъ профессоровъ университета и бывалъ на ихъ лекціяхъ, бывалъ и на литературныхъ вечерахъ Александры Андреевны Фуксъ. Здѣсь воспитывались двое дѣтей моихъ. Я полюбилъ городъ и его почтенное общество, переѣхалъ и самъ на житье въ Казань. Теперь осталось живыхъ здѣсь изъ всѣхъ почтенныхъ людей, съ которыми я познакомился въ 1812 году, не болѣе трехъ человѣкъ, прочіе всѣ уже переселились въ вѣчность и могилы ихъ, съ надгробными памятниками, разсѣяны по разнымъ монастырямъ и на общемъ кладбищѣ.

Сколько я пережилъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, близкихъ къ моему сердцу!.. И ты, безцѣнный, лучшій другъ и благодѣтельница Анна Васильевна, покоишься на петербургскомъ кладбищѣ, Давно-ли ты заботилась обо мнѣ, какъ о ближайшемъ родственникѣ! когда я страдалъ въ Петербургѣ отъ тяжкой болѣзни, и посѣщала умирающаго почти ежедневно? Давно-ли читалъ я твои умныя, горестныя письма, въ которыхъ ты описывала свою безотрадную жизнь, потерявъ двухъ любимыхъ сыновей своихъ, одного оплакивала смерть, а другаго несчастіе, свои горести и болѣзни? Теперь ты соединилась съ ними обоими, хотя и пережилъ тебя несчастный.

Благодарныя слезы облагодѣтельствованныхъ тобою и болѣзненные вздохи о твоей кончинѣ свидѣтельствуютъ о превосходныхъ качествахъ твоего сердца. Въ продолженіе сорокалѣтняго знакомства моего съ тобою я былъ свидѣтелемъ, какъ ты помогала втайнѣ бѣднымъ, сострадала и облегчала горести несчастныхъ; но при всемъ томъ и ты имѣла своихъ враговъ при жизни! Превосходство ума и талантовъ предъ другими рождало зависть, злословіе и клевету. Добродѣтели твои приписывали къ корыстнымъ видамъ, а слабости, свойственныя всѣмъ людямъ, низкимъ порокамъ. Кто не зналъ коротко твоихъ достоинствъ, могли вѣрить злословію твоихъ завистниковъ.

Почитаю за долгъ самый священнѣйшій истиною словъ моихъ оправдать твою память. Мертвымъ не льстятъ. Они не услышатъ ни хвалы, ни порицанія. О живыхъ моихъ знакомцахъ я не смѣю ничего сказать, кромѣ душевной благодарности за ласки и благосклонность ихъ ко мнѣ.

Писано въ ноябрѣ 1842 года.

И. А. Второвъ.

Сообщ. 14-го декабря 1889 г. А. Н. Яхонтовъ.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

Печатаемые вслѣдъ за симъ „Очерки и воспоминанія“ принадлежатъ перу тайнаго совѣтника Николая Марковича Колмакова. Читатели „Русской Старины“ уже знакомы съ нѣкоторыми трудами Николая Марковича, напечатанными въ нашемъ журналѣ, начиная съ 1886 года; статьи его суть слѣдующія: „Починъ крестьянскаго дѣла въ 1857 году—разборъ записокъ Я. А. Соловьева“; „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“; „Біографія графа Виктора Никитича Панина и М. И. Топильскаго“ и, наконецъ, „Старый судъ“. Всѣ эти статьи отличаются живостью изложенія, отличною группировкою вполнѣ интересныхъ фактовъ и прочитаны были нашими многочисленными читателями съ несомнѣннымъ любопытствомъ.

Приводимъ нѣсколько данныхъ о жизни и трудахъ Н. М. Колмакова онъ родился въ 1816 году, 15-го ноября, въ м. Серединая Буда, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Отецъ его, изъ дворянъ Курской губерніи, окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и былъ перваго выпуска изъ сего университета. Авторъ очерковъ первоначально учился въ уѣздныхъ училищахъ гг. Сѣвска, Бѣлгорода и Глухова; по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1829 году, онъ, по отсутствію вакансій въ кадетскихъ корпусахъ поступилъ, по особому высочайшему повелѣнію, въ инженерную роту с.-петербургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, гдѣ и оставался по 1833 г. Засимъ въ слѣдующемъ 1834 году онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ по юридическому факультету, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1838 г.

Въ 1844 году Колмаковъ поступилъ въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ оставался по 1861 годъ, занимая мѣсто въ сенатѣ оберъ-секретаря, и въ департаментѣ начальника отдѣленія, старшаго юрисконсульта и, наконецъ, чиновника особыхъ порученій 5-го класса. Въ 1861 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николай Марковичъ вышелъ въ отставку а въ 1866 году снова былъ опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, предсѣдателемъ кіевской палаты и оставался въ этой должности по 1875 г.

Во время службы въ министерствѣ юстиціи онъ принималъ участіе въ разработкѣ многихъ проектовъ по законодательнымъ вопросамъ и въ особенности по начертанію законоположенія о мировыхъ посредникахъ, судебныхъ слѣдователяхъ и полиціи.

Проекты сіи составляли предметъ особой комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, въ составѣ коей участвовали: Я. А. Соловьевъ, Н. И. Стояновскій, К. К. Гротъ, В. А. Арцимовичъ, С. И. Зарудный и другіе.

По жизни и службѣ авторъ очерковъ былъ другомъ покойныхъ М. Н. Любощинскаго и С. И. Заруднаго.

Ред.

I.

Введеніе.—Мѣстечко Серединая Буда.—Корчемство.—Проѣздъ государя Александра Павловича чрезъ Буду.—Сѣвскъ, Дмитріевъ, Бѣлгородъ.—Наказанія въ училищахъ.—Казни по городамъ.—Проѣздъ государя Александра чрезъ Бѣлгородъ.—Графиня Чернышева.—Присяга дѣтей.—Жизнь въ Бѣлгородѣ.—Переѣздъ изъ Бѣлгорода въ Середину Буду.—Ученіе въ школѣ и игры.—С. Береза.—Семейство Атрѣшковыхъ.—Глуховское училище.—Пискуновъ.—Небесное явленіе.—Сыновья Артемія Яковлевича Терещенко: Николо, Ѳедоръ и Семенъ Терещенко.

Служебная моя дѣятельность давно кончилась, имущественныя дѣла также приведены къ концу, новаго впереди ничего не представляется, а потому душа моя невольно обращается къ прошедшему и полна воспоминаніями о минувшемъ.

Вотъ почему мнѣ пришло на мысль сдѣлать очеркъ моей жизни съ самаго дѣтства.

Руководитъ меня этимъ не изображеніе моей дѣятельности въ исключительномъ какомъ-либо смыслѣ, или похвальба самого себя, нѣтъ, мнѣ хочется описать мою жизнь, какъ она была, со всѣми ея невзгодами, и подтвердить извѣстную истину, что Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Да, Провидѣніе Божіе хранило меня при всѣхъ случаяхъ; въ него я постоянно вѣрилъ и обращался къ нему, какъ къ хранителю и защитнику моему.

Послѣдствіемъ сего было то, что бѣдный мальчикъ 12-ти лѣтъ, пришедшій почти пѣшкомъ изъ Черниговской губерніи въ Петербургъ, при обозѣ клади, учился безъ посторонней помощи, окончилъ курсъ въ университетѣ, служилъ долго и замѣтно для сверстниковъ своихъ и теперь спокойно безъ упрека совѣсти, благодаря Бога, доживаетъ свой вѣкъ, въ качествѣ землевладѣльца Волынской губерніи.

Въ послѣднее-же десятилѣтіе царствованія императора Николая и въ правленіе царя Александра II я, по своей службѣ въ министерствѣ юстиціи, сенатѣ и юго-западномъ краѣ, тоже по судебному

вѣдомству, слылъ дѣльцемъ, а потому многое мнѣ было извѣстно и шло чрезъ мои руки.

Собственно говоря, мнѣ не хотѣлось-бы говорить о самомъ себѣ, но, описывая личныя воспоминанія, нѣтъ возможности избѣжать этого, а потому прошу читателя извинить меня въ этомъ.

Итакъ, начнемъ:

Мой отецъ, Маркъ Акимовичъ Колмаковъ, былъ изъ дворянъ Курской губерніи и окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ; кажется, онъ былъ едва-ли не изъ перваго выпуска сего университета, что относится къ первому десятилѣтію текущаго столѣтія, и былъ товарищемъ отца Сергѣя Ивановича Зарудnаго, умершаго въ 1888 году, извѣстнаго юриста и писателя. Привожу этотъ фактъ потому, что чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего я жилъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ на одной и той-же квартирѣ и часто, въ бесѣдахъ своихъ, вспоминали нашихъ отцовъ.

Отецъ мой зналъ превосходно древніе языки и многія науки, въ томъ, конечно, объемѣ, въ каковомъ входили таковыя въ составъ тогдашняго университетскаго образованія. По окончаніи курса онъ служилъ сначала по учебному вѣдомству, а потомъ по министерству финансовъ. Ученики отца, которыхъ я, спустя много лѣтъ, встрѣчалъ въ Черниговѣ и Петербургѣ, помнили его и отзывались о немъ, какъ о превосходномъ, знающемъ учителѣ и наставникѣ.

Живя въ Черниговской губерніи, онъ познакомился съ семействомъ протоіерея мѣстечка Серединой Буды, Ивана Лузанова, и женился на его дочери Аннѣ. Это моя мать.

Лузановъ воспитывался въ кіевской духовной академіи, былъ извѣстенъ по своей учености, которая въ то время по преимуществу выражалась въ знаніи древнихъ языковъ и классическихъ писателей. Онъ былъ товарищемъ знаменитаго въ свое время въ Кіевѣ проповѣдника Леванды, состоялъ съ нимъ до самой смерти въ перепискѣ и оставилъ по себѣ порядочную библіотеку, свидѣтельствовавшую о его учености. Въ хроникахъ одного изъ нашихъ историческихъ журналовъ упоминается о протоіереѣ Лузановѣ, какъ объ ученомъ мужѣ. Дѣятельностію Лузанова построена въ Серединой Будѣ церковь, во имя Рождества Богородицы, по плану извѣстнаго въ прошломъ столѣтіи архитектора графа Растрелли. Имя Лузанова донынѣ красуется на внутренней стѣнѣ сего храма, при входѣ въ оный. Храмъ этотъ до сихъ поръ существуетъ и невольно привлекаетъ общее вниманіе. Протоіерей Лузановъ, какъ уроженецъ города Козельца, Черниговской губерніи, былъ близокъ къ графу Разумовскому, который родомъ тоже изъ сего-же уѣзда, села Лемеши.

Графу Разумовскому, какъ гетману, принадлежало много имѣній въ Черниговской губерніи, въ томъ числѣ и мѣстечко Серединая Буда. Этою близостію объясняется, почему въ мѣстечкѣ Серединой Будѣ выстроенъ храмъ по плану графа Растрелли, строившаго дома въ С.-Петербургѣ для графа Разумовскаго. Храмъ этотъ есть какъ будто копія съ церкви въ г. Козельцѣ, построенной также графомъ Растрелли, и чрезвычайно схожъ съ церковью Николы Морскаго въ Петербургѣ, воздвигнутою тоже имъ.

По отзыву стариковъ, сошедшихъ давно въ могилу, Лузановъ убѣдилъ графа Разумовскаго отказаться отъ крѣпостныхъ правъ на имѣніе Серединая Буда, чѣмъ и оставилъ по себѣ добрую память. Имѣніе Серединая Буда, кажется, въ числѣ прочихъ, принадлежало къ тѣмъ имуществамъ, которыя опредѣлялись на гетманскую булаву, т. е. на содержаніе самого гетмана. Въ знакъ благодарности жители Серединой Буды поднесли Лузанову наполненный червонцами золотой кубокъ, который хранится у меня до сихъ поръ.

Братъ моей матери, Павелъ, служилъ въ гвардіи, а подъ конецъ жизни былъ, кажется, сначала городничимъ въ Глуховѣ, а потомъ тамошнимъ предводителем . дворянства; женатъ онъ былъ на Елисаветѣ Михайловнѣ Марковичъ, которая принадлежала къ почетнымъ фамиліямъ Черниговской губерніи.

Второй братъ матери, Герасимъ, служилъ казакомъ при атаманѣ Платовѣ и женатъ былъ на дочери извѣстнаго въ свое время въ С.-Петербургѣ скульптора, Ивана Петровича Мартосъ. Мартосъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ; произведенія-же его до сихъ поръ украшаютъ паркъ въ Павловскѣ, Александровскую колонну въ Петербургѣ, Казанскій соборъ и многія другія мѣста.

Самъ дядя, Герасимъ Лузановъ, былъ писателемъ и даже баснописцемъ. Написанныя имъ басни были когда-то въ ходу и отличались остроуміемъ; басни эти въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость, но тѣмъ не менѣе, въ свое время, ихъ читали и восхищались. Первое ихъ изданіе, кажется, было въ г. Орлѣ и вотъ почему онѣ исчезли изъ числа книгъ, обращающихся въ книжной торговлѣ.

15 ноября 1816 года въ м. Серединой Будѣ я появился на свѣтъ Божій. Имущество моихъ родителей состояло въ небольшомъ деревянномъ домикѣ съ садомъ, огородомъ и винокурнею. Въ прежнее время въ Малороссіи всѣ имѣли право на свободное винокуренье, а потому у каждаго, мало-мальски зажиточнаго, хозяина была своя винокурня. Вино тогда составляло предметъ свободнаго

винокуренья и торговли и продавалось, сколько помню, не дороже 40 копеекъ за ведро, и не мудрено: цѣна хлѣба за пудъ тогда не превышала 10 копеекъ.

Черниговская губ., какъ извѣстно, окружена плодородными мѣстами, а потому и при бездорожьи вывозить хлѣбъ было некуда, и вотъ почему хлѣбъ, по нуждѣ, обращался въ водку, а остатками отъ винокуренья, бардой, кормили скотъ. Правомъ свободнаго винокуренья Малороссія сильно дорожила и право это было выговорено даже въ трактатахъ при соединеніи Малороссіи съ Россіею, — но время все измѣнило.

Такъ было во всей Черниговской губерніи или, лучше сказать, въ Малороссіи, но за чертой ея, въ Орловской и Курской губерніяхъ, существовала сначала казенная, а потомъ откупная продажа, гдѣ цѣна на водку превышала много разъ цѣну, чѣмъ въ Малороссіи. Мѣстечко Серединая Буда лежитъ какъ разъ на самой границѣ Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи. Разность въ цѣнѣ на водку въ Россіи и Малороссіи производила бездну неурядицъ, убійствъ и вообще преступленій. Откупщики, державшіе въ Россіи откупъ, имѣли на границѣ губерніи многочисленную стражу вооруженныхъ людей. Каждый путешественникъ и вообще проѣзжій изъ Малороссіи въ Россію подвергался осмотру и при этомъ перерывалось все, что было у него въ повозкѣ, безъ всякаго снисхожденія; но всѣ эти осмотры не останавливали русскихъ крестьянъ провозить водку въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ, а иногда цѣлыми боченками и бочками. Для этого они собирались цѣлыми толпами, вооружались чѣмъ попало: топорами, косами, дубинками, и, набравши водки, пробирались окольными путями въ мѣста русскихъ уѣздовъ; тутъ происходили встрѣчи, кровавое избіеніе или стражи, или крестьянъ, смотря по тому, кто былъ сильнѣе. Цѣлые десятки людей исчезали безслѣдно; присутственныя мѣста завалены были уголовными дѣлами по провозу водки изъ Малороссіи въ Россію. Преступленія сіи назывались корчемствомъ и правительство или, лучше сказать, чины откупнаго вѣдомства усердно служили этому дѣлу, поощряемые къ тому щедрыми взятками отъ откупщиковъ. Кстати сказать, что Орловская губернія въ былое время вообще не отличалась тишиною: разбои по дорогамъ и особенно въ Брянскихъ лѣсахъ почасту оглашались звѣрскими убійствами. Въ разбояхъ замѣшаны были даже и сами помѣщики. Да, было такое время!

Народная поговорка: „Орелъ да Кромы первые воры, а Карачевъ на поддачу, а Елецъ—всѣмъ отецъ“, слышится еще и теперь въ устахъ тамошнихъ жителей.

Въ Кіевѣ, гдѣ я теперь живу, очень много извозчиковъ изъ Орловской губерніи; разъ я напомнилъ одному изъ нихъ: а знаешь-ли, что говорятъ про Орелъ?—при этомъ напомнилъ ему поговорку: Орелъ да Кромы и т. д.

— Какъ не знать, отвѣчалъ извощикъ, у насъ ее всѣ знаютъ. Да люди-то не тѣ стали, что прежде. Вотъ оно что, прибавилъ онъ..

И дѣйствительно такъ, все проходитъ своимъ чередомъ, устраняются причины, исчезаютъ и послѣдствія.

Право Малороссіи на свободное винокуренье мало-по-малу ограничивалось и кончилось тѣмъ, что въ 1860-хъ годахъ права эти совсѣмъ уничтожены, наступила акцизная система.

Долго потомъ, да и теперь еще старые паны указываютъ на нарушеніе сихъ правъ Россіею. А было время, когда въ Малороссіи при дешевизнѣ водки откармливался скотъ, вырабатывались разныя наливки, прославившія свою родину, — и пили-же здѣсь здорово, а пьяницами не считались. Доходами отъ винокуреній многіе кормили свою семью и казались не бѣдными. Такихъ панковъ въ Серединой Будѣ, да и по другимъ сосѣднимъ мѣстамъ было не мало. Я помню семейства Долголевскихъ, Калугиныхъ, Даровскихъ и другихъ — всѣ они имѣли сыновей, которые, не смотря на скудость своихъ фамильныхъ средствъ, отправлялись въ столицу, поступали въ университетъ и впослѣдствіи оказывались полезными дѣятелями.

Вотъ почему въ 1820-хъ годахъ по присутственнымъ мѣстамъ, а въ особенности въ сенатѣ, лучшими служаками были хохлы.

Въ 1825 году чрезъ Середину Буду, по дорогѣ въ г. Таганрогъ, проѣзжалъ государь императоръ Александръ Павловичъ. Въ какихъ видахъ и почему безъ всякаго предувѣдомленія онъ выбралъ эту совершенно глухую дорогу, для жителей оной было необъяснимо, но не въ томъ дѣло. Во время проѣзда государя чрезъ мѣстечко на обывательскихъ лошадяхъ какой-то ошалѣлый мѣстный пѣтухъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ дорогу, гдѣ ѣхалъ государь, и попалъ какъ разъ подъ колесо коляски,—разумѣется, голова его отлетѣла. Видѣвшіе это ахнули и начали говорить, что это не къ добру! Впослѣдствіи времени, когда смерть государя 19-го ноября 1825 г. огласилась въ Россіи, жители Серединой Буды вспомнили происшествіе съ пѣтухомъ.

— „Это была вѣрная примѣта,—говорили простодушные будлянцы: что съ царемъ случится бѣда—такъ оно и вышло!“

Вообще Середина Буда, какъ уголокъ Малороссіи, тогда, а пожалуй и теперь, полна была разныхъ суевѣрій. Повѣрья о домовыхъ, всѣхъ возможныхъ чертяхъ, вѣдьмахъ и лѣшихъ принимались здѣсь за чистую правду.

Во время малолѣтства моего, одна наша сосѣдка, по имени Козлова, а тамъ по мѣстному называвшаяся Козлихой, слыла за вѣдьму и никакія увѣренія не могли убѣдить никого въ томъ, что это сущій вздоръ.

Всѣ отъ нея отстранялись, она и сама знала, что̀ о ней думаютъ и говорятъ, и какъ будто сознавала, да не вѣдьма-ли она на самомъ дѣлѣ? На бѣду позади ея сада было когда-то кладбище, откуда время отъ времени появлялись фосфорическіе огоньки, вотъ они-то и служили главными неопровержимыми доказательствами того, что она дѣйствительно вѣдьма и что къ ней летаютъ нечистые духи. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это была трудолюбивая женщина, но не якшавшаяся съ сосѣдями въ выпивкѣ варенухи и разныхъ наливокъ.

Пребываніе моего семейства въ Серединой Будѣ, въ началѣ моего дѣтства, было непродолжительно. Мы переѣхали въ г. Сѣвскъ, Орловской губерніи, отстоящій въ 30-ти верстахъ отъ Серединой Буды.

Г. Сѣвскъ — небольшой городокъ на рѣкѣ Марицѣ; въ немъ я помню гору съ разными провалами и ямами, наполненными человѣческими костьми. Это остатки воиновъ, павшихъ въ битвѣ, полчищъ Дмитрія Самозванца съ московскою ратью въ 1605 году. По громадной массѣ костей можно было судить о числѣ павшихъ. То было начало смутнаго времени. Тогдашніе жители едва-ли знали о томъ, что происходило за два вѣка предъ симъ.

Городъ Сѣвскъ остался мнѣ памятнымъ по нѣкоторымъ другимъ событіямъ. Сгорѣлъ винный казенный подвалъ, и такъ какъ, по тогдашнимъ понятіямъ, казенное не тонетъ и не горитъ, то всѣ сѣвскіе чиновники, служившіе по министерству финансовъ, въ томъ числѣ и мой отецъ, были подвергнуты взысканію на возмѣщеніе убытковъ казны. Вотъ по этому случаю имущество моего отца подвергнуто было продажѣ и въ числѣ этого имущества всѣ наши крѣпостные люди, кучера, лакеи и вообще дворовые, попали подъ молотокъ.

Мы, дѣти, привыкшіе къ нимъ, когда ихъ увели, плакали навзрыдъ и слезамъ нашимъ не было конца. Прошло много лѣтъ, торги эти были признаны неправильными, люди, кои были живы, намъ возвращены; но я уже былъ кончившимъ курсъ въ университетѣ и счелъ своимъ святымъ долгомъ дать имъ всѣмъ свободу.

Я радовался, что дожилъ до такого момента, но люди плакали, говоря: „Мы ваши; зачѣмъ вы насъ покидаете“. Нужно было много словъ, чтобы убѣдить ихъ принять отпускныя.

Потомъ въ г. Сѣвскѣ случилось другое событіе, оставшееся въ

моей памяти на всю жизнь. Тамъ около церкви Вознесенія былъ скатъ съ горы къ рѣкѣ, но не по прямой линіи внизъ, а дугообразный, по сторонамъ коего былъ провалъ необычайной глубины.

Старшій мой братъ, Александръ, усадилъ меня и другаго еще мальчика съ собой въ салазки и покатились по скользкому спуску. При быстротѣ бѣга и при неумѣніи управлять салазками, мы быстро покатились внизъ по прямой линіи и, въ концѣ концовъ, полетѣли въ провалы. Къ счастью, снѣгъ былъ глубокій и мы, съ высоты нѣсколькихъ саженъ, врѣзались въ него и исчезли въ немъ. Я былъ между двумя сѣдоками и удивительно, какъ я не былъ расплюснутъ при паденіи, но Богъ спасъ насъ всѣхъ—мы отдѣлались только крупными ушибами. Думали, что послѣ этого паденія я буду горбатымъ или калѣкой, но ничего этого не случилось,—я остался крѣпкимъ и здоровымъ мальчикомъ.

Въ Сѣвскѣ я уже ходилъ въ училище и на бывшемъ тамъ экзаменѣ, помню, сказалъ стихи, оставшіеся до сихъ поръ въ моей памяти. Стихи были слѣдующіе:

Къ Тебѣ, Всевышній, я взываю!
Подай, Всещедрый, мнѣ
Не то, что я желаю,
Но то, что Самъ восхощешь Ты!

Похваламъ не было конца: отецъ меня обнялъ, а мать плакала отъ умиленья; мнѣ тогда было около 6-ти лѣтъ, а теперь свыше 70 лѣтъ. Стихи сами по себѣ не важны, но то замѣчательно, какъ я ихъ удержалъ въ памяти въ теченіи столь долгаго времени.

Другое для меня сильное впечатлѣніе въ Сѣвскѣ было слѣдующее: я разъ видѣлъ, какъ одинъ маляръ, красившій куполъ одной церкви, оборвался съ веревки, за которую онъ держался, и полетѣлъ внизъ; не забуду никогда, какъ въ воздухѣ, на полетѣ, онъ дѣлалъ судорожныя движенія и какъ, наконецъ, онъ грохнулся о землю и распластался. Впечатлѣніе это такъ было сильно, что оно и теперь не изгладилось изъ моей памяти и часто во снѣ я вижу того падающаго человѣка, просыпаюсь и кричу...

А кажется, послѣ столь долгаго времени можно было забыть, но нѣтъ—помню.

Итакъ, жизнь въ Сѣвскѣ не оставила по себѣ особыхъ пріятныхъ воспоминаній.

Мы переѣхали въ городъ Дмитріевку. Это тоже маленькій городокъ, лежащій въ недалекомъ разстояніи отъ Сѣвска. Квартира наша, къ несчастью, была около самой бойни городскаго мясника;

каждый день мы слышали раздирающіе стоны разныхъ животныхъ, умирающихъ подъ ножемъ или обухомъ варварскаго мясника. Это терзало насъ всѣхъ. Рогатый скотъ, овцы и свиньи чутко слышатъ запахъ крови и вообще стенанія себѣ подобныхъ.

Городъ Дмитріевка оставилъ у меня еще другое воспоминаніе: на площади этого города выстроена была церковь, съ довольно высокою колокольнею, но не успѣли ее кончить, какъ она всею своею массою разрушилась до самаго основанія. Обстоятельство это оставило по себѣ тяжелое впечатлѣніе у жителей. Одни говорили, что будто-бы подъ фундаментомъ оказались водяные ключи, а другіе, что подъ онымъ обрѣли могилы святыхъ.

Впослѣдствіи времени, лѣтъ чрезъ 25, я проѣзжалъ чрезъ Дмитріевку и, глядя на вновь отстроенную колокольню на томъ-же мѣстѣ, я спросилъ своего ямщика: знаетъ-ли онъ, что когда-то вотъ эта колокольня упала?

— „Это правда“, сказалъ ямщикъ, „но это было давно, лѣтъ сто тому назадъ“. Тщетно я увѣрялъ его въ противномъ, онъ остался при своемъ убѣжденіи.

Но, главное, я помнилъ Дмитріевку по другому обстоятельству: здѣсь я, будучи мальчикомъ, захворалъ жестокою болѣзнею, названія которой я не знаю.

Всѣ отчаялись въ моей жизни, дошло до того, какъ мнѣ говорила мать впослѣдствіи, что даже для меня заказанъ былъ гробикъ для моего погребенія. Меня спасъ огородный лукъ: нянька моя, подъ вліяніемъ любви ко мнѣ, давала мнѣ все, къ чему протягивались мои ручонки. Лукъ былъ въ изобиліи и на глазахъ и вотъ я ѣлъ его съ пожирающею жадностію. Болѣзнь уступила и, по увѣренію докторовъ, спасеніе мое обязано этому огородному луку. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ я спрашивалъ ихъ относительно цѣлебности лука и они подтвердили то-же. Итакъ, жизнь моя была спасена и бѣдный мальчикъ, благодаря Бога, остался живъ.

Въ 1824 году семейство наше переѣхало въ г. Бѣлгородъ. Это городъ Курской губерніи и находится теперь на Харьковской желѣзной дорогѣ. Въ прежнее время, да и теперь, онъ поражаетъ взоры своею бѣлизною, и немудрено: около него находится мѣловая гора, дающая обильный матерьялъ, чтобы быть бѣлымъ. Рѣка Донецъ и другая рѣчка, кажется, Синявка, даютъ жителямъ много удобствъ. Городское училище, куда я вскорѣ поступилъ, отличалось тогда своимъ благоустройствомъ, но что возмущаетъ мои воспоминанія,—это наказанія, практиковавшіяся въ семъ училищѣ. Лѣнивыхъ учениковъ облекали въ ветхую и совершенно оборванную

солдатскую шинель, навязывали на нее разные куски бумаги и тряпки и, сверхъ того, надѣвали на голову бумажный колпакъ и въ такомъ нарядѣ, который весьма не кстати называли порфирою, водили ученика на веревкѣ по городу, преимущественно-же по базару и лавкамъ. Такое уродливое наказаніе было постоянно въ ходу и никого не смущало.

Училищныя занятія начинались обыкновенно перекличкою учениковъ, кто на лицо и кого нѣтъ. Иногда получались отвѣты на вопросъ, почему такого нѣтъ, откликомъ: сапогъ нѣтъ. Оправданіе въ неимѣніи сапогъ тогда принималось за весьма уважительное, и не удивительно: мастера сапожники не были многочисленны и часто приходилось бѣгать босикомъ, пока появятся сапоги.

Потомъ дѣлалась расправа съ лѣнивыми; учитель смотрѣлъ списки аудиторовъ о томъ, кто изъ учениковъ зналъ урокъ и кто не зналъ. Подъ именемъ аудиторовъ разумѣлись тѣ ученики, кои прослушивали уроки другихъ и дѣлали о нихъ свои отмѣтки. Надъ всѣми аудиторами былъ еще аудиторъ аудиторовъ: это былъ первый изъ учениковъ. Учитель, смотря на отмѣтки аудиторовъ, наказывалъ незнающихъ уроковъ палями, т. е. ударами линейки по ладонямъ. Это было дѣло или, лучше сказать, расправа самая обыкновенная. Думаю, что тогдашніе учителя, воспитанные сами въ подобной школѣ, не безъ удовольствія и со всею жестокостью наносили удары мальчикамъ по ладонямъ. Криковъ со стороны ихъ не было, слышно было только ласканье. Лѣнивые ученики, не знавшіе своихъ уроковъ, предъ приходомъ учителя терли свои крошечныя ладони руку объ руку до красна или, лучше сказать, до онѣмѣнія, а потомъ, когда предъ ними появлялся съ линейкой суровый учитель, быстро подставляли ему свои дѣтскія ладони. Число ударовъ зависѣло отъ учителя; кажись это, повторяю, тѣшило ихъ.

Въ недавнее время я встрѣтилъ въ Кіевѣ одного весьма почтеннаго старца, учившагося вмѣстѣ со мною когда-то въ Глуховскомъ уѣздномъ училищѣ. Мы съ ужасомъ вспоминали о такъ называемыхъ паляхъ или ударахъ линейкою по рукамъ, кои съ искусствомъ награждалъ одинъ изъ учителей, по имени Величко.

Я самъ старецъ, бывшій аудиторъ-аудиторовъ, подвергся этой-же пыткѣ, но не за незнаніе уроковъ, нѣтъ, а потому, что ученики въ классѣ, бывшіе подъ моимъ надзоромъ, нашумѣли и вотъ въ этотъ разъ я подвергся сему наказанію. Ладони мои послѣ ударовъ были красны и точно какъ будто ихъ кололи тысячами иголокъ. Все это я помню, какъ будто вчера случилось.

Да, было время, наказывали безъ сожалѣнія и звѣрски. Впро-

чемъ, казни и вообще тѣлесныя наказанія въ прежнее время были заурядным дѣломъ.

Всякаго рода учебныя заведенія и торговыя площади, гдѣ производились, по обыкновенію, казни уголовныхъ преступниковъ, потомъ полковыя ученія на улицахъ, гдѣ солдатъ послѣ и во время ученія тутъ-же наказывали по произволу командира то палками, то палашами, почасту оглашались крикомъ: „помилосердствуйте, кто въ Бога вѣруетъ!“

И все это кончилось съ указомъ блаженной памяти милосерднаго императора Александра II, 17-го апрѣля 1863 года!

Да, велика заслуга этого государя предъ человѣчествомъ уничтоженіемъ тѣлесныхъ казней!

Событіе это еще недостаточно оцѣнено у насъ и только недавно маститый князь Н. С. Голицынъ („Русская Старина“, апрѣль мѣсяцъ 1890 г.) посвятилъ этому предмету прекрасную прочувствованную статью; при этомъ скажемъ, что первая записка объ отмѣнѣ тѣлесныхъ истязаній, послужившая началомъ обсужденія сего предмета, принадлежитъ князю Николаю Алексѣевичу Орлову („Русская Старина“, 1881 г., томъ XXXI, стр. 75—102).

Читая все это, нельзя не удивляться терпѣливости сносившихъ казни и любви въ старину властей къ нимъ.

Въ прежнее время, по городамъ, обыкновенно передъ казнію, барабанщикъ, съ извѣстнымъ числомъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу и барабанилъ, давая тѣмъ знать, что на площади будетъ совершаться казнь. Я говорю о гражданскихъ казняхъ. Народъ бѣжалъ на площадь и его очамъ представлялось слѣдующее: деревянный станокъ, называемый кобыла, приспособленный такъ, чтобы преступникъ могъ быть связанъ по рукамъ и ногамъ, въ полустоячемъ положеніи; около него стоялъ палачъ или, какъ его именовали въ Малороссіи, катъ, съ кнутомъ въ рукахъ.

И вотъ, по прочтеніи приговора, онъ, отступая отъ станка нѣсколько шаговъ, потомъ быстро приближаясь къ наказуемому, который былъ съ открытою спиною, наносилъ ему со всего размаха удары. Раздавались стоны и народъ имъ болѣзненно вторилъ.

Чѣмъ оправдать такія казни?

Ничего другаго нельзя сказать, какъ то, что было такое время.

Если принять во вниманіе, что только дворяне и купцы первыхъ двухъ гильдій избавлены были отъ сего позорнаго наказанія, то можно себѣ вообразить, какъ многочисленны были по городамъ такія казни. Сводъ нашихъ уголовныхъ наказаній до изданія

уложенія 1845 г. по преимуществу состоялъ въ присужденіи извѣстнаго числа ударовъ плетей или кнута.

Помню, иногда катъ съ разрѣшенія властей, при особой стражѣ, ходилъ по городу и въ особенности около лавокъ; лавочники съ трепетомъ въ рукахъ и отвращеніемъ въ лицѣ кидали ему монеты въ подставленную шапку, молясь, вѣроятно, въ душѣ: Боже, избавь меня отъ его рукъ! — Вотъ эти сцены поражали меня въ дѣтствѣ, чего, конечно, я никогда не забуду.

Но будемъ продолжать далѣе. Лѣтомъ 1825 года императоръ Александръ I, при проѣздѣ въ Таганрогъ, посѣтилъ г. Бѣлгородъ. Коляска его была желтая, это былъ любимый цвѣтъ его царствованія, а при императорѣ Николаѣ цвѣтъ этотъ замѣненъ синимъ.

По пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, государь прямо направился въ женскій монастырь, гдѣ въ то время жила на старости лѣтъ двора Екатерины II-й штатсъ-дама, воспріемница его, императора Александра, отъ купели, — Анна Иродіоновна Чернышева—супруга генералъ-фельдмаршала графа Захарія Григорьевича Чернышева. О ней въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. II, и 1874 г., т. XI, помѣщены любопытныя свѣдѣнія; но независимо отъ сего, въ зрѣлыхъ лѣтахъ я слышалъ о ней нѣсколько анекдотовъ изъ устъ ея родственницы графини Софіи Владиміровны Строгоновой, умершей въ 1845 году. По ея описанію — Анна Иродіоновна была иногда богомолка, а иногда грозная и своенравная женщина. Она умерла въ Смоленскѣ въ 1830 г., 85 лѣтъ отъ роду, и погребена въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ.

Зимою того-же года жители города Бѣлгорода встрѣчали уже государя Александра мертваго: печальная колесница его направлялась изъ Таганрога въ Петербургъ, а гробъ съ останками его поставленъ былъ въ мѣстномъ соборѣ.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ сего, жители г. Бѣлгорода, а равно и ученики мѣстнаго училища, не смотря на ихъ малолѣтство, присягали императору Константину Павловичу, а немного спустя— насъ, учениковъ, снова повели въ церковь присягать императору Николаю Павловичу. Само собою, мы не понимали этой перемѣны; насъ, мальчугановъ, привели въ церковь, поставили предъ алтаремъ, велѣли поднять кверху два пальца правой руки и повторять вслѣдъ за священникомъ слова присяги. Теперь причина перемѣны въ престолонаслѣдіи ясна, а тогда была очень темною. Немудрено, что, такъ называемые, декабристы воспользовались этимъ и погубили массу невинныхъ солдатъ, говоря, что цесаревича Константина заставили насильно отказаться отъ престола.

Жизнь моей семьи въ Бѣлгородѣ была безъ особаго достатка.

И вотъ среди такой скудной обстановки отецъ мой, почти скоропостижно, умираетъ 28 января 1827 года, успѣвъ только, за нѣсколько часовъ до смерти, помолиться вмѣстѣ съ нами Богу и благословить насъ.

Мы остались сиротами. Къ счастію, мы, какъ дѣти, не чувствовали тяжкаго этого положенія; но поистинѣ можно сказать: свѣтъ не безъ добрыхъ людей! явились какія-то лица, вѣроятно, товарищи по службѣ отца, распорядились его похоронами, а насъ троихъ отправили съ старою нянькою къ матери въ Середину Буду, снабдивъ на дорогу самымъ необходимымъ.

Въ тотъ самый годъ, день и часъ, когда отецъ въ г. Бѣлгородѣ испускалъ свой послѣдній вздохъ, въ Петербургѣ у Полицейскаго моста, въ домѣ Строгонова, родился младенецъ, князь Александръ Васильевичъ Голицынъ. Это былъ сынъ княгини Аглаиды Павловны Голицыной, рожденной графини Строгоновой.

Впослѣдствіи времени я былъ приглашенъ къ нему въ качествѣ первоначальнаго учителя, а потомъ, по окончаніи мною университетскаго курса, сдѣлался уже его наставникомъ.

Такое положеніе дало мнѣ возможность обставить всю мою жизнь и обезпечить мою семью возможнымъ благополучіемъ.

Да, Господь Богъ милосердъ былъ ко мнѣ.

Можно думать, что все это было дѣло случая; пожалуй, но случай этотъ ниспосланъ былъ Господомъ Богомъ, по Его милости и милосердію ко мнѣ, и въ этомъ я вижу Провидѣніе Божіе.

Путешествіе изъ Бѣлгорода въ Середину Буду продолжалось нѣсколько дней. На пути, въ лѣсахъ, намъ повстрѣчался человѣкъ свирѣпый на видъ и весьма невзрачный. Онъ повелительно остановилъ насъ, задалъ намъ нѣсколько вопросовъ, кто мы и откуда, осмотрѣлъ нашу скудную обстановку и наши испуганныя дѣтскія лица, попросилъ хлѣба и денегъ и отпустилъ насъ съ Богомъ. Разумѣется, все ему дано было, что онъ просилъ, и самая передача совершалась трепетными нашими дѣтскими руками.

Послѣ ямщикъ съ испугомъ объявилъ намъ, что это былъ, навѣрно, разбойникъ, но побоялся Бога и не зарѣзалъ насъ, дѣтей.

Вспоминая это событіе, я видѣлъ въ немъ новое проявленіе милости Божіей. По пріѣздѣ въ Середину Буду, матушка поручила мое дальнѣйшее обученіе одной барышнѣ, по имени Надеждѣ Михайловнѣ Подобѣдовой. Но увы, я, бывши въ Бѣлгородскомъ училищѣ, едва-ли не болѣе зналъ моей воспитательницы. Обученіе мое у ней ограничивалось тѣмъ, что она, раскрывъ какую-либо книгу,

задавала мнѣ прочесть изъ нея, говоря: отсюда — досюда. Само собою это, при умѣніи читать бойко и быстро, не составляло для меня никакого труда. Она обучала и другихъ мальчиковъ; ея квартира была чѣмъ-то въ родѣ школы; насъ, мальчиковъ, было человѣкъ десять. Къ ней мы являлись рано утромъ, поѣвши сначала хорошо дома. На дорогу матушка снабжала меня разными съѣдомыми продуктами, въ родѣ яицъ, хлѣба, огурцовъ и кіюшокъ или кукурузы.

Вотъ этими продуктами набивши карманы шароваръ, мы являлись въ школу Надежды Михайловны. Ученіе наше начиналось и продолжалось чтеніемъ вслухъ, во всю гортань, заданныхъ уроковъ. Намъ казалось, что мы, читая громко, вовсе не мѣшаемъ другъ другу и что наши уши не были оглушены общимъ гамомъ. Чтеніе состояло въ повтореніи одного и того-же заданнаго урока.

Часовъ въ школѣ не было,— мѣриломъ времени служилъ гвоздь, воткнутый въ подоконникъ: это было что-то въ родѣ солнечныхъ часовъ. Тѣнь отъ гвоздя, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по ходу солнца, служила указаніемъ времени. Всѣ мы зорко слѣдили за тѣнью отъ гвоздя и вдругъ, съ неописанною радостію, ближайшій къ мѣрилу времени ученикъ кричалъ: вже. Это значило, что тѣнь отъ гвоздя дошла уже до замѣтки, т. е. времени завтрака. Ученіе быстро прекращалось; мальчики, вскочивъ изъ-за скамеекъ, быстро доставали принесенное ими съѣдомое и пожирали,—затѣмъ начинались игры: кувырканье, борьба другъ съ другомъ, игра въ шаръ, мячъ и бабки. Эта послѣдняя была что-то въ родѣ азартной игры

Ловкіе мальчики, къ коимъ я и себя безспорно причислялъ, выигрывая у другихъ бабочныя кости и тутъ-же продавая, скопляли тѣмъ капиталы изъ нѣсколькихъ грошей, а иногда и цѣлаго мѣднаго пятака, или много, много десяти копеекъ. Тѣмъ не менѣе взоръ счастливца игрока мальчика сіялъ неописанною радостію, когда въ карманѣ своихъ шароваръ онъ ощупывалъ нѣсколько выигрышныхъ грошей. Игра эта мнѣ въ особенности задалась, и я, дѣйствительно, обладалъ ею въ совершенствѣ. Промаховъ почти не было и правая моя рука наловчилась съ дѣтства до того, что я и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и даже до сего времени чувствую крѣпость и ловкость въ ней.

Увѣряю, что въ теченіи многолѣтней моей жизни мнѣ по разнымъ дѣламъ случалось зарабатывать и класть въ свой карманъ даже тысячи рублей, но я не былъ такъ радъ, какъ тогда, когда выигрывалъ въ дѣтствѣ нѣсколько грошей въ бабки. Такъ времена перемѣнчивы.

Я не знаю другой игры, болѣе распространенной въ Россіи,

какъ игра въ бабки. Эту игру между русскими мальчиками можно встрѣтить вездѣ: и въ столицахъ, и въ городахъ, и по деревнямъ. Скажу болѣе, что, бывши въ Петербургѣ и служа тамъ по Министерству Юстиціи, въ чинѣ чуть-ли не статскаго совѣтника, я позади Казанскаго собора случайно увидѣлъ цѣлую толпу мальчиковъ, игравшихъ въ бабки. Смотря на нихъ, я невольно вспомнилъ былое, остановился, вмѣшался въ ихъ говоръ и условился съ ними такъ: если я дамъ промахъ,—плачу имъ гривенникъ, а если собью съ кона бабки, то выдеру за чубъ кого-либо изъ нихъ. Условіе принято. Каждый изъ нихъ совалъ мнѣ въ руки свой битокъ; я взялъ его сначала у одного, потомъ у другаго и кончилось тѣмъ, что мнѣ пришлось, разумѣется шутя и съ любовію, выдрать за чубъ многихъ изъ нихъ и только для потѣхи я сдѣлалъ нарочно нѣсколько промаховъ и заплатилъ мальчикамъ условленные гривенники, чѣмъ они, конечно, остались крайне довольны, а въ головѣ моей промелькнуло цѣлыхъ 30, если не болѣе, лѣтъ. Пожалуй кто-либо, видя меня играющимъ въ бабки, причислилъ бы меня къ сумасшедшимъ, но это было только живое воспоминаніе дѣтства.

Ученіе мое у Подобѣдовой продолжалось около года, а между тѣмъ въ это время многіе изъ насъ, учениковъ, кончали свои книги. Обстоятельство это сопровождалось непремѣнно особымъ празднествомъ.

Родители окончившаго книгу приносили въ школу горшокъ медовой каши, съ нѣсколькими воткнутыми въ нее мѣдными монетами; все это ставилось на столъ къ учительницѣ и всѣ ученики коштовали или пробовали ложкою эту кашу, поздравляя и учительницу, и ученика. Этотъ обычай, кажется, былъ общимъ въ Малороссіи и едва-ли онъ не существуетъ и до сихъ поръ, особенно въ школахъ у дьячковъ и священниковъ.

Мнѣ не привелось, однако-жъ, приносить медовую кашу къ ней, такъ какъ я читалъ всѣ русскія книги одинаково бойко, безъ всякаго приготовленія.

Я оставилъ школу Подобѣдовой; тетушка моя, сестра матери моей, Марія Ивановна Атрѣшкова, жившая въ селѣ Берёзѣ, что около города Глухова, взяла меня къ себѣ. Семью ея и вообще домъ, по своей обстановкѣ, я считалъ барскими.

Марія Ивановна имѣла четырехъ сыновей. Одинъ изъ нихъ, Наркизъ Ивановичъ Атрѣшковъ, извѣстенъ былъ, въ свое время, въ Петербургѣ, 1830—1860 гг., по своей суетливости, изобрѣтенію разныхъ нововведеній, изданію журналовъ общеполезныхъ свѣдѣній и сочиненій Пушкина по смерти его, пріобрѣтенію Батошевскихъ

имѣній и, наконецъ, отчасти по учрежденію „Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита“. О немъ даже Пушкинъ при жизни упоминалъ, но только умышленно коверкалъ его имя, называя его Отрыжковымъ („Сочиненія Пушкина“, изданіе г. Суворина, книга VIII, стр. 387).

Атрѣшковъ, дѣйствительно, прославившаяся личность, однако-жъ—не въ хвалебномъ смыслѣ, а въ обратномъ.

Когда-нибудь о немъ мы разскажемъ особенно, а теперь, упомянувъ, что онъ умеръ въ крайней бѣдности, будемъ продолжать свою исторію.

Марія Ивановна Атрѣшкова, кромѣ сына Наркиза, имѣла еще трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Одну изъ нихъ называли Елизаветой и вотъ подъ ея-то ближайшее вѣдѣніе я и поступилъ.

Дѣвушка эта, преисполненная романтизма, занялась въ особенности мною,—я въ самое короткое время прочелъ съ нею всѣ тогдашніе романы, бывшіе въ домѣ тетушки, а равнымъ образомъ изучилъ и пѣсни того времени. Романъ „Викторъ“ или дитя въ лѣсу; пѣсни „Гусаръ, на саблю опираясь“ и другія, все это было разучено. Однимъ словомъ, мы читали, восхищались, вздыхали, глядя на луну, дѣлали свои лица блѣдными, выпивая для сего порядочныя дозы уксуса, и щурили глаза. Румяный цвѣтъ лица тогда былъ не въ модѣ. Я, разумѣется, самъ, бывши 12-ти лѣтъ, не сочувствовалъ всему этому, но невольно долженъ былъ подражать Елизаветѣ Ивановнѣ. Загорѣлое отъ солнца лицо тогда считалось признакомъ мужицкой натуры и дурнаго воспитанія, поэтому лицо мое Елизавета Ивановна иногда приказывала мыть сывороткой и огуречнымъ разсоломъ. Часто мнѣ хотѣлось отъ нея шмыгнуть къ мальчикамъ или на конюшню къ лошадямъ; иногда это удавалось, но она настойчиво требовала, чтобы я былъ около нея. Съ меня она брала письменныя и словесныя клятвы о томъ, что я не буду убѣгать отъ нея; разумѣется, клятвы безпрестанно нарушались и натура мальчика брала свое.

Въ 1828 году чрезъ с. Березу проходили въ турецкую войну гвардейскіе гусары. Гг. офицеры сочли своимъ долгомъ посѣтить домъ тетушки и очаровать моихъ кузинъ Атрѣшковыхъ. Помню—въ числѣ гусаръ былъ одинъ изъ Муравьевыхъ. Все время стоянки въ селѣ Березѣ гусары почти не выходили изъ дома тетушки. Музыка, пѣсни, романсы, писаніе стиховъ въ альбомы, обѣщанія извѣщать съ дороги, намеки на теплую дружбу и любовь—все было въ ходу. Наконецъ, настало время разлуки; гусары удалились, кузины мои загрустили и зачитывались стихами, оставленными имъ

въ альбомахъ, даже втихомолку вздыхали и плакали и что-то про себя писали. Я, мальчикъ, за время стоянки гусаръ былъ забытъ моею Елизаветою Ивановною. Долго потомъ мои барышни не забывали гусаръ, вспоминая и разбирая между собою: кто изъ нихъ былъ лучше и красивѣе; всякая хвалила своего избраннаго.

Кузинъ этихъ давно нѣтъ на свѣтѣ, остались дѣти ихъ и внуки, но я не забылъ ихъ и помню разсказанное мною, какъ будто недавно все это случилось.

Лѣтъ сорокъ послѣ сего, я, проѣздомъ изъ Глухова въ с. Локотки, заѣзжалъ въ с. Березу и само-собою я, съ замираніемъ сердца, подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ была усадьба Атрѣшковой; моимъ глазамъ представилось слѣдующее: вмѣсто обширнаго дома была куча мусора, такъ какъ домъ ея сгорѣлъ до тла лѣтъ десять предъ симъ,—и только въ одномъ углу бывшаго двора стояла полуразрушенная небольшая избушка.

Я вошелъ въ нее. Тамъ сидѣлъ старецъ. „Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ я его.—„Микита,“ отвѣчалъ онъ.—„А, ты былъ кучеромъ у Марьи Ивановны Атрѣшковой?“—„Да,“ сказалъ онъ, устремивъ на меня пытливый свой взоръ.—„Ты меня не знаешь?“ продолжалъ я, „а помнишь-ли Миколашу-панича, котораго ты возилъ въ Глуховъ въ классы? Вотъ я и есть Миколаша, посмотри-ка хорошенько,—авось узнаешь“. Микита испуганными глазами началъ въ меня всматриваться, потомъ, схвативъ мои руки, припалъ къ нимъ устами и началъ горько навзрыдъ плакать. Скажу, что я и самъ былъ тогда уже сѣдой, а, вспоминая минувшее, заплакалъ вмѣстѣ съ Микитой слезно. Мы обнялись и разстались.

Засимъ я побывалъ на могилѣ Маріи Ивановны, поклонился ея праху и поѣхалъ далѣе.

Глуховское уѣздное училище въ мое время ничѣмъ не отличалось отъ Бѣлгородскаго училища: то же задаваніе уроковъ ученикамъ отсюда—досюда по книгамъ, безъ всякаго объясненія со стороны учителя, тѣ же наказанія по рукамъ линейкою практиковались и въ Глуховѣ. Но здѣсь были, однако-жъ, и свои особенности: это поднесеніе учениками учителямъ подарковъ послѣ каждаго каникулярнаго времени и праздниковъ. Каждый ученикъ мало-мальски состоятельныхъ родителей, являясь въ училище, непремѣнно заходилъ къ учителю на домъ и подносилъ ему подарки, говоря: „вотъ это отъ папеньки или маменьки, или отъ дяди“ и т. п. Подарки состояли преимущественно въ разной живности: одинъ подносилъ пѣтуха, другой — курицу, индюшку и т. д. Все это впускалось въ комнату, гдѣ жилъ учитель, и служило залогомъ преуспѣянія ученика въ будущемъ въ наукахъ.

Экзамены въ Глуховѣ были торжественны; собирались родители и интересующаяся публика. Ученикамъ задавались мудреныя задачи, по преимуществу изъ ариѳметики, такъ, напримѣръ, я помню задачу изъ одного ариѳметическаго учебника въ стихахъ; она начиналась такъ: „Одной новопріѣзжей французской мадамѣ вздумалось цѣнить свое богатство въ чемоданѣ". Затѣмъ исчислялись ея наряды, въ томъ числѣ какое-то фуро и т. д., и упускались только нѣкоторыя вещи изъ ея нарядовъ, стоющія копейки. Требовалось опредѣлить всю сумму и по частямъ. Ученики, изучившіе эту задачу, заблаговременно, быстро и съ улыбкой ее разрѣшали, чѣмъ въ особенности приводили въ восторгъ своихъ родителей.

Все это возбуждало смѣхъ въ публикѣ, а національное чувство при насмѣшкѣ надъ француженкой, льстило самолюбію русскихъ матерей.

Извѣстная задача: летѣло стадо гусей, а на встрѣчу ему одинъ гусь, также была предметомъ изумленія публики.

Преподавался въ училищѣ нѣмецкій языкъ, изученіе котораго ограничивалось знаніемъ членовъ: der, die, das и глаголовъ ich liebe; предъявлялись на экзаменъ и рисунки, состоявшіе въ изображеніи глазъ, ушей, носа и ногъ, но цѣлаго лица или корпуса человѣка не обрѣталось,—это было выше знанія учителя рисованія.

Помню, въ мое время (1828 г.) смотрителемъ училища былъ Казанскій, учителемъ ариѳметики Алексѣй Филипповичъ Величко, а попечителемъ Александръ Михайловичъ Марковичъ, бывшій впослѣдствіи (1832—1838 гг.) губернскимъ предводителемъ дворянства.

Самъ я въ Глуховскомъ училищѣ былъ въ родѣ главнаго репетитора и назывался аудиторъ аудиторовъ. Я каждый день прослушивалъ аудиторовъ, которые въ свою очередь слѣдили за уроками другихъ учениковъ. Учитель просматривалъ списки и затѣмъ, вооружась линейкою, снабжалъ ладони лѣнивыхъ учениковъ палями. Однимъ словомъ, повторялся обиходъ Бѣлгородскаго училища.

Знаніе мною ариѳметики обратило на себя вниманіе учителя Величко, онъ предложилъ мнѣ быть въ его пансіонѣ въ родѣ репетитора его учениковъ. Мнѣ было 12 лѣтъ и само-собою я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и поселился у него.

Прежде-же сего я жилъ въ квартирѣ у купца Ѳомы Павловича Пискунова. Фигура его была замѣчательна: это былъ невообразимый толстякъ; жена его, по своей корпораціи, была совершенная ему пара; руки свои они носили не иначе, какъ на животѣ. Пискуновъ торговалъ хлѣбными продуктами и всякимъ зерномъ; скупая продукты

въ осеннее время, когда все было дешево, и продавая оные зимою и по веснѣ, онъ нажилъ себѣ значительное состояніе. Я помню, у него видѣлъ весьма порядочной величины сундукъ, наполненный серебряными рублями.

Бывало, онъ отворитъ сундукъ и, показывая мнѣ монеты, говоритъ: бачишь, хочешь? и увидѣвъ мою утвердительную улыбку, произносилъ: а другаго не хочешь? Подъ другимъ онъ разумѣлъ не совсѣмъ удобное слово для употребленія въ печати. То же самое бывало и съ медомъ или съ саломъ: показывая мнѣ ложку мёду или кусъ сала, говорилъ: хочешь? — а затѣмъ: а того не хочешь? и т. д. Были и варіаціи шутокъ Ѳомы Ивановича. Иногда онъ настойчиво требовалъ, чтобы я непремѣнно протянулъ къ нему руку, для полученія отъ него монеты, но лишь только я протягивалъ свою руку къ его рукѣ, какъ кулакъ его превращался въ кукишъ, поднесенный имъ къ самому моему носу. Очевидно, Ѳома Павловичъ былъ большой шутникъ или комикъ своего рода.

Каждое утро, вставая, онъ начиналъ свой день чтеніемъ вслухъ житія святыхъ и, слушая его, я познакомился смолоду съ чудесами святыхъ угодниковъ.

У него была дочь Меланія и сынъ Григорій; послѣдній былъ дурковатъ, а дочь—чувствительная и толстая дѣва. Къ несчастію, она была малограмотна и на бѣду влюбилась въ какого-то парня. Получивъ отъ него любовную цидульку, ей нужно было отвѣтить ему; что дѣлать? она обратилась ко мнѣ и я, подъ ея диктовку, написалъ нѣжный отвѣтъ.

Переписка эта вскорѣ была обнаружена отцомъ; я получилъ строгій выговоръ, но сама она подверглась болѣе внушительнымъ вразумленіямъ. А чрезъ нѣсколько дней ворота дома моего Ѳомы Павловича оказались вымазанными дегтемъ: это по обычаю хохловъ означало, что домъ его обезчещенъ. Можетъ быть, это было дѣло негодяя и гнусной клеветы, но тѣмъ не менѣе обстоятельство это крѣпко огорчило моихъ хозяевъ, супруговъ Пискуновыхъ.

Я переѣхалъ на квартиру Величко; у него былъ пансіонъ, учились дѣвочки и мальчики, послѣдніе ходили въ классы, а дѣвочки оставались дома и брали уроки. Здѣсь, кромѣ научныхъ предметовъ, обучали танцамъ. Одинъ изъ танцевъ назывался митродура, а казачекъ былъ въ большомъ ходу.

Глуховъ въ 1825 году былъ малымъ городкомъ. По самой главной улицѣ были развалины нѣкогда малороссійскихъ коллегій, оставшихся отъ упраздненнаго гетманства; церковь Троицы, какъ и нынѣ, была любимымъ храмомъ этого города.

Сами жители были очень религіозны, соблюдали строго посты и вѣрили всѣмъ знаменіямъ и примѣтамъ. Разъ зимою въ 1828 г., надъ самымъ Глуховымъ, на небѣ виденъ былъ радужный большой кругъ, въ срединѣ его ясный полный мѣсяцъ и отъ него лучами образовался, широкими полосами, громадный крестъ, а по сторонамъ круга, въ углахъ креста, видны были четыре огненныхъ большихъ шара.

Всѣ жители города выбѣжали съ испугомъ на улицу, стали на колѣни, падали ницъ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, заголосили навзрыдъ, полагая, что пришелъ конецъ міра и вотъ, вотъ Ангелъ Божій вострубитъ въ рогъ, призывая грѣшниковъ стать ошую, а праведниковъ одесную. Былъ общій раздирающій плачъ. Ревѣли и мы, дѣти. Небесное это явленіе продолжалось около часу и затѣмъ, мало по малу блѣднѣя, исчезло. Жители, измученные страхомъ, не скоро успокоились: молились всю ночь и на другой день правили молебны о Божескомъ милосердіи, ожидая печальныхъ событій.

Немудрено, была турецкая война.

Явленіе это осталось надолго въ памяти жителей города Глухова и еще недавно въ г. Кіевѣ я вспомнилъ объ этомъ съ однимъ моимъ сверстникомъ, видѣвшимъ тоже это знаменіе. Онъ глубоко вѣрилъ, что это было чудное, Божеское явленіе, предвѣщавшее народное бѣдствіе, но теплыми молитвами вѣрующихъ жителей г. Глухова оно было отклонено.

Одинъ только учитель А. Ф. Величко, знатокъ ариѳметики и физики, объяснялъ это явленіе законами отраженія лунныхъ лучей въ сгущенной зимней атмосферѣ, но ему никто не вѣрилъ, называя его безбожникомъ.

Насталъ 1829 годъ и мнѣ представилась возможность отправиться въ Петербургъ.

Въ заключеніе о г. Глуховѣ скажу, что изъ среды его вышли замѣчательныя личности, именно дѣти Артемія Яковлевича, сыновья Никола, Ѳедоръ и Семенъ Артемьевичи Терещенко.

Отецъ ихъ, Артемій, былъ скромный торговецъ хлѣбныхъ продуктовъ и крестьянскихъ принадлежностей, но сыновья, въ особенности Никола и Ѳедоръ Артемьевичи, въ теченіи четырехъ съ небольшимъ послѣднихъ десятилѣтій, изъ скупщиковъ хлѣба и сахара возросли до небывалыхъ размѣровъ крупнѣйшихъ торговцевъ, землевладѣльцевъ, заводчиковъ, благотворителей и, наконецъ, любителей и покровителей искусствъ. Никола Артемьевичъ былъ мой сверстникъ, ибо воспитывался со мною въ Глуховскомъ училищѣ въ одно и то-же время.

Города Глуховъ, Кіевъ и другія мѣста преисполнены пожертвованіями братьевъ Терещенко въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но г. Глуховъ, какъ родина ихъ, остался священнымъ мѣстомъ для нихъ. Въ память сего они въ настоящее время въ этомъ городѣ созидаютъ великолѣпный храмъ, и въ нижнемъ подвальномъ этажѣ онаго устраиваютъ для всей фамиліи своей мѣсто вѣчнаго упокоенія. Городъ этотъ, можно сказать, облагодѣтельствованъ ими.

Упоминая объ этомъ, я еще могу засвидѣтельствовать о томъ, что ни они, братья Терещенко, ни дѣти ихъ, идущія по слѣдамъ ихъ, ни другіе члены ихъ фамиліи, никогда не говорятъ, а тѣмъ болѣе не хвалятся своими пожертвованіями,—черта рѣдкая въ людяхъ, которые сами себѣ пробили дорогу Описаніе дѣятельности этой почтенной фамиліи заслуживало бы особаго изложенія, тѣмъ болѣе, что это было бы отчасти и исторія развитія русскаго землевладѣнія за послѣднія десятилѣтія не только въ юго-западномъ краѣ, но и въ сопредѣльныхъ къ нему губерніяхъ, именно: Курской, Черниговской и Могилевской. Въ подтвержденіе сего скажемъ, что, по слухамъ, фамиліею Терещенко въ пяти губерніяхъ, за послѣднія десятилѣтія, пріобрѣтено болѣе ста пятидесяти тысячъ десятинъ земли.

За полезную дѣятельность Артемій Яковлевичъ Терещенко съ сыновьями возведенъ былъ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II въ дворянское достоинство. Нынѣ всѣ сыновья его состоятъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и украшены, по заслугамъ, звѣздами. Вообще, фамилія Терещенко—по своей любви къ благотворительности и развитію заводской и торговой промышленности—занимаетъ первое мѣсто въ юго-западномъ краѣ и Малороссіи.

Н. М. Колмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Н. Ѳ. Щербина[1].

Ужасающая догадка.

Зачѣмъ-бы Гербелю въ отставку выходить:—
Вѣдь не мѣшаетъ Марсъ стишкамъ и корректурѣ?...
Но,—Боже!—неужель грозитъ онъ посвятить
Всего себя литературѣ!

Н. Ѳ. Фонъ-Крузе.

Пугая стаю ястребиную,
Съ рѣки цензурной онъ слетѣлъ,—
Какую-жъ пѣсню лебединую
За то на „Парусѣ“ онъ спѣлъ!

Издателямъ „Искры“.

За нашу соль, за русскій умъ я
Стыжусь, краснѣю иногда:—
Вѣдь даже искры остроумья
Нѣтъ въ вашей „Искрѣ“, господа!...

Д. Д. Минаеву.

У русской гласности прося
Грѣшкамъ мизернымъ воздаянья,
Онъ „обличаетъ“ всѣхъ и вся,
Не обличая дарованья.

Спб. 1859.

---

[1]) См. „Собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины“. Спб., 1873 г.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВ. ИВ. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ

въ его воспоминаніяхъ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ [1]).

Разговоръ коснулся до положенія государства. Фельдмаршалъ сказалъ, между прочимъ: „эта держава представляется мнѣ въ видѣ великана, ослабѣвшаго въ старости лѣтъ, которому нынѣ сдѣлали операцію, отнявъ ему одну руку—Грецію. Султанъ Махмудъ слишкомъ рано принялся за преобразованіе своего государства по системѣ Петра Великаго; но недостатокъ рѣшимости или душевной твердости, но недостатокъ силы препятствуетъ ему кончить начатое съ успѣхомъ. У Петра Великаго не было въ Россіи пашалыковъ, почти независимыхъ, въ которыхъ господари и паши, какъ въ Турціи, пользовались-бы всякимъ случаемъ, чтобы отложиться. Махмудъ оскорбилъ своими нововведеніями духовенство и народную вѣру. Петръ Великій не имѣлъ подъ скипетромъ своимъ провинцій, всегда готовыхъ къ возмущенію, какъ, напримѣръ, Боснія и Албанія, не имѣлъ соперникомъ вице-короля Египетскаго, который, порицая нововведенія султана, нѣкогда можетъ сдѣлаться ему опаснымъ, оспаривая у него права на калифатъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., томъ LXIX, мартъ, стр. 511—536.

Притомъ-же послѣдняя война турокъ съ Россіею истощила государственную казну, отдѣлила отъ Турціи богатыя области: Молдавію и Валахію, сдѣлала Сербію независимою и уничтожила идею о невозможности перехода черезъ Балканы. Поэтому самое перерожденіе Турціи по желанію Махмуда на долгое время останется невозможнымъ, и ежели европейскія державы могли-бы въ понятіяхъ своихъ уничтожить предразсудки о необходимости равновѣсія въ силахъ европейскихъ державъ, то нынѣ, при появленіи нашихъ войскъ предъ Константинополемъ, наступила-бы рѣшительная эпоха нанести Турціи смертельный ударъ, но я предвижу, что это случиться можетъ чрезъ 20 лѣтъ [1]). Если планы преобразованія Турціи не исполнятся, то навѣрное самое управленіе государства ослабнетъ еще болѣе, до совершеннаго изнеможенія. Для европейскихъ державъ Турція перестала быть опасною, но ежели просвѣщеніе распространитъ благодѣтельное свое вліяніе и по ту сторону Босфора и Дарданеллъ, то Турція вступитъ въ общій составъ всѣхъ прочихъ державъ на основаніи одной и той-же политики, которая нынѣ уже не имѣетъ въ виду новыми завоеваніями увеличивать власть побѣдоносной силы, но занимается единственно распространеніемъ благосостоянія. Войны истребительныя не могутъ болѣе потрясать спокойствіе Европы, но если нынѣ существующій духъ революціи противъ всѣхъ законныхъ правительствъ расплодится еще болѣе, то борьба мнѣній между монархическимъ и конституціоннымъ правленіемъ потрясетъ спокойствіе Европы, какъ это было въ 30-ти-лѣтней войнѣ, и статься можетъ, что опять загорится подобная война со всѣми ужасами истребленія самихъ народовъ. Послѣ этого Турція, не участвовавъ въ такихъ побоищахъ, скрѣпясь силами, опять начнетъ имѣть вліяніе на дѣла Европы“

---

[1]) Графъ Дибичъ оказался хорошимъ пророкомъ. Дѣйствительно, черезъ 20 лѣтъ Россія могла-бы почти безнаказанно приступить къ исполненію своей исторической миссіи на Востокѣ. Но мы снова въ 1849 году приступили къ нелюбленной и неблагодарной задачѣ: спасать Европу. Н. Ш.

О графѣ М. С. Воронцовѣ, графѣ Кочубеѣ, Канкринѣ, князѣ Меншиковѣ, Дашковѣ и Дм. Ник. Блудовѣ.

Графъ продолжалъ чрезъ нѣсколько времени: „Я сегодня писалъ графу Воронцову — и просилъ его, ежели возможно, сократить твой карантинъ въ Сатуновѣ, такъ чтобы тебѣ тамъ оставаться не болѣе 24 часовъ, увѣривъ его, что ты во время твоего пребыванія здѣсь безпрестанно находился при мнѣ, не имѣвъ случая заразиться чумою. Если графъ Воронцовъ уважитъ мою просьбу, какъ это уже случалось нѣсколько разъ въ подобныхъ случаяхъ, то мнѣ желательно, чтобы ты на святой недѣлѣ отправился въ Варшаву, гдѣ ты найдешь государя и можешь имѣть счастіе представиться его величеству лично. Ежели-же графу Воронцову невозможно будетъ для тебя сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, то ты останешься при мнѣ, и мы въ первыхъ числахъ мая переправимся обратно чрезъ Балканы въ Россію, гдѣ проживемъ вмѣстѣ, пока его величество дозволитъ мнѣ на нѣсколько недѣль поѣхать въ Силезію. Я весьма желаю, чтобы ты могъ поспѣть въ Варшаву, пока его величество еще будетъ тамъ. Можетъ быть, я тебѣ этимъ самымъ доставлю случай, что государь удостоитъ тебя видѣть и разспрашивать обо всемъ, что ты здѣсь видѣлъ и слышалъ отъ меня. Таковые случаи всегда бываютъ пріятны и государь, можетъ быть, узнаетъ въ тебѣ человѣка, способнаго къ такимъ занятіямъ, которыя полезнѣе для службы, чѣмъ мѣсто, которое ты занимаешь теперь“. По причинѣ такихъ лестныхъ видовъ, я желалъ предварительно узнать могу-ли я надѣяться, что они сбудутся, и потому я спросилъ графа, въ какихъ онъ отношеніяхъ къ графу Воронцову. „По наружности мы въ пріязненныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, но не въ короткихъ. Я надѣюсь, что онъ просьбу мою на счетъ твоего проѣзда безъ соблюденія двухнедѣльнаго карантина исполнитъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, кои въ обхожденіи съ высшими, съ равными и низшими себя умѣетъ пріобрѣсти общее хорошее расположеніе къ себѣ, но сблизиться съ нимъ въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ трудно. Я считаю его человѣкомъ отличнѣйшихъ правилъ; онъ снисходителенъ къ подчиненнымъ, щедръ и благороденъ; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ему возможно быть полезнымъ, будучи очень

богатымъ, онъ съ удовольствіемъ отыскиваетъ таковые случаи. Это богатство, кажется мнѣ, привело его къ убѣжденію, что служба, приносимая имъ государю и отечеству, есть жертва и самоотверженіе, потому что онъ могъ обойтись и безъ нея и наслаждаться всѣми пріятностями жизни въ совершенной независимости, но онъ гордится, и не безъ причины, заслугами патріота, и это достоинство никто у него оспаривать не имѣетъ повода, ибо онъ въ исполненіи своихъ обязанностей не щадитъ ни дѣятельности, ни труда; сужденія его, при рѣдкой образованности ума и пріобрѣтенной опытности, справедливы и доказываютъ его способность къ занятію первыхъ должностей государственныхъ. Нельзя отнять у него заслуги, что онъ и въ военномъ отношеніи имѣетъ рѣдкія познанія, и въ случаѣ нужды можетъ вступить въ званіе полководца. Скромность характера дѣлаетъ его чрезвычайно снисходительнымъ къ подчиненнымъ; противъ равныхъ себѣ онъ очень вѣжливъ, но не знаю—назвать-ли это застѣнчивостію или разсчетливою формою,—что онъ отклоняетъ отъ себя всякую близкую связь, короткость въ обхожденіи. Теперь, можетъ быть, соперничество и нѣкотораго рода зависть удалила его отъ меня болѣе, чѣмъ прежде, но враждебныя намѣренія благородная его душа не въ состояніи питать ко мнѣ, не подавшему къ тому ни малѣйшаго повода, и потому я почти увѣренъ, что ты безъ задержанія благополучно доѣдешь до Варшавы. Впрочемъ, продолжалъ фельдмаршалъ,—я полагаю, что графъ Воронцовъ по части администраціи какого-либо министерства, смѣло можетъ равняться съ графомъ Кочубеемъ, Канкринымъ, съ княземъ Меншиковымъ, Дашковымъ и Блудовымъ, между которыми Кочубей болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ навыкъ и опытность въ дѣлахъ государственныхъ; Канкринъ—мастеръ своего дѣла, а князь Меншиковъ пріобрѣлъ такое сокровище въ свѣдѣніяхъ и наукахъ даже многихъ отвлеченныхъ предметовъ, что его можно причесть къ числу ученыхъ; Блудова я искренно уважаю, какъ человѣка рѣдкаго добронравія, мягкаго характера при большихъ способностяхъ; Дашкова я ставлю на ряду съ Блудовымъ по достоинствамъ, добродѣтелямъ и правотѣ, равно и по познаніямъ государственнаго человѣка. Оба они, ежели нѣкогда займутъ мѣста министерскія, навѣрное оправдаютъ выборъ и ожиданія государя".

Открывшійся въ Бургасѣ случай моровой язвы.—Лейбъ-медикъ Шлегель.

На 3 день Святой недѣли генералъ Обручевъ сообщилъ мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ, что недалеко отъ квартиры фельдмаршала обнаружилась чума и что, по распоряженію его, домъ обставленъ цѣпью часовыхъ. Графъ Иванъ Ивановичъ чрезмѣрно равнодушенъ къ этой болѣзни или только показываетъ, что онъ ея не считаетъ столь опасною, какъ вообще думаютъ, и ежели я ему доложу о случившемся, то онъ самъ пойдетъ въ зараженный чумою домъ.

Вечеромъ того-же дня, когда лейбъ-медикъ Шлегель, находившійся при фельдмаршалѣ, донесъ ему о чумномъ случаѣ, графъ отвѣчалъ хладнокровно: „я ожидалъ этого, но желаю, чтобы о томъ не разглашали въ главной моей квартирѣ, между тѣмъ, я одобряю всѣ мѣры предосторожности“. По удаленіи доктора Шлегеля, графъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „этому рѣдкому человѣку я обязанъ чрезвычайною благодарностію за всѣ оказанныя мнѣ попеченія и медицинскую помощь; но я его почитаю душевно также какъ добродѣтельнаго и благонамѣреннаго врача, подвергающагося всѣмъ опасностямъ чумной заразы, безъ уваженія лица, чина и званія, которому его пособія необходимы; съ этимъ самоотверженіемъ соединяетъ онъ совершенное безкорыстіе и обижается, ежели ему предлагаютъ возмездія за оказанную помощь, говоря, что за исполненіе своихъ обязанностей, какъ врачъ, онъ отъ государя императора получаетъ и жалованье, и награды“.

Разсужденія фельдмаршала о религіи и вѣроисповѣданіяхъ. — Чувствительность графа по случаю пріобщенія Святыхъ тайнъ.

Въ Страстную пятницу фельдмаршалъ и я пріобщались св. тайнъ, для чего вытребованъ былъ лютеранскій пасторъ изъ одной изъ Бессарабскихъ колоній. Графъ всею душею приверженъ былъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, исполнялъ всѣ обряды своей церкви, никогда не оспаривалъ таинствъ священнаго писанія; въ отношеніи-же къ другимъ исповѣданіямъ христіанской вѣры онъ убѣжденъ былъ, что они всѣ безъ изъятія клонятся къ благосостоянію людей, къ распространенію нравственности

и къ успокоенію души при переходѣ въ будущую жизнь; что исполненіе 10 заповѣдей и Евангелія, распространеннаго по всему свѣту апостолами, ведетъ человѣка по разнымъ направленіямъ къ единой цѣли, къ блаженству послѣ смерти. Онъ нѣкогда изъяснялся на счетъ вѣры въ слѣдующихъ словахъ: „Я никогда не дозволю себѣ размышлять о вѣрѣ и таинственнѣйшемъ покрывалѣ, облегающемъ ее; я вѣрую во все то, что мнѣ передано въ священныхъ книгахъ, и не дерзаю силою ума и разсудка проникать въ тѣ предметы, которые съ молодыхъ лѣтъ моихъ служили мнѣ утѣшеніемъ во всѣхъ злополучныхъ случаяхъ жизни, тѣмъ болѣе, что они обѣщаютъ мнѣ милосердіе и прощеніе творца, меня создавшаго, даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ я вольно или невольно провинялся противъ божественныхъ его законовъ, если я только въ нихъ раскаяваюсь, даруя душѣ моей безсмертіе". Въ день принятія Св. таинъ мы болѣе часа молились вмѣстѣ; графъ былъ растерзанъ печалію, что въ этотъ торжественный день не было съ нимъ супруги, что онъ лишился ея навсегда; онъ, казалось, въ молитвѣ искалъ утѣшенія. Во все время моего пребыванія при немъ въ Бургасѣ, онъ въ первый разъ опять вспоминалъ объ этомъ постигшемъ его несчастіи и, проливая слезы предъ распятіемъ, просилъ Бога соединить его вскорѣ съ супругою.

О состояніи Турціи предъ заключеніемъ Адріанопольскаго мира. — Политическія обстоятельства, бывшія побудительными причинами сего мира. — Составъ Россійской дѣйствовавшей арміи при заключеніи онаго.

Вечеромъ за чаемъ мы опять были вмѣстѣ, разговоръ коснулся до Адріанопольскаго мира. Графъ изъяснялся въ слѣдующихъ словахъ: „При моемъ движеніи съ войсками къ Константинополю, я воспользовался счастливымъ моментомъ, въ который Диванъ высокой Порты, убѣжденный въ большомъ числѣ нашихъ войскъ и непобѣдимой ихъ храбрости, опасался, что наша армія займетъ Царьградъ. Мои отдѣльные партизанные отряды справа приблизились къ берегамъ Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ на лѣвомъ флангѣ, на берегу Босфора, появились наши казаки. Другой отрядъ прямо двинулся на Константинополь. Въ этихъ раздѣленныхъ отрядахъ состояла вся

сила моей арміи, но, къ счастію нашему, турки были еще малочисленнѣе. Если я и сосредоточилъ-бы всѣ отряды въ одну массу, то и тогда я не могъ-бы занять Константинополь. Это обстоятельство не было извѣстно ни Дивану, ни чужестраннымъ посламъ, бывшимъ въ Царьградѣ, и всѣ они опасались, что я займу столицу Махмуда, а болѣе всего, что это взятіе Константинополя преобразуетъ всѣ политическія отношенія между европейскими державами. Я употреблялъ всевозможныя средства этимъ опасеніямъ дать болѣе вѣроятности и предположеніе объ огромномъ числѣ нашихъ войскъ подкрѣплялъ появленіемъ отдѣльныхъ отрядовъ во многихъ мѣстахъ. Посредствомъ этихъ мѣръ удалось мнѣ заключить Адріанопольскій миръ на выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ намѣренія его императорскаго величества и данное мнѣ полномочіе того требовало.

„Выгоды, которыя Россіи доставилъ Адріанопольскій миръ, доставятъ мнѣ всегда пріятнѣйшія воспоминанія. Рѣшеніе будущей участи Греціи и Сербіи, пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ турецкой Азіи, обязанность платить порядочную денежную сумму изъ сокровищъ Махмуда, залогомъ которой останутся у насъ Молдавія и Валахія, были событія, содѣйствовавшія моему счастію и моей славѣ, между тѣмъ какъ судьба готовила мнѣ жестокій ударъ, потерю той, которая мнѣ, для благополучія моей жизни, была необходима“.

— Но если султанъ, — возразилъ я графу (чтобы отклонить разговоръ отъ предмета, разстраивавшаго его всегда),—при извѣстной твердости своего характера и при участіи чужестранныхъ пословъ, къ нему расположенныхъ, отважился бы на самую крайность, то при малочисленности твоей арміи ты не былъ бы въ состояніи занять Константинополя и выказалъ бы настоящее свое положеніе.

„Нисколько“,—прервалъ меня графъ,—„я разсчиталъ также возможность такого оборота дѣлъ, но въ такомъ случаѣ я вступилъ-бы въ Константинополь не для того, чтобы тамъ удержаться, но чтобы моимъ появленіемъ рѣшить вопросъ: возстанетъ-ли народонаселеніе Царьграда на защиту города или на пагубу самого султана; въ первомъ случаѣ я бы отступилъ, оставивъ отрядъ противъ Константинополя, но занялъ-бы военнымъ распоряженіемъ все, что въ европейской Турціи оставалось

не занятымъ, не перемѣнивъ въ этихъ областяхъ прежняго образа правленія, отдалъ-бы пашалыки такимъ пашамъ, которые, соглашаясь на предложенныя мною условія, управляли-бы пашалыками въ зависимости отъ Россіи, на правилахъ человѣколюбія и справедливости, ибо въ областяхъ, въ которыхъ господствовала незаконная и произвольная власть насилія,—тамъ легко расторгнуть узы зависимости народа отъ правительства и соединить ихъ вновь подъ защитою завоеванія, предоставляя народу нѣкоторыя облегченія, обѣщающія ему благосостояніе. Въ подобномъ положеніи находятся всѣ турецкія области въ Европѣ и потому султанъ, при появленіи моемъ предъ вратами столицы своей, опасался съ моей стороны подобныхъ мѣръ и не осмѣлился отложить заключеніе мира, но отдался на великодушіе нашего монарха безусловно, предполагая, что высокосердіе нашего государя доставитъ ему въ этомъ несчастномъ положеніи болѣе выгодъ, чѣмъ посредничество другихъ дворовъ. Махмудъ въ этомъ отношеніи не ошибся. Но ежели я въ пашалыкахъ европейской Турціи устроилъ-бы при соблюденіи старыхъ формъ новое управленіе посредствомъ пашей или аяновъ въ зависимости отъ Россіи, то Константинополь вскорѣ палъ-бы безъ пушечнаго выстрѣла къ стопамъ самодержавнаго государя Россіи, и прочія державы европейскія съ признательностію къ нашему монарху довольствовались-бы каждая порознь частицами этого завоеванія. Я увѣренъ, что если въ теченіи будущихъ временъ державы европейскія, завидующія величію Россіи, опять, какъ это такъ часто случалось, возбудятъ Турцію къ войнѣ противъ насъ и войска наши перейдутъ опять чрезъ вершины Балканъ, то государь Россіи рѣшится на упомянутыя мною мѣры и послѣдствія оправдаютъ тогда предположеніе мое. Возстаніе-же народонаселенія Константинополя противъ султана, во время занятія этой столицы нашими войсками, рѣшило-бы навсегда участь европейской Турціи и подчинило-бы ее Европѣ, ибо въ противномъ случаѣ, при возстановленіи тамъ турецкой власти, жестокость турецкаго правленія истребила-бы болѣе половины жителей Царьграда. Я надѣюсь имѣть случай объ этомъ предположеніи моемъ лично доложить Его Императорскому Величеству, но ежели мнѣ это не удастся, то сохрани мое мнѣніе тайною въ сердцѣ своемъ, а ежели дѣйствительно настанетъ время, что

опять возгорится война между Россіею и Портою и ты еще будешь живъ, то найди случай довести до свѣдѣнія Государя содержаніе этого нашего разговора".

Сообщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ при открытіи заговора послѣ смерти императора Александра и при изслѣдованіи онаго. — О военномъ поселеніи.

Дружеское сообщеніе фельдмаршала, основанное на неограниченномъ довѣріи ко мнѣ, побудило меня узнать отъ него объ участи преступнаго моего брата, страдающаго справедливо въ изгнаніи въ Ялуторовскѣ, и спросить, предвидится-ли возможность, чтобы участь его перемѣнилась когда-либо. Графъ мнѣ отвѣчалъ: „Ты знаешь, что я брата твоего, когда онъ былъ моимъ адъютантомъ, осыпалъ доказательствами благосклоннаго моего къ нему расположенія. Мое близкое родство съ тобою, во всякомъ другомъ случаѣ, сдѣлало-бы меня снисходительнымъ противъ него, хотя я поставилъ себѣ правиломъ связи родственныя не смѣшивать никогда съ обязанностями моей службы, и въ непростительномъ поступкѣ твоего брата дѣйствовалъ по этимъ правиламъ. Я никогда не рѣшусь содѣйствовать къ облегченію его судьбы. Онъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ, ибо имѣлъ время при посредничествѣ моемъ спасти себя, открывъ преступную тайну этого крамольнаго заговора. Мнѣ удалось,— продолжалъ графъ, — слѣдить за всѣми этими ..... (лицами) и постигнуть совершенно наготу ихъ правилъ дерзости и трусости. Мои мнѣнія и понятія о нихъ суть слѣдствіемъ постояннаго наблюденія за всѣми презрѣнными средствами, къ которымъ они прибѣгали для того, чтобы оправдаться въ злоумышленномъ предпріятіи. Уже въ Таганрогѣ, тотчасъ послѣ кончины въ Бозѣ почивающаго государя Александра, я по найденнымъ мною бумагамъ государя узналъ о преступномъ замыслѣ, вслѣдствіе чего я немедленно приступилъ къ истребленію и къ дальнѣйшему открытію этого заговора, не знавъ и не предвидѣвъ событія 14-го декабря въ Петербургѣ. Въ Таганрогѣ мнѣ по этому поводу удалось удостовѣриться еще болѣе въ непреложныхъ правилахъ и чувствахъ искренней преданности графа Чернышева къ престолу; въ немъ я нашелъ усерднаго сподвижника и товарища въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ противъ этихъ клятво-

преступныхъ злодѣевъ. Мѣры, которыя онъ предлагалъ для открытія и задержанія ихъ, онъ самъ исполнялъ съ рѣшительностію и неутомимою дѣятельностію. Мы тамъ сдружились навсегда и я никогда не нарушу этой связи, основанной на взаимномъ уваженіи. Мы оба тогда еще не знали, кто будетъ нашимъ государемъ; я не былъ посвященъ въ тайну престолонаслѣдія. Будучи все еще начальникомъ штаба моего монарха я, по обязанностямъ моего званія, отправилъ депеши какъ о смерти государя императора, такъ и объ открытіи крамольнаго заговора противъ престола въ Варшаву къ его императорскому высочеству Константину Павловичу, какъ къ законному наслѣднику Россійской имперіи. Но только въ Петербургѣ я былъ вознагражденъ за исполненіе моего долга новымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, который утвердилъ меня въ прежнемъ званіи начальника штаба и осчастливилъ меня такими доказательствами своего благоволенія и довѣрія ко мнѣ, что я тогда-же, тронутый этими милостями, посвятилъ всю мою жизнь служенію его величеству. Вслѣдъ затѣмъ, я въ званіи начальника его штаба вступилъ въ слѣдственную комиссію, учрежденную для розыска этихъ преступниковъ, и къ крайнему моему прискорбію въ числѣ ихъ нашелъ твоего брата. Богъ сердцевидецъ и знаетъ, что я не жестокъ, но въ изслѣдованіи и въ приговорахъ этихъ преступниковъ, унижающихъ самое человѣчество, я былъ строгъ и неумолимъ, потому что, заботясь о благосостояніи Россіи и объ исполненіи святости присяги и законовъ, я счелъ необходимымъ подавить чувства жалости и состраданія въ сердцѣ своемъ, предоставивъ единственно законамъ опредѣлять мѣру взысканія и наказанія. Я не нуждался въ томъ, чтобы излишнею строгостію снискать себѣ благоволеніе Монарха, ибо я уже тогда пользовался этимъ счастіемъ, но преданность и любовь къ нему требовали отъ меня, чтобы я внимательнымъ и зоркимъ взглядомъ проникалъ въ самую глубину изрытой неблагодарностію, дерзостью, жестокостью, безуміемъ и низостью развращенныхъ страстей пропасти, угрожавшей поглотить и престолъ, и благоденствіе государства. Я старался открыть самые сокровенные корни этого ядовитаго дерева, коего вѣтви разрослись такъ обширно; но мнѣ не удалось это. Причины неудачи, однако-же, не могу приписать себѣ. Милосердіе монарха ограничилось

обреченными жертвами и, открывая впослѣдствіи еще большее число участниковъ, удовольствовалось этимъ открытіемъ и не предавало ихъ суду и наказаніямъ. Хотя разспросы уличенныхъ въ преступленіи открывали еще болѣе и болѣе участниковъ, но самый зародышъ, изъ котораго возникъ заговоръ, не могли открыть, ибо на событія въ Петербургѣ и судорожныя движенія близъ Кіева и во 2-й арміи можно смотрѣть только какъ на попытку главныхъ бунтовщиковъ: открыть общій духъ въ народѣ и по результатамъ этихъ опытовъ разсчитать, настало-ли удобное время къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ пружинъ этой адской машины. Я желаю отъ всей души, чтобы отсѣченіе нѣкоторыхъ вѣтвей этого ядовитаго дерева подѣйствовало-бы на совершенное истребленіе пня и корней, такъ чтобы оно не пустило новыхъ отростковъ. Довольно странно, что въ протяженіи и въ объемѣ военнаго поселенія никто не оказался участникомъ въ этомъ крамольномъ предпріятіи, исключая одного Батенкова, присоединившагося къ обществу бунтовщиковъ, когда онъ оставилъ военное поселеніе. Поэтому общій упрекъ несправедливъ, будто-бы графъ Аракчеевъ излишнею строгостью и чрезмѣрною военною дисциплиною по военнымъ поселеніямъ подалъ первый поводъ къ бунту. Это неучастіе въ раскрывшемся заговорѣ, по моему убѣжденію, составляетъ, впрочемъ, единственное достоинство военнаго поселенія, потому что вообще это учрежденіе вредно государству уже теперь, а со временемъ можетъ сдѣлаться опаснымъ. Не принимая въ разсчетъ того, что дальнѣйшее существованіе военныхъ поселеній на томъ основаніи, какъ они были учреждены, весьма чувствительно для финансовъ государства, мнѣ кажется, что въ нѣдрахъ поселенія кроется также возможность развитія духа янычаръ и римскихъ преторіанцевъ. Поселеніе, не подчиненное общему вліянію гражданскихъ законовъ, образуетъ само по себѣ небольшое государство въ государствѣ, не доставляя правительству никакихъ особенныхъ выгодъ. По моему убѣжденію, для правительства было-бы выгоднѣе привести все военное поселеніе въ первобытное состояніе, тогда содержаніе, которое идетъ на управленіе поселенія, доставляло-бы казнѣ явный доходъ“.

Генералы: Ротъ, графъ Петръ Паленъ и Красовскій.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія пріѣхалъ въ Бургасъ къ фельдмаршалу генералъ Ротъ. Я былъ свидѣтелемъ ихъ разговора и примѣтилъ, что графъ при всей вѣжливости, сохранялъ необыкновенное достоинство своего сана противъ подчиненнаго ему генерала, устраняющее нарушеніе этикета или должнаго къ нему уваженія. Визитъ продолжался не болѣе получаса. Послѣ отъѣзда генерала Рота, графъ сказалъ мнѣ: „генералъ Ротъ строго поддерживаетъ военную дисциплину и субординацію между солдатами, офицерами и генералами своего корпуса; въ прежнихъ войнахъ хвалили его храбрость, но я не предполагаю въ немъ способности главнокомандующаго. Въ частной своей жизни онъ подверженъ нѣкоторымъ слабостямъ, которыя вредятъ ему въ глазахъ его подчиненныхъ. Къ другому корпусному командиру въ арміи моей графу Петру Палену я питаю полное уваженіе во всѣхъ отношеніяхъ и совершенное довѣріе, какъ къ генералу, знающему свое дѣло, хотя онъ въ Кулевчинскомъ сраженіи могъ-бы развить болѣе дѣятельности. Но я полагаю, что онъ опасался обратить на себя всю турецкую армію, которой противустоять онъ не имѣлъ довольно силы. И если-бы онъ ранѣе занялъ позицію на лѣвомъ флангѣ непріятеля, то можетъ быть и самое сраженіе получило-бы другое направленіе и кончилось-бы не столь блистательно для насъ. Генералъ Красовскій командуетъ третьимъ корпусомъ моей арміи, человѣкъ также достойный всякой похвалы. Къ подчиненнымъ своимъ онъ чрезвычайно снисходителенъ и милостивъ, такъ что онъ послѣ всякаго сраженія съ непріятелемъ представляетъ такое множество къ наградамъ за оказанныя отличія, что я всегда чрезвычайно затрудняюсь выборомъ тѣхъ, которые дѣйствительно заслужили награды; но такъ какъ я самъ лично знаю всѣхъ почти офицеровъ моей арміи, то мнѣ и удается въ этомъ отношеніе быть справедливымъ“.

День Пасхи въ Бургасѣ.—Щедрость фельдмаршала, оказываемая родственникамъ своимъ.—Сообщенія о графѣ Канкринѣ и о замѣнѣ его въ случаѣ крайней необходимости.—О дѣйств. ст. сов. Пейкерѣ.—Замѣчаніе фельдмаршала о недостаткѣ способныхъ генераловъ въ арміи.—Мнѣніе его о составѣ нашей гвардіи и производствѣ офицеровъ въ семъ корпусѣ.—О нашей артиллеріи и объ особенныхъ преимуществахъ ея.—О пушкахъ, изобрѣтенныхъ отцемъ фельдмаршала.

Свѣтлое Воскресенье для всей главной квартиры фельдмаршала праздновано было обычнымъ порядкомъ, при которомъ графъ присутствовалъ во всемъ блескѣ своихъ орденовъ посреди корпуса своихъ генераловъ и офицеровъ. На дворѣ графской квартиры раскинута была большая калмыцкая будка, обитая войлокомъ. Въ ней священникъ благословилъ св. Пасху и фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ выпить заздравный кубокъ въ честь, въ благодарность и во славу всемилостивѣйшаго нашего государя, что исполнено было съ восторгомъ. Погода въ тотъ день была прелестна, всѣ деревья красовались въ полномъ цвѣтѣ (это было 6-го апрѣля); къ обѣденному столу фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ при освященіи пасхи. Вечеромъ графъ опять бесѣдовалъ со мною, начавъ разговоръ этими словами: „Сегодня или завтра поутру ожидаю я отвѣта отъ графа Воронцова, который рѣшитъ твое отправленіе въ Варшаву. Я надѣюсь, что этотъ отвѣтъ соотвѣтствуетъ моей просьбѣ о твоемъ пропускѣ чрезъ Сатуново. Каковы твои финансы, любезный другъ?“ Я отвѣчалъ, что щедрость его императорскаго величества достаточно снабдила меня деньгами и на обратный проѣздъ въ Петербургъ. „А для проѣзда въ Варшаву позволь мнѣ, кромѣ прогоновъ, вручить тебѣ эту незначительную сумму на особенные расходы и на гостинцы для твоего семейства“. Графъ вручилъ мнѣ приготовленный имъ пакетъ, въ которомъ находилось 2,000 руб. ассигнаціями.—„Да еще позволь мнѣ передать тебѣ нѣкоторые подарки, которые я назначилъ для твоего семейства въ память моего похода въ Турцію“. Подарки эти состояли въ четырехъ турецкихъ шаляхъ, въ бриллiантовыхъ серьгахъ для старшей и въ двухъ браслетахъ для второй моей дочери. „Но смотри“,— прибавилъ графъ, улыбаясь,—„заплати на границѣ пошлины; а не то, ты поссоришься съ Канкринымъ. Скажи мнѣ, бываешь ты еще иногда у него? Мнѣ помнится, что вы

старые знакомые и пріятели съ 1813 года, когда ты былъ квартирмеромъ государевымъ, а онъ генералъ-интендантомъ арміи; вы всегда останавливались вмѣстѣ на одной квартирѣ". — Нѣтъ,— отвѣчалъ я,—застѣнчивость моя удаляетъ меня отъ всѣхъ тѣхъ, которые опередили меня далеко на поприщѣ знатности и почестей; я опасаюсь докучать имъ или возбудить подозрѣніе, что ищу протекціи себѣ и другимъ, или, по связямъ близкаго родства съ тобою, присвоиваю себѣ право вкрадываться въ близкое знакомство ихъ. Графъ отвѣчалъ: „въ нѣкоторомъ отношеніи ты правъ, но на счетъ Канкрина, кажется, виноватъ; онъ былъ старымъ другомъ нашему семейству съ 1805 года и правила жизни его не позволили-бы ему перемѣниться противъ тебя. Не знаю, кѣмъ государь его замѣнитъ, если онъ умретъ. Чтобы быть министромъ финансовъ, надобно имѣть отличныя къ тому способности, быть воспитаннымъ къ тому и съ перваго шага службы вступить въ это министерство, чтобы обогатиться опытностью въ этомъ важномъ званіи и дослужиться до чина соотвѣтственнаго, съ возможностію занять мѣсто предшественника. Если Иванъ Устиновичъ Пейкеръ, нашъ общій другъ, мой бывшій товарищъ по генеральному штабу, посвятилъ-бы себя и нынѣ еще этой части, то, знавъ его очень хорошо, я полагаю, что онъ могъ-бы съ пользою для государства замѣнить Канкрина: у него министерская голова; даже занимая мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ (если занятіе этого мѣста нѣмцемъ не представляло-бы нѣчто необычайное), или генералъ кригсъ-комиссаромъ, онъ-бы находился на своемъ мѣстѣ. Вообще, у насъ, по моему убѣжденію, чувствителенъ недостатокъ въ лицахъ для занятія мѣстъ въ высшихъ степеняхъ государственнаго управленія; даже по военной части этотъ недостатокъ примѣтенъ, хотя число нашихъ генераловъ очень значительно, но въ отношеніи способностей, необходимыхъ для занятія высшихъ мѣстъ, число ихъ, повторяю я, весьма ограничено. Еще сегодня я проходилъ списокъ генераловъ для назначенія одного изъ нихъ начальникомъ дивизіи, и только на 14-й страницѣ нашелъ одного, именно моего Обручева, которому можно было ввѣрить дивизію.

„Бывши долгое время начальникомъ штаба 1-й арміи, я имѣлъ случай близко познакомиться со всѣми почти нашими генералами, которыхъ прежде зналъ оберъ- и штабъ-офицерами,

а потому я въ правѣ полагать, что мнѣніе мое о нихъ справедливо. Даже въ штабъ-офицерахъ, способныхъ командовать полками, оказывается недостатокъ, такъ что его величество часто поручаетъ командованіе полками подполковникамъ. Причиною всему этому большое число нашихъ гвардейскихъ полковъ; изъ нихъ въ короткое время поступаютъ на службу въ армію полковники, которыхъ при вакансіяхъ генеральскихъ нельзя обходить производствомъ въ чинъ, не оказывая несправедливости; потому я и считаю несовмѣстнымъ, даже вреднымъ, что гвардейскій корпусъ входитъ по производству въ чины въ составъ армейскій. Выгоднѣе для службы, по моему убѣжденію, было-бы ограничить производство единственно составомъ гвардейскаго корпуса, дозволяя исключенія изъ этого правила только по крайней необходимости съ переводомъ ихъ въ армію; тогда производство въ чины по гвардейскому корпусу шло-бы медленнѣе и армія не наводнялась-бы молодыми полковниками, неопытными въ военномъ дѣлѣ лицами, изъ которыхъ большая часть, не побывавъ въ сраженіяхъ, загораждаютъ путь заслуженнымъ подполковникамъ, посѣдѣвшимъ въ бояхъ противъ непріятеля. По моему мнѣнію, было-бы полезно назначать шефовъ гвардейскихъ полковъ изъ числа генераловъ древняго родоваго русскаго дворянства, а командировъ этихъ (т. е. армейскихъ?) полковъ—изъ полковниковъ, переведенныхъ изъ гвардіи, какъ изъ русскихъ дворянъ, такъ и изъ дворянъ остзейскихъ провинцій. Впослѣдствіи-же времени званіе шефовъ и командировъ полковъ гвардейскихъ, равно бригадныхъ и дивизіонныхъ командировъ, въ случаѣ вакансій, пополнялось-бы изъ тѣхъ-же полковъ, производствомъ потребнаго числа капитановъ въ полковники, и такъ далѣе отъ прапорщиковъ въ подпоручики. Но если тогда по необходимости нужно-бы было перевести полковниковъ въ армію изъ гвардейскаго корпуса, то это должно-бы послѣдовать не иначе какъ только изъ вѣдомствъ гвардейской артиллеріи, инженернаго и генеральнаго штаба, потому что по этимъ вѣдомствамъ производство бываетъ медленнѣе и, во-вторыхъ, армія снабжалась-бы полковниками свѣдущими по части наукъ. Ихъ, въ случаѣ надобности въ военное время, можно-бы было опять употреблять по тѣмъ частямъ, въ которыхъ они служили до полковничьяго чина. Что-же касается до нашей артиллеріи, то достоинство и

слава этого оружія нашей арміи признаны на опытѣ, въ продолженіе многихъ кампаній, превосходными; одно неудобство, которое было при ней, именно употребленіе большихъ лошадей, отмѣнено нынѣшнимъ государемъ, послѣ чего должно сознаться, что артиллерія наша первая въ Европѣ. При всемъ томъ я-бы желалъ, чтобы при арміи нашей заведены были пушки, изобрѣтенныя отцомъ моимъ; онѣ въ 1807 году были испытаны въ Систербекѣ, причемъ оказалось, что онѣ выдерживали 50 выстрѣловъ сряду до разгоряченія и въ цѣль стрѣляли очень хорошо. Графъ Аракчеевъ опровергалъ ихъ пользу, но я убѣдился, что онѣ съ рѣшительною пользою могли-бы быть употребляемы въ полевыхъ сраженіяхъ въ большомъ числѣ, отъ 100 до 200 на одномъ мѣстѣ, при атакахъ и оборонахъ, въ каковомъ случаѣ необыкновенная разрушительная сила ихъ дѣйствія должна опрокинуть все поставленное на встрѣчу. Въ гористыхъ мѣстахъ на Кавказѣ онѣ также могутъ служить съ пользою, ибо легкость ихъ вѣса безъ конной упряжи, дешевизна заготовленія и удобство переправы ихъ чрезъ болота и вершины горъ на рукахъ, представляютъ большія выгоды. Шесть человѣкъ у каждой пушки съ лафетомъ достаточны къ движенію ихъ на походѣ и къ дѣйствію въ сраженіяхъ. По моему мнѣнію, одинъ таковой артиллерійскій полкъ, состоящій изъ 4,000 человѣкъ и снабженный 400 пушекъ, долженъ въ каждомъ полевомъ сраженіи рѣшить успѣхъ дѣла въ пользу нашу, потому что ядра и картечи, пущенныя изъ нихъ, падаютъ столь-же далеко, какъ изъ обыкновенныхъ 3-хъ фунтовыхъ орудій [1]). Не будь я сыномъ изобрѣтателя этихъ пушекъ, я-бы утруждалъ государя настоятельною просьбою завести для опыта на первый случай хотя только 50 такихъ орудій. Если ты переживешь меня, то прошу тебя употребить всевозможное стараніе довести до свѣдѣнія государя императора предположеніе мое насчетъ этого предмета [2]). Въ

[1]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано: „Dreipfündigen Kanonen von Latun“.

[2]) Примѣчаніе барона Тизенгаузена. При назначеніи генералъ-адъютанта Нейдгардта главнокомандующимъ на Кавказѣ я ему сообщалъ мнѣніе фельдмаршала; впослѣдствіи времени я объ этомъ-же предметѣ обратился къ начальнику моему, директору департамента военныхъ поселеній, генералу Корфу, съ просьбою довести о томъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, но онъ отсовѣтовалъ мнѣ.

петербургскомъ арсеналѣ находится нѣсколько такихъ орудій, которыя могли-бы служить образцами къ приготовленію другихъ".

О вѣроятности скораго моего отправленія съ депешами къ его величеству въ Варшаву и возвращеніи армій нашей въ предѣлы Россіи

На второй день святой недѣли полученъ былъ отвѣтъ графа Воронцова на счетъ моего пропуска чрезъ Сатуновскій карантинъ съ задержаніемъ и окуреніемъ меня въ продолженіе только 24 часовъ, вслѣдствіе чего отъѣздъ мой въ Варшаву назначенъ былъ черезъ два дня. Фельдмаршалъ цѣлый тотъ день занимался письменными дѣлами до самаго вечера, когда онъ меня позвалъ къ себѣ и мнѣ сказалъ: „Послѣ завтра ты поѣдешь съ Богомъ! Я цѣлый день писалъ письма, которыя ты долженъ доставить: въ Варшавѣ—его императорскому величеству, въ Петербургѣ—графу Чернышеву и другимъ лицамъ, предполагая, что государь тебя немедленно отправитъ туда. И Воронцову я писалъ и благодарилъ его за уваженіе моей просьбы на счетъ твоего пропуска чрезъ Сатуновскій карантинъ. Письмо къ нему ты можешь тамъ отдать инженерному подполковнику Кокореву. Въ Варнѣ заѣзжай къ генералу Красовскому и доставь ему бумаги, писанныя на его имя. На обратномъ пути въ Россію, на вершинѣ Балканъ, я надѣюсь 1-го мая [1]) проститься съ моими военными товарищами, которые храбростію и мужествомъ своимъ возвели меня на эту вершину чести и славы. Довольно странно, что на мнѣ сбылись пророчества юности моей, имѣвшія предметомъ фельдмаршальскій жезлъ; сбылись мечты, которыя я тогда при поэтическомъ воззрѣніи на міръ изложилъ въ стихахъ, но когда я возмужалъ и позналъ свѣтъ съ прозаической стороны его, борьбу жизни съ судьбою и случаями, поэзія потеряла для меня свою прелесть, тѣмъ болѣе, что я на поприщѣ дѣятельнаго военнаго сужденія примѣтилъ, что стихотворцы рѣдко бываютъ дѣловыми людьми".

---

[1]) День рожденія графа Дибича, 1-го (12-го мая) 1785 года.

Н. Ш.

Переселеніе румеліотовъ изъ-за Балканъ въ Россію. — Изустныя порученія фельдмаршала для доклада государю императору. — Объ обстоятельствахъ тогдашняго положенія фельдмаршала по службѣ.

Разговоръ нашъ прерванъ былъ жалостнымъ крикомъ одного изъ жителей Румеліи, которымъ, по мирнымъ трактатамъ адріанопольскимъ, дозволено было переселиться въ Россію. Этотъ бѣднякъ просилъ подъ окномъ фельдмаршальской комнаты о денежномъ пособіи, чтобы имѣть возможность слѣдовать за своими собратьями, которые уже отправились въ походъ, предавъ жилища свои пламени. Фельдмаршалъ, узнавъ о причинѣ просьбы, взялъ со стола свертокъ золотыхъ турецкихъ монетъ, выбросилъ его румеліоту и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „около 20,000 семействъ нашихъ единовѣрцевъ христіанъ румеліотовъ переселяются черезъ Дунай въ Бессарабію, люди прилежные, винодѣльцы, хлѣбопашцы и ремесленники, которые, страдавъ подъ гнетомъ жестокаго правительства турецкаго, изъ рода въ родъ будутъ благословлять великодушіе, щедрость и милосердіе русскаго монарха, спасшаго ихъ отъ угнетенія. Они въ полной мѣрѣ замѣнятъ тотъ убытокъ народонаселенія, который произошелъ у насъ отъ моровой язвы, холеры и самой войны. Ты, проѣзжая чрезъ Балканы, догонишь ихъ и увидишь, какъ они съ радостью спѣшатъ въ обѣтованную вновь землю; мнѣ донесено, что они со всѣмъ своимъ имуществомъ, при пѣсняхъ и музыкѣ, безъ устали и отдыховъ тянутся къ Дунаю. Обращаясь къ твоему отъѣзду, я прошу тебя, любезный другъ, доложить его величеству, что смерть моей жены произвела совершенную перемѣну во всѣхъ предположеніяхъ будущей моей жизни, что я потому службу мою посвящаю навсегда его величеству и Россіи, что я въ отношеніи этой службы не питаю никакихъ желаній и единственно ожидаю съ нетерпѣніемъ повелѣніе его величества, которое осчастливитъ меня совершенно, если доставитъ мнѣ вновь возможность лично изъявить предъ нимъ тѣ-же чувства искренней благодарности и преданности, одушевлявшія меня всегда. Скажи даже, что я охотно откажусь отъ желанія побывать въ Силезіи, если государю императору благоугодно будетъ употребить меня на службѣ; что я съ привычнымъ усердіемъ неусыпно готовъ представить его величеству новыя доказательства моей вѣрности.

Что-же касается до причинъ, побудившихъ меня утруждать государя просьбами чрезъ графа Чернышева, на которыя монархъ съ благосклоннымъ великодушіемъ соизволилъ согласиться, то я, буде его величеству благоугодно будетъ ихъ узнать, я изустно буду имѣть счастіе довести ихъ до свѣдѣнія государя императора.

„Признаюсь тебѣ, любезный другъ"—продолжалъ фельдмаршалъ,—„что нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, какъ я чрезъ графа Чернышева просьбы мои доставилъ его величеству, наступилъ моментъ, въ который я убѣдился, что злонамѣренныя дѣйствія нѣкоторыхъ особъ, которымъ я никогда не подавалъ повода содѣлаться моими врагами, старались интриговать противъ меня; что это обстоятельство побуждало меня оставить Россію на нѣкоторое время, я считалъ ниже достоинства правилъ моихъ оставаться далѣе предметомъ коварныхъ противъ меня замысловъ или быть поставленнымъ въ крайнюю необходимость защищаться или жаловаться. Меня оскорбляли въ то время, когда я оказалъ Россіи новыя услуги, и хотя я былъ увѣренъ, что государю императору осталось неизвѣстнымъ все, что противъ меня предпринимали, но эти интриги были такъ хитро сплетены, что я ни письменно, ни словесно не могъ упомянуть о нихъ предъ его величествомъ, не подвергаясь упреку сдѣлаться неблагодарнымъ. Далѣе-же оставаться въ такомъ затруднительномъ положеніи я не имѣлъ охоты, и потому рѣшился, послѣ многотрудныхъ заботъ кампаніи, на нѣкоторое время уѣхать за границу, чтобы отдохнуть въ спокойствіи, и моимъ удаленіемъ изъ Россіи обезоружить моихъ враговъ, предполагая, что самое время безъ моей помощи выяснитъ все, что могло бросить тѣнь на образъ моихъ дѣйствій. Притомъ я по чувству благодарности къ государю императору хранилъ въ душѣ всегдашнюю готовность, по первому приказанію его величества, тотчасъ возвратиться и принять всякую должность, назначенную мнѣ его величествомъ.

„Степень, на которую я возведенъ былъ милостію моего монарха, довѣренность, которою онъ удостоивалъ меня, вѣроятность, что я опять вступлю въ званіе начальника главнаго штаба его величества, и успѣхи оконченной кампаніи породили противъ меня тьму завистниковъ и недоброжелателей, числомъ равнымъ тѣмъ, которыхъ я обошелъ при производствѣ въ чинъ

фельдмаршала. Посредственныя и непосредственныя нападки ихъ на меня обнаруживались при всякомъ случаѣ, но оставались сокрытыми отъ свѣдѣнія государя. Вступить съ ними въ оборонительный бой не согласовалось съ моими правилами и чувствомъ достоинства, ибо, не враждуя ни съ кѣмъ, я въ случаѣ успѣха снова взваливалъ на свои плечи бремя прежнихъ трудовъ и заботъ, которые рѣшился принять не иначе, какъ по призыву моего монарха, и потому я намѣревался добровольно уступить мѣсто боя тѣмъ, которые ради этой цѣли отнеслись ко мнѣ враждебно. Это намѣреніе я и нынѣ полагаю еще привести въ исполненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраню въ вѣрномъ сердцѣ своемъ для моего государя ту непреложную благодарность, которая послѣ потери жены принадлежитъ всецѣло ему одному.

„Припомни себѣ, любезный другъ, эти слова мои и тогда, если меня можетъ быть уже не станетъ, и сохрани у себя это письмо и приложенный къ нему листъ; я послалъ ихъ къ женѣ въ Петербургъ, но ея уже не было въ живыхъ. Приложеніе-же заключаетъ статью изъ гамбургскихъ газетъ, отъ 7-го августа 1829 года, № 125“.

Эти документы находятся понынѣ въ моихъ рукахъ; они для потомства фельдмаршала заключаютъ много любопытнаго и потому я здѣсь изъ нихъ упоминаю слѣдующее:

Въ письмѣ отъ 29-го февраля 1830 года фельдмаршалъ писалъ супругѣ своей: „Удостовѣрившись, что уплата денежной суммы со стороны Оттоманской порты послѣдуетъ въ назначенный первый срокъ, я съ послѣднимъ фельдъегеремъ писалъ къ графу Чернышеву (съ тѣмъ, чтобы онъ это письмо могъ показать государю) подробно насчетъ моихъ намѣреній и желаній въ продолженіе этого и будущаго года. Я надѣюсь, что его величество, изъявлявшій почти въ каждомъ рескриптѣ ко мнѣ рѣдкую милость, благоволитъ дозволить мнѣ съ тобою въ скоромъ времени пользоваться спокойствіемъ. Если поѣздка государя въ Варшаву состоится въ нынѣшнее лѣто, то я по сердечному желанію моему избѣгну необходимости быть въ Петербургѣ въ теченіи зимы, ибо я чувствую, что присутствіе мое въ столицѣ уже по случаю благосклоннаго пріема моего со стороны государя возбудитъ зависть и ревнивыя страсти многихъ изъ моихъ соперниковъ, что не ускользнетъ отъ опытнаго

взгляда моего въ теченіи 30-ти лѣтняго служенія въ кругу государственныхъ вельможъ, и тѣмъ самымъ подастъ мнѣ поводъ къ новымъ непріятнымъ открытіямъ, хотя я, благодаря Бога, не кичливъ. По истеченіи-же годичнаго срока, тысяча случаевъ и разныя отличія, оказанныя другимъ лицамъ, ослабятъ чувства зависти ко мнѣ и намъ легче будетъ свыкнуться другъ къ другу, особливо если самоотверженіе, смиреніе, возложенное на насъ религіею, будутъ способствовать въ кругу семейнаго счастія найти спокойствіе души и благополучіе жизни. Въ этомъ предположеніи заключаются мои желанія на ближайшую будущность. Я увѣренъ, что ты ихъ раздѣляешь со мною, а можетъ быть желаешь, чтобы срокъ, назначенный мною, продолжался-бы болѣе, чѣмъ это допускаютъ чувства долга и обязанности".

Статья изъ гамбургскихъ газетъ была слѣдующая:

„Изъ Валахіи отъ 10-го іюля 1829 года.

„Славою увѣнчанные успѣхи оружія русскихъ въ теченіи этой кампаніи сдѣлали полководца идоломъ его арміи, ему приписываютъ всѣ искусныя военныя распоряженія и самая зависть онѣмѣла при заключеніи о немъ и его достоинствахъ, по которымъ его сравниваютъ съ прославившимися полководцами Россіи, которые со временъ Петра Великаго указывали русскимъ войскамъ путь къ побѣдамъ надъ невѣрными; его даже сравниваютъ съ тѣмъ героемъ, который двадцать лѣтъ сряду французскими легіонами пожиналъ себѣ и имъ лавры побѣдъ. Особы, находившіяся при фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ, разсказываютъ о его неутомимой дѣятельности, присутствіи духа и томъ глубокомъ и вѣрномъ взглядѣ, съ которымъ онъ при каждомъ случаѣ открываетъ малѣйшія ошибки своего противника и ими пользуется, въ чемъ, по общему мнѣнію, заключается первое достоинство полководца. По большей части онъ ночью занимается дѣлами и послѣ четырехчасоваго покоя его опять видятъ на лошади. За нероскошнымъ обѣдомъ проводитъ онъ весьма короткое время. Во всѣхъ обстоятельствахъ общежитія и частной жизни онъ представляется человѣкомъ усовершенствованнаго образованія; снисхожденіе его привлекаетъ къ нему всѣ сердца, и въ войскахъ господствуетъ убѣжденіе, что генералъ Дибичъ рѣшитъ великую задачу государя своего".

На другой день, послѣдній моего пребыванія въ Бургасѣ, фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ разныя порученія насчетъ собственныхъ его дѣлъ, возложивъ на меня управленіе его имѣніемъ, сказавъ притомъ: „Я желаю, чтобы ты адъютанта моего Баратынскаго взялъ съ собою, онъ, Будбергъ и князь Голицынъ — мои главные лучшіе адъютанты, по образованію ихъ и способностямъ. Я затрудняюсь отпустить большую часть ихъ, потому что увѣренъ въ усердіи и привязанности ихъ ко мнѣ и полагаю означенныхъ трехъ и Крузенштерна оставить".

День моего отправленія изъ Бургаса, и сообщенія фельдмаршала насчетъ Польши.

День отъѣзда моего насталъ; графъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ: „Вѣроятно, ты сегодня не уѣдешь, потому что прибывшій ночью фельдъегерь привезъ мнѣ депеши, изъ которыхъ видно, что государь навѣрное будетъ въ Варшавѣ; весьма сожалѣю, что и я не могу быть тамъ. Положеніе дѣлъ въ Польшѣ такого рода, что они во мнѣ порождаютъ нѣкоторыя опасенія, но подобныя замѣчанія съ моей стороны имѣли всегда отвѣтомъ, что я всѣ предметы вижу въ мрачномъ видѣ; но я боюсь, что другіе, находящіеся вблизи государя, смотрятъ на дѣла Польши слишкомъ поверхностно и въ томъ весьма ошибаются. Хотя справедливо, что благосостояніе, порядокъ и даже богатство не только по наружности въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ въ Польшѣ распространились между всѣми классами тамошняго народонаселенія; армія щегольски вооружена и кипитъ желаніемъ сражаться, вообще поляки народъ храбрый; но борьба мнѣній о необходимости конституціоннаго правленія, предпочитаемаго законному монархическому, неограниченная свобода книгопечатанія, которая въ лживыхъ софизмахъ излагаетъ, что достоинство человѣчества состоитъ въ достиженіи вольности, попирающей всѣ формы прежняго законодательства, стремится къ необузданному напряженію своеволія, разрушающаго счастіе, спокойствіе и благосостояніе народовъ. Эта свобода книгопечатанія—губительный демонъ (!) нашего времени—приводитъ въ восторгъ воображеніе пылкаго юношества, воспламеняетъ въ немъ духъ до изступленія и фанатизма, угрожаетъ Европѣ общимъ потрясеніемъ, низвергая въ прахъ прежнія законоположенія, основанныя на нравственности и христіанской вѣрѣ. Этотъ де-

монъ разврата (!) со всѣми спутниками нравственнаго преобразованія (!) является подъ видомъ ангела спасителя въ убѣжденіяхъ такихъ народовъ, которые прежде этого имѣли самостоятельность, потому что слова: вольность, вѣротерпимость, человѣколюбіе, естественное право, человѣческое достоинство возбуждаютъ въ нихъ надежды на будущее благополучіе, достиженіе котораго соединено съ совершеннымъ разрушеніемъ нынѣшняго порядка вещей. Польскій народъ, по справедливости называемый сѣверными французами, преимущественно принадлежитъ къ этому разряду восторженныхъ, которымъ усладительный ядъ обманчивой надежды на возстановленіе національности доставляется изъ Франціи, изъ нѣдръ вулкана, въ которомъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ накоплялись всѣ матеріалы къ политическимъ потрясеніямъ Европы, изливавшіяся повсюду губительнымъ пламенемъ. Австрія, Пруссія и Россія, по своей отдаленности отъ Франціи, не тронуты еще этимъ пожаромъ; на ихъ границахъ образовался валъ сопротивленія, воздвигнутый нравственными качествами ихъ жителей и благосостояніемъ этихъ народовъ".

Особенности въ выраженіяхъ и разсказахъ фельдмаршала.—Сужденія его о Россіи, нравственномъ могуществѣ сей державы, о духѣ народномъ, сохраненіи древнихъ обычаевъ и вѣры, о любви къ Монарху, о русскомъ дворянствѣ.—О губерніяхъ Остзейскихъ и о дворянствѣ того края.

Фельдмаршалъ въ разговорахъ своихъ по дѣламъ службы изъяснялся обыкновенно отрывисто, пылкость воображенія его не дозволяла ему продолжительныхъ изложеній, но въ разговорахъ частныхъ, въ которыхъ онъ непринужденно излагалъ мнѣнія свои или сообщалъ событія своей жизни, онъ съ большою подробностію не упускалъ ни малѣйшаго обстоятельства, служащаго къ поясненію его разсказа. Въ бесѣдахъ со мною его отзывы состояли въ отвѣтахъ на мои вопросы, возраженія или сомнѣнія. Я о нихъ здѣсь не упомянулъ, но представилъ только то, что потомству фельдмаршала могло быть интересно. Въ продолженіе вышеупомянутаго разговора графъ продолжалъ:

— „До Россіи этотъ губительный ядъ лжемудрія еще не проникъ и полстолѣтія протечетъ, пока онъ здѣсь станетъ извѣстенъ. Подъ названіемъ Россіи я здѣсь понимаю общую массу народонаселенія, за исключеніемъ части высшаго дворянства,

иностранцевъ и богатѣйшаго купечества. За этимъ исключеніемъ, общая масса народа вполнѣ искренно предана еще добродѣтелямъ своей вѣры, святости древняго быта и обрядовъ, равно и національнымъ обычаямъ русскаго народа, въ особенности вѣрности, приверженности и любви къ своему Монарху. Покорствуя законамъ и волѣ государя безъ малѣйшаго прекословія или возраженія, народъ считаетъ себя благополучнымъ, наслаждаясь своимъ благосостояніемъ въ безопасности имущества и личной свободы, а если онъ иногда подверженъ случаямъ притѣсненія или несправедливости, то здравый смыслъ и природный умъ приписываютъ таковыя отступленія отъ общаго порядка личности противузаконно дѣйствующихъ чиновниковъ, которые въ каждомъ большомъ государствѣ и при лучшемъ государственномъ управленіи всегда встрѣчаются. Умѣренныя денежныя подати не тягостны простонародью, источники промышленности у насъ еще не исчерпнуты, народонаселеніе въ отношеніи къ пространству земли посредственно, такъ что еще 50 милліоновъ жителей могли-бы умѣститься въ Россіи, находить въ хлѣбопашествѣ достаточное пропитаніе. Россія втрое больше Европы и каждый членъ этой огромной державы, отъ государственнаго вельможи до крестьянина, убѣжденъ, что онъ подъ скипетромъ самодержавнаго государя единственно можетъ найти свое благополучіе. Даже всякій русскій дворянинъ, за исключеніемъ весьма малаго числа, которое воспитывалось въ чужихъ краяхъ, купечество, промышленники и даже хлѣбопашцы, способствуютъ всѣ вмѣстѣ русскому колоссу дать болѣе и болѣе твердости, такъ что этотъ исполинъ, на подобіе пирамидъ египетскихъ, можетъ устоять противъ бурь временъ въ теченіе тысячелѣтія".

Я напомнилъ графу о заговорѣ, обнаружившемся въ 1826 г. „Нарывъ на здоровомъ тѣлѣ нашей державы", — возразилъ графъ, — „который слѣдовало вырѣзать совершенно, чтобы навсегда истребить слѣды его. Конечно, подобный случай можетъ опять появиться, но не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ, т. е. послѣ новаго поколѣнія; но мудрость и твердость правительства и тогда легко уничтожатъ его, какъ въ первый разъ. Цѣлыя династіи могутъ исчезнуть на престолѣ, Равальяки и Анкарштремы могутъ появляться, но монархическое правленіе въ Россіи продолжится на многія столѣтія. Благословенія подданныхъ оста-

нутся навсегда оборонительною защитою противъ руки святотатца, измѣны и возмущенія".

— „Чистѣйшими перлами въ коронѣ русскаго государя являются провинціи Остзейскія. Дворянство тамошнее гордится правомъ принадлежать къ Россіи и отличается вѣрностію и преданностію къ монарху. Съ мужествомъ и храбростію служитъ оно въ рядахъ русской арміи, стараясь пламеннымъ усердіемъ во всякомъ случаѣ доказать на дѣлѣ искреннюю свою приверженность къ престолу и уподобиться во всемъ похвальномъ коренному русскому дворянству. Къ общему прискорбію, теперь породилась еще ревность со стороны послѣднихъ къ остзейскому дворянству. Причина этому, вѣроятно, состоитъ въ томъ, что остзейцы на службѣ коронной остаются постоянно до старости лѣтъ и, возвысившись до званія государственнаго сановника первыхъ двухъ степеней, продолжаютъ свою службу до тѣхъ поръ, пока она еще полезна правительству. Въ этихъ случаяхъ они, признавая самихъ себя пасынками одной и той-же державы, переносятъ безъ ропота всѣ непріятности и даже несправедливости своихъ главныхъ начальниковъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ въ той увѣренности, что правительство имъ отдастъ нѣкогда заслуженную справедливость. Потому и нынѣ многія отрасли государственнаго управленія находятся въ рукахъ чужестранныхъ и остзейскихъ нѣмцевъ, которые не подвергаются перемѣнѣ въ своихъ званіяхъ. Но для уничтоженія этой ревности я полагаю не безполезнымъ, ежели правительство предоставляло-бы остзейскому дворянству право принимать русскія фамильныя наименованія, особливо тѣмъ, которые, происходя отъ смѣшанныхъ браковъ, исповѣдуютъ православную вѣру. Въ теченіи пятидесяти до ста лѣтъ тогда по большей части исчезли-бы нѣмецкія прозванія и исчезли-бы причины, вызывающія ревность и интриги, и даже ненависть и преслѣдованіе".

Отъѣздъ мой изъ Бургаса и пріѣздъ въ Сатуново; неожиданное задержаніе мое тамъ.—Письмо фельдмаршала, писанное мнѣ по сему случаю.

Къ графу принесли депеши, приготовленныя къ отправленію со мною. „Отъ тебя зависитъ уѣхать еще сегодня (была уже полночь) или завтра поутру по раньше",—сказалъ графъ, передавъ мнѣ всѣ бумаги запечатанными.

Я зналъ, что графъ по дѣламъ службы не дѣлалъ исключенія изъ общаго правила заведеннаго порядка и потому я не хотѣлъ отступить отъ обыкновенія. Я отвѣчалъ графу: „Экипажъ мой готовъ, ночь свѣтла, и такъ позволь мнѣ отправиться сейчасъ". Мы съ нимъ простились.

Когда я пріѣхалъ въ Сатуновскій карантинъ, меня и все, что было при мнѣ, подвергли сильному окуриванію. Командиръ дунайскаго тетъ-де-пона, полковникъ Кокоревъ, объявилъ мнѣ, что я на другое утро могу отправиться далѣе по дорогѣ въ Варшаву. Квартиру, отведенную мнѣ въ карантинѣ, обставили часовыми, изъ чего я заключилъ, что меня считали зараженнымъ чумою, и я опасался, что меня задержутъ, въ чемъ я не ошибся. Въ полночь полковникъ Кокоревъ явился ко мнѣ съ адъютантомъ графа Воронцова, привезшимъ ко мнѣ письмо отъ его сіятельства изъ Одессы, въ которомъ графъ Воронцовъ весьма вѣжливо сообщилъ мнѣ о полученномъ чрезъ графа Чернышева Высочайшемъ повелѣніи не пропускать никого чрезъ Сатуновскій карантинъ, не подвергнувъ его строжайшимъ карантиннымъ постановленіямъ и задержанію въ теченіи 14 дней. И такъ, исчезли предо мною всѣ лестныя надежды представиться лично Его Императорскому Величеству въ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого я отправилъ въ Бургасъ къ фельдмаршалу по эстафетѣ всѣ полученныя отъ него депеши, извѣстивъ его о случившемся, и просилъ о присылкѣ мнѣ палатки и съѣстныхъ припасовъ. На третій день получилъ я отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Любезный другъ, сердечно сожалѣю, что распоряженіе, изъ Петербурга полученное, вслѣдствіе недовѣрчивости нашихъ высшихъ властей, доставитъ тебѣ на нѣсколько дней въ Сатуновѣ скуку и непріятности. Я надѣюсь, что ты тамъ не заболѣешь и къ пріѣзду моему къ тебѣ приготовишься, чтобы со мною отправиться въ крѣпость Тирасполь, назначенную мнѣ мѣстомъ карантина. Ежели мостъ черезъ Дуная у Сатунова будетъ наведенъ, то я къ тебѣ пріѣду 1-го или 2 мая. Бургасъ 21 апрѣля".

Гр. Дибичъ-Забалканскій.

Сообщ. **Н. К. Шильдеръ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА И РЕКТОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 $\frac{\text{13-го августа род.}}{\text{ум. 19-го сентября}}$ 1883 гг.

V [1]).

Несмотря на несчастія наводненія 1824 г. и смуту 14-го декабря 1825 г., я продолжалъ свою работу на первую золотую медаль, которую гравюру и кончилъ къ 1827-му году и получилъ желаемую награду, оставаясь жить въ академіи какъ пенсіонеръ и выжидая время быть послану въ чужіе края. Нашъ трудолюбивый президентъ А. Н. Оленинъ, любившій искусства какъ настоящій художникъ, не любилъ чужіе края, и я былъ въ отчаяніи, что мнѣ не придется въ нихъ побывать и поучиться, тѣмъ болѣе, что, встрѣтившись однажды со мною, онъ открыто сказалъ мнѣ: „У меня имѣется для тебя много работъ“.

Предчувствуя изъ этихъ словъ, что мнѣ не быть въ чужихъ краяхъ, какъ пенсіонеръ Академіи Художествъ, т. е. быть послану на казенный счетъ, я рѣшился изъ заработанныхъ денегъ составить

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 601—634.

себѣ изъ экономіи малыя средства и ѣхать на свой счетъ за-границу. Имѣлъ работу для Аладьина, его альманаха „Сѣверные Цвѣты“ [1]), портретъ извѣстнаго трагика Каратыгина, затѣмъ явилась работа, хотя не интересная по искусству, но выгодная для моей цѣли собрать деньги для путешествія—то была работа для академіи наукъ, профессора Френа, гравированіе восточныхъ монетъ, къ которымъ я такъ привыкъ, что, несмотря на ихъ ветхость, умѣлъ угадывать ихъ слова; моей способности г. Френъ не разъ удивлялся. Эта работа, при неусыпномъ стараніи, дозволяла мнѣ дѣлать малый запасъ для будущаго путешествія.

Наконецъ, насталъ неожиданно мой счастливый для меня 1829 годъ, и второй день Пасхи. Продолжая заниматься моими восточными монетами, совершенно упавши духомъ, такъ какъ дорогое время молодости уходило и тратилось на ничтожную работу, я на второй день Пасхи иду съ поздравленіями къ моему дорогому профессору Н. И. Уткину.

Онъ встрѣчаетъ меня съ распростертыми руками и, расцѣловавъ по обычаю праздника, говоритъ:

— „Теперь позвольте еще разъ васъ расцѣловать и поздравить съ радостнымъ рѣшеніемъ Совѣта, вчерашняго нашего вечерняго засѣданія, въ которомъ рѣшено этимъ лѣтомъ послать васъ въ Парижъ, какъ пенсіонера, на казенный счетъ, на три года“.

Отъ радости у меня замеръ голосъ, я не зналъ, что̀ говорить, и, наконецъ, весь въ слезахъ, началъ его благодарить и цѣловать. Достойный мой профессоръ самъ чуть не плакалъ, видя мою сердечную радость, и я едва внятнымъ, отъ преисполнявшей меня радости, голосомъ просилъ его разсказать, какъ могла столь неожиданно рѣшиться моя участь. Онъ въ краткихъ словахъ разсказалъ слѣдующее:

— „Вчерашняго дня, несмотря на первый день Пасхи, Совѣту были разосланы повѣстки, къ шести часамъ всѣмъ быть въ залѣ совѣта. По случаю великаго дня Пасхи и разговѣнья, всѣ члены были въ веселомъ настроеніи духа, равно и президентъ, который объявилъ совѣту, что вчерашняго дня, т. е. въ страстную субботу, государь оказалъ академіи свое царское вниманіе и милость.

---

[1]) Это ошибка: „Сѣверные Цвѣты“ издавалъ баронъ А. И. Дельвигъ, Аладьинъ изд. альманахъ—„Букетъ“ 1829 г.

Н. П. Собко.

подаривъ намъ копіи съ фресокъ Рафаэля, находящихся въ Ватиканѣ подъ Санціо Рафаэля, труды пенсіонеровъ Бруни и Басина, и что слѣдуетъ немедленно составить благодарственный адресъ, на что всѣ съ удовольствіемъ и согласились.

— „Видя“, продолжалъ свой разсказъ г. Уткинъ, „на всѣхъ лицахъ радость и удовольствіе, я вспомнилъ о васъ, сказавъ себѣ: вотъ минута, которою я могу воспользоваться для вашего дѣла, и попросилъ г. конференцъ-секретаря позвонить; когда тотъ позвонилъ, всѣ обратили на меня вниманіе, я же, привставъ, начинаю говорить: мой ученикъ Ѳ. И. Іорданъ, извѣстный своимъ поведеніемъ и стараніемъ, имѣя всѣ медали, имѣетъ право быть посланнымъ въ чужіе края, то и прошу г. президента и совѣтъ рѣшить его дѣло и тѣмъ уважить мою просьбу“.

„Президентъ былъ вначалѣ удивленъ неожиданнымъ предложеніемъ; совѣтъ-же немедленно порѣшилъ, что Іорданъ этой милости достоинъ и имѣетъ на то полное право, тогда и президентъ присоединился къ ихъ мнѣнію. Приказано составить протоколъ и внести его въ журналъ правленія, что и было исполнено, значитъ это фактъ совершившійся. Поѣзжайте къ президенту благодарить и готовьтесь этимъ лѣтомъ къ отъѣзду, конечно въ Парижъ“.

Поблагодаривъ вновь (Уткина), того-же утра я отправился къ президенту, жившему тогда на Гагаринской набережной, въ домѣ Гагарина, и когда я началъ благодарить его (А. Н. Оленина), то онъ замѣтилъ:

— „Не слѣдуетъ оставаться (за границей), что бо́льшею частью дѣлаютъ наши художники; мы не намѣрены заселять своими художниками чужіе края“.

Затѣмъ я пошелъ сообщить моимъ друзьямъ объ ожидавшей меня счастливой будущности.

Изъ всѣхъ моихъ друзей, самыми искренними было семейство Горяиновыхъ, принадлежавшее къ купеческому сословію; оно состояло изъ престарѣлаго отца, трехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ одна была мила собой, простосердечна и съ розовымъ румянцемъ весенней дѣвственности. Ее звали Маріею Михайловною, и я былъ, какъ говорится, исподтишка влюбленъ, но не успѣлъ еще уѣхать въ Парижъ, какъ она была выдана замужъ за достаточнаго человѣка, П. А. Безцѣннаго. Доброта этого

семейства жила въ моей памяти во все долгое время моего отсутствія изъ отечества. Кромѣ того, мнѣ былъ близокъ домъ моего сотоварища Брейтгорна, котораго участь была самая горькая: потерявъ отца, ему пришлось пещись и содержать мать свою, трехъ сестеръ и малолѣтняго брата. Одна изъ его сестеръ была въ замужествѣ за моимъ братомъ Александромъ. Тѣ времена были самыя счастливыя; все было молодо, все цвѣло, никакая грусть не врѣзывалась глубоко въ сердце; если когда-нибудь и были непріятности, то молодые годы скоро давали случаи ихъ забывать.

Такъ и пять лѣтъ моего пенсіонерства, кромѣ труда и развлеченій, оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Не долженъ умолчать (только для немногихъ) о случаѣ потери моей невинности [1])...

Я посѣщалъ, когда могъ, душевно уважаемую мною матушку; она мало раздѣляла мою радость по случаю поѣздки заграницу, предчувствуя, что наше разставаніе можетъ быть послѣднимъ, такъ какъ она была въ преклонныхъ годахъ и кромѣ того страдала отъ паралича, постигшаго ее при взятіи французами Москвы, въ 1812 году; параличъ нѣсколько разъ повторялся, и силы ея ослабѣвали. Видъ моей матушки наводилъ на меня грусть; но быть заграницею веселило меня и не рождало во мнѣ сомнѣнія, что моя разлука съ нею можетъ быть вѣчною, что̀ дѣйствительно случилось два года спустя. Съ матушкою была почти неразлучна моя младшая сестрица Анна, воспитанная въ Маріинскомъ институтѣ; она была ангелъ душою для родныхъ и друзей, особенно для меня. Будучи оба воспитаны въ казенныхъ заведеніяхъ, мы имѣли совершенно одинакіе взгляды на жизнь: натерпѣвшись всего, и худаго и хорошаго, которое всюду встрѣчается при воспитаніи въ закрытыхъ заведеніяхъ, мы были всѣмъ довольны, что радовало нашу бѣдную родительницу; мы веселили ее своими разсказами о похожденіяхъ нашего дѣтства, о нашихъ шалостяхъ и неповиновеніи гувернерамъ и гувернанткамъ, и она отъ души смѣялась, угощая насъ скромнымъ обѣдомъ и съ отличными сливками кофеемъ.

---

[1]) Здѣсь мы опускаемъ нѣкоторыя эротическаго содержанія подробности. Ред.

Всѣ жители Павловска имѣли своихъ коровъ, всѣ пили кофе, ибо Павловскъ почти весь былъ заселенъ нѣмцами, а нѣмецъ и въ особенности нѣмка безъ кофе и хорошихъ сливокъ едва-ли могутъ существовать.

Приближался іюль мѣсяцъ; слѣдовало начать думать объ отъѣздѣ; я началъ хлопотать о пріисканіи себѣ капитана корабля, началъ посѣщать биржу, гдѣ обыкновенно собираются капитаны для полученія фрахта, и наконецъ нашелъ одного, который обѣщалъ въ концѣ іюля получить фрахтъ и отправиться въ Штетинъ. Дѣлаю съ нимъ условіе имѣть мѣсто для спанья на диванѣ, завтракъ, обѣдъ и стаканъ портвейна ежедневно, при обязательствѣ, съ его стороны, доставить меня въ Штетинъ. Временемъ своего отъѣзда онъ измучилъ меня; наконецъ, послѣ тщетнаго ожиданія, онъ назначилъ нашъ отъѣздъ окончательно черезъ три дня и просилъ ожидать его въ Кронштадтѣ. Эти три дня я употребилъ на поѣздку съ братомъ Александромъ въ Павловскъ, гдѣ дорогая матушка встрѣтила меня со слезами.

У насъ была нанята карета въ четверку лошадей. День былъ воскресный и мы всѣ пошли въ лютеранскую церковь, гдѣ пасторъ Зейдель, послѣ проповѣди, просилъ помолиться за отъѣзжающаго въ дальній путь, который оставлялъ престарѣлую мать, просилъ помолиться о его благополучномъ путешествіи и о его родительницѣ, чтобы Господь помогъ ей вновь увидѣть его. Моя старушка горько плакала; многіе изъ присутствующихъ, по окончаніи службы, со мною прощались, а затѣмъ утѣшали мою маменьку, которую трудно было, впрочемъ, утѣшить. Она только и повторяла:

— „Я рада счастію Ѳеди, но болѣе мнѣ его не видать“.

Возвратившись домой, я старался развеселить ее, изыскивалъ все въ своей головѣ, что могло ее утѣшить, повторялъ нѣсколько разъ, что три года скоро пройдутъ. Она на минуту успокоится, затѣмъ вновь начинаетъ задумываться.

Къ обѣду столь торжественнаго дня — сынъ ѣдетъ въ Парижъ!—сынъ бѣднаго мастероваго ѣдетъ въ Парижъ!—и вмѣстѣ съ тѣмъ для дня разлуки, можетъ быть вѣчной, кухарка Настасья изготовила къ двумъ блюдамъ: супъ и вареное мясо,—еще блины. При блинахъ матушка развеселилась; затѣмъ явился кофе съ чудными сливками; собрана была изъ нашего малаго

сада смородина и малина, натолкли нѣсколько кусковъ сахару въ видѣ роскоши,—она никогда не могла себѣ позволить по бѣдности своей; сжимая крѣпко мою руку и умильно смотря на меня, маменька жалкимъ голосомъ говорила: „Больше не увидимся".

Какъ ни было грустно, но время становилось позднимъ, я съ братомъ собрался въ путь и, получивъ матушкинъ поцѣлуй и благословеніе, выбѣжалъ изъ комнаты и сѣлъ въ карету весь въ слезахъ; карета такъ сильно повернулась во дворѣ, что чуть не испортила воротъ; заворачивая въ другую улицу, я увидѣлъ, оглянувшись, что старушка все еще стояла за воротами съ платкомъ въ рукахъ.

Вопреки желанію, наконецъ, я облегчилъ свои чувства; простился я затѣмъ съ моимъ профессоромъ Уткинымъ, который далъ мнѣ письмо въ Кронштадтъ къ своему знакомому, простился и съ моимъ братомъ, который проводилъ меня до парохода.

Пріѣхавъ въ Кронштадтъ и отыскавъ знакомаго г. Уткина, вручилъ ему рекомендательное письмо; былъ принятъ самымъ радушнымъ образомъ, и очень сожалѣю, что не могу припомнить фамилію этихъ добрѣйшихъ людей, бездѣтныхъ. Я прожилъ у нихъ до восьми дней, справляясь въ гавани ежедневно о прибытіи моего корабля; тремъ обѣщаннымъ днямъ конца не было, наконецъ черезъ восемь дней капитанъ прибылъ.

VI.

Поблагодаривъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, я отправился вечеромъ на корабль, гдѣ встрѣтилъ еще двухъ пассажировъ: одного баварца и какого-то тщедушнаго молодаго нѣмца; ознакомившись съ каютою и моимъ диваномъ, я отлично поужиналъ со стаканомъ портвейна и ѣлъ съ аппетитомъ. Вскорѣ мы улеглись спать, каждый на свои мѣста; я былъ между ними аристократъ и первое лицо. Капитанъ хлопоталъ болѣе обо мнѣ, нежели о нихъ, предполагая, что съ меня онъ взялъ двойную или тройную плату. Мои спутники спали на полу, другаго мѣста не было, кромѣ какъ за занавѣсью, гдѣ помѣщалась отличная постель самого капитана. Ночью послышался на палубѣ

шумъ, вытягивали якорь, и мы тронулись въ путь. Утромъ я позавтракалъ съ аппетитомъ, но не прошло и часа, какъ я началъ чувствовать всѣ признаки морской болѣзни, и весь мой аппетитный ужинъ и утренній завтракъ сдѣлались добычею моря или Финскаго залива; послѣ чего всѣ условія, заключенныя мною съ капитаномъ, обратились въ его пользу, ибо, перекусивъ въ теченіи цѣлаго дня кое-что, я боялся воспользоваться обѣдомъ, ужиномъ или завтракомъ, такъ какъ, не успѣвъ ихъ покончить, я бѣжалъ уже на палубу и тамъ, среди страданій, вновь возвращалъ все, какъ и въ первое утро, водамъ Финскаго залива.

Нѣсколько дней мы плыли на нашемъ купеческомъ кораблѣ по Финскому заливу; но когда мы вступили въ предѣлы моря, то насъ стало качать примѣтно сильнѣе. Никто изъ насъ, кромѣ самого капитана, не пользовался удовольствіями нашего морскаго путешествія. Съ отличнымъ аппетитомъ онъ истреблялъ за троихъ обѣдъ, ужинъ и завтракъ, спалъ непробуднымъ сномъ съ девяти часовъ вечера до восьми утра, имѣя отличные пуховики и подушки,—роскошь, которую скрывала отъ насъ его занавѣсь.

Каждое утро являлся къ завтраку старикъ лоцманъ (штурманъ) и доносилъ капитану: какова погода, сколько узловъ дѣлаетъ судно и гдѣ мы находимся.

Одинъ день, во время нашего путешествія, былъ (особенно) восхитителенъ: небо было безъ облачка и солнце жгло насъ. Судно едва подвигалось впередъ, паруса, не надуваемые вѣтромъ, такъ сказать колыхались, и сотни дельфиновъ играли въ морѣ около судна, нѣкоторые изъ нихъ даже выскакивали на поверхность воды. Зрѣлище было великолѣпное, и мы тихо скользили по морю, какъ по стеклу; мы всѣ находились цѣлый день на палубѣ, восхищались всѣмъ окружающимъ, точно сновидѣніемъ, и, наконецъ, совершенно счастливые и усталые отъ восхищенія, спокойно предались сну, не смотря на то, что матросы говорили намъ, что очаровательная тишина моря есть зловѣщій предвѣстникъ бури, тѣмъ болѣе, что и капитанъ не раздѣлялъ нашего удовольствія при видѣ этого очаровательнаго дня, и я замѣтилъ, что онъ, посматривая на висячіе безъ дѣйствія паруса, насвистывалъ, засунувъ руки въ боковые карманы, точно призывая къ нам вѣтеръ. Что намъ предсказывали, то и случилось.

Къ завтраку, по обыкновенію, явился нашъ старикъ лоцманъ и капитанъ, за своею занавѣсью спрашиваетъ: „какова погода?“ — „Виднѣются лебеди“, былъ отвѣтъ. Любопытство требовало истолкованія этихъ загадочныхъ словъ. Я по лѣсенкѣ поднимаюсь на палубу и вижу совершенно противоположное вчерашнему дню. Небо приняло пасмурный, желѣзоподобный видъ, по немъ несутся, въ видѣ изорванныхъ тучъ, облака, на морѣ зыбь, а вдали являются и исчезаютъ, бѣлою пѣною покрытыя, волны въ видѣ бѣлыхъ лебедей, къ тому же дуетъ довольно холодный вѣтеръ. Спускаюсь съ палубы въ каюту и разсказываю видѣнное; капитанъ съ ироническою улыбкою замѣчаетъ на это: „вчера вы восхищались тишиной дня, сегодня потанцуемъ съ боку на бокъ“.

Такъ и случилось. Вѣтеръ становился сильнѣе; къ четыремъ часамъ послѣ обѣда явилась, во всемъ ужасѣ, буря. Море казалось кипящимъ отъ волнъ, которыя вздымались подобно громаднымъ скаламъ, и на нихъ неслось наше судно, казавшееся при этой ужасной обстановкѣ ничтожною щепою. Я ужаснулся, когда не вдалекѣ отъ нашего судна увидѣлъ другое, несшееся со всею силою; его подбрасывало какъ-будто на гору, затѣмъ оно исчезало точно въ пропасть. Мы могли стоять только на верхушкѣ лѣстницы, на палубѣ вѣтеръ сшибалъ съ ногъ, шелъ сильный дождь и къ вечеру стало очень свѣжо. Наше судно везло большое количество бочекъ съ поташемъ, которыя, не знаю почему, съ грохотомъ ударялись въ ту сторону, куда клонило судно. На насъ напалъ страхъ. Мы старались узнать причину этого ужаснаго шума; только и капитанъ, и матросы были молчаливы и не отвѣчали на наши вопросы. Буря становилась каждый часъ страшнѣе. Капитанъ надѣялся, что въ восемь часовъ вечера будетъ перемѣна, и точно перемѣна была, только къ худшему. На лицѣ капитана явилось отчаяніе. Онъ переодѣлся простымъ матросомъ и сталъ у руля; неожиданно онъ началъ молиться вслухъ, читая „Отче нашъ“. Вокругъ насъ зги не видать, вѣтеръ воетъ клокоча, корабль трещитъ, бочки съ шумомъ бьютъ внутренность его то въ одну, то въ другую сторону. Мы въ страхѣ стоимъ и смотримъ другъ другу въ лицо; отъ ужаса и отчаянія не можемъ вымолвить ни одного слова. Спасенія нѣтъ. Безграничное пространство воздуха и воды не даютъ ни

малѣйшей надежды къ спасенію, мы ее видимъ только въ молитвѣ и надѣемся, авось Богъ спасетъ насъ.

Въ положенный часъ, капитанъ явился весь мокрый и усталый въ каюту и, не смотря на ужасы бури, онъ отлично поужиналъ за насъ троихъ и порядкомъ выпилъ: и нашего простячка, и портвейна. Мальчуганъ, прислуживавшій ему, съ печальнымъ лицемъ убирая посуду и ложки, получилъ для насъ зловѣщій приказъ: „посуды не мыть, можетъ быть она не будетъ намъ нужна“. Мальчишка заплакалъ, а мы перепугались, и между нами начались какъ-будто предсмертные разговоры.

— Вотъ, господа, жизнь моряка, говоритъ капитанъ. Съ малыхъ лѣтъ я трудился въ морской службѣ, экономіею скопилъ столько, что выстроилъ новое судно. Второй годъ оно у меня въ дѣлѣ; меня ожидаетъ невѣста, и вотъ въ одинъ или въ два часа я могу все потерять.

Нашъ спутникъ, старикъ-баварецъ, прерывая его, говоритъ:

— Я — отецъ шестерыхъ дѣтей, ружейный мастеръ, выдумалъ новое орудіе, рѣшился ѣхать въ Россію, чтобы продать свое изобрѣтеніе. Послѣ многихъ трудностей у меня пожелали купить его съ тѣмъ условіемъ, чтобы я показалъ секретъ изобрѣтенія; я отказался, боясь, что коль скоро открою его, они могутъ сказать, что онъ имъ не нуженъ и затѣмъ сами сдѣлаютъ по показанному имъ секрету. Теперь я возвращаюсь бѣднякомъ, издержавъ сбереженную копейку, не наживъ хотя малаго состоянія, на которое я разсчитывалъ.

Тощій, исхудалый, малаго роста нѣмецъ, перестрадавшій отъ морской болѣзни, молчалъ. Онъ былъ похожъ болѣе на мертвеца, нежели на живаго человѣка. Я также молчалъ. Они знали, что я художникъ и обезпеченъ въ издержкахъ своимъ правительствомъ.

Въ то время, когда шли эти прискорбные разговоры, въ каютѣ безъ умолку трещало во всѣхъ концахъ, и становилось страшнѣе, чѣмъ на палубѣ; мы поднялись всѣ на палубу; шумъ моря, сильный дождь и вѣтеръ болѣе не страшили насъ; мы какъ-будто сроднились со всѣми ужасами. Носъ корабля спустился почти въ море; нѣсколько боковыхъ перилъ отъ палубы оторвало волнами; собака, бывшая спутница матросовъ, опустивъ хвостъ, съ поникшею головою искала между нашихъ ногъ себѣ

спасенія. Матросы съ угрюмыми лицами сидѣли тамъ и сямъ и не отвѣчали на наши вопросы. Я замѣтилъ, что матросовъ на суднѣ какъ-будто не стало; затѣмъ вижу, они выходятъ на палубу по одиночкѣ, въ опрятномъ видѣ. На нихъ чистыя рубашки, они выбриты и вообще какъ-будто собрались въ гости; мало по малу они всѣ явились въ опрятномъ видѣ, тогда какъ прежде они были грязны, въ грязномъ бѣльѣ и съ неумытыми лицами. Вдругъ мы слышимъ крикъ и узнаемъ, что нашъ лоцманъ, видя или предчувствуя, что судно не будетъ спасено отъ этой ужасной бури, точно помѣшался, началъ молиться и посылать благословеніе своимъ дѣтямъ, крича во все горло, что мы погибаемъ! Капитанъ въ отчаяніи, велитъ увести его въ каюту, жалуясь намъ на него, что онъ, вмѣсто пользы въ столь трудное время, бросаетъ самое важное мѣсто и приходитъ въ отчаяніе, тогда какъ ему приходилось уже видѣть во время его долголѣтней службы, можетъ быть, бури и посильнѣе нашей.

Капитанъ бросаетъ управленіе рулемъ, занимаетъ мѣсто лоцмана у компаса, не переставая ругать его по временамъ и обѣщаетъ, по возвращеніи на родину, выгнать его изъ службы. Между тѣмъ вокругъ свирѣпствовала буря и мы, уставши стоять на палубѣ и продрогши, спустились въ каюту и я было прилегъ на свой диванъ, какъ вдругъ слышимъ трескъ стеколъ въ нашемъ маленькомъ окнѣ, затѣмъ стекла падаютъ на полъ и огромная струя воды врывается въ нашу каюту.

Мы въ ужасѣ соскакиваемъ съ своихъ мѣстъ, въ кромѣшной темнотѣ, такъ какъ вода загасила нашу свѣчу; схватываемся другъ за друга, кричимъ: „Прощайте!“ предполагая, что тонемъ и нѣтъ спасенія. Въ это время въ торопяхъ спускается къ намъ капитанъ и, вбѣгая въ каюту, кричитъ: „Это ничего не значитъ, волну перебросило черезъ судно!“ Проситъ выливать воду чѣмъ можемъ. Тутъ спустились къ намъ и матросы съ ведрами, и начали выливать воду.

Какъ скоро зажгли свѣчу, которая затухла было отъ этой массы воды, нахлынувшей въ нашу каюту, мы всѣ были блѣдны, какъ смерть, и радовались, что мы еще живы.

Къ утру и весь послѣдующій день буря мало по малу стихла, и я узналъ причину опрятности, которую я замѣтилъ въ матросахъ наканунѣ.

Намъ сказали, что матросы во время неминуемой опасности готовятся какъ-будто къ смерти, и желаютъ лечь въ глубину морскую въ томъ видѣ, какъ если бы имъ случилось лечь въ могилу на сушѣ, когда родные обыкновенно хоронятъ покойника въ опрятномъ видѣ; на морѣ имъ самимъ приходится о себѣ подумать, поэтому они брѣютъ себѣ бороду, моются и одѣваютъ чистую сорочку. Бываетъ-ли этотъ обычай на всѣхъ судахъ и у всѣхъ матросовъ—не знаю, но то, что было у насъ, мнѣ очень понравилось.

Какъ ни бушевало море, но намъ стало повеселѣе, видя, что капитанъ успокоился. Чрезъ два дня море успокоилось; вѣтеръ дулъ попутный; наконецъ, обрадовалъ насъ шедшій къ намъ на встрѣчу катеръ, съ лоцманомъ, изъ Свинемюнда, съ предложеніемъ втянуть наше судно въ ту же ночь въ портъ. Долго устанавливали они между собою цѣну и толковали о нашей бурѣ, осматривая сильныя поврежденія, причиненныя ею нашему судну. Лоцманъ сообщилъ, что буря была такъ сильна, что нѣсколько судовъ погибло въ эти два дня. Нашъ капитанъ поилъ его русскою водкою и на закуску далъ нашей икры съ хлѣбомъ. Въ цѣнѣ они не сошлись, лоцманъ отчалилъ, и намъ пришлось лавировать два дня въ виду города Свинемюнде, пока на третій день, среди шума и крика, насъ втянули вечеромъ въ портъ, и мы всѣ обрадовались, увидавъ землю послѣ восемнадцати дней морскаго путешествія, во время котораго, кромѣ необъятнаго пространства воды и неба, мы ничего не видали.

Вдругъ показался берегъ, окаймленный домами; въ окнахъ виденъ былъ свѣтъ; до насъ доносился шумъ экипажей и всюду виднѣлся снующій народъ. Радость нашу трудно описать, особенно мнѣ, не видавшему до тѣхъ поръ ничего, кромѣ Павловска и Царскаго Села. Такъ какъ наше судно стояло спокойно, безъ качки, то капитанъ предложилъ намъ хорошій ужинъ, просилъ пораньше лечь спать, ибо завтра рано утромъ придутъ таможенные чиновники осматривать нашъ багажъ.

Мы послушались капитана. Вставши рано, побрились, помылись, причесались и едва успѣли одѣть чистое бѣлье, видимъ, является къ намъ нѣсколько личностей, предводимыхъ какимъ-то старичкомъ съ предобрыми манерами. Онъ привѣтствовалъ насъ съ счастливымъ пріѣздомъ, слегка и весьма осторожно осмотрѣлъ

наши чемоданы и попросилъ насъ послѣдовать за ними, говоря: „Мы скоро васъ отпустимъ“. Онъ ввелъ въ домъ, въ сильно накуренную комнату, гдѣ за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ съ длинными чубуками во рту; они тотчасъ предложили намъ взять трубки, которыхъ въ углу стояло порядочное количество, разсмотрѣли и засвидѣтельствовали наши виды и, затѣмъ распростились съ нами весьма учтиво; мы-же пошли гулять по улицамъ малаго городка Свинемюнде.

Не смотря на ничтожность этого городка, меня все въ немъ поражало. Кромѣ домовъ и костюмовъ, мнѣ казалось, что даже деревья и самое небо иные, нежели у насъ; я зашелъ въ малую кофейню, отыскалъ незавидный трактиръ, гдѣ закусилъ, ибо послѣ восемнадцати-дневнаго морскаго путешествія, которое своею морскою болѣзнію совершенно очищаетъ желудокъ, я почувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ и съ отличнымъ аппетитомъ, почему скромный обѣдъ въ Свинемюнде показался мнѣ изысканнымъ и я истребилъ порядочную порцію. За обѣдомъ явился ко мнѣ какой-то человѣкъ и предложилъ мнѣ мѣсто въ своей крытой большой лодкѣ, говоря: „Съ вашимъ судномъ потребуется гораздо болѣе времени до Штетина, нежели на моей лодкѣ. Мы поѣдемъ сегодня вечеромъ и завтра къ утру вы будете въ Штетинѣ“,—на что я и согласился.

Въ лодкѣ нашелъ я другихъ пассажировъ, веселыхъ молодыхъ людей; бо̀льшую часть дороги они пѣли симпатичныя нѣмецкія пѣсни, были веселы и разговорчивы. Наконецъ, мы уснули и на другой день прибыли въ Штетинъ, гдѣ понравились мнѣ дома набережной и отличная гавань со множествомъ купеческихъ кораблей. Пробывъ здѣсь день, я отправился съ лонкуттеромъ (т. е. на долгихъ) въ Берлинъ, гдѣ также пробылъ малое время. Посѣтилъ затѣмъ Дрезденъ, гдѣ встрѣтилъ земляка, русскаго, фамиліи его не помню, и онъ показалъ мнѣ восхитительныя окрестности города; я отдалъ письмо Н. И. Уткина г. Френцелю, граверу и смотрителю Дрезденской богатой картинной галлереи; отсюда я уже отправился въ Парижъ чрезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ.

VII.

Пріѣхавъ на французскую границу въ Саарбрюкенъ, я увидалъ новую касту людей—французскихъ жандармовъ, богато и чисто одѣтыхъ, изъ коихъ одинъ что-то у меня спросилъ; я не могъ его понять, сосѣди-же мои мнѣ съ улыбкою отвѣтили: „онъ спрашиваетъ вашъ паспортъ“. Передавъ ему свой паспортъ, я былъ крайне изумленъ, что подъ-инспекторъ нашей академіи, французъ Неваль, называлъ (меня) французомъ, здѣсь-же я не могъ понять самаго простаго вопроса и рѣшилъ, что я полный неучъ во французскомъ языкѣ и что придется мнѣ много терять времени на его изученіе.

Проѣзжая мимо Шампаньи, дилижансъ остановился и намъ изъ кабачка вынесли предряннаго шампанскаго вина, по случаю принятаго здѣсь обычая—волею-неволею поить своимъ знаменитымъ виномъ. Наконецъ, насталъ вечеръ и было довольно поздно, когда мы въѣхали въ предмѣстье Парижа.

Все мнѣ казалось бѣдно и печально. Грязные заборы и улицы грязны; даже въѣхавъ въ самый городъ, отъ поздняго-ли часа или отъ тусклости фонарей и общей грязи, Парижъ, послѣ нашего чистоплотнаго Петербурга, мнѣ крайне не понравился; взявъ номеръ недалеко отъ конторы дилижансовъ, въ улицѣ Du Mail, я потребовалъ что-нибудь перекусить, но, не будучи знакомъ, какъ я уже сказалъ, съ французскимъ языкомъ, не могъ много требовать или вести разговоръ; прійдя въ свой номеръ, я удивился альковy и круглымъ головнымъ подушкамъ, кое-какъ улегся и долго думалъ, какъ прійдется ко всему новому привыкать, и, разсуждая и думая, преспокойно уснулъ. Утромъ всталъ и началъ бродить по улицамъ. Меня удивила въ то время нечистота парижскихъ улицъ: водосточныхъ трубъ еще не было и посреди улицы протекалъ ручей грязной, вонючей воды; около домовъ валялась всякая нечистота; очистки зелени, тутъ были и капустные листья, гнилая морковь и скорлупа отъ яицъ; повсюду сырость, тротуаровъ же и помину не было.

Поворачивая въ новую улицу, я замѣчалъ ея названіе и чѣмъ дальше шелъ, всюду представлялись мнѣ неопрятные дома съ грязными улицами. Ноги уставали, шагая отъ грязи съ одного

круглаго камня на другой, такой-же формы. Голодъ заставилъ меня подумать о завтракѣ; войдя въ первый кофейный домъ, вижу бездну молодыхъ людей, болтающихъ съ веселыми лицами, другая же половина занята газетами, а половой, благообразной наружности, съ чисто выбритымъ лицемъ, въ бѣломъ передникѣ, держалъ въ каждой рукѣ по огромному кофейнику, изъ коихъ въ одномъ было кофе, а въ другомъ молоко, и съ большою ловкостью, на порядочной высотѣ, вливалъ въ стаканъ сначала кофе, а затѣмъ молоко; отличный бѣлый хлѣбъ находился уже на подносѣ, на которомъ лежала также порядочная порція колотаго сахара, изъ коего половина идетъ для услащенія кофея, а другая кладется въ пустой стаканъ и наливается холодною водою, въ которой сахаръ распускается; послѣ питья кофею его запиваютъ подслащенною водою. Это я замѣтилъ, какъ общій законъ при кофепитіи.

Увидавъ, какъ другіе пьютъ и заказываютъ свой кофе „caffé au lait, s'il vous plaît", и я заказалъ половому и позавтракалъ отлично; платить-же пришлось дамѣ, сидящей на возвышенномъ мѣстѣ, кокетливо одѣтой и занимающейся чѣмъ-то, имѣя передъ собою цѣлую батарею блюдечекъ съ колотымъ сахаромъ; для каждой порціи кофе половой приходитъ къ ней за порціею сахара и эти-то порціи дама считаетъ и знаетъ, сколько порцій кофе выпито. Къ этой-то дамѣ я подошелъ и, не зная счета на французскомъ языкѣ, далъ ей крупную серебряную монету, и она дала мнѣ сдачи, при чемъ я видѣлъ, что другіе, уплативъ за кофе, клали въ вазу мелкую монету въ пользу прислуги.

Такимъ образомъ я жилъ въ своемъ отелѣ около восьми дней, не зная, гдѣ найду посланника и какъ отдамъ письмо къ профессору Ал. Тардье, къ которому имѣлъ письмо отъ нашего президента А. Н. Оленина и другія письма отъ моего профессора Н. И. Уткина къ граверу Денойе и знаменитому живописцу Жерарду.

Изъ этого труднаго положенія вывелъ меня портной, жившій въ нашемъ-же домѣ. Мнѣ понадобился сюртукъ и я рѣшился зайти къ нему. Видя, что я иностранецъ, русскій, и не знаю ихъ языка, онъ съ рѣдкою добротою, свойственною этому удивительному народу, началъ объяснять, что я, какъ художникъ, живу въ дорогомъ отелѣ, что художники живутъ въ латинскомъ квар-

талѣ, по ту сторону Сены, и что онъ готовъ сегодня же послѣ обѣда идти со мною и пріискать мнѣ квартиру; снялъ съ меня мѣрку, а послѣ обѣда я зашелъ къ нему въ магазинъ.

Онъ бросилъ свою работу, далъ женѣ какія-то порученія и мы вышли. Дорогою онъ толковалъ мнѣ очень много о Парижѣ, къ несчастію я мало что могъ понять. Тутъ увидалъ я рѣку Сену съ грязною желтоватою, отъ песка, водою, бездну на ней купаленъ и довольно длинный каменный мостъ; перейдя его, мы вошли въ улицу Дофина и на углу улицы Медицинской школы онъ нанялъ мнѣ отличную комнату съ альковомъ, съ двумя окнами на улицу, за 30 фр. въ мѣсяцъ; затѣмъ, просилъ хозяина завтра же дать мнѣ слугу, чтобы проводить меня въ Елисейскія поля, къ русскому послу Поццо-ди-Борго, и вообще просилъ его взять меня подъ свое попеченіе, какъ иностранца, особенно русскаго. Затѣмъ, я возвратился съ нимъ въ мой отель, онъ помогъ уложить мои вещи въ чемоданъ, помогъ расплатиться съ хозяиномъ отеля, нанялъ носильщика снести мои вещи и чемоданъ, объяснилъ, что мнѣ слѣдуетъ ему заплатить, и къ вечеру я былъ уже въ Латинскомъ кварталѣ и въ самой шумной улицѣ.

Помаленьку я началъ понимать французскій языкъ, ибо французъ говорливъ и радуется иностранцу, говорящему на его языкѣ, и съ удовольствіемъ помогаетъ ему въ изученіи его.

На другой день я отправился въ наше посольство, гдѣ меня принялъ самъ посолъ, графъ Поццо-ди-Борго, и разговорился со мною объ упадкѣ французской скульптуры, ставя въ примѣръ статуи, которыя только что были окончены и поставлены на мосту Людовика XV: всѣ онѣ были высѣчены изъ бѣлаго мрамора въ своихъ костюмахъ и нѣкоторыя поражали своею трагическою позою, какъ, напримѣръ, великій Конде, работы лучшаго въ то время скульптора Давида. Графъ былъ очень ласковъ, будучи по происхожденію французъ, а обходительность составляетъ, какъ извѣстно, отличительную черту этого великаго народа, который всюду поражаетъ своимъ пріятнымъ и ласковымъ обхожденіемъ. Затѣмъ мнѣ слѣдовало явиться къ профессору гравированія г. Тардье, жившему по близости отъ моей новой квартиры, къ которому я имѣлъ письма отъ президента А. Н. Оленина и отъ Н. И. Уткина и къ которому мнѣ слѣдовало поступить въ ученики.

Отыскавъ квартиру Тардье и явившись къ нему, я вручилъ ему письма. Пока онъ читалъ, я могъ разсмотрѣть его. Это былъ маленькій старичекъ, худенькій, подозрительный, ибо, читая письмо, онъ посматривалъ на меня, я-же обрадовался, увидавъ у него на стѣнѣ, среди эстамповъ, на лучшемъ мѣстѣ, гравюру моего земляка Берсенева съ Тиціана „Искушеніе Спасителя", гравированную для коллекціи дюка Орлеанскаго и которая составляетъ лучшее украшеніе этого богатаго изданія.

Мой старичекъ это замѣтилъ и говоритъ мнѣ: „Ага, вы увидали и узнали своего земляка. Да, это былъ талантливый молодой человѣкъ, только любилъ гулять въ Пале-Роялѣ, отъ этого рано и умеръ". Потомъ онъ началъ толковать о будущихъ моихъ занятіяхъ, заявилъ мнѣ, что къ себѣ не можетъ помѣстить меня, такъ какъ у него молодая жена и это возбудитъ толки, „но я вамъ пріищу квартиру въ нашемъ домѣ, сказалъ онъ, — и займу васъ копированіемъ съ лучшей академической преміи нашихъ граверовъ нынѣшняго года". Это меня озадачило, ибо я думалъ, что пріѣхалъ въ Парижъ, съ первою золотою медалью, не для начала ученья, а чтобы продолжать свои занятія гравированіемъ съ какой-нибудь знаменитой картины. Онъ началъ говорить даже о будущей своей наградѣ, говоря, что Бервикъ получилъ за Н. Уткина брилліантовый перстень.

По слабому знанію французскаго языка, я мало что могъ понять, но наше академическое ученіе, какъ ни было слабо, но очень помогло мнѣ потомъ на практикѣ. Старичекъ пригласилъ меня на другой день обѣдать, и тутъ я увидалъ его премилую молодую жену, только она, зная, вѣроятно, ревнивый характеръ мужа и слыша мой несносный французскій выговоръ, мало говорила со мною. Тутъ сидѣла и его дочь, маленькаго роста, о которой онъ мнѣ потомъ сказалъ, что она умомъ слаба.

По окончаніи обѣда профессоръ проводилъ меня до моего дома, и видно было, что онъ радовался будущей своей добычѣ и чести, которая была ему оказана нашею академіею, поручившею ему своего пенсіонера. Продолжая разговаривать, онъ сказалъ, что учениковъ не имѣетъ, поэтому я буду заниматься возлѣ него въ его мастерской, и что онъ нашелъ мнѣ квартиру въ его домѣ въ аттикѣ, т. е. въ шестомъ этажѣ, куда я и перебрался на слѣдующій день; подымаясь въ свое помѣщеніе, по

нескончаемымъ лѣстницамъ, я едва переводилъ духъ, пока, наконецъ, вошелъ въ маленькую комнатку, гдѣ моя голова касалась потолка; плата за нее была 70 фр. въ годъ.

Швейцаръ или портье, который есть главная личность каждаго дома во Франціи,—народъ самый честный и вѣрный; онъ утѣшалъ меня, что квартира спокойная и что его жена будетъ мнѣ прислуживать за два франка въ мѣсяцъ. Я молчалъ и удивлялся, осматривая мое новое жилище, и съ шумной улицы Дофина попалъ въ будку, гдѣ, кромѣ безмовныхъ черепитчатыхъ крышъ и неба, ничего не видать; но какъ новичекъ, притомъ не знавшій французскаго языка, я безмолвствовалъ и удивлялся, думая: „вотъ тебѣ и Парижъ, и мой неусыпный трудъ дома, чтобы попасть въ чужіе края, чтобы жить между небомъ и крышами!“ Затѣмъ купили мнѣ простой столъ, деревянную кровать и два соломенныхъ стула, принесли кувшинъ воды для мытья, стаканъ и графинъ.

Добрый старикъ швейцаръ съ улыбкою передалъ мнѣ ключъ отъ комнаты съ номеромъ, сказавъ, что, при уходѣ со двора, ключъ оставляется въ швейцарской и что слѣдуетъ замѣтить номеръ на ключѣ, и „когда по возвращеніи домой вы спросите номеръ, его вамъ тотчасъ вручатъ“; какъ припомню, мой номеръ былъ 72-й.

Довольно скучнымъ отправился я къ г. Тардье и сказалъ ему, что переѣхалъ,—это было въ пятницу; въ субботу-же, на другой день, онъ обѣщался идти со мною въ картинную галлерею Лувра. Выйдя отъ него, я началъ отыскивать моего товарища Антона Казиміровича Олещинскаго; адресъ его былъ у меня, но мнѣ хотѣлось прежде представиться послу и вручить письма г. Тардье, а тотъ не далъ мнѣ времени одуматься, тотчасъ схватилъ меня какъ бѣдную муху, попавшую въ паутину и затѣмъ въ лапы паука.

Съ трудомъ отыскалъ я, наконецъ, моего сотоварища; онъ съ распростертыми объятіями принялъ меня, пошли разговоры на русскомъ языкѣ, и я до слезъ былъ обрадованъ, чувствуя себя какъ-бы въ Россіи, съ которою я разстался вотъ уже три мѣсяца. Пошли разговоры о старой счастливой жизни, дошли, наконецъ, и до профессора, къ которому я желалъ поступить. Я разсказалъ, что недавно былъ принятъ въ нашу академію

почетнымъ членомъ г. Тардье, къ которому меня отрекомендовали Оленинъ и Уткинъ, и что я былъ уже у Тардье; тутъ я разсказалъ мое посѣщеніе къ нему, что онъ желаетъ начать свое обученіе меня довольно обиднымъ для меня образомъ и уже помѣстилъ меня въ своемъ домѣ, такъ сказать, въ свѣтелкѣ.

Со смѣхомъ начинаетъ Олещинскій описывать мнѣ достоинства Тардье, что онъ граверъ отжившей уже старой школы, безъ учениковъ, и что мнѣ слѣдуетъ поступить къ лучшему нынѣшнему граверу Ришому. „Его ученики теперь считаются лучшими граверами и получаютъ римскія золотыя медали; вамъ слѣдуетъ тотчасъ отъ Тардье отказаться, продолжалъ г. Олещинскій, — одного боюсь, найдете-ли вы у Ришома мѣсто въ его мастерской, она мала и у него шесть учениковъ".

Наговорившись, онъ проводилъ меня до дома и, поднимаясь въ мою свѣтелку, дойдя только до половины лѣстницы, запыхался и не могъ идти далѣе. Простившись, я обѣщался быть у него рано утромъ, что и сдѣлалъ.

Тогда-же мы пошли къ г. Ришому; г. Олещинскій отрекомендовалъ меня и просилъ его принять меня въ свои ученики. Ришомъ былъ радъ, но боялся, что не найдется мѣста, и такъ какъ его мастерская была возлѣ его комнаты, то мы и вошли въ нее, и онъ указалъ мнѣ мѣсто довольно дальнее отъ окна; я увидѣлъ, что на два окна у него работаетъ шесть учениковъ; Ришомъ согласился меня взять съ платою по 25 франковъ въ мѣсяцъ.

Теперь предстоялъ мнѣ ужасъ, какъ высказать г. Тардье перемѣну моихъ мыслей, что я перехожу къ г. Ришому, но Олещинскій совѣтывалъ быть смѣлымъ и сразу сказать, что я желаю поступить въ мастерскую, гдѣ имѣются ученики, чтобы, съ усовершенствованіемъ въ гравированіи, вмѣстѣ выучить и французскій языкъ.

Въ 11 час. утра я былъ у г. Тардье, и мы отправились, по сдѣланному условію, въ Лувръ. Онъ былъ очень веселъ и не ожидалъ приближающейся непріятности, которая его постигла, именно когда мы были на Pont Neuf; тогда я началъ описывать ему мои затрудненія въ незнаніи языка, и что мнѣ было-бы гораздо пріятнѣе находиться въ мастерской съ молодыми людьми, въ обществѣ которыхъ я могу скорѣе познакомиться со страною

и обычаями здѣшнихъ художниковъ. Мой старичекъ совершенно измѣнился.

— „Какъ, вы желаете поступить въ студію къ другому профессору?“

— „Да“, рѣшился я отвѣтить ему.

— „Къ кому-же?“

— „Къ г. Ришому“, былъ мой отвѣтъ.

— „Да, онъ хорошъ, только я не веду съ нимъ дружбы, такъ дѣлайте, какъ желаете“.

Всю дорогу и въ Луврѣ, несмотря на то, что я восхищался этимъ рѣдкимъ собраніемъ самыхъ замѣчательныхъ картинъ, онъ оставался молчаливымъ. По выходѣ изъ Лувра, я съ нимъ разстался.

Я желалъ всѣми мѣрами усовершенствоваться въ моемъ искусствѣ, ознакомиться со страною и изучить французскій народъ, что было-бы очень трудно, если-бы я водворился у г. Тардье въ полномъ одиночествѣ, гдѣ знакомился-бы только съ небомъ и крышами домовъ.

Разыскавъ, какъ я уже сказалъ, моего сотоварища по академіи г. Олещинскаго, который жилъ въ Парижѣ болѣе пяти лѣтъ, я продолжалъ съ нимъ видѣться. Я разстался съ нимъ въ академіи въ 1824 г., съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался совершенно парижаниномъ и былъ знакомъ со всѣми тайнами Парижа; его-то дружба очень скоро познакомила меня съ этимъ шумнымъ городомъ.

Въ своей мастерской г. Ришомъ занялъ меня копіею съ своего рисунка двухъ головъ, въ натуральную величину, портретовъ Рафаэля и Перуджино, и просилъ сдѣлать ихъ въ уменьшенномъ видѣ; по окончаніи-же головъ начать гравировать, говоря, что теперь зима, а потому въ Луврѣ для занятій, т. е. для рисованія, время почти невозможное, почему и совѣтовалъ, въ ожиданіи весенней погоды, начать ихъ гравировать.

Я согласился и началъ гравировать.

Теперь скажу два слова о мастерской. Это была маленькая комната и въ этой-то комнатѣ насъ, учениковъ, помѣщалось со мною, семь человѣкъ.

У оконъ висѣли спущенныя шторы, изъ коленкора, засаленныя, грязныя, немытыя, я думаю, лѣтъ пять. Весь полъ былъ покрытъ

на четверть аршина шелухою отъ жареныхъ каштановъ, ибо завтракъ учениковъ состоялъ бо́льшею частью изъ большаго куска бѣлаго хлѣба и порядочнаго количества жареныхъ каштановъ; у другихъ-же учениковъ—изъ куска колбасы и чего-либо съѣдомаго, что сопровождалось всегда истребленіемъ огромнаго куска бѣлаго хлѣба, который въ Парижѣ превосходнаго достоинства; всѣ остатки, какъ-то шелуха отъ каштановъ, бумаги отъ сосисекъ, валялись у того стула, на которомъ кто сидѣлъ и завтракалъ, и этотъ, удрученный всякою нечистотою, полъ въ продолженіе цѣлаго года при мнѣ ни разу не выметался.

Вся учащаяся молодежь были добрые и веселые товарищи; между ними находился пенсіонеръ изъ Берлина г. Лидеритцъ, отличавшійся отъ всѣхъ достойнымъ своимъ талантомъ и образованіемъ. Ихъ болтовня скоро ознакомила меня съ французскимъ языкомъ.

Отъ ихъ шума и ходьбы, въ столь узкой комнатѣ, по временамъ приходилось сердиться; добрый Лидеритцъ познакомилъ меня съ характеромъ французовъ, которымъ нужно узнать слабую струну каждаго новичка, что именно его обижаетъ; узнавъ се, они радуются и не перестаютъ васъ мучить какимъ-нибудь словомъ, за которое вы сердитесь или которое васъ смѣшитъ. Такъ случилось и со мною. Они начали звать меня „казакъ“, что показалось мнѣ страннымъ и неумѣстнымъ; это они замѣтили, и съ чисто-дѣтскою радостью ежечастно начали звать меня „казакъ“.

Совѣтъ Лидеритца мнѣ помогъ, и я началъ вмѣстѣ съ ними смѣяться. Видя мое равнодушіе къ слову—„казакъ“ или Іорданъ, они оставили меня въ покоѣ. Тутъ попался имъ другой товарищъ, самый простосердечный молодой французъ; къ несчастію, онъ ничего не работалъ и затѣмъ вскорѣ, при мнѣ, умеръ. Онъ былъ крайне довѣрчивъ и вѣрилъ каждому слову, что и было французамъ по душѣ. Его товарищи, видя мерзкую осеннюю погоду, вѣтеръ, дождь и холодъ, и замѣтивъ, что онъ, любя праздность, приходилъ довольно поздно въ мастерскую, сговаривались какъ-бы его обмануть.

Случалось, что когда онъ входилъ, то другой, такой-же лѣнтяй, исчезалъ, затѣмъ, явившись обратно, подходилъ прямо къ легковѣрному и шепотомъ, на ухо, передавалъ ему, что онъ

видѣлъ его милую (bonne amie) въ саду, она гуляетъ около фонтана съ нерѣшительнымъ видомъ, какъ будто кого-то ожидаетъ. Тотъ измѣняется въ лицѣ, въ немъ рождается ревность, онъ тотчасъ оставляетъ мастерскую и черезъ часа полтора возвращается раздосадованный, весь промокшій и иззябшій; къ нему усердно всѣ подходятъ, узнаютъ причину его неудовольствія и начинаютъ утѣшать; узнавъ-же, что онъ съ часъ ходилъ около фонтана, не встрѣтивъ никого, пока весь не промокъ и не прозябъ, радуются, говоря, что она, вѣрно, сидитъ дома, а та, вѣрно, была другая. Между тѣмъ, его товарищи, скрываясь за работами, отъ души надъ нимъ смѣются.

Другая шутка была посеріознѣе. Имѣя подобнаго простосердечнаго молодаго человѣка, зная его довѣрчивость и вмѣстѣ гордость (молодой человѣкъ также былъ граверъ и также лѣнтяй), товарищамъ хотѣлось позавтракать на его счетъ; думали, думали и выдумали слѣдующую продѣлку: между нашими товарищами былъ одинъ примѣрный лѣнтяй, но человѣкъ очень серіозный; его-то и подговорили сказать, что онъ далъ тому пощечину въ вечернихъ классахъ. Явившись въ мастерскую, всѣ въ одинъ голосъ твердятъ ему: „какъ, тебѣ дали оплеуху, какой неслыханный срамъ, какая обида товарищамъ!“ Онъ удивляется подобной неожиданной новости. Всѣ въ одинъ голосъ ему твердятъ: „ахъ, какой срамъ, спроси объясненія у виновника этого слуха“. Онъ спрашиваетъ, и тотъ прехладнокровно отвѣчаетъ: „развѣ вы не помните, какъ я вамъ далъ пощечину въ такомъ-то мѣстѣ“. Тотъ остолбенѣлъ, а товарищи говорятъ ему въ глаза:

— „Боже, какая обида, какой стыдъ, какой позоръ всѣмъ намъ, твоимъ товарищамъ!“

Наконецъ, г. Ле съ гордостью рѣшаетъ смыть это пятно и требовать удовлетворенія. Его противникъ соглашается, и тотчасъ рѣшено быть дуэли на пистолетахъ черезъ двѣ недѣли. Пистолеты были обѣщаны, и мѣсто дуэли назначено за Люксембургскимъ садомъ. Несчастный, смущенный юноша, отнюдь не предполагавшій, что тутъ кроется невинная шутка, эти двѣ недѣли ходилъ какъ потерянный, исхудалъ, и дома въ немъ замѣчали перемѣну и не знали чему приписать ее. Наконецъ, насталъ этотъ знаменательный день. На дворѣ было холодно,

темно, и шелъ дождь; въ 8 часовъ утра всѣ собрались въ мастерскую, куда принесли, наконецъ, два старыхъ заржавленныхъ пистолета. Всѣ, закутавшись въ свои плащи и пальто, послѣдовали къ назначенному мѣсту, боялись одного, чтобы профессоръ не зашелъ въ классъ и, не заставши никого, могъ заподозрить какое-нибудь неожиданное происшествіе; боялись также, чтобы не повстрѣчаться съ нимъ (съ г. Ришомомъ) на улицѣ. Но ничего подобнаго, къ счастью, не случилось.

Прозябнувъ и измокнувъ до костей, пришли мы на избранное роковое мѣсто, занялись пистолетами и, стараясь прежде всего отвлечь вниманіе нашего героя, стали заряжать ихъ, такъ какъ зарядъ былъ пустой, безъ пули; затѣмъ, отсчитали шаги и довѣрчивому пришлось первому стрѣлять. Онъ очень старательно, намѣтивъ какъ можно вѣрнѣе, цѣлилъ въ грудь своего противника, выстрѣлилъ, а тотъ стоитъ неподвижно, стрѣлявшій же сдѣлался блѣденъ, какъ полотно.

Противникъ ему говоритъ: „Теперь моя очередь стрѣлять“, и, видя, что онъ положилъ руку съ пистолетомъ къ груди, противникъ кричитъ ему: „Долой руку отъ груди, мнѣ твоя грудь нужна!“ Тотъ спустилъ руку. Противникъ, намѣтивъ дуло ему въ грудь, вдругъ поднимаетъ пистолетъ вверхъ и стрѣляетъ на воздухъ, говоря: „Дарую тебѣ жизнь“. Тотъ, не подозрѣвая, что все это была дурная шутка, бѣжитъ къ нему, обнимаетъ, цѣлуетъ и благодаритъ его за благородный поступокъ, а другіе ему шепчутъ: „Теперь надобно дать завтракъ“. Онъ съ радостію согласился. Явилось хорошее вино, устрицы, сыръ и т. п. Завтракъ былъ оживленъ весельемъ и разговорами; деньгами онъ запасся и шутникъ говорилъ бѣдному довѣрчивому юношѣ: „Твоя пуля чуть не попала мнѣ въ голову, она просвистала мимо ушей моихъ“. Онъ всему вѣрилъ и, когда нѣсколько лѣтъ спустя ему твердили, что то была шутка и что его товарищамъ хотѣлось позавтракать на его счетъ, онъ не вѣрилъ и говорилъ всѣмъ, что выдержалъ дуэль и былъ счастливъ, что остался живъ, благодаря великодушію своего противника, съ которымъ послѣ вѣчной ссоры былъ въ неразлучной дружбѣ.

Былъ у насъ третій сотоварищъ, талантливый г. Ланглоа—предобрый молодой французъ, исхудалый. Онъ, во время работы, разсказывалъ намъ иной разъ о предыдущей ночи, какъ онъ

пробирался къ своей возлюбленной и, часто рискуя быть застигнутымъ ея родителями, которые спали возлѣ своей молодой дочери, онъ счастливо проводилъ почти всѣ ночи съ нею, не будучи никогда ими застигнутъ. Онъ съ особеннымъ французскимъ сладострастіемъ толковалъ о своихъ приключеніяхъ, говоря: „Вчера ночью старикъ долго кашлялъ“, или: „мать пугала насъ своими разговорами во снѣ, мы же не переставали быть счастливыми въ объятіяхъ другъ друга“. Эти свиданія совершались, главнымъ образомъ, съ помощью дочери. Какъ скоро старики засыпали, она отворяла дверь, зная время, когда ея возлюбленный придетъ, что и повторялось раза два, три въ недѣлю, по обоюдному ихъ согласію.

Иной разъ, видя, что Ланглоа присмирѣлъ, зайдешь, бывало, къ его работѣ и, о ужасъ! [1])... Мой другъ Лидеритцъ часто замѣчалъ, что французы талантливый, умный и добрый народъ, но большія и непростительныя с.....!

Лидеритцу, какъ пруссаку, которыхъ французы терпѣть не могли, товарищи дѣлали всякія колкости на счетъ наполеоновской войны съ Россіею въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, когда русскіе оказывали всюду снисхожденіе Франціи, Пруссія-же, напротивъ, ихъ обижала и даже хотѣла низвергнуть Вандомскую колонну; но характеръ Лидеритца былъ такъ скроменъ (что онъ отмалчивался), а его образованіе ставило ихъ весьма часто въ тупикъ, такъ какъ они были большія невѣжды во всемъ, что выходило изъ предѣловъ Франціи.

Затѣмъ, явился къ намъ пожилой человѣкъ М-г Boin, неумолкаемый болтунъ и патріотъ-самохвалъ, чѣмъ и смѣшилъ всѣхъ, даже французовъ. Товарищи узнали, что въ его домѣ и семействѣ имѣется сестра, ради которой отецъ запретилъ ему приносить рисунки съ обнаженною грудью... Вслѣдствіе сего, рисуя съ натуры, онъ оставлялъ причинное мѣсто пустымъ, чрезъ что рисунокъ съ натуры казался смѣшнымъ, и это веселило не только насъ, но и самого профессора. Boin носилъ толстое, желтаго цвѣта пальто, ибо зима 1829 года была холодная. Шинелей у учениковъ я не видалъ, и, по окончаніи занятій, они, обыкновенно, пѣшкомъ шли по домамъ, особенно m-r Boin. Передъ

[1]) Тутъ мы пропускаемъ строку. Ред.

окончаніемъ классовъ, по сдѣланному уговору, иной разъ кто-нибудь становился возлѣ Boin, смотрѣлъ его работу, заинтересовывалъ его разговоромъ, а другіе въ то же время, изподтишка, рисовали на толстомъ сюртукѣ его, на спинѣ, что-то непозволительное съ крыльями и круглою головкою. Когда чертежъ бывалъ конченъ, прекращался и разговоръ, и m-r Boin, простившись съ нами, чувствуя холодъ, бѣжалъ опрометью домой.

Какъ только что онъ уходилъ, начинался общій хохотъ, при мысли о томъ, что̀ станетъ съ нимъ, когда его сестра или отецъ увидятъ на его спинѣ подобнаго пѣтуха. На другой день, пріѣдя въ мастерскую, онъ ругалъ своихъ товарищей наповалъ, разсказывая, какъ его сестра-дѣвица съ ужасомъ увидала это срамное изображеніе. Всѣмъ подобнымъ продѣлкамъ былъ затѣйникомъ всегда Ланглоа, вполнѣ добрый и умный малый.

Былъ между нами вздорный, вѣчно недовольный и завистливый M-r Geil, всѣми нелюбимый, старавшійся заслужить особенное вниманіе г. Ришома, но онъ его не жаловалъ. По окончаніи своего ученья, онъ вскорѣ умеръ.

Какъ ни старался я сойтись со своими новыми товарищами и друзьями, но видѣлъ съ ихъ стороны какую-то холодность и недовѣрчивость, о чемъ я и замѣтилъ моему другу Олещинскому. Тотъ мнѣ сообщилъ, что во Франціи, въ мастерскихъ профессоровъ, имѣется обычай, что всякій вновь поступающій ученикъ обязанъ угостить своихъ товарищей. Я былъ безъ денегъ и ожидалъ своей пенсіи. Какъ скоро она пришла, я назначилъ имъ день и при самыхъ скромныхъ издержкахъ они позавтракали устрицами съ виномъ, сыромъ и кофеемъ. По окончаніи моего угощенія они объявили мнѣ, что я теперь вполнѣ ихъ сотоварищъ. Меня удивило, что такая бездѣлица, которую по незнанію я могъ забыть, могла лишить меня дружбы столь пріятныхъ, дѣтски-простодушныхъ людей, какихъ я увидалъ въ французахъ.

Занятія мои, не смотря на шумъ и болтовню въ мастерской, возбуждавшую часто во мнѣ досаду, шли своимъ порядкомъ. Рисунокъ, въ уменьшенномъ видѣ, портретъ Рафаэля съ Перуджино, я кончилъ, и г. Ришомъ остался доволенъ; тогда я обзавелся мѣдною доскою и началъ гравировать.

Метода профессоровъ-французовъ прескучная. Они вамъ го-

ворятъ: „дѣлайте по своимъ чувствамъ“, а когда кончишь работу, дѣлаютъ такія затрудненія, что отъ ихъ толковъ и поправокъ въ расположеніи штриховъ выходитъ, наконецъ, чисто механическая работа; на счетъ этого, въ бытность мою въ Лондонѣ, у Раймбаха, объ этой странности французской школы много было толковъ и критики.

Г. Ришомъ отличался въ этомъ. Чистота его работы и правильность его штриховъ были изумительны. Мнѣ же его метода была досадна, зная, что я столько уже работалъ и вступилъ въ мастерскую скорѣе для совѣтовъ, но отнюдь не для рабской подражательности своему профессору. На себѣ я угадалъ причину тактики моего профессора Уткина; онъ, въ свое время, какъ пенсіонеръ, долженъ былъ также поступить къ французу, ученому наставнику, и не смотря на приказанія нашего Совѣта, пробылъ нѣсколько недѣль въ мастерской у Бервика и, видя, что съ нимъ поступаютъ какъ съ простымъ ученикомъ, и, не желая видѣть всѣ шалости молодыхъ французовъ, онъ удалялся въ свою комнату и спускался разъ въ недѣлю къ Бервику, работая совершенно другимъ манеромъ въ сравненіи съ профессоромъ.

У Ришома было иначе: онъ, бывало, измучаетъ васъ въ пустомъ дѣлѣ расположенія штриховъ, что видѣлъ я, какъ надъ собою, такъ и надъ г. Лидеритцомъ. Кромѣ дневныхъ занятій у Ришома, я вступилъ, по пріѣздѣ, въ частную академію рисованія, которую содержалъ прекрасной наружности и стана М-г Boudin, бывшій прежде самъ натурщикомъ, и мнѣ приходилось съ него рисовать.

Каждый понедѣльникъ ученики Ришома обязаны были показывать ему рисунки прошедшей недѣли; для сего протягивалась веревка, на ней висѣли рисунки, и онъ каждому дѣлалъ свои замѣчанія. Въ рисовальныхъ классахъ былъ слѣдующій порядокъ: плата въ мѣсяцъ была пять франковъ; три недѣли стояла мужская модель, четвертая недѣля была женская. Каждую недѣлю, въ субботу, когда рисунки были кончены, m-r Boudin спрашивалъ рисовальщиковъ, кого желаютъ они имѣть моделью на будущую недѣлю, и послѣ многихъ споровъ рѣшали. Собравшись въ понедѣльникъ вечеромъ, одинъ изъ рисовальщиковъ, по очереди, ставитъ модель при запертыхъ дверяхъ, между тѣмъ

другіе рисовальщики находятся въ особой комнатѣ. Какъ скоро поставлена модель, двери отворяются и всѣ идутъ занимать свои мѣста. Хлопоты были когда наступала четвертая недѣля для женской модели: тутъ всякій изъ рисовальщиковъ рекомендовалъ свою; оканчивалось одною, которая уже всѣмъ извѣстна.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось рисовать съ очень хорошей женской модели, хорошо сложенной, но некрасивой собою; она носила названіе „Tête du cheval“, и точно—длинная ея голова походила на лошадиную.

Не могу забыть случая, когда къ намъ явилась молодая дѣвушка съ матерью, желая позировать на слѣдующую недѣлю. Мать просила, чтобы молодежь держала себя благопристойно, такъ какъ ея дочь никогда нагою не позировала. У французовъ, какъ я замѣтилъ, если рѣшился дѣло дѣлать, такъ дѣлай. Г-нъ Boudin объяснилъ ей:

— „Если вы желаете работать и деньги получать, то надобно позировать; я могу только предупредить молодыхъ людей быть сдержанными, но приказывать не могу“.

Французы тряслись, можно сказать, отъ восхищенія, когда Boudin просилъ дѣвушку раздѣться и показаться. Она долго мѣшкала и не рѣшалась; а хозяинъ класса понуждалъ ее, говоря: „не заставляйте молодыхъ людей терять время“. Помаленьку она начала снимать съ себя платье. Молодежь, смотря на нее, дрожала отъ восхищенія. Наконецъ, дошло до сорочки, тутъ она должна была встать и сбросить ее съ себя, чтобы можно было видѣть ея тѣлосложеніе. Долго она не рѣшалась, наконецъ, разомъ спустила и, повернувшись задомъ и передомъ, тотчасъ бросилась накидывать и одѣвать свое бѣлье. Молодежь въ одинъ голосъ закричала: „Une semaine, une semaine!“ Въ слѣдующій понедѣльникъ она явилась. Французы всѣ внѣ себя. Повторилась та же исторія, какъ въ субботу вечеромъ. Ей дали скромную позу. Отъ непривычки позировать, когда слѣдуетъ стоять въ одной позѣ цѣлый часъ, съ нею сдѣлалось дурно, что дало еще случай восхищаться. Затѣмъ вся недѣля прошла почти потерянною: французы съ нею болтали, она не обращала вниманія на то, что другіе просятъ, чтобы она позировала, какъ слѣдуетъ, но затѣмъ стала съ каждымъ вечеромъ смѣлѣе и нахальнѣе, даже, когда въ слѣдующій понедѣльникъ стояла

мужская модель, она явилась, не стыдясь ея наготы, и сѣла возлѣ французовъ, шумѣла и смѣялась. M-ieur Boudin былъ принужденъ удалить ее изъ классовъ. Затѣмъ слышали, что она совершенно растерялась въ своемъ поведеніи, что очень легко бываетъ съ дѣвушкою, которая рѣшится быть моделью. За недѣлю она страшилась показать свою наготу, но, показавши, чрезъ недѣлю дѣлается проституткою.

Любопытно было видѣть въ этой частной вечерней академіи рисованія, между художниками, большую часть мастеровыхъ. Разъ возлѣ меня сидѣлъ печникъ, весьма чисто одѣтый, съ хорошими манерами, и, когда я его спросилъ: „неужели вы имѣете время заниматься рисованіемъ?“ онъ отвѣчалъ, что всѣ почти мастеровые въ Парижѣ занимаются рисованіемъ, бо́льшею частью только зимою, „лѣтомъ же мы заняты своимъ мастерствомъ, и рисунокъ намъ очень полезенъ, онъ развиваетъ намъ вкусъ, наше дѣло отъ этого выигрываетъ, и по этой причинѣ французовъ-мастеровыхъ предпочитаютъ мастеровымъ другихъ странъ“.

Впослѣдствіи я увидалъ, что это замѣчаніе было совершенно справедливо. Всѣ мосты и углы улицъ Парижа переполнены продавцами всякаго рода бездѣлушекъ, которыя всѣ сдѣланы со вкусомъ: будь это ящичекъ или копеечная галантерейная вещица, разсматриваешь ихъ съ удовольствіемъ и всякій разъ вещичка вовсе ненужная манитъ васъ пріобрѣсть ее, по причинѣ ея вкуса и дешевизны. Эта дешевизна бываетъ часто хуже дороговизны, такъ эти вещички хрупки; прежде чѣмъ съ ними придешь домой, онѣ уже сломались. И много терялъ я времени на эти покупки и прогулки по вечерамъ по улицамъ Парижа; всего чаще заходилъ въ Пале-Рояль, чтобы видѣть гулявшихъ тѣсною массою французовъ и людей всѣхъ странъ свѣта.

Между гулявшими и среди богатства магазиновъ меня поражала одна личность съ благородными чертами лица и гордою походкою, но весь въ лохмотьяхъ; его шаги были едва слышны, ибо сапоги не имѣли подошвы, по крайней мѣрѣ бока ихъ были изорваны. Публика относилась къ нему съ какимъ-то почтеніемъ, никто изъ встрѣчавшихся даже не улыбался. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, ни съ кѣмъ не раскланивался и представлялъ собою какую-то тайну. Одни говорили мнѣ, что это былъ игрокъ, потерявшій все свое состояніе въ рулетку, и что онъ

гулялъ въ это время въ Пале-Роялѣ, желая показать до какой бѣдности можетъ довести позорная игра въ рулетку; вслѣдствіе чего онъ поставилъ обѣтомъ въ лучшую пору дня показывать избранной публикѣ несчастное свое положеніе. Милостыни онъ не просилъ; изъ дырьевъ его сюртука выглядывала чистая сорочка. Онъ завтракалъ и обѣдалъ въ ресторанахъ очень прилично, что и давало поводъ къ другому предположенію. Многіе говорили, что онъ сдѣлалъ спекуляцію изъ своего капитала, отдавъ его на извѣстные годы съ полученіемъ, на прожитіе, большихъ процентовъ; по прошествіи же извѣстныхъ лѣтъ, капиталъ остается собственностью банкира. Въ расчетахъ жизни своей онъ ошибся; на старости же лѣтъ, послѣ расточительной жизни, потерявъ свой капиталъ, онъ сталъ бѣднякомъ, даже нищимъ.—Эти разсказы передаю, какъ слышалъ, за истину ихъ не ручаюсь.

Обѣдалъ я въ обществѣ Лидеритца, его брата и другихъ иностранцевъ на улицѣ St. Honoré, у м-мъ Chaillot, близь улицы l'Arbre sec; прислуживала намъ m-lle Justine, которая звала насъ по номеру салфетки; г. Лидеритцъ званъ былъ № 16, а я № 28-й, что часто смѣшило насъ. За 25 су мы имѣли супъ, три блюда, дессертъ, $^1/_4$ бут. вина, а хлѣба—сколько душѣ угодно. Всѣ кушанья были вкусны, и на видъ мясное было очень обманчиво. Спросишь, бывало, бифштексъ съ щавелью, приносятъ чудный кусокъ, думаешь большой, перевернешь и видишь снизу впадину, наверху-же выпуклость, и найдешь, что это не бифштексъ, а тоненькая пластинка жаренаго мяса. Бывало ихъ заказываешь по три, одинъ за другимъ, а все голоденъ; утоляешь свой аппетитъ бѣлымъ хлѣбомъ, коего достоинство выше всякой похвалы. Странное дѣйствіе имѣлъ на меня французскій обѣдъ: встаешь изъ-за стола и кажется, что сытъ, но, пройдя сто шаговъ, чувствуешь совершившееся уже пищевареніе, ищешь для сего имѣющіеся возлѣ ресторановъ роскошные закрытые кабинеты; у каждаго изъ нихъ, въ предверіи, сидитъ почтенная дама, которая, зная вашу неотъемлемую нужду, идетъ съ ключемъ въ комнату, гдѣ все чисто, и утѣшаетъ васъ словами: „все необходимое вы здѣсь найдете!“ Выходя, вы ей платите три су, она-же продолжаетъ шить воротники или нарукавники; выйдя изъ этого тайнаго кабинета, вновь чувствуешь голодъ, ибо обѣдъ былъ

такъ обманчивъ, что, хотя онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ съ гарниромъ, близкій голодъ слѣдитъ за вами, и шатаешься по грязнымъ улицамъ Парижа, такъ какъ водосточныхъ трубъ тогда еще не было. Бывало, воротишься домой весь въ грязи и не знаешь, гдѣ и какъ могло это случиться. Причина-же та, что, гуляя по улицамъ, любопытствуешь интересными выставками магазиновъ, отъ нихъ-же не вдалекѣ собраны кучи всякой нечистоты и въ нихъ-то и попадаетъ ваша нога. Кромѣ того, на улицахъ идутъ разныя представленія фокусниковъ и другихъ развлеченій для народа, гдѣ всякій среди смѣха жертвуетъ своею мелкою монетою. Бывало, видишь массу народа, а на тумбочкѣ стоитъ человѣкъ, болтающій безъ всякой цѣли и безъ устали какой-нибудь вздоръ и, наболтавшись вдоволь, съ простосердечіемъ объявляетъ, что болтовня есть его мастерство, что ею онъ содержитъ себя, что онъ съ утра ничего не ѣлъ, и проситъ у каждаго хотя малосильной помощи, и добрые французы и иностранцы бросаютъ ему мелкую монету. Поблагодаривъ, онъ отправляется въ другую улицу, тамъ вновь повторяетъ то-же самое, и тѣмъ поддерживаетъ свое существованіе.

Иной разъ видишь, лежитъ человѣкъ среди улицы, и вокругъ него собралась бездна любопытствующихъ, всѣ спрашиваютъ: „что такое случилось?“—отвѣчаютъ, что съ нимъ сдѣлался припадокъ. Тотчасъ ищутъ доктора, въ Парижѣ ихъ на каждомъ шагу довольно; докторъ немедленно является, осматриваетъ больнаго, требуетъ стаканъ холодной воды, затѣмъ больной что-то шепчетъ доктору на ухо. Докторъ снимаетъ свою шляпу, кладетъ въ нее мелкую монету и говоритъ присутствующимъ:

— „Господа, больной съ утра ничего не ѣлъ, дайте бѣдному посильную помощь“, и летятъ въ шляпу доктора со всѣхъ сторонъ пятаки, копейки, которые онъ и отдаетъ мнимобольному. Затѣмъ „больной“ отправляется въ другую улицу и повторяетъ тотъ-же фокусъ.

Бывало, видишь издали человѣка съ огромнымъ чупомъ волосъ и, подойдя, находишь экипажъ, обставленный весь помадными банками, а продавецъ ораторствуетъ, что его помада имѣетъ удивительное достоинство, что у него въ одну ночь выросли подобные волосы, и народъ съ какою-то наивною добротою, съ улыбкою, покупаетъ у него. Сидимъ, бывало, въ мастерской,

слышимъ отчаянное, но самоувѣренное пѣніе во дворѣ какого-нибудь пѣвца или отчаянную шарманку. Наши товарищи французы первые даютъ поводъ оказать имъ помощь, для чего они дѣлаютъ изъ бумаги фунтикъ, въ который и собирается съ каждаго мелкая монета, затѣмъ фунтикъ свертывается и бросается внизъ съ осторожностью; дѣлая это, они не судятъ, а философствуютъ, что всякій трудъ, всякая бѣдность требуютъ помощи.

Конечно, для сего нуженъ Парижъ, гдѣ французъ своему труду и своей изобрѣтательности находитъ поощреніе отъ тысячи богатыхъ иностранцевъ, изъ коихъ всѣ проживаютъ въ немъ большею частью для своего удовольствія. И эти иностранныя богатства наполняютъ всѣ атомы Парижа; эта-то доброта, веселость и трудъ француза привлекаютъ народъ со всѣхъ странъ свѣта, и нѣтъ образованнаго человѣка, который не свезъ-бы свою малую лепту въ Парижъ, гдѣ днемъ онъ восхищается богатыми собраніями, замѣчаетъ и учится и, пробывъ весь день въ трудѣ, вечеромъ развлекаетъ себя сценами на улицахъ или каламбурами веселаго француза; этихъ иностранцевъ не сосчитать во Франціи, какъ и новсюду, исключая Россіи и Англіи (эти страны къ иностранцамъ вообще хладнокровны), въ Англіи по ихъ богатству и гордости національнаго характера, въ Россіи потому, что каждаго иностранца считаютъ спекуляторомъ, который на свои 100 руб. пріѣхалъ нажить 1000 р., а можетъ и болѣе. Зато въ Парижѣ иностранецъ, чѣмъ болѣе тратитъ, тѣмъ болѣе его величаютъ, и вотъ слабоумный, особенно непрактичный человѣкъ, окруженный милымъ женскимъ поломъ и словоохотливыми французами, которые весьма часто превозносятъ глупаго гостя до небесъ, съ вскруженною отъ мнимыхъ похвалъ головою, выбрасываетъ изъ кармана послѣднюю копейку, что и случилось мнѣ видѣть въ лицѣ пріѣхавшаго, въ мое время, въ Парижъ нашего богача Яковлева. Его пріѣздъ былъ ожидаемъ въ Парижѣ и газеты говорили, что ѣдетъ въ Парижъ князь Яковлевъ. Онъ пріѣхалъ и помѣстился, какъ слѣдуетъ, а когда онъ отказалъ явившейся безднѣ разной прислуги, а взялъ только тѣхъ, которые ему были необходимы, то его начали звать графомъ; но, видя, что и графское званіе не льститъ богачу дѣлать писаніе издержекъ (выставлять большіе счеты), его начали звать своимъ именемъ M-ieur Яковлевъ.

VIII.

Любопытно мнѣ было видѣть, можно сказать въ послѣдній разъ, французскаго короля Карла X-го. Я имѣлъ счастіе увидѣть его въ 1830 году, во время процессіи Corpus Domini. Онъ мнѣ показался худенькимъ старичкомъ, съ длиннымъ носомъ Бурбоновъ, въ синемъ мундирѣ и со свѣчею въ рукахъ. День былъ палящій, солнце жгло и блестящіе его лучи едва позволяли смотрѣть на предметы открытымъ глазомъ.

Итакъ, весна была въ полной силѣ. Я рѣшился начать рисунокъ въ картинной галлереѣ Лувра; для сего г. Ришомъ просилъ меня сдѣлать нѣсколько набросковъ тѣхъ картинъ, которыя мнѣ понравятся. Хотя я ихъ сдѣлалъ, но, наконецъ, самъ рѣшилъ остановиться на картинѣ Рафаэля „Лоретская Божья Матерь съ просыпающимся младенцемъ“. Ришомъ похвалилъ мой выборъ, и я употребилъ на этотъ рисунокъ, отъ начала до полнаго окончанія его, около двухъ мѣсяцевъ. Когда я рисовалъ съ картины, многіе изъ посѣтителей и художниковъ дѣлали мнѣ свои замѣчанія, что это не есть оригиналъ Рафаэля. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось быть въ Лорето и увидѣть предполагаемый оригиналъ, то мнѣ показалось гораздо правдоподобнѣе, что парижская картина есть произведеніе Рафаэля, нежели та, которая находится въ Лорето, тѣмъ болѣе, (что) въ обоихъ картинахъ имѣются измѣненія.

Время, проведенное въ Луврѣ за рисованіемъ съ Рафаэля, было для меня самое полезное и пріятное; я могъ ознакомиться съ богатствомъ оригиналовъ великихъ мастеровъ Италіи, Голландіи, Германіи и Франціи, которые представлены здѣсь въ лучшихъ образцахъ своихъ работъ.

Множество художниковъ, можно сказать, всѣхъ странъ заняты изученіемъ этихъ рѣдкихъ оригиналовъ. Избранная публика, гости и художники по временамъ развлекаютъ васъ и своими умными замѣчаніями радуютъ и рождаютъ въ васъ болѣе любви къ занятіямъ, которыя безъ посторонняго взгляда и сужденія весьма часто охлаждаютъ чувства художника.

Пользовался я весьма часто совѣтами нашего соотечественника, извѣстнаго въ Парижѣ и любимаго ученика Жерарда,

г. Штейбенъ (впослѣдствіи баронъ,—живописецъ). Онъ съ малыхъ лѣтъ поселился въ Парижѣ и тамъ пріобрѣлъ своимъ трудолюбіемъ и талантомъ уваженіе французскихъ художниковъ и совершенно сроднился съ Франціею. Онъ мнѣ далъ вѣрное понятіе о Парижѣ, говоря, что истые ученые и художники, живущіе въ латинскомъ кварталѣ, едва когда-либо перешагаютъ Pont-neuf, ибо за этимъ мостомъ начинается веселый Парижъ, который мало извѣстенъ труженникамъ латинскаго квартала. Въ этомъ кварталѣ живутъ всѣ профессора, тутъ всѣ ихъ огромныя мастерскія съ учениками, которые съѣзжаются со всѣхъ странъ свѣта и даютъ или приносятъ имъ, профессорамъ, большія средства за ихъ преподаваніе; каждый ученикъ платитъ по 300 франковъ, и у иныхъ профессоровъ ихъ имѣется свыше ста.

Съ каждою мастерскою связано много исторій, разныхъ шутокъ, какъ, напримѣръ: ученики, видя полицію, гуляющую по близости ихъ, начинаютъ кричать, отчаянно звать на помощь. Полиція входитъ въ мастерскую, находитъ что-то покрытое полотномъ съ красными пятнами, изъ-подъ полотна торчатъ волоса, осторожно приближается полиція къ этому предмету, осторожно вскрываетъ его и находитъ, къ общему смѣху учениковъ, лежащій манекенъ или куклу въ ростъ человѣка, которая служитъ художникамъ для набрасыванія драпировокъ.

Въ мое время, императоръ Николай Павловичъ не любилъ чужихъ краевъ, особенно Франціи, поэтому русскіе художники всѣ жили и занимались въ Италіи. Въ Парижѣ, кромѣ Олешинскаго, я встрѣтилъ Алекс. Андреевича Тона; онъ занимался изученіемъ литографіи, получая отъ правительства хорошее содержаніе, и жилъ сибаритомъ въ хорошей части города, около Вандомской площади, занимался съ какою-то деликатностью и въ манерахъ имѣлъ какую-то женственность, вѣчно вздыхалъ и вѣчно былъ боленъ. Въ мое время онъ готовился къ отъѣзду. Его изученіе литографіи ни къ чему не послужило. Правительство даромъ передавало ему много денегъ безъ всякой, кому-либо, отъ сего пользы. Возвратившись домой, Тонъ прежде всего опять занялся архитектурою, которой обучался, будучи ученикомъ академіи, и занялъ, благодаря сильной протекціи своего брата, Константина Андреевича Тона, мѣсто профессора, ничего не дѣлалъ и отли-

чался изысканіемъ у себя всѣхъ родовъ болѣзни, которые, наконецъ, и покончили съ нимъ и свели его въ гробъ.

Мнѣ нравились добрыя качества французовъ, ихъ откровенность въ совѣтахъ. Они совѣтывали избѣгать ихъ игорныхъ домовъ, игры въ рулетку и не имѣть сообщенія съ публичными женщинами, но завестись милымъ другомъ (bonne amie). Что касается игорныхъ домовъ, то я, имѣя во главѣ друга моего Лидеритца, въ компаніи съ другими иностранцами, съ которыми мы обѣдали вмѣстѣ почти ежедневно, согласились составить кассу, въ которую каждый далъ бы по пяти франковъ. Насъ собралось до шести человѣкъ и мы отправились въ одно воскресенье въ игорный домъ въ Пале-Рояль. Игорные дома отличались тѣмъ, что на входныхъ дверяхъ виденъ былъ номеръ, какъ-будто, въ красномъ фонарикѣ, и ихъ было, кажется, числомъ три. Мы вошли, какъ мнѣ помнится, въ двери № 105. Войдя въ корридоръ, приходилось подняться по двумъ лѣстницамъ во второй этажъ; тутъ учтиво снимали съ васъ верхнее платье; вы входили и видѣли двѣ комнаты, довольно тускло освѣщенныя. Въ обѣихъ комнатахъ красовались длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и на сукнѣ разныя подраздѣленія съ надписью, какъ-то: четъ, нечетъ, бѣлый, красный и т. д. Столы были окружены сидѣвшими и стоявшими за ними игроками. Никто изъ нихъ вниманія не обращалъ на вновь пришедшихъ, всѣ были заняты тѣмъ, когда упадетъ вертящійся шарикъ въ маленькое углубленіе или блузу; когда шарикъ зацѣпялся въ одно изъ углубленій, тогда банкометъ объявлялъ и номеръ и цвѣтъ того углубленія и тотчасъ лопаточкою, на длинной ручкѣ, забиралъ деньги потерявшихъ и платилъ выигравшимъ, сосчитавъ прежде ихъ ставку.

Тутъ одинъ изъ нашей компаніи, которому были вручены наши тридцать франковъ, началъ ставить и играть. Не прошло и десяти минутъ, какъ наши тридцать франковъ были проиграны. Мертвая тишина царствуетъ въ сей юдоли рѣдкой радости и неисчислимыхъ несчастій. Прохаживаясь то въ одну, то въ другую комнату, я смотрѣлъ и думалъ: „вотъ здѣсь находится видимая скала столькихъ несчастій, гдѣ столько состояній, столько надеждъ семейнаго счастья разбились объ утесы этой скалы, и всѣ, всѣ эти бѣдствія исчезли бы, если бы жадность и порокъ фран-

цузскаго правительства могли бы запретить существованіе подобныхъ трущобъ, дѣлающихъ позоръ просвѣщенной націи!“

Вѣчная благодарность достанется на долю французскаго короля, Людовика Филиппа, который нашелъ средства замѣнить въ государственномъ бюджетѣ шесть милліоновъ франковъ, которые платились игорными домами, и тѣмъ далъ спокойствіе семейнымъ людямъ во Франціи и главамъ семействъ иностранныхъ гостей, которые, вмѣсто радости, съ плачемъ возвращались къ семейному очагу.

Что же касается совѣта достать себѣ милаго друга въ городѣ Парижѣ... (то среди этой націи, преданной любви,) въ подобномъ сообществѣ продажной любви я не могъ оставаться хладнокровнымъ; даже мой другъ Олещинскій началъ мнѣ замѣчать и твердить, что безъ „милаго дружка“ въ Парижѣ совѣстно жить. Издержки же на „милаго друга“, по его словамъ, самыя ничтожныя: ей нужно покупать по временамъ перчатки и башмаки, въ которыхъ по воскресеньямъ вы дѣлаете ей удовольствіе съ нею погулять; вечеромъ же ведете ее потанцевать и платите за входъ въ извѣстные въ Парижѣ, за бульварами, танцевальные классы, называемые „à la Ghingastes“, гдѣ находите полный разгулъ молодежи, работавшей всю недѣлю; въ воскресенье же вечеромъ отправляются съ своими „милыми друзьями“ въ танцклассъ и тамъ танцуютъ до упада, до самаго ранняго утра.Тутъ и студентъ-юристъ, и сапожникъ, и художникъ, богачъ и бѣдный, всѣ равны, и, Боже избави, если бы кто-нибудь сталъ претендовать на свое происхожденіе или на свое родство. Здѣсь всѣ равны, какъ я сказалъ, такъ какъ всѣ носятъ человѣческій видъ. Тутъ вы должны угостить своего „друга“ кофеемъ или пивомъ. Вотъ и всѣ ваши съ ней издержки. Она же, вашъ другъ, хлопочетъ о вашемъ здоровьѣ, васъ обшиваетъ и сама себя содержитъ и кормитъ; только воскреснымъ днемъ слѣдуетъ ей жертвовать. Въ итогѣ часто выходитъ, что молодежь, привыкши къ нимъ, къ прискорбію своихъ родителей, на нихъ женится, что случилось впослѣдствіи и съ моимъ другомъ Олещинскимъ; будучи вполнѣ образованнымъ человѣкомъ и имѣя хорошее знакомство, онъ сочетался изъ того же источника съ самою простою необразованною француженкою, что было видно съ первыхъ же словъ, и, любя деньги, она сама носила дрова и колола ихъ.

Разсуждалъ я объ этомъ тепломъ дѣлѣ съ Олещинскимъ, такъ какъ предполагалъ долго жить въ Парижѣ, и онъ обѣщался познакомить меня съ одною M-elle Rosalie; посѣщая его, какъ новичокъ Парижа, я зашелъ къ нему въ одно воскресенье и вижу у него статную высокаго роста M-elle Rosalie и, по дурной своей привычкѣ, хотѣлъ помять у ней верхнюю часть руки; она испугалась и просила ее не трогать.

И точно не слѣдовало трогать, ибо рука казалась кругленькая и мясистая, но, тронувъ, почувствовалъ подъ матеріею что-то хрупкое; оказалось, что рука была подправлена писчею бумагою, и на тронутомъ мѣстѣ оказалась сильная впадина, которую она, пожавъ, и выдвинула впередъ. Рука вновь приняла свой кругленькій прежній видъ. Знала она цѣль моего прихода и желаніе познакомиться, а потому M-elle Rosalie (она лицемъ была очень невзрачна) порѣшила со мною того же вечера имѣть rendez-vous на моей квартирѣ.

. . . . . .

. . . . . .

Далѣе Ѳедоръ Ивановичъ съ его добродушнымъ юморомъ разсказываетъ о случаѣ, ознаменовавшемъ это единственное для него rendez-vous, и заканчиваетъ свой веселый, во вкусѣ Поль-де-Кока, разсказъ словами:

..... Тѣмъ и кончилась моя любовь въ Парижѣ.

Окончивъ свой рисунокъ въ Луврѣ, я приступилъ къ гравированію, но механическая школа г. Ришома, который изъ свободнаго художества дѣлалъ гравированіе мастерствомъ, къ которому я не могъ привыкнуть, шумъ и болтовня не переставали злить меня; на счетъ этого, г. Ришомъ, видя мое неудовольствіе, замѣтилъ мнѣ, что его „земляки—молодые люди безъ этого не могутъ жить и, когда пройдетъ ихъ ученье, они дѣлаются самыми прилежными тружениками, и что вы не найдете ни одной мастерской, гдѣ бы ученики не шумѣли и не рѣзвились, ибо мы говоримъ, что молодымъ дважды не быть".

Около этого времени мы потеряли одного товарища, котораго молодой докторъ, другъ его, какъ-то залѣчилъ. Насъ пригласили на похороны; мы отправились въ церковь, и, когда у гроба началась панихида, его товарищи, особенно Ланглоа, смѣялись почти вслухъ надъ священниками; какъ вдругъ,

неожиданно, старшій священникъ, обернувшись къ нимъ, учтивымъ тономъ говоритъ: „Господа, если вы не уважаете святость церкви Господней, то уважьте память покойнаго вашего сотоварища, которому вы пришли отдать послѣдній долгъ“.

Эти слова поразили ихъ какъ громомъ; куда дѣвались смѣшки и веселость, они стояли и поглядывали другъ на друга. Затѣмъ мы пошли за гробомъ и бросили послѣднюю дань смертному—горсть земли, съ мыслію: „почій до общаго утра“.

Дорогою я замѣчалъ, что г. Ришомъ, несмотря на примѣрное свое стараніе (къ работѣ), присоединился къ намъ и проводилъ своего ученика до самой могилы. Онъ, г. Ришомъ, не переставалъ толковать съ презрѣніемъ и насмѣшками на счетъ глупаго правленія Карла X-го. Кромѣ того, я замѣчалъ, что наши товарищи французы за работою тихо напѣвали какую-то пѣснь, и уже послѣ узналъ, что это была знаменитая республиканская пѣснь „Марсельеза“. Напѣвая, они сдерживались, боясь, что ее услышитъ г. Ришомъ. Она была строго запрещена.

Я забылъ сказать о моемъ главномъ знакомцѣ, 70-ти лѣтнемъ старикѣ г. Лорье. Онъ былъ близкій родственникъ нашего извѣстнаго профессора гравированія Клаубера. Сестра г. Лорье была женою Клаубера и мой профессоръ Уткинъ, уѣзжая въ Парижъ, имѣлъ письмо къ г. Лорье и заслужилъ вполнѣ его дружбу. У старичка Лорье была премилая старушка жена, которая отзывалась объ Уткинѣ, какъ о своемъ сынѣ. Мужъ былъ нѣкогда слабый, безталанный граверъ, жена-же его занималась раскрашиваніемъ дешевыхъ гравюръ. У старика были кое-какія деньги; жена своимъ трудомъ также пріобрѣтала. Ихъ бесѣда была весьма любопытна, такъ какъ г. Лорье былъ живымъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ первой республики, видалъ Робеспьера, Дантона и другихъ фанатиковъ кроваваго деспотизма, подъ названіемъ равенства, свободы и братства. Его разсказы, какъ очевидца, производили на меня ужасъ. Онъ пророчествовалъ, что дѣло Бурбоновъ будетъ имѣть плохой исходъ, что затѣмъ и осуществилось.

IX.

Работая въ мастерской, ученики въ послѣднее время собирались, бывало, въ кучи, работа оставалась праздною, и шли толки о политикѣ. Я былъ еще слабъ во французскомъ языкѣ, но Лидеритцъ мнѣ объяснилъ, что французы возбуждены противъ короля и духовенства.

Въ это время отправилась экспедиція противъ алжирскаго бея и совершилось непріятное происшествіе. Бурбоны были врагами дюка Орлеанскаго, который желалъ показать примиреніе старшей и младшей линіи царствующей отрасли Бурбоновъ. Дюкъ Орлеанскій задалъ Карлу X-му большое торжество въ своемъ дворцѣ, въ Пале-Роялѣ. Пале-Рояль былъ полонъ народа; во дворцѣ вмѣстѣ съ королемъ была приглашена вся французская аристократія. Всюду иллюминація, шумная музыка, толкотня народа; тысячи стульевъ были заняты любопытствующими, но въ народѣ жило подозрѣніе, что готовится что-то недоброе.

Какъ ни восхищался я этою богатою живою декораціею, но старался поранѣе уйти. На другой день разнесся слухъ, что изъ свободныхъ стульевъ сдѣлали костеръ, и злоумышленники подожгли его, что вызвало суматоху, и многіе потерпѣли отъ оной. Все это было сдѣлано (для того, дабы) показать неуваженіе къ королю и дать ему почувствовать, что его присутствіе есть несчастіе, а не радость для Франціи, и что къ его личности нѣтъ сочувствія. Надъ этимъ происшествіемъ пришлось призадуматься народу. Не долго это продолжалось, какъ пришла радостная вѣсть, что генералъ Мармонъ взялъ Алжиръ, и французы ободрились, услыхавъ о новой побѣдѣ и пріобрѣтеніи богатой страны. Тутъ пошли толки, что эта побѣда примиритъ Карла X съ народомъ. Даже самъ старикъ Лоріе сказалъ, что эта побѣда заставитъ полюбить Бурбоновъ.

Всюду раздается колокольный звонъ, церковь Notre Dame богато украшается и сочиняется музыка для торжественнаго молебствія. Для этого торжества назначается воскресный день. При отличной погодѣ, въ виду праздничнаго дня, весь Парижъ былъ на ногахъ, и все спѣшило занять мѣста: видѣть поѣздъ

короля въ церковь Notre Dame. На другой день пробѣгаетъ молва, что архіепископъ, говоривши рѣчь, обратился къ королю: „Ваше величество, вы сдѣлали великое дѣло, Алжиръ покоренъ, теперь вашему величеству предстоитъ совершить еще другое дѣло“. Всѣ слушатели стали втупикъ, что̀ это означаетъ и въ чемъ состоитъ это другое дѣло.

Парижъ зашевелился; въ мастерскую являлись молодые люди, о чемъ-то толковали и уходили; Ришомъ также съ нами бесѣдовалъ и все про политику, въ которой, по трудности языка и разныхъ терминовъ о какой-то картѣ [la charte [1])], я ничего не понималъ и продолжалъ работать.

Наступаетъ среда, кажется, 26-го или 27-го іюля 1830 г. Тутъ вижу общую суматоху на улицахъ и, придя въ мастерскую, вижу, что та же суматоха продолжается и здѣсь. Одни приходятъ, другіе уходятъ, всѣ толкуютъ съ озабоченными лицами, слышится часто имя Тьера. Не понимаю, что это значитъ; добрый Лидеритцъ объяснилъ мнѣ: „Вчера въ Сенъ-Клу подписанъ указъ о томъ, что вопреки данной (Людовикомъ XVIII) конституціи, въ которой сказано, что печать свободна, король новымъ указомъ ее уничтожаетъ, т. е. свободу печати, вслѣдствіе чего хозяева закрыли всѣ типографіи; въ нихъ работниковъ бездна и всѣмъ имъ отказано. Всѣ они сдѣлались теперь гулящимъ народомъ, безъ газетъ-же, изъ коихъ ни одна не вышла, французы не могутъ жить. Вчера было послано къ королю въ Сенъ-Клу, чтобы отмѣнить этотъ указъ, пагубный для всей Франціи; министръ Тьеръ не отвѣчаетъ за послѣдствія. Король, окруженный своими приверженцами-министрами, во главѣ коихъ тогда стоялъ Полиньякъ, и слышать не хочетъ, и что произойдутъ непремѣнно непріятности“. Это были слова друга моего Лидеритца.

Проработавъ до четырехъ часовъ, я отправился къ обѣду (въ) Rue Honoré. Идя дорогою, вижу всѣ окна полны лицами женскаго пола, какъ будто ждутъ какой-нибудь процессіи; вхожу въ мой трактиръ, вижу нашу прислужницу m-lle Justine, и, кромѣ меня, ни единой души; спрашиваю у нея: „что все это значитъ? Всюду народъ въ окнахъ, а здѣсь никого нѣтъ?“ Она съ озабоченнымъ испуганнымъ лицомъ говоритъ:

---

[1]) Хартія.

— „У насъ будетъ революція. Вотъ что сдѣлалъ король! Идите къ Пале-Роялю, тамъ увидите!“

Отобѣдалъ я одинъ, въ то время, какъ бывало, въ этотъ часъ всегда всѣ столы были полны, теперь-же все пусто. Мнѣ слѣдовало идти къ А. А. Тону, онъ уѣзжалъ на слѣдующій день въ Россію. Къ нему идти необходимо было мимо Пале-Рояля, тѣмъ болѣе, что слова m-lle Justine меня подстрекали увидать Пале-Рояль. Подходя къ нему, я увидалъ огромную массу народа, заслонявшую проходъ по улицѣ; мальчишки видны были выше всѣхъ, они стояли на бочкахъ. Между тѣмъ, по обѣимъ сторонамъ всѣ окна были полны лицами женскаго пола. Пожелалъ я узнать причину скопленія этой массы народа у Пале-Рояля; мнѣ говорятъ, что на площадяхъ у Пале-Рояля стоитъ взводъ жандармовъ. Ихъ французы не долюбливали. Окольными улицами я пришелъ къ А. А. Тону; нахожу его также въ страхѣ. Онъ говоритъ, что по близости отъ его квартиры имѣется военное министерство, что ночью перебили въ немъ стекла.

Поговоривъ, мы пошли вмѣстѣ по Итальянскому бульвару взглянуть, что̀ тамъ происходитъ. Видимъ: всѣ магазины заперты, народъ стоитъ кучами; въ числѣ ихъ самые почтенные граждане; всѣ стоятъ съ недоумѣвающими лицами, бо̀льшею частію спокойными, какъ-будто предчувствующими что-то недоброе. Простой-же народъ, радостно что-то толкующій, также стоялъ массами, размахивая руками. Скучные мы шли оба, и мой спутникъ, зная, что я мало знакомъ съ Парижемъ и что время опасное, совѣтывалъ мнѣ идти домой. Не прощаясь, я обѣщался быть у него утромъ, проститься и дать нѣсколько писемъ домой и въ академію. Я направился къ Pont-Neuf, въ мой Латинскій кварталъ, гдѣ я уже нѣсколько времени помѣстился въ Rue du Cloitre St.-Benoit; тамъ жила моя почтенная чета Lorieux. Идя по Pont-Neuf, слышу по набережной нашего квартала барабанный бой, и при спускѣ съ моста встрѣтилъ входившій на Pont-Neuf армейскій полкъ, называемый у французовъ la Ligne. Солдаты шли съ геройскимъ видомъ, мальчишки толпились около нихъ впереди, крича: „Какіе молодцы, вы вѣрно не будете стрѣлять въ народъ?“ Солдаты идутъ своимъ порядкомъ, а народъ, качая головами, думаетъ: „Боже мой, революція!“

Приближаясь къ дому, въ моей малой улицѣ вижу всѣ окна,

унизанными головами женщинъ, которыя съ болѣзненнымъ и вопросительнымъ взглядомъ смотрѣли внизъ на проходящихъ; какъ вдругъ послышался ружейный залпъ. Бѣдныя женщины, стоявшія въ окнахъ, перепугались; можетъ быть, это были жены жандармовъ или онѣ вообще оставались дома безъ мужей; всѣ въ одинъ почти голосъ, съ плачемъ, закричали: „Боже мой, вотъ уже начали стрѣлять, ахъ, Боже мой!“ Въ то-же время бѣжала по улицѣ разная чернь; мастеровые, имѣя что-то въ рукахъ, ломали замки у фонарей, фонарь летѣлъ внизъ и его со злостью растаптывали. Этой участи подверглась сперва одна часть фонарей, наконецъ, были всѣ уничтожены, ибо революціонеры хотѣли, чтобы Парижъ и его улицы оставались темными, изъ боязни, что король можетъ среди ночи ввести войско для своей защиты.

Я возвратился домой, зашелъ къ Лорье и разсказалъ все видѣнное и слышанное; онъ-же съ грустью качалъ головою, говоря, что „это худо, очень худо“.

На другой день, довольно рано, въ 7 часовъ утра, зашелъ я въ мастерскую, и спросилъ у консьержа или привратника: „г. Ришомъ пришелъ?“ Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ еще. Это меня удивило, ибо Ришомъ былъ всегда первый въ мастерской. Погода стояла удивительная и весьма жаркая и я, обѣщавъ наканунѣ А. А. Тону придти проститься съ нимъ, отправился отъ Quaie des Grands Augustins, гдѣ была наша мастерская, къ Pont-Neuf. Вижу ѣдетъ человѣкъ двѣнадцать конныхъ жандармовъ. Должно быть это былъ обзоръ или объѣздъ. Они уже стали спускаться съ моста, какъ вдали, съ другой стороны Сены, показался бѣгущій, въ разсыпную, всякаго рода народъ, нѣкоторые были даже на костыляхъ; раздаются выстрѣлы, вновь вижу летятъ фонари, какъ это было въ нашей улицѣ вчерашній вечеръ, и вся эта толпа на мосту стремилась догнать ѣхавшій объѣздъ. Жандармы, не теряя присутствія духа и бодрости, пришпорили лошадей, помаленьку въѣхали въ ворота префектуры и скрылись. Я не посмѣлъ идти далѣе къ Тону, воротился домой, зашелъ къ г. Лорье и вновь разсказалъ ему, что мнѣ случилось увидѣть. „Бурбоны не могутъ спокойно сидѣть на тронѣ, говорила старушка,—попы ихъ погубятъ“. Старикъ былъ грустенъ, старушка-же продолжала рабо-

тать, раскрашивая свои литографіи. Вдругъ она говоритъ: „что это значитъ, начали уже звонить къ обѣднѣ?“ и остановилась. Не прошло и десяти минутъ, какъ слышимъ глухой, но сильный звонъ колокола; удары были неровные, лучше сказать, звонили какъ попало. Старикъ испугался, у старушки выпала кисть изъ рукъ и они, знакомые съ ужасами первой революціи, въ одинъ почти голосъ сказали мнѣ: „Voilà le tocsin (набатъ), nous sommes en révolution!“ Признаюсь, и меня передернуло. „Теперь начнется война, кто кого пересилитъ: король и его войско или революція и народъ? Если король одержитъ верхъ, то все придетъ въ порядокъ; если-же народъ—то одному Богу извѣстно, что съ нами будетъ“.

— „Надобно, сказала m-me Lorieux,—обзавестись хлѣбомъ, сыромъ, виномъ и еще чѣмъ-нибудь“, что и купилъ намъ нашъ консьержъ. На улицахъ началась бѣготня мастероваго люда съ крикомъ: „à l'Hôtel de Ville!“—это мѣсто было всегда сборищемъ всѣхъ революціонеровъ, когда они слышали се tocsin.

Большой-же колоколъ, подъ названіемъ „Бурдомъ“, звонитъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ-то: когда городъ находится въ опасности или въ день смерти короля, т. е. при выдающихся изъ ряда событіяхъ. Онъ не звонилъ, а ревѣлъ своимъ ужаснымъ гуломъ, и все бѣжавшее на улицахъ кричало: „à l'Hôtel de ville, à l'Hôtel de ville!“ Съ часъ спустя, началась вдали перестрѣлка; сперва раздался одинъ сильный выстрѣлъ, затѣмъ врознь множество мелкихъ выстрѣловъ, немного спустя вновь сильный густой выстрѣлъ, за нимъ въ безпорядкѣ мелкіе, и это продолжалось съ $11^1/_2$ час. дня до 7 час. вечера безъ умолка или промежутковъ. Въ домѣ у насъ все было назаперти. По временамъ мы слышали стукъ у воротъ, насъ бралъ страхъ, слышимъ затѣмъ разговоръ съ нашимъ консьержемъ, сбѣгали внизъ и старались узнать причину стука, и оказывалось, что приходилъ кто-нибудь или жилецъ возвратился домой. Обѣдали кускомъ хлѣба съ сыромъ и старались узнать, что происходитъ въ городѣ, выйти-же я оберегался, а главное боялся.

Послѣ семи часовъ вечера слышимъ крики и шумъ и смотримъ, спрятавшись за окнами. Сражавшіеся возвращались домой. Это былъ почти все простой, мастеровой народъ, они устали, потъ лилъ съ нихъ градомъ, они точно вышли всѣ изъ

ванны, всѣ были безъ галстуха, жилетовъ, а день былъ несносно жаркій. Многіе несли въ видѣ трофеевъ, кто пуговицу, кто солдатскую эполету, крича: „это я сорвалъ съ убитаго мною швейцарца!“ Затѣмъ слышались дребезжащіе звуки гитары. Наигрывающій кричитъ: „эта гитара принцессы Берри“. Эта принцесса или герцогиня до революціи была первою меценаткою художниковъ и изящныхъ искусствъ. Ея имя изучилъ я прежде другихъ, и всѣ труженники восхищались ея любовью къ искусствамъ и щедростью по отношенію къ художникамъ.

Что-же касается швейцарскаго войска въ Парижѣ, то у короля Карла X было его до 20-ти тысячъ наемнаго. Эти швейцарцы были вѣрные и отличные солдаты, получали хорошее содержаніе, но французы, видя въ нихъ народъ, продающій себя и свое отечество за извѣстную сумму денегъ, и къ тому-же войско, которое французскимъ правительствомъ предпочиталось французскому, презирали ихъ и ненавидѣли.

На ночь вышелъ приказъ, чтобы свѣчи были поставлены на окнахъ. Мы тотчасъ все изготовили, всю ночь не спали, боясь общаго грабежа; свои малые десятки франковъ я спряталъ по всѣмъ угламъ моей комнаты.

На второй день мы встали, уставши отъ страха и безсонницы. Съ 10 час. утра началось повтореніе вчерашняго дня. Тотъ-же потрясающій гулъ колокола „Бурдомъ“ созывалъ народъ на площадь Ратуши. Вновь спѣшатъ вчерашніе революціонеры съ дубинами на плечахъ и съ крикомъ: „къ ратушѣ, къ ратушѣ!“ Вновь начинается перестрѣлка и длится весь день подъ палящимъ солнцемъ. Второй день былъ для насъ менѣе ужасенъ, чѣмъ вчерашній, мы какъ-будто попривыкли. Въ улицѣ царила смертная тишина; въ окнахъ ни души, все попряталось. Колоколъ „Бурдомъ“ и пушечная пальба, слышанные нами на второй день, насъ не страшили. Ко всѣмъ этимъ ужасамъ мы какъ-будто попривыкли. Настаетъ вечеръ, тотъ-же шумъ возвращавшихся домой революціонеровъ; всѣ они большею частью полупьяные, ибо жажда, возбуждаемая палящею жарою, можетъ быть утолена только виномъ. Всѣ возвращавшіеся имѣли крайне усталый видъ; многіе изъ нихъ украшены были трофеями убитыхъ солдатъ, оставшихся вѣрными своему королю; у кого каска на головѣ, у кого изорванный солдатскій мундиръ. О своихъ трофеяхъ,

они съ крикомъ давали знать, что все это взято съ убитыхъ швейцарцевъ. Ночь прошла покойна: въ ворота не стучали, и я, какъ могъ, пріуснулъ.

Насталъ третій день (суббота). Утромъ слышится вновь сильная пальба и перестрѣлка.

Къ 12 часамъ все смолкло. На улицѣ виденъ народъ, слышенъ спокойный говоръ, появились лица въ окнахъ, и нашъ консьержъ входитъ къ намъ и объявляетъ, что все кончено, либералы одержали верхъ! Мои старики все еще недоумѣвали, чѣмъ все это кончится. „Фабриканты и хозяева магазиновъ долго еще не примутся торговать какъ слѣдуетъ. Что станетъ съ монархистами, королемъ и его министрами, чѣмъ станетъ кормить новое правительство народъ, который сражался за новый порядокъ, остался побѣдителемъ, а его хозяева, можетъ быть, будутъ банкротами".

Такъ толковали мои хозяева, имѣя небольшой капиталъ, отданный на проценты, боясь на старости лѣтъ остаться ни съ чѣмъ.

Такъ какъ было скучно слышать всѣ эти печальныя предсказанія, то я, просидѣвъ дома день и ночь въ продолженіе почти трехъ дней и видя, что на улицѣ появилась вновь жизнь, простился со старичками и обѣщался принести, разумѣется, печальныя вѣсти этихъ пагубныхъ трехъ дней.

Прежде всего зашелъ въ кофейную. Она была полна молодежи, которая вслухъ и съ восторгомъ разсказывала о своей побѣдѣ, о потерѣ нѣкоторыхъ друзей и съ неистовствомъ, ругая, произносила имя короля Карла X-го, проклинала его министерство, особенно Полиньяка, предсказывая имъ уголовный судъ какъ измѣнникамъ отечества и виновникамъ пролитой крови.

Изъ кафѣ я направился по Quaie Voltaire къ Pont des arts. Тутъ вижу насколько всѣ дома пострадали, особенно l'Institut de France, коего фасадъ весь былъ испещренъ картечью. Ему досталось отъ швейцарцевъ, которые заняли Лувръ, имѣя при себѣ пушки.

Народъ съ набережной „Quaie Voltaire" безпокоилъ швейцарцевъ своимъ огнемъ, а они сильно отстрѣливались. Здѣсь много пало народа съ обѣихъ сторонъ. У швейцарцевъ, въ Луврѣ противъ Pont des arts, на балконѣ дворца поставлена была пушка.

Лувръ былъ сильно защищаемъ со всѣхъ сторонъ швейцарцами, вслѣдствіе чего его можно было взять только со стороны Pont des arts; осаждавшій народъ только что дойдетъ до средины моста, какъ съ балкона Лувра пушечный выстрѣлъ не позволяетъ ему идти далѣе. Народъ отступалъ, пока наконецъ одинъ ученикъ политехнической школы, съ обнаженною въ рукѣ шпагою, бодро взялся вести народъ по мосту; новый выстрѣлъ съ балкона Лувра ранилъ его опасно, но его поддерживали подъ руки, и онъ велъ народъ все впередъ и впередъ. И тѣмъ кончилось дѣло. Швейцарцы сдались и народъ бросился во дворецъ, здѣсь все переломалъ и, безчинствуя, добрался, наконецъ, до королевскаго погреба съ рѣдкими винами.

Тутъ многіе сильно перепились; раненаго-же ученика политехнической школы, дорогою умершаго отъ раны, народъ принесъ въ тронную залу, трупъ его посадили на тронъ Карла X-го, прикрыли крепомъ, и въ такомъ видѣ пригласили его родителей съ нимъ проститься. Этотъ трогательный эпизодъ передалъ мнѣ нашъ фельдъегерь Вильде, который по службѣ былъ въ Парижѣ; онъ былъ при взятіи Лувра, видѣлъ эту трогательную сцену и въ погребкѣ Карла X-го пилъ отличное его вино, которымъ многіе перепились и отошли въ вѣчность.

Швейцарцевъ отправили въ видѣ военноплѣнныхъ въ ихъ казармы и, боясь мести народа, ихъ казармы охранялись народною военною силою.

Прекрасныя стекла были всѣ перебиты пулями, и древняя церковь возлѣ Лувра „St. Germain l'Auxerrois“ сильно пострадала. Улицы вокругъ Лувра были изрыты и наставлено много баррикадъ, у коихъ въ одномъ концѣ дѣлалось отверстіе для прохода публики.

Насмотрѣвшись въ этой части города, я отправился къ Пале-Роялю, гдѣ началась, тому три дня, революція, и увидалъ тутъ также сильныя поврежденія: чудныя огромныя зеркальныя стекла, которыя въ то время была довольная рѣдкость, всѣ были испещрены пулями; будка-же часоваго пронизана была пулями въ такомъ количествѣ, что ея стѣнки имѣли видъ кружевъ.

На улицѣ St. Honoré, на которой стоитъ Пале-Рояль, дома большею частью пострадали, и во всѣхъ окнахъ часть стеколъ была перебита.

Идя далѣе, я попалъ на Италіанскій бульваръ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись высокія деревья; онѣ лежали теперь на землѣ срубленными, чтобы помѣшать кавалеріи и артиллеріи попасть въ городъ и защитить павшаго Карла X-го. По всему бульвару, при входѣ въ улицу, возведены были баррикады, и у каждой баррикады стоялъ часовой, импровизированный изъ мужика или мастероваго; въ рукѣ у него было ружье, а въ шапкѣ, фуражкѣ или шляпѣ воткнута вѣточка зелени. Всѣ, кого я ни видалъ дежурными, имѣли видъ изнуренный и сильно загорѣлый. Идя по улицамъ, я встрѣчалъ такую толпу народа, что, казалось, всѣ жители Парижа, просидѣвъ дома взаперти три дня, какъ-будто стремились перехватить свѣжаго воздуха. Многихъ встрѣчалъ я съ озабоченнымъ лицемъ, какъ-будто искали кого-то; многіе, прождавъ три дня своихъ дѣтей и не видя ихъ возвратившимися, съ какимъ-то трепетомъ, встрѣтивъ на улицѣ знакомыхъ, спрашивали кто про сына, кто про мужа или дядю. Признаюсь, было чему безпокоиться, послѣ столь ужасной трехдневной битвы.

Продолжая свою грустную прогулку среди баррикадъ и перебитыхъ стеколъ, я дошелъ до набережной рѣки Сены къ мосту St. Michel. На мосту стоитъ въ одномъ легкомъ нижнемъ платьѣ часовой съ вѣткою, въ изорванной шляпѣ и съ ружьемъ. Мнѣ слышится сильный запахъ мертвечины и я учтиво спрашиваю его: „Что это за непріятный запахъ?“ Онъ мнѣ довольно сильнымъ голосомъ отвѣчаетъ:

— „Идите къ госпиталю Hôtel Dieu, тамъ увидите, какъ и сколько перебито швейцарцами французскаго народа“.

День былъ безоблачный и жара душила человѣка; встрѣчавшихся я всѣхъ видѣлъ съ платками въ рукахъ, ежеминутно отиравшихъ потъ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше иду, тѣмъ болѣе чувствую невыносимый запахъ. Подходя къ собору „Notre Dame“, вижу, за нимъ стоитъ знаменитое зданіе больницы, подъ названіемъ „Hôtel Dieu“. Тутъ обоняю невыносимый,—не запахъ, а смрадъ, захватывающій дыханіе. Приближаясь къ набережной рѣки Сены, вижу огромную барку, покрытую соломою, наполненную голыми трупами, которые виднѣлись изъ-подъ соломы, и человѣка, ходящаго поверхъ соломы и чѣмъ-то спрыскивающаго трупы. Между тѣмъ, изъ больницы идутъ гуськомъ носильщ-

щики и держатъ каждый тачку, имѣя на нихъ по одному трупу. Онъ виситъ руками, головою и ногами внизъ, туловище-же покоится на срединѣ тачки. Тутъ я видѣлъ на тачкахъ трупы бѣлыхъ и черныхъ, молодыхъ и стариковъ, и очень много женщинъ съ распущенными волосами. Всѣ трупы были нагіе съ прикрытыми половыми частями и всѣ съ смертельными ранами. Признаюсь, это зрѣлище приводило меня въ ужасъ. Тѣла многихъ были уже попорчены отъ стоявшихъ въ эти три дня сильныхъ жаровъ. Носильщики спускались къ набережной и сбрасывали трупъ въ барку, гдѣ ихъ лежало множество, и такъ за одною тачкою слѣдовала другая. Множество родителей, особенно женскаго пола, можетъ быть матери или сестры, стояли у спуска и, каждый осматривая трупъ, подымалъ его голову и старался узнать своего пропавшаго родственника. Иныя находили своихъ и кричали: „Ахъ, это мой Люи“, или „Антоній“, цѣловали, благословляли и плакали. У другихъ были въ рукахъ цвѣты, онѣ бросали вѣтку—другую на трупъ своего родственника.

Когда родители, послѣ окончанія революціи, не могли дождаться своихъ взрослыхъ сыновей или кого другаго, то имъ совѣтовали идти въ госпиталь „Hôtel Dieu“, говоря, что со всѣхъ дворовъ собирали убитыхъ, вслѣдствіе того, что трупы сильно разлагались отъ жары. Это и были тѣ несчастные, которыхъ я видѣлъ на набережной у Hôtel Dieu.

Ѳ. И. Іорданъ.

Сообщ. **В. А. Іорданъ.**

[Продолженіе слѣдуетъ].

Примѣч. къ стр. 72. Портретъ В. А. Каратыгина былъ награвированъ, дѣйствительно, для Аладьина, въ его альманахъ „Букетъ“ 1829, а не въ „Сѣв. Цвѣты“, которые издавалъ баронъ Дельвигъ; для Френа гравированы были Ѳ. И. Іорданомъ ханскія монеты, къ сочиненію Френа: „de II. Chanorum numis“ 1828.

Н. П. Собко.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.-П.-Б. МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ 1833—1863 ГГ.

ЗАПИСКИ

НИКОЛАЯ ѲЕДОРОВИЧА ЗДЕКАУЕРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.-П.-Б. МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1833—1863 гг.

Записки Николая Ѳедоровича Здекауера.

I.

намѣренъ на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ изложить прожитыя мною за время 1833—1863 гг. событія, насколько они касаются исторіи развитія и бытовой стороны всѣмъ намъ дорогой академіи, при чемъ постараюсь быть по возможности правдивымъ и объективнымъ.

Какъ извѣстно, наша медицинская академія относитъ свое основаніе къ царствованію императора Павла Петровича; она возникла изъ основанныхъ еще Петромъ Великимъ врачебныхъ школъ, при военныхъ госпиталяхъ, сухопутномъ и морскомъ; но собственно подробный планъ для полнаго курса врачебныхъ наукъ, съ логическою послѣдовательностью ихъ преподаванія, былъ начертанъ знаменитымъ Петромъ Франкомъ, бывшимъ короткое время лейбъ-медикомъ императора Александра I, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и съ малыми измѣненіями, вызванными требованіями современной науки, остался понынѣ въ томъ-же видѣ.

Первымъ президентомъ медико-хирургической академіи былъ любимецъ и лейбъ-медикъ государя Александра Павловича, баронетъ Як. Вас. Виліе. Первыми вице-президентами ея были профессора Иванъ Ивановичъ Буш̀ъ и Даніилъ Михайловичъ Веланскій. Теперь я буду говорить о пережитомъ только мною времени,

отъ вступленія моего въ 1833 году въ студенты мед.-хирург. академіи и до моего выхода изъ числа профессоровъ ея въ 1863 году.

Не смотря на то, что я предъявилъ свидѣтельство, какъ студентъ втораго курса физико-математическаго факультета императорскаго с.-петербургскаго университета, меня подвергли повѣрочному экзамену, который вышелъ очень оригинальнымъ. Изъ латинскаго меня экзаменовалъ адъюнктъ физики Молчановъ; оказалось, что я, какъ ученикъ Гримма и знаменитаго латинскаго университ. профес. Грефе, зналъ больше своего экзаменатора; изъ исторіи экзаменовалъ адъюнктъ ботаники, а изъ географіи адъюнктъ по каѳедрѣ фармаціи—тоже съ грѣхомъ пополамъ, написавъ латинскую статейку на тему de amoenitatibus naturae (о красотахъ природы),—я вполнѣ удовлетворилъ своихъ добродушныхъ экзаменаторовъ и оказался своекоштнымъ студентомъ императ. мед.-хирург. академіи.

Отецъ мой, медикъ, снабдилъ меня подходящими книгами изъ своей богатой библіотеки и я страстно принялся за ученіе [1]). Считаю не лишенною интереса характеристику тогдашнихъ моихъ профессоровъ.

Анатомію преподавалъ извѣстный болѣе какъ хирургъ профессоръ Илія Васильевичъ Буяльскій по руководству академика Загорскаго, почти буквально, съ предъявленіемъ студентамъ всѣхъ костей скелета и раздачею нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ демонстраціями въ аудиторіи, внутренностей, мышцъ, нервовъ, кровеносныхъ сосудовъ и связокъ на трупахъ. Два тома сочиненія Загорскаго выучивались наизусть. Хорошо еще, что я съ шестью или семью товарищами покупали бывало въ складчину—рублей за 10 ассигнаціями—одинъ или два трупа и по вечерамъ, при сальной свѣчѣ, съ руководствами въ рукахъ, самоучками препарируя, отыскивали мышцы, нервы, артеріи и вены,—и такимъ образомъ хотя нѣсколько покрывали эти пробѣлы. Изъ экономіи мы занимались надъ однимъ трупомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно сгнивалъ—и я до сихъ поръ дивлюсь, какъ изъ насъ тогда никто не заразился трупнымъ ядомъ! Каѳедра физіологіи была соединена съ патологіею и ее занималъ извѣстный въ свое время русскій натуръ-философъ, ученикъ Шелинга и Окена, заслуженный профессоръ Даніилъ Михайловичъ

---

[1]) Отецъ Н. Ѳ. Здекауера—Ѳедоръ Яковлевичъ—былъ врачъ, вызванный въ числѣ семи другихъ докторовъ, въ царствованіе императора Александра Павловича, княземъ В. П. Кочубеемъ, и основался на русской службѣ главнымъ врачемъ морскаго госпиталя въ Свеаборгѣ (гдѣ и родился Николай Ѳед.). Скончался Ѳ. Я. Здекауеръ въ Спб., 1836 г., января 2-го, будучи главнымъ врачемъ придворнаго конюшеннаго госпиталя. Ред.

Веланскій. Вмѣсто физіологіи Д. М. читалъ намъ свою умозрительную физику, которая, не смотря на свою туманность, а можетъ быть и по этой именно причинѣ, намъ очень импонировала. Патологическія лекціи состояли въ краткомъ объясненіи латинскихъ терминовъ на русскомъ языкѣ [1]). Ботанику преподавалъ весьма начитанный профессоръ П. Ф. Горяниновъ по рисункамъ и только рѣдко по растеніямъ. Зато химію краснорѣчиво и при томъ съ опытами, при которыхъ помогалъ ему бывшій тогда адъюнктъ-лаборантомъ, нынѣ извѣстный заслуженный профессоръ Юлій Карловичъ Траппъ, профессоръ Ст. Яковл. Нечаевъ.

Фармакологію въ 3-мъ курсѣ читалъ заслуженный профес. Ив. Тимоф. Спасскій, владѣющій даромъ слова и многосторонне образованный ученый и хорошій латинистъ. Онъ къ своимъ лекціямъ примѣшивалъ много изреченій изъ древнихъ классиковъ; но и много хотя и разбросанныхъ свѣдѣній изъ физіологіи, патологіи и терапіи. Онъ же читалъ и общую терапію. Нечаевъ и Спасскій были лучшіе изъ русскихъ профессоровъ, у которыхъ студенты того времени многому научались. Профес. Осипъ Игнатьевичъ Калинскій читалъ довольно монотонно частную терапію по своимъ запискамъ, составленнымъ преимущественно по извѣстному сочиненію Петра Франка De cognoscendis et curandis hominum morbis. Профес. Чаруковскій при мнѣ, когда я былъ въ 3-мъ курсѣ, послѣдній годъ завѣдывалъ академическою клиникою. Это былъ начитанный эмпирикъ, преподававшій на семинарскомъ латинскомъ языкѣ, дѣлавшій гадательные діагнозы, только по краткимъ разспросамъ больныхъ безъ ихъ изслѣдованія, если исключить щупаніе пульса и осмотръ языка, хотя онъ въ свое время имѣлъ здѣсь значительную практику. Терапія его была односторонняя. Во всѣхъ грудныхъ болѣзняхъ и въ такъ назыв. febris gastrico catarrhalis прописывалась неизмѣнно Mixtura muriatis ammonii stibiata, изъ которой, какъ говорили тогда шутя, онъ выстроилъ себѣ каменный домъ въ столицѣ. Я посѣщалъ клинику профессора Чаруковскаго въ качествѣ субкуратора, т. е. помощника куратора, съ которымъ я наблюдалъ двухъ больныхъ, одного съ діагнозомъ febris gastrico catarrhalis, который, однако же, почему-то умеръ, а другаго съ грознымъ діагнозомъ Pleuroperipneumonia, который очень скоро выздоровѣлъ; оба получили знаменитую mixturam muriatis ammonii stibiatam; какъ я

---

[1]) Ее преподавалъ адъюнктъ Веланскаго, Александръ Петровичъ Загорскій. Н. З.

теперь соображаю, у перваго былъ брюшной тифъ, а у втораго простой бронхитъ. Не думаю, чтобы профес. Чаруковскій могъ образовать хорошихъ практическихъ врачей и еще менѣе такъ называемую собственную высшую школу, отличныхъ терапевтовъ врачей. У проф. Чаруковскаго былъ тогда адъюнктомъ Пав. Ѳед. Шипулинскій, болѣе современно образованный и хорошій практическій врачъ. Онъ въ 1848 году, съ званіемъ ординарнаго профессора, сдѣлался директоромъ академической терапевтической клиники.

1837-й годъ долженъ быть памятнымъ для нашей академіи. Терапевтическую клинику принялъ тогда въ свое завѣдываніе, по приглашенію баронета Виліе, главный докторъ морскаго госпиталя Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. Этотъ геніальный учитель, далеко опередившій свое время, имѣлъ огромное вліяніе на поднятіе уровня образовательнаго ценза слушателей имп. медико-хирургической академіи и русскихъ врачей вообще.

Многосторонне образованный, ученый, лично знакомый съ знаменитостями того времени Германіи и Франціи, близкій другъ академика Бэра, съ которымъ разрабатывалъ исторію развитія плода, профессоръ Зейдлицъ не только стоялъ на современной высотѣ науки, но и опередилъ ее собственными трудами. Онъ впервые читалъ намъ прикладную Семіотику; первый познакомилъ насъ съ объективными способами изслѣдованія посредствомъ выслушиванія, постукиванія, измѣренія и химическаго изслѣдованія выдѣленій и отбросовъ организма,—первый показалъ намъ въ микроскопѣ кровяные шарики, мочевинные кристаллы, объяснилъ значеніе объективныхъ признаковъ болѣзни, училъ дифференціальнымъ діагнозамъ,—объяснялъ при вскрытіяхъ умершихъ анатомическій характеръ болѣзней и въ своемъ классическомъ отчетѣ „Klinischer Bericht 1846 г.“ оставилъ неподражаемый образецъ учено-практическаго труда. Ему мы были обязаны здравыми понятіями объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, о ихъ циклическомъ ходѣ. Онъ употреблялъ тогда уже гидротерапію въ тифозныхъ болѣзняхъ. Его терапія была высоконаучная, основанная на раціональныхъ показаніяхъ и на зрѣломъ опытѣ и близкомъ знакомствѣ съ дѣйствіемъ главнѣйшихъ врачебныхъ средствъ. Общую терапію, какъ послѣдній выводъ изъ частной терапіи, читалъ онъ въ 5-мъ курсѣ, гдѣ знакомилъ насъ и съ эмбріологіею. Новый духъ повѣялъ въ нашей академіи. Студенты того времени, сознавая, чѣмъ они обязаны Зейдлицу, носили его на рукахъ. Онъ былъ любимый профессоръ, но, къ сожалѣнію, разстроенное многотрудными занятіями его здоровье слишкомъ рано лишило академію такого драгоцѣннаго пре-

подавателя. Уже въ 1844 году профессоръ Зейдлицъ оставилъ академію и поселился въ своемъ имѣніи около Дерпта. Я имѣлъ счастіе быть не только его ученикомъ, но въ теченіи четырехъ лѣтъ его клиническимъ ассистентомъ и адъюнктомъ. Зейдлицъ создалъ въ нашей академіи пропедевтическую или пріуготовительную клинику, гдѣ преподавались различные способы изслѣдованія больныхъ и прикладная семіотика и которою я въ 1848 г. впервые завѣдывалъ.

Изъ прочихъ профессоровъ я упомяну здѣсь еще профессора Саломона, бывшаго адъюнктомъ у знаменитаго профес. Буша, котораго я уже не засталъ въ академической хирургической клиникѣ, но вице-президентомъ м.-х. академіи. Саломонъ былъ хорошій хирургъ и завѣдывалъ хирургическою клиникою, дѣльный, ученый и раціональный профессоръ, у котораго мы охотно занимались и многому выучились. Онъ оставилъ для своего времени прекрасное руководство.

Ив. Вас. Рклицкій былъ адъюнктомъ при клиникѣ профессора Саломона, а потомъ и профессоромъ. Безъ особенной учености, на которую онъ и не претендовалъ, онъ обладалъ замѣчательными ловкостью и проворствомъ при операціяхъ. Онъ при мнѣ сдѣлалъ пятилѣтнему ребенку литотомію въ 3 минуты и показалъ изумленнымъ студентамъ извлеченный имъ камень, за что былъ покрытъ бурными рукоплесканіями. Ампутацію голени, съ однимъ ассистентомъ и перевязкою сосудовъ, онъ кончалъ въ 10 минутъ. Это было несомнѣнное достоинство, въ то время, когда еще не знали никакихъ анестезирующихъ средствъ. Этимъ онъ сокращалъ мученія оперируемаго больнаго.

Упомяну также профессора Пелехина, который намъ при клиникѣ Саломона читалъ о глазныхъ болѣзняхъ и былъ, безспорно, лучшимъ латинистомъ въ академіи, и проф. Хатовицкаго, читавшаго гинекологію и акушерство, по руководству Каруса, которое онъ перевелъ въ крѣпости, гдѣ онъ полгода просидѣлъ, за то, что, будучи городовымъ акушеромъ, не пошелъ къ женѣ гофъ-фурьера, по случаю родовъ собственной своей жены. Но лекціи его читались безъ женской клиники, съ упражненіями на фантомѣ, которыми руководилъ адъюнктъ его, нынѣ скончавшійся, заслуженный профессоръ физіологіи Александръ Петровичъ Загорскій [1]).

[1]) А. П. былъ профессоромъ физіологіи въ медико-хирург. академіи и читалъ лекціи изъ судебной медицины воспитанникамъ имп. училища правовѣдѣнія. Проф. Загорскій былъ не только совѣщат. членомъ, но въ теченіи 25-ти лѣтъ—ученымъ секретаремъ медицинскаго совѣта. Н. З.

Загорскій первымъ въ нашей академіи преподавалъ физіологію, по современному состоянію этой важной науки—хотя и безъ опытовъ надъ животными.

Проф. Гр. Гр. Прозоровъ читалъ намъ объ эпизоотіяхъ,—онъ былъ одно время ученымъ секретаремъ академіи и состоялъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта.

О прочихъ профессорахъ и адъюнктахъ того времени не упоминаю, по пословицѣ: de mortuis nil nisi bene.

Президента нашего, баронета Я. В. Вилié, я, въ теченіи пятилѣтняго моего студенчества, видѣлъ всего четыре раза—на публичныхъ актахъ; тѣмъ не менѣе онъ обо всемъ зналъ, что происходило въ академіи и былъ могущественнымъ ея защитникомъ. За то его столь рѣдкое появленіе производило на насъ и на нашихъ профессоровъ глубокое впечатлѣніе.

Скажу еще нѣсколько словъ о духѣ и направленіи, господствовавшихъ тогда въ академіи, и о взаимныхъ отношеніяхъ между студентами и преподавателями.

Студенты дѣлились на казенно-коштныхъ, проживавшихъ въ стѣнахъ академіи, и своекоштныхъ или волонтеровъ. За лекціи не полагалось никакой платы. Существовали полугодовыя репетиціи, возлагаемыя на адъюнктовъ, и курсовые экзамены. Вообще учились прилежно, но бывали примѣры, что нерадивые своекоштные студенты оставались по три и даже по четыре года въ одномъ курсѣ. Профессора, особенно упомянутые мною, пользовались большимъ уваженіемъ, но большею частью держали себя недоступными. Похвальное исключеніе составляли профессора: Спасскій и Зейдлицъ, которыхъ зато студенты просто обожали.

Лекціи начинались 1-го сентября, экзамены кончались къ Иванову дню. Рѣдко манкировали профессора, развѣ только при сильномъ ледоходѣ. Бывало, И. В. Буяльскій говаривалъ, если мы его спрашивали—будетъ-ли онъ при распутицѣ на лекціи?—„Буду-съ, господа, хоть на льдиночкѣ-съ переѣду“.,—и въ самомъ дѣлѣ пріѣзжалъ.

Въ 1838 году я кончилъ курсъ въ академіи и отправился за границу въ Берлинъ, Дрезденъ, Прагу и Вѣну—для усовершенствованія себя въ наукахъ.

Въ Берлинѣ я у Іоанна Мюллера впервые слушалъ курсъ физіологіи, у профессора Буша видѣлъ первую роженицу и раза три принималъ ребенка,—у профессора Барэ встрѣтилъ первую дѣтскую клинику, у Руста и Диффенбаха посѣщалъ хирургическую клинику и оперативный курсъ, наконецъ, у знаменитаго Ромберга,

кромѣ курса нервной патологіи, бралъ еще privatissimum въ изученіи аускультаціи и перкуссіи, съ немногими иностранными врачами,—и гдѣ-же?—за городомъ, въ арестантскомъ госпиталѣ, почти тайкомъ, ибо тогда, въ 1838 году, въ Берлинѣ профес. Вольфъ и другіе подымали Ромберга за это на смѣхъ, а берлинскіе студенты подшучивали надъ нашей небольшой группой.

Тутъ только я оцѣнилъ вполнѣ огромную заслугу Зейдлица, который за два года передъ моимъ отъѣздомъ за границу училъ насъ публично техническимъ пріемамъ, при объективной діагностикѣ.

Въ Дрезденѣ я слушалъ 6-ти-недѣльный курсъ антропологіи у знаменитаго Каруса. Въ Прагѣ я познакомился съ молодымъ еще докторомъ Оппольцеромъ, который былъ тогда клиническимъ ассистентомъ у стараго профессора Кромбгольца и предсказалъ ему блестящую будущность. Въ Вѣнѣ я сосредоточилъ все свое вниманіе на изученіи патологической анатоміи и взялъ privatissimum у д-ра Шкоды, который въ одной палатѣ Большаго вѣнскаго госпиталя (Allgemeines Krankenhaus), по протекціи протомедикуса Богеміи, Надгерни, получилъ дозволеніе, за два года передъ тѣмъ, читать прикладной курсъ аускультаціи и перкуссіи, напечатанной имъ въ 1839 году, и который у меня былъ цѣликомъ записанъ. Докторъ Шкода тогда былъ младшимъ ординаторомъ (Sekundararzt) помянутаго госпиталя и только гораздо позже получилъ профессуру. Онъ также, какъ и Ромбергъ, въ то время подвергался язвительнымъ насмѣшкамъ многихъ своихъ вѣнскихъ коллегъ. Вмѣстѣ со мною, у него тогда было 14 слушателей изъ иностранныхъ врачей, кромѣ меня, еще одинъ русскій врачъ д-ръ Бремме, но ни одного австрійца. Nemo propheta in patria.

Патологическую анатомію превосходно и демонстративно преподавалъ знаменитый профессоръ Рокитанскій, въ старомъ анатомическомъ институтѣ, близь стараго психіатрическаго отдѣленія, такъ называемаго Narrenthurm. Никогда не встрѣчалъ я ученаго профессора, который-бы, при такой научной славѣ, заслуженной имъ, какъ реформаторомъ своей науки, какъ создателемъ точной и опредѣлительной нѣмецкой терминологіи, былъ-бы такъ простъ въ обращеніи и такъ радѣлъ-бы въ отношеніяхъ своихъ къ слушателямъ объ усвоеніи ими своего предмета. Имя Рокитанскаго останется безсмертнымъ въ лѣтописяхъ врачебной науки и, въ особенности, патологической анатоміи, наравнѣ съ Морганьи и Вирховомъ, но что въ моихъ глазахъ дѣлаетъ ему наибольшую честь, это то, что онъ, уже увѣнчанный европейскою славою, на склонѣ жизни, принялъ и усвоилъ себѣ, какъ рѣшительный прогрессъ въ его

наукѣ, целлулярную патологію Вирхова и отрекся при этомъ отъ любимой своей теоріи кразовъ (Crasenlehre), которую онъ такъ краснорѣчиво излагалъ, преклоняясь своею лаврами увѣнчанною главою передъ геніемъ тогда еще молодаго своего преемника по наукѣ. Мнѣ кажется, что ученіе о болѣзняхъ крови и послѣ ученія Вирхова не потеряло своего права гражданства въ наукѣ и что целлулярная патологія даетъ намъ ключъ къ болѣзнямъ тканей или къ патологической морфологіи организма.

Нѣсколькими словами позволю себѣ сравнительно охарактеризовать профессоровъ берлинскаго и вѣнскаго университетовъ того времени, т. е. 1838—1839 годовъ.

Берлинъ изобиловалъ тогда знаменитостями, Рустъ, Дифенбахъ, І. Мюллеръ, Ромбергъ, Іункенъ, Барэ составляли славу медицинскаго факультета, но, за исключеніемъ Барэ и Ромберга, берлинскіе профессора держали себя въ гордомъ, недоступномъ отдаленіи отъ своихъ слушателей и даже отъ иностранныхъ врачей. Съ другой стороны вліяніе берлинскихъ студентовъ, весьма склонныхъ тогда къ резонерству и критикѣ на своихъ профессоровъ, было таково, что послѣдніе, за исключеніемъ Мюллера, Ромберга и Барэ—аффектировали тонъ какихъ-то непогрѣшимыхъ жрецовъ и пророковъ—дѣлая, напр., діагнозы даже хирургическихъ или глазныхъ болѣзней на разстояніи,—при чемъ выходили иногда довольно странныя и даже забавныя ошибки. Такъ, напр., въ клиникѣ знаменитаго Руста при полной аудиторіи ассистентъ привелъ двухъ больныхъ—одного страдавшаго ischiade, а другаго оглушеннаго ударомъ молніи. Профессоръ Рустъ тотъ часъ указалъ на одного изъ нихъ съ нетвердою походкой, туповатою физіономіей и краснорѣчиво доказывалъ, что нельзя было не узнать съ перваго взгляда, что это fulminatus (пораженный молніей) и что въ такихъ случаяхъ нечего терять напрасно время на разспросы.

Сконфуженный ассистентъ робко доложилъ Русту, что fulminatus то другой, а что у этого ischias (т. е. боль сѣдалищнаго нерва).

У профессора Іункена діагнозы тоже дѣлались ходульно, и хотя изрѣдка, но встрѣчались quid pro quo. Надо замѣтить, что Рустъ читалъ свою знаменитую гелкологію (т. е. ученіе о язвахъ) и управлялъ хирургическою клиникою послѣдній семестръ и уже плохо видѣлъ, отчего и оставилъ потомъ свою каѳедру—хотя для германскихъ профессоровъ не существовали, да и теперь не существуютъ ни предѣльный возрастъ, ни извѣстный срокъ для преподаванія.

II.

Вернувшись въ ноябрѣ 1839 года, я поступилъ сверхкомплектнымъ младшимъ ординаторомъ въ старый сухопутный госпиталь и вмѣстѣ съ тѣмъ ассистентомъ въ клинику профессора Зейдлица.

По возвращеніи своемъ я нашелъ большую перемѣну въ нашей академіи.

Она изъ министерства внутреннихъ дѣлъ перешла въ министерство военное. Студенты всѣ носили форму военнаго покроя. Профессорамъ и адъюнктамъ обязательно предписано было носить мундиръ тоже военнаго покроя. Инспекторомъ студентовъ былъ полковникъ Шенрокъ, президентомъ академіи бывшій главный докторъ московскаго военнаго госпиталя, дѣйствит. статск. совѣтникъ Ив. Богд. Шлегель [1]).

Послѣ Шлегеля президентомъ м.-х. академіи назначенъ былъ В. В. Пеликанъ, самый ученый изъ всѣхъ ея президентовъ, но самый плохой изъ нихъ администраторъ. За нимъ слѣдовали: П. А. Дубовицкій, Я. А. Чистовичъ, Никол. Иларіон. Козловъ и, наконецъ, Александръ Михайлов. Быковъ. Послѣдніе три уже не назывались президентами, а начальниками академіи, которая сама изъ медико-хирургической переименована въ военно-медицинскую.

Передача академіи въ военное министерство произошла по слѣдующему грустному случаю:

На курсовомъ экзаменѣ въ іюнѣ 1839 года бѣдный студентъ фармаціи, для котораго кончить курсъ и получить мѣсто аптекарскаго помощника былъ жизненный вопросъ, выдержалъ экзаменъ удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ химіи, и только по настоятельнымъ просьбамъ получилъ дозволеніе передержать экзаменъ изъ химіи.

Готовясь днемъ и ночью къ экзамену, онъ съ трепетомъ явился къ профессору Нечаеву, который, не соглашаясь на переэкзаменовку, уступилъ только ходатайству вицепрезидента, добродушнаго Д. М. Веланскаго, и черезъ пять минутъ срѣзалъ несчастнаго фармацевта. Блѣдный, съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ едва могъ выйти изъ конференцъ-залы. По окончаніи экзамена началась конференція. Вдругъ входитъ въ изступленномъ видѣ несчастный фармацевтъ

---

[1]) Подробная біографія Ив. Богд. Шлегеля описана Я. А. Чистовичемъ въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ 1852 г., ч. 59, I.

Н. З.

и быстрыми шагами направляется къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ ученый секретарь, т. е. Нечаевъ, который, узнавъ его, вскочилъ съ своего мѣста, а обезумѣвшій студентъ бросился на рядомъ сидящаго, довольно тучнаго, профессора Калинскаго и нанесъ ему рану перочиннымъ ножемъ въ животъ. Его тотчасъ схватили безъ всякаго, съ его стороны, сопротивленія, узнали, что онъ передъ своимъ преступленіемъ принялъ, для отравленія себя, унцію свинцоваго сахара, дали ему рвотное и противуядіе и отправили его въ арестантское отдѣленіе сухопутнаго госпиталя. Рана профессора Калинскаго оказалась не опасною. Назначили, по высочайшему повелѣнію, военный судъ и несчастнаго фармацевта, въ присутствіи студентовъ академіи, прогнали сквозь строй, при чемъ многіе изъ невольныхъ зрителей падали въ обморокъ. Наказанный не вынесъ этого истязанія и умеръ отъ послѣдствій наказанія. Академію же, для возстановленія въ ней дисциплины, отдали подъ вѣдомство военнаго министерства. Грозный и строгій графъ П. А. Клейнмихель былъ назначенъ ея попечителемъ.

Мы ниже увидимъ, какъ этотъ всемогущій любимецъ императора Николая I-го сдѣлался истиннымъ благодѣтелемъ академіи.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя важныя перемѣны въ составѣ профессоровъ академіи.

Изъ казанскаго университета перешли въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію профессора П. А. Дубовицкій, Н. Н. Зининъ и А. А. Китеръ. Первый изъ нихъ, сынъ богатаго помѣщика, дворянской фамиліи, по собственной охотѣ посвятилъ себя изученію медицины и уже 23-хъ лѣтъ былъ ординарнымъ профессоромъ. При нѣкоторой эрудиціи и большой независимости характера, онъ, однако-же, въ наукѣ своей былъ не болѣе какъ дилетантъ, съ претензіями на непогрѣшимость. Посвятивъ себя хирургіи, онъ имѣлъ несчастіе, доставая книгу, упасть съ лѣстницы и повредить себѣ правую руку, такъ что не въ состояніи былъ дѣлать операціи. Но впослѣдствіи П. А. Дубовицкій выказалъ необыкновенныя административныя способности и, въ качествѣ президента академіи, при значительномъ вѣсѣ, который давали ему честный и настойчивый характеръ, независимое положеніе богатаго помѣщика и его связи съ высшими слоями общества, оказалъ любимой имъ нашей академіи огромную пользу, заслужилъ этимъ вѣчную ея благодарность, бывъ, безспорно, послѣ баронета Виліе, лучшимъ ея президентомъ.

Николай Николаевичъ Зининъ, первоклассный химикъ, замѣнилъ профессора Нечаева и образовалъ школу отличныхъ русскихъ хи-

миковъ, въ которой первое мѣсто занималъ ученикъ и талантливый преемникъ его Александръ Порфиріевичъ Бородинъ. Слава Зинина быстро возрастала и онъ послѣ смерти академика Фрицше былъ избранъ членомъ академіи наукъ. По нраву, характеру и міровоззрѣнію Зининъ былъ циникъ.

Профессоръ А. А. Китеръ былъ солидно образованный ученый. Онъ въ дерптскомъ университетѣ кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ и былъ въ такъ называемомъ профессорскомъ дерптскомъ институтѣ; посвятивъ себя преимущественно хирургіи и акушерству, онъ потомъ былъ профессоромъ хирургіи въ казанскомъ университетѣ. У насъ онъ занялъ сперва каѳедру акушерства, а потомъ хирургіи. Съ многосторонними, весьма основательными познаніями, профессоръ Китеръ соединялъ нѣмецкую аккуратность, доходившую иногда до мелочности и до педантизма. Онъ относился одинаково строго къ себѣ и къ своимъ слушателямъ, которые часто на него роптали, но сознавали, что у него многому выучивались. Онъ оставилъ хорошее руководство по акушерству и безспорно принадлежалъ къ весьма хорошимъ и полезнымъ профессорамъ нашей академіи.

Кромѣ этихъ трехъ замѣчательныхъ профессоровъ опредѣлился еще адъюнктъ-профессоромъ бывшій военный врачъ и гофъ-медикъ д-ръ медицины Павелъ Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій. Бывши въ Персіи и на Кавказѣ, онъ интересовался естественными науками, особенно ботаникой, и привезъ замѣчательныя коллекціи изъ своихъ путешествій. Въ нашей академіи онъ, въ началѣ 1842 года, занялъ мѣсто адъюнкта, по каѳедрѣ теоретической хирургіи, которую онъ впослѣдствіи и занималъ съ пользою для учащихся и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ сифилитическимъ отдѣленіемъ академическаго госпиталя. Заблоцкій былъ многосторонне образованный человѣкъ, талантливый преподаватель и оставилъ нѣсколько цѣнныхъ сочиненій и переводовъ.

Теперь поневолѣ долженъ возвратиться къ себѣ. Складъ моего ума побуждалъ меня преимущественно къ изученію прикладныхъ наукъ, поэтому, какъ я уже сказалъ, я въ заграничномъ путешествіи сосредоточилъ всѣ свои усилія на изученіи діагностической техники и патологической анатоміи. Счастливый случай способствовалъ мнѣ быть однимъ изъ первыхъ, по времени, преподавателей по этимъ двумъ отраслямъ въ нашей академіи. Состоя ассистентомъ при терапевтической клиникѣ профессора Зейдлица, я, по порученію его, производилъ вскрытія умершихъ въ клиникѣ, и, зная подробно прижизненную исторію ихъ болѣзней, читалъ

лекціи казуистически (т. е. основываясь на случаяхъ, какіе являли вскрытія въ клиникѣ), лекціи изъ патологической анатоміи, которую прилежно изучалъ у Рокитанскаго. Съ 1846 по 1848 годъ завѣдывалъ я послѣ Зейдлица терапевтическою клиникою, а съ 1848 по 1860 годъ—діагностическою клиникою, которая была соединена съ общею патологіею и терапіею въ одну каѳедру; а въ послѣдніе три года я занималъ каѳедру госпитальной клиники. Никому лучше, какъ мнѣ самому, извѣстны мои недостатки.

Они были двоякаго рода: физическіе и нравственные.

Посѣщая еще студентомъ 5-го курса глазное отдѣленіе сухопутнаго госпиталя, я заразился бленнорройнымъ воспаленіемъ обоихъ глазъ (ophtalmia egyptiaca), свирѣпствовавшимъ тогда въ нашихъ войскахъ; меня лечили сильновяжущими средствами. Наружный процессъ при этомъ скоро прекратился, но образовалась cataracta capsulo-lenticularis (бѣльмо) на обоихъ глазахъ, которая, медленно назрѣвая болѣе десяти лѣтъ, лишила меня возможности заниматься микроскопическими изслѣдованіями, что оставило незамѣнимый пробѣлъ въ области моихъ знаній. Заболѣлъ я мѣсяца за два передъ выпускнымъ экзаменомъ, и, конечно, чтеніе и всякое напряженіе глазъ были мнѣ строжайше запрещены. Но меня вывезла хорошая память.

Я только могъ слышать, какъ мои товарищи готовились вслухъ къ экзамену и съ этимъ выдержалъ его хорошо. Впослѣдствіи я занимался съ помощью искуственнаго расширенія зрачковъ infuso belladonnae. Атропинъ тогда еще не знали—пока въ 1850 г. незабвенный другъ мой Николай Ивановичъ Пироговъ не избавилъ меня отъ этого тягостнаго недуга чрезъ операцію катаракты per discissionem et reclinationem. Съ тѣхъ поръ я могъ и могу неутомимо заниматься, просиживая часто за полночь за книгами.

Къ нравственнымъ недостаткамъ моимъ я долженъ отнести вспыльчивость, излишнюю довѣрчивость и наклонность къ увлеченію, которыхъ побороть стоило мнѣ много времени и труда. Увлеченный новымъ для меня ученіемъ Ромберга и въ особенности геніальнаго Шкоды, видя съ какимъ мастерствомъ послѣдній опредѣлялъ самыя скрытныя болѣзни сосудистой и дыхательной системы, я вообразилъ, что усвоилъ себѣ, вмѣстѣ съ его лекціями и техникою, его талантъ и опытность.

Вернувшись изъ Вѣны, я выпросилъ себѣ палату съ грудными больными въ госпиталѣ и съ страстнымъ увлеченіемъ сталъ заниматься изслѣдованіемъ моихъ больныхъ всѣми тогда извѣстными способами объективно-діагностическаго изслѣдованія, какъ-то:

аускультаціею, перкуссіею, мензураціею, спирометромъ Гудчисона (кромѣ микроскопа и химическаго анализа выдѣленій); писалъ подробнѣйшія исторіи болѣзней, дѣлалъ, повидимому, тончайшіе діагнозы и проводилъ почти все мое время въ госпиталѣ. Но при первыхъ-же вскрытіяхъ съ ужасомъ и не малымъ разочарованіемъ долженъ былъ сознать свои ошибки въ распознаваніи болѣзней, принявъ, напр., бронхіэктазію за каверну-аортныя атеромы, за недостаточность двустворчатаго клапана, ожиреніе съ расширеніемъ сердца за водянку околосердія и т. п. на основаніи однихъ объективныхъ признаковъ. Но профессоръ Зейдлицъ ободрялъ меня и совѣтывалъ во всѣхъ случаяхъ сличать функціональныя разстройства и ихъ явленія съ объективными признаками и жалобами больнаго, при распознаваніи каждаго отдѣльнаго случая, — что я затѣмъ постоянно дѣлалъ по его совѣту и грубыя ошибки стали рѣже встрѣчаться; но только съ 1842—1844 годовъ я окончательно изучилъ возможно точное примѣненіе методовъ объективнаго изслѣдованія къ діагностическимъ цѣлямъ, слѣдовательно только черезъ пять лѣтъ неустанныхъ трудовъ, послѣ того, какъ я слушалъ лекціи профессора Шкоды.

Въ 1842 году изъ Дерпта былъ приглашенъ въ нашу академію, на новую каѳедру госпитальной хирургической клиники и патологической анатоміи, извѣстный тогда уже своими классическими сочиненіями по хирургіи и анатоміи, геніальный профессоръ Н. И. Пироговъ. Онъ вскорѣ сталъ завѣдывать всѣми вскрытіями по госпиталю. Къ нему поступали на секцію (вскрытіе) и умершіе въ моемъ отдѣленіи больные, съ весьма подробными исторіями болѣзней и въ началѣ не рѣдко проблематическими діагнозами, которые тотчасъ обратили на себя его вниманіе. Такъ какъ я присутствовалъ при всякомъ вскрытіи, то мнѣ не трудно было сообщить подробный и правдивый перечень прижизненныхъ функціональныхъ разстройствъ и объективныхъ явленій — но только мои заключенія о значеніи послѣднихъ и связи ихъ съ органическими разстройствами далеко не всегда были вѣрными. При этихъ провѣркахъ мы скоро познакомились и строгій разборъ моихъ ошибокъ, съ указаніемъ причины, отчего онѣ произошли, сдѣлался для меня драгоцѣннымъ источникомъ хотя медленнаго, но основательнаго усовершенствованія не столько въ діагностической техникѣ, которую я себѣ давно усвоилъ, сколько въ умѣніи узнавать извѣстныя органическія разстройства, по выдающимся при нихъ группамъ объективныхъ признаковъ и функціональныхъ разстройствъ. Въ этомъ направленіи и я имѣлъ счастіе быть ученикомъ Пирогова.

При этихъ взаимныхъ повѣрочныхъ занятіяхъ, продолжавшихся болѣе двухъ лѣтъ, завязалось не только близкое знакомство, но и болѣе тѣсная дружба между нами, я сдѣлался домашнимъ врачемъ у Пироговыхъ и оставался таковымъ до отъѣзда его изъ Петербурга. Дѣятельность Пирогова въ нашей академіи составляетъ вторую эпоху переобразованія ея, еще болѣе плодотворную, чѣмъ слишкомъ кратковременное ученіе Зейдлица. Анатомическіе разрѣзы Пирогова замороженныхъ труповъ, первое эфированіе на театрѣ военныхъ дѣйствій, классическая военно-полевая хирургія,—патологическая анатомія холеры и проч., и проч. давно уже обезсмертили имя знаменитаго анатома-хирурга. Онъ былъ не только реформаторомъ хирургіи и анатоміи, но основателемъ новой школы отличныхъ хирурговъ. Анатомическій институтъ, основанный по его иниціативѣ и плану, хотя первоначально въ скромной обстановкѣ, сдѣлался источникомъ громадныхъ и разнообразнѣйшихъ, научныхъ матеріаловъ подъ его руководствомъ. Въ немъ положено основаніе раціональнаго преподаванія патологической анатоміи; тутъ возникли разрѣзы замороженныхъ труповъ, пролившіе новый свѣтъ на взаимное положеніе органовъ человѣческаго тѣла. Тутъ слушатели изучали анатомію описательную, топографическую, хирургическую, проходили курсъ операціи на трупахъ. Тутъ возникъ богатый музей разнообразнѣйшихъ анатомическихъ и патологическихъ препаратовъ. Наконецъ, Пироговъ избралъ себѣ въ помощники, въ качествѣ прозектора, иностраннаго ученаго анатома, впослѣдствіи столь извѣстнаго профессора Венчеслава Венчеславича Грубера († 1889 г.) Считаю излишнимъ здѣсь далѣе распространяться о великихъ научныхъ заслугахъ Н. И. Пирогова. Онѣ слишкомъ извѣстны каждому образованному врачу, но я здѣсь хотѣлъ только въ нѣсколькихъ словахъ указать на значеніе его для нашей академіи, въ которой онъ, безъ сомнѣнія, былъ лучшимъ, знаменитѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ профессоромъ.

Теперь я вернусь къ новому попечителю и вліянію его на академію.

Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель въ то время былъ дежурнымъ генераломъ и пользовался, какъ человѣкъ дѣла, заслуженнымъ полнѣйшимъ довѣріемъ императора Николая Павловича. Клейнмихель былъ истинно государственный человѣкъ; хотя безъ особеннаго образованія, съ непреклоннымъ и суровымъ нравомъ, онъ одаренъ былъ высокимъ здравымъ смысломъ, необыкновенною понятливостью, замѣчательнымъ талантомъ выбирать способныхъ людей, широкимъ взглядомъ на вещи, требуя настойчиво существенное и пренебрегая мелочами, и съ желѣзною энергіею.

Къ медико-хирургической академіи графъ П. А. въ началѣ относился недовѣрчиво и не вполнѣ дружелюбно, угрожая испуганному президенту Шлегелю, что при малѣйшихъ безпорядкахъ онъ виновныхъ подвергнетъ строжайшимъ наказаніямъ. Но судьба устроила совсѣмъ иныя отношенія грознаго попечителя къ медицинской академіи.

Младшій сынъ чадолюбиваго графа, полуторагодовой мальчикъ Владиміръ, впослѣдствіи свиты е. и. в. генералъ-маіоръ и командиръ л.-гв. Семеновскаго полка, † 1880 г. былъ тогда золотушный и малокровный ребенокъ, у котораго образовалась большая опухоль между нижнею челюстью и ключицею, съ лѣвой стороны шеи, которая начинала сильно безпокоить больнаго ребенка и его родителей. Графъ созвалъ консиліумъ, въ которомъ участвовали: лейбъ-медикъ Мандтъ, профессора: Дубовицкій, Саломонъ, д-ръ Мюллеръ (домашній врачъ семьи графа Клейнмихеля) и я. Д-ръ Мандтъ и хирурги рѣшили, что это холодный лимфатическій абсцессъ, вѣроятно въ связи съ каріознымъ пораженіемъ ключицы или перваго ребра и совѣтовали больнаго съ матерью и всей семьей отправить въ Ревель подъ моимъ наблюденіемъ, но съ сомнительнымъ предсказаніемъ. Подъ вліяніемъ грѣтыхъ морскихъ ваннъ, іодистаго желѣза, рыбьяго жира и хинныхъ препаратовъ лимфатическій абсцессъ не только самопроизвольно вскрылся, но и послѣ продолжительнаго и обильнаго нагноенія окончательно зажилъ, при чемъ общее состояніе ребенка до такой степени поправилось, что обрадованный и благодарный отецъ едва узналъ въ немъ прежняго своего хилаго, едва жизнеспособнаго сынка. Съ тѣхъ поръ я пользовался неограниченнымъ довѣріемъ графа Клейнмихеля, которое безпрерывно продолжалось до самой его кончины и которое я могъ употребить съ пользою для блага нашей академіи, сдѣлавшись нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между конференціею и попечителемъ ея. Послѣдствія такихъ благопріятныхъ отношеній не замедлили оказаться и были самыми плодотворными для академіи: по ходатайству конференціи и могучимъ предстательствомъ графа П. А.: 1) перестроены всѣ пришедшія въ ветхость части академическихъ и госпитальныхъ зданій; 2) на обогащеніе библіотеки отпущено около 25,000 руб. сер.; 3) открыты четыре новыя каѳедры, для которыхъ приглашены на особыхъ условіяхъ извѣстные ученые: а) кафедра госпитальной хирургической клиники и патологической анатоміи, на которую приглашенъ былъ дерптскій профессоръ Н. И. Пироговъ; б) каѳедра госпитальной терапевтической клиники, на которую пригласили виленскаго профессора О. И. Мяновскаго,

ГРАФУ А. А. ЗАКРЕВСКОМУ.

Ты не молодъ, не глупъ, и ты не безъ души.
Зачѣмъ же въ городѣ и толки и волненіе,
Зачѣмъ же роль играть россійскаго паши
И объявлять Москву въ осадномъ положеніи?
Ты нами править могъ легко на старый ладъ,
Не тратя времени въ безсмысленной работѣ;
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ
И . . . . . гніемъ въ своемъ болотѣ.
Что-жъ въ насъ не хорошо? Къ чему весь этотъ шумъ,
Все это страшное употребленіе силы?
Безъ гвалту могъ бы здѣсь твой дѣятельный умъ
Бумаги не щадить и проливать чернилы:
Какой же учреждать ты думаешь законъ,
Какіе новые установлять порядки?
Ужъ не мечтаешь-ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести и посягнуть на взятки?
За это не берись; остынетъ грозный пылъ
И сокрушится власть, подобно хрупкой стали.
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это на груди мы матерей сосали;
За то скажу спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга [1]) не мчится своевольный
И не реветъ уже какъ разъяренный звѣрь
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной,
Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ,
Закутанный въ шинель, ужъ онъ съ отвагой дикой
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ,
Несомый бурею на лодкѣ, Петръ Великій.

Николай Фил. Павловъ.

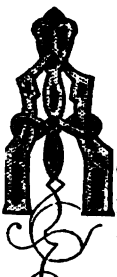
Примѣчаніе. Объ этомъ стихотвореніи говоритъ въ своихъ интересныхъ запискахъ Н. В. Бергъ. См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXIX.
Н. А. О.

---

[1]) Полиціймейстеръ въ Москвѣ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1864 г. [1]).



Январь 1. Среда. За необходимостью вслѣдствіе простуды сидѣть дома, принялся убирать свой кабинетъ и приводить въ нѣкоторый порядокъ книги, находящіяся у меня въ ужаснѣйшемъ хаосѣ. Къ сожалѣнію, мѣсто въ кабинетѣ моемъ не допускаетъ расположить мою библіотеку такъ, чтобы я могъ свободно пользоваться ею. Теперь иную нужную книгу ищешь, ищешь, да такъ и не найдешь совсѣмъ: все свалено въ шкафахъ въ кучѣ. Хочу хоть одинъ шкафъ очистить и собрать въ немъ тѣ книги, которыя всего необходимѣе имѣть подъ рукою. Непріятная работа, сильно меня утомившая. Затѣмъ кое-кто приходилъ: Барановскій, дядя Маркъ (Любощинскій), Глѣбовъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761.

2. Четвергъ. Иногда мысль должна быть обставлена иглами, чтобы она отбивала охоту нападать на нее.

3. Пятница. Гриппъ проходитъ. Гулялъ передъ обѣдомъ около часа, но за работою голова опять сильно отяжелѣла.

Что ты не очень умный человѣкъ, я узнаю это изъ того, что ты считаешь себя очень умнымъ.

6. Понедѣльникъ. Никогда, кажется, въ Петербургѣ не совершалось столько м—тей, какъ нынѣ, въ управленіе гуманнѣйшаго генералъ-губернатора Суворова. Воровство дневное и ночное совершается въ огромныхъ размѣрахъ чуть не каждый день и каждую ночь — разбой, пьянство, безпримѣрное даже въ Россіи, такъ что пьяные толпами бродятъ по улицамъ, валяются гдѣ попало и часто даже въ такомъ видѣ умираютъ. Между пьяными встрѣчаются мальчики лѣтъ пятнадцати-шестнадцати; а сегодня извозчикъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ недавно четырехлѣтняго ребенка, опоеннаго своими родителями. На улицахъ всевозможные безпорядки: скорая ѣзда, сломя голову, вслѣдствіе которой безпрестанно случаются несчастія, стаи собакъ бродятъ какъ въ Константинополѣ и проч., и проч. Полиція до того распущена и обезсилена, что или ничего не дѣлаетъ,. или никто ее не слушается. Не разъ случалось видѣть, какъ извозчикъ или какой-нибудь мужикъ барахтается и отпихивается отъ городоваго, который за какое-нибудь безчинство хочетъ вести его въ часть. Воровъ, которые уже раза по три сидѣли за воровство въ тюрьмахъ, по приказанію генералъ-губернатора отпускаютъ немедленно, хотя-бы они были пойманы съ поличнымъ. Недавно И. И. Домонтовичъ самъ слышалъ отъ городовыхъ и другихъ полицейскихъ служителей, что воровъ и поджигателей не стоитъ и ловить, потому что начальство приказываетъ (?) немедленно ихъ выпускать. Одни и тѣ-же лица по нѣсколько разъ попадаются въ однихъ и тѣхъ-же преступленіяхъ—и это на самомъ короткомъ разстояніи времени. Полиціймейстеръ Банашъ, мнѣ знакомый, говоритъ, что у него руки опускаются что-нибудь дѣлать, потому что генералъ-губернаторъ явно поддерживаетъ воровъ и мошенниковъ, разумѣется, изъ гуманныхъ видовъ. Вотъ какъ у насъ передѣлываютъ и примѣняютъ на свой ладъ высокіе европейскіе принципы.

7. Вторникъ. Для человѣка мужественнаго и съ характе-

ромъ нѣтъ въ жизни эпохи, когда-бы онъ могъ сказать: „Теперь я уже ничего не могу дѣлать“.

Одна изъ самыхъ трудныхъ для меня вещей—это сражаться съ иными антипатіями, съ внутреннимъ нерасположеніемъ къ тому или другому дѣлу. Однако, надо не только сражаться съ этимъ, но и побѣждать это.

Отвезъ письмо къ Срезневскому объ увольненіи меня изъ университета, такъ какъ 17-го числа нынѣшняго мѣсяца оканчивается мое пятилѣтіе. У Срезневскаго просидѣлъ часа два. Не знаю искренно или нѣтъ, но онъ очень жалѣлъ, что я выхожу изъ университета. Впрочемъ, я не знаю, почему-бы ему не быть искреннимъ въ настоящемъ случаѣ. Я видѣлся также съ ректоромъ по тому-же поводу: тѣже сожалѣнія.

8. Среда. Не ѣздилъ уже въ университетъ. Не стоитъ начинать новый семестръ.

9. Четвергъ. Правительству въ извѣстныхъ обстоятельствахъ бываютъ нужны цѣпныя ..... (М. и К.). Оно и спускаетъ ихъ съ цѣпи, а потомъ не знаетъ, какъ ихъ унять. Сегодня въ засѣданіи совѣта (по дѣламъ печати), между прочимъ, была доложена ругательнѣйшая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ на Петербургъ. Я при этомъ случаѣ сказалъ, что о Катковѣ совѣтъ ничего не можетъ постановлять: пусть министръ вѣдается съ нимъ какъ считаетъ за удобнѣйшее, а совѣтъ былъ-бы только смѣшонъ, выслушивая и безплодно занося въ свои протоколы то, противъ чего онъ возстаетъ, но чего остановить не въ силахъ. Предсѣдатель объявилъ, что министръ, дѣйствительно, сдѣлалъ свое распоряженіе. Ну и ладно! Хотя я увѣренъ, что это вздоръ и что изъ этого ничего не выйдетъ.

Сегодня я долго разговаривалъ съ товарищемъ министра и онъ, между прочимъ, сказалъ, что Милютинская партія начинаетъ сильно расти.

10. Пятница. Бѣда намъ съ нашими доморощенными доктринерами. Россія могла-бы легко еще, по крайней-мѣрѣ теперь, обойтись безъ примѣненія этихъ ученій, которыя на западѣ выдвинуты исторіей. Намъ не нужно преобладанія ни аристократовъ, ни демократовъ; намъ нужно одно: расширять и усиливать права класса образованнаго, не держась никакихъ сословныхъ принциповъ. Но мы искуственно и

насильственно возбуждаемъ антагонизмъ сословій, и, гладя по головѣ и возвышая грубую полуварварскую массу, не видимъ какое опасное и дикое господство въ ней приготовляемъ. Не слѣдуетъ-ли прежде позаботиться о воспитаніи этой массы—воспитаніи, которое, умѣривъ ея дикіе инстинкты, сдѣлало-бы ее способною ко всему тому, что теперь ей навязываютъ, не имѣя никакого обезпеченія, что она это не употребитъ во зло? Мнѣ кажется, что господство у насъ массы можетъ отозваться только великою бѣдою для Россіи.

12. Воскресенье. Подписался на „Голосъ".

Надняхъ разнесся слухъ, что Герценъ умеръ, а теперь говорятъ, что это ложь. Умеръ-ли, живъ-ли онъ, впрочемъ, теперь—на мой взглядъ—рѣшительно все равно для Россіи. Врядъ-ли отнынѣ отъ него можетъ быть для нея польза или вредъ. Съ польскаго возстанія онъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что о его существованіи можно почти и позабыть.

13. Понедѣльникъ. Отдалъ мою статью „Молодое поколѣніе" для напечатанія редактору „Сѣверной Почты".

15. Среда. Природа сильно мститъ за обиды, наносимыя ей или неразумѣемъ нашимъ или страстями. Но что всего хуже: она мститъ дѣтямъ за проступки отцовъ.

„Взбаломученное море" Писемскаго—это море безвкусія, въ немъ-же нѣсть числа гадовъ.

Герценъ, говорятъ, не умеръ, но здравствуетъ и благоденствуетъ. Будь онъ дѣйствительно полезный человѣкъ и живи въ своемъ отечествѣ, онъ былъ-бы давно тѣмъ или другимъ способомъ затертъ, а то и совсѣмъ пропалъ-бы.

Вывѣской честнаго человѣка служатъ: бѣдность и ограниченный кругъ дѣйствій.

16. Четвергъ. Жизнь—тревога; моя—архитревога. Былъ-ли въ жизни моей случай, которому-бы я имѣлъ право серьезно порадоваться, который-бы, сначала, повидимому, благопріятствуя мнѣ, не обратился потомъ въ горе или, по крайней-мѣрѣ, не умалилъ-бы значительной части своего благопріятства. Жаловаться на это, конечно, и глупо, и малодушно: это значило-бы жаловаться на самого себя, потому что человѣкъ въ большей части своихъ неудачъ и несчастій виноватъ самъ. Я и не жалуюсь, а только, бесѣдуя съ самимъ собою, говорю о фактѣ.....

У насъ въ гимназіяхъ прескверно учатъ (1864 г.). Всего больше хотятъ взять не качествомъ ученія, а количествомъ. Въ низшихъ классахъ, напримѣръ, въ головы десяти-и двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ ежедневно вкачиваютъ по пяти предметовъ и какъ каждый учитель заботится о томъ, чтобы пройти больше, а не о томъ, чтобы пройти лучше, то дѣти ходятъ отуманенные словами безъ настоящаго уразумѣнія ихъ смысла и не въ состояніи ничего порядочно себѣ усвоить.

17. Пятница. Надняхъ встрѣтилъ (Ив. Серг.) Тургенева, недавно пріѣхавшаго сюда изъ Парижа по вызову правительства для очной ставки съ нѣкоторыми заключенными въ крѣпости. Тургеневъ долго не ѣхалъ, ссылаясь то на свою болѣзнь, то на болѣзнь своей дочери. Главная же причина была въ опасеніяхъ, чтобы его какъ нибудь не сопричислили къ бунтовщикамъ. Сенаторъ Пинскій, наконецъ, написалъ ему, что его присутствіе здѣсь необходимо для рѣшенія дѣла и что ему совершенно нечего опасаться: онъ дастъ только два, три показанія — и все. Такъ, дѣйствительно, и было. Мнѣ Тургеневъ сказалъ, что послѣ двухъ призывовъ въ сенатъ ему объявили, что онъ теперь можетъ отправляться куда угодно.

18. Суббота. Факультетъ изъявилъ желаніе, чтобы я остался, по крайней мѣрѣ на этотъ академическій годъ въ университетѣ, и просилъ меня продолжать лекціи. Объ этомъ пойдетъ представленіе къ министру.

Вечеръ у Клеванова. Тамъ были, между прочимъ, одинъ рязанскій помѣщикъ и одинъ тамошній же посредникъ. Послѣдній очень порядочный и образованный молодой человѣкъ. Онъ учился въ московскомъ университетѣ. Разговоръ касался преимущественно нашихъ нынѣшнихъ финансовыхъ затрудненій, отъ которыхъ сильно терпитъ провинція. Денегъ нигдѣ нѣтъ; сбыта сельскихъ продуктовъ также нѣтъ. Цѣны на хлѣбъ такъ низки, что его не стоитъ сбывать, и т. д.

20. Понедѣльникъ. Совершенная оттепель, дождь.

Умеръ 19-го числа А. В. Дружининъ, который уже давно былъ боленъ чахоткой.

21. Вторникъ. Распутица продолжается.

Засѣданіе въ совѣтѣ попечителя. Пренія о разныхъ спеціальныхъ вопросахъ гимназической администраціи. Я въ нихъ не участвовалъ.

Любопытно въ этомъ засѣданіи было только то, что начинаютъ чувствовать необходимость въ возстановленіи Педагогическаго института. Хотя теперь по спб. округу существуетъ болѣе двадцати человѣкъ готовящихся къ учительскому званію, но никто ими не занимается. Руководители ихъ университетскіе профессора, которые для того даже получаютъ дополнительное жалованье. Но они даже въ глаза не видали никого изъ этихъ молодыхъ людей, а тѣ, ничѣмъ незанятые, находятъ для себя очень пріятною эту милую праздность на иждивеніи правительства. Когда одного изъ нихъ спросили: „Подъ чьимъ руководствомъ онъ занимается?“ Онъ отвѣчалъ: „Подъ руководствомъ профессора Куторги“. А Куторги и въ Петербургѣ съ мая мѣсяца совсѣмъ нѣтъ. Удивительно, какъ мы, русскіе люди, равнодушны ко всякому общественному дѣлу и какъ насъ нужно принуждать что-нибудь дѣлать.

22. Среда. По желанію факультета я продолжаю лекціи въ университетѣ.

У Марка (Николаевича Любощинскаго) сгорѣлъ новый домъ въ его витебскомъ имѣніи Лосведа — и сгорѣлъ до тла. Не крестьяне-ли это пошаливаютъ? При нынѣшнихъ обстоятельствахъ не мудрено, если демократическая дикость у насъ такъ разгуливается. И въ Петербургѣ безнаказанность производитъ много печальныхъ явленій.

24. Пятница. Статья моя „Молодое поколѣніе“ напечатана въ № 20 „Сѣверной Почты“.

Итакъ, война началась съ Даніей. Едва-ли она сдѣлаетъ честь Германіи: это война слона противъ мыши.

25. Суббота. Засѣданіе въ факультетѣ. Послѣ магистерскаго экзамена изъ политической экономіи кому-то, чье имя я позабылъ, (послѣдовалъ сегодня) выборъ въ доценты: Астафьева, Бауера и Люгибеля. Избраны единогласно. Потомъ я прочелъ мое предложеніе объ избраніи въ почетные доктора Сидонскаго. Записка моя возбудила такое громкое одобреніе, что въ факультетѣ положено изъявить мнѣ благодарность. Раздались такія выраженія: что это мастерское изложеніе, что это не только вѣрная, но и художественная характеристика. Вотъ не ожидалъ! Посмотримъ, что скажетъ совѣтъ.

Въ засѣданіи былъ и Куторга, который недавно пріѣхалъ. Онъ рѣшился подвергнуться баллотировкѣ.

Признаюсь, грустно мнѣ оставить университетъ! Большая и лучшая часть моей жизни посвящена была ему. Но, можетъ быть, я, дѣйствительно, не въ состояніи буду дальше приносить той пользы слушателямъ, какую можетъ принести имъ новое лицо со свѣжими силами? Настоящее мое значеніе въ нашей университетской наукѣ было нравственно-философское, а теперь требуютъ преимущественно фактовъ. Фактами по русской словесности и я, конечно, могу быть не бѣденъ. Но мнѣ не достаетъ возможности сравнительнаго способа по незнанію моему иностранныхъ языковъ. Вотъ гдѣ настоящій для меня камень преткновенія. Я чувствую мои силы въ философской и эстетической сферѣ; знаю, что мои слушатели могутъ получить отъ меня, можетъ быть, вѣрныя основныя начала, могутъ развиться подъ моимъ руководствомъ въ высшихъ соображеніяхъ по литературѣ и особенно утвердиться въ сочувствіи къ великимъ истинамъ науки и жизни, потому что я самъ этимъ глубоко проникнутъ, имѣю для подобнаго руководства достаточный запасъ опытности, пожалуй, и способностей. Но этого недостаточно при нынѣшнихъ требованіяхъ науки. На это было время, и я могу безъ всякаго глупаго жеманства и мелочнаго самолюбія по совѣсти сказать, что тогда приносилъ и принесъ свою долю пользы. На этомъ я и долженъ успокоиться. Истинно честный дѣятель не только честно служитъ своему дѣлу, но еще и умѣетъ, ради пользы этого любимаго своего дѣла, своевременно и добровольно отъ него отказаться и передать его въ болѣе сильныя руки.

Все это взвѣсивъ и искренно разобравшись въ самомъ себѣ, я окончательно отказываюсь отъ баллотировки для выбора меня на новое пятилѣтіе, даже если-бъ я былъ увѣренъ въ большинствѣ голосовъ за меня моихъ товарищей, чего, конечно, нѣтъ: почему? — не берусь рѣшать. Впрочемъ, теперь это для меня уже второстепенный вопросъ.

26. Воскресенье. Если вамъ случилось оказать мнѣ услугу, то не дерите-же съ меня процентовъ сто на сто, какъ какой-нибудь жидъ-ростовщикъ! Вотъ, напримѣръ, господинъ Катковъ сдѣлалъ нѣчто хорошее своей газетой и теперь считаетъ, что онъ купилъ этимъ право дѣлать всевозможныя гадости. Съ неслыханною дерзостью онъ всякаго несогласнаго или хоть сколько-

нибудь расходящагося съ его мнѣніемъ клеймитъ названіемъ измѣнника, врага отечества, невѣжды и пр., и пр. Но вѣдь это значитъ имѣть слабую голову, чтобы такъ скоро опьянѣть отъ успѣха и надуться такимъ непомѣрнымъ количествомъ спѣси и самохвальства.

Утромъ у Л. Она предложила мнѣ быть членомъ учреждающагося „Общества Женскаго Труда“. Я согласился не прежде, однако, какъ разсмотрѣвъ проектъ устава, который тутъ-же и былъ данъ мнѣ.

Не порывайтесь казацкой удалью овладѣть истиною въ укрѣпленіяхъ, доступныхъ только натиску тяжелыхъ и побѣдоносныхъ орудій артиллеріи науки.

То выраженіе особенно хорошо, которое, съ точностью передавая опредѣленную мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ вамъ чувствовать и отношеніе ея къ другимъ мыслямъ, болѣе или менѣе къ ней близкимъ или отдаленнымъ, но которыя не входятъ непосредственно въ цѣпь излагаемыхъ вами понятій.

27. Понедѣльникъ. Записка моя о Сидонскомъ была читана въ Совѣтѣ университета. Я никакъ не ожидалъ такого блистательнаго успѣха: онъ былъ избранъ двадцатью тремя голосами противъ трехъ. Многіе изъ членовъ Совѣта мнѣ лично выразили самыя любезныя привѣтствія по поводу моего изложенія и пр. Я, мимо ѣдучи изъ Совѣта, заѣхалъ къ Сидонскому поздравить его. Старикъ былъ очень доволенъ.

Въ доценты гражданскаго права избранъ Вицынъ. Варадиновъ выбирался въ профессора и получилъ хорошіе баллы: семнадцать противъ десяти. Но Вицынъ былъ избранъ двадцатью четырьмя противъ двухъ.

Бѣдный Куторга (Михаилъ) потерпѣлъ пораженіе. Нужно было двѣ трети голосовъ, чтобы избрать его на пятилѣтіе: ему недодано было двухъ. Люгибель и Бауеръ избраны въ доценты.

29. Среда. Какая-то сплетня была причиною, что Куторга не выбранъ. Кто-то распространилъ между членами совѣта мнѣніе, что Куторга не будетъ читать лекцій, о чемъ будто-бы онъ объявилъ въ факультетскомъ собраніи въ субботу. Тамъ, правда, была рѣчь о нечтеніи лекцій, но только до того дня, когда рѣшится вопросъ объ его избраніи. Словомъ, сплетня—и такъ-то рѣшаются у насъ дѣла. Теперь нѣкоторые изъ членовъ

совѣта и говорятъ, что, вѣроятно. законное большинство осталось-бы за Куторгою—если-бы то и то. Все ложь и пустяки. Приходится только повторять старые стихи Карамзина изъ Эклезіаста:

„Не судитъ ни о комъ разсудокъ безпристрастный,
„Лишь страсти говорятъ...

30. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи—ничего; въ факультетѣ—дѣло о Куторгѣ. Положено просить о томъ, чтобы его сдѣлали почетнымъ членомъ университета и оставили еще хоть на нѣсколько времени преподавателемъ исторіи за неимѣніемъ для этого предмета, надлежащаго опытнаго лица. Остался одинъ начинающій доцентъ Бауеръ.

Февраль 1. Суббота. Кажется, слѣдующее опредѣленіе человѣка будетъ довольно вѣрно: человѣкъ есть существо физическое, разумное и гадящее своему ближнему.

Какой злой духъ надоумилъ Пирогова оставить науку, гдѣ онъ завоевалъ себѣ такое прекрасное мѣсто, и прилѣпиться къ отверженному племени бюрократовъ, гдѣ онъ едва можетъ пріобрѣсти посредственное значеніе и принести весьма мало существенной пользы!

2. Воскресенье. Подражательность и воспріимчивость составляютъ два различные и послѣдовательные фазиса въ исторіи нашего умственнаго развитія. Сначала, съ легкой руки Петра Великаго, мы подражали, т. е. становились передъ предметами, заносимыми къ намъ съ запада, и какъ неподвижное зеркало механически или, если угодно, оптически отражали ихъ въ себѣ безъ малѣйшаго принятія ихъ внутрь, безъ всякаго измѣненія, кромѣ того, что предметъ былъ существенъ, а отраженіе призрачно. Съ теченіемъ времени до нѣкоторой степени начали мы не только отражать, но и усвоивать себѣ чужія понятія, воспринимать ихъ внутрь, но не перерабатывая, не анализируя, оставляя ихъ почти такими, какими они приняты, и въ этомъ видѣ мы стремимся распространять ихъ, не заботясь о томъ, должны-ли они быть распространяемы и могутъ-ли они ужиться въ нашемъ русскомъ мірѣ. Въ обоихъ случаяхъ немного самостоятельности, но во второмъ, конечно, больше движенія, больше жизни. Видно, что мы стараемся напитать себя принятымъ матеріаломъ; но такъ какъ мы не думаемъ ни о доброкачествен-

ности принятой пищи, ни о томъ, въ какой мѣрѣ она свойственна нашему организму и нашему возрасту, то нерѣдко пища эта производитъ въ насъ тошноту и вмѣсто того, чтобы дѣйствительно насъ питать, она намъ вредитъ и отравляетъ насъ. Мы похожи на богача, который вмѣсто того, чтобы употреблять свой капиталъ на удобреніе и обработку своей собственной земли или на заведеніе у себя для собственнаго потребленія полезныхъ фабрикъ, тратитъ этотъ капиталъ на добываніе изъ чужихъ рукъ того, что ему нужно и что не нужно, и такимъ образомъ непроизводительно проматываетъ свое достояніе. Немудрено, что послѣ перваго удовлетворенія своимъ нуждамъ и прихотямъ, мы раззоряемся и становимся нищими.

Годичное собраніе въ Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ. Была прочитана небольшая статья Тургенева въ память Дружинина. Избранъ президентомъ баронъ М. А. Корфъ.

Я предложилъ старшую пенсію, выдаваемую Обществомъ, назвать въ память Дружинина — Дружининскою. Всѣ единогласно одобрили это и согласились.

А нѣкоторые изъ членовъ явились, чтобы насолить Корфу, снабдивъ его отрицательными голосами. Но это не удалось.

Тутъ я побесѣдовалъ съ княземъ Щербатовымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ и проч. Въ пять часовъ мы сошлись на тризну по Дружининѣ въ отель-де-франсъ. Тутъ были кромѣ меня: Тургеневъ, Анненковъ, Г., Ковалевскій (Егоръ), Григоровичъ, Гаевскій, Боткинъ и братъ Дружинина. Послѣдній очень благодарилъ меня за поданную въ Обществѣ мысль о Дружининской пенсіи. Обѣдъ былъ роскошный, но бесѣда за обѣдомъ совершенно пустая. Къ концу обѣда собесѣдники ударились даже въ разные скандальные разговоры. Неужели наши передовые умы не умѣютъ найти лучшихъ предметовъ для дружеской бесѣды?

3. Понедѣльникъ. Что такое, наконецъ, это волнующееся общество и что изъ него должно выйти?

Всякій непремѣнно хочетъ составить около себя особый кружокъ, чтобы первенствовать въ немъ.

Все надо сводить къ одному центру—къ самоукрѣпленію, къ самоусовершенствованію, къ самообладанію.

6. Четвергъ. Вьюга. То, что человѣкъ самъ собою и для себя дѣлаетъ, ровно ничего не значитъ. Тутъ онъ наравнѣ со всякимъ животнымъ: онъ ѣстъ, пьетъ, плодится, заботится о своемъ благосостояніи, наслаждается болѣе или менѣе, страдаетъ и умираетъ. Важно только то, что́ онъ вноситъ въ общую сокровищницу человѣческаго развитія и образованія, чѣмъ онъ содѣйствуетъ построенію общаго зданія человѣчности.

Вотъ такъ мнѣ достанется и умереть, не только не выполнивъ моей задачи, занимавшей меня со дней отрочества, но и никакой. Главный недостатокъ и бѣдствіе моего существованія въ томъ, что я задалъ себѣ задачу слишкомъ большихъ размѣровъ: я не съумѣлъ остановиться на одномъ предметѣ, я не съумѣлъ быть спеціальнымъ. Каждый отдѣльный предметъ казался мнѣ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы я могъ всего себя ему обречь. Цѣлое, общее, человѣческое—вотъ что меня занимало, что влекло меня къ себѣ. Правда, я не пренебрегалъ ни однимъ, сколько нибудъ важнымъ, предметомъ, но я не хотѣлъ заняться имъ исключительно. Правда, во всѣхъ моихъ стремленіяхъ проглядывала наклонность къ политической дѣятельности; но какъ у насъ она была невозможна, то я ничего и не достигалъ и не могъ достигнуть въ этой сферѣ. И вотъ каждая крыса изъ спеціалистовъ, грызущая свой лоскутикъ съ полусгнившаго стараго пергамента или засушеный стебель какого-нибудь растенія, можетъ съ гордостью встать передо мною и спросить: „вотъ ты мыслитель и краснорѣчивый вѣщатель, а ничего не сдѣлалъ. Посмотри, вотъ я сколько нагрызъ сору—какъ ты это называешь, но этотъ соръ пойдетъ хоть на замазку чего-нибудь, а ты и самъ-то врядъ-ли на нее годишься“.

Управлять людьми самое скучное и неблагодарное ремесло, и одни только сентиментальные мечтатели или рьяные честолюбцы способны добровольно обречь ему себя на жертву. Если вы не чувствуете призванія ни быть жертвою, ни дѣлать другихъ жертвами, то заботьтесь единственно о первомъ, а другихъ людей оставьте быть тѣмъ, чѣмъ они хотятъ и могутъ сдѣлаться.

Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Пржецлавскій читалъ свою записку о сильномъ распространеніи у насъ матеріализма и полагалъ, что достаточно выбрать хорошихъ цензоровъ, чтобы остановить этотъ пагубный потокъ. Я испросилъ у пред-

сѣдателя разрѣшенія говорить. Прежде всего я похвалилъ записку г-на Пржецлавскаго, назвавъ ее трактатомъ, что, однако, кажется, не понравилось ея сочинителю, который видитъ въ ней оффиціальный документъ. Потомъ я обратился къ вопросу: какія же мѣры думаетъ авторъ принять противъ этого зла, ибо нельзя же серьезно думать, чтобы выборъ нѣсколькихъ хорошихъ цензоровъ былъ достаточною для этого мѣрою? Да и самый этотъ выборъ вещь не легкая. Матеріалистическое настроеніе есть настроеніе времени; оно не только врывается въ печать, оно сидитъ на каѳедрахъ университетскихъ, проникаетъ въ воспитаніе. Естественная наука овладѣла духомъ времени и вмѣстѣ съ утилитарнымъ направленіемъ образуетъ нравы нашего времени. Если это зло, то противъ него надо ополчиться силами равными: сюда надо призвать на помощь ужъ, конечно, не одну полицію, т. е. цензуру, а все, что есть лучшаго въ вѣрованіяхъ человѣческихъ, въ разумѣ, въ воспитаніи. Но какъ это сдѣлать? Въ заключеніе я показалъ, что записка г. Пржецлавскаго есть весьма почтенный трактатъ, но не ведущій ни къ какимъ практическимъ результатамъ въ административномъ отношеніи. Въ такомъ же духѣ оспаривали Пжрецлавскаго предсѣдатель, Г. и Туруновъ. Прочіе молчали. Авторъ записки защищался съ своимъ обычнымъ неумѣніемъ. Чтобы, однако, нѣсколько его утѣшить, да и не оставить безъ вниманія такого важнаго дѣла, какъ матеріализмъ, предсѣдатель предложилъ отправить записку въ спб. цензурный комитетъ для прочтенія. Тѣмъ и кончилось длинное преніе.

Въ „Днѣ“ учинены сильныя нападки на управленіе въ Кіевѣ Въ томъ краѣ готовятся ужасы по милости неспособности и крайней слабости нашей тамошней администраціи. Совѣтъ не призналъ нужнымъ принять какую-нибудь мѣру противъ „Дня“. А. Г. Тройницкій, между прочимъ, сказалъ, что все излагаемое въ „Днѣ“, къ сожалѣнію, совершенно справедливо: это ему, какъ товарищу министра, очень хорошо извѣстно.

Есть-ли у насъ патріотизмъ? Въ такъ называемомъ образованномъ классѣ его нѣтъ.

7. Пятница. Обѣдъ у Григорія Васильевича Дружинина, брата умершаго недавно Александра Васильевича. Обѣдъ черезчуръ роскошный. Я пробылъ часовъ до девяти вечера въ бесѣдѣ съ

нѣкоторыми литераторами: Тургеневымъ, Г., Анненковымъ, Григоровичемъ и пр. Интересенъ былъ особенно Тургеневъ. Онъ разсказывалъ много любопытнаго о сношеніяхъ своихъ съ заграничными писателями, между прочимъ съ Диккенсомъ.

Вообще разговоръ за нынѣшнимъ обѣдомъ и послѣ обѣда былъ и занимательнѣе, и приличнѣе. Можетъ быть, оттого, что съ нами были неразлучны дамы—старушка мать Дружинина и жена его. Да и дѣти тутъ безпрестанно вертѣлись.

Тургеневъ держитъ себя, какъ настоящій джентльменъ. Онъ пріятенъ безъ усилій, простъ и благороденъ. Съ нимъ пріятно быть и говорить.

9. Воскресенье. Я говорю: какое право имѣетъ общество (клубъ), избирая кого-либо въ свои члены, контролировать его убѣжденія? Оно не можетъ и не должно принять безчестнаго человѣка—на это оно имѣетъ право, но на бо́льшее не должно претендовать. Есть двѣ нравственности у человѣка: нравственность общественная и нравственность совѣсти. Пусть общество осуждаетъ поступки, противные первой—но опять-таки не на основаніи страстныхъ партійныхъ порывовъ, а на твердыхъ основахъ безпристрастныхъ законовъ чести. Но кто судьи вторыхъ? Богъ и развѣ..... третье отдѣленіе.

10. Понедѣльникъ. Въ субботу 8-го умеръ Востоковъ, на восемьдесятъ третьемъ году жизни.

Да и президентъ нашъ (графъ Блудовъ) тоже плохъ. Онъ, кажется, тѣхъ-же лѣтъ. Я вчера заходилъ справиться о его здоровьѣ. Мнѣ сказали, что ему стало хуже.

11. Вторникъ. Смерть собственно не есть зло—она ничего. Зло—умираніе и предумираніе.

Медики утверждаютъ, что каждая эпоха, кромѣ общихъ обыкновенныхъ недуговъ, имѣетъ еще свои собственные, проистекающіе изъ обстоятельствъ времени. Таковы нынѣ нервныя болѣзни и размягченіе мозга. Любопытно было-бы изслѣдовать психологическія причины этихъ болѣзней, сдѣлавшихся нынѣ столь обыкновенными. Мнѣ кажется, это есть слѣдствіе—по крайней мѣрѣ отчасти, плохо переваренаго образованія и происходящаго отсюда страшнаго усиленія честолюбія, которое напрягаетъ душевныя силы каждаго въ замыслахъ и предпріятіяхъ, выходящихъ изъ предѣловъ его силъ и возможности. Въ

самомъ дѣлѣ, кто нынѣ не честолюбивъ? Кто не желаетъ отличиться, обратить на себя общее вниманіе, сдѣлаться популярнымъ? Стремленіе къ популярности уже само по себѣ является болѣзнью нашего времени. Желаніе пріобрѣсти ее напрягаетъ мозгъ свыше мѣры, а отсюда и до размягченія мозга не далеко.

Самое важное въ Востоковѣ—пожалуй, даже важнѣе его науки—это то, что онъ былъ истинно честный человѣкъ.

12. Среда. Похороны Востокова. Изъ Петропавловской лютеранской церкви мы проводили его на Волково кладбище, гдѣ намъ предложенъ былъ завтракъ, до котораго я, впрочемъ, не дотронулся. Изъ церкви гробъ вынесли и поставили на дроги мы, академики. Провожавшихъ до могилы было довольно много. На могилѣ Срезневскій сказалъ коротенькую, но весьма приличную рѣчь въ честь покойнаго, который, дѣйствительно, былъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ и одинъ изъ честнѣйшихъ людей. Я, правду сказать, не питаю очень большой вѣры въ такъ называемую славянскую науку, но Востокова нельзя было не цѣнить, не уважать, не любить за его сердце. За завтракомъ сказано было еще маленькое слово Билярскимъ. Борисъ Ѳедоровъ, бывшій членъ бывшей Россійской академіи, прочиталъ старые стихи Востокова въ доказательство, что онъ былъ не только ученый, но и поэтъ. Вдругъ изъ среды провожавшихъ исторгся редакторъ педагогическаго журнала „Учитель“ и съ достаточною яростью произнесъ нѣсколько словъ въ укоризну чиновникамъ и литераторамъ, изъ которыхъ никто не захотѣлъ отдать послѣдней почести знаменитому ученому. Это и правда.

13. Четвергъ. Засѣданіе въ факультетѣ. Окончательный экзаменъ на магистра (Юлію Эдуардовичу) Янсону, который во всѣхъ предметахъ оказалъ превосходныя знанія и умѣніе излагать. Главный его предметъ—политическая экономія.

15. Суббота. Засѣданіе въ академіи. Читаны были записки покойнаго А. Х. Востокова. Ихъ не много. Онѣ заключаютъ въ себѣ только дѣтство академика и его воспитаніе сперва въ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи художествъ. Записки эти очень любопытны и отличаются тою искренностью и простотою, какія вообще были свойственны характеру этого почтеннаго и благороднаго академика. С., по своему обыкновенію, какъ пѣвчая птичка разливался въ преувеличеніяхъ объ ученыхъ

достоинствахъ Востокова. По его словамъ, Востоковъ не уступаетъ Гумбольдту, Ньютону; онъ нашъ Яковъ Гриммъ и пр. Востоковъ былъ, неоспоримо, очень достойный ученый и достойнѣйшій человѣкъ. Но зачѣмъ-же стулья-то ломать? Похвалы черезъ край всегда только вредятъ дѣлу. Тутъ, между прочимъ, досталось всѣмъ, кто не былъ на похоронахъ. Дѣйствительно, странно было-бы, что для отданія послѣдняго долга знаменитому ученому не явился ни одинъ литераторъ, если-бы мы не знали, что наши литераторы не только не учены, но и невѣжды. Гораздо страннѣе, что московскій университетъ не отвѣчалъ на посланную ему телеграмму о смерти Востокова. Харьковскій отвѣчалъ очень любезно.

16. Воскресенье. Спектакль въ театрѣ пассажа. Здѣшніе малороссіяне рѣшились сыграть на своемъ языкѣ двѣ пьесы Основьяненко „Щыра любовъ“ и „Сватанне на Гончаривцѣ“. Игра была очень недурна, особенно отличилась г-жа Гудима-Левковичъ. Она прекрасно изобразила малороссійскую влюбленную дивчину. Все въ ней: манеры, произношеніе, игра ея пріятной, умной и одушевленной физіономіи—все было чисто народное. И при всемъ этомъ въ игрѣ ея не было недостатка и въ художественной отдѣлкѣ. Другая дѣвица Квитченко тоже весьма недурно сыграла ея подругу. Жаль только, что пьеса „Щыра любовъ“ плоховата: въ ней пропасть несообразностей и перехитренная сентиментальность, какъ вообще у Основьяненки. Театръ былъ довольно полнъ. Спектакль этотъ вообще удался. Онъ былъ данъ въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ войны. Въ антрактахъ нѣкто Майскій говорилъ свои разсказы недурно, хотя самые разсказы довольно пусты.

17. Понедѣльникъ. Дрянное расположеніе духа. Во всѣ эти дни одинъ пароксизмъ слѣдуетъ за другимъ.

Зачѣмъ, срѣзывая мнѣ на носу бородавку, вы хотите отрѣзать мнѣ и носъ?

Засѣданіе въ совѣтѣ (факультета). Сильныя пренія по случаю опредѣленія Куторги преподавателемъ за плату... Отчего это у насъ всякія изъявленія чувства смѣшны? Не оттого-ли, что чувство это фальшиво и натянуто и что ему никто не вѣритъ, начиная съ того самаго, кто его выражаетъ.

18. Вторникъ. Я на мѣстѣ Куторги никакъ не согласился-бы

быть преподавателемъ по найму въ корпораціи, гдѣ я имѣлъ голосъ и теперь не буду его имѣть. Что это—любовь къ наукѣ? Но вѣдь эту любовь можно питать и иначе, кромѣ преподаванія, къ которому Куторга и не показывалъ особенной ревности. Нужды въ деньгахъ онъ не имѣетъ, потому что онъ съ достаткомъ. Развѣ показать университету, что вотъ какъ онъ отлично преподаетъ, а университетъ отвергъ его? Конечно, это-бы самое положительное, но успѣетъ-ли онъ сдѣлать это?

Какъ часто становлюсь я жертвою внутренней неурядицы· недовольства самимъ собою. Во всемъ этомъ огромный недостатокъ мужества и самообладанія.

19. Среда. Обѣдалъ у Владимірскаго. За обѣдомъ произошла ссора у Б. съ Д..... Тутъ былъ еще (Александръ) Лохвицкій, съ которымъ я и познакомился. Господинъ не очень привлекательный. Въ немъ непобѣдимая самоувѣренность и духъ нетерпимости. Диктаторскіе приговоры текутъ изъ устъ его рѣкою и, кажется, онъ никому не позволяетъ подняться до высоты его полета.

20. Четвергъ. Поутру, приготовляя доклады къ совѣту въ министерствѣ, неожиданно получилъ отъ вице-президента академіи наукъ увѣдомленіе, что я назначенъ дежурнымъ при гробѣ графа Д. Н. Блудова. Итакъ, Блудовъ умеръ. Это уже давно ожидалось. Я немедленно далъ знать Тройницкому, что въ засѣданіи не буду, облекся въ мундиръ и поѣхалъ на квартиру покойнаго. Въ часъ была панихида. Тутъ было видимо-невидимо чиновнаго люда. Былъ Государь съ Государынею и со всѣмъ своимъ семействомъ. Я видѣлъ здѣсь Княжевича, Ковалевскаго, Корфа. Я пробылъ здѣсь до трехъ часовъ. Завтра я опять дежурнымъ. Сегодня по настоящему не мнѣ слѣдовало. Я не знаю кого замѣнилъ, но охотно согласился отдать эту почесть благородному усопшему, котораго я искренно уважалъ.

Графъ Блудовъ умеръ вчера около четырехъ часовъ пополудни. Въ двѣнадцать часовъ онъ еще принималъ какой-то докладъ, а за полчаса до смерти говорилъ о манифестѣ для польскихъ крестьянъ, о государѣ и собирался одѣться, чтобы, какъ онъ говорилъ, помолиться Богу за государя. Эти подробности сообщила мнѣ А. А. Воейкова, бывшая неотлучно при немъ съ его дочерью.

21. Пятница. Дежурилъ у гроба Блудова. Былъ тамъ въ половинѣ одиннадцатаго, вернулся домой къ тремъ. Панихиду служилъ митрополитъ. Ждали государя, но на этотъ разъ онъ не пріѣхалъ. Сановниковъ опять великое множество. Сегодня былъ и Валуевъ. Чудо какъ великолѣпенъ въ своей синей по жилету лентѣ!

22. Суббота. Въ произведеніяхъ искусства мало того, чтобы не было неправды: надо, чтобы въ нихъ была правда.

Вчера былъ у меня С. и разсказалъ мнѣ, что происходило въ экстренномъ засѣданіи совѣта въ университетѣ въ четвергъ, когда я не могъ тамъ быть. Ректоръ прочиталъ секретное къ нему отношеніе попечителя, который увѣдомляетъ его, что до его свѣдѣнія дошло слѣдующее: въ университетѣ находятся три поляка, явившіеся туда съ намѣреніемъ подстрекать молодежь къ безпорядкамъ и опять довести университетъ до закрытія. Юношество, дѣйствительно, уже нѣсколько дней какъ снова волнуется и, кажется, рѣшительно предпринимаетъ опять учредить сходки.

На похороны графа Блудова сегодня не поѣду. Хотя я и не особенно усталъ за два прошедшіе дня, но сегодня тамъ предстоитъ много стоянія и суматохи и я съ утра ощущаю приближеніе сильнѣйшаго пароксизма.

Нынѣшняя естественная наука устремилась со скальпелемъ и микроскопомъ на открытія глубочайшихъ тайнъ творенія. Она, дѣйствительно, дошла до изученія мельчайшихъ подробностей въ составѣ вещей; но дошла-ли она до главнаго—до той силы, которая этимъ подробностямъ даетъ жизнь и движенія? Объяснить эту силу отношеніями нѣтъ никакой возможности, потому что отношенія суть только послѣдствія, а не причина движенія и жизни. Положите камень на камень, травку на травку, нервъ на нервъ, каплю крови, на каплю крови, вы ничего тутъ не достигнете, кромѣ мертваго сопребыванія. Чтобы тутъ явились жизнь и движеніе, нужно что-то другое, чего никакъ нельзя разсмотрѣть сквозь микроскопъ или достать скальпелемъ. Нуженъ возбудитель, отъ котораго-бы вещи пришли въ движеніе и каждая стала въ извѣстныя отношенія къ другой. Возбужденіе предшествуетъ отношеніямъ, а не отношенія производятъ возбужденіе.

23. Воскресенье. Да, Европѣ грозитъ всеобщая нравственно-

соціальная революція. Дѣло не въ томъ, чтобы ей противиться, но чтобы по возможности отстранить крайности, въ которыя впадаетъ всякая революція, и сдѣлать ее менѣе пагубною, а болѣе для людей полезною.

Надобно, чтобы горячность не превращалась въ горячку съ бредомъ.

24. Понедѣльникъ. Въ университетѣ опять начинаются безпорядки между студентами. Вотъ оно молодое поколѣніе! На какомъ основаніи хочетъ оно первенствовать? Что оно уже сдѣлало такого, чтобы возбудить къ себѣ сочувствіе и довѣріе? Какія надежды оно подаетъ? Вѣдь одно, чѣмъ оно можетъ и чѣмъ должно увѣрить въ своемъ превосходствѣ—это учиться, приготовлять изъ себя лучшихъ дѣятелей, чѣмъ предшественники его. А оно, какъ пьяное, стремится—куда? само не знаетъ, кричитъ, замахивается на законъ и порядокъ, науку посылаетъ къ чорту, замѣняя ее газетными статьями и легкимъ поверхностнымъ чтеніемъ..... и это будущность Россіи! Господа, да сдѣлайте-же такъ, чтобы намъ, старикамъ, не стыдно и не страшно было передать ея судьбы изъ нашихъ ослабѣвающихъ въ ваши крѣпкія руки и мы охотно, съ радостью отдадимъ вамъ должное и признаемъ ваше превосходство.

Вчера услышалъ я отъ Д., что въ президенты академіи наукъ назначенъ Литке. О немъ извѣстно, что онъ хорошій морякъ, но онъ слыветъ за человѣка неуживчиваго и за большаго покровителя своихъ соотечественниковъ нѣмцевъ. Впрочемъ, не будемъ предрѣшать, посмотримъ.

25. Вторникъ. Много приходится терпѣть отъ внутренней неурядицы.

Не перестану повторять, какъ одинаково ненавистны мнѣ и экзальтированныя безумныя стремленія нашихъ прогрессистовъ „очертя и сломя голову“, такъ и оцѣпенѣлость тѣхъ бюрократическихъ холоповъ, которымъ дѣла нѣтъ до общественныхъ улучшеній, лишь-бы они исправно получали свое жалованье, чины, ордена, аренды.

26. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе, что бѣдный мой старинный другъ Викторъ Ивановичъ Барановскій умеръ.

27. Четвергъ. Многіе очень хорошо знаютъ науку жизни, но имъ не знакомо искусство жить — и они очень дурно, т. е. несчастливо, живутъ.

Былъ у Барановскаго. Въ отдаленнѣйшей части города, въ Галерной гавани, въ осунувшемся, полуразвалившемся домикѣ, который играетъ роль кожевенной фабрики (мой бѣдный другъ послѣднее время занимался выдѣлкою овчинокъ по какому-то особенному, имъ самимъ изобрѣтенному, способу), въ бѣднѣйшей и неопрятной комнаткѣ лежало на столѣ, покрытое церковнымъ покровомъ, убогое тѣло Виктора Ивановича. Тутъ была какая-то дама очень приличнаго вида и два молодыхъ человѣка. Между ними вертѣлась дѣвочка лѣтъ четырнадцати, очень хорошенькая, но слишкомъ бойкая для этой грустной обстановки. Все вокругъ было въ высшей степени убого и неряшливо. Сынъ и дочь уѣхали на кладбище и я не дождался ихъ, хотя пробылъ у тѣла больше часа.

Викторъ Ивановичъ обошелся со смертью чрезвычайно просто, чтобы не сказать фамиліарно, не дѣлая изъ нея ничего особеннаго. Онъ какъ будто вовсе не хотѣлъ признать въ ней страшилища, какое обыкновенно дѣлаютъ изъ нея люди. Еще за двѣ недѣли до ея посѣщенія онъ въ какомъ-то предчувствіи говорилъ, что ему скоро придется сдѣлать путешествіе на Смоленское кладбище. За два или за три часа до кончины онъ спросилъ у дочери: „въ которомъ часу умерла младшая дочь его лѣтъ десять тому назадъ?“ — „Въ восемь часовъ вечера“, отвѣчала спрошенная.—„А я такъ вотъ не доживу и до восьми часовъ утра“, сказалъ онъ и такъ спокойно, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи. Но, кажется, Викторъ Ивановичъ самъ много виноватъ въ своей смерти—если въ такихъ случаяхъ можно быть виноватымъ. Рядомъ съ его жилищемъ случился пожаръ и онъ въ одномъ сюртукѣ часа полтора простоялъ на сквозномъ вѣтру въ какомъ-то полуразвалившемся сараѣ. Потомъ онъ и слышать не хотѣлъ о докторѣ, а когда наконецъ, по крайнему настоянію дочери и сына согласился позвать его, было уже поздно: у него въ легкихъ уже начался антоновъ огонь. Ему хотѣли поставить піявки; пришелъ фельдшеръ.—„Зачѣмъ ты?“—спросилъ онъ у него.—„Поставить вамъ піявки“.—„Поставь ихъ къ своему носу, убирайся!“

Утромъ былъ на панихидѣ по графѣ Блудовѣ въ Невскомъ.

29. Суббота. Похороны Виктора Ивановича на Смоленскомъ

кладбищѣ. Изъ такъ называемыхъ друзей никого кромѣ меня не было—ни Гебгардтовъ, ни Деля.

Мартъ 1. Воскресенье. Проработалъ до двухъ часовъ надъ рѣчью, которую академія (наукъ) поручила мнѣ произнести 6-го марта въ общемъ собраніи.

Ѣздилъ къ Глѣбову, отъ котораго узналъ подробности безпорядка, бывшаго между студентами медицинской академіи. Первоначальный поводъ къ этому подала конференція, которая раздѣлена на двѣ партіи: вслѣдствіе интригъ одной изъ этихъ партій и былъ назначенъ профессоромъ ботаники Мерклинъ вмѣсто Бекетова и Фаминцына..... Прочія подробности происшествія довольно вѣрно разсказывались въ публикѣ.

2. Понедѣльникъ. Совѣтъ въ университетѣ по случаю суда надъ студентами. Осуждены шесть: трехъ изъ нихъ опредѣлили исключить, остальные приговорены къ меньшимъ наказаніямъ. Что тутъ дѣлать? Какъ вразумить эту неразумную молодежь, которая не хочетъ учиться, а хочетъ управлять? Такъ и пахнетъ фонъ-Визиновскимъ Митрофаномъ: не хочу учиться, а хочу жениться. Главное, чего они добиваются—это сходки, а сходки они тотчасъ превращаютъ въ политическій клубъ.

6. Суббота. Засѣданіе въ академіи (наукъ) въ присутствіи новаго президента Литке. Онъ открылъ засѣданіе весьма приличною и скромною рѣчью. Потомъ я прочиталъ слово въ память графа Блудова. Успѣхъ былъ огромный. Послѣ засѣданія всѣ руки протянулись ко мнѣ, чтобы пожать мою, всѣ окружили меня съ изъявленіями сочувствія и благодарности. Мнѣ пріятно было видѣть, что мои товарищи заодно со мною поняли и оцѣнили заслуги и качества покойнаго президента. Новый президентъ тоже благодарилъ меня съ большимъ достоинствомъ и тактомъ, не смотря на то, что многое въ рѣчи онъ могъ принять за урокъ себѣ.

8. Воскресенье. Недѣли три тому назадъ началъ замѣчать что-то неладное въ глазахъ. Это заставило меня обратиться къ совѣту глазнаго доктора Блессига.... Блессигъ очень пріятный молодой человѣкъ, возбуждающій къ себѣ довѣріе.

Не все то дурно, что старо, не все то хорошо, что ново.

9. Понедѣльникъ. Послѣ совѣта университетскаго вечеръ у Литке, гдѣ были всѣ академики и еще много постороннихъ

лицъ. Тутъ я, между прочимъ, встрѣтилъ давно не видѣннаго мною Бутовскаго, который нынѣ состоитъ директоромъ департамента мануфактуръ. Нечего сказать, лицо важное. Встрѣтилъ также Б., который извинялся, что не можетъ бывать у меня по пятницамъ по причинѣ засѣданія въ какой-то комиссіи, въ чемъ, конечно, я его извинилъ и проч.

12. Четвергъ. Получилъ отъ Устрялова въ подарокъ четвертый томъ его Исторіи Петра Великаго. Богатое изданіе.

Засѣданіе въ академіи и въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднемъ Пржецлавскій читалъ пространную записку о способахъ оградить въ печати личную честь. Много словъ, дѣла очень мало.

13. Пятница. Лавровъ учитъ философіи женщинъ, которыя гдѣ-то собираются слушать его лекціи. Сегодня прямо съ его лекціи заѣхала къ намъ милая умная молодая дѣвушка К. С. С. Она сама посмѣивается надъ философіею Лаврова. Вотъ одна изъ его фразъ: „Человѣка составляютъ чувственныя впечатлѣнія и образуемыя изъ нихъ механически понятія; что касается до ума, то это есть только географическое наименованіе“. Вотъ какой великій философъ—Петръ Лаврычъ!

Вотъ эти растлѣнные умы! Прежде, чѣмъ научиться мыслить самостоятельно, они дѣлаются апостолами матеріализма, который составляетъ грустное, но далеко не единственное пріобрѣтеніе науки тамъ, гдѣ она живетъ уже давнею и богатою жизнью. У насъ-же что значитъ въ настоящую минуту это философствованіе, какъ не преждевременная похоть, порождающая хилыя болѣзненныя созданія, способныя только бредить и заниматься сладострастными мечтами, а не строго мыслить и дѣйствовать.

14. Суббота. Въ вашихъ либеральныхъ ученіяхъ есть одна нехорошая особенность: это то, что вы не допускаете ничьей свободы мнѣній кромѣ вашихъ.

Одинъ журналистъ сказалъ одному знакомому мнѣ лицу въ отвѣтъ на упрекъ его, что онъ помѣщаетъ въ журналѣ статьи вреднаго направленія:—„Какъ вы хотите, чтобы я не печаталъ забористыхъ и скандальныхъ статей? Вѣдь тогда-бы журнала моего никто не выписывалъ“.

19. Четвергъ. Великолѣпный парадъ въ память взятія Парижа. Говорятъ, что праздникъ этотъ совпадаетъ съ праздно-

ваніемъ въ Парижѣ годовщины взятія Севастополя—въ чемъ видятъ не слишкомъ благопріятные признаки нашихъ отношеній съ Франціей. Впрочемъ, пугало всеобщей европейской войны вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ постоянно грозитъ Европѣ. Надо-же этой грозѣ, наконецъ, когда нибудь разразиться.

Говорятъ также, что французское посольство уѣхало на этотъ день въ Москву, чтобы не присутствовать на торжествѣ въ память взятія Парижа.

Выйдя изъ Академіи Наукъ въ двѣнадцать часовъ, я попалъ въ самый разгаръ парада. Исаакіевская площадь была залита войсками и я волей неволей долженъ былъ остановиться и смотрѣть парадъ. Впрочемъ, я на этотъ разъ не особенно жалѣлъ о потери времени. Зрѣлище было блестящее и не лишенное величія.

20. Пятница. Прошедшій вторникъ я выбранъ въ члены „Сельскаго Общества“.

21. Суббота. Многое должно уничтожиться изъ того, что люди принимали за правило и истину; много должно установиться новаго хотя-бы только по одному тому, что оно ново. Но не должно отнимать у разума права устраивать вещи съ его участіемъ, такъ какъ то, что дѣлается безъ его участія, не бываетъ ни лучшимъ, ни справедливѣйшимъ.

Я придерживаюсь охранительныхъ началъ—но какихъ? Не тѣхъ, которыя противодѣйствуютъ реформамъ и всякому движенію впередъ, а тѣхъ, которыя противодѣйствуютъ насилію и деспотизму, съ какимъ иные хотятъ производить эти реформы. Деспотизмъ одинаково ненавистенъ, дѣйствуетъ-ли онъ по внушенію страсти или теоріи.

По утру у Д. познакомился съ книгопродавцемъ Вольфомъ. Мужикъ бойкій и сильно пл.....й. На упрекъ мой: „зачѣмъ онъ издаетъ такую пустошь, какъ „Заграничный Вѣстникъ“, вмѣсто хорошаго и доброкачественнаго періодическаго изданія, которое знакомило-бы насъ съ важнѣйшими явленіями иностранной науки и жизни?“—онъ отвѣчалъ, что для этого у насъ не найдется ни литературныхъ дѣятелей, ни читателей. Тутъ онъ произнесъ цѣлую длинную филиппику противъ русскихъ литераторовъ: какъ они мало грамотны, мало свѣдущи и безстыдно недобросовѣстны. Онъ привелъ нѣсколько тому примѣровъ—и

такихъ, которые на самомъ дѣлѣ немного чести дѣлаютъ нашей интелигенціи. Меня въ краску бросило. Вотъ этотъ книгопродавецъ разсказываетъ всѣ эти мерзости во всеуслышаніе: онъ разсказываетъ ихъ и заграницей, куда часто ѣздитъ. Мудрено-ли, что о насъ составляется такое нелестное для нашего національнаго достоинства мнѣніе. Всему виновато проклятое какънибудь и отсутствіе честности.

Былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ. Его назначили членомъ совѣта по дѣламъ печати и онъ хотѣлъ со мною посовѣтоваться на счетъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что кн. Горчаковъ сильно совѣтовалъ Государю не дѣлать праздника по поводу взятія Парижа 19-го марта. Тютчевъ опять думаетъ, что война неизбѣжна.

23. Понедѣльникъ. Вчера въ № 66 „Спб. Вѣдомостей“ напечатана моя рѣчь о графѣ Блудовѣ.

Взялъ билетъ на входъ въ „Общество сельскихъ хозяевъ“. Внесъ 60 руб.

Главная ошибка новыхъ ученій о радикальныхъ измѣненіяхъ въ общественномъ порядкѣ состоитъ въ томъ, что они хотятъ построить зданіе прежде, чѣмъ успѣлъ заготовиться нужный для того матеріалъ. Матеріалъ—это человѣкъ съ его природою, исторіей, выработанными нравственными и умственными наклонностями и стремленіями. Для предполагаемаго новаго порядка вещей матеріалъ этотъ рѣшительно негодится. Надо, чтобы онъ совершенно измѣнился, чтобы дерево стало желѣзомъ, вода камнемъ, или камень водою и т. д. Какая сила можетъ произвести это чудесное измѣненіе? Защитники новыхъ ученій говорятъ, что это измѣненіе совершится, когда установится новый порядокъ вещей и человѣкъ сдѣлается лучшимъ и способнымъ держаться новыхъ общественныхъ началъ. Но вѣдь это значитъ начинать съ конца. Вѣдь въ томъ-то и состоитъ задача, что самое устроеніе общества на новыхъ началахъ предполагаетъ такія условія, какихъ нѣтъ.—Но наука, говорятъ, сдѣлаетъ возможными эти условія. Бокль проповѣдуетъ знаніе, какъ единственное къ тому средство. Ну, такъ отложите-же по крайней мѣрѣ ваши радикальныя реформы до того времени, пока эта подготовка будетъ выполнена. Не начинайте съ послѣдствія, вмѣсто того. чтобы начать съ причины.

Вы хотите основать все на началахъ разумнаго эгоизма, на внѣшнихъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Какая нелѣпость! Разумный эгоизмъ состоитъ въ избѣжаніи наказанія. Величайшимъ мудрецомъ по этому ученію будетъ тотъ, кто съумѣетъ подчинить себѣ безъ опасности для себя всѣ чужіе интересы—съумѣетъ всѣхъ сдѣлать орудіями своей воли, своихъ выгодъ. Нѣтъ, говорятъ, это будетъ противно образованному духу, противно внутреннему самодовольству, это будетъ не благо, а зло для насъ самихъ, сдѣлаетъ насъ внутренно несчастными. Почему-же? Вы значитъ признаете какого-то внутренняго судью надъ самимъ эгоизмомъ. Выходитъ, что ваша теорія разумнаго эгоизма есть совершенный мыльный пузырь: она несамостоятельна, она разбивается о какую-то другую силу, о какое-то другое требованіе.

Получилъ очень милую записку отъ графини А. Д. Блудовой съ изъявленіями благодарности за мою рѣчь въ академіи.

24. Вторникъ. Вчера отправлено письмо въ Архангельскъ къ Смольяну о Ломоносовѣ.

Въ первый разъ былъ въ „Сельскомъ Обществѣ“. Встрѣтилъ много знакомыхъ. Опять комплименты за мою рѣчь. Обѣдъ съ музыкой. Я сидѣлъ между Г. и Струговщиковымъ: оба усердно угощали меня, одинъ хересомъ, другой шампанскимъ. Послѣ обѣда открылось засѣданіе. Въ большой залѣ, гдѣ оно происходило, было такъ холодно, что я, боясь простудиться, постыдно предался бѣгству.

25. Среда. Я вчера узналъ въ „Сельскомъ Обществѣ“, что меня избрали въ члены очень хорошо: изъ ста тридцати голосовъ противъ меня было только четыре.

Поутру у графини А. Д. Блудовой. Она говоритъ, что я совершенно понялъ и съ любовью изобразилъ ея покойнаго отца. Послѣ графа остались записки, которыя она хочетъ печатать, хоть въ извлеченіяхъ, если ихъ по цензурнымъ соображеніямъ нельзя будетъ напечатать цѣликомъ. Записки должны быть очень интересны. А. В. Головнинъ взялся доложить о нихъ государю.

Разсказъ о дуэли между Шадурскимъ и другимъ какимъ-то офицеромъ. Они поссорились въ трактирѣ изъ-за камелій. Шадурскій убитъ.

26. Четвергъ. Рѣчь моя (о графѣ Блудовѣ), какъ оказывается, имѣла большой успѣхъ.

27. Пятница. На юбилейномъ обѣдѣ генералу Медему въ честь пятидесятилѣтія его службы. Я приглашенъ былъ участвовать въ этомъ торжествѣ. Юбилей, какъ большинство подобныхъ ему, съ довольно плохимъ обѣдомъ, съ музыкою, съ похвальными тоже плохими рѣчами, съ тостами и проч. Рѣчи, которыхъ было безчисленное множество, въ самомъ дѣлѣ не отличались краснорѣчіемъ, вертѣлись на общихъ мѣстахъ и на увѣреніяхъ въ искренности и т. д. Да и произнесены онѣ были не блистательно. Ко мнѣ подходило нѣсколько генераловъ и спрашивали: не скажу-ли и я чего-нибудь. Я отвѣчалъ, что очень уважаю генерала Медема, но что я служилъ съ нимъ слишкомъ недолго и что для рѣчи у меня нѣтъ матеріала. Послѣ обѣда я тотчасъ уѣхалъ домой.

30. Понедѣльникъ. Великая княгиня Елена Павловна пожелала прочесть мою рѣчь (о гр. Блудовѣ).

Совѣтъ въ университетѣ. Сильное преніе о Вернадскомъ. Факультетъ не хотѣлъ избрать его въ профессоры финансовъ.

31. Вторникъ. Вечеромъ въ собраніи „Общества сельскихъ хозяевъ“. Опять встрѣтилъ много знакомыхъ.

Иная статья стоитъ книги, а иная книга не стоитъ статьи.

Апрѣль 2. Четвергъ. Засѣданія въ академіи наукъ, въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ совѣтѣ попечителя. Въ совѣтѣ министерства опять побитъ Пржецлавскій по вопросу объ усиленномъ надзорѣ за нападенія на личности, за каррикатуры и проч. Пржецлавскій желалъ, чтобы для этого даны были опредѣленныя инструкціи цензорамъ.

Норовъ изъявилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не могъ прочесть моей рѣчи о графѣ Блудовѣ и просилъ меня прислать ему экземпляръ. Я не питаю къ нему никакой злобы, хотя вѣра моя въ его добродѣтель — какъ, впрочемъ, и вообще въ человѣческую добродѣтель — сильно подорвана. Все обманъ, ложь и пустота. Но не должно ни удерживать въ себѣ негодованія на ту или другую личность, ни плѣняться ея мнимою добротою.

3. Пятница. Цивилизація ведетъ за собою всестороннее и наиполнѣйшее развитіе человѣка, а слѣдовательно и развитіе въ немъ страстей. И потому необходимость сдерживающей, огра-

ничивающей власти духа нигдѣ не ощущается такъ сильно, какъ на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Если вы не хотите имѣть враговъ, такъ не старайтесь сдѣлать что-нибудь лучше другихъ.

9. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ и потомъ въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новое пораженіе Пржецлавскаго по поводу одного его донесенія, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы цензура наблюдала за тономъ выраженій въ полемикѣ журналистовъ между собою, такъ какъ они грубо и пошло ругаютъ другъ друга. Но какъ цензура можетъ учить вкусу и приличію людей, незнакомыхъ съ ними ни по чувству, ни по образованію?

Видѣлъ депутатовъ Царства Польскаго, ѣхавшихъ во дворецъ. Всѣ они были въ живописныхъ національныхъ костюмахъ.

Въ сегодняшнемъ № (81) „Сѣверной Почты“ напечатанъ рескриптъ, читанный при закрытіи финляндскаго сейма. Онъ содержитъ въ себѣ выговоръ сейму за его непріязнь къ Россіи, обнаруженную во время преній. Это заслужено. Россія кромѣ добра ничего имъ не сдѣлала, а они, получая отъ нея все благое, на каждомъ шагу готовы ей вредить.

Сеймъ выразилъ тоже свое противодѣйствіе законамъ о печати.

10. Пятница. Прусская палата общинъ стремится къ нивелированію сословій во имя демократическаго принципа, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы захватить власть въ свои руки и управлять страною на основаніи какой-то представительной олигархіи. Бисмаркъ это очень хорошо понимаетъ и вотъ откуда весь антагонизмъ.

Самая консервативная страна въ мірѣ, безъ сомнѣнія, Англія.

Дѣло не въ стремленіи остановить движеніе ко всеобщей реформѣ, а въ томъ, чтобы сдѣлать это стремленіе: во 1-хъ, не столь разрушительнымъ, какимъ оно угрожаетъ быть, а во 2-хъ, подчиняя его въ извѣстной мѣрѣ закону постепенности, тѣмъ самымъ обезпечить благія его послѣдствія. Это борьба, но безъ борьбы никакая истина, никакой успѣхъ не могутъ быть прочными. Вотъ почему я, въ моихъ либеральныхъ тенденціяхъ, придерживаюсь начала постепенности. Настоящее и будущее должны имѣть связь съ прошедшимъ. Не перестроивъ планеты, нельзя

радикально перестроить ни человѣка, ни общества. Всякія крайнія и абсолютныя покушенія въ этомъ родѣ ведутъ къ рабству, бѣдствіямъ и гибели. Зачѣмъ это?

Нева прошла.

11. Суббота. Вчера и сегодня прекрасная погода. Поутру 9° тепла. Несмѣтныя толпы гуляющихъ около вербъ и по всему Невскому проспекту.

13. Понедѣльникъ. Между понятіемъ о вещи и усвоеніемъ себѣ этого понятія большая разница. Одно послѣднее только составляетъ наше настоящее пріобрѣтеніе — знаніе, истину и чувство истины.

14. Вторникъ. Обѣдъ въ клубѣ. Встрѣтился тамъ съ Левшинымъ, попечителемъ московскаго университета. Продолжительный разговоръ о нашемъ просвѣщеніи и воспитаніи. Къ намъ присоединился еще одинъ господинъ, съ которымъ я часто встрѣчаюсь и раскланиваюсь, но имени котораго не знаю. Левшинъ обманулъ мои ожиданія; я думалъ, что онъ будетъ плохимъ попечителемъ: онъ казался мнѣ недальновиднымъ, а на дѣлѣ вышло, что онъ теперь чуть не лучшій попечитель. Простой здравый смыслъ и доброе сердце замѣнили ему всѣ прочія качества. Главное-же, онъ не имѣетъ начальническихъ претензій все знать и знать именно то, чего не знаетъ. Затѣмъ, онъ принимаетъ совѣты, не дѣлаясь рабомъ совѣтчиковъ.

15. Среда. Не хлопочите понапрасно, говоритъ партія ярыхъ реформаторовъ: вамъ не остановить мощныхъ пружинъ и вѣчно вращающагося колеса того ткацкаго станка, на которомъ время тчетъ безконечно длинную и широкую ткань жизни съ ея безчисленными узорами. Мы не хотимъ остановить ихъ; мы знаемъ, что законъ жизни есть законъ измѣненія. Все течетъ и измѣняется, давно сказалъ еще Гераклитъ. Но мы хотимъ сдерживать, чтобы пружины и колеса двигались не такъ порывисто быстро, потому что тутъ важно не одно измѣненіе ради измѣненія, а потому что въ вихрѣ этого вращенія живутъ и движутся существа, которыя чувствуютъ и должны имѣть время вздохнуть и сознать свое существованіе. Мы хотимъ, чтобы эти вихри не сносили, не сталкивали мгновенно людей въ пропасть. Словомъ, мы хотимъ, чтобы на этомъ пути измѣненій были стадіи, пункты, остановки и отдохновенія, а не сплошное треніе обора-

чивающагося катка. Пусть будетъ лихорадка, но перемежающаяся, а не постоянная. Притомъ если, какъ вы говорите, настанетъ время, когда этими переворотами достигнется лучшее состояніе человѣчества, то развѣ это лучшее можетъ состояться не иначе, какъ только на основаніи совершеннаго истребленія прошлаго и всего нынѣ живущаго? Развѣ это лучшее можетъ быть сколько-нибудь прочнымъ, если оно совершится не по закону постепеннаго органическаго развитія?

19. Воскресенье. Праздникъ Пасхи. Заутреня и обѣдня въ Исаакіевскомъ соборѣ. Насилу продрались къ алтарю, хотя и имѣли билеты. Служилъ архіерей. Нельзя сказать, чтобы тутъ было лучше, чѣмъ въ другихъ приходскихъ церквахъ. Толкотня и суматоха такія-же. Пѣніе хорошее. Но особенно несносна безпрерывная прогулка по церкви какихъ-то господъ мимо вашего носа.

Холодно, градуса два. По временамъ проглядывало солнце, но скверный вѣтеръ. Нева, впрочемъ, была чиста отъ льда. Я отправился пѣшкомъ, зашелъ въ Екатерининскій институтъ поздравить начальницу (Екатерину Владиміровну Родзянко) съ ея вчерашнимъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, завернулъ тутъ-же къ класснымъ дамамъ Араловой, Петровой и Погонато. Потомъ заходилъ еще къ графинѣ Блудовой, которую не засталъ дома, и къ президенту Литке. Вотъ и всѣ мои парадные визиты.

21. Вторникъ. Государь отказалъ въ наградѣ президенту медицинской академіи Дубовицкому и вицепрезиденту, моему пріятелю, Ив. Тим. Глѣбову за то, что они распустили академію.

Военный министръ велѣлъ не допускать дѣвушекъ на лекціи въ медицинскую академію. Ихъ сперва явилось три или четыре, и онѣ, говорятъ, дѣйствительно, серьезно занимались наукой. Но потомъ число ихъ увеличилось до шестидесяти и болѣе, и тутъ между ними появились нигилистки въ круглыхъ шапочкахъ и съ остриженными волосами. Эти послѣднія уже больше занимались расхаживаніемъ со студентами по корридорамъ и куреніемъ папиросъ.

Наши нигилисты требуютъ жизни безъ всякихъ нравственныхъ опоръ и вѣрованій.

23. Четвергъ. Сегодня утромъ на крышахъ домовъ и на улицахъ лежитъ порядочный снѣгъ.

Надо написать мнѣніе на проектъ новаго устава академіи наукъ, который стремится слить II-е отдѣленіе съ III-мъ. Я возстаю противъ этого. По моему мнѣнію, II-му отдѣленію должно предоставить извѣстную самостоятельность, т. е. ту самую, какую оно уже имѣетъ, и только кое-что измѣнить въ его устройствѣ.

26. Воскресенье. Праздниками я не воспользовался, какъ слѣдуетъ; они прошли какъ-то вяло и непроизводительно. Только съ четверга началъ я пробуждаться и духъ дѣятельности снова охватилъ меня. Послѣдніе дни я работалъ надъ мнѣніемъ по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія академіи съ III-мъ. Я уже объявилъ себя противникомъ этого сліянія и теперь долженъ представить свой протестъ въ сколь возможно убѣдительномъ видѣ: приходится сражаться со многими, чуть не со всѣми, членами академіи. Надо приготовить это къ четвергу, чтобы прочесть въ отдѣленіи.

Диспутъ въ университетѣ на званіе магистра по части всеобщей исторіи. Дисертація была о реформаціонномъ движеніи въ Чехіи въ четырнадцатомъ столѣтіи. Диспутантъ защищался слабо. Однако, его поздравили магистромъ.

30. Четвергъ. Въ воскресенье пріѣхалъ Мих. Ник. Муравьевъ.

Читалъ записку мою противъ сліянія II-го отдѣленія съ III-мъ. Она, кажется, произвела недурное впечатлѣніе на моихъ сочленовъ по отдѣленію.

Май 1. Пятница. Мнѣ разсказывали, какъ въ день пріѣзда Муравьева въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Суворовъ послалъ на желѣзную дорогу чиновника объявить ея администраціи, чтобы она не допускала стеченія народа на дебаркадерѣ во время выхода Муравьева изъ вагона. Администрація, однако, отвѣчала, что сдѣлать этого не въ состояніи и не въ правѣ: потому что народъ этотъ состоитъ изъ отцовъ, мужей, женъ, братьевъ, сестеръ и пр., являющихся встрѣчать своихъ пріѣзжающихъ родныхъ.

Вечеръ у Чевелева. Насъ было только трое: онъ, я и одинъ москвичъ, недавно пріѣхавшій. Есть-ли на свѣтѣ существо болѣе непріятное, чѣмъ иной московскій ученый, литераторъ или московскій, такъ называемый, передовой человѣкъ? Дѣтская

заносчивость, бабье умничанье, духъ нетерпимости, хвастовство и дерзость ихъ нестерпимы—чуть-ли не еще нестерпимѣе петербургской распущенности и глупаго западничанья.

3. Воскресенье. Вчера у меня былъ сильный споръ съ Чевелевымъ—о чемъ-же?—о свободѣ воли. Онъ придерживается новѣйшей философіи и отрицаетъ свободу воли. Главное его доказательство: мысли намъ даются не нами, отъ нихъ зависятъ побужденія къ рѣшимости, слѣдовательно воля повинуется необходимому сцѣпленію понятій. Онъ полагаетъ, что для ума человѣческаго нѣтъ ничего недоступнаго, и что знаніе должно разоблачить всѣ тайны вещей. Свобода воли есть иллюзія. Отчего-же и знанія наши, возразилъ я, между прочимъ,—не иллюзіи также? Почему-же мысль, что вы все знаете, не такая-же иллюзія, какъ моя увѣренность, что я могу хотѣть и не хотѣть по выбору моего разсудка и проч., и пр.—Потомъ зашла рѣчь о Муравьевѣ. Чевелевъ раздѣляетъ мнѣніе „Голоса“, что Муравьевъ ничего не сдѣлалъ для укрощенія бунта и для утвержденія русскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Поправка. Въ 1860-мъ году „Дневника А. В. Никитенко“, напечатанномъ въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 года, на страницѣ 392-й, строкѣ пятой сверху, слова: „Послѣ подвиговъ Огрызко все кажется возможнымъ“, по недосмотру, попали въ текстъ, тогда какъ мѣсто ихъ въ выноскѣ—и отъ этого вышелъ анахронизмъ. Покойный А. В. иногда возвращался въ своемъ Дневникѣ назадъ и дѣлалъ на поляхъ знаки, замѣтки, подтверждая или опровергая, а иногда и комментируя для себя слухи и слова, туда раньше занесенные. Одна изъ такихъ оговорокъ и напечатана въ Дневникѣ за 1859 г. Въ данномъ случаѣ переписчица помѣстила такую, послѣ прибавленную, замѣтку прямо въ текстъ: правда, что она была написана почти въ строку и отдѣлена лишь небольшимъ знакомъ. Мало того: въ корректурѣ я еще сочла нужнымъ объяснить отсутствіе дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Огрызко, которымъ тутъ и мѣста вовсе не было. Вышеупомянутыя слова занесены авторомъ на поляхъ „Дневника“ 1860 г. позже: должно быть въ 1865-мъ году, потому, между прочимъ, что написаны синими чернилами, какъ написанъ, большею частью, весь 1865 годъ, тогда какъ 1860-й годъ писанъ черными.

С. А. Никитенко.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

Въ началѣ 1880-хъ годовъ покойный графъ П. А. Валуевъ передалъ намъ въ копіи выдержки изъ своего „Дневника“ за время съ 1847 по 1860 г. включительно.

Какъ увидятъ читатели, графъ Петръ Александровичъ уже въ 1847 г. былъ недоволенъ своимъ дневникомъ. Въ позднѣйшіе-же годы графъ предалъ уничтоженію значительную часть прежняго дневника. Мы имѣли случай видѣть оригиналъ, писанный въ переплетенныхъ томахъ небольшаго in-quarto. Вырѣзаны и сожжены были графомъ П. А. Валуевымъ не только начало (за 1845 и 1846 гг.), но и многіе десятки листовъ изъ всей остальной первой части дневника, т. е. по 1861 г.

Ред.

1847 г.

Steinsee, june the 20-th 1847. More than six months are over since J wrote the preceding lines. J had nothing worth relating. For my own part J can only remark that the foresaid six months were rather dull. But J have experienced that dull times are much better than some others, J have lived through. Thanks to Him, Whose mercy bestowed upon me some serene and quiet days after a long and dangerous illness, and Who did allow a whole half year of my life to pass without new misfortunes and without new pains.

(Переводъ). Штейнзэ (Курляндск. губ., въ 15 в. отъ Калкунъ), 20-го іюня 1847 г. Прошло болѣе нежели шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, когда писаны предъидущія строки. Не случилось ничего достойнаго записи. Лично о себѣ могу только замѣтить, что эти шесть мѣсяцевъ были для меня довольно монотонны. Но я испыталъ, что такіе однообразные дни гораздо лучше многихъ другихъ, мною пережитыхъ. Благодарю Того, Чье милосердіе ниспослало мнѣ рядъ ясныхъ и спокойныхъ дней послѣ продолжительной и тяжкой

болѣзни и Кто даровалъ мнѣ прожить полгода безъ новыхъ несчастій и новаго горя.

Рига, 1-го ноября 1847 г. Въ предпринятой мною лифляндской современной хроникѣ снова пробѣлъ, и пробѣлъ годовой. Перелистывая прежнія мои замѣтки, я сознаю обязанность предпослать всему послѣдующему нѣкоторыя извинительныя объясненія.

Сознаю, что не только въ писанномъ, но и въ думанномъ мною нѣтъ надлежащей послѣдовательности. Многое обсужено поверхностно, многое односторонне; во многомъ встрѣчаю какія-то лишнія оговорки, какъ будто выторгованныя безмолвными упреками разсудка въ неудовлетворительности или незрѣлости моихъ сужденій. Разность обстоятельствъ и событій слишкомъ отражается въ высказанныхъ мнѣніяхъ. Хотя я и могу нѣсколько оправдывать себя, во-первыхъ, тѣмъ, что смотрѣлъ на дѣло болѣе en homme préoccupé d'affaires personnelles, чѣмъ en homme occupé d'affaires publiques, во вторыхъ, тѣмъ, что дѣла постоянно шли безсвязно или сбивчиво, но при всемъ томъ стоило лишь подливать по временамъ поболѣе холоднаго разсудка въ чашу мгновенныхъ впечатлѣній, чтобы не дать нѣсколькихъ промаховъ, мною данныхъ. Напримѣръ, въ концѣ 1845 г. не слѣдовало придавать такой важности личностямъ Опочинина и гр. Толстаго и лабрюйерствовать черезъ мѣру; въ началѣ 1846 г. не слѣдовало повторять за г. Г - мъ, что нѣмцы погибли, а въ концѣ того-же года не слѣдовало считать чѣмъ-то значительнымъ дѣло о кирхенконвентахъ и т. п.

5-го ноября. Итальянцы-композиторы черпаютъ звуки изъ моря чувствъ, но чтобы уразумѣть нѣмецкую оперу, недостаточно слуха и сердца, нужна умственная работа. Мнѣ всегда кажется, что нѣмцы-лирики искусно и замысловато придумываютъ, какъ-бы принарядить чувство такъ, чтобы съ перваго взгляда его не узнали. Они пишутъ оперы für wenige. Это неразсудительно. Симфоніи, квартеты и т. п. пишите, какъ хотите и для кого хотите; но театръ созданъ для массъ, а не для немногихъ. Слѣдовательно, и лирическая музыка должна быть писана для массъ, а не исключительно для знатоковъ генералъ-баса.

7-го ноября. Изобрѣтать изобрѣтенное есть лишній трудъ, — однако, къ тому нѣсколько склонны славянофилы.

9-го ноября. Недавно въ Палермо были шумные безпорядки въ театрѣ, во время представленія. Публика негодовала на дирекцію за наборъ плохихъ primi. Дирекція пожаловалась начальству и представила засвидѣтельствованный полиціею списокъ зачинщиковъ безпорядка. Luogotenente duca di Majo просмотрѣлъ списокъ, вписалъ

свое собственное имя и внушилъ дирекціи озаботиться лучшимъ выборомъ театральной труппы. Весьма дѣльное различеніе безпорядковъ не политическихъ и политическихъ.

10-го ноября. День рожденія старика Фелькерзама. Быстро проходитъ время и быстро перемѣняются или, лучше, смѣняются обстоятельства. Для него съ прошлогодняго 10-го ноября перемѣнились всѣ условія внѣшней жизни.

Для меня три 10-хъ ноября могутъ служить заглавіями или вывѣсками различныхъ жизненныхъ моментовъ. Въ 1845 году я былъ еще новъ въ здѣшнемъ краѣ, разъѣзжалъ на перекладныхъ по дѣламъ религіознаго переворота, и именно къ 10-му ноября только что успѣлъ вырваться изъ дерптской западни, извѣстною рукою мнѣ состроенной. Довольно странный и продолжительный эпизодъ моего рижскаго быта еще былъ въ первоначальномъ разгулѣ. Въ 1846 г. эпизодъ былъ конченъ, и въ самомъ ноябрѣ мѣсяцѣ, принимая дѣятельное участіе въ движеніи оффиціальныхъ ничтожностей, я съ трудомъ пересиливалъ начало болѣзни, вскорѣ затѣмъ меня на долгое время пересилившей. Въ 1847 г. какая-то тишь въ моихъ служебныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Передъ ненастьемъ-ли тихо, передъ яснымъ-ли днемъ? Увидимъ!

Вечеромъ видѣлъ M-me Schröder-Devrient въ Romeo [1]).

О пѣніи и рѣчи нѣтъ, но игра превосходна.

11-го ноября. Обѣдалъ у гражд. губернатора. Кромѣ меня, были А. Фелькерзамъ, ландрихтеръ Унгернъ, А. Криденеръ, полицмейстеръ, прокуроръ и Фегезакъ. Essen pousse jusqu'à la bonhomie ses soins à faire les honneurs de chez lui. У него былъ какой-то комитетъ послѣ обѣда. Мнѣ забавно было встрѣчать, выходя отъ него, съ докуриваемой сигарой, членовъ комитета, съѣзжавшихся въ мундирныхъ фракахъ и безъ сигаръ. У нихъ, особливо у Кубе и у Лиліенфельда (гос. имущ.), на лицѣ написано было: „Какъ это онъ меня не позвалъ?“

12-го ноября. Сегодня я слышалъ отъ Ханыкова, что экспедиція Обручева въ киргизскую степь имѣла полный успѣхъ. Онъ устроилъ при Сырь-Дарьѣ крѣпость на 1,000 чел. гарнизона и возвратился, не потерявъ ни одного солдата. Необыкновенно влажная весна содѣйствовала успѣху. Войска вездѣ находили воду и подножный кормъ для лошадей. Не знаю, напечатано-ли что нибудь о реченной экспедиціи. Я давно не читаю полицейско-отечественныхъ газетъ.

---

[1]) Т. е. Montechi e Capuletti, опера Bellini. Н. В.

Слышалъ о ней въ первый разъ отъ Языкова, который писалъ о томъ ко мнѣ въ Штейнзэ, въ іюнѣ мѣсяцѣ.

23-го ноября. Безразсудные поступки понятны. Въ нихъ есть произволъ и сознаніе. Но глупость невольна и безсознательна. Можетъ ли безсознательно анормальное быть столь общимъ? Можетъ-ли оно быть принадлежностью большинства? Если нѣтъ, то оно не анормально. Если же не анормально, то почти выходитъ, что слѣдовало бы переставить, въ каталогѣ нашихъ понятій, понятіе объ умѣ и о глупости, и считать недугомъ не глупость, а умъ. Глупостью я называю здѣсь не совершенную непонятливость, но плоскость умственную,—тотъ уровень, на которомъ никогда ничего не замѣтишь, ничего не подберешь и ничего своего не оставишь.

29-го ноября. Большой обѣдъ у гражд. губернатора. Всѣ власти, даже духовная, въ лицахъ епископа и ген.-суперинтендента. Ландратъ Симсонъ разсказывалъ за обѣдомъ, что Наполеонъ всегда смѣшивалъ слова armistice и amnistie. Я отвѣчалъ, что это довольно понятно: toute amnistie n'est qu'un armistice.

Кончилъ записку объ опредѣленіяхъ лифлядскаго ландтага вчера по утру, а сегодня, до обѣда, отправилъ ее къ ген.-губернатору.

Madame de Manderstjerna est morte dans la nuit, presque subitement. Cela m'a fait une peine sincère. J'ai été voir le général quand j'ai appris que d'autres y étaient allés. Il pleure à faire pleurer avec lui. Les filles ont une douleur plus calme. La faculté de la douleur est, comme celle de l'affection, d'une intensité inégale selon les individus, et presque toujours l'une est directement en rapport avec l'autre.

Quelle que soit la part qu'un étranger prenne à un évenement pareil, une visite de condoléance est presqu'une profanation de la douleur. J'en ai fait une cependant et j'en ferai d'autres. Je blesserais, si je m'en abstenais. Mais cela ne me froisse pas moins de me croiser, dans une maison de deuil, avec d'autres étrangers. Il y a toujours plus ou moins de contrainte, d'expression composée dans les traits du visage, d'hypocrisie, —pour nommer la chose par son nom véritable. Ceux qui montent et ceux qui déscendent l'escalier sont presque comme les augures romains et presque plus faux que les augures, car ils sesidsimulent, même entr'eux, leur pensée intime.

(Переводъ). Г-жа Мандерштернъ скончалась сегодня ночью, почти скоропостижно. Я искренно опечаленъ. Навѣстилъ сегодня генерала, когда узналъ, что другіе у него побывали. Онъ плачетъ такъ, что самому плакать хочется. Скорбь дочерей его спокойнѣе. Способность горевать, какъ и способность любить, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ, не у всѣхъ одинаково развита, но почти въ каждомъ изъ насъ степень интенсивности одного изъ этихъ чувствъ прямо пропорціональна степени интенсивности дру-

гаго,—кто искреннѣе умѣетъ любить, тотъ болѣе страдаетъ въ скорби.

Какъ бы искренне ни было участіе, принятое лицомъ посторонним въ семейномъ горѣ, „соболѣзновальный“ визитъ является все-таки почти осквернеміемъ чистоты печали. Однако, я такой визитъ сдѣлалъ, и не разъ еще придется выражать соболѣзнованіе въ такой же формѣ. Воздержаться — значило бы обидѣть. Тѣмъ не менѣе меня коробитъ встрѣча съ другими посторонними посѣтителями въ домѣ, гдѣ покойникъ. Каждый придаетъ своему лицу какое-то неестественное, сочиненное, или—чтобъ сказать правду—лицемѣрное выраженіе. Подымающіеся по лѣстницѣ, встрѣчаясь съ уходящими, приводятъ на память римскихъ авгуровъ. Они кривятъ душею даже болѣе, нежели авгуры, потому что и въ разговорѣ между собою скрываютъ то, что у нихъ дѣйствительно на умѣ.

30 ноября. „Но речетъ кто: ты вѣру имаши, азъ же дѣла имамъ; покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, и азъ тебѣ покажу отъ дѣлъ моихъ вѣру мою“.

Соборное посланіе Іаковле, 2, 18.

Жаль, что на ряду съ цитатами изъ Четвероевангелія намъ рѣдко напоминаютъ сказанное въ другихъ Писаніяхъ Новаго Завѣта.

1 декабря. Читаю въ „Times“ какія удобства даютъ желѣзныя дороги. Недавно въ одномъ изъ вагоновъ, прибывшихъ на какую-то станцію между Лондономъ и Ланкастромъ, нашли 4-хъ лѣтняго ребенка съ ярлыкомъ to be left till called for (до востребованія). Ребенка оставили при одномъ изъ служащихъ. Вечеромъ явился отецъ, пріѣхавшій съ другимъ поѣздомъ.

Тамъ же читаю про political measures of a parenthetical character. Не знаю какъ перевести это на нашъ канцелярскій языкъ, но многія изъ нашихъ правительственныхъ мѣръ мнѣ кажутся „между-скобочными“.

2 декабря. Прочелъ записку ландрата Симсона, поданную имъ, анонимно, въ опроверженіе принятыхъ ландтагомъ опредѣленій. Кое-что есть дѣльнаго, но не много. Записка писана не только желчно, но даже avec emportement. Странно, что нѣтъ русскаго вѣрнаго переводнаго слова,—въ самой вещи у насъ нѣтъ недостатка. Достойно замѣчанія, что Симсонъ нападаетъ на нѣкоторыя положенія ландтага, имъ же самимъ предложенныя и проведенныя. Это лишь въ доказательство любви къ прямымъ дорогамъ.

3 декабря. Вчера генералъ-губернаторскій обѣдъ у Вёрмана. Не даромъ упоминаю такъ часто объ обѣдахъ. Это чисто рижская

черта. Общественность здѣсь начинается съ закуски и кончается карточнымъ столомъ. There is conviviality, no sociability. Женская стихія рѣдко переступаетъ за домашній порогъ. Блѣдна жизнь общественная, гдѣ всѣ краски налиты въ графины или разложены на блюдахъ. Мнѣ вѣетъ холодомъ отъ камина, обсаженнаго пищеварящими торговыми фирмами. Онѣ мнѣ чужды; онѣ для меня замкнутый кругъ. Я смотрю на нихъ, но извнѣ ихъ области, и смотрю одинъ, съ тѣмъ же чувствомъ одинокаго особненія, съ которымъ одинъ, у себя дома, пишу эти строки. Я сказалъ: дома! Развѣ я дома? Я тамъ былъ когда-то. Теперь кочевье мой домъ, и даже кочевье не привольное, не вольно избранное, но указанное.

4 декабря. Пять дней тому назадъ началъ переводъ проекта „Положенія о крестьянахъ", составленнаго лифляндскимъ ландтагомъ, но дѣло медленно идетъ впередъ [1]). Ханыковъ пишетъ всеподданнѣйшій рапортъ о положеніяхъ Эстляндскаго и Лифляндскаго ландтаговъ. Говорилъ съ нимъ объ этомъ. Не понимаетъ дѣла. Онъ все привыкъ улаживать на рысяхъ. А этихъ вопросовъ на рысяхъ не раскусить. У него въ головѣ рѣшительно каша.

1848 г.

С.-Петербургъ, 10 марта. Встрѣтился у моего хозяина съ Шуваловыми, Б. Голицынымъ, Воронцовымъ и принцемъ Гессенскимъ. Сей послѣдній quite a gentleman, что рѣдко для германскихъ принцевъ.

16 марта. Событія идутъ такъ быстро, что всѣ догадки, ожиданія и разсчеты на будущее остаются далеко назади. Третьяго дня въ 7 ч. утра гр. Вielьгорскій привезъ извѣстіе о Берлинской катастрофѣ. Вверху всѣ въ крайнемъ смущеніи. Наши псевдогосударственные мужи не знаютъ за что взяться. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Д. П. Бутурлинъ, напр., совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи. Въ городѣ разносятъ уже безчисленныя нелѣпости о дальнихъ областяхъ самой имперіи. Вчера утверждали, что Тифлисъ и Варшава вспыхнули и что въ Ригѣ въ какомъ-то клубѣ изъ мебели состроили баррикады!

---

[1]) Собственноручный оригиналъ этого капитальнаго переводнаго труда гр. П. А. Валуевъ незадолго передъ смертью принесъ въ даръ библіотекѣ Кодификаціоннаго отдѣла, состоящаго при Государственномъ совѣтѣ.

Н. В.

Кн. Суворовъ внезапно уѣхалъ по приказанію государя. Приходится и мнѣ торопиться за нимъ на свое мѣсто.

О будущемъ не загадываю. Всякія догадки, всѣ толки о сбывшемся въ Европѣ также не могутъ быть довольно отчетисты. Отсрочиваю тѣ и другіе. Но занимательно слѣдить за разнообразіемъ впечатлѣній, ими производимыхъ. Власти будто не могутъ еще опомниться отъ изумленія при видѣ безсилія другихъ властей и при ежедневныхъ доказательствахъ ошибочности своихъ предположеній. Между сановниками и политиками одни въ безмолвномъ страхѣ,—говорю безмолвномъ потому, что они ничего не сказываютъ толковитаго, хотя и говорятъ много,—другіе въ озлобленіи думаютъ лишь о способахъ давить все, что смѣетъ думать о нихъ и не льстить имъ. Внутренніе якобинцы, каковъ, напр., Скрипицынъ, душевно радуются объ ураганѣ, поднявшемся на привилегированныя сословія, и не безъ удовольствія замѣчаютъ, что со дня на день можно перерѣзать или дать перерѣзать горло нѣмецкихъ и польскихъ помѣщиковъ. Que deviendront les honnêtes gens! говоритъ кн-ня Варшавская, сложивъ руки крестомъ. Il faut écraser ces scélérats, говоритъ гр. Нессельродъ, нахмуривъ еще болѣе вѣчно нахмуренное лицо.

Рига, 24 марта. Вчера вечеромъ около 9 часовъ до 10 тыс. чел. зрителей собрались передъ замкомъ. Здѣшняя Liedertafel привѣтствовала кн. Суворова факельцугомъ, пѣснями и рѣчью, произнесенною отъ имени общества однимъ изъ старшинъ, адвокатомъ Бинеманомъ, бывшимъ студентомъ въ геттингенскомъ университетѣ въ одно время съ княземъ.

С.-Петербургъ, 14 декабря. Ѣдучи сюда, кн. Суворовъ говорилъ, что далъ бы себя изрубить на куски, дабы отстоять свой взглядъ на Балтику, но что его голова не послужитъ благимъ совѣтомъ въ тотъ часъ, когда благіе совѣты нужны. Теперь онъ ликуетъ. Всѣ (въ высшихъ сферахъ въ С.-Петербургѣ) одинаково отзывались въ его духѣ о балтійскихъ дѣлахъ. Съ наибольшею горячностью говорила великая княгиня Елена Павловна. Замѣчательно сказанное сею послѣднею: „Il n'y a rien d'aussi peu monarchique que le despotisme; l'Empereur est démocrate sans s'en douter".

Такія фразы и блистательный пріемъ сильно подѣйствовали на кн. Суворова. Онъ уже не на землѣ и паритъ превыше седьмаго неба. Этого улетучиванія крайне жаль. Побѣда въ рукахъ князя, а онъ въ состояніи ее выпустить изъ рукъ, если не предостережется отъ преждевременныхъ побѣдныхъ возгласовъ и чрезмѣрнаго

самодовольствія, всегда сопряженнаго съ неразсудительными ожиданіями и требованіями. М-ръ внутрен. дѣлъ l'a comblé de prévenances, а князь въ отвѣтъ говорилъ ему о тѣхъ misérables, которые причиной ихъ несогласій. Гр. Пратасову князь писалъ, что онъ позже объяснитъ ce qu'il veut, ce qu'il exige etc., и тутъ же не забылъ о „ключарѣ". Все это ирраціонально.

16 декабря. Седьмое небо спускается на землю. Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, когда кн. Суворовъ представлялся, ограничился тѣмъ, что упрекнулъ его въ ношеніи сардинской аннунціады, о которой князь, при настоящихъ обстоятельствахъ, говоритъ, что онъ носитъ ее „en l'honneur de la maison d'Este", хотя получилъ ее отъ Карла Альберта, son cousin de Carignan.

Впрочемъ, дѣла до сихъ поръ идутъ хорошо, т. е. не идутъ вовсе. Я не выхожу изъ дому и перевожу заключеніе ландтага по дѣлу Будденброка. Что дѣлаетъ легконогій Торнау—не знаю.

Кн. Чернышевъ и гр. Блудовъ недовольны, говорятъ, вводною частью всеподданнѣйшаго рапорта. Сначала я думалъ, что догматика не понравилась, et il y aurait eu du vrai, car l'introduction est positivement doctrinaire. Обстоятельства, по моему мнѣнію, того требовали. Но выходитъ, что эти господа недовольны тѣмъ, что рапортъ n'est pas assez antithèse avec le compte rendu Golovine etc. Князь также сожалѣетъ, повидимому, что призналъ предъ государемъ долю правды въ отчетѣ своего предмѣстника и не напалъ на сего послѣдняго à outrance. En vérité je ne savais pas qu'il s'agissait de faire un paroli à rebours sur Golovine. J'ai pensé qu'il fallait seulement déplier la carte.

22 декабря. Я каждый день удостовѣряюсь въ томъ, что кн. Суворовъ и на этотъ разъ, какъ всегда, перехлынулъ черезъ края благоразумія. Онъ принятъ прекрасно, какъ генералъ-адъютантъ. Но какъ генералъ-губернаторъ не замѣтно, чтобы онъ пользовался большимъ значеніемъ. Адресъ дворянства даже оставленъ безъ отвѣта. Горою защищаемое представленіе о вдовѣ Фелькерзама увѣнчалось лишь ничтожною пенсіею въ 1,500 р. и т. п. Князь, видно, ослабилъ своими рѣчами и свойствомъ этихъ рѣчей то, что въ его рапортѣ и въ этихъ самыхъ рѣчахъ заключалось правды. Онъ говорилъ надняхъ: je regrette plus que jamais que je ne fasse plus mon ancien service d'aide de camp général auprès des princes étrangers". Можно-ли такъ зло самого себя обсуживать и осуждать!

1849 г.

5 января. Являлся министру внутреннихъ дѣлъ, его товарищу и былъ, кромѣ того, у гр. Орлова и гр. Блудова. Гр. Орловъ былъ любезенъ и сказалъ мнѣ que j'avais beaucoup d'ennemis. Министръ и Сенявинъ приняли меня учтиво, но сухо. Ils font au prince Souvoroff le petit honneur de le walouiéviser. Гр. Блудовъ изволилъ почивать.

2 февраля. Князя Суворова опять постигъ маленькій провалъ. Былъ составленъ планъ необходимыхъ гидротехническихъ работъ въ Ригѣ, сообщенъ мною, частнымъ образомъ (черезъ Кубе), биржевому комитету, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложенъ ген.-губернатору. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній, комитетъ облекъ мой проектъ въ форму оффиціальной просьбы и представилъ оную ген.-губернатору. Сей послѣдній, съ своей стороны одобривъ проектъ, еще прежде того сносился полуоффиціально съ министрами финансовъ и путей сообщенія. Теперь выяснилось qu'ils n'ont pas mordu à l'hameçon. Денегъ нѣтъ и дѣло, видно, отложено будетъ до слѣдующаго года.

18 февраля. D'Israëli сказалъ: english manners save England from its laws, но это изреченіе не помѣшало мнѣ выписать Блекстона комментарій къ англійскимъ законамъ.

15 марта. Еще до прибытія въ Спб., кн. Суворовъ поручилъ правителю канцеляріи составить особую записку о разныхъ противодѣйствіяхъ и непріязненномъ направленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Записка была составлена, но не весьма удачно. Ее читали здѣсь гр. Блудовъ и гр. А. Г. Строгановъ, а затѣмъ самъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Вчера его высочество присылалъ за кн. Суворовымъ и по приказанію государя императора сказалъ князю, что его величеству угодно, чтобы эта записка была подана ему непосредственно, и что по долгу ген.-губернатора кн. Суворовъ къ тому обязанъ.

Въ этотъ рѣшительный моментъ и слѣдуя правилу e meglio tardi che mai, у насъ возникли нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ удовлетворительности записки въ настоящемъ ея видѣ. Князь прислалъ Торнау ко мнѣ со всѣми pièces justificatives и съ самою запискою, которой я дотолѣ не читалъ. Вчера вечеромъ, на скорую руку, мы пересмотрѣли и переправили эту работу, по возможности. Нѣсколько статей исключено; кромѣ того, составлена препроводная докладная записка. Завтра все это будетъ представлено. Я вообще недоволенъ

этой работой и весьма не увѣренъ въ благопріятныхъ послѣдствіяхъ. Но поздно было передумывать, а передѣлывать основательно было некогда.

30 марта. Записка подана. Результатъ слѣдующій. Кн. Чернышеву поручено убѣдить кн. Суворова, съ которымъ самъ государь, на прощальной аудіенціи, былъ очень любезенъ,—въ преимуществахъ мирнаго житія передъ бранью (не даромъ пишу здѣсь „брань“ вмѣсто „войны“). Кн. Суворовъ, убѣдившись, что государь императоръ смотритъ на вещи иначе, чѣмъ дѣйств. стат. совѣтникъ Торнау, въ одно мгновеніе ока забылъ все прежде думанное и говоренное его свѣтлостію о непримиримой враждѣ съ м-ромъ внутреннихъ дѣлъ, о невозможности продолжать службу вмѣстѣ, и т. п. Онъ поѣхалъ къ министру и чрезъ нѣсколько минутъ они очутились попрежнему лучшими друзьями, на „ты“, и т. д. Political men of old England, take a lesson at this!

Между тѣмъ Торнау уѣхалъ, оставя канцелярію въ хаотическомъ положеніи, а слабоголовый Т***ль пишетъ ко мнѣ изъ Риги, что онъ ожидаетъ „zu Ostern, als Fortsetzung der affaire Samarinn, die allendliche Verurtheilung des Peroffskischen Systems und das Einläuten unseres Auferstehungsfestes!“

3-го апрѣля. Я читалъ вообще довольно многое о Нилѣ. На сихъ дняхъ я прочелъ еще путешествіе къ верховьямъ Нила и далѣе нашего инженерно-горнаго офицера Егора Петров. Ковалевскаго. Странно, что много рѣчи, со стороны путешественниковъ, о Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ и о томъ, который изъ двухъ вообще надлежитъ признавать главнымъ Ниломъ, но при этомъ, сколько мнѣ помнится, не обращается вниманія на лучшій способъ къ рѣшенію вопроса. Періодическія наводненія суть отличительная черта Нила. Который изъ двухъ верхнихъ Ниловъ, Голубой или Бѣлый, главный при томъ дѣятель? Не можетъ быть, чтобы не замѣчено было разницы въ массѣ водъ и въ порядкѣ постепеннаго возрастанія ихъ, въ томъ и другомъ, при началѣ періодическихъ наводненій.

8-е апрѣля. Министръ внутр. дѣлъ и кн. Суворовъ sont comme deux tourterelles. En attendant le premier est élevé au titre de comte, ce qui prouve qu'il est loin d'être en disgrâce. Voilà où ont mené tous les béliers et toutes les catapultes épistolaires et orales, mis en mouvement par le prince Souvoroff et par son principal acolyte. Le prince se bat les flancs pour prouver à tout le monde et pour se démontrer à lui-même, que le pied de nez qu'il a reçu se trouve être un compliment. Il m'a dit l'autre jour, à propos de Tornauw, qu'il le trouvait tel, qu'il le lui fallait, et qu'il en était très satisfait, parceque lui, prince Souvoroff, „lui était superieur!“ C'est un aveu de médiocrité pas mal naïf. Si chaque chef doué d'une tête à la douzaine tenait en effet à ne prendre

pour bras droit que quelqu'un de plus médiocre que lui-même, les choses se simplifieraient de beaucoup. Мнѣ хотѣлось напомнить ему басню Крылова о бритвахъ.

(Переводъ). Перовскій возведенъ въ графское достоинство. Это доказываетъ, что онъ весьма далекъ отъ бытія въ немилости. Вотъ къ чему привели всѣ письменные и устные тараны и метательные снаряды, приведенные въ дѣйствіе кн. Суворовымъ и его главнымъ соратникомъ. Князь всѣми силами старается доказать какъ другимъ, такъ и самому себѣ, что онъ остался не съ носомъ, а въ прибыли. Онъ сказалъ мнѣ намедни, что находитъ Торнау вполнѣ подходящимъ и что имъ очень доволенъ, потому что онъ, кн. Суворовъ, на голову выше. Довольно откровенное признаніе собственной посредственности. Если каждый начальникъ, одаренный дюжиннымъ умомъ, будетъ стараться подбирать себѣ помощника еще болѣе посредственнаго склада, то вопросъ о выборѣ помощника весьма упростится.

Рига, 23-го апрѣля. Je me tiens à l'écart et me mêle le moins possible de tout ce qui se passe au château. Je retombe, en définitive, dans le rôle d'opposition constitutionelle que j'ai soutenu en 1847. Au fait il est tout aussi impossible de s'identifier avec l'administration du Prince Souvoroff, qu'il était impossible de le faire avec celle du général Golovine. On ne saurait prendre au sérieux la première; on ne pouvait trouver l'autre assez honorable pour ne pas tenir à s'en isoler.

(Переводъ). Держусь въ сторонѣ и какъ можно меньше вмѣшиваюсь во все творящееся въ генералъ-губернаторскомъ замкѣ. Пришлось, въ концѣ концовъ, снова оказаться въ той-же роли конституціонной оппозиціи, которую я разыгрывалъ въ 1847 году. Въ самомъ дѣлѣ, съ администраціею кн. Суворова также невозможно себя отождествлять, какъ то было и съ управленіемъ генерала Головина. Нельзя относиться съ почтеніемъ къ первой, а послѣднее не могло не казаться въ такомъ родѣ почтеннымъ, чтобы не стараться отъ него быть подальше.

6-го декабря. Князь Суворовъ продолжаетъ писать невѣроподобныя четырехстраничныя посланія къ епископу. Преосвященный отписывается, и тогда вдохновеніе уступаетъ мѣсто какому-то полуребяческому, полувизирскому бѣшенству, коего проявленія, по крайней мѣрѣ, столь-же жалки, сколь они досадны. На-дняхъ, послѣ полученія какого-то отвѣтнаго письмеца отъ его преосвященства, la moutarde est montée au nez du cousin des Este et des Carignan. Выходя со мною изъ церкви, онъ остановился въ комнатѣ,

прилегающей къ казенной палатѣ, и почти во всеуслышаніе собранныхъ тамъ чиновниковъ съ четверть часа подъ-рядъ обзывалъ епископа эпитетами, вспоминалъ о его темномъ происхожденіи и о своей княжеской мантіи и т. п.,—потомъ поручилъ мнѣ написать отзывъ его преосвященству по другой бумагѣ, и когда этотъ отвѣтъ, черезъ два дня, произвелъ желанное дѣйствіе, т. е. что епископъ на него не нашелъ удобнымъ возражать, тогда княжеская мантія помирилась съ панагіей. Оба (по выраженію Васильева) поплакали вмѣстѣ и князь написалъ мнѣ, qu'il était enchanté d'avoir fait la paix avec l'evêque, parcequ'il aimait cet „excellent homme" (sic)!

Здѣсь, между прочимъ, можно-бы замѣтить, что лихорадочныя сношенія съ княземъ нѣсколько сбиваютъ съ панталыку и того „добрѣйшаго человѣка", котораго онъ любитъ. Наше духовенс т вообще не гораздо на счетъ гражданской премудрости. Такимъ образомъ чувство состраданія епископа къ православнымъ крестьянамъ, лишающимся своихъ усадьбъ въ частныхъ имѣніяхъ, выразилось предложеніемъ поселять ихъ на казенныхъ земляхъ, „въ жилищахъ изъ глины или земли", т. е. въ родѣ египетскихъ феллаховъ, или-же размѣщать ихъ въ арендаторскихъ домахъ, т. е. en forme de phalanstères agricoles.

1855 г.

Митава, 29-го апрѣля. Съ января 1850 года я прекратилъ бѣглыя замѣтки о мѣстныхъ дѣлахъ. Промолчавъ пять лѣтъ и снова принимаясь за перо, я начинаю съ вопроса: случилось-ли у насъ, въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, многое, о чемъ впослѣдствіи желательно было-бы имѣть въ виду точное, современное повѣствованіе? Конечно, случилось, но болѣе внѣ Балтійскаго края, нежели въ немъ. Здѣсь монотонно продолжались лихорадочныя непослѣдовательности кн. Суворова, война съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, преувеличеніе малыхъ мѣстныхъ вопросовъ и пренебреженіе важнѣйшими. Въ настоящій моментъ министерство на второмъ планѣ, епископъ или архіепископъ на тридевятомъ, раскольники будто исчезли съ горизонта, крестьянскія дѣла переданы Тидебелю, т. е. ихъ даже и подъ горизонтомъ не сыщешь. На первомъ планѣ современные военные вопросы, слегка озаряемые или оттѣняемые цитадельнымъ солнцемъ или цитадельными облаками. Не счастливится князю. Генералъ Сиверсъ, съ тяжестью подсемидесятаго возраста, начальникъ штаба его, съ прыткостью

молодости, посажены князю на голову. Онъ въ постоянной борьбѣ съ неотразимымъ фактомъ своей подчиненности. Его поддерживаютъ, раззадариваютъ, ему подсказываютъ и пересказываютъ, за него пишутъ и будто-бы мыслятъ: гг. Ивановъ и Клочковъ. По инструментамъ работа. По художнику инструменты.

Сегодня получено съ фельдъегеромъ объявленіе о новомъ рекрутскомъ наборѣ, по 12 съ тысячи.

Вчера я получилъ самый дружескій отвѣтъ отъ Скарятина (В. Я.). Желаю продолжать эту переписку. Годы постепенно налегаютъ на мою голову; охотно подаю руку сверстникамъ, съ которыми вмѣстѣ былъ молодъ и вмѣстѣ старѣю. Кромѣ того, въ наше время вообще подобаетъ подавать голосъ другъ другу, изъ края въ край Россіи, дабы предугадать, что̀ намъ готовитъ будущность.

9-го мая. Вчера полученъ указъ правительствующаго сената объ измѣненіи формы мундировъ гражданскаго вѣдомства. Недавно гр. Толстой (Дмитрій Николаевичъ) писалъ мнѣ: „наши новости ограничиваются пока перемѣною одежды (военной); ждемъ чего-нибудь и еще“. Это „еще“ пока также ограничивается одеждою. Добро-бы къ лучшему, но однобортные писарскіе полукафтаны едва-ли кому придутся по вкусу.

Видѣлъ сегодня ген.-адъют. графа Палена. Онъ ѣдетъ въ Дрезденъ пить карлсбадскую воду. До Карлсбада онъ не доѣдетъ, чтобы не коснуться австрійской земли.

Вчера былъ день рожденія генерала Тотлебена, митавскаго уроженца. Объ этомъ какъ-то узнали и по подпискѣ устроили въ честь ему обѣдъ въ клубѣ. Послѣ обѣда всѣми присутствовавшими, въ томъ числѣ и мною, подписано поздравительное письмо къ нему, вслѣдъ затѣмъ отправленное въ Севастополь.

26-го мая. Не пишется. Я боленъ Севастополемъ. Лихорадочно думаю съ вечера о предстоящемъ на слѣдующее утро приходѣ почты. Лихорадочно ожидаю утромъ принесенія газетъ. Иду на встрѣчу тому, кто ихъ несетъ въ мой кабинетъ. Стараюсь получать ихъ на перепутьи, въ моей уборной, чтобы пробѣжать ихъ безъ свидѣтелей, чтобы тѣ лица, которыя въ это время обыкновенно бываютъ въ моемъ кабинетѣ, того не замѣтили и мнѣ не помѣшали встрѣтиться, такъ сказать, наединѣ съ вѣстью изъ края, куда постоянно стремится, гдѣ на половину живетъ моя мысль. Развертываю „Neue Preussische Zeitung“, гдѣ могу найти новѣйшія телеграфическія извѣстія. Съ жадною торопливостью пробѣгаю роковую страницу. Ничего! Если-же есть что-нибудь, то не на радость! Такъ проходятъ дни за днями! Истинной жизни у меня полминуты

въ день. Остальное время я ожидаю этой полминуты или о ней думаю. Ко всему другому, кромѣ молитвы, у меня сердце черствѣетъ. Всему другому хочется сказать: теперь не время [1])!

Три дня тому назадъ, я былъ въ Ригѣ, куда меня вызвали въ засѣданіе особаго комитета, обсуживавшаго вопросъ о поставкѣ подводъ на случай чрезвычайнаго передвиженія войскъ. Предсѣдательствовалъ кн. Суворовъ. Участвовали въ совѣщаніи гр. Гейденъ, лифляндскій губернаторъ, тамошній представитель дворянства, ландратъ Лиліенфельдъ, управляющій палатою государств. имуществъ—другой Лиліенфельдъ, Массоніусъ и еще кое-кто. Толку не много.

5-е іюня. Въ томъ-же номерѣ „Инвалида“, гдѣ рѣчь о кровопролитномъ дѣлѣ подъ Севастополемъ, стоившемъ намъ трехъ редутовъ и 2,500 человѣкъ, называется „дѣломъ“ забраніе въ плѣнъ экипажа англійской лодки. Генералъ Бергъ, сочинитель о томъ донесенія, говоритъ, что „непріятель положилъ оружіе“, а ихъ всего было 15 человѣкъ, и что онъ „защищался слабо“, а изъ 15-ти убито 5 и ранено 4.

Сегодня, въ церкви, священникъ Клястицкаго гусарскаго полка, служившій обѣдню, сказалъ Реннгартену, подошедшему ко кресту безъ снятія перчатки съ правой руки: „Что ты, болванъ, молишься перчаткой?“—Нечего сказать, пастырскій и евангельскій упрекъ. И можно-ли „молиться“ перчаткой или съ перчаткой, или въ перчаткахъ? Креститься развѣ, а молиться можно только духомъ, которому нѣтъ дѣла до перчатокъ.

9-го іюня. Вчера, въ 3 часа утра, меня разбудили для принятія конверта отъ фельдъегеря. Въ конвертѣ было росписаніе рекрутъ по нынѣшнему набору. Съ этими бумагами этотъ фельдъегерь посланъ въ нѣсколько губерній и вездѣ будитъ губернаторовъ или ихъ правителей канцелярій. Отчего подобныхъ обрядныхъ сообщеній не посылать просто по почтѣ. Для чего тратить деньги, утомлять человѣка, загонять лошадей на дорогѣ, не только безъ нужды и пользы, но даже и безъ всякаго разсудительнаго къ тому предлога?

Сегодня получено оффиціальное извѣстіе объ оставленіи нами Анапы. Странно. Зачѣмъ теперь, зачѣмъ не прежде, или вообще зачѣмъ? Въ реляціи сказано, что мѣра принята ген. Хомутовымъ послѣ совѣта, т. е. по опредѣленію собраннаго имъ военнаго совѣта. Что-нибудь да не такъ, какъ должно было быть. Или мы не имѣли

---

[1]) Этими-же строками начинается П. А. Валуевымъ написанная въ 1855 г. „Дума Русскаго“ (см. въ концѣ его „Дневника“).

провіанта и военныхъ запасовъ, и тогда почему не имѣли? Или вообще Анапа была развалившеюся крѣпостью, и тогда зачѣмъ ее запустили? Или заранѣе не было принято въ соображеніе надлежащихъ, весьма вѣроятныхъ, éventualités, и тогда отчего не было принято? Или, наконецъ, мы испугались англо-французскаго флота и упали духомъ, а это всего хуже.

Теперь всѣ непріятельскія экспедиціонныя силы преспокойно могутъ вернуться въ Крымъ или быть брошены въ Азію.

15-го іюня (среда). Въ прошлое воскресенье получено здѣсь извѣстіе объ отбитіи штурма, предпринятаго союзниками въ годовщину Ватерлооскаго сраженія (6 — 18-го). Первая утѣшительная вѣсть послѣ столь долгаго ожиданія и послѣ столькихъ прискорбныхъ вѣстей.

Вчера были здѣсь гр. Гейденъ и кн. Суворовъ. Первый привезъ мнѣ записку о мѣрахъ къ поставкѣ подводъ и т. п., на случай высадки непріятеля въ западной Курляндіи. Ген. Сиверсъ боленъ, и слабъ, и старъ. Гр. Гейденъ командуетъ. И*** его правая рука. Молодъ командиръ; его рука еще моложе.

Кн. Суворовъ—прежній кн. Суворовъ. Впрочемъ, вчера онъ былъ въ духѣ. Изъ сообщеннаго имъ мнѣ письма ген.-адъютанта Ливена видно, что князь подъ рукою все хлопочетъ о возстановленіи его независимаго командирства въ Лифляндіи, и что „на случай выступленія ген. Сиверса“ Ливенъ обѣщался „поговорить съ кн. Долгоруковымъ“.

...Прискорбно. Многое въ послѣднихъ событіяхъ и внутреннемъ бытѣ нашемъ напоминаетъ конецъ царствованія Людовика XIV во Франціи.

Ливенъ говоритъ объ Анапѣ: je crois que Хомутовъ s'est trop pressé de l'évacuer, но не присовокупляетъ никакого объясненія. О крымской арміи онъ говоритъ: „Горчаковъ va être renforcé par Luders et alors j'espère qu'il pourra se soutenir“. Все это такъ вяло, неопредѣлительно, какъ-то малодушно. Далѣе Ливенъ говоритъ мелодраматически: „cela ne suffit pas; il faut chasser l'ennemi qui ose fouler le sol sacré de notre patrie. Pour cela il faut de nouveaux efforts, et on s'y prépare“. Ah! l'on s'y prépare! A la bonne heure. Il y a tantôt 9 mois que cela dure.

25-го августа. Дѣло 4-го числа и депеша кн. Горчакова „вѣрки наши страдаютъ“, показываютъ comment on s'y préparait.

Министръ внутр. дѣлъ Бибиковъ уволенъ, т. е. отставленъ, 20-го числа, т. е. на другой день по окончаніи 6-ти мѣсячнаго траура по покойномъ государѣ. Его преемникомъ, говорятъ, назна-

ченъ Ланской. Объ этомъ выборѣ ничего не скажу. Я Ланскаго зналъ только въ тѣ годы, когда я не могъ оцѣнивать людей. Но помню, что ему теперь должно быть подъ 70 лѣтъ. Богаты мы кандидатами въ министры. Кромѣ Ланскаго, временно уже управлявшаго министерствомъ, никого и на мысль не приходитъ.

21-го августа. Ancien dicton français, du temps d'Henri IV:

Lever à six, dîner à dix,
Souper à six, coucher à dix,
Fait vivre l'homme dix fois dix.

Въ августовской книжкѣ „Библіотеки для чтенія“ послѣдній стихъ переведенъ: „вдесятеро болѣе обыкновеннаго!“ Отсюда получается непредвидѣнный выводъ, что нормальная продолжительность человѣческой жизни—10 лѣтъ, или-же еще болѣе неожиданный выводъ, что при регулярномъ образѣ жизни человѣкъ можетъ достичь трехсотлѣтняго возраста (полагая „обыкновенную“, т. е. среднюю продолжительность жизни въ 30 лѣтъ).

30 августа. Сегодня получено по телеграфу извѣстіе, что мы оставили Севастополь, послѣ убійственнаго бомбардированія и нѣсколькихъ отбитыхъ приступовъ. Изъ одного только Корнилова бастіона не могли выбить непріятеля. Итакъ свершилось то, что ради славы Россіи не должно было свершиться. Кровь Корнилова, Истомина, Нахимова и тысячи тысячъ другихъ не спасло Севастополя. Неужели вся эта кровь пролилась всуе?

2 сентября. Сегодня прочелъ въ „Инвалидѣ“ „Приказъ Россійскимъ арміямъ“, по случаю паденія Севастополя. Этотъ приказъ огорчилъ меня почти столько же, сколько самый поводъ къ его изданію. Если не умѣли (составить) ничего лучшаго, если (это) нашли достаточнымъ и удачнымъ, то надежды передъ нами немного. Холодно, вяло, пусто, сѣро какъ зимній день въ Петербургѣ, безъ солнца, но за то при казенныхъ фонаряхъ.

4 сентября. Поѣздка Государя въ Варшаву и пріѣздъ оттуда сюда—отмѣнены. Государь ѣдетъ въ Николаевъ. Объ этомъ сегодня получено секретное извѣстіе. Слава Богу.

Петръ Александр. Валуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

министръ народнаго просвѣщенія.

Посмертныя Записки бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа

Петра Дмитріевича Шестакова

1866—1880.

III [1]).

Объѣхавъ учебные округи и познакомившись на мѣстѣ съ ходомъ дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ, графъ Д. А. Толстой предпринялъ преобразованіе гимназій и прогимназій и установленіе системы образованія инородцевъ.

Послѣднее дѣло было совершенно новое. До министерства графа мы заявляли о необходимости обратить вниманіе на образованіе инородцевъ, въ 1865 году, въ отчетѣ, который былъ напечатанъ по распоряженію А. В. Головнина и представленъ имъ Государю Императору. Но наше заявленіе осталось безъ послѣдствій, вѣроятно потому, что А. В. Головнинъ вскорѣ сошелъ со своего поста. Дѣло образованія инородцевъ весьма заинтересовало графа Д. А. Толстаго еще въ Казани и онъ принялся за него энергично. Приведемъ касающееся этого дѣла собственноручное

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 387—405.

письмо къ намъ министра отъ 9 іюня 1869 года изъ Рязанской его деревни Лѣсищъ:

„Въ началѣ зимы, писалъ графъ, будетъ разсматриваться въ совѣтѣ М-ва Н. Пр. вопросъ объ образованіи инородцевъ, и я предполагаю просить васъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ этомъ засѣданіи. Потому потрудитесь прочитать со вниманіемъ „Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ". Конечно, все тамъ напечатанное вамъ уже извѣстно, но при чтеніи сего въ совокупности являются новыя мысли — возникаютъ новые вопросы.

„Ничего не предрѣшая, я не могъ однако же не составить себѣ нѣкоторыхъ убѣжденій по этому важному дѣлу. Такъ, по моему, прежде всего, и по возможности безотлагательно слѣдовало бы подготовить учителей изъ самихъ инородцевъ, и для того, не теряя времени, учредить инородческія учительскія школы, для каждаго инородческаго племени, именно: для 1) татаръ, 2) башкировъ, 3) чувашей, 4) черемисовъ, 5) мордвы и 6) вотяковъ.

„Поэтому позвольте просить васъ теперь же заняться бо́льшимъ развитіемъ проекта устройства инородческихъ учительскихъ школъ, исчислить ихъ стоимость, имѣя въ виду, что онѣ должны содержаться на счетъ правительства, и придумать мѣры для надежнаго привлеченія въ нихъ учащихся.

„Въ этихъ видахъ нельзя-ли привлечь на службу въ вѣдомство М-ва Н. Пр. по Черемисскимъ училищамъ священника Рождественскаго и черемиса Тита Игнатьева изъ деревни Ильпетъ (недалеко отъ Елабуги).

„По моему мнѣнію, слѣдуетъ прекратить отпускъ 12.000 р. изъ башкирскихъ суммъ на обученіе башкирскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а употребить тѣ деньги частію на содержаніе башкирской учительской школы, частію на вознагражденіе учителей русскаго языка въ башкирскихъ школахъ. Потрудитесь составить подробное по этому предмету соображеніе и, для выиграніа времени, сдѣлайте сношеніе съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

„Очень было-бы полезно, если-бы вы привезли съ собою въ Петербургъ предположеніе: въ какихъ главныхъ пунктахъ слѣдуетъ завести въ началѣ инородческія школы и во что обойдется содержаніе каждой со смѣною для дѣвочекъ. Я предполагаю отнести содержаніе этихъ школъ на счетъ казны.

„Помнится мнѣ, что въ вашемъ округѣ составлялись карты разселенія инородческихъ племенъ. Если я не ошибаюсь и если эта карта существуетъ, то захватите ее съ собой. Необходимы также статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ. Въ ожиданіи имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Петербургѣ въ началѣ зимы, остаюсь навсегда искренно преданнымъ слугою".

Это письмо, представляющее чуть не полный планъ дѣйствій по инородческому образованію, свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности графа Димитрія Андреевича, какъ министра: онъ не забывалъ о дѣлахъ даже и тогда, когда отдыхалъ въ деревнѣ послѣ многосложныхъ своихъ трудовъ по управленію двумя весьма важными вѣдомствами народнаго просвѣщенія и духовнымъ.

Въ эпоху преобразованія по этимъ двумъ вѣдомствамъ энергическій министръ, ежегодно объѣзжавшій одинъ изъ учебныхъ округовъ и употреблявшій на каждый объѣздъ отъ $1^1/_2$ до 2 мѣсяцевъ, находилъ время писать длинныя собственноручныя многосодержательныя письма по служебнымъ дѣламъ и не оставлялъ при этомъ занятій учено-литературныхъ, такъ что онъ, по справедливости, можетъ служить образцомъ трудовой умственной дѣятельности, а здоровья былъ онъ слабаго и, смотря на его блѣдное, изнуренное лицо, утомленные, задумчивые, лишь по временамъ оживлявшіеся глаза, на его худобу и миньятюрность, никакъ нельзя было ожидать такой твердости и устойчивости въ планахъ, такой желѣзной усидчивости въ работѣ, такой энергіи во всей дѣятельности. Онъ самъ дѣлалъ все быстро, на столахъ его кабинета рѣдко увидишь бывало бумаги, все очищалось своевременно; такую же быстроту любилъ онъ и въ своихъ сослуживцахъ. Получивъ письмо отъ 9 іюня, мы принялись за составленіе записки по инородческому дѣлу и работали до самаго нашего вызова въ Петербургъ. Плодомъ той работы были напечатанныя, по распоряженію министра, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, „соображенія о системѣ образованія инородцевъ, обитающихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа". Тутъ были приложены собранныя нами прежде статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ и изготовленныя карты ихъ разселенія по нѣкоторымъ губерніямъ.

2 февраля 1870 года состоялось засѣданіе совѣта министра народнаго просвѣщенія по этому вопросу. На этомъ совѣтѣ

присутствовали и попечители Казанскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ.

Протоколомъ этого засѣданія опредѣлены и указаны были главныя мѣры для инородческаго образованія и принята система первоначальнаго образованія инородцевъ при помощи ихъ роднаго языка и начальныхъ учебниковъ на этомъ языкѣ и при учителяхъ-единоплеменникахъ.

Засѣданіе длилось съ 7 часовъ вечера до 12 часовъ.

Къ этому времени относится эпизодъ, характеризующій какъ образцовую внимательность графа Д. А. Толстаго къ сослуживцамъ, такъ и близость и довѣріе, которыми онъ пользовался у императора.

По возвращеніи нашемъ изъ Петербурга послѣ разсмотрѣнія вопроса объ образованіи инородцевъ, мы черезъ мѣсяцъ получили отъ министра увѣдомленіе о всемилостивѣйшемъ назначеніи намъ добавочнаго содержанія по 1800 рублей въ годъ. На это увѣдомленіе 18 марта 1870 года мы отвѣчали графу частнымъ письмомъ, въ которомъ, поблагодаривъ его за исходатайствованіе монаршей милости, мы писали:

„При этомъ почитаю долгомъ донести в. с., что къ великому моему удовольствію разладъ въ средѣ университетской корпораціи видимо стихаетъ, и я надѣюсь все мало по-малу придетъ въ спокойное положеніе.

Студенты, какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться, ведутъ себя по прежнему хорошо, по прежнему усердно посѣщаютъ лекціи, внимательно слушаютъ профессоровъ и съ полнымъ уваженіемъ относятся къ начальству. Я невыразимо былъ бы счастливъ, если бы нашъ Всемилостивѣйшій Государь Императоръ соизволилъ убѣдиться, что въ Казанскомъ университетѣ нѣтъ людей, солидарныхъ съ распространителями прокламацій, что юношество, воспитывающееся въ Казанскомъ учебномъ округѣ, преисполнено горячей преданности къ тому, котораго вся жизнь посвящена благу Россіи.

Въ продолженіе Великаго поста я посѣтилъ нѣсколько разъ университетъ и позондировалъ профессоровъ и студентовъ, и произвелъ подробный осмотръ обѣихъ Казанскихъ мужскихъ гимназій, гимназіи женской и уѣзднаго училища; о результатахъ моего осмотра я буду имѣть честь представить отчетъ.

Въ началѣ мая я предполагаю отправиться по округу и обревизовать учебныя заведенія въ Самарѣ, Оренбургѣ, Уфѣ и Перми, на что потребуется около двухъ мѣсяцевъ. Одно меня останавливаетъ: въ Казани разнесся слухъ, будто бы Государь Императоръ осчастливитъ нашъ городъ посѣщеніемъ къ 15 іюню. Если это справедливо, я полагаю, объ этомъ будетъ дано знать предварительно, такъ чтобы я могъ ко времени прибытія Его Императорскаго Величества возвратиться въ Казань.

Въ августѣ и сентябрѣ я предполагаю осмотрѣть Пензенскія, Саратовскія и Симбирскія учебныя заведенія“.

На это письмо 2 апрѣля я получилъ отъ графа Димитрія Андреевича слѣдующее собственноручное письмо отъ 25 марта 1870 года.

„Я имѣлъ счастіе прочитать его императорскому величеству письмо ко мнѣ в. пр. отъ 18 марта. Государь императоръ изволилъ выслушать его съ удовольствіемъ, а относительно распространившагося въ Казани слуха о прибытіи туда его величества къ 15 іюня сказалъ, что предполагаетъ быть въ Казани въ началѣ августа".

Графъ Д. А. Толстой, какъ мы видѣли, самъ весьма внимательно вдумывался въ вопросы по инородческому образованію; но и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, онъ не увлекался тотчасъ-же своими собственными сложившимися у него взглядами, но желалъ слышать откровенное мнѣніе сотрудниковъ, близкихъ къ этому дѣлу.

28-го января 1872 года графъ собственноручно писалъ намъ:

„Представленіе мое объ учрежденіи инородческихъ учительскихъ семинарій, пройдя черезъ соединенные департаменты законовъ и экономіи, съ незначительными измѣненіями вошло въ общее собраніе государственнаго совѣта. Предсѣдатель совѣта в. кн. Константинъ Николаевичъ имѣлъ со мною по этому предмету объясненіе, при чемъ высказалъ сомнѣніе въ пользѣ учрежденія одной общей учительской семинаріи какъ для русскихъ, такъ и для разныхъ инородцевъ, и выразилъ мысль, что полезнѣе было-бы учредить двѣ отдѣльныя семинаріи: одну для русскихъ по уставу Молодечненской, другую для инородцевъ — христіанъ. Въ подкрѣпленіе этого великій князь указалъ на то, что, напримѣръ, для инородцевъ не нуженъ славянскій языкъ, тогда какъ для русскихъ онъ необходимъ.

„Но главное возраженіе его высочества состоитъ въ томъ, что онъ опасается, что совмѣстное обученіе съ русскими можетъ быть принято инородцами за мѣру стѣснительную, и что они потому неохотно будутъ поступать въ семинаріи. Я объяснялъ его высочеству, что министерство народнаго просвѣщенія намѣренно соединяетъ инородцевъ съ русскими въ видахъ скорѣйшаго обрусѣнія первыхъ и съ этою цѣлію опредѣляетъ такое число учениковъ русскихъ, которое равнялось-бы всѣмъ инородческимъ ученикамъ вмѣстѣ взятымъ. Его высочеству угодно

было поручить мнѣ передать вамъ этотъ разговоръ съ тѣмъ, чтобы вы предложили г-ну Ильминскому написать свое мнѣніе и доставили-бы его ко мнѣ съ вашимъ заключеніемъ для представленія великому князю.

„Съ своей-же стороны я просилъ-бы васъ и г. Ильминскаго нисколько не стѣсняться моимъ представленіемъ и откровенно выразить свои убѣжденія, такъ какъ я имѣю въ виду одну пользу дѣла.

„Для ближайшаго соображенія прилагаю экземпляръ моего представленія".

Къ дѣлу объ образованіи инородцевъ относится и другое собственноручное письмо графа отъ 2 марта 1871 г., могущее служить доказательствомъ заботъ графа о привлеченіи къ этому дѣлу лицъ знающихъ и опытныхъ. Вотъ это письмо: „Познакомившись съ г. Радловымъ, я пришелъ къ убѣжденію, что онъ былъ-бы весьма полезенъ для татарскихъ школъ и что потому весьма желательно пріобрѣсть его для Казани. Но университетъ его не выбралъ, на лекторство-же нѣмецкаго языка съ 1 т. р. содержанія онъ не соглашается, потому что нуждается въ двухъ тысячахъ. Не придумаете-ли какимъ образомъ можно было-бы его пристроить. Если нѣтъ свободнаго подходящаго для него мѣста, то я готовъ ходатайствовать о созданіи для него новой должности, только чтобы не потерять его для казанскаго учебнаго округа. Не сдѣлать-ли его помощникомъ инспектора татарскихъ школъ? Предоставляю вамъ самимъ рѣшить, въ какой формѣ можно это устроить, моя цѣль одна—удержать его при занятіи татарскими нарѣчіями и извлечь пользу изъ его знаній для образованія инородцевъ. Я знаю, что вы раздѣляете мой взглядъ о пріобрѣтеніи такого ученаго для вашего округа, почему и увѣренъ, что не откажетесь указать мнѣ, какимъ образомъ это можно сдѣлать. Если способъ исполненія будетъ пріисканъ, то потрудитесь войти ко мнѣ съ оффиціальнымъ представленіемъ".

Вслѣдствіе этого письма создана была новая должность инспектора татарскихъ башкирскихъ и киргизскихъ школъ съ окладомъ въ 2 т. рублей, на которую и назначенъ В. В. Радловъ, нынѣ ординарный академикъ академіи наукъ, избранный академикомъ въ президентство графа Д. А. Толстаго. Кромѣ должности, которую занялъ г. Радловъ, открыта была еще одна новая должность

инспектора чувашскихъ школъ, тоже съ тою цѣлію, чтобы пріобрѣсти для инородческаго дѣла знатока чувашскаго языка Н. И. Золотницкаго. Теперь эту должность (сент. 1889 г.) занимаетъ, назначенный по нашему представленію послѣ Золотницкаго, окончившій курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета природный чувашинъ И. Я. Яковлевъ, безгранично преданный дѣлу просвѣщенія своихъ единоплеменниковъ.

Для образованія инородцевъ графомъ Д. А. Толстымъ сдѣлано очень много: упрочено положеніе центральной крещено-татарской школы постройкой дома съ церковью и назначеніемъ ежегодной суммы на содержаніе; учреждена въ Казани русско-инородческая учительская семинарія, для которой построенъ большой домъ съ домовою церковью на историческомъ мѣстѣ, гдѣ существовали въ былое время новокрещенскія школы; открыты въ Уфѣ и Казани татарскія учительскія школы для образованія учителей русскаго языка для магометанскихъ училищъ; въ Симбирскѣ учреждена и обезпечена домомъ и содержаніемъ центральная чувашская школа; созданы должности инспекторовъ татарскихъ школъ въ Казани и Оренбургѣ и инспектора чувашскихъ школъ казанскаго учебнаго округа; устроены многочисленныя школы для инородцевъ христіанъ, школы для инородцевъ магометанъ съ русскимъ языкомъ. При немъ и подъ его покровительствомъ инородцы-христіане услышали богослуженіе на родныхъ языкахъ.

Чуть-ли не въ то-же самое время, когда разрѣшился вопросъ объ образованіи инородцевъ, дѣйствовала въ Петербургѣ комиссія для распредѣленія учебныхъ занятій въ гимназіяхъ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ П. М. Леонтьева. Министру угодно было частнымъ образомъ спросить нашего мнѣнія по этому вопросу.

Мы назначили въ представленномъ нами распредѣленіи нѣсколько увеличенное противъ Уваровскихъ гимназій число часовъ для древнихъ языковъ, такое, которое, по нашему убѣжденію, совершенно достаточно для усвоенія этихъ языковъ при надлежащемъ правильномъ преподаваніи и при хорошо подготовленныхъ преподавателяхъ, и которое составляло достаточное число уроковъ и для русскаго языка, и для исторіи и давало ученикамъ

возможность, при четырехъ ежедневныхъ часовыхъ урокахъ, заниматься двумя новыми языками.

Но наше распредѣленіе, конечно, не было принято,— взяло верхъ мнѣніе П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова,—и древнимъ языкамъ въ новомъ уставѣ гимназій отведено такое значительное число уроковъ, что другіе предметы, особенно русскій языкъ и исторія, должны были пострадать, а занятіе двумя новыми языками сдѣлалось для учащихся физически невозможнымъ.

30-го іюля 1871 года высочайше утвержденъ уставъ гимназій и прогимназій, внесшій въ нихъ исключительное преобладаніе древнихъ языковъ и давшій доступъ въ университетъ только ученикамъ, окончившимъ курсъ гимназій съ аттестатомъ зрѣлости. За уставомъ послѣдовали министерскія предписанія и разъясненія, правила объ экзаменахъ, давшія рѣшающее значеніе письменнымъ отвѣтамъ на испытаніяхъ зрѣлости, изъ древнихъ языковъ письменные отвѣты состояли въ переводахъ на латинскій и греческій даннаго русскаго текста, вслѣдствіе чего ученики должны были исполнять весьма много письменныхъ работъ въ продолженіе года, особенно въ высшихъ классахъ; заведено задаваніе вакаціонныхъ работъ; вслѣдствіе экзаменныхъ требованій на изученіе грамматики древнихъ языковъ и переводы съ русскаго обращено большое вниманіе. Все вмѣстѣ представляло не мало затрудненій, усиливавшихся тѣмъ, что для такой высокой постановки древнихъ языковъ учителя были далеко не подготовлены, а приглашаемымъ въ преподаватели славянамъ важнымъ препятствіемъ для успѣховъ преподаванія служило плохое знаніе ими русскаго языка.

Во всѣхъ мѣрахъ по установленію учебнаго порядка въ гимназіяхъ сильно проглядывала рука Леонтьева и Каткова; но и М. Н. Катковъ въ послѣдніе годы былъ противъ излишествъ, допущенныхъ въ проведеніи классической системы. („Русскій Вѣстникъ", іюль 1889 года, стр. 325).

Мы убѣждены, что графъ Д. А. Толстой при своемъ всестороннемъ развитіи, при своемъ глубокомъ прозорливомъ умѣ, не допустилъ-бы этихъ излишествъ, если-бы самъ прошелъ классическую школу, если-бы самъ на себѣ испыталъ какимъ путемъ можно достигнуть достаточнаго знакомства съ древнимъ міромъ и его образцами, изученіе которыхъ, по его собственнымъ словамъ,

болѣе всего способствуетъ развитію всего человѣка. Всѣмъ извѣстно обратившееся въ поговорку изреченіе Овидія: medio tutissimus ibis (Metamorph.); но какъ было графу найти эту среднюю дорогу, по которой идти всего безопаснѣе, когда собственнаго опыта не было, а такой знатокъ классическаго міра, какъ Б. М. Леонтьевъ, указывалъ ему иной путь, къ которому вело и изученіе уставовъ, учебныхъ плановъ и всевозможныхъ регламентовъ иностранныхъ гимназій.

Графъ ревниво охранялъ неприкосновенность проведеннаго имъ устава гимназій и слѣдилъ, чтобы классическая система устанавливалась крѣпко, чтобы не было никакихъ послабленій при ея осуществленіи. Когда въ ноябрѣ 1873 года мы пріѣхали по дѣламъ службы въ Петербургъ, директоръ департамента предупредилъ насъ въ такихъ словахъ: „графъ Димитрій Андреевичъ имѣетъ противъ васъ зубокъ за то, что изъ гимназій вашего округа выпущено много съ аттестатомъ зрѣлости: онъ приписываетъ это излишнему снисхожденію, такъ какъ изъ гимназій другихъ округовъ выпущено гораздо менѣе, а изъ одной даже ни одного не выпущено“.

На другой день мы видѣлись съ министромъ. Графъ, разспросивъ о гимназіяхъ, сказалъ: „А я имѣю противъ васъ зубокъ: за большой выпускъ изъ вашихъ гимназій съ аттестатами зрѣлости“.

Мы отвѣтили, что слышали объ этомъ вчера отъ директора департамента, и отвѣтили ему, что мы были увѣрены въ противномъ, что графъ скажетъ намъ за это большое спасибо, такъ какъ плохую услугу оказываютъ классической системѣ тѣ начальники учебныхъ заведеній, которые теперь-же, на первыхъ порахъ, съ аттестатомъ зрѣлости выпускаютъ одного или двухъ или даже никого не выпускаютъ.

Этимъ возбуждается лишь ненависть къ классицизму. „Это правда, замѣтилъ графъ, но я полагалъ, не было-ли послабленій у васъ“. Послабленій не было, отвѣчали мы. Но мы требовали отъ учениковъ лишь того, что̀ имъ давалось, требовать бо́льшаго считали несправедливостью: мы обязаны были обратить вниманіе на то, что новый уставъ существуетъ только два академическихъ года и потому на теперешнее testimonium maturitatis нельзя смотрѣть какъ на истинное. Теперь мы выпускаемъ еще менѣе,

чѣмъ въ половину зрѣлыхъ, такихъ, которые латинскому языку учились въ 5 классахъ не по 6-ти, а по 4 урока въ недѣлю, а греческому и совсѣмъ не научились.

— „Да, это вѣрно, сказалъ графъ, я съ вами совершенно согласенъ“, а все-же прибавилъ: „пожалуйста, наблюдайте, чтобъ никакихъ послабленій и впредь не было“.

Особенно налегъ М. Н. Катковъ на университетскій уставъ 1863 года. Отъ этого устава подъ управленіемъ „самодержавной профессорской коллегіи“, по его мнѣнію, происходили всѣ университетскія нестроенія, имъ вызывались студенческія увлеченія молодежи нигилизмомъ, соціализмомъ и т. п.

Въ дѣйствіяхъ М. Н. Каткова противъ университетовъ проглядывало, видимо, личное раздраженіе. Онъ не могъ забыть того оскорбленія, которое, по его мнѣнію, нанесено было его другу, Леонтьеву, Московскимъ университетомъ. Но справедливость требуетъ сказать, что П. М. Леонтьевъ, безспорно выдающійся знатокъ латинскаго языка и римской литературы и древностей, безспорно былъ замѣчательнымъ профессоромъ до тѣхъ поръ, пока не окунулся весь въ завѣдываніе хозяйственною частью „Московскихъ Вѣдомостей“ и типографіи Каткова и К°. Съ тѣхъ поръ университетъ и занятія наукою отошли для него на дальній планъ. Друзья его соболѣзновали и неоднократно приступали къ нему съ просьбами оставить „Вѣдомости“ и типографію и возвратиться къ университету и наукѣ. Но тщетно. Понятно, что профессорская корпорація не могла и не должна была отнестись къ такому отчужденію отъ университета равнодушно. Въ дѣлѣ П. М. Леонтьева не университетъ и профессора, а самъ онъ былъ виноватъ, и стоять за него въ этомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе возводить изъ-за него всевозможныя нареканія не только на Московскій, но и на другіе университеты было-бы явною несправедливостью.

Подъ напоромъ вліятельнаго публициста, при нерѣдко повторявшемся разладѣ профессоровъ въ различныхъ университетахъ, университетскому уставу 1863 года предстояло измѣненіе, о которомъ и сталъ хлопотать графъ Д. А. Толстой. По вопросу о преобразованіи университетовъ затребованы были мнѣнія попечителей.

Мы, 30-го ноября 1875 г., послали министру довольно по-

дробную записку, и въ отвѣтъ скоро получили телеграмму: „Можно-ли напечатать ваше мнѣніе въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія?“ Мы отвѣтили утвердительно, но записка наша не была напечатана, полагаемъ потому, что наше мнѣніе допускало лишь поправки и видоизмѣненія въ уставѣ 1863 г., но не коренную ломку. Понятно, что такое умѣренное мнѣніе не могло найти благоволенія у лицъ, желавшихъ радикальнаго измѣненія университетскаго устава, сокрушенія всѣхъ корпоративныхъ привилегій профессорской коллегіи.

Графъ Д. А. Толстой, какъ видно изъ его телеграммы, не принадлежалъ къ этимъ лицамъ, иначе онъ не изъявлялъ-бы желанія напечатать наше мнѣніе, иначе онъ не поддерживалъ-бы выборнаго начала въ духовныхъ академіяхъ. Но и тутъ, какъ и въ дѣлѣ преобразованія гимназій, вѣроятно, взяло верхъ мнѣніе Каткова и Леонтьева, какъ спеціалистовъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ университетовъ. Впрочемъ, университетскій уставъ, какъ извѣстно, не успѣлъ подвергнуться измѣненію въ министерство графа Д. А. Толстаго.

Составлена была комиссія для изслѣдованія положенія нашихъ университетовъ и собранія матеріаловъ.

Комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта гр. И. Д. Делянова, посѣтила всѣ университетскіе города, лично спрашивала каждаго профессора отдѣльно, дѣлала словесные вопросы и попечителю округа, посѣтила и университетскія аудиторіи, между дѣломъ отбиранія, записыванія и составленія свода устныхъ показаній. Составили сводъ. Собралась опять подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова новая комиссія изъ членовъ совѣта министра и ректоровъ университета, составила проектъ университетскаго устава, но этому проекту не суждено было осуществиться. Утвержденіе новаго университетскаго устава въ особой редакціи, а не въ той, которую выработала комиссія, послѣдовало въ 1884 году, при нынѣшнемъ (1889 г.) министрѣ народнаго просвѣщенія.

Графъ Д. А. Толстой поднялъ вопросъ объ учрежденіи университета въ Сибири, и его предположеніе удостоилось высочайшаго утвержденія, но самый университетъ Томскій открытъ только въ 1888 году. Строго державшійся законности, графъ Д. А. Толстой, пока имѣлъ силу уставъ 1863 года, свято под-

державалъ автономію университетовъ и права профессорской корпораціи. Разъ послѣ извѣстной казанской профессорской исторіи, на вопросъ графа—„какъ избѣжать подобныхъ исторій"—мы высказались лично за предоставленіе попечителямъ права присутствовать въ совѣтѣ университета, когда они найдутъ это полезнымъ. Попечитель, какъ мы думали, будетъ являться въ совѣтъ въ исключительныхъ случаяхъ, когда грозитъ какая-нибудь исторія, какое-нибудь столкновеніе между профессорами. Этимъ присутствіемъ попечителя, по нашему мнѣнію, нисколько не нарушалась-бы автономія совѣта, а только могли-бы предупреждаться злоупотребленія автономіею. На наши доводы графъ отвѣтилъ: —„Нѣтъ, не могу, вы знаете, что по уставу относительно университета я—конституціонный король".

Графъ постоянно съ заботливостью относился къ чести и спокойствію университета, всегда отстаивалъ его интересы.

Особенно въ тяжелую пору 1870-хъ годовъ, когда такъ часты были нареканія на университеты и обвиненія учащейся молодежи въ неблагонадежномъ духѣ и направленіи, графъ всегда готовъ былъ ходатайствовать предъ государемъ, когда дѣло шло объ обѣленіи студентовъ отъ падавшихъ на нихъ несправедливыхъ нареканій.

Такъ, когда въ 1872 г. въ прессѣ появился слухъ, будто между казанскими студентами сохраняется анатомическій атласъ съ собственноручною подписью Каракозова, и когда возмущенные этимъ зло-тенденціознымъ слухомъ студенты просили попечителя о снятіи съ нихъ этого пятна, министръ тотчасъ-же доложилъ государю подробное донесеніе о томъ попечителя округа и государь на докладѣ министра соизволилъ положить такую лестную для студентовъ резолюцію: „желаю вѣрить благороднымъ чувствамъ учащейся молодежи".

Когда, въ эту пору частныхъ арестовъ и обысковъ, былъ сдѣланъ обыскъ у одного изъ профессоровъ казанскаго университета и въ университетскомъ кабинетѣ, состоявшемъ подъ вѣдѣніемъ этого профессора, и когда совѣтъ университета обратился къ попечителю съ ходатайствомъ объ огражденіи достоинства и чести университета и профессоровъ отъ такихъ позорящихъ репутацію дѣйствій, графъ Д. А. Толстой принялъ сердечное участіе

въ ходатайствѣ совѣта и энергично отстаивалъ честь университета и профессора, у котораго сдѣлали обыскъ [1]).

Памятенъ еще случай: высокопоставленное въ губернской администраціи лицо обидѣлось за то, что ректоръ университета обратился къ нему по одному дѣлу письменно, помимо попечителя округа. Губернскій администраторъ, находя, что съ нимъ въ непосредственную служебную переписку имѣетъ право входить одинъ попечитель, а остальныя лица учебнаго вѣдомства должны съ нимъ сноситься только черезъ посредство попечителя, жаловался министру на неумѣстный, по его мнѣнію, поступокъ ректора. Графъ отвѣчалъ ему, что онъ „не находитъ въ данномъ случаѣ никакого нарушенія служебныхъ отношеній, что ректора университетовъ такъ высоко поставлены, что онъ самъ считаетъ за особенную честь вступать съ ними въ непосредственныя письменныя сношенія“.

Графъ Д. А. Толстой съ не меньшимъ вниманіемъ и участіемъ относился къ гимназіямъ и къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, всегда сердечно тревожился, когда получалъ дурныя свѣдѣнія о какомъ-либо учебномъ заведеніи, и тотчасъ-же, иногда собственноручнымъ письмомъ, просилъ обыкновенно попечителя округа удостовѣриться лично на мѣстѣ въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ о неудовлетворительномъ состояніи учебнаго

---

[1]) Приведемъ лично извѣстный намъ фактъ: въ скоромъ времени по учрежденіи въ Петербургѣ отдѣленія „московскаго славянскаго благотворительнаго общества“, предсѣдатель этого отдѣленія, А. Ѳ. Гильфердингъ, внезапно былъ приглашенъ графомъ Д. А. Толстымъ и тотъ сообщилъ ему, что шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ, подозрительно взглянувшій на дѣйствія комитета, испросилъ высочайшее повелѣніе повести точнѣйшіе розыски по этому предмету. Графъ Д. А. Толстой, отлично знавшій высокопатріотическую и во всѣхъ отношеніяхъ благотворную дѣятельность „Славянскаго комитета“, и его петербургскаго отдѣленія, зная о секретномъ порученіи, данномъ графу Шувалову, поспѣшилъ дать совѣтъ А. Ѳ. Гильфердингу безотлагательно составить записку вообще объ основаніяхъ и образѣ дѣйствій помянутаго комитета и отвезти эту записку графу П. А. Шувалову. Записка была мастерски составлена покойнымъ Гильфердингомъ, человѣкомъ обширнаго ума и безпредѣльно преданнымъ славяно-русскому дѣлу, отвезена шефу жандармовъ, доложена съ надлежащими объясненіями и петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета былъ спасенъ, и спасенъ высокодоброжелательнымъ предупрежденіемъ гр. Д. А. Толстаго.

Ред.

заведенія, и всегда крѣпко отстаивалъ своихъ сослуживцевъ и не давалъ никакой посторонней власти въ обиду безвиннаго.

Кому извѣстно, какъ часто падаютъ несправедливыя и совершенно незаслуженныя нареканія на начальниковъ и наставниковъ учебныхъ заведеній, какъ нерѣдко посылаются на нихъ къ попечителю округа и къ министру именныя жалобы и безъименные доносы отъ недовольныхъ, тотъ поймет, какъ важно для служащихъ по педагогической части, чтобы главные начальники не вѣрили слухамъ и доносамъ на слово, провѣряли ихъ тщательно и не допускали, чтобы безвинно страдали педагоги, имѣвшіе несчастіе навлечь неблаговоленіе хотя-бы и лица сильнаго.

Кромѣ устава гимназій и прогимназій графъ Д. А. Толстой провелъ уставъ реальныхъ училищъ, которыя быстро стали открываться съ пособіемъ отъ мѣстныхъ обществъ, а иныя и вполнѣ на городскія или земскія суммы; открыто при немъ 57 реальныхъ училищъ [1]). Всѣ поступавшія на его имя представленія графъ имѣлъ обыкновеніе читать самъ, не смотря на ослабѣвшее зрѣніе. Доказательствомъ служитъ слѣдующее письмо къ намъ тогдашняго директора департамента М. Е. Брадке отъ 8-го ноября 1876 года:

„Графъ Димитрій Андреевичъ, читая постоянно самъ съ большимъ вниманіемъ всѣ входящія бумаги, жаловался мнѣ надняхъ, что ему весьма затруднительно читать поступающія изъ Казани бумаги, такъ какъ онѣ переписаны весьма блѣдными, какъ онъ выразился, бѣлыми, а не черными чернилами, что для его сіятельства составляетъ теперь, при значительно ослабѣвшихъ глазахъ, большое неудобство".

Директоръ департамента спросилъ: „не изволите-ли признать возможнымъ распорядиться по вашей канцеляріи, чтобы бумаги переписывались самаго чернаго цвѣта чернилами". Разумѣется, наша непростительная небрежность была тотчасъ исправлена, и въ письмѣ отъ 13 декабря того-же года директоръ департамента между прочимъ писалъ: „весьма благодаренъ за сдѣланное вами чернильное распоряженіе; графъ выразилъ надняхъ свое удовольствіе, что онъ теперь можетъ читать ваше представленіе безъ затрудненія".

---

[1]) Гимназій при графѣ вновь открыто 20, прогимназій 63. П. Ш.

IV.

Въ началѣ нашего очерка мы передали о первомъ посѣщеніи графомъ Д. А. Толстымъ казанскаго учебнаго округа въ 1866 году, вскорѣ послѣ назначенія его министромъ народнаго просвѣщенія. Въ это посѣщеніе, между прочимъ, было предрѣшено отдѣленіе казанскаго учебнаго округа и образованіе особаго округа.

Тогда графъ былъ еще неопытенъ въ педагогическомъ дѣлѣ, и потому только вслушивался и всматривался, знакомился съ новымъ для него дѣломъ. Съ инымъ характеромъ представляется второе его посѣщеніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній округа въ 1878 году.

Въ бытность нашу въ Петербургѣ въ январѣ 1878 года, графъ сказалъ намъ, что въ маѣ онъ собирается въ Вятку и Сарапуль, но отнюдь не желаетъ быть въ Казани, чтобы не потерять много времени. Поэтому онъ просилъ насъ, въ первыхъ числахъ мая, увѣдомить его телеграммой въ Петербургъ, когда ему выѣхать изъ Москвы, чтобы попасть прямо на вятскій пароходъ въ Нижнемъ или въ Казани, что нами, конечно, въ свое время и сдѣлано.

Съ 18 по 21 мая мы плыли съ графомъ на вятскомъ пароходѣ отъ Казани до Вятки. Это плаваніе было для насъ пріятно, полезно и поучительно. Мы могли въ это время сдѣлать подробный докладъ объ округѣ и получить разрѣшеніе министра на многіе затруднительные вопросы. Теперь мы имѣли уже дѣло съ министромъ опытнымъ, твердо и увѣренно говорящимъ. Эту твердость и увѣренность дали ему его ежегодныя путешествія по Россіи для осмотра учебныхъ заведеній.

Онъ по праву могъ называть себя „всероссійскимъ путешественникомъ“.

Осмотръ учебныхъ округовъ всей Россіи (за исключеніемъ Сибири и Вятки) ознакомилъ министра на дѣлѣ съ ходомъ и положеніемъ учебнаго и воспитательнаго дѣла и его взгляды теперь коренились уже на практикѣ и отличались многосторонностію и крѣпостію. Теперь у него можно было многому поучиться. Вотъ что значитъ дѣлать дѣло, окунуться въ глубь его, смотрѣть своими, а не чужими глазами.

Теперь графъ не говорилъ, какъ въ 1866 году: „я полагаю“, „я думаю“, а болѣе сильное и вѣское: „я видѣлъ это самъ“, „я на дѣлѣ убѣдился“.

Съ такимъ министромъ дѣла, а не фразъ, не только пріятно, но и полезно и поучительно побесѣдовать.

Видно, 18 лѣтъ, въ которыя онъ занималъ министерскій постъ, не прошли для него даромъ: наблюденіе во многихъ учебныхъ заведеніяхъ надъ многими лицами учащими и воспитывающими, сравненіе однихъ съ другими дали ему основательность въ сужденіи и въ оцѣнкѣ педагогической дѣятельности начальниковъ и воспитателей.

На отдаленныхъ пристаняхъ, гдѣ къ министру не являлось никакихъ депутацій, онъ обыкновенно дѣлалъ прогулку; ходить онъ любилъ и большею частію ходилъ пѣшкомъ и въ городахъ, потому что боялся лошадей, и когда ему подавали отличную, приготовленную для него, пару заводскихъ коней, онъ отказывался ѣхать, говоря: „на этакихъ-то звѣряхъ ѣхать, нѣтъ, благодарю покорно, я лучше извозчика возьму или пѣшкомъ дойду“.

Въ Жерновогорскѣ противъ Кукарки, извѣстной торговой слободы Вятской губерніи, графъ получилъ двѣ депеши: одна— важная для всей Россіи, а особенно для Сибири о всемилостивѣйшемъ соизволеніи начать постройку сибирскаго университета въ Томскѣ. Императоръ Александръ II согласился съ мнѣніемъ меньшинства государственнаго совѣта, въ числѣ этого меньшинства былъ, конечно, и графъ Д. А. Толстой. — „Это для меня большая радость, сказалъ онъ, прочитавъ телеграмму и подавая ее намъ. Это историческій моментъ“. Другая телеграмма была важна для Вятской губерніи, преимущественно для города Елабуги, — въ ней министръ извѣщался о послѣдовавшемъ разрѣшеніи на открытіе двухъ первыхъ классовъ елабужскаго реальнаго училища.

21-го мая, послѣ обѣда, мы прибыли въ Вятку. Министръ пробылъ въ Вяткѣ три дня: 22-го, 23-го и 24-го мая 1878 г. 22-го мая графъ посѣтилъ вятскую гимназію, которая въ первый разъ увидѣла въ своихъ стѣнахъ министра народнаго просвѣщенія. Понятно, что не только ученики, но и учителя были нѣсколько смущены, особенно потому, что незадолго передъ тѣмъ на вятскую гимназію былъ сдѣланъ доносъ.

Графъ съ одобреніемъ отозвался объ общей молитвѣ передъ ученіемъ. Онъ присутствовалъ на урокахъ латинскаго языка у трехъ преподавателей, удостовѣрялся самъ, хорошо-ли заучиваютъ ученики слова, просматривалъ тетради, въ которыя они слова записываютъ, и самъ спрашивалъ; послѣ урока въ VII классѣ поручилъ директору Жеренскому привлечь одного ученика, выдававшагося своими отвѣтами, къ поступленію въ лейпцигскую учительскую семинарію. Затѣмъ былъ на урокахъ математики, русскаго языка, греческаго, нѣмецкаго и французскаго, гдѣ замѣчалъ недостатки въ произношеніи. Въ заключеніе этого дня осмотра графъ сказалъ, что ученики вятской гимназіи произвели на него пріятное впечатлѣніе и преподаваніемъ онъ доволенъ.

То-же самое и съ тою-же ласкою министръ высказалъ и въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ онъ слушалъ ариѳметику, русскій языкъ, пѣніе и былъ на урокѣ чистописанія. О штатномъ смотрителѣ Кочкинѣ отозвался съ похвалою. Отчетомъ, поданнымъ ему директоромъ народныхъ училищъ Нурминскимъ, остался весьма доволенъ. Въ тотъ-же день послѣ обѣда мы ходили смотрѣть вятскій соборъ, построенный академикомъ Витбергомъ въ 1839 году. Витбергъ жилъ здѣсь въ ссылкѣ. „Что за грандіозное зданіе этотъ соборъ, замѣтилъ графъ: громадный куполъ его такъ легокъ и строенъ, такъ полно симметріи и цѣльности все зданіе, вокругъ котораго идетъ прекрасная, изящная галлерея, поддерживаемая стрѣльчатыми сводами и прелестными колоннами. Это поистинѣ мастерское художественное произведеніе великаго таланта,—таланта, до подробностей обдумавшаго свой планъ". Изъ собора мы зашли въ училище дѣвицъ духовнаго званія, а оттуда насъ пригласилъ къ себѣ на чай попечитель духовнаго училища Я. А. Прозоровъ, домъ котораго противъ епархіальнаго училища,—домъ прекрасной постройки и роскошно отдѣланный.

Посѣщеніе министромъ Прозорова дало богатые результаты: купецъ Прозоровъ на другой день заявилъ, что онъ, „въ память этого дорогаго и для его правнуковъ посѣщенія", жертвуетъ подъ городское училище домъ, оцѣниваемый имъ въ 31,000 рублей. 23-го мая графъ осматривалъ женскую гимназію и земское училище для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и образованія учителей. Въ женской гимназіи министръ присутствовалъ

на урокахъ математики, физики, русскаго языка, исторіи и ариѳметики, остался доволенъ и начальницей, и учителями, и ученицами. Въ земскомъ училищѣ графъ былъ на экзаменѣ изъ русской словесности, успѣхами остался доволенъ, подробно осмотрѣлъ всѣ хозяйственныя заведенія, кабинеты и мастерскія, отдалъ справедливость значительнымъ затратамъ земства, но на ходатайство о дарованіи училищу правъ рѣшительно отказалъ, признавая училище въ настоящемъ видѣ не цѣлесообразнымъ по его двойной цѣли и по многопредметности, вслѣдствіе того существующей въ училищѣ.

24-го мая графъ присутствовалъ въ мужской гимназіи на урокѣ законоучителя Попова и на экзаменѣ учениковъ VIII класса изъ греческаго и латинскаго. Министръ съ удовольствіемъ выслушалъ прекрасный разсказъ законоучителя о св. Тихонѣ Задонскомъ, о которомъ, по словамъ графа, ему тѣмъ пріятнѣе было слушать, что дядя (дѣдъ?) его, графъ Толстой, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ Тихономъ и даже пожелалъ, чтобы его похоронили подлѣ могилы святителя. Весьма доволенъ былъ графъ познаніями учениковъ VIII класса изъ древнихъ языковъ, троихъ изъ нихъ лучшихъ графъ поздравилъ съ аттестатами зрѣлости, освободивъ ихъ отъ испытанія въ остальныхъ предметахъ.

Этимъ днемъ окончился осмотръ вятскихъ учебныхъ заведеній, учащихся которыхъ министръ отпустилъ на слѣдующій день. 25-го мая мы отправились изъ Вятки на Булычевскомъ пароходѣ въ Сарапуль, куда прибыли 28 числа вечеромъ. Въ Сарапулѣ министръ пробылъ два дня, 29 и 30 мая. 29 мая графъ обозрѣвалъ реальное училище, которое помѣщается въ большомъ домѣ, уступленномъ подъ училище земствомъ, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на краю города, близъ сосновой рощи. Графъ присутствовалъ на урокахъ геометрическаго черченія и землемѣрія, географіи, естественной исторіи, физики, русскаго языка, русской словесности, Закона Божія, нѣмецкаго и французскаго языковъ.

Ему очень понравилось, что на урокѣ физики ученики сами дѣлали опыты; съ похвалою отнесся онъ къ тому, что каждый классный наставникъ велъ кондуитную книгу учениковъ ввѣреннаго ему класса. Преподаваніемъ вообще графъ былъ доволенъ,

объ ученикахъ отозвался, что онъ не замѣтилъ въ нихъ дурнаго нравственнаго направленія, но что „на ихъ внѣшность мало обращалось вниманія; ученики одѣваются и держатъ себя, какъ хотятъ. Бѣдность тутъ не причемъ, потому что есть юноши франтовски одѣтые, но не въ форменныхъ панталонахъ, растегнутые, въ разноцвѣтныхъ жабо. Если ученикъ носитъ цвѣтную рубашку, онъ долженъ ее прятать; ранцевъ очень мало".

При выходѣ изъ училища онъ все-же благодарилъ директора и даже зашелъ къ нему на чашку чаю.

30-го мая министръ посѣтилъ сарапульскую женскую прогимназію, о которой онъ говорилъ намъ еще на пароходѣ такъ: „Въ Сарапульской-то прогимназіи у васъ, я думаю, дѣло идетъ не важно; тамъ у васъ все учительницы, а я, признаюсь, не ожидаю отъ нихъ многаго".

Сарапульская женская прогимназія по осмотрѣ произвела на него очень пріятное впечатлѣніе, не смотря на то, что въ ней преподавали все учительницы. Графъ присутствовалъ на урокахъ ариѳметики, исторіи, географіи, русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, и нашелъ, что преподаваніе ведется разумно, усердно и съ пользою, — успѣхи ученицъ хорошіе.

Дѣвочки одѣты въ формѣ (коричневое платье и бѣлая перелинка и фартукъ), что графу очень понравилось; держатъ себя весьма скромно. Замѣчено министромъ, что есть обыкновеніе ученицъ въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгать къ поднесенію рукъ къ губамъ. Графъ благодарилъ начальницу, директора и учительницъ и освободилъ, какъ и въ Вяткѣ, всѣхъ учащихся на слѣдующій день отъ уроковъ.

30-го мая мы поплыли изъ Сарапуля въ Сызрань, гдѣ министръ желалъ осмотрѣть учебныя заведенія и оттуда отправиться по желѣзной дорогѣ въ Пензу.

На пристани въ Казани намъ передана была непріятная телеграмма съ извѣстіемъ, что нѣкто Т—въ нанесъ въ Сызрани на улицѣ оскорбленіе дѣйствіемъ директору тамошняго реальнаго училища. Мы сообщили содержаніе телеграммы министру, при чемъ отрекомендовали директора сызранскаго съ отличной стороны.

1-го іюня на симбирской пристани министра ожидали учительскій составъ классической гимназіи и чувашская центральная

школа въ полномъ составѣ: инспекторъ чувашскихъ школъ, учителя и ученики.

Графъ слушалъ пѣніе чувашъ, поговорилъ съ нѣсколькими учениками и отозвался о чувашской школѣ съ большою похвалою. Съ учительскимъ персоналомъ Симбирской гимназіи онъ обошелся съ обычною своею привѣтливостью.

Утромъ втораго іюня мы прибыли въ Сызрань. Прямо съ пристани графъ поѣхалъ въ женскую прогимназію. Здѣсь онъ присутствовалъ на урокахъ Закона Божія, русскаго языка, нѣмецкаго и французскаго, слушалъ чтеніе на церковно-славянскомъ языкѣ въ приготовительномъ классѣ. Вообще успѣхами ученицъ остался доволенъ и нашелъ, что онѣ держатъ себя прилично.

Еще разъ онъ убѣдился на дѣлѣ, что „учительницы могутъ вести и ведутъ дѣло преподаванія хорошо".

Избившій директора Т—въ скрылся, какъ оказалось, изъ Сызрани, думаютъ, что уѣхалъ въ Саратовъ. Графъ очень былъ недоволенъ, что его не арестовали тотчасъ-же.

До совершенія своего преступленія Т—въ справлялся у адвокатовъ, что за это будетъ, и узнавъ, что только трехмѣсячное заключеніе въ острогѣ, рѣшился на публичное буйство: въ три часа дня онъ напалъ на директора на улицѣ и избилъ его палкой и кулаками такъ, что тотъ возвратился домой окровавленный. Городская дума прислала директору весьма сочувственное письмо. Всѣ въ городѣ жалѣли директора и говорили, что онъ пострадалъ невинно. Графъ принялъ теплое участіе въ несчастіи, постигшемъ директора, отнесся къ нему чрезвычайно ласково и внимательно.

3-го іюня министръ осматривалъ реальное училище, былъ на урокахъ русскаго языка и словесности, Закона Божія, физики, нѣмецкаго языка, коммерческаго вычисленія, геометріи, разсматривалъ рисунки и чертежи учениковъ, былъ на урокѣ гимнастики и на экзаменѣ изъ математики въ VI классѣ основнаго отдѣленія. Вообще остался доволенъ ходомъ дѣла. Въ большую перемѣну пилъ чай у директора въ бесѣдкѣ вновь разведеннаго сада. Въ женской прогимназіи былъ въ этотъ день у двухъ учительницъ: на урокѣ русскаго языка и на экзаменѣ изъ исторіи. Послѣ урока про учительницу русскаго языка А—ву выразился:

„молодецъ у васъ эта учительница“. Успѣхами ученицъ изъ исторіи тоже остался доволенъ.

Графъ благодарилъ директора за реальное училище, начальницу за прогимназію, насъ расцѣловалъ, сказавши: „сердечно благодарю васъ, и давно благодаренъ за округъ и надѣюсь, что мы еще долго будемъ служить вмѣстѣ“.

На станціи Пензенской желѣзной дороги министра ожидали весь составъ реальнаго училища и женской прогимназіи, всѣ ученики и ученицы. Графъ очень привѣтливо говорилъ съ директоромъ и при прощаніи сказалъ ему: „Не тревожьтесь случившимся, помните—все равно, что бѣшеная собака васъ укусила“. Министръ благодарилъ всѣхъ преподавателей и каждому подалъ руку, благодарилъ начальницу, учительницъ, учениковъ и ученицъ. Съ нами еще разъ расцѣловался при входѣ въ вагонъ и сказалъ: „безъ васъ скучно уѣзжать“. Приготовленный ему директорскій (т. е. начальника жел. дороги) вагонъ ученицы прогимназіи украсили внутри гирляндами изъ цвѣтовъ. Это было послѣднее наше путешествіе съ графомъ.

V.

Въ министерство графа Д. А. Толстого открыто много мужскихъ учительскихъ семинарій, и на счетъ казны, и на счетъ земствъ, именно 60 учительскихъ семинарій.

Казенныя учительскія семинаріи графъ болѣе охотно соглашался учредить въ селахъ или, если невозможно въ нихъ, то въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, съ цѣлью не отрывать отъ сельскаго быта лицъ, которымъ суждено дѣйствовать въ сельскихъ школахъ, и желалъ, чтобы контингентъ учащихся для учительскихъ семинарій избирался преимущественно изъ крестьянъ. „Крестьянинъ, говорилъ графъ, — съ бо́льшимъ довѣріемъ относится къ своему брату крестьянину“.

Женскія учительскія школы и семинаріи устраивались исключительно на счетъ земства. Этимъ земскимъ начинаніямъ графъ, на основаніи нѣкоторыхъ неудачныхъ и печальныхъ опытовъ, не особенно сочувствовалъ. Относительно устройства женскихъ учительскихъ семинарій у него была особая мысль: онъ желалъ

связать эти учебныя заведенія съ женскими епархіальными училищами, но, вѣроятно, отвлеченный другими дѣлами, не успѣлъ осуществить этой весьма счастливой, по нашему мнѣнію, мысли: въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ бо́льшею частію воспитываются дочери сельскаго духовенства, привыкшія къ сельской жизни; изъ нихъ, конечно, могли-бы образоваться любящія сельскую школу учительницы.

Графъ провелъ положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, давшее значительное вліяніе на училища представителямъ дворянства, этого передоваго служилаго сословія, которое онъ, основательно изучившій русскую исторію, всегда признавалъ главною и надежнѣйшею опорою престола и которое потому считалъ нужнымъ всячески привлекать къ дѣламъ внутренняго управленія.

При немъ устроены на счетъ казны образцовыя двухклассныя и одноклассныя училища и открыта масса училищъ земскихъ; при немъ-же были устраиваемы учительскіе съѣзды. Уѣздныя училища стали въ его время преобразовываться въ городскія четырехклассныя, трехклассныя, двухклассныя и одноклассныя (при немъ преобразовано около 100 училищъ). Такъ какъ въ этихъ новыхъ училищахъ учителя назначались не предметные, какъ въ училищахъ уѣздныхъ, а классные, т. е. преподающіе въ извѣстномъ классѣ всѣ предметы, то старые предметные учителя уѣздныхъ училищъ оказались непригодными, и для образованія классныхъ учителей, предварительно преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія, открыто было 10 учительскихъ институтовъ. Женскимъ училищамъ 1-го и 2-го разряда при графѣ Д. А. Толстомъ дана новая организація и они получили названіе женскихъ гимназій и прогимназій. Эти женскія учебныя заведенія въ его управленіе министерствомъ очень размножились (до 76 женскихъ гимназій и 154 прогимназіи) и, что весьма замѣчательно, существовали и существуютъ почти исключительно на свои средства, именно на деньги, получаемыя за ученіе съ учениць съ самыми незначительными пособіями отъ казны и отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ.

Съ разрѣшенія графа Д. А. Толстого учреждены были, по частной иниціативѣ, высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ.

Въ министерство графа изъ высшихъ учебныхъ заведеній открыты: варшавскій университетъ, два историко-филологическихъ института въ Петербургѣ и Нѣжинѣ и ветеринарные институты.

Отъ состоявшаго изъ 11 губерній казанскаго учебнаго округа отдѣлены учебныя заведенія Нижегородской губерніи къ московскому, пензенскія — къ харьковскому учебному округу, а изъ губерній Пермской, Уфимской, Оренбургской, областей Уральской и Тургайской образованъ особый учебный округъ, чѣмъ, конечно, обезпечился болѣе правильный контроль за учебными заведеніями.

Графъ Д. А. Толстой, какъ справедливо уже было замѣчено въ печати, въ какія-нибудь четырнадцать лѣтъ сдѣлалъ для народнаго просвѣщенія Россіи гораздо болѣе, чѣмъ было сдѣлано до него въ цѣлое полстолѣтіе. Цифры краснорѣчиво подтверждаютъ справедливость этихъ словъ: въ 14-тилѣтнее управленіе графа министерствомъ народнаго просвѣщенія суммы, ассигнуемыя на это министерство, увеличились болѣе чѣмъ вдвое: въ 1866 году на содержаніе министерства народнаго просвѣщенія ассигновалось—7.066,150 руб., въ 1880 году — 16.785,972 руб.; число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній почти утроилось: въ 1866 году было 222, въ 1880 году — 620, число начальныхъ училищъ увеличилось, благодаря заботливости земства, въ 24 раза, въ 1866 году было 1,005, въ 1880-мъ—24,856.

Къ 1-му января 1878 г. городскихъ двухклассныхъ училищъ было 241, сельскихъ—308, одноклассныхъ городскихъ—2,564, сельскихъ—21,705, общее число начальныхъ училищъ—24,853 („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, декабрь 1879 г., стр. 125, приложеніе къ отчету министра народнаго просвѣщенія. Вѣдомость о числѣ начальныхъ народныхъ училищъ).

Велико было довѣріе почившаго императора Александра II къ гр. Д. А. Толстому. Это, между прочимъ, было видно изъ того, какъ встрѣченъ былъ его отчетъ по обозрѣнію казанскаго и московскаго учебныхъ округовъ въ 1866 году, и изъ того, какъ быстро удостоивались высочайшаго утвержденія его проекты и предположенія, вопреки даже мнѣніямъ большинства членовъ государственнаго совѣта, и изъ того, что графъ не затруднялся подносить

на воззрѣніе государя рѣчи попечителей, говоренныя ими студентамъ, какъ это было съ двумя рѣчами казанскаго попечителя, произнесенными 20-го апрѣля 1879 года и 19-го февраля 1880 г., и даже иногда прочитывалъ его величеству, какъ мы уже видѣли, частное письмо попечителя округа. Но много было и недовольныхъ дѣйствіями и распоряженіями графа Д. А. Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія. Маститый вельможа (который зналъ графа еще маленькимъ и сердечно былъ расположенъ къ нему, котораго и графъ Дмитрій Андреевичъ уважалъ искренно, хотя въ шутку и называлъ его „моя нянюшка") въ разговорѣ съ нами отъ души жалѣлъ графа, упрекая его за слишкомъ быстрое введеніе классической системы, за крутыя мѣры, съ которыми вводился классицизмъ, затѣмъ за нѣкоторое смягченіе этихъ мѣръ циркулярами. „Лучше-бы, говорилъ этотъ много послужившій въ свое время дѣлу народнаго просвѣщенія вельможа, лучше-бы съ самаго начала идти постепенно, а то это дало поводъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и газетамъ обвинять графа Толстого и ставить на пьедесталъ реальныя училища, которыя вели только (?) къ нигилизму. И къ чему онъ вызывалъ этихъ богемцевъ (чеховъ), которые вѣры не заслуживаютъ, народа и языка нашего не знаютъ, а онъ ихъ дѣлаетъ даже директорами учебныхъ заведеній!"

По словамъ самого графа Дмитрія Андреевича, „трудна жизнь министра народнаго просвѣщенія: козней противъ него много и только довѣріе государя можетъ спасти его отъ незримыхъ сильныхъ враговъ".

Главное обвиненіе, возводившееся на него, состояло въ томъ, что древніе языки слишкомъ тяжелымъ бременемъ ложатся на учениковъ, что они доступны только небольшому числу, что поэтому слишкомъ малое число доходитъ до послѣдняго класса. Одно время о значительномъ уменьшеніи числа учениковъ въ послѣднемъ классѣ до того много говорили императору Александру II, что его величество, еще не говоря ни слова министру, самъ собиралъ данныя, самъ изволилъ заѣзжать въ гимназію человѣколюбиваго общества и, увидѣвъ тамъ въ VII классѣ 25 учениковъ, благоволилъ замѣтить: „какъ у васъ много учениковъ здѣсь". Государь за меня адвокатствуетъ, говорилъ намъ графъ, разсказывая объ этомъ случаѣ.

Отраженіе нападеній на классическую систему, особенно въ послѣдніе годы, много отнимало времени у графа и сильно безпокоило его. Графъ очень возмущался извѣстными статьями, выходившими подъ заглавіемъ „Школьный вопросъ", и при этомъ разъ остроумно замѣтилъ: „За каждую статью „Школьный вопросъ" редакторъ „Голоса" платитъ автору 150 руб. Пусть онъ мнѣ платитъ по-столько-же за ежедневную статью, которую я буду писать противъ себя, я охотно буду писать и напишу больше профессора ***, такъ какъ свои слабыя стороны я лучше знаю. А это могло-бы мнѣ дать 4,500 рублей въ мѣсяцъ, 54,000 руб. въ годъ—прекрасное жалованье! Охотно-бы сталъ писать, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый день".

Но какъ ни шутилъ графъ, видно было, что нападки на его излюбленную классическую систему очень безпокоили его и вредно отзывались на его здоровьѣ.

Отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ намъ случалось слышать, что „классическое образованіе—для меньшинства, а для большинства нужно другое".

Дошло, наконецъ, до того, что одинъ генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о закрытіи приготовительныхъ при гимназіяхъ классовъ, какъ очаговъ нигилизма и соціализма. „Приготовительные-де классы открываютъ низшимъ, бѣднымъ слоямъ доступъ въ гимназіи и прогимназіи, изъ этого-то матеріала образуются (яко-бы) нигилисты и соціалисты".

Наконецъ, настойчиво стали утверждать, что графъ Толстой persona ingrata въ Россіи, что его вся Россія ненавидитъ, что увольненіе его будетъ всѣми встрѣчено съ восторгомъ...

14-го апрѣля 1880 года графъ Д. А. Толстой, по прошенію, уволенъ отъ обѣихъ должностей съ назначеніемъ членомъ Государственнаго совѣта.

Враждебная ему пресса разразилась противъ него самыми безцеремонными статьями; дошло до того, что одна изъ газетъ провозгласила императора Александра II Царемъ трижды Освободителемъ: крестьянъ отъ крѣпостнаго ига, болгаръ отъ ига мусульманъ и..... подъ точками читай: Россію отъ ига графа Толстаго.

Отдыхъ графа Толстаго былъ непродолжителенъ. Почитатели графа Димитрія Андреевича собрали капиталъ, на проценты

съ котораго выдается академіею наукъ, какъ премія за ученое сочиненіе, золотая медаль. На лицевой сторонѣ медали, выбитой съ высочайшаго соизволенія, находится изображеніе графа съ круговою надписью: „Графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, министръ народнаго просвѣщенія, 1866—1880; на другой сторонѣ медали окруженная лавровымъ вѣнкомъ надпись: „За ученый трудъ на пользу и славу отечества".

Вскорѣ довѣріемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Толстой призванъ былъ на новый постъ. Въ 1882 году графъ Д. А. Толстой былъ назначенъ на почетный постъ президента академіи наукъ, а 30-го марта того-же года всемилостивѣйше повелѣно ему быть министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ. На этомъ посту 25 апрѣля 1889 г. графъ Д. А. Толстой скончался, сопровождаемый общимъ признаніемъ его несомнѣнныхъ государственныхъ заслугъ.

Государь Императоръ въ телеграммѣ на имя супруги покойнаго—графини С. Д. Толстой такъ соизволилъ выразиться —„Съ какою страшною скорбью узналъ я о кончинѣ дорогаго Димитрія Андреевича; для васъ это страшная потеря, но и для меня она, можетъ быть, еще тяжелѣе, въ особенности въ настоящую минуту: такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника замѣнить трудно. Да подкрѣпитъ Господь васъ въ вашемъ страшномъ горѣ!"

Графъ Д. А. Толстой былъ не только администраторъ, но и ученый. Какъ администраторъ онъ покровительствовалъ ученымъ съѣздамъ,—при немъ были устраиваемы съѣзды естествоиспытателей и археологическіе. Археологія въ графѣ имѣла постояннаго и просвѣщеннаго покровителя. Онъ ходатайствовалъ о высочайшихъ разрѣшеніяхъ на открытіе археологическихъ съѣздовъ и испрашивалъ пособіе для нихъ изъ государственнаго казначейства; при немъ открылось казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи; по его ходатайству въ собственность этого общества отдана земля, на которой находятся развалины знаменитаго нѣкогда города болгаръ, и пожаловано 300 рублей ежегодно на поддержаніе этихъ памятниковъ старины; при немъ учрежденъ въ Петербургѣ Археологическій институтъ.

Русская этнографія обогатилась многими изслѣдованіями, благодаря его заботливости о просвѣщеніи инородцевъ.

Русская наука потеряла въ немъ трудолюбиваго ученаго дѣятеля. Приведемъ перечень сочиненій графа Д. А. Толстаго: въ 1848 году: Исторія иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, Исторія финансовыхъ учрежденій со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины; въ 1855 году о первоначальномъ учрежденіи и послѣдовавшихъ измѣненіяхъ въ устройствѣ адмиралтействъ-коллегіи (въ № 5 Морскаго Сборника). Въ 1859 г.—историческій отрывокъ объ іезуитахъ въ Москвѣ и Петербургѣ; въ 1863 и 1864 годахъ le catholicisme romain en Russie, въ 2-хъ томахъ; въ 1876 г. рѣчи и статьи графа Д. А. Толстаго;—Іосифъ-митрополитъ и возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью; къ вопросу о реальныхъ училищахъ; объ устройствѣ управленія начальными народными училищами и замѣтка объ описаніи синодальнаго архива; въ 1882 г.—„Люди екатерининскаго времени“, здѣсь помѣщено болѣе трехъ сотъ краткихъ біографій; въ 1883 г. „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года“; въ 1885 году „Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи и академическій университетъ въ XVIII столѣтіи“; въ 1886 г. „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II“; въ 1887 г. „Верельскій мирный договоръ съ Швеціей, 3 августа 1790 года“ (въ „Русск. Архивѣ“ № 12); тамъ-же, въ восьми первыхъ тетрадяхъ этого сборника, съ предисловіемъ графа помѣщено обширное путешествіе стольника Петра Андреевича Толстаго 1697 года; въ 1888 г. изданы имъ письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Въ „Русской Старинѣ“ графъ Д. А. Толстой помѣстилъ нѣсколько сообщеній — историческіе матеріалы XVIII вѣка. Имъ написанъ еще, говорятъ, огромный трудъ о просвѣщеніи въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Эту эпоху графъ Д. А. Толстой особенно любилъ и имъ составлены характеристики знаменитыхъ людей того времени. Нельзя не удивляться—когда графъ находилъ время для своихъ учено-литературныхъ трудовъ при многосложной государственной дѣятельности. Это былъ истинно-европейскій государственный человѣкъ.

Свѣжа еще засыпавшая его могила... свѣжи симпатіи и антипатіи, имъ возбужденныя... молоды еще и не успѣли дать

плодовъ насажденные имъ ростки... Безпристрастный полный судъ надъ его дѣятельностью, столь долговременною и столь разнообразною, принадлежитъ исторіи...

Заключимъ наше воспоминаніе о графѣ Д. А. Толстомъ многосодержательнымъ словомъ Державнаго цѣнителя его государственныхъ заслугъ:

— „Такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника, какъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, замѣнить трудно".

29-го іюля 1889 г.

П. Д. Шестаковъ († 25-го ноября 1889 г.).

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТЕПАНОВЪ

генералъ-отъ-инфантеріи.

Въ январѣ 1891 г. минуло шестьдесятъ пять лѣтъ служенія въ офицерскихъ чинахъ одного изъ старѣйшихъ и почтенныхъ ветерановъ русской арміи генерала-отъ-инфантеріи Петра Александровича Степанова, занимающаго въ настоящее время (1891 г.) должность коменданта г. Царскаго-Села. Уже четвертому императору служитъ онъ вѣрой и правдой, и глубокопреклонные годы не препятствуютъ ему стараться приносить посильную пользу въ предѣлахъ той дѣятельности, которая указывается занимаемымъ имъ общественнымъ положеніемъ.

Служилъ Петръ Александровичъ царю и отечеству, согласно словамъ присяги, „не щадя живота". Объ этомъ свидѣтельствуетъ пробитая вражескою пулею грудь; объ этомъ же свидѣтельствуетъ и то вниманіе, котораго онъ всегда удостоивался не только со стороны ближайшаго начальства, но и со стороны верховной власти. Поучительно оглянуться на жизнь такихъ людей и прослѣдить, хоть въ общихъ чертахъ, какъ тянули они крайне тяжелую подъ часъ служебную лямку.

Петръ Александровичъ Степановъ, по происхожденію дворянинъ Калужской губерніи, родился 28 сентября 1805 г. Получивъ еще дома весьма солидную научную подготовку (особенно изъ географіи и исторіи) подъ руководствомъ своего отца А. П. Степанова [1]), человѣка замѣчательно образованнаго, онъ опредѣленъ былъ затѣмъ въ московскій университетскій пансіонъ. Заведеніе

[1]) Енисейскій губернаторъ.

это, въ свое время, не даромъ пользовалось высокою репутаціею, въ смыслѣ научной подготовки воспитанниковъ, и изъ стѣнъ его вышло не мало полезныхъ впослѣдствіи дѣятелей. Изученіе древнихъ языковъ велось тамъ столь успѣшно, что воспитанники сочиняли цѣлыя диссертаціи по латыни и по гречески и должны были, на этихъ же языкахъ, вести диспуты со своими оппонентами, въ присутствіи профессоровъ. Въ бумагахъ Петра Александровича сохранились отъ того времени греческія и латинскія сочиненія, не только въ прозѣ, но даже въ стихахъ. Какъ видно, въ ту отдаленную отъ насъ эпоху классицизмъ процвѣталъ, пожалуй, сильнѣе нынѣшняго.

Окончивъ курсъ московскаго университетскаго пансіона и награжденный при выпускѣ оттуда золотою медалью, Петръ Александровичъ былъ отправленъ своими родителями въ Петербургъ, для опредѣленія въ военную службу, считавшуюся тогда почти единственно приличною для молодыхъ дворянъ. Полкъ былъ выбранъ лейбъ-Егерскій, такъ какъ имъ командовалъ въ то время Евгеній Александровичъ Головинъ [1]), съ которымъ отецъ Петра Александровича когда-то находился въ близкомъ знакомствѣ [2]).

Снабженный нѣсколькими рекомендательными письмами, молодой Степановъ прибылъ въ Петербургъ, явился къ генералу Головину, и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ зачисленъ былъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ (26 января 1825 г.), съ опредѣленіемъ на одинъ годъ въ школу подпрапорщиковъ; а 6 января 1826 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ.

Потянулась обыденная оберъ-офицерская служба мирнаго времени,—въ ту эпоху весьма малосодержательная и очень нецѣлесообразная въ смыслѣ настоящей военной подготовки. Младшимъ офицерамъ предоставлялось лишь отбываніе дежурствъ и хожденіе въ многочисленные, отчасти вовсе ненужные, караулы. Эти очень скучныя обязанности разнообразились лишь разводами въ манежѣ Инженернаго замка, Высочайшими смотрами и лагернымъ временемъ.

Но уже черезъ два года по производствѣ Петра Александровича

---

[1]) Впослѣдствіи (въ началѣ 1840-хъ годовъ) главнокомандующій на Кавказѣ.

[2]) Отецъ Петра Александровича, бывшій адъютантъ великаго Суворова, въ одно время съ Головинымъ находился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ; потомъ знакомство ихъ возобновилось въ Прагѣ (въ Богеміи), при обратномъ движеніи нашихъ войскъ изъ Италіи; затѣмъ хорошія отношенія ихъ усилились еще черезъ масонскія связи.

въ офицеры монотонный порядокъ этотъ былъ круто прерванъ турецкою войною. Приходилось перенестись за сотни верстъ, въ совершенно новыя страны, въ совершенно исключительную обстановку, и вкусить неизвѣданныя дотолѣ ощущенія.

Прошагавъ черезъ всю Россію и пройдя часть непріятельской страны, гвардейскій корпусъ подступилъ къ Варнѣ. При этомъ лейбъ-Егерскій полкъ вошелъ въ составъ отряда, обложившаго крѣпость съ южной стороны и обязаннаго препятствовать сношеніямъ ея съ Константинополемъ. Постъ этотъ былъ самый опасный и требовавшій наибольшей бдительности, такъ какъ съ юга, для выручки Варны, уже приближался сильный корпусъ турецкихъ войскъ подъ начальствомъ извѣстнаго полководца Омеръ-Вріоне.

Пребываніе подъ Варною было роковымъ для лейбъ-Егерскаго полка. Изъ отправленныхъ въ походъ двухъ баталіоновъ его, лишь небольшой кучкѣ солдатъ, да немногимъ офицерамъ пришлось вернуться въ Россію.

10 сентября 1828 г., вслѣдствіе извѣстій о появленіи турокъ съ южной стороны крѣпости, предпринята была рекогносцировка, руководство которою ввѣрено полковнику генеральнаго штаба польскихъ войскъ, графу Залусскому. Главную часть рекогносцировочнаго отряда составляли лейбъ-егеря.

Неумѣлыя (если не преднамѣренныя) распоряженія польскаго полковника имѣли послѣдствіемъ то, что большая часть полка, оставленная имъ въ виду несравненно многочисленнѣйшаго противника и отрѣзанная отъ прочихъ войскъ, была почти въ конецъ истреблена, и одно знамя считали пропавшимъ [1]). Совершенно

[1]) Объ участи этого знамени въ запискахъ П. А. Степанова сказано слѣдующее: Офицеры, очутившіеся въ отрѣзанной части, видя, что гибель неминуема, рѣшились уничтожить бывшее тутъ же знамя, чтобы оно не досталось туркамъ. Кроминъ, Сабанинъ и Скванчи сорвали съ него полотно и, раздѣливъ на три части, спрятали куски подъ платьемъ, а древко, разломавъ, бросили. Кроминъ и Скванчи пали въ бою, а Сабанинъ, получившій двѣ раны, взятъ въ плѣнъ. Тщательно сберегая въ плѣну остатокъ знамени онъ не говорилъ о немъ рѣшительно никому, боясь, чтобы не провѣдали турки. По возвращеніи изъ плѣна въ 1829 г. онъ также не объявилъ никому о своей тайнѣ, вѣроятно, чтобы не возбудить негодованія своихъ товарищей по плѣну за недостатокъ довѣрія къ нимъ, а потомъ, когда время затянулось, изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности за храненіе у себя того, что долженъ былъ представить по начальству, а можетъ быть также и потому, что тяжело было разстаться съ этой святыней, обагренной его кровью. По возвращеніи въ полкъ, онъ не долго прослужилъ въ строю; былъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ 1-й гвард. пѣх. дивизіи; въ 1837 г. вышелъ въ отставку, и остальную жизнь провелъ въ Симбирскѣ, гдѣ и скончался

случайно, благодаря лишь тому, что находился въ ротѣ, взятой Залусскимъ съ собою при заблаговременномъ отступленіи съ частью отряда, Петръ Александровичъ избѣгнулъ ужасной участи большинства своихъ товарищей.

16-го сентября остаткамъ полка снова пришлось быть въ жаркомъ дѣлѣ. Турки отчаянно атаковали нашу укрѣпленную позицію на южной сторонѣ Варны, но были отражены, и въ отраженіи этомъ лейбъ-егеря играли блистательную роль. Петръ Александровичъ, находившійся въ самомъ пылу рукопашной схватки, бросился на помощь рядовому своей роты, атакованному двумя турками, повалилъ одного изъ нихъ, но тутъ же самъ едва не былъ убитъ наскочившимъ на него всадникомъ. Удачный скачекъ въ сторону спасъ его, и вражеская сабля только оцарапала ему ногу.

За это сраженіе Петръ Александровичъ получилъ первую боевую награду—орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

18-го числа послѣдовала неудавшаяся атака турецкой позиціи на возвышенности Куртепе. Лейбъ-егеря принимали въ ней славное участіе, но потери опять понесли ужасныя. Невредимыми изъ бою вышли всего 235 нижнихъ чиновъ, одинъ юнкеръ и три офицера. Въ числѣ послѣднихъ находился и Петръ Александровичъ. До этихъ поръ Богъ, видимо, хранилъ его.

Вскорѣ затѣмъ Варна сдалась, и гвардейскія войска были возвращены въ Петербургъ.

Лейбъ-егерскій полкъ былъ вновь укомплектованъ; начались опять занятія мирнаго времени, но на этотъ разъ имъ не довелось долго продолжаться. 24 ноября 1830 г., на разводѣ въ манежѣ Инженернаго замка, императоръ Николай объявилъ собраннымъ вокругъ него офицерамъ о возстаніи поляковъ и объ открытіи противъ нихъ военныхъ дѣйствій.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, а именно 27 декабря, лейбъ-егеря выступили въ новый походъ, опять въ составѣ двухъ баталіоновъ, подъ предводительствомъ своего новаго командира, храбраго гене-

---

въ 1875 г., завѣщавъ женѣ представить знамя Государю Императору. Его Величество велѣлъ хранить этотъ остатокъ въ ящикѣ, подъ стекломъ, въ церкви л.-гв. Егерскаго полка, что и было торжественно исполнено въ присутствіи Его Величества, въ день полковаго праздника 17 августа 1875 г. (см „Двадцать пять лѣтъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку“. Стараго егеря. „Воен. Сборникъ“ 1878 г.).

Итакъ, Петръ Александровичъ, на склонѣ своей жизни, имѣлъ утѣшеніе вновь увидѣть хоть часть того славнаго знамени, которое, въ теченіи почти полустолѣтія, считалъ погибшимъ.

рала Полешко, о которомъ Петръ Александровичъ, въ запискахъ своихъ, постоянно отзывается съ глубокимъ уваженіемъ.

На первыхъ же порахъ вступленія въ Польшу, лейбъ-егерямъ пришлось играть выдающуюся роль. Извѣстно, что противъ гвардейскаго корпуса, во главѣ котораго стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ, направлены были главныя непріятельскія силы, передъ которыми пришлось нѣкоторое время отступать, во избѣжаніе неравнаго боя съ отлично обученною и храброю польскою арміею. Извѣстно также, что при отступленіи всего тяжелѣе приходится войскамъ, находящимся въ арьергардѣ и обязаннымъ сдерживать всѣ натиски преслѣдующаго непріятеля. Эту-то роль, въ теченіе нѣсколькихъ дней, довелось исполнять лейбъ-Егерскому полку,—и исполнилъ онъ ее, какъ всегда, самымъ доблестнымъ образомъ.

Въ этомъ походѣ Петру Александровичу не такъ повезло, какъ въ турецкомъ. Онъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ при Длугоседло (4 мая), во время отступленія къ д.д. Соколову и Якацу, въ ночной перестрѣлкѣ у м. Клячково,—но, 8-го мая, въ бою при м. Рудки, пришлось ему, наконецъ, поплатиться собственною кровью, и едва не жизнью, за отважную атаку противъ польской батареи. Здѣсь былъ онъ раненъ въ грудь на вылетъ, и замертво вынесенъ егерями съ поля сраженія.

Отвезенный послѣ этого въ Бѣлостокъ, Петръ Александровичъ долженъ былъ лѣчиться тамъ около шести мѣсяцевъ, а затѣмъ для окончательнаго излѣченія раны и поправленія здоровья былъ Высочайше уволенъ на полъ-года къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. За отличіе, оказанное въ бою при Рудкахъ, онъ былъ награжденъ орденомъ съ. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

Только въ маѣ 1833 г., по совершенномъ возстановленіи здоровья, Петръ Александровичъ возвратился въ полкъ, гдѣ вскорѣ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а въ мартѣ 1834 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Въ слѣдующемъ 1835 году Петру Александровичу пришлось впервые заглянуть въ уголокъ Германіи. На назначенные подъ г. Калишемъ общіе съ прусскими войсками маневры посланъ былъ сводный гвардейскій отрядъ, въ которомъ штабсъ-капитанъ Степановъ долженъ былъ исправлять должность полковаго адъютанта Въ іюлѣ отрядъ этотъ, посаженный на суда эскадры адмирала Рикорда, перевезенъ былъ въ Данцигъ, а оттуда, черезъ восточную Пруссію и Царство Польское, прослѣдовалъ въ г. Калишъ, у котораго оставался до 10 сентября, а потомъ, тѣмъ же путемъ, возвратились въ Кронштадтъ и оттуда въ Петербургъ.

Ближайшіе за тѣмъ годы не отличались ничѣмъ выдающимся, и служебная канитель тянулась обычнымъ порядкомъ, ведя за собою обычныя взысканія для неисправныхъ и обычныя награды для исправныхъ офицеровъ. Петръ Александровичъ былъ, конечно, въ числѣ послѣднихъ. Произведенный въ 1837 г. въ капитаны, онъ черезъ пять лѣтъ назначенъ былъ исправляющимъ должность младшаго штабъ-офицера въ л.-гв. Измайловскомъ полку, а въ 1843 г., уже въ чинѣ полковника, опять возвратился въ свой родной лейбъ-Егерскій полкъ. Здѣсь командовалъ онъ сначала 2-мъ, а потомъ 1-мъ баталіономъ, довелъ въ нихъ строевую часть до возможнаго совершенства, и въ мартѣ 1849 г. назначенъ былъ командиромъ бывшаго 3 го учебнаго карабинернаго полка. 6-го декабря 1851 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Когда возгорѣлась Восточная война 1853—56 гг. и союзная англо-французская армада появилась на Балтійскомъ морѣ, то приняты были всевозможныя мѣры для воспрепятствованія непріятельскимъ десантамъ и для обороны Петербурга съ сухаго пути. Во главѣ всѣхъ войскъ, назначенныхъ для охраны столицы и окрестнаго съ нею балтійскаго побережья, поставленъ былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Подъ его-то начальствомъ, въ кампанію 1854 г., П. А. Степановъ командовалъ отрядами—сначала Сестрорѣцкимъ, а потомъ промежуточнымъ между Выборгомъ и Сестрорѣцкомъ. Отрядамъ этимъ не пришлось быть въ огнѣ.

Въ началѣ 1855 г. служебное поприще Петра Александровича совершенно измѣнилось: Высочайшимъ приказомъ отъ 16 января ему повелѣно состоять при военно-учебныхъ заведеніяхъ, а 1-го мая онъ назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса; на этомъ посту П. А. имѣлъ своимъ ближайшимъ помощникомъ извѣстнаго и всѣми уважаемаго педагога Г. Г. Даниловича, бывшаго въ то время инспекторомъ классовъ 2-го кадетскаго корпуса. Григорій Григоріевичъ Даниловичъ былъ и преемникомъ П. А. Степанова по званію директора сего корпуса, когда П. А. былъ уволенъ отъ своей военно-педагогической дѣятельности. За время управленія 2-мъ кадетскимъ корпусомъ П. А. Степановъ получилъ ордена св. Станислава и св. Анны 1-й ст., чинъ генералъ-лейтенанта (1860 г.) и 4 т. десятинъ земли.

Съ этихъ поръ, въ теченіе почти семи лѣтъ, Петръ Александровичъ находился не у дѣлъ, пока Высочайшимъ приказомъ отъ 19 марта 1870 г. онъ былъ назначенъ Царскосельскимъ комендантомъ—должность, на которой и состоитъ до сихъ поръ.

На этомъ послѣднемъ мѣстѣ Петръ Александровичъ привлекъ

на себя особое вниманіе въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Александровны, устроивъ царскосельскій лазаретъ Краснаго Креста и выказавъ благотворную дѣятельность по обезпеченію участи семействъ воиновъ, пострадавшихъ во время минувшей войны. Двукратно (въ 1878 и 1879 гг.) выражена ему была отъ имени Ея Величества особая признательность, а отъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ выданъ знакъ Краснаго Креста. Кромѣ того, за время своего комендантства въ Царскомъ Селѣ, Петръ Александровичъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и получилъ разныя другія награды, послѣднею изъ которыхъ были пожалованные ему 30 августа 1888 г. брилліантовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго.

О службѣ своей въ л.-гв. Егерскомъ полку Петръ Александровичъ помѣстилъ весьма любопытныя и прекрасно написанныя воспоминанія въ „Военномъ Сборникѣ“. Должно полагать, что и на другихъ поприщахъ служенія видѣно и слышано было имъ не мало интереснаго и поучительнаго, такъ какъ Петръ Александровичъ—человѣкъ весьма образованный, любитель искуствъ и литературы, весьма часто вращался въ кругу художниковъ, писателей и людей науки; тѣсная дружеская пріязнь связывала его съ величайшимъ нашимъ композиторомъ М. И. Глинкою; родной братъ П. А. Степанова—Николай Александровичъ—былъ знаменитый карикатуристъ; словомъ Петръ Александровичъ и видѣлъ, и слышалъ много интереснаго, и его воспоминанія должны быть богаты содержаніемъ. Остается пожелать дабы они не залежались подъ спудомъ.

Должно еще прибавить, что П. А. Степановъ самъ художникъ-портретистъ, бывъ ученикомъ извѣстнаго Карла Брюлова; свое художественное образованіе Петръ Александровичъ усовершенствовалъ въ Италіи въ 1847 и 1848 годахъ.

Ред.

Ѳ. Н. и А. П. Глинки.

(Къ запискамъ Н. В. Берга).

„Въ „Русской Старинѣ“ за 1891-й годъ, въ „Запискахъ Н. В. Берга„ (книга февраль), вкрались ошибки о почтенномъ и уважаемомъ Ѳедорѣ Николаевичѣ Глинкѣ и его супругѣ.

Во-первыхъ, отецъ Авдотьи Павловны Глинки—не князь, и не Васильевичъ, а Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Я знала его съ самаго дѣтства, такъ какъ онъ родной братъ моей матери. Я помню его только совсѣмъ не либераломъ, а очень безпокоившимся и боящимся за себя того что онъ прежде принадлежалъ къ массонамъ.

Во-вторыхъ, вліянія на своего зятя онъ не могъ имѣть никакого, такъ какъ онъ его совершенно не зналъ, и Авдотья Павловна вышла за Ѳ. Н. Глинку послѣ смерти отца.

Въ-третьихъ,—и это-то именно и заставило меня написать все это,—я никакъ не думаю, чтобы Ѳедоръ Николаевичъ спасалъ себя подъ неблагороднымъ званіемъ шпіона. Онъ не уѣхалъ, какъ пишетъ Н. В. Бергъ, въ Москву, съ женой, и велѣно было никуда его не опредѣлять, а напротивъ того, въѣздъ въ столицы былъ ему воспрещенъ, и онъ сосланъ въ Петрозаводскъ. Не могу сказать навѣрное, принятъ-ли онъ былъ тамъ сейчасъ на службу, или опредѣленъ потомъ, но что онъ служилъ тамъ—это положительно вѣрно [1]). Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ въ Твери, гдѣ и познакомился съ Авдотьей Павловной, утѣшая ее и успокоивая послѣ смерти отца, котораго она очень любила. Когда она вышла замужъ за Ѳедора Николаевича, онъ долженъ былъ ѣхать на службу въ Орелъ,—и только въ концѣ 1830-хъ годовъ, или въ началѣ 1840-хъ, они могли поселиться въ Москвѣ и купить маленькій домикъ, который вѣрно описанъ Н. В. Бергомъ, также какъ и ихъ вечера по понедѣльникамъ, на которыхъ я тоже часто бывала.

Екатерина Вакунина.

Село Карщино.
9-го марта 1891.

---

[1]) Мы имѣемъ интересный документъ, до службы Ѳ. Н. Глинки въ Петрозаводскѣ относящійся, каковой и напечатаемъ.

Ред.

БАНКРОТЪ.

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ 4 ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ОСТРОВСКАГО,

собственноручная его рукопись,

подаренная имъ М. И. Семевскому

въ 1855 году, въ Москвѣ.

Рукопись комедіи „Свои люди — сочтемся“ подарена намъ ея авторомъ, однимъ изъ славнѣйшихъ отечественныхъ писателей—Александромъ Николаевичемъ Островскимъ, въ бытность нашу въ Москвѣ, въ 1855 г.; рукопись собственной руки А. Н., на полулистахъ и въ маленькой тетрадкѣ, въ четвертую долю листа. Этихъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, полулистовъ въ рукописи двадцать четыре, маленькая тетрадь состоитъ изъ пятнадцати четвертушекъ; кромѣ того, имѣется еще три отдѣльныхъ лоскутка бумаги, на которыхъ нанесены авторомъ поправки или варіанты, къ отдѣльнымъ сценамъ.

На первой страницѣ рукописи написано вверху: Банкротъ; „такъ я хотѣлъ первоначально наименовать свою комедію“, говорилъ намъ Островскій, „но вспомнивъ, что это будетъ по разнымъ причинамъ неудобно, замѣнилъ его русскою пословицею“. Далѣе, на той-же страницѣ написано: комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ: „Я имѣлъ въ виду первоначально раздѣлить свою комедію“, говорилъ Островскій, „на пять актовъ (и это былъ 1-й актъ, который потомъ явился въ печати 2-мъ актомъ), но вслѣдствіе замѣчаній нѣкоторыхъ слушателей моей комедіи я сократилъ ее въ четыре акта, но какъ содержаніе, такъ и число явленій осталось то-же: такимъ образомъ, комедія получила только болѣе длинныя дѣйствія“.

Монологъ Тишки разнится немногими словами отъ печатнаго текста и эти немногія слова, какъ и вообще всѣ измѣненія и добавленія, сдѣланныя въ рукописи самимъ авторомъ, указаны нами нынѣ, при напечатаніи ея, особымъ, болѣе мелкимъ шрифтомъ, скобками и черточками, а именно: слова, напечатанныя болѣе мелкимъ шрифтомъ и при томъ заключенныя въ скобки, означаютъ слова, зачеркнутыя самимъ авторомъ въ рукописи; тѣ слова и фразы, которыя авторомъ добавлены къ первоначальному тексту рукописи или которыми онъ замѣнилъ зачеркнутыя имъ мѣста, заключены нами въ прямыя черточки, а отдѣльныя слова и фразы, которыя

выпущены или замѣнены въ печатномъ текстѣ новыми, но въ этой рукописи не были зачеркнуты или измѣнены авторомъ— напечатаны здѣсь, въ „Русской Старинѣ“,—разрядкою.

Цензура, по словамъ самого автора, не прикоснулась къ его комедіи; добавимъ отъ себя: защита гр. Закревскаго и другихъ именитыхъ поклонниковъ таланта великаго нашего драматурга спасла „Своихъ людей“ отъ придирчивости цензуры. И такъ, не цензура, но самъ авторъ, очень много потрудившійся надъ „Банкротомъ“—„Свои люди—сочтемся“, виновникъ того громаднаго числа помарокъ, передѣлокъ, вставокъ и переписокъ, которыя мы находимъ въ драгоцѣнной, намъ принадлежащей, рукописи „Своихъ людей“; это доказываетъ, какъ добросовѣстно трудился авторъ, съ какою любовью къ искусству онъ продолжалъ наблюдать бытъ, изъ котораго онъ выводитъ своихъ героевъ и героинь; каждая вновь подмѣченная черта, манера выраженій, даже слово, проскользнувшее незамѣтно для обыкновеннаго человѣка, получали, какъ видно изъ рукописи, значеніе и мѣсто у А. Н. Островскаго.

Съ 1846 по 1850 годъ трудился онъ надъ „Своими людьми“ и общій восторгъ, съ какимъ было встрѣчено это произведеніе и съ какимъ оно всегда читается и исполняется на сценѣ, да и будетъ всегда читаться и исполняться — лучше всего показываетъ, какъ блистательно увѣнчался продолжительный трудъ геніальнаго писателя.

Въ нашей рукописи нѣтъ, къ сожалѣнію, конца 2-го явленія, послѣ словъ Подхалюзина: „Цыцъ, дьяволенокъ“, также бесѣды Подхалюзина съ самимъ собою, IV-го явленія и, наконецъ, начала V-го явленія, до словъ Подхалюзина: „Десять-съ....“

Послѣ разговора Подхалюзина съ Рисположенскимъ въ рукописи слѣдуетъ монологъ Тишки, помѣщенный въ печати въ 8-мъ явленіи. Окончательной распланировки комедіи не видно здѣсь, надо думать, что и эта редакція была не послѣдняя.

Сцена Большова съ Тишкой, потомъ монологъ Самсонъ Силыча, наконецъ, бесѣда съ Подхалюзинымъ — все это не вошло, по волѣ автора, въ печатный текстъ. И только подчеркнутыя авторомъ въ рукописи слова Большова (напечатанныя нами далѣе разрядкою) встрѣчаются въ печати, именно въ X явленіи I-го дѣйствія.

На 7-й страницѣ рукописи начинается сцена Устиньи Наумовны съ Ѳоминишной, которая въ печати непосредственно слѣдуетъ за бесѣдою Рисположенскаго и Подхалюзина; выраженія, напечатанныя нами здѣсь, въ „Русской Старинѣ“, болѣе мелкимъ шрифтомъ и заключенныя въ скобки, по прежнему означаютъ то, что они не вошли въ печатный текстъ.

Монологъ Устиньи Наумовны (со словъ: „А они-то развѣ благородные...“ до словъ: „я и сама пыли въ нось пущу“) написанъ какъ-бы другимъ почеркомъ или, можетъ быть, рукою-же автора, но значительно послѣ, что показываютъ свѣжія чернила, и написанъ наскоро.

Страница 15-я рукописи (со словъ Лаз. Елиз.: „Позвольте, я васъ провожу маленько“, до словъ его-же: „Погодите, куда бѣжать-то“), зачеркнута авторомъ, — авторъ имѣлъ въ виду вывесть Большова пьянымъ, но, какъ можно видѣть изъ печатнаго текста, этого не сдѣлалъ (см. явленіе IX).

Авторомъ также зачеркнутъ первоначальный видъ, начало, 10-го явленія 2-го дѣйствія (со словъ Большова: „По сему счету деньги сполна получилъ“, до словъ Лаз. Елиз.: „Потому самому не захочу себя изъ-за этакой малости марать“). Къ этому мѣсту имѣется варіантъ, написанный авторомъ на отдѣльномъ полулистѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ печати. Варіантъ этотъ помѣщенъ нами непосредственно за окончаніемъ 1-го дѣйствія.

На концѣ 1-й страницы этого полулиста (въ рукописи) и въ началѣ 2-й страницы, слова Большова и Подхалюзина, напечатанныя нами въ концѣ этого варіанта разрядкою, не находятся въ печатномъ текстѣ 2-го акта, но очень схожи со словами тѣхъ-же лицъ въ 3-мъ актѣ, 8-е явленіе.

Помимо этого варіанта, далѣе, до самаго конца акта, всѣ сцены втораго (въ печати) акта встрѣчаются въ рукописи въ томъ-же видѣ, какъ въ печати. Есть только отдѣльныя выраженія, напечатанныя нами разрядкою, которыя выпущены или замѣнены въ печатномъ текстѣ новыми.

Помѣщаемъ въ настоящей книгѣ „Русской Старины“ первый актъ комедіи: „Банкротъ“; дальнѣйшія замѣтки о драгоцѣнной рукописи-автографѣ этого превосходнѣйшаго, высокохудожественнаго произведенія, именно о прочихъ актахъ комедіи, мы отлагаемъ до слѣдующихъ выпусковъ „Русской Старины“, въ которыхъ напечатаемъ остальныя части этой рукописи,—произведенія столь преждевременно скончавшагося Александра Николаевича Островскаго.

Михаилъ Семевскій.

1855 $\frac{\text{Москва, 11-го ноября}}{\text{С.-Петербургъ, 20-го марта.}}$ 1891.

1-й АКТЪ.

БАНКРОТЪ.

Комедія въ 5 дѣйствіяхъ [1]).

Лица:

Самсонъ Силычъ Большовъ—купецъ 1-й гильдіи (богатый),
Аграфена Кондратьевна—жена его,
Олимпіада Самсоновна—дочь ихъ,
Сысой Псоичъ Рисположенскій—стряпчій,
Устинья Наумовна—сваха,
Лазарь Елизарьевичъ Подхалюзинъ—прикащикъ
Фоминишна—ключница,
Тишка—мальчикъ.
} въ домѣ Большова.

---

[1]) Противъ заглавія и списка дѣйствующихъ лицъ на полѣ, рукою автора, замѣтка:

„Остается дописать, во 2-мъ актѣ, 3-ю сцену, С. С. Л. и Р., въ 3-мъ актѣ 1-ую Л. и Р., 3-ю Л. С. С. и пр., въ 4-мъ кончить 2-ую и 3-ю Л. и Лип. и проч., въ 5-мъ, 4-ю Л. и Р., итого 5 сценъ".

ДѢЙСТВІЕ I-ое.

Контора, прилично меблированная.

Явленіе I-ое.

Тишка (*одинъ. Стоитъ съ половой щеткой на авансценѣ*).

Ахъ житье, житье! Вотъ | ты тутъ со щеткой проклажайся | [чѣмъ свѣтъ, тутъ ты], полы мети. А мое-ли дѣло полы мести. У насъ все не какъ у людей! У другихъ-то хозяевъ, коли ужъ мальчишка, такъ и живетъ въ мальчишкахъ, стало быть при лавкѣ присутствуетъ. (*Измѣняетъ голосъ*). Что вамъ угодно? Барыня! Что вамъ угодно? Все въ лучшемъ видѣ есть! Пожалуйте! Кисеи, букмусли! А у насъ то туда, то сюда!—[снуешь день деньской] | цѣлый день шаркай по мостовой | какъ угорѣлый. Скоро руку набьешь,—держи карманъ-то! У добрыхъ-то людей для разгонки держатъ дворника, а у насъ [онъ съ кухарками проклажается] | дворникъ на печкѣ съ котятами лежитъ |,—а на тебѣ спросится. У другихъ все таки вальготность есть; инымъ часомъ и проштрафишься што либо ошто, [на] по малолѣтствію тебѣ спускается: а у насъ коли не тотъ, такъ другой, не самъ, такъ сама задастъ вытрепку; а то вотъ прикащикъ Лазарь, а то вотъ Фоминишна, а то вотъ... (*машетъ рукой*), всякая шваль надъ тобой командуетъ. Вотъ она какая жисть-то анафемская! | Чего ужъ, и съ пріятелями-то ни въ пристенокъ, ни въ три листика сразиться неколи (*машетъ рукой*), да ужъ и въ головѣ-то, правда, не то. | (*Лѣзетъ на стулъ и смотрится въ зеркало*). Здравствуйте, Тихонъ Савостьянычъ! Какъ вы поживаете? Все-ли вы Слава Богу? А ну, Тишка, выкинь колѣнце! (*Дѣлаетъ гримасу*). Вотъ оно что! (*Другую*). Эвось оно какъ (*хохочетъ*).

Явленіе 2-е.

Тишка и **Подхалюзинъ** (*крадется и хватаетъ его за воротъ*).

Подхалюзинъ.

А это ты, чертенокъ, что дѣлаешь?

Тишка.

Что! Извѣстно что! пыль стиралъ.

Подхал.

Языкомъ-то стиралъ! Что ты за пыль на зеркалѣ нашелъ! [Вотъ] Покажу я тебѣ пыль! ишь ломается! Ужъ коли ломаться, такъ ступай на балконъ подъ Новинское! А вотъ я тебѣ заклею подзатыльникъ, такъ ты и будешь знать!

Тиш.

Будешь знать! Да было бы за что!

Подх.

А за то, что за что. Поговоришь, такъ и увидишь за што. Вотъ пикни еще!

Тиш.

Да, пикни еще! Я вѣдь и хозяину скажу,—ничто возьмешь!

Подх.

Хозяину скажу! Что мнѣ твой хозяинъ. Я коли на то пошло... хозяинъ мнѣ твой! На то ты и мальчишка, чтобы тебя учить,—а ты думалъ что? Васъ, пострѣлятъ, не бить, такъ и добра не видать. Прахтика-то эта извѣстная. Я, братъ, и самъ огни и воды и мѣдныя трубы прошелъ.

Тиш.

Знаемъ, что прошелъ.

Подх.

Цыцъ, дьяволенокъ! (*замахивается*).

Подх.

Десять-сь! Такъ задаромъ?

Респ.

Какъ задаромъ? Заслужу, Лаз. Елиз., когда нибудь сквитаемся

Подх.

Все это буки- | съ | . Улита ѣдетъ, да когда-то она будетъ- | съ | . А мы теперь съ вами вотъ какую матерію заведемъ. [Сам. Сил. совсѣмъ порѣшились].

Рисп.

[Совсѣмъ].

Подх.

[Такъ-съ]. А много ли они вамъ | С. С. | обѣщали за эту механику?

Рисп.

Стыдно сказать, Лаз. Елиз., тысячу рублей да старую шубу енотовую. Ужъ меньше меня никто не возьметъ, ей Богу. Вотъ хоть прицѣнитесь, подите.

Подх.

Ну такъ вотъ что, Сысой Псоичъ: я вамъ дамъ 2000—съ—.— за этотъ же самый предметъ-съ.

Рисп.

Благодѣтель вы мой, Лаз. Елиз.! Съ женой и съ дѣтьми въ кабалу пойду.

Подх.

100 руб. сер. теперь же дамъ-съ, а остальные послѣ, по окончаніи всего этого происшествія-съ.

Рисп.

Ну вотъ какъ за эдакихъ людей Богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная можетъ не чувствовать этого. — Я вамъ въ ножки поклонюсь, Лаз. Елизарычъ.

Подх.

Это ужъ на что-же-съ! Только, Сысой Псоичъ, ужъ хвостомъ не вертѣть туда и сюда, а ходи въ акуратѣ;—попалъ на эту точку и вертись на этой линіи. Понимаете-съ?

Рисп.

Какъ не понимать! Что вы, Лаз. Елиз., маленькій что ли я! Пора понимать! [Слава Богу, видали] дѣла то.

[Подх.]

[Ну, а видали, такъ стало быть и разговаривать нечего. (*Кричитъ*) Тишка!]

[**Рисп.**]

[Вы только дайте мнѣ инструкцію, какъ дѣйствовать, а ужъ я, батюшко, Лаз. Елиз., изъ вашей воли не выступлю].

[**Подх.**]

[Это—здѣсь не мѣсто-съ. А вотъ мы для этой прокламаціи пойдемте въ [трактиръ] ресторацію].

(*входитъ Тишка*).

[ЯВЛЕНІЕ 6-е].

[**Тѣ-же и Тишка.**]

[**Подх.** (*Тишкѣ*)].

[Прибери тутъ все; да коли хозяинъ [спроситъ] пріѣдетъ, такъ ты въ тѣ поры прибѣги за мной, такъ скажи, что, молъ, сейчасъ придетъ.—Ну, пойдемте, Сысой Псоичъ!]

Рисп. (*подходитъ къ столу, Тишка хочетъ прибирать водку*).

[Постой, постой! Эхъ, братецъ, какой ты глупой! Видишь, что хотятъ пить,—ты и подожди. Ты еще малъ, ну такъ ты будь учтивъ и снисходителенъ! Я, Лаз. Елиз., рюмочку выпью!]

Подх.

[Пейте, да только поскорѣича, а то некогда— | того гляди самъ пріѣдетъ | .

Рисп.

[Сейчасъ, батюшка, Лаз. Елиз., сейчасъ (*пьетъ и закусываетъ на ходу*). Да ужъ мы лучше ее съ собой возьмемъ]. *Уходятъ.*

Подх.

| Да что вы понимаете-то! Вотъ дѣла-то какія-съ. Вы прежде выслушайте! Пріѣзжаемъ мы съ С. С. въ городъ, и эрестрикъ этотъ привезли какъ слѣд. Вотъ онъ пошелъ по кредиторамъ. Тотъ не согл., друг. не согл. Да такъ ни одинъ—такъ и не поддается. Вотъ она штука-то въ чемъ состоитъ | .

Рисп.

| Что вы это говорите, Л. Е. А! Вотъ подишь-ты. Вотъ народъ-то! |

Подх.

| Какъ-бы намъ теперича съ эстимъ дѣл. не опростоволоситься. Понимаете вы меня, али нѣтъ? |

Респ.

| [т. е.] Какъ не пон., Л. Елиз., хе-хе, т. е. домъ-то [что-ли] эдакъ съ лавками, домъ-то, хе-хе | .

Подх.

| Что—о—съ! |

Респ.

| Нѣтъ-съ! это я такъ, Л. Елиз., по глупости, какъ будто для шутки | .

Подх.

| То-то для шутки-съ. Тутъ не то что домъ и лавки, у меня теперь такія фантазіи въ головѣ объ эт. пред., что и говор. здѣсь нельзя-съ. А пойдемте ко мнѣ-съ. Т.! | *Уходятъ.*

Явленіе 7-е.

| *Входитъ* **Уст. Н.** и **А. К.** |

Тишка (*одинъ*) | *прибир. комн.* | (*садится къ столу и вынимаетъ изъ кармана деньги*).

Полтина серебромъ—это нынче Лазарь далъ. Да намедни, какъ съ колокольни упалъ Агр. Кондр., гривенникъ дали,—да четвертакъ въ орлянку выигралъ—да третевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый.—Эвось что денегъ-то (задумывается). Если | же | въ воскресенье купить въ охотномъ пары три козырныхъ — [то сколько можно барыша взять съ Федьки Горѣлова, — бѣда. Что у этого Федьки денегъ!—страсть! Должно быть у отца таскаетъ. (*Голосъ Фоминишны за сценой.* Тишка! а Тишка! долго-ль мнѣ кричать-то). Что тамъ еще? (Дома штолича Лазарь?). Былъ да весь вышелъ. (А куда жъ онъ пошелъ?). А почемъ я знаю, нешто онъ у меня спрашивается! Вотъ кабы спрашивался, я бы зналъ. (Хозяинъ спрашиваетъ, да никакъ и самъ къ вамъ идетъ)].

Тишка вскакиваетъ и становится съ подобострастіемъ у двери.

Явленіе 8-е.

Тишка и **Большовъ** (*входитъ*).

Большовъ.

Дома Лазарь?

Тишка.

Вышелъ-съ. Приказалъ сказать, что сей часъ придетъ.

Большовъ.

Ну, а какъ придетъ, такъ пошли его сюда (*Тишка уходитъ на цыпочкахъ; Большовъ садится и отдувается*).

Явленіе 9-е.

Большовъ (*одинъ*).

Никакъ я похудѣлъ (*щупаетъ себя*). И то вѣдь похудѣлъ. — [Аппетиту нѣтъ, ночи не сплю]. Фу ты пропасть какая. | Въ одну недѣлю какъ перевернуло! — Да диво-ли? Аппетиту нѣтъ, ночи не сплю | . Дома | тебѣ | не сидится, | а | въ городъ поѣдешь, еще тошнѣй. Такъ вотъ тебя и подмываетъ. | Ровно дьяволъ какой, прости Господи, ходитъ за тобой, да шепчетъ тебѣ въ уши всякую | . Сны какіе-то все странные снятся. Вотъ нынче вижу: иду будто я по Ильинкѣ, | и | попадается мнѣ Карапузовъ, а онъ мнѣ тысячъ 20 сер. по векселямъ долженъ: я, говоритъ, тебѣ, Самсонъ Силычъ, заплатить не могу; а ты, говоритъ, подожди; | пот. | другой | суд. ты мой | должникъ попадается; то-же говоритъ: я, говоритъ, тебѣ, |С. С.| заплатить не могу, мнѣ, говоритъ, самому не платятъ; потомъ | суд. ты мой | третій то-же самое; потомъ четвертый; потомъ | это | собралось будто | ихъ | человѣкъ | ужъ | двадцать, уставились | они это| на меня, да всѣ въ одинъ голосъ какъ крикнутъ: „мы тебѣ, Сам. Сил., по векселямъ денегъ не заплатимъ“. Да тутъ [же] | суд. ты мой | стали на меня пальцами показывать. Варвары, говорю, да гдѣ-жъ мнѣ денегъ-то взять, у самого платежи подходятъ. Разсорили, говорю, разбойники, да еще на смѣхъ подымаете! Куда, говорю, мнѣ теперь будетъ носъ-то прятать отъ кредиторовъ! А дрожь-то, | знаешь-ли | , [а] дрожь-то такъ и пробираетъ. Вдругъ кто-то хвать меня за воротъ, пойдемъ, говоритъ, въ яму, ты, говоритъ, банкрутъ. — Плевалъ, плевалъ, какъ проснулся; самимъ-бы вамъ, говорю, на голову. [(*Молчитъ; сидитъ повѣся голову*)]. Банкрутъ! А что такое это банкрутъ! Выходитъ, кому заплатить нечѣмъ. А у меня, слава Богу, расплатиться хватитъ (*молчитъ, сидитъ повѣся голову*). [А поторговаться все таки не мѣшаетъ]. Понимаешь-ли ты. Не возьмутъ 25 коп., ну такъ полтину возьмутъ; ну а если полтину не возьмутъ, такъ за семь-то гривенъ обѣими руками ухватятся. Все таки барышъ. Тамъ что хошь говори; а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу да съ двора долой.—Да и самому отдохнуть пора, проклажались-бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту къ черту.—Что-жъ

такое за важность! Не я первый, не я послѣдній! Нешто другіе то не дѣлаютъ — какъ-бы не такъ, только успѣвай оглядываться. | Какъ не дѣл., братъ, и друг. дѣл., да еще какъ дѣлаютъ-то. — То то и есть | . Да еще какъ. Безъ стыда, безъ совѣсти.—На лежачихъ лесорахъ ѣздіютъ, вътрехъ-этажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колоннами выведетъ, что ему съ своей образиной и взойти-то туда совѣстно: а тамъ и капутъ, и взять съ него нечего. Коляски эти всѣ разъѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены: останется [1])…..

| Вотъ оно какъ, С. П., самъ ты вѣдь челов. не глупый, можешь разсудить | .

С. П.

| Что-жъ это, С. С., ничего-съ! Это все въ нашихъ рукахъ | .

Большовъ.

| Я про то и говорю, что въ нашихъ рукахъ. Ну вотъ я теперь къ старости подвиг.,—сыновей у меня нѣтъ, — надобно какъ ниб. покончить.—Оно, конечно, разочтись я теперича со всѣми по чести — и то у меня капиталъ большой останется | .

С. П.

| Какъ не остаться, еще бы у васъ-то, С. С., ли не остаться, у кого-жъ и остаться какъ не у васъ | .

Сцена 2-я.

Фом. и **Уст. Н.** (*сходятъ съ лѣстницы*).

Фом.

Ужъ порѣши ты ея нужду, У. Н. Ишь ты, дѣвка измаялась совсѣмъ,—да вѣдь ужъ и время, матушка. Молодость-то вѣдь не бездонный горшокъ, да и тотъ, говорятъ, опоражнивается. Я ужъ это по себѣ знаю. Я по тринадцатому году замужъ шла; а ей вотъ черезъ мѣсяцъ девятнадцатый годокъ минетъ. Что томить-то ее понапрасну. Другія въ ея пору давно ужъ дѣтей повывели. То-то, мать моя—что жъ ее томить-то.

[1]) Рѣчь въ рукописи не докончена. Ред.

У. Н.

Сама все это разумѣю, серебряная, — да нешто за мной дѣло стало, у меня жениховъ то, что кобелей борзыхъ, да ишь-ты разборчивы очень они съ маменькой-то.

Фом.

Да что ихъ разбирать-то! Ну извѣстное дѣло, чтобъ были люди свѣжіе, не плѣшивые, чтобъ не пахло ничѣмъ; а тамъ какова не возьми, все человѣкъ.

У. Н. (*сад.*).

Присѣсть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской. Съ ранняго утра словно отымалка какая мычуся. А вѣдь и проминовать нечего нельзя, вездѣ стало быть необходимый человѣкъ.— Извѣстное дѣло, серебряная, всякой человѣкъ живая тварь: тому невѣста понадобилась, той жениха хоть роди да подай, а тамъ гдѣ нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинитъ, все У. Н. да У. Н. Новорожденный-ли гдѣ случится, али кашу для кума сварить — и этимъ ремесломъ не брезгаемъ. Отдувайся одна за всѣхъ У. Н.— А отъ чего отдувайся? Отъ того, что такъ уже видно устроено,— отъ начала міра этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходятъ и насъ за труды. Кто на платье тебѣ матеріи, кто шаль съ бахрамой, кто тебѣ чепчикъ состряпаетъ, а гдѣ и золотой | гдѣ | и [четвертно] побольше перевалится,—извѣстно что чего стоитъ, глядя по силѣ возможности.

Фом.

Что говор., матушка, что говорить!

У. Н.

Садись, Фом., ноги-то старыя, ломаныя.

Фом.

И! мать! Некогда. Вѣдь какой грѣхъ-то [у насъ] (*вздых.*). Самъ-то [загуляетъ четвертый день] | не ѣдетъ изъ городу | всѣ подъ страхомъ ходимъ. [А. К. какъ листъ дрожитъ] | того и гляди пьяный пріѣдетъ а | ужъ какой благой-то, Господи! [Что за наказанье. Ужъ]. | Зародится-же вѣдь эдак. озорникъ | .

У. Н.

Извѣстное дѣло, съ богатымъ мужикомъ что съ чертомъ, не скоро сообразишь.

Фом.

| Ужъ мы отъ него страсти-то видали. Вотъ на прош. недѣлѣ ночью пьяный пріѣхалъ — развоевался такъ что на поди. Страсти да и только: посуду колотитъ. У, гов., такія вы и эдакія, убью съ разу |. [Я тебя нарочно здѣсь провела, чтобъ съ нимъ-то не встрѣнуться].

У. Н.

| Необразованіе | .

Фом.

Ужъ и правда, матушка. А я побѣгу, родная, на верхъ- | то |. Агра. К. у меня тамъ одна (*ид. на лѣстн.*) Ты какъ пойдешь-то домой, такъ заверни, серебряная, ко мнѣ, я тебѣ окорочекъ завяжу.

У. Н.

Зайду, серебряная, зайду!

(*Лазарь входитъ*).

СЦЕНА II-Я.

Лаз.

А! У. Н. Сколько лѣтъ, сколько зимъ-съ!

У. Н.

Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Лаз.

Что намъ дѣлается-съ (*садится*).

У. Н.

Мамзельку, коли хочешь, высватаю.

Л.

Покорно благодарствуйте—намъ пока не требуется.

У. Н.

Самъ, сереб., не хочешь, пріятелю удружу. У тебя, вѣдь, чай, знакомыхъ-то по городу, [почти] что собакъ борзыхъ.

Лаз.

Да, есть таки, У. Н., около того-съ.

У. Н.

Ну, а коли есть, такъ и слава Тебѣ, Господи! Чуть мало-мальски женихъ, холостой-ли онъ, не женатый-ли, вдовецъ-ли какой—прямо и тащи ко мнѣ.

Лаз.

Такъ вы и жените его?

У. Н.

Такъ и женю. Отъ чего-жъ не женить; и не взвидишь, какъ женю.

Лаз.

Это дѣло хорошее-съ. [Только вамъ] | А вотъ теперича я у васъ спрошу | , У. Н., зачѣмъ это вы къ намъ то больно часто повадились?

У. Н.

А тебѣ что за печаль, зачѣмъ-бы я не ходила. Я вѣдь не краденая какая, не овца безъ имени.—Ты что за спросъ?

Лаз.

Да такъ-съ, не напрасно-ли вы ходите-то.

У. Н.

Какъ напрасно! Съ чего это ты, сереб., выдумалъ! Посмотри-ко, какого жениха нашла. Благородный—крестьяне есть,—да и изъ себя молодецъ.

Лаз.

За чѣмъ-же дѣло стало-съ?

У. Н.

Ни за чѣмъ не стало. Хотѣлъ завтра пріѣхать, да съ С. С. обзнакомиться. А тамъ обвертимъ, да и вся недолга.

Лаз.

Обвертите, попробуйте, задастъ онъ вамъ послѣ копоти.

У. Н.

Что ты, здоровъ-ли, яхонтовый?

Лаз.

Вотъ вы увидите.

У. Н.

До вечера не дожить, ты, алмазный, либо пьянъ, либо вовсе съума свихнулъ.

Лаз.

Ужъ объ этомъ-то вы не извольте безпокоиться,—вы [вотъ] о себѣ-то [бы подумали], подумайте.—А мы знаемъ, что знаемъ.

У. Н.

Да что ты знаешь-то?

Лаз.

Мало-ли что знаемъ-съ.

У. Н.

А коли знаешь, такъ и намъ скажи. Авось языкъ-то не отвалится.

Лаз.

Въ томъ-то и сила, У. Н., что сказать-то нельзя.

У. Н.

Отъ чего-жъ нельзя. [Вотъ еще!] | Меня, что-ль, совѣстишься, бриліант. | —Ничего.—Говори, нужды нѣтъ.

Лаз.

Тутъ не о совѣсти дѣло-съ, а объ томъ, [что] вамъ скажи, а вы, пожалуй, и разболтаете.

У. Н.

Анафема хочу быть, коли скажу,—руку даю на отсѣченіе.

Лаз.

То-то же-съ; уговоръ лучше денегъ.

У. Н.

Извѣст. дѣло.—Ну, что-жъ ты знаешь-то?

Лаз.

А вотъ что-съ, У. Н., нельзя-ли какъ-[съ] этому вашему жениху отказать-съ.

У. Н.

Да что ты, бѣлены что-ль объѣлся?

Л. Е.

Ничего не объѣлся-съ. А если вамъ угодно говорить по душѣ, по совѣсти-съ, такъ это вотъ какого роду дѣло-съ. У меня есть одинъ знакомый-съ купецъ изъ русскихъ, и они оченно влюблены въ А. С—съ. Что, говоритъ, не дамъ, только-бы жениться на А. С. Ничего, говоритъ, не пожалѣю.

У. Н.

Что-же ты мнѣ прежде-то, алмазный, не сказалъ!

Л. Е.

Сказать-то было нечего-съ; потому [самому] что | и | я | то | [самъ] недавно это дѣло узналъ-съ.

У. Н.

Ужъ теперь поздно, бриліантовый.

Л. Е.

А какой женихъ-то, У. Н. Да онъ васъ съ ногъ до головы золотомъ осыплетъ-съ. Изъ живыхъ соболей шубу сошьетъ.

У. Н.

| Да, голубчикъ, нельзя | . Рада бы я радостью. Да ужъ я, яхонтовый, слово дала.

Л. Е.

Ну, какъ угодно-съ, а за этого высватаете, такъ бѣды наживете, что послѣ и не разхлебаете.

У. Н.

Ну, ты тамъ разсуди, съ какимъ я рыломъ покажусь къ С.-то С—чу. Наговорила имъ съ три короба, что и богатъ-то, и красавецъ-то, и влюбленъ-то такъ, что и жить не можетъ, а теперь что скажу? Вѣдь ты самъ знаешь, каковъ у васъ чадочко С.-то С., вѣдь онъ, неровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ—на грѣхъ мастера нѣтъ.

Л. Е.

Ничего, не помнетъ-съ.

У. Н.

Да и дѣвку-то раздразнила, на дню два раза присылаетъ—что женихъ, да какъ женихъ.

Л. Е.

| А вы не бѣгайте отъ своего счастья-съ | . У. Н.-съ, хотите 2.000 р. и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту разстроить-съ? [А что]. А за сватовство у насъ особый уговоръ будетъ-съ. Я вамъ говорю-съ, что женихъ такой, что вы съ роду и не видывали — только вотъ одно-съ, происхожденія неблагороднаго.

У. Н.

А они-то развѣ благородные. То-то и бѣда, яхонтовый, | что| нынче заведеніе такое пошло, что всякая тебѣ лапотница въ дворянство наровитъ. Вотъ хоть-бы и Ол. то Сам., конечно, дай ей Богъ здоровья, бракуетъ по-княжески. [А] вѣдь происхожденія-то, небось, хуже нашего. Отецъ-то С. С. солнцами торговалъ на Балчугѣ; добрые люди Сам-кою звали, подзатыльниками кормили,—да и матушка-то Агр. Конд. чуть-чуть не паневница изъ Преображ. взята. Только тѣмъ и выскочила, что больно звонокъ голосъ былъ.

А нажили капиталъ, да въ купцы вылѣзли, такъ и дочка въ принцессы наровитъ! А все это денежки. Вотъ я, чѣмъ хуже ея, а за ея-же хвостомъ наблюдай. Воспитанья-то тоже она не Богъ знаетъ какого. Пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ; по французскому али на фортеп. тоже сямъ-тямъ, да и нѣтъ ничего; ну, а танецъ-то отколоть, я и сама пыли въ носъ пущу.

пущу—[куры не клюютъ].

Л. Е.

[Ну еще]. Ну вотъ, видите-ли, за купцомъ-то быть ей гораздо пристойнѣе.

У. Н.

Дакакъ-же мнѣ съ женихомъ-то быть, серебреный? Я [ему каждый таки день толкую], | его-то ужъ больно увѣрила | , что такая А. С. красавица, что настоящій тебѣ патретъ, и образованная, говорю, и по французскому, и на разные манеры знаетъ. Что-жъ я ему теперь-то скажу?

Л. Е.

Да вы и теперь то-же ему скажите, что, молъ, и красавица, и образованная | и на всякія манеры | —только, молъ, они деньгами поразстроились; такъ онъ самъ откажется.

У. Н.

А что вѣдь и правда, бриліянтовый. Да нѣтъ, постой, какъ-же, вѣдь я ему сказывала, что у С. С. денегъ-то куры не клюютъ.

Л. Е.

То-то вотъ прытки вы очень разсказывать-то. А почемъ вы знаете, сколько у С. С. денегъ-то; нешто вы считали?

У. Н.

Да ужъ это кого не спроси, всякій знаетъ, что С. С. купецъ богатѣйшій.

Л. Е.

Да, много вы знаете; а что послѣ того будетъ, какъ вы высватаете-то [какого-нибудь] значительнаго человѣка, а С. С. ему денегъ-

|то| не дастъ-|съ|. А онъ послѣ | всего этого | вступится, да скажетъ: я дескать не купецъ, что меня можно приданымъ обманывать. Да [начнетъ еще объ этомъ дѣло въ судѣ] | еще какъ значительный-то человѣкъ подастъ жалобу въ судъ—С. С. | [значитъ] |къ отвѣту потребуютъ, потому что значительному человѣку вѣдь ходъ-съ | — [да бѣда тогда совсѣмъ] |значитъ| мы-то |съ С. С. попалися да |ужъ| и вамъ-то не уйти. Вѣдь вы сами знаете, можно обмануть | приданымъ | нашего брата, съ рукъ сойдетъ, а значительнаго человѣка обмани-ко, поди—такъ послѣ и не уйдешь.

У. Н.

Ужъ полно тебѣ пугать-то. Сбилъ меня съ толку совсѣмъ.

Л. Е.

А вы вотъ возмите-ко задаточку 100 цѣлк., да и по рукамъ-съ.

У. Н.

Такъ ты, яхонт., говоришь, что 2000 р. да шубу соболью?

Л. Е.

Точно такъ-съ, это ужъ будьте покойны. А надѣвши-то шубу соболью, У. Н., да какъ по гулянью пройдетесь.....—Другой подумаетъ генеральша какая.

У. Н.

А что ты думаешь, да и въ самомъ дѣлѣ, какъ надѣну соб. шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то въ боки, такъ ваша-то братья бородатая, рты разинутъ. Разахаются такъ что | пожар. | трубой не разольешь, жены-то съ зависти вамъ всѣ носы пооборвутъ.

Л. Е.

Это точно-съ.

У. Н.

Давай задатокъ—была не была. [Заваримъ ерунду, замѣсимъ кувырколлегію].

Л. Е.

| Извольте-съ | . А вы, У. Н., вольнымъ духомъ. Не робѣйте.

У. Н.

Чего робѣть-то. Только смотри 2000 да соболью шубу.

Л. Е.

Говорю вамъ, что изъ живыхъ—сошьемъ. Ужъ что толковать.

У. Н.

Ну прощай, изумрудный. Побѣгу теперь къ жениху, завтра увидимся, такт я тебѣ все отлепортую.

[Л. Е.]

[Извольте я васъ провожу маленько].

(*Уходитъ*).

[Тишка. *Тишка сходитъ съ лѣстницы.*]

[Лаз. Елиз.—Лаз. Елиз. (*бѣгаетъ по комнатѣ*). Нѣту. Фю—попались.—Ничего, Тишка, не робѣй].

[Фом.]

[Тиша, а Тиша, гдѣ Елизарычъ-то? Господи что же. Ахъ грѣхъ какой].

[Л.]

[Былъ да весь вышелъ!]

[Фом.]

[Да куда-жъ онъ пошелъ-то].

[Л.]

[Нешто онъ у меня спрашивается. Вотъ кабы спрашивался, я бы зналъ!]

[Фом.]

[Да что-жъ это дѣлать-то].

Лазарь входитъ.

[Агр. Конд. (*вбѣг. и затвор.*)].

[С. С. (*входитъ пьяный*)].

[Гдѣ жена! Нѣту ея. Покинули меня. Ну и пускай и не надо. И никого—не надо!]

Л. Е.

Погодите, куда бѣжать-то, зайдите ко мнѣ, водочки выпьемъ-съ.—Тишка, ты смотри, коли хозяинъ пріѣдетъ, такъ ты въ тѣ поры прибѣги за мной.

Т. одинъ.

( )

Тиш.

Да что тамъ у васъ!

Фом.

С. С. изъ городу пріѣхалъ, да никакъ хмѣленъ.

Тиш.

Фю! Попались!

Фом.

Бѣги, Тиша, [такъ] за Лаз., голуб., бѣги скорѣй.

Агр. Кон. *съ мѣст.*

Что, Фом., куда онъ идетъ?

Фом. (*глядѣ. въ ок.*)

Да никакъ, мат., сюда. Охъ запру я двери-то, ей Богу запру. (*Запир.*).

Пускай его къ верху идетъ; а ты ужъ, голубушка, здѣсь посиди. (*Стуч. въ двер. Голосъ С. С.*).

Ей! отоприте, кто тамъ.

Фом.

Поди, бат., поди, усни, Хр. съ тобой.

С. С.

Да что ты старая карга, съ ума, что-ли сошла?

Фом. (*отпир.*).

Ахъ голуб. ты мой, а вѣдь покажись мнѣ съ дуру-то, что ты хмѣльный пріѣхалъ. Ужъ извини, глуха стала на старости лѣтъ.

С. С.

Стряпчій былъ?

Фом.

А стряпали, батюшка: щи съ солониной, гусь жареной, драчена.

С. С.

Да [что] ты, бѣлены что-ль объѣлась, старая дура.

Фом.

Нѣтъ, бат., сама кухаркѣ приказывала!

С. С.

Пошла вонъ! *(Садится). Фом. подход. къ двери и возвращ.*

Фом.

Ахъ я дура, дура! Ужъ не взыщи на плохой памяти, холодной-то поросенокъ совсѣмъ изъ ума выскочилъ.

(Лазарь входитъ) съ Тишк. и стоитъ.

С. С.

Убирайся къ свиньямъ. *(Фом. уход.). (Молч.).* Что ты ротъ-то разинулъ, чего не видалъ, аль тебѣ дѣла нѣтъ.

[**Больш.** *(пиш.)*].

[По сему счету деньги сполна получилъ Моск. 1 г. к. С. С. сынъ Б.—Возьми—пусть будетъ по твоему.—Хорошъ я купецъ. Товару прод. на 110 т. да векс. на 250 т., а денегъ ни коп.] [1]).

Лаз.

[Товаръ-то который продали опять у насъ же остался—за векселя деньги—я вамъ сей доставлю-съ].

Боль.

[Ну! ну! Я пошутилъ.—Охъ, Лаз., старайся, братъ, усердствуй,—для тебя-жъ будетъ лучше! Кончится благополучно,—такъ чай все ужъ тысячекъ десятокъ другой сторговишь!]

Лаз.

[Не нуждаюсь я въ нихъ-съ, послѣ вашего благодѣянія]. Потому [что] самому | не захочу я себя изъ за этакой малости марать-съ. Вы,

---

[1]) Варіантъ къ этому мѣсту помѣщенъ въ концѣ акта.

С. С., напрасно такой сюжетъ обо мнѣ имѣете—и совсѣмъ не такіе предметы у меня на умѣ-съ.

Больш.

А какіе же у тебя пред. на умѣ.

Лаз.

[Извѣстное дѣло-съ. Заведеніе у насъ этакое было-съ превосходное,—и все теперь должно въ разстройство притти-съ]. Вы подвигаетесь къ старости; Аг. Кон. дама изнѣженная; О. С. барышня образованная—и въ такихъ годахъ-съ. [Конечно у васъ].—Надобно и о ней заботливость приложить-съ. А теперь [такія обст. не благопріят.] мало-ли что можетъ произойти-съ изъ всего этого.

Больш.

А что-жъ | такое | можетъ [вытти] произойти. Ну [что попад. въ просакъ. Вѣдь не одна-же О. С. терп.] | да хоть-бы и произошло-то что нибудь | , [чѣмъ-же]. | Такъ О. С. твоя тутъ не виновата | [буд.] я то первый попадусь.

Л.

Что-же о васъ-то толковать! Вы С. С. отжили свой вѣкъ. — С. Созд. пожили. А О. то С. извѣстное дѣло барыш., как. въ свѣтѣ нѣтъ. Я вамъ, С. С., по совѣсти говорю, т. е. какъ есть это все—[теперича] по моимъ чувствамъ—если я теперича стараюсь для васъ, и всѣ усердія, можно сказать, не жалѣя пота крови, прилагаю, такъ это все больше потому самому, что жаль мнѣ [О. С.] вашего семейства.

Больш.

Полно, такъ-ли?

Лаз.

Позвольте-съ! Ну, полож., что это все благополучно кончится-съ. Хорошо-съ! Останется у васъ чѣмъ пристроить О. С.—Ну, объ эт. и толк. нечего-съ. Были-бы деньги, а женихи найдутся. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Госп.! | Это я, С. С., къ примѣру говорю-съ | , [отъ слова не станется], какъ придер., да начнутъ по суд. таскать. Да на все семейст. этак. мораль [будетъ] пойдетъ. Да еще и имѣніе-то все опишутъ. Должны будутъ они-съ голодъ и холодъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія; какъ птицы какія беззащитныя, безо всякаго

пристанища должны буд. маяться. [Охъ, я, С. С., не могу удержаться отъ слезливости]. | Да это сохрани, Господи —Это что-жъ будетъ тогда | (*хнык.*).

С. С.

Да о чемъ [же] ты плачешь-то. Ужъ словно и на поди что сдѣлалось.

Л.

[Да я ужъ, С. С.]. Конечно, С. С., это я такъ къ примѣру говорю—въ добр. часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется. А вѣдь врагъ-то силенъ, горами мотаетъ.

Больш.

Полно! [Не плачь!] Полно! Л. Елиз., ты и меня-то смутилъ. Что-жъ дѣлать-то | братъ | , ужъ знать такая воля Божья—противъ [братъ] не пойдешь.

Лаз.

Это точно, С. С., А все-| таки | [мой такой] по моему глупому разсужденію, [С. С.], пристр. [надобно] | бы | поскорѣй | до поры до времени | . О.-то С. за хорошаго человѣка,—такъ ужъ тогда по крайности будетъ | она | какъ за каменной стѣной-съ. Да главное то, чтобъ была душа у человѣка, С. С., такъ онъ будетъ чувствовать. А то вонъ, что сват. за О. С.—благород.—то присватался, да и назадъ.

Больш.

Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ.

Лаз.

Я, С. С., не выдумалъ; всѣ такъ говорятъ-съ. Вотъ У. Н. придетъ, молъ, она вамъ скажетъ. Такъ вотъ вы возьмите въ разсужденіе-съ. Я постор. человѣкъ, не родной-съ, а для вашего благопол. ни дня, ни ночи себѣ покою не знаю, да и [сердцемъ-то измучп.] сердце-то у меня все изныло-съ, а [ему] за него отдаютъ барышню, можно сказ. красоту неописанную, да и денегъ еще | ему | даютъ-съ, а онъ ломается, да важничаетъ, ну, есть-ли въ немъ душа послѣ всего этого. | Вотъ какой народъ-то нынче-съ | .

Больш.

Ну, да и жалѣть-то много не о чемъ. Онъ мнѣ что-то и самому не больно нравится. Такъ ужъ, скрѣпя сердце, отд. дочь то, какъ-будто, что благород. да крестьяне есть. Ну, [а отказ.] не хоч., такъ и не надо, не заплачемъ.

Лаз.

Нѣтъ, вы, С. С., разсудите объ эт., есть ли душа у человѣка. Я вотъ постор. человѣкъ, да [убиваюсь тутъ, какъ чортъ какой, какъ анафема какая. А вѣдь я, С. С., посторонній человѣкъ, поймите вы это]. |Не могу безъ слезъ видѣть всего этого, поймите вы это, С. С. |, другой-бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ за чужова дѣла. А вѣдь меня теперь вы хоть гоните силой, хоть бейте,—а я ужъ васъ [не могу] не оставлю;—потому не могу—сердце у меня не такое.

С. С.

[Ну], спасибо, | спасибо | Лаз., что ты меня старика не оставляешь. Только вѣдь на тебя и надежды-то. Вѣдь вотъ оставь ты меня, такъ мнѣ и расположиться не на кого.

Лаз.

| Да | не могу-же я это сдѣлать, С. С. Поймите вы это! не такой я совсѣмъ человѣкъ! Другому, конечно, С. С., это все равно-съ. Ему хоть трава не рости. А ужъ я не могу-съ. Сами изволите — хлопочу я али нѣтъ-съ. Какъ чортъ какой, убиваюсь я теперича изъ за чужова дѣла-съ. Потому что не такой я человѣкъ-съ. Жалѣючи васъ это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. — Сами изволите знать. А. К. дама изнѣженная, А. С. бар. какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-съ.

С. С.

Да что она у тебя въ зубахъ завязла, О. С. да О. С. Ужъ ты братъ не того-ли?

Л.

Я, С. С., ничего-съ.

С. С.

То-то, братъ! Ты ужъ лучше откровенно говори, любишь ты мою дочь? а?

Л.

Вы, С. С., можетъ шутить изволите?

С. С.

Что за шутки, я тебя безъ шут. спрашиваю.

Л.

Помилуйте, С. С., смѣю-ли я подумать-съ.

С. С.

А что-жъ-бы такое не смѣть-то! Что она княжна что-ли какая, что ужъ и любить-то ее не смѣть.

Л,

Хотя и не княжна-съ, да какъ были вы моимъ благодѣтелемъ и, можно сказать, вмѣсто отца роднаго... Да нѣтъ, С. С., помилуйте, какъ-же это можно-съ; неужто-же я этого не чувствую.

С. С.

Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

Л.

Какъ-же не любить-съ, помилуйте. Кажется, больше всего на свѣтѣ. Да, помилуйте, С. С., какъ-же это можно-съ!

С. С.

Такъ ты-бы такъ и говорилъ, что люблю молъ больше всего на свѣтѣ.

Лаз.

Да какъ-же не любить-съ; сами извольте разсудить: день думаю, ночь думаю: то бишь, извѣстное дѣло, О. С. барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ... Да, нѣтъ этого нельзя-съ. Гдѣ-же намъ-съ.

С. С.

Да чего нельзя-то, дура голова.

Л.

Да какъ-же можно, С. С. Какъ знамши я васъ, какъ отца роднаго, и О. С.-съ и опять знамши себя: что я такое значу—гдѣ-же мнѣ съ суконнымъ-то рыломъ-съ.

С. С.

Ничего не суконное! Рыло какъ рыло,—былъ-бы умъ въ головѣ, а тебѣ |ума-то не занимать стать|, этимъ добромъ |тебя| Богъ наградилъ. Такъ что-же, Л., посвататься ты хочешь за мою дочь? а?

Лаз.

Да помилуйте: смѣю-ли я-съ! О. С., можетъ быть, на меня и глядѣть-то не захотятъ-съ.

С. С.

Важное дѣло! Не плясать-же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Лаз.

Не смѣю я, С. С., объ этомъ съ вами говорить. Не [могу] хочу я быть подлецомъ противъ васъ.

С. С.

Экой ты, братецъ, глупый! Какъ-бы я тебя не любилъ, нешто бы я такъ съ тобой разговаривалъ. [Понимаешь-ли ты, глупый ты человѣкъ, что я тебя могу на всю жизнь счастливымъ сдѣлать]. Сыновей у меня нѣтъ. А какъ я тебя люблю—такъ и можешь ты мнѣ быть вмѣсто роднаго сына.

Лаз.

А нешто я васъ не люблю, С. С. | больше отца роднаго |, да накажи меня Богъ,—да что-же я за скотина [буду безчувственная].

С. С.

[Спасибо, Л., что меня любишь], ну, а дочь любишь?

Л.

Изнылъ весь-съ; вся душа-то у меня перевернулась давно.

С. С.

Ну, а коли душа перевернулась, такъ надо тебѣ Липу отдать. Владѣй Ѳад. нашей Мал.

Л. (*брос.*).

Тятенька, за што жалуете. Не стою я того. Не стою и физ. у меня совсѣмъ не такая.

С. С.

Ну ее, физіономію! [А ты ступ. ко теперь въ конт., да никому не сказ., что тотъ жен. отказался. Мы надъ нимъ шут. подшут., а ужотко я тебя кликну.

Лаз. *къ Тишкѣ* [1]).

Говорили тебѣ, кажется.

С. С.

Стряпчій былъ?

Лаз.

Былъ-съ.

С. С.

Говорилъ ты съ нимъ?

Лаз.

Говорилъ-съ.

С. С.

Ну, что-же онъ?

Лаз.

Да что, С. С., развѣ онъ чувствуетъ. | Извѣстно | , чернильная душа-съ. Одно ладитъ объявиться несостоятельнымъ.

С. С.

Что-жъ объявиться, такъ объявиться, | ужъ | одинъ конецъ.

Лаз.

Ахъ, С. С., что это вы изволите говорить-съ.

---

[1]) Варіантъ.

С. С.

Что-жъ всѣ деньги заплатить, да съ чего ты это взялъ; да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя, пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.

Лаз.

Не нуждаюсь я ни въ чемъ-съ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я теперича готовъ всю душу отдать за васъ, а не то, чтобы какой фальшъ сдѣлать.

Больш.

А ты слушай, Лазарь. Все, что ты видишь—все твое. Домъ, лавки, товаръ, деньги. Только корми меня со старухой—да заплати за меня по сдѣлкѣ, коп. 10, больше не давай, слышишь.

Лаз.

Помилуйте, тятенька, свои люди—сочтемся-съ.

Больш.

Ну, ты ступ. теперь къ себѣ | а ужотко я тебя кликну | . Мы надъ ними шутку подшутимъ.

А. Н. Островскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПОРТРЕТЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО

Гравюра на мѣди художника Ѳ. И. Веревкина.

Приложенный къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ портретъ славнаго нашего писателя А. Н. Островскаго исполненъ на мѣди молодымъ художникомъ-граверомъ Ѳ. И. Веревкинымъ съ фотографическаго оригинала, весьма обязательно, по нашей просьбѣ, сообщеннаго братомъ покойнаго писателя—Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ.

Художникъ Ѳ. И. Веревкинъ—ученикъ покойнаго ректора и профессора Императорской Академіи художествъ Ѳ. И. Іордана († 1883 г.). Талантливымъ рѣзцомъ Ѳ. И. Веревкина исполнены до сихъ поръ (мартъ 1891 г.), между прочими, нижеслѣдующія гравюры на мѣди:

Въ **1881** г.—копія съ эстампа Гольціуса „Юпитеръ Олимпійскій“.

Въ **1884** г.: копія съ портрета Лебрена, гравированнаго Веллингомъ.

Въ **1885** г.: портретъ художника Лебедева.

Въ **1886** г.: гравюра съ фотографіи портретъ Я. П. Полонскаго.—„Мальчикъ садовникъ“ Кипренскаго.

Въ **1888—1889** гг.: портретъ Е. И. В. великаго князя Владиміра Александровича съ рисунка художника Васильева.

Въ **1889—1890** гг.: портретъ Н. Д. Хвощинской-Заіончковской, въ литературѣ В. Крестовскій; портретъ этотъ приложенъ къ изданію „Русская Старина“ 1891 г., т. LXIX, книга январь. Эта гравюра исполнена съ дагеротипа 1852 г. и была на выставкѣ въ императорской академіи художествъ въ Спб., въ мартѣ 1891 г.

Въ **1890** г.: портретъ съ фотографіи И. А. Вахрамѣева, почетнаго гражданина гор. Ярославля, одного изъ основателей

Музея церковныхъ древностей въ городѣ Ростовѣ Великомъ и владѣльца замѣчательнаго собранія памятниковъ древней письменности въ Ярославлѣ.

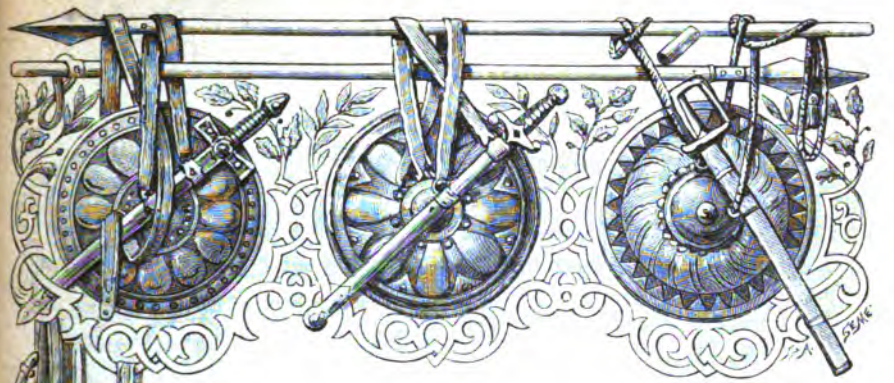
Въ **1890** г.: гравюра, по собственному рисунку картины Греза „Женская головка".

Въ **1890-1891** гг.: портретъ съ фотографіи писателя А. Н. Островскаго, приложенный къ изданію „Русская Старина" 1891 г., т. LXX, книга апрѣль. Гравюра эта въ мартѣ 1891 г. была на выставкѣ въ императорской академіи художествъ.

Вотъ перечень художественныхъ трудовъ молодаго и въ высокой степени даровитаго гравера на мѣди Ѳ. И. Веревкина, каковой списокъ мы приводимъ изъ V-го тома нашего Альбома автографовъ, „Знакомые" (рукопись), художника безспорно одного изъ самыхъ талантливыхъ въ группѣ русскихъ современныхъ тружениковъ въ этой, почти совершенно оставленной, области искусства. Къ сожалѣнію, Ѳ. И., ради насущнаго хлѣба, весьма занятъ преподавательскою дѣятельностью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ учитель рисованія, что весьма его отвлекаетъ въ данное время отъ гравированія на мѣди. Будь матеріальныя его средства сколько-нибудь обезпечены, Ѳ. И. Веревкинъ произвелъ бы своимъ чуднымъ рѣзцомъ большое число гравюръ на мѣди и тѣмъ прославилъ-бы русское искусство въ этой отрасли.

Таково наше искреннее мнѣніе.

Ред.



ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ,

84-я ГОДОВЩИНА ЕГО УЧРЕЖДЕНІЯ

1807 $\frac{\text{МАРТА}}{\text{14-го}}$ 1891.

ИЗДАНІЕ „РУССКАЯ СТАРИНА"
1891 г., т. LXX, кн. 4.

Сказанія о Дворянскомъ полку.

I. Матеріалы для исторіи бывшаго Дворянскаго полка до переименованія его въ Константиновское военное училище, 1807 — 1859 гг. Очеркъ составилъ и издалъ бывшій воспитанникъ полка, полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) М. Г. Гольмдорфъ. Спб. 1882 г., въ 8 д., стр. III + 200, съ прилож. фототипіи — виньетка съ портретами: императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, цесаревича Константина Павловича и великаго князя Михаила Павловича, генераловъ: гр. Я. И. Ростовцева и П. Н. Пущина.

II. Именной списокъ воспитанниковъ всѣхъ выпусковъ изъ Дворянскаго полка и состоявшаго при семъ полку кавалерійскаго эскадрона съ 1807 по 1855 гг. и Константиновскаго кадетскаго корпуса съ 1855 по 1859 годъ. Спб. 8 д., стр. 210. Составилъ и издалъ М. Г. Гольмдорфъ.

III. Въ историческомъ журналѣ „Русская Старина“ разновременно помѣщены воспоминанія о Дворянскомъ полку, въ запискахъ: А. Кирѣева — о пребываніи въ полку въ 1808—1811 гг.; Топчіева — о бытности въ полку въ 1815—1819 гг.; М. И. Венюкова (1850—1852 гг.), Миклашевскаго, Петракова и другихъ, а также помѣщаются очерки ежегодныхъ собраній товарищей, въ память 14-го марта 1807 г., въ день учрежденія Дворянскаго полка.

Четырнадцатаго марта 1891 г. питомцы трехъ преемственныхъ другъ другу учебныхъ заведеній—Дворянскаго полка, Константиновскихъ кадетскаго корпуса и Втораго военнаго училища—собрались въ дружной и многочисленной семьѣ (67 лицъ) отпраздновать 84-ю годовщину основанія Дворянскаго полка (1807 г.) [1]).

„Фельдфебель Дворянскаго регимента", ген.-лейт. Г. П. Власовъ, провозгласилъ рядъ традиціонныхъ на этомъ собраніи тостовъ. Тостъ за Державнаго Вождя Россіи и за всю Августѣйшую Фамилію, сопровождаемый горячимъ пожеланіемъ Наслѣднику Цесаревичу благополучно совершить дальнее путешествіе, покрытъ былъ восторженными кликами „ура" и національнымъ гимномъ, многократно исполненнымъ. Слѣдующій тостъ былъ въ память славнаго Дворянскаго полка, тысячи тысячъ питомцевъ котораго сослужили, а многіе и продолжаютъ нести великую службу отечеству на всевозможныхъ поприщахъ и изъ которыхъ многія сотни легли на поляхъ битвъ. Не менѣе восторженно провозглашено было общее пожеланіе о дальнѣйшемъ процвѣтаніи внука Дворянскаго полка—Константиновскаго 2-го военнаго училища.

Въ высшей степени трогателенъ былъ моментъ, когда со звуками оркестра слились всѣ голоса присутствовавшихъ въ одной пѣснѣ, сложенной въ Дворянскомъ полку, полвѣка тому назадъ (14-го марта 1840 г.), въ память убіенныхъ на поляхъ битвъ и умершихъ отъ ранъ въ сраженіяхъ питомцевъ этого полка:

„Братья, всѣ въ одно моленье..."

Одинъ изъ питомцевъ полка, „полковой писарь Дворянскаго регимента", тайный совѣтникъ М. И. Семевскій, въ задушевномъ словѣ помянулъ умершихъ въ истекшемъ году наиболѣе видныхъ изъ товарищей и однокашниковъ. Такъ, въ концѣ 1889 и въ теченіе 1890 года изъ многочисленной семьи „Дворянъ-Константиновцевъ" сошли въ могилу: ген.-лейт-ы:—Зарубаевъ, Золотаревъ,

[1]) Эта статья, принадлежащая сотруднику „Русской Старины" А. П., напечатана 15-го марта 1891 г., въ № 74 газеты „Новости"; приводимъ ее здѣсь съ дополненіями.

Виньетки исполнены почетнымъ членомъ императорской академіи художествъ, маститымъ профессоромъ Ѳ. Г. Солнцевымъ (род. 14-го апр. 1801 г.).

Эллерсъ, К. В. Левицкій; ген.-маіоры: И. А. Самойловичъ, оставившій о себѣ самую добрую память, какъ педагогъ и заботливый начальникъ военно-фельдшерской школы; Л. Л. Кирпичевъ—замѣчательный профессоръ Михайловской артиллерійской академіи и наиблагороднѣйшій человѣкъ, снискавшій себѣ всеобщее уваженіе и любовь [1]). Въ числѣ покойниковъ послѣдняго года изъ дворянъ и константиновцевъ названы были также В. Ѳ. Лебединскій—ближайшій сподвижникъ героя Евдокимова при покореніи имъ Кавказа; ген.-отъ-инфантеріи Клеммъ и маіоръ Никифоровъ — первый по времени военный министръ въ Болгаріи (въ 1885 г.).

Старѣйшимъ по выпуску изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ воспитанниковъ Дворянскаго полка былъ ген.-лейт. В. А. Щелковъ—выпуска 1829 г.

Душою обѣда былъ ежегодный его распорядитель—„кашеваръ" генер.-маіоръ М. Г. Гольмдорфъ, прочитавшій два стихотворенія, полныя жизни и поэтическаго одушевленія, всецѣло посвященныя воспоминанію о Дворянскомъ полку и его представителяхъ. Къ этимъ стихамъ неожиданно присоединилъ, прямо отъ сердца вылившееся, свое стихотвореніе И. Н. Явленскій (вып. 1844 г.), десятки лѣтъ прослужившій на Кавказѣ и впервые явившійся на дружескую трапезу.

Почетными гостями дружескаго собранія дворянъ-константиновцевъ были: начальникъ Николаевской академіи ген. штаба, проф. ген.-лейт. Г. А. Лееръ (бывшій нѣкогда инспекторомъ 2-го военнаго Константиновскаго училища) и нынѣшній, въ 1891 г., начальникъ 2-го Константиновскаго военнаго училища—генералъ А. К. Водаръ.

Собраніе, какъ и въ прежніе годы, не обошлось безъ добраго дѣла: въ офицерскую фуражку, обошедшую товарищей, накидано было 216 рубл.,—сумма на воспособленіе вдовѣ одного товарища и на восполненіе существующаго капитала Дворянскаго полка, составившагося изъ подобныхъ-же сборовъ. Ген.-лейт. Н. Н. Гавриловъ сдѣлалъ товарищамъ сообщеніе объ этомъ капиталѣ. Онъ оказался — съ нынѣ отчисленною въ него суммою—въ 2,600 р. Собраніе уполномочило Н. Н. Гаврилова возобновить ходатайство въ военномъ министерствѣ, дабы капиталъ этотъ, лежащій нынѣ въ депозитѣ Втораго военнаго Константиновскаго училища, получилъ такое предназначеніе, чтобы на % съ него могли воспитываться дѣти, мальчики или дѣвочки, преимущественно сироты, дѣти бѣднѣйшихъ воспитанниковъ „Дворянъ или Константиновцевъ" въ заведеніяхъ,

[1]) Шт.-кап. гвард. артил. Пав. Платон. Потоцкій издалъ превосходно составленный очеркъ трудовой жизни и характеристику покойнаго профессора Л. Л. Кирпичева, съ интересными приложеніями и портретомъ. Спб. 1891 г., брошюра въ 8 д.

безразлично какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ; въ виду чего капиталъ, если то окажется необходимымъ, перенести въ депозитъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ библіотекѣ 2-го военнаго Константиновскаго училища (въ зданіи онаго на Забалканскомъ проспектѣ, въ Спб.), съ 1888 года, имѣется особый отдѣлъ научныхъ, военныхъ, техническихъ, художественныхъ и литературныхъ трудовъ бывшихъ питомцевъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему двухъ учебныхъ заведеній.

Собраніе постановило: для вящаго упроченія и развитія этого отдѣла и для его наивозможнаго восполненія всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ этому роду произведеній, равно и изъ области художествъ и искусствъ, бывшихъ воспитанниковъ „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“ (1807—1891 гг.),—пригласить особую комиссію (и приглашена) изъ слѣдующихъ лицъ: начальникъ 2-го военнаго Конст. училища—А. К. Водаръ, инспекторъ онаго А. Ѳ. Маккавѣевъ, ген.-лейт. Г. А. Лееръ (бывшій нѣкогда инспекторомъ въ Конст. воен. училищѣ), академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, ген.-лейт. Н. П. Петровъ, тайный совѣтникъ М. И. Семевскій и ген.-маіоръ М. Г. Гольмдорфъ.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ провозглашены были товарищами здравицы: за В. А. Щелкова (старѣйшаго по выпуску изъ присутствовавшихъ), Г. П. Власова—фельдфебеля и предсѣдателя Дворянскаго регимента, Г. А. Леера и А. К. Водара—почетныхъ гостей собранія, М. Г. Черняева, Н. П. Петрова, М. Г. Гольмдорфа и М. И. Семевскаго.

Полные чувства глубокаго уваженія и сердечной признательности за память о праздникѣ Дворянскаго полка посланы были отъ собранія отвѣты на телеграммы: Г. Г. Даниловичу, В. П. Коховскому, Г. Д. Соханскому, М. И. Драгомирову, генераламъ Баранову (въ Ташкентъ) и Парчевскому (Тифлисъ), отцу протоіерею А. И. Соколову.

Прекрасный оркестръ л.-гв. Павловскаго полка, между разными пьесами, исполнилъ музыкальную картину: „Дворянскій полкъ“.

Дворянскій полкъ и Константиновцы

1807—1859—1891.

I.

Дворянскій полкъ не существуетъ:
Въ училище онъ обращенъ,
А въ жизни время все тушуетъ,
Коль слѣдъ ея не сохраненъ.
Такъ вспомнимъ же, какъ въ полкъ сбирали.
Изъ неучей, дворянъ толпой;
Наукой въ немъ не просвѣщали:
Тогда задачею былъ—строй.
Всѣ корпуса въ полкъ нашъ ссылали
Кадетъ испорченныхъ своихъ.
Порядки въ немъ тогда внушали:
Одинъ, чтобъ стоилъ бы двонхъ.
Но времена перемѣнились:
Гольтгоеръ, Щепинъ, Кнаппъ ушли.
Въ полку науки появились,
„Дворянъ“ всѣхъ въ классы повели.
Инспекторъ Форсманъ—просвѣтитель—
Къ труду и пользѣ ободрялъ,
А Пущинъ—строгій обновитель—
„Дворянъ“ къ порядку пріучалъ.
Отецъ Рождественскій трудился
Добро и честь въ сердца вселять;
Затѣмъ ужъ Воронецъ гордился
„Дворянъ“ кадетами назвать.
Лишь четверть вѣка протекаетъ,
Для нашей полковой семьи
Кадетъ отборныхъ присылаютъ
Со всѣхъ концовъ родной земли.
Съ „корнями“ [1]) въ ней они роднятся,
Имъ совершенство придаютъ,
Въ бояхъ герои въ нихъ родятся,
Врага, съ „корнями“ вмѣстѣ, бьютъ.

---

[1]) Коренные воспитанники, т. е. поступившіе прямо въ Дворянскій полкъ, а не изъ корпусовъ.

Такъ сѣмя чести и добра
На почвѣ юношей всходило,
Безъ лишней траты серебра
Плоды Отчизнѣ приносило.
Хрулевъ нашъ—штурмы отбиваетъ,
Черняевъ—въ Азіи гремитъ,
Нашъ Огаревъ-врага сбиваетъ,
Героемъ—Щеголевъ стоитъ.
Тютрюмовъ нашъ—портреты пишетъ,
Стихами—Курочкинъ даритъ,
Сатирою Минаевъ дышетъ,
Семевскій—„Старину“ живитъ.
Какъ педагоги: Даниловичъ,—
Вниманьемъ царскимъ онъ почтенъ,
Коховскій, Гартманъ, Самойловичъ
Наукѣ каждый посвященъ.
И академикъ нашъ Дубровинъ
Исторіи свой вкладъ несетъ,
Для дѣла-жъ книжнаго Суворинъ
Трудовъ не мало отдаетъ.
Нашъ Драгомировъ научаетъ
Къ побѣдѣ какъ должно идти;
Онъ самъ Дунай переплываетъ,
Дорогу къ Шипкѣ чтобъ найти.
А сколько пало въ бранномъ полѣ
Дворянскаго полка сыновъ!
Легли они по доброй волѣ,
Русь защищая отъ враговъ.
Въ рѣкѣ Стрѣльбицкій утопаетъ,
Въ ущельи Шрейбергъ нашъ сожженъ,
Булыгинъ въ схваткѣ погибаетъ,
Нашъ Сельванъ пулею сраженъ.
Но всѣхъ „Дворянъ“ не перечислить,
Полка кто славой дорожилъ;
Пускай Исторія исчислитъ
Отчизнѣ кто полезенъ былъ.
А мы, храня нашъ духъ „Дворянскій“,
Мы станемъ всѣ за Русь стѣной;
На всѣхъ ступеняхъ службы Царской
Питомцы мы—семьи одной.
И будемъ впредь въ семью сбираться,

Родной нашъ полкъ не забывать,
И шалостямъ былымъ смѣяться,
И все былое освѣжать.

II.

Теперь позвольте кашевару,
Въ стихахъ, вамъ пару словъ сказать:
Пируемъ здѣсь не для угару,
Хотимъ лишь сердце освѣжать.
Пусть мы различныхъ положеній,
На разныхъ ступеняхъ стоимъ,
Но вѣдь мы всѣ, безъ исключеній,
Огнемъ „Дворянъ“ всегда горимъ.
А какъ огонь тотъ загорался
И почему не угасалъ,
Чѣмъ въ жизни, дѣлѣ отражался
И что собою создавалъ?...
Отвѣтъ на это мы читаемъ
Въ далекомъ прошломъ и быломъ
И много лѣтъ ужъ замѣчаемъ
За нашимъ дружескимъ столомъ.
Кадетъ и юнкеръ тутъ родные,
Взросли изъ общаго гнѣзда,
Принципы ихъ—одни, святые,
Роднаго, стараго полка.
Съ такимъ составомъ „кашевару“
Отрадно кашицу варить,
А чтобъ развить здѣсь больше жару—
За „полкъ Дворянскій“ будемъ пить!

Воспитанникъ Дворянскаго полка и Константиновскаго кадетскаго корпуса Мих. Густ. **Гольмдорфъ** (выпуска 1855 г.).

III.

ДРУЗЬЯМЪ.

Друзья мои! Почти полвѣка
Въ средѣ я вашей не бывалъ
И жизнь мою, какъ жизнь абрека,
Родному краю посвящалъ!
И въ Бухарѣ, и въ Дагестанѣ,
И на равнинахъ всей Чечни,
Прошли года въ бивачномъ станѣ—
Какъ золотые точно сны!

И вотъ, теперь, разсадникъ свѣта,
Науки, жизни, добрыхъ дѣлъ,
Услышитъ пусть слова привѣта
Того, кто въ жизни уцѣлѣлъ!
Пусть въ этотъ день воспоминаній
Объ alma mater дорогой,
Забывши дни тоски, страданій,
Сольёмся мы одной душой.
Пусть молодое поколѣнье,
Лаская честныхъ стариковъ,
Возьмётъ у насъ и вдохновенье
На радость будущихъ вѣковъ!
И честно жизнь мы отдавая
Родному краю, какъ привѣтъ,
Пусть доживаемъ—уповая,
Что счастья въ жизни выше нѣтъ:
Пусть среди жизненнаго пира
Россія въ счастьи процвѣтётъ,
Съ мечемъ въ ножнахъ, съ оливой мира,
Дѣтей покоемъ обовьетъ!
Пусть на груди своей согрѣетъ
Въ борьбѣ хладѣющую кровь,
На почвѣ разума и дѣла
Пускай живитъ насъ вновь и вновь.
На пользу малыхъ сего міра
Свои познанья отдадимъ—
И нашего Царя-кумира
Любовью крѣпкой подаримъ!..

Воспитанникъ Дворянскаго полка,
Иванъ Ник. **Явленскій** (вып. 1844 г.).

14-го марта 1891 г.

IV.

Собраніемъ „Дворянъ-Константиновцевъ“ на братскомъ пирѣ 14-го марта 1891 года получены привѣтственныя телеграммы отъ товарищей:

Сувалки. Отъ Константиновцевъ: Козелло-Поклевскій, Дементьевъ, Аольковскій, Сцѣпуро, Родзевичъ, Мельницкій, Доморадскій, капитанъ Пальховскій.

Бѣлый Ключъ. Чествуя нынѣшній день, пьемъ за процвѣтаніе родного намъ гнѣзда и за здоровье дорогихъ однокашниковъ. Грузинскаго гренадерскаго полка Побыванецъ, Меркуловъ, Баратовъ, Нольде, Васильевъ, Брохоцкій, Томиловъ, Дочкаревъ, Чекотовскій, Томиловъ, Дворжецкій, Богдановичъ.

Вышній Волочекъ. Привѣтъ вамъ и пожеланія всего хорошаго! Если въ средѣ васъ, многоуважаемые однокашники, находятся кадеты моего выпуска, 11-го іюня 1855 года, то бью имъ челомъ сдѣлать мнѣ честь подарить свои фотографическія карточки. Каждому оказавшему мнѣ эту любезность я немедля вышлю свою. Не могу не вспомнить здѣсь о нашей alma mater: мы—наличные ея представители, должны вспомнить ее добромъ. Благодаря корпусамъ, наша славная армія имѣла достойныхъ представителей, которые всегда съ честью и славою вели ее за собой къ побѣдѣ или геройской защитѣ. Благодаря корпусамъ, мы стали тѣмъ, что мы есть, не затерялись, не размѣшались, а многіе изъ насъ нашли въ положенныхъ въ насъ основахъ столько матеріала и силъ, что выдвинулись не только далеко впередъ, принося своею дѣятельностью услугу нашему дорогому отечеству, но даже заняли, а другіе займутъ почетныя мѣста въ исторіи. Старый кавказецъ, нынѣ членъ Тверскаго окружнаго суда А. А. Губченко.

Ярославль. Съ радостью привѣтствуемъ старыхъ товарищей, чествующихъ годовщину основанія дорогого намъ по духу и воспоминаніямъ Дворянскаго полка. Пріятно-бы знать оказавшихся на перекличкѣ? Мировой судья Яковлевъ (вып. 1848 г.), управляющій отд-мъ крестьян. вем. банка Зузинъ (вып. 1853 г.), директоръ военной школы Елчаниновъ (вып. 1855 г.).

Вильна. Привѣтъ отъ подполковниковъ Путырскаго и Куторга.

Пбг. Дряговъ. М. И. Семевскому. Прошу в. п. передать мой привѣтъ дорогимъ однокашникамъ. Мерчанскій (выпуска 1848 г.).

Спб. Прошу дворянъ и константиновцевъ принять мой сердечный привѣтъ въ памятный день 14-го марта. Всѣмъ мое искреннее добропожеланіе и дома, и на службѣ. О почившихъ всегда моя молитва и добрая память. Протоіерей Александръ Соколовъ.

Спб. Привѣтъ и поздравленіе съ праздникомъ нашего доблестнаго Дворянскаго полка. С. Лейхтъ.

Спб. Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ (Семевскому). Прошу васъ быть выразителемъ моихъ сердечныхъ симпатій къ дорогимъ товарищамъ и моихъ сердечныхъ же пожеланій имъ счастія, здоровья и полнаго успѣха въ ихъ служебной и общественной дѣятельности. Душевно сожалѣю, что, по нездоровью, не буду въ ихъ кругу и не обновлюсь нравственно воспоминаніями о давнихъ юношескихъ годахъ. Душевно вамъ преданный, Всев. Коховскій.

Спб. М. И. Семевскому. Передайте мое сердечное привѣтствіе дорогимъ товарищамъ и совоспитанникамъ по Дворянскому полку и Константиновскому военному училищу. Душевно сожалѣю, что не могу присутствовать на ихъ годичномъ праздникѣ. Ген.-адъют. Даниловичъ.

Александрополь (за Кавказомъ). Привѣтъ отъ кружка дворянъ и константиновцевъ. Подписалъ отъ лица выпуска 1860 г. генералъ-маіоръ Дроздовичъ.

Асхабадъ. Привѣтъ дорогимъ товарищамъ и однополчанамъ. Подписалъ отъ семьи дворянъ и константиновцевъ старшій изъ присутствовавшихъ полковникъ Крутиковъ.

Тифлисъ. Привѣтъ товарищамъ—подписалъ генералъ Парчевскій.

Ташкентъ. Привѣтъ отъ лица товарищей туркестанцевъ; подписалъ генералъ Барановъ (вып. 1849 г.).

V.

Списокъ участниковъ въ чествованіи въ С.-Петербургѣ 84-й годовщины основанія Дворянскаго полка, по выпускамъ ихъ изъ Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и 2-го Константиновскаго военнаго училища:

1832 г. — поручики Юрловъ, Жолтиковъ. **1860** г. — Дандре. **1879** г. — шт.-кап. Завадскій. **1877** г. — шт.-кап. Карповъ. **1876** г. — кап. Шиффъ **1871** г.—подполк. Вихаревъ. **1869** г.—полковн. Рудановскій. **1868** г.—полковн Перепелицынъ. **1867** г.—Медвѣдевъ. **1866** г. — подполк. Мищенко. **1863** г. — полковн. Мацкевичъ; ген.-м. Демьяновичъ. **1860** г. — д. с. с. Тухолка; ген.-маіоры: Гавловскій, Костенко, Шпицбергъ. **1859** г. — подполк. Исуповъ; полковники Биронъ, Лукошковъ; ген.-маіоры: Васютинскій, Тилло-

1858 г.—полковн. Штевенъ; с. с. Хоменко; ген.-м. Ричардъ Мевесъ. **1857** г.—шт.-к. Надѣинъ. **1856** г.—полк. Христичъ; ген.-маіоры: Шевченко, Рожновъ. **1855** г.—полковники: Худяковъ, Германъ, Бетаки; ген.-маіоры: Линевичъ, Гольмдорфъ, Маккавѣевъ, Онопріенко, Каверскій; д. с. с. Пановъ; тайный сов. Семевскій; ген.-лейтенанты: Петровъ, Гавриловъ, академикъ Дубровинъ. **1854** г.—д. с. с. Штрикъ; ген.-маіоры: Онопріенко, Головинъ. **1853** г.—полковники: Полторацкій, Болтинъ. **1852** г. — шт.-кап. Пороховщиковъ; ген.-лейтенанты Манькинъ-Неструевъ, Величко. **1851** г. — полк. Ритчеръ; д. с. с. Шемякинъ; ген.-лейтен. Свиньинъ. **1848** г. — ген.-лейт. Давыдовъ. **1847** г. — ротмистръ Лось-Рошковскій; д. ст. с. Путята; ген.-лейт. Черняевъ. **1846** г.—ст. сов. Милошевичъ. **1845** г.—кап. Шлейферъ, ген.-м. Ибрагимовъ. **1844** г.—полковн. Явленскій; ген.-м. Шелгуновъ; тайн. сов. Гартманъ. **1842** г.—ген.-лейт. Власовъ. **1841** г. — ген.-м. Кононовичъ; тайный совѣтникъ Писаревскій. **1829** г.—ген.-лейт. Щелковъ.

ПОРУЧИКЪ АЛЕКСАНДРЪ НЕЕЛОВЪ

убитъ 8-го сентября 1854 г. на Альмѣ.

Съ 1844 по 1845 годъ фельдфебелемъ гренадерской роты Полоцкаго кадетскаго корпуса состоялъ родной братъ мой Александръ Аѳанасьевъ Неёловъ, памятный тѣмъ въ особенности, что во время нахожденія насъ, кадетъ, въ лагерѣ, во время вечерней молитвы по недоумѣнію и вспыльчивости пріѣхавшаго тогда для ревизіи Якова Ивановича Ростовцева,—былъ имъ разжалованъ, но чрезъ три дня, по ходатайству тогдашняго директора корпуса, Ѳедора Максимовича Ореуса, былъ возстановленъ въ своемъ званіи.

Въ Дворянскомъ полку, куда въ 1845 г. братъ мой былъ переведенъ въ спеціальные классы (при извѣстномъ директорѣ Пущинѣ), брату не повезло и онъ былъ выпущенъ оттуда въ 1847 г. только прапорщикомъ Могилевскаго пѣхотнаго полка (7-й дивизіи 3-го корпуса).

Въ полку братъ мой былъ на лучшемъ счету, какъ дѣятельный офицеръ и рыцарски честный и благородный. Но горька была судьба его—онъ былъ обреченъ смерти. Такъ, въ двухъ неважныхъ сраженіяхъ при Вайценѣ и Дебречинѣ въ Венгерскую кампанію, когда въ полку былъ только одинъ офицеръ раненъ,—сюртукъ и каска брата были прострѣлены; въ первомъ дѣлѣ на Дунаѣ, при взятіи Тульчинскихъ укрѣпленій, онъ былъ раненъ, а въ слѣдующемъ для него сраженіи на рѣкѣ Альмѣ—убитъ и трупъ его не найденъ, такъ что два года онъ считался безъ вѣсти пропавшимъ.

Онъ былъ выдававшимся по храбрости офицеромъ; при взятіи Тульчинскихъ укрѣпленій, онъ самъ вызвался участвовать въ дѣлѣ, такъ какъ состоялъ тогда жалонернымъ офицеромъ при штабѣ полка, но долженъ былъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, на которое былъ назначенъ только одинъ батальонъ подъ командою подполковника Амантова.

Рана брата была серьезна: пробита пулею нижняя челюсть и онъ сопричисленъ по ранѣ ко 2-му разряду.

Пока братъ лечился отъ раны въ Измаильскомъ военномъ госпиталѣ, военныя дѣйствія въ Дунайской арміи пріостановились и братъ, для дальнѣйшаго леченія, былъ отосланъ въ Крымъ, въ Сакскую грязелечебницу.

Тогда я служилъ засѣдателемъ отъ дворянства въ таврической гражданской палатѣ, а нашъ дядя, Грязновъ, воспитывавшій насъ до опредѣленія насъ въ кадетскій корпусъ—предсѣдателемъ уголовной палаты. По пріѣздѣ брата къ намъ, мы захотѣли уже не разъѣзжаться, жить вмѣстѣ, имѣли въ виду выхлопотать для брата мѣсто городничаго въ одномъ изъ городовъ Крыма, на что братъ, по степени раны, имѣлъ полное право. Но въ это время союзники высадились въ Крымъ...

Братъ имѣлъ тогда только чинъ поручика; захотѣлось ему заслужить слѣдующій чинъ, да и его беззавѣтная храбрость, долгъ предъ государемъ и отечествомъ заставляли его дѣйствовать; почему, не смотря на то, что рана его еще не зажила, такъ что онъ имѣлъ черную повязку на лицѣ, что онъ принадлежалъ къ Крымской арміи, имѣвшей вмѣсто касокъ бѣлыя фуражки, а Дунайская армія была въ каскахъ, и несмотря на наши просьбы остаться, онъ поѣхалъ къ князю Меншикову и исходатайствовалъ у него распоряженіе о принятіи его въ Крымскую армію. 8-го сентября, А. Неелов, бывъ прикомандированъ къ Суздальскому пѣхотному полку, самъ вызвался командовать цѣпью застрѣльщиковъ этого полка въ начинавшемся уже сраженіи на рѣкѣ Альмѣ. Сраженіе, какъ извѣстно, было проиграно: не отъ трусости нашихъ войскъ, а отъ несоразмѣрности силъ, лучшаго вооруженія и тактики непріятелей и боковаго, вдоль нашей арміи, огня ихъ кораблей.

Удаль брата, горячо ободрявшаго солдать, не могла имѣть послѣдствій для отступавшихъ: его высокій ростъ, каска на головѣ, черная повязка на лицѣ были хорошею цѣлью для непріятелей и штуцерная пуля въ лобъ—сразила брата... Наши отступили, оставивъ на мѣстѣ сраженія и убитыхъ и раненыхъ своихъ, и трупъ брата не найденъ. Можетъ быть, его трупъ унесенъ въ море, такъ какъ находился на сухомъ руслѣ Альмы, затопляемомъ во время сильныхъ дождей, а 10-го сентября былъ проливной дождь въ истокахъ Альмы.

Все это удостовѣрили Суздальскаго полка поручики Рутковскій и Сидоренко и юнкеръ Степуринъ, давшіе о томъ показанія симферопольскому коменданту. Эти лица были ранены и находились на излѣченіи въ симферопольскомъ военномъ госпиталѣ.

Долго и томительно хлопотали я и дядя нашъ Грязновъ о

розысканіи Александра Неелова, и только въ маѣ 1856 года помощникъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, генералъ Путята, нынѣ покойный, извѣстилъ Грязнова о признаніи моего брата, А. Неелова, произведеннаго послѣ смерти въ штабсъ-капитаны, убитымъ.

Но подвиги моего брата и вашего, г. редакторъ „Русской Старины“, совоспитанника, неизвѣстны, имя А. Неелова доселѣ не начертано на мраморныхъ доскахъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка, и не къ нему относится гимнъ „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“:

Братья! Всѣ въ одно моленье
Души русскія сольемъ:
Нынѣ день поминовенья
Павшимъ въ полѣ боевомъ, и пр.

Ежегодно читаемыя мною въ „Русской Старинѣ“ описанія товарищескихъ сходокъ — питомцевъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній, въ день основанія полка, 14-го марта, дало мнѣ, старику, мысль, чрезъ посредство всѣми уважаемой „Русской Старины“, просить о внесеніи имени моего брата на мраморныя доски, на которыхъ начертаны имена павшихъ въ бою или умершихъ отъ ранъ бывшихъ воспитанниковъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка, въ обоихъ этихъ заведеніяхъ, т. е. въ означенномъ корпусѣ и во II-мъ Константиновскомъ военномъ училищѣ

Все вышеизложенное о моемъ братѣ поручикѣ Александрѣ Нееловѣ—подтверждается имѣющимися у меня и вами, г. редакторъ, видѣнными документами: 1) копіею медицинскаго свидѣтельства о ранѣ брата; копіями писемъ покойнаго дяди Грязнова: 2) къ князю Меншикову и 3) къ генералъ-адъютанту Ростовцеву; 4) письмами къ Грязнову помощника начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генерала Путяты, отъ 14-го декабря 1855 года за № 8224, и 5) отъ 16-го мая 1856 года за № 4361 и 6) выпискою изъ приказа генералъ-адъютанта князя Меншикова, отъ 17-го февраля 1855 г. за № 62-мъ. Равнымъ образомъ все написанное можетъ подтвердиться справками въ архивахъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, Измаильскаго и Симферопольскаго военныхъ госпиталей, Суздальскаго пѣхотнаго полка, штаба арміи князя Меншикова и Симферопольскаго коменданта.

Алексѣй Нееловъ,

коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ, бывшій воспитанникъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка.

Отъ Комитета общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.

Съ ранней весны во многихъ мѣстностяхъ Россіи начинается переселенческое движеніе. Факты послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что изъ года-въ-годъ возрастаютъ размѣры движенія и число нуждающихся переселенцевъ. За прошлый годъ только черезъ Тюмень прошло болѣе 36.000 душъ большинство изъ нихъ находилось въ крайней нуждѣ. Самая малая, но своевременная помощь этимъ людямъ имѣетъ большое значеніе.

Посему Комитетъ общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что дѣйствительные члены общества вносятъ въ кассу его десять рублей ежегодно, а пожизненные — сто пятьдесятъ рублей единовременно. Денежныя и вещевыя пожертвованія, а также всѣ заявленія комитету направляются въ канцелярію общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. С.-Петербургъ, Невскій 65. Личныя заявленія комитету принимаются тамъ же, въ канцеляріи общества, по пятницамъ, отъ 2 до 3½ часовъ дня. Казначей, К. М. Сибиряковъ принимаетъ по дѣламъ общества у себя на квартирѣ (С.-Петербургъ, Сергіевская, 67) по вторникамъ и субботамъ отъ 12 до 1 часа дня. Должностными лицами комитета состоятъ: предсѣдателемъ—В. А. Ратьковъ-Рожновъ товарищемъ предсѣдателя—Н. М. Капустинъ, казначеемъ—К. М. Сибиряковъ и секретаремъ—А. А. Пороховщиковъ.

Мартеннре.

Въ „Русской Старинѣ“, мартъ 1891 г., стр. 587, въ Запискахъ Н. В. Берга начальникъ штаба названъ Мартентре, читай Мартеннре.

ского хозяйства. — Мѣры по распространенію народнаго сельскохозяйственнаго образованія.—Періодическія и другія изданія общества.—Мѣры по распространенію оспопрививанія. — Музеи и библіотека.—Охтенская ферма.

Въ спискѣ лицъ, получившихъ за заслуги по отношенію къ наукѣ, въ группѣ по политической экономіи и статистикѣ, въ послѣднія 25 лѣтъ, большія золотыя медали, мы читаемъ слѣдующія имена: В. Н. Латкинъ и М. К. Сидоровъ (1865 г.), В. П. Безобразовъ (1871 г.), Д. П. Черняевъ (1881 г.), докторъ русской исторіи В. И. Семевскій (1890 г.).

Генералъ-маіоръ Левъ Львовичъ Кирпичевъ, † 1890 г., 17-го ноября. Издалъ Павелъ Потоцкій (штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи 1-й артил. бригады). Спб., 1891 г., 8 д., стр. 40. Съ двумя портретами Л. Л. Кирпичева.

Красивая брошюра—составленная съ видимою любовью и заботливостью. Портретъ, изображеніе въ гробу Кирпичева очень хороши.

Мы знали отца Льва Львовича Кирпичева—слѣпца,—нашего земляка по Великолуцкому уѣзду. Мы у него бывали ребенкомъ въ 1848 году и живо помнимъ этого привѣтливаго, въ высокой степени образованнаго человѣка—отличнаго математика. Помнимъ то чарующее впечатлѣніе, какое произвели онъ и вся его прекрасная семья на насъ въ ихъ патріархальномъ домикѣ. У достойныхъ родителей вышли прекрасныя дѣти. Въ лицѣ Л. Л. Кирпичева, „какъ хорошо говоритъ и совершенно справедливо его біографъ, сошелъ въ могилу «дорогой и незабвенный учитель большинства лучшей части кадра офицеровъ русской артиллеріи». Въ самомъ дѣлѣ, это былъ человѣкъ высокаго научнаго образованія, необыкновенно начитанный и высокихъ нравственныхъ качествъ. Онъ пользовался вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ и любовью со стороны своихъ слушателей и при твердомъ, независимомъ и открытомъ характерѣ, при мягкосердечности и честности убѣжденій, «заслужилъ глубокое довѣріе и уваженіе со стороны высшаго военнаго начальства». «Любовь его къ своему дѣлу и стремленія къ пользамъ дорогой ему русской артиллеріи» равнялись въ немъ его обширнымъ научнымъ знаніямъ.

Л. Л. Кирпичевъ родился въ 1840 г., воспитывался въ Полоцкомъ и Константиновскомъ кадетскихъ корпусахъ и довершилъ образованіе въ Михайловской артиллерійской академіи; по окончаніи въ ней курса, онъ послѣдовательно прошелъ всѣ стадіи педагога при этихъ-же заведеніяхъ, отъ должности репетитора до профессора академіи; въ этомъ послѣднемъ званіи онъ внезапно и скончался, еще наканунѣ смерти прочитавъ съ обычнымъ увлеченіемъ лекцію. Ему принадлежитъ нѣсколько научныхъ трудовъ, каковы: «Начала механики», «Начала баллистики», «Начала артиллеріи»—этотъ послѣдній трудъ онъ не успѣлъ приготовить къ печати. Въ современныхъ русскихъ военныхъ журналахъ помѣщенъ рядъ его статей, относящихся до военной исторіи—позднѣйшей эпохи, или до предметовъ, въ область его спеціальности входившихъ.

Очеркъ жизни Кирпичева въ названной брошюрѣ сопровождается перепечаткою прекрасной статьи покойнаго Льва Львовича по поводу воспоминаній г. Рубца о штурмѣ Малахова кургана.

В. П. Авенаріусъ. Три вѣнца. Романъ изъ временъ перваго Самозванца. Въ трехъ частяхъ. Спб., 1891 г., м. 8 д., стр. 537. Цѣна 1 р. 50 к.

Этотъ романъ первоначально печатался въ «Книжкахъ Недѣли» (1890 г.) и уже появленіе его при одной изъ лучшихъ нашихъ еженедѣльныхъ газетъ служитъ ручательствомъ за его литературныя достоинства. Г. Авенаріусъ, кандидатъ с.-петербургскаго университета (вып. 1861 г.), началъ литературную дѣятельность въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1865 г. хорошею повѣстью «Скверненная идилія». Затѣмъ романы и повѣсти его появлялись въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Недѣлѣ» и въ «Живописномъ Обозрѣніи», но главнѣйшимъ образомъ онъ посвятилъ свою литературную дѣятельность подрастающему поколѣнію, сотрудничая въ журналахъ для дѣтей. Его книги «Отроческіе годы» и «Юношескіе годы Пушкина», а также «Книга Былинъ» и «Дѣтскія сказки» пользуются большимъ успѣхомъ. Названный выше романъ прежде всего прочтется съ большимъ любопытствомъ и, скажемъ, съ пользою, юношествомъ обоего пола.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., *(20 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., *(69 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ *(36 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ *(33 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., 12 книгъ *(16 экз.)*, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд. *(74 экз.)*, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн. изд. второе *(65 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., 12 книгъ *(72 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1886 г., 12 книгъ *(98 экз.)* съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВ. ИВ. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ

въ его воспоминаніяхъ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ [1]).

Пріѣздъ фельдмаршала въ Сатуново и въ Тирасполь. — Прибытіе туда графа Воронцова, графа Витта, генераловъ Клейнмихеля и Микулина. — Образъ жизни фельдмаршала въ Тирасполѣ и занятія его. — Описаніе нѣкоторыхъ подробностей характера графа Дибича.

Мая 3-го фельдмаршалъ Дибичъ прибылъ въ Сатуново, гдѣ строго подвергнулся всѣмъ правиламъ карантина. На другое утро поѣхали мы по дорогѣ къ Тирасполю. Во время поѣздки фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „ему донесено было, что графъ Воронцовъ, по полученіи отъ фельдмаршала письма и просьбы о сокращеніи моего карантина, отправилъ нарочнаго курьера въ Петербургъ съ донесеніемъ объ этомъ случаѣ и съ такими съ его стороны замѣчаніями, что неминуемо должно было послѣдовать упомянутое высочайшее повелѣніе. Этотъ поступокъ мнѣ непріятенъ только въ томъ вниманіи, что я нѣсколько дней безъ нужды лишился удовольствія видѣть тебя въ гасѣ“.

Мы въ короткое время доѣхали до крѣпости Тирасполя, графъ, страдая опухолью въ ногахъ, всегда ночевалъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., томъ LXIX, мартъ, стр. 511—536; LXX, апрѣль, стр. 45—70.

въ одной изъ деревень, лежащихъ по дорогѣ. Внутренность крѣпости раздѣлена была на двѣ половины, такъ что часть эспланады, церковь, госпиталь и казематы, занятые преступниками, находились на одной сторонѣ и по отдѣляющему ее канатомъ направленію поставлена была цѣпь часовыхъ, съ тѣмъ, чтобы свита фельдмаршала не могла имѣть никакого сообщенія съ нею. На другой-же половинѣ находились три бастіона крѣпости съ ихъ куртинами для помѣщенія фельдмаршала; они обращены были къ городу и Днѣстру, представляя, смотря изъ крѣпости, прелестную картину. Весна разсыпала передъ нами съ роскошью всѣ богатства природы тамошняго края, и когда графъ, при лунномъ свѣтѣ, прохаживался со мною по валу этихъ трехъ бастіоновъ, внимательно прислушиваясь къ пѣнію множества соловьевъ, порхающихъ изъ куста въ кустъ, то не далеко отъ гласиса онъ погрузился въ печальную задумчивость и всѣ раны изъязвленнаго потерею супруги сердца его вновь раскрылись.

При вступленіи нашемъ въ крѣпость фельдмаршала встрѣтили у назначеннаго дома плацъ-маіоръ и почетный караулъ. Мы туда пріѣхали довольно поздно вечеромъ. Множество часовыхъ, разставленныхъ около графскаго дома, ему не понравилось, ибо ему казалось, что онъ окруженъ ими какъ заточенный.—„Кто вамъ далъ повелѣніе, спросилъ онъ съ живостью и съ недовольнымъ видомъ плацъ-маіора, — обставить меня такъ тѣсно часовыми?“ Тотъ, смѣшавшись отъ такого вопроса, отвѣчалъ, что графъ Воронцовъ приказалъ ему такъ распорядиться. —„Быть не можетъ, возразилъ фельдмаршалъ, — ибо графъ Воронцовъ слишкомъ благоразуменъ и не могъ предполагать, чтобы рука и штыкъ русскаго солдата дерзнули-бы воспрепятствовать своему фельдмаршалу идти куда онъ пожелаетъ“. Въ сильномъ волненіи графъ приказалъ разослать всѣхъ часовыхъ, исключая тѣхъ, которые по отдѣляющей крѣпость кордонной линіи находились въ цѣпи. — „Я полагаю, прибавилъ графъ, — что никто не подумаетъ, чтобы я чрезъ валъ крѣпости хотѣлъ удалиться, а внутри ея, по назначенному мнѣ для карантина пространству, я, кажется, имѣю право ходить куда мнѣ вздумается“.

Недостатокъ вниманія къ особѣ его со стороны военнаго и гражданскаго вѣдомствъ при встрѣчѣ, весьма посредственная мебель въ квартирѣ его, упомянутое распоряженіе о часовыхъ

непріятно коснулось раздраженныхъ болѣзненнымъ положеніемъ чувствъ графа; онъ сдѣлался молчаливымъ, жаловался, что чувствуетъ себя нездоровымъ, и ранѣе обыкновеннаго простился со мною.

На другой день принялъ онъ графа Воронцова, который въ парадной формѣ явился у канатнаго барьера, куда вынесли два стула, одинъ изъ госпиталя для графа Воронцова, другой изъ квартиры фельдмаршальской. Канатная линія раздѣляла ихъ. Я стоялъ на дворѣ, у дверей графской квартиры, и не могъ слышать ихъ разговора, который сначала фельдмаршалъ велъ громкимъ и встревоженнымъ голосомъ, а графъ Воронцовъ тихо и весьма вѣжливо. Фельдмаршалъ подозвалъ меня и представилъ графу, какъ близкаго своего родственника и какъ друга, раздѣлявшаго съ нимъ въ Бургасѣ дни скорби и смятенія. Мнѣ дозволили быть свидѣтелемъ ихъ весьма интересной бесѣды, продолжавшейся около часа. Графъ Воронцовъ уѣхалъ и вслѣдъ затѣмъ прибыли изъ Одессы къ фельдмаршалу для посѣщенія его: графъ Виттъ, а потомъ генералы Клейнмихель и Микулинъ. Съ послѣдними онъ разговаривалъ долго.

На одномъ бастіонѣ крѣпости, мимо котораго тянулась дорога изъ Бендеръ въ Тирасполь, фельдмаршалъ приказалъ раскинуть походную свою малую палатку. Тамъ онъ обыкновенно пилъ чай и оставался до тѣхъ поръ, пока его отзывали къ ужину, по окончаніи котораго мы до полуночи оставались вмѣстѣ. Мѣсто лейбъ-медика Шлегеля занималъ у графа докторъ Задлеръ. Чрезъ нѣсколько дней прибыли также въ карантинъ находившіеся при канцеляріи его полковники Сотниковъ и Зуровъ и адъютанты графскіе князь Голицынъ и Баратынскій, которые составляли ежедневное наше общество за обѣденнымъ столомъ. Изъ Одессы прислалъ графъ Воронцовъ въ подарокъ фельдмаршалу вина и съѣстные припасы. Двухнедѣльный карантинъ прошелъ незамѣтно.

Образъ жизни фельдмаршала былъ подобенъ бургасскому; служебныхъ занятій у него было менѣе, но проводилъ день въ чтеніи книгъ и много писалъ. Въ какомъ порядкѣ слѣдовали разговоры его со мною, я уже не припомню теперь, и многіе предметы его бесѣды со мною исчезли изъ памяти моей, потому что я не велъ журнала, не полагая, что когда-либо могъ-бы

таковымъ пользоваться. Графъ былъ однимъ годомъ моложе меня, слѣдовательно, по обыкновенному порядку вещей, онъ могъ пережить меня.

Разсказы его были изліяніемъ радушнаго его характера, расположеннаго къ сообщенію своихъ мнѣній, опытовъ и случившихся съ нимъ происшествій. Оказанная мнѣ при этомъ довѣренность казалась мнѣ потребностью его дружескаго ко мнѣ расположенія; онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить меня за долговременное лишеніе меня своего общества, или желалъ посвященіемъ меня въ тайны жизни и сердца своего выразить признательность свою за всѣ доказательства моей дружбы къ нему. Безъ побужденія съ моей стороны онъ ежедневно въ разговорѣ со мною касался до новыхъ предметовъ, относившихся обыкновенно къ новому его отечеству Россіи, къ разнымъ особамъ и событіямъ его жизни. Онъ выражался при этомъ безъ видимаго выбора словъ, языкомъ изящнымъ, заключавшимъ въ себѣ болѣе риторики, чѣмъ онъ полагалъ. Все низкое и безнравственное въ словахъ, въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ людей ему было противно; онъ считалъ это принадлежностью порока. Характеръ его былъ вспыльчивъ, легко воспламенявшійся, какъ скоро полагалъ встрѣтить лесть, незаконности, хитрости и подлости, но въ самомъ пылу гнѣва своего, при изъявленіи крайняго своего неудовольствія, онъ не употреблялъ выраженій обидныхъ для чести, всегда человѣколюбіе одерживало верхъ въ скромномъ сердцѣ его, расположенномъ къ жалости; когда онъ полагалъ, что заносчивость, мнительность, незаслуженная недовѣрчивость или несправедливое уразумѣніе обстоятельствъ и случаевъ побуждали его къ строгимъ выговорамъ, оскорбившимъ безвинно того, кому они были сдѣланы, тогда онъ всѣми средствами старался загладить свою ошибку и доставить обиженному возмездіе. Въ такихъ случаяхъ онъ считалъ даже долгомъ своимъ быть нѣсколько разъ снисходительнымъ къ ошибкамъ, сдѣланнымъ впослѣдствіи тѣмъ, котораго онъ однажды безъ причины огорчилъ. Это прекрасное качество характера употребляли иногда во зло люди, знавшіе такую черту его сердца, нарочно подавая ему поводъ къ вспыльчивости и раздраженію, съ тѣмъ, чтобы послѣ того пользоваться его снисхожденіемъ на счетъ ихъ просьбъ. Онъ зналъ эту слабость своего характера и часто сожа-

лѣлъ, что онъ не въ состояніи укрощать порывы своей вспыльчивости.

Сужденіе фельдмаршала Дибича о графѣ Аракчеевѣ.

Сужденіе его о графѣ Аркачеевѣ, сдѣлавшемся случайно предметомъ разговора, было слѣдующее:

— „Это рѣдкое и необычайное явленіе нашего времени можно было-бы назвать великимъ мужемъ, ежели поступки его были-бы всегда столь-же справедливы и безкорыстны, какъ та вѣрность, съ которою онъ твердо исполнялъ волю и намѣренія своего государя. Было время, когда онъ занималъ мѣсто перваго государственнаго министра, не будучи облеченъ этимъ названіемъ, и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего монарха,— подъ щитомъ котораго онъ пренебрегалъ ненавистью дворянства, народа и царедворцевъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, онъ обладалъ рѣдкою дѣятельностью, прозорливостью и навыкомъ управлять всѣми отраслями государственнаго устройства и необыкновенною твердостію души въ достиженіи предназначенной себѣ цѣли; но онъ часто нарушалъ справедливость произволомъ предоставленной ему власти изъ пристрастнаго озлобленія или нерасположенія къ особамъ, которыя наряду съ нимъ занимали мѣста въ государственномъ управленіи, ведя съ ними тайную и явную борьбу. Ближайшія и скорѣйшія средства къ достиженію своихъ цѣлей были для него предпочтительнѣе всѣхъ другихъ, не смотря на то, что они часто сопряжены были съ жестокостью и даже съ незаконностью. Во многихъ отношеніяхъ онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ мужей въ царствованіе покойнаго государя, который въ немъ находилъ точнѣйшаго исполнителя своихъ порученій; онъ никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не находилъ непреоборимыхъ имъ затрудненій исполнять волю его величества. Съ холоднымъ сердцемъ и безжалостною скрытною душею, чуждый дружбы и любви, удаленный отъ всѣхъ сношеній общежитія, онъ довольствовался единственно царскою довѣренностію и хотя его снѣдало себялюбіе, онъ старался необыкновенностью своихъ поступковъ на поприщѣ честолюбца поражать своихъ современниковъ и доказать справедливость девиза своего: „безъ лести преданъ“. Потому онъ отка-

зывался отъ всѣхъ отличій и наградъ монаршихъ, подъ предлогомъ, что щедроты и награды, полученныя отъ государя императора Павла I, превосходятъ всю возможность заслужить ихъ въ продолженіе цѣлой жизни. Преисполненный строптивостію и всѣми страстями, пылающими въ груди временщика, онъ въ глазахъ свѣта старался скрыть кичливыя чувства, порабощавшія его, но не могъ скрыть, что онъ наслаждался запрещенными плодами страстей и могущества. Въ искусствѣ познавать людей, которыхъ онъ вообще презиралъ, онъ достигъ совершенства; въ искусствѣ управлять ими и свѣтомъ ставилъ онъ выше себя только одного Наполеона, хотя онъ его ненавидѣлъ, какъ врага своего отечества. Хладнокровный, строгій и непоколебимый въ исполненіи опредѣленныхъ имъ наказаній, которыя обыкновенно превосходили степень сдѣланныхъ ошибокъ и преступленій, онъ часто былъ жестокъ и несправедливъ. Занятія письменныя и безпрестанная дѣятельность составляли стихію его существованія и ничто въ свѣтѣ не могло его убѣдить покинуть предпріятіе, признанное имъ однажды необходимымъ. Непримиримый въ ненависти и мщеніи, малодушный въ злополучіи, постигшемъ его одинъ разъ въ жизни, по случаю потери одной особы, къ которой его привязали время и привычка, въ немъ достоинство человѣка стояло гораздо ниже, чѣмъ качества государственнаго сановника. Однако, время и обстоятельства заставили его пережить періодъ величія своего; по моему убѣжденію, онъ государству своему былъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ“.

О фельдмаршалахъ графахъ Сакенѣ и Витгенштейнѣ.

Разговоръ перешелъ на фельдмаршаловъ Сакена и Витгенштейна. Графъ упомянулъ и о нихъ: „и на нихъ старость лѣтъ производитъ неотъемлемое право. Доблестные полководцы, которыхъ я душевно почитаю, какъ вслѣдствіе важныхъ заслугъ, оказанныхъ ими отечеству на поприщѣ военномъ, такъ и по рѣдкимъ качествамъ и добродѣтелямъ, отличавшимъ ихъ во всякое время, могутъ служить примѣромъ честности и справедливости“.

О генералахъ Гейсмарѣ, Киселевѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ.

Графъ коснулся до талантовъ и преимуществъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ, назвавъ имена Гейсмара, Киселева и князя Горчакова, бывшаго своего адъютанта: „военныя способности Гейсмара обнаружились уже давно въ прежнихъ кампаніяхъ, въ которыхъ онъ отличился отважными предпріятіями. Соединяя практическую опытность съ теоретическими познаніями, онъ подаетъ надежду, что онъ всегда на полѣ чести отличится подвигами достохвальными. Одно мнѣ въ немъ не нравится—онъ неохотно подчиняется власти начальника, предпочитая дѣйствовать независимо, единственно по предначертанію главнокомандующаго.

Генералъ Киселевъ, которому онъ былъ подчиненъ въ концѣ турецкой кампаніи, навѣрное подтвердитъ мое замѣчаніе. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ сравниться съ Гейсмаромъ; но въ князѣ Горчаковѣ, бывшемъ моемъ адъютантѣ, я предвижу будущаго полководца русской арміи и совершенно убѣжденъ въ рѣдкихъ его талантахъ и способностяхъ, въ хладнокровной его храбрости и рѣдкомъ знаніи военныхъ подвиговъ древнихъ и новѣйшихъ временъ“.

Объ инженерномъ вѣдомствѣ и генералѣ Оперманѣ.—Сужденія фельдмаршала о коллегіальномъ и министерствомъ управленіи дѣлъ государственныхъ.

— „Инженерная часть у насъ хотя и хороша, заключая въ себѣ множество прекрасно образованныхъ по этой части штабъ- и оберъ-офицеровъ, но между генералами я никого не знаю, который могъ-бы занять мѣсто Опермана. Непостижимо для меня, что онъ до сихъ поръ не приготовилъ для себя наслѣдника, потому что, какъ государственный человѣкъ, каковое достоинство у него оспаривать нельзя, долгъ требовалъ-бы, чтобы онъ достойнѣйшаго изъ генераловъ подвинулъ-бы впередъ, отличая его преимущественнымъ довѣріемъ. Такое правило необходимо было бы завести для блага государства по всѣмъ отраслямъ управленія. Въ этомъ отношеніи я предпочитаю коллегіальную систему теперешней, министерской, потому что при

первой системѣ въ числѣ членовъ коллегіи всегда находилось нѣсколько особъ, которыя участвовали съ давняго времени въ производствѣ дѣлъ и, обогатившись опытностью, могли замѣнять предсѣдателя, въ случаѣ его болѣзни и смерти. Сверхъ того, большинство голосовъ удерживало самовластіе въ тѣсныхъ предѣлахъ законности, чего нѣтъ при министерскомъ управленіи, гдѣ иногда министръ считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по собственнымъ своимъ, часто даже ошибочнымъ, заключеніямъ. И хотя теперь учрежденіе совѣтовъ и особенныхъ комитетовъ нѣсколько ограничиваетъ произволъ министровъ, но, находясь подъ вліяніемъ ихъ власти, предполагаемая цѣль совѣта не достигается. По моему убѣжденію, коллегіальная система управленія имѣетъ значительныя преимущества въ большихъ державахъ. Здѣсь можно сдѣлать только одно возраженіе—это медленность въ производствѣ дѣлъ, но этотъ недостатокъ можно устранить исправленнымъ порядкомъ письмоводства. Важнѣе всего строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и уничтоженіемъ всякаго произвола, клонящагося къ ложному толкованію смысла законовъ. При министерской системѣ управленія безпрестанно перемѣняются формы самаго управленія и письмоводства. Новый министръ, вступая въ должность предшественника своего, обыкновенно не только не одобряетъ прежнихъ распоряженій, но часто даже порицаетъ ихъ и введеніемъ разныхъ перемѣнъ въ формальности прежняго порядка затрудняетъ чиновниковъ. Въ коллегіяхъ же при смѣнѣ предсѣдателя все оставалось въ прежнемъ порядкѣ и перемѣна президента едва становилась замѣтною“.

Сужденія фельдмаршала о графѣ Бенкендорфѣ и генералъ-адъютантѣ Адлербергѣ.

При подобныхъ разговорахъ фельдмаршалъ упоминалъ о генералахъ и первыхъ сановникахъ государства, окружающихъ престолъ и особу государя императора. Въ числѣ первыхъ онъ назвалъ графа Бенкендорфа и генералъ-адъютанта (Влад. Өед.) Адлерберга. „По моему убѣжденію, они одни во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ всегда готовы пожертвовать самою жизнью для своего монарха. — Я имѣю случай — продолжалъ

графъ—слѣдить внимательно за всѣми ихъ поступками и, находясь съ ними, по дѣламъ службы, въ разныхъ сношеніяхъ, я удостовѣрился совершенно, что выборъ государя, довѣріе, которое онъ питаетъ къ нимъ, и кругъ дѣйствія, указанный каждому изъ нихъ, оправдываются въ полной мѣрѣ неограниченною преданностью, постояннымъ усердіемъ и примѣрною дѣятельностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Должность графа Бенкендорфа требуетъ необыкновенной осторожности, потому что малѣйшая ошибка въ его мѣрахъ влечетъ за собою вредныя послѣдствія; но правила величайшей справедливости, чувство человѣколюбія и участіе въ страданіяхъ невинныхъ уравновѣшиваются въ немъ чрезвычайною заботливостію объ особѣ своего государя, личною привязанностью и любовью къ нему и отчетливымъ соблюденіемъ справедливости. Положеніе генерала Адлерберга, сколько я могъ замѣтить, не менѣе затруднительно. Будучи осыпанъ благодѣяніями своего монарха, онъ пользуется наравнѣ съ графомъ Бенкендорфомъ полнымъ довѣріемъ Его Величества. При всемъ томъ Адлербергъ сохранилъ скромность и любезность юности своей, удаляется отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, не порученныя ему государемъ, употребляя вліяніе свое единственно на испрошеніе милостей другимъ, на защищеніе невинности, когда она къ нему обращается, заботясь притомъ, чтобы содѣйствіе его въ оказанныхъ государемъ благодѣяніяхъ оставалось сокрытымъ отъ всѣхъ".

О графахъ Орловѣ и Паленѣ.

— „Ежели принужденность, стѣсняющая жизнь государственнаго человѣка и отдаляющая его отъ общественной жизни, не лишали-бы и меня возможности предаваться въ обхожденіи съ людьми связямъ дружбы, то графъ Бенкендорфъ и генералъ Адлербергъ находились-бы въ числѣ тѣхъ, которыхъ я бы предпочелъ многимъ. Графъ Орловъ и графъ Паленъ заслуживаютъ также быть въ непосредственной близости къ особѣ императора. Перваго изъ нихъ считаю я своимъ другомъ, равно и графа Чернышева. Графъ Орловъ во время бытности своей въ Адріанополѣ многими доказательствами пріязни ко мнѣ подтвердилъ мнѣніе мое о немъ, онъ-же старался тогда разувѣрить меня

въ непріязненномъ расположеніи ко мнѣ генерала Закревскаго, который прежде этого никогда не скрывалъ своей ненависти ко мнѣ, хотя я съ своей стороны вовсе не подавалъ повода къ тому; но я полагаю, что назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ произвело въ немъ совершенную перемѣну, потому что онъ, какъ графъ Орловъ меня увѣрялъ, узналъ о моемъ содѣйствіи къ этому назначенію".

О князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ.

— „Князь Петръ Михайловичъ Волконскій занимаетъ также свое мѣсто при государѣ съ полною преданностью къ престолу. Смерть въ Бозѣ почивающаго государя въ Таганрогѣ дала мнѣ случай удостовѣриться въ этой истинѣ. Никого изъ окружавшихъ тогда покойнаго государя не поразила смерть усопшаго царя такъ глубоко, какъ князя Волконскаго. Я видѣлъ глубокую скорбь его, участіе и болѣзненное душевное страданіе о нашей ужасной потерѣ. Такое согласіе во взаимныхъ чувствахъ скорби и преданности къ нашему государю-благодѣтелю сблизило насъ опять, ибо князь до того времени не могъ, кажется, забыть, что я нѣкогда былъ его подчиненнымъ, а впослѣдствіи занялъ у покойнаго государя занимаемую имъ должность начальника главнаго его штаба. Теперь-же я полагаю, что онъ опять отъ меня удалился, съ тѣхъ поръ, когда благоволеніе и милость царствующаго монарха вручили мнѣ фельдмаршальскій жезлъ и достоинство полководца; впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ, по званію министра двора, въ полной мѣрѣ оправдываетъ ожиданія государя, и почти излишнею экономіею сберегаетъ интересъ короны съ рѣдкою заботливостію; онъ не избѣгаетъ ни трудовъ, ни напряженія безпрестанной дѣятельности, чтобы только удостоиться благоволительнаго взора своего государя, и я убѣжденъ, что онъ готовъ принести всякую жертву для того, чтобы вѣрность и привязанность къ особѣ царской подтвердить на самомъ дѣлѣ. Изъ этого источника проистекало, вѣроятно, также предложеніе его подъ Варною, сдѣланное его императорскому величеству".

Графъ сообщилъ мнѣ это обстоятельство, но вмѣстѣ съ тѣмъ

просилъ меня содержать сообщенное въ тайнѣ, что я донынѣ и исполнилъ.—„Исполненіе этого предложенія превосходило его силы, но я уважалъ такое доказательство усердія и доброй воли и до конца жизни моей всегда буду его почитать, какъ бывшаго моего начальника, оказывавшаго мнѣ тогда всегдашнее свое расположеніе".

О вельможахъ, окружающихъ государя императора.

— „Графъ Кочубей, графъ Ѳедоръ Паленъ (бывшій также въ Адріанополѣ при заключеніи мира съ турками), князь Александръ Голицынъ, графъ Нессельроде, Сперанскій, графъ Канкринъ, старики—Мордвиновъ, Шишковъ, Энгель — составляютъ съ тѣми особами, о которыхъ я съ тобою уже говорилъ, твердыя основы престола нашего любимаго государя. Это государственные сановники, одаренные всѣми достоинствами ума и превосходнаго образованія, любовью къ отечеству, правосудіемъ и нелицемѣрною преданностію къ Монарху".

Сообщеніе любопытныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ дарованіе полусабли, врученной Его Величествомъ фельдмаршалу.

Однажды утромъ, я, вошедши къ фельдмаршалу, засталъ его за навязываніемъ темляка къ рукояткѣ полусабли. Это подало мнѣ поводъ напомнить ему обѣщаніе сообщить мнѣ подробныя обстоятельства объ этомъ подаркѣ государя императора.

— „Эта полусабля"—сказалъ онъ мнѣ—„составляетъ драгоцѣннѣйшее сокровище моего имущества, она мнѣ дороже брилліантоваго украшенія ордена св. Андрея; дороже самаго фельдмаршальскаго жезла" — продолжалъ графъ въ чувствительномъ раздраженіи, вспоминая обстоятельство, при которомъ онъ получилъ эту полусаблю изъ рукъ царскихъ. „Государь подарилъ мнѣ эту полусаблю въ Петербургѣ, когда онъ удостоилъ меня счастія совѣщаться съ нимъ на счетъ назначенія его величествомъ новаго главнокомандующаго арміею, расположенною противъ турокъ на зимнихъ квартирахъ, потому что графъ Витгенштейнъ, по разстроенному здоровью своему, просилъ объ

увольненіи отъ дальнѣйшаго командованія этою арміею. Государь, упоминая при этомъ о многихъ генералахъ, которыхъ онъ считалъ способными занять такое назначеніе, при каждомъ изъ нихъ дѣлалъ разныя замѣчанія и возраженія, которыя клонились къ тому, что ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ ожиданіямъ и надеждамъ, которыя должны быть сопряжены съ такимъ важнымъ выборомъ, и потому его величество долго не рѣшался назначить одного изъ нихъ. Настало мгновенное молчаніе; но вдругъ засіялъ взоръ монарха огнемъ благоволенія; съ величественнымъ и неизъяснимымъ взглядомъ довѣрчивости и умиленія государь обратился ко мнѣ, сказавъ: „Я отыскалъ еще одного, который, какъ я надѣюсь, оправдаетъ всѣ мои ожиданія, если я назначу его полководцемъ моимъ. Это ты, Иванъ Ивановичъ“. И въ ту-же минуту государь, снявъ съ бедра своего эту полусаблю, передалъ мнѣ ее и продолжалъ: „Прими этотъ мечъ, который я носилъ со дня восшествія на престолъ; прими его знакомъ моего довѣрія къ тебѣ и къ твоимъ способностямъ по званію главнокомандующаго; вмѣстѣ съ симъ оружіемъ передаю тебѣ команду надъ моею арміею—для пораженія турокъ“. — Послѣ непродолжительнаго молчанія графъ продолжалъ: „Будучи тронутъ неожиданностію такого событія, тронутъ милостію и довѣренностію моего монарха, я въ то-же время былъ одушевленъ необыкновеннымъ предчувствіемъ, что мнѣ удастся оправдать надежды его величества. Слезы преданности и усердія навернулись на глазахъ моихъ. Я отвѣчалъ государю то, что восторженность сердца влагала въ уста мои. Я почиталъ святымъ долгомъ внутренняго моего убѣжденія и моей благодарности къ монарху съ благоговѣніемъ принять сдѣланный его величествомъ выборъ. Милосердый Богъ, котораго милость и благословеніе я въ тотъ важный моментъ моей жизни призывалъ на помощь, услышалъ мольбу мою, давъ мнѣ возможность исполнить порученіе государя моего. Полусабля эта до гроба останется святынею моею, порукою твердаго довѣрія ко мнѣ моего монарха,—довѣрія, оправданнаго мною при помощи Провидѣнія, довѣрія самодержца, который всѣ важныя предпріятія жизни и всѣ свои поступки, какъ человѣкъ, основываетъ на вѣрѣ и полномъ упованіи на помощь Всевышняго“.

Отъѣздъ фельдмаршала изъ Тирасполя въ Новый Миргородъ. — Щедрость и состраданіе фельдмаршала къ бѣднымъ.—Описаніе нѣкоторыхъ особенностей, привычекъ и способностей фельдмаршала.

Двухнедѣльный срокъ нашего карантина кончился; фельдмаршалъ получилъ чрезъ фельдъегеря повелѣніе пріѣхать въ Миргородъ, чтобы тамъ дожидаться пріѣзда государя. Въ день освобожденія нашего отъ узъ карантинныхъ фельдмаршалъ посѣтилъ въ крѣпости церковь, арсеналъ и госпиталь. Присутствовавъ у вечерни, мы простились съ нашими палатками, съ нашими тремя бастіонами, съ нашими ночными прогулками при свѣтѣ полнаго мѣсяца, съ нашими соловьями и прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Наканунѣ нашего отъѣзда одна бѣдная женщина, мужъ которой находился въ казематѣ крѣпости, за воровство, бросилась съ тремя малолѣтними дѣтьми къ ногамъ графа. Тронутый жалостью къ несчастной, графъ отдалъ ей всѣ деньги, бывшія у него въ карманѣ, навѣрное нѣсколько сотъ рублей, и узнавъ отъ плацъ-маіора, что эта женщина весьма хорошаго поведенія и находится въ совершенной нищетѣ, графъ назначилъ ей 100 р. пенсіи до выпуска мужа на свободу. Въ подобныхъ случаяхъ графъ никогда не считалъ и не хотѣлъ знать числа денегъ, жертвуемыхъ имъ по чувству жалости къ несчастнымъ. Вообще деньги не имѣли для него почти никакой цѣнности; расходамъ своимъ онъ не велъ никакого разсчета. Значительныя суммы записывались въ приходъ и въ расходъ полковникомъ Сотниковымъ. Щедрость его готова была всегда помогать бѣднымъ и страждущимъ, которые къ нему обращались съ просьбами, и онъ часто признавался въ недостаткѣ всѣхъ способностей быть хорошимъ министромъ финансовъ. Потребности жизни его были чрезвычайно умѣренны; ему совершенно равнодушны были всѣ гастрономическія ухищренія стола; онъ пилъ всякое вино и насыщался всякимъ кушаньемъ безъ разбора; одѣвался просто безъ всякой роскоши или нѣги. Густые его волосы росли безъ всякой прически, до тѣхъ поръ, пока они его не обезпокоивали— тогда ихъ вновь коротко подстригали. Косметическихъ средствъ онъ при туалетѣ своемъ не употреблялъ, но наблюдалъ чрезвычайную чистоту около своего тѣла. Часто онъ самъ смѣялся

надъ своимъ кокетствомъ, примѣчая, что у него были и весьма бѣлыя руки, украшенныя многими кольцами, двумя перстнями съ портретами въ Бозѣ почивающаго государя Александра и благополучно царствующаго императора Николая. Кромѣ нихъ онъ носилъ еще на пальцахъ нѣсколько колецъ, которыя онъ получилъ отъ особъ, драгоцѣнныхъ его сердцу, кольцо въ память отца и матери своей, обручальное кольцо супруги и три кольца отъ сестеръ своихъ. На письменномъ его столѣ все, казалось, было разбросано въ безпорядкѣ. Карманныя книги, разной величины и разныхъ формъ, подаренныя ему родственниками; кошельки съ деньгами и безъ денегъ, нѣсколько часовъ, телескопы, термометры, бумаги, планы, нѣсколько склянокъ одеколона, употребляемаго имъ въ случаѣ головной боли, которою онъ часто при полнокровіи своемъ страдалъ, рукописи, ассигнаціи, серебро и золото, математическіе инструменты, портреты царской фамиліи и нѣкоторыхъ родственниковъ,—все сіе лежало, какъ случилось, безъ всякаго разбора или порядка. Но вѣрная его память не признавала этого хаоса безпорядкомъ. Онъ зналъ, на какомъ мѣстѣ лежала каждая вещь, бумага или книга, и во время болѣзни его въ Петербургѣ, когда онъ принужденъ былъ нѣсколько дней оставаться въ постели въ спальнѣ своей, онъ часто поручалъ мнѣ приносить ему съ письменнаго его стола разные предметы, указывая мнѣ весьма точно мѣсто, на которомъ я ихъ долженъ найти. Но всѣ его дѣла и бумаги должностныя или относившіяся къ государственной службѣ были разложены на другомъ столѣ въ чрезвычайномъ порядкѣ въ оберткахъ, на которыхъ собственною его рукою написано было содержаніе каждаго дѣла или каждой бумаги. Бумаги, собственноручно имъ писанныя, въ особенности тѣ, которыя заключали въ себѣ нѣкоторую важность, писаны были въ сокращенныхъ словахъ, не понятныхъ никому другому; чрезвычайная его память преодолѣвала, однако, всѣ затрудненія въ разборѣ этихъ іероглифовъ даже въ такихъ бумагахъ, которыя онъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ работалъ съ удивительною легкостью на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, которые всѣ три зналъ грамматически. На французскомъ языкѣ онъ въ особенности выражался какъ словесно, такъ и письменно съ изящнымъ совершенствомъ, а также и по-русски онъ писалъ пре-

восходнымъ слогомъ, что доказываютъ, между прочимъ, воззваніе его къ польскимъ мятежникамъ и приказъ къ ввѣренной ему противъ нихъ арміи, которые имъ писаны были въ Петербургѣ и удостоились одобренія его величества. При докладѣ поступившихъ къ нему на разсмотрѣніе дѣлъ, онъ тотчасъ диктовалъ или писалъ свои резолюціи; ежели-же содержаніе ихъ заключало въ себѣ важность, онъ ихъ откладывалъ насторону, чтобы ихъ еще разъ прочесть и потомъ уже дать свое рѣшеніе. По званію начальника штаба и фельдмаршаломъ онъ съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ нѣсколько разъ бумаги по военно-суднымъ дѣламъ, потому что отъ его мнѣнія зависѣла участь подсудимыхъ и онъ, для избѣжанія упрековъ совѣсти, ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ нарушать строгой законности, будучи, однако-же, всегда болѣе расположенъ къ уменьшенію наказанія, нежели къ строгости. Благотворительность стала ему потребностью жизни, и скромныя доказательства привязанности, дружбы и любви имѣли у него болѣе цѣнности, чѣмъ громкіе и наружные знаки почтенія и раболѣпства. Чуждый всякаго суевѣрія, онъ съ непоколебимою твердостью полагался на опредѣленную ему Богомъ судьбу. На этой увѣренности основывалась его личная храбрость въ сраженіяхъ и мужество во всѣхъ опасностяхъ, которыми онъ пренебрегалъ какъ подъ дождемъ пуль и ядеръ, такъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ жизни. Въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ и въ Бонди подъ Парижемъ, находясь въ непосредственной близости его, я удивлялся его хладнокровію. Подъ Бауценомъ, гдѣ подъ нимъ лошадь его убита была ядромъ и онъ самъ получилъ легкую контузію въ колѣно, я кинулся къ нему, чтобы его поднять, и спросилъ его не раненъ-ли онъ? Графъ вмѣсто отвѣта сказалъ: „сдѣлай мнѣ дружбу, доставь мнѣ другую лошадь“. Въ сраженіи подъ Бонди предъ Парижемъ адъютантъ его сорванъ былъ съ лошади ядромъ непріятельскимъ возлѣ графа Дибича, который тотчасъ всталъ на самое то мѣсто, гдѣ адъютантъ его былъ убитъ. Я подъѣхалъ къ нему и обратилъ его вниманіе на это обстоятельство. Поблагодаривъ за мое участіе, онъ сказалъ, улыбаясь: „два ядра никогда не падаютъ въ одно и то-же мѣсто“. Во время переѣзда нашего изъ Сатунова въ Тирасполь, когда по степямъ Бесса-

рабіи, на косогорахъ, коляска иногда совершенно склонялась на одну сторону, угрожая перекинуться, графъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы отклонить перевѣсъ на другую сторону, и когда я, однажды, сдѣлалъ ему по сему случаю мое замѣчаніе, онъ отвѣчалъ: къ чему оно поможетъ? Я передаю себя моему предназначенію, противъ котораго человѣкъ, это слабое твореніе природы, тщетно противоборствуетъ". Даже въ отношеніи къ собственному своему здоровью графъ соблюдалъ одинаковое правило; онъ мало вѣрилъ искусству медиковъ, хотя весьма уважалъ искусство хирурговъ, и, пренебрегая опасностью холеры и чумы, онъ полагалъ, что и въ этихъ болѣзняхъ боязнь содѣлаться ихъ жертвою увеличиваетъ опасность, но, впрочемъ, безъ воли Провидѣнія ни одинъ волосъ съ головы нашей упасть не можетъ. Подвергаться строгой діэтѣ ему было несносно и хотя онъ исполнялъ требованія медика, но единственно потому, что не считалъ себя въ правѣ ослушаться, полагая, что жизнь его принадлежитъ болѣе государю и отечеству, нежели ему самому; но съ большимъ трудомъ удалось мнѣ увѣрить его, что питье чая по 4 и по 5 стакановъ въ вечеръ ему вредно.

Воспоминаніе о неблагопріятныхъ слухахъ, распущенныхъ на счетъ графа Дибича.

При этомъ случаѣ не могу оставить безъ вниманія обстоятельство, которое угрожаетъ въ потомствѣ запятнать славу достойнаго мужа, который въ исторіи Россіи сдѣлался безсмертнымъ памятникомъ преданности и любви къ своему монарху, славу ревностнаго исполнителя своихъ обязанностей, не заслужившаго, чтобы добродѣтели его были затемнены какимъ-нибудь упрекомъ противъ нравственности его. По окончаніи послѣдней войны съ турками, въ которой переходъ чрезъ Балканы доставилъ ему, по милости государя императора, безсмертное наименованіе Забалканскаго, завистники и клеветники славы его распустили въ обѣихъ столицахъ имперіи слухъ, будто-бы фельдмаршалъ предался лишнему употребленію горячихъ напитковъ, но когда онъ возвратился въ С.-Петербургъ и отличенъ будучи вновь царскою довѣренностію назначеніемъ главнокомандующимъ противъ польскихъ мятежниковъ, тогда слухи эти сдѣлались

общимъ предметомъ разговоровъ въ городѣ, до такой степени, что стали извѣстны низшему классу жителей. Обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, которые имѣли случай находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ этимъ великимъ героемъ, великимъ и по качествамъ чистѣйшей нравственности, и ко всѣмъ тѣмъ, которые ежедневно въ продолженіе многихъ лѣтъ находились около фельдмаршала, и призываю ихъ въ свидѣтели того, что это слухи были выдуманы и распространены съ самымъ злѣйшимъ намѣреніемъ: обезславить память его. Каждаго изъ этихъ клеветниковъ вызываю я представить неопровержимыя доказательства, которыя могли-бы подтвердить истину словъ ихъ. Упрекомъ этимъ ненависть и зависть пытались очернить чистѣйшую нравственность мужа, который съ ужасомъ говорилъ о порокѣ невоздержности, ведя такую скромную и умѣренную жизнь, что его можно было выставить примѣромъ, достойнымъ подражанія. Въ теченіе 25 лѣтъ я часто и довольно долго находился въ его ежедневномъ обществѣ и никогда не находилъ малѣйшаго повода къ такому невыгодному о немъ сужденію; я считалъ-бы излишнимъ и ниже достоинства моихъ чувствъ и его памяти коснуться здѣсь до такого презрѣннаго предмета, ежели подобные слухи и теперь еще не пытались-бы покрывать поношеніемъ могилу такого рѣдкаго мужа, доблестнаго и для будущихъ вѣковъ.

Пріѣздъ фельдмаршала въ Новый Миргородъ. — Пріѣздъ туда турецкаго посланника Галиль-паши изъ Петербурга.—Пріѣздъ туда графа П. А. Толстаго и свиданіе его съ графомъ И. И. Дибичемъ.

Пріѣхавъ въ Миргородъ, гдѣ графу Дибичу-Забалканскому отведена была квартира въ домѣ полковника Лахмана, командира уланскаго полка, расположеннаго въ Елисаветградѣ по случаю сбора кавалеріи военнаго поселенія, чтобы имѣть счастіе представиться на смотръ его императорскому величеству, графъ узналъ, что день прибытія туда государя императора еще не былъ извѣстенъ, и съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ мгновеніе, въ которое онъ полагалъ имѣть случай доложить его императорскому величеству все то, что фельдмаршалъ поручалъ мнѣ изустно передать въ Варшавѣ государю. Въ тотъ-же день прибылъ въ Миргородъ бывшій въ Петербургѣ посланникъ

Оттоманской порты Галиль-паша, который, явившись къ фельдмаршалу, былъ принятъ имъ весьма ласково. На другой день вечеромъ ожидали также начальника всѣхъ военныхъ поселеній графа Толстаго, бывшаго прежде по службѣ старше графа Дибича, который въ уваженіе дружескихъ между ними отношеній, въ знакъ признательности и почтенія, хотѣлъ его предупредить посѣщеніемъ на его квартирѣ. Для этого и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія, но графъ Толстой, вѣроятно, предвидѣлъ или ожидалъ эту вѣжливость со стороны графа Ивана Ивановича и пріѣхалъ прямо (не заѣзжая къ себѣ) къ фельдмаршалу. Свиданіе ихъ было, повидимому, весьма искренно и дружелюбно. На другой день всѣ генералы и вельможи, бывшіе въ Миргородѣ, отправились въ Елисаветградъ для встрѣчи тамъ монарха; одинъ фельдмаршалъ остался въ явномъ нетерпѣніи получить назначеніе, гдѣ и когда ему представиться его императорскому величеству. Въ 11 часовъ вечера прибылъ ожидаемый фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что его величеству благоугодно было, чтобы графъ на послѣдней почтовой станціи передъ Елисаветградомъ дожидался прибытія туда государя императора. Мы тотчасъ отправились въ дорогу и прибыли въ назначенное мѣсто въ два часа пополуночи. Графъ въ парадномъ мундирѣ, украшенный всѣми орденами, полученными имъ отъ щедротъ двухъ государей Россіи, держа рапортъ о состояніи ввѣренной ему арміи, завернулся въ свой плащъ и легъ на покрытую ковромъ солому передъ дверьми бивачной хижины, попросивъ меня разбудить его тотчасъ по прибытіи казака, посланнаго на вторую станцію.

Отъѣздъ фельдмаршала на послѣднюю почтовую станцію передъ Елисаветградомъ, чтобы тамъ дождаться пріѣзда его величества.—Прибытіе государя и милостивая встрѣча, оказанная графу Дибичу.

Ночь была довольно холодная, множество цвѣтовъ и свѣжая, только что скошенная, трава были разсыпаны на площадкѣ передъ хижиною станціи. Первые лучи утренней зари раскрашивали восточный край яснаго и безоблачнаго небосклона. Графъ спалъ крѣпкимъ сномъ, но весьма недолго, потому что вскорѣ казакъ на покрытомъ пѣною конѣ прискакалъ съ извѣ-

стіемъ, что государь ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Все вокругъ насъ встрепенулось, и съ радостною торопливостью вывели приготовленныхъ въ упряжи прекрасныхъ лошадей. Графъ, пробужденный шумомъ, всталъ и вышелъ на дорогу съ яснымъ лицомъ; зоркій глазъ его искалъ въ степи предметъ своего нетерпѣливаго ожиданія. „Видишь ты“—сказалъ онъ мнѣ—„вихремъ поднятый пыльный столбъ, съ нимъ приближается государь нашъ“, и, пробѣгая глазами приготовленный рапортъ, прохаживался медленными шагами. Пыльное облако мчалось ближе и ближе, и среди него мы уже могли распознавать царскую коляску, которую четверка лошадей несла съ быстротою соколинаго полета; застегнутый фартукъ упалъ и высокій величественный станъ нашего государя поднялся изъ экипажа. Коляска остановилась, государь, со словами: „Иванъ Ивановичъ!“ выпрыгнулъ изъ коляски и, не принявъ рапорта отъ графа, прижалъ его къ своей царской груди. Я, стоявъ въ почтительномъ разстояніи, ничего не могъ слышать, какъ его величество привѣтствовалъ графа. Вдругъ послышался мнѣ опять голосъ государя: „Арсентій“ (имя придворнаго лакея, служившаго у графа)—„сюртукъ графу“! Фельдмаршалъ удалился, чтобы исполнить милостивое дозволеніе своего государя, который, подошедъ ко мнѣ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и прибавилъ: „Бенкендорфъ сядетъ къ тебѣ, а графъ поѣдетъ со мной“. Въ одно мгновеніе новыя лошади были запряжены и опять вихремъ помчались наши экипажи по дорогѣ къ Елисаветграду. Графъ Бенкендорфъ во-время дороги разспрашивалъ меня съ видимымъ участіемъ на счетъ фельдмаршала.

Прибытіе въ Елисаветградъ.—Новое назначеніе, полученное фельдмаршаломъ.

По истеченіи прошествія полутора часа, раздался звонъ колоколовъ Елисаветграда и громкое ура его жителей доказывало, что мы подъѣхали ко дворцу. Для графа Дибича приготовлена была квартира въ домѣ графа Витта, гдѣ я и расположился въ ожиданіи Ивана Ивановича. Тутъ возвратился графъ Виттъ изъ дворца и сообщилъ мнѣ съ радостнымъ восторгомъ, что государь, принявъ отъ начальниковъ войскъ рапорты, отдалъ ихъ фельдмаршалу, приказавъ ему всемилостивѣйше вступить опять,

какъ прежде, въ должность начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Графъ Виттъ, казалось, былъ весьма обрадованъ этимъ назначеніемъ, и, дѣйствительно, фельдмаршалъ полагалъ, что онъ принадлежитъ къ числу преданныхъ ему друзей. Но зная изъ словъ графа Дибича, что онъ хотѣлъ на первое время, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пользоваться отпускомъ за границу, я удивился внезапной перемѣнѣ вступленія его вновь въ должность начальника штаба. Графъ Виттъ продолжалъ, что его величество изволилъ повелѣть фельдмаршалу занять во дворцѣ комнаты, назначенныя для помѣщенія графа Бенкендорфа, почему послѣдній переѣдетъ къ нему въ домъ. Въ это время явился ко мнѣ фельдъегерь, который подтвердилъ слова графа Витта, и я тотчасъ отправился во дворецъ къ графу Дибичу-Забалканскому, котораго засталъ при занятіи бумагами за письменнымъ столомъ. Когда я сообщилъ ему переданное мнѣ извѣстіе, онъ мнѣ сказалъ: „То, что тебѣ передалъ графъ Виттъ, заключаетъ наполовину истину. На первый случай я останусь здѣсь, но о новомъ назначеніи моемъ въ прежнюю должность еще ничего не рѣшено, и ежели тебя спросятъ на счетъ этого предмета, то и ты отзовись неопредѣленно“. Между тѣмъ, во все время пребыванія Его Императорскаго Величества въ Елисаветградѣ всѣ дѣла служебныя передавались для исполненія графу Ивану Ивановичу; онъ занимался ими почти цѣлый день, такъ что я рѣдко имѣлъ случай его видѣть, а еще меньше говорить съ нимъ. Я удостоился счастія во все это время быть приглашеннымъ къ обѣдамъ за царскимъ столомъ, гдѣ государь, увидавъ меня въ первый день, въ нѣсколькихъ словахъ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе за то, что я пріѣздомъ моимъ въ Бургасъ участвовалъ къ успокоенію и къ утѣшенію фельдмаршала.

Его Императорское Величество пробылъ въ Елисаветградѣ около трехъ сутокъ. Благопріятная, чистая и теплая погода способствовала производству смотра и маневровъ поселенной кавалеріи къ совершенному удовольствію монарха.

Отъѣздъ фельдмаршала въ Кіевъ.—Пріѣздъ его туда и посѣщеніе графа Сакена.—Проектъ указа, доставленнаго фельдмаршалу отъ графа Кочубея.—Отъѣздъ мой въ С.-Петербургъ.—Письма, полученныя мною отъ фельдмаршала.

Государь отправился, безъ сопровожденія фельдмаршала, въ нѣкоторыя мѣста военнаго поселенія кавалеріи для осмотра собранныхъ тамъ войскъ. Графъ отправился въ тотъ-же день со мною въ Кіевъ, куда Его Величество намѣревался также вскорѣ прибыть. По пріѣздѣ нашемъ въ Кіевъ графъ Иванъ Ивановичъ тотчасъ отправился къ фельдмаршалу графу Сакену, взявъ меня съ собою, чтобы представить меня его сіятельству, какъ близкаго своего родственника. На другой день прибылъ въ Кіевъ Его Императорское Величество. Въ этотъ-же день фельдъегерь привезъ на имя графа Ивана Ивановича конвертъ отъ графа Кочубея изъ Петербурга. Конвертъ этотъ содержалъ въ себѣ программу печатнаго указа, въ которомъ изложены были благодѣтельныя намѣренія Государя Императора преобразовать повинности и отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и произвести нѣкоторыя другія перемѣны по службѣ гражданскихъ чиновниковъ. Фельдмаршалъ далъ мнѣ прочесть эту программу, обязавъ меня сохранить содержаніе ея въ тайнѣ, что я донынѣ свято исполнилъ. Мнѣнія графа о содержаніи программы обнаруживали совершенное его согласіе и увѣренность, что благонамѣренные виды правительства проистекаютъ изъ чистѣйшаго источника: благодѣтельной воли Государя Императора; но графъ полагалъ, что время къ исполненію этихъ предположеній еще не настало, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ большою пользою для правительства и для благосостоянія подданныхъ могли-бы безъ отлагательства быть приведены въ дѣйствіе. И здѣсь, въ Кіевѣ, я рѣдко видѣлся съ графомъ, потому что онъ почти безотлучно находился при государѣ. Чрезъ три дня я на нѣсколько мѣсяцевъ разлучился съ графомъ: меня отправили въ Петербургъ, а онъ поѣхалъ чрезъ Варшаву, въ прусскую Силезію, для свиданія съ своими родственниками. Онъ тамъ оставался недолго и, не побывавъ въ Берлинѣ, возвратился чрезъ нѣсколько недѣль въ Тульчинъ, гдѣ находилась бывшая его главная квартира. Во время его пребыванія въ чужихъ краяхъ я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, которыя,

по оригинальности содержанія, заслуживаютъ быть здѣсь упомянутыми.

Изъ Варшавы, отъ 19-го іюня 1830 года:

„Прости, любезный, что я только въ нѣсколькихъ строкахъ могу изъявить тебѣ благодарность мою какъ за два письма твои, такъ и за дружеское твое предложеніе касательно службы твоей на будущее время; я очень признателенъ тебѣ за твою братскую любовь и добрую волю, но мои обстоятельства, кажется, принимаютъ другой видъ, впрочемъ, мы обо всемъ поговоримъ лично. Я полагаю, что до возвращенія въ Петербургъ я пробуду въ Кіевѣ и Тульчинѣ не болѣе какъ до 20 или 25 іюля, послѣ чего надѣюсь еще одинъ мѣсяцъ отдохнуть безъ занятій. Здѣсь въ Варшавѣ все кончилось благополучно, и радостно видѣть, какъ всѣ привязаны къ государю“.—„На вѣки остаюсь“.—

Изъ Тульчина, отъ 17-го іюля:

„13-го сего мѣсяца я благополучно прибылъ сюда и надѣюсь 29-го числа вечеромъ быть на станціи Городецъ, близъ Луги. Прошу тебя пріѣхать туда ко мнѣ на встрѣчу, чтобы намъ вмѣстѣ доѣхать до Царскаго села. Впрочемъ, до того времени я еще напишу тебѣ нѣсколько строкъ, которыя извѣстятъ тебя о времени прибытія моего въ Городецъ, откуда заѣдемъ на нѣсколько часовъ къ сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ, а затѣмъ въ Царское село. Хотѣлось-бы мнѣ оттуда заѣхать на Волково кладбище, чтобы тамъ отдать послѣдній долгъ у гроба жены моей. Потрудись узнать, назначена-ли мнѣ квартира въ Зимнемъ дворцѣ. Князь Волконскій полагалъ помѣстить меня въ комнаты, которыя прежде занималъ принцъ Виртембергскій; но старайся освѣдомиться объ этомъ съ большою скромностію; обратись къ Селявину, ежели князя Волконскаго нѣтъ въ столицѣ. Если-же по этому предмету не сдѣлано распоряженіе, то я остановлюсь въ гостинницѣ Лондонъ. Прошу тебя не говорить никому о всемъ томъ, что я тебѣ здѣсь написалъ“.

Изъ Тульчина, отъ 21-го іюля 1830 г. Выписка. „Весьма желаю, чтобы меня по пріѣздѣ въ Петербургъ приняли безъ всякой пышности или отличія. Намѣреваясь первое время провести въ кругу родственниковъ и старыхъ испытанныхъ мною друзей, я объ этомъ пишу сегодня графу Чернышеву. Постарайся побывать у его сіятельства и, ежели возможно, съ нимъ пере-

говорить, на счетъ изъявленнаго ему мною желанія, чтобы потомъ все слышанное передать мнѣ, когда съ тобою увижусь".

Прибытіе графа Дибича изъ Тульчина въ С.-Петербургъ.—Аудіенція у его величества.—Сообщеніе государемъ фельдмаршалу новаго назначенія по службѣ.

Графъ Иванъ Ивановичъ, пробывъ сутки въ кругу моего семейства на дачѣ, недалеко отъ города Луги, возвратился въ Петербургъ 30-го іюля, въ тотъ самый вечеръ, въ который его императорское величество намѣренъ былъ отправиться въ Финляндію. Государь дозволилъ графу тотчасъ представиться и графъ сообщилъ мнѣ, что аудіенція его продолжалась довольно долго, что государь принялъ его весьма благосклонно и милостиво, прибавивъ: „благодарность и любовь къ монарху налагаютъ на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его величествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ и приближающейся старости, но я охотно и радостно принесу любимому мною монарху эту жертву самоотверженія".

Квартира графу, по повелѣнію государя, назначена была въ Шепелевскомъ дворцѣ. Передъ уходомъ моимъ фельдмаршалъ разсказалъ мнѣ, что онъ на другой день обязанъ вступить въ новую свою должность, назначенную государемъ, но что сопряженныя съ симъ вступленіемъ обстоятельства его нѣсколько затрудняютъ, потому что занятіе новой должности касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить какъ друга [1]).

—„Я предвижу"—говорилъ онъ—„что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи предмѣстникъ мой будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя требуетъ отъ меня и эту жертву; единственно воля монарха избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ, какъ повелѣніе, всегда было священно".

---

[1]) Графъ А. И. Чернышевъ. Н. Ш.

Извѣстіе, полученное изъ Парижа, о народномъ возстаніи и о перемѣнѣ тамошняго правительства.—Разсужденія фельдмаршала о послѣдствіяхъ сего событія.—Вліяніе онаго на новое назначеніе графа Дибича.

На другое утро въ пять часовъ графъ потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня съ лицемъ, выражавшимъ заботу и задумчивость. „Меня ночью разбудилъ графъ Ливенъ"—сказалъ онъ мнѣ—„изъ Парижа получены депеши съ извѣстіемъ, что тамъ вспыхнула народная революція, кончившаяся, послѣ кровопролитнаго побоища между жителями и войскомъ, тѣмъ, что король Карлъ X сложилъ корону и правленіе. Я предвижу, что это неожиданное событіе, которое я, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсказывалъ, повлечетъ за собою самыя важныя послѣдствія. Общая европейская война почти неизбѣжна. По моему мнѣнію, для Россіи необходимо безъ потери времени подвинуть сильную армію въ Польшу, чтобы съ достоинствомъ своего величія быть готовою на все, налагая притомъ оковы на всѣ крамольныя предпріятія какъ тамъ, такъ и въ Рейнскихъ провинціяхъ. Приготовившись къ бою, мы въ большихъ массахъ должны сосредоточивать наши арміи на крайнихъ границахъ Запада. Извѣстіе о происшествіи въ Парижѣ остановило на первый случай мое намѣреніе, которое я тебѣ сообщилъ вчера, давъ ему другое направленіе, въ томъ предположеніи, что государь, можетъ быть, употребитъ меня на военномъ поприщѣ опять полководцемъ. Вслѣдствіе такого предположенія, я до возвращенія государя останусь въ бездѣйствіи, тѣмъ болѣе, что я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вельможу, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои". Фельдмаршалъ желалъ, чтобы я эти сообщенія сохранилъ-бы въ тайнѣ. „Вѣроятно"—продолжалъ онъ—„его величество для рѣшенія вопроса о предлагаемыхъ мною мѣрахъ соберетъ особенный совѣтъ, но я опасаюсь найти тамъ многихъ противниковъ моимъ мнѣніямъ, преимущественно графа Канкрина, который, какъ министръ финансовъ, дорожитъ денежными расходами государства, но не менѣе того положеніе дѣлъ въ Европѣ, по моему мнѣнію, требуетъ этихъ жертвъ, ибо духъ времени и раздраженность народовъ мнѣ извѣстны, почему самая предосторожность повелѣваетъ приступить къ исполненію предполагаемыхъ мною мѣръ".

Занятія графа Дибича до возвращенія государя изъ Финляндіи.—Аудіенція у его величества на Елагиномъ острову.

До пріѣзда государя императора изъ Финляндіи графъ занимался постоянно разборомъ бумагъ и, окруженный планами различныхъ государствъ, обработывалъ военныя операціонныя предположенія до глубокой ночи.

3-го августа по утру, когда я пріѣхалъ къ нему, мнѣ сказали, что онъ приглашенъ былъ на Елагинъ островъ къ государю, возвратившемуся ночью изъ своей поѣздки. Черезъ нѣсколько часовъ графъ вернулся оттуда и сказалъ мнѣ:

—„Я уже нашелъ государя за занятіями въ своемъ кабинетѣ, выслушивавшимъ докладъ одного изъ своихъ государственныхъ первостепенныхъ сановниковъ (графъ назвалъ его)[1]). Его величество удостоилъ меня благосклоннаго пріема и когда вельможа, считая нужнымъ окончить докладъ, закрылъ начатую читать бумагу, его величество изволилъ сказать: „Полагаете-ли вы, что у меня предъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ какая-нибудь тайна? Извольте продолжать“. — Вскорѣ докладъ кончился, и когда я съ государемъ остался наединѣ и изложилъ его величеству причину, по которой до его пріѣзда не вступилъ въ назначенную мнѣ новую должность, его величество одобрилъ мою предусмотрительность. Касательно парижскихъ событій и ихъ вѣроятныхъ послѣдствій онъ во многихъ частяхъ изволилъ со мною согласиться и столь-же милостиво выслушалъ со вниманіемъ мои предположенія о необходимости предварительныхъ военныхъ диспозицій. Въ дипломатической-же прозорливости и предусмотрительности переворотовъ, могущихъ послѣдовать въ Европѣ, государь преимущественно передъ всѣми его министрами отличался чрезвычайнымъ талантомъ отгадывать весьма быстро происшествія, послѣдовавшія въ скоромъ времени потомъ“.

---

[1]) Это былъ, вѣроятно, графъ Нессельроде. Н. Ш.

Возстаніе въ Бельгіи и порученіе, данное фельдмаршалу въ Берлинѣ.—Духовное завѣщаніе графа Дибича.

13-го августа 1830 г. первыя искры возмущенія противъ правительства вспыхнули яркимъ пламенемъ въ Брюсселѣ, 28-го того-же мѣсяца произошли народныя волненія въ Дрезденѣ. При полученіи этихъ извѣстій графъ замѣтилъ, какъ вѣрно сбылись его предсказанія, и сообщилъ мнѣ при этомъ, что его величество рѣшилъ послать его въ дипломатическомъ отношеніи по весьма важному предмету въ Берлинъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ его разговора со мною я могъ догадаться въ чемъ состояло это посланіе, но какъ графъ, казалось, хотѣлъ скрыть эту тайну, то я считалъ неумѣстнымъ вникать въ дальнѣйшія подробности.

Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Берлинъ, графъ сдѣлался молчаливымъ и печальнымъ и, передавъ мнѣ сложенную бумагу, сказалъ: „Я привыкъ при каждомъ случаѣ, удаляющемъ меня на неопредѣленное время отъ моихъ родныхъ, оставлять имъ мое духовное завѣщаніе; такимъ образомъ, я и теперь намѣренъ сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что смерть жены моей перемѣнила прежнія назначенія о моемъ наслѣдствѣ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, прочти эту бумагу со вниманіемъ, она заключаетъ въ себѣ мою послѣднюю волю, и съ свойственною тебѣ откровенностью скажи, раздѣлилъ-ли я безошибочно мое имущество на равныя части между моими родственниками“. — Я считалъ своею обязанностію исполнить желаніе графа; но такъ какъ переданная бумага содержала въ себѣ предположеніе о смерти его, то встревоженный участіемъ въ потерѣ, могущей поразить насъ всѣхъ, я безъ вниманія, со слезами въ глазахъ пробѣжалъ его духовное завѣщаніе, да и самый предметъ даннаго мнѣ порученія былъ столь нѣжнаго свойства, что этотъ новый знакъ довѣрія графа ко мнѣ тронулъ меня до глубины души, а потому я безъ всякихъ съ моей стороны замѣчаній возвратилъ ему бумагу, сказавъ ему, что, по моему убѣжденію, я не нахожу ни малѣйшаго пристрастія въ раздѣлѣ его наслѣдства, тѣмъ болѣе, что имѣніе его благопріобрѣтенное и мы на оное никакого законнаго права имѣть не можемъ.

День отъѣзда его насталъ. Государь находился въ Царскомъ

селѣ и графъ долженъ былъ отправиться туда на прощальную аудіенцію; я страдалъ простудною лихорадкою, но графъ, не не знавъ сего, пригласилъ меня проводить его до Царскаго села, я исполнилъ это желаніе. Графъ, возвратившись отъ его величества, приказалъ портфель свой съ бумагами перенести въ мою комнату, въ которой я, по болѣзни, принужденъ былъ лежать на постели. Вошедши ко мнѣ, графъ сказалъ: „хочу послѣднія минуты моего здѣсь пребыванія провести съ тобою, любезный другъ". Взявъ мою руку и снявъ съ перста своего кольцо съ большимъ изумрудомъ, онъ отдалъ его мнѣ. „Это кольцо принадлежало женѣ моей; другое, точно такое, имѣю я; мы попеременно носили ихъ и въ этомъ отношеніи оно мнѣ весьма драгоцѣнно. Прими его отъ меня въ знакъ дружеской моей признательности къ тебѣ за всѣ доказательства твоей любви ко мнѣ, за самоотверженіе, съ которымъ ты, отецъ многочисленнаго семейства, пріѣхалъ ко мнѣ въ Бургасъ зачумленный, за заботливость и старанія, которыя ты оказывалъ женѣ моей на смертномъ ея одрѣ. Я останусь вѣчнымъ твоимъ должникомъ. Носи кольцо это въ память истинной моей приверженности къ тебѣ". Я не находилъ словъ отвѣчать ему на эти доказательства нѣжной его родственной любви; я обнялъ его со слезами на глазахъ. Онъ пробылъ еще съ полчаса у меня въ комнатѣ; подъѣхалъ дормезъ, онъ простился со мною и уѣхалъ.

Изъ Берлина я отъ него получилъ 5 писемъ: отъ 7, 11, 23-го сентября, отъ 10-го и 26-го октября. Содержаніе ихъ касалось до предметовъ семейныхъ, до благосклоннаго пріема его со стороны прусскаго короля и всей королевской фамиліи.

Возстаніе въ Варшавѣ.—Отъѣздъ фельдмаршала изъ Берлина и прибытіе его въ Петербургъ.

Крамольное возстаніе Польши, вспыхнувшее въ Варшавѣ, побудило графа оставить Берлинъ и возвратиться въ Петербургъ. Будучи извѣщенъ о времени вѣроятнаго его прибытія, я поѣхалъ къ нему на встрѣчу до Ямбурга. Онъ этимъ новымъ доказательствомъ моей дружбы былъ чрезвычайно обрадованъ. Дорогою сказалъ онъ мнѣ: „Къ сожалѣнію моему, предсказанія мои сбылись. При полученіи извѣстія о парижскомъ возмущеніи

я считалъ необходимымъ, чтобы сильная армія наша заняла бы Польшу, хотя тогда и не предвидѣлъ, что такое распоряженіе предупредитъ непремѣнно возстаніе въ Варшавѣ и Россія не будетъ вовлечена въ войну, послѣдствія которой неисчислимы потому уже, что она должна быть ведена противъ взбунтовавшагося народа, ослѣпленнаго древнею враждою и пламеннымъ энтузіазмомъ, готоваго притомъ употребить всевозможныя средства, чтобы избѣгнуть заслуженной казни пожертвованіемъ самой жизни. Въ то время собранный государемъ совѣтъ не соглашался съ моимъ мнѣніемъ, желая сберечь напрасные, можетъ быть, денежные расходы, которые теперь должны будутъ удвоиться, потому что обстоятельства требуютъ дѣйствія со всевозможною скоростію, въ невыгодное для военныхъ операцій время, что тогда могло быть произведено во время лѣта безъ поспѣшности и отклонило-бы отъ Россіи войну, которая, по всей вѣроятности, будетъ чрезвычайно кровавой".

Болѣзнь фельдмаршала въ Петербургѣ. — Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ арміи противъ польскихъ мятежниковъ. — Разговоръ о графѣ Толѣ.

На шестой день графъ заболѣлъ довольно опасно; домашній докторъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шлегель, котораго онъ почиталъ и любилъ, находился безотлучно при немъ; его участію, преданности и пособію онъ обязанъ былъ скорымъ своимъ выздоровленіемъ. Въ это время фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ предположеніе свое о томъ, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ въ предстоящей неизбѣжной войнѣ противъ возмутившихся поляковъ. Вслѣдствіе этого онъ занимался разсматриваніемъ плановъ и диктовкою мнѣ разныхъ бумагъ и распоряженій, относящихся къ предстоявшему походу. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ чрезвычайною дѣятельностью сталъ разработывать предварительныя распоряженія по этому предмету, сказавъ мнѣ однажды, что назначеніе его главнокомандующимъ арміею противъ польскихъ мятежниковъ рѣшено уже его величествомъ, почему онъ приготовляется къ выбору особъ, которыя должны составить главный его штабъ.

— „Я сегодня, сказалъ онъ,—съ разрѣшенія государя импе-

ратора, писалъ графу Толю, въ Эстляндію, и пригласилъ его занять вновь прежнее мѣсто начальника штаба во ввѣренной мнѣ арміи".—„Въ высшихъ кругахъ Петербурга, отвѣчалъ я,—ожидали этого".—„И что-же полагаютъ, спросилъ графъ,—приметъ-ли графъ Толь мое предложеніе?" — „Я графа Толя, возразилъ я,—знаю весьма мало, но по отзыву твоему въ Бургасѣ я долженъ заключить, что онъ оцѣнитъ дружеское твое желаніе, но публика судитъ иначе. Вообще полагаютъ, что графъ Толь убѣжденъ въ томъ, что онъ кончилъ свое военное поприще и потому предпочтетъ спокойную жизнь, среди своего семейства, и сохраненіе едва возстановленнаго своего здоровья всѣмъ блистательнымъ видамъ честолюбія, которыя его могутъ ожидать среди опасностей новой кровавой войны, между тѣмъ какъ онъ теперь наслаждается всѣми столь трудно пріобрѣтенными прелестями жизни, осыпанный щедрыми дарами своего государя". — „Твое мнѣніе, другъ мой, сказалъ мнѣ графъ, — кажется ближе къ истинѣ, чѣмъ городскіе слухи. Хотя я часто ошибался въ мнѣніяхъ моихъ объ особахъ, которыя нѣкогда обязаны были мнѣ признательностью и преданностью, но въ графѣ Толѣ я, кажется, не ошибся и, судя по всему, нашелъ въ немъ человѣка, на дружбу и привязанность котораго я твердо могу полагаться. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней я получу его отвѣтъ. У тебя, мой другъ, я остаюсь еще въ большомъ долгу за пріѣздъ твой ко мнѣ въ Бургасъ, въ которомъ ты, кромѣ трудности дороги, подвергался еще чумѣ, и признаюсь тебѣ, мнѣ было-бы пріятно и утѣшительно, по желанію твоему, доказать тебѣ признательность и благодарность мою. Скажи мнѣ откровенно, чѣмъ могу тебѣ доставить удовольствіе?"—„Знавъ тебя какъ родственника и друга, былъ мой отвѣтъ, — я ожидалъ отъ тебя подобнаго предложенія и приготовился тебя просить дозволить мнѣ, чтобы избранный мною живописецъ Якобсъ написалъ твой портретъ во весь ростъ, подъ палаткою передъ Адріанополемъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ драгоцѣнный для меня подарокъ остался въ семействѣ моемъ знакомъ твоего дружескаго ко мнѣ расположенія".

Тронутый до слезъ, графъ согласился охотно на просьбу мою, и хотя занятія его по службѣ не оставляли ему много свободнаго времени, однако, въ четыре дня единственно похожій на него портретъ былъ оконченъ.

На другой день фельдмаршалъ показалъ мнѣ шпагу, осыпанную брильянтами, подаренную ему королемъ Прусскимъ, въ день отъѣзда графа изъ Берлина. По желанію моему, онъ отдалъ мнѣ подлинный рескриптъ, который приложенъ былъ къ этому драгоцѣнному подарку, равно и рескриптъ короля Баварскаго, полученный также въ Берлинѣ. Эти два рескрипта для потомства графа Ивана Ивановича довольно интересны, и потому я о нихъ и упоминаю здѣсь.

Рескриптъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III.

„Я не могу разстаться съ вами, не вручивъ вамъ знака памяти по случаю вашего здѣсь пребыванія, а потому примите приложенную при семъ шпагу, какъ доказательство моего особеннаго уваженія къ вамъ и какъ знакъ признанія заслугъ, оказанныхъ вами, къ чести христіанства, въ борьбѣ за правое дѣло во время послѣдней войны. Вашими рѣдкими воинскими дарованіями, вашимъ правосудіемъ и кротостью вы вполнѣ достигли цѣли, предначертанной вашимъ великодушнымъ императоромъ, и утвердили на будущее время отрадную увѣренность на успѣхъ, въ случаѣ если благоденствіе народовъ и справедливость потребовали бы приняться снова за оружіе. Я молю Бога“ и проч.

Рескриптъ короля баварскаго Лудвига I.

„Одинъ изъ почитателей вашихъ не можетъ скрыть искреннее свое желаніе, чтобы вы, графъ, согласились дать нѣсколько сеансовъ профессору Рауху для изваянія вашего бюста. Этому знаменитому художнику я поручилъ изготовить оный изъ мрамора, для музея, въ которомъ помѣщаются бюсты отличившихся германцевъ, какъ еще живущихъ, такъ и умершихъ. Мы, германцы, гордимся правомъ называть васъ нашимъ.

Въ неизгладимыхъ чертахъ сіяетъ имя Дибича-Забалканскаго въ исторіи, какъ славнаго побѣдителя турокъ, какъ разрушителя ихъ державы въ Европѣ, если безпримѣрная кротость императора Николая не пощадила бы ея. Я считаю себя въ правѣ сказать, что никто изъ коронованныхъ лицъ не принималъ такого пламеннаго участія въ побѣдахъ вашихъ, какъ я“, и проч.

Мрачныя предчувствія фельдмаршала по поводу близкой смерти своей.—Разсужденія о затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ предстоявшимъ походомъ.

На другой день, когда я явился къ графу, онъ со стола взялъ распечатанное письмо, сказавъ: „вотъ отвѣтъ графа Толя; какъ ты думаешь, принялъ онъ мое предложеніе или нѣтъ?“ Я не отвѣчалъ, потому что уже нѣсколько дней передъ тѣмъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ графа Толя.

—„Ожиданіе мое, продолжалъ фельдмаршалъ, сбылось; прочти письмо“... Исполнивъ его волю, я въ отзывѣ графа Толя нашелъ изъявленія преданности и дружеской признательности и готовность принять предложеніе графа Дибича.

Графъ Иванъ Ивановичъ цѣлый день былъ въ веселомъ расположеніи духа; онъ показалъ мнѣ проектъ воззванія къ арміи и другой—къ польскому народу, писанные собственною его рукою. При этомъ онъ тихо сказалъ: „я увѣренъ въ милости Бога, распредѣляющаго судьбу людей по дѣйствіямъ ихъ, подобно тому, какъ существуютъ непреложные законы въ нравственномъ, такъ и физическомъ мірѣ, а, вѣроятно, также и въ метафизическомъ, который, впрочемъ, для меня совершенно закрытъ. Въ этой увѣренности на Бога я хотя и остаюсь спокойнымъ во всѣхъ случаяхъ жизни, которымъ подвергаюсь, потому что чистая совѣсть и преданность въ святую волю Провидѣнія даютъ мнѣ эту силу душевную, но признаюсь тебѣ, любезный другъ, что въ предстоящемъ мнѣ жребіи непонятная тягость подавляетъ мой духъ непреоборимою силою и темное предчувствіе, что этотъ походъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, преслѣдуетъ меня повсюду, ибо неудачи я не переживу столь-же мало, какъ пораженія на полѣ битвы. Для меня смерть въ пылу сраженія предпочтительнѣе, чѣмъ спасеніе изъ опасности съ потерею пріобрѣтенной славы. Но не это обстоятельство угнетаетъ меня томнымъ чувствомъ какой-то неизъяснимой боли; я предвижу, что кинжалъ измѣны или ядъ злодѣя прекратятъ дни мои, потому что война противъ крамолы, противъ фанатизма и отчаянія, восторженнаго ослѣпленія освящаетъ каждое средство, чтобы избавиться отъ опаснаго врага. Я, можетъ быть, объясняюсь слишкомъ легко и съ полною увѣренностію въ счастливомъ успѣхѣ предполагаемаго

похода, считая предстоящія намъ затрудненія маловажнѣе, нежели я самъ ихъ признаю, чтобы противнымъ объясненіемъ не произвести унынія въ окружающихъ меня помощникахъ и военныхъ товарищахъ, но тебѣ, любезный другъ, признаюсь съ увѣренностію въ твоемъ дружелюбномъ участіи, что я разсчитываю эти затрудненія въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ я ихъ выказываю въ разговорахъ, и потому я долженъ дѣйствовать быстро, безъ малѣйшей потери времени, чтобы лишить бунтовщиковъ возможности сосредоточиться и развить всѣ свои средства къ защитѣ и къ нападеніямъ. Сколько я здѣсь, въ Петербургѣ, въ состояніи окинуть политическій горизонтъ моихъ завистниковъ, стало-быть моихъ противниковъ, я опасаюсь, что они соединенными силами постараются замедлить всѣ вспомогательныя средства къ быстрому предпринятію похода, средства, въ которыхъ армія безъ резерва, безъ заготовленнаго продовольствія чрезвычайно нуждается. Сверхъ того, свободное дѣйствіе моихъ военныхъ операцій оковано всѣми мѣрами. Но объ этомъ обстоятельствѣ я доложу государю императору, хотя и предвижу, что я, кромѣ открытаго врага въ сраженіяхъ, оставляю за собою въ тылу легіонъ непріятелей, противъ которыхъ не стану защищаться, чтобы не уронить довѣренности моего августѣйшаго монарха и его драгоцѣннаго благорасположенія ко мнѣ, которое мнѣ будетъ служить эгидою противъ клеветъ и злобы моихъ противниковъ".

Частныя бесѣды фельдмаршала въ кругу родныхъ.—Прощаніе съ родственниками передъ отъѣздомъ въ армію.

Подобныя меланхолическія чувства отражались впослѣдствіи, до самаго его отъѣзда, во всѣхъ его разговорахъ въ тѣсномъ кругу родныхъ своихъ, которыхъ онъ ежедневно приглашалъ къ себѣ.

Вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда къ арміи сказалъ онъ намъ: „Вѣроятно мы сегодня видимся въ послѣдній разъ", и когда мы его окружили, и сестра его съ нашими дѣтьми заплакали, онъ также прослезился и, обнимая ихъ всѣхъ, продолжалъ: „успокойтесь, можетъ быть предчувствіе мое обманываетъ меня, хотя оно никогда въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и въ такихъ мрачныхъ откликахъ не представлялось моему воображенію. Я

сообщилъ вамъ опасенія мои съ тѣмъ, чтобы вы заблаговременно могли бы привыкнуть къ мысли о моей потерѣ".

На другое утро онъ насъ оставилъ безвозвратно; мы лишились навсегда благодѣтеля, друга и брата, его мудрыхъ совѣтовъ, его помощи и утѣшенія въ злополучныхъ случаяхъ жизни, и я и все мое семейство осиротѣли навсегда, потерявъ въ немъ подпору и отца.

Выдержки изъ писемъ графа Дибича, писанныхъ къ барону Б. К. Тизенгаузену изъ дѣйствующей арміи въ 1831 году.

По пріѣздѣ его въ главную квартиру арміи, я получилъ отъ него много писемъ, изъ которыхъ сообщаю здѣсь нѣкоторыя выписки (въ переводѣ), замѣчательныя содержаніемъ своимъ. Подлинники этихъ писемъ (на нѣмецкомъ языкѣ) хранятся у меня.

I.

Динабургъ, 23-го декабря 1830 года.

...„Всѣ свѣдѣнія, доставленныя ко мнѣ изъ арміи, и все, что я здѣсь видѣлъ и нашелъ, оживляютъ меня двойною надеждою на скорое окончаніе похода съ помощью Бога".

„Лихорадка меня минула, но кашель не совершенно еще бросилъ меня. Мои физическія силы еще довольно слабы. Но первый пушечный выстрѣлъ подкрѣпитъ ихъ и я надѣюсь, что и послѣдній раздастся не долго послѣ перваго".

IV.

Гродно, отъ 18-го января 1831 г.

...„Я полагаю 20-го числа сего мѣсяца отправиться въ Бѣлостокъ, а менѣе какъ чрезъ недѣлю начать военныя операціи въ твердой надеждѣ на покровительство Всевышняго съ полною увѣренностью въ отличный мужественный духъ войскъ нашихъ, который я встрѣчалъ повсюду. Хотя намъ много предстоитъ затрудненій въ зимнемъ походѣ, но имъ подвергается и непріятель, привыкшій къ нимъ менѣе нашего".

V.

Милосна, 12-го февраля 1831 г.

...„Всѣ обстоятельства возбуждаютъ во мнѣ лучшія надежды, тѣмъ болѣе, что князь Шаховской уже сегодня соединился со мною и прекрасный русскій морозъ приготовляетъ намъ вѣрный переходъ черезъ Вислу".

VI.

Грохово, подъ Прагою, 14-го февраля 1831 г.

...„Послѣ кровопролитнаго сраженія, какого подобнаго въ теченіе моей военной жизни мнѣ еще не случалось видѣть, войска наши, подъ старыми укрѣпленіями Праги, разбили армію мятежниковъ, обративъ ихъ въ совершенное бѣгство, которое остановлено было только артиллеріею, поставленною на высотахъ, окружающихъ Прагу. Въ предмѣстьѣ ея непріятель нашелъ нѣкоторое убѣжище, оставивъ, однако, ночью городъ, занялъ малый тетъ-де-понъ у Вислы, переправивъ чрезъ эту рѣку остатки своей почти уничтоженной пѣхоты. Потеря людей съ обѣихъ сторонъ весьма значительна, однако, со стороны непріятеля болѣе, чѣмъ съ нашей. Такъ какъ польская артиллерія по большей части находилась вблизи Праги въ укрѣпленіяхъ, то мы отняли у поляковъ только три орудія и 20 зарядныхъ ящиковъ; но многія тысячи брошенныхъ ружьевъ, пикъ, косъ, киверовъ и сумокъ, равно чрезвычайно большое число барабановъ, доказываютъ совершенное бѣгство непріятеля, у котораго три полка пѣхоты совершенно истреблены. Знаменъ у него не имѣлось".

„Уланы великаго князя и кирасиры 3-й дивизіи, въ особенности полкъ принца Альберта, болѣе всѣхъ отличились".

VIII.

Сеница, 26-го февраля 1831 г.

„Безпрестанно перемѣнчивая погода, вслѣдствіе которой Висла до сихъ поръ еще не разошлась, замедляетъ чрезвычайно наши военныя дѣйствія, потому что до прохода льда невозможно съ увѣренностью въ успѣхѣ навести мостъ".

X.

Сеница 12-го марта 1831 г.

„Погода у насъ здѣсь стоитъ чрезвычайно дурная и дороги совершенно испортились, что останавливаетъ наши операціи и причиняетъ мнѣ большія непріятности, но терпѣніе и постоянство—первыя добродѣтели въ войнѣ, и въ скоромъ времени можно будетъ перейти черезъ Вислу".

XI.

Сеница, 15-го марта 1831 г.

„Здоровье мое въ весьма посредственномъ положеніи; довольно продолжительное замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и неблагопріятная погода служатъ тому болѣе всего причиной. Теперь, слава Богу, настали порядочные морозы, которые въ скоромъ времени высушатъ дороги и тогда, надѣюсь, съ Богомъ переправиться чрезъ Вислу".

XII.

Сѣдлецъ, 2-го апрѣля 1831 г.

„Въ вашемъ участіи въ постигшихъ меня затрудненіяхъ я увѣренъ. Надежда на милость Провидѣнія и чувства долга моего исполнять обязанности вѣрнаго слуги дадутъ мнѣ силу какъ перенести непріятности моего положенія, такъ и преодолѣть препятствія".

XIV.

Шуковъ, 26-го апрѣля 1831 г.

„Намъ предстоитъ еще борьба со многими затрудненіями, пока намъ удастся отсѣчь послѣднюю главу гидры, родившейся въ тишинѣ злодѣйства. Потребуется еще много и большихъ жертвъ и единственная благодать неба можетъ ихъ уменьшить. Значительные успѣхи, одержанные генераломъ Крейцомъ, и бѣгство Дверницкаго въ Австрію могутъ имѣть хорошее вліяніе".

XVI.

Послѣднее письмо фельдмаршала изъ Клещева отъ 25-го мая 1831 г.

„Любезный шуринъ. Прими сердечную мою благодарность за всѣ твои письма и за доказательства твоей дружбы, найденныя мною въ нихъ Прости мнѣ, что я теперь только въ нѣсколькихъ строкахъ отвѣчаю на нихъ. Мнѣ неизвѣстно, находится-ли графъ Толстой еще въ Витебскѣ [1]) полагаю, напротивъ того, что онъ уже приблизился къ Вильнѣ, потому и поручаю фельдъегерю вручить это письмо, для доставленія къ тебѣ, князю Хованскому, ежели ты оставилъ Витебскъ".

„Прощай, твой вѣрный другъ навсегда".

Графъ Дибичъ скончался отъ холеры въ деревнѣ Клешево, подъ Пултускомъ, 29-го мая 1831 года, въ $11^1/_4$ часовъ утра. Начальникъ штаба арміи, генералъ-адъютантъ графъ Толь, принялъ временно начальство надъ арміею, „согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными" (всеподданнѣйшее донесеніе графа Толя отъ 29-го мая 1831 г.).

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

Замѣтки къ Запискамъ барона Тизенгаузена о гр. Дибичѣ.

Генералъ-маіоръ баронъ Богданъ Карловичъ Тизенгаузенъ былъ женатъ на родной сестрѣ фельдмаршала графа Дибича, Аннѣ Ивановнѣ.

Записки барона Тизенгаузена о графѣ Дибичѣ были первоначально написаны на нѣмецкомъ языкѣ, затѣмъ переведены имъ на русскій языкъ. Они предназначались для императора Николая, насколько можно судить по сохранившемуся отрывку чернового отпуска всеподданнѣйшаго письма барона Тизенгаузена, въ которомъ сказано слѣдующее: „Удостойте высокомонаршимъ взглядомъ милостиваго вниманія трудъ сей на нѣмецкомъ языкѣ совершенный, но переводъ

[1]) Графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывшій посолъ при императорѣ Наполеонѣ (1807—1808 гг.), командовалъ въ 1831 г. резервною арміею. Н. Ш.

котораго я въ скоромъ времени окончить могу, ежели сіе в. и. в. благоугодно будетъ повелѣть исполнить.

В. и. в. вѣрноподданный бар. Тизенгаузенъ".

При отправленіи барона Тизенгаузена въ Бургасъ къ графу Дибичу, по случаю кончины жены его [1]), императоръ Николай вручилъ генералу нижеслѣдующее собственноручное письмо къ фельдмаршалу:

I.

St.-Pétersbourg, le 16 Mars 1830.

Mon cher ami, il y a des circonstances dans la vie où toutes consolations humaines sont nulles, où il n'y en a à puiser que là, d'où émane le bonheur comme les épreuves qui nous atteignent pour nous apprendre que le bonheur parfait n'est pas de ce monde. Ce ne sont pas de veines consolations, mon cher ami, que je viens vous offrir, ce n'est que pour partager un instant votre peine que je vous trace ces lignes; c'est pour vous rappeler que vous êtes chrétien et bon chrétien, et que pour ceux qui savent l'être comme vous, des épreuves aussi terribles sont des occasions pour s'avancer vers cette perfection qui doit être notre but constant et que nous ne négligeons que trop. Ce sentiment n'empêche pas de sentir vivement la perte d'êtres qui faisait notre bonheur sur cette terre; et c'est ce sentiment que je viens partager avec vous, mon cher ami, de toute la pleinitude de mon coeur. Que le bon Dieu vous accorde Son soutien, mon pauvre cher ami, c'est à cela que je borne mes voeux pour le moment!

Après ce premier instant donné à la douleur, j'ose reporter votre attention, mon cher ami, sur l'objet de votre amour le plus fort que je vous connaisse après celui qui malheureusement n'existe plus pour vous, sur votre armée. Vous êtes à la veille de la ramener dans les foyers couvertes des lauriers qu'elle a cueillis, conduite par vous.

Les négociations ici me font espérer que même le payement que j'ai fixé pourra se faire plus vite que nous ne le pensions, et de la manière la plus commode c. à d. par des banquiers. Rien donc ne peut selon toute probabilité vous retenir plus longtemps là bas, et n'empêche que vous veniez reprendre des forces soit ici, soit partout où votre coeur désirera chercher des consolations. Je réponds ici à la lettre que vous avez adressée à Чернышевъ, et que j'ai reçu à Moscou.

---

[1]) Графиня Женни Дибичъ-Забалканская (Анна Егоровна), рожденная баронесса Торнау, род. 2-го ноября 1798 г., скончалась 13-го марта 1830 года. Въ 1829 г. графиня была назначена статсъ-дамою.

Н. Ш.

Je vous fait libre, mon cher ami, de faire tout [1]) ce qui vous agrée, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maître complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions, mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abimeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tout le loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'Etat major de l'Empire de Russie! Voilà, mon cher ami, mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre...

J'ai fait une course inopinée de six jours à Moscou, dont je suis revenu infiniment content et satisfait; c'est à mon retour que j'ai su le malheur qui venait de vous atteindre; je cru que l'envoi de Tisenhausen pourrait vous être agréable dans ce moment et c'est lui que je charge de cette lettre pour vous.

Courage, résignation et confiance en Dieu, voilà ce que je vous désire en ce moment, celui qui est pour la vie votre sincèrement affectionné Nicolas.

С-Петербургъ, 16-го марта 1830 года.

(Переводъ съ французскаго). Любезный другъ, есть обстоятельства въ жизни, при которыхъ всѣ человѣческія утѣшенія ничтожны, мы ихъ можемъ почерпнуть лишь въ источникѣ нашего счастія и тѣхъ испытаній, которыя намъ ниспосылаются свыше, чтобы напомнить намъ, что на этомъ свѣтѣ настоящаго счастія быть не можетъ. Это не пустое утѣшеніе, любезный другъ, къ которому я предлагаю вамъ обратиться; я пишу эти строки, чтобы хоть на минуту раздѣлить съ вами ваше горе, чтобы напомнить вамъ, что вы христіанинъ и хорошій христіанинъ, и что для тѣхъ, которые слѣдуютъ ученію Христа, подобно вамъ, такія тяжкія испытанія помогаютъ достигнуть то совершенство, которое должно быть нашей постоянной цѣлью и которыми мы часто пренебрегаемъ Но это чувство не мѣшаетъ глубоко скорбѣть о потерѣ людей, которые составляли наше счастіе въ жизни, и вотъ это чувство я желаю раздѣлить съ вами, любезный другъ, отъ всего сердца. Молю Бога поддержать васъ въ этомъ горѣ, мой бѣдный, дорогой другъ; вотъ въ чемъ заключаются въ настоящее время мои пожеланія!

Послѣ первыхъ минутъ, посвященныхъ горю, смѣю обратить ваше вниманіе, любезный другъ, на предметъ вашей сильнѣйшей любви, послѣ той, которая, къ несчастію, уже не существуетъ для васъ,—на вашу армію. Она покрыта лаврами, пріобрѣтенными подъ вашимъ предводительствомъ, и ей предстоитъ въ скоромъ времени возвратиться съ вами въ отечество.

Начатые здѣсь переговоры даютъ мнѣ надежду, что назначенная мною уплата послѣдуетъ раньше, нежели мы предполагали, и самымъ удобнымъ образомъ, т. е. черезъ банкировъ. И такъ, ничто, по всей вѣроятности, не можетъ удержать васъ долѣе тамъ и помѣшать вернуться, чтобы набраться силъ или здѣсь или повсюду, гдѣ вы пожелаете искать утѣшенія. Я теперь отвѣчаю на письмо, которое вы написали Чернышеву и которое я получилъ въ Москвѣ. Разрѣшаю вамъ, любезный другъ, дѣлать все, что вамъ угодно,

[1]) Три раза подчеркнуто государемъ Николаемъ Павловичемъ. Н. Ш.

пріѣхать сюда или отправиться за границу прямо или отсюда, однимъ словомъ, вы властны распорядиться сами собою, какъ вы пожелаете. Когда вы совершенно оправитесь, то ожидаю васъ къ себѣ для занятія прежнихъ должностей, но при другой обстановкѣ, которая избавитъ васъ отъ мелочей и предоставитъ вамъ возможность всецѣло посвятить себя главной обязанности, какъ начальнику главнаго штаба Россійской имперіи! Вотъ, любезный другъ, мои предположенія; все прочее зависитъ отъ васъ и я повторяю, что вы вполнѣ свободны...

Я неожиданно съѣздилъ на шесть дней въ Москву и остался очень доволенъ этимъ путешествіемъ; по возвращеніи я услышалъ о несчастіи, постигшемъ васъ; я предполагаю, что пріѣздъ Тизенгаузена можетъ быть вамъ пріятнымъ въ настоящую минуту и поэтому я поручаю ему передать вамъ это письмо.

Мужество, покорность и надежду на Бога, вотъ что желаетъ вамъ въ настоящую минуту, любезный другъ, на вѣки искренно васъ любящій Николай.

II.

Письмо императрицы Александры Ѳедоровны графу Дибичу (о которомъ упоминаетъ баронъ Б. К. Тизенгаузенъ въ своихъ Запискахъ).

С.-Петербургъ, 14-го марта 1830 года.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Когда вы получите эти строки, любезный Дибичъ, то будете уже знать о постигшемъ васъ несчастіи и погружены въ свое горе. Ваша потеря велика и незамѣнима и можетъ привести въ отчаяніе, но религіозный человѣкъ знаетъ, гдѣ слѣдуетъ искать утѣшенія. Вы — религіозны; всѣ ваши письма, написанныя въ величайшіе моменты побѣды и славы, доказываютъ, что вы надѣялись на Бога, Ему приписывали свой успѣхъ и въ тяжелыя минуты ждали отъ Него помощи. Покажите себя и въ настоящую тяжелую минуту въ этомъ свѣтѣ. Плачьте и проливайте слезы о вашей доброй супругѣ, за неимѣніемъ любви которой весь блескъ земной покажется вамъ ничтожнымъ, но мужайтесь; прошу васъ, во имя всего, что вамъ свято, не забывать важности вашего поста и помнить, что Россія и государь еще ожидаютъ отъ васъ великихъ заслугъ.

Простите все, что я вамъ написала, но я забочусь о вашей славѣ и отъ души жалѣю васъ; государь еще не пріѣхалъ и потому я сѣла писать вамъ.

Болѣзнь вашей бѣдной жены очень встревожила государя; въ каждомъ письмѣ изъ Москвы онъ говоритъ объ этомъ и о томъ, какъ онъ страшится послѣдствій этой болѣзни для васъ, для нашего храбраго Дибича. Послѣдній разъ, когда я видѣла вашу жену, въ ноябрѣ, то мы, между прочимъ, говорили съ ней о вашей непоколебимой вѣрѣ въ Провидѣніе. Видно было, какъ глубоко и искренно она васъ любила, по тому волненію, съ которымъ она объ этомъ говорила. Да сохранитъ васъ Богъ! Молю Небо ниспослать вамъ силу и утѣшеніе въ вашей скорби. Александра.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 $\frac{\text{13-го августа род.}}{\text{ум. 19-го сентября}}$ 1883.

Боже, благослови продолженіе моихъ воспоминаній и дай мнѣ память ихъ припомнить (1875 г.).

Ѳ. Іорданъ.

X [1]).

Революція въ Парижѣ въ 1830 году.

Парижъ, послѣ этихъ трехъ дней, совершенно измѣнился, начались разговоры объ убитыхъ и раненыхъ. Я прошелся къ ратушѣ, гдѣ на площади поставлена была королевская гвардія; она не послѣдовала примѣру армейскихъ полковъ, которые отказались стрѣлять въ народъ. Народъ съ торжествомъ проводилъ эти полки въ принадлежащія имъ казармы; королевская-же гвардія исполнила свою присягу до конца, будучи окружена со всѣхъ сторонъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116.

вооруженнымъ народомъ, который не переставалъ въ нее стрѣлять съ перваго дня революціи, съ $11^1/_2$ час. утра до 7 час. вечера.

Три раза народъ бралъ ратушу, и три раза гвардія отбивала ее, наконецъ, народъ остался побѣдителемъ. При этомъ пало много народа и солдатъ, которые, оставляя свою позицію, ретировались за городъ; при проходѣ ихъ по узкимъ улицамъ, изъ верхнихъ оконъ на нихъ бросали ничтожную мебель и всякую нечистоту. На площади ратуши, въ угловыхъ домахъ, въ которыхъ помѣщаются обыкновенно, въ Парижѣ, продавцы вина и которые бываютъ всегда выкрашены красною краскою, должно быть засѣла большая масса либераловъ съ оружіемъ въ рукахъ, и у этихъ-то домовъ углы, отъ регулярнаго огня гвардіи, были совершенно какъ-бы срѣзаны. Эти пули были для швейцарцевъ очень гибельны, судя по огромной насыпи, которая образовалась надъ могилою этихъ несчастныхъ. Всѣ входы на площадь ратуши были загромождены крѣпкими баррикадами; на крышѣ ратуши находились и дѣйствовали либералы-художники, и многихъ изъ нихъ, какъ я слышалъ, поранили.

Вторымъ мѣстомъ сильной стычки была площадь Marché des Innocents. Тутъ стояли швейцарцы. Этотъ удивительный солдатъ, служа за плату, не измѣнитъ, хотя ему и приходится иной разъ свою вѣрность запечатлѣть жизнію. Онъ всегда готовъ соблюдать присягу, данную отечеству или чужому правительству: ему все равно, его обязанность исполнить свой долгъ; швейцарцы и этотъ разъ свято исполнили присягу и стойко держались на площади, будучи со всѣхъ сторонъ окружены домами въ пять и шесть этажей, со множествомъ оконъ, которыя были наполнены вооруженными либералами; ихъ пули летѣли въ одну точку, которая и была въ взводѣ швейцарцевъ. Эти пули были для нихъ гибельны, (судя) по двумъ высокимъ насыпямъ, изъ которыхъ одна, огромной величины, означала швейцарцамъ могилу ихъ товарищей, а другая, гораздо меньшая, скрывала тѣла убитыхъ либераловъ. Могилы этихъ послѣднихъ были украшены наскоро сдѣланными крестами; надъ ними теплились лампадки, тогда какъ надъ насыпью павшихъ за короля швейцарцевъ народъ производилъ всякаго рода нечистоту.

Передъ осадою Лувра народъ подступилъ къ знаменитому Дому инвалидовъ, гдѣ онъ скоро сдѣлался хозяиномъ; изъ склада,

наполненнаго оружіемъ всякаго рода, каждый либералъ обзавелся тѣмъ, что̀ ему было нужно, вслѣдствіе чего либералы сдѣлались очень сильны. Говорили, что король Карлъ X-й пришелъ въ отчаяніе, когда услыхалъ, что линейные полки отказались стрѣлять въ народъ. Линейные полки, какъ у насъ въ Россіи армейскіе, составляютъ силу Франціи, и эти полки взяли сторону народа.

Всѣ старались узнать объ участи Карла X-го; было извѣстно, что въ Сенъ-Клу онъ подписалъ пагубный для себя и для своего семейства указъ о введеніи цензуры вопреки конституціи, данной народу въ 1814 году Лудовикомъ XVIII-мъ. Онъ отрекся отъ престола въ пользу слабоумнаго принца Ангулемскаго, который оставлялъ престолъ малолѣтнему Генриху V. Но французы о Бурбонахъ и слышать не хотѣли и ожидали, въ первый-же день послѣ трехдневной уличной битвы, именно въ воскресенье, пріѣзда въ Пале-Рояль дюка Орлеанскаго, Луи Филиппа.

Въ этотъ день я посѣтилъ свою мастерскую; мало кто изъ учениковъ пришелъ работать, тѣ-же, которые пришли, были веселы и здоровы, говорили о разныхъ эпизодахъ этихъ трехъ дней: какъ ихъ родители пеклись о раненыхъ, какъ многіе дворы вмѣщали у себя убитыхъ. Главнымъ-же образомъ разговоръ вертѣлся на томъ, что къ обѣду пріѣдетъ въ Парижъ дюкъ Орлеанскій съ семействомъ; высказывая его уму и добродѣтелямъ сверхъестественныя похвалы, французы говорили, что къ нему уже отправилась депутація изъ членовъ парламента, что онъ долженъ быть главою во время междуцарствія и что вечеромъ онъ будетъ въ Пале-Роялѣ. Работать не было охоты. Увидалъ бездну мальчишекъ-спекулантовъ съ крикомъ: „Покупайте, господа, трехцвѣтную кокарду, да здравствуетъ свобода!“ Увидавъ, что всѣ покупаютъ и украшаютъ ею одну изъ петель верхняго платья, и я украсилъ ею свой пиджакъ. Проходя мимо кофеенъ, вижу въ нихъ толпу молодежи, съ жаромъ распѣвавшую что-то такое, чего я понять не могъ; пѣснь была схожа съ тѣмъ, что распѣвали, какъ я уже сказалъ, мои товарищи въ студіи и что оказалось знаменитою республиканскою пѣснью 1791 года „La Marseillaise“. Восторгъ молодежи трудно передать.

Продолжая свою дорогу съ тѣмъ, чтобы пообѣдать въ моемъ ресторанѣ, я шелъ тихо, будучи весьма часто вынужденъ пере-

ходить баррикады, которыя оставались въ продолженіе нѣсколькихъ дней, ибо король и его министры все еще находились по близости отъ Парижа. Министры надѣялись, какъ говорили мнѣ потомъ знакомые французы, что Россія вступится за династію Бурбоновъ, которые были ею возстановлены послѣ ужасной республики и царствованія Наполеона I-го. Все это оставляло Парижъ въ недоумѣніи.

Такимъ образомъ, приближаясь по улицѣ St. Honoré къ ресторану м-мъ Chaillot и войдя въ него, я увидалъ, что наша комната переполнена народомъ, и m-lle Justine, прислужница, во всѣ стороны выкликивала вмѣсто именъ номера. Только и слышно было: „г. № 17, что желаете?“ Увидавъ меня и замѣтивъ, что я затрудняюсь, гдѣ сѣсть, она тотчасъ нашлась и сказала: „№ 28-й, какой супъ?“ Это была моя личность. Зная, что я русскій, она не могла удержаться, чтобы не сказать мнѣ: „не правда-ли, французы молодцы и они не боятся ни русскихъ, ни пруссаковъ?“

Отобѣдавъ, я отправился въ Пале-Рояль, куда, какъ говорили, пріѣхалъ съ семействомъ дюкъ Орлеанскій; при этомъ разсказывали, что для проѣзда его экипажа разбирались баррикады и затѣмъ вновь возстановлялись. Въ Пале-Роялѣ была бездна народа. Въ комнатахъ этого дворца видны были богатыя люстры, масса народа въ залахъ, и всѣ въ партикулярныхъ фракахъ; военныхъ вовсе не было видно; огромный хоръ музыкантовъ стоялъ въ саду и не переставалъ игралъ „La Marséillaise“, а нѣсколько тысячъ народа не переставали повторять слова этой музыки. Удивительно, что эта пѣсня была Бурбонами строго запрещена, но народъ въ тайнѣ ее зналъ наизусть и это удивляло всѣхъ.

Въ этотъ вечеръ, какъ скоро гимнъ окончился, тысяча голосовъ вызвали дюка Орлеанскаго. Онъ выходилъ на балконъ съ семействомъ и раскланивался во всѣ стороны, а народъ съ неистовствомъ кричалъ: „да здравствуетъ дюкъ Орлеанскій!“ Снимали шляпы и трясли ими въ воздухѣ. Казалось, каждому было желательно, чтобы герцогъ видѣлъ его шляпу. Этимъ вызовамъ конца не было, какъ у насъ для m-lle Patti (1875 г.). Дюкъ Орлеанскій былъ одѣтъ гражданиномъ, въ черномъ фракѣ и въ бѣлой пуховой шляпѣ. Уставши отъ шума и видѣннаго восторга, который трудно описать, я возвратился домой.

Наши занятія въ студіи прерывались почти каждый день похоронами умершихъ отъ тяжелыхъ ранъ. Покойника несли обыкновенно на носилкахъ, украшенныхъ зеленью, впереди билъ барабанъ, нѣсколько провожатыхъ кричали встрѣчному народу: „господа, снимайте шляпы, это жертва свободы!“ И всѣ съ благоговѣніемъ волею неволею останавливались и снимали шляпы. Этимъ покойникамъ конца не было по случаю обилія жертвъ, которыя пали, защищая права конституціи.

Нѣкоторыхъ убитыхъ хоронили первое время по близости отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они пали. Такимъ образомъ случилось, что одно кладбище было въ оградѣ Луврскаго дворца, и, проходя мимо, я увидѣлъ тутъ на могилахъ кресты и у могилъ въ траурѣ молящихся на колѣняхъ дамъ; картина была трогательная. Возлѣ могилы стоялъ гражданинъ съ ружьемъ, ибо въ это время службу отправляли граждане, военныхъ-же не было видно. Подходящимъ зрителямъ онъ говорилъ тихо: „снимите шляпы, здѣсь покоятся жертвы свободы,“ и всякій снималъ шляпу. Всѣ кофейни были постоянно переполнены народомъ, такъ какъ занятія и торговля совершенно пріостановились, и народъ всюду только напѣвалъ вновь сочиненный извѣстнымъ писателемъ Делявинь гимнъ, названный „la Parisienne,“ но республиканская „la Marseillaise“ предпочиталась, и когда доходило до послѣдняго куплета „Amour sacré de la patrie“ и т. д., то заставляли присутствующихъ становиться на колѣна, и горе тому, кто воспротивится. Такъ продолжалось недѣлями это нерѣшительное время.

Я явился въ наше посольство, имѣя трехцвѣтную кокарду въ петлицѣ, узнать, что̀ слѣдуетъ дѣлать. Идя отъ посольства мимо дворца архіепископа, я увидалъ на площади ужасный безпорядокъ; на ней валялась бездна клочковъ обожженной печатной бумаги. Стараюсь узнать причину, мнѣ говорятъ: что во дворцѣ все переломано, библіотека сожжена, кажется и церковной одеждѣ досталось.

Трудно было узнать истину; о всѣхъ насиліяхъ, причиненныхъ въ эти три дня, либералы старались молчать, чтобы не безчестить народъ, жертвовавшій собою для достиженія одной только свободы. И точно, при видѣ этой массы павшихъ, народъ, бывшій безъ работы, оставался, однако, спокоенъ; всѣ восхищались

удивительнымъ его поведеніемъ, ожидая всеобщаго грабежа, вышло же совершенно другое, а именно: равенство знати съ простонародьемъ, богатства съ бѣдностью. Въ это время ученики лучшей въ Парижѣ школы, въ коей находились дѣти изъ лучшихъ семействъ, шли на службу рядомъ съ бѣднякомъ, получая равную съ нимъ порцію хлѣба; воткнувъ ее на конецъ своей шпаги, они шли съ прочими гражданами занять свой постъ. Только однажды случилось мнѣ увидать огромную массу простаго народа, шедшаго въ порядкѣ съ барабанщикомъ впереди. Я узналъ, что, оставшись безъ работы и хлѣба, они шли въ главное полицейское бюро, „la Préfecture“, съ просьбою дать имъ, по крайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба, не столько для себя, какъ для голоднаго ихъ семейства. Это навело на присутствующихъ страхъ, всѣ боялись, что голодъ мастеровыхъ и бѣднаго класса вообще можетъ повести къ чему-либо худшему, къ насилію и грабежу. Тотчасъ разосланы были изъ префектуры чиновники ко всѣмъ хлѣбопекамъ, закупать весь испеченный хлѣбъ, и такъ какъ его оказалось мало, то вновь пекли, такъ что нѣкоторымъ раздавали горячій хлѣбъ.

Я увѣдомилъ нашу академію художествъ о случившемся, испрашивая разрѣшенія для дальнѣйшаго пребыванія въ Парижѣ, съ которымъ я только что свыкся и который очень полюбилъ.

Посѣщая по временамъ театры, послѣ революціи, народъ далъ обѣтъ, по окончаніи первой пьесы, требовать отъ оркестра гимнъ „la Marseillaise“, и оркестръ тотчасъ начиналъ. Занавѣсъ поднималась; на сценѣ видны были всѣ актеры; затѣмъ слышался крикъ: „Вставайте“! Всѣ зрители вставали, и начинался гимнъ; публика припѣвала, но при послѣднемъ куплетѣ гимна раздавался новый крикъ: „На колѣни!“ и весь театръ опускался на колѣни. При этомъ всегда была исторія: либералы тщательно осматривали всѣ мѣста въ театрѣ, убѣждаясь, всѣ-ли стоятъ на колѣняхъ, и непремѣнно найдутъ кого-нибудь сидящимъ, тогда вся публика съ угрожающимъ крикомъ велитъ сидящему встать, но онъ не встаетъ. Вновь всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: „Это вѣрно англичанинъ“. У сидящаго въ ложѣ открывается дверь, и къ нему входитъ французскій гражданинъ, который ведетъ переговоры; оканчивается эта сцена тѣмъ, что англичанинъ оставляетъ свою ложу и уходитъ изъ театра, что̀ и заставило

меня уважать англичанъ прежде, нежели я съ ними познакомился и началъ уважать эту достойную націю.

Только одни англичане держали себя въ Парижѣ какъ народъ вполнѣ независимый, и къ этому достойному гордому народу французы не смѣли примѣнять, обидную для другихъ націй, поговорку: „Il n'y a que la France!“ Англичане на всякомъ шагу обижали француза своимъ независимымъ характеромъ.

Весь народъ былъ противъ духовенства, и къ несчастію случилась ужасная исторія: одинъ католическій священникъ, французъ, убилъ свою любовницу и, не зная, какъ скрыть преступленіе, изрѣзалъ ее на куски, уложилъ въ мѣшокъ и, идя по набережной Сены, по частямъ бросалъ эти куски въ рѣку и былъ застигнутъ полиціею. Это вызвало во всѣхъ ужасъ и омерзеніе къ духовенству. Послѣ революціи это же духовенство начало дѣлать сборы въ пользу раненыхъ, когда всякому французу было извѣстно, что при паденіи династіи Бурбоновъ ихъ обуялъ страхъ и они боялись опасныхъ для себя послѣдствій, вслѣдствіе чего и старались принять участіе въ бѣдствіи народа. На третій день революціи, на углахъ улицъ, явились объявленія отъ духовенства, въ которыхъ оно просило правительство исходатайствовать у папы дозволеніе французскому духовенству вступать въ бракъ; французы, читая это объявленіе, смѣялись, говоря: „Священство наше спѣшитъ испрашивать разрѣшеніе на брачную жизнь, а всякій изъ нихъ имѣетъ своихъ любовницъ и, когда онѣ имъ надоѣдаютъ, то рѣжутъ ихъ!“—намекая на случившееся, передъ революціею, варварское происшествіе, о которомъ я только-что упомянулъ.

При погребеніяхъ не видать было сопутствующаго священника; они обязаны были давать покойникамъ, убитымъ въ іюльскіе дни, лучшія мѣста въ церквахъ, которыя въ Парижѣ подраздѣлялись на три степени: возлѣ алтаря, по серединѣ церкви и, наконецъ, при входѣ въ церковь. Каждое изъ этихъ мѣстъ имѣло свою плату. Хороня либераловъ, граждане безъ спроса духовенства ставили ихъ на первомъ мѣстѣ, что и утѣшало добраго француза, въ коемъ мысль о равенствѣ вошла въ плоть и кровь послѣ ужасной республики 1793 года. Боже избави толковать у нихъ о томъ, что дочь полковника лучше дочери булочника, французъ можетъ придти въ азартъ за подобное предположеніе.

Всѣ мои думы клонились къ тому, что какъ ни интересны были декораціи, ежеминутно мѣнявшіяся около меня въ Парижѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть, какъ французъ легко смотритъ на жизнь и на смерть, но работа моя не подвигалась впередъ, и я, страстно любя свое дѣло, съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта отъ совѣта нашей академіи. Въ ожиданіи отвѣта явился указъ изъ Петербурга: русскимъ подданнымъ, проживающимъ во Франціи, оставить ее немедленно. Затѣмъ вскорѣ пришло и мнѣ приказаніе отъ президента академіи художествъ, Алексѣя Николаевича Оленина, оставить Парижъ и ѣхать въ Лондонъ, къ граверу Раймбаху. Къ сему приказанію было приложено письмо на имя нашего протоіерея, Якова Ив. Смирнова. Французовъ поразилъ полученный мною отъ нашей академіи приказъ ѣхать въ Англію. По ихъ невѣжественному мнѣнію объ иностранцахъ, не зная ничего кромѣ своей Франціи, многіе изъ нихъ говорили, что англичане болѣе медвѣди, нежели русскіе.

Посѣтивъ же г-на Штейбена, нашего земляка, человѣка образованнаго (это былъ сынъ директрисы Екатерининскаго института, баронессы Штейбенъ), я услышалъ отъ него совершенно другое мнѣніе о Лондонѣ; онъ сказалъ мнѣ, что Лондонъ изобилуетъ множествомъ прекрасныхъ вещей и что онъ радуется умному распоряженію нашей академіи. Г-нъ Штейбенъ, будучи вполнѣ французъ, правая рука знаменитаго живописца Жерарда, испугался царскаго указа: всѣмъ русскимъ оставить Парижъ. Онъ не зналъ куда ѣхать. Я сказалъ ему, что въ Россіи всѣ его считаютъ французомъ, хотя Жерардъ и представилъ его Александру I-му какъ русскаго, и государь назначилъ ему содержаніе, кажется, на три года. Все это никому неизвѣстно. Въ это время въ его студіи имѣлась неоконченная большая картина: „Мать Петра I-го защищаетъ сына отъ ворвавшихся во дворецъ взбунтовавшихся стрѣльцовъ“. Сочиненіе показалось мнѣ театральнымъ, но мнѣ никогда не пришлось видѣть эту картину оконченною; писана же она была, какъ казалось, для Россіи.

Я забылъ сказать, что дюкъ Орлеанскій, желая снискать любовь своихъ подданныхъ и выказать имъ равенство всѣхъ сословій, принялъ очень ласково явившуюся къ нему депутацію рыночныхъ торговокъ (de la Halle) и это послужило поводомъ къ тому, что всѣ сословія начали ему представляться.

Наконецъ, явились къ намъ въ студію молодые художники съ извѣстіемъ, что въ такой-то день и часъ слѣдуетъ собраться въ академію. Мы съ Людеритцомъ смѣялись и говорили, что къ нашей депутаціи пристанутъ всѣ гуляющіе французы, а гуляющихъ въ Парижѣ бездна. Такъ и случилось. Когда мы отправились въ назначенный день въ академію, по собравшейся огромной массѣ народа подойти къ академіи не было возможности, и такъ какъ составлялся цѣлый хвостъ желающихъ, то и мы къ нему присоединились. Послѣ долгаго ожиданія процессія, наконецъ, двинулась. Путь отъ академіи до Пале-Рояля былъ довольно длинный. Оглянувшись, мы увидали безконечную цѣпь идущихъ попарно; къ ней дорогою присоединялись другіе жители Парижа, такъ что она составилась не изъ сотенъ, а изъ тысячъ народа.

Прибывъ въ Пале-Рояль, мы услыхали, что еще рано, что дюку Орлеанскому представляется французская опера, ея пѣвцы. Представившись, они проходили мимо насъ, всѣ во фракахъ; тутъ показали мнѣ, славившагося въ то время въ Парижѣ пѣвца, m-r Nourrit, который окончилъ жизнь впослѣдствіи самоубійствомъ въ Неаполѣ, вслѣдствіе неудачнаго тамъ дебюта въ театрѣ. На лѣстницѣ дворца мы видѣли, какъ работники сбивали съ бурбонскаго герба молоткомъ три лиліи—гербъ Бурбоновъ. Мало по малу стали мы подниматься, взошли въ зало. Дюкъ Орлеанскій былъ въ полномъ мундирѣ, въ парикѣ, сильно красный лицомъ, съ довольно полнымъ корпусомъ; возлѣ него стояла его супруга, весьма блѣдная, и нѣсколько дѣтей, стоявшихъ по годамъ и росту. Мы проходили и кланялись, дюкъ Орлеанскій дѣлалъ то-же; войдя затѣмъ въ другую комнату, гдѣ находились картины знаменитаго живописца Жерико, прославившагося своею картиною въ Луврѣ „Гибель корабля Медуза“, мы услыхали, что намъ слѣдуетъ отправиться въ улицу Тетбу, гдѣ будетъ общее засѣданіе художниковъ, для измѣненія штата академіи. Изъ любопытства и я отправился; нахожу большую залу, въ которой мѣста расположены амфитеатромъ, и на нихъ возсѣдаетъ множество художниковъ. Съ шумомъ былъ избранъ изъ ихъ среды президентомъ m-r Charlet, извѣстный художникъ мелкихъ литографій сатирическаго содержанія, но любимый въ своей средѣ. Онъ отъ души смѣялся своему выбору.

тѣмъ болѣе, когда ему пришлось занять президентское мѣсто съ колокольчикомъ въ правой рукѣ. Ему дали секретаря m-r Bas, скульптора, котораго художники не любили; онъ-же и рѣчь держалъ въ присутствіи дюка Орлеанскаго, противъ чего художники также протестовали. Возлѣ меня помѣстился мой товарищъ по студіи, у Ришома, старикъ-шумила m-r Boin, который порывался отвѣчать на каждое слово, но я удерживалъ его за фалды его толстаго сюртука; онъ съ досадою мнѣ говорилъ: „Оставь меня, казакъ!“ Сильный шумъ продолжается, многіе кричатъ президенту, прося, чтобы онъ звонилъ и призывалъ присутствующихъ къ порядку. Шарле съ улыбкою звонитъ нѣсколько разъ, никто его не слушаетъ, шумъ все усиливается; наконецъ, увидали, что толка не будетъ, объявили другой день для засѣданія; теперь-же просили сдѣлать сборъ въ пользу раненыхъ. Деньги посыпались со всѣхъ сторонъ. Я отправился домой, видя, какъ напрасно я теряю тутъ день за днемъ.

Окна въ магазинахъ разукрасились множествомъ каррикатуръ на потерявшаго свой престолъ короля Карла X; на всѣхъ гербахъ уничтожались три лиліи; а портретъ Карла X, писанный Жерардомъ и украшавшій входъ въ картинную галлерею Лувра, былъ изрѣзанъ въ видѣ лапши. Даже великое произведеніе Жерарда „Въѣздъ Генриха IV въ Парижъ“ погибло бы, еслибы цѣнители этого достойнаго произведенія не удержали рукъ, запальчивыхъ либераловъ, а одна пуля уже попала въ грудь Генриха IV. Картина сохранена потомству, какъ рѣдкое произведеніе французской школы.

Только что я ознакомился съ Парижемъ, полюбилъ его веселый и добрый народъ, познакомился съ его языкомъ, хотя его школа гравированія мнѣ не нравилась и надоѣла своимъ, такъ сказать, деспотизмомъ, давая предпочтеніе почти однимъ штрихамъ передъ самимъ дѣломъ, какъ приходилось оставить этотъ городъ. Сердце горевало, что приходится съ нимъ разстаться и ѣхать въ страну, о которой я имѣлъ понятіе какъ о странѣ скучной и о народѣ самомъ гордомъ и неприступномъ. Слѣдовало рѣшиться. Я отправился въ посольство, далъ знать въ канцелярію о моемъ намѣреніи, гдѣ мнѣ отвѣтили, что я могъ оставаться въ Парижѣ послѣ указа только двѣ недѣли, но что какъ пенсіонеру академіи, ожидавшему отъ академіи отвѣта, мнѣ

извиняютъ мое пребываніе въ Парижѣ послѣ указа цѣлыхъ шесть недѣль. Это замѣчаніе заставило меня торопиться. Я зашелъ повидаться съ моимъ товарищемъ А. К. Олещинскимъ и такъ какъ время было еще раннее, то я засталъ его въ постели. Меня заинтересовалъ его сапогъ, онъ лежалъ у постели подошвою вверхъ, и на ней я увидалъ цѣлую массу гвоздей, узорчато размѣщенныхъ на подошвѣ; разсматривая ихъ, я увидалъ нѣсколько рядовъ гвоздей, вбитыхъ вокругъ подошвы, а въ серединѣ ея вензель А. Всѣ эти гвозди имѣли выдающіяся, вверхъ подошвы, головки; взявъ сапогъ въ руки, я удивился его вѣсу, Олещинскій же замѣтилъ, что въ Парижѣ сапоги дороги, слѣдственно, имѣя гвозди съ выпуклыми головками, вы прежде ходите на головкахъ гвоздя, когда-же головки сотрутся, тогда только начинаешь изнашивать подметку. Мнѣ чрезвычайно понравился этотъ экономическій взглядъ на ножную обувь и, отъѣзжая въ Лондонъ, я заказалъ себѣ подобную пару, желая пощеголять французскимъ шикомъ, который тамъ вѣрно замѣтятъ и будутъ восхищаться.

Тутъ подумалъ я и о верхнемъ платьѣ, зная очень хорошо, что Парижъ столица вкуса. Я отправился въ лучшій магазинъ возлѣ Пале-Рояля и просилъ показать мнѣ платье англійскаго вкуса, получилъ широкаго покроя пару: фракъ, цвѣтной жилетъ и поверхъ всего этого желтоватаго цвѣта пальто довольно толстаго сукна. Съ этимъ готовымъ запасомъ я отправился домой; мои старички Lorieux душевно грустили о моемъ отъѣздѣ. Во мнѣ они находили маленькаго банкира, старикъ оставался мнѣ долженъ 300 франковъ и плату ихъ замѣнилъ двумя, тремя эстампами; теперь оставалось только выждать мои сапоги, наконецъ, они явились, и я съ ужасомъ почувствовалъ ихъ вѣсъ. Затѣмъ потребовалась осторожность, чтобы броненосныя подошвы не испортили и не поранили въ сосѣдствѣ лежащихъ вещей. Благодаря Бога все уложилось. Я взялъ съ собою рисунокъ св. Семейства и неоконченную малую доску портретовъ Рафаеля съ Перуджино.

Простившись съ моими сотоварищами по студіи и съ нѣкоторыми друзьями, въ числѣ коихъ были Олещинскій и Людеритцъ, я собрался окончательно въ путь въ началѣ октября 1830 г., а такъ какъ я пріѣхалъ въ Парижъ также въ октябрѣ

(1829 г.), слѣдовательно я пробылъ въ столицѣ Франціи ровно одинъ годъ.

Вставши рано утромъ и взявъ фіакръ или карету, мы отправились въ обществѣ А. Олещинскаго и m-r Lorieux къ Пале-Роялю, гдѣ неподалеку находилась контора дилижансовъ, содержимая m-rs Laffite et Gayard; съ грустью посматривалъ я на улицы Парижа, къ которымъ я уже привыкъ, на богатые магазины, на которые я такъ часто глазѣлъ, даже нечистота, валяющаяся возлѣ нихъ, казалась мнѣ живописною. Мы подъѣхали къ огромному двору съ навѣсомъ, гдѣ стоялъ уже желтый тяжеловѣсный дилижансъ, его осматривали болтливые кучеръ и форейторъ, въ курткахъ съ красною выпушкою, въ лосинныхъ натянутыхъ панталонахъ съ высокими ботфортами и клеенчатою шляпою съ воткнутою трехцвѣтною кокардою, и судили и рядили о своемъ кормилицѣ-дилижансѣ. Въ послѣдній разъ выпили мы съ друзьями café au lait. Отъѣзжающіе мужчины и дамы стояли уже около дилижанса: тутъ были — старуха англичанка, бывшая въ замужествѣ за маркизомъ le Loux, кормилица изъ Пикардіи, статный англичанинъ и другіе. Когда всѣ усѣлись, началось сильное щелканье длиннымъ бичемъ и затѣмъ нашъ возница тронулся. Маркиза помѣстилась въ углу и ни слова не говорила, кормилица же, француженка, премило болтала и казалась съ предобрымъ сердцемъ. До Кале ѣзды было почти два дня. Дорогою, встрѣчая пригорки, почтальонъ просилъ насъ выходить изъ дилижанса для облегченья лошадямъ при подъемѣ въ гору, тогда, идя пѣшкомъ, мы знакомились. Этимъ путемъ я познакомился съ статнымъ англичаниномъ, который, какъ оказалось, прожилъ пять лѣтъ въ Германіи и теперь возвращался въ Англію; узнавъ, что я русскій и могу съ нимъ объясняться по нѣмецки, онъ обѣщался быть моимъ путеводителемъ до Дувра, а тамъ долженъ быть разстаться со мною, такъ какъ путь его не лежалъ въ Лондонъ. Онъ предсказывалъ, что мнѣ будетъ очень трудно безъ знанія англійскаго языка, толковалъ о дороговизнѣ въ Англіи, но утѣшалъ тѣмъ, что это будетъ только вначалѣ, а затѣмъ „вы найдете нашъ народъ не тѣмъ, коимъ къ смѣху каждаго англичанина стараются описывать насъ иностранцы,—говорилъ онъ; вы ѣдете на четыре года, такъ вѣрно полюбите насъ“.

Подъѣзжая къ Булоню, я полюбопытствовалъ спросить у моей сосѣдки какъ по англійски: „да, нѣтъ или сколько“. Она сказала: yes, no, how much. Съ этими тремя словами я вступилъ на независимую, свободную, богатую и ученую почву острова Великобританіи. Въ Булони къ намъ явились матросы, осаждая нашъ дилижансъ вопросами: „кто желаетъ быть сегодня-же въ Дуврѣ?“

Мой спутникъ, англичанинъ, совѣтывалъ мнѣ идти съ нимъ и отправиться съ отходившимъ пароходомъ; занявъ мѣсто, я страдалъ все время морскою болѣзнью и не зналъ, съ кѣмъ ѣду и кто съ нами. Подъѣзжая къ Дувру, увидалъ я высокую скалу и на ней цитадель. Много англичанокъ, въ черныхъ платьяхъ, съ продолговатыми шляпками, изъ-подъ которыхъ выглядывали хорошенькія личики, стояли на берегу и поджидали знакомыхъ, а многія уже встрѣчали пріѣхавшихъ друзей. Мой спутникъ нанялъ мнѣ носильщика, который и направилъ меня, съ моимъ чемоданомъ, въ таможню. Надсмотрщикъ все подробно осмотрѣлъ, не пропустивъ ни малѣйшей части изъ моихъ вещей въ чемоданѣ. Тутъ досталось моей малой дощечкѣ, на которой только что начата была гравюра портретовъ Рафаэля съ Перуджино; потребовалось оцѣнить ее. На французскомъ языкѣ я объяснилъ ему, что она ничего не стоитъ, но, допрашивая меня, онъ заставилъ меня оцѣнить ее въ 25 франковъ, половину этой суммы я долженъ былъ заплатить пошлины. Затѣмъ онъ увидалъ свертокъ небольшихъ ландкартъ и оцѣнилъ ихъ вдвое противъ того, что онѣ стоили, вслѣдствіе чего я ихъ оставилъ въ таможнѣ, а онъ мнѣ замѣтилъ: „при возвращеніи въ Парижъ вы ихъ найдете здѣсь въ цѣлости и можете тогда ихъ взять съ собою“.

Когда я уложилъ всѣ вещи вновь въ чемоданъ, обращая особенное вниманіе на мои броненосные сапоги, мой носильщикъ, должно быть по инструкціи, данной ему моимъ новымъ спутникомъ, который на время оставилъ меня, когда мы сошли съ парохода, привелъ меня въ отличный французскій отель, гдѣ половые были все французы; войдя въ зало для посѣтителей, я удивился совершенно другой обстановкѣ, нежели въ Парижѣ, не смотря на то, что меня отдѣляло отъ Франціи, именно отъ Булони, всего нѣсколько часовъ ѣзды. Здѣсь все было какъ-то солидно. Посреди зала стоялъ добротнаго дерева большой,

покрытый чистымъ сукномъ, столъ; на окнахъ висѣли тяжеловѣсныя темнаго цвѣта занавѣси, по стѣнамъ стояли солидные стулья, въ углу какъ зеркало вычищенный каминъ съ приборомъ. Въ каминѣ симетрично были расположены куски каменнаго угля; они даютъ богатую теплоту даже въ отдаленный уголъ комнаты. Какъ новичекъ въ столь строгой и новой для меня странѣ, я сѣлъ, выжидая моего спутника, въ дальнемъ отъ камина углу, но чувствовалъ его теплоту. У камина сидѣло двое англичанъ, изъ коихъ одного нельзя было видѣть изъ-за газеты, которую онъ читалъ; кромѣ кончиковъ сапога, вся его особа была скрыта отъ постороннихъ глазъ огромнымъ листомъ его газеты. Сидящій возлѣ него англичанинъ, кажется, разсуждалъ или думалъ. Часъ спустя явился мой спутникъ; онъ что-то заказалъ камердинеру и въ ожиданіи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Явилось чистѣйшее столовое бѣлье, затѣмъ какъ-будто серебромъ покрытыя блюда, и когда сняли съ нихъ крышки, то показался паръ и мы увидали отличный бифштексъ съ превосходнымъ картофелемъ, затѣмъ былъ поданъ чай. Чувствуя себя усталыми, мы поднялись по лѣстницѣ, покрытой коврами, каждый въ свою комнату для ночлега. И здѣсь я увидалъ богатство съ примѣрною чистотою: всюду ковры, добротныя занавѣси и постель такого достоинства, что я не чувствовалъ, какъ уснулъ, и проснулся только утромъ.

Выйдя на улицу, я увидалъ небольшіе дома, не оштукатуренные и всѣ почти темные отъ копоти каменнаго угля; въ окнахъ-же чистѣйшія стекла. Наконецъ, вижу, можно сказать, царскій экипажъ съ удивительною четверкой лошадей, по двѣ въ рядъ, съ богатыми шорами и сбруей.

Любопытство заставило меня спросить у стоявшаго возлѣ меня камердинера: чей это экипажъ, предполагая какого-нибудь лорда или богача. Мнѣ просто отвѣчаютъ, что „этотъ экипажъ повезетъ васъ черезъ часъ въ Лондонъ“, что это почтовая карета. Можете себѣ представить мое удивленіе. Въ 9 час. утра, расплатившись въ отелѣ, я сѣлъ на верхушку кареты, поджидая главнаго кучера. Лошади, по двѣ, были прикрыты коврами; у каждой пары лошадей стоялъ конюхъ. Вижу, выходитъ баринъ въ черной парѣ, съ бѣлымъ галстухомъ на шеѣ, румяный и плотнаго сложенія, садится на козлы; ему даютъ длинный

хлыстъ въ руку; песочнаго цвѣта шинель съ многими воротниками прикрываетъ его ноги; онъ даетъ знакъ конюхамъ снимать ковры съ лошадей, и оказывается, что этотъ господинъ и есть кучеръ экипажа, и лошади, едва почувствовавъ хлыстъ, тронулись съ мѣста. Мы ѣхали по дорогѣ, гладкой какъ паркетъ, даже камешекъ не попадался подъ колеса; зелень-же полей казалась бархатною тканью; города, которые мы проѣзжали, поражали своею опрятностью: стекла кажутся вездѣ зеркалами, тротуары снѣжно-бѣлые.

XI.

Мы проѣхали городъ Чатамъ; въ гавани его было видно, много кораблей, и вечеромъ, при волшебномъ освѣщеніи длинныхъ улицъ газомъ и внутренности церквей многочисленными огнями, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Все это казалось мнѣ какою-то торжественною иллюминаціею. По просьбѣ моего бывшаго спутника, дилижансъ высадилъ меня и другихъ путешественниковъ въ улицѣ Гей-Маркетъ, во французскомъ отелѣ Жирардье. Вопреки обычаямъ другихъ странъ размѣщать прежде иностранцевъ, хозяинъ хлопоталъ размѣстить англичанъ. Они, при богатствѣ своемъ, требуютъ удобствъ и охотно платятъ за дорогія комнаты; размѣстивъ ихъ въ лучшей части дома, остатки комнатъ назначаютъ иностранцамъ.

Я попросилъ хозяина дать мнѣ комнату подешевле, онъ преспокойно отвѣтилъ: „извините, мы это хорошо знаемъ“, и далъ мнѣ маленькую комнату въ верхнемъ этажѣ. Когда женщина пришла слать мнѣ постель, то я не могъ понять, что она мнѣ говорила, и мнѣ стало ужасно грустно, думая, сколько я теряю понапрасно времени и что я теперь въ Лондонѣ, какъ новорожденный, долженъ изучать языкъ, обычаи и на все это вновь терять время. И вотъ уже второй годъ, какъ я живу въ чужихъ краяхъ, а что я сдѣлалъ? и я со слезами легъ спать. Утромъ, вставши, я отправился внизъ, гдѣ читаютъ газеты, пьютъ пиво, завтракаютъ и обѣдаютъ.

Въ этой большой комнатѣ поразилъ меня убійственный запахъ газа и каменнаго угля, съ которымъ впослѣдствіи времени

я такъ сроднился, въ началѣ-же онъ мутилъ меня. Тутъ я познакомился съ старымъ господиномъ огромнаго роста, въ парикѣ съ завитыми висками и съ длинною косою. Одежда его, черная цвѣтомъ, по покрою своему также была оригинальна. Узнавъ, что я иностранецъ, онъ началъ со мною разговоръ на ломаномъ французскомъ языкѣ, заявилъ мнѣ, что онъ сѣверо-американецъ и былъ обрадованъ, услыхавъ отъ меня, что я русскій, называя нашъ народъ и государя лучшими друзьями его отечества. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ Александръ I, будучи избранъ судьею послѣ послѣдней войны Америки съ Англіею, оправдалъ Америку. (Въ благодарность за это посредничество) по этому счастливому случаю Америка готова поставить памятникъ нашему императору. Мы сдѣлались друзьями, къ сожалѣнію только на короткое время. Ему надобно было ѣхать, мнѣ-же искать квартиру гдѣ-нибудь въ частномъ домѣ. Въ первый-же день моего пріѣзда я былъ удивленъ большимъ стеченіемъ народа, который былъ такъ занятъ, что скорѣе бѣжалъ, нежели шелъ по улицамъ; удивился туману, столь густому, что среди свѣтлаго солнечнаго дня можно смѣло смотрѣть на солнце.

Послѣ веселаго Парижа, съ его разноцвѣтными домами и тысячами всякаго рода вывѣсокъ и украшеній, я увидѣлъ здѣсь все небольшіе кирпичные дома, прескучнаго кирпичнаго цвѣта, безъ всякихъ вывѣсокъ и украшеній; между чернью много скучной бѣдноты, въ Парижѣ и бѣдность весела. Парижъ какъ-будто всегда веселъ, здѣсь же что-то тяготитъ вашу душу; въ Парижѣ начните только болтать, французъ васъ съ удовольствіемъ поддержитъ, здѣсь-же спросите что-нибудь и вамъ, не останавливаясь, отвѣтятъ: „Иди все прямо“! Отъ всѣхъ этихъ замѣчаній первые дни моего пребыванія въ Лондонѣ я скучалъ и ожидалъ счастливаго времени, когда я съ нимъ болѣе ознакомлюсь.

Первый мой визитъ былъ къ достопочтенному старцу православной лондонской церкви, протоіерею Якову Ивановичу Смирнову. Я былъ принятъ имъ, можно сказать, какъ отцемъ роднымъ, онъ началъ знакомить меня съ трудностями дорогой жизни въ Лондонѣ и обѣщался выхлопотать прибавку къ моей парижской пенсіи, съ которою, по его словамъ, трудно жить и заниматься въ Лондонѣ. Про посланника, князя Ливена, онъ

сказалъ, что мнѣ его не видать, и что всѣ дѣла учащихся и многихъ нашихъ моряковъ переходятъ въ его руки, и онъ имъ съ перваго-же дня хлопочетъ о прибавкѣ содержанія, и его хлопоты не остаются безъуспѣшны: „надѣюсь, и съ вами то-же будетъ", прибавилъ онъ.

Я. И. Смирновъ высокаго роста, съ акцентомъ малоросса Харьковской губерніи, одѣтъ въ черное платье, стараго, въ видѣ квакерскаго, покроя; у него три, почтенныхъ лѣтъ, дочери, совершенныя англичанки, не пропускающія ни одной церковной службы, — и въ русской церкви онѣ стоятъ съ книжками въ рукахъ,—и одинъ сынъ, также среднихъ лѣтъ, съ подозрительнымъ румянцемъ въ лицѣ и свѣтлѣющимъ краснымъ носомъ,— кажется, любитель, какъ всѣ англичане, хорошаго портера, но онъ былъ ко мнѣ, какъ и все его семейство, очень ласковъ. Смирновъ обѣщался свести меня къ Раймбаху и, когда насталъ этотъ день, Я. И. мнѣ очень понравился, будучи одѣтъ лордомъ старыхъ временъ: въ длинномъ фракѣ съ фалдами, доходящими почти до пятъ, съ пряжками на башмакахъ, въ штиблетахъ, съ низкою шляпою съ большими полями и могучею большою палкою въ рукѣ съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Весь этотъ внѣшній видъ внушалъ къ нему искреннее почтеніе. Онъ шелъ тихо, описывая палкою кругъ, и при его почтенной наружности, съ косою назади, съ сильно напудренными волосами и съ зачесанными висками, онъ казался мнѣ живымъ портретомъ голландской школы XVII вѣка.

Въ Лондонѣ не имѣется у домовъ воротъ и дворовъ, какъ у насъ, а рядъ домовъ имѣетъ двери на улицу съ звонкомъ въ подземный этажъ, куда звонитъ обыкновенно торговый народъ. Принеся покупку, торговецъ звонитъ внизъ, приходитъ прислуга и беретъ вещь; всѣ прочіе посѣтители, приходящіе къ хозяевамъ дома, стучатъ и звонятъ въ другой звонокъ, который имѣется у входной двери. Такъ и мы, пришедши къ квартирѣ г. Раймбаха, постучали и позвонили; явилась рѣдкой красоты, съ красными румяными щеками, служанка и заявила намъ, что г. Раймбахъ и все его семейство на водахъ въ Рамсгетѣ и не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ будутъ въ городъ.

Прискорбно было почтенному Я. И. Смирнову, особенно мнѣ; тогда старецъ посовѣтывалъ мнѣ, въ ожиданіи г. Раймбаха,

заняться изученіемъ англійскаго языка и отрекомендовалъ мнѣ г. Вилькеса, нѣкогда бывшаго въ Россіи и знавшаго русскій языкъ. Не могу забыть перваго его урока; поставя меня передъ зеркаломъ, въ которомъ я могъ видѣть свой языкъ, поддернутый къ нёбу, онъ училъ меня въ этомъ видѣ произносить трудное англійское th. Послѣ часоваго съ нимъ упражненія, отъ трудной гимнастики произношенія англійскихъ словъ, я усталъ, какъ послѣ трудной работы, и у меня съ часъ времени болѣлъ языкъ. Боясь получить на немъ мозоль, я сократилъ часы уроковъ и тѣмъ успокоилъ свои опасенія.

Меня удивляли нескончаемые дворцы въ паркѣ Регента (Regent Park), но, разсмотрѣвъ эти дворцы поближе, я увидалъ что они состоятъ изъ многихъ домовъ, которые соединены подъ одинъ общій величественный фасадъ. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: лордъ, владѣлецъ извѣстнаго клочка земли, желаетъ отдать его въ аренду или самъ строить, давая фасаду видъ величественнаго дворца, и затѣмъ въ нижнемъ этажѣ вы находите множество дверей, изъ коихъ каждая ведетъ въ совершенно отдѣльную трехъэтажную квартиру, составляющую частицу этого нескончаемаго дворца, и это васъ поражаетъ, въ этомъ паркѣ, который весь окруженъ подобными грандіозными дворцами; въ концѣ парка имѣется превосходный зоологическій садъ съ дикими животными, птицами, обезьянами и пр., всѣ въ здоровомъ видѣ, чистоплотно и съ полнымъ удобствомъ содержимые; плата за входъ въ садъ самая малая (шиллингъ). Здѣсь вы найдете всегда избранное общество.

Ожидая пріѣзда г. Раймбаха, я употребилъ съ пользою это время: посѣтилъ британскій музей, съ его богатствомъ древней скульптуры, осмотрѣлъ картинную галлерею, въ которой имѣется, между прочими богатствами, по живописи, картина Себастіано дель Піомбо „Воскресеніе Лазаря“, которую завистливый Микель Анджело, сочинивъ для Себастіано дель Піомбо, хотѣлъ противупоставить картинѣ Рафаэля „Преображеніе Господне“; по моему слабому разумѣнію обѣ картины составляютъ высшую славу итальянской школы, но Рафаэлю принадлежитъ, конечно, первенство.

Я восхищался вестминстерскимъ аббатствомъ, гдѣ нѣкоторыя внѣшнія и внутреннія работы изъ камня поражаютъ своею

трудностью и вкусомъ и гдѣ твердый камень кажется легкимъ узорчатымъ кружевомъ. Богатѣйшіе памятники великимъ людямъ, оказавшимъ странѣ услуги на военномъ и гражданскомъ поприщѣ, говорятъ о нихъ потомству въ изсѣченныхъ изъ мрамора великолѣпныхъ памятникахъ, поражающихъ своею громадностью и богатствомъ. Тутъ лордъ Чатамъ и др. почіютъ въ сосѣдствѣ съ Ньютономъ, Шекспиромъ, Генделемъ, Горроксомъ и др. Тутъ почиваетъ и Марія Стюартъ, ожидая при радостномъ всеобщемъ воскресеніи помириться съ своею сестрою, великою Елисаветою, которая, ея смертію, наложила неизгладимое пятно на свое славное царствованіе. Въ этомъ царствѣ холодной смерти и вѣчнаго покоя великіе люди Великобританіи продолжаютъ жить тѣмъ какъ во Франціи при жизни величаютъ подвиги великихъ людей, а со смертію ихъ весьма часто забываютъ и вамъ съ трудомъ укажутъ иной разъ ихъ могилу. Изъ этого можно вывести заключеніе, что въ живыхъ, или при жизни, слѣдуетъ быть французомъ, а по смерти, чтобы жить въ потомствѣ, слѣдуетъ быть англичаниномъ.

Я посѣтилъ также огромный соборъ св. Павла, выстроенный на холму, прекрасной архитектуры Христофора Ренна. Кромѣ строгой классической внутренности этого храма, онъ представляетъ собою пантеонъ великихъ людей новаго времени.

Тутъ почіютъ останки знаменитаго адмирала Нельсона, убитаго при Трафальгарѣ; этому герою воздвинутъ огромный памятникъ въ нѣсколько фигуръ, высѣченныхъ изъ бѣлаго мрамора. Многіе другіе адмиралы, какъ-то: Аберкромби и проч. Тутъ же лежатъ: ваятель Ноллекенсъ и живописцы—серъ Жосуа Рейнольдсъ, основатель англійской школы живописи, серъ Томасъ Лоуренцъ и нашъ Жоржъ Доу, написавшій для Александра I-го портреты его сподвижниковъ 1812 года, подъ названіемъ: „Военная галлерея“.

Понемногу я началъ привыкать къ англійской кухнѣ, которая совершенно противоположна французской. Въ англійскомъ ресторанѣ комната раздѣлена стѣнками въ родѣ стойлъ, по бокамъ ихъ находятся скамейки, привѣпленныя къ стѣнкѣ. Является прислуга, и вы, не зная англійскаго обычая обѣдать безъ супа, потребовавъ его, получаете что-то жидкое и, пропустивъ его въ желудокъ, чувствуете такой огонь, что пугаетесь

и ожидаете неминуемаго воспаленія отъ каенскаго перца, которымъ этотъ супъ пропитанъ. Поэтому, пріѣзжая въ Лондонъ изъ Парижа, иностранцы, по ошибкѣ, иной разъ спросятъ супа, но отвѣдавъ двѣ, три ложки, съ ужасомъ отъ него отступаютъ. Обыкновенное и вѣчное блюдо англичанъ составляетъ порція отличнаго ростбифа съ чуднымъ картофелемъ, поданная съ большою опрятностью, и кусокъ честерскаго сыра, къ нимъ $^1/_2$ пайнта портера съ элемъ. Въ веселый-же день, и находясь при деньгахъ и хорошемъ аппетитѣ, вы пожелаете еще яблочнаго пирога, также отлично испеченнаго и пріятнаго на вкусъ. Эту роскошь позволяютъ себѣ иностранцы, англичане-же изо-дня въ день довольствуются однимъ ростбифомъ съ картофелемъ и полумѣрою пайнта пива съ элемъ. Признаюсь, этотъ немногосложный обѣдъ въ сравненіи съ французскими пятью блюдами казался для меня сытнѣе, къ тому же легкое французское вино, будучи здѣсь замѣнено портеромъ съ элемъ, рождало въ васъ какой-то духъ мужественности и силы; французскій обѣдъ, какъ поэзія, веселитъ васъ, и вы съ улыбкою и съ какимъ-то удовольствіемъ встаете изъ-за стола, англійскій-же обѣдъ, въ видѣ тяжелой прозы, возбуждаетъ въ васъ матеріальную, грубую силу: вы хладнокровно смотрите на окружающее, ничто васъ не веселитъ. Встрѣчаешь, бывало, иной разъ премилыхъ, поздняго часа, дѣвицъ на главной улицѣ Регента (Regent street), богато разодѣтыхъ, съ скромными манерами, коихъ дорогіе шелка шумятъ на легкой фигурѣ. Вы смотрите на все тупымъ взглядомъ, чувства ваши вмѣсто любви желаютъ драки, и мнѣ часто приходилось, возвращаясь домой, сжавши кулаки, безъ всякой причины бить стѣны домовъ. Придя къ себѣ и взглянувъ на потолокъ своей комнаты, онъ часто казался мнѣ не плоскимъ, а круглымъ сводомъ.

Для иностранцевъ имѣется здѣсь довольно ресторановъ для всѣхъ націй. Приходилось иной разъ обѣдать въ итальянскомъ ресторанѣ и тутъ я встрѣчалъ многихъ эмигрантовъ. Они, въ крайней бѣдности и съ задумчивыми скучными лицами, казалось, думали о своей обворожительной Италіи, но горячія чувства молодости и плачевныя послѣдствія революціи лишили ихъ отечества, страны поэзіи и искусства.

Такъ проходили мои первые дни въ Лондонѣ; я встрѣтилъ тутъ живописца, старика Боссе, весьма слабаго по искусству,

ибо онъ началъ заниматься поздно, но онъ имѣлъ счастье написать портретъ предобрѣйшей нашей императрицы Елизаветы Алексѣевны; во время сеанса онъ высказывалъ ея величеству свою страсть къ искусству и желаніе имѣть порученіе отъ правительства, разумѣется, съ хорошею платою, дѣлать копіи съ лучшихъ картинъ, разсѣянныхъ по всѣмъ галлереямъ Европы. Боссе былъ добрякъ и говорилъ съ какимъ-то увлеченіемъ. Это желаніе было передано императору, и по царской добротѣ Александръ I-й далъ на то свое согласіе. И нашъ добрый ревельскій уроженецъ Боссе очутился за границею; я забылъ сказать, что встрѣтилъ его еще до Лондона въ Парижѣ, гдѣ въ Луврѣ онъ появлялся съ шумомъ, разговаривалъ со всѣми громко, какъ настоящій профессоръ, коего работами интересуется царская фамилія и которыя будутъ служить оригиналами для академіи художествъ. Это счастливое для г. Боссе время длилось довольно долго. Къ несчастію, его копіи стали прибывать въ Петербургъ; ихъ сначала размѣщали по разнымъ казеннымъ зданіямъ, наконецъ, князь П. М. Волконскій прислалъ ихъ нѣсколько въ академію, но академія, найдя ихъ слабыми, отказалась принять.

Это случилось именно въ то время, когда Боссе былъ въ Лондонѣ, куда онъ отправился вслѣдствіе указа, повелѣвавшаго всѣмъ русскимъ оставить Парижъ; какъ вѣрноподданный, онъ переѣхалъ въ Лондонъ, выжидая, въ качествѣ придворнаго живописца, не имѣющаго ничего общаго съ революціей, разрѣшенія ѣхать обратно въ Парижъ. Къ несчастію своему, онъ получилъ отвѣтъ, что правительство болѣе не нуждается въ его копіяхъ и что онъ можетъ, если пожелаетъ, заниматься для собственнаго удовольствія; это крайне обезкуражило его и поразило какъ громомъ, но, какъ умный труженикъ, онъ съ малыхъ лѣтъ умѣлъ цѣнить копейку, и этотъ отказъ не засталъ его врасплохъ. Имѣя семейство—жену, двухъ сыновей и дочь, онъ далъ имъ отличное воспитаніе и жилъ припѣваючи. Иной разъ онъ соболѣзновалъ, что академія лишилась его будущихъ копій и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла случай сдѣлаться европейскимъ музеемъ.

Я не переставалъ справляться въ домѣ г. Раймбаха о его пріѣздѣ; наконецъ, мнѣ сказали, что онъ будетъ черезъ два дня. Услыхавъ эту радостную вѣсть, я посѣтилъ добраго Я. И. Смирнова и увѣдомилъ его о днѣ пріѣзда г. Раймбаха, на что онъ

мнѣ сказалъ, что имѣлъ отъ него письмо и просилъ меня быть у него завтра утромъ. Числа не помню, но въ назначенное утро я зашелъ къ Я. И. Смирнову (онъ былъ въ это время въ апогеѣ своей славы) и мы отправились къ Раймбаху.

Г-нъ Раймбахъ былъ малаго росту, очень тученъ и съ короткою шеею, съ умными проницательными глазами. Онъ принялъ насъ очень ласково, прочелъ письмо отъ моего президента А. Н. Оленина и отъ Н. И. Уткина, долго разговаривалъ съ Я. И. Смирновымъ. Я почти ничего не могъ понять изъ ихъ разговора, но старичекъ Я. И. перевелъ мнѣ, что г. Раймбахъ давно не беретъ учениковъ, но благодаря тѣмъ письмамъ, которыя онъ получилъ, и лестному обо мнѣ отзыву какъ президента, такъ и моего профессора Уткина, онъ принимаетъ меня въ свои ученики съ платою четыре гинеи въ мѣсяцъ, и что я буду работать возлѣ него съ 9 часовъ утра до 4 час. послѣ обѣда. Я съ радостью поблагодарилъ его и просилъ назначить день моего поступленія и начала работы. Я предполагалъ начать съ понедѣльника, но онъ на это замѣтилъ: „Мы, англичане, ничего не начинаемъ съ понедѣльника, сегодня пятница, такъ и начинайте съ завтрашняго дня, съ субботы“. Я немедленно согласился; затѣмъ мы разстались и я проводилъ моего достопочтеннаго отца протоіерея до его дома, въ Welbeck street, и искренно поблагодарилъ его.

На другой день, явившись въ студію г. Раймбаха, я нашелъ ее болѣе чѣмъ бѣдною: самая тѣсная комната, въ которой стояла желтая ширмочка, вся въ заплатахъ; на чудной его мѣдной доскѣ, съ начатой на ней гравюрою, лежала всякая нечистота; слабый огонекъ въ каминѣ согрѣвалъ его студію. Онъ былъ въ длинной бѣлой фланелевой курткѣ, съ изношенными штанами и въ туфляхъ. И это былъ наиизвѣстнѣйшій граверъ, котораго французы и итальянцы ставили выше всѣхъ граверовъ; его умный взглядъ и разговоръ показывалъ художника высшаго образованія. Онъ взглянулъ на приготовленную мною доску портретовъ и затѣмъ на мой рисунокъ св. Семейства, похвалилъ и сказалъ: „доску съ портретами вы оставьте у себя, начнемъ же съ св. Семейства; закажите доску, можетъ-быть вы найдете ее готовую“.

Я началъ проводить контуръ, обзавелся инструментами,

вообще готовился къ работѣ, между прочимъ, я обратилъ вниманіе на инструменты моего профессора; всѣ они не имѣли ни вида, ни достоинства, все было въ его великомъ талантѣ. Взглянувъ на его работу, я удивился мастерству его рѣзца, скорѣе живописнаго, нежели машинальнаго. Открытая доска была полна пыли и грязи, на ней стоялъ, самой простой работы, деревянный шандалъ съ двумя коротенькими, но толстыми свѣчами, на образецъ свѣчей, вставляемыхъ въ каретные фонари.

Раймбахъ познакомилъ меня съ своими двумя сыновьями, еще дѣтьми; старшаго звали М. Девидъ, младшаго Эммерсонъ. Девидъ былъ мальчикъ болѣзненный, много читалъ и былъ любимцемъ отца. Дѣти объясняли мнѣ всѣ названія вещей на англійскомъ языкѣ, сильно шумѣли въ мастерской, устраивали горы, катались на нихъ, и это очень утѣшало отца. Въ мастерской было три небольшихъ окна; въ среднемъ работалъ онъ самъ, крайнее, по правую руку, было предоставлено мнѣ; какъ мой столъ, такъ и столъ моего профессора, и вся обстановка студіи похожа была скорѣе на жилище ремесленника, нежели на студію знаменитѣйшаго гравера въ Европѣ, котораго (разныя академіи) считали честью имѣть своимъ членомъ. Онъ былъ дикъ и ни съ кѣмъ не водилъ знакомства, но былъ умнѣе и образованнѣе всѣхъ членовъ англійской академіи.

Признаюсь, я началъ сомнѣваться, выучусь-ли я чему-нибудь у сего великаго художника. Мнѣ казалось за правило, что великіе люди мало имѣютъ терпѣнія слѣдить за слабыми учениками, того болѣе за иностранцами. Г-нъ Раймбахъ полюбилъ меня, и всѣ часы ученья проходили въ разговорахъ на французскомъ языкѣ. Онъ удивлялъ меня своею ученостью; изъ книжки, въ которой онъ впослѣдствіи описалъ вкратцѣ свою жизнь, я узналъ, что онъ происходилъ изъ швейцарскаго семейства. Отецъ его былъ содержателемъ ресторана въ Лондонѣ; маленькій Раймбахъ много миніатюрилъ портреты, былъ страстный любитель театра и помѣщалъ въ журналахъ свои критики; онъ поступилъ въ ученики къ извѣстному граверу, М. Hall, и женился въ Парижѣ на красавицѣ m-lle Vestris; все семейство Vestris отличалось красотою. Я засталъ м-me Раймбахъ еще очень красивою, но имѣвшею уже взрослыхъ дѣтей, и, не смотря на это, мой почтенный профессоръ, казалось

мнѣ, былъ все еще ревнивымъ мужемъ; къ сожалѣнію, она была слаба здоровьемъ, и вообще я не считалъ этотъ бракъ совершенно счастливымъ, потому что по умственному развитію она стояла гораздо ниже своего мужа, что̀ нерѣдко давали ей чувствовать даже дѣти, и это втайнѣ огорчало меня. Продолжая заниматься, молодой Раймбахъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго живописца шотландца сера Девида Вильки, который, увидавъ гравюры Раймбаха, былъ ими восхищенъ и далъ ему гравировать свою картину „Деревенскіе политиканы". (картина, имѣвшая огромный успѣхъ на выставкѣ въ Лондонѣ.) Раймбахъ, гравировавшій до сего времени малыя гравюры для разныхъ изданій, получивъ этотъ заказъ довольно крупныхъ размѣровъ, долженъ былъ много надъ нимъ потрудиться. Эта гравюра представляетъ верхъ совершенства: удивительная вѣрность экспрессіи, правильность рисунка при должномъ эфектѣ, поражаетъ всякаго рѣдкимъ исполненіемъ и законченностью всѣхъ частей гравюры. Съ сей гравюры Раймбахъ началъ заниматься гравированіемъ съ картинъ Вильки и продолжалъ до конца жизни своей, въ 1840 году.

Въ началѣ моихъ у него занятій профессоръ совѣтывалъ мнѣ переѣхать поближе къ его дому и заняться изученіемъ англійскаго языка. Въ улицѣ, гдѣ жилъ г. Раймбахъ, № 10 Varren str., былъ пансіонъ, называемый въ Англіи Board and Lodging House, гдѣ можно было жить, имѣть столъ и быть всегда въ англійскомъ обществѣ за небольшую плату понедѣльно. Такой пансіонъ, съ платою одну гинею или 21 шил. въ недѣлю, содержался почтенною дамою, m-me Love. Онъ былъ для меня удобенъ и я вскорѣ туда переѣхалъ. Признаюсь, я нашелъ тамъ премилое общество, состоявшее большею частью изъ пожилыхъ дѣвицъ; въ числѣ ихъ была пріятельница семейства г-жи Раймбахъ, старая дѣвица Сарра Смартъ, лѣтъ 45-ти, дочь миніатюрнаго живописца, который жилъ и работалъ долгое время въ Индіи и оставилъ ей пожизненной пенсіи около 60 фун. стерл. Дѣвица эта была отлично воспитана и по дружбѣ къ семейству Раймбахъ была мнѣ очень полезна въ англійскомъ языкѣ.

Въ пансіонѣ время проходитъ очень пріятно: къ утреннему чаю собирается не все общество, ибо пансіонерки, старыя дѣвицы, встаютъ поздно и, не исправивъ слѣды приближающейся старости,

завтракаютъ въ своей комнатѣ,—мнѣ же съ другими пансіонерами даютъ утромъ завтракъ, состоящій изъ чашки чая съ особеннымъ теплымъ аладышемъ (онъ называется по англійски muffin), намазаннымъ масломъ, или чай просто съ бѣлымъ хлѣбомъ, мастерски нарѣзаннымъ ломтиками, толщиною въ почтовый листъ, подернутый масломъ.

Нашъ землякъ, г. Протопоповъ, бывшій гувернеромъ у дѣтей нашего посланника въ Лондонѣ, пришелъ ко мнѣ однажды вечеромъ на чай, сложилъ этихъ ломтиковъ шесть штукъ вмѣстѣ и, перегнувъ ихъ по срединѣ, въ два пріема спустилъ ихъ въ свой желудокъ, къ удивленію всѣхъ пансіонеровъ и пансіонерокъ.

Въ 10 часовъ я отправлялся работать; Раймбахъ старался отъ меня узнать описаніе каждой пансіонерки, ибо пансіонеровъ у m-me Love было мало и то большею частью пріѣхавшіе на короткое время иностранцы. А пансіонерки были большею частью интересны, особенно молодыя иностранки, у которыхъ были всегда знакомые мужчины и къ тому же благодѣтели, чему Раймбахъ отъ души смѣялся. Въ 4 часа подавался обѣдъ, являлась хозяйка, m-me Love, дама 65 лѣтъ, бѣдновато одѣтая въ черномъ и въ чепцѣ, со всѣми здоровалась; она болѣе всѣхъ боялась дѣвицы Smart, которая строго осматривала изготовленный обѣдъ, жаркое съ картофелемъ, особенно же доставалось отъ m-lle Smart сыру, который подавался обыкновенно очень старый, поэтому всѣ брали его самый маленькій кусочекъ, и такимъ образомъ ему конца не было; m-lle Smart, уловивъ минутку, когда старушка выйдетъ, искрошитъ бывало весь кусокъ на части, по числу сидящихъ за столомъ, и проситъ каждаго взять кусокъ и бросить въ форточку, тогда старушкѣ приходилось покупать новый сыръ. Послѣ обѣда садились къ камину и тутъ начиналось практическое обученіе англійскому языку; въ $6^1/_2$ час. подавали чай и хлѣбъ съ масломъ, а въ 9 час. вечера легкій ужинъ, состоявшій изъ куска сыра и хлѣба съ масломъ; въ $10^1/_2$ час. ночи всѣ прощались и, взявъ свою свѣчу, каждый отправлялся въ свою комнату. Въ воскресный день за обѣдомъ являлся gooseberry pie; я его очень любилъ, но той сладкой зелени, которою его начиняютъ въ Россіи, я не видалъ.

Настало время конкурса, для полученія права по вечерамъ

рисовать съ натуры въ тамошней академіи художествъ, Sommerset House; слѣдовало, для конкурса, нарисовать съ гипса фигуру. Съ большими неудобствами и съ слабаго слѣпка гипса нарисовалъ я въ студіи у Раймбаха фигуру Атласа и былъ принятъ. Мнѣ хотѣлось не столько рисовать, сколько узнать тамошніе порядки и познакомиться со студентами, ихъ характеромъ и успѣхами въ рисованіи. Академія художествъ (Sommerset House) отстояла отъ меня очень далеко и ходить въ вечерніе классы, при ужасной слякоти, въ зимнее время, и при туманѣ, который бываетъ иной разъ такой густой, что предъ собою ничего нельзя разглядѣть (было не особенно пріятно). Въ Лондонѣ все закопчено и черно. Войдя въ Avantsale академіи, я встрѣтилъ молодыхъ людей скромныхъ, одѣтыхъ чисто; всюду царствовала тишина. Меня удивило, что молодые студенты, едва начавшіе рисовать, имѣли уже заказы на картины.

Художества могутъ процвѣтать только въ богатыхъ странахъ, въ чемъ я убѣдился, проживъ почти четыре года въ Лондонѣ. На счетъ рекомендательныхъ писемъ я могу сказать, что въ Германіи и во Франціи онѣ заставляютъ терять много времени, не принося никакой пользы; въ Англіи же пріобрѣтаешь въ рекомендованной вами особѣ, въ незнакомой вамъ личности — друга, который все готовъ для васъ сдѣлать.

Такъ, однажды, я оставилъ въ одномъ домѣ въ Лондонѣ привезенное мною изъ Парижа рекомендательное письмо и вотъ не прошло и часа, какъ явился ко мнѣ изъ этого дома господинъ. Удостовѣрившись въ моей личности, онъ спросилъ меня, въ чемъ можетъ онъ быть мнѣ полезенъ. Затѣмъ получаю приглашеніе на обѣдъ; на обѣдѣ встрѣчаю, между пріятелями хозяина, много художниковъ, которые со мною познакомились въ Англіи.

Продолжая заниматься у Раймбаха среди многихъ неудобствъ, причемъ онъ относился ко мнѣ весьма снисходительно, я учился, главнымъ образомъ, смотря на его работу, и меня удивляла смѣлость, съ которою онъ работалъ, предварительно обдумавъ хорошенько вещь и затѣмъ уже приступая къ работѣ. Кромѣ того, меня радовало, что на наше искусство англійскіе граверы не смотрятъ какъ на искусство машинальное, но стараются, при крайней тщательности работы, придать ей живописныя достоинства. Молодой граверъ, получая работу, получаетъ въ то же

время и рекомендацію къ художнику и обязанъ, окончивъ свою работу, показать ее рекомендованному живописцу, а тотъ какъ художникъ, ставя ни во что сдѣланную, съ большимъ трудомъ, гравюру, дѣлаетъ по поводу нея свои замѣчанія, мучаетъ ими гравера долгое время, пока напишетъ на оттискѣ „approved", удовлетворительно, и тогда только, когда оттискъ снабженъ этою надписью, граверъ получаетъ заказную плату. Но и тутъ заказчикъ не заплатитъ прежде, нежели не отпечатаетъ гравюру и не удостовѣрится, что представленный ему оттискъ не былъ заправленъ тушью, что̀ такъ часто дѣлаютъ граверы другихъ странъ и чего въ Англіи они совершенно не знаютъ, поэтому англійскія гравюры и отличаются своею оконченностью и ровностью оттисковъ.

Я замѣтилъ изъ разговора съ г. Раймбахомъ, что онъ намѣренъ остаться въ Лондонѣ послѣдній годъ, чтобы докончить только заказъ отъ богатаго дома m-r Moon, Boys and Graves, гравюру съ картины Вильки „Околодочный надзиратель", которою я всякій разъ восхищался, разсматривая ее въ студіи Раймбаха: въ воскресный день итальянцы—мужъ, жена и сынъ—не зная англійскаго закона, что въ этотъ день запрещаются всѣ представленія, вышли съ медвѣдемъ, обезьяною и собакою, чтобы заработать себѣ хлѣбъ насущный. Ихъ поймалъ околодочный надзиратель, полонилъ и привелъ къ тюрьмѣ; мальчишки надъ ними смѣются, итальянцы-же, не зная ни законовъ, ни языка страны, съ запальчивостью, пантомимою стараются доказать свою невиновность, околодочный-же надзиратель, зная свой законъ, преспокойно ведетъ ихъ въ тюрьму; таковъ сюжетъ картины, которою, какъ я уже сказалъ, я ежедневно восхищался. Окончивъ эту гравюру, Раймбахъ оставилъ Лондонъ и переселился въ Гренвичъ.

Въ Англіи принято смотрѣть на Лондонъ какъ на городъ труда, выгодный для заработка капитала, для предстоящей старости и обезпеченія семейства. Какъ скоро лондонскій труженикъ обезпечилъ себя и свое семейство, онъ оставляетъ городъ и селится или въ провинціи, или на окраинахъ города Лондона. Слѣдуя этому обычаю, и г. Раймбахъ, работавшій съ рѣдкимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, какъ мнѣ говорили, ежедневно съ 6-ти час. утра до 11 час. вечера, не признавая никакихъ празд-

никовъ, составилъ себѣ капиталъ около полумилліона франковъ, такъ что его считали самымъ богатымъ граверомъ. Даже въ первый день Рождества Христова, который почитается великимъ праздникомъ для всякаго англичанина, гдѣ-бы онъ ни жилъ я заставалъ Раймбаха за работою.

Предчувствуя, какъ я уже сказалъ, его скорый отъѣздъ, я пробылъ у него годъ и затѣмъ просилъ его дозволить мнѣ работать дома, на что онъ съ удовольствіемъ согласился, обѣщая остаться моимъ другомъ, что онъ и исполнилъ. Я обѣдалъ у него всегда въ первый день Рождества, что случается у англичанъ въ исключительныхъ случаяхъ, по родству или по искренней дружбѣ, мнѣ же онъ дѣлалъ, я увѣренъ, это удовольствіе какъ иностранному гостю; кромѣ того, онъ желалъ знать мои замѣчанія о лондонской жизни.

Поселившись въ своемъ одиночествѣ, я очень скучалъ, и Богу угодно было неожиданно обрадовать меня своею милостью, которая разомъ измѣнила мою жизнь. Имѣя письмо отъ г. Ришома къ г. Пою, извѣстному англійскому пейзажному граверу, я совершенно забылъ объ этомъ письмѣ. Ришомъ ожидалъ отвѣта отъ г. Поя, онъ же началъ разыскивать меня и, найдя, сдѣлалъ мнѣ выговоръ, говоря: „если правительство прислало васъ въ Англію, значитъ, оно нашло, что ея художники могутъ послужить вамъ въ пользу, а вы дичитесь и живете замкнутою жизнію. Человѣкъ созданъ для общества, живя среди него, вы несравненно больше научитесь, выслушивая взаимные совѣты, иначе вы будете походить на человѣка, который отыскиваетъ улицу и, не желая спросить у проходящихъ, не желая ни съ кѣмъ посовѣтываться, будетъ въ десяти шагахъ отъ нея, будетъ блуждать и терять напрасно время, спросивши-же, онъ-бы тотчасъ былъ на мѣстѣ“.

Мнѣ это чрезвычайно понравилось. Онъ далъ мнѣ свою карточку и адресъ друга своего, отличнаго человѣка и гравера Джона Гейнри Робинсона. Г-нъ Робинсонъ жилъ недалеко отъ меня и я, отправляясь къ нему, желая одѣться какъ можно чище, надѣлъ свои парижскіе сапоги. Робинсонъ жилъ совершенно какъ англійскій джентльменъ: отличная квартира въ бель-этажѣ, богатая мебель, полъ былъ покрытъ превосходными коврами. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, съ доброю

наружностью. Начались разговоры о Парижѣ, о славныхъ трехъ дняхъ революціи, и я, въ восторгѣ отъ встрѣчи съ англичаниномъ-гравером, съ которымъ могъ побесѣдовать по душѣ, вспомнивъ все видѣнное мною въ Парижѣ, начинаю съ жаромъ толковать, сильно дѣйствуя ногами и руками, забывъ, что у меня на ногахъ парижскіе, съ большими гвоздями, сапоги; хочу передвинуть ногу и чувствую, что ноги мои сильно впились въ превосходный коверъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вытканъ розанъ. Къ моему счастью, г. Робинсонъ вышелъ въ другую комнату; этимъ отсутствіемъ я воспользовался: взявъ каждую ногу обѣими руками, я едва могъ высвободить ихъ изъ ковра; узоръ ковра былъ попорченъ, а изъ-подъ сапога высовывалась разноцвѣтная шерсть въ видѣ бороды, которую, по выходѣ на улицу, я съ трудомъ вырвалъ. Затѣмъ не помню, что̀ сталось съ этими сапогами.

Такое-же происшествіе случилось и съ моимъ, желтоватаго цвѣта, пальто, которымъ я старался запастись при отъѣздѣ изъ Парижа въ Лондонъ. Наглядѣвшись вдоволь, во время моего путешествія, на англичанъ какъ въ Россіи, такъ и во Франціи, и найдя, что ими предпочитается для верхней одежды песочный цвѣтъ, я купилъ въ Парижѣ, какъ мною уже было разсказано, пальто песочнаго цвѣта. Посѣщая ежедневно студію г. Раймбаха, я считалъ себя вполнѣ счастливымъ, что являюсь къ нему въ довольно аристократическомъ видѣ, имѣя настоящее англійское пальто, сшитое съ французскимъ шикомъ. Одѣвая его, вытягивая и нарочно ради хвастовства поправляя долгое время воротникъ, я старался выказать тѣмъ самымъ свое уваженіе къ дому. Когда я былъ въ пальто, я имѣлъ всегда самодовольный видъ. Но, о Боже, какъ я былъ разочарованъ, когда въ одинъ прекрасный день, по окончаніи моихъ занятій, г. Раймбахъ, прощаясь со мною, покраснѣвъ, сконфуженнымъ и тихимъ голосомъ, какъ другу, начинаетъ дѣлать мнѣ свои замѣчанія о моемъ, песочнаго цвѣта, пальто.

„Извините, мой другъ, г. Іорданъ, вы должны знать, что въ Англіи много значитъ одежда и ея цвѣтъ. По платью люди замѣчаютъ здѣсь, кто къ кому ходитъ и какого онъ сословія“.

Боже мой, я слушаю его и не могу предугадать, къ чему идетъ рѣчь.

„Видите, г. Іорданъ, вы ходите къ намъ въ пальто песочнаго цвѣта, этотъ-же цвѣтъ есть цвѣтъ верхней одежды нашихъ извозчиковъ“.

Можете себѣ представить, его послѣднія слова были для меня сильнѣе громоваго удара. Я начинаю извиняться въ столь неожиданной ошибкѣ и радовался, что узналъ причину какой-то грусти, съ которою смотрѣлъ на меня г. Раймбахъ, когда я передъ нимъ, можно сказать, хвастался моимъ чуднымъ пальто; теперь-же оказалось, что песочный цвѣтъ—цвѣтъ кучерской; въ Англіи всякій модный цвѣтъ держится до тѣхъ поръ, пока низшій классъ не начнетъ его носить, тогда гордая аристократія тотчасъ его бросаетъ, единственно потому, что средній и низшій классы нашли его удобнымъ во время путешествія во избѣжаніе пыли; тогда аристократія избираетъ сѣрый цвѣтъ и т. д., что и было объяснено мнѣ англичанами.

Какъ я уже сказалъ, г. Пой вывелъ меня изъ затворничества, ибо, посѣщая г. Раймбаха и видя его всегда за работою, обходившагося безъ знакомства, я послѣдовалъ было его примѣру.

Теперь-же я былъ знакомъ съ г. Поемъ, Робинсономъ, черезъ нихъ познакомился съ Самуелемъ Козенсомъ, знаменитымъ граверомъ съ портретовъ сера Томаса Лоуренса à la mezzotinto, съ извѣстнымъ граверомъ Джоржомъ Доу, съ Гомфрисомъ, съ богачемъ и покровителемъ граверовъ Крукшенкомъ и др. Въ это-же время пріѣхалъ изъ Парижа мой другъ, пенсіонеръ берлинской академіи Густавъ Людеритцъ, и пенсіонеръ голландскаго правительства Демаръ. Жизнь моя измѣнилась; даже лондонскій туманъ не казался мнѣ болѣе такъ скученъ и теменъ, я началъ узнавать короче англичанъ.

Тутъ случился годовой обѣдъ, для составленія капитала художниковъ (Artist Fund Society). Подписная цѣна на этотъ обѣдъ была одна гинея, намъ-же, троимъ граверамъ Россіи, Пруссіи и Голландіи, прислали даровые билеты. Въ фримесенскомъ огромномъ залѣ обѣдало 250 человѣкъ. Не помню имя лорда предсѣдателя. Обѣдъ былъ блистательный, говорилась бездна рѣчей, въ которыхъ и мы, гости, были упомянуты, по случаю того, что иностранныя державы начинаютъ присылать своихъ художниковъ для усовершенствованія ихъ въ гравировальномъ

искусствѣ. Когда всѣ порядкомъ подпили, явились печатные листы для пожертвованій и я, будучи въ веселомъ настроеніи, при видѣ всего окружающаго и съ головою отуманенною парами вина, особенно англійскаго, которое сильно разбавляютъ спиртомъ, совѣтывалъ моимъ товарищамъ подписаться по двѣ гинеи каждому, т. е. одну гинею за даровой обѣдъ и вторую гинею въ пользу капитала художниковъ. Они согласились, думаю, также подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Это единственный разъ, что я былъ не въ своей памяти. У англичанъ есть обычай, когда пьютъ вино за здоровье другъ друга, то, примѣтивъ, что знакомый смотритъ на васъ, вы, держа рюмку съ виномъ, какъ-бы далеко онъ ни сидѣлъ, киваете ему и дотрогиваетесь слегка губами до рюмки съ виномъ, онъ дѣлаетъ то-же. Будучи на подобномъ торжественномъ обѣдѣ въ первый разъ и имѣя предъ собою цѣлую бутылку хереса и порядочное число знакомыхъ, которые всѣ присутствовали на этомъ обѣдѣ и, по обычаю страны, кивали головою, смотря на меня, и дотрогивались до своихъ рюмокъ, я вмѣсто того, чтобы только коснуться губами вина, выпивалъ каждый разъ всю рюмку. При окончаніи обѣда, признаюсь, мнѣ трудно было встать съ мѣста. Но все кончилось безъ всякой бѣды.

Г-нъ Людеритцъ прожилъ въ Лондонѣ около трехъ мѣсяцевъ. Онъ помѣстился у m-me Love; его всѣ полюбили. Я познакомилъ его съ г. Раймбахомъ. Разставшись съ Людеритцомъ по отъѣздѣ его въ Берлинъ, я началъ скучать,—казалось, я лишился брата. Я опять одичалъ, не будучи охотникомъ ходить въ гости. Однажды, въ столь скучный для меня день, хотя на дворѣ стояла прелестная октябрьская погода, поработавъ, я отправился въ поле, въ мѣстечко, называемое Примрозъ Хилъ (Primrose Hill), тутъ встрѣчаю гуляющихъ гг. Поя и Робинсона. Они примѣтили мою грусть, и на ихъ вопросъ я объяснилъ имъ, что одиночество губитъ меня и что я желалъ-бы, если можно, найти себѣ собесѣдника. Вдругъ г. Робинсонъ говоритъ:

„Завтра я ѣду на три мѣсяца въ провинцію; квартира у меня большая; я человѣкъ одинокій,—чѣмъ ей стоять пустой, переѣзжайте ко мнѣ и располагайтесь въ ней, какъ вамъ заблагоразсудится; тамъ вы найдете женщину, которая будетъ вамъ прислуживать и, если пожелаете, будетъ готовить кушанье.

Когда-же я возвращусь домой и вы найдете квартиру удобною, то мы переговоримъ, и я вамъ предложу самыя доступныя условія". Не знаю, что̀ я почувствовалъ при этихъ словахъ, радости моей и благодарности не могъ ему довольно высказать, зная всеобщее къ нему уваженіе; къ тому-же г. Робинсонъ имѣлъ видъ вполнѣ благороднаго человѣка съ манерами настоящаго джентльмена и къ тому-же жилъ въ самомъ здоровомъ и спокойномъ кварталѣ, подъ названіемъ Mornington Place, № 24,—такъ назывался рядъ домовъ, стоявшихъ между двухъ полей.

„Это рѣдкій для васъ случай, сказалъ мнѣ г. Пой, и вы старайтесь оправдать довѣріе къ вамъ г. Робинсона. Мы не любимъ помѣщать въ свои квартиры чужихъ, и вы рѣдкій счастливецъ".

Слова г-на Поя были пророческія. На другой-же день я переѣхалъ на новую квартиру, которая послѣ моего двухгодоваго пребыванія въ Лондонѣ показалась мнѣ очаровательнымъ помѣщеніемъ. Г-нъ Робинсонъ занималъ два этажа, первый и второй; въ каждомъ этажѣ, какъ во всякомъ домѣ въ Англіи, было двѣ комнаты: одна на улицу, другая во дворъ. Предъ окнами, на улицу, находилось прелестное поле, съ пасущимися на немъ коровами. Онъ нанималъ часть дома отъ г. Вейта. Въ ожиданіи пріѣзда г-на Робинсона, я посѣтилъ выставку картинъ и разныхъ древностей, принадлежащихъ одному изъ братьевъ Наполеона I-го, гдѣ мнѣ понравилась картина живописца Чиголи „Божья Матерь, оплакивающая смерть Спасителя". Я просилъ позволеніе сдѣлать съ нея рисунокъ, на что̀ смотритель, итальянецъ, съ удовольствіемъ согласился. Картина эта состояла изъ двухъ головъ: Спасителя и Богородицы, оба поясныя изображенія.

Я посѣщалъ также картинныя галлереи, оканчивалъ „Св. семейство" съ Рафаэля и часто вспоминалъ о невозвратимой утратѣ моего ангела, возлюбленной моей родительницы, вѣсть о кончинѣ которой постигла меня неожиданно еще прошлаго года; я узналъ объ этомъ горѣ изъ письма моего товарища и затѣмъ отъ нашего родственника А. Ѳ. Брейтгорна, который долго не сообщалъ мнѣ о ея кончинѣ, боясь огорчить меня. Я много плакалъ и, бросивъ работу, пошелъ за городъ и тамъ въ одиночествѣ оплакивалъ свою потерю. Много думалъ я объ остав-

шейся, въ полномъ сиротствѣ, любимѣйшей моей сестрѣ Аннѣ, которая жила въ Павловскѣ гувернанткою у полковника Биппена. Что дѣлать, всякой грусти бываетъ конецъ, особенно приходится примириться съ утратою добродѣтельной матери, которая всегда была слаба здоровьемъ и имѣла уже подъ 70 лѣтъ. Да почіетъ святая твоя душа до общаго радостнаго утра! Миръ твоему праху и вѣчная память!

Ѳ. И. Іорданъ.

Сообщ. **В. А. Іорданъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо гравера Раймбаха къ А. Н. Оленину.

Раймбахъ такъ былъ доволенъ своимъ ученикомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Іорданомъ, что при всей сдержанности, свойственной англичанамъ, послалъ президенту императорской академіи художествъ въ С.-Петербургѣ, А. Н. Оленину, слѣдующій отзывъ о Ѳ. И .Іорданѣ:

[Переводъ съ французскаго]. „Г. президентъ, спѣшу воспользоваться случаемъ, чтобы сообщить вашему превосходительству нѣкоторыя свѣдѣнія относительно г. Іордана, пенсіонера императорской академіи, который былъ рекомендованъ мнѣ вашимъ прев—мъ прошлою осенью.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ считаю долгомъ своимъ выразить вашему пр—ству мое полнѣйшее одобреніе, какъ относительно нравственности и безупречнаго поведенія г. Іордана, такъ и въ отношеніи его таланта, прилежанія и выдержки по его спеціальности. Трудно встрѣтить въ одной и той же личности столько добрыхъ качествъ, какъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Смѣю надѣяться, что в. пр—ство не откажете въ поощреніи и одобреніи за его успѣхъ въ трудной отрасли гравированія по крѣпкой водкѣ. Пробные оттиски прилагаю съ симъ письмомъ на ваше благоусмотрѣніе".

Авраамъ Раймбахъ.

Лондонъ.
26-го мая 1831 г.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ РОЗЕНГЕЙМЪ [1]).

(† 7-го марта 1887 г.).

Ревъ и вой ежеминутный,
Злится вьюга за окномъ,
Въ темной комнаткѣ уютной
Я сижу предъ камелькомъ.

Человѣку такъ привольно;
Вдругъ Богъ вѣсть съ чего на умъ
Забредетъ совсѣмъ невольно
Рой какихъ-то вздорныхъ думъ:—

„Вотъ, молъ, вьюга завываетъ,
Можетъ статься въ этотъ мигъ
Гдѣ-нибудь тамъ замерзаетъ
Иль ребенокъ, иль старикъ!

Можетъ этою порою,
Гдѣ нибудь въ сыромъ углу,
Дѣти съ матерью больною
Коченѣютъ на полу!“

Просто блажь воображенья,
Необузданность одна,
И поди-же настроенье
Все испортитъ вамъ она.

О довольствѣ нѣтъ помина,
Что ни дѣлай—не вернешь,
И у теплаго камина
Пробѣжитъ по тѣлу дрожь.

М. П. Розенгеймъ.

Сообщ. **В. Ив. Розенгеймъ.**

---

[1]) Помѣщенное здѣсь стихотвореніе покойнаго поэта найдено въ его бумагахъ, оно сохранилось въ наброскѣ карандашомъ, не отдѣланное.

В. Р.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1855 г. [1]).

6 сентября. Сегодня кн. Суворовъ прислалъ мнѣ письмо Ливена, отъ 29 августа. Письма его всегда жалки. Сегодняшнее подъ масть прочимъ. Онъ говоритъ на трехъ страницахъ о чаѣ, кофе, экипажахъ и т. п. нужныхъ для свиты (на случай пріѣзда въ Ригу), а потомъ продолжаетъ: „j'en viens à Sebastopol; comment aurai-je la force de vous en parler...“ Далѣе слѣдуетъ рядъ опасеній насчетъ возможныхъ дѣйствій непріятеля, атакованія Одессы, Перекопа и т. п. éventualités. Затѣмъ въ концѣ: „si le bon Dieu nous protège un mois, nous sommes sauvés. Не унывать. Богъ съ нами“.— Вотъ люди, которые нами управляютъ!

13 сентября. Изъ писемъ А. Мейендорфа видно, что на текущій годъ считаютъ кампаніи какъ бы конченными, но готовятся къ возобновленію усилій на будущій годъ. Мейендорфъ— отголосокъ салоновъ, но вхожъ въ салоны, гдѣ можно узнавать le dessous des cartes. Онъ пишетъ, что вел. князь Константинъ Николаевичъ поѣхалъ обозрѣвать Каспійское море, а оба другіе великіе князья отправились въ армію.

21 сентября. На каждомъ шагу новый поводъ къ прискорбію, и почти къ отчаянію. Всѣ письма изъ Петербурга невыразимо жалки. Вездѣ проглядывается взаимное усиліе de se donneur du coeur à grand renfort de bras. Tout ce monde se bat les flancs pour avoir du courage. En attendant tout va le long de la vieille ornière.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167—182.

Мейендорфъ, въ письмѣ отъ 15 сент., хладнокровно говоритъ, въ припискѣ сбоку: „on va abandonner la Сѣверная", и утѣшается тѣмъ, что, по словамъ пріѣхавшаго изъ Крыма Гроте, „l'homme le plus intéressant, qui a tout vu et su depuis un an", мы имѣемъ 70 т. человѣкъ около Севастополя. Такъ вотъ каковъ остатокъ тѣхъ сотенъ тысячъ, которыя въ продолженіе года отправляли въ Крымъ умирать въ розницу. Вотъ слѣдовательно окончательный результатъ премудрости Ливена и К°, писавшихъ: „il faut chasser l'ennemi qui ose fouler le sol sacré", etc.!

Я не зналъ гр. Остенъ-Сакена. Можно было полагать, по доблестной защитѣ Севастополя, что не смотря на педантизмъ и прежнюю фронтовую мелочность, въ немъ была способность мыслить и дѣйствовать высоко. Вчера я читалъ копію его рапорта кн. Горчакову о штурмѣ 27 августа и оставленіи Севастополя. Безграмотно и плоско. И тутъ виденъ нѣмецкій генералъ, подписывающій фразы, составленныя полуграмотнымъ нѣмецкимъ адъютантомъ. Въ концѣ слѣдующая фраза: „Итакъ, чуднымъ промысломъ Подателя блага, гарнизонъ воздвигнутаго почти одновременно съ осадою укрѣпленнаго города, въ 349-й день обороны, оставилъ безъ капитуляціи развалины, и непріятель не рѣшился даже предложить ее".

„Итакъ" главный начальникъ Севастополя, въ кровавый и прискорбно-славный день 27 августа, не забылъ таки о словѣ „капитуляція".

19 октября. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Я ничего не записывалъ, потому что записывать было нечего. Все старая пѣсня. Теперь говорятъ, что Клейнмихель (удаленъ). Гершау писалъ о томъ кн. Суворову со словъ флигель-адъютанта Дена, ѣздившаго къ Клейнмихелю. Вотъ, по крайней мѣрѣ, внутренняя побѣда. Да будетъ она началомъ конца.

20 октября. Что у насъ теперь прежде всего желательно:

1. Преобразованіе цензуры. Мнѣ кажется, что легче быть хорошимъ директоромъ департамента, въ любомъ министерствѣ, чѣмъ хорошимъ цензоромъ, и что доколѣ цензоровъ будутъ сажать на гауптвахту, вообще не можетъ быть и самыхъ посредственныхъ цензоровъ.

2. Обнародованіе бюджетовъ различныхъ вѣдомствъ. Вообще, отмѣна турецко-китайской тайны по дѣламъ финансоваго управленія.

3. Отмѣна крѣпостнаго состоянія нашихъ промышленныхъ силъ, нынѣ закабаленныхъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій. Поощреніе частныхъ предпріятій по части желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. Отмѣна коллегіальнаго

контроля губернскихъ строительныхъ комиссій въ отношеніи къ частнымъ и общественнымъ постройкамъ. Присяжные техники вмѣсто казенныхъ присутствій.

Все вышесказанное—частности, въ случайномъ порядкѣ послѣдовательности намѣченныя. Онѣ всѣ болѣе или менѣе важны, по непосредственнымъ или посредственнымъ послѣдствіямъ. Но гораздо важнѣе примѣненіе нѣкоторыхъ общихъ началъ. Таковы:

1. Начало христіанской истины въ дѣлахъ вѣры.

2. Начало правды въ формахъ управленія вообще, вмѣсто нынѣшней бездушной формалистики.

3. Начало нравственнаго достоинства въ дѣйствіяхъ высшихъ правительственныхъ властей, сопряженное съ началомъ уваженія къ человѣческой личности.

Пора усмотрѣть, что искусство быть ненавидимымъ не составляетъ великихъ мужей, что самодовольное упрямство не замѣняетъ дарованій, и что давить не значитъ (достигать успѣха).

21 октября. Вчера Рудницкій вернулся съ Волыни. Изъ его разсказовъ видно, что тамошніе варшавскіе поляки не преобразованы гг. Бибиковымъ и К°. Всѣ ихъ симпатіи обращены къ французамъ. Успѣхи союзниковъ ихъ радуютъ. Когда Рудницкій за обѣдомъ у Браницкаго упомянулъ о нашихъ канонерскихъ лодкахъ, его перебили вопросомъ: какъ „наши?“ Вы хотите сказать „русскія“.

Наши газеты изъ рукъ вонъ плохи. „Инвалидъ“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ живутъ только приказами, рескриптами и перепечатываніемъ статей изъ „Морскаго Сборника“. Вчера въ академическихъ вѣдомостяхъ, кромѣ того, появилось новое стихотвореніе гр. Ростопчиной: „Три королевы“. Невѣроятно и невыразимо слабо и пошло. Политическія грёзы кухарки, а не графини.

22 октября. Тоска невыразимая. Умъ и сердце чего-то ждутъ; но дни проходятъ за днями и сего чего-то по прежнему нѣтъ.

Наша оффиціальная формалистика похожа на извѣстный родъ surprises-attrapes, которыя состоятъ изъ множества коробочекъ, вкладываемыхъ одна въ другую. Раскрываешь коробочку,—другая коробочка; раскрываешь эту — третья, потомъ четвертая, потомъ пятая и такъ далѣе, и все меньше и меньше. Наконецъ—послѣдняя, и въ ней—ничего.

У насъ правительство, кажется, не замѣчаетъ, что оно съумѣло отучить насъ даже отъ надежды. Всѣ русскіе сознаются въ томъ, что у насъ все могло-бы быть лучше. Но никто не вѣритъ въ сбыточность этого лучшаго. Ждали, ждали, и словно махнули рукой всѣ разомъ, и начальники, и ихъ разномундирная рать, и весь

православный народъ. Если теперь кто-нибудь скажетъ, что современный урокъ для насъ не останется безполезнымъ, то большинство отвѣчаетъ, что пользы, по прежнему, будетъ на мѣдный грошъ. Генералъ-адъютантъ гр. Паленъ недавно припоминалъ, что и въ 1812 году ожидали великой науки, но не дождались. Такъ думаютъ и отзываются русскіе нѣмцы и сами чистокровные русскіе. Что же могутъ думать поляки? Я слышалъ отъ Рудницкаго, что нѣкоторые изъ нихъ, „les plus intelligents et les plus raisonnables“ (?!), желаютъ, чтобы наше южное поморье было завоевано англо-французами,—не потому, чтобы это льстило обыкновенному польскому взгляду на дѣло, но потому, „что въ другихъ рукахъ этотъ край будетъ другимъ краемъ“. Лестно. Было время, отъ насъ ожидали пользы и помощи наши славянскіе братья на юго-западѣ. Теперь и они отвыкли отъ мысленнаго сближенія своей будущности съ нашею. Чего имъ ждать отъ насъ? Усердіемъ всепревозмогающаго Клейнмихеля?

Въ сегодняшнихъ газетахъ едва-ли не показался первый признакъ мира, т. е. возможности заключить миръ. Франція яко-бы объявила, что готова вступить въ переговоры.

14 ноября. Третьяго дня праздновалась въ Ригѣ такъ называемая „серебряная“ свадьба князя и княгини Суворовыхъ. По этому случаю выказано князю много признательности, преданности и вниманія. Городъ Рига угощалъ бѣдныхъ, биржевое купечество—войска. Англійскіе гости пожертвовали 1,000 рублей въ пользу бѣдныхъ; содержатель театра предоставилъ въ распоряженіе князя, для этой же цѣли, доходъ съ даннаго наканунѣ представленія. Иногородные русскіе торговцы поднесли князю золоченое блюдо съ его гербомъ; мѣстное русское купечество — серебряную вазу; ближайшіе военные и гражданскіе чины его управленія (въ томъ числѣ и состоявшіе въ таковомъ за нѣсколько времени предъ симъ—Бревернъ, Менгденъ и я),—серебряный приборъ для письменнаго стола, и т. д. Княгинѣ подаренъ коверъ, вышитый мѣстными дамами. Поздравленій было множество. Между прочимъ, евангелическо-лютеранскій суперинтендентъ и бургомистръ благодарили за „заступничество“ (für das Beschirmen). Это характеризуетъ не только управленіе князя въ добромъ смыслѣ, но и не добрыя отношенія къ высшему правительству. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ.

Странный подарокъ поднесенъ Гейнрихомъ Стаалемъ: серебряные оленьи рога!

Я при этомъ случаѣ снова взглянулъ на Рижскій міръ. Все по старому. Что ново—не завидно.

Грустное впечатлѣніе произвели на меня Г. и Ф. Новое поученіе, въ добавокъ къ прежнимъ. Отчего почти всѣ практическія поученія такъ безотрадны?

„Le Nord“ началъ поправляться. Послѣдніе нумера газеты значительно лучше прежнихъ.

17 ноября. Вчера вечеромъ былъ у меня Вилькенъ, на пути изъ Петербурга въ Тауроггенъ и другія пограничныя мѣста, куда имѣетъ порученіе отъ начальства. По его разсказамъ, озлобленіе противъ (порядковъ до 1855 года) безпредѣльное и всеобщее.

Слухи о паденіи разныхъ министровъ продолжаются. Недавно появилась каррикатура, представляющая montagne russe, съ которой съѣхалъ уже, растерявъ свои доспѣхи, Бибиковъ; Клейнмихель съѣзжаетъ, но въ каскѣ и шинели, благополучно; наверху Панинъ уже сидитъ на санкахъ и приглашаетъ Брока съѣхать вмѣстѣ; Брокъ отворачивается и отмахивается; между тѣмъ, Киселевъ, закутавшись въ шинель, быстро уходитъ въ сторону.

Говорятъ, что NN узнала объ увольненіи Клейнмихеля съ крайнимъ негодованіемъ; жаловалась на несправедливость въ отношеніи къ старымъ и вѣрнымъ слугамъ...

Разсказываютъ, будто-бы N. N. спросилъ Барятинскаго о его мнѣніи на счетъ Ростовцева, и будто-бы Барятинскій отвѣчалъ: „Вы его любите потому, что онъ вамъ льститъ, а я его не люблю, потому что онъ васъ обманываетъ“.

Говорили много и будто-бы говорятъ доселѣ о назначеніи князя Суворова министромъ внутр. дѣлъ. Изъ сообщеннаго мнѣ Рудницкимъ разговора князя съ нимъ видно, что князь самъ этого ожидаетъ. О, Русь! Этотъ разговоръ самъ по себѣ такъ замѣчателенъ для характеристики князя, что я сохранилъ письмо, въ которомъ о немъ рѣчь.

20-го ноября. Бреверн, вслѣдствіе сообщенія ему моей „Думы Русскаго“, прислалъ мнѣ, въ формѣ письма, изложеніе своего собственнаго взгляда на дѣло. Весьма справедливо, въ особенности сказанное имъ о положеніи нашей церкви и о нашей методѣ законодательства.

К. сообщилъ мнѣ opusculum, подъ наименованіемъ: „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“. Сочинитель мнѣ не извѣстенъ. Статья здраво обдумана и написана холодною желчью. Хорошо, если подобныхъ твореній теперь много ходитъ по рукамъ. Я не во всемъ согласенъ съ авторомъ; я бы старался писать теплѣе; я не говорилъ-бы о Св. мѣстахъ какъ нѣмецкій профессоръ, и не поносилъ-бы мертваго болѣе, чѣмъ живыхъ. Но съ общей точки зрѣнія мы думаемъ за одно и имѣемъ въ виду одну ближайшую цѣль.

25-го ноября. Тоска одолѣваетъ. Почта приходитъ за почтой, дни проходятъ за днями, но дни и почты=0. На счетъ дней, конечно, я грѣшенъ, ибо, по крайней мѣрѣ, могъ-бы ихъ употребить на полезную работу. Но напряженное и тщетное ожиданіе обезсиливаетъ. Событій нѣтъ. Новыхъ надеждъ не возникаетъ; прежнія не оправдываются; со стороны не слышно ни слова; здѣсь все ничтожно и безцвѣтно. А, между тѣмъ, ярмо заботъ ломитъ выю. „Господи силъ, съ нами буди, иного бо помощника въ скорбѣхъ не имамы!“

1-го декабря. На-дняхъ кн. Суворовъ прислалъ мнѣ, черезъ Гернгроса, проектъ своего рапорта-отчета. Менѣе отчетъ, чѣмъ филиппика противъ министерства внутр. дѣлъ и министра финансовъ, при похвальномъ словѣ Балтійскому краю. На мои замѣчанія послѣдовали отвѣтъ Гернгроса и письмо князя. Отвѣчалъ на то и другое.

Въ концѣ отчета кн. Суворовъ отзывается лично обо мнѣ, говоря, что „наименованіемъ“ меня онъ считаетъ долгомъ предоставить достойнѣйшему высшую награду. Я просилъ исключить этотъ комплиментъ. Изъ него естественно можетъ быть извлечено заключеніе о солидарности моихъ взглядовъ съ воззрѣніями его свѣтлости. Это нежелательно.

6-е декабря. Каждую недѣлю губернаторы, въ томъ числѣ и я, отправляютъ рапорты государю императору о лицахъ, пріѣхавшихъ изъ-за границы, и о выданныхъ заграничныхъ паспортахъ. Отчего-бы не ограничиваться вѣдомостями въ III отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи? Подобаетъ-ли (въ такой формѣ) вести этотъ надзоръ?

Сколько другихъ бумагъ, столько-же излишнихъ, приходится подписывать губернаторамъ!

9-е декабря. Вчера кн. Вяземскій (П. А.) прислалъ мнѣ экземпляръ приказа и циркулярной записки, разосланныхъ по повелѣнію вел. князя ген.-адмирала всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ и начальствамъ, отъ которыхъ ожидаются отчеты за текущій годъ [1]). Въ приказѣ приведены, со ссылкою на частное свойство источника, слова моей „Думы“ о водворившейся у насъ всеобщей оффиціальной лжи и о ея проявленіяхъ именно въ годовыхъ отчетахъ.

---

[1]) Приказъ и циркуляръ были напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, а въ новѣйшее время перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, см. также ниже.

Если въ наше время позволительно вспомнить о себѣ самомъ, отдѣльно отъ цѣлаго, то могу высказать, что мнѣ нельзя было предоставить высшей награды.

Кн. Суворовъ провелъ два дня въ Митавѣ. Вчера, передъ отъѣздомъ, говоря наединѣ со мною о своихъ личныхъ дѣлахъ, онъ прямо обнаружилъ желаніе быть министромъ внутр. дѣлъ, — не надолго, потому что самъ себя чувствуетъ къ тому неспособнымъ, но достаточное время, чтобы пообчистить министерство. На мѣсто Гвоздева онъ прочитъ Гернгроса. Департаментъ полиціи исполнительной онъ считаетъ, такъ сказать, инспекторскимъ или дежурствомъ министерства и на этомъ основаніи онъ только желалъ-бы замѣнить Оржевскаго „благонадежнымъ и честнымъ директоромъ", въ родѣ дежурнаго штабъ-офицера. Это, кажется, значитъ Алексѣй Егоровичъ Ивановъ. Наконецъ, меня онъ, кажется, прочитъ себѣ въ товарищи, ибо спрашивалъ, въ какомъ-бы министерствѣ вообще мнѣ было-бы желательно находиться; потомъ намекнулъ на комиссію прошеній, затѣмъ на I-е отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи и, наконецъ, указалъ на званіе товарища министра внутр. дѣлъ. Я отвѣчалъ, конечно, такъ, какъ будто-бы не понималъ истиннаго смысла словъ его.

10-го декабря. Мейендорфъ пишетъ, „qu'on est très préoccupé d'un ordre du jour du Grand Duc Constantin qui commence par бѣдственное положеніе Россіи et qui parle de vol, des mensonges, de pourriture, etc. Мейендорфъ, не подозрѣвая чести, оказанной моей „Думѣ", надѣется, что приказъ demeurera sans suites fâcheuses. О благихъ послѣдствіяхъ онъ и не мечтаетъ.

14-го декабря. Еще разъ говорю: тоска одолѣваетъ..... дни и почты=0. Томительное ожиданіе не сбывающихся событій тѣмъ тягостнѣе, что я здѣсь совершенно одинъ. Не съ кѣмъ обмѣняться мыслью. Неужели въ будущности мнѣ не предопредѣлено доли участія и вліянія менѣе ничтожной, чѣмъ нынѣ? Если-же я къ чему-либо призванъ, т. е. къ чему-нибудь общему, а не курляндскому, то нужны товарищи. Кто они? Гдѣ и когда сойдемся мы съ ними?

Для истинной жизни великихъ государствъ нужны нравственныя начала, которыя могли-бы служить основаніемъ и исходною точкою государственныхъ дѣяній. Гдѣ и что наше основное государственное начало? Покорность? Кажется, нужно что-нибудь и еще.

21-го декабря. Говорятъ, гр. Закревскій смѣненъ и на его мѣсто назначенъ кн. Барятинскій. Закревскому давно пора перестать быть московскимъ ханомъ. Но неужели Барятинскому нынѣшнее

25-го ноября. Тоска одолѣваетъ. Почта прих[illegible] губернаторства? дни проходятъ за днями, но дни и почты- every body in the конечно, я грѣшенъ, ибо, по крайней мѣрѣ бить на полезную работу. Но напряж[illegible] Россіи никогда не будетъ обезсиливаетъ. Событій нѣтъ. Новы[illegible]наторовъ не военныхъ? Не прежнія не оправдываются; со ст[illegible]ерній, гдѣ мало по малу т. н. все ничтожно и безцвѣтно. А. [illegible] гражданскихъ. C'est bien le cas de вью. „Господи силъ, съ на[illegible] fait le moine. Что же касается званія бѣхъ не имамы!“

1-го декабря. [illegible] совсѣмъ позабыли, что histoire générale Герингроса, про[illegible] исторія, а общая, и что слѣдовательно филиппика пр[illegible] краля могъ бы быть и тайный совѣтникъ. при похвал[illegible] супругу его все таки величали бы „гене- довали о[illegible] 25 декабря. Авторомъ записки „Восточный вопросъ съ русской другое [illegible] точки зрѣнія“ считаютъ молодаго Мордвинова, съ тѣхъ поръ го[illegible] арестованнаго за участіе въ заговорѣ, подобномъ заговору Петра- с[illegible]шевскаго. Говорятъ, Государь написалъ на запискѣ: „дѣльно, но желчно“, и велѣлъ сказать Мордвинову, что онъ желаетъ съ нимъ жить въ мірѣ, присовокупляя совѣтъ быть осторожнымъ и желаніе, чтобы Мордвиновъ на него не сердился. Прекрасная черта. Если послѣ этого Мордвиновъ былъ заговорщикомъ, то это гнусно и вдвойнѣ преступно.

26 декабря. Генералъ Сиверсъ занемогъ на обратномъ пути изъ Петербурга. Кажется, ему болѣе здѣсь не командовать. Онъ самъ доказалъ, при нынѣшней бытности въ Петербургѣ, что на него надѣяться нельзя. Онъ, говорятъ, предварилъ Государя, что будетъ просить увольненія въ мартѣ мѣсяцѣ. Оригинальная наивность. Отчего же не теперь? Для чего затруднять правительство новымъ назначеніемъ въ то время, когда уже нужно будетъ дѣйствовать, а не приготовляться къ дѣйствію. На его мѣсто прочили, говорятъ, Барятинскаго, но онъ отказался. Потомъ думали о Данненбергѣ и Оффенбергѣ. Лишь бы не сего послѣдняго.

Вчера вернулся изъ Петербурга ***, пожалованный, между тѣмъ, флигель-адъютантомъ. Сущность полученныхъ чрезъ него свѣдѣній заключается въ нижеслѣдующемъ:

Военныя дѣла по прежнему нуждаются въ твердомъ центральномъ управленіи. Военный министръ правитъ только министерствомъ, а не дѣлами министерства.

Въ отдаленныхъ губерніяхъ появлялись неоднократно возмутительныя польско-русскія прокламаціи, соціалистическаго свойства. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ взято подъ стражу

лодыхъ людей, по участію яко-бы въ заговорѣ Мордви-
. Въ Петербургѣ даже были на короткое время аресто-
II отдѣленіи) разныя извѣстныя должностныя лица,
ъ, директоръ хозяйственнаго департамента м-ва внутр.
чимъ изъ главныхъ зачинщиковъ заговора называютъ
кн. Суворовѣ. Въ Литовскихъ губерніяхъ также
сношенія съ эмиграціей и западными державами,
лицъ взято подъ стражу.

овыя предложенія, привезенныя гр. Эстергази, между про-
имъ требуютъ передачи австрійцамъ Измаила и Киліи, впредь до заключенія міра, занятія союзниками Крыма, до того же срока, окончательнаго разоренія Севастополя, уничтоженія навсегда военнаго флота въ Черномъ морѣ, обезоруженіе его береговъ и т. п. Былъ собранъ комитетъ для совѣщанія объ этихъ предложеніяхъ. Членами состояли вел. князь генералъ-адмиралъ, гр. Блудовъ, гр. Киселевъ, гр. Нессельродъ, гр. Орловъ, кн. Меньшиковъ, бар. Корфъ и еще кое-кто. Почти всѣ были готовы на эти позорныя уступки, кромѣ великаго князя, графовъ Блудова и Киселева. Блудовъ первый, говорятъ, возсталъ противъ этого нравственнаго государственнаго самоубійства. Государь, благодаря Бога, согласился съ меньшинствомъ.

На другой день послѣ засѣданія этого комитета пріѣхалъ Зеебахъ. Онъ испросилъ себѣ аудіенцію тотчасъ, будто бы черезъ гр. Орлова, заботливо избѣгая своего хронически англійскаго тестя. Сей послѣдній, говорятъ, очень сердитъ на зятя за то, что дѣло шло мимо него. Объ условіяхъ, предложенныхъ Зеебахомъ или вообще о сущности порученія, которое ему было дано императоромъ французовъ, ничего не извѣстно. Но очевидно, что безъ особаго повода Зеебахъ не скакалъ бы, сломя голову, изъ Парижа. Говорятъ, что Louis Napoleon воспользовался охотою, бывшею въ Компіенѣ, для конфиденціальнаго объясненія съ Зеебахомъ, и что сей послѣдній тотчасъ послѣ этой entrevue пустился въ путь. Время разъяснитъ эту задачу.

Вчера я получилъ изъ Петербурга, по почтѣ, лжеимянное письмо, за подписью graf Blitz von Donnerwetter. При семъ находился списокъ съ ругательнаго письма, отправленнаго будто бы съ тою же почтою къ здѣшнему Оффенбергу. Сегодня Оффенбергъ привезъ мнѣ это письмо и старался не только самъ находить оное чрезвычайно смѣшнымъ, но и меня заставить посмѣяться. Зная, что онъ . . . . . , я смѣяться не могъ и отдѣлался отъ этого разговора какъ можно скорѣе.

царствованіе ничего не готовитъ, кромѣ генералъ-губернаторства? Кажется, продолжается примѣненіе правила every body in the wrong place.

Вообще, неужели въ цѣлой половинѣ Россіи никогда не будетъ ни губернаторовъ, ни генералъ-губернаторовъ не военныхъ? Не говорю о Москвѣ. Но сколько губерній, гдѣ мало по малу т. н. военные губернаторы замѣнили гражданскихъ. C'est bien le cas de dire qu'ici c'est l'habit qui faisait le moine. Что же касается званія генералъ-губернатора, то совсѣмъ позабыли, что histoire générale значитъ не генеральская исторія, а общая, и что слѣдовательно общимъ начальникомъ края могъ бы быть и тайный совѣтникъ. Правда, впрочемъ, что супругу его все таки величали бы „генеральшей".

25 декабря. Авторомъ записки „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія" считаютъ молодаго Мордвинова, съ тѣхъ поръ арестованнаго за участіе въ заговорѣ, подобномъ заговору Петрашевскаго. Говорятъ, Государь написалъ на запискѣ: „дѣльно, но желчно", и велѣлъ сказать Мордвинову, что онъ желаетъ съ нимъ жить въ мірѣ, присовокупляя совѣтъ быть осторожнымъ и желаніе, чтобы Мордвиновъ на него не сердился. Прекрасная черта. Если послѣ этого Мордвиновъ былъ заговорщикомъ, то это гнусно и вдвойнѣ преступно.

26 декабря. Генералъ Сиверсъ занемогъ на обратномъ пути изъ Петербурга. Кажется, ему болѣе здѣсь не командовать. Онъ самъ доказалъ, при нынѣшней бытности въ Петербургѣ, что на него надѣяться нельзя. Онъ, говорятъ, предварилъ Государя, что будетъ просить увольненія въ мартѣ мѣсяцѣ. Оригинальная наивность. Отчего же не теперь? Для чего затруднять правительство новымъ назначеніемъ въ то время, когда уже нужно будетъ дѣйствовать, а не приготовляться къ дѣйствію. На его мѣсто прочили, говорятъ, Барятинскаго, но онъ отказался. Потомъ думали о Данненбергѣ и Оффенбергѣ. Лишь бы не сего послѣдняго.

Вчера вернулся изъ Петербурга ***, пожалованный, между тѣмъ, флигель-адъютантомъ. Сущность полученныхъ чрезъ него свѣдѣній заключается въ нижеслѣдующемъ:

Военныя дѣла по прежнему нуждаются въ твердомъ центральномъ управленіи. Военный министръ правитъ только министерствомъ, а не дѣлами министерства.

Въ отдаленныхъ губерніяхъ появлялись неоднократно возмутительныя польско-русскія прокламаціи, соціалистическаго свойства. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ взято подъ стражу

много молодыхъ людей, по участію яко-бы въ заговорѣ Мордвинова и К°. Въ Петербургѣ даже были на короткое время арестованы (при III отдѣленіи) разныя извѣстныя должностныя лица, между прочимъ, директоръ хозяйственнаго департамента м-ва внутр. дѣлъ, М***. Однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ заговора называютъ Ярцева, шурина кн. Суворова. Въ Литовскихъ губерніяхъ также будто бы открыты сношенія съ эмиграціей и западными державами, и нѣсколько лицъ взято подъ стражу.

Мировыя предложенія, привезенныя гр. Эстергази, между прочимъ требуютъ передачи австрійцамъ Измаила и Киліи, впредь до заключенія міра, занятія союзниками Крыма, до того же срока, окончательнаго разоренія Севастополя, уничтоженія навсегда военнаго флота въ Черномъ морѣ, обезоруженіе его береговъ и т. п. Былъ собранъ комитетъ для совѣщанія объ этихъ предложеніяхъ. Членами состояли вел. князь генералъ-адмиралъ, гр. Блудовъ, гр. Киселевъ, гр. Нессельродъ, гр. Орловъ, кн. Меньшиковъ, бар. Корфъ и еще кое-кто. Почти всѣ были готовы на эти позорныя уступки, кромѣ великаго князя, графовъ Блудова и Киселева. Блудовъ первый, говорятъ, возсталъ противъ этого нравственнаго государственнаго самоубійства. Государь, благодаря Бога, согласился съ меньшинствомъ.

На другой день послѣ засѣданія этого комитета пріѣхалъ Зеебахъ. Онъ испросилъ себѣ аудіенцію тотчасъ, будто бы черезъ гр. Орлова, заботливо избѣгая своего хронически англійскаго тестя. Сей послѣдній, говорятъ, очень сердитъ на зятя за то, что дѣло шло мимо него. Объ условіяхъ, предложенныхъ Зеебахомъ или вообще о сущности порученія, которое ему было дано императоромъ французовъ, ничего не извѣстно. Но очевидно, что безъ особаго повода Зеебахъ не скакалъ бы, сломя голову, изъ Парижа. Говорятъ, что Louis Napoleon воспользовался охотою, бывшею въ Компіенѣ, для конфиденціальнаго объясненія съ Зеебахомъ, и что сей послѣдній тотчасъ послѣ этой entrevue пустился въ путь. Время разъяснитъ эту задачу.

Вчера я получилъ изъ Петербурга, по почтѣ, лжеимянное письмо, за подписью graf Blitz von Donnerwetter. При семъ находился списокъ съ ругательнаго письма, отправленнаго будто бы съ тою же почтою къ здѣшнему Оффенбергу. Сегодня Оффенбергъ привезъ мнѣ это письмо и старался не только самъ находить оное чрезвычайно смѣшнымъ, но и меня заставить посмѣяться. Зная, что онъ . . . . . , я смѣяться не могъ и отдѣлался отъ этого разговора какъ можно скорѣе.

27 декабря. Мнѣніе покойнаго Мантейфеля о рыжихъ оправдывается, сколь кажется, и Г—омъ.

28 декабря. Приказомъ начальника штаба гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ отъ 29 ноября за № 187 было объявлено, что ген.-маіоръ Богдановичъ будетъ производить публичныя чтенія о крымской экспедиціи англо-французовъ. Чтенія прекращены, послѣ перваго же, „за недостаткомъ свѣдѣній“ (такъ пишетъ Рудницкій).

31 декабря. Сегодня были у меня, вечеромъ, братья Николай и Павелъ Бакунины. У нихъ здравый и мыслящій взглядъ на наши дѣла.

П. А. Валуевъ.

ДУМА РУССКАГО

(во второй половинѣ 1855 года).

I.

Грустно.... я боленъ Севастополемъ. Лихорадочно думаю съ вечера о предстоящемъ на слѣдующее утро приходѣ почты. Лихорадочно ожидаю, утромъ, принесенія газетъ. Иду на встрѣчу тому, кто ихъ несетъ въ мой кабинетъ; стараюсь получить ихъ безъ свидѣтелей, мнѣ досадно, если кто-нибудь помѣшаетъ мнѣ встрѣтиться наединѣ съ вѣстью изъ края, куда постоянно переносится, гдѣ на половину живетъ моя мысль. Развертываю „Neue Preussische Zeitung", гдѣ могу найти новѣйшія телеграфическія извѣстія. Торопливо пробѣгаю роковую страницу. Ничего! Если же есть что нибудь, то не на радость. Такъ проходятъ дни за днями. Истинной жизни полминуты въ день. Остальное время я жду этой полминуты или о ней думаю. Ко всему другому, кромѣ молитвы, сердце черствѣетъ. Всему другому хочется сказать: теперь не время!

Мученикъ-Севастополь! Такъ назвалъ его на сихъ дняхъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, весьма немногихъ писателей нашихъ, которыхъ читать, которымъ сочувствовать можно. Эти слова глубоко заронились мнѣ въ сердцѣ, какъ тяжелая, желѣзная истина. Мученикъ! Долго-ли еще будутъ длиться его страданія? Неужели спасенія нѣтъ и муки неизбѣжно должна повѣнчать могила? Князь Горчаковъ говоритъ: „наши верки страдаютъ". Это значитъ, что насъ пріуготовляютъ къ концу и что онъ близокъ, или, по крайней мѣрѣ, что его считаютъ близкимъ. Эти слова не брошены даромъ.

но даромъ пролита будетъ кровь Корнилова, Истомина, Нахимова и тысячи тысячъ ихъ сподвижниковъ! Даромъ? Развѣ Севастополь Россія? Но развѣ тамъ не сосредоточены теперь лучшія силы ея, лучшая слава и лучшія надежды? Развѣ тамъ не сходятся нити прошлаго и грядущаго и не рѣшается вопросъ, сдѣлаемъ-ли мы шагъ назадъ, первый со временъ Петра Великаго?

Давно-ли мы покоились въ самодовольномъ созерцаніи нашей славы и нашего могущества? Давно-ли наши поэты внимали хвалѣ, которую намъ

„Семь морей немолчно плещутъ".

Давно-ли они пророчествовали, что намъ

„Богъ отдастъ судьбу вселенной,
„Громъ земли и гласъ небесъ".

Что стало съ нашими морями? Гдѣ громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаемъ мы? Кто внимаетъ намъ? Наши корабли потоплены, сожжены, или заперты въ нашихъ гаваняхъ. Непріятельскіе флоты безнаказанно опустошаютъ наши берега. Непріятельскія арміи безнаказанно попираютъ нашу землю, занимаютъ наши города, укрѣпляютъ ихъ противъ насъ самихъ и отбиваютъ насъ, когда мы усиливаемся вновь овладѣть отцовскимъ достояніемъ. Друзей и союзниковъ у насъ нѣтъ. А если есть еще друзья, то малочисленные, робкіе, скрытные друзья, которымъ будто стыдно сознаться въ пріязни къ намъ. Одни греки не побоялись этого признанія. За то ихъ тотчасъ задавили и мы не могли имъ помочь. Мы отвсюду отрѣзаны, одинъ прусскій король соблаговолилъ оставить намъ открытыми нѣсколько калитокъ для сообщенія съ остальнымъ христіанскимъ міромъ. Вездѣ проповѣдуется ненависть къ намъ, всѣ насъ злословятъ, на насъ клевещутъ, надъ нами издѣваются. Чѣмъ стяжали мы себѣ столькихъ враговъ? Неужели однимъ только нашимъ величіемъ? Но гдѣ это величіе? Гдѣ силы наши? Гдѣ завѣтъ прежней славы и прежнихъ успѣховъ? Гдѣ превосходство войскъ нашихъ, столь стройно грозныхъ подъ Краснымъ Селомъ? Еще недавно они залили, своею кровью, пожаръ венгерскаго мятежа, но эта кровь пролилась для того только, чтобы впослѣдствіи наши полководцы тревожно озирались на воскресшихъ нашею милостію австрійцевъ? Мы теперь боимся этихъ австрійцевъ? Мы не смѣемъ громко упрекнуть ихъ въ неблагодарности, мы торгуемся съ ними и въ виду ихъ не могли справиться съ турками на Дунаѣ. Европа уже говоритъ, что турки переросли насъ. Правда,

Нахимовъ разгромилъ турецкій флотъ при Синопѣ; но съ тѣхъ поръ сколько Нахимовскихъ кораблей погружено въ море! Правда, въ Азіи мы одержали двѣ—три безплодныя побѣды; но сколько крови стоили намъ эти проблески счастья! Кромѣ ихъ всюду утраты и неудачи. Одинъ Севастополь силенъ и славенъ, хотя въ продолженіе 10-ти мѣсяцевъ надъ нимъ разрываются англійскія и французскія бомбы. И о немъ нынѣ говорятъ намъ: „наши верки страдаютъ!“

II.

Было-ли съ нами и сопровождаетъ-ли насъ теперь благословеніе Божіе? Мы всѣ, царь и народъ, усердно призывали Бога на помощь. Въ монаршихъ воззваніяхъ приводились тексты изъ Св. Писанія; въ отзывахъ разныхъ сословій на эти воззванія выражалась увѣренность въ Божіемъ покровительствѣ; архипастыри нашей церкви, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, обѣщали намъ побѣду надъ врагами. Но событія доселѣ не оправдали архипастырскихъ обѣщаній. Благословеніе Божіе не знаменуется бѣдствіями. Напротивъ того, не должны-ли мы видѣть въ нашихъ неудачахъ испытаніе и наставленіе, свыше намъ ниспосланныя? Россія мужественно переноситъ испытаніе. Она безропотно напрягаетъ къ тому всѣ свои силы, но внемлетъ-ли она наставленію и извлечетъ-ли изъ него пользу?

Вопросъ о причинахъ, объясняющихъ наши неудачи и нынѣшнее затруднительное положеніе нашего отечества, естественно возникаетъ въ сердцѣ каждаго русскаго. Онъ возстаетъ передъ нами при каждой новой вѣсти о постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, онъ терзаетъ насъ, когда мы слышимъ торжествующіе клики запада. Можемъ-ли мы и должны-ли мы уклониться отъ разсмотрѣнія этого вопроса? Развѣ намъ запрещено мыслить? Духовная сила мысли, свыше намъ данная, не есть-ли одно изъ орудій служенія Престолу и отечеству? Съ вѣрноподданническою покорностью преклоняясь предъ волею царскою и безпрекословно повинуясь установленнымъ ею властямъ, мы, однако-же, не утратили права любить отечество свободною любовью и быть преданными своему государю, не по указу, но искренно и непоколебимо, по родному и родовому чувству преданности, и по сознанію своего долга передъ Богомъ. „Грядетъ часъ и нынѣ есть“, глаголетъ Господь, „егда истинни поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною, ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему“. (Іоанна, IV, 23). Православные русскіе государи помнятъ эти слова Св. Евангелія и сами желаютъ, чтобы ихъ вѣрноподданные служили имъ и Россіи духомъ и истиною.

III.

Зачѣмъ завязали мы дѣло, не разсчитавъ послѣдствій, или зачѣмъ не приготовились, изъ осторожности, къ этимъ послѣдствіямъ? Зачѣмъ встрѣтили войну безъ винтовыхъ кораблей и безъ штуцеровъ? Зачѣмъ ввели горсть людей въ княжества и оставили горсть людей въ Крыму? Зачѣмъ заняли княжества, чтобы ихъ очистить, перешли Дунай, чтобы изъ-за него вернуться, осаждали Силистрію, чтобы снять осаду, подходили къ Калафату, чтобы его не атаковать, объявляли ультиматумы, чтобы ихъ не держаться, и прочая, и прочая, и прочая! Зачѣмъ надѣялись на Австрію и слишкомъ мало опасались англо-французовъ? Зачѣмъ всѣ наши дипломатическія и военныя распоряженія съ самаго начала борьбы были только вынужденными послѣдствіями дѣйствій нашихъ противниковъ? Инициатива вырвана изъ нашихъ рукъ при первой ошибкѣ, и съ тѣхъ поръ мы словно ничѣмъ не занимались, какъ только приставленіемъ заплатъ тамъ, гдѣ онѣ оказывались нужными? Не скажетъ-ли когда нибудь потомство, не скажутъ-ли лѣтописи, тѣ правдивыя лѣтописи, противъ которыхъ цензура безсильна, что даже славная оборона Севастополя была не что иное, какъ свѣтлый рядъ усилій, со стороны повиновавшихся, къ исправленію ошибокъ со стороны начальствовавшихъ? На каждомъ шагу событія опровергали наши предположенія и оказывались столько же „неожиданными“, сколько оборотъ дѣла 4-го августа при р. Черной, о которомъ князь Горчаковъ говоритъ въ своей реляціи. Эта неожиданность продолжается уже свыше двухъ лѣтъ. Сколько шума было въ Россіи о взятіи парохода „Первасъ-Бахри“, о взятіи гюйса съ сѣвшаго на мель и сожженаго парохода „Тигръ“ и въ особенности о прапорщикѣ Щеголевѣ и Шеголевской батареѣ! Предусматривали-ли тогда, что вскорѣ окажется столько Щеголевыхъ въ Севастополѣ? Когда оцѣнили мы Бомарзундъ и обѣты его коменданта, когда начали вооружать и чѣмъ вооружали Свеаборгъ, Ревель, Ригу и Динаминдъ, когда принялись за укрѣпленіе самаго Севастополя, когда двинули въ Крымъ сперва одну дивизію, потомъ двѣ, потомъ одинъ корпусъ, потомъ другой? Неужели Керчь и Азовское море должны были такъ внезапно и такъ легко достаться въ руки непріятеля? Неужели Анапу надлежало такъ внезапно признать развалившеюся турецкою крѣпостью, и имя генералъ-адъютанта Хомутова должно было столь неожиданно исчезнуть, вмѣстѣ съ нею и съ его отрядомъ, изъ круга нашихъ реляцій?

Въ исполинской борьбѣ съ половиною Европы нельзя было болѣе скрывать, подъ сѣнію оффиціальныхъ самохваленій, въ какой мѣрѣ и въ какихъ именно отрасляхъ государственнаго могущества мы отстали отъ нашихъ противниковъ. Оказалось, что въ нашемъ флотѣ не было тѣхъ именно судовъ, въ сухопутной арміи того именно оружія, которыя требовались для уравненія боя; что состояніе и вооруженіе нашихъ береговыхъ крѣпостей были неудовлетворительны; что у насъ недоставало желѣзныхъ и даже шоссейныхъ дорогъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимыхъ на тѣхъ неизмѣримыхъ пространствахъ, гдѣ намъ надлежало передвигать наши силы. Европу колебали, нѣсколько лѣтъ сряду, внутренніе раздоры и мятежи; мы наслаждались ненарушимымъ спокойствіемъ. Не смотря на то, гдѣ развивались въ продолженіе этого времени быстрѣе и послѣдовательнѣе внутреннія и внѣшнія силы?

IV.

Еще недавно Россія оплакивала непритворными слезами кончину того великаго государя, который около трети столѣтія ее охранялъ, ею правилъ и ее любилъ, какъ она его любила. Преклонясь предъ его могилою, Россія вспоминала великія свойства его и съ умиленіемъ исповѣдывала величіе его кончины. Эта кончина объяснила, пополнила, увѣнчала его жизнь. Сильный духомъ, сильный волею, сильный словомъ и дѣломъ, онъ умѣлъ сохранить эти силы на смертномъ одрѣ и, обращая съ него прощальный взглядъ на свое царство, на своихъ подданныхъ, на родной край и на великую русскую семью, явилъ себя имъ еще величественнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ въ полномъ блескѣ жизненныхъ силъ и самодержавной дѣятельности. Если въ этотъ печальный часъ грозныя тучи нависли надъ нами, если великіе труды великаго вѣнценосца не даровали намъ тѣхъ благъ, которыя были постоянною цѣлью его дѣяній, то ему, конечно, предстояли на избранномъ имъ пути препятствія, которыхъ даже и его силы и его воля не могли одолѣть.

V.

Время измѣняетъ размѣры относительнаго могущества государствъ. При общемъ стремленіи развивать свои внутреннія и внѣшнія силы они идутъ впередъ различными путями, и ихъ успѣхи неодинаковы. Въ мирныя времена трудно оцѣнивать относительную важность этихъ успѣховъ. Но вмѣстѣ съ первою значительною войною

настаетъ минута точной взаимной оцѣнки. Эта минута теперь настала для насъ.

VI.

Благопріятствуетъ-ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное; вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ; внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками; но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія!

У насъ самый законъ нерѣдко заклейменъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выраженій и практическою примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и не обезпечиваетъ исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ, можетъ точно и послѣдовательно исполнять все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы въ случаѣ надобности было на кого обратить отвѣтственность. Справедливо-ли это? Не въ томъ дѣло, справедливость или несправедливость, точное или не точное соблюденіе закона, смотря по обстоятельствамъ, заранѣе предусмотрѣны. Въ главѣ многихъ узаконеній нашихъ надлежало бы напечатать два слова, которыя не могутъ быть переведены на русскій языкъ: „Restriction mentale“.

VII.

Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ, ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ. Между тѣмъ, возрастающая механизація дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за внѣшнею правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ внѣшней взыскательности высшихъ. Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ до крайности ограничена, а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ и не вносится срочныхъ представленій въ комитетъ гг. министровъ.

Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управленіе доведено, по каждой отдѣльной части, до высшей степени централизаціи; но взаимныя связи этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ, и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣлью наивозможно бо̀льшее вліяніе высшихъ властей на всѣ подробности управленія, и на этомъ основаніи значительно стѣсняетъ, въ іерархическомъ порядкѣ, власть административныхъ инстанцій. Но масса дѣлъ, нынѣ восходящихъ до главныхъ начальствъ, превосходитъ ихъ силы. Они по необходимости должны предоставлять значительную часть этихъ дѣлъ на произволъ своихъ канцелярій. Такимъ образомъ судьба представленій губернскихъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ весьма нерѣдко зависитъ не отъ гг. министровъ, но отъ столоначальниковъ того или другаго министерства. Безжизненное однообразіе распространено даже на историческіе памятники,

воздвигаемые на поляхъ сраженій; они распредѣлены на разряды и подведены подъ одинъ нормальный образецъ. Между тѣмъ единство высшихъ административныхъ формъ нарушается, безъ видимой причины, учрежденіемъ V Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Если эта добавочная инстанція признана излишнею по дѣламъ другихъ министерствъ, то почему она необходима по дѣламъ министерства государственныхъ имуществъ? Дѣйствія этого министерства вообще послѣдовательно противорѣчатъ одной изъ главныхъ цѣлей его учрежденія. Посредствомъ новаго устройства казенныхъ имѣній предполагалось, между прочимъ, указать путь къ необходимому преобразованію поземельныхъ отношеній въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Но министерство не только не создаетъ потребныхъ образцовъ, но даже вводитъ или сохраняетъ, въ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, тѣ именно формы, которыя никогда не могутъ быть приспособлены къ быту крестьянъ въ частныхъ вотчинахъ. Основное и наиважнѣйшее правило, что казна въ предѣлахъ казенныхъ имѣній не что иное, какъ вотчинникъ, подобный всѣмъ другимъ вотчинникамъ, постоянно и преднамѣренно нарушается. Помѣщикъ, лично управляющій своимъ помѣстьемъ, имѣющій въ немъ осѣдлость и непосредственно участвующій, своимъ умомъ и своимъ капиталомъ, въ воздѣлываніи принадлежащей ему земли, есть существо совершенно излишнее по нынѣшней системѣ устройства государственныхъ имуществъ. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ издавна существовали арендаторскія управленія, составляющія ближайшую аналогическую связь между формами устройства казенныхъ и частныхъ имѣній, министерство по возможности упраздняетъ эти управленія и предоставляетъ волостнымъ судамъ тѣ предметы вѣдомства, которые прежде принадлежали арендаторамъ, какъ прямымъ представителямъ вотчинной власти.

VIII.

Много-ли искренности и много-ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи, данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ къ возсоединенію раскольниковъ и въ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ? Развѣ кроткія начала Евангельскаго ученія утратили витающую въ нихъ Божественную силу? Развѣ вѣротерпимость тождественна съ безвѣріемъ? Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія какъ на политическое орудіе и произвольно употреблять или стараться употреблять ихъ для достиженія политическихъ цѣлей? Лѣтописи христіанскаго міра свидѣтельствуютъ,

что при подобныхъ усиліяхъ сокрушается премудрость премудрыхъ и опровергается разумъ разумныхъ. Святая церковь не болѣе-ли нуждается въ помощи правительства къ развитію ея внутреннихъ силъ, чѣмъ въ насильственномъ содѣйствіи къ обращенію уклонившихся или къ возсоединенію отпавшихъ? Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ-ли его призванію, и правильно-ли смотрятъ на внутреннія дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди, которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано, что ихъ религіозная жизнь заключается въ „буквѣ и недухѣ“ (1855 г.). Кажется, что иногда сама православная церковь тяготѣетъ надъ ними „буквою и недухомъ“. Быть можетъ, что если бы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на вышнюю силу вѣчныхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, и нѣсколько менѣе вѣровали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была-бы обильнѣе.

IX.

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ. Постановленіями о заграничныхъ паспортахъ наложенъ домашній арестъ на свыше 60 милліоновъ вѣрноподданныхъ его императорскаго величества. Ограниченіемъ числа обучающихся въ университетахъ стѣснены пути къ образованію. Узаконеніями о службѣ гражданской сглажены, по мѣрѣ возможности, всѣ различія служебныхъ достоинствъ, и всѣ способности одинаково подведены подъ мѣрило срочныхъ производствъ и награжденій.

Одно морское министерство нынѣ руководствуется другими правилами и не обнаруживаетъ, подобно другимъ вѣдомствамъ, безпредѣльнаго равнодушія ко всему, что думаетъ, чувствуетъ или знаетъ Россія. Оно показало, при составленіи морскаго устава, какимъ порядкомъ надлежитъ обсуживать проекты законовъ, и въ „Морскомъ Сборникѣ“ подаетъ примѣръ, какъ надлежитъ понимать цензуру. Оно спасло отъ обычной безгласности имена офицеровъ, проливающихъ кровь свою въ настоящей войнѣ. Оно первое приняло чрезвы-

чайныя мѣры къ обезпеченію участи раненыхъ и первое сознало, что семейства жертвъ, павшихъ въ борьбѣ за отечество, имѣютъ право оплакивать эти жертвы и ими гордиться, безъ произвольныхъ отсрочекъ. Все это сдѣлано; но могло-ли-бы все это быть сдѣлано, если-бы судьбами морскаго министерства нынѣ не правила твердая рука генералъ-адмирала, носящаго титулъ императорскаго высочества?

X.

Неужели результаты нынѣшней системы признаются удовлетворительными? Неужели погубное вліяніе этой системы доселѣ не доказано ни внѣшними неудачами, ни внутренними недостатками, ни всеобщимъ недовѣріемъ къ нашимъ начальствамъ, ни проявляющимся въ виду нынѣшнихъ событій недостаткомъ стойкости въ общемъ направленіи умовъ, ни признаками безнадежности, сопровождающими повсемѣстную, смиренную, покорную, безотвѣтную готовность къ пожертвованіямъ? Неужели благородство рѣчи не совмѣстно съ благородствомъ подвиговъ и русскія дворянскія сословія должны говорить языкомъ, въ которомъ слышатся отголоски золотой орды, рядомъ съ витіеватостью семинарій? Наконецъ, неужели не заключается настоятельнаго поученія въ современномъ, общесознанномъ недостаткѣ знаменитостей? Голосъ народный не превозноситъ ни одного имени и не исповѣдуетъ ни одной громкой славы, кромѣ новыхъ именъ и новой славы севастопольскихъ героевъ.

Государственные люди нашего вѣка, въ глазахъ народа, распредѣлены на разряды подобно казеннымъ памятникамъ, измѣрены табелью о рангахъ, разцѣнены цѣною отличій, помѣщаемыхъ въ памятныхъ книжкахъ.

Вѣрноподданная Россія заботливо отличаетъ дѣйствія ихъ отъ воли царской и надѣется не на нихъ, а на Бога и на своего Государя.

XI.

Въ Россіи такъ легко сѣять добро! Русскій умъ такъ воспріимчивъ, русское сердце такъ благодарно! Россія—гладкое поле, гдѣ воля правительства не встрѣчаетъ преградъ. Не скажетъ-ли оно народу: да будетъ истина межъ нами, и не вспомнитъ-ли краснорѣчивыхъ словъ, сопровождающихъ гербъ одного изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ: „Уму нуженъ просторъ!“

XII.

Роковая вѣсть о паденіи Севастополя пронеслась между нами. Россія взираетъ къ вѣнценосному вождю своему съ безмолвною мольбою. Сердце царево въ рукѣ Божіей.

П. А. Валуевъ.

28-го августа 1855 г.

Приказъ е. и. высочества генералъ-адмирала,

данный на имя г. управляющаго морскимъ министерствомъ, вице-адмирала Врангеля въ декабрѣ 1855 года.

Въ одной весьма замѣчательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи, при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ, сказано:

„Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты,—вездѣ сдѣлано всевозможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ; взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, и рѣдко гдѣ окажется прочное,—плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины; она затаена между строками; но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе?“

Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ морскаго вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ, и повторить имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы, а истины, и въ особенности откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностью.

Циркулярная записка е. и. в. вел. князя Константина Николаевича,

предназначенная къ разсылкѣ всѣмъ главнымъ чинамъ управленія

1855.

Въ продолженіе будущаго года я желалъ-бы видѣть въ „Морскомъ Сборникѣ“ рядъ нравственно-философическихъ разсужденій, написанныхъ весьма смѣло и сильно, доступнымъ для каждаго языкомъ, съ цѣлью—съ одной стороны—опорочить тѣ недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими офицерами и чиновниками и которые должны быть заклеймены общественнымъ осмѣяніемъ, а съ другой стороны — указать и растолковать какъ слѣдуетъ понимать нѣкоторые предметы и отношенія.

Къ первому разряду будутъ принадлежать: порицаніе системы лжи, замашки показать товаръ лицомъ, выказать небывалыя заслуги свои и утаить недостатки, упущенія и ошибки; образъ взгляда на казенное имущество, разсчеты съ углемъ и дровами, системы наказанія нижнихъ чиновъ и обращенія съ ними и т. п.

Ко второму разряду статей можно отнести объясненіе, какъ смотрѣть на награды и производства, отношенія товарищей и проч. Сюда-же можно отнести рядъ статей въ родѣ „характеровъ Лабрюйера“. Желательно-бы колкой насмѣшкой порицать зло и хвалить добро, но хвалить умно, а не приторно.

За подобныя статьи, которыя были-бы написаны съ талантомъ и произвели-бы нравственное впечатлѣніе, я готовъ вознаградить авторовъ самымъ щедрымъ образомъ.

Примѣчаніе. Оба документа приказъ и циркуляръ, были въ свое время напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, а въ послѣдніе годы перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.-П.-Б. МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1833—1863 гг.

Записки Николая Ѳедоровича Здекауера.

III [1]).

Изъ бывшихъ воспитанниковъ нашей академіи занимали въ мое время съ честью и большою пользою для своихъ слушателей мѣста адъюнктовъ, а затѣмъ и профессорскія каѳедры въ ней слѣдующія лица:

Владиміръ Егоровичъ Эккъ.

Эккъ былъ мой товарищъ по академіи, и отремя годами моложе меня. Съ 3-го курса мы даже жили вмѣстѣ въ одной квартирѣ на Выборгской, въ нашемъ quartier latin. Изъ лучшихъ учениковъ профессора Зейдлица В. Е. Эккъ, усовершенствовавшись за границей, защищалъ прекрасную диссертацію „de Pneumonia," и занялъ затѣмъ каѳедру частной паталогіи и терапіи, которую онъ преподавалъ по современному состоянію науки; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и счастливѣйшихъ практиковъ нашей столицы. Въ 1860 году онъ былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Эккъ былъ любимъ и уважаемъ своими слушателями и, безспорно, принадлежалъ къ лучшимъ профессорамъ нашей

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 117—135.

академіи. Онъ оставилъ еще два отличныхъ сочиненія: „о просовидныхъ бугоркахъ“ и „о гриппѣ“. В. Е. Эккъ умеръ отъ прогрессивнаго паралича въ 1879 г.

Иванъ Михайловичъ Балинскій.

Родной племянникъ знаменитаго Снядецкаго, Балинскій внесъ въ изученіе врачебной науки строго логичную и философскую подготовку; кончивъ курсъ съ отличіемъ, Ив. Мих. въ 1846 году получилъ дипломъ врача cum eximia laude и золотую медаль. Въ 1856 году онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ гинекологіи и акушерства; но его давно уже занимало изученіе нервныхъ и душевныхъ болѣзней и больныхъ и уже черезъ годъ, въ 1857 г., ему было ввѣрено преподаваніе въ академіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней. По его иниціативѣ, подъ его руководствомъ и по его указаніямъ, отдѣленіе душевно-больныхъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ было реорганизовано для преподавательскихъ цѣлей и переобразовано въ клинику душевныхъ болѣзней. Благодаря его выдающемуся преподавательскому таланту, его энергіи и преданности своимъ больнымъ и чисто клиническому значенію его лекцій, профессоръ Балинскій вскорѣ пріобрѣлъ славу отличнаго клинициста, извѣстнаго психіатра и, главное, перваго иниціатора преподаванія душевныхъ болѣзней въ Россіи. Съ другой стороны, его организаціонныя работы о пріютахъ для душевно-больныхъ послужили основаніемъ для новой эпохи усовершенствованія и устройства раціонально-организованныхъ заведеній, для умалишенныхъ въ Россіи. Такимъ образомъ, профессоръ Балинскій является замѣчательнымъ аутодидактомъ, въ самой трудной области врачебной науки. Въ 1860 году Иванъ Михайловичъ уже избранъ профессоромъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней и директоромъ психіатрической клиники. Въ 1859, 1860 и 1863 гг. профессоръ Балинскій путешествовалъ съ ученою цѣлью, по порученію правительства, заграницей и по нѣсколько мѣсяцевъ употребилъ на исполненіе своей научной миссіи.

Клиническія лекціи профессора Балинскаго были замѣчательны по своей ясности, глубинѣ и практической примѣнимости и онъ образовалъ цѣлую школу русскихъ психіатровъ, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли уже громкую извѣстность, какъ, напр.: лучшій ученикъ и преемникъ каѳедры его — профес. И. П. Мержеевскій. Хотя Ив. Мих. Балинскій не издалъ никакихъ отдѣльныхъ сочиненій, но многочисленныя работы его въ медицинскомъ совѣтѣ

и военно-медицинскомъ ученомъ комитетѣ, въ которыхъ онъ съ необыкновенною ясностью разбиралъ судебно-медицинскіе вопросы, относящіеся къ его спеціальности, могутъ служить образцами своего рода. Существуютъ его записки о помощи душевно-больнымъ и объ организаціи почти всѣхъ заведеній для умалишенныхъ въ нашемъ отечествѣ за послѣднія 30 лѣтъ. Теперь заслуженный профессоръ Балинскій состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Антонъ Яковлевичъ Красовскій.

Красовскій родился въ Слуцкѣ въ 1823 г.; окончивъ тамъ гимназическій курсъ, поступилъ въ 1843 г. въ мед.-хирург. академію, въ 1848 г. кончилъ курсъ и скоро былъ назначенъ ассистентомъ при гинекологической, акушерской и дѣтской клиникѣ. Ему принадлежитъ диссертація „Meletemata quaedam de ruptura uteri", затѣмъ въ „Другѣ здравія" имъ описанъ случай accouchement forcé, 3 случая rupturae uteri, 2 случая defecti uteri и de eclampsia sub graviditate. Въ 1854 г., въ бытность въ С.-Петербургѣ городскимъ акушеромъ, Красовскій назначенъ адъюнктъ-профес. по каѳедрѣ акушерства, гинекологіи и дѣтскихъ болѣзней, и отправился съ научною цѣлью за границу. Его клиническій отчетъ за 1849 по 1853 г. свидѣтельствуетъ объ его успѣхахъ въ научномъ и техническомъ направленіяхъ. Въ 1860 г. онъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора вышеупомянутой каѳедры. Въ 1862 г. онъ сдѣлалъ первую оваріотомію, вырѣзаніе яичника съ успѣхомъ, и его главная заслуга та, что онъ улучшивъ и значительно обезопасивъ эту важную операцію, обобщилъ ее у насъ черезъ своихъ учениковъ. Въ 1884 г. А. Я. Красовскій публиковалъ отчетъ о 128 оваріотоміяхъ. Его руководство по акушерству считается однимъ изъ лучшихъ; особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о ненормальностяхъ женскаго таза и объ антисептикѣ (обезараживающемъ способѣ). Теперь, т. е. въ 1891 г., А. Я. Красовскій состоитъ лейбъ-акушеромъ и директоромъ родовспомогательнаго заведенія, которое онъ устроилъ образцовымъ образомъ, съ интернатомъ для молодыхъ акушеровъ и школою повивальнаго искусства. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ (1891 г.) почетнымъ членомъ военно-медицинской академіи, совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и членомъ многихъ ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ, особенно по своей спеціальности.

„Яковъ Алексѣевичъ Чистовичъ.

Я. А. Чистовичъ родился въ 1820 году и изъ калужской семинаріи поступилъ въ 1839 г. въ м.-х. академію, гдѣ въ 1845 г. блистательно окончилъ курсъ. Въ 1848 г. онъ защитилъ диссертацію „de hepatitide". За годъ передъ тѣмъ, состоя полковымъ врачемъ въ Кальварѣ, вынесъ на своихъ плечахъ жестокую холерную эпидемію, и за успѣшные, самоотверженные труды свои получилъ благодарственный адресъ отъ мѣстныхъ жителей. Въ Петербургѣ, куда его перевели въ 1848 году, онъ, познакомившись съ Е. В. Пеликаномъ, принималъ участіе въ редакціи изданія „Друга здравія", а потомъ и „Военно-медицинскаго журнала"; при этомъ Чистовичъ выказалъ свою отличную литературную способность. Затѣмъ онъ перевелъ съ французскаго нѣкоторыя сочиненія Малыгеня, Бекереля, Будена, Нелатона и др., но главныя работы и заслуги Якова Алексѣевича относятся къ исторіи медицины въ Россіи, а именно „Русская медицина и врачи" („Другъ здравія" 1851, № 1).

Старинные русскіе лечебники и травники. „В.-М. Ж." 1852 г.

Біографія президента м.-х. академіи И. Б. Шлегеля, тамъ же.

Некрологъ Н. Ф. Арендта.

Первый медицинскій штатъ Смольнаго монастыря и фармацевтическія общества въ Россіи, въ „Отч. общ. русск. врачей". Историческій очеркъ медицинской журналистики въ Россіи, въ „Мед. Вѣстникѣ" за 1861 годъ. Россійскіе Архіятры, „Мед. кал." 1861 года. Мухинъ, Загорскій, В. Петровъ, Громовъ, Веланскій, Бушъ, Саломонъ, Арендтъ, Рюль, Буяльскій—въ „Русской Старинѣ" 1876 г., № 2.

Я. А. Чистовичъ, для своихъ историческихъ работъ, въ Архивахъ медиц. департамента и Св. Сунода, въ теченіи 9 лѣтъ собиралъ необходимые матеріалы.

Получивъ уже громкую извѣстность, онъ въ 1853 году былъ назначенъ орд. профессоромъ по каѳедрѣ гигіены, медиц. полиціи и судебной медицины, которую онъ съ пользою занималъ въ теченіи 17 лѣтъ. Пять лѣтъ онъ былъ секретаремъ, а затѣмъ до самой кончины своей предсѣдателемъ общества русскихъ врачей. Въ 1861 году онъ началъ издавать „Медицинскій Вѣстникъ", а въ 1866 г. открылась, учрежденная благодаря его энергіи, медицинская вспомогательная касса, которая теперь имѣетъ уже капиталъ въ 200,000 рублей. Этимъ полезнѣйшимъ учрежденіемъ онъ себѣ поставилъ вѣчный памятникъ. Отъ 1871 по 1875 годъ Чистовичъ былъ начальникомъ м.-х. академіи, которую онъ окончательно оста-

вилъ по непріятностямъ. Продолжая свои кабинетныя занятія и участвуя въ различныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: въ медицинскомъ совѣтѣ, военно-медиц. ученомъ комитетѣ, въ русскомъ обществѣ врачей и др., онъ въ 1883 г. издалъ свой капитальный историческій трудъ „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи", удостоенный премію отъ Императорской Академіи наукъ. Я. А. Чистовича постигла неожиданная, внезапная смерть въ ночь съ 18 на 19 октября 1885 года.

Иванъ Павловичъ Мержеевскій.

Мержеевскій родился въ 1839 году, въ Радомской губерніи, кончилъ курсъ врачебныхъ наукъ въ 1861 году въ медико-хирургической академіи, cum eximia laude, и оставленъ при академіи, въ числѣ 10 лучшихъ учениковъ ея, для подготовленія себя къ профессурѣ. Въ 1864 году выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и защитилъ диссертацію о клиническомъ изслѣдованіи неистовыхъ больныхъ. До 1876 г. состоялъ адъюнктомъ при клиникѣ душевныхъ больныхъ профессора Балинскаго. За это время совершилъ двѣ поѣздки за границу и занимался въ клиникахъ Шарко, Вестфаля, Траубе, у Дюшена Булонскаго и въ лабораторіяхъ Вирхова, Генле,—Claude Bernard'a и Брока. Въ 1877 году избранъ и назначенъ и. д. профессора по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней въ м.-х. академіи. И. П. Мержеевскій напечаталъ болѣе 30 ученыхъ работъ, изъ которыхъ главнѣйшія суть: Ueber Mikrocephalie, Recherches sur l'idiotisme.

Des lésions des parois ventriculaires dans la paralysie générale. 1878.

Sur les lésions cérébrales dans la paralysie progressive.

Hemiatrophia facéalis progressiva.

„Къ вопросу объ алкоголизмѣ и объ условіяхъ, благопріятствующихъ развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ Россіи 1887 г.".

Съ 1888 г. проф. Мержеевскій основалъ „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и нервной патологіи", котораго онъ главный редакторъ и сотрудникъ. Ученые труды профессора Мержеевскаго и блестящіе успѣхи его въ клиникѣ и частной практикѣ пріобрѣли ему громкую извѣстность. Онъ въ 1879 году былъ избранъ членомъ медицинскаго совѣта и состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. При этомъ онъ отличный коллега и пользуется уваженіемъ и любовью своихъ учениковъ и товарищей.

Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ.

Эйхвальдъ, сынъ знаменитаго профессора минералогіи и палеонтологіи, былъ спеціальнымъ и любимымъ моимъ ученикомъ и около трехъ лѣтъ лучшимъ моимъ ассистентомъ, при завѣдуемой мною отъ 1861 по 1863 годъ госпитальною клиникою. Съ отличною подготовкою и классическимъ образованіемъ, полученнымъ имъ въ Спб., въ прекрасной Анненской школѣ, Эдуардъ Эдуардовичъ соединялъ необыкновенную любознательность и высокій умъ, который, однако-же, имѣлъ скептическое и критическое направленіе, съ одной стороны охранявшее его отъ теоретическихъ увлеченій, съ другой стороны завлекавшее его въ горячіе научные споры и сдѣлавшее его почти постояннымъ оппонентомъ вновь появлявшихся научныхъ работъ; причемъ, конечно, онъ хотя часто, но не всегда былъ правъ. Этимъ оппозиціоннымъ духомъ Эйхвальдъ нажилъ себѣ много враговъ, которые усматривали въ немъ не желаніе всесторонняго разсмотрѣнія какого-либо научнаго вопроса, не стремленіе къ разъясненію истины, побуждавшія его къ горячимъ преніямъ и строгой критикѣ, но личное къ себѣ недоброжелательство и враждебное отношеніе.

Окончивъ курсъ съ золотою медалью въ 1859 г. и защитивъ свою прекрасную диссертацію „о коллоидномъ перерожденіи яичниковъ“, въ 1863 году, онъ отправленъ былъ отъ академіи за границу для усовершенствованія въ наукахъ, гдѣ преимущественно занимался подъ руководствомъ профессоровъ Шкоды и Оппольцера въ Вѣнѣ и Бамбергера въ Вюрцбургѣ. При чтеніи студентамъ нашей академіи курса практической діагностики и общей терапіи, Эйхвальдъ выказалъ свой блестящій преподавательскій талантъ. Въ 1875 году онъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и завѣдующаго сперва пропедевтическою, а затѣмъ и госпитальною клиникою. Въ 1878 году Эйхвальдъ участвовалъ въ противочумной комиссіи графа М. Т. Лориса-Меликова въ Ветлянкѣ.

Въ 1883 г. Э. Э. Эйхвальдъ оставилъ профессуру въ м.-х. академіи, получивъ почетное назначеніе на постъ медицинскаго инспектора въ заведеніяхъ Императрицы Маріи.

Но съ выходомъ его изъ академіи не прекратилась его столь полезная преподавательская дѣятельность. Его давно занимала мысль устройства высшаго и притомъ чисто-практическаго и благотворительнаго врачебнаго учрежденія, которая, наконецъ, осуществилось при энергическомъ его содѣйствіи и крупныхъ матеріяльныхъ

пожертвованіяхъ, открытіемъ 21 мая 1885 года Еленинскаго института, въ память великой княгини Елены Павловны, при которой онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ врачемъ. Въ этомъ прекрасномъ институтѣ онъ былъ первымъ по времени директоромъ и лучшимъ профессоромъ.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія этого замѣчательнаго учрежденія; привожу отрывокъ изъ вступительной рѣчи профессора Эйхвальда, сказанной имъ въ день открытія Еленинскаго института:

„Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ принадлежитъ смѣлая и новая мысль доставить раненымъ и больнымъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ полевыхъ лазаретахъ, ближайшихъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій, благодѣяніе женскаго ухода, что казалось невозможнымъ, при тогдашнихъ взглядахъ на военную дисциплину. Ея высочеству удалось склонить государя императора Николая Павловича къ допущенію такого неслыханнаго эксперимента. Великая княгиня обратилась съ воззваніемъ къ патріотизму русскихъ женщинъ и собственною рукою, въ клиникѣ Пирогова, наложила повязку на оперированнаго, съ цѣлью доказать, что оказаніе подобнаго рода помощи ближнему не можетъ имѣть ничего предосудительнаго. Возникла „Крестовоздвиженская Община“, первообразъ всѣхъ русскихъ сестеръ милосердія, первыхъ сестеръ которой Пироговъ наставлялъ въ Севастополѣ въ 1854 году подъ пушечными выстрѣлами. Благотворная дѣятельность этихъ самоотверженныхъ женщинъ во время Крымской кампаніи всѣмъ извѣстна. Еще до основанія Крестовоздвиженской общины, великая княгиня основала первую амбулаторію въ нашей столицѣ, Максимиліановскую лечебницу, въ которой принимали больныхъ извѣстнѣйшіе врачи столицы и, между прочимъ, по такимъ спеціальностямъ, которыя тогда не имѣли еще своихъ представителей даже въ м.-х. академіи, напр. по ушнымъ и гортаннымъ болѣзнямъ, по электротерапіи—и проч. Во время Крымской кампаніи великая княгиня Елена Павловна учредила на собственное иждивеніе, при Максимиліановской лечебницѣ, особое отдѣленіе, для безплатнаго пользованія раненыхъ офицеровъ. Такая же амбулаторія, съ нѣсколькими постоянными кроватями исключительно для бѣднѣйшаго населенія столицы, организовалась подъ эгидою ея высочества и въ Крестовоздвиженской общинѣ.

Когда число амбулантовъ возросло въ Максимиліановской лечебницѣ до 40 тысячъ, а въ крестовоздвиженской общинѣ до 100 тысячъ въ годъ, великая княгиня одобрила мысль проф. Эйхвальда воспользоваться этимъ обширнымъ поликлиническимъ матеріаломъ на пользу преподаванія и учредить одно обширное высшее врачебное заведеніе съ безплатными и платными кроватями для больныхъ и чтеніемъ курсовъ, по всѣмъ спеціальностямъ медицины, какъ для врачей, такъ и для студентовъ высшихъ курсовъ м.-х. академіи“.

Такъ возникъ Еленинскій институтъ, который теперь состоитъ подъ высокимъ покровительствомъ августѣйшей дочери великой княгини Елены Павловны, ея императорскаго высочества госу-

дарыни великой княгини Екатерины Михаиловны. На Еленинскомъ институтѣ профессоръ Эйхвальдъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность, отказавшись даже отъ почетной должности врачебнаго инспектора заведеній Императрицы Маріи, и остался вѣренъ ему до самой своей кончины, послѣдовавшей 2 ноября 1889 г., оставаясь при этомъ членомъ медицинскаго совѣта и военно-медицинскаго ученаго комитета, куда онъ былъ избранъ за нѣсколько лѣтъ до того.

Кромѣ своей диссертаціи, проф. Э. Э. Эйхвальдъ оставилъ нѣсколько ученыхъ работъ: Ueber das Wesen der Stenocardie und ihr Verhältniss zur Subparalyse des Herzens. Würzburg, 1863.

Die eiweissartigen Stoffe der Blutflüssigkeit und des Herzbeutelwassers.

Общую терапію, въ двухъ изданіяхъ 1872 г.

Къ вопросу объ уменьшеніи смертности въ Россіи 1887—1888 гг.

Наконецъ, было еще нѣсколько статей, въ основанномъ имъ, совмѣстно съ профессоромъ Ландцертомъ и докторомъ Шмулевичемъ, изданіи „Труды по анатоміи, физіологіи и клинической медицинѣ“ — и нѣсколько полемическихъ статей, упомянутыхъ въ его некрологѣ. Профессоръ Эйхвальдъ былъ не только моимъ ученикомъ въ мед.-хирургич. академіи, но и моимъ ассистентомъ при госпитальной клиникѣ, а впослѣдствіи моимъ преемникомъ по каѳедрѣ общей терапіи и діагностикѣ, а затѣмъ и госпитальной клиникѣ, при которой онъ, послѣ моего выхода изъ академіи, т. е. съ 1863 года, состоялъ ассистентомъ у профессора Экка.

Викторъ Вильбальдовичъ Бессеръ.

Какъ пансіонеръ Я. В. Виліе, Бессеръ сперва кончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета, а потомъ уже докторомъ по медицинскому факультету московскаго университета. Это давало ему значительный перевѣсъ въ сравненіи съ своими товарищами, въ общемъ образованіи. Находясь сначала нѣсколько времени консультантомъ по внутреннимъ болѣзнямъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, В. В. былъ прикомандированъ, въ качествѣ сверхштатнаго профессора и моего помощника къ пропедевтической клиникѣ при мед.-хирург. академіи, и послѣ моего выхода изъ академіи занялъ эту каѳедру. Профессоръ Бессеръ былъ отлично образованный и весьма популярный практическій врачъ и поэтому по своей каѳедрѣ отмѣнно полезный профессоръ.

По выходѣ пр. Бессера изъ академіи, его каѳедру занялъ профессоръ Эйхвальдъ, а В. В., до своей внезапной кончины, послѣдовавшей 15 апрѣля 1890 г., состоялъ однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ военно-медицинскаго ученаго комитета, а также членомъ редакціонной комиссіи по „Военно-Медицинскому Журналу".

Юлій Карловичъ Траппъ.

Ю. К. Траппъ родился въ 1814 году въ городѣ Маріамполѣ (въ Царствѣ Польскомъ), получилъ образованіе въ городѣ Тильзитѣ, въ Пруссіи, гдѣ окончилъ гимназическій курсъ. Тамъ-же изучалъ практическую фармацію въ продолженіе четырехъ лѣтъ и держалъ экзаменъ на степень аптекарскаго помощника въ 1836 году. Затѣмъ повторилъ экзаменъ въ Варшавѣ, гдѣ посѣщалъ фармацевтическую школу.

Въ 1839 г. Ю. К. Траппъ поступилъ въ медико-хирургическую академію въ С.-Петербургѣ, гдѣ окончилъ фармацевтическое образованіе и держалъ экзаменъ на магистра фармаціи. На службу поступилъ въ 1849 году адъюнктъ-лаборантомъ химіи и фармаціи и состоялъ при проф. Нечаевѣ. Въ 1847 году выдержалъ экзаменъ на адъюнктъ-профессора, а въ 1856 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ фармаціи, которую должность добросовѣстно исполнялъ по 1879 годъ, съ отмѣнною пользою для своихъ слушателей.

Профессоръ Траппъ, кромѣ обширныхъ знаній по своей спеціальности, отличный химикъ и основательно знаетъ латинскій языкъ, что, какъ извѣстно, большая рѣдкость даже между ученѣйшими фармацевтами (genitivus pharmaceuticus); въ 1858 году онъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта, а въ 1861 г. членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Въ 1857 г. Ю. К. Траппъ назначенъ членомъ ревизіонной комиссіи придворной Его Величества аптеки. Въ 1863 г. Кенигсбергскій университетъ, за ученые труды Ю. К. по фармацевтическимъ наукамъ, призналъ его докторомъ естественныхъ наукъ. Въ 1868 г. онъ признанъ академикомъ м.-х. академіи; въ 1873 году признанъ заслуженнымъ профессоромъ. Въ 1877 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Профессоръ Траппъ издалъ слѣдующіе труды: 1) Химическое изслѣдованіе Невской воды, а также Ладожскаго озера и трехъ каналовъ Петербурга, 1847 года. 2) Соединеніе хлора съ іодомъ, 1854 г. 3) Алдегидъ масла Cicutae virosae, 1858 г. 4) Руководство къ фармакогнозіи, 1858 г. 5) Первыя пособія при отравленіи и

химич. изслѣдованіе ядовъ, 1863 года. 6) О свинцовыхъ водопроводахъ, 1864 г. 7) Военная фармакопея, 1864 г. 8) Россійская фармакопея, 1866 г. 9) Руководство къ фармакогнозіи, 2-е изд., 2 тома, 1868 г. 10) Изслѣдованіе эфирнаго масла Ledi palustris, 1869 г. 11) Морская фармакопея, 1869 г. 12) Россійская фармакопея, II изд., 1870 г. 13) Придворная фармакопея, 1871 г. 14) Руководство для изслѣдованія ядовъ, 1876 г. 15) Рецептура, 1876 г. 16) Россійская фармакопея, 3-е изд., 1880 г. 17) Рецептура, 2-е изд., 1880 года. 18) Карманная фармакопея, 1881 г. 19) Фармакогнозія, 3-е изд., 1882 г. 20) Фармацевт. химія, 1883 г. 21) Съ 1885 г. по настоящее время готовится 4-е изданіе Россійской фармакопеи.

Ю. К. Траппъ состоитъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ слѣдующихъ обществъ: русскихъ врачей, варшавскихъ врачей, плоцкихъ, виленскихъ и гельсингфоргскихъ врач., петербургскаго фармацевтическаго общества, а также московскаго, кіевскаго, одесскаго, варшавскаго, казанскаго и рижскаго почетнымъ членомъ. Берлинскаго, вѣнскаго, парижскаго, лондонскаго, копенгагенскаго и другихъ фармацевтическихъ обществъ почетнымъ членомъ.

Ученыя заслуги Ю. К. Траппа, его честный и безкорыстный характеръ пріобрѣли ему общее уваженіе и были оцѣнены правительствомъ по достоинству. Онъ достигъ апогея тѣхъ отличій, которыми еще никогда не былъ почтенъ ни одинъ фармацевтъ: Ю. К. Траппъ—тайный совѣтникъ и александровскій кавалеръ.

Алексѣй Петровичъ Доброславинъ.

Хотя А. П. Доброславинъ кончилъ курсъ въ медико-хирур. академіи уже послѣ моего выхода изъ нея, но я о немъ здѣсь упоминаю, потому что онъ былъ одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ профессоровъ нашей академіи, въ которой онъ читалъ полный курсъ гигіены съ профессіональнымъ и военнымъ отдѣлами ея, управлялъ лабораторіею, для санитарныхъ аналитическихъ изслѣдованій, былъ затѣмъ, въ теченіи девяти лѣтъ, ученымъ секретаремъ въ медико-хирург. академіи, но и потому еще, что онъ былъ главнымъ сподвижникомъ и помощникомъ моимъ, при организаціи „русскаго общества охраненія народнаго здравія“, въ которой онъ былъ до самой кончины своей, послѣдовавшей 4 декабря 1889 г., предсѣдателемъ самой важной секціи, то есть собственно гигіенической секціи нашего общества. Въ то-же самое время Алексѣй Петровичъ успѣвалъ быть дѣятельнымъ врачебнымъ инспекторомъ тюремныхъ учрежденій

имперіи и однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ военно-медицинскаго ученаго комитета, а также участвовалъ въ трудахъ С.-Пб. земства.

А. П. Доброславинъ, кромѣ весьма цѣнныхъ работъ, которыя перечислены въ недавно вышедшей, съ его портретомъ, біографіи, составилъ прекрасное руководство по гигіенѣ, подъ заглавіемъ „Курсъ общественнаго здравохраненія", въ 2-хъ томахъ, съ рисунками, имѣвшаго въ теченіи четырехъ лѣтъ два изданія, и весьма подробный „Курсъ военной гигіены", также въ двухъ частяхъ. Сверхъ того, 95 докторскихъ диссертацій, для которыхъ матеріалы собраны въ его гигіенической лабораторіи, и 55 работъ, составленныхъ тамъ-же, подъ его руководствомъ, свидѣтельствуютъ какъ о большой его популярности между студентами и медиками, такъ и объ изумительной его дѣятельности.

Еще слѣдуетъ упомянуть здѣсь о двухъ профессорахъ естественникахъ, по каѳедрѣ ботаники, отличавшихся высоко научнымъ направленіемъ, изъ которыхъ первый, А. С. Фаминцынъ, бывшій при мнѣ короткое время профессоромъ, теперь (1891 г.) весьма извѣстный по своей спеціальности членъ императорской академіи наукъ. Второй нынѣ еще членъ медицинскаго совѣта К. Е. Мерклинъ.

Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ.

А. С. Фаминцынъ прошелъ курсъ наукъ третьей петербургской гимназіи, а затѣмъ въ 1853 году поступилъ на физико-математическій факультетъ с.-петерб. университета, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1857 г. Въ медико-хирургической академіи А. С. читалъ ботаническія лекціи только одинъ (1860) годъ; оставивъ затѣмъ каѳедру ботаники, частью по разстроенному здоровью, частью для продолженія своихъ многочисленныхъ ученыхъ работъ, которыхъ имъ издано до 40, а также для занятія каѳедры ботаники въ с.-петерб. университетѣ.

Ученые труды профес. Фаминцына вскорѣ обратили на него справедливое вниманіе академіи наукъ.

Въ 1878 году онъ удостоился избранія въ адъюнкты академіи, при этомъ имѣлось въ виду весьма важное изученіе имъ (впервые) вліянія искуственнаго свѣта и при томъ пропущеннаго сквозь окрашенную жидкость на растительность. Затѣмъ А. С. трудился надъ исторіею развитія низшихъ тайнобрачныхъ, культивируя ихъ по особенному методу, и издалъ мемуаръ о развитіи грибовъ рода Ceratium. Въ 1883 году послѣдовало представленіе

А. С. Фаминцына въ экстра-ординарные академики, при чемъ имѣлись въ виду: замѣчательная работа его появившаяся въ бюлетенѣ академіи: „Die Zerlegung der Kohlensäure durch Pflanzen- bei künstlicher Beleuchtung“ и другая „die Wirkung der Intensität des Lichts auf die Kohlensaeurezersetzung durch Pflanzen“. Вполнѣ достойны вниманія также его „Embryologische Studien“ и весьма объемистое его сочиненіе, надъ которымъ онъ трудился около 10 лѣтъ: „Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ“. Наконецъ, какъ видно изъ протоколовъ физико-математическаго отдѣленія, послѣдовало 16 января 1891 года предложеніе А. С. Фаминцына на вновь учрежденную должность ординарнаго академика по физіологіи и анатоміи растеній, имѣя при этомъ въ виду слѣдующіе его труды: Ueber Knospenbildung der Phanerogamen“, 1887. Учебникъ физіологіи растеній, составляющій капитальный вкладъ въ научную литературу. „Beitrag zur Symbiose von Algen und Thieren“ и разработка вопроса „О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ“. Всѣ эти работы подробно разобраны въ вышеупомянутомъ протоколѣ.

А. С. Фаминцынъ состоитъ почетнымъ непремѣннымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Карлъ Евгеніевичъ Мерклинъ.

Мерклинъ родился въ Ригѣ, 7-го апрѣля 1821 года, получилъ первое образованіе въ тамошней классической гимназіи, а оттуда, въ 1839 году, поступилъ въ дерптскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ физико-математическомъ факультетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Занимался предпочтительно ботаникою за границею, въ Парижѣ у Жюссье и Броньяра, въ Іенѣ у Шлейдена; въ 1847 году читалъ лекціи по анатоміи и физіологіи растеній въ офицерскихъ классахъ Лѣснаго института, а затѣмъ и въ другихъ классахъ до 1865 г., т. е. до времени его перевода въ Москву. Въ 1848 г. К. Е. былъ опредѣленъ физіологомъ императ. с.-петерб. ботаническаго сада. Въ 1864 г. избранъ ординарнымъ профес. мед.-хирург. академіи по каѳедрѣ ботаники, гдѣ онъ впослѣдствіи читалъ лекціи и на женскихъ медицинскихъ курсахъ. Въ 1878 г. онъ оставилъ свою профессуру въ званіи академика.

Одновременно К. Е. состоялъ экспертомъ по части естественныхъ наукъ и микроскопіи въ медицинскомъ департаментѣ мин. внутрен. дѣлъ и исполнялъ эту трудную должность весьма добро-

совѣстно слишкомъ 30 лѣтъ. Въ 1862 г. онъ былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта, а въ 1864 г. членомъ кореспондентомъ императорской академіи наукъ; наконецъ, въ 1877 г., назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медиц. ученаго комитета. Въ этихъ должностяхъ профессоръ Мерклинъ находится и въ настоящее время, состоя на государственной службѣ 43 г.

Изъ научныхъ работъ К. Е. Мерклина по анатоміи и физіологіи растеній, дендрологіи, фито-палеонтологіи и микроскопіи, приводимъ слѣдующія: 1) Zur Entwickelungsgeschichte der Blattgestalten. Jena, 1846. 2) Zur Entwickelungsgeschichte der Farrenkraeuter. St.-Petersburg, 1850. 3) Palaeodendrologikon Rossicum, St. Pbg., 1885, удостоено Демидовской преміи отъ акад. наукъ. 4) Публичныя лекціи о внутренномъ строеніи и жизни растеній, 1855 — 1856 гг. 5) Анатомія коры и древесины лѣсныхъ деревъ Россіи. Спб., 1857 г. 6) Наставленіе объ изслѣдованіи подозрительныхъ пятенъ, для врачей и юристовъ; имѣло два изданія и переведено на нѣмецкій языкъ.

Профессоръ Мерклинъ тайн. сов. и состоитъ (1891 г.) почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

IV.

Обращаясь къ моей дальнѣйшей дѣятельности въ мед.-хир. академіи, я буду по возможности кратокъ, считая болѣе важнымъ указаніе на способъ изученія примѣненія діагностической техники къ распознаванію болѣзней, нежели дальнѣйшую мою дѣятельность. Въ пропедевтической клиникѣ я имѣлъ случай многимъ изъ выдающихся учениковъ своихъ быть полезнымъ, указывая имъ на собственныя ошибки и заблужденія, которымъ подвергался, пока дошелъ до извѣстной увѣренности въ распознаваніи болѣзней. Я тогда написалъ монографію о распознаваніи болѣзней сердца и клинической отчетъ за 1844—45 гг. Въ моихъ лекціяхъ изъ общей патологіи я держался лучшихъ авторовъ того времени; но безъ экспериментальнаго направленія, въ послѣднемъ семестрѣ, передъ переходомъ моимъ на каѳедру госпитальной клиники я познакомилъ слушателей своихъ съ тогда только что появившеюся „целлулярною патологіею Вирхова. Въ своихъ лекціяхъ изъ общей терапіи передавая общіе способы леченія, я особенно оттѣнялъ тѣ средства, входящія въ ихъ составъ, которыхъ несомнѣнную дѣйствительность я самъ неоднократно испытывалъ. Въ госпитальной клиникѣ я ввелъ молочное

леченіе въ болѣзняхъ сердца и водянкѣ, придумалъ и описалъ теперь общепринятый вѣрный способъ остановленія кровотеченія изъ легкихъ, посредствомъ вдыханія распыленнаго 2,5% раствора двупятихлористаго желѣза, и всѣхъ хроническихъ больныхъ, которые могли ходить, превращалъ въ амбулантовъ, на томъ основаніи, что они отъ госпитальнаго воздуха и госпитальной скуки большею частью хирѣли и гибли, а при этомъ режимѣ, подобно хроникамъ въ частной практикѣ, нерѣдко поправлялись.

Будучи часто приглашаемъ для врачебныхъ совѣтовъ особами царской фамиліи, я 31 декабря 1860 года удостоенъ званія лейбъ-медика консультанта; обязанности моей придворной службы нерѣдко отвлекали меня отъ академическихъ занятій, поэтому я, въ концѣ 1863 года, оставилъ профессуру въ академіи, удостоившись избранія въ ея почетные члены.

Впослѣдствіи избравъ любимымъ предметомъ гигіену, я на ней сосредоточилъ всю свою дѣятельность и мнѣ удалось при содѣйствіи нѣсколькихъ равномыслящихъ лицъ, въ январѣ 1878 г., создать „Русское общество охраненія народнаго здравія". Исполняя послѣдовательно должность академическаго профессора (23 года), высокую и отвѣтственную обязанность наблюденія за здоровіемъ августѣйшихъ сыновей Царя-освободителя (10 лѣтъ) и предсѣдателя медицинскаго совѣта (5 лѣтъ), я всегда имѣлъ въ виду во-время сложить съ себя эти высокія и отвѣтственныя должности, не дожидаясь того времени, когда уже физическая и умственная несостоятельность потребовали-бы этого. По той же причинѣ я и частную практику оставилъ уже лѣтъ десять тому назадъ.

Теперь я сохранилъ за собою почетное званіе лейбъ-медика консультанта, высочайше дарованное мнѣ 30 лѣтъ тому назадъ, и уступивъ желанію членовъ общаго собранія русскаго общества охраненія народнаго здравія, остался его предсѣдателемъ еще на одно трехлѣтіе. Затѣмъ принимаю посильное участіе въ занятіяхъ медицинскаго совѣта и военно-медиц. ученаго комитета, избравшихъ меня своимъ почетнымъ членомъ.

Ѳедоръ Павловичъ Ландцертъ.

При мнѣ состояли прозекторами въ м.-х. академіи: при каѳедрѣ описательной анатоміи Ѳедоръ Павловичъ Ландцертъ, который уже послѣ моего выхода изъ академіи былъ извѣстнымъ проф. анатоміи въ м.-х. академіи, а также читалъ лекціи изъ анатоміи, приспособленной для слушателей академіи художествъ, съ тѣмъ бо̀льшимъ успѣхомъ, что

самъ отлично рисовалъ. Ѳедоръ Павловичъ былъ сынъ пастора въ Вѣлостровѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ Петропавловскомъ училищѣ, онъ поступилъ въ м.-х. академію, гдѣ еще студентомъ спеціально занимался анатоміей у проф. В. Л. Грубера, котораго онъ тогда былъ любимымъ ученикомъ. Прослуживъ нѣкоторое время военнымъ врачемъ, онъ получилъ каѳедру анатоміи въ академіи. Какъ лекторъ онъ пользовался вполнѣ заслуженною славою. Одно время онъ былъ и ученымъ секретаремъ академіи. На женскихъ врачебныхъ курсахъ онъ же преподавалъ анатомію. Изъ ученыхъ трудовъ его можно указать на его диссертацію „о леченіи аневризмъ прижатіемъ“, на начатый, но къ сожалѣнію прерванный преждевременною смертью его, послѣдовавшею 29 сент. 1889 г., курсъ анатоміи и на составленный совмѣстно съ проф. Эйхвальдомъ I томъ Сборника трудовъ. Странно, что проф. Груберъ сталъ относиться враждебно къ талантливому ученику своему, по мѣрѣ возрастанія его научной славы и извѣстности.

Карлъ Федоровичъ Гепнеръ.

Гепнеръ, бывъ прозекторомъ по каѳедрѣ практической анатоміи, впослѣдствіи сдѣлавшійся однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ военно-полевыхъ хирурговъ. Хотя д-ръ Гепнеръ не занималъ впослѣдствіи академической каѳедры, но безспорно былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ хирурговъ, тѣмъ болѣе, что въ основаніи его искусства лежали глубокія и точнѣйшія анатомо-топографическія знанія. Преждевременная смерть прервала его полезную дѣятельность.

Петръ Петровичъ Лесгафтъ.

П. П. Лесгафтъ окончилъ курсъ въ мед.-хирург. академіи съ званіемъ лекаря съ отличіемъ и награжденъ серебряною медалью 10 іюня 1861 г.; онъ былъ также, какъ и Ландцертъ, ученикомъ Пирогова и Грубера, а затѣмъ у послѣдняго ассистентомъ до1867 г. и прозекторомъ по каѳедрѣ практической анатоміи, до 1869 г. Въ 1865 г. защитилъ свою диссертацію „Объ отношеніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки и прибавочныхъ слоевъ заднепроходно-предстательной области у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Спб. 1865 г., съ 2 рисунками“. Удостоенъ званія д-ра медицины, а въ 1868 году утвержденъ въ степени д-ра медицины и хирургіи.

Въ 1869 году приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи казанскаго университета, гдѣ оставался до 14 октября 1871 г. Въ 1878 г. утвержденъ прозекторомъ въ мед.-хирургич. академіи, гдѣ продолжалъ свою отмѣнно полезную дѣятельность до 11 ноября 1884 года. Съ 19 сентября 1886 года допущенъ, въ званіи приватъ-доцента, къ чтенію анатоміи человѣка въ спб. университетѣ, гдѣ состоитъ въ этомъ званіи до настоящаго времени. Профес. Лесгафтъ состоитъ почетнымъ, непремѣннымъ и дѣйствительнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ.

Имъ изданы 56 ученыхъ трудовъ, бо́льшею частію анатомико-топограф. и анатомо-физіологическаго содержанія (20), затѣмъ по антропологическимъ вопросамъ (10), анатомо-паталогическимъ (5) и цѣлый рядъ весьма практическихъ и ученыхъ работъ, относящихся къ педагогіи и школьному вопросу, напр. 4 лекціи объ отношеніи анатоміи къ воспитанію, 1876 г. Матеріалъ для изученія школьнаго возраста, 1879 г. Физическое развитіе въ школахъ, 1880 г. Объ играхъ и физическомъ воспитаніи въ школахъ, 1882 г. Школьные типы, антропологическій этюдъ, 2 изд., 1886 г. Объ антропометрическихъ измѣреніяхъ, 1885 г. О задачахъ физическаго воспитанія, 1887 г. Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, 1888 г. Наслѣдственность, 1889 г. О задачахъ физическаго образованія въ профессіональныхъ школахъ, 1890 г. О характерѣ изученія естественныхъ наукъ въ высшей школѣ. Дневникъ VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей, 1890 г. О преподаваніи естественныхъ наукъ въ школѣ, 1891 г. Мы перечислили эти работы профессора Лесгафта, изъ ряда многихъ другихъ его трудовъ, потому, что онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія министерства народнаго просвѣщенія и крайне желательно было бы, дабы министерство озаботилось по возможности о совокупномъ изданіи ихъ въ видѣ сборника его педагогическихъ работъ.

Профессоромъ Лесгафтомъ, сверхъ того, изданы: Анатомія Гиртля съ рисунками и собственными прибавленіями, 2 части. Хир. анат. Рише и общая анатомія органовъ движенія, 1885—86 гг. Подъ его руководствомъ произведены 24 ученыя работы молодыми врачами, большею частью анатомическаго содержанія.

Я долженъ здѣсь упомянуть еще объ Александрѣ Ивановичѣ Таранецкомъ, одномъ изъ лучшихъ учениковъ профессора Грубера, который, послѣ моего выхода, занялъ каѳедру анатоміи въ медицинской академіи, нынѣ состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Его полезная дѣятельность принадлежитъ эпохѣ современнаго развитія нашей академіи.

Тимофей Степановичъ Ильинскій.

Это былъ первымъ самостоятельнымъ преподавателемъ паталогической анатоміи въ нашей академіи. Этотъ добросовѣстный, скромный и честный преподаватель принесъ академіи большую пользу и въ лицѣ профессора Руднева образовалъ талантливаго ученика, который впослѣдствіи занялъ его каѳедру и нѣсколько лѣтъ былъ ученымъ секретаремъ академіи. Отлично подготовленный, Рудневъ скоро пріобрѣлъ авторитетное значеніе по своей спеціальности и еще въ сравнительно молодыхъ лѣтахъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, а затѣмъ ученымъ секретаремъ м.-х. академіи и совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Къ сожалѣнію этотъ талантливый преподаватель преждевременно погибъ отъ размягченія мозга, успѣвъ, однако-же, образовать себѣ достойнаго преемника въ лицѣ профессора Н. П. Ивановскаго, который послѣ него занялъ каѳедру паталогической анатоміи, былъ также ученымъ секретаремъ въ академіи и нынѣ (1891 г.) состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта.

Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ.

При мнѣ былъ въ м.-х. академіи библіотекаремъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ; но при этомъ онъ не довольствовался внѣшнимъ порядкомъ академическаго книгохранилища и исправнымъ содержаніемъ каталоговъ, но съ жадностью прочитывалъ все выдающееся во врачебной литературѣ, составивъ обширные каталоги съ краткимъ содержаніемъ главнѣйшихъ сочиненій. Эта начитанность впослѣдствіи весьма пригодилась, когда онъ, уже послѣ моего выхода изъ академіи, получивъ клиническую профессуру, сдѣлался однимъ изъ ученѣйшихъ профессоровъ въ нашей академіи и основателемъ медицинскаго журнала „Врачъ“, по моему мнѣнію лучшей изъ нашихъ врачебныхъ газетъ.

Доцентами въ мое время были изъ болѣе выдающихся:

Ѳедоръ Николаевичъ Заварыкинъ, нынѣ извѣстный профессоръ гистологіи и эмбріологіи.

Иванъ Максимовичъ Сорокинъ, нынѣ профессоръ судебной медицины.

Эдуардъ Карловичъ Брандтъ, нынѣ (1891 г.) профессоръ зоологіи и сравнительной анатоміи. Уже послѣ меня, но также изъ нашей академіи, были преподавателями: Кронидъ Ѳедоров. Славянскій,

нынѣ проф. акушерства и гинекологіи, и Алексѣй Герасим. Полотебновъ—завѣдующій клиникою накожныхъ болѣзней.

Сверхъ того, въ мое время, за годъ до моего выхода изъ числа профессоровъ академіи, въ нее поступили изъ московскаго университета, по приглашенію президента академіи П. А. Дубовицкаго, Сергѣй Петровичъ Боткинъ, столь извѣстный впослѣдствіи клинической профессоръ и лейбъ-медикъ, образовавшій многочисленную школу русскихъ врачей.

Эдуардъ Эдуардовичъ Юнге, занявшій новую каѳедру офтальмологіи и глазной клиники.

Ив. Март. Якубовичъ, по каѳедрѣ гистологіи и физіологіи, и Беккерсъ, по хирургіи.

Профессоръ Ив. Михайлов. Сѣченовъ, извѣстнѣйшій физіологъ, также поступилъ тогда на академическую каѳедру.

Исторія болѣе или менѣе выдающейся дѣятельности упомянутыхъ преподавателей академіи принадлежитъ уже не моему времени и объемлетъ собою третью эпоху преобразованія, т. е. современное состояніе нашей медико-хирургической академіи.

P. S. Вотъ двѣ три строки еще о тѣхъ, о которыхъ я упустилъ сказать выше въ своемъ мѣстѣ.

Викторъ Васильевичъ Пашутинъ, хотя уже послѣ моего выхода былъ профессоромъ въ военно-медицинской академіи и не изъ воспитанниковъ ея, но я о немъ здѣсь упоминаю потому, что онъ въ академіи занималъ отдѣльную каѳедру общей патологіи, которая была прежде соединена съ общею терапіею и пропедевтическою клиникою въ одну каѳедру, которую я занималъ въ теченіи 13 лѣтъ. Лекціи профессора Пашутина были гораздо полезнѣе и наглядиѣе моихъ, потому что они сопровождались демонстраціями и опытами надъ животными. Онъ же унаслѣдовалъ послѣ меня предсѣдательское мѣсто въ медицинскомъ совѣтѣ.

Равнымъ образомъ, считаю долгомъ упомянуть о Николаѣ Иларіоновичѣ Козловѣ (см. выше стр. 127), бывшемъ кіевскомъ профессорѣ и впослѣдствіи весьма извѣстномъ военно-медицинскомъ администраторѣ.

Заслуженный профессоръ и поч. членъ медико-хирургической академіи.

Николай Ѳед. Здекауеръ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1864 г. [1]).

Май 5. Вторникъ. Нанята дача въ Павловскѣ у генерала Мердера. Вчера и задатку дано пятьдесятъ рублей. За лѣто двѣсти пятьдесятъ съ мебелью, которая, впрочемъ, очень неблестяща.

Празднованіе столѣтняго юбилея Смольнаго монастыря. Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ пригласительный билетъ. Въ 9 часовъ утра отправился я въ соборъ. Въ церкви у барьера стояла кучка старухъ, кажется, изъ богадѣльнаго дома. За барьеромъ были нынѣшнія воспитанницы и около нихъ суетилось нѣсколько чиновниковъ. Принцъ (Ольденбургскій) былъ уже здѣсь. Онъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновенною своею любезностью, спросилъ сколько времени служилъ я въ Смольномъ монастырѣ и исправно-ли посѣщаютъ лекціи студенты университета. Церковь вскорѣ начала наполняться бывшими воспитанницами и сановниками. Между тѣми и другими я встрѣтилъ много знакомыхъ. Обѣдню служилъ митрополитъ; пѣли

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166.

придворные пѣвчіе. Какъ хороша эта церковь! Немного подобныхъ ей по величію, простотѣ и легкости архитектуры. Къ молебну пріѣхали государь, государыня и все императорское семейство. Крытая полотняная галлерея соединяла на этотъ разъ соборъ съ самымъ зданіемъ Смольнаго монастыря: черезъ нее-то и прошли всѣ приглашенные въ безконечные монастырскіе корридоры, которые привели ихъ въ парадную залу. Въ верхнемъ корридорѣ по обѣимъ сторонамъ въ два ряда стояли воспитанницы, какъ-бы образуя живую изгородь изъ свѣжихъ молодыхъ и оживленныхъ лицъ: это было очень эфектно. Въ залѣ противъ входа осѣненная густою зеленью статуя Екатерины II, а на всемъ пространствѣ залы накрытые столы для завтрака. Мѣста за всѣми столами заняли женщины, кромѣ одного, назначеннаго для приглашенныхъ и сановниковъ, между которыми пришлось и мнѣ, маленькому темненькому человѣку, занять мѣсто между сановнѣйшимъ мужемъ Языковымъ, директоромъ училища правовѣдѣнія, и министромъ юстиціи Замятнинымъ.

Такъ какъ это по преимуществу былъ женскій праздникъ—праздникъ русской образованной женщины, къ которой у меня вообще лежитъ сердце, больше чѣмъ къ нашему, такъ называемому, образованному мужчинѣ, то я и устремилъ все мое вниманіе на эти волны женскихъ головъ, заливших всю залу. Какое разнообразіе лицъ и возрастовъ! Тутъ рядомъ съ цвѣтущею юностью послѣднихъ выпусковъ помѣщались развалины начала нынѣшняго столѣтія, которыя тоже когда-то цвѣли юностью. Говорятъ, сохранилась одна дама ста четырехъ лѣтъ изъ перваго выпуска. Но, конечно, ея здѣсь не было. Тутъ мелькали и мнѣ знакомыя милыя головки, лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ блиставшія прелестью и упоеніемъ молодой расцвѣтающей жизни и теперь—увы!—увядающія, полуувядшія или совсѣмъ увядшія, что краснорѣчиво говоритъ и о моемъ собственномъ увяданіи. И сколько изъ нихъ увяло и увядаетъ въ нуждѣ подъ гнетомъ разныхъ житейскихъ невзгодъ и бурь! Многія, увидѣвъ меня, посылали мнѣ свои привѣтливые поклоны и улыбки устъ, на которыхъ мрачно лежала грустная печать времени. Мужчины тотчасъ сѣли за столъ и накинулись было на блюда съ пирогами, котлетами и пр., но явился какой-то каммергеръ и объявилъ, что надобно подождать государя. Всѣ встали

и начали ожидать. Минутъ черезъ двадцать явился государь, ведя подъ руку императрицу, а за ними слѣдовали великіе князья и чины двора. Заиграла музыка. Государь раскланялся съ обычной своей привѣтливостью, потомъ сѣлъ за столъ, чему послѣдовали и всѣ другіе—и началось набиваніе чрева. Признаюсь, мнѣ въ этихъ случаяхъ всегда бываетъ какъ-то совѣстно. Не успѣлъ еще я осмотрѣться, какъ мой сосѣдъ Языковъ, нагрузивъ свою тарелку, любезно началъ нагружать котлетами и мою. Явились бокалы съ шампанскимъ: провозгласили первый тостъ за государя, и прелестные женскіе голоса запѣли „Боже, Царя храни!“ Всѣ встали—минута была торжественная. Подняли второй бокалъ въ память Екатерины: тѣ-же голоса запѣли какой то гимнъ съ припѣвомъ извѣстнаго польскаго: „Славься симъ, Екатерина, славься, нѣжная къ намъ мать“. Это было трогательно почти до слезъ. Но вотъ пѣніе кончилось, опять всѣ усѣлись и принялись за желудочныя дѣла. Завтракъ былъ обильный; вина хорошія и щедро отпущенныя. Все это изъ дворца. Служили придворные лакеи.

По окончаніи завтрака государь скоро уѣхалъ со всѣмъ семействомъ. Мы разсыпались по залу. Тутъ я безпрестанно встрѣчался съ моими прежними ученицами, привѣтствуемый ихъ дружелюбными воспоминаніями. Помимо этихъ встрѣчъ была еще интересна моя встрѣча съ А. С. Норовымъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и по-прежнему осыпалъ меня изъявленіями своей дружбы и всевозможными ласками. Мнѣ даже показалось—или я былъ такъ настроенъ—что въ этихъ изъявленіяхъ звучала нота искренности. Я припомнилъ ему, между прочимъ, юбилей московскаго университета и замѣтилъ, что это былъ лучшій моментъ его управленія министерствомъ.—„А кому обязанъ я этимъ? возразилъ онъ, вамъ. Вѣдь царская грамота была зерномъ всего, вѣдь она возбудила всеобщій восторгъ—а грамоту писали вы!“—„Если ужъ такъ“, отвѣчалъ я—„то эфектъ произошелъ отъ того, какъ вы ее прочитали: вы прочитали ее великолѣпно“. Это, дѣйствительно, правда. Такимъ образомъ у насъ вышла система взаимнаго восхваленія.

Къ тремъ часамъ все кончилось и я уѣхалъ домой, унося съ собой самыя пріятныя воспоминанія о праздникѣ въ Смольномъ монастырѣ.

7. Четвергъ. Что за нелѣпые холода, тепла 5° и дождь.

Сцена между С. и Билярскимъ въ академіи. Билярскій захотѣлъ отомстить С. за то, что тотъ подавалъ голосъ противъ назначенія ему полнаго гонорара (шестьдесятъ рублей за печатный листъ) за сдѣланныя имъ выписки въ академическомъ архивѣ о Ломоносовѣ, на томъ основаніи, что это простыя выписки безъ всякихъ изслѣдованій. С. былъ правъ и съ нимъ согласились всѣ другіе члены отдѣленія. Теперь Билярскій, въ качествѣ редактора „Записокъ“ академіи, напалъ на С. за представленную имъ для напечатанія въ этомъ сборникѣ статью о русскихъ лѣтописяхъ, называя ее сырымъ матеріаломъ и недостойною быть помѣщенною въ академическомъ изданіи. Это значитъ око за око и зубъ за зубъ. Однако, Билярскій неправъ: въ статьѣ С. все-таки есть изслѣдованія Во всякомъ случаѣ, статья эта не могла подлежать контролю одного члена, тогда какъ отдѣленіе уже одобрило ее.....

Во дворцѣ кто-то спросилъ у Муравьева: долго-ли онъ останется здѣсь и какая цѣль его пріѣзда въ Петербургъ? Онъ отвѣчалъ: „Въ краю, мнѣ ввѣренномъ, жондъ польскій побѣжденъ; но я пріѣхалъ сражаться съ тѣмъ жондомъ, который въ Петербургѣ“.

Валуевъ не поѣхалъ къ Муравьеву, говоря, что онъ не знаетъ, принялъ-ли бы его Муравьевъ?

У Муравьева не были также Головнинъ, Рейтернъ и Суворовъ.

8. Пятница. Сегодня не только холодъ, но и снѣгъ.

Духовенство сильно добивается взять въ свои руки народныя школы. Между прочимъ, вотъ что придумали поборники его: они разгласили, будто графъ Блудовъ незадолго до смерти своей имѣлъ въ виду проектъ образованія верховнаго комитета для начертанія системы обученія и управленія въ народныхъ школахъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. Онъ не успѣлъ только обработать этотъ проектъ и дать ему оффиціальный ходъ. Мысль эта, подкрѣпленная Бажановымъ и другими, получила характеръ авторитета и теперь сильно хлопочутъ о приведеніи ея въ дѣйствіе. Между тѣмъ, другіе утверждаютъ, что Блудовъ вовсе не имѣлъ этого намѣренія и что тѣ, которые ему его приписываютъ, основываютъ свое мнѣніе только на

иныхъ словахъ графа, будто-бы намекающихъ на то, что онъ его имѣлъ.

Нужны или значительная доля легкомыслія, или высокая степень мудрости, чтобы сносить жизнь.

11. Понедѣльникъ. Во всей Европѣ свирѣпствуетъ холодъ. Надняхъ мнѣ говорилъ одинъ итальянецъ, что ему сообщаютъ изъ Турина, будто въ окрестностяхъ этого города замерзли два человѣка. Въ Ниццѣ и Пизѣ шелъ снѣгъ.

Отослалъ Веселовскому записку мою по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія съ III-мъ.

Въ совѣтѣ университета. Выбранъ членомъ комиссіи по дѣлу объ избраніи Вернадскаго въ профессоры по каѳедрѣ финансовъ и котораго факультетъ не хочетъ избрать, а большинство совѣта хочетъ.

13. Среда. Предсѣдательствовалъ въ комиссіи, которая собралась у меня. Изложеніе дѣла предоставлено мнѣ. Изъ-за чего я тутъ? Съ 1-го іюня я уже не принадлежу университету. Это такъ ужъ изъ любви! А дѣло мудреное.

16. Суббота..... Получено изъ Парижа письмо отъ Плетнева и читано въ засѣданіи отдѣленія; въ письмѣ извѣстіе о смерти Шевырева. Отдѣленіе поручило мнѣ написать біографію послѣдняго.

17. Воскресенье. Сегодня въ „Полицейскихъ газетахъ“ объявлено, что 19-го мая во вторникъ, въ восемь часовъ утра, на Мытной площади будетъ объявленъ приговоръ Чернышевскому. Онъ осужденъ на семь лѣтъ каторжной работы, а затѣмъ на вѣчное житье въ Сибири. Судъ приговорилъ его къ четырнадцати годамъ каторжной работы. Изъ рукъ вонъ все это печально!

18. Понедѣльникъ. Засѣданіе комиссіи. Я приготовилъ проектъ, какъ быть дѣлу, и прочиталъ его. Всѣ члены согласились съ благодарностью—и дѣлу конецъ.

20. Среда. Былъ у меня Костомаровъ. Его статью (о вѣчѣ), назначенную для журнала „Дѣло и Отдыхъ“, цензура страшно искалѣчила; да кромѣ того его фразы замѣнила своими. Я прочелъ статью и не нашелъ въ ней рѣшительно ничего противоцензурнаго.

Какая-то Михаэлисъ бросила букетъ цвѣтовъ Чернышев-

скому, когда онъ былъ возведенъ на эшафотъ. Ее тотчасъ взяли и увезли съ жандармами. Эхъ!

21. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ. Ровно ничего.

Я спрашивалъ у сенатора Л.: доказано-ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ Чернышевскаго. Какъ-же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгорукій показалъ имъ какія-то бумаги изъ III-го отдѣленія и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна. Зачѣмъ-же дѣлать изъ нихъ тайну, если въ нихъ заключаются точныя доказательства вины Чернышевскаго? Жаль!.... Въ приговорѣ, читанномъ публично во вторникъ, говорятъ, упомянутъ даже рядъ статей въ „Современникѣ“: но тогда виновата цензура. Разъ, что она существуетъ, зачѣмъ-же она пропускала статьи, такъ явно клонившіяся къ ниспроверженію существующаго порядка? Вообще тутъ что-то неясно.....

Какъ согласить столько неразумія въ судьбѣ человѣчества съ разумностію его плана и цѣли—если таковые существуютъ? Отсюда, конечно, матеріалисты черпаютъ свои тенденціи. Ихъ главный двигатель отчаяніе. И правду сказать — есть отчего придти въ отчаяніе.

Одна очень умная молодая женщина съ негодованіемъ разсказывала про Лаврова, какъ онъ любезно предложилъ ей какой-то маленькій переводецъ очень забористой статейки и какъ пытался обратить ее въ свою нигилистическую вѣру. Онъ, кажется, посвятилъ себя преимущественно этому ремеслу, то есть обращенію молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ нигилистокъ, для чего и открылъ у себя для нихъ курсъ матеріалистической философіи.

25. Понедѣльникъ. Отослалъ къ членамъ комиссіи записку для подписанія.

26. Вторникъ. Переѣхали на дачу въ Павловскъ въ домъ Мердера по дорогѣ въ Царскую Славянку. Начались прекрасные дни и въ городѣ становится душно, пыльно, смрадно.

Вечеромъ собраніе нѣсколькихъ академиковъ у президента (Литке) на совѣщаніе по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія съ III-мъ. Я и Срезневскій защищали самостоятельное существованіе II-го отдѣленія. Президентъ велъ себя очень хорошо: онъ, какъ и слѣдовало, искалъ примиряющаго начала. Въ концѣ засѣданія пришли къ мысли вообще уничтожить отдѣленія и слить ихъ въ одну нераздѣльную корпорацію. Не рѣшили, однако, ничего, положили обдумать эту мѣру и отдать ее на обсужденіе прочимъ членамъ.

27. Среда. Я только сегодня вечеромъ пріѣхалъ въ Павловскъ. Дача Мердера мнѣ очень нравится, не смотря на свою почти убогую внутреннюю обстановку. Передъ нею широкое пространство. Она вся въ зелени и не стѣснена сосѣдствомъ другихъ дачъ. Вокзалъ очень усовершенствовался; прочее все по прежнему. Вечеромъ нахлынула страшная толпа гуляющихъ изъ Петербурга. Безумная роскошь въ женскихъ нарядахъ.

29. Пятница. Получилъ отъ министра Валуева черезъ его товарища порученіе написать записку о главномъ правленіи училищъ, которая ему, не знаю почему-то, нужна къ засѣданію въ Государственномъ Совѣтѣ. Это заставило меня ѣхать въ городъ. Тамъ надо было произвести пропасть рытья въ бумагахъ и книгахъ, чтобы отыскать нужныя справки. Съ этимъ провозился цѣлый вечеръ и часть ночи.

30. Суббота. Въ городѣ. Къ полудню была готова записка. Отвезъ ее къ товарищу министра. Я прочелъ ему ее и онъ остался очень доволенъ. Записка нужна по поводу совѣщанія въ Государственномъ Совѣтѣ о такъ называемомъ Блудовскомъ проектѣ. Вечеромъ въ засѣданіи университета. Я прочиталъ составленную мною записку отъ имени комиссіи о выборѣ Вернадскаго въ профессора по каѳедрѣ финансоваго права. Ею примиряются всѣ противорѣчія между совѣтомъ и факультетомъ. Всѣ горячо благодарили меня. Я тотчасъ по окончаніи чтенія и по принятіи совѣтомъ моего проекта оставилъ совѣтъ. Это послѣднее мое засѣданіе въ немъ. Я разстался навсегда съ университетомъ послѣ посвященныхъ ему тридцати лучшихъ моихъ лѣтъ—разстался съ грустью, но не жалѣя о разлукѣ съ нѣкоторыми лицами. Они были моими недоброжелателями рѣшительно не знаю почему, да и они сами этого не знаютъ. Я никогда никому изъ

нихъ—да и вообще никому не желалъ и не дѣлалъ зла, а когда могъ, всегда оказывалъ имъ содѣйствіе. Строго взвѣшивая всѣ мои поступки и всю мою дѣятельность въ университетѣ, я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть. О причинахъ моего нежеланія баллотироваться на новое пятилѣтіе я уже говорилъ выше. Но объ этомъ придется еще много говорить въ будущихъ моихъ мемуарахъ, для которыхъ я и веду ежедневно этотъ дневникъ.

Я хотѣлъ было сказать въ совѣтѣ нѣсколько привѣтливыхъ прощальныхъ словъ моимъ товарищамъ, но разсудилъ, что не для кого и не для чего. Я просто всталъ и непримѣтно ушелъ.

Да процвѣтаетъ цвѣтъ правды и науки въ этихъ дорогихъ для меня стѣнахъ!

Въ десять часовъ я былъ уже на дачѣ у себя дома.

Іюнь 1. Понедѣльникъ. Май подъ конецъ захотѣлъ вознаградить насъ за всѣ скверности, какими награждалъ насъ въ началѣ и серединѣ. Послѣдняя недѣля его великолѣпна: свѣтло, тихо, жарко. Зелень чудесная.

4. Четвергъ. Засѣданіе въ отдѣленіи академіи наукъ. Срезневскій поздравилъ меня съ званіемъ почетнаго члена университета, въ которые я избранъ единогласно. Или нѣтъ, кажется, нашелся одинъ, который—тутъ Срезневскій произнесъ крѣпкое словцо—кинулъ въ мое имя чернымъ шаромъ.

5. Пятница. Поѣхалъ въ городъ ради засѣданія въ академіи: засѣданіе въ Уваровской комиссіи для разсмотрѣнія драмъ. Ни одной — достойной преміи, а поступило ихъ шесть или семь.

6. Суббота. Вчера обѣщалъ нашему академическому полиціймейстеру К. статью для напечатанія въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ“. Съ нимъ и съ его женой произошелъ прегнусный случай. Они пришли въ лавку Ш. и К. что-то покупать. Вдругъ прикащикъ или, чортъ его знаетъ кто изъ лавочниковъ, бросается на его жену, говоря, что у нихъ въ лавкѣ много воруютъ и началъ ее со всѣхъ сторонъ ощупывать. Потомъ обратился къ мужу съ наглымъ вопросомъ: не укралъ-ли онъ чего? Вышелъ неслыханный скандалъ. К. послалъ за квартальнымъ. Тотъ явился, объявилъ лавочника неправымъ, но больше ничего не предпринялъ. Объ этомъ К. публиковалъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, на что въ 123-мъ № послѣдовалъ пренаглый и

преглупый отвѣтъ хозяевъ лавки. На эту-то статью и надо написать другую. Это дѣло общее всѣмъ честнымъ людямъ — давать отпоръ варварству и татарщинѣ нашихъ мошенниковъ купцовъ. Надо бросить въ нихъ нѣсколько сильныхъ строкъ, хотя это, конечно, не сдѣлаетъ ихъ изъ дикарей людьми и гражданами, но молчать все-таки не должно. Статья, разумѣется, будетъ отъ имени обиженнаго.

Знойно, какъ и всѣ предшествующіе дни. Человѣчество начинаетъ пищать о дождѣ.

11. Четвергъ. Важно не то, что мы думаемъ, а то, къ какимъ результатамъ приводитъ насъ наше мышленіе.

Ни самимъ собою, ни человѣчествомъ нельзя управлять безъ нѣкоторой доли деспотизма.

12. Пятница. Вчера отдалъ К. написанную мною статью въ отвѣтъ гнуснымъ гостиннодворцамъ.

Всякое ученіе о человѣкѣ болѣе или менѣе неполно и неудовлетворительно. Но изъ разныхъ и противорѣчащихъ ученій надо принять то, которое въ состояніи сдѣлать человѣка сколько-нибудь лучше и довольнѣе.

13. Суббота. Сверху испорченные нравы неустановившейся общественности; снизу почти дикое состояніе неразвитой народности: трудно идти по узкому и тѣсному пространству между тѣмъ и другимъ.

14. Воскресенье. Много гостей изъ города. Вотъ уже не въ первый разъ навѣщаетъ меня и А. С. Норовъ и всякій разъ осыпаетъ самыми нѣжными ласками и привѣтствіями. Что-жъ, я не прочь: что было, то прошло и теперь мы съ нимъ встрѣчаемся исключительно на почвѣ частныхъ людей.

20. Суббота. Лѣто до сихъ поръ такое, какого, кажется, не бывало въ Петербургѣ — по крайней мѣрѣ на моей памяти. Прелестнѣйшіе жаркіе дни въ перемежку съ теплыми дождями. Дача моя примыкаетъ къ полямъ, откуда разстилается широкій горизонтъ: справа глазъ хватаетъ до Царскаго Села, а слѣва до Славянки, съ своею бѣлою церковью, красующеюся на холмѣ. У подошвы послѣдняго мелькаютъ хижины небольшой финской деревеньки, тоже съ церковью. Отсюда дорога къ моей дачѣ черезъ лѣсъ. Отлично хорошо! Въ такомъ пріятномъ мѣстѣ я еще никогда не занималъ дачи. Но все это имѣетъ свои не-

удобства. Красота мѣста и лѣта дѣлаютъ то, что я мало сижу въ кабинетѣ и мало занимаюсь.

А есть что дѣлать. Между прочимъ, хотѣлось-бы мнѣ что-нибудь приготовить для академіи (наукъ). Она слишкомъ ушла въ буквоѣдство. Для большинства нашихъ академиковъ наука есть не иное что, какъ груда фактовъ, добро-бы, еще крупныхъ, а то всякихъ, безъ разбора и безъ стремленія выяснить ихъ смыслъ и связь. Они не заботятся о томъ, къ чему это поведетъ и что изъ этого выйдетъ. Выйдетъ что-нибудь само-собой, ну и хорошо.

Анекдотъ о Кребильонѣ. Кто-то выразилъ ему свое удивленіе, что онъ избираетъ для трагедій такіе страшные ужасающіе сюжеты. „Что-жъ мнѣ дѣлать?“ отвѣчалъ онъ: „Корнель взялъ себѣ небо, Расинъ—землю: мнѣ остался одинъ адъ и я стремглавъ бросился въ него“.

28. Воскресенье. Вечеромъ пріѣзжалъ Княжевичъ, А. М., съ Александрою Христіановною. Послѣ небольшой прогулки я проводилъ ихъ на дебаркадеръ и заглянулъ на музыку. Публики было, по обыкновенію, видимо невидимо, особенно широчайшихъ кринолинъ и безмѣрныхъ хвостовъ.

Іюль 1. Среда. Вотъ и перемѣна погоды! Жаловавшіеся на жару теперь могутъ успокоиться. Наступаетъ реакція. Ночью шелъ сильный дождь. Теперь утромъ тучи, гонимыя вѣтромъ, нестройными клочьями бродятъ въ сумрачномъ пространствѣ; солнце, какъ-то нехотя, на мгновеніе проглядываетъ сквозь нихъ. Видно, что оно устало, посылая намъ такъ долго свой лучезарный блескъ и теплоту—долго, т. е. цѣлый мѣсяцъ. По здѣшнему мѣсяцъ постоянной лѣтней погоды—эта такая милость природы, какой мы удостоиваемся разъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но вотъ исключеніе прошло, нормальное состояніе беретъ свое. Теперь 11° тепла; но это только начало: мы непремѣнно спустимся до 9°, 8°, а можетъ быть и ниже.

Съ 10-го іюня я началъ заниматься статьями для Академіи Наукъ. Я предполагаю ихъ нѣсколько подъ названіемъ: „Литературныя наблюденія и изслѣдованія“.

2. Четвергъ. Холодно, только 10°. Сѣверо-востокъ затянулъ свою обычную пѣснь и теперь, чортъ знаетъ, когда перестанетъ.

6. Понедѣльникъ. Давно я не любовался такими велико-

лѣпными живописными тучами. Вотъ онѣ со всѣхъ сторонъ надвигаются синеватыми, бѣловатыми и дымчатыми громадами самыхъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ. Быть опять дождю. Особенность нынѣшняго лѣта то, что онъ никогда не падаетъ мѣрными каплями, а съ шумомъ и грохотомъ низвергается на землю цѣлыми потоками. Съ балкона нашего открываются прелестнѣйшіе виды на окрестности и на небо. Такъ и не ушелъ-бы отсюда—но пора въ кабинетъ за дѣло.

11. Суббота. Въ наше время подъ литературой стали разумѣть все печатное. Литература въ высокомъ и настоящемъ своемъ значеніи отклонилась отъ настоящаго пути. Писать и печатать сдѣлалось дѣломъ весьма обыденнымъ и пріобрѣтеніе имени литератора доступнымъ всякому. Это страшно загромождаетъ общество пустяками и всякимъ словеснымъ хламомъ до того, что иной разъ приходится желать появленія какого нибудь новаго Омара: чтобы онъ отобралъ всю эту дрянь, сжегъ ее и освободилъ общество отъ лишняго бремени. Кромѣ того, эта легкость прослыть литераторомъ и обратить на себя вниманіе общества до того соблазнительна для многихъ и особенно для молодыхъ людей, что очень часто отвлекаетъ ихъ отъ болѣе серьезныхъ занятій и заставляетъ тратить свои силы по мелочамъ.

13. Понедѣльникъ. На похоронахъ Достоевскаго Михаила. Онъ умеръ отъ разлитія желчи, 44-хъ лѣтъ. Это былъ не столько замѣчательный литераторъ, сколько честный и добрый человѣкъ. Братъ его, Ѳедоръ, болѣе сильный писатель: онъ былъ замѣшанъ въ исторіи Петрашевскаго и сильно пострадалъ. Лѣтъ пять провелъ на каторгѣ. Я проводилъ бѣднаго покойнаго на кладбище. Съ балкона моей дачи я часто любовался хорошенькимъ лѣскомъ на косогорѣ по ту сторону рѣчки Славянки: оказалось, что этотъ лѣсокъ есть тихое вѣчное пристанище павловскихъ обитателей. Церемонія съ обѣдней продолжалась больше двухъ часовъ. Былъ сильнѣйшій жаръ, собиралась гроза, великолѣпныя тучи наплывали съ запада, придавая еще больше трагизма печальному зрѣлищу.

16. Четвергъ. Ѣздилъ въ городъ. Сибирская язва и въ Петербургѣ принимаетъ большіе размѣры. Приняты полицейскія мѣры, особенно относительно лавокъ съ мясомъ. Но этихъ мѣръ никто изъ торговцевъ не соблюдаетъ, а начальство довольно тѣмъ, что разослало надлежащіе циркуляры.

Возвратясь изъ города, обѣдалъ у моего сосѣда, полковника Денисова, и почти все время провелъ въ разговорѣ съ Желтухинымъ (Алексѣемъ Дмитріевичемъ), который состоитъ нынѣ секретаремъ при (князѣ Павлѣ Павл.) Гагаринѣ, предсѣдателѣ государственнаго совѣта.

22. Среда. Было три или четыре случая сибирской язвы на людяхъ въ Петербургѣ; но дальнѣйшаго распространенія ея, кажется, нѣтъ.

Замѣчательнѣйшія черты нынѣшняго лѣта: никогда еще, кажется, зелень не была такъ роскошна, такъ ярко окрашена; никогда облака и тучи не были такъ пышно и великолѣпно расцвѣчены и не являлись въ такихъ разнообразныхъ, причудливыхъ, то величественныхъ, то граціозныхъ формахъ и очертаніяхъ. Вотъ хоть-бы и сегодня. Право, не хочется уйти съ балкона и запереться въ кабинетѣ, не хочется ни за книгу, ни за перо. А все смотрѣль-бы, да смотрѣлъ въ эту чудную даль, въ это безбрежное море тучъ и облаковъ!

25. Суббота. Удивительный этотъ русскій народъ! Ума не приложишь къ нему. Вѣдь вотъ, напримѣръ, теперь заворовался, запилъ, заплутовался такъ, что, ей Богу, серьезно говоря, тяжело съ нимъ жить. А между тѣмъ чувствуешь, что въ немъ есть что-то, которое такъ и тянетъ къ нему, что-то до того доброе, умное, обѣщающее, что никакой нѣмецъ, никакой французъ, ни даже англичанинъ не могутъ съ нимъ сравняться. Вотъ и бьешься съ нимъ, какъ рыба о ледъ. Безпрестанно онъ то бѣситъ тебя своими гадостями въ кабакахъ, на улицахъ, на рынкахъ, въ мастерскихъ; то въ самыя мрачныя минуты вырываетъ у тебя улыбку своимъ простодушнымъ не злобнымъ пренебреженіемъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и трудностей; то трогаетъ васъ до слезъ какою-нибудь истинно великодушною геройскою выходкою, вовсе не кокетничая ею и не понимая даже смысла ея. Чортъ знаетъ, что это такое! Говорятъ, этому народу недостаетъ образованія. Дай Богъ, чтобы онъ—разумѣется съ помощью немногихъ простыхъ, крѣпкихъ, честныхъ и серьезно-просвѣщенныхъ умовъ—далъ его самъ себѣ. Но бѣда, если онъ возьметъ то образованіе, какое ему хотятъ навязать наши публицисты.

Бенефисъ Штрауса въ вокзалѣ. Сборъ Штраусъ пожертвовалъ въ пользу раненыхъ воиновъ. Превосходно также игралъ

военный оркестръ изъ двухсотъ пятидесяти музыкантовъ. Публики было много—и все люди чистые, вымытые, вылощенные и выглаженные, хоть сейчасъ на картину. Все было чинно, въ высшей степени благопристойно и немного скучновато. Впрочемъ, скука намъ необходима: мы ограждаемся ею отъ скандаловъ. Былъ и государь, но очень недолго. Говорятъ, онъ получилъ депешу, что въ Петербургѣ пожаръ на газовыхъ заводахъ гдѣ-то, и тотчасъ уѣхалъ.

28. Воскресенье. И** мнѣ сказалъ, что между множествомъ честныхъ людей ему попадались и безчестные.—„Я былъ несчастнѣе васъ“, отвѣчалъ я ему,—„между множествомъ безчестныхъ я находилъ только иногда и честныхъ людей“.

Вчера мнѣ говорили, что у государя въ Петергофѣ украли лошадь. Что-же, это возможно при той распущенности и безнаказанности, какія господствуютъ у насъ вездѣ.

Прелестное утро. Я вдоволь нагулялся по полямъ, доходилъ до деревни Поповки и до финской церкви. Вернулся домой съ огромнымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ.

Августъ. 1. Суббота. Наше время отличается, между прочимъ, страшными неурядицами всякаго рода. Вотъ, напримѣръ, въ Петербургѣ полиція потеряла всякое значеніе (1864 г.) и всевозможныя безчинства ежедневно и безнаказанно совершаются на глазахъ у всѣхъ. Пьянство дошло до неслыханнаго безобразія. Нѣтъ номера „Полицейскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ-бы не было объявлено о нѣсколькихъ несчастныхъ и даже смертныхъ случаяхъ отъ пьянства. А сколько не объявленныхъ! Было нѣсколько случаевъ смерти отъ пьянства дѣтей четырнадцати и пятнадцати лѣтъ. Я какъ-то говорилъ объ этомъ съ членомъ государственнаго совѣта, бывшимъ министромъ финансовъ, Княжевичемъ, что высшему правительству пора-бы подумать объ этомъ нравственномъ и общественномъ безобразіи.—„Да“, отвѣчалъ онъ мнѣ весьма равнодушно,—„по этому поводу хотятъ принять кое-какія мѣры“.

А что дѣлается по губерніямъ! Вотъ и пресловутая акцизная система! Воровства совершаются съ неслыханною наглостью, и краденное, разумѣется, никогда не отыскивается. Воры, нѣсколько разъ уже пойманные и выпущенные на волю, снова производятъ свой промыселъ съ усиленною дерзостью, какъ и слѣдуетъ при

такой неслыханной безнаказанности. Ежедневно почти „Полицейскія Вѣдомости“ извѣщаютъ о задавленныхъ и искалѣченныхъ на улицахъ скорою ѣздою, которая запрещена закономъ, но, видно, разрѣшена гуманнымъ генералъ-губернаторомъ Суворовымъ. Порядочныхъ женщинъ всенародно оскорбляютъ на улицахъ и гуляньяхъ. На невскихъ пароходахъ, развозящихъ публику по островамъ, свирѣпствуютъ такіе безпорядки и произволъ содержателей ихъ, что объ этомъ и говорить скучно и гадко. Недавно полиція, выведенная изъ терпѣнья наглымъ нарушеніемъ правилъ со стороны распорядителей этихъ пароходовъ и безпрерывными жалобами со стороны публики, явилась, въ лицѣ частнаго пристава, въ контору Сѣвернаго пароходнаго общества съ требованіемъ прекратить безпорядки. Но контора буквально прогнала частнаго пристава, объявивъ ему во всеуслышаніе, что она знать не хочетъ никакихъ полицейскихъ порядковъ. Объ этомъ сама полиція объявляетъ печатно въ своей газетѣ. Сдѣлано-ли какое взысканіе за такое нарушеніе законовъ и общественнаго порядка—неизвѣстно, а извѣстно только то, что безпорядки на пароходахъ послѣ того усилились. Въ Петергофѣ на станціи желѣзныхъ дорогъ во время иллюминаціи 27-го іюля роздано было билетовъ вдвое противъ того, сколько могли вмѣстить вагоны. Отъ этого произошли давка и страшный безпорядокъ. Публика, видя, что власти не дѣйствуютъ и граждане оставлены безъ защиты и преданы въ жертву разбойникамъ-антрепренерамъ, наконецъ, рѣшилась сама расправиться: она перебила въ вагонахъ стекла, поколотила служащихъ и разбила кассу. И такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Что все это значитъ? Что значитъ это потворство негодяямъ въ ущербъ честнымъ и мирнымъ людямъ?

По нашимъ законамъ требуется собственное признаніе преступника для учиненія ему законнаго наказанія. Этотъ законъ, очевидно, остатокъ того варварскаго законодательства, которое очень легко оканчивало всякое уголовное дѣло собственнымъ признаніемъ преступника, потому что въ рукахъ властей были такія милыя и удобныя средства добывать это признаніе, какъ кнутья, дыбы и пр. Очевидно, это остатокъ пыточныхъ временъ и наслѣдство застѣнковъ. Тогда признаніе, дѣйствительно, было дѣломъ очень обыкновеннымъ, хотя и мало убѣдительнымъ.

3. Понедѣльникъ. Прогулка въ Славянку вечеромъ. Бѣдная Славянка въ сильномъ запустѣніи, однако, все-таки хороша. Церковь и домъ простой, но изящной архитектуры.

Тѣ только книги хороши, которыя необходимы.

4. Вторникъ. Нѣтъ бо́льшаго доказательства ничтожества государственнаго дѣятеля, какъ когда онъ боится способныхъ людей и окружаетъ себя ничтожествами еще ниже его.

6. Четвергъ. День такой, въ который природа предоставляетъ человѣка самому себѣ. Дѣлай, какъ хочешь самъ: будь веселъ, доволенъ, а я тебѣ ничего не дамъ, кромѣ вѣтра, холода, сумрака.

На дняхъ биржевая артель давала обѣдъ генералъ-губернатору Суворову. Говорятъ, онъ былъ въ восхищеніи отъ своей популярности, жалъ руки мужикамъ и проч. Бѣдный взрослый ребенокъ! Онъ забавляется игрушками, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, какъ прилично правительственному лицу. Какъ кокетка не можетъ устоять противъ моды на хвосты и широчайшіе кринолины, такъ умы ограниченные, кокетничая собою, не въ состояніи противиться другой модѣ—модѣ на извѣстныя понятія, на такъ называемыя идеи.

Есть у насъ особенный типъ прогрессиста, который, какъ нельзя осязательнѣе, воплотился въ Петрѣ Лавровичѣ Лавровѣ. Онъ страстно любитъ человѣчество, готовъ служить ему вездѣ и во всемъ. Любовь эту почерпнулъ онъ въ сочиненіяхъ новѣйшихъ соціалистовъ, не думая много о томъ, насколько въ нихъ правды, примѣнимости и трезвой, настоящей, а не экзальтированной, пустой и безплодной преданности интересамъ человѣческимъ. Въ награду за свою безкорыстную любовь Петръ Лаврычъ хочетъ одного: быть признаннымъ великимъ человѣкомъ между своими современниками и удостоиться отъ нихъ двухъ, трехъ овацій. Желаніе весьма скромное и похвальное. Собственно говоря, Петръ Лаврычъ философъ, потому что онъ знаетъ нѣмецкій языкъ и прочиталъ на немъ нѣкоторыя изъ великихъ твореній Фейербаха, Молешота, Бюхнера и т. д. Въ заботливости своей о благѣ человѣчества онъ неустанно суетится, всюду суется со своимъ участіемъ, старается, елико возможно, разсѣять всѣ предразсудки и просвѣтить людей такъ, чтобъ они совершенно поняли и убѣдились въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ

обезьяны, что нравственность и религія суть цѣпи, наложенныя на людей деспотами и попами, что просвѣщенный эгоизмъ есть единственный нравственный принципъ, что душа человѣка и душа свиньи совершенно одно и то же, что „умъ есть географическое названіе“ и пр., и пр. Петръ Лаврычъ удивительно подвижной человѣкъ. Едва прочитаетъ онъ въ заграничномъ журналѣ какую-нибудь ученую и политическую новость, тотчасъ, какъ Бобчинскій, бѣжитъ разглашать ее вездѣ, куда только дозволенъ ему доступъ. Писать онъ избѣгаетъ, отчасти потому, что боится цензуры, а отчасти потому, что пишетъ прескверно—темно и запутанно. Онъ лучше любитъ путь тихой, ползучей пропаганды и особенно падокъ до молодыхъ людей и женщинъ, которыхъ ему легче начинять всякимъ вздоромъ во имя прогресса. Прежде „Колоколъ“ былъ для него источникомъ всѣхъ великихъ истинъ и убѣжденій. Но съ той поры, какъ „Колоколъ“ затихъ, Петръ Лаврычъ сдѣлался эклектикомъ въ опредѣленномъ смыслѣ—въ смыслѣ соціализма и матеріализма.

Вечеромъ на музыкѣ въ вокзалѣ. Народу было несмѣтное множество, несмотря на дурную погоду—бурный вѣтеръ и то и дѣло набѣгавшій дождь. Духота въ залѣ была невыносимая. Я ушелъ въ половинѣ десятаго. Послѣ,—говорятъ,—произошелъ скандалъ: драка между двумя какими-то гуляками—что въ добропорядочномъ Павловскѣ рѣдкость, — а одного посѣтителя поймали, когда онъ вздумалъ посѣтить чужой карманъ.

7. Пятница. Всю ночь свирѣпствовала буря: завывалъ вѣтеръ и о крышу стучалъ дождь. Вообще, осень начинаетъ выставлять свою угрюмую рожу. Сегодня только 9°; мрачныя тучи, гонимыя вѣтромъ, почти сплошь застилаютъ небо и угрожаютъ дождемъ. Но зелень удивительно свѣжа. Только рябина и кусты сирени немножко начинаютъ желтѣть.

9. Воскресенье. Я съ своего балкона наблюдалъ надъ громаднѣйшей тучей, которая съ неимовѣрной быстротой неслась надъ рѣкою Славянкой и надъ окрестными полями, изливая потоки дождя, слегка задѣвшаго и насъ. Теперь, говорятъ, что эта туча несла въ себѣ не одинъ дождь, но страшный ураганъ, который надѣлалъ много бѣдъ въ сосѣдней деревенькѣ: посрывалъ съ домовъ крыши, повалилъ заборы, раскидалъ на нивахъ копны хлѣба и даже,—говорятъ,—унесъ одного ребенка, ко-

торый безъ вѣсти пропалъ. Мы ничего этого не испытали и только дивились издали быстротѣ, съ какою неслась туча среди насъ самихъ окружавшей глубокой тишины.

10. Понедѣльникъ. Гуляя, я видѣлъ слѣды разрушенія, причиненнаго вчерашнимъ ураганомъ. Онъ пронесся довольно узкою полосою между нашей дачей (по дорогѣ въ деревню Славянку) и второю Матроскою слободкою и повалилъ на пути своемъ огромные деревья, одни повырвалъ съ корнемъ, другіе поломалъ и разбросалъ повсюду массу сучьевъ и обломковъ.— Заходилъ къ Перевощикову.

Не знаю почему второе отдѣленіе Академіи (наукъ) не было приглашено на 25-ти-лѣтній юбилей Пулковской обсерваторіи, который праздновался 7-го августа. Я хочу поговорить объ этомъ съ вице-президентомъ.

11. Вторникъ. Всѣ почти трактаты о воспитаніи смотрятъ на человѣка въ дѣтствѣ какъ на существо, которое не сдѣлано, а которое слѣдуетъ сдѣлать. Оттого такая масса правилъ и ученій, часто одно другому противорѣчащихъ, оттого система преслѣдованія каждаго шага ребенка подъ предлогомъ направлять и развивать его. Между тѣмъ, вѣрное правило одно—то, которое выразилъ Сократъ: что воспитателю надлежитъ исполнять только должность повивальной бабки. Есть еще одно обстоятельство, которое нынѣшніе педагоги почти совершенно упускаютъ изъ виду—это вліяніе на человѣка среды, въ которой ему предстоитъ жить и дѣйствовать. И потому эти педагоги вообще очень мало заботятся объ образованіи въ человѣкѣ характера, для чего всего нужнѣе крѣпко установить начало честности и мужества. Главное, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ выдерживать напоръ всяческихъ искушеній и мерзостей, среди которыхъ ему придется жить, чтобы онъ не боялся борьбы за честную мысль и честное дѣло.

Бо́льшая часть заблужденій въ умственной области происходитъ отъ смѣшенія понятій о двухъ различныхъ силахъ человѣческаго духа — силы познавательной и силы творческой, между тѣмъ какъ онѣ совершенно различны и ведутъ къ совершенно различнымъ результатамъ. Сила познавательная занимается тѣмъ, что есть; сила творческая тѣмъ, что можетъ или должно быть.

13. Четвергъ. Въ засѣданіи Академіи (наукъ). Пекарскій читалъ отрывокъ изъ исторіи Академіи объ астрономѣ Делилѣ. Любопытно.

14. Пятница. Три засѣданія въ Академіи—въ нашемъ отдѣленіи, общее и по Уваровской преміи. Я объяснялся съ вице-президентомъ и секретаремъ о томъ, почему наше отдѣленіе не было приглашено на празднованіе 25-ти-лѣтняго юбилея Пулковской обсерваторіи. Мнѣ отвѣчали, что распоряжался этимъ Струве и что будто-бы онъ два раза посылалъ къ намъ повѣстки, которыхъ, однако, никто не видалъ. Это долженъ быть чистый вымыселъ. Я выразилъ отъ лица моихъ товарищей неудовольствіе за такое невниманіе, а публика обвиняетъ насъ въ равнодушіи ко всему академическому.

19. Среда. Всѣ эти дни холодно, сумрачно, дождливо.

Трудно уважать и самого себя, сознавая себя такимъ ничтожнымъ и жалкимъ существомъ, какъ человѣкъ.

20. Четвергъ. Мнѣ кажется, что всякая радость жизни является похищеніемъ у судьбы. Есть что-то не законное въ такъ называемомъ счастіи, особенно если вспомнить, какъ много людей страдаютъ и умираютъ, не ощутивъ въ жизни ничего, кромѣ скорби.

Неужели одни несправедливые въ состояніи пользоваться нѣкоторыми дарами въ жизни? Почти такъ.

Въ совѣтѣ (по дѣламъ печати) я представилъ мнѣніе о статьѣ для „Русскаго Вѣстника“, въ которой излагаются сцены изъ эпизода первой холеры въ 1830—1831 гг. Московскій цензурный Комитетъ не хотѣлъ пропустить этой статьи, потому что въ ней много страшныхъ сценъ, и разсказывается о крестьянскомъ возстаніи: въ послѣднемъ комитетъ видитъ сословный антагонизмъ. Я возразилъ, что исторія не обязана льстить сентиментальнымъ наклонностямъ, а обязана быть правдивою. Что-же касается сословнаго антагонизма между крестьянами и помѣщиками, нынѣ о немъ не можетъ быть и рѣчи. Со времени происшествія (холера) прошло уже болѣе четверти столѣтія и оно со всѣми своими подробностями принадлежитъ исторіи. Совѣтъ согласился съ моимъ мнѣніемъ.

Въ засѣданіи академіи. Промахъ Пекарскаго, который пѣснь о постриженіи царицы Евдокіи (Лопухиной) счелъ за открытіе, а она давно уже напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“.

27. Четвергъ. Когда россіянинъ говоритъ о честности, то это все равно, какъ бы глухой говорилъ о музыкѣ.

29. Суббота. Юбилей академика Карла Максимовича Бера. У насъ ничего не умѣютъ сдѣлать такъ, чтобы это было прилично и безобидно для всѣхъ и каждаго. Во-первыхъ, обѣдъ былъ въ залѣ ресторана „Демута“, до того тѣсной, что посѣтителямъ приходилось сидѣть чуть не на колѣняхъ другъ у друга и оттого произошла невыносимая духота. Одному, и именно Штакельбергу, даже сдѣлалось дурно. Потомъ, ни малѣйшаго порядка, ни малѣйшаго соблюденія обыкновенныхъ приличій и торжественности, хоть сколько-нибудь напоминающей объ идеѣ празднества. Шумъ, гамъ, стукотня, какіе-то неистовые возгласы во время чтенія рѣчей, вскакиваніе съ мѣстъ и возвращеніе къ нимъ со стукомъ и грохотомъ. Первая рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ Миддендорфа прошла еще кое-какъ благополучно; но затѣмъ уже не было никакой возможности что-нибудь сказать или услышать. Я рѣшился не говорить моей рѣчи и уѣхать тотчасъ послѣ пирожнаго, тѣмъ болѣе что боялся опоздать на Царскосельскую желѣзную дорогу и не попасть на ночь домой въ Павловскъ. Меня остановили секретарь академіи Веселовскій, Бетлингъ и прочіе распорядители праздника, говоря, что это будетъ очень неловко, такъ какъ я нахожусь въ программѣ чтенія.—„Да какъ-же я буду говорить въ этомъ хаосѣ?“ спросилъ я.—„Выждите минуту и начните.“ Но этой минуты тщетно было ожидать. Я вырвалъ изъ моей рѣчи нѣсколько фразъ, кое-какъ бросилъ ихъ передъ Беромъ—это было все безсмысленно и нелѣпо—и тотчасъ бѣжалъ, жалѣя о потерянномъ времени и о Берѣ, котораго такъ недостойно чествовали. Еще непристойность: послѣ провозглашенія тоста въ честь Государя обыкновенно музыка играетъ „Боже, Царя храни“. Тостъ былъ провозглашенъ, три раза повторилось обычное ура!—музыка молчитъ. Тщетно Литке дѣлаетъ знаки, чтобы играли: музыка все молчитъ. Наконецъ, онъ начинаетъ сначала тихо, потомъ громче требовать гимна, и только уже послѣ повтореннаго имъ громкаго крика „Боже, Царя храни“ музыка рѣшилась начать національный гимнъ. Все это, однако, составляло только наружную сторону дѣла, внутренняя же вотъ въ чемъ: во-первыхъ, нѣмцы, очевидно,

хотѣли выказать свое торжество надъ русской партіей, что впрочемъ, имъ во всякомъ случаѣ нетрудно, такъ какъ они всегда дѣйствуютъ обдуманно, согласно и твердо, а мы вѣдь не можемъ соединиться втроемъ или вчетверомъ безъ того, чтобы не постараться нагадить другъ другу и не разбиться врозь. Ни одна нѣмецкая рѣчь не удостоила своего вниманія Россіи. Во-вторыхъ, тутъ была партія тѣхъ естественниковъ, которые исповѣдуютъ матеріализмъ. Ей хотѣлось выставить Бера какъ свое знамя. Но главное, сюда явилось нѣсколько какихъ-то брадатыхъ нигилистовъ и юношей-послѣдователей новѣйшихъ доктринъ: они за десять рублей пришли поѣсть, выпить и произвести демонстрацію въ пользу своихъ принциповъ. Я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, которые изъявляли свою готовность на всякій крикъ. Зеленый мнѣ говорилъ, что онъ видѣлъ то-же на своемъ концѣ стола. Нѣмцы, чествуя свою знаменитость, хотѣли, чтобы было какъ можно больше людей, и напустили сюда кого попало. Въ теченіи двухъ недѣль въ каждомъ номерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ ежедневно печатались зазывы на юбилей. Мудрено-ли, что тутъ очутилось много господъ, которые сюда явились вовсе не для Бера.

Жаль мнѣ, что такъ плохо отпраздновали день дѣйствительно одного изъ достойнѣйшихъ представителей науки, и еще болѣе жаль, что тутъ все соединилось къ тому, чтобы затмить русское имя и русскую мысль. Да и подѣломъ намъ! Кто самъ себя не уважаетъ, тотъ заставляетъ и другихъ себя не уважать.

Сентябрь 3. Четвергъ. Переѣздъ съ дачи. Ужасная возня. Возы съ вещами насилу пріѣхали къ одиннадцати часамъ ночи: хорошо, что еще ночи лунныя.

5. Суббота. Засѣданіе въ академіи наукъ. Президентъ было опять поднялъ вопросъ о II-мъ отдѣленіи, т. е. о сліяніи его съ III-мъ. Такъ какъ я главный противникъ этого сліянія, то Литке обратился ко мнѣ, чтобы я высказалъ мое мнѣніе относительно компромиса, предложеннаго нѣкоторыми членами. Компромисъ состоялъ въ томъ, чтобы слить всѣ отдѣленія въ одну безразличную массу, и тогда не было-бы никакой обиды національному чувству и отечественной наукѣ въ уничтоженіи втораго отдѣленія, которое такимъ образомъ раздѣлило-бы только общую судьбу всѣхъ другихъ отдѣленій. Я возразилъ, что вообще едва-ли

раціонально и выгодно для науки создать одну огромную машину, которая естественно будетъ тяжела и неповоротлива при рѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ, принадлежащихъ какой-либо отдѣльной группѣ свѣдѣній. Комиссіи не помогутъ дѣлу. Назначать ихъ каждый разъ по каждому текущему вопросу было-бы странно, а образовать постоянныя комиссіи значило-бы допустить тѣ-же отдѣленія. Мнѣ кажется, что для спасенія II-го отдѣленія отъ стыда исключительнаго закрытія не слѣдуетъ прибѣгать къ мѣрѣ, неудобной для всей академіи. И въ такомъ случаѣ гораздо естественнѣе и согласнѣе съ достоинствомъ академіи и съ національнымъ чувствомъ оставить II-е отдѣленіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, уменьшивъ только число членовъ до пяти или шести и даровавъ имъ права, какими пользуются члены другихъ отдѣленій. Говорили много и не пришли ни къ какому рѣшительному заключенію. С. началъ было увертываться, однако, скоро понялъ, что это нехорошо, и выразился въ пользу моего мнѣнія. Билярскій и Г. молчали, Пекарскій что-то пробормоталъ, кажется, противъ, но ничего не сказалъ. Когда Устрялова спросили, считаетъ-ли онъ полезнымъ присоединить исторію ко II-му отдѣленію, онъ хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ, что считаетъ за лучшее оставить ее въ III-мъ, но не подтвердилъ этого никакимъ мотивомъ. Больше его не тревожили. Устряловъ, мнѣ кажется, очень нехорошъ. Лицо у него вспухло и побагровѣло. Я думаю, что онъ долго не проживетъ.

6. Воскресенье. Сегодня Воскресенскій, исправляющій должность ректора спб. университета, поднесъ мнѣ отъ имени послѣдняго дипломъ на званіе почетнаго его члена съ весьма любезными изъявленіями.

Вчера отослалъ Веселовскому, по его настоятельному требованію, для напечатанія отрывокъ рѣчи, которую я приготовилъ къ юбилею Бера и изъ которой могъ сказать только нѣсколько фразъ. Онъ требовалъ всей рѣчи; я послалъ ему только частицу ея, именно то мѣсто, гдѣ мнѣ хотѣлось кратко охарактеризовать философское направленіе ученыхъ трудовъ Бера. Напечатаютъ—хорошо; не напечатаютъ—не будетъ повода къ сплетнямъ.

10. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ и въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Толки о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ одной изъ статей въ нихъ сильно нападаютъ на Головнина

по поводу книги Шедо-Фероти, написанной въ защиту управленія въ Польшѣ, и которую Головнинъ повсюду разсылалъ. Въ другой статьѣ говорится о пожарахъ нынѣшняго лѣта. Тутъ сгруппированы всѣ бывшіе пожары вмѣстѣ съ симбирскимъ и сдѣлано замѣчаніе о поджогахъ. Статья эта, говорятъ, произвела сильное впечатлѣніе за границей.

14. Понедѣльникъ. Ежели есть что-нибудь достовѣрное а свѣтѣ, такъ это то, что нѣтъ ничего достовѣрнаго.

Многіе точно также злоупотребляютъ наукою, какъ и другими вещами. Они считаютъ за науку весь соръ и хламъ, который удается имъ подобрать. Они до крайности злоупотребляютъ словомъ—фактъ; имъ нѣтъ никакого дѣла до смысла его.

Въ пожарахъ обвиняютъ поляковъ, которыхъ цѣлыми толпами выселили изъ Царства Польскаго и изъ западныхъ губерній во внутренніе города имперіи. Мнѣ кажется, что это въ самомъ дѣлѣ ошибка администраціи. Конечно, они не жгутъ городовъ, но содѣйствуютъ распространенію среди легковѣрной молодежи зажигательныхъ идей.

Иной не знаетъ, куда дѣвать свои дни, такъ много у него празднаго времени. Такимъ нечего жаловаться на скоротечность жизни.

15. Вторникъ. Ничто столько не содѣйствуетъ такъ распространенію и усиленію умственной лѣни, какъ неумѣренное чтеніе. Страсть искать всего въ книгахъ и отъ книгъ ожидать во всемъ вразумленія, правилъ и наставленій ослабляетъ силу самостоятельнаго мышленія, стѣсняетъ дѣятельность разума и устраняетъ благотворное на насъ вліяніе собственнаго опыта и наблюденія. На жизнь мы привыкаемъ смотрѣть всегда чужими глазами; она становится для насъ чѣмъ-то далекимъ и мѣсто ея заступаютъ отвлеченныя понятія. Неумѣренное чтеніе раздражаетъ умъ гораздо больше, чѣмъ просвѣщаетъ и укрѣпляетъ его. Не это-ли многочитаніе, поглощающее время и умственныя наши силы, причиною того, что въ наше время такъ мало твердыхъ умовъ и твердыхъ характеровъ?

16. Среда. Катковъ рѣшительно присвоилъ себѣ монополію патріотизма и думаетъ, что кто не по его началу и не по его способу выражаетъ свои патріотическія чувства, тотъ не только не патріотъ, а даже чуть не предатель отечества.

Онъ-то и открылъ настоящій способъ патріотизированія мыслей и поступковъ и до него и безъ него никто изъ русскихъ не зналъ-бы, въ чемъ состоитъ патріотизмъ. Впрочемъ, это свойство большинства москвичей смотрѣть на всю остальную Россію свысока, точно они этимъ какъ-бы хотятъ напомнить претензію древней Москвы на самодержавіе. Правда, въ Петербургѣ много нѣмцевъ, но тутъ нѣтъ также недостатка и въ настоящихъ русскихъ, только послѣдніе не такъ много кричатъ и вопятъ о своемъ патріотизмѣ, какъ москвичи.

19. Суббота. Засѣданіе въ академіи. Ничего, какъ почти всегда.

Былъ у меня Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ. Разговоръ о Головнинѣ и о томъ, какъ онъ разсылалъ книгу Шедо-Фероти. Это произвело большой скандалъ, особенно послѣ статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которыхъ опубликовано содержаніе письма Головнина два года тому назадъ къ редакторамъ. Въ письмѣ этомъ онъ восхваляетъ ихъ за статью по польскому дѣлу и изъявляетъ желаніе собрать ихъ въ одну книжку, напечатать и разослать по учебнымъ заведеніямъ. А теперь онъ разсылаетъ брошюру Шедо-Фероти, гдѣ изложены о томъ-же предметѣ взгляды совершенно противоположные. Правительственный совѣтъ (за отсутствіемъ государя) спрашивалъ у Головнина: точно-ли онъ разсылалъ вездѣ эту книгу и съ какою цѣлью? Онъ отвѣчалъ, что книгу, дѣйствительно, разсылалъ, основываясь на томъ, что если вездѣ и, между прочимъ, въ учебныхъ заведеніяхъ читали нападки (на управленіе въ Царствѣ Польскомъ) по русски, то нехудо, если теперь прочтется защита его по французски. Этотъ отвѣтъ онъ препроводилъ къ государю.

Говорятъ, что поджигатели въ Симбирскѣ пойманы, и во главѣ ихъ не полякъ, а русскій. Горько, если это правда.

21. Понедѣльникъ. Обѣдня и панихида по графѣ Блудовѣ въ память дня его Ангела... Возвратился пѣшкомъ съ Перевощиковымъ, который сегодня имянинникъ и звалъ меня къ себѣ на вечеръ.

Славную штуку выкинулъ, какъ говорится, московскій университетъ. Получивъ изъ департамента министерства народнаго просвѣщенія двадцать экземпляровъ книги Шедо-Фероти для

раздачи, кому сочтетъ нужнымъ, Совѣтъ университета единогласно опредѣлилъ: такъ какъ книга эта не иное что, какъ пасквиль на русское правительство и управленіе, то онъ, университетъ, не считаетъ полезнымъ или умѣстнымъ заботиться о ея распространеніи и полагаетъ возвратить всѣ экземпляры оной въ департаментъ. Что-то скажетъ на это Головнинъ?... Московскій университетъ, мнѣ кажется, сдѣлалъ только одну ошибку—а именно, назвавъ присланную министромъ книгу пасквилемъ на правительство. Онъ лучше сдѣлалъ-бы, отвергнувъ ее безъ этого слова.

Государь, прочитавъ книгу Шедо-Фероти, сказалъ: — „Вотъ оказали медвѣжью услугу ..... “.—Это передалъ мнѣ **.

22. Вторникъ. Вчера въ Апраксиномъ переулкѣ или гдѣ-то по близости вспыхнулъ пожаръ. Однако, его скоро затушили. Пожары у насъ становятся хроническимъ бѣдствіемъ. Въ рѣдкомъ номерѣ газетъ не читаемъ извѣстій о сильныхъ пожарахъ въ разныхъ городахъ и селахъ.

23. Среда. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ и публика, и дума, и полиція признаетъ необходимость обуздать собакъ, которыя бѣгаютъ по городу и кидаются то на лошадей, то на прохожихъ. Нерѣдко также бываютъ печальные случаи бѣшенства и укушенія бѣшенными собаками и взрослыхъ, и дѣтей. Вотъ, напримѣръ, послѣ переѣзда моего съ дачи, въ Павловскѣ вдругъ появилось нѣсколько бѣшенныхъ собакъ и искусало многихъ людей, въ томъ числѣ дѣтей бѣднаго инженернаго полковника П. и его самого. Полиція все принимаетъ мѣры; въ думѣ все толкуютъ то о намордникахъ, то о штрафахъ съ хозяевъ и проч.—и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ толкуютъ, а собаки попрежнему бѣгаютъ по улицамъ, пугаютъ лошадей и людей, бѣсятся и кусаютъ прохожихъ. Вообще Сѣверная Пальмира представляетъ изъ себя чудную картину города, гдѣ безопасности гражданъ на каждомъ шагу что нибудь угрожаетъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы полицейское управленіе совсѣмъ не обнаруживало энергіи. Вотъ, напримѣръ, надняхъ у Гостиннаго двора подъ арками, запрещено разнощикамъ продавать плоды и они изгнаны оттуда, какъ сказано въ объявленіи оберъ-полицеймейстера, за то, что производили тамъ нечистоту и грубо обращались съ покупателями. Теперь, чтобы купить

десятокъ яблокъ или грушъ, надо идти или на Щукинъ дворъ, или въ Милютины лавки.

О пожарахъ мы знаемъ только, что они случились и случаются тамъ-то, больше ничего намъ не сообщается.

Въ Симбирскѣ уже разстрѣляли двухъ признавшихся въ поджогахъ. У нихъ русскія фамиліи, хотя одинъ изъ нихъ уроженецъ Витебской губерніи и католикъ. Это, впрочемъ, должно быть только исполнители, настоящіе двигатели дѣла еще не открыты.

27. Воскресенье. По утру у Воскресенскаго. Не засталъ его дома. Оставилъ карточку и письмо съ изъявленіями благодарности совѣту университета за докторскій дипломъ.

29. Вторникъ. Катковъ и Аксаковъ считаютъ себя настоящими опекунами русскаго народа. Къ Петербургу они питаютъ ненависть и презрѣніе, и его правительственное значеніе считаютъ чистой узурпаціей. Стóитъ только жить въ Петербургѣ, чтобы, по ихъ мнѣнію, потерять всякое патріотическое чувство къ Россіи. Тотъ не патріотъ, кто не оретъ, не бѣснуется, не ломаетъ стульевъ и столовъ.

Разнесся слухъ, которому я, однако, не вѣрю, будто московскій университетъ просилъ у министра народнаго просвѣщенія извиненія за свой поступокъ съ книгою Шедо-Фероти. Я съ самаго начала былъ того мнѣнія, что московскій университетъ погорячился, но лишь въ томъ, что назвалъ эту книгу пасквилемъ. Это, конечно, было сказано крѣпко—но и извиненіе тоже выходитъ крѣпко. Объ извиненіи говорилъ Чевкинъ—Княжевичу въ государственномъ совѣтѣ. Княжевичъ послалъ вопросъ въ Москву къ одному изъ своихъ пріятелей: правда-ли это? но отвѣта еще не получилъ.

Октябрь 1. Четвергъ. Вечеръ у **. Тутъ нашелъ я много, такъ называемыхъ, знаменитостей, среди которыхъ я казался себѣ такимъ маленькимъ, такимъ маленькимъ! Забавно, что всѣ эти господа осматривали другъ друга, какъ собаки, готовыя къ схваткѣ и къ взаимному кусанію. Все это громадныя самолюбія съ претензіями на абсолютную непогрѣшимость и съ стремленіемъ нагадить всякому, чѣмъ Богъ послалъ, лишь только этотъ всякій осмѣлится обнаружить мнѣніе несогласное съ ихъ мнѣніемъ.

Вотъ наши ученыя и литературныя общества! Въ нихъ уже никакъ нельзя явиться, не нося камня за пазухой. Пріятное препровожденіе времени! Одинъ посмотрѣлъ на меня свирѣпо, другой свысока, третій и вовсе не удостоилъ взглядомъ. Правду сказать, я самъ обратилъ на все это вниманіе только ради его смѣшной стороны. Весь вечеръ я проговорилъ съ Г., съ его женою, моею бывшею институтскою ученицею, большою умницею, и съ какимъ-то профессоромъ одесскаго лицея. Такъ проведено время до половины двѣнадцатаго ночи.

2. Пятница. Не умолкаютъ толки о Головнинѣ, московскомъ университетѣ и Шедо-Фероти. Петербургъ давно не имѣлъ случая потѣшиться такимъ хорошимъ скандаломъ. А сколько лгутъ—не приведи Господи! Нѣтъ рѣшительно никакой возможности добраться до истины между этими безчисленными: „я самъ тому свидѣтель—я слышалъ изъ устъ самовидца—слышалъ отъ достовѣрнѣйшаго человѣка“ и пр., и пр.

4. Воскресенье. По утру былъ съ визитомъ у Егора Оттовича Дуве, начальника винныхъ акцизовъ въ Витебской губерніи. Отъ него услышалъ я о новомъ распоряженіи, чтобы всѣ поляки, служащіе тамъ, были немедленно уволены отъ своихъ должностей съ предоставленіемъ имъ права искать себѣ мѣстъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Хорошо и должно говорить о русскомъ элементѣ, о преобладаніи его надъ элементами другихъ народностей въ имперіи. Но пока мы будемъ только говорить или кричать по московски объ этомъ, мы немного пользы сдѣлаемъ. Надобно, чтобы вся наша народность подтверждала это право на преобладаніе не одною своею численностью и грубою силою, а своимъ развитіемъ, своими умственными, нравственными и общественными успѣхами. Теперь, кажется, рано еще слишкомъ кричать объ этомъ, потому-что успѣхи наши не блестящи. Наша народность пока сильна только своею численностью, смутнымъ сознаніемъ своей силы и смутнымъ-же стремленіемъ къ самостоятельности. Разумѣется, и эту силу, и эту самостоятельность, равно какъ и сознаніе ихъ, надо всячески поддерживать, но не крикомъ и показываніемъ кулаковъ, а болѣе дѣятельными и твердыми стремленіями къ развитію нашихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ—къ развитію народной интеллигенціи. Пока это не будетъ засвидѣтель-

ствовано опытами и очевидными результатами, до тѣхъ поръ ни нѣмцы, ни поляки не будутъ насъ внутренно уважать, а будутъ только насъ бояться да ненавидѣть и порочить. Намъ слѣдуетъ быть скромнѣе и умѣреннѣе, а не слѣдовать примѣру московскихъ журналистовъ, которые хвастаютъ, что они одни открыли и знаютъ настоящій составъ русскаго патріотизма — изъ какихъ спецій состоитъ этотъ соусъ.

6. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Встрѣтилъ много знакомыхъ. Разговоръ въ кружкѣ, состоявшемъ изъ меня, изъ директора департамента сборовъ, Маркевича и Г. Директоръ былъ недавно въ губерніяхъ и вывезъ оттуда, какъ онъ говоритъ, очень грустное впечатлѣніе. Вездѣ хаосъ. Рѣчь зашла о пьянствѣ. — „Обвинять въ этомъ акцизную систему“, сказалъ директоръ,— „нельзя: это страшное, наслѣдственное наше зло“. — „Однако, надо-же противъ этого принять какія-нибудь мѣры“.—„Да, вотъ мы и приняли мѣру: увеличеніе пошлины за патенты на открытіе питейныхъ заведеній. Полагаютъ, что это уменьшитъ ихъ число, а съ уменьшеніемъ мѣстъ питья и пьянство должно уменьшиться“. —„Но это не отвратитъ зла. Тутъ надо взять вещи глубже. Зло въ нравахъ, и надо-бы принимать соотвѣтственныя мѣры“. —„Конечно“, продолжалъ директоръ, „полиція могла-бы препятствовать нѣсколько распространенію зла; но полиція находится въ полномъ бездѣйствіи“.

Маркевичъ разсказалъ нѣсколько фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, объ отношеніяхъ нашего народа къ полякамъ, группами раскиданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по внутреннимъ губерніямъ. Сначала онъ дико смотритъ на нихъ и негодуетъ, что къ нимъ насылаютъ этихъ „измѣнниковъ“. Но такъ какъ эти „измѣнники“ хитры и по наружности ведутъ себя неукоризненно, то скоро ненависть къ нимъ уступаетъ мѣсто самому радушному и ласковому обращенію.

8. Четвергъ. Низшее смѣняется высшимъ, которое парализируетъ это низшее. Но скачками ничего не дѣлается: черезъ низшее нельзя перешагнуть къ высшему, а надо взглянуть ему прямо въ лицо и заставить его уступить высшему, потому что оно оказывается передъ нимъ несостоятельнымъ, какъ несостоятельно все слабѣйшее передъ сильнѣйшимъ, неправое передъ правымъ, одностороннее передъ болѣе полнымъ и прочее. И низшее должно быть—но быть и господствовать должно высшее.

Одинъ трудъ даетъ право на вознагражденіе: лучшее достигается одними пожертвованіями, побѣда—битвами. Всѣ эти истины извѣстны до пошлости, однако, повторять ихъ приходится часто.

9. Пятница. Конвенція, заключенная Наполеономъ съ Викторомъ Эммануиломъ, тѣмъ самымъ уже много говоритъ въ пользу Италіи, что она заключена съ Италіей, а не съ Римомъ. Какое-бы ни было ея содержаніе, а важно то, что существенною стороною тутъ признается Италія и о дѣлахъ папы трактуется не съ нимъ, а съ нею. Какого еще доказательства преобладанія Италіи въ Италіи?

11. Воскресенье. У А. М. Княжевича. День его рожденія. Ему минуло 72 года.

Слухи, что Головнинъ писалъ къ государю, откровенно признаваясь въ ошибкѣ своей, подавшей поводъ къ извѣстному (событію) съ Шедо-Фероти. Онъ оправдывается тѣмъ, что увлекся безпредѣльною (преданностью) своею.... и прибавляетъ, что если имѣлъ несчастіе навлечь на себя этимъ неудовольствіе государя, то проситъ уволить его отъ должности. Государь будто-бы отвѣчалъ, что это пустяки, чтобъ онъ не безпокоился и оставался на своемъ мѣстѣ.

12. Понедѣльникъ. Странное, дикое время! Разладица всеобщая: административная, нравственная и умственная. Деморализація въ народѣ и въ обществѣ растетъ и зрѣетъ съ изумительною быстротою. Умы серьозные тщетно стараются противодѣйствовать злу. Да и много-ли ихъ, этихъ умовъ? Общественное воспитаніе запуталось въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, т. е. въ разныхъ педагогическихъ умозрѣніяхъ необдуманныхъ еще и не выработанныхъ: ему недостаетъ твердыхъ ни умственныхъ, ни нравственныхъ началъ. Власть никѣмъ не уважается; о законѣ и законности и говорить нечего: они и прежде имѣли у насъ только условное своеобразное значеніе, т. е. настолько, насколько ихъ можно было обойти въ свою пользу. Настоящей, такъ сказать, разумной (перемѣны) намъ не изъ чего дѣлать: у насъ нѣтъ матеріаловъ для нея, хотя, повидимому, все къ ней и клонится. Но, по свойству нашихъ нравовъ и по складу нашего ума, мы способны дойти путемъ деморализаціи до состоянія полной анархіи, на что уже и теперь есть очевидные намеки. Странное, дикое время!

13. Вторникъ. Свѣтитъ-ли Божье солнце на землю, трещитъ-ли морозъ въ 20°, идетъ-ли дождь, стоишь-ли ты по колѣни въ грязи—во всемъ исполняются непреложные законы природы. Кричи, сколько хочешь, человѣкъ въ одномъ случаѣ: мнѣ тепло, въ другомъ: мнѣ холодно и сыро — онъ этимъ ничему не поможетъ. Однако, была-бы ложь, если-бъ я думалъ и говорилъ противное.

14. Среда. Въ оперѣ. Давали „Сонамбулу“. Увы! и тѣни ничего подобнаго съ тою „Сонамбулою“, въ которой нѣкогда участвовали Віардо, Рубини, Тамбурини. Я уѣхалъ послѣ половины пьесы. На нашемъ корридорѣ въ театрѣ учинено воровство: оставили безъ шубъ трехъ дамъ. Лакей ушелъ въ раекъ смотрѣть представленіе, оставивъ шубы на чье-то попеченіе: вернулся и ни шубъ, ни попечителя не оказалось больше въ наличности.

15. Четвергъ. Безчисленные толки о поѣздкѣ государя во Францію, о его свиданіи съ Наполеономъ и особенно о поѣздкѣ наслѣдника въ Римъ. Толки эти, разумѣется, не опираясь на знаніе тайныхъ пружинъ дипломатіи, заключаютъ въ себѣ не много правдоподобнаго. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей“ говорятъ, что насъ хотятъ закурить ѳиміамомъ, завлечь въ невыгодныя уступки по восточнымъ дѣламъ,—что Наполеонъ непремѣнно насъ надуетъ и т. д. Но поѣздка въ Римъ наслѣдника цесаревича Николая Александровича, дѣйствительно, является странною—если только она состоится. Тамъ недавно (осуждали) насъ наповалъ; мы принуждены были отозвать оттуда нашего посланника—и вотъ, однако, намѣрены сдѣлать визитъ св. отцу. Непонятно! Подождемъ объясненій отъ всеобъясняющаго времени.

Поджоги у насъ дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ маніи, чѣмъ-то въ родѣ препровожденія времени. Недавно поймали одного поджигателя и когда у него спросили, что побудило его къ поджогу: мщеніе, желаніе воровать? Онъ отвѣчалъ, что ни то, ни другое; а онъ поджогъ такъ, и самъ не знаетъ почему. Другой самъ донесъ на себя и на подобные вопросы отвѣчалъ такимъ-же точно образомъ. Вотъ широкая натура! Однако-жъ, что это такое? Аксаковъ скажетъ, что это великія силы великой національности, не направленныя какъ должно и потому проявляющія въ себѣ преимущественно элементъ разрушенія.

А въ сущности, я думаю, это объясняется проще. Русскій человѣкъ въ настоящій моментъ не знаетъ ни права, ни закона. Вся мораль его основана на случайномъ чувствѣ добродушія, которое, не будучи ни развито, ни утверждено ни на какомъ сознательномъ началѣ, иногда дѣйствуетъ, а иногда заглушается другими болѣе дикими инстинктами. Единственною уздою его до сихъ поръ былъ страхъ. Теперь страхъ этотъ снятъ съ его души. Слабость существующей еще надъ нимъ правительственной опеки такова, что онъ опеку эту въ грошъ не ставитъ. Безнаказанность при полномъ отсутствіи нравственныхъ устоевъ подстрекаетъ его къ подвигамъ, которые онъ считаетъ простымъ молодечествомъ, а нерѣдко и корысть руководитъ имъ. . . . . Безнаказанность и „дешевка"—вотъ гдѣ сѣмя этой деморализаціи, которая свирѣпствуетъ въ нашемъ народѣ и превращаетъ его въ звѣря, не смотря на его прекрасныя способности и многія хорошія свойства.

16. Пятница. Держись крѣпче—за что нибудь да держись, чтобы вотъ этотъ приливъ и напоръ темныхъ мыслей не увлекъ тебя въ бездну. Характеръ, нравственное самообладаніе, свобода—вѣдь это тѣ старыя ступени, на которыхъ ты думалъ всегда основать и утвердить себя: неужели онѣ сгнили и подломились?

Былъ Порошинъ. Теперь онъ пріѣхалъ изъ Парижа съ цѣлью: нельзя-ли собрать здѣсь средства и матеріальныя, и литературныя, чтобы издавать въ Парижѣ журналъ о Россіи въ родѣ „Revue Britanique". Онъ жаловался мнѣ на совершенную безучастность къ этому дѣлу, встрѣченную имъ какъ между людьми мысли и науки, такъ и между сильными. Его приглашаютъ занять въ университетѣ каѳедру финансовыхъ наукъ.

17. Суббота. Я отказался отъ составленія отчета за нынѣшній годъ по II-му отдѣленію Академіи наукъ. Отчетъ долженъ быть читанъ 29-го декабря. Это взялъ на себя Я. К. Гротъ.

18. Воскресенье. Неужели это правда, что пожарами потѣшаются наши нигилисты, а совсѣмъ не поляки, которымъ это сначала приписывали? Изъ послѣднихъ только немногіе привлечены къ отвѣту по этимъ подвигамъ.

Тѣло изнашивается, какъ платье. Въ немъ дѣлаются прорѣхи, которыя медицина старается кое-какъ заштопать или по-

ложить на нихъ заплату. Но, наконецъ, оно превращается въ тряпку, годную только на то, чтобы ее выбросить и зарыть въ яму.

19. Понедѣльникъ. Иные люди съ заслугами: такъ и хотѣлось-бы ихъ уважать. Но когда увидишь, какъ непомѣрно они себя цѣнятъ, въ какое величіе облекаются и какъ безпрестанно смотрятся въ зеркало своего самолюбія до полной утраты всякой способности видѣть что-нибудь кромѣ себя и своей красоты, то немедленно прячешь опять свое уваженіе подальше. Такъ оно и остается едва-ли не навсегда въ экономіи.

До какой степени, однако, исподличались люди нашего времени, если справедливо, что пожары произведены были (нигилистами). Вѣдь они, значитъ, поступаютъ на подобіе подлѣйшихъ грабителей. И вотъ какимъ способомъ они хотятъ улучшить судьбу рода человѣческаго.

20. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Встрѣча со многими знакомыми, особенно съ бывшими моими студентами, которые, повидимому, рады были видѣться со мною. Бесѣда съ разными лицами. Все одно и то же: нескончаемыя жалобы на нынѣшнее положеніе вещей, на всеобщую разладицу и распущенность. Земскія учрежденія никакъ не прививаются. Люди, т. е. помѣщики, жалуются, что ихъ помазали по губамъ — обѣщали имъ серьозныя занятія, а вмѣсто того дали программу, для которой не стоило дѣлать столько ломки и шуму. Оттого между болѣе значительными и умными помѣщиками возникла пассивная опозиція. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ. Жалобы также на то, что пошлый демократизмъ принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры и грозитъ важными бѣдами. Мужикъ не исполнилъ своихъ обязанностей, мужикъ вырубилъ вашъ лѣсъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ у васъ своровалъ — вы не найдете на него управы у мѣстныхъ властей.

Мы все спускаемся по скату и съ неудержимой быстротой мчимся въ пропасть, которой предѣловъ и дна не видно. Что дѣлать! исторія ничего даромъ не даетъ—видно и намъ приходится поплатиться. Вѣдь съ Петра Великаго мы находимся въ неестественномъ и напряженномъ состояніи; надобно-же, чтобы это разрѣшилось какимъ-нибудь кризисомъ. Я не вѣрю въ необходимость сочиняемыхъ революцій: но если ихъ сочиняетъ исторія?

Надобно, однако, стараться купить у ней то, что она неизбѣжно и неотразимо навязываетъ, какъ можно дешевле—заплатить 50, когда она запрашиваетъ 100. Долгъ каждаго честнаго человѣка содѣйствовать этому удешевленію, а не накапливать дѣла, за которое придется платить страшные проценты. Вотъ почему я мой либерализмъ смягчаю консервативнымъ принципомъ.

Либерализмъ надобно просѣвать сквозь сито консерватизма: пусть выпадаетъ чистая мука, а шелуха выбросится вонъ.

21. Среда. Обсуживать фактъ столько-же необходимо, какъ и имѣть о немъ понятіе. Обсуживать фактъ—значитъ открывать смыслъ его, его отношеніе къ другимъ фактамъ и мѣсто, занимаемое имъ въ ряду ихъ. Впрочемъ, многіе другіе интересы могутъ сопрягаться съ извѣстнымъ фактомъ и входить въ сужденіе о немъ.

Мыслящій ученый долженъ обсуживать факты.

22. Четвергъ. Память по Невѣровскомъ въ церкви института слѣпыхъ. Служба была очень хороша, также и пѣніе бѣдныхъ слѣпыхъ.

24. Суббота. Если вы не будете чувствовать отвращенія ко всему злому и безобразному, то какъ-же вы почувствуете расположеніе къ доброму и прекрасному?

Засѣданіе въ академіи наукъ. Послѣдовало соглашеніе между членами II-го отдѣленія на счетъ необходимости поддерживать самостоятельность послѣдняго, на которую было посягнула комиссія для разсмотра проекта новаго устава. Сперва только я и Срезневскій были защитниками этой самостоятельности, но когда предложена была комбинація, чтобы отъ III-го отдѣленія взять русскую исторію и древности и присоединить ихъ, по сродству предметовъ, ко II-му отдѣленію, тогда къ намъ пристали Гротъ и Пекарскій. Одинъ противъ всего этого оставался Билярскій, изъ какихъ видовъ—ужъ не знаю.

Еще Гротомъ предложено было, чтобы членовъ-корреспондентовъ разъ въ мѣсяцъ приглашать на наши засѣданія „для литературнаго оживленія“. Противъ этого возсталъ (Петръ Петровичъ) Пекарскій — почему? казалось-бы непонятнымъ. Впрочемъ, онъ объявилъ, что къ литературѣ и литераторамъ не питаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Онъ хочетъ быть вѣренъ одной наукѣ, но о наукѣ имѣетъ самое странное одностороннее

понятіе. Онъ, повидимому, думаетъ, что она состоитъ единственно въ выпискахъ изъ архивныхъ актовъ и въ накопленіи матеріаловъ на подобіе того, какъ онъ это сдѣлалъ въ своей книгѣ о литературѣ и наукѣ въ эпоху Петра Великаго. Положимъ, трудъ этотъ—трудъ почтенный, но тѣмъ не менѣе нельзя смотрѣть на науку такъ узко. Для Пекарскаго, кажется, мысль не существуетъ въ наукѣ: факты, цифры, буквы—вотъ все, что онъ признаетъ въ ней. Срезневскій согласился со мной на предложеніе Грота и даже упомянулъ о философскомъ и художественномъ элементѣ въ изученіи литературы.

С. и Билярскій опять-таки столкнулись въ засѣданіи. Билярскій утверждалъ, что онъ могъ-бы быть въ академіи (въ III отдѣленіи) представителемъ философіи языка, а С. увѣрялъ его, что онъ не могъ-бы быть такимъ представителемъ, потому что онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ или знаетъ лишь немногіе. Билярскій разсердился и замѣтилъ С., что не ему-бы объ этомъ говорить, такъ какъ онъ самъ ничего не знаетъ, и т. д., но я и Гротъ поспѣшили прекратить это, обративъ вниманіе отдѣленія на другіе предметы.

26. Понедѣльникъ. Вы поддерживаете матеріальную сторону науки — надо-же, чтобъ были и такіе представители ея, которые поддерживали-бы и ея духовную сторону. Только въ этомъ уравновѣшеніи интересовъ матеріальныхъ съ внутренними и духовными наука находитъ и свою точку опоры и обѣщаетъ счастливые результаты. Разъединеніе этихъ силъ и элементовъ въ наукѣ было бы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, великою несообразностью.

Писатели — представители живой движущейся мысли; академики—представители мысли установившейся, утвердившейся. Но такъ какъ мысли человѣческой не суждено стоять на мѣстѣ, а, напротивъ, суждено вѣчно идти впередъ, то ей нужно и пособіе силы движущейся и, слѣдовательно, движущей точно такъ же, какъ этой послѣдней нужна сдерживающая сила мысли академической.

Неужели талантъ есть что-нибудь чуждое академіи? Если академія его не вырабатываетъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что она не должна его уважать или обязана отъ себя отпихивать тамъ, гдѣ представляются точки соприкосновенія между ею и

имъ, какъ напримѣръ въ изслѣдованіи отжившаго языка и литературы съ живымъ языкомъ и литературою. Отдѣленіе русскаго языка и словесности менѣе всего можетъ уединяться отъ жизни и общества, потому что въ языкѣ и литературѣ лежатъ и выражаются самые драгоцѣнные ихъ интересы. Авторитетъ отдѣленія выиграетъ отъ соединенія съ живыми силами литературы, потому что онъ будетъ поддержанъ силами, имѣющими важное вліяніе на общество: этимъ соединеніемъ отдѣленіе докажетъ свое уваженіе къ тому, что дорого обществу. И почему считать ничтожнымъ сужденіе живаго талантливаго писателя о достоинствахъ и заслугахъ какого-нибудь автора, уже пріобрѣвшаго себѣ мѣсто въ исторіи. Академія, конечно, должна привлекать въ свои стѣны только тѣхъ писателей, которые обнаруживаютъ несомнѣнный талантъ и сильно содѣйствуютъ эстетическому и умственному развитію общества. Принятіе въ свои сочлены и соучастники такихъ литературныхъ дѣятелей, я полагаю, не унизитъ академіи, а дастъ ей новый блескъ и значеніе. Она, современемъ, можетъ даже присвоить себѣ какъ бы родъ санкціи значенія писателя и того вниманія, какое ему оказываетъ общество. Тогда, если-бы явился талантъ сомнительнаго свойства или съ такими принципами, которыхъ академія не можетъ одобрить, и она отвергла-бы его, то это уже не могло-бы служить ей укоромъ: всякій зналъ-бы, что это происходитъ не отъ равнодушія ея или невниманія къ успѣхамъ живой отечественной словесности, а отъ другихъ совершенно уважительныхъ причинъ. Возраженіе, что академія тѣмъ самымъ вовлечется въ омутъ разныхъ литературныхъ сплетенъ текущей литературы, мнѣ кажется, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія: это значило-бы сомнѣваться въ способности академіи поддерживать собственное достоинство.

Вчера заѣзжалъ ко мнѣ Норовъ: убѣдительно проситъ къ себѣ обѣдать. Чудакъ, ей Богу! Я обѣщался.

28. Вторникъ. Это неправда, будто московскій университетъ извинялся передъ министромъ Головнинымъ по дѣлу о книгѣ Шедо-Фероти. Это была одна изъ тысячи сплетенъ.

Къ несчастью, тѣ, которымъ всего нужнѣе знать истинное положеніе дѣлъ, узнаютъ о немъ всегда слишкомъ поздно. Поздно будетъ вразумлять массу въ уваженіи къ закону, къ правамъ собственности помѣщиковъ и пр., когда „передовые

люди" развратятъ ее настолько, что она захочетъ всего: тогда всякое обращеніе къ порядку, къ закону будетъ сочтено за реакцію.

У насъ еще не выработалось и не установилось никакихъ понятій о законности и правѣ, и потому нѣтъ ничего легче, какъ впасть нашему народу въ совершенную анархію.

Изъ иныхъ головъ, довольно, впрочемъ, пустыхъ, выпрыгиваютъ по временамъ легенькія, красивенькія идейки, которымъ страсть какъ хочется побѣгать по свѣту и погулять на волѣ. Слабоумные родители ихъ ни въ чемъ не хотятъ ихъ руководить или стѣснять, и идейки до того распаливаются и становятся такими своенравными, раздражительными, что начинаютъ идти наперекоръ здравому смыслу, который тогда, въ свою очередь, на нихъ ополчается: иногда онъ не прочь даже и посѣчь ихъ. Самая чувствительная для идеекъ въ такомъ случаѣ розга есть насмѣшка.

Ноябрь 1. Воскресенье. Утромъ зашелъ къ Ржевскому. Тамъ разговоръ съ здѣшнимъ предводителемъ дворянства Татищевымъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ толковымъ. Жалобы на демократическія притѣсненія помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ. О земскомъ учрежденіи говоритъ, что врядъ-ли его можно примѣнить, что дворянство и ехочетъ такого ничтожнаго учрежденія и пр., и пр.

Ни одна изъ многихъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, не должна преобладать надъ другими: всѣ силы должны уравновѣшивать другъ друга, и это стремленіе къ равновѣсію есть разумъ общества, его благодѣтельный ангелъ-хранитель.

Въ наукѣ, напримѣръ, стремленіе собирать и копить матеріалы полезно и необходимо. Но необходимо дать мѣсто и мысли, теоріи. Буквоѣды говорятъ обыкновенно: дайте прежде накопить матеріаловъ, а тамъ послѣ, когда-нибудь вы ихъ осмыслите и оживотворите мыслью и духомъ. Но когда-же? Законченныхъ полныхъ результатовъ вы никогда не дождетесь: важенъ самый процессъ дѣятельности, ибо человѣкъ есть безпрерывная дѣятельность. Но хорошо-ли въ самомъ процессѣ дѣятельности опираться только на одну силу, исключая другія, столь-же важныя и необходимыя? Хорошо-ли вмѣсто четырехъ или двухъ колесъ ѣхать на одномъ, или смотрѣть однимъ глазомъ, прищуривъ другой?

Вечеромъ у С. Бесѣда съ (А. В.) Лохвицкимъ, Чебышевымъ-Дмитріевымъ и пр. Лохвицкій уменъ, но немножко смахиваетъ на ярыгу. Его завтра будутъ баллотировать въ профессора здѣшняго университета по юридическому факультету. Университетъ, пожалуй, сдѣлаетъ въ немъ пріобрѣтеніе въ отношеніи науки, особенно при нынѣшнемъ безлюдьи—но держи ухо востро, университетъ! Онъ постарается прибрать въ руки всю ученую братью, а какъ это ему, конечно, не удастся, то покушенія его будутъ источникомъ большихъ нестроеній въ корпораціи.

Долго разговаривалъ съ Костомаровымъ. Его статья „Вѣче въ Россіи“ заарестована въ цензурѣ, Богъ знаетъ за что. Цензорамъ показалось, что не слѣдуетъ напоминать, что когда-то давно у насъ народъ собирался разсуждать о своихъ дѣлахъ. Мнѣ хочется помочь Костомарову и какъ совѣтъ (по дѣламъ печати) по его жалобѣ передалъ статью на мое разсмотрѣніе, то я надѣюсь, что мнѣ удастся не допустить цензуру до этой глупости.

2. Понедѣльникъ. Поутру приходилъ Костомаровъ для объясненій по своей статьѣ. Я посовѣтовалъ ему пожертвовать двумя тремя словами и одной фразой, чтобы „не дразнить“...

3. Вторникъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ художественной литературы характеры являются искуственно-сложенными, а не органически-развитыми. Таковы, напримѣръ, характеры въ нѣмецкихъ романахъ. Нѣмецъ-романистъ самъ себѣ скажетъ: вотъ надобно составить характеръ чудака-профессора. Является идея чудака-профессора въ видѣ схемы. Потомъ романистъ начинаетъ въ умѣ своемъ подбирать черты, относящіяся къ этой идеѣ. Вотъ, напримѣръ, встрѣчается рожа съ особенно педантическими ужимками—давай ее сюда! Черта берется и бережно откладывается въ сторону. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя эксцентрическія понятія о жизни, людяхъ и пр. Все это прикладывается одно къ другому и когда накопится порядочное количество этихъ кусочковъ идеи, по мнѣнію автора достаточное, чтобы наполнить ими схему, онъ ихъ сортируетъ, складываетъ и выходитъ чудакъ-профессоръ, т. е. автоматъ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни или съ признаками, пугающими воображеніе читателя, какъ пугаютъ зрителя восковыя фигуры съ смотрящими

стеклянными глазами и съ механически размахивающими руками. Это настоящіе Парацельзовы гомункулы.

На чтеніи въ клубѣ. Читалъ Плетневъ (?) на тему: земледѣльческое-ли государство Россія? О самомъ вопросѣ онъ немного сказалъ, но вообще говорилъ очень легко, живо и умно. Ему часто хлопали.

4. Среда. Наше время принято называть переходнымъ. Но не всѣ-ли времена переходныя, т. е. не всѣ-ли они служатъ ступенью отъ прошедшаго къ будущему. Каждое время не есть что-нибудь самостоятельное: оно стоитъ въ срединѣ между тѣмъ, что было, и между тѣмъ, что будетъ. Отъ одного оно заимствуетъ причины и основанія, а для другаго, въ свою очередь, служитъ причиною и основаніемъ. Если за признакъ переходности считать безпорядки, броженія, отсутствіе прочно постановленныхъ началъ и учрежденій — словомъ ломку отжившаго, то и это несправедливо. Переходятъ всегда не къ болѣе прямому или разумному, а къ новому. Это не иное что, какъ законъ вѣчнаго движенія—законъ perpetuum mobile.

5. Четвергъ. Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Совѣтъ, по нѣкоторымъ возраженіямъ, утвердилъ мое представленіе о дозволеніи напечатать статью Костамарова „О вѣчѣ“ въ журналѣ Ахматовой „Дѣло и Отдыхъ“.

Пржецлавскій (Осипъ Антоновичъ) читалъ свою записку о „злокачественности“ „Московскихъ Вѣдомостей“; онъ говоритъ въ ней, что газета эта была очень полезна, возбуждая народное чувство во время польскаго возстанія; но потомъ она присвоила себѣ право, дозволенное только въ государствахъ конституціонныхъ, порицать всѣ дѣйствія правительства и высшихъ правительственныхъ лицъ, сдѣлавшись настоящимъ органомъ оппозиціи. Записка, надо отдать ей справедливость, написана ловко и умно. Такъ какъ члены совѣта, въ томъ числѣ и я, при первомъ заявленіи Пржецлавскаго объявили, что они не подпишутъ протокола, ибо они не могутъ согласиться съ безусловнымъ осужденіемъ московской газеты, хотя и не отвергаютъ, что она вышла изъ предѣловъ, дозволенныхъ у насъ въ печати, то Пржецлавскій доставилъ записку свою прямо министру. Поэтому совѣтъ опредѣлилъ: принять ее къ свѣдѣнію и ожидать дальнѣйшаго распоряженія министра.

6. Пятница. Въ прошедшемъ засѣданіи географическаго общества Безобразовъ, въ присутствіи великаго князя, читалъ записку о гирлахъ у Ростова-на-Дону, о ихъ засореніи, необходимости очистки ихъ и проч. Тутъ находился, между прочимъ, городской голова Ростова, человѣкъ, говорятъ, умный и значительный. Выслушавъ записку Безобразова, онъ попросилъ слова: онъ говорилъ о томъ-же, приводя и свои мнѣнія. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Но между неудобствами, которымъ въ настоящее время подвергается Ростовъ, есть еще одно весьма важное для мѣстнаго населенія: это то, что ни одинъ обыватель не можетъ быть спокоенъ, если не имѣетъ въ своемъ распоряженіи револьвера".

Общее мѣсячное собраніе въ академіи наукъ. Ничего.

8. Воскресенье. Утромъ у Тройницкаго. Онъ очень боленъ. Я засталъ у него четырехъ докторовъ. Худой знакъ! Я спросилъ у Пеликана: „Какая у него болѣзнь? говорятъ, ревматизмъ?"—„Чистѣйшая подагра", отвѣчалъ онъ. А между тѣмъ, больной увѣренъ, что у него ревматизмъ. Скверно то, что подагра летучая. Она открылась у него вдругъ. Я просидѣлъ у больнаго часа два: онъ, казалось, былъ доволенъ моимъ посѣщеніемъ и удерживалъ меня. Тутъ я познакомился съ докторомъ Тильманомъ и съ директоромъ земскаго отдѣла Замятинымъ. При уходѣ встрѣтился съ министромъ Валуевымъ, съ которымъ не видѣлся больше года. Очень любезенъ.

9. Понедѣльникъ. Какъ ни гадко у насъ все и какъ ни гадки мы сами, а все-таки мы не нѣмцы, не французы, не англичане, а русскіе и должны оставаться русскими.

10. Вторникъ. Положеніе N.N., говорятъ, упрочивается.

Заходилъ къ Норову. Встрѣченъ съ объятіями. У насъ съ нимъ возобновились дружескія отношенія. Жалкій министръ, онъ, какъ человѣкъ, имѣетъ свои привлекательныя качества и съ возвращеніемъ его къ частной жизни качества эти опять вступили въ свои права. Наши отношенія теперь уравновѣшены.

Норовъ издалъ книгу „Даніилъ игуменъ" и снабдилъ ее своими примѣчаніями.

Отчего у людей честныхъ меньше мужества дѣлать честныя дѣла, чѣмъ у мошенниковъ дѣлать злыя?

16. Понедѣльникъ. Прегнусная ночь. Въ головѣ барабанило и давило, какъ уже давно не было.

Навѣщалъ больнаго Тройницкаго. Ему лучше.

18. Среда. Депутація остзейскихъ крестьянъ, прибывшая сюда просить государя о распространеніи на нихъ Положенія 19-го февраля, принята дурно. Она атаковала какъ-то государя въ Царскомъ селѣ и была отослана съ флигель-адъютантомъ къ Валуеву, а тотъ велѣлъ ей немедленно отправляться во-свояси. Депутація московскаго купечества совсѣмъ не была принята. Она, какъ говорятъ, являлась для объясненій по поводу торговой конвенціи, которая будто-бы заключается не въ пользу русской торговли на основаніи принципа свободы.

N. N. видимо усиливается. Надняхъ Головнинъ давалъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ и Валуевъ. Рейтернъ и Головнинъ крѣпче, чѣмъ когда-либо.

Министръ внутреннихъ дѣлъ велѣлъ разсмотрѣть въ совѣтѣ (по дѣламъ печати) записку Пржецлавскаго о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и положить по ней свое заключеніе, когда выздоровѣетъ Тройницкій. До меня не дошла еще она. Дѣло это весьма щекотливое. Пржецлавскій подкрался для нанесенія удара газетѣ какъ-разъ впору, т. е. когда извѣстная партія замѣтно усиливается. Я поступлю, какъ всегда, по своему крайнему убѣжденію.

Говорятъ, Головнинъ многихъ изъ московскихъ профессоровъ представилъ къ обычнымъ наградамъ. Государь всѣмъ отказалъ. Значитъ и правосудіе удовлетворено, и Головнинъ выказалъ свое великодушіе.

19. Четвергъ. Накопилась пропасть дѣлъ. Надо еще писать замѣчанія на академическій уставъ. Мой протестъ, однако, помогъ. По новому уставу рѣшено не сливать II-го отдѣленія съ прочими, и предоставить ему самостоятельность.

22. Воскресенье. Поутру у В—вича. Разговоръ о нынѣшнихъ дѣлахъ неутѣшительнаго свойства. Онъ человѣкъ умный и честолюбивый, сильно добивался власти и участія въ дѣлахъ, а теперь онъ только сенаторъ. О немъ говорятъ, что онъ не чисто поступалъ въ дѣлахъ раскольничьихъ, которыя при Николаѣ I были ему поручены—будто-бы онъ бралъ съ раскольниковъ взятки, а между тѣмъ проповѣдывалъ чуть не крестовый походъ противъ нихъ. И теперешній взглядъ его на раскольниковъ не отличается либеральностью. Онъ увѣренъ, что

въ нихъ таятся сѣмена важныхъ соціальныхъ и политическихъ переворотовъ.

У него встрѣтился я также съ княземъ Урусовымъ, который назначенъ докладчикомъ по дѣламъ человѣколюбиваго общества. Эти дѣла, какъ и всѣ другія у насъ, страдаютъ большими неурядицами, особенно въ денежномъ отношеніи.

23. Понедѣльникъ. Человѣкъ жалуется на скоротечность жизни: а что-бы онъ дѣлалъ съ жизнью болѣе продолжительною?

Жизнь не даръ, а долгъ. Притча о талантахъ заключаетъ въ себѣ глубокую истину.

24. Вторникъ. Въ честномъ сердцѣ существуетъ потребность прямо и откровенно высказаться, когда отъ него требуютъ мнѣнія. Объ остальномъ оно не заботится: это уже не его дѣло.

Изъ многихъ опытовъ жизни я узналъ, что въ сумятицѣ человѣческихъ страстей и своекорыстій идея рѣдко одерживаетъ верхъ, если она не поддержана вещественною силою или властью. Высказывайте смѣло и откровенно идею, если сердце ваше бьется для нея: это долгъ честнаго человѣка. Но не унывайте въ тщетности вашихъ усилій дать ей перевѣсъ въ человѣческихъ дѣлахъ: это невозможно, если вы не вооружены властью. Довольно, что вы бросили ее въ водоворотъ человѣческой мысли: можетъ быть, она тамъ и не потонетъ. Но вамъ уже не знать вашего собственнаго дѣтища и, можетъ быть, сѣмя вашей идеи взростетъ только на могилѣ вашей.

26. Четвергъ. Вчера еще послалъ Веселовскому мои замѣчанія на проектъ новаго академическаго устава. Вѣроятно, на меня будутъ нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, сердиться за то, что я сильно возсталъ противъ вызова ученыхъ изъ заграницы и противъ увеличенія пенсій нѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ по академіи, какъ-то: секретарю, вице-президенту, директорамъ библіотеки и типографіи.

29. Воскресенье. Обѣдалъ у Княжевича. Владиславъ Максимовичъ, между прочимъ, разсказалъ анекдотъ о Канкринѣ. Канкрину говорили о какомъ-то господинѣ, который будто-бы могъ быть хорошимъ министромъ финансовъ.

—„Да,“ отвѣчалъ Канкринъ, „онъ человѣкъ умный, только чтобы быть дѣйствительно хорошимъ министромъ финансовъ, ему не достаетъ поэзіи“.

Декабрь 1. Вторникъ. Въ рукахъ человѣка трудолюбиваго и искуснаго, какъ въ природѣ, ничто не должно пропадать даромъ.

Что такое деспотизмъ? Односторонность, поглощеніе всѣхъ однимъ, подчиненіе однимъ интересамъ всѣхъ другихъ интересовъ человѣчества или общества, одной идеѣ — всѣхъ другихъ идей, одной силѣ—всѣхъ другихъ силъ. Онъ нехорошъ, потому что противенъ природѣ вещей — и одинаково нехорошъ въ какой-бы формѣ ни являлся: въ формѣ-ли политической, нравственной, умственной или соціальной.

2. Среда. Вечеръ у (Ник. Мих.) Благовѣщенскаго. Тамъ, между прочимъ, познакомился съ (Кон. Никол.) Бестужевымъ-Рюминымъ, кажется, будущимъ профессоромъ исторіи въ здѣшнемъ университетѣ.

4. Пятница. Общее собраніе въ академіи наукъ. Избранъ въ адъюнкты Безобразовъ (Влад. Павл.) по части статистики и политической экономіи на мѣсто Кеппена. За него было 22 голоса, противъ него 9.

Но самое важное въ академіи — это было сужденіе о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными членами академіи на проектъ новаго устава. Толки о томъ, чтобы все издавалось въ академіи на русскомъ языкѣ. Врядъ-ли это возможно. Въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы никакихъ связей съ ученою Европою, которая не знаетъ по-русски. Есть вещи въ наукѣ, которыя должны быть обнародываемы на языкѣ всѣмъ доступномъ, а именно на французскомъ. Въ проектѣ было сказано, что академія издаетъ свои сочиненія на иностранныхъ языкахъ и на русскомъ „по своему усмотрѣнію“. Я предложилъ поправку: „смотря по потребности“, потому что слово „усмотрѣніе“ отзывается произволомъ. Поправка эта принята единодушно. Въ проектѣ II отдѣленіе (русско-славянское) было почему-то переименовано въ III-е. Я. К. Гротъ стоялъ за старое названіе. Возникли довольно сильныя пренія. Рѣшено удержать старую цифру. Я согласился съ большинствомъ. Броссе насмѣшилъ академію: возражая Срезневскому по-русски, онъ выразился, что мнѣніе послѣдняго не согласно „съ добрымъ умомъ“.

Второе засѣданіе будетъ въ среду.

Литке показалъ много такта и умѣнія направлять пренія.

Онъ и по-русски говоритъ совершенно правильно и чисто. Засѣданіе длилось четыре часа. Да передъ этимъ наше, въ отдѣленіи, около двухъ часовъ. Итого я высидѣлъ шесть часовъ и досидѣлся до головной боли.

5. Суббота. Читалъ обнародованные надняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшаго круга, непосредственно соприкасающагося съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая-нибудь журиальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это безсмертное дѣло. Я пробовалъ заговорить объ этомъ, хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія.

Новые законы сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно приходить отъ этого въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву.

6. Воскресенье. Когда семья накормлена, самъ сытъ и всѣ въ теплѣ, чего-же больше?

Демократизмъ демократизмомъ, но законъ и право должны-бы имѣть также нѣкоторую силу.

Всѣ больше заняты теперь займомъ и лотереей, чѣмъ новымъ законодательствомъ, которое, конечно, составляетъ эпоху въ исторіи русскаго народа. Конечно, и то дѣло, да какъ-же такъ мало принимать участія въ одномъ изъ величайшихъ событій народной жизни?

Навѣщалъ больнаго Тройницкаго. Ему теперь гораздо лучше. Да самому-то мнѣ не лучше. Скверные дни и еще болѣе скверныя ночи.

7. Понедѣльникъ. Вечеръ у Литке. Много знакомыхъ. Продолжительный разговоръ съ Устряловымъ и съ Овсянниковымъ.

8. Вторникъ. Имѣть въ виду три монографіи въ видѣ воспоминаній:

1) О Яковѣ Ивановичѣ Ростовцевѣ какъ писателѣ.

2) О Вронченко, Михаилѣ Павловичѣ.

3) О Галичѣ.

Сегодня обѣдала у меня одна молодая и хорошенькая дѣвушка изъ породы тѣхъ, которыхъ ведутъ путемъ прогресса передовые люди въ родѣ Лаврова. Я дразнилъ ее либерализмомъ и философіею. Въ жару защиты того, на что, ей казалось, я особенно нападалъ, а именно, что повиноваться никто и ничему не обязанъ, эта милашка, наконецъ, до того завралась, что стала защищать анархію и съ энтузіазмомъ воскликнула: „анархія — это самое лучшее состояніе общества!“ Я очень смѣялся этому и сказалъ ей, что съ удовольствіемъ вижу, что сѣмена такого великаго философа, какъ Петръ Лаврычъ Лавровъ, упали не на безплодную почву. Она еще больше разсердилась. Тѣмъ не менѣе мы разстались друзьями.

10. Четвергъ. Чрезвычайное собраніе въ академіи наукъ. Дочитывались и разбирались замѣчанія на проектъ устава. Мое замѣчаніе о томъ, что изъ проекта слѣдуетъ исключить слова: „изъ двухъ кандидатовъ на вакантное мѣсто въ академіи—иностраннаго и русскаго — при равномъ достоинствѣ предпочтеніе отдается русскому“, не встрѣтило такой оппозиціи, какъ я ожидалъ. Я того мнѣнія, что въ дѣлѣ общечеловѣческой науки, представительницею которой является и наша академія, единственное рѣшающее значеніе должны имѣть ученые труды и заслуги, а не происхожденіе избираемаго. Однако, опредѣлено внести въ проектъ поправку Срезневскаго: что иностранецъ избирается только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ достойнаго своего. Я остался при своемъ мнѣніи. Пекарскій потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ возсталъ противъ увеличенія окладовъ канцелярскимъ чиновникамъ. Секретарь на это даже обидѣлся и все собраніе приняло его сторону.

Желая сохранить для будущей біографіи Я. И. Ростовцева нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о писателѣ, я не могу отдѣлить этихъ свѣдѣній отъ моей собственной личности. Ростовцевъ, безспорно, обладалъ литературнымъ дарованіемъ. Но его умственныя силы были рано отклонены на другое поприще, и дарованіе это не успѣло выразиться въ крупныхъ чертахъ. Оно ознаменовалось немногими проявленіями и чертами, которыя могли быть наблюдаемы людьми къ нему близкими и непримѣтно сливавшимися съ обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ Яковъ Ивановичъ въ ранней молодости. Вотъ почему

сообщаемыя мною о немъ свѣдѣнія, какъ о писателѣ, должны принять характеръ моихъ воспоминаній.

Бѣда, когда тупымъ и ограниченнымъ людямъ попадется въ руки какая-нибудь истина. Не постигая ея связи съ другими истинами, они думаютъ, что ея на все хватитъ, и удивляются, почему свѣтъ не идетъ такъ, какъ долженъ-бы идти по этой истинѣ. Они забываютъ, что есть еще другія истины, другія требованія, которымъ тоже нужно дать мѣсто въ системѣ жизни.

11. Пятница. Приказъ о моемъ увольненіи изъ университета помѣщенъ въ 269 № „Спб. Вѣдомостей“. Увольненіе считается съ 1-го іюня 1864 года.

Теперь всего болѣе занимаютъ публику толки о желѣзныхъ дорогахъ на югѣ и о займѣ. Въ вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ борются двѣ партіи: одна требуетъ дорогъ на Кіевъ, другая — на Харьковъ и Кременчугъ. Основныя причины первой—политическія, второй—экономическія. Говорятъ, въ преніяхъ географическаго общества первая партія одержала рѣшительную побѣду. Ожидаютъ теперь, что̀ скажетъ правительство. Тутъ,—какъ говорятъ,—пришли въ столкновеніе партіи національная, польская и нѣмецкая. Что касается займа, то рѣшительно не добраться толку во всѣхъ о немъ толкахъ. Въ одномъ углу говорятъ, что заемъ совсѣмъ не удался, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; въ другомъ углу объявляютъ успѣхъ займа колоссальнымъ. Извольте тутъ составить себѣ вѣрное понятіе о современныхъ вопросахъ. Въ то время, напримѣръ, какъ положительно извѣстно, что партія, желающая желѣзной дороги на Харьковъ и Кременчугъ, потерпѣла сильнѣйшее пораженіе въ географическомъ обществѣ, „Спб. Вѣдомости“ объявляютъ, что теперь вообще всѣ согласны съ тѣмъ, что дороги не слѣдуетъ проводить на Кіевъ.

13. Воскресенье. Иные любятъ предаваться въ наукѣ гимнастическимъ упражненіямъ. Упражненія эти состоятъ въ томъ, чтобы щеголять искусствомъ и ловкостью въ доказываніи или опроверженіи такихъ фактовъ и такихъ понятій, которыхъ ни доказывать, ни опровергать собственно нѣтъ никакой надобности, ни даже возможности. На это удивительные мастера нѣмцы.

14. Понедѣльникъ. Вотъ теперь становится кое-что извѣстнымъ о займѣ. Публика подписалась на сто-двадцать милліоновъ. Штиглицъ взялъ на тридцать милліоновъ; но берлинскій банкиръ Мендельсонъ взялъ всего на милліонъ или полтора, а не на тридцать, какъ говорили.

16. Среда. „Московскія Вѣдомости“ мечтаютъ о раздѣленіи власти между собою и правительствомъ: ему предоставляютъ онѣ пока вещественную, а себѣ умственную диктатуру..... По всему видно, что „Московскія Вѣдомости“ опьянѣли отъ успѣха. Онѣ считаютъ себя всесильными, способными подъ эгидою московскихъ овацій бороться даже съ властью. Вотъ какъ далеко можетъ зайти русскій человѣкъ! Но неужели общество способно подчиниться такой диктатурѣ, такому свирѣпому и исключительному господству одного ума, одного мнѣнія, и не съумѣетъ выработать въ себѣ другихъ элементовъ умственной силы?

17. Четвергъ. Самые негодные люди—люди полуобразованные. Немного получше ихъ такъ называемые образованные, но худшіе изъ худшихъ — это тѣ, которые составляютъ касту ученыхъ, артистовъ, литераторовъ, сказалъ-бы и поповъ, если-бы между многими дурными попами не попадалось и нѣсколько хорошихъ.

Если-бы каждый подвергалъ себя передъ самимъ собою отвѣтственности за дурныя мысли, какъ за дурныя дѣла, то я думаю, что послѣднихъ было-бы меньше.

Надняхъ (Вас. Ив.) Модестовъ принесъ мнѣ свою монографію о Тацитѣ. Вещь недурная и авторъ, кажется, обѣщаетъ быть хорошимъ профессоромъ. Онъ назначается въ Одессу по каѳедрѣ латинской литературы.

Многіе, кому удалось сдѣлать какое-нибудь порядочное дѣло, считаютъ, что это уже какъ-бы даетъ имъ право на множество пакостныхъ дѣлъ.

Вечеромъ у Владислава Максимовича Княжевича. Вотъ одинъ изъ немногихъ, у которыхъ прекрасное сердце и ясный умъ въ связи съ прочно установившимся возвышеннымъ характеромъ. Онъ не скоро даетъ себя понять. По наружности онъ не блестящъ и какъ-будто холоденъ. Съ перваго взгляда въ немъ не подозрѣваешь ни того богатства мысли, ни той энергіи

въ преслѣдованіи добра, ни той деликатности и полноты сердца, какими онъ васъ изумитъ, когда вы поближе съ нимъ познакомитесь. Онъ не спѣшитъ себя изобличить, а предоставляетъ вамъ самимъ открыть то, что другіе такъ любятъ держать напоказъ. За то полюбивъ его разъ, кажется, уже никогда не разлюбишь, если только самъ не перестанешь быть достойнымъ любви. Онъ далеко не чуждъ новыхъ идей. Онъ любитъ Россію, какъ благородный человѣкъ и какъ просвѣщенный гражданинъ. Мы часто съ нимъ видимся. У меня съ нимъ какъ-то ладится. Сегодня Владиславъ Максимовичъ много разсказывалъ мнѣ о Вигелѣ, записки котораго теперь печатаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и такъ много читаются, но правдивости которыхъ, признаюсь, я мало довѣряю. Княжевичъ былъ съ нимъ знакомъ въ Крыму. Оказывается, что Вигель былъ человѣкъ неизмѣримо самолюбивый, тщеславный, готовый всякаго оскорбить и самъ оскорблявшійся самыми ничтожными мелочами. Такъ, однажды, онъ разсердился на Владислава Максимовича и наговорилъ ему грубостей за то, что, какъ-то разъ обѣдая у него, не былъ приглашенъ занять за столомъ первое мѣсто, тогда какъ у хозяина никогда и въ мысляхъ не было размѣщать своихъ гостей по рангамъ или по какимъ-нибудь отношеніямъ, а всякій садился, гдѣ пришлось, за круглымъ столомъ, безъ всякихъ указаній.— „Вѣдь я тайный совѣтникъ“,—говорилъ Вигель, изъявляя свое негодованіе. Вообще, Вигель не пользовался ничьимъ уваженіемъ и многіе, встрѣтясь съ нимъ разъ, старались ужъ больше не встрѣчаться. Онъ былъ охотникъ читать свои записки всякому, кто соглашался ихъ слушать, и видимо билъ на эфектъ. Все это мнѣ сообщилъ Владиславъ Максимовичъ.

19. Суббота. Вечеромъ у Ржевскаго. Познакомился съ новымъ собратомъ Безобразовымъ (Владиміромъ Павловичемъ), избраннымъ въ члены академіи. Человѣкъ видно знакомый съ гостиными и большой говорунъ. Онъ и Мельниковъ (Печерскій) много разсказывали про Якушкина, извѣстнаго наблюдателя народныхъ нравовъ, въ армякѣ ходящаго по Россіи. Изъ разсказовъ Безобразова и Мельникова о народѣ и о провинціальномъ обществѣ и вообще о томъ, что называютъ массами, можно вывести довольно прискорбныя заключенія о русскомъ

народѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ его существованія. Это какой-то омутъ, въ которомъ кипятъ и бурлятъ волны силъ безъ всякаго направленія и результата. Ну, это, положимъ, можетъ еще перебродить. Но вотъ что самое безотрадное: русскій умъ горячо на все кидается, но, едва успѣвъ коснуться поверхности предмета, уже начинаетъ имъ скучать и бросается на другой, на третій и т. д., пока отъ усталости или отъ недостатка интереса, поддерживаемаго только серьезнымъ пониманіемъ и участіемъ къ вещамъ, не впадетъ въ апатію до новой вспышки. Вѣдь это очень печальная національная черта. Если она, дѣйствительно, намъ присуща, такъ что-же прочнаго можемъ мы создать?

Книга С.: теорія уголовнаго права подпала опалѣ. Ее не дозволено печатать новымъ изданіемъ.....

Вчера странный случай: пріѣхалъ въ римско-католическую академію читать лекцію и узнаю отъ студентовъ, что ректоръ, епископъ Бересневичъ и инспекторъ Вожинскій внезапно смѣнены и ѣдутъ одинъ въ Ковно, а другой въ Вильно.

20. Воскресенье. Папа разрѣшился пренелѣпымъ вселенскимъ посланіемъ. Даже крѣпкіе католики негодуютъ. Онъ чуть не формальному проклятію предаетъ вѣротерпимость и всякое свободное стремленіе ума къ знанію и истинѣ. Одна французская газета (France) справедливо замѣчаетъ, что даже въ средніе вѣка подобныя притязанія встрѣчали отпоръ и противодѣйствіе. Въ посланіи, между прочимъ, господствуетъ неприличный главѣ католическаго христіанства тонъ раздраженія.

21. Понедѣльникъ. Цѣлое утро почти до обѣда провозился, приводя въ порядокъ мои бумаги. Не управился даже съ малою частью—съ перепискою, которой едва половину успѣлъ разобрать. Выходитъ, что я переписывался рѣшительно почти со всѣми литераторами, многими изъ ученыхъ и со множествомъ всякихъ лицъ. Это такая масса — разумѣется, за много лѣтъ — что я затрудняюсь расположить ее въ порядкѣ. Уничтожать не хочется: тутъ много любопытнаго. Тѣмъ не менѣе, многое всетаки уничтожилъ, особенно изъ частной переписки. Не понимаю, какъ успѣвалъ я отвѣчать на всѣ эти письма. Если-же и не на всѣ отвѣчалъ, то все-же на бо́льшую часть. Есть записочки небольшія, но интересныя. Тутъ и психологія, а иногда и исторія времени.

Пріѣзжали ко мнѣ прощаться ректоръ католической академіи епископъ Бересневичъ и инспекторъ прелатъ Вожинскій. Разумѣется, нельзя было не коснуться причины внезапнаго ихъ увольненія и отъѣзда изъ столицы одного въ Ковно, а другаго въ Вильно. Причина по ихъ словамъ—интриги здѣшней ихъ-же духовной власти. Но по городу ходятъ слухи, что открыто существованіе какого-то общества или комитета, обще и польско-революціоннаго, котораго и святые отцы не чужды.

22. Вторникъ. Е. И. В. великій князь Константинъ Николаевичъ сдѣланъ предсѣдателемъ Государственнаго совѣта.

... Головнинъ и Валуевъ въ тѣсномъ союзѣ. Послѣдній спѣшитъ всячески поправить послѣдствія своей прежней ссоры и, кажется, вполнѣ въ этомъ успѣлъ.

Однако, и Головнинъ дѣлаетъ нѣчто хорошее. Онъ, напримѣръ, окончательно добиваетъ (?) авторитетъ орденовъ и чиновъ (?). Онъ столько надавалъ ихъ всѣмъ и каждому, что совсѣмъ подрываетъ ихъ значеніе. И впрямь, пора отучить чиновниковъ отъ этого рода тщеславія....

23 Среда. Неужели-же одною матеріальною силою мы будемъ притягивать къ себѣ нѣмцевъ, поляковъ, финновъ? „Московскія Вѣдомости“ во имя народности желаютъ сліянія съ Россіей всѣхъ этихъ иноплеменниковъ. Но развѣ этого возможно достигнуть посредствомъ одной матеріальной силы? А гдѣ-же наши умственныя и нравственныя преимущества, которыя одни въ состояніи дать намъ надъ ними перевѣсъ и втянуть ихъ въ насъ.

27. Воскресенье. У правительства множество враговъ и нельзя не согласиться, что значительную часть ихъ оно само создаетъ себѣ своими ошибками и своею слабостью. Бывъ диктатурою по положенію, оно лишено существеннѣйшаго свойства диктактуры — силы заставить себѣ повиноваться. Его всячески обходятъ и не слушаютъ, его порицаютъ и надъ нимъ смѣются не однѣ „Московскія Вѣдомости“: оно это видитъ, но ничего не дѣлаетъ ни для исправленія своихъ ошибокъ, возбуждающихъ подобныя вещи, ни для прегражденія имъ пути. Другіе враги зарождаются въ тинѣ революціонныхъ мечтаній и тенденцій—но эти, пожалуй, менѣе опасны.

Вотъ истекаетъ годъ. Каковъ мой внутренній міръ и каково мое внѣшнее положеніе? Ни о томъ, ни о другомъ я не могу сдѣлать ничего заслуживающаго вниманія. Правда, въ умѣ моемъ я находилъ довольно воспріимчивости и энергіи, но какъ-то мало было воли, чтобы ополчить его и двинуть на продолжительный и послѣдовательный трудъ. Особенно непроизводительно прошло лѣто. Мои воззрѣнія на вещи и людей не измѣнились: они такъ-же неутѣшительны и суровы, какъ и прежде. Съ самимъ собою я былъ часто не въ ладахъ. Однако, начало самообладанія и стремленіе къ достиженію высшаго нравственнаго достоинства меня не покидали. Въ этомъ отношеніи я еще полнъ юношескихъ идей и юношеской силы. Что-же мѣшало моему внутренному успокоенію и душевному миру? То-же, что и всегда. Невозможность достигнуть того и сдѣлать все то, къ чему стремился и стремлюсь. Кромѣ того, я такъ-же мало оказывалъ сдержанности и мужества посреди тѣхъ противорѣчій, какія безпрестанно возникаютъ изъ нашихъ сношеній съ людьми. Словомъ, въ дѣйствительномъ самоусовершенствованіи я мало сдѣлалъ успѣховъ. Внѣшнее мое положеніе очень неблистательно... А здоровье? Оно стоитъ на одной точкѣ; по крайней мѣрѣ, не хуже. Пароксизмы смѣняются своимъ чередомъ почти періодически, но вообще я чувствую въ себѣ довольно энергіи.

28. Понедѣльникъ. Муравьева, говорятъ, спросили: какіе нынѣ изъ поляковъ ввѣренной ему территоріи менѣе опасны?

— „Тѣ, которые повѣшены“, отвѣчалъ онъ,—„а потомъ, тѣ которые сосланы“.

Какъ скоро перестаешь заниматься опредѣленнымъ полезнымъ трудомъ, такъ и становится скверно. Право-же, человѣкъ не можетъ жить безъ иллюзіи, что онъ что-нибудь значитъ, что-нибудь знаетъ и что-нибудь дѣлаетъ.

Есть вещи, которыя надобно дѣлать, хотя-бы по одному тому, чтобы сдѣлать не такъ, какъ хочется, а какъ должно.

Что за лицемѣры и лжецы, Господи Боже мой, эти люди, будто-бы несущіе истины — эти провозвѣстники науки, а въ сущности ремесленники, добыватели денегъ и искатели фортуны!

Актъ въ академіи наукъ—какъ всѣ акты. Нынѣшній про-

должался три часа съ четвертью. Обозрѣніе дѣйствій академіи и заслугъ ея хорошо составлено и хорошо изложено Веселовскимъ. Но всетаки утомительно было слушать его часъ съ четвертью. Зато Савичъ читалъ рѣшительно невыносимо о заслугахъ умершаго въ нынѣшнемъ году Струве. Такъ читаютъ только дьячки псалтирь по умершимъ.

31. Четвергъ. Конецъ 1864-му году.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

Къ его біографіи.

1847 г.

Пока не существуетъ полной, обстоятельной, шагъ за шагомъ прослѣженной біографіи Шевченко, всякое сообщеніе о немъ имѣетъ значеніе какъ подготовительный матеріалъ для будущаго біографа, который пожелаетъ заняться изученіемъ жизни знаменитаго украинскаго поэта съ возможною тщательностью и всесторонностью. Вотъ почему я рѣшаюсь въ предлагаемой замѣткѣ сообщить много разъ слышанные разсказы моего покойнаго дяди, землемѣра Д. П. Демича [1]) о его знакомствѣ съ Т. Г. Шевченко.

Дядя мой, уроженецъ Черниговской губерніи, принадлежалъ къ числу искреннихъ поклонниковъ малорусскаго поэта и сохранилъ о немъ до самой смерти живое, пріятное воспоминаніе. Знакомство дяди съ Шевченко относится къ началу 1847 года, незадолго до ареста поэта. Въ это время дядя, едва перешагнувшій двадцатилѣтній возрастъ, въ качествѣ частнаго землемѣра, занимался съёмкою земель помѣщика князя Н. Кекуатова, въ селѣ Бѣгачѣ Черниговскаго уѣзда, и проживалъ во флигелѣ, въ которомъ помѣщались служащіе при княжеской „экономіи“, въ числѣ которыхъ временно находился также „художникъ“ Т. Г. Шевченко, приглашенный рисовать портретъ молодой красавицы-княгини. Дядя не помнилъ, когда именно Шевченко пріѣхалъ въ с. Бѣгачъ и какъ долго онъ тамъ оставался. Фактически вѣрно лишь то, что въ концѣ марта 1847 г. поэтъ еще былъ въ Бѣгачѣ; дядя до могилы хранилъ, какъ святыню, полученный отъ кн. Кекуатова „Аттестатъ“ отъ 26-го

[1]) Скончался, 67-ми лѣтъ отъ роду, въ 1891-мъ году.

марта 1847 г., на которомъ, вслѣдъ за подписью князя, слѣдуетъ: „Что дѣйствительно на семъ аттестатѣ подпись собственноручная помѣщика князя Кекуатова, въ томъ свидѣтельствуемъ: Художникъ Т. Шевченко. Вольнопрактикующій медикъ Ѳедоръ Рагоза". Съ другой стороны, извѣстно, что Шевченко 1-го февраля 1847 г. писалъ Костомарову изъ г. Борзны (Черниг. губ.). Письмо это, не дошедшее по назначенію, появилось въ 1875 г. на страницахъ „Русской Старины" (кн. 5) съ примѣчаніемъ Костомарова, что оно было написано за два мѣсяца до катастрофы, т. е. ареста и ссылки поэта. М. К. Чалый, совершенно не упоминающій о пребываніи Шевченко въ с. Бѣгачѣ, приводитъ сообщеніе Костомарова, что онъ былъ арестованъ 31-го марта 1847 г., а „черезъ нѣсколько дней" былъ задержанъ Шевченко на днѣпровскомъ паромѣ при возвращеніи изъ Чернигова въ Кіевъ [1]). Изъ приведенныхъ указаній слѣдуетъ, что Шевченко могъ проживать у кн. Кекуатова приблизительно въ двухъ мѣсячный періодъ времени—съ первыхъ чиселъ февраля до начала апрѣля 1847 года.

Не смотря на такой короткій срокъ, поэтъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе къ себѣ всего дворовaго и служилаго люда.

Одѣтъ онъ былъ, по словамъ дяди, плохо, можно сказать, небрежно; скудные пожитки его помѣщались въ маленькомъ, ветхомъ чемоданчикѣ; но за то этотъ удивительный человѣкъ обладалъ другими богатствами—умомъ и сильною любовью къ трудящемуся народу. Каждый вечеръ, послѣ дневныхъ работъ, вокругъ поэта собирались всѣ служащіе княжеской „экономіи". Шевченко что-нибудь читалъ, или разсказывалъ и при томъ такъ интересно, что всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ. Иногда разсказы поэта, всегда съ виду серьезнаго, отличались такимъ живымъ юморомъ, что слушатели, старые и молодые, „животы рвали со смѣху, а самъ Шевченко, бывало, бровью не моргне". Привѣтливый и словоохотливый съ простыми тружениками, Тарасъ Григорьевичъ замѣтно не любилъ оставаться долго среди „господъ" и избѣгалъ княжескихъ хоромъ, хотя его туда часто приглашали, тѣмъ болѣе, что къ князю пріѣзжали сосѣдніе помѣщики съ желаніемъ посмотрѣть, какъ на диковинку, на знаменитаго въ то время Кобзаря. Кромѣ „Аттестата" съ автографомъ поэта, у дяди имѣлась небольшая двухсторонняя иконка, нарисованная Шевченко „съ удивительною быстротою": съ одной

---

[1]) Жизнь и произведенія Т. Шевченко. Сост. М. К. Чалый, Кіевъ. 1882 г., стр. 62.

стороны на металлической дощечкѣ нарисованъ Спаситель, благословляющій хлѣбъ, съ другой—патронъ дяди—Димитрій. До какой степени дядя дорожилъ этою иконкою, видно изъ того, что ею старикъ благословилъ на смертномъ одрѣ свою единственную дочь...

Помнилъ также дядя, что Шевченко пилъ водку почти стаканами; на столѣ, у кровати его, обыкновенно стоялъ графинъ водки; лишь выпивъ ея, поэтъ засыпалъ. Впрочемъ, пьянымъ его не приходилось видѣть.

Одно казалось мнѣ неточнымъ въ разсказахъ дяди: старикъ настойчиво утверждалъ, будто бы Шевченко арестовали въ с. Бѣгачѣ, во время одной изъ описанныхъ выше бесѣдъ поэта съ дворовыми: въ многолюдную комнату вошли жандармы и спросили: „кто здѣсь Шевченко?“ Тогъ взглянулъ на нихъ, пробормоталъ: „эге, понимаю!“ и спокойно вышелъ изъ комнаты. Мы говорили раньше, что, по свидѣтельству Костомарова, Шевченко былъ арестованъ въ началѣ апрѣля 1847 года на днѣпровскомъ паромѣ, при возвращеніи поэта изъ Чернигова въ Кіевъ, о чемъ самъ поэтъ впослѣдствіи такъ писалъ одному пріятелю: „тилько що ступивъ на днипровскій байдакъ, то зо мною таке трапилось... Мене риштовали, та посадивши съ кимъ слидъ на возокъ, привезли ажъ у самый Петербургъ“. (Чалый, стр. 62). Итакъ разсказъ дяди объ арестѣ поэта не согласуется съ другими данными. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что импровизированная аудиторія въ с. Бѣгачѣ представляетъ намъ послѣднихъ знакомыхъ и почитателей Шевченко въ Черниговской губерніи, непосредственно передъ арестомъ и ссылкою его. Съ однимъ изъ бѣгачскихъ пріятелей (фамиліи не помню) поэтъ переписывался изъ Оренбурга. Дядя самъ видѣлъ письмо Шевченко изъ ссылки, въ началѣ котораго находилась такая картинка: перомъ былъ набросанъ портретъ поэта, въ „салдацькой муниціи“, съ ружьемъ на плечѣ и съ поднятою для маршировки ногою. Подъ картинкою краткая, но выразительная подпись:

„Ось як тепер Шевченко!“

Вотъ главнѣйшія черты воспоминаній моего дяди о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченко.

В. Ѳ. Демичъ,
докторъ медицины.

ТАРАСЪ ШЕВЧЕНКО ВЪ ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ.

Къ тридцатилѣтней годовщинѣ смерти поэта.

1861 † $\frac{\text{февраля}}{26}$ 1891.

I.

Къ февралѣ настоящаго года исполнится ровно 30 лѣтъ со дня смерти — 26-го февраля 1861 года въ С.-Петербургѣ—симпатичнѣйшаго малороссійскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я позволю себѣ познакомить съ имѣющимся въ моемъ распоряженіи весьма интереснымъ матеріаломъ — оффиціальной перепиской, касающейся прибытія въ Ново-Петровское управленіе, въ качествѣ рядоваго, и увольненія отъ службы поэта. Переписка эта найдена мною въ г. Асхабадѣ, въ архивѣ штаба войскъ Закаспійской области, куда попала въ числѣ архивныхъ дѣлъ, перевезенныхъ изъ форта Александровскаго, и любезно мнѣ предоставлена начальникомъ штаба Закаспійской области, генералъ-маіоромъ Ѳедоровымъ, которому спѣшу выразить за это глубочайшую благодарность.

Прежде нежели приступить къ разсмотрѣнію оффиціальной переписки, необходимо дать общій краткій очеркъ той ужасной мѣстности, гдѣ пришлось поэту прожить почти семь лѣтъ въ качествѣ невольнаго защитника своего отечества.

Мангишлакскій уѣздъ, одинъ изъ пяти уѣздовъ, составляющихъ нынѣ Закаспійскую область, расположенъ на восточномъ берегу

Каспійскаго моря, между 43° и 46° с. ш. и 67°—73° в. д., занимая площадь приблизительно около 350 тысячъ кв. верстъ, бо̀льшая часть которой расположена на Мангишлакскомъ полуостровѣ Каспійскаго моря. Границы уѣзда составляютъ: съ востока—Айбугирскій заливъ, съ юга — Красноводскій уѣздъ (Карабугазскій заливъ и половина пролива), съ запада—Каспійское море и съ сѣвера принято считать урочище Самъ. На этомъ громадномъ пространствѣ земли проживаютъ въ мирномъ уединеніи отъ тлѣтворнаго запада кочевники киргизы и небольшая часть туркменъ; общее число какъ тѣхъ, такъ и другихъ къ январю 1890 г. было 36,832 человѣка (19,090 мужчинъ и 19,712 женщинъ), живущихъ въ 10,160 войлочныхъ кибиткахъ. Пришлое населеніе уѣзда въ настоящее время состоитъ изъ жителей главнаго и единственнаго административнаго пункта уѣзда—форта Александровскаго, Николаевскаго поселенія, въ $3^1/_2$ верстахъ отъ форта на берегу Тюдь-Тараганской бухты, армянской слободы, возлѣ самаго форта Александровскаго, и рыбопромышленниковъ на островѣ Жиломъ. Количество пришлаго населенія къ 1-му января 1890 г. было 1,046 человѣкъ обоего пола, изъ ко̀ихъ въ фортѣ Александровскомъ 189 мужчинъ и 13 женщинъ, исключительно военнослужащіе и ихъ жены. Остальное пришлое населеніе занимается преимущественно рыболовствомъ и тюленьимъ промысломъ, туземное—исключительно скотоводствомъ и только въ горахъ Кара-Тау и Акъ-Тау до 200 десятинъ засѣвается изъ году въ годъ туркменами и киргизами пшеницею и подъ бахчи (огороды); другаго или въ бо̀льшихъ размѣрахъ земледѣлія въ уѣздѣ не существуетъ. Не красна жизнь въ такихъ мѣстахъ ни для туземнаго, ни для пришлаго населенія, и можно себѣ представить, что̀ долженъ былъ испытывать нашъ поэтъ, заброшенный изъ милаго, теплаго, цвѣтущаго малороссійскаго юга на дальнюю, безплодную, песчано-каменистую пустыню востока...

До 1869 г. Мангишлакскій полуостровъ входилъ въ составъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства, при чемъ войска, стоявшія на полуостровѣ, входили въ составъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса; съ основаніемъ въ 1869 г. Красноводска, нынѣшній Мангишлакскій уѣздъ вошелъ въ составъ Красноводскаго военнаго отдѣла, а послѣ взятія въ 1881 г. крѣпости Геокъ-Тепе и послѣдовавшаго въ слѣдующемъ году высочайшаго утвержденія временныхъ правилъ объ управленіи Закаспійскимъ краемъ, составилъ самостоятельную единицу новой области—мангишлакское приставство, при чемъ въ военномъ и административномъ отношеніяхъ, какъ и вся Закаспійская область, былъ подчиненъ главноначальствующему

Кавказа. Наконецъ, въ прошломъ 1890 году, послѣ отдѣленія Закаспійскаго края отъ Кавказа и образованія самостоятельной Закаспійской области, фортъ Александровскій сдѣлался уѣзднымъ городомъ Мангишлакскаго уѣзда.

До 1857 года, т. е. до времени отъѣзда поэта Шевченко изъ форта Александровскаго, послѣдній носилъ названіе Ново-Петровскаго укрѣпленія, почему во всѣхъ бумагахъ, касающихся ссылки поэта на Мангишлакскій полуостровъ, мѣстопребываніе его значится въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, что равнозначуще форту Александровскому. Исторія возникновенія этого города такова:

Генералъ Перовскій, назначенный правителемъ Оренбургскаго края въ 1833 г., для умиротворенія киргизовъ, прибѣгъ къ двумъ мѣрамъ: первая заключалась въ постройкѣ укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ, вторая—въ устройствѣ новой линіи. Укрѣпленіе на Каспійскомъ морѣ было сооружено въ слѣдующемъ 1834 году; построено оно было въ заливѣ Кайдакъ (въ Мертвомъ Култукѣ) и названо Ново-Александровскимъ. Къ сожалѣнію, оно желаемой пользы не принесло. Построено оно было на нездоровой мѣстности, вслѣдствіе чего въ гарнизонѣ развилась страшная болѣзненность и смертность. Тогда въ 1846 году укрѣпленіе это было перенесено на полуостровъ Мангишлакъ, на мѣстность болѣе здоровую и гдѣ оно лучше могло обезпечивать наше рыболовство и торговлю на Каспіи. Перенесенное укрѣпленіе названо Ново-Петровскимъ, вслѣдствіе того, что было расположено тамъ, гдѣ въ 1717 году существовало укрѣпленіе, заложенное Бековичемъ-Черкасскимъ. Въ 1857 г. укрѣпленіе это переименовано въ фортъ Александровскій [1]). Сюда-то и былъ сосланъ нашъ поэтъ. До сихъ поръ, въ жалкомъ подобіи, единственномъ на всемъ полуостровѣ, городскаго сада форта, носящаго названіе „сада Шевченки“, можно видѣть нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ руками поэта. Возлѣ деревьевъ, вѣроятно, укрываясь отъ лучей полутропическаго солнца Закаспія, вырылъ небольшую, въ квадратную сажень внутренняго объема, земляночку, на аршинъ углубленную въ землю и не болѣе полутора аршина выходящую надъ поверхностью, съ земляною крышею. Небольшой диванъ, безъ спинки, покрытый выцвѣтшею шерстяною матеріею, столикъ и маленькое зеркальце, въ оправѣ краснаго дерева, составляютъ убранство „домика Шевченко“, въ которомъ короталъ поэтъ тяжелые дни

[1]) Мейеръ. „Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства“, стр. 43—45. 49—51, 66 -67.

ссылки, одиночества, рисуя въ своемъ поэтическомъ воображеніи, что онъ

...Неначе надъ Днипромъ шырокымъ,
Въ гаю, предличному, гаю,
Поставлю хаточку, садочекъ,
Кругомъ хатыны насажу;
Прылынешъ ты у холодочекъ,
Тебе, мовъ кралю, посажу!
Днипро, Украину згадаемъ,
Весылы селища въ гаяхъ,
Могылы горы на степахъ —
И веселенько заспиваемъ...“

(Послѣднее предсмертное стихотвореніе Шевченко, 14-го (26-го) февраля 1861 г., въ С.-Петербургѣ) [1]).

Теперь „домикъ Шевченко“ служитъ дамской уборной при лѣтнемъ помѣщеніи клуба.

Познакомившись вкратцѣ съ мѣстностью ссылки поэта, перейдемъ къ описанію имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, могущихъ, быть можетъ, послужить матеріаломъ для біографовъ несчастнаго поэта.

II.

20-го октября 1850 г. комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, подполковникъ Маевскій, донесъ командиру линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона, господину маіору и кавалеру Михайлову [2]), что „Въ слѣдствіе рапорта капитана Коржова, отъ 8 числа

---

[1]) До сихъ поръ старожилы Александровскаго форта, какъ напр. армяне-торговцы Азанкуловъ, Никита Франгуловъ, помнятъ пребываніе тамъ Шевченко. Въ особенности много интереснаго о поэтѣ знаетъ старушка Васильева, сынъ которой (нынѣ, къ сожалѣнію, покойный), будучи въ то время писаремъ комендантскаго управленія, былъ особенно друженъ съ поэтомъ и даже служилъ какъ-бы передаточной станціей въ перепискѣ Шевченко съ друзьями. Между прочимъ, у Васильева была нарисованная самимъ поэтомъ картинка, съ изображеніемъ Шевченко, въ солдатскомъ мундирѣ, подвергаемымъ наказанію розгами, съ подписью подъ картинкою: „И таке бувало“. Бывшій начальникъ Закаспійской области имѣетъ подаренный Васильевой образокъ Богоматери, вырѣзанный руками поэта на кости.

[2]) „Дѣло № 69, комендантскаго управленія Ново-Петровскаго укрѣпленія. О прибытіи въ укрѣпленіе изъ города Уральска рядоваго линейнаго оренбургскаго № 1 баталіона Тараса Шевченко, отданнаго въ военную службу изъ политическихъ преступниковъ. Началось 17 октября 1850 года“.

А. И Родзевичъ.

октября за № 2,492, рядовой Тарасъ Шевченко, за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова, во ввѣренное мнѣ укрепленіе прибылъ 17 числа сего мѣсяца, и помянутый унтеръ-офицеръ, по случаю закрытія навигаціи, остался на службѣ сдѣсь въ состоящихъ двухъ ротахъ". Почему прибылъ Шевченко въ Ново-Петровское укрѣпленіе, можно видѣть изъ рапорта „за отсутствіемъ командира линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1 капитана Коржова, отъ 8 октября 1850 г. № 2,492", на имя маіора Маевскаго, въ которомъ сообщалось, „что по распоряженію его высокопревосходительства господина корпуснаго командира (отдѣльнаго оренбургскаго корпуса) и кавалера, рядовой изъ политическихъ преступниковъ, Тарасъ Шевченко, переведенный за преступленіе изъ 5-го въ завѣдываемый мною батальонъ, съ отправленіемъ въ двѣ роты, въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи расположенныя, и съ зачисленіемъ его въ 4-ю роту, подъ надзоръ ротнаго командира штабсъ-капитана Потапова;— съ симъ вмѣстѣ, за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова Изъ Уральска отправленъ. Съ тѣмъ чтобы, какъ предписано Господиномъ Корпуснымъ Командиромъ. Непременно былъ онъ отправленъ въ Укрѣпленіе нынѣшнію навигаціею; О чемъ сообщено Г. Начальнику Гурьева-Городка. И съ симъ-же вмѣстѣ къ Г. Штабсъ-Капитану Потапову Нарядоваго этого препровождены и подлежащія письменныя свѣдѣнія".

Высланный такимъ образомъ изъ г. Уральска, Тарасъ Шевченко, къ 14 октября 1850 г. прибылъ въ Гурьевъ-городокъ и въ тотъ-же день на лодкѣ былъ отправленъ вдоль берега Каспійскаго моря и 17 октября былъ уже на мѣстѣ своего новаго служенія. Обстоятельство это подтверждается рапортомъ начальника Гурьева города, отъ 14 октября 1850 года, за № 1395, есаула Назарова, къ коменданту Ново-Петровскаго укрѣпленія; въ рапортѣ сообщалось, что „Доставленный при отношеніи командира линейнаго оренбургскаго баталіона № 1, отъ 8 октября, № 2490, рядовой изъ политическихъ преступниковъ, Тарасъ Шевченко при семъ къ Вашему Высокоблагородію на почтовой лодкѣ подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова, имѣю честь препроводить".

Доставившій въ Ново-Петровское укрѣпленіе политическую кладь, въ лицѣ малорусскаго поэта, унтеръ-офицеръ Булатовъ, только съ открытіемъ навигаціи въ слѣдующемъ году, былъ отправленъ, 29 марта 1851 года, обратно въ г. Уральскъ.

Болѣе точныя и самыя интересныя данныя о переводѣ въ Ново-Петровское укрѣпленіе Тараса Шевченко содержатся въ дѣлѣ за № 88, начатомъ 5 января 1854 года и оконченномъ 16 апрѣля

того же года. Дѣло это озаглавлено: „О доставленіи изъ Оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона формулярнаго списка о службѣ рядоваго Тараса Шевченко, и объ исходатайствованіи разрѣшенія у Господина Начальника Штаба Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса относительно рисованія масляными красками запрестольнаго Образа рядовымъ Шевченко на свой счетъ".

Изъ дѣла этого прежде всего видно, что „недреманное око", въ лицѣ ротнаго и баталіоннаго начальства, неукоснительно слѣдило за поэтомъ-рядовымъ, такъ въ предписаніи, отъ 5 генваря 1854 г., № 42, коменданта Ново-Петровскаго укрѣпленія маіора Ускова (смѣнившаго маіора Маевскаго), къ ротному командиру поэта, штабсъ-капитану Косареву (взамѣнъ ш.-к. Потапова) сказано: „предлагаю Вашему Благородію доставить ко мнѣ формулярный списокъ о службѣ рядоваго завѣдываемыхъ Вами ротъ, Тараса Шевченко, и донести мнѣ, какъ ведетъ себя означенный Шевченко во все продолженіе времени нахожденія своего въ Ново-Петровскѣ и не замѣчено-ли Вами за нимъ какихъ предосудительныхъ поступковъ".

На запросъ этотъ ротный командиръ Косаревъ, 7 января того-же года за № 16, отвѣтилъ, что, „рядовой, состоящій на службѣ въ завѣдуемыхъ мною двухъ ротахъ № 4, Тарасъ Шевченко, во все время нахожденія сдѣсь въ укрѣпленіи, въ поведеніи велъ себя хорошо и ни въ какихъ предъосудительныхъ поступкахъ мною замѣченъ небылъ. А формулярнаго Списка на него сдѣсь не имѣется, о высылкѣ коего я просилъ Г. Батальоннаго Командира рапортами въ прошломъ 1853 году, 24 іюня за № 391 и 8 іюля за № 470". Наконецъ, на посланное 9 января 1854 года за № 102 требованіе маіора Ускова, отъ командира линейнаго оренбургскаго баталіона № 1-го, при отношеніи за № 381 отъ 24 февраля 1854 года изъ г. Уральска, былъ полученъ 21 апрѣля того-же года требуемый формулярный списокъ, при чемъ сообщалось, „что таковой же списокъ на Шевченко отосланъ и въ корпусный штабъ при рапортѣ моемъ отъ 18 сего мѣсяца (февраля 1854 г.) за № 357, согласно предписанію онаго штаба отъ 15 февраля за № 761".

Къ сожалѣнію, изъ всей этой переписки ничего не видно зачѣмъ понадобился формулярный списокъ поэта, тѣмъ не менѣе довольно странно, что въ теченіи болѣе трехъ лѣтъ рядовой Шевченко находился на службѣ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, въ полной неизвѣстности начальства за что присланъ и даже кто онъ, ибо безъ формуляра, этого единственнаго представителя солдатскихъ документовъ, трудно опредѣлить личность служащаго. Вотъ этотъ формуляръ, онъ впервые появляется въ печати.

„Формулярный списокъ о службѣ линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1-го рядоваго Тараса Шевченко. Февраля 24 дня 1854 года.

„Рядовой Тарасъ Андреевъ [1]) сынъ Шевченко, православнаго исповѣданія.—Отъ роду 39 лѣтъ.—Росту 2 аршина 5 вершковъ. Лицо чистое, волосы на головѣ и бровяхъ темнорусые, глаза темносѣрые, носъ обыкновенный.—Бывшій художникъ С.-Петербургской академіи художествъ, а происхожденія коего по неполученіи полныхъ свѣдѣній неизвѣстно. По Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія въ службу поступилъ рядовымъ 23 іюня 1847 года въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5, изъ онаго переведенъ въ сей баталіонъ 8 октября 1850 года.—Во время службы своей въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля не былъ.—Грамотѣ читать и писать умѣетъ.—Въ домовыхъ отпускахъ не былъ.—По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ предписаніи господина командовавшаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ къ г. командующему 23 пѣхотною дивизіею отъ 10 іюня 1847 года за № 25, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ опредѣленъ на службу въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.—Холостъ.—Состоитъ въ комплектѣ.

„Первоначально рядовой Шевченко, въ 1847-мъ году, былъ опредѣленъ въ линейный Оренбургскій № 5 баталіонъ, какъ изъяснено въ предписаніи г. командира 1-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи отъ 28 сентября 1850 года за № 19; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1850 года найдены у него нѣкоторыя партикулярныя ношебныя вѣщи, въ которыхъ онъ иногда ходилъ, а также письма отъ разныхъ лицъ и два альбома съ малороссійскими пѣснями и рисунками, сдѣланными карандашемъ. О чемъ г. корпуснымъ командиромъ въ то же время было донесено г. военному министру и онъ, Шевченко, отправленъ изъ Раимскаго (нынѣ Аральскаго) укрѣпленія къ баталіону № 5-го въ крѣпость Орскую, съ тѣмъ чтобы за нимъ со стороны начальства былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ.

„Дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества отъ 8 іюня 1850 года за № 1526, увѣдомилъ его высокопревосходительство, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу представленія его, и содержанія представленныхъ при

---

[1]) Видимо ошибочно названъ Андреевъ, ибо отецъ его былъ Григорій.

ономъ бумагъ, отобранныхъ отъ рядоваго Шевченко, Высочайше повелѣть соизволилъ: его, Шевченко, не исполнившаго воспрещенія писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту, содержать подъ онымъ до изслѣдованія виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ.

По произведенному изслѣдованію открыто, что изъ числа найденныхъ у него, Шевченко, писемъ, часть была получена имъ во время нахожденія его на службѣ въ баталіонѣ № 5, съ 23 іюня 1847 года по 1 мая 1848 года, черезъ Орскую почтовую станцію, стихи и пѣсни въ двухъ альбомахъ на малороссійскомъ нарѣчіи не его сочиненія, и записаны имъ только какъ пѣсни народныя, во время бытности его въ 1846 году въ Кіевской, Каменецъ-Подольской и Волынской губерніяхъ, которыя были на разсмотрѣніи въ 3 отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и ему возвращены; рисунки, найденные въ тѣхъ альбомахъ, сдѣланы частію въ Малороссіи въ 1846 году и нѣсколько въ 1849 году въ бытность его на Аральскомъ морѣ, по приказанію капитанъ-лейтенанта Бутакова, какъ воды, гидрографическія копіи которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря; относительно переписки съ разными лицами, рядовой Шевченко на допросахъ показалъ, что о письмахъ этихъ онъ не заявлялъ начальству потому, что подъ словомъ запрещеніе писать онъ разумѣлъ сочиненя или разсужденія недозволительныя законами и что во всѣхъ его письмахъ не содержится ни одного выраженія, подлежащаго сомнѣнію въ нарушеніи Высочайшей воли, которая со дня объявленія ему конфирмаціи сохраняется имъ свято.

По разсмотреніи г. корпуснымъ командиромъ слѣдственнаго дѣла его высокопревосх—мъ было донесено г. военному министру съ подробнымъ объясненіемъ все, что открыто. Въ слѣдствіе чего дежурный генералъ главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 9-го августа за № 747-мъ, увѣдомилъ, что г. военный министръ, усматривая изъ отзыва его высокопревосходительства, что какъ по произведенному слѣдствію ничего новаго къ обвиненію рядоваго Шевченко не обнаружено, то во исполненіе высочайшей воли вмѣнить ему, Шевченко, въ наказаніе содержаніе въ гоубтвахтѣ, освободивъ изъ подареста, строго внушить ему, чтобы онъ ниподъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать высочайшаго повеленія, коимъ ему воспрещено писать и рисовать, и перевесть его изъ 5-го въ другой отдаленный оренбургскій баталіонъ, съ тѣмъ чтобы ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ помянутаго высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе, почему и переведенъ въ двѣ

роты сего баталіона въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Подлинный подписалъ командиръ баталіона маіоръ Львовъ и баталіонный адъютантъ подпоручикъ Шлиттеръ".

Вышеприведенный послужной списокъ поэта, орѳографія котораго, какъ и всѣхъ остальныхъ документовъ, сохраняется вполнѣ, даетъ ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ Шевченко попалъ въ Закаспійскій край. Далѣе тотъ-же оффиціальный документъ подтверждаетъ ранѣе извѣстный фактъ объ участіи поэта въ экспедиціи для изслѣдованія Аральскаго моря, подъ начальствомъ капитана-лейтенанта Бутакова, о чемъ вскользь упоминается въ біографіи поэта, помѣщенной въ Прагскомъ изданіи 1876 года „Кобзаря". Наконецъ, насколько важенъ былъ этотъ документъ — послужной списокъ—ближайшему непосредственному начальству Шевченко и, конечно, не нуженъ самому поэту, видно изъ того, что за полтора мѣсяца до его полученія комендантъ Усковъ въ рапортѣ, отъ 7 января 1854 года за № 50, писалъ къ начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, что „находившійся (?) здѣсь при двухъ ротахъ на службѣ рядовой оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ для благолепія церкви ввѣреннаго мнѣ укрѣпленія нарисовать масляными красками запрестольный образъ на свой счетъ. Зная, что рядовой Шевченко былъ прежде художникомъ с.-петербургской академіи художествъ, почему можетъ нарисовать образъ хорошей живописи, и желая способствовать къ украшенію храма,—я осмѣливаюсь почтительнѣйше представить сіе на милостивое усмотреніе вашего превосходительства и всепокорнѣйше просить разрѣшенія. При этомъ имѣю честь доложить, что рядовой Шевченко, по отзыву завѣдывающаго здѣсь двумя ротами штабсъ-капитана Косарева, въ продолженіе четырехъ-лѣтняго своего пребыванія въ укрѣпленіи ведетъ себя хорошо и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣченъ".

Не смотря на такую просьбу начальства поэта, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Фонтанъ-де-Верройонъ, 16 апрѣля 1854 г. за № 2513, изъ г. Оренбурга увѣдомилъ маіора Ускова, что „по докладу господину корпусному командиру рапорта вашего отъ 7-го января текущаго года № 50 его высокопрев—ство не изволилъ изъявить согласія на дозволеніе рядовому оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона Тарасу Шевченко нарисовать запрестольный образъ для церкви ввѣреннаго вамъ укрѣпленія. Объ этомъ имѣю честь увѣдомить васъ, г. маіоръ, къ подлежащему свѣденію".

Не получивъ разрѣшенія нарисовать запрестольный образъ для Ново-петровской церкви, Шевченко ровно черезъ годъ снова обра-

щается съ просьбой заполучить изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа свой аттестатъ на званіе свободнаго художника [1]), но въ этомъ получаетъ отказъ. Такъ, маіоръ Усковъ, 7-го января 1855 года за № 54, писалъ въ канцелярію попечителя кіевскаго учебнаго округа, что „находящійся на службѣ въ ввѣренномъ мнѣ укрѣпленіи оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что выданный ему отъ императорской академіи художествъ на званіе свободнаго художника аттестатъ былъ имъ поданъ при прошеніи въ 1846 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, объ опредѣленіи его учителемъ въ университетъ святаго Владиміра. Нынѣ Шевченко, желая имѣть аттестатъ при себѣ, проситъ выслать оный къ мѣсту его служенія".

Въ отвѣтъ на это управленіе кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, по кіевскому учебному округу марта 1855 года № 1324, увѣдомило маіора Ускова, что „..... для передачи сего аттестата ему (Шевченко) канцелярія попечителя кіевскаго учебнаго округа имѣетъ честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что по силѣ существующихъ законовъ она не считаетъ себя въ правѣ исполнить вышеизложенное требованіе ваше, присовокупляя къ тому, что въ случаѣ дѣйствительной и законной въ томъ аттестатѣ надобности благоволите, ваше высокородіе, съ требованіемъ по сему предмету обратиться по начальству. За правителя канцеляріи, коллежскій ассесоръ А. Кульжинскій, помощникъ столоначальника Сосновскій".

Я не знаю, получилъ-ли впослѣдствіи свой аттестатъ поэтъ, но обращаю на это вниманіе біографовъ Шевченко, что, быть можетъ, въ архивныхъ дѣлахъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа возможно найти этотъ аттестатъ.

---

[1]) Дѣло № 95, начатое 7 января 1855 и кончено въ мартѣ 1855 года о „высылкѣ изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа аттестата, бывше выданнаго на званіе свободнаго художника изъ императорской академіи художествъ рядовому линейнаго оренбургскаго № 1-го баталіона Тарасу Шевченкѣ".

III.

Послѣднее дѣло, найденное мною въ архивѣ штаба закаспійской области, значущееся подъ № 112 „и начатое 29 іюля 1857 года, озаглавлено: „объ отправленіи рядоваго оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона Тараса Шевченко къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ". Переписка, касающаяся освобожденія поэта отъ подневольной военной службы, показываетъ, что и здѣсь не повезло ему и пришлось испытать цѣлый рядъ мытарствъ, прежде нежели Шевченко достигъ непривѣтливой приневской столицы, гдѣ, черезъ $3^1/_2$ года, покончилъ всѣ счеты съ неулыбавшеюся для себя жизнью. Но изъ этой-же переписки возможно заключить, что тяжелые дни ссыльнаго одиночества, вдали отъ „Вкраини милій", въ голыхъ песчаныхъ и каменистыхъ закаспійскихъ степяхъ Мангишлака, гдѣ вѣчно дующій сѣверный вѣтеръ раздражаетъ и приводитъ въ болѣзненное состояніе всю нервную систему, гдѣ полутропическая жара нерѣдко приводитъ къ близкому помѣшательству, а зимнія, снѣжныя стужи, при полной неприспособленности квартиръ, подвергаютъ организмъ всякаго рода простуднымъ заболѣваніямъ, въ такихъ, говорю я, мѣстахъ Дантова ада, на вратахъ котораго красуется надпись: „здѣсь оставь надежду навсегда", пришлось прожить поэту болѣе шести лѣтъ, къ счастію для него—не одному.

Такъ въ рапортѣ ротнаго Тараса Шевченко командира, капитана Косарева, отъ 29 іюля 1857 года № 535, говорится, что „завѣдывающій 1-мъ баталіономъ господинъ подполковникъ Михальскій, предписаніемъ отъ 26-го числа минувшаго іюня за № 1651, далъ мнѣ знать, что завѣдываемыхъ мною двухъ ротъ унтеръ-офицеры Александръ Хрибчинскій, Эразмъ Ольшевскій, Феликсъ Феолковскій, рядовые Станиславъ Домерацкій и Тарасъ Шевченко, по высочайшему повелѣнію, уволены отъ службы, которыхъ и предписываетъ отправить къ баталіонному штабу въ городъ Уральскъ съ выключкою изъ списочнаго состоянія. О чемъ вашему высокоблагородію имѣю честь донести и покорнѣйше просить не оставить вашимъ распоряженіемъ приказать кому слѣдуетъ, когда будитъ отправлятся изъ ввѣреннаго вамъ укрѣпленія почтовая лодка, принять на оную и отправить черезъ начальника Гурьева городка къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ, провіантомъ же и морскою провизіею на путь моря имѣютъ быть удовлетворены они на семь дней".

Такъ какъ въ первоначальномъ сообщеніи объ увольненіи по

высочайшему повелѣнію, четырехъ политическихъ преступниковъ поляковъ и Тараса Шевченко ничего не говорилось объ ограниченіи мѣстожительства уволеннымъ рядовымъ, то нашъ поэтъ пожелалъ избѣжать излишней формальности—являться въ баталіонный штабъ въ г. Уральскъ,—а пожелалъ прямо отправиться въ гор. С.-Петербургъ. Этому желанію вполнѣ сочувствовалъ комендантъ Новопетровскаго укрѣпленія маіоръ Усковъ, что видно изъ его отношеній, одно отъ 1 августа 1857 года за № 1405 на имя ротнаго поэта командира, капитана Косарева, а другое отъ того-же числа за № 1406 на имя командира оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона. Въ обѣихъ этихъ бумагахъ сообщалось, что „рядовой Шевченко обратился ко мнѣ съ просьбою и выдаче ему билета отъ меня на увольненіе по примѣру тому, какъ былъ выданъ таковой увольненному напредъ сего унтеръ-офицеру Балинскому, въ томъ уваженіи, дабы онъ, Шевченко, могъ воспользоваться безъ излишнихъ издержекъ и потери времени проѣхать на мѣсто жительства своего въ г. С.-Петербургъ ближайшею дорогою черезъ городъ Астрахань. Принимая со своей стороны во вниманіе, что отправленіе Шевченки къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ сдѣлаетъ ему разницы болѣе тысячи верстъ лишнихъ—я вмѣстѣ съ симъ выдалъ ему билетъ на проѣздъ его къ мѣсту жительства въ г. С.-Петербургъ. О чемъ увѣдомляя ваше благородіе, на рапортѣ вашемъ отъ 29 іюля за № 535, предлагаю означеннаго Шевченко исключить изъ списочнаго состоянія, а прочихъ лицъ, какъ то: Хрибчинскаго, Ольшевскаго, Феолковскаго и Домерацкаго по исключеніи отправить по назначенію черезъ Гурьевъ городокъ къ баталіонному штабу съ имѣющеюся отправится отъ сель 8-го числа (августъ 1857 г.) сего мѣсяца почтовою лодкою съ увѣдомленіемъ о семъ прямо отъ себя начальника Гурьева городка для дальнѣйшаго ихъ отправленія". Кромѣ того въ сообщеніи къ баталіонному командиру маіоръ Усковъ прибавилъ: „къ тому же еслибы требованіе его въ Уральскъ для отправленія на родину было съ тою цѣлью, чтобы снабдить его кормовыми и прогонными на одну лошадь деньгами, отъ которыхъ онъ, Шевченко, такъ же отказался, по этому я вмѣстѣ съ симъ выдалъ ему билетъ за № 1403 на проѣздъ его къ мѣсту жительства въ г. С.-Петербургъ впредь до высылки ему настоящаго пашпорта. О чемъ увѣдомляя ваше высокоблагородіе, имѣю честь покорнѣйше просить, что если: для Шевченки нужно будетъ выслать отъ баталіона пашпортъ на отставку, то неоставить своимъ распоряженіемъ о высылкѣ ему таковаго въ г. С.-Петербургъ въ управленіе академіи художествъ, гдѣ Шевченко объявилъ свое мѣстопребываніе".

Въ дѣлѣ имѣется и оригиналъ билета за № 1403, которымъ, какъ это мы увидимъ ниже, не долго пользовался поэтъ. Вотъ его точная копія: „Билетъ. Предъявитель сего служившій въ Новопетровскомъ укрѣпленіи Линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1-го, рядовой изъ бывшихъ художниковъ с.-петербургской академіи художествъ, Тарасъ Григорьевъ Шевченко, согласно предписанія командира означеннаго баталіона отъ 26-го іюня за № 1651, послѣдовавшаго къ завѣдывающему сдѣсь двумя ротами того-же баталіона и мнѣ сообщеннаго въ его рапортѣ отъ 29-го іюля за № 535, по высочайшему повѣленію уволенъ отъ службы и нынѣ по желанію его отправленъ на мѣсто жительство свое въ г. С.-Петербургъ. Въ слѣдствіе чего прошу покорнѣйше гг. начальствующихъ по тракту чинить Шевченки свободный пропускъ, а также и на мѣстѣ въ С.-Петербургѣ въ предь до высылки ему откуда слѣдуетъ надлежащаго паспорта на свободное проживаніе; въ удостовѣреніе чего данъ сей билетъ, за надлежащимъ подписомъ съ приложеніемъ казенной печати. Укрѣпленіе Новопетровское, августа 1-го дня 1857 года. Новопетровскій комендантъ, состоящій по армейской пѣхотѣ маіоръ Усковъ, за плацъ-адъютанта прапорщикъ Хитринъ". М. П. (печать коменданта Новопетровскаго укрѣпленія).

Заполучивъ вышеприведенный билетъ, Тарасъ Шевченко 1-го августа 1857 г. отправился изъ Новопетровскаго укрѣпленія въ Астрахань, откуда 22-го августа, какъ объ этомъ сообщилъ астраханскій плацъ-адъютантъ прапорщикъ Бурцевъ маіору Ускову, рапортомъ отъ 4-го сентября 1857 года № 97, отправился на пароходѣ „Пожарскій" въ Нижній Новгородъ, куда прибылъ 20-го сентября 1857 года. Между тѣмъ, вслѣдъ за отъѣздомъ поэта изъ укрѣпленія, маіоръ Усковъ получилъ увѣдомленіе изъ г. Уральска, что по высочайшему повѣленію, сообщенному въ предписаніи его сіятельства господина генералъ-адъютанта графа Перовскаго отъ 28-го мая сего года за № 543, господину начальнику 23-й пѣхотной дивизіи, а мнѣ (маіору Ускову) объявленнаго 23 числа сего августа, рядовой бывшій художникъ Тарасъ Шевченко уволенъ отъ службы, съ воспрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы и жительства въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ жительство въ предь до окончательнаго увольненія его на родину въ г. Оренбургѣ".

Понялъ тутъ свою ошибку комендантъ Усковъ, не отправивъ поэта, вслѣдъ за полученіемъ рапорта ротнаго командира, гдѣ служилъ Шевченко, отъ 29-го іюля, въ баталіонный штабъ въ г. Уральскъ, и забилъ тревогу. Пошла дѣятельная переписка. Астраханскій плацъ-адъютантъ прапорщикъ Бурцевъ получилъ при отношеніи 29-го августа 1857 года № 1687 „весьма нужныя конверты, значущіеся

въ прилагаемой у сего реэстрѣ". Конверты эти были: „въ Московскую городскую полицію № 1665, въ С.-Петербургскую городскую полицію № 1664, въ правленіе С.-Петербургской академіи художествъ № 1663 и въ Нижегородскую градскую полицію № 1674"—всѣ бумаги помѣчены 29-го августа 1857 года и вездѣ сообщалось одно и то-же, что буде онъ, Шевченко, прибудетъ туда-то, „покорнѣйше просить не оставить своимъ распоряженіемъ о немедленномъ объявленіи Тарасу Шевченкѣ—высочайшаго повелѣнія, дабы онъ не выѣзжалъ въ обѣ столицы и не проживалъ въ нихъ, а немедленно возвратился въ г. Оренбургъ, гдѣ онъ долженъ имѣть мѣсто жительство впредь до окончательнаго увольненія его оттуда на родину, а билетъ, преждѣ выданный ему отъ меня за № 1403-мъ, возвратить ко мнѣ, адресуя новопетровскому коменданту черезъ Гурьевъ городокъ, Оренбургской губерніи". Своему непосредственному начальству, растерявшійся совершенно комендантъ, маіоръ Усковъ, 27-го августа 1857 года № 1658, сдѣлалъ обширный докладъ, адресуя оный „инспектору Новопетровскаго укрѣпленія, начальнику артиллерійскихъ гарнизоновъ Оренбургскаго округа, господину генералъ-маіору и кавалеру Фрейману". Въ докладѣ этомъ маіоръ Усковъ указывалъ на то, что „въ предписаніи подполковника Михальскаго за № 1651 къ ротному командиру — поэта Шевченко—ни о какихъ условіяхъ не упоминалось при увольненіи отъ службы означенныхъ лицъ (Шевченко и 4 поляковъ), а также на какой именно предметъ требовались они въ Уральскъ, то предполагая, что ихъ требовали туда только съ цѣлью выдать имъ билеты и потомъ отправить изъ Уральска всѣхъ вмѣстѣ на родину", онъ, маіоръ Усковъ, и выдалъ Шевченко просимый билетъ прямо въ С.-Петербургъ. Въ заключеніи доклада Новопетровскій комендантъ слезно умоляетъ „всепокорнѣйше просить изложенное здѣсь обстоятельство повергнуть на милостивое благоусмотреніе его превосходительства, господина корпуснаго командира, такъ какъ распоряженіе мое о Шевченкѣ было безъ всякаго умысла сдѣлать что либо противъ воли правительства, а единственно только отъ несообщенія капитану Косареву въ полнѣ о настоящемъ распоряженіи высшаго начальства въ первомъ предписаніи подполковника Михальскаго за № 1651, что и подало поводъ къ такому недоразумѣнію, ибо если-бы въ предписаніи Михальскаго упомянуто было хотя только о томъ, что выше прописанныя сдѣсь чины по увольненіи должны собраться въ Оренбургъ, то и тогда бы я не осмѣлился отправить отъ сюда кого-либо изъ нихъ на мѣсто жительство".

Къ счастію для маіора Ускова дѣло это разрѣшилось довольно

благопріятно. Такъ, командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, отношеніемъ отъ 18-го сентября 1857 г. № 672, сообщилъ Ускову, что „изъ докладной записки вашей на имя инспектора Новопетровскаго укрѣпленія, генералъ-маіора Фреймана, отъ 27-го августа за № 1658, я усмотрѣлъ, что ваше высокоблагородіе, выдавъ рядовому Шевченкѣ билетъ на свободный проѣздъ въ С.-Петербургъ, безъ достаточныхъ къ тому основаній и вопреки распоряженія ближайшаго начальства сего рядоваго, требовавшаго отправленія его въ Уральскъ, поступили весьма опрометчиво и только въ уваженіе долговременной, усердной и полезной службы вашей я ограничиваюсь на сей разъ объявленіемъ вамъ за это строгаго замѣчанія, предписывая на будущее время быть осмотрительнѣе въ подобныхъ случаяхъ. Генералъ-адъютантъ Капнистъ, исправляющій должность начальника штаба, генералъ-маіоръ Бутурлинъ“.

Послѣдній документъ, которымъ я закончу свои біографическіе матеріалы поэта Шевченко, есть сообщеніе старшаго нижегородскаго полиціймейстера, отъ 17-го октября 1857 г. № 2089, къ маіору Ускову, о прибытіи туда Шевченко. Привожу его цѣликомъ: „Вслѣдствіе отношенія вашего высокоблагородія отъ 29-го августа сего года за № 1674, имѣю честь при семъ препроводить выданный вамъ билетъ, за № 1403, отобранный отъ служившаго въ укрѣпленіи рядоваго изъ бывшихъ художниковъ Тараса Шевченко, и увѣдомить, что онъ прибылъ въ Нижній Новгородъ 20-го сентября, въ разстроенномъ состояніи здоровія, который былъ мною освидѣтельствованъ вмѣстѣ съ городскимъ врачемъ и по освидѣтельствованіи онъ оказался не могущимъ слѣдовать въ обратный путь, впредь до совершеннаго выздоровленія. Актъ медицинскаго свидѣтельствованія мною представленъ г. нижегородскому военному губернатору. Старшій полиціймейстеръ полковникъ“ (подпись не разборчива).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что невольная ошибка маіора Ускова избавила поэта отъ излишней новой дальней поѣздки въ непривѣтливый Оренбургъ, такъ какъ подъ стихотвореніемъ поэта „Неофиты“ значится подпись „Нижній Новгородъ. 8-го декабря 1856 года“, а въ началѣ января 1858 года Шевченко находился уже въ С.-Петербургѣ.

Въ общемъ, Шевченко прослужилъ въ военной службѣ десять лѣтъ и 38 дней (съ 23-го іюня 1847 года по 1-е августа 1857 г.), изъ нихъ въ Закаспійскомъ краѣ провелъ шесть лѣтъ и $9^1/_2$ мѣсяцевъ (съ 17-го октября 1850 г. по 1-е августа 1857 г.).

А. И. Родзевичъ.

Г. Асхабадъ, Закаспійской области.
6-го февраля 1891 г.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

замѣтка о его портретѣ 1859 года.

Портретъ Т. Г. Шевченко, прекрасная копія котораго доставлена мною уважаемой редакціи „Русской Старины", принадлежитъ мнѣ. Получилъ я его въ подарокъ отъ В. У. Быковскаго, который, въ свою очередь, получилъ этотъ портретъ отъ И. Дзюбина, удостовѣрившаго его подлинность слѣдующими строками:

—„Портретъ Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 году, подаренъ мнѣ покойнымъ Тарасомъ Григорьевичемъ, въ память многолѣтней искренней между нами пріязни. О взаимныхъ нашихъ близкихъ отношеніяхъ можно читать въ оставленныхъ Шевченко Запискахъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Основа", 1861-го, если не ошибаюсь, года. И. Дзюбинъ".

Размѣры подлиннаго портрета 10 × 8 вершковъ. Портретъ писанъ масляными красками и прекрасно сохранился. Копію съ этого портрета исполнилъ художникъ Жебровскій.

Увѣренъ, что читатели всѣми уважаемаго журнала „Русская Старина" съ удовольствіемъ встрѣтятъ этотъ портретъ на ея страницахъ.

С. Неклюдовъ.

15-го іюня 1889 г.
Спб.

Н. Ѳ. Щербина [1].

Отвѣтъ Грека на эпиграмму Русскихъ.

Хоть „Эллинъ“ я „изъ Таганрога“,—
Но всё-жь я Грекъ,—не сынъ рабовъ....
За нами въ прошломъ славы много,
Къ намъ уваженіе вѣковъ....

У васъ—застѣнки, плети, клѣтки,
У насъ—свобода дѣлъ и словъ,—
И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ.

Спб. 1859.

М. П. Р—му.

Жалки намъ твои творенья,
Какъ германскій жалокъ сеймъ;
Тредьяковскій обличенья,
Стихоборзый Р—мъ.

1859 г.

Отвѣтъ на тупую эпиграмму.

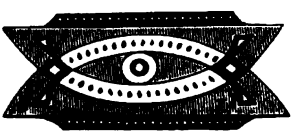
Чтобъ вѣру дать моимъ словамъ:—
Пиши побольше эпиграммъ.

1859 г.

Н. И. Костомаровъ.

Либерализмъ онъ внесъ и въ руки!
Какъ истый Фоссъ онъ больно билъ:
Онъ трутню старому науки
Медовый мѣсяцъ отравилъ.

Май, 1860.



[1]) См. „Собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины“. Спб., 1873 г.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

II [1]).

Переѣздъ въ Петербургъ.—Дядя Павелъ Лузановъ.—Швейцаръ университета Савельичъ.—Наркизъ Атрѣшковъ.—Жизнь у булочника.—Поступленіе въ батальонъ военныхъ кантонистовъ.—Графъ П. А. Клейнмихель.—Выходъ изъ батальона и поступленіе въ университетъ.—Профессоръ Чижовъ.—Ректоръ Дегуровъ.—Встрѣча съ М. Н. Любощинскимъ.—Профессоръ Райковскій, Ивановскій, студентъ Зубовъ.—Профессоръ Н. В. Гоголь.—И. С. Тургеневъ.—И. П. Шульгинъ.—П. А. Плетневъ.—Шнейдеръ.—Фишеръ.—А. В. Никитенко.—П. С. Порошинъ.—Братья Куторги.

Будемъ продолжать нашъ разсказъ. Одинъ глуховскій помѣщикъ, отправляя въ Петербургъ разную провизію и съ нею посылая для обученія трехъ крестьянскихъ дѣвушекъ, съ этою оказіею задумалъ отправить и меня.

Первоначально я долженъ былъ пріѣхать къ дядѣ Павлу Ивановичу Лузанову въ с. Локотки Глуховскаго уѣзда, недалеко отъ Шостенскаго пороховаго завода. Онъ не имѣлъ дѣтей, посему или вообще, какъ бойкій мальчикъ, я ему понравился; онъ помѣстилъ меня въ свою библіотеку, гдѣ мнѣ представилась возможность прочесть, въ переводѣ на русскій языкъ, древнихъ мудрецовъ.

По жизни дядя мой былъ человѣкъ добраго, но прежняго закала.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43.

Помню: въ одну изъ субботъ внесли въ мою комнату скамейку, явился человѣкъ съ розгами, а за нимъ появился и самъ дядя. — „Ну, Николаша," сказалъ онъ, „хотя ты и хорошій мальчикъ, но все-таки сегодня суббота, и чтобъ ты былъ всегда таковымъ, треба тебя постегать!"—„Какъ!" вскричалъ я: „За что? Да меня никогда и нигдѣ не сѣкли!"—„Да сегодня суббота", повторялъ дядя. „Такъ что-жъ?" отвѣчалъ я. Не знаю, убѣждался-ли моими доводами дядя или нѣтъ, но, къ счастью, на мои крики появилась тетушка Елисавета Михайловна и избавила меня отъ позорнаго стеганія. „А въ наше время", заключилъ совершенно спокойно дядя: „насъ всегда по субботамъ пороли; правъ-ли былъ хлопецъ или нѣтъ— ложись и дѣло съ концомъ!"

Дѣйствительно, по разсказамъ стариковъ того времени, въ школахъ малороссійскихъ, а въ особенности содержимыхъ духовенствомъ, суббота была днемъ поголовнаго сѣченія всѣхъ учениковъ.

Но самъ я лично принадлежалъ тогда къ новому поколѣнію.

Началось приготовленіе мое къ отъѣзду въ Петербургъ: сшили мнѣ фризовую шинельку, смастерили изъ одежды кой-что и другое, разсчитали, что мое путешествіе продолжится съ небольшимъ мѣсяцъ, дали мнѣ 10 рублей деньгами, мѣшокъ крупъ, сала нѣсколько фунтовъ и засимъ благословили въ путь.

Дядя, прощаясь со мною, прослезился, вспоминая, вѣроятно, то время, когда и онъ, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, ѣхалъ въ Петербургъ. Матушка, бывшая при моемъ отъѣздѣ, навзрыдъ плакала, но ничего не могла мнѣ дать на дорогу,—скудность ея средствъ сильно одолѣвала.

Сумма денегъ, выданныхъ мнѣ на дорогу, казалась мнѣ тогда неистощимою, но, увы! на дѣлѣ вышло не такъ. Путешествіе наше на возу, съ одною лошадью, проводникомъ и тремя дѣвушками, начавшееся въ половинѣ іюня 1829 г., окончилось едва въ концѣ августа того-же года. Ѣхали мы, разумѣется, шагомъ, проѣзжая верстъ 20 или нѣсколько болѣе въ день,—и то не сплошь, а почасту дневали; приходилось безъ счету идти пѣшкомъ и босикомъ, сберегая сапоги и облегчая лошадь отъ излишней тяжести, а въ особенности при подъемѣ въ гору. На поляхъ и въ лѣсу, гдѣ обрѣталась вода, мы останавливались и варили кашицу изъ крупъ съ саломъ, а въ городахъ запасались хлѣбомъ. Ѣхали мы чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Мглинъ, Рославль, Смоленскъ и т. д. Всего пути намъ предстояло сдѣлать около 1100 верстъ.

Въ Смоленскѣ, въ годъ моего проѣзда, въ 1829 году, т. е. чрезъ 17 лѣтъ послѣ 1812 г., я видѣлъ еще обгорѣлыя зданія и разрушенныя стѣны.

Пріѣхавши на Пулковую гору, откуда виденъ былъ Петербургъ, проводникъ нашъ указалъ намъ на городъ, но, разумѣется, ничего опредѣленнаго разсмотрѣть не могли, но вдругъ ни съ того, ни съ чего спутницы мои начали плакать, а за ними и я. Утѣшить насъ было нечѣмъ: будущее для насъ представлялось неизвѣстнымъ, а разлука съ родиною являлась очевидною.

Остановились мы на Васильевскомъ острову, у какого-то знакомаго нашему проводнику, который привезъ насъ въ Петербургъ. Собственно меня послали къ Наркизу Ивановичу Атрѣшкову, но мнѣ сперва нужно было отыскать дядю моего Колмакова, Ивана Акимовича, у котораго жилъ мой братъ Александръ. Для этого я отправился въ университетъ, который въ то время находился въ Семеновскомъ полку.

Я безъ труда нашелъ университетское зданіе, смѣло и не снимая шапки, вошелъ въ швейцарскую, гдѣ швейцаромъ тогда былъ, извѣстный въ то время и многіе послѣдующіе годы, Савельичъ. Прежде нежели я объяснилъ ему цѣль моего прихода, Савельичъ встрѣтилъ меня гнѣвнымъ вопросомъ: „чтожъ ты шапку-то не ломаешь, а? Не видишь образа на стѣнѣ, или не знаешь съ кѣмъ говоришь?“ При этомъ Савельичъ указалъ мнѣ на свою грудь, увѣшанную многими медалями и крестами.

Я струхнулъ, быстро снялъ шапку, извинился и повторилъ свой вопросъ. Савельичъ видимо смягчился; „а зачѣмъ тебѣ профессоръ Колмаковъ?“ спросилъ онъ меня. „Да это мой дяденька, я пріѣхалъ изъ Малороссіи и не знаю, гдѣ онъ живетъ!“ „Вотъ такъ-бы вы и сказали!“ произнесъ онъ смягченнымъ голосомъ, мѣняя ты на вы.

Такимъ образомъ разговоръ мой съ Савельичемъ кончился совершенно въ дружескомъ тонѣ и я получилъ отъ него всѣ нужныя свѣдѣнія. Чрезъ пять лѣтъ послѣ сего я былъ уже студентомъ юридическаго факультета и, встрѣтивъ въ швейцарской Савельича, напомнилъ ему о первомъ нашемъ знакомствѣ. Къ удивленію моему, онъ меня не забылъ, и описанное обстоятельство послужило основаніемъ моихъ многолѣтнихъ съ Савельичемъ пріязненныхъ отношеній. Онъ почасту впослѣдствіи меня и другихъ снабжалъ книгами и записками, кои ему оставляли кончившіе курсъ студенты.

Всѣ студенты и профессора петербургскаго университета, начиная съ конца 1820-хъ годовъ, чуть-ли не въ теченіи болѣе полувѣка, помнили Савельича и относились къ нему съ большимъ сочувствіемъ, любили его, и потомъ, когда онъ умеръ, почтили его похороны сердечнымъ и дружескимъ поминовеніемъ.

Дядю я нашелъ жившимъ на дачѣ въ Старой деревнѣ; въ его

семьѣ жилъ и мой братъ Александръ, бывшій тогда уже студентомъ. Само собою, всѣ они рады были меня видѣть и тотчасъ-же занялись обмундированіемъ меня по столичному, а вопросъ о томъ, что со мною дѣлать, не входилъ въ ихъ соображеніе.

Наркиза Ивановича Атрѣшкова я тоже нашелъ безъ затрудненія. Положеніе его было не самостоятельное; мысль о томъ, что я пріѣхалъ собственно къ нему, будучи присланъ его матерью, видимо тяготила его, а потому, весьма понятно, онъ желалъ, какъ можно скорѣе, устроить меня. Онъ началъ съ того, что повезъ меня въ Инженерное училище, чтобы опредѣлить меня на казенный счетъ, но послѣдовалъ отказъ, по неимѣнію вакансіи. Засимъ Атрѣшковъ заставилъ меня написать и подать на высочайшее имя прошеніе съ изъясненіемъ, что я сирота, нахожусь безъ крова и пищи и т. д. Въ то-же время онъ помѣстилъ меня на квартирѣ у одного булочника, по имени Котцеля, жившаго на углу Столярнаго переулка и Мѣщанской, въ домѣ Даниберга. Хозяинъ мой былъ нѣмецъ чудакъ; цѣлую ночь онъ работалъ, не покладая рукъ, а утромъ товаръ свой распредѣлялъ между разносчиками, производилъ съ ними разсчетъ за минувшій день и, хлебнувъ чарки три водки, ложился спать. Чудачество его состояло въ томъ, что онъ своихъ разносчиковъ руссопетовъ-мужиковъ заставлялъ пѣть и по преимуществу одну и ту-же пѣсню. Пѣснь эта теперь почти забыта, но тогда она пѣлась съ большою охотою и азартомъ. Пѣснь эта слѣдующая:

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ ровенъ стать,
Вздумалъ ровенъ стать.
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ,
Семъ на Русь пойду,
Семъ на Русь пойду и т. д.

Парень, пѣвшій эту пѣсню, былъ большой весельчакъ: онъ пѣлъ приплясывалъ, прищелкивалъ пальцами и приводилъ моего нѣмца въ неистовый восторгъ. Въ учащенномъ подчиваніи, со стороны хозяина нѣмца своихъ разносчиковъ, не было недостатка. Жена нѣмца булочника, слыша спозаранку пѣсни и гамъ, выскакивала изъ своей спальни и напоминала ему о благочиніи, но въ отвѣтъ отъ него получала такой подзатыльникъ, что мгновенно убѣгала, пряталась подъ мою кровать и охала долго еще послѣ утренняго веселья ея мужа.

Во всякомъ случаѣ нѣмцы супруги, по отношенію ко мнѣ, были

добрѣйшими людьми: они кормили меня досыта и даже любили. Теперь, спустя 60 лѣтъ, когда я слышу запахъ отъ спеченныхъ булокъ, что случается всякій разъ при проходѣ около булочной, я всегда съ любовью вспоминаю моихъ петербургскихъ нѣмцевъ-Котцеловъ. Вѣроятно, они давно уже отошли въ вѣчность, но воспоминанія о нихъ до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти.

Было 1-е октября 1829 года, праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы; шелъ снѣгъ съ перемежкою дождя; я сидѣлъ у окна въ моей квартирѣ у булочника и безотрадно съ грустію смотрѣлъ на улицу. Вдругъ подъѣзжаетъ на курьерской телѣжкѣ, въ одну лошадь, къ окну булочника солдатъ и, называя мое имя, спрашиваетъ: не здѣсь-ли я живу? Я вздрогнулъ, сказалъ свое имя и получилъ такой отвѣтъ: „мнѣ-то тебя и нужно! Изволь одѣваться и ѣхать со мною; ты опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ“. Что такое батальонъ военныхъ кантонистовъ—я не зналъ, а потому не безъ боязни поспѣшилъ одѣться и, объяснивъ моимъ хозяевамъ, куда меня везутъ, отправился съ посланнымъ.

У Поцѣлуева моста, на Мойкѣ, рядомъ съ домомъ интендантства, стоитъ и теперь обширное зданіе,—это и было помѣщеніе батальона военныхъ кантонистовъ. Въ настоящее время на этомъ зданіи красуется другое названіе—„главное военно-судное управленіе“. Здѣсь же помѣщаются военно-окружной судъ и военно-юридическая академія.

Мы подъѣхали къ воротамъ: часовой, стоявшій около нихъ, впустилъ насъ и снова заперъ. Точно какъ будто тюрьма, подумалъ я, и дѣйствительно это было что-то въ родѣ тюрьмы.

Курьеръ, везшій меня, сдалъ по командѣ и при этомъ вручилъ пакетъ, кому слѣдуетъ, въ коемъ значилось, что я, за неимѣніемъ вакансіи въ кадетскихъ корпусахъ, опредѣленъ въ батальонъ военныхъ кантонистовъ. Засимъ быстро облекли меня въ сѣрую куртку самаго грубаго солдатскаго сукна, съ желтымъ узкимъ воротникомъ, который такъ сильно давилъ мою шею и горло, что я чуть не задыхался, но о таковомъ стѣсненіи нельзя было заявлять. Мальчики кантонисты окружили меня и осматривали съ ногъ до головы, говоря: вотъ новичекъ! Лица ихъ были грубы и по нимъ можно было догадаться, что это были „по большинству“ солдатскія дѣти. Глядя на нихъ и на всю солдатскую обстановку, я горько заплакалъ. Засимъ, ложась спать, горячо молился Богу и тихо заснулъ. Въ эту первую ночь я видѣлъ сонъ, который остался мнѣ памятнымъ навсегда, а главное, онъ крѣпилъ постоянно мой

духъ и давалъ мнѣ мочь впослѣдствіи переносить все съ терпѣніемъ, въ надеждѣ на лучшія времена. Мнѣ снилась широкая рѣка и я видѣлъ себя плавающимъ по ней смѣло и безъ устали съ одного берега на другой. Проснувшись, сталъ разбирать и разъяснять себѣ, что означаетъ этотъ сонъ. Я растолковалъ его въ самомъ благопріятномъ смыслѣ.

Нужно сказать, что во время малолѣтства моего матушка моя, какъ истая хохлачка, каждое утро разсказывала окружавшимъ ее, что она въ ту ночь видѣла во снѣ и какъ нужно понимать ея сонъ, (она слѣпо вѣрила снамъ), и я къ этому привыкъ. И вотъ, слѣдуя сему, я свой сонъ объяснилъ такъ: рѣка текучая—значитъ жизнь, а легкое плаваніе мое по ней выражаетъ то, что Богъ меня сохранитъ и что я буду жить хорошо. Я глубоко вѣрилъ въ истину моего сна и потому на всѣ тягости и трудности моего пребыванія въ баталіонѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и даже впослѣдствіи на всѣ невзгоды смотрѣлъ съ надеждою, что все кончится благополучно. Такъ и вышло.

На другой день моего поступленія въ батальонъ ко мнѣ приставили десятскаго и начали учить фронту. Фронтъ этотъ состоялъ въ неподвижной стойкѣ тѣла и рукъ, поворачиваніи головы и глазъ справа налѣво и наоборотъ и, наконецъ, въ медленномъ подниманіи и опусканіи ногъ. Тихій учебный и скорый учебный шагъ, при отсутствіи всякаго движенія головы и рукъ, не давались мнѣ. Говорили, что я плохъ во фронтѣ.

Теперь всѣ эти пріемы не существуютъ. Нынѣшнее поколѣніе кадетъ и прочей военной молодежи смѣялись-бы до упаду, если-бы увидѣли тогдашняго фронтовика; но таково было время! Прежній фронтъ отличался отъ нынѣшняго не только неподвижностію всего тѣла, но даже отсутствіемъ дыханія. Слово команды смирно означало въ нѣкоторомъ смыслѣ—не дыши.

Подготовивъ меня въ такомъ духѣ, я ожидалъ смотра для представленія высшему начальству. Таковое представленіе не замедлилось: ожидали пріѣзда главнаго начальника военныхъ поселеній, къ коему причислялся и баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Начальникъ этотъ былъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель.

Я стоялъ во фронтѣ съ другими новичками ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ графъ съ окружавшею его свитою и, окинувъ меня своимъ быстрымъ взглядомъ, спросилъ: „учился“?— „Учился“, отвѣчалъ я. „Что знаешь?“ спросилъ онъ меня опять.— „Усе“ сказалъ я.—„Какъ усе?“ продолжалъ графъ съ усмѣшкою.— „Ариѳметику, геометрію, исторію и т. д.“ быстро забормоталъ я.— „Ого!“ вскрикнулъ графъ: „въ инженерную его роту!“ и удалился.

Вотъ это хохлацкое „усе“ вмѣсто все и распоряженіе графа рѣшило мое будущее направленіе—и жизнь. Графъ Петръ Андреевичъ, украшенный звѣздами и окруженный свитою, показался мнѣ тогда превыше всѣхъ сущихъ на землѣ и вершителемъ моей судьбы. Да онъ былъ таковымъ и на самомъ дѣлѣ не только для меня, но и для многихъ безъ числа людей. Имя его впослѣдствіи много лѣтъ было на вершинѣ власти, но и онъ упалъ. Но во время своей отставки онъ почасту гулялъ по БольшойМорской въ Петербургѣ. Я былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Встрѣтивши его, я на него взглянулъ, припомнилъ былое и слово „усе“ и невольно скинулъ предъ нимъ шляпу. Онъ былъ видимо изумленъ, но поспѣшно и съ какою-то робостію поклонился мнѣ.

Вотъ какъ времена измѣнчивы!

Будемъ продолжать дальше.

Инженерная рота, куда меня помѣстили въ тотъ-же день, отличалась и научными предметами, кои въ ней преподавались, и всею вообще обстановкою. Въ классахъ этой роты преподавали весьма обстоятельно: фортификацію, математику въ объемѣ полнаго курса гимназіи, архитектуру, съемку или землемѣріе, черченіе и рисованіе и нѣкоторые другіе предметы общаго образованія.

Всѣ эти науки были мнѣ по душѣ, я ихъ изучалъ съ большимъ прилежаніемъ и чрезъ полтора или два года былъ уже въ числѣ лучшихъ учениковъ въ высшемъ классѣ; при томъ поступленіе въ этотъ классъ избавляло меня отъ фронтоваго ученья, что мнѣ было весьма пріятно. Но такое положеніе не было по душѣ моему ротному командиру Закалупину, который, не касаясь научныхъ предметовъ, смотрѣлъ только за фронтовою выправкою. Онъ постоянно, какъ увидитъ меня внѣ классовъ, такъ и кричитъ: „а ты, Колмаченокъ, дурно маршируешь, а за тебя мнѣ достанется,—становись!“ и тотчасъ начиналъ меня муштровать. Это былъ человѣкъ безъ особаго образованія, но тѣмъ не менѣе онъ былъ хорошей души; я его помню и никогда не забуду. Бывало ночью, обходя комнаты и видя меня занимавшимся около столика, онъ кричалъ: „А ты опять съ книгами! А ты пропадешь, пропадешь“... и т. д. Я думаю, что онъ меня, какъ скромнаго мальчика, любилъ, но только по своему выражалъ эту любовь. Съ нимъ у меня были слѣдующія еще исторіи: въ классахъ былъ инспекторомъ нѣкто полковникъ Короботъ съ большими знаніями. Онъ тоже выражалъ ко мнѣ свои добрыя чувства и расположеніе. Бывало придетъ въ классы рисованія, подойдетъ ко мнѣ и начинаетъ поправлять мой рисунокъ и объясняетъ, что и какъ слѣдуетъ; но были также такіе случаи, что,

не видя меня въ классахъ и узнавъ, что ротный командиръ послалъ меня вмѣсто классовъ на ученіе, тотчасъ отправлялся въ залу, гдѣ происходили фронтовыя ученія, и тутъ происходила сцена между инспекторомъ и ротнымъ. Первый увѣрялъ, что мое мѣсто, какъ ученика старшаго класса, въ классахъ, а не на ученіи, а второй— что будто-бы я совсѣмъ плохо марширую, а потому долженъ сперва учиться маршировкѣ, а потомъ уже ходить въ классы. Пререканія кончались, разумѣется, въ пользу класснаго ученія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и я назначенъ былъ къ выпуску въ инженерные кондукторы, но увы, по лѣтамъ былъ молодъ да и ростомъ былъ малъ, а потому выпускъ мой былъ отложенъ. Разумѣется, я скорбѣлъ и жизнь въ баталіонѣ, безъ отпуска со двора, казалась крайне тяжкою,—я началъ помышлять о томъ, какъ-бы избавиться отъ военной службы и поступить въ университетъ. Счастье мнѣ улыбнулось. И сонъ мой, разсказанный выше, началъ осуществляться.

Просьба моей матери и родныхъ, о выпускѣ меня на волю изъ баталіона оставалась безъ вниманія, но въ судьбѣ моей приняла участіе графиня Софія Владиміровна Строганова, жившая у Полицейскаго моста въ собственномъ домѣ. И вотъ благодаря ей, я, наконецъ, освободился изъ списка баталіона кантонистовъ.

Послѣ сего, я началъ съ жаромъ готовиться къ поступленію въ университетъ и въ особенности пришлось заниматься латинскимъ языкомъ и чрезъ полтора года, именно въ августѣ 1834 г., смѣло предсталъ на экзаменъ.

Правленіе университета, гдѣ молодые люди подвергались испытанію, было въ то время въ домѣ Штерича, у Семеновскаго моста. На порогѣ правленія я встрѣтилъ молодаго человѣка весьма пріятной наружности, съ открытымъ лицемъ и замѣчательно хорошими волосами. Онъ явился также, чтобъ подвергнуться испытанію для поступленія въ университетъ. Сдѣлавши съ робостью другъ другу поклонъ, я спросилъ, какъ его зовутъ. „Маркъ Николаевичъ Любощинскій“, отвѣчалъ онъ. „А меня“, сказалъ я, „Николай Марковичъ Колмаковъ!“

Перевертень нашихъ именъ заставилъ насъ обоихъ улыбнуться,—мы подали другъ другу руки и сразу почувствовали взаимное дружеское расположеніе, обратившееся впослѣдствіи въ сердечную братскую любовь. Съ этими чувствами мы оставались всю нашу жизнь.

Онъ умеръ 11 іюля 1889 года, членомъ государственнаго совѣта. Миръ праху твоему, вѣрный другъ и сердечный товарищъ; рѣчь моя о тебѣ будетъ впереди!

Къ экзамену всѣ собравшіеся молодые люди приступили со страхомъ и робостью. Явился ректоръ Дегуровъ. Это былъ маленькій ростомъ сѣдой старичекъ и, поздоровавшись съ нами по французски, просилъ приступить къ дѣлу. Французское обращеніе съ нами Дегурова и повтореніе имъ безпрестанно словъ: messieurs, производило на насъ непріятное впечатлѣніе. Тутъ-же на экзаменѣ мы слышали, что онъ французъ, когда-то былъ секретаремъ извѣстнаго Робеспіера и убѣжалъ, спасаясь отъ эшафота, изъ Франціи.

Экзаменъ изъ математики пугалъ всѣхъ, но я смѣло приблизился къ профессору Ѳедору Васильевичу Чижову. „Ну-съ“, сказалъ онъ: „что вы знаете?“ — „Все“, отвѣчалъ я: „что слѣдуетъ по программѣ и что вамъ угодно будетъ меня спросить!“

И дѣйствительно, на всѣ его вопросы изъ алгебры и тригонометріи я отвѣчалъ твердо и отчетливо. Онъ удивился, спросилъ меня, гдѣ я готовился, и поздравилъ меня съ полными баллами.

Ѳедоръ Васильевичъ въ 1834 году былъ еще молодымъ профессоромъ и оставилъ о себѣ среди студентовъ добрую память. Личность Чижова ярко обозначилась впослѣдствіи, какъ ученаго математика, полезнаго дѣятеля по разнымъ направленіямъ, въ особенности по желѣзнодорожному и банковому, и, наконецъ, сердечнаго славянофила благотворителя, и скажемъ истину, что любовь свою къ славянамъ и вообще къ народу и благотворительность Чижовъ успѣлъ вдохнуть воспитаннику своему Григорію Павловичу Галагану, дѣятельность котораго также заслуживаетъ особой біографіи.

Г. П. Галаганъ тоже былъ студентъ с.-петербургскаго университета и почти въ одно время со мною (1840 г.). Тутъ, вѣроятно, онъ и встрѣтился съ Чижовымъ и впослѣдствіи вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Чижовъ оставилъ по себѣ еще особую память. Принужденный жить въ Кіевской губерніи, онъ научилъ крестьянъ извѣстнаго раіона разведенію шелковичныхъ червей.

Но мы отклонились отъ разсказа. Пріемные экзамены по прочимъ предметамъ прошли благополучно и мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ. Вмѣстѣ со мною и Любощинскимъ поступили многіе молодые люди, въ томъ числѣ изъ высшаго круга, такъ я помню князя Г. А. Щербатова, графа А. Д. Блудова, П. П. Убри, графа Шувалова. Со мной вступили также В. П. Степановъ, Павелъ Алексѣевичъ Зубовъ, братья Пильшеры и проч. Въ высшихъ курсахъ тогда были графъ Нессельроде, Н. Грановскій, (1835 г.) Печоринъ, Ив. Сергѣевичъ Тургеневъ (1837 г.) и другіе.

Помню, графъ Нессельроде и князь Щербатовъ сначала ѣздили

въ университетъ съ гувернерами, но съ гувернеромъ перваго случилась оказія: онъ на лекціи заснулъ и захрапѣлъ, а потомъ свалился, какъ снопъ, со скамейки; произошелъ смѣхъ, послѣ чего онъ пересталъ появляться въ университетѣ.

Когда достигнешь старости, то воспоминаніе о студенческомъ періодѣ времени самое пріятное. Всего лучше это время назвать весною жизни.

Петербургскій университетъ, въ періодъ конца 1830-хъ, 1840-хъ и 1850-хъ годовъ, былъ неоднократно описанъ, а потому мнѣ, казалось-бы, нѣтъ повода говорить объ этомъ еще; но, однако-жъ, есть нѣкоторые частные случаи, кои сами просятся подъ перо, а потому я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать хотя нѣсколько словъ о профессорахъ, студентахъ и вообще времени, начиная съ 1834 г.

Ректоръ Дегуровъ, какъ выше сказано, былъ препротивная личность и, дѣйствительно, по наружности своей, онъ не возбуждалъ симпатіи: маленькій, сѣдой, худой, съ безпокойными глазами, съ пустыми фразами на языкѣ; все это вмѣстѣ отталкивало отъ него; о дѣятельности его я ничего не слыхалъ. Онъ часто появлялся по утрамъ въ университетѣ и, увидя какого-либо студента не въ формѣ, подходилъ къ нему съ любезностью и, подавая ему руку свою на подобіе танцующаго кавалера, приглашающаго даму къ танцамъ, произносилъ „monsieur“—и выводилъ студента за дверь аудиторіи, а иногда даже и до самой швейцарской.

Одинъ разъ выдался такой день, что онъ меня два раза выводилъ изъ аудиторіи, а между тѣмъ въ тотъ день шла репетиція или экзаменъ латинскаго языка. Я боялся пропустить время и очередь вызова, а потому, очутившись въ швейцарской, обратился къ Савельичу:

— „Ради Бога, дай мнѣ какой-либо мундиръ!“

Савельичъ бросился къ своему сундуку, гдѣ у него хранились платья отъ прежнихъ студентовъ; долго онъ рылся и, наконецъ, подалъ мнѣ одинъ изъ мундировъ, который, по его мнѣнію, близко подходилъ къ моей объемистой корпораціи. Съ трудомъ я натянулъ его на свои плечи и хотя чувствовалъ, что мнѣ трудно будетъ двигать руками и плечами, однако-жъ, пошелъ въ аудиторію. Меня окликнули; я подошелъ къ столу и хотѣлъ взять книгу, кажется, Салюстія, для перевода, но, увы! мои руки не сходнлись, чтобы взять книгу. Я началъ усиленно натуживаться, слышу, что-то трещитъ, и кончилось тѣмъ, что мой мундиръ, во всю длину спины, отъ самаго воротника до фалдочекъ, разлетѣлся пополамъ по шву.

Громкій хохотъ огласилъ залъ, однако-жъ, все кончилось благополучно. Экзаменъ сданъ, чего-же болѣе, но явилась другая бѣда, какъ сдать Савельичу мундиръ? И дѣйствительно, онъ взрыдалъ, увидя его, но, убаюканный моимъ вознагражденіемъ, умаялся, затихъ и самъ началъ смѣяться.

Догматическое богословіе и каноническое право первое время читалъ у насъ протоіерей Баженовъ, но вскорѣ замѣнилъ его Райковскій, тоже священникъ. Баженовъ, какъ извѣстно, поступилъ ко двору и оставилъ по себѣ весьма пріятныя воспоминанія. Лекціи его посѣщались весьма многими студентами, даже и тѣми, для коихъ лекціи его не относились къ факультетскимъ занятіямъ.

Напротивъ того, Райковскій возбуждалъ жалобы студентовъ своими неумѣстными требованіями. Въ особенности онъ приводилъ въ отчаяніе своими вопросами, кои прямо не относились къ дѣлу; такъ, напримѣръ, онъ настойчиво требовалъ, чтобы студенты знали непремѣнно пунктъ за пунктомъ всѣ статьи Вселенскихъ соборовъ, а также отдѣльно всѣ члены Символа вѣры, хотя послѣдній предметъ прямо и не входилъ въ составъ экзамена. Напримѣръ, обращаясь къ студенту, онъ спрашивалъ:

— „Скажите мнѣ 7-й или 9-й членъ Символа вѣры".

Студентъ, зная наизусть весь Символъ вѣры, затруднялся сказать прямо и отдѣльно текстъ того или другаго пункта Символа вѣры. Райковскій, нисколько не стѣсняясь, ставилъ студенту неодобрительные баллы и тотъ отходилъ отъ стола съ кислою физіономіею. Такихъ случаевъ было много, но есть всему конецъ!

Разъ въ числѣ ассистентовъ на экзаменѣ былъ профессоръ Ивановскій. Райковскій, по обыкновенію своему, началъ задавать вопросы студентамъ о Символѣ вѣры въ разбивку. А засимъ, не получая отъ нихъ отвѣтовъ, награждалъ ихъ единицами.

— „Позвольте, произнесъ Ивановскій Райковскому, — скажите мнѣ, профессоръ, какая буква въ русскомъ алфавитѣ на 9-мъ мѣстѣ?"

Райковскій задумался и замялся.

— „А позвольте, снова сказалъ Ивановскій, — на 17-мъ мѣстѣ какая буква?

— Право не знаю, отвѣчалъ Райковскій.

— „Какъ-же вы, профессоръ, продолжалъ Ивановскій,—обвиняете студентовъ въ томъ, что они не знаютъ въ разбивку Символа вѣры, а сами не знаете на какомъ мѣстѣ стоятъ буквы русскаго алфавита".

— Что-же вы хотите этимъ сказать? заявилъ смущенный Райковскій.

— „А то, продолжалъ Ивановскій,— что ваши неодобрительные

баллы студентамъ есть верхъ несправедливости, а потому прошу уничтожить сіи баллы и допустить студентовъ снова къ экзамену".

Райковскій, краснѣя и досадуя, долженъ былъ согласиться съ Ивановскимъ. Случай этотъ, кажется, надолго отбилъ у него охоту озадачивать студентовъ спросомъ отдѣльныхъ пунктовъ Символа вѣры.

Райковскій читалъ въ послѣднее время нравственное богословіе, философію и логику, но это былъ наборъ безцвѣтныхъ фразъ, нравоученій, сказанныхъ безъ всякой системы и толку.

Время это было гоненіе на науку вообще.

Съ Райковскимъ у насъ случилась разъ такая исторія: онъ какъ-то на лекціи исчислялъ совершенства Господа Бога и опредѣлялъ величіе Его.

Вдругъ студентъ Павелъ Зубовъ встаетъ и произноситъ громогласно басомъ и съ пафосомъ:

— „По моему, Господь Богъ есть величайшій поэтъ, а мірозданіе Его есть величественная поэма!"

Услышавъ это, Райковскій поднялъ руки кверху и вскричалъ: „Боже! что я слышу?" и засимъ стремительно бросился къ выходу изъ аудиторіи. Произошелъ конфузъ, разразившійся общимъ дружескимъ и продолжительнымъ смѣхомъ. Кажется, Райковскій жаловался кому слѣдуетъ. Зубова призывали и онъ по своему подтвердилъ правдивость своего опредѣленія о Богѣ. Такимъ образомъ жалоба Райковскаго осталась безъ послѣдствій.

Кстати о Зубовѣ: онъ былъ страшный поклонникъ, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ имъ бредилъ, читая кстати и некстати восторженные его стихи, становясь въ позу импровизатора. Стоило было, хотя въ шутку, намекнуть о какомъ-либо несовершенствѣ Пушкинскихъ стиховъ, какъ Зубовъ приходилъ въ азартъ. Такимъ онъ остался до старости и смерти. Онъ превосходно игралъ изъ „Горя отъ ума" роль Фамусова и, по заявленію знатоковъ, послѣ Щепкина былъ одинъ только Зубовъ.

Разъ онъ намъ принесъ извѣстіе о томъ, что Пушкинъ съ Жуковскимъ и Плетневымъ будутъ въ университетѣ на лекціи у Гоголя. Всѣ, разумѣется, ждали съ нетерпѣніемъ этого дня. Я видѣлъ вошедшими ихъ всѣхъ въ университетъ, но самъ, къ крайнему сожалѣнію, на лекціи Гоголя на этотъ разъ не былъ.

По разсказамъ другихъ, лекція эта далеко не удовлетворила слушателей. Изъ другихъ-же лекцій средней исторіи всѣ, да и самъ Гоголь, убѣждался, что онъ не профессоръ исторіи. Тогда было

извѣстно, что Гоголь попалъ въ профессора вслѣдствіе своей статьи о движеніи народовъ въ средніе вѣка. Статья эта была напечатана въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и весьма понравилась бывшему министру графу Сергѣю Семеновичу Уварову. Она обличала въ авторѣ скорѣе даровитаго живописца и писателя, нежели глубокаго мыслителя-историка. Вообще нужно сказать, что профессура Гоголя потерпѣла фіаско и самъ онъ началъ хворать. Голова его, по случаю-ли боли зубовъ или по другой причинѣ, постоянно была подвязана бѣлымъ платкомъ; самый видъ его былъ болѣзненный и даже жалкій, но студенты относились къ нему съ большимъ сочувствіемъ, что было, разумѣется, послѣдствіемъ его талантливыхъ сочиненій.

Но, Боже мой, что за длинный, острый, птичій носъ былъ у него. Я не могъ на него прямо смотрѣть, особенно вблизи, думая: вотъ клюнетъ и глазъ вонъ. Вотъ почему на лекціяхъ его я всегда садился съ боку, чтобы не подвергнуться такому мнимому впечатлѣнію.

Читая изъ исторіи то одно, то другое, онъ всегда переходилъ къ разсказу о движеніи народовъ. Ясно, что предметъ этотъ служилъ ему какъ бы заручкой или опорою историческихъ его знаній.

Профессура его продолжалась недолго. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ намъ указалъ на нѣкоторыхъ авторовъ, сочиненія которыхъ могли служить намъ руководствомъ къ изученію исторіи среднихъ вѣковъ. Отъѣздъ Гоголя и оставленіе имъ лекцій были неожиданны и отразились на насъ весьма неблагопріятно. Профессоръ Шульгинъ на экзаменѣ задавалъ намъ такіе вопросы, которые вовсе не входили въ программу лекцій Гоголя. Вотъ тутъ случилась такая оказія: въ числѣ студентовъ старшаго курса былъ и приснопамятный Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ему попался на экзаменѣ вопросъ о пыткахъ, или такъ называемомъ Божіемъ судѣ. Извѣстно, что Иванъ Сергѣевичъ обладалъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, а потому не удивительно, что онъ много читалъ изъ иностранныхъ источниковъ и на заданный вопросъ могъ отвѣчать весьма обширно. Отвѣчая, Тургеневъ, между прочимъ, сказалъ, что въ числѣ пытокъ огнемъ и другими способами былъ еще особый родъ оныхъ, именно: испытаніе посредствомъ телячьяго хвоста, намазаннаго саломъ. Услышавъ это, Шульгинъ, пытливо взглянувъ на Тургенева, поспѣшно сказалъ: „что такое, что такое?“ Тургеневъ продолжалъ: „да, посредствомъ телячьяго хвоста, намазаннаго саломъ; приводили взрослаго теленка, брали его хвостъ, намазывали его густо прегусто саломъ и заставляли человѣка, подвергнутаго испытанію, взяться за этотъ хвостъ и держаться, что есть мочи, а между тѣмъ

теленка ударяли крѣпко хлыстомъ. Разумѣется, теленокъ рвался и бѣжалъ опрометью. Если испытуемый удерживался, то считали его правымъ, если нѣтъ — виноватымъ".

Шульгинъ съ усмѣшкой выслушалъ и сказалъ: „гдѣ это вы вычитали?" Тургеневъ смѣло наименовалъ автора. Отвѣтъ Тургенева не понравился Шульгину: онъ сжалъ свои губы,—произошла нѣмая, непріятная сцена. Засимъ онъ сталъ задавать Тургеневу другіе вопросы по части хронологіи и, разумѣется, Шульгинъ достигнулъ своего: Тургеневъ сдѣлалъ ошибку и получилъ неодобрительную отмѣтку. Засимъ и кандидатство его улыбнулось.

Едва ли эта исторія не была началомъ того, что Тургеневъ впослѣдствіи сталъ недовѣрчиво относиться къ властямъ и уѣхалъ за границу доканчивать свое образованіе.

Въ 1853 г., т. е. черезъ 18 лѣтъ послѣ описаннаго испытанія, я видѣлъ Ивана Сергѣевича въ С.-Петербургѣ, на квартирѣ Сергѣя Ивановича Заруднаго, въ домѣ Пущина, у Пѣвческаго моста. Я припомнилъ ему исторію о телячьемъ хвостѣ,—само собою, мы смѣялись. А черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1883 г., глазамъ моимъ представилось слѣдующее: длинная процессія по Забалканскому проспекту въ С.-Петербургѣ, по направленію къ Волкову кладбищу, съ безчисленными вѣнками, свидѣтельствовала, что Иванъ Сергѣевичъ со славою отошелъ въ вѣчность. (Онъ умеръ за границей). Въ какой мѣрѣ телячья исторія отразилась на его жизни, это унесено имъ въ могилу!

Далѣе, изъ старыхъ профессоровъ петербургскаго университета конца 1830-хъ годовъ рѣзко выдѣлялся Петръ Александровичъ Плетневъ († 25 декабря 1865 г.). Это памятная личность въ былое время; мы его отличали отъ прочихъ профессоровъ. Онъ читалъ или, лучше сказать, долженъ былъ читать русскую литературу; но, по правдѣ сказать, мы ее въ полномъ объемѣ не слыхали. Не смотря на то, лекціи его были весьма занимательны. Онъ былъ чрезвычайно обходителенъ со студентами, что влекло ихъ къ нему. Мы знали, что онъ былъ близокъ къ императорской семьѣ (читалъ лекціи наслѣднику цесаревичу), другъ В. А. Жуковскаго и А. С. Пушкина. Лекціи свои онъ едва-ли не начиналъ и кончалъ Пушкинымъ. Въ немъ онъ видѣлъ не только геніальнаго поэта, но и глубокаго философа, одареннаго высшимъ знаніемъ человѣческой природы. Отношенія Плетнева къ Пушкину извѣстны въ нашей литературѣ. Смерть А. С. Пушкина въ 1837 г., 29-го января, оплакана была Плетневымъ на каѳедрѣ горячими слезами.

Припоминаю еще то, что Плетневъ предоставлялъ своимъ сту-

дентамъ выбрать любой предметъ, развить его на письмѣ и затѣмъ съ каѳедры читать о немъ во время его лекціи. Вслѣдствіе сего происходила бесѣда, гдѣ Петръ Александровичъ выказывалъ свои взгляды на избранный предметъ и выслушивалъ сужденія студентовъ. Не знаю почему, я избралъ для своей бесѣды предметъ готическая архитектура и написалъ о ней, но увы! бесѣда моя вызвала справедливыя нареканія.

По счастливой случайности Петръ Александровичъ въ теченіи многихъ лѣтъ жилъ рядомъ со мною на Беклешовской дачѣ и это дало мнѣ возможность часто его видѣть, совершать прогулки и бесѣдовать съ нимъ. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь Ольгу, вышедшую за А. Б. Лакіера, служившаго вмѣстѣ со мною въ министерствѣ юстиціи. Ольга Ивановна была воспитана Ишимовою,—извѣстною сочинительницей дѣтскихъ книгъ. Впослѣдствіи, Плетневъ, въ старческихъ годахъ, женился на княжнѣ Щетининой при романической обстановкѣ. Отъ сего брака онъ имѣлъ двухъ сыновей.

Сказавши о Плетневѣ, не могу не упомянуть о профессорѣ Шнейдерѣ, который читалъ намъ римское право. Къ своему предмету онъ относился съ большою важностію и выказывалъ въ немъ обширныя свѣдѣнія. Входя въ аудиторію, онъ иногда сочувственно провозглашалъ и поздравлялъ насъ всѣхъ съ днемъ рожденія то одного, то другаго мудреца древности. Мы вставали, кланялись и привѣтливо относились къ его заявленію. Вообще онъ былъ, и по виду и по научнымъ своимъ познаніямъ, уважаемая личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне снисходителенъ къ студентамъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1850-хъ годахъ я былъ начальникомъ отдѣленія гражданскихъ дѣлъ въ министерствѣ юстиціи. Въ одинъ день входитъ въ отдѣленіе профессоръ Шнейдеръ, ведя за собою юношу-сына, и говоритъ мнѣ: „были годы, когда я былъ вашимъ профессоромъ и старался передать вамъ свои познанія въ наукахъ, а вотъ теперь настало другое время: я пришелъ къ вамъ съ сыномъ и прошу васъ передать ему ваши практическія знанія на дѣлѣ".

Эта простая рѣчь глубоко тронула меня,—я отнесся къ его сыну съ большимъ сочувствіемъ.

Профессоръ Фишеръ читалъ намъ антропологію и метафизику. По фигурѣ своей всегда важный, высокаго роста, въ бѣломъ галстухѣ и синемъ вицъ-мундирѣ, онъ казался намъ крайне ученымъ мужемъ. Но отъ его ученія у меня и, смѣло могу сказать, у многихъ моихъ товарищей не осталось ничего. Провозглашаемыя имъ истины, по своей сухости, какъ-то плохо воспринимались нами.

Въ 1835 и 1836-мъ году прибыли изъ-за границы молодые ученые Неволинъ, Калмыковъ, Порошинъ, Ивановскій, Баршевъ, Кранифельдъ и Куторга. Всѣ они заняли кафедры старыхъ профессоровъ, которые приняли ихъ не совсѣмъ дружелюбно. Такъ, Шульгинъ на магистерскомъ экзаменѣ Мих. Семенов. Куторги старался продѣлать съ нимъ такую-же штуку, какъ и съ Тургеневымъ, т. е. сбить въ хронологіи. Не мудрено: Куторга поступалъ на каѳедру исторіи, слѣдовательно, дѣлался Шульгину конкурентомъ; но студенты примкнули къ новымъ.

Имена Неволина, Калмыкова извѣстны по своимъ ученымъ изданіямъ, но я остановлюсь только на Викторѣ Степановичѣ Порошинѣ († 1868 г.). Онъ получилъ каѳедру политической экономіи и статистики. Предметы эти были совсѣмъ заброшены въ университетѣ, а потому возобновленіе ихъ ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Порошинъ былъ небольшаго роста, пріятной наружности и казался очень моложавымъ. Костюмъ его былъ своеобразный: рубашка съ отложнымъ воротничкомъ, галстухъ цвѣтной, завязанный узелкомъ съ нависшими кончиками, все это было для насъ ново. Однимъ словомъ, онъ, по виду, былъ юноша первой молодости, а потому онъ намъ казался чѣмъ-то особеннымъ. Не знаю почему, но на первую лекцію онъ выбралъ предметъ о Михаевелѣ. Тутъ мы съ изумленіемъ услышали и познали, что Порошинъ былъ человѣкъ начитанный всесторонне и съ глубокими познаніями. Аудиторія, гдѣ онъ читалъ свои лекціи, наполнялась студентами всѣхъ факультетовъ. Но все это продолжалось недолго (онъ оставилъ каѳедру въ 1844 г.). Каѳедра политической экономіи и статистики была закрыта, самъ Порошинъ впалъ въ немилость.

Говорили, что Порошину приписывали нѣсколько неодобрительныхъ фразъ и стиховъ, сказанныхъ будто-бы имъ по поводу сооруженія и открытія Александровской колонны. Говорили еще, что будто-бы онъ разъ опоздалъ на лекціи въ то время, когда попечитель Мусинъ-Пушкинъ былъ уже въ аудиторіи. „Вы опоздали", сказалъ ему попечитель. Порошинъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ: „дѣйствительно" и, взойдя на каѳедру, началъ лекцію. Засимъ, будто-бы попечитель приказалъ за это вычесть изъ его жалованія, но оказалось, что Порошинъ все свое жалованіе жертвовалъ на библіотеку. Такъ или иначе—Порошинъ вышелъ въ отставку. А между тѣмъ въ изученіи статистики чувствовалась величайшая потребность. Правда, географъ Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, состоя начальникомъ статистическаго отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, началъ издавать работы по этой части, но его труды

были только собраніе данныхъ по части русской статистики, но безъ ученой разработки и безъ всякаго изложенія теоріи этой важной науки. Первыя-же лекціи Порошина по части статистики показали намъ, что она есть наука весьма важная, государственная, и что безъ нея, какъ безъ руля на кораблѣ, нельзя править народомъ.

Дальнѣйшая судьба Порошина печальна; надъ нимъ и вообще надъ его семьею стряхнулось бѣдствіе и въ особенности горе въ видѣ тяжбы, которая, какъ я думаю и увѣренъ, омрачила его разсудокъ. Дѣло это мнѣ совершенно извѣстно, а потому я, въ уваженіе памяти о Порошинѣ, не могу не повѣдать о семъ. Вотъ его суть. У матери Порошина, изъ рода Ланскихъ, было двѣ сестры: одна Александра, замужемъ за генераломъ Потуловымъ, а другая осталась въ дѣвицахъ. Послѣ нея, по наслѣдству, матери Порошиной досталось имѣніе Олтушъ въ Гродненской губерніи. Ради чего и почему, но только извѣстно, что дѣвица Ланская предъ смертію своею, въ возрастѣ семнадцати лѣтъ, выдала генералу Потулову заемныхъ писемъ на 300 т. съ обезпеченіемъ на имѣніе Олтушъ.

Вотъ, по смерти ея, Потуловъ обратился съ искомъ къ матери Порошина, указывая на имѣніе Олтушъ, состоявшее въ Гродненской губерніи, гдѣ въ то время дѣйствовалъ Литовскій статутъ.

Дѣло доходило до государственнаго совѣта, который въ искѣ отказалъ по тому уваженію, что дѣвица Ланская, какъ несовершеннолѣтняя, по Литовскому статуту не могла выдавать самостоятельно отъ себя заемныхъ писемъ съ обезпеченіемъ на имѣніи.

Рѣшая такимъ образомъ дѣло, государственный совѣтъ въ мотивахъ своихъ, между прочимъ, сказалъ, что упомянутыя заемныя письма Ланской имѣли-бы силу только въ Великорусскихъ губерніяхъ, т. е. если-бы они обезпечивались имѣніями, лежащими въ сихъ губерніяхъ, а не въ Гродненской губерніи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій статутъ, въ силу коего дѣвица, не достигшая извѣстныхъ лѣтъ, не могла выдавать заемные акты. Вотъ этотъ мотивъ и послужилъ основаніемъ новой тяжбы.

Оберъ-секретарь Шкляревичъ, излагая въ указѣ сената рѣшеніе государственнаго совѣта, прописалъ самовольно, что будто-бы имѣнія, доставшіяся Порошиной отъ Ланской, находятся, кромѣ Гродненской губерніи, еще въ губерніяхъ Костромской и Новгородской.

Такія указанія о великороссійскихъ имѣніяхъ Порошиной не заключались въ дѣлѣ, которое производилось въ государственномъ совѣтѣ, и суть фактъ самовольнаго изложенія оберъ-секретаря Шкля-

ревича; не смотря на это, Потуловъ домогался подвергнуть сіи имѣнія на удовлетвореніе своей претензіи. Порошинъ, измученный первоначальною тяжбою, разумѣется, отвергалъ заявленіе Потулова, хотя оно и основывалось на указѣ сената. Возгорѣлась новая тяжба, угрожавшая фамиліи Порошина совершеннымъ раззореніемъ. Министерство юстиціи, а потомъ и сенатъ, по жалобѣ Порошина, обратили вниманіе на дѣйствія оберъ-секретаря Шкляревича и признали его виновнымъ. Дѣло это докладывалось мною сначала въ министерствѣ, а потомъ въ сенатѣ (въ 1849 г.) какъ оберъ-секретаремъ.

Порошинъ изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣлъ хожденіе и, какъ я заподлинно убѣдился, совсѣмъ помутился—и было отчего! Тщетно я успокаивалъ его, увѣряя, что дѣло его правое, но въ душѣ его заронился уже страхъ потерять дѣло, и хотя онъ и выигралъ его, но тѣмъ не менѣе подвергся нервному разстройству.

Истину моихъ словъ подтвердилъ мнѣ впослѣдствіи, въ 1869 г., другъ его Воскресенскій, бывшій попечителемъ харьковскаго округа, уже послѣ смерти Порошина, умершаго въ Парижѣ въ 1868 году.

Все изложенное мною написано по памяти, но взглянувъ въ систематическую роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг., я, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ въ ней указаніе на статью брата Виктора Порошина, Степана, 1882 г. за октябрь мѣсяцъ, подъ названіемъ Порошины,—семейныя воспоминанія [1]).

По содержанію, своему они не только не противорѣчатъ моей статьѣ, напротивъ того, дополняютъ оную.

Изъ воспоминаній видно, что Викторъ Степановичъ былъ женатъ на француженкѣ Гюо и умеръ въ Парижѣ въ 1868 г. Статья эта преисполнена описаніемъ тяжкаго, но случайнаго горя. Сестра Порошина, Елисавета, убила случайно брата своего Валерія, а впослѣдствіи, когда вышла замужъ, то мужъ ея, Александръ Плавскій, былъ убитъ на охотѣ, тоже случайно, братомъ ея, Степаномъ Порошинымъ.

Бываютъ-же такія бѣдствія!

Заключимъ сказанія о Порошинѣ тѣмъ, что онъ издалъ въ 1844 г.

---

[1]) Редакція „Русской Старины“ имѣетъ въ своемъ архивѣ, въ рукописи, воспоминанія сестры профессора Порошина, Софьи Степановны, каковыя также будутъ напечатаны. Ред.

книгу, подъ заглавіемъ: „Записки Семена Порошина о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ“ [1]).

Излагая біографію о Порошинѣ, я нѣсколько отдалился отъ описанія другихъ профессоровъ, оставившихъ по себѣ добрую память.

Къ числу таковыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Александръ Васильевичъ Никитенко, но печатаемыя въ „Русской Старинѣ“ его въ высокой степени замѣчательныя записки-дневникъ устраняютъ необходимость писать еще что-либо о немъ. Скажемъ, что какимъ онъ рисуется въ своихъ запискахъ, такимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, именно гражданиномъ-мудрецомъ.

Мой другъ Маркъ Никол. Любощинскій былъ двоюроднымъ братомъ достойной супруги А. В., Казиміры Казиміровны, и это обстоятельство давало мнѣ случай часто видѣть у него Александра Васильевича, который, между прочимъ, звалъ его: мой дядя. Но лекціи его по русской словесности хотя были краснорѣчивы, но нѣсколько витіеваты и отчасти темноваты. Говоря о немъ, студенты прибавляли: „у Никитенки вѣчные оттѣнки“. Но такъ какъ экзамены изъ его предмета были всегда письменные, то это никого не затрудняло. Сочиненія его на заданныя темы, напримѣръ: „Мечъ и перо“ и проч., не особенно затрудняли насъ. Мы писали и получали хорошія отмѣтки. Намъ, студентамъ, было хорошо извѣстно, что онъ затруднялся въ средствахъ жизни, а потому были случаи, напримѣръ, у меня, что я ему рекомендовалъ учениковъ, коихъ онъ принималъ у себя на дому, въ домѣ Фридрекса, на большой Владимірской. Мы вообще глубоко уважали его и какъ человѣка, и какъ профессора.

Были еще и другіе профессора, напримѣръ: Иванъ Петровичъ Шульгинъ, Николай Герасимовичъ Устряловъ и др. Первый читалъ новѣйшую исторію, а послѣдній—русскую.

Шульгинъ написалъ исторію послѣднихъ вѣковъ и въ лекціяхъ своихъ постоянно придерживался ея, а Устряловъ издалъ записки Курбскаго, записки Маржерета о Дмитріи самозванцѣ и русскую исторію для среднихъ училищъ. Я не говорю о другихъ его сочиненіяхъ, вышедшихъ впослѣдствіи. И тотъ, и другой считались знатоками своихъ предметовъ, но читали они изъ года въ годъ одно и то-же, не возбуждая любви къ наукѣ и не привлекая студентовъ

---

[1]) Второе и болѣе полное изданіе этихъ драгоцѣнныхъ Записокъ — по соглашенію съ Порошиными — было издано нами при „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. Ред.

къ изученію преподаваемыхъ ими предметовъ. Но Грановскій, вышедшій изъ школы ихъ времени, составлялъ исключеніе.

Министръ графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ иногда посѣщалъ лекціи Устрялова. Помню, разъ онъ просидѣлъ всю лекцію его; рѣчь шла объ удѣльномъ періодѣ, и министръ по окончаніи выразилъ ему свое полное удовольствіе за ясное изложеніе. То-же самое повторилось на лекціи его о смутномъ времени. Съ переѣздомъ университета на Васильевскій островъ, министръ Уваровъ еще чаще началъ посѣщать университетъ, чѣмъ прежде.

Отъ новыхъ профессоровъ мы очень многаго ожидали, но увы! надежды наши не оправдались. Причины сему слѣдующія. Всѣ новые профессора, кромѣ университета, получали приглашенія занять каѳедры въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ: училищѣ правовѣдѣнія, военной академіи, Пажескомъ корпусѣ и другихъ военныхъ учрежденіяхъ.

При такихъ обстоятельствахъ и побуждаемые недостаткомъ средствъ своихъ, они не отказывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно утомлялись, а потому лишены были возможности заняться серіозно наукою по своей части.

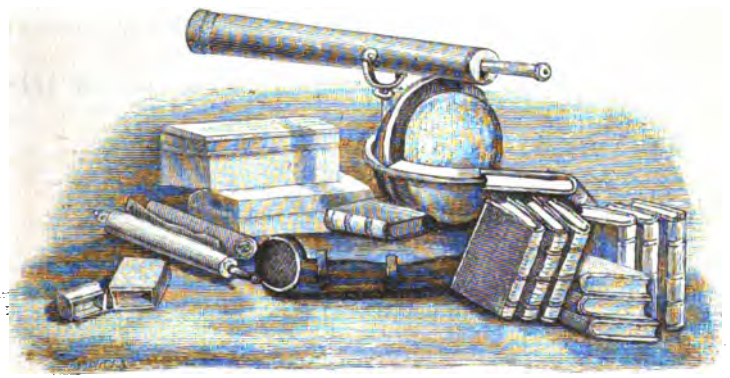
Въ Москвѣ не то было. Тамъ, какъ говорилъ мнѣ графъ Сергѣй Григ. Строгановъ, бывшій попечителемъ университета, профессора не отвлекались посторонними уроками. Послѣдствіемъ сего еще было и то, что петербургскіе молодые профессора не оканчивали своихъ предметовъ по программѣ, а читали изъ года въ годъ почти одно и то-же. Напримѣръ, профессоръ Ивановскій, заявившій сначала большія способности, никогда не оканчивалъ вполнѣ своего предмета по публичному праву, а почему? А потому, что онъ былъ преподавателемъ едва-ли не во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Естественно: читая, онъ уставалъ до изнеможенія, гдѣ ужъ тутъ было писать! Его можно было видѣть почасту, у Полицейскаго моста, въ кондитерской Вольфа, отдыхавшимъ за стаканомъ глинтвейна, въ ожиданіи истеченія промежутка времени отъ одной лекціи до другой. То-же слѣдуетъ сказать и о другихъ профессорахъ; но можно-ли было винить ихъ въ этомъ? Нельзя: былъ спросъ, а жизнь требовала средствъ.

Къ числу талантливыхъ профессоровъ моего времени слѣдуетъ отнести братьевъ Куторга, изъ коихъ одинъ старшій, Степанъ, читалъ естественныя науки, а другой, Михаилъ—исторію. Оба они были любимы и чтимы студентами. Про перваго мнѣ разсказывалъ одинъ очевидецъ такой случай: онъ женился по второму браку и съ молодой женой отправился на островъ Эзель, гдѣ на берегу,

подъ прикрытіемъ опрокинутой рыбачьей лодки, со всевозможными лишеніями, провелъ все каникулярное время, изучая море. Помню еще, что въ старомъ университетѣ, на обширномъ дворѣ, была большая лужа, гдѣ завелись огромныя лягушки. Профессоръ Куторга съ терпѣніемъ и любовію, не смотря на погоду, съ разными приспособленіями, усидчиво занимался ловлею этихъ лягушекъ, и о, радость! онъ поймалъ изъ нихъ самую большую. Своимъ восторгомъ онъ дѣлился съ студентами на лекціяхъ, показывая ее своимъ слушателямъ съ такимъ-же умиленіемъ, какъ художникъ скульпторъ предоставлялъ зрителямъ осматривать свое произведеніе.

Н. М. Колмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].



Пѣсня о городѣ Иркутскѣ.

ЗАМѢТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVIII, кн. ноябрь, помѣщена записанная г. Птицинымъ „Старинная пѣсня о городѣ Иркутскѣ“, гдѣ воспѣвается нѣкій Алеша. Эту самую пѣсню, съ разницею лишь въ первой строкѣ ея, вмѣсто „Иркутской городъ славный“ — „Нашъ Саратовъ городъ славный“, — мы очень часто слышали въ Саратовской и смежныхъ съ нею губерніяхъ; а такъ какъ естественнѣе допустить распространеніе народныхъ пѣсенъ изъ центральной Россіи къ окраинамъ, чѣмъ наоборотъ, то слѣдуетъ предположить, что данная пѣсня, какъ это нерѣдко бываетъ, просто заимствована и приспособлена, путемъ подстановки названія города, къ Иркутску, настоящее-же мѣсто ея происхожденія Саратовъ, а можетъ быть даже и еще какой-нибудь другой россійскій городъ. Мимоходомъ здѣсь-же замѣтимъ, что простонародное измѣненіе окончанія въ названіи городовъ —скъ на —скій или —ской едва-ли нуждается въ спеціальномъ по отношенію къ городу Иркутску объясненіи: въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи это измѣненіе обычная вещь, и оно понятно, потому что —скъ есть не что иное какъ усѣченное —скій; если хотятъ произвести названіе, напримѣръ, отъ имени „Павелъ“ или отъ праздника „Вознесенье“, то селеніе назовется „Павловское“, „Вознесенское“, станица — „Павловская“, „Вознесенская“, городъ-же, очевидно,—„Павловскъ“, „Вознесенскъ“, т. е. „Павловскій“, „Вознесенскій“.

А. Никольскій.

г. Кокчетовъ, Акмолинской области.

Къ Запискамъ Н. В. Берга.

ПОПРАВКА.

На стр. 586 „Русск. Ст.“, кн. III, изд. 1891 г., Бергъ передаетъ разсказъ А. П. Ермолова о поручикѣ Стефани. Въ этомъ разсказѣ упоминается два раза великій князь Михаилъ Павловичъ, но это описка: великій князь Михаилъ Павловичъ въ войнѣ не участвовалъ, а былъ участникомъ кампаніи великій князь Константинъ Николаевичъ.

П. А.

Самара.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРѢЖНЫЙ.

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ четвертый [1]).

VIII.

Мая 14-го 1803 г. В. Т. Нарѣжный былъ уволенъ изъ Лорійской управы и уѣхалъ изъ Тифлиса; а осенью того-же года поступилъ на службу въ Петербургѣ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ означено въ его формулярномъ спискѣ.

Въ настоящее время, при отсутствіи данныхъ, трудно рѣшить, какими путями В. Нарѣжный получилъ мѣсто въ Петербургѣ, чуждомъ для него городѣ, такъ какъ, повидимому, не обладалъ искусствомъ заводить полезныя знакомства и находить сильныхъ покровителей. Во всякомъ случаѣ, былъ-ли онъ обязанъ этимъ своему университетскому диплому или рекомендательнымъ письмамъ, но его служба при министерствѣ внутр. дѣлъ началась при иныхъ и болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ на Кавказѣ. Онъ увидѣлъ другихъ представителей чиновничьяго міра, у которыхъ государственные интересы стояли на первомъ планѣ и не смѣшивались съ личными своекорыстными цѣлями.

---

[1]) См., „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; томъ LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270; изд. 1890 г., томъ LXVII, сентябрь, стр. 469—527. Портретъ В. Т. Нарѣжнаго приложенъ къ „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., т., LIX, августъ, стр. 225.

Экспедиція государственнаго хозяйства, при М. В. Д., была тогда раздѣлена на три отдѣленія (21). Въ одно изъ нихъ, а именно въ 3-е отдѣленіе, такъ наз. „Соляныхъ дѣлъ", поступилъ Нарѣжный, 1-го сентября 1803 г., и занялъ здѣсь скромную должность писца, хотя почему-то получалъ болѣе значительное жалованье, нежели его товарищи, служившіе при томъ-же столѣ. Такъ изъ четырехъ штатныхъ писцовъ, опредѣленныхъ въ одно время съ нимъ въ 1803 году и, также, состоявшихъ въ чинѣ коллежскихъ регистраторовъ, — двоимъ назначено годоваго жалованья 300 р., одному 375, а Нарѣжному 400 р. ас.

3-му отдѣленію „Соляныхъ дѣлъ", учрежденному взамѣнъ упраздненной „Главной соляной конторы", предстояло сдѣлаться средоточіемъ сношеній по соляной части всей имперіи, и, такъ какъ гр. Кочубей обратилъ особенное вниманіе на эту отрасль государственнаго хозяйства, то преобразованія слѣдовали за преобразованіями, и на долю служившихъ здѣсь чиновниковъ выпало не мало труда. Тѣмъ не менѣе, не смотря на усиленную и чисто механическую работу, едва-ли представлявшую какой-либо интересъ для Нарѣжнаго, онъ неотлучно исполнялъ должность писца при М. В. Д. въ теченіе четырехъ лѣтъ. Но въ 1807 году, согласно поданному прошенію, онъ былъ уволенъ изъ министерства 22 мая „для опредѣленія къ должности въ другомъ мѣстѣ," какъ видно изъ выданнаго ему тогда аттестата. (См. Прил. VIII).

Что касается литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго въ продолженіе его четырехъ-лѣтней службы при М. В. Д., то въ этотъ промежутокъ времени, быть можетъ, вслѣдствіе усиленныхъ служебныхъ занятій, только въ 1804 году, былъ напечатанъ его „Дмитрій Самозванецъ", трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Но и та была написана въ 1800, (какъ означено на заглавномъ листѣ), слѣдовательно,—въ пору его студенчества (22).

Это драматическое произведеніе Нарѣжнаго, даже со стороны менѣе самобытной обработки сюжета, несравненно слабѣе его вышеприведенной трагедіи „Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова", напечатанной въ „Иппокренѣ", 1800 г. Насколько мы могли прослѣдить, „Дмитрій Самозванецъ," по общему характеру, а равно и въ отдѣльныхъ сценахъ, представляетъ сколокъ съ извѣстной трагедіи Шиллера „Разбойники", которую Нарѣжный, при знаніи нѣмецкаго языка, могъ читать въ подлинникѣ, даже, помимо русскаго перевода Сандунова, изд. въ Москвѣ въ 1793 г.

Дмитрій Самозванецъ, главное лицо трагедіи, списанъ съ Карла Мора, хотя характеръ его является далеко не такимъ типичнымъ и выдержаннымъ, какъ у героя Шиллеровской трагедіи. Въ ранней

молодости, Димитрій обкрадываетъ своего отца, галицкаго дворянина, и, бросивъ его въ нищетѣ, обращается въ бѣгство, что совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ душевнымъ качествамъ, какія хотѣлъ ему придать Нарѣжный, судя по слѣдующимъ словамъ Басманова въ 3-мъ дѣйствіи: „Великій предпріимчивый духъ Димитрія усыпленъ мною; строгая его дѣятельность ослѣплена; его мужество, душевная твердость растлѣнны...“

Съ другой стороны, Басмановъ, вопреки историческимъ даннымъ, подобно Францу Мору въ „Разбойникахъ“, представляетъ собою олицетвореніе зла и всякихъ пороковъ: онъ не разбираетъ средствъ и не останавливается ни передъ какими злодѣяніями, для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Марина или Маріанна, какъ она названа у Нарѣжнаго, напоминаетъ во многихъ чертахъ Амалію Шиллеровской трагедіи, особенно въ первомъ дѣйствіи. Роль нищаго въ трагедіи „Димитрій Самозванецъ“ та-же, что и стараго графа въ „Разбойникахъ“: Димитрій также пораженъ появленіемъ нищаго, въ которомъ узнаетъ своего отца, какъ и Францъ Моръ, при такомъ-же неожиданномъ появленіи стараго графа, котораго онъ заключилъ въ подземелье замка и считалъ умершимъ.

Остальныя дѣйствующія лица трагедіи, самостоятельно созданныя Нарѣжнымъ, очерчены блѣдными, плохо подобранными красками. Василій Шуйскій и молодой галицкій князь производятъ впечатлѣніе ходульныхъ мелодраматическихъ героевъ; Ксенія, дочь Бориса Годунова и невѣста князя Георгія, изображена въ видѣ любящаго и слабонервнаго существа: она падаетъ въ обморокъ, при всякомъ сильномъ волненіи, хотя въ то-же время оказываетъ упорное сопротивленіе самозванцу, который преслѣдуетъ ее своею любовью.

Но и помимо близкаго подражанія „Разбойникамъ“ Шиллера и неудачно очерченныхъ типовъ, трагедія „Димитрій Самозванецъ“ неудовлетворительна и въ историческомъ отношеніи, что объясняется тогдашней недостаточной разработкой эпохи Смутнаго времени. Не говоря уже о крупныхъ погрѣшностяхъ въ обрисовкѣ бытовой стороны, характеры и отношенія выведенныхъ историческихъ лицъ изображены невѣрно, высокопарныя рѣчи Василія Шуйскаго и галицкаго князя Георгія поражаютъ своею искусственностью и неумѣстными ссылками изъ древней исторіи и на классическихъ героевъ Брута и Катона, хотя такія-же ссылки являются вполнѣ умѣстными у Шиллера, въ устахъ Карла Мора.

Неизвѣстно, былъ-ли „Димитрій Самозванецъ“ когда-либо поставленъ на сцену; по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не встрѣтили подтвержденія извѣстія, сообщеннаго въ Сборникѣ Н. Греча 1812 г. (23),

будто-бы эта трагедія В. Нарѣжнаго была играна въ Москвѣ [1]). Между тѣмъ одновременное появленіе въ 1804 г. „Димитрія Самозванца“ Озерова, имѣвшаго громкій успѣхъ, не было благопріятно для трагедіи Нарѣжнаго, названной тѣмъ-же именемъ, которая, вслѣдствіе такой опасной конкурренціи, даже помимо ея недостатковъ, могла пройти незамѣченною.

Въ только что указанномъ нами Сборникѣ Н. Греча 1812 г. (стр. 447), кромѣ „Димитрія Самозванца“, упомянуты еще три ненапечатанныя трагедіи Нарѣжнаго: a) „Елена“, трагедія въ шестистопныхъ стихахъ, b) „Свѣтлосанъ“—въ такихъ-же стихахъ и c) „Святополкъ“, писанный, въ подражаніе Шиллеру, пятистопными бѣлыми стихами. Мы не знаемъ, сохранились-ли гдѣ рукописи этихъ трехъ трагедій; но вообще трудно разсчитывать, чтобы онѣ были когда-нибудь найдены, въ виду исключительныхъ условій литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго.

IX.

30-го мая 1807 г., какъ видно изъ формулярнаго списка, Нарѣжный поступилъ въ малоизвѣстную и, въ настоящее время, уже не существующую „Горную экспедицію Кабинета его величества“. Экспедиція эта, въ историческомъ отношеніи, представляетъ любопытное явленіе устарѣвшаго учрежденія, которое продолжало существовать почти безъ всякихъ измѣненій, не смотря на коренное преобразованіе горнаго дѣла въ Россіи. Подъ вѣдомствомъ „Горной экспедиціи Кабинета“ находились Нерчинскіе и Колывано-Воскресенскіе заводы, не разъ переходившіе отъ Кабинета въ завѣдываніе Бергъ-коллегіи и обратно; но въ началѣ царствованія Александра I заводы эти были окончательно оставлены за кабинетомъ.

Время поступленія В. Нарѣжнаго на новую должность совпало съ важными преобразованіями горнаго дѣла въ Россіи. Вводилось Горное Положеніе, высочайше утвержденное 13-го іюля 1806 г. (24),

---

[1]) Въ „Biographie Universelle“ Michaud изд. 1822 года сказано, что „Лжедмитрій“ Нарѣжнаго все еще дается на сценѣ; но это извѣстіе лишено, повидимому, всякаго основанія, хотя въ то-же время другія свѣдѣнія, сообщенныя въ „Biographie Universelle“ о сочиненіяхъ и жизни Нарѣжнаго, оказываются не только вѣрными, но еще болѣе подробными, нежели тѣ свѣдѣнія, какія намъ приходилось встрѣчать въ русскихъ энциклопедическихъ и біографическихъ словаряхъ. **Н. В.**

по которому уничтожалась Бергъ-Коллегія и учреждался Горный департаментъ. При этомъ однимъ изъ главныхъ нововведеній, связанныхъ съ общей реформой, была замѣна мѣстныхъ горныхъ начальствъ горными правленіями и уничтоженіе класса приписныхъ крестьянъ посредствомъ постоянныхъ мастеровыхъ (25).

Но пока Горное Положеніе распространялось только на заводы Уральскаго хребта, замосковскіе и частные; всѣ-же прочіе заводы, а также находившіеся подъ вѣдомствомъ Кабинета, оставлены были на прежнихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, въ общемъ ходѣ дѣлъ „Горной экспедиціи Кабинета“ и, завѣдуемыхъ ею Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, почти не произошло никакихъ перемѣнъ; и работа на этихъ заводахъ по старому производилась приписными крестьянами [1]).

О характерѣ управленія Горной экспедиціи Кабинета, относительно Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, въ тѣ времена, можно составить себѣ наглядное понятіе изъ „Историческаго описанія“ 1807 года, авторъ котораго относится съ видимымъ сочувствіемъ къ старымъ, издавна заведеннымъ, порядкамъ, такъ что его нельзя заподозрить въ преувеличеніи:

„Кабинетъ, говоритъ онъ, управляя Колывано-Воскресенскими и Нерчинскими заводами, какъ прежде, такъ и нынѣ, даетъ полную хозяйственную власть начальникамъ заводовъ, не стѣсняя ни мало ихъ дѣйствія въ пользу заводовъ... Увидѣвъ какое-нибудь недоразумѣніе, въ самыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ онъ объясненія; но никогда не затруднитъ мѣстнаго начальства въ вещахъ обыкновенныхъ и такихъ, въ которыхъ онъ никакой помощи и пользы сдѣлать не можетъ, какъ, напримѣръ, предписывать о закупкѣ провіанта многими указами и наставленіями, изъявляющими разныя сомнѣнія, требованіемъ вѣдомостей различныхъ, по сему и симъ подобнымъ предметамъ.

„Таковое управленіе Кабинета, соединенное съ полною довѣренностью къ мѣстнымъ начальникамъ, содержало заводы въ самомъ лучшемъ положеніи... Было и другое время, когда началъ Кабинетъ считать главнаго заводовъ начальника въ разныхъ мелочахъ, отступая отъ своего прежняго образа правленія; но какъ сіе продолжалось весьма недолго, то и не имѣло по себѣ никакихъ чувствительно-худыхъ послѣдствій...“ (26).

Что касается общаго хода дѣлъ „Горной экспедиціи Кабинета“ до 1822 года и состава служащихъ при ней чиновниковъ, то, въ связи съ общимъ характеромъ этого учрежденія, есть основаніе

[1]) Существенная перемѣна въ управленіи Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и въ заведенныхъ здѣсь порядкахъ произошла въ 1822 году, вслѣдствіе именнаго указа отъ 22-го іюля (II. С. З. XXXVIII, 29, 124). Н. В.

предполагать, что здѣсь были такіе-же патріархальные порядки. Такъ, напримѣръ, въ 1811 году въ отдѣленіи „Горной экспедиціи Кабинета“, при которомъ находился Нарѣжный, было два помощника экспедитора; въ 1812-мъ, быть можетъ, въ виду общаго застоя въ дѣлахъ, во время нашествія французовъ, одинъ Нарѣжный исполнялъ эту должность; въ слѣдующемъ 1813 году число помощниковъ экспедитора доходитъ до трехъ (27).

Но какая-бы ни была причина увеличенія или уменьшенія числа служащихъ въ „Горной экспедиціи кабинета“, едва-ли они были особенно обременены работой при вышеупомянутыхъ порядкахъ. Такимъ образомъ, Нарѣжный, помимо повышенія въ должности, могъ выиграть отъ перемѣны мѣста — со стороны бо̀льшаго досуга для своихъ литературныхъ занятій, особенно, въ сравненіи со службой въ министерствѣ Внутр. Дѣлъ, при той усиленной дѣятельности, какой отличалось управленіе графа Кочубея. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе Нарѣжнаго также должно было измѣниться къ лучшему, вслѣдствіе увеличеннаго жалованья, которое при тогдашней дешевизнѣ могло удовлетворять требованіямъ человѣка, неизбалованнаго жизнью.

Однако, по всѣмъ даннымъ, и въ это время, и послѣ, Нарѣжный не имѣлъ возможности печатать свои сочиненія на собственный счетъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ нихъ могли лежать годами безъ напечатанія. Вообще, только, трудностью найти издателей кажется намъ возможнымъ объяснить, крайне неравномѣрное появленіе въ свѣтъ сочиненій Нарѣжнаго и значительное количество повѣстей и романовъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ настоящее время, при бѣдности біографическихъ свѣдѣній, нельзя рѣшить, когда собственно было написано то или другое сочиненіе Нарѣжнаго; и едва-ли, болѣе ранній или поздній выходъ въ свѣтъ тѣхъ или другихъ произведеній его можетъ служить, въ этомъ отношеніи, безошибочнымъ указателемъ. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что выборъ и время печатанія зависѣли отъ усмотрѣнія издателей; а Нарѣжный, не имѣя никакой поддержки въ литературномъ мірѣ, долженъ былъ неизбѣжно подчиняться ихъ требованіямъ.

Немногія посвященія, приложенныя къ нѣкоторымъ изданіямъ сочиненій В. Нарѣжнаго, оставляютъ насъ въ полномъ недоумѣніи относительно того, какую роль въ его жизни и литературной дѣятельности играли лица, которымъ онъ посвящаетъ свои труды, такъ какъ мы встрѣчаемъ здѣсь одни неясные намеки. Посвященія эти представляютъ единственныя данныя о личной жизни Нарѣжнаго и могутъ навести на слѣдъ его писемъ и ненапечатанныхъ сочи-

неній; поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести ихъ, тѣмъ болѣе. что такихъ посвященій всего четыре и они состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ. Такъ, въ 1809 году вышла первая книга „Славенскихъ вечеровъ“ съ слѣдующимъ посвященіемъ Петру Александровичу Буцкому [1]):

„Любезный другъ. Тебѣ приношу Славенскіе вечера мои. Дружба твоя доставила мнѣ возможность досуги свои проводить съ единственнымъ для меня удовольствіемъ, и поэтому первые плоды пріятныхъ часовъ сихъ посвящаю твоему доброму чувствительному сердцу. Пріими ихъ съ тѣмъ расположеніемъ, съ какимъ предлагаю. Тебѣ навсегда преданный В. Нарѣжный“.

Въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ“, изданной въ 1809 г., помѣщены только восемь повѣстей или, точнѣе, эпическихъ поэмъ, написанныхъ прозой. Что касается трехъ остальныхъ, напечатанныхъ впослѣдствіи, то двѣ изъ нихъ, а именно Любославъ и Александръ, были напечатаны въ журналѣ „Соревнователь“ (1818 и 1819 гг.), а Игорь появился впервые въ 1826 году, послѣ смерти Нарѣжнаго.

Сравненіе этихъ трехъ повѣстей съ остальными, помѣщенными въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ“, привело насъ къ выводу, что только повѣсть Александръ, вѣроятно, написана нѣсколькими годами позже, какъ видно по слогу и нѣсколько иному способу изложенія, а равно и по времени, къ которому относится разсказъ. Между тѣмъ, Игорь и Любославъ настолько тождественны съ повѣстями „Славенскихъ вечеровъ“, изданныхъ въ 1809 году, что они, повидимому, написаны около того-же времени, потому что сумма впечатлѣній, пережитыхъ авторомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, должна неизбѣжно наложить извѣстный отпечатокъ на его позднѣйшія произведенія.

---

[1]) Петръ Александровичъ Буцкой долго служилъ въ Департаментѣ Удѣловъ, гдѣ въ 1824 году занималъ мѣсто начальника отдѣленія. В. И. Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ о немъ: „Буцкой умный, пріятный, но нѣсколько флегматичный человѣкъ, побочный братъ графа Гурьева; онъ и другъ его, статскій-же совѣтникъ, даровитый Взметневъ были тогда одинъ правою, другой лѣвою рукою министра Л. А. Перовскаго“ (28).

Н. В.

X.

Обращеніе къ отечественной старинѣ, въ связи съ возвеличеніемъ національныхъ героевъ, вмѣсто общепринятыхъ историческихъ лицъ классической древности, началось у насъ, какъ и у западно-европейскихъ народовъ, въ извѣстную пору развитія литературы. Направленіе это, которое выразилось всего рельефнѣе въ Германіи въ концѣ XVII вѣка, хотя и плодотворное само по себѣ, но при ложномъ пониманіи поставленной задачи со стороны авторовъ, должно было неизбѣжно повести къ искаженію историческихъ фактовъ, невѣрному изображенію историческихъ лицъ, а также напускному, ничѣмъ не мотивированному паѳосу. Недостатки этого литературнаго направленія, возникшаго у насъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, должны были особенно рѣзко проявиться на русской почвѣ, при тогдашнемъ неудовлетворительномъ состояніи нашей исторической науки. Мы видимъ это въ большей или меньшей степени на произведеніяхъ русской драматической литературы и на попыткахъ историческихъ повѣстой, приведенныхъ нами во второмъ очеркѣ нашей статьи („Русская Старина“ 1888, кн. VIII, стр. 249—257).

Изданіе нашихъ старыхъ историческихъ памятниковъ, въ концѣ прошлаго вѣка, появленіе „Слова о полку Игоревѣ въ 1800 г., а равно изданіе былинъ Киршей Даниловымъ въ 1804 г., несомнѣнно способствовали расширенію историческихъ знаній и усилили интересъ къ русской старинѣ. Но, съ другой стороны, накопленіе историко-этнографическаго матеріала, при недостаточной научной разработкѣ, оставляло слишкомъ большой просторъ для фантазіи авторовъ.

Вслѣдъ за изданіемъ „Слова о полку Игоревѣ“ появились стихотворныя переложенія этого замѣчательнаго памятника XII вѣка, какъ, напримѣръ: И. Сѣрякова въ 1803 и А. Палицына въ 1807 году (29). Около этого-же времени, а именно въ 1809 г., напечатана была первая книга „Славенскихъ вечеровъ“, въ которыхъ Нарѣжный, подъ видимымъ вліяніемъ „Слова о полку Игоровѣ“, дѣлаетъ попытку возстановить кіевскую старину княжескихъ временъ, въ формѣ повѣствовательныхъ поэмъ, написанныхъ прозой. Но только въ „Игорѣ“, какъ мы увидимъ ниже, замѣтно прямое подражаніе „Слова о полку Игоревѣ“, содержаніе котораго, во всякомъ случаѣ, не могло служить достаточнымъ матеріаломъ для всей серіи „Славенскихъ вечеровъ“. Это, вѣроятно и побудило автора также воспользоваться для нихъ преданіями занесенными въ лѣтописяхъ и

другихъ памятникахъ, и прибѣгнуть къ инымъ образцамъ для подражанія, на ряду съ стремленіемъ внести въ разсказъ народный элементъ, хотя понятый внѣшнимъ образомъ.

Нарѣжный, въ пору своей юношеской литературной дѣятельности, а именно въ приведенномъ выше „Рогвольдѣ“, уже сдѣлалъ попытку подобной псевдо-исторической повѣсти; но „Рогвольдъ“ при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ значеніе со стороны болѣе самобытной обработки сюжета, чего не представляютъ „Славенскіе вечера“. Здѣсь авторъ заранѣе начерталъ себѣ готовыя и, вдобавокъ, чужія рамки, хотя вообще подражаніе и поддѣлка подъ чужой тонъ плохо даются ему, и подражательныя мѣста неизмѣнно оказываются самыми слабыми во всѣхъ его произведеніяхъ.

Элементъ подражанія значительно уменьшаетъ впечатлѣніе, получаемое отъ „Славенскихъ вечеровъ“, написанныхъ подъ разными вліяніями, какъ по формѣ и содержанію, такъ и языку, напоминающему мѣстами Карамзинскій слогъ. Вслѣдствіе этого, общій характеръ повѣстей не выдержанъ, и онѣ являются настолько искусственными и, такъ сказать, придуманными, что должны неизбѣжно утомлять нынѣшняго читателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что и на „Славенскихъ вечерахъ“ отразился талантъ Нарѣжнаго, какъ это доказываютъ прекрасныя изображенныя имъ картины, художественныя и поэтическія выраженія; но они проходятъ незамѣтно, среди множества славянскихъ и устарѣлыхъ, случайно вставленныхъ словъ, а также искуственно созданныхъ архаизмовъ. Авторъ, какъ-бы намѣренно, испестрилъ ими текстъ повѣстей, съ цѣлью придать старинный колоритъ своему слогу, согласно изображаемой эпохѣ. При этомъ количество такихъ словъ распредѣлено весьма неравномѣрно и, насколько мы могли замѣтить, Любославъ (Вечера X—XII) всего обильнѣе надѣленъ ими; а также на нѣкоторыхъ страницахъ они почему-то встрѣчаются рѣже, нежели на другихъ.

Въ какой степени, подобныя вставки нарушаютъ общее впечатлѣніе художественныхъ образовъ, создаваемыхъ авторомъ, могутъ служить слѣдующія выписки изъ второй и третьей страницы Любослава:

„Любославъ восклонился на руку, подъялъ очи свои и воззвалъ къ небу, звѣздами цвѣтущему: почто мѣсяцъ такъ кротко помаваешь ты жемчужными власами... Покрой, о мѣсяцъ, кристальное чело свое тучею непроницаемой; отклоните, звѣзды, яркіе взоры свои отъ князя несчастнаго! Для духа моего способнѣе, вожделѣннѣе блуждать въ дубравахъ мрачныхъ подъ наметомъ пасмурнаго неба... Возсталъ и пошелъ... Нощь прошла въ пѣшествіи“ и пр.

Далѣе читатель на каждомъ шагу встрѣчаетъ не менѣе вычурныя слова и обороты рѣчи: безвѣстно, хощу, тамо, воскрай, осклаблялся или-же: совлеки багряницу съ раменъ твоихъ, копіе повергни долу, тако бывъ человѣкъ, вопроси... (стр. 149—151).

Между тѣмъ, такія-же вставки случайно подобранныхъ словъ и выраженій почти незамѣтны въ двухъ „Славенскихъ вечерахъ", а именно „Кій и Дулебъ" и „Славенъ", вслѣдствіе болѣе выдержаннаго тона и старательной отдѣлки слога. Поэтому Н. Гречъ въ своемъ Сборникѣ 1812 года, „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ", не, безъ основанія, приводитъ, въ числѣ лучшихъ образцовъ тогдашней русской прозы, выдержки изъ повѣсти Нарѣжнаго „Кій и Дулебъ".

Однако, и на этихъ двухъ повѣстяхъ „Славенскихъ вечеровъ", какъ и на всѣхъ остальныхъ, отразилось, до извѣстной степени, вліяніе пѣсенъ Оссіана, которыя въ переводѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1792 году (30), помимо выдержекъ, помѣщенныхъ въ журналахъ конца прошлаго вѣка (31). Пѣсни Оссіана пришлись по вкусу тогдашней русской публики, и Нарѣжный въ молодости, вѣроятно, увлекался ими, наравнѣ съ другими, а впослѣдствіи изучалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Только, при этомъ условіи могъ онъ поддѣлаться въ такой степени подъ своеобразный торжественный тонъ Оссіановыхъ пѣсенъ и настолько освоиться съ нимъ, что не всегда легко отличить подражательныя мѣста отъ самобытныхъ.

Между прочимъ, форма обращеній къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, источникамъ, вѣтру и проч. прямо заимствована изъ Оссіана, хотя текстъ въ этихъ случаяхъ является болѣе или менѣе самобытнымъ. То-же можно сказать и объ Оссіановыхъ бардахъ, которые являются у Нарѣжнаго съ одинаковыми аттрибутами и при той-же обстановкѣ, въ видѣ вдохновленныхъ старцевъ. Но и помимо подражанія внѣшней формѣ и пріемамъ въ „Славенскихъ вечерахъ" встрѣчаются отдѣльныя картины, непосредственно заимствованныя изъ пѣсенъ Оссіана съ нѣкоторыми видоизмѣненіями [1]).

[1]) Подтвержденіемъ этого могутъ служить слѣдующія выписки изъ пѣсенъ Оссіана и повѣстей Нарѣжнаго.

Оссіанъ, ч. I, стр. 251.

Поэма: Комлатъ и Кютона.

„Ночь была бурная; стенящіе дубы исторгаясь падали съ горъ... частыя молніи разсѣкали воздухъ... я зрѣлъ нѣкій призракъ: онъ стоялъ на брегѣ

„Славен. вечера", стр. 14—15.

Вечеръ I. Кій и Дулебъ.

„Часто въ бурную ночь, когда вѣтры потрясали въ корнѣ древа сіи вѣчно зеленыя, когда молнія разсѣкая воздухъ и громы рыкая на верш-

XI.

Что касается содержанія восьми повѣстей, напечатанныхъ въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ“ 1809 года, то онѣ представляютъ пеструю смѣсь лѣтописныхъ и былинныхъ разсказовъ, мотивовъ „западно-европейскихъ“ рыцарскихъ и другихъ романовъ и самобытнаго творчества автора.

Двѣ первыя повѣсти, сходныя по содержанію: Кій и Дулебъ и Славенъ („Славен. вечера“ I и II), относятся къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда народы, нѣкогда населявшіе Россію, впервые „познали благо общежитія“ и усвоили зачатки культуры. При этомъ Нарѣжный дѣлаетъ попытку дополнить недостатокъ преданій объ этой эпохѣ вымыслами своей богатой фантазіи:

Кій и Славенъ одинаково являются просвѣтителями дикихъ племенъ, нѣкогда населявшихъ берега Днѣпра и Ильменя, „научаютъ ихъ чтить велѣнія боговъ, даютъ имъ миръ и судъ, открываютъ таинства земледѣлія и судоходства и дикія племена одни за другими подчиняются ихъ кроткому скипетру“. Въ первой изъ названныхъ повѣстей Дулебъ, князь дикихъ племенъ, носившихъ его имя, сватается къ прекрасной Лебёдѣ, сестрѣ Кія, но полу-

---

безмолвенъ. Одежда его, составленная изъ паровъ, развѣвалась по волѣ вѣтровъ и пр. (См. переводъ Е. И. Кострова 1792 г.).

Оссіанъ, ч. I, стр. 93.

Пѣсня первая.

„Герои простираются. Сколь ужасно среди мрачныя осени, съ высоты двухъ противостоящихъ горъ устремляются другъ противъ друга двѣ грозныя бури или два источника, свергаясь съ утесистыхъ камней, соединяются, сражаются и шумятъ, слившись между собою въ долинѣ, тако сомкнулися, тако смѣсилися ополченія... Сталь ударяетъ и ударяется отражаясь; щиты летятъ раздробляясь на части; кровь течетъ и дымится на поляхъ“ и пр. (См. перев. Е. И. Кострова, 1792 г.).

нахъ горъ приводили въ трепетъ неустрашимыхъ странниковъ... часто ловцы звѣрей и странные витязи видѣли, какъ духъ Дулебовъ, въ видѣ столба огненнаго, носился надъ вмѣстилищемъ праха своего“...

„Славен. вечера“, стр. 71.

Вечеръ V. Громобой.

„Какъ два вихря противные, текущіе сразить одинъ другаго,—роютъ землю и исторгаютъ древа великія на пути своемъ, наконецъ, встрѣтясь, борются и уничтожаютъ другъ друга, равною силою исчезаютъ; пыль подъемлется къ облакамъ и тишина наступаетъ: такъ сразились мы съ Буривоемъ... Я схватилъ мечъ и поразилъ въ грудь врага жестокаго; полилась черная кровь его по брони; но подобно грому булава его обрушилась надъ главой моей... разсыпалась сталь блестящая и шлемъ мой сокрушенный на части палъ на землю“...

чаетъ отказъ, такъ какъ не хочетъ подчиниться „законамъ Кія“, и кончаетъ самоубійствомъ. Во второй повѣсти варяжскій князь Радиміръ, при тѣхъ-же условіяхъ, оказывается болѣе уступчивымъ; по требованію Славена, онъ оставляетъ прежній образъ жизни, становится „также великъ въ добродѣтеляхъ мирныхъ, какъ былъ грозенъ въ браняхъ кровавыхъ“, и вслѣдствіе этого женится на Славеновой дочери,—Всемилѣ.

Въ четырехъ слѣдующихъ повѣстяхъ Рогдай, Велесилъ, Громобой и Ирена авторъ „Славенскихъ вечеровъ“ изображаетъ кіевскихъ богатырей временъ Владиміра; но выведенные имъ герои и романическіе рыцари, кромѣ нѣкоторыхъ чертъ и внѣшней обстановки, имѣютъ мало общаго съ простодушными витязями русскихъ былинъ.

а) Рогдай („Славен. вечеръ“ III) не уступаетъ въ храбрости Ильѣ Муромцу и другимъ былиннымъ богатырямъ, но рѣзко отличается отъ нихъ резонерствомъ и высокопарными рѣчами въ патріотическомъ духѣ. Онъ выступаетъ одинъ, въ сопровожденіи оруженосца, противъ трехъ сотъ печенѣговъ и убиваетъ ихъ князя Буйслава; а затѣмъ, когда печенѣги предлагаютъ ему выкупить дорогой цѣной трупъ своего повелителя, онъ даетъ такой отвѣтъ: „Никогда не отважу жизни своей для сребра и злата и послѣднюю каплю ея цѣню дороже богатствъ всего свѣта. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли русскія,—для него только проливается кровь его. Возвращаю вамъ Буйслава, вашего повелителя“ и пр. (стр. 36).

b) Велесилъ („Славен. вечеръ“ IV), одинъ изъ древнихъ витязей двора Владиміра, представляетъ собою примѣръ рѣдкаго постоянства въ любви, достойнаго средневѣковыхъ рыцарей. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ напрасно добивается любви похищенной имъ гречанки Софьи, принимаетъ крещеніе во время похода Владиміра на грековъ, въ надеждѣ тронуть сердце неприступной красавицы, которая оставлена имъ подъ охраной вѣрнаго оруженосца. По прибытіи на родину, Велесилъ спѣшитъ къ знакомой пещерѣ, застаетъ Софью на смертномъ одрѣ и, предавъ землѣ тѣло своей возлюбленной, возвращается ко двору Владиміра. Проходятъ годы, но ничто не можетъ утѣшить несчастнаго витязя, ни разсѣять его горести; подконецъ онъ поселяется у могилы гречанки, чтобы провести здѣсь остатокъ дней своихъ.

c) Повѣсть Громобой („Славен. вечеръ“ V—VI), по общему характеру и романической завязкѣ, напоминаетъ старые рыцарскіе романы, писанные по извѣстному шаблону. Громобой служитъ оруженосцемъ у косожскаго князя и влюбляется въ его дочь Миловзору; она платитъ ему взаимностью и убѣждаетъ выступить въ назначенное утро въ числѣ другихъ соискателей ея руки, которые „должны были утвердить право свое силою оружія“. Далѣе слѣдуетъ описаніе турнира, хотя авторъ не употребляетъ этого слова: Громобой является неожиданно, въ видѣ таинственнаго рыцаря, и побѣждаетъ своихъ соперниковъ; но когда разбитый шлемъ падаетъ съ его головы, то косожскій князь, съ негодованіемъ, объявляетъ ему, что не отдастъ единственной дочери оруженосцу. Громобой съ отчаяніемъ оставляетъ косожскую землю и поступаетъ на службу къ Добрынѣ, при содѣйствіи котораго получаетъ званіе витязя; послѣ чего онъ разбиваетъ враговъ косожскаго князя и женится на Миловзорѣ.

d) Въ повѣсти Ирена авторъ рисуетъ картину благоденствія кіевлянъ подъ кроткимъ правленіемъ Владиміра. Но чужое счастье „наполняетъ завистью черныя души вѣроломныхъ грековъ",—которые съ цѣлью лишить Владиміра храбрыхъ витязей, его главной опоры,—отправляютъ ко двору кіевскому коварную Ирену, первую любовницу Кесаря.

Ирена является въ Кіевъ и настолько очаровываетъ русскихъ витязей своей ослѣпительной красотой, что они сразу влюбляются въ нее, а черезъ мѣсяцъ, когда она изъявляетъ желаніе посѣтить другія княжества, слѣдуютъ за ней цѣлой толпой. Изъ витязей только мудрый Велесилъ остается при дворѣ кіевскомъ. Вскорѣ приходитъ вѣсть, что многочисленное греческое ополченіе вторглось въ предѣлы русской земли. Владиміръ готовится къ бою, а Велесилъ отправляется за витязями и застаетъ ихъ на берегахъ Десны, съ обнаженными мечами, готовыхъ въ единоборствѣ истребить другъ друга, такъ какъ Ирена обѣщала отдать свое сердце побѣдителю. Велесилъ своей грозной рѣчью приводитъ въ смущеніе русскихъ витязей, которые съ раскаяніемъ бросаются въ его объятія, послѣ чего онъ отсѣкаетъ голову коварной гречанкѣ. Съ прибытіемъ витязей въ станъ Владиміра устрашенные греки обращаются въ бѣгство.

Въ повѣсти Мирославъ („Слав. вечеръ VIII") основой разсказа служатъ, до извѣстной степени, историческія данные, хотя сильно прикрашенные фантазіей автора:

Такъ, напримѣръ, лѣтописныя извѣстія служатъ ему для описанія распрей дѣтей Владиміра и обрисовки характера Святополка, прозваннаго „окаяннымъ"; но при этомъ, онъ выводитъ лицо, только мимоходомъ упомянутое въ лѣтописи, а именно Святослава, который здѣсь оказывается соперникомъ Святополка въ любви къ Исменіи. Святославъ и Исменія спасаются бѣгствомъ и находятъ убѣжище у стараго отшельника Мирослава; но вслѣдъ за ними является Святополкъ съ малой дружиной и убиваетъ своего брата, а Исменія умираетъ отъ горя.

Повѣсть Михаилъ („Слав. вечеръ IX") по содержанію напоминаетъ приведенную нами (во II-мъ очеркѣ „Русск. Стар." изд. 1888 г., августъ, стр. 254—255) историческую повѣсть „Ксенія княжна Галицкая" и также относится къ временамъ Батыя. Но сухой бездарный разсказъ неизвѣстнаго автора повѣсти „Ксенія княжна Галицкая" рѣзко отличается отъ разсказа В. Нарѣжнаго, котораго, ни въ какомъ случаѣ, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ красокъ, а скорѣе въ избыткѣ ихъ.

Въ повѣсти Михаилъ дочь Батыя, Зюлима, влюбляется въ плѣннаго черниговскаго князя Михаила и испрашиваетъ у отца согласія на бракъ; но Батый при этомъ ставитъ условіемъ, чтобы плѣнный черниговскій князь „преклонилъ колѣна передъ его тономъ и призналъ Магомета". Это предложеніе съ негодованіемъ отвергнуто Михаиломъ, который принимаетъ мученическую смерть; Зюлима, въ отчаяніи, закалываетъ себя кинжаломъ на мѣстѣ казни.

Тогдашняя критика встрѣтила съ большимъ сочувствіемъ „Славенскіе вечера," по выходѣ ихъ въ свѣтъ, въ 1809 году, и они удостоились самаго лестнаго отзыва въ журналѣ „Цвѣтникъ" того-же года. Неизвѣстный рецензентъ, назвавъ Славенскіе вечера „весьма удачнымъ подраженіемъ Оссіану," расточаетъ щедрыя похвалы ихъ автору, находитъ, что „картины у него разительны, мысли высоки, выраженія благородны и сильны, слогъ величественъ, чистъ и плавенъ". Далѣе, въ подтвержденіе этихъ словъ, въ томъ же отзывѣ приведены пространныя выдержки изъ двухъ первыхъ „Славенскихъ вечеровъ" (Кій и Дулебъ и Славенъ,) которыя служатъ для рецензента „Цвѣтника" поводомъ для новыхъ похвалъ: „Кому не нравится такая превосходная проза!" восклицаетъ онъ. По крайней мѣрѣ, мы съ своей стороны считаемъ обязанностью отдать полную справедливость дарованіямъ г. Нарѣжнаго и сказать, что его „Славенскіе вечера" могутъ служить образцомъ „чистоты языка и хорошаго слога" (32).

XII.

Въ слѣдующемъ 1810 году, В. Нарѣжный, быть можетъ, въ виду вышеприведеннаго одобрительнаго отзыва о Славенскихъ вечерахъ представилъ издателямъ „Цвѣтника", А. Измайлову и П. Никольскому, двѣ новыя повѣсти: „Георгій и Елена" и „Анастасія", которыя были тогда-же напечатаны въ журналѣ (№№ 2 и 7). Хотя повѣсти эти, по содержанію, составляютъ какъ-бы продолженіе „Славенскихъ вечеровъ", напечатанныхъ въ 1809 году, но отличаются отъ нихъ болѣе романтическимъ характеромъ и, сравнительно, болѣе легкимъ и удобочитаемымъ языкомъ. При этомъ, вліяніе Оссіана здѣсь менѣе замѣтно; и проявляется только въ отдѣльныхъ описаніяхъ и выраженіяхъ.

Считаемъ нелишнимъ привести въ извлеченіи содержаніе обѣихъ названныхъ повѣстей и, по возможности, словами самого автора, тѣмъ болѣе, что журналъ „Цвѣтникъ", подобно многимъ повременнымъ изданіямъ XVIII-го вѣка, составляетъ, въ настоящее время, библіографическую рѣдкость.

Въ повѣсти Георгій и Елена (33) авторъ выводитъ юнаго витязя Георгія, любимца черниговскаго князя Изяслава, который, со стороны постоянства чувствъ, напоминаетъ героя вышеприведенной повѣсти „Велесилъ" (Слав. вечеръ IV), и также неутѣшенъ въ потерѣ возлюбленной.

„Разъ Георгій отправился на ловитву вепрей въ поляхъ широкихъ и увидѣлъ въ долинѣ, осѣненной древними дубами и липами вѣтвистыми, спящую дѣву такой неописанной красоты, что преклонилъ предъ нею колѣна, и „страстный поцѣлуй“ запечатлѣлся на розовыхъ устахъ.

Красавица быстро поднялась съ дерна цвѣтущаго, съ ужасомъ взглянула на Георгія и на его вопросъ: кто она? объяснила, что она дочь пастыря его стадъ и что ее зовутъ Еленой.

Долго юный витязь не могъ прійти въ себя отъ изумленія и, наконецъ, кротко сказалъ ей: „Елена... судьба повергла тебя въ бѣдность — богатства мои безчисленны; злато и сребро блистаютъ въ чертогахъ моихъ и солнце освѣщаетъ ихъ сквозь пурпуры драгоцѣнные. Поди въ терема мои и повелѣвай всѣмъ домомъ моимъ“...

Елена отвѣтила: „Не прежде выйду я изъ дома родительскаго, пока не изведетъ меня рука священнослужителя.

Она сказала и удалилась, Георгій стоялъ, какъ пораженный громомъ, и смотрѣлъ вслѣдъ ей: „Чего хочетъ красота надменная!“ вскричалъ онъ; и медленными стопами отправился къ граду.

Проходятъ дни, проходятъ ночи — Георгій пасмуренъ, подобно вечеру осеннему; не веселятъ его игры и пиршества... Онъ пылалъ любовію къ Еленѣ... [но ужасался гнѣва Изъяславова и презрѣнія отъ великихъ дома его. Долго боролся онъ съ собой и, наконецъ, однажды, возложилъ на себя одежды блистательныя и потекъ въ чертоги Изъяслава. Князь не противился желанію своего любимца и объявилъ, что самъ съ витязями и вельможами будетъ присутствовать въ храмѣ при совершеніи обряда священнаго и въ чертогахъ на веселомъ пиршествѣ...

На утро слѣдующаго дня, счастливый Георгій въ свѣтлыхъ одеждахъ... повелъ Елену ко храму, гдѣ тысящи народа издали возгласы удивленія при видѣ красоты невиданной. Наконецъ, является Изъяславъ въ вѣнцѣ и багряницѣ, во всемъ блескѣ своего величества; Георгій изъявляетъ свою радость; но князь не отвѣтствовалъ: пригвождены взоры его къ прелестямъ невѣсты... Глубокое молчаніе царствовало во храмѣ.

Князь подошелъ къ невѣстѣ: „Не тщетно, вѣщалъ онъ, судьба одарила тебя толикими прелестями... она родила тебя въ прахѣ ничтожности, дабы послѣ возвести на тронъ, доказать народамъ силу красоты дѣвической!“

Общее недоумѣніе разлилось по храму.

Князь продолжалъ: „желаетъ ли Елена раздѣлить со мною тронъ и власть великаго княженія?“

Георгій покрылся смертною блѣдностью... Всѣ устремили взоры на Елену, ожидая отвѣта... она обратилась къ князю и, устремивъ взоръ долу, отвѣчала: „Богъ и повелители управляютъ участью рабовъ своихъ!“ Рекла и съ пламенѣющими ланитами простерла руку къ Изъяславу... Князь сталъ на мѣсто Георгія. Обрядъ священный начался и кончился съ общимъ восклицаніемъ народа, Изъяславъ и юная супруга его, изшли изъ храма, не обративъ на Георгія ни единаго слова. Всѣ ринулись на дворъ княжескій быть участниками пиршества веселаго...

Одинъ Георгій остался съ растерзаннымъ сердцемъ; блуждающими стопами извлекся онъ изъ храма. Пошелъ къ берегу Десны, не чувствуя самъ себя и всего сущаго окрестъ его... Въ этомъ состояніи уводитъ его старый инокъ къ себѣ въ пещеру; Георгій долго живетъ тутъ и узнаетъ, что Елена

въ свою очередь познала вѣроломство супруга могущаго, который насильно вовлекъ ее въ ограды монастырскія. Не прошло двухъ лѣтъ—Елены не стало; Георгій проситъ инока постричь его въ монахи, идетъ въ монастырь, гдѣ были кости невѣрныя Елены, поселяется въ вертепѣ, на десять стадій отъ ея могилы..."

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько видоизмѣненная выдержка изъ лѣтописи, такъ какъ всякаго рода заимствованія были тогда въ обычаѣ, и въ этомъ отношеніи для авторовъ не существовало никакихъ стѣсненій:

„Георгій, продолжаетъ авторъ повѣсти, самъ обрабатывалъ садъ, расширялъ стѣны малой обители; слухъ объ его святости распространился; къ нему стекались пустынножители. Услыхалъ Изъяславъ объ его убѣжищѣ, послалъ къ нему злата и серебра число изобильное,—по довольномъ совѣщаніи воздвиглась обитель великая.

Прошли годы не малые. Покрыли сѣдины чело Георгія. Дни его текли въ мирѣ и спокойствіи. Когда ангелъ смерти притекъ смежить очи мужа праведнаго, Изъяславъ и сыны его присутствовали при одрѣ убогомъ, вмѣстѣ съ иноками..."

Вторая повѣсть Анастасія, помѣщенная въ „Цвѣтникѣ" тогоже года (34), любопытна въ томъ отношеніи, что на ней довольно рельефно отразилось вліяніе рыцарскихъ романовъ, а именно въ концѣ повѣсти, гдѣ авторъ, забывая объ условіяхъ изображаемаго имъ удѣльнаго княжества туровскаго, выводитъ на сцену таинственнаго романическаго рыцаря, который въ виду неудачнаго исхода поединка закалываетъ себя кинжаломъ.

Повѣсть начинается съ цвѣтистаго описанія необычайной красоты Анастасіи, питомицы стараго князя туровскаго, который, пользуясь возвращеніемъ изъ похода обоихъ сыновей, объявляетъ всенародно о своемъ намѣреніи исполнить давнишній обѣтъ, данный умирающему отцу Анастасіи, и выдать ее за своего старшаго сына и наслѣдника Симеона.

Но Анастасія влюблена въ младшаго княжескаго сына Іоанна, который платитъ ей взаимностью и умоляетъ отца „отдать тронъ и сокровища Симеону, а ему оставить одну Анастасію." Старый князь призываетъ Анастасію и въ присутствіи обоихъ сыновей, своихъ вождей и богатырей, предоставляетъ ей рѣшить: кому быть ея супругомъ? Анастасія отвѣчаетъ, что избираетъ Іоанна.

Князь не противится ея выбору; но объявляетъ, что Іоаннъ съ рукой Анастасіи получитъ и туровское княженіе, потому что онъ клялся отцу Анастасіи „выдать ее за сына, котораго возведетъ послѣ себя на престолъ". Говоря эти слова, князь тщетно искалъ глазами Симеона, который незамѣтно скрылся изъ „пріемной палаты". Посланные за нимъ гонцы вернулись съ извѣстіемъ, что ихъ поиски были напрасны.

Насталъ день брака... Іоаннъ, облеченный въ богатую одежду, стоялъ на крыльцѣ храма и радостнымъ окомъ взиралъ на площадь, усѣянную народомъ. Ожидали только шествія невѣсты изъ терема дѣвическаго. Вдругъ является

посреди площади вѣстникъ съ трубою брани и, отъ имени своего повелителя, вызываетъ Іоанна на поединокъ, говоря, что иначе соберется воинство великое, предастъ все мечу и пламени... Въ то время какъ Іоаннъ облекался въ броню тяжелую, богатырь подъѣзжалъ уже на бурномъ ворономъ конѣ, въ доспѣхахъ черныхъ, съ опущеннымъ забраломъ. Іоаннъ возсѣлъ на коня. Труба звучитъ; витязи наставляютъ копья, стремятся; во многихъ мѣстахъ обагрены были кровію доспѣхи незнакомца; но и кровь Іоаннова кипѣла на мечѣ его... Незнакомецъ поднимаетъ булаву — и увлеченный ея тяжестью растилается по песку подобно дубу, громомъ пораженному; Іоаннъ спѣшитъ къ нему, сжимаетъ руки его въ своихъ рукахъ и колѣномъ грудь свирѣпую.

— Кто ты, дерзкій незнакомецъ? спросилъ Іоаннъ.

— Не желай знать имени моего, ежели не хочешь вѣчно страдать и раскаиваться...

Ужасное предчувствіе поразило Іоанна. Онъ отпрянулъ быстро, какъ странникъ безпечный, нашедшій на спящаго тигра и, въ неосторожности, наступившій на сомкнутую челюсть его...

Незнакомецъ извлекаетъ потаенный кинжалъ, поражаетъ себя и умираетъ.

Іоаннъ снимаетъ шлемъ съ витязя и съ ужасомъ отступаетъ... подходитъ старый князь Туровскій къ простертому незнакомцу:—Симеонъ! взываетъ онъ, падаетъ на хладную грудь сына и умираетъ. Іоаннъ предаетъ землѣ ихъ бренные остатки и женится на Анастасіи.

Н. А. Вѣловерская.

Спб. 1889 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Ѳ. Щербина [1]).

Экспромтъ А. А. Григорьеву.

Безталанный горемыка
И кабачный Аполлонъ,
Весь свой вѣкъ не вяжетъ лыка
И мыслете пишетъ онъ.

Октябрь 1860.

Н. В. Гербель.

Вико правъ! Въ круговращеньи
Историческихъ вѣковъ
Все—одни лишь повторенья:—
Гербель въ нашемъ поколѣньи,—
Что въ минувшемъ былъ Хвостовъ.

1865.
С.-Петербургъ

Признаніе П. И. Якушкина.

Ко всему я исполненъ холодности,—
Были-бъ штофъ, огурецъ да селедка;
Не любилъ-бы и русской народности,
Коли-бъ съ ней не вязалася водка.

Іюнь 1868.
Столыпинскія Минеральныя воды.

[1]) См. „Собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины". Наше изд., Спб., 1873 г.

ГРОДНЕНСКАЯ ПРОЦЕССІЯ

14 августа 1861 года [1]).

I.

Съ тяжелымъ чувствомъ собираюсь я теперь (1891 г.), по прошествіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ, писать объ одномъ изъ тѣхъ событій, которыя имѣли столь роковое вліяніе какъ на положеніе всего края, такъ и на личную судьбу многихъ его жителей. Это событіе неоднократно уже служило темой фантастическихъ разсказовъ или, вѣрнѣе сказать, импровизацій, которыя отъ поры до времени появлялись, въ свое время, не только въ русской, но даже и въ заграничной печати. Я тѣмъ не менѣе, вѣроятно, не рѣшился-бы заговорить когда либо въ печати объ этомъ дѣлѣ давно минувшихъ

---

[1]) Въ свою бытность лѣтомъ 1890-го года въ Друскеникахъ, тайн. сов. А. И. Деспотъ Зеновичъ имѣлъ случай встрѣтиться съ мѣстнымъ римско-католическимъ священникомъ, ксендзомъ Маевскимъ, которому тридцать лѣтъ тому назадъ пришлось быть очевидцемъ и участникомъ религіозно-политической демонстраціи въ Гроднѣ, описанной въ „Ист. Вѣст." (іюнь, 1889 г.) въ статьѣ г. Славутинскаго, подъ заглавіемъ „Гродненская процессія 14 августа 1861 года". Въ бесѣдѣ, коснувшейся этой статьи, ксендзъ Маевскій упрекалъ г. Славутинскаго въ невѣрной передачѣ нѣкоторыхъ подробностей этого событія и, главнымъ образомъ, въ неправильномъ освѣщеніи той роли, которую играло католическое духовенство въ Гроднѣ вообще и ксендзъ Маевскій въ частности въ политической агитаціи того времени. Слѣдуя совѣту тайн. сов. А. И. Деспота Зеновича, ксендзъ Маевскій изложилъ свои воспоминанія письменно съ тѣмъ, чтобы передать ихъ въ печать не только въ видахъ своего личнаго оправданія, но также ради того интереса, какой могутъ они имѣть въ качествѣ матеріала для исторической оцѣнки тогдашнихъ событій.

дней, если-бы не случай, натолкнувшій меня на статью г. Славутинскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за іюнь мѣсяцъ 1889 г.,— статью, авторъ которой передалъ подробности этого событія въ совершенно извращенномъ видѣ. Г. Славутинскій говоритъ, между прочимъ: „Въ Гроднѣ, въ 1861 г., провозглашались духовенствомъ публично возмутительныя проповѣди,—мѣстный-же деканъ, ксендзъ Маевскій, который, говорятъ, проживаетъ теперь въ мѣстечкѣ Друскеникахъ, устроилъ процессію отъ Гродно въ Рожаностокъ на встрѣчу процессіи изъ Царства Польскаго“... и т. д.

Статья г. Славутинскаго навела меня на мысль, что, пожалуй, qui tacet consentire videtur. И я рѣшилъ поподробнѣе разсказать фактическую сторону этого событія въ надеждѣ на то, что простое изложеніе фактовъ лучше всего покажетъ, каково было дѣйствительное участіе гродненскаго духовенства въ тогдашней агитаціи и каковы были въ частности мотивы, цѣли и весь характеръ „устроенной“ мною процессіи.

Въ первой половинѣ августа 1861 г. — самый бурный періодъ демонстрацій—состояніе умовъ въ Гроднѣ достигло крайней степени возбужденія. Какъ разъ въ это время, по случаю пріѣзда въ Друскеники (находящіеся въ моемъ деканатѣ) тогдашняго митрополита, ксендза Жилинскаго, я долженъ былъ выѣхать туда по обязанности службы. Обстоятельства сложились такъ, что въ одно время со мною священникъ втораго въ Гроднѣ костела, т. н. „по-бернардинскаго“, ксендзъ Гинтовтъ, впослѣдствіи митрополитъ, также былъ въ отлучкѣ, находясь при больномъ отцѣ въ Виленской губерніи. Такимъ образомъ, при обоихъ костелахъ, т. е. при соборѣ, настоятелемъ котораго былъ я, и при по-бернардинскомъ костелѣ ксендза Гинтовта оставались одни викаріи.

Однажды въ сакристію собора явилась толпа народа съ требованіемъ, чтобы викаріи приняли участіе въ демонстраціонной процессіи съ хоругвями, которая должна была пройти отъ собора до по-бернардинскаго костела. Викаріи отвѣтили на это требованіе рѣшительнымъ отказомъ, и этимъ поступкомъ они до такой степени возстановили противъ себя народъ, что потомъ, опасаясь подвергнуться оскорбленію, не смѣли показываться на улицахъ. Озлобленіе противъ духовенства дошло до того, что прихожане перестали являться въ храмъ Божій.

Въ это время я вернулся въ Гродно. Слухъ о моемъ прибытіи быстро распространился по городу и лишь только я, на другой день по пріѣздѣ, отслужилъ обѣдню, какъ вся сакристія наполнилась народомъ, явившимся жаловаться мнѣ на поступокъ викаріевъ.

Объясняя неосновательность заявленныхъ мнѣ прошеній, я сказалъ, что „Церковь повинуется лишь Духу Божьему и, слѣдовательно, никто внушать ей своихъ требованій не можетъ; она не есть мячъ, послушный въ рукахъ тѣхъ, кто имъ по своему произволу играетъ, а, напротивъ, ей самой принадлежитъ верховное руководство надъ всѣми". — „Мы ничего другаго и не требуемъ,—отвѣтили мнѣ,—мы того только и желаемъ, чтобы церковь во главѣ насъ стала и приняла руководительство надъ нами".

Не столько содержаніе и тонъ этихъ словъ, сравнительно умѣренныхъ и почтительныхъ, какъ другіе рѣзкіе признаки крайняго возбужденія умовъ въ народѣ сдѣлали для меня очевиднымъ, что времени терять нельзя, а необходимо тутъ-же и сейчасъ на что-нибудь рѣшиться, чтобы предотвратить катастрофу, почти неминуемую, если только страстямъ не будетъ данъ какой-нибудь другой исходъ. „Хорошо,—сказалъ я послѣ непродолжительнаго раздумія,—церковь васъ не оставитъ". И такъ какъ слѣдующій день приходился въ воскресеніе, то я предупредилъ, что завтра же съ амвона объясню въ какомъ смыслѣ и на какихъ условіяхъ церковь можетъ принять руководительство.

Въ воскресеніе, во время богослуженія въ соборѣ, я сказалъ проповѣдь, въ которой разъяснилъ, что „церковь, всегда стремящаяся къ водворенію мира, согласія и общественнаго порядка, въ минуты возмущеній, междоусобій и вытекающихъ отсюда всеобщихъ бѣдствій, допускаетъ такія только процессіи, которыя совершаются въ знакъ покаянія или обѣта, даваемаго Господу Богу въ духѣ примиренія, христіанскаго единенія и братской любви людей другъ къ другу. Желающіе принимать участіе въ подобной процессіи безусловно обязаны соблюдать всѣ правила порядка и благопристойности, налагаемыя священнымъ значеніемъ религіознаго обряда. Нельзя, напр. являться на процессію съ полуштофомъ въ карманѣ или съ папиросой въ зубахъ. Слѣдуетъ также помнить, что имѣются для подобныхъ церемоній надлежащія молитвы и пѣснопѣнія, освященныя авторитетомъ церкви и обычаемъ, что, поэтому, пѣніе какихъ либо другихъ гимновъ, въ родѣ „Boże coś Polskę" или „Z dymem poża rów", ни подъ какимъ видомъ допущено быть не можетъ. Церковь существуетъ для всѣхъ безразлично, и потому она не можетъ входить въ соглашенія, а тѣмъ болѣе конспирировать съ тою или иною политическою партіею. Я надѣюсь, что процессія, устроенная въ знакъ обѣта, даваемаго Богу въ духѣ мира, единенія и порядка, не будетъ воспрещена административною властью, ибо немыслимо, чтобы послѣдняя захотѣла взять на себя отвѣтственность передъ Богомъ

и людьми за, возможныя при настоящихъ условіяхъ, послѣдствія запрещенія".

По окончаніи богослуженія, я немедленно отправился къ тогдашнему гродненскому губернатору Шпееру и лично передалъ ему письменный текстъ проповѣди, желая дать начальнику губерніи возможность непосредственно узнать ея содержаніе и убѣдиться въ томъ, что вся она была направлена къ успокоенію умовъ. При этомъ я убѣдительно просилъ губернатора не дѣлать съ своей стороны препятствія условленной процессіи. Губернаторъ отвѣтилъ, что удовлетвореніе моей просьбы превышаетъ его полномочія, и такъ какъ времени оставалось немного,—процессія должна была непремѣнно на слѣдующій день выйти изъ собора послѣ вечерни, чтобы поспѣть въ Рожаностокъ ко дню Успенія Пресвятой Богородицы,—то онъ обѣщалъ по телеграфу снестись по этому дѣлу съ генералъ-губернаторомъ. И я, равнымъ образомъ, не имѣя достаточно времени для подробнаго извѣщенія своего духовнаго начальства о процессіи, долженъ былъ ограничиться лишь краткой депешей. На оба эти запросы получены были буквально тождественные отвѣты: „Всякія необычныя процессіи Высочайшимъ повелѣніемъ воспрещены".

Не трудно, я думаю, представить себѣ мое душевное состояніе въ ту минуту, когда отвѣтъ, полученный мною изъ Вильны, поставилъ меня между рѣшеніемъ высочайшей воли, которое лишь благодаря этой депешѣ стало мнѣ извѣстно, и обѣщаніемъ отправиться съ крестнымъ ходомъ къ святому мѣсту — обѣщаніемъ, даннымъ только наканунѣ, во имя Господа Бога, во всеуслышаніе, въ церкви. Не трудно также уразумѣть, что отказъ священнослужителя отъ того, что именемъ Бога было имъ обѣщано при столь торжественной обстановкѣ, долженъ былъ въ то критическое время вызвать самыя печальныя послѣдствія. При мысли о катастрофѣ, которая, въ случаѣ моего отказа, представлялась неизбѣжною и которую, во что-бы то ни стало, даже рискуя собственною личностью, слѣдовало предотвратить, я не могъ долго колебаться. Я отправилъ митрополиту новую депешу, съ извѣщеніемъ, что процессія отмѣнена быть не можетъ, по причинамъ, которыя будутъ мною обстоятельно изложены въ письменномъ объясненіи.

Наступилъ, наконецъ, день, когда, по окончаніи вечерни, должна была двинуться изъ собора процессія. Еще задолго до благовѣста, соборъ наполнился народомъ. Въ то-же время на площади передъ соборомъ появились войска, подъ командой дивизіоннаго генерала Гольдгоера, и закрыли всѣ выходы въ улицы и окружили всю площадь. Раздался звонъ колокола. Вдругъ является ко мнѣ гродненъ-

скій полиціймейстеръ, полковникъ Зміевъ, и говоритъ: „Васъ требуетъ губернаторъ“. Я замѣтилъ, что „теперь, когда уже начался благовѣстъ, я уйти не могу, мое удаленіе было-бы непремѣнно сочтено за бѣгство, — да, наконецъ, не могу-же я въ столь критическую минуту оставлять собравшійся въ храмѣ народъ. Я готовъ, впрочемъ, послѣдовать за вами, если вы согласитесь меня арестовать и, такимъ образомъ, снимете съ меня всю нравственную отвѣтственность за мой поступокъ“.

— „На то я не имѣю приказанія“, возразилъ полиціймейстеръ,— и притомъ меня убили-бы здѣсь, если-бы я на то рѣшился“.

— „Но, вѣдь, и со мною такъ-же бы поступили, разъ я ушелъ бы отсюда вмѣстѣ съ вами“.

Послѣ этого разговора полковникъ Зміевъ удалился и я приступилъ къ богослуженію.

Когда вечерня кончилась, я, считая необходимымъ объявить народу содержаніе полученной мною телеграммы, взошелъ на амвонъ и сказалъ:

— „Пастырь нашъ извѣщаетъ меня по телеграфу, что всѣ необычныя въ другое время процессіи высочайшей волей воспрещены. Всякій изъ васъ знаетъ и понимаетъ, что къ рѣшеніямъ верховной власти нельзя относиться легкомысленно и что всѣ обязаны уважать ея велѣнія. Но, съ другой стороны, я, служитель Бога, не имѣю права освобождать васъ отъ даннаго Ему обѣта. Пусть, слѣдовательно, каждый изъ васъ поступитъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ по своей совѣсти и собственному разумѣнію. Предполагая, однако, что вы можете остаться при намѣреніи исполнить свой обѣтъ, я обязанъ вамъ напомнить, что какое-бы ни встрѣтилось вамъ препятствіе въ осуществленіи этого намѣренія, вы ни въ какомъ случаѣ не должны прибѣгать къ насилію, памятуя, что не вправѣ насиліемъ расчищать себѣ путь тотъ, кто слѣдуетъ по немъ, движимый христіанскимъ духомъ“.

Затѣмъ, духовенство начало литанію ко всѣмъ святымъ и процессія вышла изъ собора на площадь, окруженную со всѣхъ сторонъ войсками. Дойдя до середины площади, всѣ стали на колѣни и такъ оставались все время, пока продолжалось пѣніе литаніи. При видѣ Распятія, которое возвышалось надъ головами смиреннопреклоненнаго въ молитвѣ народа, генералъ Гольдгоеръ, обнаживъ голову, скомандовалъ и солдатамъ снять каски. По окончаніи литаніи всѣ встали. Человѣкъ, несшій Распятіе въ процессіи, выступилъ впередъ, окруженный наиболѣе ярыми демонстрантами. Когда эта группа поровнялась съ солдатами и начала было пробовать прорвать

строй, желая такимъ образомъ открыть дорогу всей процессіи, — генералъ Гольдгоеръ, все время зорко слѣдившій за ея движеніями, подошелъ къ этой группѣ и рѣшительнымъ тономъ, но безъ малѣйшаго оттѣнка враждебности въ голосѣ, произнесъ:

— „Господа, извините, процессіи воспрещены высочайшей волей".

— „А мы, возразили демонстранты,—мы, во имя Того, Кто распятъ на крестѣ, желаемъ исполнить обѣтъ, данный нами Господу Богу".

Въ эту трудную минуту почтенный начальникъ дивизіи показалъ примѣръ замѣчательнаго такта и присутствія духа [1]). Не смутившись этимъ отвѣтомъ, онъ подошелъ еще ближе, почтительно перекрестился передъ Распятіемъ и спокойно, съ достоинствомъ человѣка, сознающаго какъ свою отвѣтственность, такъ и полномочія, сказалъ:

— „И я въ Него наравнѣ съ вами вѣрую, но каждый обязанъ исполнить свой долгъ".

Желая положить конецъ этому препирательству, я далъ знакъ движеніемъ руки, что желаю говорить. Всѣ повернулись въ мою сторону и я сказалъ:

— „Въ своемъ желаніи исполнить данный вами обѣтъ, процессіи къ святому мѣсту, вы встрѣтили препятствіе, которое нисколько отъ васъ не зависитъ. Въ виду этого, я считаю вашъ обѣтъ исполненнымъ передъ Богомъ. Въ довершеніе его, приглашаю васъ теперь въ храмъ Божій помолиться передъ алтаремъ Пресвятой Богородицы".

Всѣ послѣ этого спокойно и въ порядкѣ вернулись обратно въ соборъ.

II.

Спустя нѣсколько дней, въ Гродно пріѣхалъ, по приказанію виленскаго генералъ-губернатора, полковникъ Михневъ, съ цѣлью арестовать меня и отвезти въ Вильно. Я былъ арестованъ ночью. Какъ ни тягостно мнѣ даже теперь вспоминать объ этомъ событіи, я долженъ отдать полную справедливость полковнику Михневу въ томъ, что онъ исполнилъ данное ему порученіе со всею, возможною въ такихъ случаяхъ, деликатностью.

По прибытіи въ Вильно, я былъ заключенъ въ XIV-й павильонъ виленской цитадели, въ камеру № 4. Прошло, однако, цѣлыхъ шесть недѣль прежде, чѣмъ меня вызвали въ комиссію военнаго суда.

---

[1]) Образъ дѣйствій генерала Гольдгоера, заслужившаго себѣ въ этотъ день всеобщую признательность и уваженіе, представлялъ разительный контрастъ съ поведеніемъ губернатора, который все время безпокойно бѣгалъ по площади и стаканъ за стаканомъ осушалъ графинъ съ водою.

М.

Къ моему несчастію, до свѣдѣнія генералъ-губернаторской власти дошло только одностороннее сообщеніе гродненскаго губернатора о происшествіи 14-го августа. Почему не было сообщено генералъ-губернатору мое собственное, подробное описаніе всего случившагося, посланное мною своевременно тогдашнему моему духовному начальству,—до сихъ поръ остается мнѣ неизвѣстнымъ. Въ комиссіи было мнѣ прочитано предписаніе генералъ-губернатора коменданту, генералу Вяткину, все основанное, очевидно, на рапортѣ гродненскаго губернатора. Въ предписаніи этомъ значилось: „Гродненскій деканъ не только ослушался гродненской и духовной власти, но дерзнулъ даже не исполнить объявленнаго ему высочайшаго повелѣнія, и сказанною имъ проповѣдью возмутилъ жителей г. Гродно, на подобіе возмущеній жителей Варшавы, а потому судить его при виленскомъ ордонансгаузѣ по полевымъ уголовнымъ законамъ".

На сдѣланный мнѣ комиссіей вопросъ, не желаю-ли имѣть на судѣ защитника, я отвѣтилъ, что, надѣясь разъясненіемъ обстоятельствъ дѣла разсѣять всѣ недоразумѣнія и уповая на безпристрастіе и справедливость суда, я нахожу возможнымъ обойтись безъ помощи защитника.

Военный судъ состоялъ изъ двѣнадцати депутатовъ отъ войскъ виленскаго округа, подъ предсѣдательствомъ полковника Глейниха. Я три раза вызывался въ судъ для показаній и ни разу не видѣлъ со стороны его членовъ малѣйшаго признака пристрастнаго или недоброжелательнаго ко мнѣ отношенія. Для характеристики отношенія ко мнѣ суда, позволю себѣ привести здѣсь слова одного изъ его членовъ, офицера Чеснока (бывшаго воспитанника Ришельевскаго лицея въ Одессѣ), который, замѣтивъ мое затрудненіе, при дачѣ показаній на письменные вопросы суда, сказалъ мнѣ:

— „Да вы не стѣсняйтесь вопросами комиссіи, а пишите рѣшительно все, что только можете сказать въ свою пользу".

Эти слова лучше всего другаго говорятъ о настроеніи суда, главная забота котораго состояла въ томъ, чтобы разслѣдовать мое дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. И я постоянно имѣлъ случаи убѣждаться что не обмануло меня мое довѣріе къ его добросовѣстности и безпристрастію, и съ тѣхъ поръ навсегда сохранилась въ моемъ сердцѣ благодарная память какъ о комендантѣ Вяткинѣ, такъ и о другихъ членахъ суда. Не говорю уже о генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, который не только въ то время интересовался моей судьбой, но и впослѣдствіи продолжалъ оказывать мнѣ свое доброжелательное участіе.

Послѣ трехъ допросовъ въ военномъ судѣ, когда весь слѣдственный матеріалъ былъ исчерпанъ, я провелъ въ цитадели еще нѣсколько недѣль, въ ожиданіи приговора. Но приговоръ не былъ мнѣ объявленъ. Однажды только вечеромъ я получилъ отъ коменданта увѣдомленіе, что долженъ немедленно собираться въ дорогу, ибо черезъ нѣсколько часовъ буду отправленъ въ Тобольскъ. Отправка моя въ Сибирь состоялась 28-го ноября 1861 г. и я выѣхалъ въ сопровожденіи жандарма, который слѣдовалъ со мною до мѣста назначенія, и подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ, которые оставили насъ за чертой города.

По прибытіи въ Тобольскъ, я представился губернатору Виноградову и получилъ разрѣшеніе, для отдыха послѣ продолжительнаго и крайне утомительнаго путешествія, провести праздники Рождества въ Тобольскѣ, у мѣстнаго римско-католическаго священника Янушкевича.

Послѣ Крещенія мнѣ было объявлено, что мѣстожительство назначено мнѣ въ г. Курганѣ. Прежде чѣмъ отправиться туда, я попросилъ мѣстнаго прокурора Жемчужникова передать генералъ-губернатору Западной Сибири, Дюгамелю, мое желаніе быть переведеннымъ въ такую мѣстность, гдѣ имѣлся-бы костелъ и гдѣ я имѣлъ-бы возможность служить обѣдни. Г. Жемчужниковъ охотно взялся вередать мою просьбу генералъ-губернатору, и я, въ самомъ непродолжительномъ времени, могъ убѣдиться, что онъ не забылъ свое обѣщаніе. Вскорѣ по прибытіи въ Курганъ, я получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

— „Je viens de parler par rapport à vous au Gouverneur-Général. On voit qu'il est prêt à faire tout son possible pour améliorer votre position. Il m'avait même chargé de voir au Prikaze et chez le gouverneur tous les papiers qui vous regardent, mais cela n'a mené à rien, car à toute la correspondance concernant votre affaire sert pour base le seul papier du Commandant de Vilno, où c'est dit tout court, que vous êtes exilé en Siberie pour être fixé dans une ville de district du Gouvernement de Tobolsk.—Ce manque de détails sur votre affaire a empêché au Gouverneur-Général de donner une réponse positive, s'il trouve possible des vous transférer à Tobolsk,—mais il m'a promis de vous voir à Kourgane, où il sera dans quelques jours. Ne manquez pas de vous présenter chez lui.—1862, le 13 de Fevrier, Tobolsk".

И дѣйствительно, почти вслѣдъ за этимъ письмомъ, пріѣхалъ въ Курганъ генералъ-губернаторъ, которому я сейчасъ же на

другой день представился. Генералъ-губернаторъ встрѣтилъ меня очень милостиво и обнадежилъ меня обѣщаніемъ войти съ ходатайствомъ къ надлежащей власти о переводѣ меня изъ Кургана въ городъ, гдѣ имѣется костелъ. И онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ представленіе о переводѣ моемъ въ Омскъ. Но не успѣла еще получиться резолюція на это представленіе, какъ, вслѣдствіе ходатайства виленскаго генералъ-губернатора Назимова и по представленію министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, я былъ высочайшей волей возвращенъ на родину съ тѣмъ условіемъ, чтобы меня назначить викаріемъ въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ и оставить подъ надзоромъ полиціи.

Надзоръ продолжался цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. Только въ 1875 г. мнѣ было объявлено приказаніе гродненскаго губернатора Зурова (отъ 7 мая, 1875 г., за № 2446) мѣстному исправнику слѣдующаго содержанія:—„По соглашенію съ главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи признаю возможнымъ находящагося въ Гродненской губерніи ксендза Іосифа Маевскаго освободить отъ надзора полиціи безъ ограниченій, установленныхъ какъ вообще для освобождаемыхъ отъ надзора полиціи политическихъ ссыльныхъ, такъ и въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, кои принадлежатъ къ римско-католическому духовенству“.

Послѣ всѣхъ разсказанныхъ здѣсь происшествій судьба опять привела меня въ Друскеники—то самое мѣсто, на которомъ я, въ 1848 г., только-что принявши священство, началъ въ мѣстномъ приходѣ свое духовное служеніе.

Въ достовѣрности всѣхъ сообщенныхъ здѣсь мною свѣдѣній о процессіи 14 августа 1861 г. легко можетъ убѣдиться всякій имѣющій доступъ къ архивамъ, въ которыхъ хранятся дѣла Виленскаго аудиторіата за 1861 г.

Друскеники, Гродненской губ. Ксендзъ **І. Маевскій.**

Гетманъ Мазепа Александру Даниловичу Меншикову

1704 г.

Государь мой Александеръ Даниловичъ, мнѣ зѣло любезный брате,

Памятно мѣетъ [1]) быти вашои велможности тое, понеже прибытности вашои велможности дѣялося, когда великій Государь нашъ Его Царское Пресвѣтлое величество изволилъ посвоей Монаршой милости умене на Москвѣ быти, тогда онъ великій Государь повелѣлъ мнѣ абымъ [2]) заприбытіемъ вмалую Россію на обыклое мѣстце. старался уяне вбогу преосвященного Его милости отца митрополти Кіевского дѣля духовенства о особу разумную, побожную [3]) и искусную, такъ-же и ваша велможность приказовалъ мнѣ чтобъ до церквы Шлюселбурхское винайти [4]) тожъ порядного и вдѣлехъ духовныхъ искусного законника чили[....] священника здиакономъ. Прето я прибывши вмалороссійскій [Іору]салемъ доясне преосвященного Его милости отца митрополита [.....] который сего дня домене отписуетъ вже [6]) винайшлися таковіе [.....] вже бы теды [7]) посилкою оныхъ дарма [8]) непотурбовати [9]) изволь ваша велможность великому Государю Его Царскому величеству донести Если непремѣнная Его монаршая есть натошъ воля, да и ваша велможность рачъ [10]) мене увѣдомити чи [11]) будетъ надобенъ винайденій священникъ или нѣтъ велце [12]) отое вашои велможности прошу, и егожъ братерской [1]) любителной пріазни и ласце [14]) [.....] полецаю [15]).

Вашои велможности всего добра [.....] прошу

[.....] Іоаннъ Мазепа

Гетманъ [.....].

Збатурина Марта 3 року 1704.

---

[1]) Польское—имѣетъ; [2]) польск.—чтобы я; [3]) польск.—набожную; [4]) польское-малороссійское—отыскать; [6]) малороссійское—уже; [7]) польское—тогда; [8]) малороссійск.—даромъ, безъ толку, безъ пользы; [9]) польск.—не побезпокоить (отъ латинск. turbare); [10]) старо-польск.—будьте добры (соизвольте); [11]) малороссійское—или, если; [12]) польское—весьма, очень; [13]) польское—братской; [14]) польск.—ласкѣ; [15]) польск.—поручаю.

Примѣчаніе. Напечатанное выше письмо гетмана Мазепы находится въ отдѣлѣ рукописей императорскаго дерптскаго университета. Изложено это письмо на четвертушкѣ старинной бумаги, очевидно, писарскою рукою, но подпись подъ нимъ сдѣлана собственноручно гетманомъ. Текстъ письма достаточно сохранился, только съ правой стороны оборваны окончанія трехъ строкъ подъ-рядъ. Одну изъ нихъ гадательно можно возстановить созвучіемъ „Іору“, поставленнымъ мною въ скобкахъ, другія-же возстановить очень затруднительно. Можно полагать, что въ третьей строкѣ недостаетъ имени кіевскаго митрополита. Кромѣ того, въ уцѣлѣвшемъ текстѣ осталось три неразобранныхъ мною слова; всѣ они поставлены въ скобкахъ.

Сообщ. **Ив. Шаталовъ.**

Донесеніе графа Толя императору Николаю I

о кончинѣ гр. Ив. Ив. Дибича.

29-го мая 1831 г., д. Клешево подъ Пултускомъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести В. И. В. о горестной внезапной кончинѣ г. главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго, умершаго нынѣ въ 12-мъ часу до полудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней.

Вчерашняго 28-го числа рано утромъ онъ нѣсколько жаловался, что дурно себя чувствуетъ; но, однако, весь день казался совершенно здоровымъ, обѣдалъ и вообще кушалъ по обыкновенному, былъ веселъ и ни малѣйшаго не подавалъ поводу къ какому-либо не только опасенію, но даже сомнѣнію. Вечеромъ онъ легъ, по обыкновенію, въ послѣдніе дни принятому, около 10-ти часовъ; вскорѣ послѣ былъ разбуженъ для нѣкоторыхъ нужныхъ по службѣ дѣлъ, и во все время казался столь-же здоровымъ, какъ и веселымъ. Вдругъ около третьяго часа ночи почувствовалъ себя дурно, призвалъ людей, запретя имъ, однако, кого-либо будить и даже призвать доктора. Въ четвертомъ только часу, видя нездоровіе свое усиливающимся, онъ приказалъ позвать лейбъ-медика Шлегеля, но кого либо другаго возбранилъ тревожить. Докторъ усмотрѣлъ признаки холеры, кои постепенно увеличились до самой несомнѣнной и даже сильной степени. Изверженія и испражненія продлились нѣсколько часовъ. Не медля пущена была кровь, поставлены піявки, употреблены сильнѣйшія средства къ оттиранію и преподаны всѣ возможныя пособія. Графъ оставался все въ совершенной памяти; подходящихъ къ нему лицъ (кромѣ медицинскихъ) просилъ не медля удаляться, опасаясь сообщить имъ заразу. Около семи часовъ усилія медиковъ вывели потъ и больной нѣсколько успокоился; до того времени корчи немного показывались и страданія ограничивались болѣе жаромъ и дрожью; послѣ осьмаго часа они начались частью въ ногахъ;

частью-же боль бросилась во внутренность и терзанія, съ промежутками продолжавшіяся до 10-ти почти часовъ, казались чрезмѣрными. Около 10-ти часовъ вопль страждущаго нѣсколько уменьшился, но силы жизненныя видимо ослабѣвали; дыханіе дѣлалось постепенно труднѣе; вскорѣ наступилъ родъ безжизненности, прерываемой лишь рѣдкими движеніями головы; взглядъ совершенно потухъ, и, наконецъ, въ $11^1/_4$ часовъ невозвратная потеря наша свершилась и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армію достойнаго ея предводителя.

Среди столь горестнаго положенія я знаю всю важность лежащихъ на меня обязанностей и смѣю завѣрить В. И. В., что къ усерднѣйшему выполненію оныхъ направлены будутъ всѣ мои усилія и вся безусловная моя къ службѣ преданность. Главнокомандующему угодно было уже утромъ приказать мнѣ принять командованіе арміею.

Я съ симъ вмѣстѣ исполню сіе и пріиму временное, до полученія повелѣній В. И. В., начальство надъ арміею, согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными. Всѣ дѣйствія мои будутъ направлены къ той-же цѣли и сходно съ тѣми-же видами, о коихъ главнокомандовавшій самъ неоднократно доводилъ уже до свѣдѣнія В. И. В., особенно въ послѣднихъ собственныхъ донесеніяхъ своихъ.

По важности настигшихъ насъ обстоятельствъ, я считаю обязанностью отправить сіе донесеніе мое не медля и вдвойнѣ, чрезъ Брестъ и чрезъ Пруссію.

Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзимировано и до времени сложено въ Ломзѣ, а буде возможнымъ окажется, то въ Пруссіи. На счетъ дальнѣйшаго отправленія я испрашиваю повелѣнія В. И. В. [1]).

„Генералъ-адъютантъ графъ Толь“.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

---

[1]) Тѣло графа Дибича было перевезено черезъ Пруссію въ Мемель и отсюда доставлено моремъ, на бригѣ Охта, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Кронштадтъ, а затѣмъ высажено въ Екатерингофѣ, для погребенія на лютеранскомъ Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою графини Жени Дибичъ.
Н. Ш.

ПАМЯТИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШЕЙ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ѲЕОДОРОВНЫ.

† 31-го марта 1891 г.

Недавно почившую Великую Княгиню русскіе люди не такъ близко знаютъ, какъ знаютъ ее бывшіе жители Кавказа и Грузіи. Тамъ, въ Закавказскомъ краѣ, протекли лучшіе годы ея жизни; на устройство его общественныхъ дѣлъ, подлежащихъ женскому вѣдѣнію, на устраненіе общихъ и частныхъ нуждъ и печалей его—прилагалась вся дѣятельность ея молодыхъ лѣтъ. Тамъ, безъ сомнѣнія, смерть ея вызвала особенно много искреннихъ слезъ, и много невѣдомыхъ міру молитвъ вознесется за нея къ Престолу Видящаго сокровенное и слышащаго тайныя моленія, наравнѣ съ явными.

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что о полезной дѣятельности Ея Высочества здѣсь, въ Россіи и тамъ, за Кавказомъ, русская печать еще будетъ говорить устами людей болѣе, нежели я компетентныхъ. Множество лицъ, ближе стоявшихъ къ ней, имѣли возможность и случаи знать лучше ея частную жизнь и офиціальную дѣятельность. Я же хочу лишь высказать нѣсколько воспоминаній, сохраненныхъ мною лично о добрыхъ и благотворныхъ дѣлахъ Ея Высочества въ теченіи многихъ лѣтъ служенія мужа моего по управленію собственно женскими учебными заведеніями въ Тифлисѣ, состоявшими въ ея вѣдѣніи и подъ ея августѣйшимъ покровительствомъ.

Въ началѣ 1860 годовъ, когда Е. И. В. Великій Князь Михаилъ.

Николаевичъ прибылъ въ Тифлисъ, женскихъ учебныхъ заведеній въ Закавказскомъ краѣ было очень не много. Въ городѣ, собственно, только дѣвичій институтъ, да низшее училище, тоже закрытое, нѣчто въ родѣ пріюта для дѣвочекъ среднихъ сословій, названное основательницей его, княгиней Е. К. Воронцовой, Заведеніемъ св. Нины. Такъ какъ оно было открыто на основаніяхъ частной благотворительности, то, конечно, начало и цѣли его были самыя скромныя. Подобныя же заведенія, но еще гораздо скромнѣе и на болѣе ограниченное число воспитанницъ, существовали въ Кахетіи и въ Имеретіи. Вотъ и все.

Нечего и говорить, что это далеко не удовлетворяло первыхъ, вопіющихъ потребностей края.

Ея Высочество поняла это тотчасъ-же и, несмотря на свои молодые годы, съумѣла серіозно и глубоко вникнуть въ вопросъ объ основательномъ насажденіи въ краѣ общаго женскаго образованія, не желая довольствоваться открытіемъ какого-нибудь единственнаго учрежденія своего имени, ради славы людской болѣе, нежели ради существенной и прочной пользы. Не жалѣя ни времени, ни трудовъ, ни собственныхъ средствъ, она приложила всю свою дѣятельность къ восполненію этихъ насущныхъ нуждъ не только въ столицѣ Грузіи, но и во всемъ обширномъ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ. Она, подлинно, основала въ немъ женское образованіе!

Мужъ мой тогда преподавалъ въ классической гимназіи и въ институтѣ, и былъ инспекторомъ классовъ въ Заведеніи св. Нины. Узнавъ его безвозмездную дѣятельность въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи, Ея Императорскому Высочеству угодно было обратить на него вниманіе и его избрать своимъ ближайшимъ помощникомъ по устройству женскихъ учебныхъ заведеній въ Тифлисѣ.

Прежде всего, въ виду неотложныхъ нуждъ тифлифсцевъ, она обратила вниманіе на Заведеніе св. Нины. Оно, въ первый же годъ пріѣзда Ея Высочества, было расширено, улучшено во многихъ отношеніяхъ; при немъ открыты были классы для приходящихъ ученицъ, кромѣ пансіонерокъ; а для дѣвицъ, въ немъ окончившихъ курсъ,—педагогическій, 8-й классъ, дававшій право преподаванія.

Кажется, это были первые въ государствѣ россійскомъ,—кромѣ развѣ столицъ его,—педагогическіе курсы для дѣвицъ. Они оказались настолько цѣлесообразны и полезны, что впослѣдствіи, Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, какъ всѣмъ извѣстно столь серьезно и строго относившаяся къ дѣлу воспитанія и образованія августѣйшихъ дѣтей своихъ, нимало не усумнилась взять къ нимъ начальными учительницами дѣвицъ, окончившихъ восьмой, педагогическій, классъ въ Заведеніи св. Нины. При урокахъ своихъ дѣтей

она всегда присутствовала сама и никогда эти учительницы, годами преподававшія начальное обученіе дѣтямъ ея, не возбуждали въ ней неудовольствія или недовѣрія.

Но этого было мало матерински-заботливому сердцу ея! Учебное заведеніе на старыхъ основаніяхъ, во многомъ не соотвѣтствовавшихъ требованіямъ новѣйшей педагогіи, не удовлетворяло желаніямъ, широкимъ, просвѣщеннымъ взглядамъ Великой Княгини.

Въ то время, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ Россіи еще было очень мало женскихъ гимназій; благодаря дѣятельности Ея Императорскаго Высочества, Закавказскіе города, въ этомъ отношеніи, опередили многіе русскіе губернскіе города.

И вотъ три года спустя послѣ своего прибытія въ край, стараніями Ея Высочества и почти на собственное иждивеніе ея, 11-го апрѣля 1865 года открыта, первая на Кавказѣ, Тифлисская женская гимназія, имени Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны. За нею быстро послѣдовали открытія таковыхъ же во всѣхъ губернскихъ городахъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья; а затѣмъ и еще прогимназія въ самомъ Тифлисѣ.

Быстрое наполненіе и переполненіе всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній учащимися свидѣтельствовали о крайней ихъ необходимости, о великой ихъ пользѣ, — о несомнѣнномъ благодѣяніи, оказанномъ Ея Императорскимъ Высочествомъ краю, такой скорой, неутомимой, благотворной дѣятельностью. Тысячи и тысячи туземныхъ и русскихъ женщинъ ей обязаны своими знаніями, возможностью честнымъ и полезнымъ трудомъ зарабатывать свое существованіе, возможностью, живя далеко отъ центровъ образованія, давать первоначальное обученіе своимъ дѣтямъ, ограждать ихъ и себя отъ нищеты и многихъ бѣдъ.

Да вознесутся нынѣ ихъ благодарныя молитвы за упокой души ея!..

Нѣкоторые, судя по внѣшней невозмутимости Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны и постоянному ея величавому спокойствію, считали ее холодною и недоступною. Но это была неправда. Она была только сдержана и осторожна въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ; но сердце ея всегда было открыто участію и милосердію къ нуждавшимся въ помощи. Она никому въ ней не отказывала, но здравый и проницательный умъ помогалъ ей не впадать въ увлеченія, распознавать людей, ихъ достоинства и цѣли. Вѣрное пониманіе вещей, стоящихъ, вообще, внѣ района наблюдательности лицъ столь высокопоставленныхъ, вѣрная оцѣнка ею личностей и ихъ намѣреній часто поражали даже тѣхъ людей, которые не стояли особенно близко къ Ея Высочеству, а лишь имѣли случаи соприкасаться съ нею, исполняя приказанія ея.

Я не имѣю права говорить опредѣленнѣе, указывать на лица и факты; но увѣрена, что всѣ имѣвшіе возможность ближе узнавать ея чувства и взгляды, должны были убѣдиться въ высокихъ свойствахъ ума и души ея, въ ея прямодушіи, презрѣніи къ лести и всяческой неправдѣ, въ ея справедливости и благоволеніи, выражавшихся не только въ словахъ, но и во всѣхъ дѣлахъ ея. Довѣріе ея давалось не по увлеченію, столь обычному въ женской оцѣнкѣ людей, не сразу; но разъ данное не отымалось безъ причины. И слово ея было также крѣпко и вѣрно, какъ и добрыя чувства къ удостоившимся ея благоволенія. Болѣе всего она цѣнила правду, прямое и честное исполненіе долга.

Мнѣ извѣстенъ случай, когда одному служившему въ ея тифлисской женской гимназіи пришлось отказаться отъ исполненія воли Ея Высочества, даннаго по недоразумѣнію, но рѣшительнаго личнаго приказанія ея... Онъ оставилъ ее разгнѣванною его неожиданнымъ и, какъ ей въ данную минуту казалось, дерзкимъ сопротивленіемъ волѣ ея, и былъ увѣренъ, что ему будетъ приказано оставить службу въ гимназіи. Черезъ нѣсколько дней, вмѣсто ожидавшейся имъ оффиціальной отставки, онъ получилъ приказаніе явиться во дворецъ. Онъ отправился въ назначенный часъ, въ самыхъ печальныхъ ожиданіяхъ, увѣренный, что Ея Высочеству угодно лишь смягчить приговоръ, предложеніемъ ему подать прошеніе и выйти яко-бы по собственному его желанію... Вмѣсто ожидаемаго оффиціально-холоднаго пріема, онъ былъ встрѣченъ ласковой улыбкой, протянутой рукой великой княгини и словами:

— „Я хотѣла васъ видѣть, чтобъ извиниться и поблагодарить васъ за сказанную мнѣ правду. Я навела справки и убѣдилась, что ошибалась,— что вы совершенно правы... Благодарю васъ!“

Никакая служебная благодарность, хотя бы сопряженная съ существенной выгодой, не могла-бы доставить столько радости этому человѣку и семьѣ его, какъ эти сердечныя, дорогія слова Великой Княгини!... Такимъ отношеніемъ къ дѣлу совѣсти и къ людямъ Ольга Ѳеодоровна вѣрнѣе привязывала къ себѣ сердца ихъ, чѣмъ ласковыми улыбками, на которыя не любила быть безпричинно щедрою.

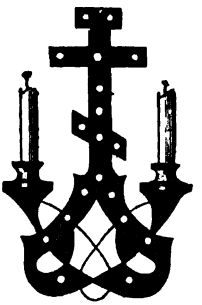
Упомяну еще выдающійся въ воспоминаніяхъ моихъ объ Августѣйшей почившей фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ служившимъ тогда въ тифлисскихъ классической и женской гимназіяхъ.

Въ то время, когда старшія дѣти Ихъ Императорскихъ Высочествъ,—на ряду съ другими учившимися одновременно, — сидѣли на учебныхъ скамьяхъ старшихъ классовъ этихъ гимназій, вѣдомы

и памятны ихъ тогдашнему начальству и учителямъ постоянныя просьбы ихъ матери ко всѣмъ преподававшимъ въ нихъ:

— Бога ради, забудьте и титулы ихъ и кто они такіе. Они, пока, только ученики, равноправные со всѣми учащимися. Чѣмъ полнѣе вы забудете, уча ихъ, что они мои дѣти, тѣмъ я и Великій Князь будемъ вамъ признательнѣе".

Эти высокоразумныя, гуманныя рѣчи отрадно отзывались въ душахъ всѣхъ учившихъ и учившихся въ тѣ времена, а въ особенности въ сердцахъ отцевъ и матерей послѣднихъ. Они никогда не забудутся ими.



Благотворна и разнообразна была общественная дѣятельность на Кавказѣ въ Бозѣ почившей Великой Княгини. Она приложила ее и къ учебному дѣлу, и къ дѣламъ широкой благотворительности во всемъ краѣ, и къ обществу Общины Краснаго Креста, къ вспомоществованію ея успѣшнымъ дѣйствіямъ въ военное время. Но людямъ, стоявшимъ въ непосредственныхъ къ ней отношеніяхъ, по которой-бы то ни было изъ этихъ отраслей ея дѣятельности, хорошо вѣдомы многія и многія добрыя дѣла ея, гдѣ она являлась частной благотворительницей, помощницей бѣднымъ, больнымъ, вдовамъ и сиротамъ, не имѣвшимъ никакихъ правъ на помощь правительства или благотворительности оффиціальной.

Никому не могутъ быть ближе извѣстны нужды бѣдняковъ, стыдящихся и скрывающихъ свою бѣдность, какъ лицамъ, служащимъ въ учебныхъ учрежденіяхъ. Мужъ мой прошелъ всѣ стадіи этой службы, отъ преподавателя до директорства въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и до должности окружнаго инспектора учебнаго округа, въ бытность Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича намѣстникомъ кавказскимъ. Почти двадцать лѣтъ онъ, помимо прямыхъ служебныхъ обязанностей, исполнялъ различныя должности по благотворительнымъ учрежденіямъ и въ народныхъ школахъ. Вслѣдствіе такой близости къ учащимся различныхъ классовъ населенія, ему приходилось узнавать множество нуждъ, о которыхъ

онъ поспѣшалъ докладывать Ея Высочеству, и вотъ почему многія благотворенія ея намъ были хорошо извѣстны.

Не говоря ужъ о множествѣ воспитанницъ и воспитанниковъ, учившихся на средства ея, получавшихъ стипендіи и негласныя вспомоществованія, сколько было въ Тифлисѣ семей, жившихъ ея благодѣяніями... За недосугомъ мужа моего, мнѣ самой приходилось нерѣдко, въ особенности передъ каждымъ праздникомъ, развозить щедрую помощь деньгами и вещами сотнямъ бѣдняковъ... Конечно, не мы одни были орудіями такихъ частныхъ благотвореній покойной Великой Княгини; но именно потому-то мы и могли судить, по количеству намъ довѣряемыхъ тайныхъ вспомоществованій, объ ея щедрости и добротѣ.

Ничто не могло лучше свидѣтельствовать о дѣйствительной добротѣ ея, какъ искреннее желаніе постоянно, негласно помогать тѣмъ, достойнымъ наибольшаго участія бѣднякамъ, которые не рѣшаются стать открыто въ ряды нищенствующихъ.

Мольбы русскихъ людей повсемѣстно возносятся за новопреставленную Великую Княгиню Ольгу и за благоденствіе и здравіе Августѣйшей Семьи ея, въ эти скорбные для нихъ дни. Но въ Закавказскомъ краѣ и въ особенности въ Тифлисѣ, не переставшемъ оплакивать разлуку съ ними, мольбы эти несомнѣнно усилятся многими и многими лептами вдовъ и сиротъ, которыя на вѣки сохранятъ имя почившей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны въ своихъ благодарныхъ молитвахъ.

Да дастъ Господь Милосердный упокоеніе душѣ ея въ обителяхъ праведниковъ и да ниспошлетъ Свои Божественныя утѣшенія близкимъ ея, удрученнымъ горемъ земной разлуки съ нею!

В. П. Желиховская.

5-го апрѣля 1891 г.
С.-Петербургъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТАРШІЙ

† 13-го апрѣля 1891 г.

Съ высоты трона возвѣщено о новой тяжкой утратѣ, каковую понесли Августѣйшая Семья и съ нею вся Россія въ лицѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, вся „жизнь коего была посвящена ревностному служенію Престолу и Отечеству и ознаменована подвигами, стяжавшими ему доблестное имя".

Въ ночь на 13-е апрѣля 1891 г. Великій Князь скончался въ Крыму. Угасла жизнь одного изъ славныхъ доблестныхъ вождей русской арміи, которую онъ такъ любилъ, для которой никогда не жалѣлъ ни силъ, ни здоровья, для которой такъ много сдѣлалъ какъ въ мирное время, такъ и на поляхъ битвъ, ведя ее къ побѣдамъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ родился 27 іюля 1831 г., въ тяжкую годину для державнаго его родителя и для всей Россіи: холера уносила тысячи жизней, народная смута обагрила кровью военныя поселенія, братоубійственная борьба двухъ славянскихъ народовъ была въ полномъ разгарѣ...

Рожденіе сына Николая было величайшимъ утѣшеніемъ для его родителей, повергнутыхъ въ тяжкое безпокойство.

Первый кадетскій корпусъ имѣлъ счастье видѣть В. Кн. Николая Николаевича въ своихъ рядахъ (1839—1846). Первый офицерскій чинъ полученъ имъ въ 1846 г., въ 1850-мъ г. назначенъ онъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ полковники. Въ 1852 г. Великій Князь произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Мы не станемъ извлекать изъ послужнаго списка въ Бозѣ почившаго Великаго Князя указанія на назначенія его шефомъ различныхъ полковъ, но упомянемъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, что все то, что относится до военной службы какъ въ области теоретическаго изученія оной, такъ и прохожденія оной на практикѣ, было предметомъ, можно сказать, страстнаго увлеченія покойнаго Великаго Князя. То былъ воинъ по призванію, и всѣ степени военной службы, отъ перваго офицерскаго чина до высокаго званія генералъ-фельдмаршала были получены имъ вполнѣ по заслугамъ. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что В. Кн. Николай Николаевичъ былъ кумиромъ всѣхъ военныхъ чиновъ отъ солдата до генерала включительно. Вѣчно бодрый, веселый, въ высокой степени ласковый и обходительный, онъ приковывалъ къ себѣ сердца всѣхъ, имѣвшихъ счастье служить подъ его начальствомъ. При томъ это былъ воинъ, рано окуренный порохомъ: двадцати-трехъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, за участіе въ сраженіи на Инкерманскихъ высотахъ, 24-го октября 1854 г., великій князь получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Многострадальный Севастополь съ гордостью видѣлъ въ рядахъ своихъ героевъ-защитниковъ двухъ юныхъ сыновей державнаго вождя Россіи...

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра Николаевича, Великій Князь Николай Николаевичъ, подобно братьямъ своимъ, былъ призванъ на поприще обширной государственной дѣятельности.—28-го марта 1855 года Великій Князь назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Всѣ великія реформы Царя-Освободителя, какъ извѣстно, встрѣтили въ его августѣйшей семьѣ глубочайшее сочувствіе, мало того, самое дѣятельное участіе: для Великаго Князя Николая Николаевича таковое оказалось на весьма важномъ поприщѣ въ переустройствѣ вооруженныхъ силъ Россійской имперіи и въ особенности въ области инженернаго дѣла и кавалерійской службы.

Онъ былъ выдающійся кавалерійскій генералъ, который неустанно слѣдилъ за развитіемъ этого рода военнаго искусства, горячо его любилъ и всѣ его указанія имѣли руководящее значеніе не только для русской арміи, но и для иностранныхъ государствъ.

Если русская армія, въ славной войнѣ 1877—1878 гг. оказалась на высотѣ своего положенія и вполнѣ достойна тѣхъ лавровъ, которые увѣнчали ее при плѣненіи нѣсколькихъ турецкихъ армій, то, всеконечно, она во многомъ обязана своему главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу.

Блестящая переправа черезъ Дунай, совершенная въ присутствіи императора Александра II, подъ прямымъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, вызвала пожалованіе Его Высочеству ордена Георгія 2-й степени. А за плѣненіе Османа-паши съ его арміею императоръ Александръ II лично возложилъ на своего доблестнаго брата орденъ св. Георгія 1-й степ.

Геройскій переходъ всей арміи въ суровую зиму черезъ Балканы, вызвавшій удивленіе всего міра, предпринятъ и совершенъ по личному предначертанію Великаго Князя Николая Николаевича. Этотъ подвигъ былъ совершенъ съ такимъ точнымъ выполненіемъ всего плана августѣйшаго вождя, что знаменитый стратегъ Мольтке поневолѣ долженъ былъ признать ошибочнымъ свое заявленіе, сдѣланное имъ въ Берлинѣ, передъ паденіемъ Плевны, о невозможности въ суровую зиму перехода чрезъ Балканы, хорошо ему извѣстные со времени его службы въ турецкихъ войскахъ.

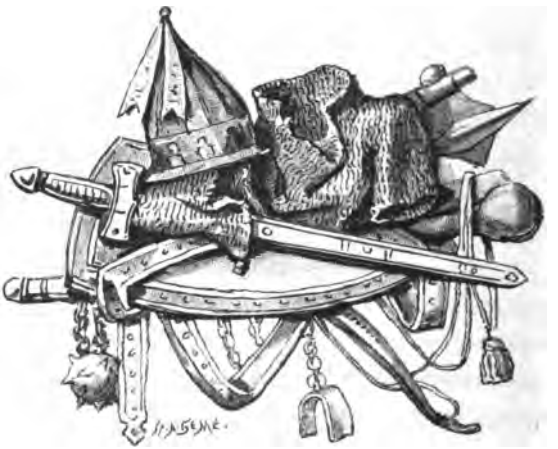
Съ окончаніемъ войны, высочайшимъ приказомъ 16-го апрѣля 1878 года, Великій Князь, въ воздаяніе важныхъ заслугъ, имъ оказанныхъ Престолу и Отечеству, произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

Имя Великаго Князя Николая Николаевича находится въ ряду именъ, подписавшихъ труды Государственнаго Совѣта при разработкѣ величайшаго акта Царя-Освободителя — Положенія 19-го февраля 1861 г.; это-же имя, съ самымъ горячимъ, дѣятельнымъ участіемъ является въ трудахъ Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ, что возвѣщено съ высоты трона въ рескриптахъ 7-го мая 1867 г. и 20-го марта 1869 г.

Великій князь, столь преждевременно похищенный у Россіи

смертью, явилъ собою высокій примѣръ вѣрнаго, до самоотверженія доходящаго, служенія Престолу и Отечеству; это не общая фраза, которая охотно говорится о многихъ, въ особенности въ виду свѣжей могилы,—нѣтъ, это съ убѣжденіемъ скажетъ каждый русскій воинъ, вспоминая о недавно почившемъ вождѣ и въ то-же время каждый изъ нихъ со слезою помянетъ о томъ любвеобильномъ сердцѣ, которымъ одарена была рыцарски благородная, возвышенная природа Вел. Кн. Николая Николаевича.

Ред.



Депутаты новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ

въ августѣ 1831 г.

Представляемое ниже письмо написано покойнымъ Аполлономъ Ивановичемъ Веригинымъ къ родной его теткѣ, сестрѣ его матери, Софьѣ Александровнѣ Козлянниновой, рожденной Хвостовой [1]).

Послѣ возмущенія въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ и холеры, императоръ Николай Павловичъ, оставшись довольнымъ распоряженіями дворянъ-помѣщиковъ новгородскихъ въ то трудное время, пожелалъ принять депутацію отъ новгородскаго дворянства; по волѣ государя, депутаты эти были приглашены присутствовать на крестинахъ Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича.

Приводимъ этотъ интересный документъ, сообщенный намъ С. А. Тучковой, рожденной Веригиной.

Ред.

„1831 г., августа 25 дня, Кемцы.

... „Бывши назначенъ также депутатомъ отъ Валдайскаго уѣзда, милая тетенька, я свидѣлся въ Царскомъ Селѣ съ депутатомъ Боровицкимъ, т. е. высокопочтеннѣйшимъ супругомъ вашимъ, который, самъ отправившись въ Петербургъ, просилъ меня дать вамъ обо всемъ подробное свѣдѣніе, къ чему я и приступаю.

Начну съ того, что мы всѣ съѣхались въ дер. Липицѣ, въ шести

---

[1]) Она была дочь тайнаго совѣтника Александра Семеновича Хвостова, † 1820 г., извѣстнаго своимъ остроуміемъ. При Екатеринѣ онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, гдѣ и родилась у него дочь Софія въ 1794 году.

С. А. Тучкова.

верстахъ отъ Царскаго Села, гдѣ пробыли двое сутокъ, занимаясь каждый принадлежностями къ туалету; мундиры и пр. явились въ срокъ изъ Петербурга и наканунѣ торжественнаго дня отправились всѣ въ Царское Село прямо въ баню.—Вѣроятно, полагали, что новгородскіе дворяне не довольно чисты, чтобы безъ этого можно ихъ впускать во дворецъ—[1]). И такъ весь кортежъ игралъ довольно глупую фигуру, слѣдуя въ двѣнадцати экипажахъ по городу одинъ за другимъ, однимъ словомъ, мы имѣли видъ персидскихъ пословъ!

Я, видя, что на насъ почти пальцами показываютъ, ушелъ поскорѣе изъ коляски въ карету супруга вашего и мы вмѣстѣ доѣхали до назначенныхъ ваннъ; тамъ, омывшись, одѣвшись и Богу помоливши, отправились въ приготовленную отъ Двора гостинницу, гдѣ получали мы все содержаніе отъ государя. Едва успѣли мы напиться чаю, какъ является посланный камеръ-лакей и привозитъ въ подарокъ отъ государя новгородскому головѣ золотую медаль съ брилліантами, что намъ уже заранѣе подало поводъ заключить о милостивомъ расположеніи государя императора; вслѣдъ за симъ является другой посланный и приглашаетъ насъ отъ имени государя откушать на другой день въ три часа; онъ-же доставилъ и церемоніалъ всего дня.

Наступаетъ торжественный для насъ день. Поутру въ $9^1/_2$ часовъ, одѣвшись франтами—чулки, башмаки и мундиры,—отправляемся во дворецъ, въ церковь, къ крестинамъ; не стану описывать вамъ всей этой церемоніи, ибо это слишкомъ будетъ продолжительно, скажу только, что воспріемниками были в. к. Александръ Николаевичъ [2])

---

[1]) Отецъ мой шутитъ: онъ, конечно, зналъ, что депутація, являясь изъ разныхъ, самыхъ отдаленныхъ, уголковъ Новгородской губерніи, со всѣхъ ея уѣздовъ (въ то время не существовало желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, это было путешествіе нѣсколькихъ дней), должна была выдержать карантинъ въ шести верстахъ отъ Царскаго Села и вотъ почему, по прибытіи, ихъ такъ торжественно везли по городу въ баню. Извѣстно, что холера совсѣмъ миновала Царское Село въ 1831 году, благодаря строгому карантину, вокругъ него учрежденному. С. Т.

[2]) Покойный цесаревичъ, великій князь, впослѣдствіи — императоръ Александръ Николаевичъ, тогда 13-ти лѣтъ отъ роду.

и в. кн. Марія Николаевна. Послѣ сего выслушали литургію. Забылъ сказать, что при переходѣ изъ пріемной половины въ церковь встрѣтились на лѣстницѣ съ государемъ, который, проходя, говорилъ объ удовольствіи его видѣть насъ.

По окончаніи обѣдни объявляютъ намъ, что Государь будетъ принимать насъ въ новомъ дворцѣ, тотчасъ послѣ обѣдни. Отправляемся туда, вводятъ насъ въ комнату, довольно простую, гдѣ каждый изъ насъ, ожидая извѣщенія, когда потребуетъ къ себѣ Государь, расположился кто на диванѣ, кто на креслахъ, кто у камина, но вообразите наше удивленіе, что вдругъ отворяется дверь и Государь очутился одинъ между нами.

Не въ силахъ описать вамъ той радости, которую ощутили мы, при видѣ милостиваго императора нашего, не въ силахъ изъяснить вамъ тѣхъ чувствъ, которыя, при каждомъ его словѣ, въ насъ рождались и, бывъ не въ состояніи передать вамъ, съ тѣмъ краснорѣчіемъ, мудрыхъ словъ, благочестивѣйшаго и добраго государя, скажу только, что онъ какъ отецъ изъявлялъ намъ благодарность свою за сохраненіе спокойствія среди возникшаго возмущенія, наставлялъ въ долгѣ каждаго истиннаго сына отечества, объяснялъ многія причины своихъ дѣйствій, сострадалъ о бѣдствіяхъ, Россію постигавшихъ, и утѣшалъ надеждою будущаго благоденствія!

Послѣ сего ожидаетъ насъ новая милость: государыня императрица желаетъ насъ видѣть, мы входимъ и вообразите—женщина еще слабая, окруженная дѣтьми своими, подаетъ намъ новорожденнаго, и со всею милостью объявляетъ, что [онъ нашъ [1]), присовокупляя къ тому много милостивыхъ привѣтствій; поцѣловавъ ея ручку, мы въ восторгѣ и радости, благодаря Всевышняго и моля Его о сохраненіи дней дорогаго Государя нашего и всего семейства, отправились домой, откуда всѣ разъѣхались и, между прочимъ, мужъ

[1]) Тезоименитство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича праздновалось 27-го іюля, въ день св. Николая Блаженнаго новгородскаго чудотворца, мощи котораго почиваютъ въ Новгородѣ въ приходской церкви Св. Пантелеймона-Цѣлителя. Вотъ почему императрица Александра Ѳеодоровна, принимая новгородскую депутацію, показывая на высокаго новорожденнаго, сказала: „Онъ вашъ“. А. В.

вашъ и мой любезнѣйшій дядюшка, въ столицу, давъ мнѣ приказаніе обо всемъ васъ увѣдомить, что я, по прибытіи моемъ, спѣшу исполнить, желая вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки и остаюсь покорный племянникъ

Аполлонъ Веригинъ.

Извините, что я кое-какъ мараю, коляска сломалась и я скакалъ на перекладной, почему рука тресется. Забылъ упомянуть, что еще послѣ находились всѣ на приглашенномъ обѣдѣ".

Сообщ. **С. А. Тучкова.**

ВЛАДИМІРЪ ДАНИЛОВИЧЪ СПАСОВИЧЪ

ДОКТОРЪ ПРАВЪ

двадцатипятилѣтняя — XXV — годовщина

служенія его въ званіи присяжнаго повѣреннаго

1866 $\frac{\text{мая}}{31}$ 1891.

Высшими качествами ума и лучшими побужденіями сама природа одаряетъ избранныя ею личности, но, открывая имъ путь въ передовые, почетные ряды общественныхъ дѣятелей, тѣмъ самымъ налагаетъ на нихъ и обязанности. Призваніе такихъ личностей — служба обществу, воздаяніе-же имъ по заслугамъ — долгъ общества. Къ исполненію таковаго долга приступаемъ мы по отношенію къ Владиміру Даниловичу Спасовичу, по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности, какъ присяжнаго повѣреннаго.

31-го мая 1891 года истекаетъ это двадцатипятилѣтіе, но дѣятельность Владиміра Даниловича на общественномъ поприщѣ вообще началась съ 1851 года; трудится онъ, слѣдовательно, уже сороковой годъ. Почти съ первыхъ шаговъ его имя сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи, взоры обратились на него, возлагая много надеждъ, много ожиданій.

Пора поставить вопросъ: что же сдѣлалъ Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ?

Конецъ 1850-хъ и начало 1860-хъ годовъ—время незабвенное для современниковъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ понятное для нынѣшнихъ поколѣній.

Все, что въ русскомъ человѣкѣ вообще есть самаго лучшаго, возродилось тогда къ жизни, дѣятельности, къ устремленію всѣхъ силъ къ цѣлямъ общаго блага, общихъ интересовъ. Очистилась душная умственная атмосфера, свѣжимъ повѣяло воздухомъ, ожививъ всѣхъ и все — и мысль и дѣло. Смѣло можно сказать, что тогда русское общество впервые пришло къ своему самосознанію, русскій человѣкъ къ сознанію своего *я*. Это эпоха въ русской исторіи, настоящая оцѣнка которой возможна только въ будущемъ.

Въ это именно время выступилъ на поприще общественной дѣятельности Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ. Уроженецъ Минской губерніи, родившійся въ городѣ Рѣчицѣ, 16-го января 1829 г., В. Д. окончилъ университетское образованіе въ С.-Петербургѣ въ 1849 году.

Въ 1851 г. молодой, 21-го года отъ роду, Владиміръ Даниловичъ написалъ диссертацію по международному праву, на степень магистра: „О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза". Выводы, которыми въ видѣ лишь благихъ пожеланій заканчивалъ онъ этотъ первый свой трудъ, сдѣлались вскорѣ потомъ, въ 1856 г., по актамъ Парижскаго конгресса общеобязательнымъ международнымъ закономъ. (Декларація 4-го и 6-го апрѣля 1856 г.).

Въ 1856 г. В. Д. Спасовичъ перевелъ съ латинскаго на польскій языкъ, съ комментаріями, сочиненіе польскаго писателя XVI-го столѣтія, Оржельскаго: „Восемь книгъ о междуцарствіи 1572—1576 гг."

Въ 1857 году Владиміръ Даниловичъ написалъ диссертацію: „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву" (pro venia legendi).

Эти сочиненія сблизили его съ покойнымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ, который, занявши въ 1857 году каѳедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ томъ же 1857 г. поставилъ кандидатуру Владиміра Даниловича на каѳедру уголовнаго права.

Занявъ этотъ постъ, Владиміръ Даниловичъ сдѣлался всѣми уважаемымъ и любимымъ профессоромъ; его лекціи посѣщались большимъ числомъ лицъ не только изъ среды студенческой молодежи, но и изъ посторонней публики. Привлекая вниманіе

слушателей глубокомысліемъ и ученостью, Владиміръ Даниловичъ увлекалъ аудиторію искренностью, своею глубокою вѣрою въ прогрессъ, въ людей, въ правду.

Какъ прежде взгляды Владиміра Даниловича по международному праву нашли себѣ примѣненіе въ актахъ Парижскаго конгресса, такъ и многія его мысли, изложенныя въ опубликованныхъ въ 1860 году лекціяхъ его о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ, осуществились, до извѣстной степени, въ новыхъ судебныхъ уставахъ. Тѣмъ не менѣе, взгляды его показались черезчуръ опереживающими время, и онъ въ 1861 г., отстаивая вмѣстѣ съ покойнымъ Кавелинымъ старый университетъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ подать въ отставку. Однако-жъ, при составленіи новаго университетскаго устава, онъ былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ, къ участію въ работахъ учрежденной для этого комиссіи.

Въ 1863 г. Владиміръ Даниловичъ издалъ свой „Учебникъ уголовнаго права“, составляющій первое въ этомъ родѣ сочиненіе въ Россіи. Этотъ капитальный трудъ упрочилъ славу Спасовича, сдѣлавшись на долгое время настольною книгою, весьма важнымъ пособіемъ по уголовному праву въ русскихъ университетахъ. За этотъ же трудъ Владиміръ Даниловичъ былъ удостоенъ, въ 1863 году [1]), степени доктора правъ.

Оставленіе каѳедры было переломомъ въ жизни Владиміра Даниловича: профессорская дѣятельность болѣе всего была ему по душѣ, по характеру и по складу его ума. Тѣмъ не менѣе Владиміръ Даниловичъ не оставилъ общественной дѣятельности: сначала взялся онъ за перо журнальнаго критика, а затѣмъ, воспользовавшись открытіемъ, 17-го апрѣля 1866 года, въ С.-Петербургѣ, новыхъ общихъ судебныхъ учрежденій и введеніемъ въ нихъ адвокатуры, въ видѣ института присяжныхъ повѣренныхъ, Владиміръ Даниловичъ, 31-го мая того же 1866 года, вступилъ въ составъ этого сословія при С.-Петербургской судебной палатѣ, являясь, такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ по времени русскихъ адвокатовъ.

Въ виду той роли, того положенія, какое адвокатура занимаетъ вездѣ и занимать должна, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ,

---

[1]) См. „Альбомъ“ ред. „Русской Старины“. Спб., изд. 1888 г., стр. 243.

лишенное въ своей средѣ представителей науки, не отвѣчало-бы своему призванію. Вступленіе авторитетнаго уже въ ученомъ мірѣ доктора правъ Владиміра Даниловича Спасовича въ составъ нашей только что зарождающейся адвокатуры сразу придало ей блескъ, подняло ея престижъ.

Сдѣлавшись присяжнымъ повѣреннымъ, Владиміръ Даниловичъ, не переставая заниматься наукою, сталъ посвящать много времени еще и литературѣ, въ особенности же литературной критикѣ.

Изъ числа научныхъ юридическихъ трудовъ, относящихся къ этому періоду его дѣятельности, назовемъ слѣдующіе: 1) Теорія взлома. 2) О языкѣ въ области судопроизводства. 3) Вопросъ о кодификаціи русскихъ гражданскихъ законовъ. 4) О вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію въ обыкновенныхъ судахъ. 5) Вопросъ о такъ-называемой литературной собственности. 6) О правѣ собственности въ литературѣ. 7) Объ акціонерныхъ обществахъ. 8) О гминахъ и гминныхъ судахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. 9) Черногорія и имущественный законникъ Богишича.

Изъ числа литературныхъ трудовъ Владиміра Даниловича упомянемъ о слѣдующихъ:

1) Исторія польской литературы, составляющая часть коллективнаго сочиненія Владиміра Даниловича Спасовича и А. Н. Пыпина: „Исторія славянскихъ литературъ“. 2) Жизнь и политика маркиза Велепольскаго. 3) Владиславъ Сырокомля. 4) Шекспировскій Гамлетъ. 5) Мартинъ Матушевичъ. 6) Нѣсколько словъ о Кавелинѣ. 7) О Пушкинѣ. 8) Винцентій Поль. 9) Байронъ и нѣкоторые его предшественники. 10) Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.) какъ байронистъ. 11) Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго. 12) Байронизмъ у Пушкина. 13) Байронизмъ у Лермонтова.

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще много разнаго рода сочиненій Владиміра Даниловича, но многія полемическія и критическія статки разбросаны по журналамъ, многія-же публичныя чтенія и рѣчи вовсе еще не преданы тисненію. Упомянемъ о рѣчи его на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ честь покойнаго Тургенева; объ его отвѣтныхъ статьяхъ покойному Костомарову; объ описаніи поѣздки его въ Брюссель по случаю торжествен-

наго открытія новаго судебнаго зданія; объ его описаніи путешествія по Болгаріи; объ его публичной лекціи въ Краковѣ о Конрадѣ Валленродѣ Мицкевича и проч.

Многія изъ этихъ сочиненій, написанныя по польски, не переведены еще на русскій языкъ. Кстати сказать, переводы дѣлаетъ всегда самъ Владиміръ Даниловичъ.

Въ 1872 г. былъ изданъ сборникъ статей и судебныхъ рѣчей Владиміра Даниловича, подъ заглавіемъ: „За много лѣтъ“, а въ послѣднее время, съ 1889 г., начато Владиміромъ Даниловичемъ изданіе всѣхъ его сочиненій, за исключеніемъ однакожъ трудовъ болѣе обширнаго объема и въ свое время уже выпущенныхъ отдѣльными изданіями, къ числу которыхъ относятся вышеупомянутые: „Учебникъ уголовнаго права“, „Исторія польской литературы“, „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго“ и „За много лѣтъ“.

„Собранія сочиненій“ Владиміра Даниловича вышло до сихъ поръ три тома. Предположено оно въ шести томахъ, изъ которыхъ два послѣдніе имѣютъ быть посвящены избраннымъ судебнымъ рѣчамъ.

Подробная критическая оцѣнка всѣхъ этихъ трудовъ не входитъ въ задачу настоящаго очерка, посвященнаго лишь бѣглому обзору дѣятельности Владиміра Даниловича. Притомъ, въ свое время, труды эти были уже оцѣнены критикою по достоинству, встрѣчая или общее одобреніе даже въ противоположныхъ лагеряхъ, или-же горячій отпоръ противниковъ Владиміра Даниловича, самая горячность каковаго отпора показываетъ насколько жизненны были затрогиваемые В. Д. вопросы.

Во многомъ В. Д. Спасовичъ опереживаетъ время; но болѣе всего встрѣчаетъ онъ упрековъ за то, что пишетъ и по польски и по русски, и для тѣхъ и для другихъ, и о Пушкинѣ и о Мицкевичѣ и проч. Но упреки эти всеконечно не повторятъ будущія поколѣнія.

Твердо вѣруя въ возможность примиренія и приведенія къ согласію интересовъ двухъ братскихъ славянскихъ народовъ, историческою судьбою соединенныхъ подъ единою властью вседержавнѣйшаго Русскаго Царя,—Владиміръ Даниловичъ напрягаетъ всѣ свои усилія къ сближенію этихъ народовъ.

Въ отношеній профессіональной дѣятельности присяжнаго

повѣреннаго, Владиміру Даниловичу Спасовичу тоже достается немало упрековъ. Интересамъ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ посвятилъ онъ много труда и времени, сначала въ качествѣ члена, а затѣмъ, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ каковой должности онъ отказался лишь въ послѣднее время.

Безспорно, есть въ корпораціи присяжныхъ повѣреныхъ много умныхъ, талантливыхъ, даровитыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ достойныхъ и выдающихся личностей, преданныхъ притомъ корпоративнымъ интересамъ и заслуженныхъ въ этомъ отношеніи въ высокой степени; но мы съ полною справедливостью должны выдѣлить Владиміру Даниловичу Спасовичу особое почетное мѣсто, именно за его научные и литературные труды, въ виду значенія, какое имѣютъ для корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, между прочимъ, и труды этого рода, облагораживая въ самомъ сословіи характеръ, качество и направленіе его самосознанія и отвоевывая ему почетную, культурную роль въ обществѣ.

Судебныя рѣчи Владиміра Даниловича исполнены не только таланта, глубокомыслія, трезвости взгляда, учености, тонкаго психологическаго анализа, но и искренней, задушевной увѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла.

Въ виду вышеизложеннаго, каждому понятно почему „Русская Старина“, сохраняя на своихъ страницахъ какъ память о минувшихъ славныхъ русскихъ дѣятеляхъ, такъ и представляя данныя для сужденія о плодотворной дѣятельности достойнѣйшихъ современныхъ подвижниковъ ко славѣ и величію Россіи, долгомъ сочла воспользоваться двадцатипятилѣтнею годовщиною общественной службы В. Д. Спасовича, дабы напомнить нашимъ многочисленнымъ читателямъ о заслугахъ этого вполнѣ знаменитаго русскаго ученаго юриста и писателя. Ред.

ТРУДЫ ДОКТОРА ПРАВЪ В. Д. СПАСОВИЧА

въ 1851—1891 гг.

I. По юриспруденціи:

А) „Учебникъ уголовнаго права. Спб., 1863 г., вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ.

Б) Сочиненія, вошедшія въ составъ третьяго тома сборника „Сочиненія В. Д. Спасовича". Спб. 1890 г.:

1. „О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза". Спб. 1851 г.

2. „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву" (Pro venia legendi). Спб. 1857 г.

3. „О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ"—публичныя лекціи, читанныя въ с.-петербургскомъ университетѣ (сентябрь и октябрь 1860 г.).

4. „Теорія взлома" („С.-Петерб. Вѣдомости" 13 января 1865 г.).

5. „О языкѣ въ области судопроизводства",—рѣчь, произнесенная 2-го февраля 1881 года въ годичномъ общемъ собраніи Спб. Юридическаго Общества. 1881 г.

6. „Вопросъ о кодификаціи русскихъ гражданскихъ законовъ". Читано въ засѣданіи, 18 декабря 1882 г., гражданскаго отдѣленія юридическаго общества при спб. университетѣ, по поводу реферата С. В. Пахмана о предметѣ и системѣ русскаго гражданскаго уложенія.

7. „О вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію въ обыкновенныхъ судахъ". (Докладъ 21 апрѣля 1883 г.).

8. „Вопросъ о такъ называемой литературной собственности". (Читано въ общемъ собраніи членовъ литературнаго фонда, 21-го апрѣля 1874 г.).

9. „О правѣ собственности въ литературѣ". (Переводъ статьи, помѣщенной въ польской газетѣ „Kraj" 24 декабря 1887 г., въ прибавленіи къ № 52).

10. „Объ акціонерныхъ обществахъ". Сообщеніе въ засѣданіи административнаго отдѣленія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ, 13 апрѣля 1885 г.

11. „О гминахъ и гминныхъ судахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго". (Докладъ, прочитанный 6 февраля 1889 года въ Юридическомъ обществѣ при императорскомъ московскомъ университетѣ).

12. „Черногорія и имущественный законникъ Богишича"—замѣтки.

II. Переводъ съ латинскаго на польскій языкъ съ коментаріями польскаго писателя XVI столѣтія Оржельскаго: „Во емь кингъ о междуцарствіи 1572—1576 гг.". Спб. 1856 г.

III. По литературѣ и литературной критикѣ.

А) Труды болѣе обширнаго объема, выпущенные отдѣльными изданіями:

1. „Исторія Польской Литературы", составляющая часть коллективнаго сочиненія В. Д. Спасовича и А. Н. Пыпина: „Исторія Славянскихъ Литературъ". Спб. 1881 г.

„Жизнь и политика маркиза Велепольскаго". Спб. 1882 г.

Б) Сочиненія, вошедшія въ составъ 2-хъ первыхъ томовъ сборника: „Сочиненія В. Д. Спасовича". Спб. 1889 г.:

1. „Владиславъ Сырокомля",—лекція, читанная въ Варшавѣ—конецъ 1875 г. и январь 1876 г.

2. „Шекспировскій Гамлетъ",—лекція, читанная въ Варшавѣ 1883 г.

3. „Мартинъ Матушевичъ и его мемуары". (Конецъ 1876 г.).

4. „Нѣсколько словъ о Кавелинѣ, произнесенныхъ въ административномъ отдѣленіи юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ въ засѣданіи 11 мая 1885 г.

5. „О Пушкинѣ",—рѣчь, произнесенная 31 января 1887 года въ С.-Петербургѣ на поминальномъ обѣдѣ по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня кончины Пушкина.

6. „Винцентій Поль и его поэзія",—публичная лекція въ Варшавѣ, въ началѣ 1878 г.

7. „Байронъ и нѣкоторые его предшественники".

8. „Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.), какъ байронистъ". (Конецъ 1888 г.).

9. „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго".

10. „Байронизмъ у Пушкина".

11. „Байронизмъ у Лермонтова". (Октябрь 1887 г.).

В) Остальныя сочиненія В. Д. Спасовича, состоящія изъ рѣчей и критическихъ и полемическихъ статей, разбросанныхъ по журналамъ или же не переведенныхъ еще съ польскаго на русскій языкъ, имѣютъ войти въ составъ четвертаго тома сборника: „Сочиненія В. Д. Спасовича", каковой 4-й томъ нынѣ (1891 г.) печатается.

IV. Сборники сочиненій и судебныхъ рѣчей:

1. „За много лѣтъ" 1872 г.

2. „Сочиненія В. Д. Спасовича".—Томы I и II, 1889 г. Томъ III, 1890 г. Томъ IV печатается. Предположено 6 томовъ, изъ которы[х] два послѣдніе, V и VI, имѣютъ быть посвящены судебнымъ рѣча[м]

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать второй. ІЮНЬ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Василій Трофимовичъ Нарѣжный.** Историко-біографическое изслѣдованіе. Очеркъ четвертый. Сост. П. А. Бѣлоперскій. . . . 523

II. **Записки ректора и профессора императорской академіи художествъ Ѳедора Ивановича Іордана,** 1800—1883 гг. Гл. XII—XVIII. 547

III. **Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера,** 1808—1858 гг. Главы XVIII — XXII. Сообщ. Л. Лопатинскій. 581

IV. **Дневникъ графа Петра Александровича Валуева,** 1856 г. . . 603

V. **Дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко,** 1865 годъ. 617

VI. **Очерки и воспоминанія Н. М. Колманова.** Гл. третья, 1830—1840 гг. 657

VII. **Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ,** ген.-адъютантъ. 1796—1861 гг. Сообщ. Д. А. Арбузовъ. . . . 681

VIII. **Банкротъ [Свои люди — сочтемся].** Комедія А. Н. Островскаго,—собствен. его рукопись. 695

IX. **Императоръ Александръ Николаевичъ.** Черты изъ его жизни . 719

X. **Матеріалы и замѣтки:** Никифоръ Вяземскій, 1696 г. (602). — Гетманъ Мазепа, 1704 г. (680).— Письмо Петра II, 1728 г. (727).— Пѣсни 1787 г. (729). — Къ запискамъ П. Д. Шестакова (656).

XI. **Библіографическій листокъ,** замѣтки Ред. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Тараса Григорьевича Шевченко,** написанный имъ самимъ въ 1859 г. Копію съ портрета исполнилъ художникъ Жебровскій, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

☞ Альбомъ гравюръ на деревѣ и мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, изд. III-й и IV-й. Напечатанъ и разсылается **ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ** портретовъ, художественно выполненныхъ геліогравюры. Цѣна каждаго выпуска **ОДИНЪ** руб. и три почтов. марки за перес. (21 к.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1891 г.

О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. Историко-юридическое изслѣдованіе Александра Филиппова, приват-доцента Императорскаго Московскаго университета. Москва, 1891 г., 8 д., стр. X + 457. Цѣна 3 руб.

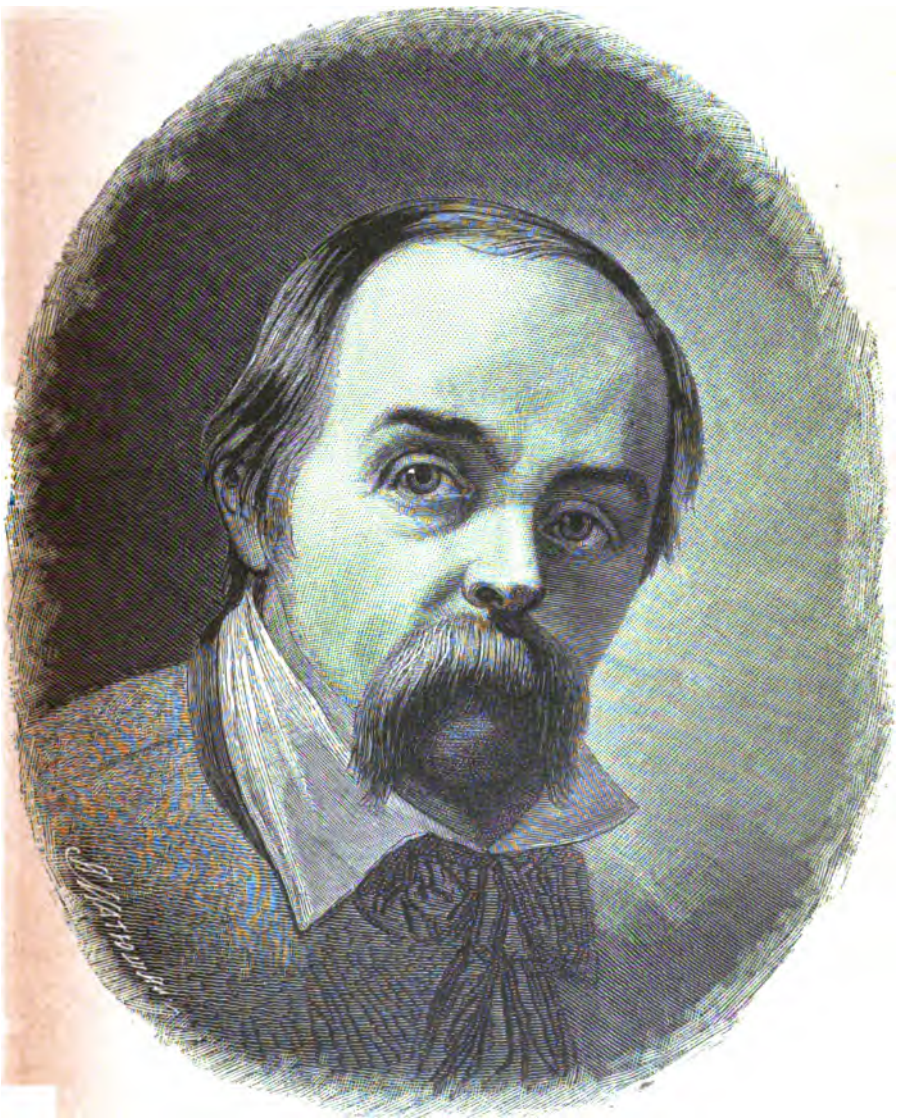
Обширный трудъ, какъ видно изъ самаго заглавія, всецѣло посвященъ изслѣдованію вопроса о наказаніи по законодательству Петра Великаго, причемъ авторъ изслѣдуетъ «нормы наказанія постольку, поскольку онѣ открываются изъ самыхъ законодательныхъ актовъ эпохи, почти не касаясь вопроса о томъ, какъ примѣнялись эти нормы на практикѣ». Весьма близко знакомый со всею значительною литературою какъ историческихъ, такъ въ особенности юридическихъ изслѣдованій о реформахъ Петра Великаго и объ учрежденіяхъ, въ его царствованіе возникшихъ, авторъ настоящаго труда основываетъ его по преимуществу на тщательномъ изученіи первоисточниковъ, т. е. на законодательныхъ актахъ эпохи великаго преобразователя Россіи.

Основы судебной реформы (къ 25-тилѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. Гр. Джаншіева. **Приложеніе: Опись „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи".** Москва, 1891 г., 8 д., стр. XVI + 364 + 52. Цѣна 1 р. 50 к.

Живой и талантливый очеркъ одного изъ современныхъ, наиболѣе пылкихъ и глубоко убѣжденныхъ, сторонниковъ великой судебной реформы Царя-Освободителя. Авторъ выясняетъ въ высшей степени благовременно что такое новый судъ, когда и почему судебная реформа получила радикальный характеръ; представляетъ историческій очеркъ составленія Судебныхъ Уставовъ; ярко отмѣчаетъ отдѣленіе власти судебной отъ административной и останавливается, между прочимъ, на выборномъ началѣ въ новомъ судѣ. Изъ другихъ составныхъ частей настоящаго изслѣдованія обращаемъ вниманіе читателей на «судъ невѣжд надъ судебною реформою», на «судъ присяжныхъ и его враги» и проч. Вообще эта книга представляетъ одинъ изъ наилучшихъ откликовъ по поводу 25-тилѣтія новаго суда. Весьма желательно, дабы молодое поколѣніе будущихъ юристовъ, еще на скамьяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, внимательно ознакомилось съ историко-юридическимъ этюдомъ Григорія Аѳтоновича Джаншіева.

К. Ф. Хартулари. **Итоги прошлаго.—1866—1891 гг. (Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи). Посвящаются двадцатипятилѣтію судебныхъ учрежденій.** Спб. 1891 г., 8 д., стр. XVII + 576. Цѣна 4 р. 50 к.

Въ ряду въ высокой степени замѣчательныхъ отечественныхъ юристовъ-практиковъ, извѣстныхъ въ дѣятельности нашею судебною реформою К. Ф. Хартулари занимаетъ видное мѣсто. Мысль его, вслѣдъ за прекраснымъ сборникомъ «Судебныхъ Рѣчей» А. Ѳ. Кони, подвести «итоги прошлаго», въ высшей степени симпатична. Эти итоги, взятые въ сборникахъ рѣчей, сказанныхъ по наиболѣе замѣчательнымъ процессамъ либо защитниками, либо обвинителями, особенно талантливыми русскими адвокатами и прокурорами, составляютъ вѣскій аргументъ въ защиту судебной реформы 1862—1864 и 1866 гг. Въ настоящей книгѣ К. Ф. Хартулари собралъ 26 своихъ защитительныхъ рѣчей по процессамъ, которые до сихъ поръ еще памятны въ русскомъ обществѣ, таковы: по дѣлу объ отставн. кол. секрет. Протопоповѣ, обвиняемомъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника;—по дѣлу купца Борове, обвиняемомъ вмѣстѣ съ тайнымъ совѣтникомъ Гаевскимъ и статскимъ совѣтникомъ Яковлевымъ въ растратѣ суммъ духовно-учебнаго управленія при святѣйшемъ синодѣ;—по дѣлу о сынѣ священника, Владимірѣ Орловѣ, обвиняемомъ въ государственномъ преступленіи (Нечаевское);—по дѣлу о сынѣ ремесленника Александрѣ Ивановѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ надв. совѣтн. фонъ-Зона;—по дѣлу о дворянинѣ Дюковѣ, обвиняемомъ, вмѣстѣ съ другими, въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени умершаго помѣщика Андреева;—по дѣлу о флигель-адъютантѣ, капитанѣ 1-го ранга Н. М. Барановѣ, обвиняемомъ на основаніи 97 и 172 ст. воен. морск. устава,—и по многимъ другимъ весьма важнымъ процессамъ.



т: Шевченко

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРѢЖНЫЙ

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ четвертый [1]).

XIII.

По напечатаніи двухъ выше приведенныхъ нами повѣстей въ „Цвѣтникѣ“ 1810 года, имя В. Нарѣжнаго, насколько мы могли прослѣдить, — не встрѣчается въ печати до 1814 года, когда появились первыя три части его романа „Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова“. Этотъ романъ Нарѣжнаго представляетъ вполнѣ самобытную передѣлку на русскіе нравы извѣстнаго сочиненія Лесажа „Histoire de Gilblas“, впервые переведеннаго на русскій языкъ Тепловымъ въ 1754 году. Подобная передѣлка была новостью въ нашей тогдашней романической литературѣ, и поэтому Нарѣжный въ предисловіи къ „Россійскому Жилблазу“ нашелъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Я вывелъ на показъ, говоритъ онъ, русскимъ людямъ русскаго же человѣка, считая, что гораздо сходнѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца. Почему Лесажъ не могъ того сдѣлать, всякій догадается. За нѣсколько десятковъ лѣтъ и

[1]) См., „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; томъ LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270; изд. 1890 г., томъ LXVII, сентябрь, стр. 469—527; изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 471—487. Портретъ В. Т. Нарѣжнаго приложенъ къ „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., т., LIX, августъ, стр. 225.

у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы" и пр.

Но увѣренность В. Нарѣжнаго, что свободное или, какъ онъ называетъ „безпристрастное", описаніе русскихъ нравовъ будетъ допущено въ 1814 году, оказалась ошибочною, потому что „Россійскій Жилблазъ" былъ тогда-же запрещенъ „по вызову" министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, вслѣдствіе чего остальныя три части романа не могли явиться въ печати. При этомъ министромъ были указаны „предосудительныя и соблазнительныя мѣста на страницахъ: 46, 98, 125, 185 и слѣд. третьей части", почему-то одобренной цензоромъ Яценковымъ раньше первыхъ двухъ, а именно 9 октября 1813 года.

По поводу сочиненія В. Нарѣжнаго „Россійскій Жилблазъ", министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, въ своемъ отзывѣ высказалъ составленный имъ взглядъ на романы вообще: „Между издаваемыми вновь романами, писалъ онъ, выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ, противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но, вообще, по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя, повидимому, и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль" (35).

Хотя графъ Разумовскій, въ своемъ отзывѣ, указываетъ только на нецензурныя мѣста напечатанныхъ частей „Россійскаго Жилблаза", но его слова настолько же могли относиться къ тремъ задержаннымъ частямъ романа. Между прочимъ, на страницахъ 46 и 98 третьей напечатанной части, а на стр. 125 (ч. III) сверхъ того былъ затронутъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, въ видѣ примѣра вопіющаго злоупотребленія помѣщичьей власти, что и могло показаться предосудительнымъ министру. Начиная со страницы 185 и слѣд. третьей, равно и въ началѣ четвертой ненапечатанной части романа (остановленной цензурой), представлена весьма непривлекательная картина тайнаго „Общества благотворителей свѣта", величавшихъ себя масонами. Но такъ какъ авторъ не дѣлаетъ никакой оговорки, то его описаніе, въ виду сообщаемыхъ имъ подробностей, могло быть отнесено къ масонству, вообще, и пока-

заться злонамѣреннымъ. Нападки на масонство, которое пользовалось покровительствомъ многихъ, участвующихъ въ немъ, вліятельныхъ людей, уже сами по себѣ были достаточны, чтобы навлечь гоненіе на книгу В. Нарѣжнаго. Подобное покровительство масонству, а равно и участіе въ немъ, не считалось тогда вреднымъ, такъ какъ масоны „ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической“ (36). Къ тому-же масонскія ложи съ 1809—1810 гг. были оффиціально разрѣшены правительствомъ.

Мы не будемъ теперь касаться вопроса: насколько описаніе таинственныхъ собраній и дѣятельности „Общества благотворителей свѣта“, представленные Нарѣжнымъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности и поговоримъ объ этомъ при дальнѣйшемъ разборѣ „Россійскаго Жилблаза“, гдѣ укажемъ также, какое значеніе это описаніе можетъ имѣть въ настоящее время. Въ этомъ случаѣ, мы отступимъ отъ принятаго нами хронологическаго порядка; и приложимъ разборъ этого сочиненія Нарѣжнаго къ концу статьи, въ виду того, что редакція „Русской Старины“ намѣрена напечатать всего „Россійскаго Жилблаза“, съ включеніемъ трехъ ненапечатанныхъ частей, одобренныхъ цензурой 13 февраля 1863 года.

По многимъ даннымъ, появленіе первыхъ трехъ частей „Россійскаго Жилблаза“ не могло пройти не замѣченнымъ. Помимо того, что это былъ первый болѣе или менѣе самобытный русскій романъ, гдѣ читатель впервые встрѣчалъ на каждомъ шагу знакомую ему обстановку, русскихъ людей и русскіе нравы, даже самые недостатки „Россійскаго Жилблаза“ не были настолько ощутительны для него, какъ для насъ. Русская романическая литература, какъ было указано нами во второмъ очеркѣ, („Русск. Стар.“ 1888 г., іюль и августъ), находилась тогда въ зачаточномъ видѣ и, такъ какъ вкусъ не былъ выработанъ въ этомъ направленіи, то и требованія не могли быть особенно строги. Съ другой стороны, въ „Россійскомъ Жилблазѣ“ слабыя и неудачныя страницы съ избыткомъ искупались прекрасными, вполнѣ оригинальными сценами и описаніями, которыя должны были неизбѣжно произвести впечатлѣніе на публику, всегда болѣе или менѣе чуткую въ оцѣнкѣ истиннаго таланта.

Цензурное запрещеніе, разумѣется, въ свою очередь способствовало успѣху неоконченнаго романа и по свидѣтельству очевидца [1])

[1]) Н. И. Гречъ, современникъ В. Нарѣжнаго, пишетъ по этому поводу: „Обстоятельства долгое время препятствовали изданію въ свѣтъ „Россійскаго Жилблаза“ и публика, слыша о томъ, что эта книга не можетъ быть напечатана, вообразила, что въ ней заключается не вѣсть что.

значительно усилило интересъ публики, такъ что уже въ 1820 году „Русскій Жилблазъ“ считался библіографическою рѣдкостью (38).

Но временной успѣхъ книги, вышедшей въ первыхъ трехъ частяхъ, былъ плохимъ утѣшеніемъ для автора, потому что послѣднія три ея части остались не напечатанными, что должно было тяжело отразиться на немъ, какъ съ матеріальной, такъ и нравственной стороны, особенно, въ виду тѣхъ затрудненій, съ какими былъ связанъ тогда самый процесъ писанія романа. Но, тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ выразить нѣкоторыя сомнѣнія относительно извѣстія, сообщеннаго сыномъ романиста, въ краткой составленной имъ біографіи, что цензурное запрещеніе, постигшее „Россійскаго Жилблаза“, было причиною, что В. Нарѣжный почти оставилъ авторство“ (39). Между тѣмъ, на ряду съ этимъ извѣстіемъ, въ той же краткой біографіи сказано черезъ нѣсколько строкъ, что В. Нарѣжный до 1821 года „утро посвящалъ службѣ, а вечера исключительно литературѣ“...

Но и помимо этого видимаго противорѣчія, многое говоритъ въ пользу втораго извѣстія. Хотя, дѣйствительно, съ 1814 по 1822 г., мы почти не встрѣчаемъ имени Нарѣжнаго въ печати, но это еще не даетъ намъ права заключать о перерывѣ его литературной дѣятельности, и, вообще, едва-ли мыслимо, чтобы такой плодовитый и талантливый писатель, подъ вліяніемъ огорченія, добровольно осудилъ себя на многолѣтнее бездѣйствіе. Тутъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ, когда же были написаны повѣсти: Марія, Богатый бѣднякъ, Невѣста подъ замкомъ, Турецкій судъ, Заморскій принцъ, Запорожецъ и романы: Бурсакъ, Два Ивана или страсть къ тяжбамъ—вышедшіе въ короткій промежутокъ двухъ лѣтъ, 1824—1825 гг.?

Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы всѣ эти произведенія были написаны раньше 1814 года, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, являются несравненно болѣе зрѣлыми и законченными, нежели предъидущія сочиненія

Обнародываніе нѣкоторыхъ повѣстей Нарѣжнаго ее разочаровало. Справедливость побуждаетъ меня сказать, что первый русскій романъ написалъ и издалъ у насъ Ѳадей Булгаринъ“ и пр. (37).

Хотя въ этомъ отзывѣ Н. Гречъ, въ ущербъ истинѣ, усердствуетъ въ пользу своего друга и хочетъ выставить превосходство Булгарина надъ Нарѣжнымъ, но, тѣмъ не менѣе, сообщаемое имъ извѣстіе, при всей его неопредѣленности, имѣетъ для насъ значеніе, какъ единственное свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, какое произвело на публику запрещеніе „Россійскаго Жилблаза“.

Н. В.

В. Нарѣжнаго. Равнымъ образомъ, едва-ли можно отнести ихъ къ самымъ послѣднимъ годамъ Нарѣжнаго, когда, по свидѣтельству его сына, вполнѣ правдоподобному, „сидячая жизнь, при напряженномъ трудѣ, оказала гибельное вліяніе на здоровье романиста“ (40).

Что касается матеріальной стороны, то если Нарѣжный связывалъ какія-либо надежды съ появленіемъ въ свѣтъ „Россійскаго Жилблаза“, то упомянутое цензурное запрещеніе было тѣмъ чувствительнѣе для него, что въ предъидущемъ 1813 году онъ вышелъ въ отставку и женился [1]). Хотя первыя три части романа были напечатаны и, вѣроятно, тогда же раскуплены публикою; но едва-ли полученный отъ нихъ доходъ былъ особенно великъ, судя по тому, что въ началѣ 1815 года Нарѣжный снова поступилъ на службу и опредѣленъ столоначальникомъ въ инспекторскій департаментъ. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ утвержденъ въ этой должности при новомъ образованіи инспекторскаго департамента, поступившаго въ составъ главнаго штаба.

XIV.

Послѣ напечатанія первыхъ трехъ частей „Россійскаго Жилблаза“ и запрещенія остальныхъ частей въ 1814 году, наступилъ упомянутый перерывъ въ литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго, вслѣдствіе-ли его собственнаго нежеланія печатать свои произведенія или невозможности найти издателя. Такимъ образомъ, насколько мы могли прослѣдить, въ промежуткѣ отъ 1814 до 1822 г., сочиненія В. Нарѣжнаго не встрѣчаются ни въ числѣ отдѣльно вышедшихъ книгъ, ни въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ, кромѣ двухъ упомянутыхъ нами „Славенскихъ вечеровъ“, напечатанныхъ въ „Соревнователѣ“, а именно: Любославъ (№№ XI и XII, 1818) и Александръ (№ VII 1819 г.). Журналъ „Соревнователь“ или, точнѣе, „Соревнователь просвѣщенія и благотворительности“, какъ мы упоминали въ нашемъ первомъ очеркѣ (стр. 360), началъ издаваться въ 1818 году „Вольнымъ обществомъ любителей

---

[1]) Годъ женитьбы В. Нарѣжнаго указанъ въ краткой біографіи, сообщенной его сыномъ, который при этомъ не даетъ никакихъ свѣдѣній о своей матери (Ист. христ. А. Галахова т. II, стр. 292—293). Равнымъ образомъ, въ формулярномъ спискѣ В. Нарѣжнаго сказано только, что онъ былъ „женатъ на Александрѣ Ивановой дочери“, безъ обозначенія ея званія.

Н. В.

россійской словесности", съ цѣлью оказывать матеріальную поддержку нуждающимся ученымъ, литераторамъ и художникамъ. Въ числѣ первыхъ пособій было выдано обществомъ 300 р. В. Т. Нарѣжному „за представленное имъ сочиненіе", вѣроятно, за одну изъ упомянутыхъ повѣстей, напечатанныхъ въ „Соревнователѣ", или за неизданную повѣсть Игорь, которая была прочитана авторомъ въ публичномъ засѣданіи общества 20-го мая того-же 1818 года. Обращеніе къ общественной благотворительности, со стороны Нарѣжнаго, могло быть вызвано какими нибудь исключительными, быть можетъ, семейными невзгодами, потому что въ это время, занимая должность столоначальника при главномъ штабѣ, онъ получалъ болѣе значительное жалованье, нежели когда-либо (1200 р.), и только въ сентябрѣ 1821 года окончательно вышелъ въ отставку.

Повѣсть Игорь, напечатанная послѣ смерти Нарѣжнаго, во второмъ дополненномъ изданіи „Славенскихъ вечеровъ" 1826 года, любопытна въ томъ отношеніи, что на ней всего замѣтнѣе отразилось вліяніе „Слова о Полку Игоревѣ", изданнаго въ 1800 году, изъ чего можно вывести заключеніе, что она, вѣроятно, была написана около этого времени. Въ повѣсти „Игорь", какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ", различныя знаменія предвѣщаютъ грядущую бѣду, равно и грозныя явленія природы соотвѣтствуютъ изображаемымъ событіямъ, что видно изъ слѣдующаго описанія:

„Туманомъ покрыты были власы востекающаго надъ градомъ Кіевомъ Свѣтовида. Сизый Днѣпръ съ глухимъ ревомъ медленно катилъ въ берегахъ волны свои; умолкло пѣніе птицъ сладкогласныхъ. Одинъ вранъ чернокрылый издавалъ вопли по дубравѣ и хищный волкъ вторилъ ему грознымъ завываніемъ..."

Юная княгиня Ольга, подобно Ярославнѣ, тоскуетъ въ отсутствіи супруга своего Игоря:

„Друзья мои и совѣтники, вѣщала она къ избраннымъ старѣйшинамъ двора княжескаго: сердце мое ноетъ въ груди мутящееся и слезы текутъ изъ очей моихъ, дабы подобно перловому ожерелью унизать выю мою. Знаменія утра сего суть отголоски ночи той, въ которую узрѣлъ меня впервые Игорь воинственный. Ахъ, они были тогда предтечами моего счастья; теперь должны быть, по вѣщанію премудрыхъ, вѣстниками горести безутѣшныя...

„Ревѣлъ мутный Волховъ въ берегахъ своихъ; молніи терзали покровъ неба ярящагося; градъ сбивалъ вѣтви съ дубовъ и елей долговѣчныхъ; громъ рыкалъ среди областей небесныхъ ужасно и заглушалъ ревъ безчисленныхъ стай медвѣдей, обитателей лѣсовъ великаго Новагорода. Въ дождѣ безпредѣльномъ горько рыдала природа" и т. д. (стр. 201—203, третье изд. 1836 г.).

Далѣе авторъ впадаетъ въ тонъ приведенныхъ нами (во второмъ очеркѣ) историческихъ повѣстей конца XVIII вѣка, и, не

стѣсняясь условіями времени и быта, а равно и лѣтописными данными о характерѣ Игоря Святославича и причинѣ его смерти, даетъ полную волю своей фантазіи:

„Вопли скорби и сѣтованія, пишетъ онъ, разлились на широкихъ стогнахъ Кіева“, при вѣсти объ убіеніи древлянами князя Игоря; воины и граждане оплакиваютъ смерть „мудраго“ повелителя, кроткаго и милосерднаго покровителя вдовъ и сиротъ, который ополчился на брань „не по личной злобѣ или пристрастію, но единственно для блага народа ему подвластнаго“...

Повѣсть „Любославъ“, напечатанная въ „Соревнователѣ“ того же 1818 года, по бѣдности содержанія и крайне вычурному языку, слабѣе остальныхъ „Славенскихъ вечеровъ“, и отличается отъ нихъ нравоучительнымъ элементомъ, такъ какъ здѣсь авторъ поставилъ себѣ цѣлью объяснить наглядно, что задача государя заключается не въ славѣ военныхъ подвиговъ, а въ мудромъ управленіи и въ заботахъ о благѣ подданныхъ:

Герой повѣсти, молодой туровскій князь Любославъ, жаждетъ военной славы и, не смотря на мирное время, собираетъ войско, вторгается въ сосѣднюю муромскую землю, сжигаетъ пашни и хижины поселянъ. Но вскорѣ угрызенія совѣсти начинаютъ мучить его; онъ отправляется въ пустыню къ отшельнику Іоилу, въ надеждѣ найти у него облегченіе отъ душевныхъ страданій. Іоилъ говоритъ ему длинную наставительную рѣчь о назначеніи правителей, совѣтуетъ изгнать дурныхъ совѣтниковъ и щедро вознаградить раззоренныя имъ семейства муровцевъ.

Любославъ исполняетъ совѣтъ старца и въ непродолжительномъ времени „становится примѣромъ для вождей и повелителей“. Вездѣ разносится слава объ его мудромъ правленіи; а князь муромскій, который еще недавно отвѣтилъ отказомъ на его сватовство, теперь съ радостью выдаетъ за него свою прекрасную дочь Гликерію.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ слѣдующая и послѣдняя повѣсть „Александръ“, которая относится къ моменту вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ 31-го марта 1814 года. Главный интересъ ея заключается въ томъ, что она служитъ вѣрнымъ отраженіемъ тогдашняго общественнаго настроенія. Первенствующая роль русскаго императора въ событіяхъ 1813—1815 гг., торжественное слѣдованіе его по Европѣ, представлявшее рядъ тріумфовъ, равно и великодушное отношеніе къ униженной Франціи, должны были тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе русскихъ, что льстили ихъ національному чувству.

Извѣстно, какими громкими овваціями и какими воодушевленными привѣтствіями нашихъ первоклассныхъ поэтовъ сопровождалось возвращеніе императора въ Россію: естественно, что и Нарѣжный, увлеченный общимъ движеніемъ, заплатилъ свою дань

поклоненія и не пожалѣлъ поэтическихъ красокъ для изображенія личности Александра I и его гуманныхъ космополитическихъ взглядовъ.

Повѣсть „Александръ“ начинается съ печальной картины Парижа, наканунѣ вступленія союзныхъ войскъ, расположенныхъ на ближнихъ холмахъ у безчисленныхъ огней. Глубокая полночь раскинула надъ воинствомъ черныя крылья. Мало по малу огни, сокращаясь, угасли.

Александръ медленно шествуетъ по долинѣ въ сопровожденіи вождя русскихъ дружинъ. „Устремленный на свѣтлый мѣсяцъ и звѣзды мерцающія взоръ его прояснился; умиленіе разлилось по высокому челу его и кротость въ ангельской улыбкѣ“. Онъ обращается къ своему спутнику и, указывая на древнюю Лютецію, выражаетъ сожалѣніе объ ожидавшей ея участи: „Настанетъ утро, говоритъ онъ, и по манію перста моего раздадутся новые громы, падутъ твердыя стѣны и гордыя башни, раздастся плачъ и вопль, и сего града не станетъ. Путникъ съ трудомъ отыщетъ мѣсто бытія его, вопроситъ потомство отдаленное: кто произвелъ гибель сію, сіе опустошеніе ужасное? — Александръ! будетъ отвѣтъ исторіи.—О, какъ ужасаюсь я сей мысли, столько для другихъ обольстительной!“

„Рекъ—и свѣтлая слеза заблистала въ небесныхъ очахъ его“.

Вождь дружинъ русскихъ возражаетъ ему, что и солнце „извлекая изъ нѣдръ земли и водъ обильныя испаренія, даетъ имъ время совокупиться воедино, составить тучу черную и низринуться на устремленную землю въ дождѣ, громѣ и молніи.“

...„Знаю обязанность сана моего къ моему отечеству и россіянамъ, отвѣтствовалъ самодержецъ... Но почему-жъ семейство мое осудитъ меня, если я хочу для его же пользы и славы усыновить еще постороннихъ? Любовь моя жаждетъ принять въ объятія свои всѣ племена и народы земные, благословить ихъ родительскимъ благословеніемъ и воззвать къ нимъ: дѣти, никогда не уклоняйтесь отъ закона правды—и вы благополучны!..“

Настаетъ утро; румяная заря озлатила небосклонъ... поднимается русское войско съ сырой земли, собирается въ ряды „пространные“ и на вопросы Александра: — „Какую судьбу изречемъ мы древней столицы всея Галліи? Какъ встрѣтимъ мы ея обитателей? — громко требуетъ гибели галловъ и ихъ древней столицы“.

Александръ пребылъ въ недоумѣніи. Раны Москвы и Смоленска близко прилегли къ его сердцу... онъ даетъ слово войску воскресить древнюю столицу и достойно отомстить за нее...

„Но зазвучали врата желѣзныя града гордаго и разверзлись. Медленно извлеклись граждане Лютеціи — съ поникшими главами шествовали они во срѣтеніе царю русскому и его воинству. Удержалъ царь за бразды коня ратнаго; вожди и воинство остановились...“

Далѣе слѣдуетъ длинная рѣчь старѣйшины галловъ, который взываетъ къ милосердію Александра и преклоняетъ передъ нимъ колѣна; прибывшіе съ нимъ граждане пали во прахѣ; „слезы горькія, слезы кровавыя оросили чело земли отеческой.“ Царь обратился къ своимъ воинамъ и, видя умиленіе на ихъ лицахъ, простеръ десницу къ старѣйшинѣ галловъ и повелѣлъ имъ идти за нимъ „во градъ осиротѣлый и тамъ во храмахъ принести благодарственныя мольбы Богу кротости и милосердія...“

Александръ пошелъ ко граду. Галлы и россіяне ему послѣдовали. Съ воплями радостными приняли граждане гостей своихъ въ стѣны Парижскія— и примиренные народы совокупно простерли къ Небу мольбы благодарности [1]).

XV.

Повѣсть Александръ, помѣщенная въ „Соревнователѣ“ 1819 г., насколько намъ извѣстно, была послѣднимъ произведеніемъ В. Нарѣжнаго, напечатаннымъ въ журналѣ. Всѣ остальныя—появились отдѣльными изданіями, начиная съ повѣсти Аристіонъ или перевоспитаніе, вышедшей въ 1822 году, съ слѣдующимъ посвященіемъ, которое почему-то выключено изъ втораго изданія, 1835—1836 года:

„Петру Алексѣевичу Вземтневу [2]).

„Около пятнадцати лѣтъ я пользуюсь твоею безцѣнной дружбой. Нерѣдко въ продолженіе сего времени надъ головой моей сбирались грозныя тучи и твое благоразуміе всегда умѣло отвращать гибельные удары, доставляло укромное пристанище. Ничѣмъ не въ силахъ отблагодарить тебѣ за всѣ одолженія... Но чтобы и дѣти дѣтей твоихъ знали сколько я обязанъ былъ твоей великодушной дружбѣ, посвящаю любезному имени твоему новое сочиненіе.

„Октября 5-го дня, 1821“.

Повѣсть „Аристіонъ или перевоспитаніе“, по содержанію и общему характеру, принадлежитъ къ нравоучительнымъ произведеніямъ нашей подражательной романической литературы конца XVIII вѣка, съ такими-же длинными утомительными разсужденіями и сентенціями на тему нравственности и торжествомъ добродѣтели.

---

[1]) Въ „Revue Encyclopedique“ 1829 года, которая въ это время получала отъ одного изъ своихъ московскихъ корреспондентовъ „значительную часть лучшихъ произведеній русской прессы“, помѣщенъ краткій обзоръ сочиненій В. Нарѣжнаго, составленный Шопеномъ (octobre, p. 111—122). Авторъ статьи называетъ Нарѣжнаго „первымъ изъ русскихъ нравописательныхъ романистовъ“ и, между прочимъ, съ похвалой отзывается о „Славенскихъ вечерахъ“, кромѣ повѣсти Александръ, гдѣ, по его словамъ, „Нарѣжный слишкомъ увлекся патріотизмомъ и позволилъ себѣ пристрастные нападки, неумѣстные для первокласснаго писателя“.

[2]) Петръ Алексѣевичъ Вземтневъ, авторъ довольно сухой и бездарной сатиры въ стихахъ „Польза медиковъ“. О службѣ Вземтнева въ департаментѣ удѣловъ упомянуто въ „Воспоминаніяхъ“ В. И. Панаева.

Н. В.

Въ „Аристонѣ“, какъ во многихъ романахъ и повѣстяхъ этого направленія, основой разсказа служитъ тогдашній избитый мотивъ о вредѣ новомоднаго воспитанія, гдѣ все обращено на внѣшнія преимущества, къ ущербу дѣйствительныхъ знаній и развитія душевныхъ качествъ.

Такое именно воспитаніе получаетъ герой повѣсти Аристіонъ (сынъ отставнаго бригадира, живущаго въ Украйнѣ), который, на шестомъ году жизни, отправленъ въ Петербургъ и помѣщенъ „въ славнѣйшемъ тогда пансіонѣ, содержимомъ знаменитымъ иностранцемъ“.

По окончаніи ученія, Аристіонъ, какъ „прилично дворянину“, поступаетъ въ Петербургѣ на военную службу, и вскорѣ подъ вліяніемъ дурнаго воспитанія предается пагубнымъ и дорого-стоющимъ столичнымъ развлеченіямъ, запутывается въ долгахъ и одновременно получаетъ вѣсть объ измѣнѣ любовницы и о своемъ выключеніи изъ службы. Вѣрный дядька Макаръ, пользуясь отчаяніемъ своего господина, увозитъ его въ Украйну. Здѣсь Аристіонъ узнаетъ, что его родители умерли, раззоренные имъ, и что нѣкто Горгоній владѣетъ его наслѣдственнымъ имуществомъ. Горгоній никто иной, какъ родной отецъ Аристіона, который выдаетъ себя за мертваго, чтобы исправить своего блуднаго сына, принимаетъ его къ себѣ въ домъ и занимается его перевоспитаніемъ, съ помощью своего друга, мнимаго г. Кассіана (графа Радіона).

Въ распоряженіи Аристіона превосходная библіотека; г. Кассіанъ ведетъ съ нимъ длинныя поучительныя бесѣды; изъ города выписаны „ученые мужи“, которые обучаютъ его философіи, исторіи и другимъ премудростямъ. Аристіонъ незамѣтно привыкаетъ къ правильному образу жизни и настолько преуспѣваетъ въ наукахъ и добродѣтели, что мудрые воспитатели находятъ возможнымъ познакомить его съ прекрасной Людмилой, заранѣе приготовленной для него невѣстой, на которой онъ женится въ концѣ повѣсти. Людмила, въ довершеніе мистификаціи, является воспитанницей мнимой помѣщицы Зинаиды (матери Аристіона).

Въ настоящее время повѣсть „Аристіонъ или перевоспитаніе“ читается съ трудомъ, какъ всѣ сочиненія Нарѣжнаго, тѣмъ болѣе, что завязка разсказа совсѣмъ неправдоподобная. Нельзя предположить, чтобы Аристіонъ, искусившійся въ развлеченіяхъ столицы, пріѣхавъ на родину въ зрѣлыхъ лѣтахъ, такъ легко поддался незамысловатой мистификаціи, придуманной для его исправленія, и не открылъ ее до тѣхъ поръ, пока главныя дѣйствующія лица комедіи не нашли нужнымъ прекратить ее. Между тѣмъ авторъ изображаетъ своего героя человѣкомъ способнымъ, которому легко даются всякія науки, и вслѣдствіе этой несообразности весь разсказъ является крайне искусственнымъ и натянутымъ.

Но и въ Аристіонѣ встрѣчаются мѣста, заслуживающія особеннаго вниманія, какъ, напримѣръ, страницы 138 и слѣд., гдѣ г. Кассіанъ вмѣстѣ съ Аристіономъ посѣщаютъ сосѣднихъ помѣщиковъ

съ цѣлью назиданія. Передъ читателемъ, какъ и въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя, хотя еще въ грубомъ необработанномъ видѣ, выступаютъ самобытные типы или, вѣрнѣе, смѣло очерченные наброски типовъ тогдашнихъ помѣщиковъ съ ихъ семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками: пана Сильвестра, страстнаго охотника, пана Парамона, проводящаго дни въ пьяномъ разгулѣ, и, наконецъ, пана Тараха, который, по замѣчанію историка В. И. Семевскаго, представляетъ собою „первообразъ Плюшкина“ (41).

Дѣйствительно, украинскій помѣщикъ Тарахъ и его жена, выведенные Нарѣжнымъ въ повѣсти Аристіонъ, во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ безсмертный Гоголевскій типъ скупца. Мы видимъ здѣсь то-же неразборчивое накопленіе имущества, ставшее преобладающею страстью и единственною цѣлью жизни, передъ которой умолкаютъ всѣ нравственныя стремленія и даже животные инстинкты. Панъ Тарахъ и его жена, обирая крестьянъ для собственнаго обогащенія, въ то-же время обрекаютъ самихъ себя на жизнь, исполненную лишеній, въ противоположность болѣе распространенному и болѣе мелкому типу скупцовъ, скаредныхъ только по отношенію къ другимъ, а не къ себѣ. Наконецъ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, „но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою“.

XVI.

Два года спустя послѣ „Аристіона“, а именно въ 1824 г., появились въ трехъ частяхъ „Новыя повѣсти“ В. Нарѣжнаго, съ слѣдующимъ краткимъ посвященіемъ К. Я. Командеръ:

„Сколько родственная между мною и вами связь, столько или болѣе отличное превосходство вашего нрава и неизмѣняемая никакими превратными случаями доброта сердца побуждаютъ меня посвятить вашему имени вновь написанныя мною повѣсти“ и пр.

„Августа 1-го дня, 1823 года“.

Изъ шести такъ называемыхъ „Новыхъ повѣстей“ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣсть Марія, единственное изъ сочиненій В. Нарѣжнаго, которое можетъ быть отнесено къ сентиментальнымъ произведеніямъ нашей романической литературы, съ неизбѣжными титулованными особами, насильственной разлукой влюбленныхъ, сумашествіемъ и смертью отъ любви и пр.

Однако, несмотря на безусловно подражательную форму, повѣсть Нарѣжнаго „Марія“ является болѣе законченной и, во многихъ отношеніяхъ, выше всего, что намъ приходилось читать въ этомъ родѣ изъ старыхъ романовъ и повѣстей. Мы не встрѣчаемъ здѣсь обычнаго безпочвеннаго разсказа, такъ какъ авторъ, на ряду съ изображеніемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, рисуетъ окружавшую ихъ обстановку богатаго помѣщичьяго дома стараго времени, а также ихъ отношенія къ слугамъ, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, сочинители сентиментальныхъ повѣстей, говоря объ усадьбахъ, считаютъ лишнимъ не только упоминать о крестьянахъ, но и домашней прислугѣ. Кромѣ того, въ повѣсти Нарѣжнаго „Марія“ вмѣсто ходульныхъ мелодраматическихъ героевъ выведены вполнѣ реальные типы, съ опредѣленной физіономіей и характерами, какъ, напримѣръ: стараго добродушнаго графа, свободомыслящаго швейцарца аббата Бертольда, исполнявшаго въ домѣ роль воспитателя графскихъ дѣтей, а, также, высокомѣрной графини, гордой своимъ происхожденіемъ и знатностью, которая, ради сословныхъ предразсудковъ, готова пожертвовать счастьемъ дѣтей. Она случайно узнаетъ о любви своего сына къ Маріи, дочери управляющаго, воспитанной вмѣстѣ съ ея собственною дочерью; приказываетъ по этому поводу позвать къ себѣ мужа и воспитателя Бертольда и, съ гнѣвомъ, объявляетъ имъ о своемъ рѣшеніи выдать Марію за своего крѣпостнаго камердинера.

Эта сцена несомнѣнно принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ повѣсти. Не менѣе характеренъ и остальной разсказъ старика управляющаго, повѣствующаго, случайно, заѣхавшему путешественнику, печальную исторію любви своей дочери Маріи. Разсказъ этотъ особенно производитъ впечатлѣніе простымъ безъискусственнымъ тономъ. Управляющій, бывшій графскій крѣпостной, безропотно покоряется своей судьбѣ и не винитъ господъ въ постигшемъ его несчастіи, въ которомъ онъ самъ является совершенно пассивнымъ лицомъ. Если онъ рѣшился въ разговорѣ съ помѣщикомъ высказать свое мнѣніе противъ брака, грозящаго дочери, то вслѣдъ затѣмъ, со слезами благодарности, выслушиваетъ данное ему приказаніе уѣхать вмѣстѣ съ семействомъ въ самое дальнее изъ графскихъ украинскихъ помѣстій, хотя, отъ этой ссылки, у преданнаго слуги единственная дочь сходитъ съ ума отъ горя и умираетъ любимая жена.

Разсказомъ управляющаго кончается первая и наибольшая часть повѣсти: „Марія“. Вторая часть, начиная съ 40 стр. (см. изд. Соч. В. Нарѣжнаго, 1835—1836 гг.) далеко не представляетъ ни тѣхъ

достоинствъ, ни той цѣльности, такъ какъ авторъ, видимо, поддѣлывается подъ тонъ сентиментальныхъ произведеній нашей подражательной литературы, впадаетъ въ преувеличеніе и рисуетъ неестественныя сцены и положенія. Хотя здѣсь, какъ и въ первой части, разсказъ ведется отъ лица стараго управляющаго, но въ немъ уже слышатся фальшивыя ноты напускнаго паѳоса, при описаніи безутѣшнаго горя молодаго графа.

Въ теченіи трехлѣтняго пребыванія за границей, молодой графъ не перестаетъ тосковать въ разлукѣ съ Маріей. Наконецъ, онъ узнаетъ о смерти матери и, съ разрѣшенія отца, спѣшитъ къ своей возлюбленной въ далекое украинское помѣстье; но пріѣзжаетъ въ моментъ погребенія Маріи и падаетъ безъ чувствъ. Обморокъ и здѣсь, какъ во многихъ сентиментальныхъ повѣстяхъ начала XIX вѣка, настолько продолжителенъ, что отецъ Маріи успѣваетъ похоронить ее и поставить у ея могилы деревянный крестъ. Но это не останавливаетъ влюбленнаго графа, который велитъ приготовить два великолѣпныхъ гроба въ деревянной бесѣдкѣ и въ одинъ изъ нихъ положить вырытый изъ земли прахъ Маріи, а другой оставляетъ для себя. Съ наступленіемъ весны, вмѣсто бесѣдки, построена каменная церковь и въ нее перенесены оба гроба. Проходятъ годы послѣ смерти Маріи, но ничто не можетъ утѣшить молодаго графа, ни разсѣять его горести. Онъ ведетъ уединенную жизнь, рѣдко кого допускаетъ къ себѣ и то по необходимости; но такая жизнь не мѣшаетъ ему быть благодѣтелемъ не только крестьянъ, ему принадлежащихъ, но и посторонних. „Всѣ благословляютъ его, добавляетъ авторъ, всѣ хвалятся своимъ счастьемъ; одинъ онъ носитъ въ груди своей корень злополучія, который не прежде изсохнетъ, какъ во взорахъ страдальца потухнетъ послѣдняя искра жизни...“ (стр. 62).

Такимъ образомъ, въ повѣсти „Марія“, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ В. Нарѣжнаго, подражательный элементъ идетъ объ руку съ самобытнымъ; и на этотъ разъ съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдняго, чего нельзя сказать о слѣдующей небольшой повѣсти „Турецкій судъ“, которая является подражательною отъ начала до конца. Она принадлежитъ къ извѣстному роду переводныхъ и подражательныхъ произведеній, заимствованныхъ изъ западной литературы и обозначаемыхъ общимъ названіемъ „восточныхъ повѣстей“, гдѣ сочинители съ нравоучительною цѣлью изображали добродѣтели отдаленныхъ народовъ. Соотвѣтственно съ этимъ и въ повѣсти „Турецкій судъ“ приведенъ примѣръ неподкупнаго турецкаго правосудія, въ лицѣ Ибрагима-паши, посланнаго турецкимъ султаномъ въ Каиръ по жалобѣ жителей на Ассана-

пашу. Но и здѣсь Нарѣжный, подобно большинству сочинителей „восточныхъ повѣстей", выказываетъ полное незнакомство съ нравами и обычаями жителей описываемой страны; и строитъ фабулу своей повѣсти на случайныхъ свѣденіяхъ, вычитанныхъ имъ изъ книгъ.

На ряду съ повѣстью „Турецкій судъ", въ собраніи „Новыхъ повѣстей" 1824 года, помѣщено не менѣе слабое, хотя, повидимому, до извѣстной степени, самобытное произведеніе В. Нарѣжнаго, а именно „Невѣста подъ замкомъ". Это не болѣе, какъ фарсъ въ драматической формѣ, довольно неправдоподобный и лишенный всякаго остроумія, въ которомъ выставлены на смѣхъ недогадливость и резонерство нѣмцевъ. Старый ювелиръ Рупертъ держитъ взаперти, живущую у него, молодую племянницу, Розину, такъ какъ хочетъ жениться на ней и присвоить себѣ тридцать тысячъ приданаго, оставленнаго ей покойнымъ отцомъ. Такіе же виды на Розину имѣетъ сосѣдъ ювелира, старый докторъ Аффенбергъ, выгодно продавшій свою первую жену какому-то богачу. Но Розина влюблена въ бѣднаго молодаго чиновника Милона, который уговариваетъ ее бѣжать съ нимъ и захватить часть сокровищъ стараго ювелира, въ счетъ задержанныхъ имъ тридцати тысячъ, что удается влюбленнымъ, съ помощью самой невѣроятной мистификаціи. Оба нѣмца, видя себя кругомъ одураченными, утѣшаютъ себя длинными разсужденіями и тяжеловѣсными остротами.

XVII.

Остальныя три повѣсти, напечатанныя въ упомянутомъ сборникѣ повѣстей 1824 года, а именно Богатый бѣднякъ, Запорожецъ и Заморскій принцъ, принадлежатъ къ нравоописательнымъ и историческимъ сочиненіямъ В. Нарѣжнаго, гдѣ, какъ и въ „Россійскомъ Жилблазѣ", онъ изображаетъ русскіе нравы и русскихъ людей, съ окружающей ихъ обстановкой; и въ этомъ отношеніи является вполнѣ самобытнымъ. Но и здѣсь, онъ придерживается замысловатой завязки старыхъ „романовъ съ приключеніями", на которыхъ воспитался въ молодости. Между тѣмъ, запутанныя похожденія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыми авторъ думалъ придать интересъ своему разсказу, производятъ непріятное впечатлѣніе на нынѣшняго читателя, который изъ-за нихъ готовъ игнорировать талантливыя сцены и описанія и прекрасно очерченные типы.

Такое впечатлѣніе оставляетъ и талантливая бытовая повѣсть

В. Нарѣжнаго, „Богатый бѣднякъ“, которая, если мы не ошибаемся, имѣетъ, сверхъ того, автобіографическое значеніе. Повѣсть начинается съ краткаго описанія вечера, въ недалекомъ разстояніи отъ Полтавы; вдали раздается ревъ усталыхъ подъ ярмомъ воловъ и блеяніе овецъ, идущихъ съ паствы. Изъ пятилѣтняго похода возвращается молодой эсаулъ Ипполитъ, по прозванію Голякъ, сынъ бѣднаго шляхтича; товарищи его разбрелись по домамъ; ему одному негдѣ преклонить голову, такъ какъ его родная хата запустѣла, и „много понадобилось бы иждивенія, чтобы сдѣлать ее похожей на жилище человѣческое: а у него въ карманахъ было пусто!“

Ипполитъ пускаетъ коня на траву; и рѣшается провести ночь подъ открытымъ небомъ. Передъ нимъ знакомая, но не забытая картина: вдали виднѣются села сосѣднихъ помѣщиковъ; справа стоитъ его заброшенная родовая хата, изъ которой, пользуясь наступающей темнотой, стали показываться кучи нетопырей. „Она заросла высокимъ бурьяномъ, окна выбиты градомъ и соломенная крыша снесена вѣтрами“..

Тутъ жилъ его отецъ, самый бѣдный шляхтичъ въ округѣ. Онъ имѣлъ во владѣніи небольшой участокъ земли и небольшую хату, въ которой помѣщался съ женой, сыномъ Ипполитомъ, дочерью Мариной, работникомъ и работницей. Шляхтичъ не лѣнился самъ ходить за плугомъ, жать и молотить хлѣбъ и косить сѣно. Отъ этихъ занятій никто изъ домашнихъ уволенъ не былъ. Однако Ипполитъ, съ самаго отрочества, охотнѣе ходилъ въ школу, въ ближнее село къ дьячку Сидору, чѣмъ въ поле или лѣсъ... Едва исполнилось ему двадцать лѣтъ, какъ „постигли его бѣдствія не мечтательныя“: въ короткое время лишился онъ отца и матери; сестра его Марина, избавившись ига родительскаго, склонилась на ласки проѣзжаго шинкаря, обвѣнчалась съ нимъ тайно и бѣжала [1]), работники бросили опустѣвшую хату, „Ипполитъ остался одинъ во всей природѣ и вся природа показалась ему безплодною пустынею“...

Совпаденіе приведенныхъ здѣсь подробностей съ данными о дѣтствѣ и семьѣ В. Нарѣжнаго приводятъ насъ къ догадкѣ, что, быть можетъ, авторъ, въ лицѣ Ипполита Голяка, до извѣстной степени, изобразилъ самого себя. На двадцатомъ году жизни, какъ было сказано выше, В. Нарѣжный, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ,

---

[1]) О подобномъ романическомъ бракѣ своей тетки Нарѣжной (сестры писателя) разсказывалъ сынъ Т. Нарѣжнаго однимъ знакомымъ въ Полтавѣ, гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ, занималъ должность воспитателя при Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Н. В.

вѣроятно семейныхъ, обстоятельствъ, вышелъ, до окончанія курса изъ московскаго университета, несмотря на успѣшныя занятія; и поступилъ на службу. Если причина заключалась въ смерти родителей, то по прошествіи извѣстнаго времени, при посѣщеніи родины, на обратномъ пути изъ Кавказа, лѣтомъ 1803 года, Нарѣжный могъ застать такое-же запустѣніе роднаго гнѣзда. Небольшое хозяйство и хата, поддерживаемые трудами владѣльца, должны были неизбѣжно прійти въ упадокъ съ его смертью и быть оставлены работниками. При этихъ условіяхъ, такая же печальная судьба, какъ судьба Марины, (въ упомянутой повѣсти), могла постигнуть одинокую осиротѣлую дѣвушку, сестру В. Нарѣжнаго, въ отсутствіе брата, съ которымъ она не видѣлась нѣсколько лѣтъ.

Возможно также, что раззореніе родоваго гнѣзда было, отчасти, причиной, что В. Нарѣжный, во время многолѣтней службы въ Петербургѣ, ни разу не отлучался въ отпускъ, и умеръ вдали отъ родины, несмотря на разстроенное здоровье. Во всякомъ случаѣ, представленная имъ печальная несложная картина, — гдѣ трагизмъ заключается въ самомъ положеніи бѣдняка, поставленнаго въ извѣстныя условія, — едва-ли создана силою одного воображенія; а, въ виду указаннаго нами совпаденія подробностей, приведенныхъ въ повѣсти, съ обстоятельствами изъ жизни автора, скорѣе можно допустить, что нѣчто подобное было пережито имъ самимъ. Безъискусственная простота разсказа отчасти подтверждаетъ эту догадку, такъ какъ авторъ, противъ обычая сочинителей въ подобныхъ случаяхъ, даже не считаетъ нужнымъ описывать то, что думалъ и чувствовалъ бездомный эсаулъ Голякъ, сидя одинъ, подъ открытымъ небомъ, въ виду наступающей ночи, за которой долженъ былъ слѣдовать такой же нерадостный для него день.

Въ этомъ положеніи застаетъ героя повѣсти его бывшій пріятель Вириландъ, растолстѣвшій до неузнаваемости, который навеселѣ возвращается домой въ сопровожденіи слугъ. Слѣдуетъ объясненіе, послѣ котораго Вириландъ приглашаетъ Голяка къ себѣ, поитъ и кормитъ его и, въ память ихъ прежней дружбы, оказываетъ ему самое радушное гостепріимство.

Типъ добродушнаго и плутоватаго Вириланда, не особенно разборчиваго на средства, а равно и его отношенія къ окружающимъ вполнѣ реально очерчены авторомъ. Особенно характеренъ, въ этомъ отношеніи, разсказъ самого Вириланда о своемъ постепенномъ обогащеніи; наскучивъ долгой нищетой, онъ, наконецъ, взялся за умъ, сталъ какъ можно чаще являться съ поклонами къ сосѣднимъ помѣщикамъ, разыгрывать передъ ними роль шута, „дозволялъ пускать себѣ въ глаза табачный дымъ, мять чубъ и ерошить усы“, и за

это, въ короткое время, получилъ отъ одного пана нарядное платье, а отъ другаго пару воловъ. Затѣмъ, „когда онъ увидѣлъ, что отрава лести, угожденія и униженія сильно подѣйствовали на сердца и души милостивцевъ", то, при удобномъ случаѣ, началъ самъ выпрашивать у нихъ подачки.... и, продолжая усердно прислуживать панамъ, купилъ себѣ хуторъ и пр.

Такимъ-же практичнымъ является Вириландъ и въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ молодымъ есауломъ, который на его вопросъ: много-ли онъ привезъ добра изъ бусурманщины?—простодушно отвѣтилъ, что у него ничего нѣтъ кромѣ двухъ крестиковъ съ Аѳонской горы и другихъ рѣдкостей, подаренныхъ монахомъ. Вириландъ былъ настолько озадаченъ, что нѣкоторое время молча смотрѣлъ на своего гостя, затѣмъ разразился неудержимымъ хохотомъ и, съ тяжелымъ вздохомъ, замѣтилъ ему, что „въ Малороссіи народъ началъ развращаться, такъ что и самый страстной охотникъ до рѣдкостей, а притомъ самой богатой и щедрой за всѣ твои диковинныя вещи и съ сумкою едва-ли дастъ болѣе одного злотаго"...

Что же касается собственно романической завязки повѣсти, то, несмотря на общій чисто реальный характеръ разсказа, о которомъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами выдержки, она является настолько же слабой, какъ и во многихъ сочиненіяхъ В. Нарѣжнаго.

Въ слѣдующей повѣсти—„Запорожецъ" В. Нарѣжный выступаетъ на путь историческаго романа и начинаетъ разсказъ съ прекрасной, вполнѣ реальной, картины Запорожской сѣчи:

На площади передъ храмомъ угодника Николая собралась толпа въ ожиданіи запорожскаго войска, которое возвращается изъ похода съ побѣдой и богатой добычей. Наконецъ, въ полѣ поднимается пыль высокая, еще одно мгновеніе—и всѣ увидѣли развѣвающуюся въ воздухѣ хоругвь запорожскую. Но вскорѣ радость смѣняется общимъ унынiемъ при видѣ храбраго атамана тяжело раненаго, который едва держится на конѣ, поддерживаемый казаками. Атаманъ говоритъ рѣчь народу и велитъ положить себя у вратъ церковныхъ, чтобы услышать,—быть можетъ въ послѣдній разъ,—слово Божіе и помолиться объ отпущеніи грѣховъ своихъ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе торжественнаго молебствія, по окоечаніи котораго снамя запорожское внесено въ церковь, и всѣ распущены по куренямъ. Ослабѣвшаго атамана уносятъ въ его домъ, гдѣ уже дожидалъ его врачъ извѣстный во всемъ Запорожьѣ, „гдѣ каждый больной лечился, какъ зналъ..." (стр. 74—79, изд. 1835—1836 гг.).

Не менѣе рельефной картиной авторъ кончаетъ свою повѣсть. Заслуженный, оправившійся отъ ранъ, атаманъ обращается съ прощальною рѣчью къ собравшимся запорожцамъ и проситъ, какъ милости, дозволенія сложить съ себя почетное званіе. Долго длится

общее молчаніе и, только по слову священника, запорожцы соглашаются отпустить своего атамана, который приглашаетъ всѣхъ куренныхъ атамановъ и все войсковое начальство къ себѣ на обѣдъ, а для простыхъ казаковъ въ каждый курень ставитъ по бочкѣ вина.

Затѣмъ, на стр. 184—185, авторъ представляетъ краткій строго историческій очеркъ описываемой имъ Запорожской сѣчи:

Указанныя здѣсь мѣста повѣсти Запорожецъ, въ сравненіи съ прежними попытками русскаго историческаго романа (см. „Р. С.“, 1888 г., августъ, 249—257), ясно показываютъ, насколько В. Нарѣжный опередилъ своихъ предшественниковъ, не исключая и Карамзина, со стороны вѣрнаго пониманія задачи историческаго романиста, такъ что, въ этомъ отношеніи, его произведеніе до сихъ поръ не утратило своего значенія и не можетъ считаться отсталымъ. Если „Запорожецъ“ прошелъ незамѣченнымъ въ нашей литературѣ, то это объясняется тѣмъ, что авторъ, подъ видомъ разсказа стараго атамана о своей прошлой жизни, вставилъ въ рамки русской исторической повѣсти совершенно чуждое ей и едва ли не переводное сочиненіе какого-то иностраннаго романиста, исполненное эффектовъ, чѣмъ окончательно нарушенъ общій характеръ повѣсти.

XIX.

Шестая и послѣдняя повѣсть, напечатанная въ числѣ такъ наз. „Новыхъ повѣстей“ В. Нарѣжнаго, а именно Заморскій принцъ, написана въ драматической формѣ и, скорѣе. можетъ быть названа комедіей, чѣмъ повѣстью [1]). Она принадлежитъ къ наиболѣе самобытнымъ произведеніямъ Нарѣжнаго и, несмотря на нелѣпость сюжета съ нынѣшней точки зрѣнія, многословіе и слабыя мѣста, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ со стороны рельефно набросанныхъ характеровъ, такъ комизма положеній и живости дѣйствія:

Панъ Златницкій, богатый малороссійскій помѣщикъ, кичится своими предками, изъ которыхъ многіе были гетманами; онъ выставилъ ихъ портреты въ особой комнатѣ, которую назвалъ „завѣтной палатой“, и никому не позволяетъ вступать въ нее, безъ особеннаго

---

[1]) Комедія эта передѣлана авторомъ изъ его собственной „вставной“ повѣсти Заморскій принцъ, помѣщенной въ четвертой неизданной части „Россійскаго Жилблаза“. Н. В.

дозволенія. Онъ настолько проникнутъ своимъ достоинствомъ, что, получивъ отъ губернатора письменный выговоръ за безцеремонное обращеніе съ крестьянскою собственностью на охотѣ, приходитъ въ негодованіе и считаетъ это „неслыханною дерзостью“ относительно себя, потомка гетмановъ.

У пана Златницкаго живетъ племянница Наталья, за которую сватается сынъ сосѣда, капитанъ Алексѣй Прилуцкій; но потомокъ гетмановъ объявляетъ, что не иначе выдастъ племянницу, какъ за принца или, по крайней мѣрѣ, за князя. Въ виду такого рѣшенія, отверженный женихъ выдаетъ себя за заморскаго принца, но самъ не показывается, а черезъ посла сватаетъ Наталью. Панъ Златницкій, польщенный такою честью, съ гордостью объясняетъ своему сосѣду, отставному маіору Прилуцкому, отцу Алексѣя, что вѣсть объ его рѣшеніи выдать племянницу за принца или князя разнеслась въ иностранныхъ земляхъ и Богъ послалъ ей достойнаго жениха.

Во второмъ дѣйствіи представленъ съѣздъ свадебныхъ гостей. Посолъ принца, отъ имени своего повелителя, проситъ пана Златницкаго отпустить Наталью въ церковь, для сочетанія бракомъ съ свѣтлѣйшимъ принцемъ. Златницкій нѣсколько разъ пытается отвѣчать, но безуспѣшно.

1-й гость. (Судья). Возможно-ли? Какая честь!

2-й гость. (Городничій). Оть роду подобнаго не видывалъ, да и во снѣ не грезилось.

3-й гость. (Исправникъ). Не въ коня кормъ! не по нашему,—слова сказать не умѣетъ...

Наконецъ, маіоръ Прилуцкій выручаетъ сосѣда и вступаетъ въ бесѣду съ посломъ, который въ хвастовствѣ не уступаетъ Хлестакову въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“ и разсказываетъ всякія небылицы о богатствѣ и могуществѣ Заморскаго принца. Гости съ умиленіемъ слушаютъ его. Панъ Златницкій велитъ призвать племянницу, послѣ чего всѣ удаляются въ церковь, кромѣ самого хозяина и маіора Прилуцкаго.

Третье дѣйствіе начинается монологомъ дворецкаго, который бранитъ своего господина, пана Златницкаго, за его затѣи и пророчитъ, что отъ свадьбы Натальи съ Заморскимъ принцемъ нечего ждать добра. Входятъ: судья, городничій и исправникъ. Дворецкій, таинственно объявляетъ имъ, что Заморскій принцъ большой колдунъ и чародѣй и что въ церкви онъ, въ виду народа христіанскаго, началъ оборачиваться. Слушатели поражены неожиданною

новостью. Судья и городничій обращаются къ исправнику, такъ какъ дѣло происходитъ въ уѣздѣ.

Исправникъ (*весело*)... Когда такъ, то мы, по силѣ данной намъ инструкціи, знаемъ какъ поступить, въ такомъ казусномъ случаѣ.

Городничій. Крайне жаль, что это произошло въ уѣздѣ, а не въ городѣ! Право, и я не новичекъ въ своемъ дѣлѣ, и—самаго злаго оборотня умѣлъ бы такъ вывороти́ть, что вся правда высыпалась бы изъ кармановъ. Жаль, истинно жаль!...

Исправникъ. Мы и сами ѣзжали и учиться ни у кого не станемъ! Слава тебѣ, Господи!

Судья. Все же безъ меня не обойдется дѣло. Вы не больше, какъ слѣдователи, я же по благости Господней—судья...

Дворецкій. Милосердые господа! Вы забыли, что не съ нами грѣшными будете имѣть дѣло. Представьте, вѣдь вы должны будете ратовать съ принцемъ, у котораго одна свита можетъ всю эту деревню поставить вверхъ дномъ, хотя бы онъ самъ и не былъ чародѣемъ.

Городничій. И впрямь! Мы о свитѣ его совсѣмъ не подумали...

Судья. Ты, другъ мой, насъ пугаешь. Почему тебѣ знать, что принцъ съ самомъ дѣлѣ колдунъ?

Городничій. И подлинно, не пустяки ли?

Исправникъ. Это совершенный вздоръ...

(*Входитъ панъ Златницкій съ маіоромъ Прилуцкимъ*).

Златницкій. Что, дорогіе гости? Весело-ли проводите время, въ ожиданіи молодыхъ? Нѣтъ-ли отъ нихъ верховаго впередъ?

Судья... Позволь, любезный сосѣдъ, рекомендоваться тебѣ снова. Буде ты замолвишь у племянника своего за насъ словечко, то мы пресчастливые люди, мы,—т. е. я, судья, городничій и исправникъ.

Златницкій. Надѣйтесь на меня, какъ на сосѣда и пріятеля. Все, все, что только могу, готовъ сдѣлать въ вашу пользу. А въ чемъ дѣло?

Судья. Прежде дай обнять себя и нижайше поздравить. (*Обнимаетъ его*).

Городничій. Съ полною властью! (*Обнимаетъ*).

Исправникъ. Съ полною властью! (*Обнимаетъ*).

Златницкій. Господа! Бога ради, уймитесь! Помилуйте, что съ вами сдѣлалось! (*Онъ бѣгаетъ вдоль и поперегъ горницы; они его преслѣдуютъ кто кланяясь, кто норовясь обнять его*). Съ чѣмъ вы меня поздравляете! Вамъ уже извѣстно все и вы меня поздравляли. Что еще за новость?...

Судья. Ахъ, Боже мой! Такъ ты ничего больше не знаешь? Возможно-ли! Совсѣмъ ничего?...

(*Всѣ трое трое устремаются къ нему съ распростертыми объятіями. Устрашенный Златницкій отступаетъ, отмахиваясь чубукомъ*).

Прилуцкій (*становится между ними*). Клянусь честью маіорскою, не позволю душить моего сосѣда... Говорите, господа, свои новости, хотя всѣ трое вмѣстѣ; я буду отвѣчать за сосѣда; видите, онъ едва дышитъ.

Судья. Изволь! Какъ ты думаешь, кто теперешній мужъ его племянницы?

Прилуцкій. Что за вопросъ? Безъ сомнѣнія, принцъ Заморскій!

Городничій. Вотъ то-то!

Судья. Не мѣшайтесь, господа, до времени; вѣдь я еще не смѣшался.— Ну, панъ Прилуцкій, такъ только что принцъ?

Прилуцкій. Чего жъ тебѣ больше?

Судья. То-то и штука, что мы кое-что и больше знаемъ! Этотъ принцъ мало того, что принцъ Заморскій; но онъ сверхъ того — слушайте внятнѣе — великій колдунъ!

Городничій. Чародѣй!

Исправникъ. Оборотень!

(*Прилуцкій и Златницкій пятятся назадъ. Молчаніе*).

Судья. Что теперь скажете?...

Прилуцкій. Что за бѣсовщина. Не даромъ когда я садился на коня, для поѣздки сюда, двѣ проклятыя вороны страшно каркали надъ моей головой. Тогда-же подумалъ я, что это не даровое...

Входитъ толпа гостей мужчинъ и женщинъ; затѣмъ является посолъ принцевъ и объявляетъ, что обрядъ бракосочетанія конченъ, и что молодые скоро прибудутъ. (Слышны выстрѣлы и удары роговъ).

Прилуцкій (*тихо*). Сколько я ни храбръ, а долженъ сознаться, что лучше бы сдѣлалъ, еслибъ теперь сидѣлъ въ своемъ хуторѣ. Кто-же зналъ, что въ этомъ христіанскомъ домѣ встрѣчу принца, а притомъ колдуна и оборотня.

Златницкій (*со вздохомъ*). Панъ Прилуцкій! Не оставь сосѣда своего и друга въ эту рѣшительную минуту! Гдѣ бы мнѣ приличнѣе стать? — здѣсь? а? или здѣсь? — Ну, сказывай...

Наконецъ, новобрачные возвращаются изъ церкви; панъ Златницкій пораженъ не менѣе гостей, узнавъ въ особѣ Заморскаго принца отверженнаго жениха Натальи, Алексѣя Прилуцкаго. Хотя потомокъ гетмановъ глубоко возмущенъ бракомъ племянницы и объявляетъ, что „ему надобно умереть отъ стыда“, но тѣмъ не менѣе, уступая убѣжденіямъ маіора Прилуцкаго и остальныхъ гостей, заключаетъ новобрачныхъ въ свои объятія.

При чтеніи этихъ, наиболѣе характерныхъ, выдержекъ изъ первобытной комедіи В. Нарѣжнаго „Заморскій принцъ“, нельзя не замѣтить, что она нѣсколько напоминаетъ Гоголевскаго „Ревизора“. Мы не беремся точно опредѣлить, въ чемъ именно заключается сходство, хотя оно частью проглядываетъ въ общемъ ходѣ піесы, отчасти въ отдѣльныхъ, преимущественно внѣшнихъ, чертахъ. Неизвѣстно, было-ли это дѣло простой случайности или Гоголь, въ данномъ случаѣ, находился подъ впечатлѣніемъ вышеприведенной комедіи, такъ какъ онъ могъ читать ее въ ранней юности, вмѣстѣ съ другими сочиненіями В. Нарѣжнаго, еще довольно распространенными въ то время и которыя, вѣроятно, находились въ богатой библіотекѣ Д. П. Трощинскаго, (бывшей въ полномъ распоряженіи молодаго Гоголя). Такое вліяніе предшествующихъ писателей на ихъ преемниковъ—давно признано въ литературѣ. Въ области романа и драмы, какъ и во всякой другой области литературы, творчество, ни въ какомъ случаѣ, не является безпочвеннымъ, а представляетъ результатъ читаннаго, слышаннаго, видѣннаго и прочувствованнаго. Степень самобытности зависитъ отъ силы

таланта, который или ограничивается болѣе или менѣе фотографическимъ воспроизведеніемъ; или-же проявляется въ видѣ самобытнаго творчества, доведеннаго до высокой степени законченности и совершенства, какое мы видимъ въ произведеніяхъ Гоголя.

Въ настоящее время, сравненіе наивной комедіи Нарѣжнаго „Заморскій принцъ“ съ „Ревизоромъ“ Гоголя едва-ли возможно, равно какъ и нынѣшнія требованія критики не могутъ въ одинаковой мѣрѣ примѣняться къ обоимъ писателямъ. О сочиненіяхъ Нарѣжнаго мы можемъ судить только въ связи съ предшествующей, а не послѣдующей литературой, уже достигшей извѣстной степени развитія; и при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду крайне невыгодныхъ и, такъ сказать, исключительныхъ условій его писательской дѣятельности.

Гоголь, который и самъ по себѣ, какъ художникъ, былъ неизмѣримо выше Нарѣжнаго, выступилъ, со своими первыми юношескими произведеніями, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ пору полнаго разцвѣта русской литературы, готовой формы, выработаннаго слога; и сразу попалъ въ кругъ первоклассныхъ писателей и образованнѣйшихъ людей того времени, которые были непосредственными критиками и цѣнителями его сочиненій. Не подлежитъ сомнѣнію, что они, въ значительной мѣрѣ, способствовали послѣдовательному развитію таланта Гоголя и даже, быть можетъ, отчасти той, почти болѣзненной, добросовѣстности, съ какой онъ относился къ задачамъ своей литературной дѣятельности и произведеніямъ своего пера. Между тѣмъ, Нарѣжный, по выходѣ изъ московскаго университета, очутился въ чуждой для него чиновничьей сферѣ, вдали отъ остальнаго литературнаго міра, внѣ всякаго, а тѣмъ болѣе благотворнаго, вліянія. Вслѣдствіе этого, онъ остался одинокимъ въ литературѣ, со всѣми хорошими и слабыми сторонами самоучекъ, которыя видны въ недостаточной отдѣлкѣ его романовъ и повѣстей, подчасъ, въ отсутствіи художественности и чувства мѣры, въ извѣстной грубости выраженій и даже цинизмѣ. Если Нарѣжный, въ послѣдніе годы своей жизни, — какъ мы узнаемъ изъ краткой біографіи, составленной его сыномъ (442) „любилъ читать вслухъ свои произведенія“, то читалъ ихъ въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей, такихъ-же чиновниковъ, какимъ онъ былъ много лѣтъ, въ силу необходимости, и, которые могли быть довольно плохими судьями въ литературномъ дѣлѣ. При этихъ условіяхъ, произведенія Нарѣжнаго должны были неизбѣжно явиться передъ публикой въ сыромъ, необработанномъ видѣ, со всѣми ихъ недостатками, а произведенія Гоголя,—въ такой-же мѣрѣ художественными и законченными.

Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ Гоголю и Нарѣжному, какъ намъ кажется, едва-ли можетъ быть прямо поднятъ вопросъ о подражаніи и заимствованіи, а скорѣе—слѣдуетъ признать бо́льшую или меньшую степень вліянія отжившаго писателя на его непосредственнаго преемника, въ извѣстномъ родѣ литературы. Этого вліянія нельзя поставить въ упрекъ Гоголю, такъ какъ оно не касается ни его самобытнаго творчества, ни значенія, признаннаго за нимъ въ русской литературѣ. Такое вліяніе двухъ другихъ сочиненій Нарѣжнаго, а именно „Запорожца“ и „Бурсака“ отразилось на „малороссійскихъ“ бытовыхъ и историчессихъ повѣстяхъ Гоголя, равно какъ устарѣвшій романъ „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“, помимо содержанія, напоминаетъ въ извѣстныхъ сценахъ и описаніяхъ гоголевскую „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Н. А. Бѣловерская.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Примѣчанія.

21) „Исторія министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ Н. Варадинова. Спб., 1858 г., ч. I, стр. 22—69 и 104—187.

22) „Димитрій Самозванецъ“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Нарѣжнаго, соч. въ 1800 г., напечатана въ Москвѣ 1804 г.—Второе изданіе вышло въ Москвѣ въ 1830 году.

23) „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семъ сборникѣ“. Спб., 1812 г., изд. Н. Гречъ.

24) П. С. З., т. XXIX, 22,208.

25) В. И. Семевскій. „Волненія горнозаводскихъ крестьянъ 1760 — 1764 гг.“, „Вѣстникъ Европы“, 1877 г., №№ 1 и 2.

26) „Высочайше утвержденные доклады и др. свѣдѣнія о новомъ образованіи Горнаго начальства и управленія горныхъ заводовъ“, ч. I: Историческое описаніе горныхъ дѣлъ въ Россіи, съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до нынѣшнихъ. Спб., 1807 г., стр. 155—157.

27) „Мѣсяцесловъ“ (адресъ-календарь), съ росписью чиновныхъ особъ или общій штатъ Россійской имперіи, на лѣто отъ Р. Х.“ 1811—1813 гг.

28) Воспоминанія В. И. Панаева. См. „Вѣстникъ Европы“ 1867 года, сентябрь и декабрь, стр. 123—124.

29) a) И. Сѣряковъ: „Походъ Игоря противъ половцевъ“, Спб., 1803 г. Стихотворное переложеніе. — b) А. Палицынъ: „Игорь, героическая повѣсть“. Съ древней славянской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, перелож. стихами, Харьковъ, 1807 г. См. Изслѣдованіе Е. В. Барсова: „Слово о полку Игоревѣ и пр.“, т. I, Москва, 1887 г.

30) „Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка, Галльскія стихотворенія“, перев. съ французскаго, Е. И. Костровъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1792 г.

31) П. Морозовъ, „Е. И. Костровъ, его жизнь и литературная дѣятельность“. Воронежъ, 1876 г.

32) „Цвѣтникъ“ 1809 г., изд. А. Е. Измайловымъ и А. Беницкимъ. Спб., іюль, стр. 263—274.

33) Ibid, 1810 г., изд. А. Измайловъ и П. Никольскій. Спб., февраль, стр. 123—147.

34) Ibid., іюль, стр. 93—118.

35) М. И. Сухомлиновъ. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, въ царствованіе Александра I. См. „Ж. М. Н. П.“, 1866 г., ноябрь, стр. 28—29, а также М. Богдановичъ, „Царствованіе импер. Александра I“, т. V, Спб., 1871 г., стр. 194—195.

36) А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885 г., стр. 362.

37) „Чтенія о русскомъ языкѣ“, Н. Гречъ, ч. I, Спб., 1840 г., стр. 333.

38) В. С. Сопиковъ. „Опытъ русской библіографіи“. Спб. 1813—1821 гг.

39) „Истор. Христ.“, А. Д. Галахова, т. II, стр. 297—293.

40) Тамъ-же.

41) В. И. Семевскій. „Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в.“. См. „Р. Стар.“ 1887 г., ноябрь, стр. 104 — 105.

42) „Ист. Христ.“, А. Д. Галахова, т. II.

Н. В.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 $\frac{\text{13-го августа род.}}{\text{ум. 19-го сентября}}$ 1883.

Боже, благослови продолженіе моихъ воспоминаній и дай мнѣ память ихъ припомнить (1875 г.).

Ѳ. Іорданъ.

XII [1]).

Прошли, наконецъ, эти желанные три мѣсяца, и мой незабвенный другъ г. Робинсонъ возвратился. Онъ былъ очень доволенъ, что я, ознакомившись съ обстановкою, считалъ себя все время его отсутствія совершенно счастливымъ. Первый этажъ служилъ намъ мастерскою; взявъ окно для себя, г. Робинсонъ другое предоставилъ мнѣ. Эти двѣ комнаты были украшены эстампами и уставлены превосходною мебелью; во всемъ соблюдался удивительный порядокъ и чистота. Послѣ мастерской Раймбаха, казавшейся

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337.

мнѣ всегда мастерскою ремесленника, здѣсь я былъ всѣмъ очарованъ, глазамъ не вѣрилъ происшедшей перемѣнѣ. Во время работы г. Робинсонъ давалъ мнѣ самые дѣльные совѣты, и я началъ ясно видѣть свои недостатки, тогда какъ у добраго г. Раймбаха все было хорошо, затѣмъ между нами велись и совсѣмъ отвлеченные разговоры. Попавъ въ эту согласную съ моимъ характеромъ обстановку, я такъ полюбилъ работу, что не зналъ ни одного праздника, въ которые г. Робинсонъ, по обычаю страны, не работалъ, но мнѣ не мѣшалъ.

Нашъ день раздѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: около 9-ти часовъ мы начинали работать; въ часъ былъ легкій завтракъ изъ хлѣба, сыра и масла; въ 3 часа оставляли работу и дѣлали часовую прогулку; въ 4 часа обѣдъ изъ куска ростбифа, телятины и т. п. съ картофелемъ и кусокъ сыра. Г-нъ Робинсонъ при огнѣ не работалъ, я же зажигалъ лампу и работалъ до 8 часовъ, затѣмъ подавали чай съ хлѣбомъ и масломъ, затѣмъ толковали, пили иной разъ грогъ, при чемъ г. Робинсонъ курилъ всегда отличную сигару. За работою, съ утра, слѣдовало быть всегда чисто-одѣтымъ; въ 10 часовъ вечера мы ложились спать. Наша спальня состояла изъ двухъ комнатъ, расположенныхъ какъ и (всегда) въ первомъ этажѣ. Моя спальня выходила окнами на улицу, куда являлось очень рано солнце, почему въ этой комнатѣ Робинсонъ не любилъ спать, я же очень былъ доволенъ, такъ какъ, благодаря этому, могъ ранѣе вставать и поработать еще до 9 часовъ утра, къ которому часу спускался въ мастерскую г. Робинсонъ. Все, что я усвоилъ себѣ въ дѣлѣ гравированія, всѣмъ обязанъ я его добрымъ и правдивымъ совѣтамъ. Оставя въ сторонѣ его практическую частную жизнь, она была такъ безукоризненна и благородна, что онъ могъ смѣло служить примѣромъ для всѣхъ тружениковъ гравернаго искусства въ его время. Я тѣмъ болѣе былъ счастливъ, что въ мое время пребыванія въ Лондонѣ въ немъ жили лучшіе граверы послѣднихъ годовъ: два брата Финденъ, Ридъ, Бёрнетъ, Бромлей, Раймбахъ, лучшій граверъ, также какъ и Робинсонъ, Коузенсъ, Дау, Вайаттъ и многіе друг. Нѣкоторыхъ не могу припомнить, но всѣ они уважали Робинсона.

У него я кончилъ „Св. Семейство“, также портреты Рафаэля съ Перуджино, на стали выгравировалъ сюжетъ знамени-

таго англійскаго живописца (Гогарта) „Лѣность и стараніе“, выгравировалъ малый портретъ англійскаго капитана, умершаго въ Индіи, для г. Коузенса, и почти кончилъ съ Чиголи гравюру: „Богородица съ Христомъ“; доску эту я потерялъ на Рейнѣ [1]). Господинъ же Робинсонъ награвировалъ, какъ истинный художникъ, превосходный портретъ Вальтера Скота, съ картины сэра Томаса Лауренса,—портретъ, написанный для коллекціи великихъ людей и помѣщенный въ Виндзорскомъ замкѣ.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, парижская революція дала Лондону живой примѣръ работать для полученія реформы въ его конституціи, существовавшей со временъ Кромвеля и требовавшей измѣненія. Веллингтонъ, какъ первый министръ, удерживалъ короля Вильгельма IV-го отъ этого шага, но лордъ Грей восторжествовалъ, и среди всеобщей радости и богатой иллюминаціи биль реформы былъ принятъ. Во время происходившихъ преній, народъ два раза разбивалъ чудныя стекла во дворцѣ лорда Веллингтона. Много было также шума по поводу обзаведенія въ улицахъ Лондона, по мысли сэра Робертъ Пиля, постоянной полиціи, въ чемъ народъ находилъ стѣсненія своей личной свободы, со временемъ же оказалось, что народъ благословлялъ эту мѣру, и она послужила примѣромъ для всей Европы.

Итакъ, блаженствуя послѣдніе два года въ Лондонѣ, имѣя квартиру и общество у моего незабвеннаго друга и наставника, я началъ готовиться къ отъѣзду въ Италію, тѣмъ болѣе, что и г. Робинсонъ жаждалъ вкусить отдыхъ въ здоровомъ климатѣ своего роднаго края, въ Стафордширѣ, гдѣ онъ имѣлъ вліятельныхъ друзей. Климатъ Лондона, его сырость, вѣчный туманъ и убійственный запахъ отъ каменнаго угля и милліоновъ газовыхъ рожковъ, которымъ пропитаны небо и земля въ Лондонѣ (производятъ удручающее впечатлѣніе). Иной разъ поѣдешь въ Гриничъ, къ Раймбаху, или въ Гамптонкортъ взглянуть на картины Рафаэля—въ обоихъ загородныхъ мѣстахъ отличные свѣтлые дни, а въѣзжая въ Лондонъ вамъ кажется, что вы въѣхали въ столицу смрада, гдѣ народъ обреченъ не видать

[1]) Кромѣ поименованныхъ произведеній, рѣзцу Өед. Ив. за это время принадлежитъ гравюра сцены одной изъ карикатуръ Гогарта.

В. І.

никогда солнца и чувствовать какой-то невыносимый сырой холодъ. Сборы къ отъѣзду очень безпокоили нервнаго г. Робинсона и онъ просилъ меня пріискать, до его отъѣзда, себѣ квартиру, ибо онъ сдалъ уже свою г. Вайту. Затѣмъ въ скоромъ времени я съ нимъ разстался.

XIII.

Между всѣмъ, видѣннымъ мною въ Лондонѣ, восхищаясь умомъ англичанъ и ихъ подчиненію законамъ, меня удивляли шествія нѣсколькихъ тысячъ мастеровыхъ, направлявшихся съ просьбою къ какому-нибудь вліятельному лицу или министру; шествія эти тянулись по улицамъ по нѣсколько часовъ. Народъ боится, а правительство, имѣя для поддержанія порядка только извѣстное число полицейскихъ, разставленныхъ съ небольшими палочками, на которыхъ имѣется гербъ и написанъ законъ, не прибѣгая къ вооруженной силѣ, спокойно смотритъ на эту страшную массу народа. Депутація идетъ смирно и, придя къ дому министра, выслушиваетъ, какъ тотъ прехладнокровно отказываетъ принять ихъ просьбу, говоря: „съ такимъ угрожающимъ числомъ народа я не приму. Придите завтра съ должными выборными, и я приму вашу петицію“.

Эти слова, какъ молнія, облетаютъ народъ, и всѣ преспокойно расходятся по домамъ.

Затѣмъ меня удивлялъ горячо, даже до фанатизма, вѣрующій знаменитый пасторъ изъ Шотландіи m-er Irving (Ирвингъ), человѣкъ съ талантомъ, посвятившій себѣ служенію пресвитеріанской церкви; въ жару своей фанатической вѣры онъ началъ обличать въ Шотландіи высшее духовенство въ невѣріи и несправедливости. Ему было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, но онъ не прекращалъ своихъ проповѣдей, тогда были вынуждены отнять у него церковь и право въ ней проповѣдывать. Онъ переселился въ Лондонъ, здѣсь съ нимъ поступили также, какъ въ Шотландіи. Такъ какъ церковь у Ирвинга была отнята, то народъ нанялъ для его проповѣдей нѣсколько домовъ; раздѣлявшія ихъ стѣны были сняты и образовалось одно огромное зало, съ каѳедрою съ одной стороны. И здѣсь собиралась масса народа по-

слушать его проповѣдь, которую онъ говорилъ съ жаромъ и въ изступленіи. Онъ началъ, наконецъ, учить съ каѳедры, что Христосъ можетъ властію своею вновь сотворить чудо, что люди станутъ говорить на странныхъ языкахъ, какъ то случилось со святыми апостолами (въ Сіонской горницѣ) во время сошествія Св. Духа. „И вы, вѣрующіе, можете получить сію благодать свыше, дабы увѣровали невѣрующіе“, проповѣдывалъ онъ.

Лишь только эта мысль была съ изступленіемъ высказана народу, тотчасъ свершилось это явленіе. Желая быть свидѣтелемъ этого факта, столь страннаго въ XIX вѣкѣ, особенно въ образованномъ Лондонѣ, я отправился на мѣсто чудесъ. Зало было полно народа, все однѣ женщины, и нѣсколько любопытствующихъ, какъ и я, мужчинъ. Ирвингъ—высокаго роста, съ блѣднымъ исхудалымъ лицемъ, съ косыми глазами и длинными черными волосами, ниспадающими на плечи. Онъ взошелъ на каѳедру и только что началъ говорить, какъ неожиданно послышался на переднихъ скамьяхъ ужасающій голосъ, какъ-будто кого рѣжутъ тупымъ орудіемъ. Всѣ присутствовавшіе вскочили на скамьи; въ отдаленіи виднѣлось что-то бѣлое; говорили, что это женщина. Она довольно долго кричала нечеловѣческимъ почти голосомъ, пока не успокоилась.

Присутствовавшіе мужчины и женщины начали требовать изъясненія: „Объясненіе! Объясненіе!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Пасторъ Ирвингъ, давъ время шуму успокоиться, спокойнымъ голосомъ сказалъ: „объявляю всѣмъ, что часъ суда близокъ, и горе вамъ, невѣрующимъ“.

Уставши отъ стоянія и напряженнаго любопытства, я оставилъ это домашнее духовное собраніе. Какъ ни страненъ былъ для меня этотъ неожиданный случай, но большое собраніе молящихся въ этомъ залѣ показало мнѣ, до какой степени англійскій народъ проникнутъ вѣрою; все новое, что̀ ни случится по духовной части, новый-ли проповѣдникъ или новое явленіе въ духовной жизни, привлекаетъ народъ, который спѣшитъ съ нимъ ознакомиться. Однажды, въ лѣтнее время, вечеромъ, идя гулять, я очутился на прелестномъ холмѣ, отстоявшемъ невдалекѣ отъ моей квартиры и называемомъ Hampstead Hill (Гампстедъ Гиль); вижу, ѣдетъ коляска съ четырьмя мужчинами. Надобно сказать, что̀ на этомъ холмѣ, посреди площади, стоитъ дубъ, обнесенный

вокругъ скамейкою, на которой гуляющіе могутъ днемъ отдохнуть, подъ тѣнью листьевъ. Коляска остановилась у дерева: изъ нея вышли четверо мужчинъ; въ одномъ изъ нихъ я узнаю пастора Ирвинга. Онъ становится на скамейку, трое спутниковъ его стоятъ внизу, у каждаго въ рукахъ по маленькой церковной книжкѣ, и они начинаютъ пѣть изъ нея псаломъ. Я первый увидалъ, какъ они подъѣхали. Не прошло и часу, какъ вся площадь была полна народомъ, а за нимъ стояла бездна господскихъ экипажей, обладатели которыхъ ѣдутъ на этотъ холмъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и по своей склонности ко всему духовному, видя проповѣдника, останавливаются послушать его. Пасторъ Ирвингъ изъ себя выходилъ, кричалъ, такъ какъ площадь была обширна, а ему хотѣлось, чтобы всѣ могли его слышать. Текстъ же его проповѣди былъ обычный: „Горе вамъ, невѣрующимъ, близокъ часъ, когда пріидетъ Судія судить васъ грѣшныхъ!“ Вся эта обстановка, чудный ландшафтъ, большая темнѣющая группа народа, изступленный крикъ проповѣдника, все это вселяло въ сердца пріятное и возвышенное настроеніе. Мнѣ пришлось еще разъ увидать этого фанатическаго проповѣдника, въ улицѣ Portland Place (Портлэндъ Плэсъ), когда онъ переносилъ маленькаго своего сына черезъ улицу, боясь, чтобы тотъ не замочилъ своихъ ноженокъ, и продолжалъ путь, неся мальчика на плечахъ. Если не ошибаюсь, бѣдному пастору пришлось лишиться этого сына; мать въ отчаяніи оплакивала его смерть, а мужъ ея, пасторъ Ирвингъ, надѣялся теплою вѣрою и молитвою совершить чудо, ибо въ писаніи сказано: „Что ни попросите во имя Мое, дастся вамъ“; онъ началъ упрекать жену свою въ безвѣріи, говоря, что сынъ ихъ не умеръ, а спитъ. И она молилась около трупа отрока денно и нощно три дня, съ полною вѣрою, что онъ спитъ и встанетъ. Богу было угодно иначе. Трупъ началъ разлагаться, должны были предать его землѣ; тогда мужъ замѣтилъ женѣ своей: „въ тебѣ было мало вѣры“. Болѣе я не видалъ пастора Ирвинга. Чудеса, происходившія въ его молельняхъ, газеты сильно критиковали, и они мало по малу исчезли, какъ исчезаетъ все сверхъестественное въ виду цивилизаціи, для которой наука есть сильный рычагъ опоры.

Обычай проповѣдывать народу на площадяхъ и на улицахъ

очень развитъ въ Лондонѣ. Гуляя по обворожительнымъ лондонскимъ паркамъ въ воскресный день, вы встрѣтите, въ отдаленіи одна отъ другой, группы народа. Подходя ближе, увидите въ срединѣ толпы проповѣдника или проповѣдницу, спокойно толкующихъ священное писаніе; подойдя къ этой группѣ, нѣсколько времени спустя вы видите, что проповѣдникъ уже кончилъ свое разглагольствованіе, нюхаетъ табакъ и ведетъ веселый разговоръ со своими слушателями; эти проповѣдники большею частью изъ мастеровыхъ и другаго рода подобныхъ людей.

Если вечеръ воскреснаго дня занимаетъ человѣка разными проповѣдями, то раннее утро, того-же воскресенья, доставляетъ иностранцу интересное зрѣлище кулачнаго боя.

Въ Англіи существуетъ обычай производить плату за работу, за квартиру и за все съѣдомое, употребленное въ продолженіе недѣли,—въ концѣ недѣли, по субботамъ. Хозяйка дома, въ субботу утромъ, накрывъ столъ для завтрака, подаетъ и счетъ за истекшую недѣлю—за квартиру, стирку бѣлья, прислугу, молоко, хлѣбъ, масло и проч., и по этому счету съ нею расплачиваются. Въ субботній вечеръ Лондонъ весьма интересенъ. На рынкахъ бездна продавцевъ мужскаго и женскаго пола, и все это кричитъ: „Buy, buy!“, т. е. „покупай! покупай!“, рекомендуя свой товаръ. Весь трудящійся и трудившійся народъ получилъ плату и тысячами гуляетъ и покупаетъ, запасаясь къ воскресенью—мясомъ, зеленью, дѣтямъ-же, сопровождающимъ своихъ родителей, покупаютъ сласти или фрукты. Тутъ все можно найти: книги, карандаши, разныя фигурки и т. п. У каждаго продавца горитъ, около его столика съ товаромъ, огонекъ, такъ что рынокъ кажется издали богато иллюминованнымъ. Вся эта мелкая торговля помѣщается около большихъ мясныхъ лавокъ. Мясники, самодовольные, жирные, царствуютъ въ этотъ вечеръ, ибо трудно найти такого бѣдняка въ Лондонѣ, если онъ семьянинъ, который не купилъ-бы себѣ куска мяса на воскресный день. Вслѣдствіе этого, мясныя лавки бываютъ переполнены народомъ, народомъ средняго и низшаго классовъ. Повара богачей не безпокоятъ себя покупкою провизіи; они пишутъ въ лавки, и имъ все доставляется на мѣсто. Пока жены мастеровыхъ торгуютъ и покупаютъ провизію для завтрашняго праздника, мужья, оставивъ себѣ бо́льшую часть заработанныхъ денегъ, отправляются

въ портерныя, гдѣ, просидѣвъ до ранняго утра и пропивъ лучшую часть денегъ, затѣваютъ споръ и затѣмъ кулачный бой.

Этотъ бой происходитъ у нихъ дорогою, на пути къ себѣ домой. Проснувшись въ воскресенье утромъ, довольно рано, слышишь на улицѣ шумъ, взглянешь въ окно и видишь, идетъ кучка народа, съ трубками во рту, изъ серединѣ ихъ выступаютъ два окровавленныхъ бойца, которые, послѣ короткаго отдыха, вновь стараются одинъ другому выбить глазъ, зубъ или разбить носъ. Если противнику становится не въ мочь, онъ падаетъ, а лежачаго не бьютъ. Отдохнувъ, онъ встаетъ, и вновь начинается бой, пока полиція не разниметъ ихъ; тогда боецъ возвращается домой, гдѣ въ слезахъ встрѣчаетъ его жена, пострадавъ за него всю ночь, не зная, воротится-ли онъ или нѣтъ, и онъ, какъ дикій волъ, въ полномъ отупѣніи чувствъ, валится какъ огромный срубъ дерева возлѣ своей нѣжной и чувствительной жены. Этотъ кулачный бой—принадлежность каждаго англичанина. Простой народъ съ дѣтства привыкаетъ къ этимъ боямъ; то и дѣло видишь, какъ мальчишки, возвращаясь изъ школы домой, засучивъ рукава, вступаютъ между собою въ драку. Иной разъ видишь ихъ избитыхъ до крови, съ вырванными клочьями волосъ; мальчишка плачетъ, но драться не перестаетъ. Воспитанные молодые англичане берутъ уроки кулачнаго боя, чтобы быть готовымъ на всякій случай отразить толчекъ угольщика или другаго невѣжи.

Сестры просятъ брата взять ихъ въ театръ. Онъ ихъ беретъ, забывъ предупредить, что, сидя въ театрѣ, онѣ должны снять шляпки. Онѣ входятъ въ партеръ въ своихъ шляпкахъ, которыя мѣшаютъ сидящимъ позади нихъ видѣть сцену; начинается шумъ, дѣвицъ просятъ снять шляпки, но англійская гордость не позволяетъ имъ сдѣлать этого, братъ ихъ молчитъ; начинаются обидчивыя замѣчанія. Замѣтивъ главнаго шумилу, братъ вызываетъ его изъ театра; спустя нѣсколько минутъ оба возвращаются, и братъ приказываетъ сестрамъ снять шляпки. Что происходило между ними внѣ театра—я не знаю, но я увѣренъ, что недовольные или подрались съ братомъ, или съумѣли уговорить его.

Говоря о театрѣ въ Лондонѣ, кстати могу сказать, что мѣста дѣлятся въ немъ на мѣста съ полною платою, которыя продаются

на все представленіе, и на мѣста съ половинною платою — на половину представленія, или на одну піесу. Тѣ, которые взяли билеты на остальное представленіе, массою стоятъ у входныхъ дверей; между ними, ради порядка, находится полицейскій. Видя въ толпѣ подозрительныхъ лицъ, онъ объявляетъ публикѣ: „Господа, здѣсь имѣются подозрительныя лица, берегите ваши карманы!“ Всякій тотчасъ за свой карманъ хватается. Умно и прилично.

Многихъ воришекъ ловятъ и передаютъ полицейскому, который проситъ явиться завтра въ полицію, но обвинитель, не желая видѣть свое имя въ газетахъ, не является; воришку выпускаютъ и онъ безнаказанно продолжаетъ свой промыселъ. Воровство въ Лондонѣ, особенно мелочей: часовъ, платковъ и т. п., доведено до совершенства. Кварталъ бѣдняковъ St. Giles (кварталъ ирландцевъ), былъ знаменитъ своимъ трактиромъ, гдѣ вилки, ножи и ложки были прикрѣплены къ столу цѣпочками. Туда собирались по вечерамъ всѣ подозрительныя личности дневной порочной наживы, тутъ происходила мѣна ворованныхъ въ теченіе дня вещей; затѣмъ посѣтители спрашивали хорошій обѣдъ, въ концѣ-же вечера являлись шарманки, а съ ними танцы. И горе, если увидятъ между своими чужаго наблюдателя. Ему приходилось поплатиться своими боками.

Если англичанинъ примѣрно дѣятеленъ, держась пословицы, что время деньги, то воскресный день въ Англіи можно считать днемъ истиннаго отдыха и днемъ, посвященнымъ духовной жизни. Шумныя и многолюдныя улицы пустѣютъ съ ранняго утра; всѣ магазины заперты; даже лавки, торгующія хлѣбомъ и зеленью, въ воскресный день не отворяютъ своихъ дверей. Даже господскіе экипажи, которые украшаютъ и оживляютъ прелестные парки Лондона въ будничные дни, и тѣмъ дается отдыхъ ради ихъ лошадей. Бѣдности не видать; весь народъ одѣтъ чисто, и нѣтъ, или не видать, руки бѣдняка, такъ часто протягивающейся въ будни, къ прохожему, за подаяніемъ. Въ этотъ день всѣ равны и всѣ довольны. Всѣ спѣшатъ въ церковь; всѣ церкви полны. И если замолкла въ свѣтской жизни въ этотъ день страсть къ наживѣ, то для духовной жизни она открыта въ самой церкви, ибо, не имѣя своего годоваго мѣста въ церкви, при входѣ вы выжидаете обыкновенно старушку, которая, подойдя къ вамъ, знаетъ, что вамъ нужно, ведетъ васъ на свободное мѣсто, и вы

кладете ей въ руку одинъ шиллингъ, болѣе или менѣе—это будетъ зависѣть отъ вашей щедрости или отъ вашихъ средствъ. Театры въ воскресенье закрыты и, Боже избави, если-бъ кто рѣшился давать уличныя представленія. Даже въ домѣ m-me Love, гдѣ я жилъ, какъ сказано, на хлѣбахъ (воскресный день соблюдался съ величайшею строгостью); у нея были двѣ дочери, изъ коихъ старшая, m-lle Anne, была чернорабочая, жила безвыходно на кухнѣ, а если иной разъ и являлась, то вся въ сажѣ, другая-же младшая, хворенькая собою, была воспитана для гостиной, съ хорошимъ знаніемъ музыки—и та въ воскресный день запирала свое фортепіано на замокъ до 7 часовъ вечера. Мнѣ говорили, что въ Шотландіи въ воскресный день даже не стригутъ себѣ ногти, въ Соединенныхъ же Штатахъ Америки въ этотъ день даже не ходятъ омнибусы. Тогда какъ вся аристократія сидитъ и молится въ церквахъ, гдѣ, главное, выслушиваютъ проповѣдь, о которой идутъ во время обѣда толки, средній классъ послѣ службы отправляется со всѣмъ семействомъ погулять и покушать за городъ, а рабочій народъ выжидаетъ открытіе пивныхъ и портерныхъ и, засѣвъ въ нихъ, выходитъ оттуда полупьянымъ уже въ поздній часъ ночи. Тѣмъ и оканчивается праздничный воскресный день, но, кромѣ его и дня Рождества Христова, въ Англіи не имѣется и не чтится никакой другой праздникъ; работа въ праздникъ, по словамъ англичанъ, не плодотворна и не прибыльна. Истый англичанинъ,—если его здоровье не испорчено пребываніемъ въ пагубномъ климатѣ ихъ отдаленныхъ колоній, какъ-то: въ Индіи, Австраліи, Африкѣ и др. мѣстахъ,—человѣкъ самый здоровый, не смотря на туманъ и сырость, отъ которыхъ, напротивъ, сильно страдаетъ женскій полъ. Внѣшній видъ англичанъ обоего пола весьма красивый: мужской полъ дышетъ, при отличномъ цвѣтѣ лица, какою-то мужественностью, свободою и откровенностью; женскій же, при рѣдкой миловидности, чувствительности и рѣдкой бѣлизнѣ зубовъ; вообще деликатенъ и весьма нервиченъ.

Во время моего пребыванія въ Лондонѣ, по желанію А. Н. Оленина, я бралъ уроки работать in aqua-tinta; ему также было желательно, чтобы я узналъ способъ гравированія медалей машиною, что дѣлается въ одинъ штрихъ. Нашъ консулъ г. Бенкгаузенъ (Белинсгаузенъ?), отыскалъ мнѣ изобрѣтателя

г. Лесли, который обѣщалъ приготовить эту машину къ понедѣльнику, показать ея употребленіе, а если нужно, то и продать. Это было въ субботу, когда же я пришелъ къ Лесли въ понедѣльникъ и постучалъ, мнѣ отворила дверь дѣвушка вся въ черномъ и въ слезахъ разсказываетъ, что послѣ нашего отъѣзда, въ субботу, отецъ ея захворалъ черезъ два часа холерою и умеръ, а вчера, въ воскресенье, былъ уже похороненъ. Время въ Лондонѣ было холерное и я испугался подобной непріятной новости.

XIV.

Насталъ конецъ мая мѣсяца 1834 года; изготовивъ все, что̀ слѣдовало, запасшись всѣмъ, что̀ было необходимо для моего искусства, и отправивъ въ Россію все лишнее, чѣмъ я могъ запастись въ четыре съ половиною года пребыванія моего въ Парижѣ и Лондонѣ, я откланялся друзьямъ и, слыша много похвалъ Голландіи, какъ странѣ, которая была учительницею англичанъ, я взялъ билетъ на пароходѣ въ Роттердамъ.

Утромъ, въ 8 часовъ, я былъ на пароходѣ. Общество состояло чисто изъ англичанъ. Въ четыре года пребыванія моего въ Лондонѣ я сдѣлался совершенно англоманомъ. Все на мнѣ было англійское, начиная отъ сорочки или отъ шляпы до каблуковъ сапога, я говорилъ порядочно по англійски, и всѣ путешественники были со мною какъ съ своимъ братомъ. Они предвѣщали мнѣ, что голландцы на нихъ сердиты, потерявъ Бельгію, одну изъ лучшихъ украшеній Голландіи, что̀ и оказалось на дѣлѣ. Познакомившись на пароходѣ съ однимъ англичаниномъ которому нужно было по дѣлу посѣтить какого-то голландца, мы пошли къ нему вмѣстѣ. Нашедши домъ, стучимъ. Высовывается изъ окна голова; увидавъ, что это англичанинъ, съ презрѣніемъ и крикомъ отвѣтила: „нѣтъ дома!“ Тутъ увидалъ я, что мой англичанинъ говорилъ правду.

Взявши номеръ въ гостинницѣ, подъ названіемъ „Библія“, я нашелъ въ ней моего земляка полковника Устинова, что̀ и обрадовало меня. Меня поразила здѣсь во всемъ сверхъестественная скупость или экономія; во всѣхъ вещахъ, которыя я видѣлъ

въ Парижѣ или Лондонѣ, вездѣ видно усовершенствованіе во вкусѣ, здѣсь же, что̀ ни возьмешь, дышетъ стариною, кажется сдѣланнымъ лѣтъ 500 тому назадъ. Быть можетъ, 500 лѣтъ назадъ эти вещи и были хороши, но теперь, поживши въ двухъ столицахъ, видишь во всемъ застой, происходящій отъ какой-то примѣрной бережливости.

Городъ Роттердамъ показался мнѣ очень живописнымъ. Бульвары расположены случайно, канавы входятъ въ самый городъ; идя по улицѣ, видишь кое-гдѣ мачты, которыя выростаютъ изъ сосѣдняго канала.

Не зная, какъ провести вечеръ, мой англичанинъ и я послѣдовали за нашимъ путеводителемъ, который повелъ насъ въ какое-то заведеніе; войдя, мы нашли тутъ огромный залъ, въ немъ много моряковъ, капитановъ и иностранцевъ. Спустя немного времени выходятъ до двадцати молодыхъ, краснощекихъ дѣвицъ, всѣ одинаково одѣтыя, и начинаютъ ходить въ кругъ; моряки начинаютъ съ ними разговаривать, нѣкоторые танцовать, на хорахъ сидятъ музыканты; я же сѣлъ на одну изъ лавокъ, которыя идутъ вокругъ всѣхъ четырехъ стѣнъ. Мой англичанинъ заговорилъ съ одною дѣвицею и ушелъ. Я сижу, скучаю, проходитъ много времени, его нѣтъ; посылаю за нимъ нашего чичероне, приноситъ отвѣтъ, что скоро будетъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе и желая отдохнуть послѣ вояжа, я узнаю отъ чичероне, что англичанинъ желаетъ меня видѣть. Вхожу въ дверь съ улицы и слышу его голосъ, который проситъ меня дать ему 10 шиллинговъ; я ихъ посылаю ему, и онъ бѣжитъ съ лѣстницы ко мнѣ, ругая свою возлюбленную и говоря: „вотъ мошенническое заведеніе, она меня совершенно обокрала. Я съ нею въ залѣ уговорился за должную плату, и она была все время очень ласкова. Когда-же я пришелъ въ ея комнату, то она представилась, какъ-будто меня не знаетъ, требуетъ деньги впередъ, затѣмъ требуетъ бутылку дорогаго вина, духовъ, помады, и такъ какъ у меня не было денегъ выплатить всѣ непредвидѣнныя издержки, она меня не выпускала. Я предполагалъ, что тутъ меня убьютъ, спасибо, что вы меня выручили“.

Я узналъ, что эти молодыя женщины—потерянный народъ. Хозяйка, содержащая ихъ, ведетъ счетъ издержкамъ каждой изъ нихъ и онѣ весь вѣкъ остаются ея неоплатными должницами.

Когда онѣ состарѣются, хозяйка перепродаетъ ихъ низшимъ заведеніямъ этого рода, пока смерть не дастъ имъ свободы. Сильный швейцаръ стоитъ у входныхъ дверей, оберегая обитательницъ этого дома, но американскіе капитаны дѣлаютъ на нихъ охоту, отбрасываютъ швейцара въ сторону, а добычу свою увозятъ въ Америку.

На другой день я отправился каналами, въ крытой большой лодкѣ, въ Амстердамъ, гдѣ та-же скука; посѣтилъ картинную галлерею, восхищался большою картиною Рембрандта „Ночной обзоръ солдатъ“ и картиною Фанъ-деръ Гельста, также большаго размѣра, „Засѣданіе или угощеніе вліятельныхъ лицъ Голландіи“; эта картина высшаго достоинства—по экспрессіи многихъ засѣдающихъ лицъ. Здѣсь удивили меня дома съ большимъ крючкомъ у свѣтелки. Узнаю, что къ крючку прицѣпляется блокъ, на которомъ тянутъ товары, и что складомъ ихъ служатъ чердаки домовъ, не то что у насъ, гдѣ для товаровъ имѣются сараи и лавки наравнѣ съ землею. Затѣмъ удивило меня здѣшнее кладбище, которое представляетъ собою огромное мѣсто, обнесенное заборомъ, гдѣ гробы съ тѣлами стоятъ въ видѣ огромной кучи, положенные одинъ на другой и пересыпанные пескомъ. Войдя въ ворота, я шелъ проходомъ, по обѣ стороны котораго возвышались на сажень вышиною гробы, поставленные одинъ надъ другимъ. Изъ нѣкоторыхъ гробовъ торчатъ волосы, вообще видишь частицу лица или другой части тѣла. Смрадъ невыносимый. Это кладбище такъ устроено: вслѣдствіе того, что вся Голландія, какъ и Амстердамъ, расположенъ ниже уровня моря и защищенъ со стороны его доками, или земляным валомъ; если этотъ валъ прорвется, то море немедленно затопляетъ часть города. Копать въ глубину земли невозможно, тотчасъ явится вода; дома-же строятся на сваяхъ, вслѣдствіе чего и мертвыхъ нельзя хоронить какъ у насъ, выкопавъ могилу, а ихъ ставятъ на землѣ для истлѣнія, что̀ очень поразило меня. Будь этотъ народъ неопрятенъ и равнодушенъ ко всему, какъ то̀ случается у иныхъ народовъ, городъ Амстердамъ могъ-бы подвергаться чумѣ и разнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, здѣсь-же ничего подобнаго не бываетъ.

Меня удивлялъ приливъ и отливъ воды съ моря. Въ полдень, гуляя, видишь всѣ каналы полными воды, и на ней красуются суда, къ вечеру-же эти суда стоятъ на томъ-же мѣстѣ, только

на сухомъ днѣ канала. Такъ и постройки у берега; тутъ работа идетъ спѣшная, какъ скоро вода начинаетъ прибывать. Бѣднаго народа, нищенствующаго, не видать; здѣсь, въ Амстердамѣ, для всякаго жителя имѣется работа, а именно: возить соръ къ докамъ или валу, который предохраняетъ городъ отъ наводненія; кромѣ того, всегдашнюю работу бѣдняка составляетъ: плетеніе канатовъ и расчищеніе льна. Когда я ѣхалъ изъ Роттердама въ Амстердамъ, всѣ поля были наводнены отъ прилива; какъ люди, такъ и животныя стояли почти по колѣна въ водѣ, что представляло весьма странное зрѣлище.

По утру на рынокъ женщины выходятъ покрывшись платками снѣжной бѣлизны. У женщинъ нашелъ весьма толстыя ноги, такъ что французы дали имъ названіе pieds de vaches. Гуляя по Амстердаму, вспоминаешь наши часы въ Петропавловской крѣпости съ курантами, здѣсь же слышишь ихъ на каждомъ шагу; кромѣ того, меня удивляли мужчины, стоявшіе въ церквахъ съ покрытою головою. Съ моимъ землякомъ, г. Устиновымъ, мы ѣздили въ знаменитое селеніе Брукъ, невдалекѣ отъ Амстердама, которое славится своею неимовѣрною чистотою; даже нѣкоторыя двери открываются въ немъ въ извѣстную эпоху семейной жизни, какъ-то: въ день свадьбы, день смерти и т. д.

Насмотрѣвшись на все, что я могъ видѣть въ короткое время моего пребыванія въ Амстердамѣ, осмотрѣвъ въ галлереѣ рѣдкое собраніе гравюръ безсмертнаго голландскаго живописца Рембрандта, я желалъ ѣхать въ Бельгію, но слѣды войны едва начали успокаиваться, и я поѣхалъ на Дункеркъ, въ которомъ остановился случайно, въ ожиданіи вечерняго дилижанса. Вдругъ является передо мною французскій офицеръ; онъ былъ въ 1812 году у насъ въ плѣну и доброта русскихъ имѣла на него такое вліяніе, что онъ поставилъ себѣ, какъ обѣтъ, каждаго русскаго, съ которымъ онъ встрѣтится, пригласить къ себѣ на малое угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ; узнавъ, что я русскій, онъ просилъ меня къ себѣ, представилъ женѣ своей, угостилъ кофеемъ и виномъ, и разсказывалъ женѣ, можетъ быть, уже въ сотый разъ, о своемъ счастливомъ житьѣ во время плѣна. Поблагодаривъ его за радушное гостепріимство и признательныя чувства къ моимъ землякамъ, я отправился въ тотъ же вечеръ въ Троа и затѣмъ въ Парижъ.

XV.

Парижъ, послѣ моего 4-хъ лѣтняго знакомства съ Лондономъ, показался мнѣ грязнымъ и воздухъ непріятнымъ отъ нечистоты, которая валялась около домовъ и текла среди улицъ. Я остановился возлѣ театра Одеонъ, въ гостиницѣ „Вольтеръ“, тотчасъ отыскалъ А. К. Олещинскаго, его брата Владислава, и нашелъ въ нихъ большую перемѣну по случаю бывшей революціи и войны 1831 года съ поляками. Хвастовству его брата не было конца; поляки всюду побѣждали и пали только отъ измѣны. Затѣмъ критиковали извѣстную картину „Послѣдній день Помпеи“, написанную К. П. Брюлловымъ, которому братъ Олещинскаго, какъ говорится, и въ подметки не годится. Я все слушалъ и съ презрѣніемъ смѣялся. Посѣтилъ г. Ришома; онъ видѣлъ мои работы, выгравированныя въ Лондонѣ, и остался доволенъ. Вообще я замѣтилъ, что мои товарищи пріятели по студіи у Ришома относились къ Лондону болѣе симпатично, чѣмъ до моего отъѣзда. Кромѣ того, они не могли судить о Лондонѣ, не видавъ ничего кромѣ своего Парижа.

Во Франціи наше посольство дозволило мнѣ пробыть только двѣ недѣли. Друга моего Людеритца не было; старички Lorieux уѣхали къ своему племяннику въ St. Mandé. Къ Парижу я не могъ привыкнуть, и вечеромъ, гуляя въ Пале-Роялѣ и увидавъ красный фонарикъ съ №105-мъ, что̀ означалъ домъ рулетки, посмотрѣвъ и подумавъ, я зашелъ туда. Войдя въ комнаты, нашелъ все по старому: тишина, около окаймленнаго стола сидѣли пресерьезные игроки, и голосъ крупье только и былъ слышанъ. Вынувъ изъ кармана 5-ти франковикъ, ставлю его на четное число; выигрываю, оставляю ихъ съ выигранным 5-ти франковикомъ, вновь выигрываю и вновь оставляю. Ставя только на четъ и нечетъ, выигралъ такъ много, что у меня всѣ карманы были полны 5-ти франковиками. Народъ, стоя за моими плечами, говорилъ довольно громко, что я должно быть иностранецъ, и что я знаю извѣстный день въ жизни — день счастья. Боясь, чтобы кто-нибудь не подмѣтилъ, что у меня карманы полны денегъ, постоявъ немного у стола, я ретировался, взялъ кабріолетъ и подъѣхалъ къ гостинницѣ; отыскивая ключъ

отъ дверей, у меня выпалъ изъ жилета 5-ти франковикъ; боясь наклониться, я оставилъ его мальчишкамъ и вошелъ въ свой номеръ. Вынувъ все серебро, нашелъ въ выигрышѣ около 1000 р. На другой день, взявъ одну треть выигрыша, я отправился вновь въ № 105 въ Пале-Рояль. Не прошло и четверти часа какъ я все проигралъ. То-же случилось и въ слѣдующіе два дня съ тою разницею, что въ послѣдній, четвертый день, кромѣ остатка выигрыша, я потерялъ еще нѣсколько своихъ денегъ.

Сильно страдая отъ жары, такъ какъ лѣто было несносно жаркое, и не будучи въ состояніи забыть Лондонъ, я, проходя однажды мимо Messagerie Lafitte et Gaillard, я взялъ прямо мѣсто на Лондонъ. Пріѣхавъ въ мой возлюбленный Лондонъ, гдѣ шесть недѣль тому назадъ я уже со всѣми простился, и не желая вновь показаться тамъ среди друзей, я нанялъ себѣ уединенную квартиру, вынулъ работу и прилежно занимался, написавъ въ академію, что по причинѣ жаровъ, которые застигли меня въ Парижѣ, я не рѣшился ѣхать далѣе, на югъ, въ Римъ. На мое отношеніе я получилъ изъ академіи отвѣтъ, что она надѣется, что съ окончаніемъ жаровъ я не премину ѣхать въ Италію. Признаюсь, мнѣ жаль было оставить Лондонъ, я даже и забылъ, было, Римъ, и, чувствуя себя отлично на моей новой квартирѣ, занимался прилежно.

Былъ уже конецъ октября 1834 года, день субботній, и я присѣлъ работать. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, что если я останусь долѣе, то выкажу свою неблагодарность совѣту академіи. Эта мысль меня не оставляетъ; я рѣшаюсь, и часа не прошло, какъ я бросилъ работу, переодѣлся, явился въ посольство, затѣмъ въ иностранную контору, досталъ свой паспортъ, его прописали гдѣ слѣдуетъ; я отправился въ контору пароходства, взялъ мѣсто на Антверпенъ, вечеромъ отказался отъ квартиры, уложилъ чемоданъ и особенный ящикъ для большаго рисунка съ Чиголи „Богородица, оплакивающая смерть Спасителя“; тутъ же вложилъ въ него доску и лучшія гравюры, нанялъ къ 6-ти часамъ утра кабріолетъ и въ 7 часовъ утра, въ воскресенье, былъ уже на пароходѣ. Въ 8 часовъ пароходъ тронулся, но какъ-то неловко, попавъ при отливѣ на мель, и тутъ, въ виду набережной со множествомъ народа, пароходу нашему пришлось стоять до 12 часовъ дня, когда настало время прилива; почувствовавъ

подъ килемъ достаточно воды, онъ тронулся. Пріятно было слышать органъ и пѣніе псалмовъ на близь стоявшемъ кораблѣ, гдѣ имѣлась церковь для моряковъ. Покуда мы стояли на мели, многіе изъ сосѣдей путешественниковъ, слыша происходившее богослуженіе, вынули свои церковныя книги и начали читать, т. е. молиться.

Пострадавъ морскою болѣзнію, мы прибыли въ Антверпенъ, отечество великихъ фламандскихъ живописцевъ. Осмотрѣвъ ихъ превосходныя произведенія въ прекрасной галлереѣ, какъ-то: Рубенса, Ванъ-Дейка и др., осмотрѣвъ соборъ и даже городъ, весьма живописный, расположенный на краю, можно сказать, самаго моря, я отправился въ Брюссель. Если Антверпенъ знаменитъ стариною, то Брюссель щеголяетъ новизною, особенно прекрасенъ дворецъ, бывшій принца Оранскаго, гдѣ такая чистота пола, что посѣтителю надѣваютъ туфли во время осмотра. Видѣлъ богатую картинную галлерею, восхищался бульваромъ, ведущимъ въ городъ, но вообще я торопился въ Италію, чувствуя, что теряю много времени, и поэтому, пробывъ въ Брюсселѣ нѣсколько дней, я отправился взглянуть на знаменитое поле Ватерло. Посреди его я увидѣлъ памятникъ, который представляетъ собою огромнаго рычащаго льва, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ, заходилъ въ часовню, гдѣ похоронены жертвы этого сраженія и побѣды.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ Кёльнъ. Осмотрѣвъ достроивавшійся знаменитый соборъ, я удивился этому городу, который снабжаетъ всѣ пять странъ свѣта своею „кельнскою водою“ (Eau-de-Cologne), коей запахъ услаждаетъ обоняніе населенія всего земнаго шара; самъ же городъ и его жители могутъ видѣть и обонять зловоніе своихъ улицъ. Эта несоотвѣтственность поражала меня. Я обрадовался, увидавъ воспѣтый и всѣми воспѣваемый Рейнъ, гдѣ столько пролито крови нѣмцами и французами, желавшими быть владѣтелями этой живописной и богатой рѣки, коей берега украшены виноградниками и коей вино услаждаетъ вкусъ богача, а подъ часъ и бѣдняка. Взявъ мѣсто на пароходѣ, я встрѣтилъ тутъ веселыхъ путешественниковъ. Тутъ уже не говорилось о торговыхъ дѣлахъ, всѣ ѣхали для удовольствія, восхищаясь видами живописныхъ береговъ. Свой чемоданъ я уложилъ посреди парохода, вмѣстѣ съ другими, также

какъ и ящикъ, въ которомъ находился большой рисунокъ подъ стекломъ; боясь, чтобы чемоданы не раздавили стекла, его поставили сверху. Общество на пароходѣ состояло изъ англичанъ. Тутъ же на палубѣ находились и экипажи путешествующихъ англичанъ. Время шло весело, я восхищался всѣмъ вокругъ себя, а мысли мои были уже въ Италіи. Вдругъ показывается вдали, идущій къ намъ на встрѣчу, пароходъ. Узнаю, что Рейнъ къ Мангейму отъ мѣстечка St. Goar становится мельче и что пароходъ, который идетъ намъ на встрѣчу, повезетъ насъ далѣе, а пароходъ, на которомъ мы ѣдемъ, воротится вновь въ Кельнъ, ибо у одного киль глубже и требуетъ болѣе воды, другое-же судно плоскодонное. Когда мы подъѣхали къ мѣстечку Goar, началась ужасная суматоха; намъ съ нашего парохода пришлось переходить на пароходъ, шедшій намъ на встрѣчу; пріѣхавшіе-же съ нимъ торопятся на нашъ пароходъ. Нѣкоторые англичане, ѣхавшіе со мною, видя, что я знаю нѣмецкій языкъ, и имѣя надобность переговорить съ таможенными, просили меня отправиться съ ними въ таможню, что̀ и лишило меня возможности усмотрѣть за своимъ ящикомъ.

Сдѣлавъ все, что̀ слѣдовало въ таможнѣ, я продолжалъ восхищаться берегами Рейна, развалинами феодальныхъ замковъ и мѣстомъ, называемымъ „Эхо“, гдѣ, въ узкомъ мѣстѣ рѣки Рейна, окруженномъ высокими береговыми утесами, выстрѣлъ изъ пистолета повторяется нѣсколько разъ.

Среди сихъ развлеченій, вечеромъ, пріѣзжаемъ въ Кобленцъ; уходя съ парохода, не могу найти своего ящика съ рисункомъ; капитанъ и я ищемъ всюду и не можемъ найти. Капитанъ, спросивъ меня, куда я ѣду, и узнавъ, что я ѣду на Мангеймъ, началъ меня утѣшать, говоря, что, вѣроятно, ящикъ ошибкою перенесли на пароходъ, который теперь въ Кельнѣ, что онъ напишетъ туда и чтобы я былъ покоенъ, такъ какъ я получу его въ Мангеймѣ. Я успокоился, остановился на день въ отличномъ отелѣ „Belle Vue“ въ Кобленцѣ, прочелъ замысловатую надпись, сдѣланную на фонтанѣ какимъ-то русскимъ граверомъ, по мысли русскаго-же генерала. Этотъ фонтанчикъ воздвигли французы въ честь побѣды, одержанной ими надъ русскими, но затѣмъ русскіе побили французовъ, и нашъ генералъ въ насмѣшку французамъ „подтвердилъ“ ихъ побѣду, сказавъ,

что „русскіе, какъ хозяева этого мѣста, подтверждаютъ эту побѣду“, т. е. что французы, полные самолюбія, думали, что ихъ никто не побѣдитъ, а вышло иначе, что̀ и доказываетъ надпись, сдѣланная русскимъ генераломъ.

На другой день я отправился въ Мангеймъ и здѣсь также остановился въ лучшемъ отелѣ „Zu Pfalz-Hoff“. Бездна англичанъ. Я радъ, что живу въ своей сферѣ, иду въ таможню, спрашиваю свой ящикъ, не пришелъ-ли изъ Кельна? Получаю отвѣтъ, что нѣтъ, не пришелъ. Такъ продолжается нѣсколько дней. Кромѣ отличнаго помѣщенія, стола и чистаго воздуха, которые сдѣлали этотъ городъ любимымъ мѣстопребываніемъ англичанъ, для искусства въ немъ нѣтъ ничего. Передъ отелемъ стоялъ какой-то темный памятникъ, сдѣланный, кажется, изъ бронзы. Городъ чистенькій.

Англичане, замѣчая мое безпокойство и узнавъ причину его, желая пособить мнѣ своими совѣтами, уговорили меня вновь ѣхать въ Кельнъ, осмотрѣть всѣ береговые склады и хранящіяся въ оныхъ вещи, между которыми, можетъ быть, найдется мой потерянный ящикъ. Итакъ, взявъ съ собою столько денегъ, сколько по соображенію нашему было необходимо, остальныя я оставилъ у хозяина отеля и пустился вновь по Рейну, останавливаясь въ каждомъ мѣстечкѣ на правомъ и на лѣвомъ берегу, но ничего не могъ найти ни въ Кельнѣ, ни въ Кобленцѣ. Когда я доѣхалъ до Кобленца, то мой запасъ денегъ, взятыхъ мною, истощился, и я тотчасъ написалъ хозяину отеля въ Мангеймъ, съ просьбою выслать мнѣ денегъ. Отвѣта нѣтъ. Живу недѣлю, живу другую, пишу,—отвѣта нѣтъ. Меня перемѣщаютъ уже на другую, худшую квартиру; у меня бѣлье все износилось, у меня нѣтъ двухъ копеекъ, чтобы перейти мостъ, увидать чудную крѣпость Ehrenbreitenstein. Однимъ словомъ, я въ отчаяніи; пишу, отвѣта нѣтъ, между тѣмъ счетъ моимъ издержкамъ растетъ. Всякій день я завтракаю, обѣдаю, ужинаю, комната, бѣлье и проч. Все порвано, сапоги отказываются служить.

Въ отчаяніи я иду, однажды, послѣ завтрака къ конторкѣ кельнера, который пишетъ счеты издержкамъ путешественниковъ, подхожу и объясняю ему причину потери мною времени, упрашиваю его, нельзя-ли мнѣ сдѣлать кредитъ, обѣщая, что по пріѣздѣ въ Мангеймъ я ему вышлю все сполна. Кельнеръ измѣнилъ

прежнее ласковое обхожденіе со мною, сдѣлался строгимъ, началъ увѣрять, что этого невозможно сдѣлать, что много имѣется путешественниковъ, которые восхищаются Рейномъ, а денегъ въ карманѣ не имѣютъ. „Поживите, можетъ быть, деньги придутъ“, говорилъ онъ.

Я его успокаивалъ тѣмъ, что я ѣду на казенный счетъ и что деньги мои вѣрныя. Наконецъ, онъ замѣтилъ мнѣ, что хозяинъ отеля теперь на охотѣ, и что когда онъ придетъ, то онъ скажетъ ему о моемъ положеніи. Вечеромъ, когда я сидѣлъ за ужиномъ, кельнеръ подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что хозяинъ пріѣхалъ, и я могу передать ему мою просьбу. Вхожу въ его комнату возлѣ нашей общей столовой, вижу, хозяинъ сидитъ, какъ охотники сидятъ на картинахъ фламандской школы, уставшій, опершись руками на ноги, ружье между ногъ, сидитъ сгорбившись, и собаки возлѣ него усталыя спятъ.

— „Извините, что я не всталъ,—усталъ!“ говоритъ онъ мнѣ. Я разсказалъ ему о моемъ несчастіи, что я не могу получить денегъ отъ его сосѣда въ Мангеймѣ.

— „Крайне сожалѣю, что вы прежде не сказали о вашемъ странномъ случаѣ, который заставилъ васъ потерять столько времени. Г. кельнеръ, вы дайте имъ счетъ издержекъ и 5 талеровъ деньгами, чтобы они могли доѣхать и заплатить за мѣсто до Мангейма. По этому счету вы заплатите хозяину отеля въ Мангеймѣ, у насъ съ нимъ есть счеты, и затѣмъ завтра-же утромъ отправляйтесь въ Мангеймъ!“

Я не зналъ, какъ благодарить хозяина. Онъ былъ французъ и не усумнился въ моей честности.

XVI.

Пріѣхавъ въ Мангеймъ, нахожу весь отель полный гостями. Хозяинъ, увидавъ меня, крайне извинялся за свой поступокъ, но путешественники одолѣли его. Онъ тотчасъ разсчитался со мною, вычтя мой долгъ хозяину отеля въ Кобленцѣ, и на другое утро я отправился въ Швейцарію черезъ Страсбургъ, гдѣ все удивило меня. Оставивъ Германію, гдѣ все тихо, переѣхавъ длинный мостъ черезъ Рейнъ, по одну сторону котораго лежитъ

городъ Киль, а по другую—Страсбургъ, вы находите въ послѣднемъ, т. е. въ Страсбургѣ, веселую жизнь, шумъ, всюду огни, кафе полны народомъ. Я восхищался соборомъ, подымался на колокольню и на другой день отправился въ Кольмаръ и оттуда вступилъ, въ самое несносное время, среди дождя и снѣга, въ живописную Швейцарію, которую видѣлъ, закутавшись въ шинель и пальто; я останавливался въ Бернѣ, гдѣ у въѣзда въ городъ видѣлъ яму, обдѣланную камнемъ, съ поломъ, выложеннымъ плитами, и среди нея сухое дерево; все это приспособлено для помѣщенія двухъ медвѣдей, самца и самки, которыхъ содержитъ городъ, такъ какъ медвѣди составляютъ гербъ этого города. Въ Бернѣ, на платформѣ, возлѣ церкви, имѣется ужасная глубина (обрывъ?), гдѣ видна отличная дорога, и на платформѣ вы читаете, на мраморной доскѣ, надпись, что въ такомъ-то году такой-то упалъ съ этой ужасной высоты внизъ, сидя на лошади, и остался живъ. Мнѣ показалось это чудомъ изъ чудесъ.

Проѣзжалъ я и другіе города среди снѣга и холода, пока, наконецъ, мы не пріѣхали въ Женеву, отличный большой городъ. Здѣсь случайно, я увидалъ швейцарку, жившую со мною у m-me Love. Она меня узнала и мы посмѣялись надъ ея благодѣтелемъ англичаниномъ, который ее посѣщалъ и отъ благодѣяній котораго при ней была маленькая дочь трехъ лѣтъ. Въ мое время она была уже беременна, толковала всегда о своемъ мужѣ, котораго никогда не видала, (но за то видѣла) ея благодѣтеля. За столомъ она очень любила лососину, и я ей предсказывалъ, что имѣющійся у нея въ утробѣ плодъ вѣрно будетъ любить эту рыбу, она, смѣясь, говорила, что мое пророчество исполнилось и ребенокъ любитъ лососину. Про благодѣтеля она говорила, что онъ остался въ Лондонѣ, а мужъ ея скончался.

Здѣсь въ Женевѣ я взялъ мѣсто въ общей каретѣ до Пармы за 100 фр. со столомъ. Въ часъ дня, послѣ обѣда, всѣ мы, взявшіе мѣста въ каретѣ, собрались около отеля. Тутъ увидалъ я вновь старуху англичанку и двухъ ирландцевъ, одного изъ нихъ капитана, а другаго молодаго ирландца. Въ Женевѣ я передалъ свой паспортъ слугѣ отеля, чтобы засвидѣтельствовать его у консуловъ сардинскаго и пармскаго. Будучи увѣренъ, что все сдѣлано, какъ слѣдуетъ, сажусь съ другими въ карету

и четверка лошадей по двѣ въ рядъ тронула. Ознакомившись между собою, мы двинулись въ благословенный край земли, въ Италію. Среди кромѣшной темноты подъѣзжаемъ къ небольшому домику. Карета останавливается и требуютъ наши виды. Это была граница Савойи. Нѣсколько минутъ спустя, вдругъ слышу свое имя и мнѣ говорятъ: „Вашъ видъ не прописанъ, вы не можете ѣхать".

Я испугался, увѣрялъ, что слугѣ отеля было заплочено и свидѣтельство консула сардинскаго должно быть. Сколько ни толковалъ я со смотрителемъ станціи, какъ ни упрашивалъ, онъ былъ непреклоненъ. Что дѣлать? Ночь, страна для меня совершенно чужая; карета не будетъ меня ждать; спрашиваю совѣта: что мнѣ дѣлать? Мнѣ предлагаетъ женевскій извозчикъ ѣхать со мною въ Женеву къ сардинскому консулу, дать засвидѣтельствовать паспортъ и вновь сюда же доставить за 20 фр.

— „Здѣсь по пріѣздѣ вы наймете почту, и она васъ доставитъ туда, гдѣ ваша карета остановится ночевать".

Дѣлать было нечего, другихъ средствъ поправить дѣло не предвидѣлось. Былъ день субботній и поздній часъ, я опасался, что консула не застану дома, что онъ будетъ въ гостяхъ или въ театрѣ. Но Богъ помогъ мнѣ въ это отчаянное для меня время. Ѣду, восхищаюсь вечернимъ освѣщеніемъ Женевы, застаю консула дома; подпись сдѣлана, и я ѣду вновь къ непреклонному блюстителю пограничнаго дома. Онъ даетъ свободный пропускъ, но женевскій извозчикъ, получивъ мои 20 фр., не соглашается ни за какія деньги переѣзжать границу, избѣгая большихъ пошлинъ и издержекъ.

Одно я забылъ сказать про Швейцарію: народъ, который я встрѣчалъ, былъ плотный, здоровый и весьма учтивый. Какъ скоро вы видѣли поля воздѣланными и всюду довольство, такъ смѣло могли сказать себѣ: „это, вѣрно, протестантскій кантонъ"; напротивъ того, когда встрѣчалась вамъ бѣдность, неопрятность, поля заброшены, церкви же открыты съ бездною мальчишекъ, играющихъ и валяющихся на паперти, тотчасъ узнаете, что это католическій каптонъ. Эта разница благоденствія и бѣдности въ одной и той-же странѣ, равно плодородной, поразила меня. Еще отмѣчу особенность: вода въ Женевѣ такъ чиста и прозрачна, что на порядочной глубинѣ видно все на днѣ ея.

Получивъ позволеніе переѣхать границу, я попросилъ совѣта у смотрителя: что мнѣ дѣлать. Не смотря на то, что была непроницаемая темнота и что все уже спало, онъ сказалъ мнѣ: „Постучитесь въ сарай и спросите почту, она васъ свезетъ до мѣста, это будетъ стоить немного“. Воспользовавшись его совѣтомъ, я кое-какъ добрался до сарая, стучу, слышу хриплый голосъ что-то говоритъ, затѣмъ отворяются огромныя двери сарая, и вижу полусонную фигуру въ родѣ нашего чухны, спрашиваю почты, онъ на варварскомъ французскомъ діалектѣ говоритъ: „Un cheval“. — Да, отвѣчаю. Онъ выдвигаетъ отчаянную телѣгу, кладетъ въ нее нѣсколько соломы, запрягаетъ лошадь, садится, и мы пустились въ дорогу; въ горахъ раздавались легкіе удары грома и сверкала молнія. Страхъ овладѣлъ мною. Нигдѣ не было видно ни души; вдали возвышались огромныя горы. Мысль, что я въ Италіи, въ странѣ разбойниковъ, пугала меня; на каждомъ шагу, при видѣ куста или камня, мнѣ чудились разбойники. Мой возница былъ безгласенъ, пока вдали не показался огонекъ и карета, стоявшая безъ лошадей, что и обрадовало меня, такъ какъ я полагалъ, что это, должно быть, нашъ возница; мой чухна также показывалъ на нее пальцемъ, кивая головою въ знакъ того, что это она. Подъѣхавъ, вхожу въ комнату и нахожу моихъ спутниковъ-ирландцевъ, сидящихъ за столомъ и у каждаго по стакану грога. Они поздоровались со мною и поздравили меня съ успѣхомъ. Поужинавъ, мы разстались, а утромъ рано отправились въ дальнѣйшій путь. Вокругъ была зима, нигдѣ не виднѣлось ни листочка зелени, и вдоль дороги, по которой мы ѣхали, съ одной стороны тянулась рѣченка, на которой видно было много льда. Кутаясь все болѣе и болѣе отъ холода, чрезъ нѣсколько дней мы подъѣхали къ подошвѣ горы Mont-Cenis, чрезъ которую намъ приходилось перебраться на другой день и быть уже въ настоящей Италіи, въ Сардинскомъ королевствѣ.

Не могу забыть, что во все время этого пути передъ нашими глазами возвышались альпійскія горы, на которыхъ лѣпились деревни, казавшіяся, въ сравненіи съ огромными горами, — птичьими гнѣздами; на этихъ горахъ имѣется нѣсколько наносной земли, на которой бѣдный народъ сѣетъ свои овощи. Меня удивляло трудолюбіе человѣка; крестьянинъ, поселившійся тутъ, имѣя

удѣломъ вмѣсто плодородной земли голый камень или гранитъ, въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ и семейству своему пропитаніе.

Подъѣхавъ къ городу Кьюзи, который стоитъ у самой подошвы горы Mont Cenis, извозчикъ просилъ насъ поранѣе лечь спать, ибо завтра намъ предстоитъ трудный подъемъ на гору, для чего и нужно начать его съ ранняго утра. Мы исполнили его просьбу, и утромъ, въ 5 часовъ, насъ подняли на ноги; позавтракавши и садясь въ карету, мы увидали запряженными въ ней до пяти паръ сильныхъ воловъ, позади-же кареты были привязаны наши четыре лошади. На дворѣ было очень холодно, и мы поскорѣе усѣлись въ нашъ экипажъ. Волы тронулись при громкихъ крикахъ и понужденіяхъ со стороны ихъ хозяевъ, которые длинными шестами понукали ихъ то въ бокъ, то въ шею, и тѣмъ не давали имъ время лѣниться, а заставляли ихъ тащить на весьма крутую гору этотъ сильный грузъ: карету съ извозчикомъ и четырьмя сѣдоками. Вокругъ все было мертво: камень и снѣгъ; жизнь слышалась только въ крикахъ и понуканьѣ погонщиковъ воловъ. Это длилось 4 или 5 часовъ, пока, наконецъ, мы не взобрались на вершину горы, гдѣ намъ представилась небольшая площадка, съ бѣднымъ домишкой и съ небольшимъ озеромъ въ сторонѣ. Передъ нами появилась бѣдная женщина, почти въ лохмотьяхъ, съ вопросомъ—что мы желаемъ кушать. Мы узнали отъ извозчика, что у нея, кромѣ яичницы, ничего не достанешь, то и заказали ей яичницу. Вокругъ этой площадки во всѣ стороны не видать было ни малѣйшихъ признаковъ жизни; холодъ проникалъ черезъ наши теплыя одежды и мы должны были войти въ бѣдное жилище, чтобы согрѣться. Хозяйка изготовила намъ яичницу, дала немного кислаго вина, и при хорошемъ аппетитѣ мы все съѣли и выпили. Нашъ извозчикъ впрегъ уже свою четверку лошадей, волы-же стояли въ сторонѣ и отдыхали; каждый изъ насъ далъ погонщикамъ на чай по мелкой монетѣ. Нашъ извозчикъ сильно скрѣплялъ колеса для предстоявшаго крутаго спуска съ горы. Расплатившись, мы усѣлись на свои мѣста и я не предчувствовалъ, что съ вышины Mont-Cenis я распростился съ зимою на цѣлыя 15 лѣтъ.

При спускѣ, въ скоромъ времени мы почувствовали теплоту, начали помаленьку скидывать съ себя пледы, затѣмъ шинели.

Чудо перерожденія представилось моему взору: всюду зелень, голубое небо, палящее солнце. Долой пальто, жарко дѣлается въ каретѣ. Боже мой, что за прелесть! Вчера былъ холодъ, вокругъ все было мертво, обнаженныя деревья стояли какъ черные истуканы и украшали мертвую природу. Теперь-же цвѣтущее веселое лѣто, вся природа въ зелени и солнце радуетъ и живитъ палящими своими лучами. Это перерожденіе дало мнѣ понять, отчего Италія называется садомъ Европы. Къ пяти часамъ вечера мы были въ гостинницѣ, гдѣ почувствовали себя немного разочарованными. Народъ показался мнѣ страждущимъ, неопрятнымъ и бѣднымъ, послѣ тѣхъ мѣстностей Европы, которыя я проѣзжалъ, особенно послѣ Швейцаріи, сосѣдки Италіи. Видъ поселянъ меня пугалъ: они стояли кое-гдѣ въ артистическихъ позахъ, плащи закинуты на плечи ловко, художественно, но они всѣ изношены и въ заплатахъ; характерныя лица, съ прекрасными, темными волосами, но цвѣтъ лица желтый, лихорадочный,—они выглядятъ тщедушными. Вообще мнѣ показалось, что гдѣ природа такъ богата своими дарами, человѣкъ мало заботится о себѣ и какъ будто не соотвѣтствуетъ ея прелестямъ и красотамъ.

XVII.

Пріѣхавъ въ Туринъ, столицу Сардиніи, я восхищался чистотою и отличными постройками города, былъ въ картинной галлереѣ и вечеромъ въ богато украшенномъ театрѣ. Здѣсь было для меня новостью: за обѣдомъ, вмѣсто хлѣба, даютъ сушеныя, длинненькія палочки отличной бѣлизны, съ которыми и кушаютъ супъ. Потомъ я удивлялся роскошнымъ мундирамъ офицеровъ, но для этой роскоши крестьянинъ сильно обложенъ податями.

Здѣсь также даю слугѣ отеля засвидѣтельствовать свой паспортъ у папскаго нунція, и въ полной увѣренности, что все сдѣлано какъ слѣдуетъ, уѣзжаю въ Парму. Здѣсь кончилось мое условіе съ извозчикомъ, который взялся довезти меня изъ Женевы до Пармы и ѣхалъ съ другими сѣдоками далѣе. Распростившись съ моими сотоварищами по путешествію и выплативъ должное извозчику, я остался въ Пармѣ, гдѣ находилась извѣстная, единственная во всей Италіи, гравировальная школа, руко-

водимая извѣстнымъ профессоромъ гравированія г. Тоски, ученикомъ г. Бервика въ Парижѣ и другомъ Уткина. Я познакомился съ симъ достойнымъ профессоромъ, видѣлъ его работу и работы его учениковъ, которые стекались къ нему со всей Италіи; между ними были нѣкоторые нѣмцы и даже французы. Онъ былъ красивый, дородный мужчина, любимъ и поощряемъ супругою Наполеона I-го, Маріею Луизою, держался либеральной партіи въ Италіи, за что̀ даже пострадалъ, но при жизни Маріи Луизы ему все прощалось. Подъ ея правленіемъ художества и науки въ Пармѣ процвѣтали и народъ былъ счастливъ.

Погостивъ въ Пармѣ, я отправился въ Болонію; на дорогѣ останавливаютъ нашего возницу, говорятъ: „Это мѣсто—граница папскаго владѣнія“. Среди поля стоятъ два, три солдата, съ таможеннымъ во главѣ, требуютъ паспорта. Боже мой, со мною повтореніе того-же случая, что̀ было ночью на границѣ Савойи! Таможенный говоритъ: „Вашъ паспортъ не засвидѣтельствованъ въ Туринѣ папскимъ нунціемъ“. Вновь увѣренія съ моей стороны, что мною все сдѣлано и заплачено. Къ счастью, у папскихъ чиновниковъ нѣтъ той строгости, какъ у савойскихъ: давъ нѣсколько денегъ одному и другому, я могъ проѣхать, но они дали мнѣ замѣтить, что въ Болоніи я встрѣчу нѣкоторыя затрудненія; ихъ слова исполнились. Пріѣхавъ въ городъ поздно вечеромъ, я узнаю, что въ томъ-же отелѣ, гдѣ я остановился, проживаетъ русскій художникъ Ѳедоровъ. Я съ нимъ познакомился и узналъ, что онъ пенсіонеръ Демидовыхъ, ученикъ К. П. Брюллова, и пріѣхалъ съ нимъ изъ Рима, такъ какъ Брюллову заказана копія съ знаменитой картины Рафаэля „Св. Сицилія“.

Къ 10 ч. утра зовутъ меня въ полицію, гдѣ начальникъ этого ужаснаго учрежденія во время владычества Италіи австрійцами, встрѣтилъ меня съ грознымъ видомъ, такъ какъ мой паспортъ показывалъ, что я жилъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ; накинулся онъ на меня со словами, что мнѣ надобно немедленно оставить Болонію и папскую область. Я началъ доказывать совершенно противное, что „я посланъ правительствомъ, что у меня теперь денегъ нѣтъ, и если вы имѣете на то право, то дайте мнѣ средства возвратиться домой и представить ваше поведеніе съ лицомъ, посланнымъ правительствомъ.

„Очень хорошо, я васъ представлю теперь къ его эминенцѣ

кардиналу нунцію", и съ этими словами онъ вводитъ меня въ богатый залъ, обитый матеріею, на окнахъ тяжелыя малиновыя занавѣси, по стѣнамъ картины и отличный коверъ подъ ногами. Является кардиналъ, весь въ пурпурѣ, съ косымъ глазомъ и сердитымъ взглядомъ.

— „Вы изволили у всѣхъ засвидѣтельствовать вашъ паспортъ, а на владѣніяхъ св. отца папы вы не удостоили его нунція въ Туринѣ получить его подпись?"

Я ему разсказалъ, какъ обманываютъ и обкрадываютъ слуги отелей иностранцевъ, особенно меня, какъ художника, недавно окончившаго свое воспитаніе и посланнаго правительствомъ для усовершенствованія. „Я этого не могу принять въ оправданіе", былъ отвѣтъ косоглазаго кардинала.

— „Тогда буду просить снабдить меня средствами для возвращенія въ отечество, ибо ожидаю свое содержаніе получить здѣсь или въ Римѣ, теперь-же я не имѣю средствъ возвратиться въ отечество, ибо ожидаю своего содержанія".

Онъ началъ думать и рѣшилъ: „Вы должны выплатить вашу пошлину, слѣдуемую канцеляріи въ Туринѣ, и затѣмъ можете оставаться, сколько вамъ заблагоразсудится".

Я получилъ свой паспортъ, съ радостью увидѣлся съ К. П. Брюлловымъ, началъ рисовать въ отличной галлереѣ картинъ болонской школы: тутъ была „Св. Сицилія" Рафаэля; эта галлерея называлась „La Pinacoteca". Вечеромъ я уговорилъ К. Брюллова ходить въ вечерніе классы рисовать съ натуры; на это онъ согласился, и болонскіе ученики были въ восхищеніи. Онъ нарисовалъ всего одну фигуру, и академія, взявъ его рисунокъ въ оригиналы въ граверный классъ, присудила ему серебряную медаль.

Ѳедоровъ пріискалъ мнѣ отличную квартиру со столомъ, кажется за 15 скуди. Болонія—преоригинальный городъ: всѣ нижніе этажи домовъ состоятъ изъ прикрытыхъ арокъ, дождя нечего бояться и зонтиковъ не нужно, за то и неба не видать. Городъ украшенъ прекраснымъ фонтаномъ, работы Жанъ де Булоня. Соборъ, какъ и въ другихъ городахъ Италіи, не оконченъ. К. П. Брюллова уважали въ Болоніи, какъ нѣкогда Рафаэля въ Римѣ; его сопровождали всегда знакомые и художники, хватали каждое его слово. Онъ собирался купить дворецъ и поселиться въ Болоніи. Въ то время на театрѣ пѣла зна-

менитая пѣвица Паста, и Брюлловъ, будучи восхищенъ ея талантомъ, началъ съ нея портретъ во весь ростъ, который никогда не былъ оконченъ. Когда онъ пожелалъ начать писать копію съ Рафаэля „Св. Сицилія", ему отвели особенный кабинетъ, сняли оригиналъ, чего не дѣлали ни для кого другаго.

Между тѣмъ Брюлловъ пріискалъ мнѣ отличную картину въ церкви Madonna de la Galliera, „Св. Семейство", въ ростъ, со славою ангеловъ—лучшая работа Франческо Альбани. Къ сожалѣнію, оригиналъ находился надъ алтаремъ, на которомъ все утро до 12 ч. дня происходила служба, и я могъ работать въ темные зимніе дни только отъ 12 до 3 часовъ, въ совершенно маленькой темной церкви, гдѣ отъ темноты не было почти ничего видно, а отъ холода руки коченѣли. Такимъ образомъ, промучась все это время, я не могъ, къ сожалѣнію, кончить рисунка.

Во время карнавала я съѣздилъ изъ Болоніи на нѣсколько дней въ Венецію, радовался случаю увидать этотъ весьма и вполнѣ оригинальный городъ и талантливыя произведенія ея архитекторовъ, дворцы дожей и вліятельныхъ лицъ; на той-же степени совершенства находилась и ея живопись, которая украшаетъ какъ дворцы Венеціи, такъ и дворцы многихъ европейскихъ государей; ея каналы, площадь св. Марка и соборъ, дворецъ дожей и картинная галлерея производятъ удивленіе; но этотъ городъ навелъ на меня скуку, такъ какъ я во все время въ Венеціи не видалъ ни лошади, ни коровы, ни зелени. Осмотрѣвъ, что могъ, я возвратился въ Болонію.

Моими хозяевами были отставной косой бородобрей, у котораго была превысокая и претолстая жена, sig-ra Тереза. У нихъ была прещедушная дочь. Кормили они меня отлично: каждый день куриный супъ, затѣмъ жаркое—опять курица: эти пернатыя въ Болоніи ни по чемъ. Вино пили отличное. Но провинціальный говоръ жителей Болоньи, совершенно не схожій съ итальянскимъ, рождаетъ въ васъ скуку, не зная, какъ привыкнуть къ настоящему итальянскому языку.

Относительно Брюллова я началъ замѣчать, что Болонія, не смотря на всѣ его похвалы здѣшнимъ художникамъ и на его желаніе купить здѣсь дворецъ и совсѣмъ поселиться, начала ему надоѣдать, что совершенно согласовалось съ его непостояннымъ характеромъ, и я видѣлъ, что все это кончится мыльнымъ

пузыремъ. Онъ началъ, однажды, поговаривать въ кофейной, что ему слѣдуетъ съѣздить на недѣлю, на двѣ въ Римъ по своимъ дѣламъ; я тотчасъ разсмѣялся и сказалъ: „Въ Болоніи васъ не увидятъ болѣе, вотъ и вашъ дворецъ, который вамъ доставался такъ дешево. Хорошо еще, что не дали задатка, иначе вамъ-бы пришлось его потерять!“

— „Ну нѣтъ, отвѣчалъ онъ, возвращусь, — мнѣ Болонія и болонцы очень нравятся!“

Я радовался видѣть здѣсь каждое утро, на площади, знаменитаго композитора Россини, который въ мое время, въ 1835 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, торговалъ хлѣбомъ и имѣлъ карманы, полные фунтиками съ пробами разнаго хлѣба. Въ Болоніи всѣхъ разомъ удивилъ слухъ, что К. П. Брюлловъ уѣзжаетъ. Mad-me Pasta желаетъ видѣть оконченнымъ свой портретъ; академія-же не знаетъ, какъ поступить съ картиною Рафаэля „Св. Сицилія“: она снята, публики-же хочется ее видѣть, между тѣмъ его друзья говорятъ, что Брюлловъ скоро воротится.

Итакъ Брюлловъ уѣхалъ въ Римъ. Безъ него стало скучно. Ѳедоровъ былъ крестьянинъ, только одѣтый по модѣ. На третьей недѣлѣ великаго поста пишу въ Римъ покойному архитектору Н. Е. Ефимову, съ просьбою пріискать мнѣ меблированную комнату. Н. Е. Ефимовъ,—архитекторъ-строитель Новодѣвичьяго монастыря въ Петербургѣ, двухъ домовъ на Исакіевской площади, департаментовъ удѣльнаго вѣдомства и государственныхъ имуществъ, строитель Эрмитажа, который сгубилъ его, отъ непростительныхъ взятокъ (онъ умеръ въ 1852 году),—Н. Е. Ефимовъ, какъ единственный товарищъ моего пенсіонерства и единственный художникъ, котораго я зналъ короче другихъ пенсіонеровъ нашихъ въ Римѣ, пріискалъ мнѣ квартиру № 104, Via Gustina, у старушки sig-ra Maddalena; получивъ этотъ адресъ, я простился съ Болоньею и отправился прежде во Флоренцію.

XVIII.

Флоренція, именуемая Новые Аѳины, — премилый городъ, съ прелестными архитектурными зданіями, съ единственными двумя картинными галлереями: 1) gli Uffizii и 2) во дворцѣ Питти. Обѣ галлереи полны превосходными произведеніями живописи, скульптуры и собраніями оригинальныхъ рисунковъ.

Каждый шагъ въ Флоренціи ознаменованъ, можно сказать, историческими воспоминаніями среднихъ вѣковъ: дома содержатся въ оригинальной чистотѣ; превосходныя церкви полны сокровищъ искусства и науки. Весь городъ вымощенъ плитою, имѣетъ отличныя набережныя съ перекинутыми каменными мостами.

Тутъ я встрѣтилъ нашего земляка Ивана Ильича Великанова, который, бывъ прежде крѣпостнымъ человѣкомъ князя Трубецкаго, сдѣлался богачемъ чрезъ своихъ путешествующихъ земляковъ, которымъ онъ продавалъ русское добро въ три-дорого, начавъ съ курительнаго табака Жукова. Жена его, француженка, была ему помогою въ его торговлѣ шитьемъ воротничковъ, шемизетокъ и т. п., чѣмъ они составили себѣ почтенный капиталецъ; затѣмъ онъ открылъ банкъ для своихъ же земляковъ, наконецъ, снялъ поставку мрамора для Исаакіевскаго собора и для московскаго храма Спасителя и тѣмъ уже совершенно округлилъ свой изрядный капиталецъ. Впрочемъ, И. И. Великановъ не долго могъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ: переѣхавъ въ Петербургъ, онъ купилъ каменный домъ, но грудная болѣзнь преждевременно свела его, въ лучшихъ годахъ, въ могилу. Въ его крохотномъ магазинѣ, на рѣкѣ Арно, я видался съ другими личностями, ибо по вечерамъ въ его магазинѣ собирались и русскіе, и иностранцы.

Тутъ жилъ еще другой богатый человѣкъ г. Маріотти, который изъ повара, служившаго у русскаго князя, сдѣлался впослѣдствіи банкиромъ и имѣлъ прекрасный каменный домъ противъ дворца Питти. Онъ имѣлъ жену русскую и дочь, обѣ строго православныя.

Осмотрѣвъ все, что̀ касается до художества всѣхъ родовъ, я отправился въ Римъ, какъ еврей въ обѣтованную землю. Дорогою у насъ случилось несчастіе: колесо соскочило съ мѣста и карета сильно накренилась; въ каретѣ были попы и они въ одинъ голосъ закричали: „S-ta Barbara, salve nos!“ („Святая Варвара, спаси насъ“). Когда мы въѣхали въ народныя ворота (Porta del Popolo), то Римъ поразилъ меня своею обширною площадью съ статуями и фонтанами съ обѣихъ сторонъ и зеленью. Съ лѣвой руки, поднимаясь вверхъ, приходишь на гору, именуемую Monte-Pincio, гдѣ разведенъ Піемъ VII отличный садъ, называемый La Passegiata del Monte Pincio, и гдѣ публика совершаетъ свои вечернія прогулки, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ

и развлечься. Эта площадь имѣетъ что-то фантастическое, заставляющее сказать себѣ: „Вотъ столица искусствъ“. Посреди стоитъ обелискъ, у подножія его опять фонтанъ, итого три фонтана, при первомъ только въѣздѣ въ Римъ. Въ концѣ этой площади, противъ народныхъ воротъ (del Popolo), имѣются три улицы, которыя вводятъ путешественника въ Римъ; онѣ въ родѣ лучей ведутъ къ замѣчательнымъ мѣстамъ Рима, а именно съ правой руки Strada del Ripetto, улица Рипетто, ведетъ черезъ мостъ св. Ангела, набережною рѣки Тибра, къ св. Петру. Улица del Corso (Корсо), главная артерія Рима, какъ нашъ Невскій проспектъ, оканчивается кампидоліемъ, и передъ нимъ древній Римскій Foro Romano (римскій форумъ), можно сказать, нашъ главный штабъ. На этомъ форумѣ заключалось все: и храмы для молитвы, и увеселенія, и битвы въ колизеѣ, и тріумфальныя арки для воздаянія почестей возвращавшимся побѣдителямъ. Третья улица, Il Babuino (улица Бабуино) ведетъ къ испанской площади — мѣстопребываніе богатыхъ путешественниковъ. Она оканчивается Propaganda del Fede (пропаганда)—это строеніе знаменито не своею архитектурою, а какъ разсадникъ католической вѣры, въ которомъ воспитываются молодые люди всѣхъ частей свѣта кромѣ Россіи; это заведеніе дѣлаетъ честь папѣ и его сподвижникамъ іезуитамъ, но еще бо̀льшая честь и удивленіе принадлежатъ Россіи. Она, окруженная со всѣхъ сторонъ дѣятельнымъ и проницательнымъ католицизмомъ, могла сохранить въ продолженіе десяти вѣковъ свою православную вѣру, что̀ и должно удивлять каждаго.

Затѣмъ слѣдовали два знаменитыя заведенія, извѣстныя каждому художнику-иностранцу, какъ и посѣтителю Рима, это: трактиръ Лепре и кафе Греко; въ послѣднемъ вы отыщете всякаго художника. Туда приходятъ всѣ письма и завѣтный ящичекъ, находящійся на полочкѣ за спиною кофейщика, котораго обязанность и разливать кофе, и подавать спрашивающему ящичекъ, въ которомъ находятся всѣ заграничныя письма, которыя каждый художникъ пересмотритъ. Этотъ ящичекъ былъ полонъ и радости, и неутѣшной скорби, въ случаѣ потери кого-либо дорогого сердцу на родинѣ. Въ трактирѣ-же Лепре вы найдете жителей всѣхъ странъ свѣта; за каждымъ столомъ слышенъ свой языкъ, изъ коихъ русскій царствуетъ надъ всѣми своимъ шумомъ и спорами.

По пріѣздѣ въ Римъ, не смотря на его грязь и стертыя стѣны домовъ, вы немедленно съ нимъ дружитесь. Все въ немъ грязно (1835 г.), но великолѣпно!

Я отыскалъ и г. Ефимова, и мою скромную комнату съ поломъ, имѣвшимъ огромную впадину по серединѣ, которая весьма часто заставляла меня опасаться, что мы со старухою хозяйкою, съ ея мебелью и всѣми пожитками рано или поздно задавимъ нижняго продавца окороковъ, провалившись въ его лавку. Моя хозяйка, s-ra Maddalena, едва могла передвигать ноги, имѣя почти 80 лѣтъ, но была добрая и попечительная хозяйка, отнюдь не строгая къ посѣщенію женскаго пола. Помѣстившись, какъ слѣдуетъ, и сторговавъ цѣну по 3 скуди въ мѣсяцъ, я посѣтилъ кафе Греко и первымъ изъ встрѣтившихся мнѣ соотечественниковъ былъ Ѳ. Ѳ. Рихтеръ—пенсіонеръ архитектуры, котораго я сразу полюбилъ и мы остались друзьями до самой его смерти (1868 г.).

Тутъ встрѣтилъ я нашихъ знаменитостей: К. П. Брюллова и Ореста Ад. Кипренскаго, затѣмъ познакомился съ остальными товарищами, какъ-то: съ двумя братьями Марковыми, А. А. Ивановымъ, П. Н. Орловымъ и другими, коихъ именъ за давностію времени не припомню.

Невозможно описать той радости, какую я испыталъ при видѣ Форо Романо, при видѣ храмовъ, остатковъ великаго Рима, арки Септимія Севера, Тита, величественнаго колизея и даже римской мостовой временъ императоровъ, составленной изъ большихъ плитъ съ обозначившимися на нихъ впадинами отъ бѣга колесницъ. Тутъ вы чувствуете какое-то священное воспоминаніе тѣхъ школьныхъ страницъ изъ римской исторіи, изучая которую вы, какъ юноша, восхищались; теперь-же вы гуляете на священной землѣ побѣдителей всего почти извѣстнаго міра, гуляете и не можете отдать себѣ отчета въ этой радости; притомъ надъ вами простирается чудная лазурь неба и, не смотря на апрѣль мѣсяцъ, всюду тепло и зелено. Отъ Кампидоліо мало осталось древнихъ его строеній. Не вдалекѣ находится темница, въ которой былъ заключенъ апостолъ Петръ и выведенъ оттуда ангеломъ. Колизей же, который сохранился, какъ и пантеонъ, лучше другихъ остатковъ древности, воскрешаетъ столько трогательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныхъ воспоминаній, гдѣ каждая пядь земли омыта кровью св. великомучениковъ за вѣру Христа

Спасителя! И сколько разъ являлась мнѣ затѣмъ мысль: „Боже, дай этимъ камнямъ гласъ и они повѣдаютъ и бывшія торжества этихъ мѣстъ форума и страданія св. мучениковъ и скажутъ намъ то, что̀ не могли передать намъ лѣтописи, ибо камни эти стоятъ еще въ томъ видѣ, въ какомъ были воздвигнуты торжествующимъ Римомъ“.

Осмотрѣвъ Форумо Романо, я отправился въ Ватиканъ, сокровищницу лучшихъ произведеній искусствъ, живописи и скульптуры. При видѣ богатѣйшихъ остатковъ греческой скульптуры, здѣсь также, какъ на Форумѣ, рождается мысль, что Ватиканъ есть тотъ-же Форумъ,—одинъ для архитектуры, другой для скульптуры.

Все, что̀ мы видѣли у себя въ академіи, съ чего учились, чѣмъ восхищались, всѣ статуи, которыя были отлиты изъ гипса, которыя часто грязнились, ломались,—теперь въ Ватиканѣ вы все это встрѣчаете въ оригиналѣ, изъ мрамора, надъ кускомъ котораго сидѣлъ нѣкогда самъ Ѳидіасъ или Пракситель. Разсматривая эти чудеса искусства и переносясь мыслію въ мастерскія этихъ боговъ искусства, трудившихся двадцать два вѣка тому назадъ, вы видите ихъ какъ-будто передъ работою; ихъ произведенія, проживъ столько вѣковъ и бывъ свидѣтелями столькихъ превратностей въ искусствѣ, сохраняемыя какъ-будто богами, дошли, наконецъ, до нашихъ временъ, чтобы сдѣлаться наставниками дѣтей XIX столѣтія. Стоишь передъ ними, вспоминаешь художниковъ и благоговѣешь передъ ними. Не есть-ли Божій даръ видѣть предъ собою торсъ Аполлона Бельведерскаго, Лаокоона съ дѣтьми, Антиноя, Клеопатру и множество другихъ, которыми переполнено это дивное собраніе скульптурнаго богатства! Преисполненный восхищеніемъ, подымаешься наверхъ, гдѣ имѣется собраніе картинъ. Ихъ немного, но всякая изъ нихъ можетъ быть перломъ любаго европейскаго собранія. Между этими картинами хранится лучшая картина по рисунку и сочиненію, которую смѣло можно назвать безсмертною картиною Рафаэля, это—„Преображенье“; по сосѣдству помѣщена здѣсь-же картина Доминикино „Пріобщеніе св. Іеронима“ и мн. др. Осмотрѣлъ превосходныя произведенія Рафаэля Санціо и капеллу Сикстинскую съ страшнымъ судомъ и всѣмъ плафономъ работы Микель-Анджело. Всѣ эти дивныя произведенія служили

и будутъ служить рѣдкимъ образцомъ полнаго совершенства исторической живописи.

Осмотрѣвъ и познакомившись съ частными галлереями, я нашелъ въ Ватиканѣ картину „Невѣріе Ѳомы“, работы Гверчино, —поясныя фигуры, но К. П. Брюлловъ, услыхавъ отъ меня, что я остановилъ свой выборъ на Гверчино, разсердился и началъ совѣтовать взять для гравированія то, что̀ есть лучшее въ Римѣ по части живописи,—„поэтому совѣтую вамъ приступить прямо къ рисунку съ „Преображенья“ Рафаэля, говорилъ онъ. Я удивился его неумѣстному совѣту,—совѣту даже несбыточному, что̀ съ моей стороны было-бы дерзостью, „а такъ какъ около оригинала имѣется масса копировальщиковъ, то мнѣ придется ждать годъ или болѣе“, возразилъ я. „Это мое дѣло, отвѣчалъ К. П. Брюлловъ, черезъ два дня вы получите позволеніе“.

Это время, эти два дня, я скучалъ, не зная, что̀ со мною станется. Подобное грандіозное предпріятіе, въ то время, какъ мнѣ оставалось всего 18 мѣсяцевъ получать академическое содержаніе, пугало меня; а что я буду послѣ дѣлать? Думалъ, думалъ и, наконецъ, сказалъ себѣ: „Никто какъ Богъ, буду работать, о будущемъ-же не хочу думать, предоставляю все Провидѣнію“.

И дѣйствительно исполнилось такъ, какъ обѣщалъ мнѣ К. П. Брюлловъ.

Ѳ. И. Іорданъ.
Сообщ. **В. А. Іорданъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМІРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

XVIII [1]).

Отъѣздъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ.—Приключенія на пути.—Письмо отъ Макрины и ея откровеніе.

Всего я пробылъ въ Царьградѣ два мѣсяца. Въ началѣ февраля 1848 года я пустился въ путь верхомъ, въ сопровожденіи двухъ нанятыхъ мною людей, знающихъ турецкій языкъ, — поляка и босняка, чрезъ Ядринъ (Адріанополь), Татаръ-Базарджикъ, Средецъ (Софію) и Нишъ въ Бѣлградъ. Ѣхалъ я въ свѣтскомъ платьѣ, подъ званіемъ доктора и за римскимъ паспортомъ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ этомъ пути. Можно себѣ представить, какое это было путешествіе въ тѣ времена, при самыхъ примитивныхъ путяхъ сообщенія, когда еще не было и помину о желѣзной дорогѣ, и при отсутствіи общественной безопасности, въ мѣстности гористой, населенной различными племенами. Погода намъ не очень-то благопріятствовала: на второй или третій день подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и принесъ дождь съ градомъ. Такой холодъ не оставлялъ насъ и дальше. Дрожа отъ стужи, мы пробирались по обширной равнинѣ. Мой боснякъ увѣрялъ меня, что онъ хорошо знаетъ дорогу, и потому я не бралъ проводника; между тѣмъ, уже день клонился къ вечеру,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюль, стр. 1—26; сентябрь, стр. 559—578.

а еще предстояло переправляться чрезъ рѣку Марицу. Къ счастью, намъ попались на пути какіе-то проѣзжіе. Мы ихъ спросили: «такъ-ли мы ѣдемъ въ такое-то мѣстечко?» — «Вы сбились съ пути! Поѣзжайте въ сторону: тамъ найдете тропинку, ведущую къ броду». Уже смеркалось, когда мы добрались до рѣки Марицы. Въ темнотѣ ѣхали мы долго, не зная, куда направиться. Наконецъ, заблистали огоньки, и мы направили туда нашихъ лошадей. Попали мы въ греческую деревню, имѣющую, къ счастію, ханъ (постоялый дворъ), въ которомъ мы и переночевали. Отъ продолжительныхъ дождей дорога до того испортилась, что мѣстами грязь была лошадямъ по колѣно. Лошадь подо мною, купленная въ Царьградѣ, отказывалась идти дальше, поэтому я рѣшился въ первомъ мѣстечкѣ продать всѣхъ трехъ лошадей, и продолжать путь на почтовыхъ. Тѣмъ временемъ случилось одно забавное приключеніе. На ночлегъ мы остановились въ какой-то болгарской деревушкѣ. Ночью схватилъ крѣпкій морозъ съ пронизывающимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Собираясь на слѣдующій день въ путь, мы послали за проводникомъ. Сынъ содержателя хана вызвался намъ показывать дорогу, и, закутавшись потеплѣе отъ морознаго вѣтра, мы тронулись гуськомъ одинъ за другимъ Спустившись въ оврагъ, въ которомъ была нѣкоторая защита отъ вѣтра, мы остановились, чтобы обогрѣться и собраться съ силами, какъ вдругъ мы замѣтили, что ѣхавшій позади насъ полякъ не оказался на лицо. Немедленно я послалъ болгарина проводника на розыски. Спустя часъ или полтора, онъ возвратился и доложилъ, что полякъ, увидѣвъ его издали, повернулъ лошадь и бѣжалъ. Я недоумѣвалъ по поводу случившагося и велѣлъ тронуться въ дальнѣйшій путь. Прибывъ къ вечеру въ какое-то мѣстечко, мы остановились на ночлегъ, рѣшившись дожидаться нашего бѣглеца. На слѣдующій день около полудня явился нашъ полякъ и разсказалъ намъ о причинѣ своей остановки и своего страннаго бѣгства. Оказалось, что у него два раза рвалась подпруга; поправляя ее, онъ отсталъ, крича намъ изо всей мочи, чтобы мы остановились, но мы, должно быть, не слышали. Онъ уже насъ потерялъ изъ виду, какъ вдругъ замѣтилъ скачущаго стремительно на него турка. Тогда онъ, повернувъ свою лошадь, бросился опрометью бѣжать. Затѣмъ онъ сбился съ пути и, пробродивъ то сюда, то туда, попалъ въ какую-то болгарскую деревушку, откуда его, послѣ небольшаго отдыха, взялся проводить явившійся съ нимъ болгаринъ. Недоразумѣніе объяснилось тѣмъ, что нашъ проводникъ, выѣхавши изъ оврага на поиски за полякомъ, обмоталъ для защиты отъ вѣтра свою феску платкомъ: вышло что-то въ родѣ турецкой чалмы, и не удивительно, что нашъ полякъ принялъ мирнаго болгарина за воинственнаго турка и счелъ нужнымъ обратиться въ бѣгство. Въ этомъ мѣстечкѣ, между прочимъ, я продалъ съ значительною потерею своихъ лошадей и пустился въ дальнѣйшій путь уже на почтовыхъ, но, разумѣется, верхомъ.

Въ Ядринѣ (Адріанополѣ) я задержался на два дня. Тамъ меня дожи-

дались два письма: одно отъ Макрины, а другое отъ ксендза Яловицкаго Макрина умоляла меня, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Римъ, принять на себя духовное управленіе обновляющагося за ея стараніями чина Василіанокъ и защитить ее отъ притѣсненій ксендза Яловицкаго, съ наглостію принуждающаго ее принять латинскій обрядъ. Яловицкій точно также уговаривалъ меня возвратиться въ Римъ, такъ какъ орденъ змартвыхвстанцевъ принялъ уставъ св. Венедикта, весьма похожій на уставъ св. Василія, а Макрина, принявъ латинскій обрядъ, поступила подъ начальное управленіе ихъ ордена. Съ недоумѣніемъ читалъ я и сравнивалъ эти письма. По возвращеніи моемъ въ Римъ дѣло немножко выяснилось. Макрина дѣйствительно подвергалася притѣсненіямъ со стороны Яловицкаго и, не будучи въ силахъ устоять, согласилась принять латинскій обрядъ. Дѣло съ змартвыхвстанцами происходило слѣдующимъ образомъ. Наступило время избранія настоятеля. Выборъ палъ на ксендза Іеронима Кайсевича. Тогда Макрина, узнавъ объ этомъ, объявила монахамъ: «всю ночь я молилась, а въ полночь я услышала троекратно слова: Іосифу быть настоятелемъ; пусть орденъ приметъ уставъ св. Венедикта!» Патры змартвыхвстанцы, признававшіе Макрину святой, приняли ея слова за откровеніе Божіе, собираются вторично, низлагаютъ Кайсевича, которому уже успѣли дать обѣтъ послушанія, и избираютъ настоятелемъ Іосифа Губе, принявъ уставъ св. Венедикта. Исполнивъ это, они идутъ къ папѣ и просятъ его благословенія и признанія ихъ бенедиктинцами. Папа, однако, на тотъ разъ не повѣрилъ откровенію и не пожелалъ утвердить измѣненіе устава, сказавъ при этомъ, что «хотя уставъ св. Венедикта святой, но настоящее время имѣетъ свои потребности; поэтому устройтесь такъ, чтобы всѣ ваши труды были на славу Божію и на пользу церкви; тогда только можно вамъ будетъ просить объ утвержденіи чина». Спустя нѣкоторое время змартвыхвстанцы перессорились съ Макриною и ихъ взаимныя отношенія охладѣли совершенно, тогда она отказалась отъ бенедиктинскаго устава и возвратилась къ своему уставу, не многимъ отстоящему отъ іезуитскаго, настоятелемъ же избрали опять Кайсевича.

Послѣ этого небольшаго отступленія возвращаюсь опять къ своему путешествію.

Дальнѣйшій путь шелъ чрезъ Пловдивъ (Филиппополь). Въ этомъ городѣ я задержался одинъ день у патровъ капуциновъ, паства которыхъ состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ латинизованныхъ болгаръ. Оттуда чрезъ Татаръ-Базарджикъ, Средецъ и Нишъ, мы добрались до сербской границы, задерживаясь на одинъ день только въ большихъ городахъ. На пути не случалось никакихъ приключеній. Въ Балканскихъ горахъ насъ задерживали глубокіе снѣга; холодъ былъ весьма чувствительный. Сербію отъ Турціи отдѣлялъ простой плетень. Подъѣхавши къ воротамъ, мы должны были постучаться: сербскій стражникъ отперъ ихъ и впустилъ насъ. Сейчасъ-же за

воротами стоялъ высокій деревянный крестъ съ распятіемъ, а подлѣ него столбъ съ гербомъ сербскимъ. Нѣсколько человѣкъ стражи проводили насъ до Алексинца, небольшаго мѣстечка, отстоящаго нѣсколько верстъ отъ границы, и завели въ карантинъ. Явился врачъ далматинецъ, превосходно говорящій по италіански, съ которымъ я быстро сошелся, какъ съ коллегою по врачебному искусству. Онъ меня спросилъ: «правда-ли, что въ Нишѣ были случаи чумы? Здѣсь объ этомъ всѣ толкуютъ, и если это правда, то вамъ придется долгонько просидѣть въ карантинѣ». На это я отвѣтилъ: «ничего подобнаго не слышалъ въ Нишѣ; вчера я тамъ пробылъ всего день, познакомился съ врачемъ и ни о чемъ похожемъ не слышалъ».—«Если такъ, то я, не желая васъ задерживать, пошлю сейчасъ-же нарочнаго въ Нишъ, чтобы провѣрить этотъ слухъ».—Слухъ оказался ложнымъ, и на другой день насъ выпустили. Докторъ любезно пригласилъ меня погостить у него; я согласился и, пробывъ у него одинъ день, посѣтилъ капетана,—т. е уѣзднаго начальника.

Въ Сербіи уже въ это время существовали колесныя дороги; поэтому я Алексинцѣ нанялъ телѣгу и, усѣвшись съ моими товарищами, пустился въ дальнѣйшій путь. Во время пути у меня случайно вывалился изъ телѣги свертокъ съ моими вещами. На первомъ же ночлегѣ я замѣтилъ свою пропажу и сообщилъ объ этомъ полиціи. Меня увѣрили, что въ Сербіи нѣтъ воровства и что поэтому мои вещи непремѣнно найдутся. Тогда я рѣшился продолжать свой путь. На второй или третій день, по прибытіи въ Бѣлградъ, я получилъ письмо отъ доктора изъ Алексинца, что потерянныя на пути мои вещи найдены и сложены у капетана; что онъ, докторъ, по книгамъ, подареннымъ имъ-же мнѣ, узналъ, что онѣ составляютъ мою собственность, и поэтому пригласилъ капетана отправить ихъ чрезъ курьера ко мнѣ въ гостинницу. Я ихъ получилъ въ полной исправности и, такимъ образомъ, добрая слава патріархальныхъ сербскихъ порядковъ вполнѣ оправдалась.

Въ Бѣлградъ я прибылъ въ послѣднихъ числахъ февраля. Въ это время Сербія была автономнымъ княжествомъ и мечтала только о своей политической независимости. Я имѣлъ письмо отъ Чайковскаго къ агенту Чарторыйскаго; но тотъ, подъ вліяніемъ, какъ кажется, полученныхъ имъ инструкцій, отнесся ко мнѣ съ большою сдержанностью. Въ Бѣлградѣ я оставался цѣлую недѣлю. Знакомствъ я сдѣлалъ мало, но представлялся сербскому князю Александру Карагеоргіевичу, которому я преподнесъ маленькій изъ чернаго дерева крестикъ, данный мнѣ при отъѣздѣ изъ Рима папой. Вообще въ Сербіи мнѣ чрезвычайно понравилась простота нравовъ и патріархальный образъ жизни. Конечно, это было въ тѣ времена, когда туда еще не успѣли проникнуть сѣмена извращенной западно-европейской культуры и исковеркать до неузнаваемости этотъ цѣльный и тогда еще совершенно здоровый народный организмъ.

XIX.

Изъ Бѣлграда въ Земунь.—Загребъ.—Возвращеніе въ Римъ.—Закрытіе восточнаго общества.—Докладъ папѣ и вторичная подача проекта.

Изъ Бѣлграда на лодкѣ я переправился въ Земунь (Землинъ), пограничный городъ Венгріи, населенный почти исключительно православными сербами. Какъ пріѣхавшаго изъ-за границы, меня отправили въ карантинъ и вытребовали паспортъ. Вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ начальникъ карантина въ лицѣ маіора и спрашиваетъ меня по польски, полякъ-ли я? Въ то время поляка, носящаго на себѣ какъ-бы клеймо записнаго революціонера, навѣрное не пропустили-бы. Сообразивъ все это, я поспѣшилъ отвѣтить по италіански: «che dite, Signore?» Онъ повторилъ свой вопросъ по италіански-же, но я заявилъ: «Я подданный папы, и мнѣ выданъ паспортъ папскими властями».—«Однако ваша фамилія польская», продолжалъ онъ.—«Какъ такъ? У насъ въ Италіи много подобныхъ фамилій, напримѣръ: Кордески, Одескальки, Тедески и др.». Долго онъ разсматривалъ паспортъ, наконецъ, спросилъ: «Куда же намѣрены ѣхать»?—«Чрезъ Загребъ (Agram) и Рѣку (Fiume) въ Италію».—«Въ такомъ случаѣ вы можете ѣхать пароходомъ по Савѣ въ Загребъ». Я поблагодарилъ за совѣтъ и, съ его разрѣшенія, отправился въ городъ. Впрочемъ, его совѣтомъ не пришлось воспользоваться, такъ какъ пароходы еще не начинали своихъ рейсовъ. Я долженъ былъ нанять подводу и совершить на колесахъ длинный переѣздъ въ Дяковоръ въ Хорватіи, мѣстопребываніе хорватскаго епископа. Я помѣстился въ семинаріи у учителя Тополовича, котораго я зналъ по слухамъ, какъ рьянаго славянскаго патріота. Тамъ я узналъ о происшедшей во Франціи февральской революціи. Въ семинаріи я присутствовалъ на любительскомъ спектаклѣ, устроенномъ студентами семинаріи. Ставили какую-то хорватскую комедію, а въ антрактахъ — пѣли патріотическія пѣсни. Отдохнувъ въ этомъ городѣ два дня, я распростился съ радушнымъ хозяиномъ, котораго я искренно полюбилъ, и отправился въ Загребъ. Въ столицѣ Хорватіи я познакомился съ уніатскимъ епископомъ въ Крижовцѣ Смичикласомъ и намѣревался войти въ сношенія съ разными духовными лицами на пользу предпринятаго мною дѣла. Отсюда уже я имѣлъ въ виду посѣтить уніатскихъ епископовъ Венгріи и Галиціи и, при ихъ содѣйствіи, собрать кое-какія средства для предполагаемой миссіонерской семинаріи. Но случилось иначе. На третій или четвертый день моего пребыванія въ Загребѣ, пришла вѣсть о вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи и въ Загребѣ зашевелились политическія страсти. Быстро смѣнявшіяся событія поглощали все вниманіе населенія. Революціонная буря, начавшаяся въ Вѣнѣ, пронеслась вихремъ и по другимъ провинціямъ Австріи. Мрачныя тучи

сгустились надъ небосклономъ Венгріи; все предвѣщало близкую грозу. Австрійская монархія поколебалась въ своихъ основаніяхъ: одна ея половина готова была возстать на другую. При такихъ обстоятельствахъ нечего было думать о моемъ предпріятіи, и я рѣшился возвратиться въ Римъ.

На пути въ Римъ, я прибылъ въ приморскій хорватскій городъ Рѣку (Fiume). Тамъ я не нашелъ корабля, направлявшагося въ Италію, и поэтому долженъ былъ повернуть въ сторону,—въ знакомый мнѣ по прежнему невольному пребыванію Терстъ (Тріестъ). Оттуда я уже на пароходѣ прибылъ въ Анкону. На пароходѣ я встрѣтился съ бывшимъ адъюнктомъ виленскаго университета Горскимъ, съ которымъ я совершилъ дальнѣйшее путешествіе въ дилижансѣ. Въ Италіи тоже пахло революціей. Повсюду народъ шумѣлъ, собирался на сходки и бурно толковалъ о политическихъ событіяхъ. По пути намъ попадались отряды національныхъ гвардейцевъ съ вышитыми на платьѣ красными крестами, неистово грозящихъ варварамъ—тедескамъ (нѣмцамъ). Не смотря на все это, мы прибыли благополучно въ столицу папства.

Въ Римѣ я не нашелъ и слѣда нашего восточнаго общества. Послѣ моего отъѣзда его еще поддерживалъ епископъ Люке; но съ его назначеніемъ нунціемъ въ Швейцарію общество пришло въ полное разстройство. Его устранили, держась, повидимому, пословицы: «elevatur ut auferatur». Монсиньоръ Граціози померъ, капуцинъ о. Іосифъ былъ поставленъ въ епископы и отправленъ куда-то въ Синигалію, одни выѣхали изъ Рима, а другіе, и раньше этого не отличаясь особеннымъ рвеніемъ, охладѣли совершенно къ дѣламъ общества. Теперь я сталъ носиться съ мыслью не дать вполнѣ заглохнуть идеѣ, руководившей основателями общества.

Прошло нѣсколько дней съ моего пріѣзда въ Римъ и я получилъ аудіенцію у папы. Лишь только я предсталъ предъ его святѣйшествомъ, папа, не давъ сказать мнѣ ни одного слова, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— «Вы предприняли великое дѣло, но въ немъ, какъ видно по результатамъ вашего путешествія, нѣтъ воли Божіей; ступайте теперь въ Галичину; тамъ вы еще можете съ пользой трудиться для церкви».

— «Ваше святѣйшество, я, вѣдь, никому еще не говорилъ о томъ, успѣлъ-ли я въ моемъ путешествіи или нѣтъ, даже и не писалъ никому объ этомъ».

— «Можетъ быть; но я объ этомъ знаю, мнѣ уже объ этомъ докладывали. Отправляйтесь въ Галичину! Да благословитъ васъ Богъ на предстоящій путь!»

Сказавъ это, папа благословилъ меня и сталъ говорить о постороннемъ предметѣ. Когда я откланялся, то папа меня еще разъ благословилъ на дорогу. Тогда только открылись мои глаза: я понялъ, что мое предпріятіе имѣетъ тайныхъ, но вліятельныхъ недоброжелателей, готовыхъ мнѣ во всемъ ставить преграды. Я сознавалъ ясно, что мнѣ придется въ будущемъ бороться со многими препятствіями.

Впрочемъ, мнѣ было не до пути. Я пріѣхалъ въ Римъ почти безъ копейки, да еще въ Царьградѣ задолжалъ на нѣсколько сотъ піастровъ. Пріютился я при церкви, принадлежавшей прежде уніатскимъ русскимъ монахамъ, гдѣ въ то время имѣли пріютъ и два бѣжавшихъ изъ холмской епархіи іеромонаха, но жить было нечѣмъ. Къ счастью, княгиня Волконская, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, предложила мнѣ давать уроки русскаго языка двумъ монахинямъ итальянкамъ, преподающимъ въ учрежденномъ ею училищѣ, съ платою по 15 фр. въ мѣсяцъ. Этого было довольно, чтобы не умереть голодною смертію.

Считаю необходимымъ теперь упомянуть объ одномъ учрежденіи, основанномъ незадолго до моего перваго появленія въ Римъ. Это такъ называемая греческая коллегія (collegium graecum), нѣчто въ родѣ семинаріи для воспитанниковъ греко-уніатской церкви. Туда опредѣлилось шестеро юношей изъ Галичины, нѣсколько грековъ изъ южной Италіи, остатковъ жителей древней Graeciae Magnae и мелькитовъ (арабовъ греческаго обряда). Она была основана еще въ то время, когда секретаремъ пропаганды былъ Брунелли, имѣвшій намѣреніе меня назначить ея ректоромъ. Вскорѣ же онъ былъ отправленъ нунціемъ въ Испанію. Преемникъ его въ должности секретаря Барнабо завелъ въ ней совершенно латинскіе порядки: ректоромъ и префектами были назначены италіанцы, питомцы должны были совершать молитву по италіански и по латыни, придерживаться григоріанскаго календаря, съ праздниками и постами латинскими, ихъ водили къ лазаристамъ, чтобы они пріучались правильному совершенію богослуженія. Сверхъ этого, проживающій въ коллегіи католическій архіепископъ Миссиръ, грекъ изъ Смирны, происходящій изъ католической греческой семьи, оказывалъ дурное вліяніе на прочность убѣжденій воспитанниковъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ прелатѣ. Желая имѣть въ Римѣ представителя восточнаго обряда, чтобы онъ могъ фигурировать въ качествѣ таковаго при папскихъ богослуженіяхъ, папа повелѣлъ ему принять греко-восточный обрядъ, отпустить бороду и во время богослуженія надѣвать греческое облаченіе. Съ явной неохотой исполнялъ это Миссиръ. Не удивительно, что онъ относился безразлично къ дѣламъ восточной церкви, а находясь въ стѣнахъ вышеупомянутаго учебнаго заведенія, онъ не могъ не пріучать воспитанниковъ къ равнодушному отношенію къ восточному обряду. Чѣмъ болѣе я присматривался къ порядкамъ, водворившимся въ коллегіи, тѣмъ болѣе я возмущался, видя всю ихъ несообразность, а присмотрѣться я имѣлъ полную возможность: каждую субботу, по просьбѣ секретаря пропаганды, я являлся туда для того, чтобы исповѣдывать воспитанниковъ, не знающихъ еще итальянскаго языка. Негодуя по поводу всего этого, я имѣлъ твердое намѣреніе довести объ этомъ до свѣдѣнія папы. Къ сожалѣнію, я показалъ Бернабо заготовленный мною письменный докладъ. Тогда тотъ сталъ меня отговаривать отъ подачи его папѣ, такъ какъ онъ самъ-де лично это сдѣлаетъ.

— «Все равно, вы теперь ѣдете на востокъ, прибавилъ онъ,—и можете въ славянскихъ земляхъ подыскать подходящее лицо; тогда я его непремѣнно назначу ректоромъ».

Желая исполнить это порученіе, я въ Загребѣ, при свиданіи съ епископомъ Смичикласомъ, просилъ его отрекомендовать подходящаго для этой должности человѣка. Епископъ отвѣтилъ, что у него есть человѣкъ, вполнѣ способный занять эту должность, знающій въ совершенствѣ языки: латинскій, итальянскій, греческій и славянскія нарѣчія, получившій высшее духовное образованіе, за котораго онъ можетъ вполнѣ поручиться. По возвращеніи въ Римъ, я поспѣшилъ доложить объ этомъ монсиньору, но каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ отвѣтилъ: «Очень жаль, надняхъ утвержденъ ректоромъ исправлявшій эту должность», а это былъ италіанецъ. Такимъ образомъ, все осталось по старому.

Можно себѣ представить, каково было мое душевное настроеніе послѣ разочарованія, постигшаго меня въ Римѣ: я уже считалъ свое дѣло погибшимъ, какъ вдругъ пригласилъ меня къ себѣ кардиналъ Остини, занимавшій раньше постъ нунція въ Вѣнѣ. Онъ принялъ меня весьма привѣтливо и сталъ подробно разспрашивать о моихъ планахъ. Когда-же я ему разсказалъ о цѣли затѣяннаго мною дѣла, то онъ принялъ его горячо къ сердцу и сказалъ:

— «Это также и мое дѣло».

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ мнѣ покровительствовать и всячески хлопотать въ мою пользу.

Благодаря хлопотамъ Остини, а также и другихъ лицъ, папа пригласилъ меня къ себѣ, принялъ меня весьма привѣтливо и велѣлъ представить проектъ по дѣлу соединенія церквей. Признаюсь, я былъ весьма огорченъ предшествовавшими неудачами и рѣшился предъ его святѣйшествомъ излить свое горе, по поводу страннаго рока, постигающаго каждый разъ всякое начинаніе по дѣлу о соединеніи церквей. Между прочимъ, я позволилъ себѣ намекнуть о закрытіи восточнаго общества, судьбу котораго взялъ его святѣйшество, предъ лицомъ всего христіанства, подъ свое покровительство. Папа, какъ видно, не вспомнилъ объ энцикликѣ, изданной по поводу этого общества, и поинтересовался узнать, когда именно о немъ говорилось. Къ счастью, я имѣлъ энциклику при себѣ и подалъ ее папѣ. Взглянувъ на нее, папа спросилъ, отчего-же общество теперь болѣе не существуетъ? Распространяться по поводу закрытія общества я счелъ теперь излишнимъ и ограничился только тѣмъ, что подалъ его святѣйшеству заготовленный мною уже заранѣе проектъ. Онъ отличался отъ проекта, поданнаго мною въ прошломъ году, только тѣмъ, что въ него вошли результаты наблюденій, сдѣланныхъ мною во время послѣдняго моего путешествія на Востокъ.

Для доклада по поводу моего проекта папа назначилъ комиссію, состоящую изъ четырехъ прелатовъ. Въ ея составъ вошелъ также ректоръ духовной

академіи. Дѣла подобнаго рода ведутся въ римской куріи съ сохраненіемъ величайшей тайны, и поэтому я ничего не могъ узнать о ходѣ дѣла. Однажды кардиналъ Остини сказалъ мнѣ, что хорошо было-бы мнѣ познакомиться съ монсиньоромъ Карделли (Cardelli) ректоромъ духовной академіи (academia ecclesiastica) и поговорить съ нимъ о дѣлѣ. Сейчасъ я отправился къ ректору и, представившись ему, встрѣтилъ любезный пріемъ. Онъ сказалъ, что весьма радъ со мною познакомиться, такъ какъ весьма интересуется вопросомъ о соединеніи церквей. Затѣмъ онъ перешелъ къ подробностямъ моего проекта, и, наконецъ, сказалъ откровенно:

— «Я назначенъ вмѣстѣ съ другими дать отчетъ о вашемъ проектѣ. Вотъ у меня лежитъ на столѣ куча относящихся сюда книгъ: Алатій, Виссаріонъ, Гоаръ, Аѣеманъ и другія. Все-же таки я какъ въ лѣсу. Я очень радъ, что могу отъ васъ узнать болѣе обстоятельныя данныя, относящіяся до этого вѣковаго вопроса».

Нашъ разговоръ былъ довольно продолжительный. Исчерпавъ всесторонне эту тему, мы пришли къ соглашенію. Онъ вполнѣ согласился съ моимъ мнѣніемъ. Мой проектъ съ постановленіемъ комиссіи былъ напечатанъ, по повелѣнію папы, въ нѣсколькихъ лишь экземплярахъ для раздачи членамъ назначенной для окончательнаго рѣшенія этого вопроса конгрегаціи кардиналовъ. Была это довольно объемистая брошюра. Къ сожалѣнію, она мнѣ только однажды попалась на глаза, такъ что я ее не успѣлъ прочитать, ни даже просмотрѣть внимательно. Это случилось благодаря любезности кардинала Феррети, секретаря конгрегаціи чрезвычайныхъ дѣлъ. О составѣ назначенной ad hoc комиссіи кардиналовъ я узналъ частію отъ того-же секретаря, частію-же отъ кардинала Остини, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, посовѣтовалъ мнѣ побывать у ея членовъ. Я послѣдовалъ его совѣту и нашелъ большинство изъ нихъ расположенными къ моему проекту. Нѣкоторые изъ нихъ просили меня даже побывать у нихъ за два или три дня до засѣданія, съ цѣлію болѣе основательнаго ознакомленія съ обстоятельствами дѣла. Кажется, только двое изъ нихъ оспаривали мои мнѣнія. Въ составъ этой комиссіи входили кардиналы: Остини, Феррети, Оріольи, Кастракони, Бриньоле, Антонелли и Андреа. Весьма близко стоялъ къ моему дѣлу упомянутый выше кардиналъ Феррари. Бывая часто у него, я все его торопилъ довести дѣло до желаннаго конца, руководимый, повидимому, какимъ-то страннымъ предчувствіемъ всевозможныхъ препятствій, нагромоздившихся на пути къ осуществленію моего проекта. Кардиналъ, бывало, шутилъ, что я выкупанъ въ горячей водѣ, всѣ-де дѣла должны идти своимъ чередомъ. Въ продолженіе этого времени я былъ нѣсколько разъ удостоенъ аудіенціи у папы. На одной изъ нихъ его святѣйшество сказалъ мнѣ рѣшительно:

— «Назначу вамъ кардинала, назначу особаго патріарха!»

Все это происходило въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1848 года.

XX.

Вспыхнувшій мятежъ тормозитъ все дѣло.—Бѣгство папы и кардиналовъ. — Порученіе къ уніатскимъ епископамъ Венгріи и Галиціи. — Поѣздка въ Парижъ.—Ліонское общество распространенія христіанской вѣры.—Неожиданное пособіе.—Поѣздка въ Драждяны (Дрезденъ).

Между тѣмъ революція и война охватили всю Италію. Австрійская армія оттѣснила Карла Альберта, сардинскаго короля, заставила его отречься отъ престола въ пользу Виктора Эммануила и потушила революціонный пожаръ, который съ тѣмъ большею яркостью разгорался тамъ, куда не досягало австрійское оружіе. И въ самомъ Римѣ стали бушевать революціонныя страсти. Это все подѣйствовало на папу и онъ сталъ относиться холодно къ либеральнымъ стремленіямъ римлянъ, а это раздражало еще болѣе ихъ страсти. И вотъ, за два дня до засѣданія кардинальской комиссіи по моему дѣлу, назначеннаго на 17-е ноября 1848 года, вспыхиваетъ революція въ самомъ Римѣ. Вооруженная толпа устремляется на квиринальскій дворецъ, въ которомъ проживалъ самъ папа. Посланники всѣхъ державъ собрались туда немедленно, чтобы въ случаѣ нужды защитить папу отъ разъяреннаго народа. Швейцарская гвардія дала сильный отпоръ атакующей толпѣ. Послѣдствіемъ мятежа было бѣгство папы изъ Рима. Вслѣдъ за нимъ вынеслась изъ Рима большая часть кардиналовъ, только три кардинала остаются въ Римѣ, составляя временное правительство.

Такимъ образомъ, все мое дѣло, бывшее такъ близко къ своему осуществленію, рушилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ. Насколько я былъ убѣжденъ въ достижимости всѣхъ цѣлей, видно изъ того, что когда конгрегація de propaganda fide, относившаяся съ самаго начала неблагосклонно къ моимъ начинаніямъ, желая, какъ говорится, меня сплавить, предложила мнѣ въ славянскихъ земляхъ Турціи апостольскую миссію, съ возведеніемъ въ санъ епископа-викарія, я счелъ нужнымъ отказаться не только отъ миссіи, но и отъ предложеннаго мнѣ сана. Итакъ, мое дѣло готово было если не рухнуть, то по крайней мѣрѣ отложиться ad calendas graecas. Тѣмъ не менѣе, чтобы начатое мною дѣло не было предано полному забвенію, оставшіеся въ Римѣ члены конгрегаціи, главнымъ образомъ, какъ кажется, по настоянію кардинала Ферретти, дали мнѣ порученіе отправиться къ русскимъ уніатскимъ епископамъ Венгріи и Галиціи, и отъ имени папы требовать, чтобы они выразили свои мнѣнія касательно преднамѣреннаго дѣла; чтобы удостовѣрить владыкъ въ подлинности даннаго мнѣ порученія, меня снабдили письмами къ нимъ и двумя инструкціями, одною для предъявленія владыкамъ, а другой для меня лично.

Получивъ эти письма, я рѣшился отправиться въ Парижъ, съ цѣлію пріобрѣтенія тамъ средствъ къ дальнѣйшему путешествію. Однако, у меня не было денегъ на то, чтобы выѣхать изъ Рима. Къ счастію, какъ разъ въ это критическое время, я получилъ отъ лично мнѣ незнакомаго графа Ксаверія Браницкаго, сдѣлавшагося впослѣдствіи истиннымъ благодѣтелемъ учрежденнаго мною парижскаго заведенія, пособіе въ нѣсколько сотъ франковъ. Изъ этихъ денегъ я уплатилъ свой долгъ въ Царьградѣ за купленныя тамъ лошади и небольшой должокъ въ Римѣ. Осталось какъ разъ только на предстоявшее путешествіе.

По пріѣздѣ въ Парижъ наканунѣ 1849 года, покровительствовавшій мнѣ монсиньоръ Форнари папскій нунцій, сталъ хлопотать въ ліонскомъ обществѣ распространенія вѣры (oeuvre de la propagation de la foi) о пособіи для меня.

Умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обществѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Ліонѣ, нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, добывавшихъ себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ, постановило отлагать отъ своего скуднаго заработка по одному су (sous — $^1/_4$ коп.) на благую цѣль. Этотъ примѣръ нашелъ вскорѣ подражателей: стало вплывать въ общую кассу по нѣскольку тысячъ франковъ въ годъ. Необыкновенный успѣхъ привлекъ вниманіе ліонскаго архіепископа. По его почину, образовалось правильное общество, съ комитетомъ во главѣ, имѣющее два отдѣленія: одно въ Ліонѣ, а другое въ Парижѣ. Общество не замедлило распространиться по всей Франціи и даже за ея предѣлами. Такимъ образомъ, въ послѣдніе года сборы достигали цифры, превышающей 4 милліона франковъ въ годъ.

Ходатайство нунція имѣло успѣхъ въ парижскомъ отдѣленіи, который опредѣлилъ выдать мнѣ 3,000 франковъ; но главный ліонскій комитетъ отказалъ. Отчаяваясь въ успѣхѣ дѣла, я получилъ неожиданно пособіе въ 150 франковъ отъ одного изъ членовъ парижскаго комитета Теръ (Thayère) французскаго богача, получавшаго полмилліона годоваго дохода и женатаго на дочери генерала Бертрана, спутника Наполеона на островъ св. Елены. Лишившись своихъ дѣтей, они обращали ежегодно десятую часть своихъ доходовъ на благотворительныя дѣла.

Намѣреваясь уже отправиться въ путь, я счелъ данный мнѣ революціоннымъ французскимъ правительствомъ паспортъ недостаточнымъ, поэтому я обратился къ нунцію о выдачѣ мнѣ папскаго паспорта на проѣздъ въ Дражданы (Дрезденъ), откуда я намѣревался пробраться въ Галичину и Угорщину.

На пути я остановился на нѣсколько дней въ Брюсселѣ у генерала Шкржинецкаго. Оттуда я отправился дальше и благополучно прибылъ въ Дрезденъ.

XXI.

Дрезденъ 1840-хъ годовъ. — Поѣздка въ Будишинъ. — Бытовыя черты лужицкихъ сербовъ.—Согласіе между католиками и протестантами.

Прибылъ я въ Дрезденъ въ концѣ апрѣля мѣсяца и, не теряя времени, отправился въ австрійское посольство, чтобы визировать свой паспортъ. Въ посольствѣ я познакомился съ совѣтникомъ посольства графомъ Гоце (Gotze), далматинцемъ изъ Дубровника (Ragusa), славянофиломъ, но не долюбливающимъ Россіи. Я очень скоро сошелся съ этимъ человѣкомъ и даже подружился. Ему я разсказалъ подробно о цѣли своего путешествія. Онъ высказалъ горячее сочувствіе и доложилъ объ этомъ посланнику барону Куфиктейну. Это было время самаго большаго разгара мятежа венгерцевъ и войны противъ нихъ австрійцевъ и русскихъ, почему посланникъ не рѣшался самъ дать мнѣ позволеніе на проѣздъ туда, но отнесся къ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ князю Шварценбергу. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать долго. Мнѣ совѣтовали дожидаться въ Дрезденѣ до тѣхъ поръ, пока венгерскій мятежъ не будетъ усмиренъ. Вторичное мое по этому поводу прошеніе не имѣло лучшаго успѣха. Мнѣ оставалось только подчиниться необходимости.

По причинѣ удобствъ жизни и дешевизны, въ Дрезденѣ проживало много семействъ русскихъ и польскихъ. Это обстоятельство давало городу особенный колоритъ. Я искалъ знакомствъ по преимуществу среди семействъ польскихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я встрѣтилъ сочувствіе къ моему дѣлу и даже нашелъ, въ виду затруднительности моего положенія, денежную помощь. Среди нѣмцевъ я не заводилъ знакомствъ, за исключеніемъ духовенства единственной въ Дрезденѣ католической церкви, считающейся придворной. Жители Дрездена, по большей части, протестанты; только королевская фамилія, съ избранія саксонскаго курфюрста Августа II королемъ польскимъ, сдѣлалась католическою и осталась таковою до настоящаго времени. Среди духовенства этой церкви я болѣе всего сошелся съ каноникомъ Мильде, жившимъ довольно продолжительное время въ Варшавѣ и хорошо говорившимъ по польски. По воскресеньямъ и въ праздничные дни я служилъ въ этой церкви обѣдню на славянскомъ языкѣ, имѣя всѣ необходимыя церковныя книги и священныя одежды съ собою.

Цѣлый мѣсяцъ прожилъ я уже въ Дрезденѣ. Имѣя много свободнаго времени, я отправился въ Будишинъ (Bautzen), столицу сохранившаго до сихъ поръ среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ волнъ нѣмецкаго моря племени славянскаго—лужичанъ. Сами они называютъ себя сербами, а нѣмцы ихъ зовутъ вендами. Говорятъ они на языкѣ, составляющемъ средину между чешскимъ и польскимъ, и живутъ не только въ Саксоніи, но и

въ прилегающихъ къ ней частяхъ Пруссіи. Саксонскіе лужичане католики, въ весьма незначительномъ числѣ (10,000 изъ 60,000 сербовъ), но все-таки католическій епископъ, въ вѣдѣніи котораго находится Дрезденъ, живетъ среди нихъ въ Будишинѣ. Въ то время былъ епископомъ Дитрихъ, которому я счелъ нужнымъ представиться. Такъ какъ саксонскій король со всѣмъ своимъ семействомъ католическаго вѣроисповѣданія, то лужицкіе сербы всегда находили въ немъ защиту, какъ единовѣрцы, противъ посягательствъ его лютеранскихъ подданныхъ нѣмцевъ. Пробудившійся среди сербовъ отъ недавняго времени духъ народности сплотилъ послѣдователей обоихъ вѣроисповѣданій до такой степени, что они общими силами даютъ отпоръ натиску германизаціи. Умственное движеніе среди нихъ нашло свое выраженіе въ появившейся къ этому времени періодической печати и, если не очень-то многочисленныхъ, но расходящихся въ довольно значительномъ числѣ экземпляровъ изданіяхъ на родномъ языкѣ. Патріотизмъ этого небольшаго отпрыска славянскаго племени возбуждаетъ, поистинѣ, удивленіе въ постороннемъ наблюдателѣ; изумляешся, право, какъ это столь маленькая горсть народа, заброшеннаго среди чуждаго ему и враждебно къ нему настроеннаго племени, расчлененнаго при томъ между двумя государствами, могла сохранить свою индивидуальность! Во время моего пребыванія въ столицѣ лужичей, я имѣлъ случай присутствовать на народной сходкѣ, созванной съ цѣлію составленія петиціи о равноправности обѣихъ народностей—сербской и нѣмецкой: я былъ пораженъ необыкновеннымъ единодушіемъ, царствовавшимъ въ собраніи, и даже признаками значительной политической зрѣлости. Я поселился въ зданіи капитулы-занимаемомъ епископомъ и его четырьмя канониками (по нашему, протоіереи—члены консисторіи). Одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ отправиться на свадьбу его родственника въ родномъ его селѣ. Это была свадьба крестьянская. Не смотря на то, что крестьяне-лужичане поддались вполнѣ вліянію нѣмецкой культуры, что проявляется, конечно, во всей бытовой обстановкѣ народа, все-таки въ домашнемъ обиходѣ сохранилось много обычаевъ, чисто славянскихъ, сохранилось славянское гостепріимство и славянскія задушевныя народныя пѣсни, обрядность свадьбы дышала славянскимъ духомъ. Я свелъ знакомство съ покойнымъ нынѣ Смоляромъ, тогда еще молодымъ кандидатомъ на пастора, но сдѣлавшимся впослѣдствіи знаменитымъ лужицко-сербскимъ литературнымъ дѣятелемъ. Въ сопровожденіи Смоляра и еще одного молодаго проповѣдника соборнаго храма, я посѣтилъ всѣ достопримѣчательности города и ближайшихъ къ нему окрестностей, навѣщая безъ всякаго различія какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. До чего вообще доходитъ согласіе между населяющими край католиками и протестантами, доводящими въ другихъ земляхъ свои раздоры до непримиримой вражды, видно изъ того, что каѳедральный соборъ, храмъ величественный, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ готическаго зодчества, принадлежитъ безраздѣльно обоимъ вѣроисповѣ-

даніямъ: какъ тѣ, такъ и другіе въ опредѣленные дни совершаютъ въ немъ свое богослуженіе. И я воспользовался господствующей въ этомъ храмѣ вѣротерпимостью и отслужилъ въ немъ обѣдню по греко-славянскому обряду. Она произвела весьма большое впечатлѣніе какъ на католиковъ, такъ и на протестантовъ. Когда-же послѣдніе отъ меня узнали, что у насъ духовенство женато и что св. причастіе совершается подъ двумя видами, то они стали твердить со всѣхъ сторонъ:

— «Вотъ къ такой церкви и мы бы не прочь присоединиться» [1]).

XXII.

Волненія въ Дрезденѣ.—Высокопоставленный любитель славянскаго обряда.—Баррикады.—Перестрѣлка съ войсками.—Арестъ.—Грубое обращеніе пьяныхъ солдатъ.—Бакунинъ.—Освобожденіе изъ тюрьмы послѣ мѣсячнаго заключенія.

Пробывъ въ Будишинѣ десять дней, я возвратился обратно въ Дрезденъ и сталъ дожидаться разрѣшенія мнѣ отправиться въ Австрію. Однако, Промыслъ Божій расположилъ иначе. Уже кончался мѣсяцъ моего тамъ пребыванія, когда сталъ распространяться повсюду слухъ о предстоявшемъ и здѣсь революціонномъ движеніи. Между зачинщиками былъ и извѣстный Бакунинъ, который старался привлечь къ участію въ мятежѣ и находившихся здѣсь польскихъ эмигрантовъ. Они собрались на совѣщаніе и меня пригласили туда. Откровенно я высказалъ имъ свое мнѣніе. Оно заключалось приблизительно въ слѣдующемъ: вообще я противникъ всякаго революціоннаго движенія, но въ настоящемъ случаѣ не вижу никакой разумной причины вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ изъ всего этого не выйдетъ никакой пользы для польскаго дѣла; да и было-бы со стороны польскихъ эмигрантовъ большою неблагодарностью принимать участіе въ мятежѣ противъ правительства, пріютившаго ихъ у себя и позволившаго имъ жить въ краю свободно и безопасно; наконецъ, нѣтъ никакой надежды на успѣхъ революціи, такъ какъ, даже въ случаѣ неспособности здѣшняго правительства справиться съ мятежемъ собственными силами, чрезъ нѣсколько часовъ прибудутъ по желѣзной дорогѣ прусскія или австрійскія войска и подавятъ вспыхнувшій мятежъ. Моя рѣчь

[1]) Редакторъ этихъ записокъ имѣлъ случай быть въ Будишинѣ въ 1862 г., тринадцать лѣтъ спустя, но не нашелъ почти никакой перемѣны противъ изображаемыхъ авторомъ бытовыхъ чертъ сербо-лужицкаго народа. Въ настоящее время (1889 г.), къ сожалѣнію, народное развитіе этого симпатичнаго славянскаго народца пошло вспять подъ вліяніемъ побѣдоносныхъ войнъ, утвердившихъ германское единство, и извѣстныхъ бисмарковскихъ мѣръ къ вынародованію иноземныхъ окраинъ Германіи.

Л. Л.

подѣйствовала на поляковъ настолько, что они рѣшились не принимать участія въ мятежѣ; только двѣ или три болѣе горячихъ головы не выдержали и вмѣшались въ вспыхнувшіе вскорѣ послѣ этого безпорядки. Тѣмъ не менѣе, никому не было извѣстно время, когда долженъ быть поданъ сигналъ къ начатію мятежнаго движенія.

Въ это время случилось со мною не безъинтересное приключеніе. По случаю, не помню уже какого, праздника, я служилъ обѣдню. Придворная церковь была совершенно пуста; я замѣтилъ только одного довольно скромно одѣтаго человѣка, съ большимъ любопытствомъ слѣдившаго за богослуженіемъ; я принялъ его за обыкновеннаго прихожанина Дрездена, видѣвшаго въ первый разъ греко-восточную литургію, отправляемую на непонятномъ для него славянскомъ языкѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ я объяснилъ себѣ его любопытство. Послѣ обѣдни, когда я въ ризницѣ снималъ съ себя священныя одежды, этотъ господинъ подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе и сказалъ по французски, что ему очень пріятно видѣть греко-славянское богослуженіе. Сказавъ это, онъ пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ. Мнѣ не пришло въ голову спросить его о томъ, кто онъ, и на пути къ нему я постоянно къ нему обращался «vous, monsieur». Онъ ведетъ меня въ королевскій дворецъ; тогда мнѣ пришло въ голову, что это кто-нибудь изъ придворныхъ чиновниковъ, да и то низшихъ. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что лакеи въ королевской формѣ, съ знаками величайшей почтительности, распахнули дверь въ королевскія комнаты и внесли на серебряномъ подносѣ золотой и серебряный кофейный приборъ съ королевскими гербами. Личность хозяина поднялась сразу неизмѣримо выше: я его сталъ принимать за какого-нибудь министра или вообще какое-нибудь приближенное къ королю лицо, и сталъ его титуловать «Excellence». Мое удивленіе еще увеличилось, когда онъ мнѣ сказалъ, что хорошо знаетъ наше богослуженіе, любитъ его, знакомъ съ славянской грамотой, что онъ въ окрестностяхъ Дрездена имѣетъ свою дачу съ домашнею церковью и что онъ желалъ-бы взять меня туда съ собою отслужить литургію, «Вѣрую» же и «Отче нашъ» онъ будетъ читать самъ по славянски. Я поспѣшилъ съ своей стороны выразить готовность явиться къ нему по первому требованію. Все время я чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи: такъ-таки я не нашелся спросить его объ его званіи. Напившись кофе, я откланялся. Только пройдя нѣсколько комнатъ, я могъ спросить придворнаго служителя, кто таковъ мой недавній хозяинъ, и узналъ, что это владѣтельный герцогъ Пармы, Лукки и Пьячензы Карлъ II Бурбонскій, родственникъ саксонскаго короля, выѣхавшій изъ своихъ владѣній въ Дрезденъ по случаю недавнихъ политическихъ событій въ Италіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ, отказавшись отъ престола въ пользу своего сына, устроилъ въ своемъ дворцѣ въ Луккѣ весьма изящную домашнюю церковь, въ которой совершалось богослуженіе по греко-славянскому

обряду приглашеннымъ изъ Венгріи священникомъ, самъ-же онъ неизмѣнно присутствовалъ при каждомъ богослуженіи. Больше я уже не имѣлъ случая встрѣчаться съ герцогомъ, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней вспыхнулъ мятежъ.

Жилъ я все время въ домѣ, выходившемъ на площадь Юнгфрау, на квартирѣ у экипажнаго мастера, поляка, принявшаго саксонское подданство. Какъ-то разъ возвращаясь изъ церкви, зашелъ я въ мастерскую хозяина, чтобы взять ключъ отъ моей комнаты. Хозяинъ былъ навеселѣ и надѣвалъ какъ-разъ мундиръ національнаго гвардейца. Я посмотрѣлъ на него вопросительно; тогда онъ обратился ко мнѣ со словами:

— «Благослови, батюшка! иду драться!»

— Да куда и съ кѣмъ? спрашиваю его.

— «Намъ революція необходима, положеніе наше невыносимо!»

— Не дурачься, братъ! — говорю ему. Богъ далъ тебѣ кусокъ хлѣба. Сиди смирно и благодари Господа за Его дары!

— «Нѣтъ; намъ необходимо драться!» сталъ онъ кричать.

— Ну, хорошо! отвѣчалъ я, если ужъ нѣмцамъ вздумалось сумасбродничать, то пусть себѣ сходятъ съ ума и бѣснуются; при чемъ же ты тутъ? Твое дѣло сторона! Тебя правительство пріютило, дало извѣстныя права: мой совѣтъ сидѣть смирно и не показывать носа.—Но онъ твердилъ все свое. Видя, что съ пьянымъ человѣкомъ не поладишь, я ушелъ къ себѣ. Въ эту минуту поданъ былъ сигналъ къ возстанію, и на другой сторонѣ площади, какъ разъ противъ моихъ окошекъ, стали строить баррикады на улицѣ, ведущей къ центру города. Мой хозяинъ выбѣжалъ на улицу, сталъ неистово шумѣть и вмѣшался въ толпу возставшихъ. Такъ онъ не возвращался два дня; должно быть, онъ, видя неуспѣхъ мятежа, куда-нибудь скрылся. Между тѣмъ, мятежники воздвигли баррикады на всѣхъ улицахъ, ведущихъ внутрь города. Войска заняли нашу площадь и стали перестрѣливаться съ скрывавшимися за баррикадами мятежниками. Двѣ пули попали чрезъ окошко и въ мою комнату. Я рѣшился не выходить изъ дому до тѣхъ поръ, пока не прекратятся безпорядки. Товарищемъ моего добровольнаго заключенія былъ уніатскій іеромонахъ Василевскій, бѣжавшій изъ холмскаго края, который съ самаго начала безпорядковъ пріютился у меня и не пожелалъ уже больше уходить. По всѣмъ видимостямъ, начатое движеніе не могло разростись такъ, какъ предполагали зачинщики. Мятежники, очевидно, разсчитывали на участіе простаго народа изъ окрестныхъ къ городу селеній; но въ этомъ отношеніи ихъ постигло полное разочарованіе. Напрасно звонъ, похожій на нашъ похоронный, призывалъ день и ночь къ оружію;—никто не являлся. Впрочемъ, помощь явилась на второй или на третій день, но не къ нетерпѣливо ожидавшимъ ея мятежникамъ! Вступило въ городъ прусское войско, часть кото-

раго расположилась и на нашей площади. Перестрѣлка все продолжалась, хотя не съ прежней энергіей.

Наконецъ, сидѣть все безвыходно въ своей комнатѣ показалось тягостнымъ, и у меня явилась мысль уѣхать въ Будишинъ, чтобы тамъ переждать бурное время. Для этой цѣли нужно было запастись выпускнымъ билетомъ отъ военнаго начальства, взявшаго въ свои руки управленіе городомъ. Поэтому я предложилъ своему сожителю Василевскому отправиться въ городъ за этимъ пропускомъ. Сначала онъ отнѣкивался подъ предлогомъ незнанія нѣмецкаго языка, но потомъ согласился. Въ его отсутствіе вбѣгаетъ ко мнѣ одинъ молодой полякъ и вдругъ за нимъ врывается саксонскій офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Онъ направляется прямо ко мнѣ и спрашиваетъ, кто я и откуда? Осмотрѣвши выданный мнѣ полиціей видъ, онъ велѣлъ сдѣлать обыскъ. Тщательно онъ осмотрѣлъ мой чемоданъ, перерывъ всѣ вещи, но не нашелъ ничего подозрительнаго. Въ стѣнѣ моей комнаты былъ шкафъ, въ которомъ мой хозяинъ держалъ свои вещи, храня ключъ при себѣ, что я, впрочемъ, сейчасъ-же объяснилъ офицеру. Онъ велѣлъ разбить шкафъ, и тамъ среди различнаго хлама оказалось небольшое количество ружейнаго пороху. Онъ потребовалъ отъ меня объясненія, на что я возразилъ, что я не зналъ, что́ хранится въ шкафу, такъ какъ мнѣ ключъ отъ него не давали. Возбудила-ли моя внѣшность, гражданское платье, съ длинной бородой, признакомъ, по тогдашнему мнѣнію, настоящаго революціонера, въ умѣ офицера подозрѣніе противъ моей личности, или, можетъ быть, то обстоятельство, что молодой человѣкъ искалъ у меня убѣжища, показалось ему вообще страннымъ, теперь рѣшать не берусь; достаточно того, что онъ грубымъ голосомъ приказалъ намъ обоимъ слѣдовать за собою. Солдаты окружили насъ и повели въ арсеналъ. Не чувствуя за собой никакой вины, я былъ увѣренъ, что меня сейчасъ-же отпустятъ, почему не взялъ ничего съ собою. Насъ привели въ арсеналъ, отстоявшій недалеко отъ площади Юнгфрау, и велѣли войти въ большой залъ. Въ залѣ построили солдатъ полукругомъ, а насъ размѣстили посрединѣ. Самъ офицеръ отошелъ въ уголъ залы и сталъ тамъ разсуждать о чемъ-то съ группой офицеровъ. Мнѣ разсказывали о многихъ случаяхъ убійства въ эти дни солдатами людей, ни въ чемъ не повинныхъ, захваченныхъ гдѣ-нибудь на улицѣ, безъ всякаго допроса и суда. Я полагалъ, что это можетъ случиться и со мною, я вынулъ изъ кармана наперсный крестъ съ св. мощами и сталъ готовиться къ смерти.

Но Богъ пощадилъ и не допустилъ погибнуть грѣшнику безъ покаянія. По командѣ офицера насъ снова окружили солдаты и повели дальше. Мы очутились на каменномъ мосту чрезъ Лабу (Эльбу), который, какъ и всѣ выходившія къ нему улицы, былъ наполненъ солдатами, большею частью, пьяными. Увидѣвши насъ, они бросились на насъ, стали бить, чѣмъ попало.

Первый ударъ я получилъ кулакомъ въ лице; этотъ ударъ былъ столь сильный, что у меня помутилось въ глазахъ. Я не сознавалъ, гдѣ я и что со мной дѣлается; только помню, что какой-то кавалеристъ подбѣжалъ ко мнѣ съ поднятой саблей и если бы находившійся подлѣ насъ офицеръ не оттолкнулъ его руки, то онъ навѣрное покончилъ-бы со мною, и безъ того сабля просвистала мимо моего уха. Конвоирующіе насъ солдаты не очень-то за насъ заступались, и удары кулаками и прикладами такъ и сыпались на насъ. Наконецъ, мы кое-какъ перебрались черезъ мостъ и, провожаемые свистками и враждебными криками окружавшей насъ толпы солдатъ, кое-какъ достигли тюрьмы, находившейся по той сторонѣ Лабы. Съ трудомъ только удалось запереть за нами ворота предъ бушевавшими и ломывавшимися туда солдатами. Въ корридорѣ подбѣжалъ ко мнѣ какой-то офицеръ, схватилъ за грудь и сталъ толкать объ стѣну, крича: „verfluchter Pfaff (попъ)! Вотъ тебѣ!“ Я сталъ Бога призывать во свидѣтели своей невинности, увѣряя его, что я готовъ подвергнуться какому-угодно наказанію, если противъ меня будетъ что-нибудь найдено. Въ отвѣтъ на это онъ ударилъ меня кулакомъ въ шею и толкнулъ чрезъ двери въ тюремный дворъ. При этомъ онъ велѣлъ сторожу меня держать строже другихъ. И дѣйствительно, сторожъ буквально исполнилъ его приказаніе, за все время моего пребыванія въ тюремномъ, такъ называемомъ, маломъ дворѣ. Когда появился тюремщикъ, то онъ обыскалъ меня весьма тщательно, при чемъ забралъ наперсный крестъ, часы, кошелекъ съ нѣсколькими франками и даже карманный платокъ. Послѣ обыска онъ отвелъ меня въ третій этажъ и помѣстилъ въ небольшой камерѣ. Онъ сейчасъ-же ушелъ, заперевъ за мною на-крѣпко двери. Все убранство моей камеры состояло изъ нары съ соломеннымъ тюфякомъ, небольшаго столика, стула и кувшина съ водой. Окошко было заколочено досками и только сверху пропускало слабый свѣтъ. На слѣдующій день пришелъ тюремщикъ, велѣлъ мнѣ идти за водою, но на мои вопросы ничего не отвѣчалъ. Въ полдень онъ принесъ блюдо какой-то до такой степени грязно и невкусно приготовленной пищи, что я, не смотря на голодъ, не могъ взять ничего въ ротъ, даже нельзя было отрѣзать и куска хлѣбной корки. На пятый день явился тюремщикъ и велѣлъ взять шляпу, чтобы идти за нимъ, не удостоивъ меня отвѣтомъ на мой вопросъ о продолжительности заключенія. Меня отвели въ тюремный дворъ. Въ дворѣ стояло уже нѣсколько человѣкъ, взятыхъ на баррикадахъ; они были окружены солдатами и довольно многочисленной толпой народа, привѣтствовавшей каждаго проводимаго плѣннаго визгомъ и разными насмѣшками. Насъ отвели въ другую тюрьму, — военную, и размѣстили по камерамъ. Здѣсь было не много лучше; тюремщикъ былъ вѣжливѣе, да и пища была лучше. На второй или на третій день послѣ перемѣщенія въ эту тюрьму, пришелъ офицеръ и заговорилъ со мною по французски. Я ему представилъ

свое бѣдственное положеніе, выставляя ему на видъ, что меня держатъ нѣсколько дней безъ всякаго допроса и притомъ невинно, такъ какъ я въ мятежѣ совсѣмъ непричастенъ, — что я не имѣю съ собою ни молитвослова, чтобы Богу помолиться, ни бѣлья, чтобы переодѣться. Тогда онъ мнѣ посовѣтовалъ написать главнокомандующему Ширдинау съ изложеніемъ моего дѣла и, при томъ, вручилъ мнѣ карандашъ и лоскутокъ бумаги. Воспользовавшись его любезностью, я изложилъ вкратцѣ на этомъ лоскуткѣ просьбу о скорѣйшемъ снаряженіи слѣдствія и освобожденіи меня, какъ ни въ чемъ неповиннаго. Записку я передалъ тутъ-же офицеру. Вечеромъ того-же дня входитъ ко мнѣ тюремщикъ съ фонаремъ и пригласилъ меня одѣться. Я обрадовался, думая, что мое прошеніе уже возымѣло свое дѣйствіе; но не тутъ-то было! я уже былъ одѣтъ, собравшись совсѣмъ уходить, когда тюремщикъ, стѣсняясь какъ будто, сказалъ: «извините, пожалуйста; мнѣ приходится исполнить требованіе закона: я долженъ васъ заковать въ кандалы!»

— «Дѣлайте, что вамъ велятъ!» былъ мой отвѣтъ. Онъ принесъ желѣзные кандалы и, наложивъ ихъ мнѣ на лѣвую руку и на правую ногу, повелъ меня во дворъ. Ночь была темная, но при свѣтѣ фонарей я разглядѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, окруженныхъ солдатами, и, подобно мнѣ, закованныхъ въ кандалы. Между ними обращалъ на себя вниманіе здоровый малый съ окладистою бородою; черты его лица напоминали русскаго человѣка и шинель была русскаго покроя. Подъ сильнымъ конвоемъ насъ отвели въ городскую тюрьму и, снявъ кандалы, размѣстили по камерамъ. Мнѣ пришлось сидѣть въ одной камерѣ съ двумя нѣмцами: одинъ изъ нихъ былъ членомъ революціоннаго тріумвирата, стоявшаго во главѣ всего движенія, по фамиліи Стеймперъ, а другой—какой-то адвокатъ. Они мнѣ разсказывали о событіяхъ, сопровождавшихъ послѣднюю революціонную вспышку, и также сообщили о томъ, что въ нашей партіи былъ полковникъ Гайнце, главнокомандующій военными силами мятежа, и русскій революціонеръ Бакунинъ. Послѣднимъ оказался то-же самое лице, которое обратило на себя мое вниманіе оригинальностью физіономіи и костюма. На слѣдующій день меня перевели въ другую камеру, гдѣ помѣстили съ двумя простыми ворами. Признаться, они относились ко мнѣ съ уваженіемъ и я воспользовался своимъ тамъ пребываніемъ, чтобы имъ толковать священное писаніе. Чрезъ три дня, т. е. на девятый день моего заключенія, меня въ первый разъ позвали къ допросу. Въ свидѣтели я пригласилъ двухъ латинскихъ священниковъ, каноника Мильде и Келлериана. По снятіи съ меня допроса, слѣдователь сообщилъ мнѣ, что я чрезъ день или два буду отпущенъ на волю. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ меня перевести въ болѣе приличную камеру, разрѣшилъ имѣть свой столъ, перемѣнить бѣлье, получать книги, сигары и зажигать свѣчку. Въ этой камерѣ я нашелъ выше упомянутаго полковника Гайнце и чиновника изъ Пирны, нѣкоего Сольмана.

Однако, обѣщаніе судебнаго слѣдователя не сбылось. Меня продолжали держать въ тюрьмѣ, не смотря на отсутствіе какихъ-бы то ни было уликъ, свидѣтельства сосѣднихъ съ моей квартирой жильцовъ и поименованныхъ священниковъ. Не помогло мнѣ даже заступничество самого епископа, совѣтника австрійскаго посольства гр. Гоце, и даже французскаго посланника. Гражданскій судъ постановилъ меня отпустить на волю, но военное начальство, въ рукахъ котораго находилась въ это время вся власть, не выпускало меня изъ тюрьмы. Конечно, это объясняется осаднымъ положеніемъ, въ которомъ находился городъ Дрезденъ, и той путаницей, въ которой очутилось саксонское правительство послѣ революціи; въ такія времена очень часто невинные погибаютъ вмѣстѣ съ виновными. Матеріальное мое положеніе, къ счастію, значительно улучшилось: каноникъ Мильде, сдѣлавшись для меня истиннымъ благодѣтелемъ, снабжалъ меня чрезъ тюремщика всѣмъ необходимымъ. Спустя нѣсколько дней, меня отвели подъ конвоемъ шести солдатъ, зарядившихъ на моихъ глазахъ ружья, въ военный судъ и тамъ, послѣ обычныхъ допросовъ о моей личности и происхожденіи, предъявили мнѣ какія-то бумаги и спросили, мои-ли онѣ? На мой отрицательный отвѣтъ аудиторъ (военный слѣдователь) говоритъ: «Пересмотрите ихъ хорошенько: это бумаги Терлецкаго; дѣло идетъ о наслѣдствѣ въ Галиціи!»

— «Я родомъ изъ Россіи, и въ Галиціи родственниковъ у меня нѣтъ!»

— «Тѣмъ не менѣе просмотрите бумаги!»

Я взялъ ихъ въ руки и сталъ просматривать. Оказалось, что это дѣйствительно бумаги Терлецкаго. Между этими бумагами я нашелъ отставку этого Терлецкаго, бывшаго полковника французскихъ войскъ, написанную на французскомъ языкѣ, но еще съ 1814 года.

— Вотъ вамъ доказательство, что это не мои бумаги! Въ 1814 году я не могъ быть полковникомъ французской службы, такъ какъ мнѣ тогда было только шесть лѣтъ.—Это показалось слѣдователю вполнѣ убѣдительнымъ, и онъ велѣлъ меня отвести опять въ тюрьму. Чрезъ нѣсколько дней меня опять привели туда тѣмъ-же порядкомъ, и послѣ обычныхъ разспросовъ представили мнѣ какого-то человѣка. Слѣдователь спросилъ его, показывая на меня, тотъ-ли это? Незнакомый отвѣтилъ, что у того не было бороды. Меня опять отвели въ тюрьму. Наконецъ, на 33-й день моего заключенія, 27-го мая мѣсяца, получилось распоряженіе коменданта города освободить меня, но съ тѣмъ, чтобы я въ 24 часа оставилъ Дрезденъ, а въ 48 Саксонію. Это было крайнее время, такъ какъ я ослабъ совершенно тѣломъ и палъ, къ тому еще, духомъ. За мной заѣхалъ каноникъ Мильде и мы отправились получать вещи, сданныя при поступленіи въ тюрьму. У меня оказалось всего-на-всего 20 франковъ, и я былъ въ отчаяніи, вслѣдствіе неимѣнія средствъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Тогда добрѣйшій каноникъ сказалъ: «Не отчаявайся: Богъ послалъ деньги! У меня есть для тебя 800 франковъ».

— «Откуда это?» спрашиваю.

— «Иностранцы, твои знакомые, которымъ велѣно было выѣхать изъ города, узнавши о твоемъ заключеніи, собрали кто 50, кто 100 франковъ, и, такимъ образомъ, составилась сумма въ 800 фр.». Поблагодаривъ Бога и добрыхъ людей, я въ тотъ-же день уѣхалъ изъ Дрездена.

Архимандритъ Вл. Терлецкій.

Сообщ. Л. Лопатинскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

НИКИФОРЪ ВЯЗЕМСКІЙ,

воспитатель царевича Алексѣя Петровича.

1696 г.

[Письмо къ царю Петру I-му съ благодарностью за опредѣленіе учителемъ къ царевичу Алексѣю Петровичу].

Божіею ревностію ревнуя по благочестіи подражателю.

Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу.

Теплѣ поборая по святѣй каѳолической вѣрѣ, и тщателно защищая соборную и апостолскую церковь и любезно заступая вся христіяны, отъ Бога врученные Своея Царскія державы.

Странно сотворившегося дѣйства въ самый день Пятдесятный, въ онъ-же святымъ ученикомъ и апостоломъ отъ Безначалного Отца благодать Пресвятого Духа премудрость и разумъ дадеся.

Что нынѣ повелѣхся дѣломъ совершати, приступилъ къ свѣтлѣй Твоей десницѣ, отъ Тебѣ умна солнцѣ—изливающе свѣтъ благодати.

Благословенному и царскихъ чреслъ Твоихъ плоду свѣтлопорѳирному Великому Государю Царевичю и Великому Князю Алексѣю Петровичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, сотворилъ о безначалномъ Алѳы начало, что да будетъ всегда во всемъ забрало благо.

Откуда-же и како мнѣ сіе бысть,—не вѣмъ!... но токмо „Сердце Царево въ рукѣ Божіи". Повѣмъ: ниже мысль моя земленоревностная (sic) имѣяше, или когда смѣяше дерзати.

Желаю дабы Господь Богъ Тебѣ даровалъ Великому Государю здравіе Моисеево, лѣта вѣку его равныя, силу Самсонову, миръ Соломоновъ, обладаніе Августово, славу Александрову, побѣду надъ врагами яко царю Констянтину на Максентія, яко Давиду на Галіафа, и вся благая желаніи сердца Твоего царского да исполнитъ.

Твоего Царского Пресвѣтлого Монаршеского Величества малѣйшій и послѣднѣйшій рабъ Никишко Вяземской, къ стопамъ Твоимъ царскимъ припадая, кланяюся.

Съ Москвы, іюня 2-го числа 204 (1696) году.

Подлинникъ на столбцѣ, былъ сложенъ пакетомъ, запечатанъ краснымъ сургучомъ и имѣетъ помѣту: „Государю Петру Алексѣевичю". Хранится въ Государственномъ Архивѣ, въ кабинетныхъ дѣлахъ. См. книгу 53, стр. 166-ю.

Сообщ. **А. Н. Труворовъ.**

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1856 г. [1]).

Митава, 4-го января 1856 г. Начало новаго года весьма похоже на конецъ предшедшаго. Утѣшительнаго немного. Третьяго дня привезли сюда главнокомандующаго нашей Балтійской арміи. Бѣдный старикъ (ген. Сиверсъ) видно еще очень слабъ послѣ болѣзненнаго кризиса въ Іеве. Я его не видалъ, и вообще кажется, что штабъ старается скрывать до какой степени онъ ненадеженъ.

Мейендорфъ пишетъ разную чепуху. „Les slaves laissent pendre l'oreille; on est decidé à les contenir et à en prendre ce qu'il y a de bon". — „Guerre renforcée au printems. Il est positif que les anglais vont tout brûler de Libau à Cronstadt". Между тѣмъ Шеппингъ, изъ Берлина, сообщаетъ, что онъ начинаетъ надѣяться на миръ.

Вчера я получилъ первый циркуляръ по департаменту полиціи исполнительной за подписью, или точнѣе—скрѣпою, новаго директора, Жданова. Въ немъ значится, что надзоръ за книжною торговлею и соблюденіемъ цензурныхъ постановленій составляетъ „одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ управленія". Видно, мы неисправимы. Неужели конгрегація index'a и полиція Меттерниха не надзирали, во время оно, за книжною торговлею? Этотъ надзоръ не помѣшалъ однако же курьерскимъ поѣздкамъ папы и всезнавшаго дипломата въ 1848 году.

Начальникомъ Крымской арміи назначенъ Лидерсъ, на мѣсто Горчакова, который заступитъ въ Варшавѣ мѣсто фельдмаршала

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167—128; май, стр. 339—360.

(кн. Паскевича). Сей послѣдній, говорятъ, умеръ. На мѣсто Ридигера, который умираетъ, прочатъ гр. Сакена. Лидерса замѣнили Сухозанетомъ. Ген. Коцебу [Пав. Евст.] назначенъ командиромъ 5-го корпуса. Непокойчицкій на его мѣсто, Васильчиковъ на мѣсто Непокойчицкаго.

Говорятъ, что Барятинскій будетъ товарищемъ военнаго министра, гр. Ламбертъ — дежурнымъ генераломъ, Катенинъ — генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ. Лишь бы не вышло bonnet blanc et blanc bonnet.

7-го января. Вчерашній день я провелъ въ Ригѣ. И тамъ все по старому. Только множество конногвардейскихъ офицеровъ со стучащими палашами.

8-го января. Шиллеръ писалъ:

> Wo du auch wandelst im Raum, es knüpfe dein Zenith und Nadir
> An den Himmel dich an, und an die Achse der Welt.
> Wie du auch handelst in ihr, es berühre den Himmel dein Wille,
> Durch die Achse der Welt gehe die Richtung der That.

На первый взглядъ — это erhaben und richtig. Но такъ-ли при ближайшемъ анализѣ? Не черезчуръ-ли много высокомѣрнаго тщеславія въ этомъ сопоставленіи человѣческаго индивидуума и всего человѣческаго міра? Можно-ли согласовать этотъ взглядъ съ евангельскимъ? Евангеліе сопоставляетъ каждаго отдѣльнаго человѣка „съ ближними“, а не съ міромъ.

9-го января. Вчера уже говорили газеты, что австрійскія унизительныя предложенія нами приняты. Сегодня это извѣстіе подтверждено телеграфическою депешею изъ Петербурга. Итакъ, мы сдались!

Сотни тысячъ жертвъ пали на поляхъ сраженій, Севастополь превращенъ въ груды развалинъ, Черноморскій флотъ истребленъ, благосостояніе Россіи надолго поколеблено, вѣковая слава запятнана, — и все это для того, чтобы обязаться впредь не имѣть ни Севастополя, ни Черноморскаго флота, или чтобы доказать, что наше правительство продолжительно и значительно ошибалось.—Дорого!

16-го января. Мирабо говорилъ о Неккерѣ: „c'est une horloge qui retarde“. Что можно сказать о нашихъ гг. министрахъ?

18-го января. Вчера я получилъ внезапное извѣстіе о кончинѣ брата (Родіона). Жизнь его, въ послѣдніе годы, была жизнь святаго и жизнь вольнаго мученика. Какъ мало во мнѣ силы къ добру, въ сравненіи съ силою, которую неизмѣнно обнаруживалъ и примѣнялъ онъ.

19-го января. Третьяго дня я получилъ письмо отъ кн. Суворова; сегодня отъ Гернгроса и Рудницкаго. Вѣсти изъ Петербурга неутѣшительны..... Энергія сверху не ознаменовывается.

Государь сказалъ кн. Суворову, что ему будетъ высочайшее замѣчаніе за употребленіе, въ его отчетѣ, выраженія „неосновательность“ въ отношеніи къ дѣйствіямъ министерствъ. Князь замѣнитъ Сиверса, немедленно по его удаленіи, или въ случаѣ его смерти.

20-го января. Сегодня вернулся Беклемишевъ, послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія. Замѣчательна способность нѣкоторыхъ людей, въ томъ числѣ и его, вѣрить всему безъ разбора. Точно критика слышаннаго для нихъ не существуетъ. Такимъ образомъ Беклемишева увѣрили, что по отъѣздѣ Тотлебена въ Севастополѣ водворилось безначаліе, что Горчаковъ помѣшалъ Хрулеву отбить Корниловскій бастіонъ, что послѣднее бомбардированіе намъ стоило 80,000 человѣкъ, и т. п.

22-го января. Невыразимо грустно. Ни за что приняться не хочется. Непрерывное ожиданіе чего-то, что не сбывается, подавляетъ и утомляетъ всѣ душевныя силы.

Илья Бибиковъ послѣдовалъ за братомъ въ чистую отставку. Не жаль. Языковъ пишетъ, что Мила играетъ роль въ Питерѣ и что черезъ нее—разумѣется не даромъ,—выпрошено было (у театральнаго вѣдомства) дозволеніе дать „l'Etoile du Nord“, гдѣ будто бы Петръ Великій является на сцену подъ именемъ Эрика, въ голубой лентѣ и мертвецки пьяный.

Сегодня былъ у меня ген. Рамзай, инспектирующій въ Митавѣ стрѣлковый баталіонъ. При разговорѣ о событіяхъ нынѣшней войны, онъ, между прочимъ, разсказалъ нижеслѣдующее.

Еще въ 1850 году, въ виду опытовъ Венгерской кампаніи, онъ представилъ военному министру о необходимости умножить наши стрѣлковыя войска.

— „Прекрасно, отвѣчалъ кн. (Ал. Ив.) Чернышевъ, я съ вами вполнѣ согласенъ; но вы знаете государя и его довѣріе къ взглядамъ фельдмаршала. Поговорите съ кн. Паскевичемъ“.

Вскорѣ затѣмъ, при бытности въ Варшавѣ, Рамзай намекнулъ объ этомъ дѣлѣ стопобѣдному полководцу. При первомъ-же словѣ фельдмаршалъ нахмурился.

— „ Croyez-vous donc, сказалъ онъ, que ce soit avec des tirailleurs que l'on gagne des batailles? C'est avec des masses, Monsieur.

„Je pense, M. le Maréchal, que les masses décident et achèvent la victoire, mais que des tirailleurs nombreux et bien armés la préparent et font beaucoup de mal à l'ennemi. D'ailleurs dans les autres armées on augmente le nombre des troupes munies de carabines à longue portée. Ne faudrait-il pas en agir de même chez nous?"

— „Понимаю, сказалъ тогда фельдмаршалъ, — вы инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и только хотите увеличить число войскъ, которыя вамъ подвѣдомы".

Этимъ дѣло и кончилось.

26-го января. Фельдмаршалъ князь Паскевичъ умеръ. Сынъ его назначенъ генералъ-адъютантомъ. Продолженіе системы императора Николая.

На дняхъ въ Петербургѣ давали трагедію Озерова „Дмитрій Донской". При стихѣ:

„Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ миръ постыдный"

поднялась буря рукоплесканій. На слѣдующій день Дубельтъ поправлялъ поэзію Озерова.

28-го января. Кн. Суворовъ продолжаетъ приходить въ изступленіе коль скоро дѣло касается балтійскаго корпуса. Онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть отчетъ ген. Сиверса. Военный министръ прислалъ ему оный тотчасъ же. Князю показалось, что Сиверсъ, т. е. на дѣлѣ ** и *** не только хвалили себя, но и критиковали косвенно его. Inde ira maxima. Князь писалъ мнѣ, что онъ боленъ и золъ, а Рудницкому говорилъ разныя неистовства, между прочимъ, что Сиверсъ est une vieille ..... qu'on a oublié d'enterrer.

9-го февраля. Записывать нечего. Все въ застоѣ. Гр. Орловъ уѣхалъ въ Парижъ. Съ нимъ посланъ, pour ravager les coeurs des dames françaises, флигель-адъютантъ гр. Шуваловъ.

19-го февраля. Наши дипломаты, судя по сочиняемымъ ими „депешамъ", не имѣютъ понятія о соблюденіи приличій и чести. Кто же, кромѣ глупцовъ, вѣритъ помѣщаемымъ тамъ фразамъ и почти на наглость похожимъ похваламъ миролюбію? Развѣ не видно въ каждомъ словѣ, что мы только изыскиваемъ способы de nous éxécuter avec chic? Какъ мы льстимъ Луи-Наполеону, котораго прежде такъ бранили. Какъ мы маневрируемъ съ нимъ и, улыбаясь, глотаемъ все, что ему угодно намъ дать проглотить, напримѣръ статью изъ „Siécle", перепечатанную въ „Moniteur", и угрозу, выраженную въ его рѣчи при открытіи его псевдо-парламента.

29-го февраля. Гернгросъ далъ знать по телеграфу, что Гану и мнѣ пожалованы станиславскія ленты. Необходимая принадлеж-

ность губернаторскаго мундира пріобрѣтена. Отъ всякихъ другихъ лентъ на долгое время охотно отказываюсь.

Генералу Сиверсу объявили, черезъ доктора, о назначеніи ему преемникомъ кн. Суворова. Сначала старикъ не хотѣлъ вѣрить. Въ ожиданіи мира онъ даже изъявилъ сожалѣніе о томъ, что просилъ отпуска: но когда Бурзи напомнилъ ему, что онъ устаетъ даже отъ перехода съ постели къ кресламъ, то согласился, что пора было уходить отъ командирства.

Гернгросъ пишетъ (25 февраля), что ожидаютъ „хорошаго“ мира, и что источникъ этого свѣдѣнія благонадеженъ.

7-го марта. На-дняхъ министръ внутреннихъ дѣлъ далъ знать, что всеподданнѣйшіе годовые отчеты (начальниковъ губерній) впредь слѣдуетъ адресовать не „въ собственныя его величества руки“, а „по министерству внутреннихъ дѣлъ“. Поручилъ Рудницкому освѣдомиться, что это значитъ? Развѣ государь не желаетъ болѣе читать этихъ отчетовъ? Право, по крайней мѣрѣ однажды въ годъ, говорить государю прямо то, что сказать кажется нужнымъ, я всегда считалъ важнымъ правомъ, главнымъ и почти единственнымъ преимуществомъ начальниковъ губерній. Оригинально и притомъ характеристично было бы лишить ихъ этого права простымъ приказаніемъ перемѣнить нѣчто въ надписи конверта.

12-го марта. Читалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ замѣчательную статью (Бориса Никол.) Чичерина о „Сельской общинѣ въ Россіи“. Эта статья равно замѣчательна по тому, что въ ней есть, и по тому, чего въ ней нѣтъ. Замѣчательно, и кажется справедливо, отрицаніе патріархальности, восхваляемой Гакстгаузеномъ, т. е. патріархальности будто-бы первобытной и будто-бы доселѣ сохранившейся въ общинныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Въ этихъ отношеніяхъ г. Чичеринъ, напротивъ того, видитъ послѣдствія непервобытнаго укрѣпленія крестьянъ землѣ и дальнѣйшихъ затѣмъ учредительныхъ мѣръ со стороны правительства. Но указывая на послѣдовательный ходъ переворота, авторъ, кажется, забываетъ, что для разъясненія вопроса о томъ, что̀ была издревле русская сельская община, недостаточно рѣшить вопросъ о раздѣльномъ или нераздѣльномъ владѣніи землею. О внутреннемъ устройствѣ и управленіи сельскихъ обществъ, которыя, конечно, существовали, хотя и были общинами въ учредительномъ, гражданственномъ, а не землевладѣльческомъ, частноправовомъ отношеніи, ничего, или почти ничего, не сказано. Слѣдовательно, и не опредѣленъ, съ надлежащею полнотою, древній бытъ нашихъ поселянъ. Если же въ концѣ статьи г. Чичеринъ говоритъ, что нынѣшняя сельская община

„не зародышъ общественнаго развитія, а плодъ его“,—то читатель не знаетъ, въ какомъ смыслѣ принять эти слова, въ прямомъ или въ ироническомъ. Называть „развитіемъ“ укрѣпленіе землѣ, насильственное сосредоточеніе земледѣльцевъ въ большихъ селахъ и ежегодный передѣлъ земель,—т. е. именно три главнѣйшія препятствія къ развитію сельскаго сословія и сельской промышленности,— какъ-то походитъ на шараду, или, по крайней мѣрѣ, на крупный парадоксъ.

13-го марта. Видѣлъ третьяго дня ген. Сиверса. Очень измѣнился, похудѣлъ, слабъ и блѣденъ, — mais la plus belle figure qui se puisse voir.

14-го марта. И** говорилъ мнѣ, что черезъ поручика Ф—ва получены свѣдѣнія о какихъ-то тайныхъ связяхъ между польскою эмиграціею, здѣшними чиновниками польскаго происхожденія и многими офицерами войскъ балтійскаго корпуса, также изъ поляковъ, въ особенности въ Р—мъ полку. Кн. Суворовъ, кажется, пришлетъ сюда Шмидта, для секретнаго слѣдствія.

18-го марта. Въ „Revue des deux mondes“ (du 15 mars) двѣ весьма достопримѣчательныя статьи: „De l'esclavage en Amérique“ и „La cité de Dieu au XIX-me siècle“. Прочитавъ, въ первой, нѣсколько подробныхъ разсказовъ объ ужасахъ положенія невольниковъ въ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, невольно самъ себя спрашиваешь, на какомъ основаніи Европа вопитъ противъ злоупотребленій нашего крѣпостнаго состоянія, а между тѣмъ гладитъ по головкѣ сѣверо-американцевъ? Во второй статьѣ (ея авторъ —Paul Janet), не смотря на нѣкоторую примѣсь философической болтовни, есть глубоко-здравыя мысли, между прочимъ, въ опроверженіе новѣйшей германской философіи.

24-го марта. Миръ заключенъ 18-го, въ день сраженія подъ Парижемъ и взятія этого города въ 1814 году, а объявленъ 19-го, въ день вступленія въ Парижъ. Миръ заключенъ въ Парижѣ и преимущественно благодаря Луи-Наполеону, котораго у насъ еще любятъ поругать изподтишка и кого графиня Ростопчина недавно, съ разрѣшенія цензуры, назвала „воронюю“. Немного въ этомъ достоинства, вкуса и чувства приличій. Да и немного истины: онъ слишкомъ уменъ, и Провидѣніе слишкомъ, очевидно, ему благопріятствуетъ, чтобы на него поглядывать такъ свысока и такъ слегка о немъ велеглагольствовать.

О мирѣ ничего не скажу. Его русскій не забудетъ, и поэтому записывать о немъ на память не нужно. Хуже всего то, что скорбя

объ условіяхъ этого мира, нужно сознавать его необходимость и радоваться тому, что хоть какой-нибудь да миръ состоялся.

Сегодня полученъ, частнымъ путемъ, манифестъ объ этомъ мирѣ. C'est un manifeste homélie. Много благочестивыхъ желаній, достаточно дипломатической риторики, мало энергіи. Онъ похожъ на переводъ съ французскаго, и, вѣроятно, написанъ первоначально на діалектѣ ростопчинскихъ „воронъ", въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Напримѣръ, „невинные труды", вѣроятно, значитъ „travail inoffensif".

26-го марта. Въ своемъ отчетѣ кн. Суворовъ упоминалъ о несправедливомъ устраненіи Штевера отъ занятія должности предсѣдателя лифляндской казенной палаты. Государь пожелалъ узнать, точно-ли несправедливо Штеверъ обвинялся? По одному изъ странныхъ, но обыкновенныхъ процессовъ нашего высшаго дѣлопроизводства, представленіе нужныхъ объясненій было поручено обвинителю, т. е. министру финансовъ. Оцѣнивать объясненіе поручено коллегамъ этого же обвинителя, въ комитетѣ министровъ. Члены этого комитета, весьма естественно, не могли создать положенія, противорѣчащаго собственному интересу, ибо вопросъ, не совсѣмъ ловко возбужденный генералъ-губернаторомъ, относился вообще до права избранія ихъ собственныхъ подчиненныхъ въ подвѣдомственныя имъ должности. Министры признали „что Штеверъ не можетъ почитаться несправедливо обвиняемымъ". Вслѣдствіе этого отрицательнаго осужденія Штевера и отрицательнаго оправданія статсъ-секретаря Брока, повелѣно внушить кн. Суворову, чтобы онъ „впредь былъ осмотрительнѣе въ своихъ выраженіяхъ". Это повелѣніе объявлено князю, avec un tact tout particulier, черезъ кого-же? Черезъ самого г. Брока! Князь былъ взволнованъ, оскорбленъ и огорченъ en proportion. Онъ требовалъ моего совѣта, присылалъ ко мнѣ Гернгроса, и, наконецъ, остановился на слѣдующемъ: онъ пишетъ письмо государю, сочиненное Гернгросомъ, и другое письмо, кн. Долгорукову, на трехъ листахъ, сочиненное имъ самимъ. Думаю, что на мѣстѣ князя я бы обратился къ самому г. Броку, и отдалъ бы ему на совѣсть оправдать Штевера передъ государемъ. Это необходимо и составляетъ долгъ чести со стороны князя. О себѣ же самомъ болѣе достоинства не говорить вовсе. Но каждый да будетъ вѣренъ своему характеру и самому себѣ. Оно, можетъ быть, и лучше.

29-го марта. Сегодня въ половинѣ 2-го часа утра родился у меня сынъ, Николай [1]). Да благословитъ его Богъ на жизненный путь.

[1]) Графъ Николай Петровичъ Валуевъ — нынѣ гв. штабсъ-ротмистръ, состоящій при начальникѣ главнаго штаба. Ред.

13-го апрѣля. Разсказываютъ, что на парижскихъ конференціяхъ кто-то заговорилъ о возстановленіи Польши. — „Comme on commence à plaisanter, сказалъ гр. Алекс. Ѳедор. Орловъ, je pense que la séance est finie“,—и затѣмъ всталъ и ушелъ.

24-го апрѣля. Былъ сегодня въ Ригѣ на похоронахъ Фелькерзама. Никогда не забуду лица Рен..ы. Вальтеръ говорилъ надгробную рѣчь. Infiniment de talent, въ отношеніи къ нему слишкомъ мало. Онъ истинный, блистательный, опытный ораторъ. Объ его сегодняшней рѣчи будетъ много толковъ. Поняли ея внутреннюю и послѣдовательную связь—весьма немногіе. Я же не совсѣмъ понимаю направленіе Вальтера. Имѣетъ-ли онъ въ виду роль духовнаго трибуна крестьянъ? Или роль духовнаго реформатора дворянъ? Или роль духовнаго сотрудника правительства и медіатора между властями и сословіями? Или, наконецъ, роль человѣка, пользующагося особымъ значеніемъ и вліяніемъ, съ тѣмъ, чтобы цѣли того и другого были впереди?

27-го апрѣля. Вечеромъ видѣлъ Рен..у, на шоссе. Она ѣхала съ Ф. въ Э. Съ 24-го прошло три дня,—и уже лицо другое.

28-го апрѣля. На-дняхъ видѣлся еще разъ съ Шеппингомъ (старшимъ). Несмотря на его умъ и общую основательность, онъ напомнилъ мнѣ о впечатлѣніи, уже столько разъ производимомъ на меня нашими дипломатами. Отчего англичане могутъ долго жить за границей, не переставая правильно смотрѣть на англійскія дѣла? Наши,—какъ поживутъ лѣтъ пять въ Европѣ,—словно надѣли безсмѣнные иностранные очки. Диву даешься, какъ начнутъ они толковать: баранъ въ Берлинѣ имъ кажется ростомъ съ быка, а быкъ въ Россіи—ростомъ съ барана. Наши внутреннія дѣла обсуживаются ими съ легкой руки или разсматриваются постоянно сквозь призму канцеляріи и салоновъ министерства иностр. дѣлъ. Притомъ какъ они важны, какъ они таинственны! какъ удлиняется или округляется лицо ихъ, когда они говорятъ о какихъ-нибудь продѣлкахъ въ высшихъ нашихъ сферахъ! Отъ нихъ пахнетъ библіотекой. Словно ожили мемуары du Duc de Saint-Simon, и каждый томъ, во фракѣ или въ пальто, съ вами заводитъ разговоръ. Только ума въ тѣхъ мемуарахъ больше, чѣмъ въ ихъ русскихъ представителяхъ.

30-го апрѣля. Видѣлъ вчера дерптскаго попечителя Брадке. Почтенный старикъ. Но, кажется, смотритъ на дѣло, какъ будто-бы не было 1855 года.

1-го мая. Въ числѣ предположеній митавскаго городскаго управленія о мѣрахъ для пріема государя, между прочимъ, было слѣдующее: Eine Ehrenwache aus Bürgern, im Frack, nebst Degen, wird

die Posten in den inneren Gemächern beziehen. Damit wird ein Vocal-Quartett verbunden, um Lieder zu singen beim Schlafengehen und beim Erwachen Seiner Majestät.

9-го мая. У меня все вверхъ дномъ. Долженъ очистить квартиру. Въ ней остановится государь. Кромѣ того, нужно приготовить массу другихъ квартиръ для свиты и набрать все то, что нужно для убранства этихъ квартиръ.

Гернгросъ пишетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ требуетъ объясненій по статьѣ моего отчета о раскольникахъ. Кажется, было довольно ясно высказано то, что я хотѣлъ высказать.

Дуббельнъ, 20-го іюля. Длинный пробѣлъ. Событій нѣтъ. Мыслится лѣниво. Живу здѣсь, благодаря Бога, нетревожною жизнью, въ водѣ, въ пескѣ и на солнцѣ.

Говорю, что событій нѣтъ. Однакоже свершилось одно весьма важное событіе. Снятъ съ русскаго народа высочайшій арестъ, наложенный на него императоромъ Николаемъ, въ отношеніи къ поѣздкамъ за границу. По моему мнѣнію, это величайшее дѣло, совершенное нынѣшнимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ со времени вступленія на престолъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ кн. Вяземскій [П. А.] гостилъ у насъ въ Митавѣ 8 дней. Отъ него слышалъ утѣшительныя вѣсти насчетъ воспитанія нынѣшняго Цесаревича Николая Александровича. Воспитателемъ назначается (Влад. Павл.) Титовъ. Предполагается посѣщеніе университетскаго курса, затѣмъ временное занятіе административной должности, напримѣръ, генералъ-губернаторской и т. п.

Митава 31-го августа. Кн. Суворовъ опять поговариваетъ объ оставленіи службы, потому что имѣлось въ виду производство кн. Барятинскаго въ полные генералы, мимо его, при случаѣ коронаціи. Приказъ вышелъ. Барятинскій дѣйствительно произведенъ, а Суворовъ нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ. Я думаю, что кромѣ (горячихъ) возгласовъ—ничего.

2-го сентября. Кн. Суворову даны алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. A quelque chose crier est bon.

5-го сентября. На-дняхъ полученъ коронаціонный манифестъ. Общее впечатлѣніе весьма благопріятное. Въ немъ дѣйствительно много добра. Жаль, что въ отношеніи къ польскимъ политическимъ преступникамъ дарованныя милости выражены весьма неопредѣлительно. Жаль также, что начало манифеста слабо писано.

Вчера полученъ изъ Москвы указъ сената объ отмѣнѣ заграничнo-паспортныхъ пошлинъ. Опять шагъ впередъ.

Замѣчательно, что доселѣ лучшія и важнѣйшія правительствен-

ныя мѣры государя Александра Николаевича заключаются просто въ отмѣнѣ (вышедшихъ въ предшествовавшее царствованіе) законодательныхъ распоряженій.

1. Отмѣна ограниченія въ числѣ обучающихся въ университетахъ.
2. „ принудительной отдачи въ военную службу дѣтей разночинцевъ и лицъ ученаго сословія.
3. „ ареста всей Россіи въ отношеніи къ выѣзду за границу.
4. „ пошлины съ заграничныхъ паспортовъ.
5. „ обременительныхъ законовъ о службѣ уроженцевъ западныхъ губерній.
6. „ обременительныхъ и жестокихъ постановленій о рекрутствѣ евреевъ.
7. „ части постановленій о кантонистахъ.
8. „ исключительнаго опредѣленія военныхъ лицъ въ воспитатели по нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ.

Сюда же можно прибавить имѣющее на дняхъ быть объявленнымъ упраздненіе V-го отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Вотъ уже нѣсколько статей моей „Думы Русскаго“ [1]), которыя подлежали бы исключенію, если бы она писалась во второй половинѣ 1856-го, а не 1855-го года.

6-го сентября. Въ рескриптѣ новому князю Орлову наивная ошибка. Онъ извѣщается, что ему пожалованъ княжескій титулъ и что о томъ уже данъ сенату указъ, а между тѣмъ (рескриптъ начинается такимъ обращеніемъ): „Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ!“

3-го октября. Talleyrand сказалъ: on peut s'appuyer sur les baïonettes, mais on ne peut pas s'y asseoir. Справедливо, — потому что внѣзаконность есть первообразъ такой безпокойной точки опоры.

24-го октября. При упраздненіи Новгородскихъ военныхъ поселеній они взяты, sans autre forme de procès, въ составъ удѣловъ.

Одну изъ петербургскихъ улицъ, именно Грязную, наименовали Николаевскою.

Штабу предоставлено „на вѣчныя времена (?)“, по случаю коронаціи, содержаніе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы раздавать оное нижнимъ чинамъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 349—360.

25-го октября. Въ „Инвалидѣ“ отъ 20 числа, № 229, напечатана странная статья о празднованіи памяти фельдмаршала Суворова въ с. Кончанскѣ, Николаевскою военною академіею. Начальникъ академіи ген. Стефанъ „счелъ священнымъ долгомъ“ испросить на то разрѣшеніе и получилъ „благосклонное“ разрѣшеніе ген. Ростовцева. Было провозглашено нѣсколько тостовъ, въ томъ числѣ „седьмой за здоровье распорядителя праздника полковника Астафьева, на который онъ отвѣчалъ восьмымъ“. Что же былъ этотъ ораторскій откликъ? „.... Я былъ счастливъ прежде, что понималъ Суворова такъ, какъ умѣлъ изобразить его.... Я буду счастливъ, если съ нынѣшнимъ днемъ (sic!) начнется заря будущей его всемірной славы. Полный восторга (?!) и счастья благодарю васъ за вниманіе, ура!“

Такъ упражняются милыя дѣти.

5-го ноября. Кн. Суворовъ былъ здѣсь на дняхъ три раза, по случаю прощанія съ войсками улетучивающагося Балтійскаго корпуса. Онъ показалъ мнѣ письмо, которое писалъ въ Москвѣ кн. Долгорукову, „для испрошенія дозволенія его величества на подачу въ отставку“. Невѣроятная путаница и всякаго рода чушь. „Notre auguste maître“ и „mon auguste maître“ встрѣчаются на каждой страницѣ по нѣскольку разъ. Тонъ вообще самый раболѣпный, а притязанія самыя нераболѣпныя. Наивно высказывается обиженность по случаю назначенія Кавказскимъ намѣстникомъ кн. Барятинскаго, а не кн. Суворова, напр.: „j'ai tonjours rêvé à l'Orient“, и далѣе, послѣ перечня своихъ заслугъ: „on récompense l'avenir dans le prince Bariatinsky“ и т. п. Однимъ словомъ, жалость, глубокая жалость, есть единственное чувство, которое возбуждаетъ чтеніе этого письма.

6-го ноября. Время проходитъ, бремя не становится легче. Третьяго дня писалъ Толстому: иду путемъ-дорогой; на головѣ форменная фуражка; подъ фуражкою свинцовая шапка.

12-го ноября. Съ введеніемъ желѣзныхъ дорогъ пора-бы приняться за серіозныя мѣры къ сбереженію строевыхъ лѣсовъ. Не запретить-ли всѣ деревянныя постройки въ городахъ и у большихъ дорогъ?

13-го ноября. Дней десять тому назадъ я отправилъ въ Петербургъ мою статью о воспитаніи [1]).

Сегодня узналъ отъ Беклемишева, что прошлымъ лѣтомъ онъ

---

[1]) Напечатана въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1857 г., февраль.

Н. В.

нашелъ случай завязать переписку съ управляющимъ морскимъ м-вомъ, адмираломъ Врангелемъ, и черезъ него довелъ до свѣдѣнія великаго князя генералъ-адмирала записку о нѣкоторыхъ современныхъ вопросахъ, за которую его высочество велѣлъ его весьма благодарить. Въ запискѣ рѣчь о сословномъ бытѣ дворянства, о крѣпостномъ состояніи и о преобразованіи администраціи. Беклемишевъ обѣщалъ сообщить мнѣ свой трудъ. Автора характеризуетъ слѣдующее. Онъ отправилъ свою работу „не прочитавши", потому что „не можетъ" переработывать, и прочелъ свои черновыя только послѣ запечатанія конверта съ бѣловою запиской. Система ненадежная.

22-го ноября. Предъ самымъ открытіемъ Лифляндскаго ландтага умеръ ландмаршалъ Штейнъ. На его похоронахъ Вальтеръ говорилъ рѣчь, у гроба, въ которой, какъ пишетъ Рудницкій, заключалось слѣдующее [1]):

Nicht das Interesse, welches ich für Stein hatte, vermochte es, dass ich gekommen bin, obgleich krank. Nein, ich that es weil die Ritterschaft verlangte dass ich kommen sollte, um dem Dahingeschiedenen das Geleit zu geben und an seinem Sarge zu sprechen. Dem Redner, der von der Kanzel gesprochen hat habe ich es zu verdanken, dass ich über den Dahingeschiedenen nichts zu zufügen habe. Er hat den Gegenstand erschöpfend besprochen, daher werde ich einen anderen Punkt berühren. Die Ritterschaft wollte dass ich reden sollte, so lass sie hören! Der Dahingeschiedene war kein Partei-Mann, daher konnte er nicht so gefeiert werden, wie die Partei-Männer es sein müssten. Erwar aber auch nicht der Mann, der jetzt hätte die schwebenden Fragen zur Lösung bringen können, gerade weil er keiner Partei angehörte. Daher Ritterschaft, Du musst dir einen Landmarschall aus einer Partei wählen,—damit diese Fragen zur Lösung kommen. Es ist ein Schmach, dass das was Ihr schön und edel fandet, Ihr gleich darauf für schändlich hieltet; dass die Leute, die ihr aus den Aermern aus Eurer Mitte gewählt, um deren Geistesgaben willen, und welche Ihr zuerst gefeiert, bei euch keine Anerkennung gefunden. Es sind drei Männer gewesen, die ihr gewählt und die das Beste wollten. Diese sind im Grabe. Ein Nolcken, ein Fölkersahm und ein Stein sind es gewesen. Keiner von ihnen ist von Euch nach Verdienst gewürdigt worden. Ich ermahne Euch, beim Grabe dieses Mannes, besinnt Euch, wählt keinen Sprecher ohne Lehre, keinen der weder Kenntniss der Geschichte, noch Kraft und Muth besitzt. Vereint Euch um einen edlen Character zu wählen; vereint Euch um das Gute und Edle zu wollen! Seid einig, seid einander nicht Feinde, denn Eure Uneinigkeit ist schmachvoll: Euer Krieg ist ein Bruderkrieg, ein Brudermord!

---

[1]) Выписываю ее здѣсь, какъ характеристичный образецъ вмѣшательства протестантскаго духовенства въ область, ничего общаго съ религіознымъ назиданіемъ не имѣющую. Прим. авт.

Ich bin krank, ich wollte und konnte nicht reden, die Kanzel habe ich einem Anderen überlassen müssen. Aber Ihr wolltet dass ich am Sarge reden sollte. Da habt Ihr meine Rede, da dabt Ihr meinen Nachruf dem Verblichenen. Bauet Stein ein Denkmal einig-seiend, und das Edle und Gute welches Nolcken und Fölkersahm und andere Leute ihres Schlages gewollt, — fördernd und beherzigend!

(Переводъ). Не уваженіе къ личности Штейна заставило меня позабыть, что я боленъ, и привело меня сюда. Нѣтъ. Я пришелъ потому, что дворянство требовало моего появленія, дабы я напутствовалъ отошедшаго въ другой міръ и дабы я сказалъ надгробное слово. Благодаря оратору, говорившему съ церковной каѳедры, мнѣ нѣтъ надобности распространяться о личныхъ качествахъ усопшаго. Предметъ достойнымъ образомъ исчерпанъ, и я поэтому коснусь другаго вопроса.

„Дворянство хотѣло меня слышать. Пусть же оно теперь меня слушаетъ! Покойный не принадлежалъ къ какой-либо изъ мѣстныхъ политическихъ партій, и потому его нельзя было и чествовать такъ, какъ того заслуживаютъ борцы партій. Но онъ не былъ и такимъ человѣкомъ, который бы могъ въ настоящее время привести къ разрѣшенію насущные вопросы,—именно вслѣдствіе того, что онъ не примыкалъ ни къ какой партіи. Поэтому, дворянство, ты должно теперь избрать себѣ предводителя изъ опредѣленной партіи, дабы вопросы эти могли быть разрѣшены. Стыдъ и срамъ,—что считаемое вами сегодня прекраснымъ и благороднымъ, вы завтра же находите позорнымъ. Люди, которыхъ вы избирали изъ бѣднѣйшихъ представителей вашей среды ради ихъ ума и дарованія, — тѣ, которыхъ вы сперва чествовали,—потомъ вами же не признавались достойными. Три дѣятеля трудились къ вашему благу. Ихъ болѣе нѣтъ въ живыхъ. То были Нолькенъ, Фелькерзамъ и Штейнъ. Вы не съумѣли ни одного изъ нихъ оцѣнить по заслугамъ. Здѣсь, у гроба, убѣждаю я васъ опомниться. Не избирайте говоруна безъ образованія, человѣка не свѣдущаго въ исторіи, лишеннаго силы и мужества. Соедините ваши усилія, чтобы избрать мужа съ благороднымъ сердцемъ; стремитесь единодушно къ добрымъ и возвышеннымъ цѣлямъ. Будьте дружны, бросьте распри, — потому что рознь ваша позорна. Ваши несогласія — это междоусобица, — это братоубійство.

„Я боленъ. Я не хотѣлъ и не могъ говорить съ каѳедры. Я долженъ былъ уступить ее другому. Но вы настояли, чтобы я высказался у гроба. Вотъ вамъ моя рѣчь, вотъ вамъ мое напутствіе усопшему. Да будетъ ему памятникомъ ваше единодушіе, настойчивое и согласное стремленіе къ достиженію тѣхъ благородныхъ

идеаловъ, о которыхъ мечтали Нолькенъ, Фелькерзамъ и другіе мужи ихъ закала!"

Послѣ этой рѣчи кн. Суворовъ говорилъ, при выходѣ изъ церкви: „это рѣчь не пастора, а пьянаго монаха". Два дня спустя Вальтеръ говорилъ die Landtagsrede, въ другомъ, но не противоположномъ тонѣ,—и всѣ остались очень довольны.

27-го ноября. Такъ сказываемая „политическая свобода" невозможна безъ средняго сословія.

3-го декабря. Читалъ часть Беклемишевскаго труда. Многое въ изложеніи очень удачно. Въ предположеніяхъ большая незрѣлость.

7-го декабря. У насъ одни увѣряютъ, что основанія „русской общины" лежатъ „въ складѣ русскаго ума" (г. Бѣляевъ, въ „Русской Бесѣдѣ"). Другіе утверждаютъ, что система маіоратовъ противна нашимъ нравамъ. Какая система? Чѣмъ доказана, что всякая? Развѣ драгоцѣннѣйшая изъ отцовскихъ иконъ не маіоратъ? Развѣ усадьба не маіоратъ? И у насъ-ли можно говорить о народныхъ учрежденіяхъ въ пространномъ смыслѣ? У насъ ничего нѣтъ народнаго кромѣ вѣры, любви къ Россіи, вѣрноподданничества и простонародныхъ нравовъ. Но это не формы гражданско-государственныхъ институтовъ.

П. А. Валуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1865 г. [1]).

Январь 1. Пятница. Вотъ и 1865-ый годъ! Всѣ эти іереміады и сентиментальныя сѣтованія на неблагопріятныя обстоятельства, на неблагосклонность къ намъ судьбы и проч. суть больше, чѣмъ малодушіе: они — глупость. Посреди неудачъ жизни одно изъ двухъ: ихъ или надо съ мужествомъ и благоразуміемъ превозмогать и искать путей къ лучшему, или, если это невозможно, сносить ихъ съ терпѣніемъ и мужествомъ, какъ подобаетъ существу, не лишенному разума и воли.

Самая трудная борьба, которую я велъ въ прошедшемъ году и которую, безъ сомнѣнія, предстоитъ вести и въ этомъ—это борьба съ моимъ ничтожествомъ и при томъ съ ничтожествомъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX. январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX. апрѣль, стр. 137—166; май стр. 389—428.

всяческимъ: общественнымъ, нравственнымъ, матеріальнымъ и физическимъ.....

Но къ чему все это пишу я въ моемъ дневникѣ? А вотъ почему: меня одолѣвалъ ужасный пароксизмъ унынія, но съ той минуты, какъ я началъ набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, не смотря на то, что о веселомъ мало приходится говорить. И такъ часто со мной случается: дневникъ, играя роль моего повѣреннаго, почти всегда возстановляетъ во мнѣ нравственное равновѣсіе. Толкуйте это какъ хотите, психологи: это фактъ.

2. Суббота. Вчера вечеромъ на балѣ во дворцѣ. Пріѣхалъ въ 9 часовъ. Гостей было уже довольно много. Государь вышелъ въ польскомъ лишь часъ спустя, и за нимъ потянулся рядъ паръ все почти изъ ветхихъ старушекъ и старичковъ. Красивыхъ женщинъ вообще здѣсь мало. Звѣздой первой величины сіяла наша родственница, бывшая Ш., нынѣ графиня Г., да еще госпожа Дубельтъ, дочь А. С. Пушкина [1]). Государь ходилъ вездѣ и привѣтливо раскланивался. Улыбка этого человѣка полна неизмѣримой кротости и доброты. Мнѣ стало грустно отъ нея.... И этотъ человѣкъ имѣетъ враговъ, и сколько еще, и какихъ— все почти „передовые“ люди!!!

За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть противъ красавицы Дубельтъ, за которой увивался Т**, и возлѣ генерала Монтрезора, который мнѣ разсказалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ эпохи двѣнадцатаго года. Онъ былъ адъютантомъ Кутузова.... Встрѣтилъ тутъ много знакомыхъ. Уѣхалъ послѣ часу. На этотъ разъ долго ждалъ кареты.

3. Воскресенье. Вчера празднованіе дня открытія „Общества сельскихъ хозяевъ“. Обѣдъ съ музыкою. Вечеромъ за джонкою князь Щербатовъ сказалъ спичъ, гдѣ выразилъ мысль, что общество должно вести себя умѣренно и сдержанно: подъ этимъ только условіемъ оно можетъ окрѣпнуть и пріобрѣсти вліяніе, и пр.—Меня очень занималъ Ш**. Красный, какъ піонъ, онъ пилъ и ѣлъ за столомъ отлично, а вечеромъ вливалъ въ

[1]) Наталья Александровна, нынѣ графиня Меренбергъ, по второму замужеству, морганатическая супруга брата бывшаго владѣтеля герцога Нассаускаго;—живетъ въ послѣдніе годы постоянно въ Висбаденѣ. См. „Альбомъ М. И. Семевскаго. Знакомые“, изд. 1888 г., стр. 302—303.

себя также отлично ужасную джонку. И ничего ему. А лѣтъ ему за семьдесятъ и кондрашка уже разъ къ нему стучался.

4. Понедѣльникъ. „Фаустъ“ Гёте выше Байронова „Манфреда“ настолько, насколько человѣчество выше отдѣльной личности человѣка.

Законы не могутъ ни всего предвидѣть, ни всего установить. Что остается за вычетомъ этого, то устанавливается и хранится нравами.

7. Четвергъ. По утру у Тройницкаго и у Авр. Серг. Норова. Норовъ просилъ меня сдѣлать замѣчаніе на проектъ о печати, внесенный въ Государственный Совѣтъ. Онъ далъ мнѣ всѣ матерьялы для этого. М. А. Корфъ, видимо, склоняется въ пользу бо́льшей свободы печати, хотя и признаетъ необходимыми нѣкоторыя ограниченія, какъ-то: въ видѣ предохранительной мѣры—предварительную цензуру, но съ выборомъ редакторовъ журналовъ. Залоги онъ совершенно отвергаетъ. Онъ въ пользу карательныхъ законовъ. Требуетъ ограниченія власти министра и предоставленія большей самостоятельности совѣту. Онъ мыслитъ и пишетъ какъ государственный человѣкъ. (Гр. Вик. Ник.) Панинъ также соглашается съ мнѣніемъ объ ограниченіи власти министра. Самое слабое мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуева). Онъ возражаетъ противъ всѣхъ, но возраженія его такъ плохи и такъ смутно и тяжело изложены, что никого не могутъ убѣдить. Только и читаешь безпрестанно: „остаюсь при моемъ мнѣніи“. Онъ не выходитъ изъ тѣсной рамки бюрократизма.

Среди всѣхъ этихъ толковъ не доберешься до смысла и правды. Каткова призывали сюда; ему было объявлено, что если онъ не укротится, то газета будетъ отъ него взята и передана въ другія руки. Московскій университетъ объявилъ, что онъ не желаетъ перемѣнить редакторовъ (газета—его) и принимаетъ самъ на себя цензуру ея. Это совершенно неожиданная новость. Москва вообще сильно волнуется по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“.

8. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, былъ у меня (Мих. Александр.) Марковъ [1]), бывшій нѣкогда очень близкимъ

---

[1]) Скончался въ 1875 г. въ Вильнѣ. Ред.

лицомъ къ Я. И. Ростовцеву и съ которымъ я у него познакомился чуть-ли еще не въ 1828 году. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ своей комедіи: „Прогрессистъ самозванецъ“, которую театральная цензура не дозволила играть на театрѣ.

11. Понедѣльникъ. Онъ (?) думалъ управить ими не какъ разумными существами, а какъ стадомъ барановъ—и въ этомъ состояла его главная ошибка, потому что хотя въ человѣкѣ и есть много скотскаго, но это скотство всетаки особеннаго свойства, и какъ нельзя рыбу заставить пѣть, а птицу вѣчно молчать, такъ человѣка нельзя заставить, напримѣръ, не мыслить.

14. Четвергъ. Московское дворянство составило адресъ, которымъ (проситъ) созванія земской думы. Маркъ (Ник. Любощинскій) читалъ копію съ него, которая ходитъ здѣсь по рукамъ. Адресъ еще однако не подписанъ и не поданъ, но рѣшеніе о немъ въ Москвѣ состоялось: триста два члена согласились на него, тридцать съ чѣмъ-то отвергли.

Графъ Евдокимовъ—весьма замѣчательная личность между нашими современными знаменитостями. Изъ писарей онъ дослужился до полнаго генеральства и графства, пріобрѣтя на то и другое неотъемлемое право окончательнымъ довершеніемъ покоренія Кавказа. На дняхъ онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ князю Суворову, который, нося громкое имя, присоединяетъ къ нему имя добраго, но ограниченнаго человѣка и неспособнаго генералъ-губернатора. Онъ очень помнитъ, чей онъ потомокъ и считаетъ себя чистокровнымъ аристократомъ. Ему захотѣлось порисоваться передъ Евдокимовымъ. Говоря съ нимъ съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ, онъ давалъ ему разными намеками чувствовать свою свѣтлость и темноту его происхожденія. Но какъ то были намеки хотя и чувствительные, но не очень ясные, то Евдокимовъ сказалъ ему:

— „Ваша свѣтлость, кажется, затрудняетесь въ точныхъ свѣдѣніяхъ о моей родословной: я помогу вамъ. Отецъ мой былъ крѣпостной крестьянинъ, мать—крѣпостная крестьянка, а я началъ службу мою простымъ солдатомъ и писаремъ. Теперь я имѣю честь носить такіеже аксельбанты (генералъ-адъютантскіе), какіе вижу на вашей груди. Само собою разумѣется, что мнѣ не могли доставить ихъ ни мой отецъ, ни моя мать“.

Московскій университетъ просилъ, чтобы ему, по примѣру прошлаго времени, предоставлена была цензура „Московскихъ Вѣдомостей“. Просьба эта разсматривалась въ комитетѣ министровъ, который положилъ по ней слѣдующую резолюцію: что прежнія „Вѣдомости“ не заключали въ себѣ политики и что онъ, комитетъ, вообще не считаетъ возможнымъ дѣлать изъятія изъ законовъ для одного изданія.

Вотъ, наконецъ, сегодня въ Совѣтѣ по дѣламъ печати рѣшился вопросъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу записки (Осипа Антоновича) Пржецлавскаго..... Сущность рѣшенія состояла въ томъ, что если „Московскія Вѣдомости“ и погрѣшали, то это было слѣдствіемъ ихъ увлеченія, „моральнаго настроенія“, а вовсе не политическихъ, преступныхъ намѣреній; что впрочемъ онѣ уже и подверглись взысканію и что вообще какъ заслуги ихъ превосходятъ проступки, то Совѣтъ не считаетъ справедливымъ подвергнуть ихъ еще болѣе строгому взысканію, какъ того требуетъ записка г-на Пржецлавскаго.

15. Пятница. Прискорбныя вѣсти о наслѣдникѣ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ: говорятъ, онъ боленъ и такою болѣзнью, которая заставляетъ опасаться за его жизнь.

Мысль о созваніи земской думы недурна. Жаль только, что это иниціатива не отъ правительства, а только отъ мѣстнаго дворянства. Я остаюсь твердо убѣжденнымъ, что долженъ сохраняться неприкосновеннымъ принципъ правительства, дабы не впасть въ хаосъ, горшій настоящаго (1865 г.), когда оно будетъ въ конецъ ослаблено. Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ правительству всего разумнѣе было-бы объявить московскому дворянству, что сужденіе объ общихъ государственныхъ нуждахъ принадлежитъ ему, правительству, какъ представителю цѣлой страны, а не одному какому-нибудь мѣстному дворянству; что оно, правительство, вовсе не намѣрено въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство, отвергать пользы и надобности земской думы, такъ какъ та и въ прежнія времена не отвергалась самодержавною властью въ Россіи; но что оно предоставляетъ себѣ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшить время и способъ своихъ совѣщаній съ выборными, нравственное содѣйствіе которыхъ, въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, оно не считаетъ лишнимъ.

16. Суббота. Засѣданіе комиссія, которую академія назначила для выработки проекта празднованія столѣтняго юбилея Ломоносова со дня его смерти. Комиссія на этотъ разъ дѣйствовала вяло. Тутъ были члены все русскіе, кромѣ (Ариста Аристовича) Куника. Я предложилъ начать праздникъ обѣднею, такъ какъ это будетъ на Святой недѣлѣ — потомъ церковнымъ поминовеніемъ и закончить актомъ въ академіи. Всѣ приняли это очень холодно. Особенно противъ былъ В**. Я сказалъ:

— „Если я предлагаю присоединить къ нашему ученому торжеству религіозный элементъ, то, мнѣ кажется, я имѣю на это основательную причину. Мы празднуемъ память Ломоносова не просто какъ члена академіи, но какъ знаменитаго дѣятеля, которому обязана вся Россія и имя котораго повторяется изъ конца въ конецъ ея. Это настоящее національное, а не только академическое торжество. Поэтому, я полагаю, было-бы не лишнимъ сообщить ему печать народности, что и было-бы достигнуто тѣмъ, что я предложилъ. Или мы боимся, чтобы насъ не упрекнули въ клерикальномъ направленіи? Кажется, этого нечего опасаться. Ломоносовъ былъ настоящимъ русскимъ, и по русски слѣдовало бы и почтить его память“.

Срезневскій, который въ отдѣленіи сильно поддерживалъ эту мысль, теперь молчалъ, какъ рыба. Потомъ перешли къ вопросу, какія рѣчи должны быть произнесены. На мою долю пришлось приготовить рѣчь о Ломоносовѣ, какъ о дѣятелѣ въ изящной словесности.

19. Вторникъ. Въ № 4 газеты „Вѣсти“, издаваемой Скарятинымъ, напечатанъ адресъ московскаго дворянства съ высокопарными примѣчаніями редактора, съ описаніемъ засѣданія 9-го января и съ рѣчью графа Орлова-Давыдова.

И адресъ, и рѣчь какъ бы обнаруживаютъ желаніе московскаго дворянства создать въ Россіи олигархію. Замѣчанія Скарятина даже дерзки. Я сегодня встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ и, между прочимъ, замѣтилъ ему: „зачѣмъ вы это напечатали? Это большая ошибка“. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что послѣдствія всего были предвидѣны, что это дѣлалось обдуманно. Я поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ на свободѣ: слухи носились, что онъ арестованъ. — „Я лучшаго мнѣнія о правительствѣ“, отвѣчалъ онъ съ ироніей: „оно поступило со мною легально. Теперь производится только слѣдствіе“.

Между тѣмъ, говорятъ, что № 4 газеты „Вѣсть“ отпечатанъ въ пяти тысячахъ экземпляровъ и хотя они отбираются, однако говорятъ, что извѣстной партіей приняты мѣры для распространенія ея въ Россіи и за границей.

По всему видно, что адресъ московскаго дворянства не простая демонстрація, а обдуманный шагъ. Скарятинъ же, вѣроятно, купленъ. Дѣла его газеты шли очень дурно. Ему обѣщаны и даны деньги: ему было все равно — пасть-ли отъ нищеты или отъ запрещенія газеты. Въ послѣднемъ случаѣ онъ еще будетъ въ выигрышѣ: пріобрѣтетъ извѣстную популярность.

Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ московскаго дворянства встрѣтитъ сочувствіе дворянъ (?) и въ другихъ губерніяхъ. Извѣстная часть дворянъ восчувствовала (нерасположеніе) къ правительству послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

„Вѣсть“ прекращена на восемь мѣсяцевъ.

Нѣкоторые открыто говорятъ, что ничего этого не случилось-бы, если бы N. N. не былъ назначенъ .... Но я думаю, что дворянство и безъ того, такъ или иначе, выразило бы свое неудовольствіе ....., особенно послѣ земскихъ учрежденій, въ которыхъ народу даны права, равныя съ дворянствомъ.

Обѣдалъ въ клубѣ. Тамъ разсуждали очень тихо о дѣлахъ.

21. Четвергъ. У (Авр. Серг.) Норова по поводу проекта законовъ о печати. Онъ собирается отстаивать двѣ вещи: исключительно карательную систему и коллегіальность управленія. Валуеву очень хочется достигнуть полной власти. Норовъ всячески старается стать со мною въ прежнія дружескія отношенія. Пусть себѣ! Я не противлюсь. Онъ далъ мнѣ свою записку для исправленія и дополненія.

23. Суббота. Отнесъ записку Норову. Большія благодарности.

Когда я похвалилъ (М. Анд.) Корфа Марку (Николаевичу Любощинскому) за его записку по дѣламъ печати, Маркъ (Николаевичъ) мнѣ сказалъ:—„Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать въ совѣтѣ свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить“. Такъ и случилось. Когда Норовъ, человѣкъ по крайней мѣрѣ

безспорно честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отступается отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ: „Да изъ-за чего вы, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь все это пустяки". Однако, есть признаки, что баронъ Корфъ не считаетъ этого такими пустяками, потому что добивается совершенной отдѣльности по дѣламъ печати и себя прочитъ въ начальники этого управленія. Все беззаконія мерзости человѣческія.

26. Вторникъ. Вечеромъ у Норова. Читалъ съ нимъ корректуру его мнѣнія для Государственнаго Совѣта о проектѣ по дѣламъ печати. Туда вошли и мои прибавки и измѣненія.

27. Среда. Теперь, когда я пишу о Ломоносовѣ—о художественномъ характерѣ его твореній, у меня вдругъ ожило воспоминаніе о томъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ во времена моего дѣтства даже среди массы простаго народа. Имя Ломоносова, какъ поэта, было извѣстно, по крайней мѣрѣ между малороссіянами, всѣмъ сколько-нибудь грамотнымъ людямъ. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать, когда однажды зашли къ намъ въ хату два бродячіе слѣпые пѣвца и просили у моего отца позволенія пропѣть гимнъ. Отецъ, конечно, согласился. Какъ теперь вижу ихъ: одинъ—высокій, плотный мужчина въ синей свиткѣ съ мужественнымъ и отчасти суровымъ выраженіемъ лица; другой—пониже ростомъ, рябоватый, съ очень подвижною физіономіею. Оба держали въ рукахъ по длинному посоху, за который ихъ и велъ небольшой мальчикъ. Я сидѣлъ въ углу комнаты, и меня очень занимала игра ихъ лицъ, особенно высокаго слѣпца, когда онъ сильнымъ, густымъ басомъ выводилъ ноты, стараясь придать своему пѣнію выраженіе, которое, очевидно, выходило у него прямо изъ сердца. Съ того времени и до сихъ поръ затвердились у меня въ памяти слѣдующіе стихи Ломоносова, которые слѣпые бродяги пѣли къ великому удовольствію моего отца и всѣхъ домашнихъ:

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщтися, духъ мой, возсылать;
Я буду пѣть въ гремящемъ лирѣ
О Немъ, пока могу дышать.

* * *

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ!

Сначала, какъ я сказалъ, меня занимала только игра ихъ лицъ, но потомъ не знаю какое-то особенное, невыразимое чувство овладѣло моимъ маленькимъ сердцемъ, и вотъ теперь я съ умиленіемъ вспоминаю о томъ. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что это стихи Ломоносова, и съ тѣхъ поръ имя его мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ.

28. Четвергъ. Совѣтъ по дѣламъ печати. Проектъ законовъ о печати, наконецъ, разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ департаментѣ законовъ. Совѣтъ началъ и продолжалъ стремленіемъ ограничить неограниченную власть министра (внутреннихъ дѣлъ) и исправить многіе недостатки его проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый (М. А.) Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ своихъ мнѣній, изложенныхъ въ запискѣ, которая написана такъ умно и искусно—но написана, говорятъ, не имъ, а С**, состоявшимъ при немъ чиновникомъ, когда онъ управлялъ II-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріей. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ Корфа, однако это, какъ и слѣдовало ожидать, было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.—„Неужели“, спросилъ я у статсъ-секретаря (Сергѣя Ив.) Зарудnаго: „у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?“ (1865).—„А то какъ-же иначе: разумѣется, такъ“, отвѣчалъ онъ... Но выходитъ, что я преувеличивалъ мое недовѣріе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ.

30. Суббота. Великолѣпнѣйшій рескриптъ государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ, подписанный 29-го января и напечатанный въ № 24 „Сѣверной Почты“ по поводу адреса московскаго дворянства. Весьма замѣчательна слѣдующая фраза: „прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго“.

31. Воскресенье. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ остзейскій губернаторъ графъ (Петръ Андр.) Шуваловъ въ рѣчи своей въ Дерптѣ, обращенной къ представителямъ тамошняго университета, дворянства и прочее: „хотя я не уроженецъ этихъ провинцій, но знаю по опыту, что по многимъ отраслямъ дѣятельности на всемъ пространствѣ нашего обширнаго государства нѣтъ лучшей рекомендаціи, какъ образованіе, полученное въ Дерптѣ“.

Нечего сказать, очень лестно для Россіи и для русскихъ университетовъ. Неужели графъ, дѣйствительно, хотѣлъ сказать то, что сказалъ? Я думаю, онъ имѣлъ въ виду простой комплиментъ, но который неожиданно для него самого превратился въ эпиграмму на Россію. Выходитъ такъ, что за все лучшее, что мы имѣемъ въ нашей интеллигенціи, за все это мы обязаны однимъ нашимъ нѣмцамъ. Теперь при сепаратистскихъ стремленіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ это особенно кстати. (Рѣчь напечатана въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“, см. № 26).

Былъ у А. А. Куника, просилъ у него нѣкоторыхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ. Онъ очень обязательно далъ мнѣ все, что имѣлъ.

Февраль 2. Вторникъ. Обѣдалъ у Владимірскаго. Къ чему такая роскошь обѣда? А всѣ жалуются на безденежье. Тутъ были (Никол. Мих.) Благовѣщенскій, (Н. Ѳ.) Щербина, (А. В.) Лохвицкій. Что за несимпатичная личность послѣдній! Щербина вмѣстѣ со мною возвращался домой и дорогою прочиталъ мнѣ нѣсколько своихъ эпиграммъ на А. В. Головнина и П. Л. Лаврова. Нѣкоторые изъ нихъ остроумны.

Сегодня происходило также годичное собраніе „Литературнаго фонда“. Какое-же маленькое собраніе! Всего было человѣкъ тридцать. Вообще въ настоящую минуту этотъ фондъ въ упадкѣ. Жертвовать никто вновь не хочетъ, а прежнихъ пожертвованій не много. Предсѣдателемъ избранъ опять (Егоръ Петр.) Ковалевскій. Мнѣ вмѣстѣ съ (А. Д.) Галаховымъ пришлось считать голоса.

4. Четвергъ. Страданія необходимы, чтобы осмыслить жизнь. Только они даютъ ей серьезный характеръ. Былъ-ли бы я или не былъ или вмѣсто меня родилась-бы какая-нибудь малороссійская скотина—не совершенно-ли это равно? Жизнь гадка не по страданіямъ, на которыя обречено всякое живое существо—напротивъ, это только одно придаетъ ей значеніе,—но жизнь гадка по ничтожеству всего, что ее составляетъ, что ее движетъ и къ чему она движется. Она есть глубочайшее ничтожество, ничтожнѣе самого ничтожества. И всего страшнѣе, всего страннѣе, что такъ необходимо и должно быть. Все живущее увлечено рокомъ—и единственное правосудіе рока въ томъ, что всѣ равно погибаютъ. Слишкомъ большая воспріимчивость и

впечатлительность—два злѣйшіе мои врага. Воображеніе мое всегда слишкомъ забѣгаетъ у меня впередъ. Съ этимъ я постоянно борюсь и, разумѣется, какъ во всякой продолжительной борьбѣ бываю то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ. Хорошо уже и то, впрочемъ, что я знаю моихъ враговъ и могу не принимать ихъ за друзей.

5. Пятница. Вотъ уже съ недѣлю какъ двадцати-градусные морозы смѣнились самою мягкою погодою. Въ Петербургѣ сильно свирѣпствуетъ тифозная горячка, особенно въ бѣдномъ классѣ. Всѣ больницы переполнены. Подъ больныхъ отведены измайловскія казармы. Это родъ эпидеміи.

Литке начинаетъ обнаруживать свой „нѣмчизмъ“. Онъ рѣшительно отворачивается отъ русскихъ и, при своей сухости и холодности, дѣлаетъ это даже не совсѣмъ прилично. Такъ, напримѣръ, у него бываютъ собранія по понедѣльникамъ. Нѣмецкіе академики имѣютъ право на нихъ являться каждую недѣлю; нѣкоторымъ изъ русскихъ, еще не совсѣмъ ненавистнымъ или еще не успѣвшимъ опротивѣть, предоставлено посѣщать салонъ президента разъ въ двѣ недѣли; остальные вовсе не приглашены. Къ послѣднимъ принадлежу и я. Онъ, говорятъ, не можетъ мнѣ простить моей рѣчи, моей защиты русской національности и мнѣнія о томъ, что пора перестать выбирать членовъ изъ иностранцевъ.

8. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати на этой недѣлѣ съ четверга перенесено на понедѣльникъ. Я докладывалъ о статьѣ, которую московскій комитетъ не пропускаетъ для газеты „День“. Статья говоритъ о томъ, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе помѣщики терпятъ всевозможныя притѣсненія, наравнѣ съ поляками-повстанцами, особенно въ сношеніяхъ съ крестьянами, на которыхъ ни суда, ни управы нѣтъ. Я стоялъ за то, чтобы пропустить эту статью. Совѣтъ на это согласился, за исключеніемъ, однако, значительнаго мѣста.

9. Вторникъ. Въ театрѣ, въ русской оперѣ, вмѣстѣ съ Г. Давали „Марту“. Я до сихъ поръ ни разу не былъ въ русской оперѣ и прошу у ней прощенія за это невниманіе. Она очень недурна. У Платоновой пріятный голосъ и играетъ она хорошо. Шредеръ пѣла тоже очень недурно. У Комисаржевскаго голосъ слабый, но тоже очень пріятный. Наконецъ,

старикъ ветеранъ (Осипъ Аѳанасьев.) Петровъ и пѣлъ, и игралъ превосходно.

10. Среда. Разумъ человѣческій такъ много надумалъ всякихъ нелѣпостей, что потерялъ вѣру въ себя и сталъ вѣрить однимъ фактамъ. Но это лишь новая крайность, а слѣдовательно, и новая несообразность.

14. Воскресенье. Новыя идеи, потребности, реформы нахлынули такъ быстро и внезапно, что самому дѣятельному и даровитому уму трудно услѣдить за ними и поставить себя на такую точку зрѣнія, съ которой-бы онъ могъ правильно судить о нихъ. Тутъ мало одного желанія быть безпристрастнымъ; тутъ нужно еще знаніе, для того, чтобы одно принять съ убѣжденіемъ, другое отвергнуть по основательнымъ причинамъ. Не должно разражаться шумомъ и дерзостью, съ какими новое хочетъ опрокинуть и вытѣснить старое. Надо смотрѣть не на то, какъ новое идетъ, а на то, что̀ новое въ себѣ несетъ. Идетъ оно, большею частью, нелѣпо — да оно и не идетъ, а бѣжитъ или мчится сломя и очертя голову, какъ-бы опасаясь, что не успѣетъ занять себѣ мѣста. Но въ томъ, что̀ оно несетъ съ собою, есть много необходимаго, вѣрнаго и справедливаго. Сопротивляться новому въ извѣстной мѣрѣ должно; иначе, распространяясь по безпредѣльному полю, оно само безплодно разсѣется. Нужна сила противодѣйствующая, чтобы заставить его сосредоточиваться въ вѣрной идеѣ и дать ему возможность группировать около себя лучшія силы. Но только съ такими цѣлями и должно противодѣйствовать новому, а не съ озлобленіемъ и яростью потому только, что оно новое. Заблужденія новаго не хуже заблужденій стараго, и закоснѣлость, неподвижность грубаго и односторонняго консерватизма стоитъ бѣшенныхъ и безтолковыхъ скачковъ такъ называемаго прогресса.

19. Пятница. Люди простые, занимающіеся производительнымъ и механическимъ трудомъ, можетъ быть, и будутъ когда-нибудь въ состояніи составить изъ себя такую безмятежную, самое себя поддерживающую и благоустроенную общину, о какой мечтаютъ утописты и соціалисты. Но что вы будете дѣлать со всѣми этими прогрессистами, людьми такъ называемыми развитыми—мудрецами всякаго рода, литераторами, учеными, разными талантами, мыслителями, и пр.,

и пр.? Вѣдь въ этихъ-то и сидитъ и вѣчно работаетъ бѣсъ всяческихъ страстей, честолюбія, зависти, властолюбія — словомъ, всего, что разъединяетъ людей, поселяетъ между ними раздоръ, устремляетъ ихъ другъ на друга. Или вы думаете, что ничего этого впередъ не будетъ, что они сдѣлаются такими разумными эгоистами, такими безстрастными существами, что въ состояніи будутъ, любя только самихъ себя, одновременно уважать и самолюбіе другихъ, обуздывать себя настолько, чтобы, желая расширенія своей дѣятельности, въ то же время оставаться каждому на своемъ мѣстѣ, домогаться увеличенія своихъ благъ и не трогать ничего чужаго, когда оно имъ нравится? Вотъ это ужъ чистая утопія!

Всѣ эти дни я одержимъ былъ тѣмъ внутреннимъ безпокойствомъ, которое такъ часто меня посѣщаетъ и которое представляетъ мнѣ въ такомъ мрачномъ видѣ міръ, людей, самого себя.

20. Суббота. Прочь малодушничанье! Уваженіе къ самому себѣ—все прочее не стоитъ тѣни дыма, если тебѣ удалось избѣгнуть болѣзни и нищеты. А чтобы избѣгнуть ихъ, нужны трудъ и забота.

22. Понедѣльникъ. Проектъ законовъ о печати прогуливается въ Государственномъ Совѣтѣ. Изъ департаментовъ законовъ и экономіи онъ поступилъ сегодня въ общее собраніе, но отсюда его опять обратили въ департаментъ законовъ.

Вечеромъ заходилъ къ Норову еще поговорить о проектѣ. Но туда нашло такъ много какихъ-то господъ и госпожъ, что я поспѣшилъ обратиться въ бѣгство.

27. Суббота. Главы краснокожихъ либераловъ: Лавровъ, А**, Елисеевъ для торжества своихъ идей опять хотѣли было прибѣгнуть къ недостойной уловкѣ. Они уже давно собирались составить общество подъ какимъ-нибудь дозволеннымъ благовиднымъ предлогомъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сѣять свои сѣмена. Была подана мысль объ учрежденіи „Общества женскаго труда“. Этимъ господамъ, конечно, не дозволили-бы составить никакого общества. Но за дѣло взялись люди солидные, дѣйствительно имѣвшіе ту цѣль, которая была объявлена, и правительство утвердило представленный ему проектъ общества женскаго труда. Однако, не успѣло оно еще организоваться, какъ по городу начали ходить билеты отъ имени временно-

составленной комиссіи общества, съ приглашеніемъ разнымъ лицамъ,—разумѣется, преимущественно извѣстнаго закала—явиться для выбора членовъ правленія и проч. Комиссію эту, безъ всякаго участія учредителей, составили сами собою оные Лавровъ, А**, Елисеевъ. Наглость эта, однако, была слишкомъ крупнаго и грубаго сорта. Никто не поддался на нее и настоящіе учредители напечатали въ газетахъ, что они пригласятъ въ собраніе лицъ только имъ извѣстныхъ и сами откроютъ общество.

Мартъ 1. Понедѣльникъ. Сказать, что нынѣшнее поколѣніе ничтожно, что оно не въ состояніи сдѣлать ничего важнаго, значитъ сказать истину. Весь смыслъ его въ томъ, что оно есть, оно фактъ; а какъ всякій фактъ имѣетъ свою причину и причину внѣ себя, то и оно имѣетъ такую причину: оно не само себя создало. Оно есть логическій продуктъ предъидущаго состоянія вещей—и въ этомъ его историческое значеніе, а вовсе не въ томъ, чтобы оно полагало прочныя и незыблемыя основы будущаго.

5. Пятница. Засѣданіе въ академіи наукъ. Преніе. II-е отдѣленіе, поддерживаемое нѣкоторыми академиками, сдѣлало представленіе о выбитіи медали въ честь Ломоносова, по случаю празднованія столѣтія со дня его кончины. Воспротивился этому (Ѳ. П.) Литке. Очевидно, ему этого крѣпко не хотѣлось и онъ поспѣшилъ представить, по возможности, благовидныя причины своего нехотѣнія. Главная состояла въ томъ, что академіи неприлично приглашать къ складчинѣ сторонніхъ лицъ, а она должна выбить медаль сама отъ себя, но для этого у ней нѣтъ денегъ, а государственное казначейство не дастъ. И денегъ-то потребуется бездѣлица, всего рублей шестьсотъ. Возражали Литке—Гротъ, Срезневскій и я. Кончили все-таки тѣмъ, что положено ходатайствовать о медали отъ имени академіи. Странно, право, что академіи такъ мало дѣла до Ломоносова. Положимъ, онъ не великій человѣкъ науки въ общемъ смыслѣ, но для насъ онъ очень важенъ, какъ первый проложившій у насъ путь наукѣ и образователь нашего ученаго и литературнаго языка.

6. Суббота. Философъ Лавровъ предлагалъ литературному фонду просить правительство о помилованіи Чернышевскаго или о смягченіи его участи. Фондъ отказался ходатайствовать.

7. Воскресенье. Мнѣ уже попадались отрывки изъ сочиненія Наполеона III о Цезарѣ, и когда я ихъ читалъ, у меня мелькала мысль: не повредилъ-бы онъ себѣ этимъ сочиненіемъ. И вотъ теперь мое опасеніе подтверждается, какъ я читаю въ корреспонденціи графини Саліасъ (Евгенія Туръ) изъ Парижа, напечатанной въ „Голосѣ“. Во Франціи книга принята дурно (т. е. I-я часть), особенно предисловіе. Друзья Наполеона считаютъ эту книгу или, лучше сказать, обнародованіе ея большою ошибкою.

Главный тезисъ книги, что великіе люди все на свѣтѣ и что они безупречны въ своихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ, конечно, невѣренъ. Но, судя по отрывкамъ, книга эта все-таки замѣчательное литературное произведеніе, что-бы ни говорили противъ нея враги Наполеона.

Въ газетахъ пишутъ, что и въ другихъ мѣстахъ Россіи появляется такъ называемая возвратная горячка, которая въ Петербургѣ уже больше мѣсяца жестоко свирѣпствуетъ. Всѣ больницы переполнены. Открываются новыя, но и въ тѣхъ не хватаетъ мѣста. Болѣзнь, притомъ, часто переходитъ въ тифъ и и заразительна.

Для чего изслѣдуются, изучаются, объясняются факты? Конечно, не для того, чтобы поиграть въ нихъ, а для того, чтобы посредствомъ всего этого достигнуть правильнаго о нихъ понятія и пріобрѣсти опытъ. Итакъ выводъ составляетъ здѣсь цѣль. Опредѣлить смыслъ факта — вотъ задача его изученія. Иначе само изученіе не имѣло-бы смысла.

11. Четвергъ. Общество женскаго труда не устроилось, то есть учрежденіе его отложено на неопредѣленное время и внесшіе деньги приглашаются взять ихъ обратно. Учредители не хотѣли допустить въ него такихъ господъ, какъ Лавровъ, А** и пр. У нихъ были жаркія пренія, вслѣдствіе которыхъ учредители и положили пріостановить открытіе, и сдѣлали хорошо.

13. Суббота. Вотъ и Амплій Очкинъ умеръ. Былъ честный человѣкъ, хорошо зналъ французскій языкъ, съ котораго перевелъ много книжекъ и статей, женился на женщинѣ, которая дала ему протекцію и кучу дѣтей, былъ однимъ изъ директоровъ Царскосельской желѣзной дороги—вотъ и все. Но, право, это

лучше многаго, изъ чего иногда составляютъ цѣлыя страницы біографій и бездну полныхъ сожалѣній, то есть фальшивыхъ фразъ.

Большая суматоха по случаю приготовленія къ празднованію столѣтія послѣ смерти Ломоносова. Въ академіи сегодня опять собиралась комиссія и разсуждала о выбитіи въ честь его медали. Академія, хотя неохотно, но рѣшилась выбить ее отъ себя. Въ городѣ приготовляются тоже овацiи, въ чемъ дѣятельно участвуетъ Л. Ему, главное, хочется этимъ насолить нѣмцамъ, которыхъ онъ смертельно ненавидитъ, и я начинаю бояться, что изъ овацiи Ломоносову выйдетъ демонстрацiя противъ нѣмцевъ. Надняхъ былъ у меня Л. и много толковалъ о Ломоносовѣ, о славянахъ и нѣмцахъ. Изъ различныхъ городовъ, говорятъ, поступило уже болѣе двадцати просьбъ о дозволенiи и у нихъ празднествъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ тоже хотятъ выбить медаль. Что касается до меня, то я радуюсь этому проявленiю національнаго чувства, которое всетаки доказываетъ, что мы—народъ. Рѣчь моя подвигается къ концу.

14. Воскресенье. Поутру у В. М. Княжевича. Тамъ познакомился съ А. М. Раевскою, состоящею въ родствѣ съ Ломоносовымъ. Она просила моего совѣта—какъ ей поступить, чтобы ознаменовать пожертвованiемъ день 4-го апрѣля. Она опредѣляетъ для этого 2,000 рублей, чтобы изъ нихъ были учреждены стипендiи для образованiя въ университетѣ четырехъ молодыхъ людей изъ крестьянъ Архангельской губернiи, преимущественно Куроостровской волости. Мы съ Княжевичемъ присовѣтовали ей обратиться съ своимъ проектомъ къ президенту Академiи Наукъ. Я взялся написать ей объ этомъ бумагу.

Былъ у меня Аполлонъ Ник. Майковъ и читалъ мнѣ свои стихи, написанные для прочтенiя на обѣдѣ въ честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены противъ нѣмцевъ. Тутъ видно вліяніе Л. Я замѣтилъ Майкову: „Вы бросаете перчатку нѣмцамъ“. Безъ демонстрацiй противъ нѣмцевъ Ломоносовскій праздникъ, кажется, не обойдется.

15. Понедѣльникъ. Глубокое презрѣніе къ людямъ и къ ихъ судьбѣ—вотъ, наконецъ, все, что выносишь изъ долговременнаго опыта жизни. Стоило-ли для этого жить!

Ужасно трудно вырабатывать себѣ характеръ: приходится отбрасывать много негоднаго матеріала, а хорошаго недостаетъ.

Бываютъ природныя расположенія и нерасположенія, изъ которыхъ одни такъ и тянутъ чортъ знаетъ къ чему, а другія оттягиваютъ отъ того, чему-бы слѣдовало быть—и это не смотря на глубокое убѣжденіе въ негодности одного и въ превосходствѣ другаго. А всетаки надо работать. Что-нибудь да сдѣлаешь и отъ чего-нибудь да отстанешь съ помощью безпрестанно повторяемыхъ усилій. Лучше всетаки хоть что-нибудь, чѣмъ ничего.

Былъ у Раевской, читалъ ей проектъ письма къ (Өед. Петр.) Литке о стипендіи въ память Ломоносова. Проектъ письма она одобрила.

16. Вторникъ. Умеръ Штаккельбергъ, мой товарищъ по университету, годомъ, впрочемъ, моложе меня. Это былъ истинно честный и умный, особенно честный человѣкъ. Самъ нѣмецъ, онъ питалъ непримиримую вражду къ нѣмцамъ, то есть не ко всѣмъ нѣмцамъ, а къ нѣмцамъ остзейскимъ, которыхъ очень хорошо изучилъ во время своей продолжительной службы, при бывшемъ тамошнемъ генералъ-губернаторѣ Суворовѣ.

17. Среда. Не тотъ властвуетъ надъ людьми, кто лучшаго о нихъ мнѣнія, а тотъ, кто худшаго.

Наука, говорятъ, должна освободить человѣчество отъ иллюзій: хороша услуга! Я не знаю въ состояніи-ли чистая, голая истина довести человѣчество до чего-нибудь другаго, кромѣ отчаянія? Къ счастью, она невозможна.

18. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ. Сегодня сильно поссорились Билярскій и С—ій. Послѣдній, впрочемъ, велъ себя сдержаннѣе и умѣреннѣе, но Билярскій вышелъ изъ себя, какъ это очень часто съ нимъ случается. Причина ссоры самая пустая. Билярскій, по порученію академіи, составилъ сборникъ бумагъ, относящихся до Ломоносова и хранящихся въ академическомъ архивѣ. Этотъ сборникъ напечатанъ, но еще не пущенъ въ продажу, хотя по экземпляру и роздано уже нѣкоторымъ изъ членовъ. С. свой экземпляръ далъ кому-то на прочтеніе, кажется Л—му. Вотъ и все. Билярскій сталъ доказывать, что С. не имѣлъ права этого сдѣлать, тотъ возражалъ, что имѣлъ,—ну и пошло.

Засѣданіе въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ничего особенно важнаго. Я читалъ мое мнѣніе о возможности пропустить статью „Самозарожденіе“, которую Спб. Цензурный комитетъ запретилъ. Совѣтъ согласился со мной.

19. Пятница. Хорошо—не кричать противу иноземцевъ, нѣмцевъ и пр., а противопоставлять ихъ труду свой трудъ, ихъ честности—свою честность, ихъ знанію—свое знаніе.

20. Суббота. По приглашенію Литке вмѣстѣ съ нимъ и съ прочими членами комиссіи занимался устройствомъ академической залы для предстоящаго торжества въ честь Ломоносова. День для празднованія назначенъ вторникъ на Святой недѣлѣ вмѣсто пятницы, потому что въ пятницу назначенъ парадъ.

Обѣдалъ у А. М. Раевской, которая окончательно опредѣлила для постоянной стипендіи 4,850 рублей. Я уже составилъ проектъ письма къ Литке по этому плану. Она совершенно одобрила его. Стипендія будетъ называться: „Ломоносовская стипендія Раевскаго“ и назначается для одного студента въ Московскомъ университетѣ. У Анны Михайловны я познакомился еще съ другимъ потомкомъ Ломоносова (Ник. Мих.) Орловымъ. Кромѣ того, хозяйка показывала мнѣ свой маленькій музей палеонтологическихъ вещей, собранныхъ ею во время путешествія заграницею. Есть любопытныя вещи: разныя орудія, ножи, долота и проч. каменнаго и бронзоваго періодовъ, много вещей, добытыхъ изъ Швейцарскихъ озеръ: кусочки тканей, нитки, ленъ, зерна, яблоки, орѣхи и проч. Любопытная кость каменнаго оленя изъ бронзоваго періода съ нарубками ножомъ или топоромъ. Подлинность каждой вещи засвидѣтельствована французскими и швейцарскими учеными. Нашъ академикъ Беръ признаетъ это собраніе драгоцѣннымъ.

26. Пятница. А. М. Раевская присылала мнѣ прочитать письмо къ ней А. В. Головнина, съ извѣщеніемъ, что государь утвердилъ ея стипендію въ память Ломоносова точно такъ, какъ она желала. Стипендія будетъ названа, какъ я предложилъ, „Ломоносовская стипендія Раевскаго“.

Слухи, что (Мих. Никол.) Муравьевъ увольняется.

29. Понедѣльникъ. Вечеромъ собраніе изъ нѣсколькихъ членовъ академіи у президента для предварительнаго прочтенія рѣчей, предназначаемыхъ для Ломоносовскаго юбилея. Гротъ прочелъ свой біографическій очеркъ. Моя рѣчь: „Значеніе Ломосова въ отношеніи къ изящной русской словесности“, кажется, нѣкоторымъ не понравилась. Я въ ней, между прочимъ, касаюсь буквоѣдства въ наукѣ. С—ій объявилъ, что на счетъ языка

Ломоносовскаго онъ во многомъ со мною согласенъ, а въ другомъ несогласенъ, а потому его рѣчь не совсѣмъ сходилась-бы съ моею. Я отвѣчалъ, что тѣмъ лучше, чѣмъ многостороннѣе разсматривается предметъ. Однако, С—ій отмѣнилъ свое намѣреніе читать рѣчь и сказалъ, что напишетъ ее для напечатанія въ нашихъ актахъ. Рѣшено, что засѣданіе откроетъ секретарь оффиціальнымъ заявленіемъ о поводѣ торжества и, кромѣ того, упомянетъ о стипендіи, учреждаемой Раевскою, и о высочайше назначенной тысячѣ рублей для ежегодной преміи за сочиненіе на академическую задачу. Потомъ (Я. К.) Гротъ прочтетъ свой біографическій очеркъ Ломоносова, а затѣмъ я мою рѣчь—тѣмъ все и кончится. Рѣчь Грота за сокращеніями, которыя просили его сдѣлать, будетъ продолжаться больше часу, моя немножко меньше того. Меня не просили сократить.

30. Вторникъ. Совсѣмъ неожиданно встрѣтился съ Ѳ. И. Тютчевымъ, который третьяго дня возвратился изъ Ниццы. Мы съ нимъ прошлись по Невскому проспекту и долго бесѣдовали о современныхъ дѣлахъ, которыя, по связи его со дворомъ, съ княземъ (А. М.) Горчаковымъ и съ (М. Н.) Муравьевымъ ему хорошо извѣстны. Я спрашивалъ его о томъ, что дѣлается въ Ниццѣ. Наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу хотя лучше, однако, здоровье его вообще не изъ лучшихъ.

Государыня не совсѣмъ оправилась.

(Мих. Ник.) Муравьевъ дѣйствительно сильно колеблется и едва-ли останется въ Вильно. Враги его воспользовались его-же тактикою. Онъ обыкновенно во время пріѣзда въ Петербургъ жалуется на свое нездоровье и какъ-бы заставляетъ просить себя о продолженіи службы. Это обыкновенно и оканчивалось такъ, какъ онъ желалъ. На этотъ разъ ему, однако, дали замѣтить, что если онъ чувствуетъ себя такъ нездоровымъ и обремененнымъ, то, конечно, его удерживать не станутъ.—„Московскія Вѣдомости“ свирѣпо ссорятся съ „Днемъ“. Однѣ стоятъ за дворянство, другой за земство. (Ѳ. Ив.) Тютчевъ очень недоволенъ „Московскими Вѣдомостями“. Я ему замѣтилъ, что мнѣ кажется, тутъ виноватъ не столько Катковъ, сколько Леонтьевъ. Вообще утѣшительнаго мало, особенно о польскихъ дѣлахъ. Толкуютъ о примиреніи. Тютчевъ полагаетъ, что подобные толки въ настоящую минуту или тупоуміе или измѣна.

Апрѣль 1. Четвергъ. Сегодня получилъ отъ Литке весьма любезную записку, съ изъявленіями опасеній, что у меня не хватитъ голосу для прочтенія въ день Ломоносовскаго юбилея моей „прекрасной“ рѣчи. Что это такое? Вѣроятно, ему или кому-нибудь моя рѣчь не понравилась. Я рѣшился объясниться съ Литке и поѣхалъ къ нему вечеромъ. Онъ принялъ меня очень ласково, сказалъ, что у него и въ помыслахъ не было критиковать мою опять „прекрасную“ (рѣчь) и что единственная причина его письма была та, которая въ немъ изложена. Признаюсь, мнѣ это не совсѣмъ ясно. Я успокоилъ Литке обѣщаніемъ читать погромче. Но успокоилъ-ли?

7. Среда. Легкія облачка, уже съ нѣкоторыхъ поръ туманившія въ моихъ глазахъ перспективу Ломоносовскаго праздника, въ самый день его сгустились настолько, что доставили мнѣ довольно крупную непріятность. Надъ моею рѣчью къ этому дню я работалъ усердно, довольно осмотрительно и съ охотою: меня интересовало и лицо и торжество въ честь его. Окончивъ рѣчь, я, по обыкновенію, не былъ доволенъ своимъ произведеніемъ, чувствовалъ, что многое должно было-бы сказать лучше, но въ то-же время сознавалъ, что въ общемъ рѣчь годится, что въ ней есть кое-что, что могло затронуть мысль и чувство слушателей. Во всякомъ случаѣ, эта рѣчь, я полагалъ, была не хуже моихъ другихъ рѣчей. Но вотъ, когда я прочелъ ее на актѣ, она была встрѣчена холодно. По прочтеніи ея, была сдѣлана попытка къ рукоплесканію, но съ нѣкоторыхъ стульевъ раздались шиканья—тѣмъ все и кончилось. Очевидно, у меня были недоброжелатели въ публикѣ, да и въ самой нашей корпораціи, на что, должно быть, и намекала недавняя записка президента, съ опасеніемъ, что у меня не хватитъ голоса для чтенія на актѣ.

Неудача въ какомъ-бы то ни было дѣлѣ или случаѣ, разумѣется, не можетъ не огорчать — и я былъ огорченъ, очень огорченъ, что у меня есть враги, которымъ почему-то надо со всѣхъ сторонъ рвать въ клочки мою репутацію. Но мой „Дневникъ“—то есть бесѣда по совѣсти съ самимъ собою—меня, по обыкновенію, успокоилъ: все жесткое въ сердцѣ улеглось и я не доставлю моимъ недоброжелателямъ удовольствія — не стану на нихъ гнѣваться и въ этомъ, какъ и въ другихъ болѣе крупныхъ, случаяхъ.

Вчера получены самыя прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ: онъ умираетъ. Государь вчера собирался ѣхать къ нему. Въ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ мало участія къ этой великой скорби отца и Царя-Освободителя, но народъ будетъ глубоко огорченъ.

Сегодня долженъ былъ быть обѣдъ въ честь Ломоносова. Я взялъ билетъ, но не пойду и по причинѣ недуга и по нерасположенію идти. Разъ надорванныя силы уже постоянно даютъ чувствовать свою надорванность.

Бѣда, какъ извѣстно, никогда не приходитъ одна, а всегда съ толпою своихъ сослуживицъ и всѣ онѣ атакуютъ васъ сообща. Какъ собаки, то та, то другая оскалитъ зубы и рветъ васъ за полы, за ногу, а иная, порьянѣе, норовитъ цапнуть за самую морду.

10. Суббота. Академія должна была напечатать наши рѣчи о Ломоносовѣ отдѣльною книжкою, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Но какъ къ этому не дѣлалось никакихъ распоряженій, то я отнесся къ секретарю съ просьбою увѣдомить меня, могу-ли я самъ отдѣльно напечатать мою рѣчь. Онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно. Между тѣмъ, во вчерашнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“ появилась рѣчь Я. К. Грота: значитъ, онъ самъ отъ себя сообщилъ ее Коршу? Мнѣ многіе изъявили желаніе видѣть мою рѣчь въ печати, и какъ я самъ считаю это по обстоятельствамъ необходимымъ, то я и рѣшился напечатать ее особою брошюрою и отдалъ ее для этого въ типографію Вл. Головина, находящуюся въ томъ-же домѣ, гдѣ квартирую я. Нужно только, чтобы это было сдѣлано скорѣе. Головинъ обѣщался во вторникъ доставить мнѣ корректуру.

12. Понедѣльникъ. Зайдя въ книжную лавку Базунова, впервые услышалъ я прискорбную вѣсть о смерти наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Потомъ появился и бюллетень, въ которомъ сказано, что кончина воспослѣдовала съ 11-го на 12-е апрѣля, въ 12 часовъ 50 минутъ ночи. Грустно, очень грустно...

Въ публикѣ страшное негодованіе противъ (графа С. Г.) Строгонова. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлалъ онъ эти три года, которые провелъ при Наслѣдникѣ? Почему скрылъ онъ его болѣзненное состояніе, если о немъ зналъ, и почему не зналъ, если не зналъ?

Государь съѣхался въ Дижонѣ съ принцессою Дагмарою, которая, въ сопровожденіи матери своей, тоже ѣхала въ Ниццу. Они всѣ вмѣстѣ туда и отправились.

Наполеонъ отложилъ балъ при дворѣ въ тотъ день, когда больному сдѣлалось особенно худо.

У насъ начали хлопотать о траурѣ. Траурныя матеріи сильно вздорожали. А графъ (Г. А.) Строгоновъ сильно хлопочетъ о похоронной колесницѣ....

13. Вторникъ. Безчисленные толки объ общемъ горѣ и, какъ обыкновенно во всѣхъ такихъ толкахъ, много нелѣпаго. Такъ, напримѣръ, одинъ генералъ, съ весьма важнымъ видомъ, высказалъ мнѣ мнѣніе, что (въ тяжкомъ горѣ) Россіи сильно повиненъ Наполеонъ.—„Какимъ-же это образомъ?“ спросилъ я. Говорившій не умѣлъ мнѣ этого объяснить, но остался при своемъ мнѣніи. Невольно вспомнишь Гоголя, въ „Ревизорѣ“ котораго одно изъ дѣйствующихъ лицъ, говоря о затрудненіяхъ, въ какія повергнуты чиновники присылкою къ нимъ ревизора, глубокомысленно замѣчаетъ, что это французъ все гадитъ.

Заходилъ къ Г.—Ничего! Онъ благоденствуетъ, а я думалъ, что онъ боленъ. Вмѣстѣ посѣтовали и побранили гр. С. Г. Строгонова.

14. Среда. Принялся за біографію Галича.

Вышли новые законы о печати. Ихъ можно по справедливости назвать Валуевскими. Тутъ все подчинено произволу министра. Совѣтъ обреченъ играть жалкую роль. Сказано, что кругъ его дѣйствій и права тѣ-же, какъ и у прочихъ совѣтовъ министерствъ, т. е. онъ составляетъ полное ничтожество. Но Валуевъ хочетъ придать ему значеніе другимъ шарлатанскимъ образомъ. Онъ объявилъ, что совѣтъ долженъ состоять изъ юристовъ. Почему тутъ нужны юристы, а не люди, основательно знакомые съ наукою и литературою,—этого ни самъ онъ, вѣроятно, да и никто другой не знаетъ.

ы 17. Суббота. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Линкольнъ убитъ. Этимъ, вѣроятно, сепаратисты хотѣли отомстить ему за свои пораженія. Когда убійца направляетъ свой ударъ на человѣка великихъ государственныхъ способностей, съ судьбою котораго соединена судьба многихъ, судьба милліоновъ, то это все равно, какъ еслибы онъ выжегъ, ограбилъ цѣлую страну и перерѣзалъ цѣлую массу народа.

Муравьевъ уволенъ и на мѣсто его опредѣленъ Кауфманъ.

Мы ничего не дѣлаемъ послѣдовательно и съ сознаніемъ опредѣленной цѣли. Во всемъ скачки, попытки, шатанье вправо, влѣво, ожиданія, что̀ скажутъ....

Былъ у Ѳ. И. Тютчева. Разговоръ о покойномъ наслѣдникѣ цесаревичѣ.

18. Воскресенье. Ѳ. И. Тютчевъ послѣ извѣстнаго адреса московскаго дворянства о созваніи земской думы написалъ подъ названіемъ „Москвичамъ“ слѣдующее четверостишіе и послалъ его въ Москву:

„Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ?
Вы просто члены англійскаго клуба“.

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ москвичей:

„Вы ошибаетеся грубо
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили, видно, вмѣстѣ съ шубой
Вы память о землѣ родной,
Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ;
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчный свѣтъ.
Но какъ-же быть въ странѣ унылой,
Гдѣ . . . . . .
И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтернъ, Головнинъ?
Нѣтъ, намъ парламента не нужно,
Но почему-жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать?“

Говорятъ, что скоро послѣ пріѣзда сюда Муравьева было уже, по желанію партіи, рѣшено отозвать его изъ Вильны, но вдругъ оттуда получается донесеніе, что едва достигла туда вѣсть объ отзывѣ Муравьева, какъ польскій элементъ снова поднялся: появились конфедератки, траурныя одежды, русскія вывѣски на магазинахъ опять замѣнились польскими и проч. Вслѣдствіе этого рескриптъ на имя Муравьева съ пожалованіемъ его при увольненіи графомъ и уже посланный для напечатанія въ „Сѣверной Почтѣ“ былъ задержанъ. Дѣла опять заколебались.

19. Понедѣльникъ. Вездѣ почти единогласно слышишь (укоризны гр. С. Г.) Строгонову. Достается также и доктору Шестову, который дѣйствительно, говорятъ, не такъ опытенъ и ученъ, чтобы могъ наблюдать за физическимъ состояніемъ и лечить.... Доктора этого рекомендовалъ Енохинъ, которому онъ доводится племянникомъ.

Не знаю, говорилъ-ли какой генералъ или нѣтъ, но все равно, что говорилъ слѣдующія слова: „стоитъ только передъ сраженіемъ подумать, что вотъ я буду разбитъ—и навѣрное будешь разбитъ".

23. Пятница. Законъ о присоединеніи къ православію дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ въ остзейскихъ провинціяхъ (т. е. нетребованіе подписокъ при вступленіи въ бракъ, что дѣти будутъ православныя) находитъ и защитниковъ и порицателей. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что это не понравится народу.

24. Суббота. Читаю „Юлія Цезаря" Наполеона III. Что бы ни говорили враги августѣйшаго автора, а сочиненія его нельзя не признать замѣчательнымъ. Положимъ, онъ не дѣлаетъ открытій въ этой части исторіи наравнѣ со спеціалистами науки, особенно у нѣмцевъ. Но обнять въ такой обширности все, сдѣланное другими, такъ самостоятельно и глубоко изучить всѣ предшествующіе источники и изслѣдованія — это уже не малое достоинство. Потомъ въ авторѣ нельзя не признать художника: какъ мастерски группируетъ онъ подробности, какъ изящно и пластично управляется съ такими сухими вещами, какъ напримѣръ географическое описаніе мѣстностей въ началѣ первой части—и какое хорошее перо! И живо, и рельефно, и сжато. Словомъ, еслибы Наполеонъ не былъ правителемъ, онъ могъ-бы быть очень хорошимъ писателемъ. Но съ его философіей исторіи однако нельзя согласиться. Тутъ видна натяжка въ свою пользу. Что бы великія событія всегда происходили отъ великихъ причинъ, это рѣшительно невѣрно. Этому противорѣчитъ и его собственное сравненіе, что искра не производитъ пожара, если для него не приготовлены горючіе матеріалы. А потому несправедлива также и мысль, что великіе люди порождаютъ великія судьбы. Они ихъ рѣшаютъ—это такъ, но часто рѣшаютъ даже вопреки своимъ планамъ и ожиданіямъ, а часто и не сознаютъ, что рѣшаютъ. Всѣ событія, называемыя великими, суть слѣд-

ствія многихъ предшествующихъ причинъ, между которыми воля и геній одного лица есть только одна изъ сильныхъ пружинъ въ механизмѣ цѣлой системы, или цѣлаго порядка и хода вещей.

25. Воскресенье. Поутру у С—ча. Онъ три года былъ преподавателемъ исторіи у покойнаго Наслѣдника. Наслѣдникъ, говоритъ онъ, учился очень хорошо и вообще былъ прекрасный человѣкъ. С—чъ не можетъ вспоминать о немъ безъ глубокой скорби и умиленія. Онъ показывалъ мнѣ тетради, въ которыхъ царственный юноша записывалъ свои уроки изъ исторіи. Видна особенная тщательность въ занятіяхъ. (Графа С. Г.) Строгонова покойный Наслѣдникъ не любилъ, да и трудно любить этого холоднаго и сухаго человѣка...

Вотъ образчикъ того, какъ въ народѣ смотрятъ на кончину Цесаревича Николая Александровича. Во время Ломоносовскаго обѣда въ залѣ Дворянскаго собранія возлѣ С—ча сидѣлъ какой-то купецъ. Когда былъ провозглашенъ тостъ за Наслѣдника — тогда было извѣстно еще только, что онъ опасно боленъ — зала огласилась восторженными криками въ честь его и пожеланіями ему выздоровленія. Крики не умолкали въ теченіи пяти минутъ. С—ча это такъ тронуло, что у него показались слезы на глазахъ. Его сосѣдъ купецъ это замѣтилъ и спросилъ:—„Видно, вы очень любите Наслѣдника?“—„Да“, отвѣчалъ С—чъ, „потому что знаю его хорошо: я былъ его учителемъ“.—„Учителемъ?“ повторилъ купецъ: „Ну, хорошо, что вы были его учителемъ, а не дядькою, а то васъ стоило-бы разорвать въ клочки“.

26. Понедѣльникъ. Уже напечатанъ рескриптъ о пожалованіи, графомъ, Муравьева и объ его увольненіи и также приказъ о назначеніи Кауфмана. Что-то скажутъ патріоты московскіе, да и другіе? Нѣмецъ въ Польшѣ для устройства русскихъ дѣлъ! Впрочемъ, онъ, говорятъ, православный. Да фамилія-то, возражаютъ, нѣмецкая, какой русскому человѣку и не выговорить.

У насъ все какъ-то странно дѣлается. Очень много, напримѣръ, шумѣли и нашумѣли о Ломоносовскомъ юбилеѣ: онъ пришелъ—пообѣдали, покричали и, кажется, опять забыли человѣка на цѣлое столѣтіе.

27. Вторникъ. Въ газетахъ напечатано письмо убійцы

Линкольна — Буса. Письмо заключаетъ въ себѣ политическую исповѣдь убійцы и причины, объясняющія его преступное дѣло. Какая неисповѣдимая наглость и высокомѣріе этихъ непрошенныхъ и самозванныхъ благодѣтелей человѣчества и народовъ! Если вѣрить словамъ настоящаго убійцы, то онъ великій человѣкъ, предпринявшій великое дѣло во имя свободы и прогресса. Вотъ глубокая и пагубная болѣзнь нашего вѣка! Всякій мечтатель, фанатикъ или честолюбецъ, жаждущій всемірной популярности, считаетъ себя въ правѣ предпринимать дѣла, на которыя его никто не уполномочивалъ.

28. Среда. Въ Петербургѣ сильно распространяется спиритизмъ. Пусть его: это реакція противъ матеріализма. Пусть одно безуміе уничтожается другимъ, клинъ выбивается клиномъ.

Май 1. Суббота. Вечеръ у Ржевскаго. Меня очень занимали разсказы (Павла Ивановича) Мельникова (Печерскаго). Это настоящій типъ русскаго плутоватаго бывалаго человѣка. Но его пріятно слушать, хотя надобно слушать осторожно, потому что онъ не затрудняется прилгать и прихвастнуть.

3. Понедѣльникъ. Газета „Русская Лѣтопись“ запрещена до сентября. По полученіи оффиціальнаго извѣстія о смерти Наслѣдника, всѣ газеты вышли съ траурною каймою, „Лѣтопись“ — безъ нея. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась въ трауръ. Это ближайшая причина запрещенія. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались послѣдователи Чернышевскаго — А., Е., кажется, и Лавровъ и проч. Третье отдѣленіе, тотчасъ по основаніи газеты, обратило на нее вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ. А вотъ теперь при случаѣ она и прямо высказалась.

Сегодня вся Нева запружена льдомъ, но день былъ хорошій: 10 град. тепла. Я долго гулялъ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ теперь въ извѣстные часы собирается на прогулку наше, такъ называемое, лучшее общество.

4. Вторникъ. Между сенаторами есть ..... престранные. Панинъ было нѣсколько притворилъ двери для входа въ сію храмину правосудія всякому ....., если онъ только военный генералъ или тайный совѣтникъ — но мудрый нынѣшній министръ юстиціи Замятнинъ опять широко распахнулъ оныя двери, и вотъ туда потянулись ряды ..... что, какъ говорится, уму непостижимо....

6. Четвергъ. (Н. С.) Тихонравовъ отказался отъ предложеннаго ему II отдѣленіемъ академіи званія члена. Я предложилъ взамѣнъ его (Алексѣя Дм.) Галахова, но не встрѣтилъ сочувствія. Сильнѣе всѣхъ воспротивился (П. П.) Пекарскій.

8. Суббота. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана статья, извлеченная изъ отношенія нашего консула въ министерство финансовъ о нестерпимомъ мошенничествѣ нашихъ купцовъ, которые поставляютъ на заграничные рынки ленъ низшаго разряда, выдавая его за первый сортъ и беря за него деньги, какъ за первый. И подобное мелкое гнусное надувательство встрѣчается уже не въ первый разъ, такъ что иностранцы отказываются имѣть дѣло съ русскимъ купцомъ. Консулъ говоритъ, что это угрожаетъ закрытіемъ иностранныхъ рынковъ для нашей торговли.

Муравьевъ получаетъ изъ многихъ мѣстъ Россіи поздравленія съ графскимъ достоинствомъ и благодарственные адресы за его управленіе западными губерніями.

15. Суббота. Изъ всѣхъ живыхъ созданій нѣтъ такихъ, которыя-бы были такъ способны наносить вредъ себѣ и другимъ, какъ люди. Нѣтъ ничего лживѣе и несчастнѣе человѣческой породы. Тѣ, которые стараются истребить религіозное чувство въ человѣкѣ—величайшіе враги послѣдняго: вѣдь это его единственная опора. И какъ нетрудно было-бы пробудить и укрѣпить религіозное чувство въ людяхъ, особенно въ юношествѣ, если-бы ему было меньше толковано о догматахъ и обрядности, а больше о благости и премудрости Высочайшаго Существа! И гдѣ можно найти больше для того матеріаловъ, какъ не въ христіанствѣ!

Исключительная вѣра въ такъ называемый историческій прогрессъ есть не иное что, какъ ловля тѣни, которая безпрестанно убѣгаетъ. Это одно изъ яркихъ и пагубныхъ заблужденій вѣка.

16. Воскресенье. Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли: онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее „вполнѣ благонамѣренною“, т. е. сдѣлать то,

чего не въ состояніи были, да едва-ли и хотѣли, сдѣлать (до 1855 года). (Тогда люди власти) презирали литературу, но едва-ли считали возможнымъ сформулировать ее какъ-нибудь на свой ладъ. Валуевъ, повидимому, считаетъ это возможнымъ. Онъ должно быть такъ-же точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ предшествовавшее (время), и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли. Уставъ о печати, который долженъ быть введенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отдаетъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли. Изданіе журналовъ съ освобожденіемъ ихъ отъ предварительной цензуры, становится дѣломъ крайне затруднительнымъ. Прежде журналы зависѣли отъ произвола цензора, который все-таки не могъ вполнѣ пренебрегать тѣмъ, что о немъ „скажутъ въ обществѣ“. Оттого онъ былъ до нѣкоторой степени принужденъ дѣйствовать умѣренно и снисходительно. Издатели въ извѣстной мѣрѣ освобождались отъ отвѣтственности подъ его щитомъ. Теперь не то. Цензора нѣтъ. Но взамѣнъ его надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ.... Понятно, что вся пишущая братія сильно переполошилась. Журналисты, по крайней мѣрѣ петербургскіе, какъ слышно, условились подчиниться по прежнему предварительной цензурѣ и это въ ихъ положеніи, можетъ быть, было бы самое разумное. Но вотъ что мнѣ сегодня говорилъ Ф—ксъ. [1]), наперсникъ и эхо Валуева: „министру извѣстно на что намѣрены рѣшиться журналисты, но они жестоко ошибутся. Если они захотятъ остаться подъ цензурою, то и получатъ ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе (до-реформенной). Волею или неволею они должны будутъ эмансипироваться“. Какая удивительная эмансипація!—а тогда уже дѣло пойдетъ новымъ порядкомъ. Какимъ? —Валуевскимъ?

Разумѣется, этотъ великолѣпный планъ точно также разлетится дымомъ, какъ и всѣ великіе планы нашихъ великихъ

[1]) Нынѣ покойный. Ред.

государственныхъ и не государственныхъ людей. Россія тѣмъ отличается, что въ ней ни зло, ни добро не выдерживаются систематически и послѣдовательно: у насъ систематичны и послѣдовательны одинъ безпорядокъ и хаосъ (1865 г.). Но въ частности надѣлается много непріятностей, а тамъ дѣло повернетъ туда, куда направитъ его какая-нибудь случайность, какой-нибудь вѣтеръ, и все-таки не туда, куда думали Валуевы и Ф**.

20. Четвергъ.... Всѣхъ умнѣе, кажется, велъ себя докторъ Здекауеръ. Онъ еще въ январѣ объяснялъ государю и (графу С. Г.) Строгонову, какъ сомнительно положеніе Наслѣдника и какой осторожности и вниманія оно требуетъ. Н. Ѳ. Здекауеръ, между прочимъ, никакъ не совѣтовалъ ему купаться въ морѣ.

Вчера было настоящее наводненіе въ низменныхъ частяхъ города, въ Коломнѣ, на островахъ. Около Кокушкина моста даже по улицѣ плавали на лодкѣ. Одинъ господинъ на Каменномъ островѣ ѣхалъ въ каретѣ по водѣ, которая проникала сквозь дверцы.

22. Суббота. Сегодня думали, что будетъ привезено тѣло Наслѣдника и церемоніально препровождено въ царственное жилище вѣчнаго покоя. Но это отложено до будущаго вторника. Между тѣмъ, дѣлаются приготовленія: дома на Англійской набережной и Большой Милліонной убираются трауромъ. На Сенатской площади воздвигается амфитеатръ для зрителей.

Въ пятницу былъ у князя (Петра Андреевича) Вяземскаго, надняхъ пріѣхавшаго изъ Ниццы. Онъ показался мнѣ удивительно свѣжимъ и бодрымъ. Онъ остановился въ домѣ своего зятя, министра внутреннихъ дѣлъ, котораго я и встрѣтилъ тутъ. Я выразилъ Валуеву крайнее удивленіе, что въ похоронной процессіи не допущены депутаціи отъ корпорацій, напримѣръ, отъ Академіи наукъ и проч. Онъ отвѣчалъ, что это зависѣло отъ заявленій начальствъ различныхъ учрежденій и что, напримѣръ, московскій университетъ прислалъ своихъ депутатовъ.

Въ академіи Срезневскій говорилъ мнѣ, что и здѣшній университетъ назначилъ своихъ депутатовъ. Значитъ, одна академія наукъ не сдѣлала этого. Удивительно.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатаны въ переводѣ очень хорошіе стихи на смерть Наслѣдника одного финляндскаго поэта.

23. Воскресенье. Ни одно свободное движеніе не бываетъ безъ уклоненій то вправо, то влѣво: на то оно и свободное. По прямой неуклонной идутъ только силы механическія, вслѣдствіе сообщеннаго имъ внѣшняго толчка. Итакъ при свободномъ движеніи всегда надо ожидать отступленій отъ извѣстныхъ принятыхъ или установившихся началъ—ожидать нѣкотораго замѣшательства. Зло не въ этомъ, а въ томъ, когда порывающіяся къ свободному движенію или дѣйствующія силы не встрѣчаютъ уравновѣшивающихъ ихъ другихъ силъ—когда свободное движеніе, свидѣтельствующее о жизненности, обиліи и энергіи силъ, превращается въ дикое необузданное своеволіе и не организуется, не ограничивается другими силами, которыя воздерживали-бы ихъ и не допускали безплодно разсѣваться въ безпредѣльности и поглощать самихъ себя. Свободное движеніе всегда есть нѣчто могучее, но слѣпое, нуждающееся въ руководствѣ разума. Это—творчество, рождающее вещи, которыя требуютъ направленія, обработки, воспитанія. Оно столько-же способно разрушать, какъ и созидать, но оно неспособно останавливаться, чтобы сознательно уяснять себѣ для чего и что оно разрѣшаетъ или созидаетъ.

Вечеромъ навѣстилъ меня князь П. А. Вяземскій. Разговоръ о кончинѣ Наслѣдника.

25. Вторникъ. Печальный и торжественный день! Привезено тѣло Наслѣдника въ Петербургъ и препровождено въ церемоніальномъ шествіи къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ крѣпость. Погода соотвѣтствовала характеру событія. Небо обложилось тучами, каждую минуту угрожалъ дождь—но дождя не было и было тепло. Въ двѣнадцатомъ часу я вышелъ изъ дому. Невскій проспектъ былъ залитъ толпами народа, который спѣшилъ къ Исакіевской площади: процессія должна была слѣдовать отъ Николаевскаго моста мимо Исаакія по площади и набережной на Троицкій мостъ. Немного спустя раздался пушечный выстрѣлъ. На улицахъ уже не было ни души: все, весь Петербургъ столпился у площади и я съ Морской поворотилъ туда-же. Тутъ услужливый спекулянтъ предложилъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ за полтинникъ. Я съ трудомъ взгромоздился на нее и очень порядочно могъ видѣть церемоніальное шествіе. Мрачная и величественная картина. Войска съ обѣихъ сторонъ окаймляли площадь.

Сперва потянулись разные придворные чины, ордена на подушкахъ, безконечный рядъ духовенства въ черномъ облаченіи, отрядъ войскъ и потомъ колесница съ останками юноши, котораго оплакивала Россія. За нею государь верхомъ на лошади. Народъ стоялъ безмолвно, снявъ шапки, и съ появленіемъ колесницы крестился. Не было ни малѣйшаго шуму, ни толкотни и безпорядка. Вокругъ царствовало полное безмолвіе, нарушаемое только колокольнымъ звономъ съ церквей и зловѣщими пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Всѣ магазины, лавки, кабаки были заперты. На всемъ Петербургѣ лежала какая-то печать унынія и скорби, а надъ нимъ, какъ черное покрывало, висѣло сумрачное небо.

26. Среда. Въ два часа отправился я поклониться праху Наслѣдника въ Петропавловскій соборъ. У воротъ крѣпости съ добрыхъ полчаса надо было ждать, пока разъѣхались экипажи возвращавшихся съ панихиды. Народу видимо невидимо: кажется, опять весь Петербургъ собрался сюда. И вдругъ все это повалило въ крѣпость и стѣснило у входа въ церковь до такой степени, что нечего было и думать попасть туда, по крайней мѣрѣ скоро. Впускали только по нѣсколько человѣкъ разомъ, и затѣмъ запирали двери. Многіе на это ворчали, но мнѣ кажется это было и необходимо и благоразумно. Иначе церковь была-бы вдругъ переполнена и могъ-бы произойти страшный безпорядокъ. Къ выходу тоже пускали постепенно. И надо отдать справедливость полиціи: она распоряжалась и ловко и учтиво. Я встрѣтилъ тутъ Чивилева, который отчаялся попасть въ церковь и уѣхалъ домой. Я тоже было поколебался, но потомъ рѣшился подождать сколько возможно. Такъ-же поступилъ и (Андрей Степановичъ) Вороновъ, съ которымъ я тоже тутъ столкнулся. Наконецъ, пришла и моя очередь. Большая мрачная церковь лишь немногихъ вмѣщала въ себѣ. Посѣтители входили въ однѣ двери, но очереди въ одиночку допускались къ гробу, поклонялись ему и направлялись къ другому выходу. По обѣимъ сторонамъ катафалка стояли дежурные камергеры и генералы. Передъ гробомъ разложены были на золотыхъ подушкахъ ордена покойнаго, атаманская булава и водружены были казацкіе бунчики. Въ церкви господствовало мрачное величіе смерти. Тишина прерывалась только монотоннымъ унылымъ чтеніемъ Евангелія.

Съ глубокою грустью и я взошелъ на ступени катафалка, поцѣловалъ холодную руку, предназначавшуюся для скипетра одного изъ величайшихъ въ мірѣ царствъ и теперь обреченную тлѣнію, взглянулъ на блѣдное лицо, сквозившее сквозь покрывавшій его флеръ, на цвѣты, которыми усыпанъ былъ трупъ—и слезы невольно подступили къ глазамъ, и я вышелъ съ глубокою скорбію. Вся эта драма жизни и смерти, которую мы называемъ великою, конечно, ничто въ безконечномъ теченіи вещей; но если гдѣ есть мѣсто возбудиться человѣческому чувству, то, конечно, здѣсь, гдѣ нанесена такая глубокая скорбь сердцу одного изъ самыхъ благородныхъ государей и одного изъ самыхъ добрыхъ людей...

27. Четвергъ. Рескриптъ на имя генералъ-губернатора съ изъявленіемъ благодарности государя жителямъ Петербурга за ихъ сочувствіе къ его великой скорби.

Графъ С. Г. Строгоновъ, говорятъ, игралъ самую жалкую роль во время всей похоронной церемоніи: къ нему никто не подходилъ, никто не заводилъ съ нимъ рѣчи.

28. Пятница. Бываютъ нравственныя уродливости, какъ и физическія. Иному недостаетъ отъ природы религіознаго, эстетическаго чувства или эти органы душевной жизни были у него какъ-нибудь окалѣчены въ дѣтствѣ. Но гордиться тутъ, право, не чѣмъ. Не слѣдуетъ этого выставлять на всемірное зрѣлище, а еще менѣе слѣдуетъ провозглашать, что это красота, и желать, даже домогаться, чтобы другіе были въ этомъ отношеніи на насъ похожи.

Ужасно трудно у насъ добывать историческіе матеріалы. Вотъ уже несчетное число разъ являюсь я въ университетъ, чтобы получить дѣло объ отрѣшеніи отъ должности профессора Галича —и все напрасно. Наконецъ, ректоръ обѣщался.

Рѣчь моя о Ломоносовѣ, однако, не смотря на свой провалъ на академическомъ актѣ, всетаки имѣетъ свою долю успѣха. До меня съ разныхъ сторонъ доходятъ благопріятные о ней слухи. Я получилъ лестные о ней отзывы и благодарственныя за нее письма изъ Архангельска, Кіева, Москвы, Харькова. Макарій, архіепископъ Харьковскій, написалъ мнѣ очень милое письмецо. Здѣсь раскуплено въ книжной лавкѣ до ста экземпляровъ. Журналы хранятъ глубокое молчаніе, кромѣ „Сѣверной Почты“, которая отозвалась о моей „щеголеватости“, да „Рус-

скаго Инвалида", сдѣлавшаго изъ рѣчи выписки. Къ отзывамъ журнальнымъ всякимъ, похвальнымъ и ругательнымъ, я питаю глубокое равнодушіе и всегда питалъ его. Меня не разъ хвалили и разъ только, давно какъ-то, выбранила „Сѣверная Пчела", сначала похваливъ непомѣрно. Тогда я принужденъ былъ отвѣчать на ругательства, потому что оно пахло доносомъ и мнѣ, по обстоятельствамъ времени, необходимо было дать отпоръ. Но послѣ того я уже больше не обращалъ вниманія на то, что̀ обо мнѣ писалось. Это совсѣмъ не изъ гордости или желанія прослыть неуязвимымъ: напротивъ, я вовсе не чуждъ удовольствія слышать себѣ одобреніе. Но дѣло въ томъ, что у насъ ни похвала, ни брань не вызываются обыкновенно никакими основательными литературными причинами, а всегда однимъ побужденіемъ лично насолить человѣку или лично задобрить его. Тутъ большею частью все рѣшаютъ личныя отношенія, и какъ я всегда шелъ самъ своею особою дорогою, то у меня естественно было больше непріятелей, чѣмъ благопріятелей. Въ послѣднее-же время я окончательно, даже въ личныхъ моихъ отношеніяхъ, отдалился отъ такъ называемыхъ литературныхъ кружковъ, да и не скрывалъ и не скрываю, и устно и печатно, моего отвращенія отъ этой ультра-либеральной пустоты и умственной распущенности, въ которой тонутъ иные изъ нашихъ, такъ называемыхъ, передовыхъ журналовъ. Но это не потому, чтобъ я не признавалъ въ нынѣшнемъ направленіи его историческаго происхожденія и значенія, а потому что, по моему мнѣнію, никакое направленіе не должно сдѣлаться исключительнымъ и господствующимъ.

Половина перваго: сейчасъ раздался печальный звонъ колокола, возвѣщающій о погребеніи Наслѣдника. Я живу противъ самой Владимірской церкви и ясно слышу его грозный скорбный напѣвъ.

Онъ былъ человѣкъ — Отецъ его Освободитель милліоновъ людей. Россія должна плакать, если у ней есть народное чувство, если она нація, а не случайное скопище — и въ настоящее время всеотрицающихъ разнородныхъ элементовъ.

08 Воскресенье. О, какъ не разработанъ еще русскій міръ! И какъ трудно разработать его одною силою мысли или знанія. Тутъ необходима еще другая сила, которая служила-бы проводникомъ первой. Россіи нуженъ новый Петръ. Тотъ Петръ

началъ, другому слѣдовало-бы довершить. Народъ прежде нуждался въ возбужденіи, теперь онъ нуждается въ руководствѣ.

Вчера переѣхали на дачу въ Павловскъ, по примѣру прошлаго года—на дачу Мердера, по дорогѣ въ Царскую Славянку.

31. Понедѣльникъ. Охотники нивелировать человѣчество готовы превратить его въ одну грубую безразличную и безобразную массу, изъ которой уже не должно выростать ни одно дарованіе, ни одна умственная или нравственная заслуга.

Іюнь 3. Четвергъ. Отвага, говорятъ, свидѣтельствуетъ о силѣ, но она свидѣтельствуетъ также о безуміи.

8. Вторникъ. Въ городѣ. Экзаменъ въ Римско-католической академіи. Большія любезности. Впрочемъ, я всегда былъ доволенъ студентами: они всегда внимательны къ моимъ лекціямъ и вообще всегда выказывали мнѣ даже преданность.

11. Пятница. По небу бродятъ какія-то грязно-сѣраго цвѣта тучи и ежеминутно угрожаютъ уже не дождемъ, а снѣгомъ. Вообще природа готовитъ намъ что-то скверное, въ родѣ польскаго возстанія или въ дополненіе къ нему. Отовсюду только и читаешь вѣсти о пожарахъ и о зловѣщихъ признакахъ всеобщаго неурожая. Прошлаго года былъ только мѣстный голодъ, напримѣръ, въ Самарѣ, а теперь вотъ угрожаетъ голодъ повсемѣстный. Дороговизна на всѣ предметы первой потребности увеличилась до того, что бѣдные люди лишь съ трудомъ могутъ жить. Что-жъ будетъ дальше?

13. Воскресенье. Осуждены мы навсегда дѣлать глупости или онѣ составляютъ только одну изъ переходныхъ ступеней нашего развитія? Вѣдь вотъ до сихъ поръ случалось такъ, что даже изъ всего, что мы возьмемъ у другихъ, мы непремѣнно выберемъ самое худшее и спѣшимъ его усвоить себѣ такъ, какъ будто оно составляетъ единственную важнѣйшую сторону вещей. Встрѣтимся мы съ разными улучшеніями и благами внѣшняго быта—мы непремѣнно позаимствуемъ отъ нихъ всякія излишества, блестки, чрезмѣрную роскошь, и начнемъ съ неимовѣрною быстротою проматывать достояніе наше и отцовъ нашихъ. Научимся мы иностраннымъ языкамъ, мы прежде всего прочтемъ на нихъ самыя пустыя или забористыя статьи и начнемъ болтать на нихъ всякій вздоръ, забывая свой родной языкъ. Но ѣдемъ-ли за границу, вмѣсто того, чтобы лицомъ къ лицу озна-

комляться съ плодами и успѣхами чужой образованности, мы постараемся побывать тамъ прежде всего во всѣхъ притонахъ иноземнаго разврата, проиграться до послѣдней нитки въ какомъ-нибудь Баденѣ или Висбаденѣ, да провести контрабандою нѣсколько запрещенныхъ книгъ или вещей, чтобы потомъ съ гордостью сказать дома своему пріятелю: „Ну, братъ, продулся я въ Парижѣ“ или тамъ-то и тамъ-то. Поѣдутъ наши юноши заграницу съ благою цѣлью учиться — они начнутъ съ того, что окритикуютъ и обругаютъ тамошнихъ профессоровъ, а кончатъ тѣмъ, что, возвратясь домой, станутъ съ видомъ всемірныхъ геніевъ и знатоковъ повторять поверхностно схваченное и вовсе не переваренное знаніе, заимствованное у этихъ-же профессоровъ,—и на томъ застынутъ. Начнемъ мы заниматься публицистикою, политикою—мы тотчасъ дѣлаемся соціалистами, коммунистами и съ необычайнымъ шумомъ и трескомъ словъ, требуемъ всевозможныхъ реформъ, не заботясь о томъ, является-ли это требованіе плодомъ и выраженіемъ народной жизни и народныхъ нуждъ, или только игрою нашей праздной фантазіи. Займемся-ли мы философіей—то немедленно съ головой такъ и окунемся въ атеизмъ и матеріализмъ и ослѣпнемъ и оглохнемъ для всего другаго. Хотѣлось-бы думать, что это только одинъ изъ фазисовъ нашего развитія, а не то, что намъ суждено дѣлать.

16. Среда. Опять былъ у меня (Авр. Серг.) Норовъ. Я стараюсь забыть, что онъ нѣкогда былъ министромъ народнаго просвѣщенія, и когда мнѣ это удается, я опять вполнѣ готовъ дружески отвѣчать на его дружескія попытки. Вчера онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ А. С. Пушкинѣ. Норовъ встрѣтился съ нимъ за годъ или за полтора до его женитьбы. Пушкинъ очень любезно съ нимъ поздоровался и обнялъ его. При этомъ былъ пріятель Пушкина Туманскій. Онъ обратился къ поэту и сказалъ ему:

— „Знаешь-ли, Александръ Сергѣевичъ, кого ты обнимаешь? Вѣдь это твой противникъ. Въ бытность свою въ Одессѣ онъ при мнѣ сжегъ твою рукописную поэму“.

Дѣло въ томъ, что Туманскій далъ Норову прочесть въ рукописи извѣстную непристойную поэму Пушкина. Въ комнатѣ тогда топился каминъ и Норовъ, по прочтеніи пьесы, тутъ-же бросилъ ее въ огонь.

— „Нѣтъ, сказалъ Пушкинъ,—я этого не зналъ, а узнавъ теперь, вижу, что Авраамъ Сергѣевичъ не противникъ мнѣ, а другъ, а вотъ ты, восхищавшійся такою гадостью, какъ моя неизданная поэма, настоящій мой врагъ".

17. Четвергъ. Самое скверное положеніе, когда человѣку не достаетъ ни мудрости, ни силы терпѣть, ни мужества дѣйствовать.

Неудовлетворительность положенія производитъ какое-то всеобщее раздраженіе, которое обнаруживается во всемъ — въ малыхъ и большихъ дѣлахъ. Каждый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ негодованія и досады, поводы къ которымъ носятся въ воздухѣ: поводовъ этихъ онъ и назвать не въ состояніи, но онъ чувствуетъ ихъ и ими одними одушевляется.

Говорятъ, что судебная реформа откладывается въ длинный ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда: всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ ее, какъ манны небесной. Но административная или бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти изъ своихъ рукъ.

Что если ко всему прочему сбудется еще угроза повсемѣстнаго голода! При совершенно непонятной инерціи власти, дѣйствительно, не настанетъ-ли время всеобщей сумятицы, грабежа, и не сдѣлается-ли это въ самомъ дѣлѣ началомъ насильственнаго переворота, о которомъ мечтаютъ поляки, заграничные наши враги и домашніе революціонеры.

А пожары идутъ своимъ чередомъ. Выгораютъ цѣлые или почти цѣлые города и селенія. И объ этомъ говорятъ уже, какъ о самой обыкновенной вещи. Поджоги дѣлаются даже съ нѣкоторымъ юморомъ. Въ какомъ-то уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи арестанты выпустили изъ острога голубя, привязавъ къ нему зажженныя горючія вещества, и вотъ по домамъ и дворамъ пошелъ гулять уже не обычный красный пѣтухъ, а кроткій голубь, превращонный въ страшный бичъ. Видно, тутъ подшутилъ какой-нибудь грамотѣй, знавшій исторію княгини Ольги.

18. Пятница. Прекрасный лѣтній день, съ великолѣпнымъ теплымъ дождемъ. На музыкѣ бесѣда съ Егоромъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ. Ему семьдесятъ два года и въ службѣ онъ

пятьдесятъ лѣтъ безъ малаго. Провелъ годъ въ Пекинѣ при тамошней миссіи. Разсказывалъ много любопытнаго объ отцѣ Іоакинѳѣ Бичуринѣ, съ которымъ я былъ довольно хорошо знакомъ. Тимковскій выручилъ его изъ Валаамскаго заточенія, гдѣ онъ пребывалъ послѣ разжалованія его изъ архимандритовъ въ монахи за его великія пекинскія проказы. Графъ Нессельроде, по просьбѣ Тимковскаго, исходатайствовалъ ему освобожденіе, съ причисленіемъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ по китайскимъ дѣламъ, такъ какъ онъ превосходно зналъ китайскій языкъ, проведя въ Китаѣ четырнадцать лѣтъ, хорошо изучилъ и самую страну.

— „Такъ какъ вамъ хорошо извѣстно все, касающееся отца Іоакинѳа, сказалъ я Тимковскому,—и вы съ нимъ были такъ близко знакомы, то скажите мнѣ: точно-ли онъ велъ себя въ Китаѣ такъ дурно, какъ о немъ разсказываютъ? Вѣдь про него разсказываютъ ужасы—что онъ никогда не служилъ въ церкви, что онъ даже распродалъ церковную утварь, что онъ пилъ и напропалую гулялъ съ китаянками въ неподобныхъ мѣстахъ, и проч. и проч.

— „Да“, отвѣчалъ Тимковскій,—все это большею частью справедливо. Онъ былъ очень даровитый, умный и даже добрый человѣкъ, но страшный эпикуреецъ и гуляка. Духовное званіе было ему противно, да онъ и попалъ въ него случайно. Онъ былъ побочный сынъ (нѣкоего) Амвросія, который доставилъ ему званіе архимандрита въ Иркутскѣ, когда ему было всего двадцать два года. Когда по интригамъ графа Головкина, назначеннаго посланникомъ въ Пекинъ, архимандритъ Аполлосъ былъ уволенъ изъ китайской миссіи, то на его мѣсто, по ходатайству того-же Амвросія, былъ опредѣленъ Іоакинѳъ—и отсюда-то начинаются пекинскіе подвиги послѣдняго. На Валаамѣ онъ спалъ, гулялъ и попивалъ. Когда бывало поутру зайдетъ къ нему въ келью игуменъ и станетъ звать его къ заутрени, онъ обыкновенно отвѣчаетъ ему:—„Отецъ игуменъ! идите ужъ лучше одни въ церковь, я вотъ болѣе семи лѣтъ не имѣлъ на себѣ этого грѣха“. — Потомъ его часто видѣли прогуливающимся у Симеонія въ монашескомъ подрясникѣ, но въ круглой шляпѣ съ двумя нимфами подъ руку. Такой былъ грѣховодникъ этотъ почтенный отецъ Іоакинѳъ! Когда я жилъ на

дачѣ за Лѣснымъ корпусомъ, онъ довольно часто и у меня бывалъ. Тамъ за стаканомъ пунша онъ любилъ разсказывать про разные скандалы пекинскіе, не скрывая и своего участія въ нихъ. Однажды онъ сильно разсердился на меня, когда я выразилъ ему мое сомнѣніе на счетъ красоты китайскихъ женщинъ.—„Вы судите о нихъ, отвѣчалъ онъ, по картинкамъ на чайныхъ ящикахъ. Это такія красавицы и такого пріятнаго обхожденія, что подобныхъ имъ не найти въ Европѣ“. Вообще онъ питалъ какую-то страсть къ Китаю и ко всему китайскому и свое собственное лицо и бородку какъ-то ухитрился поддѣлать подъ китайскій ладъ. Во время войны англичанъ съ китайцами онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что первые побѣдили вторыхъ и постоянно утверждалъ, что англичане надуваютъ Европу ложными извѣстіями на манеръ наполеоновскихъ бюллетеней [1]).

25. Пятница. Въ Виленской губерніи, кажется въ Завилейскомъ уѣздѣ, произошелъ пожаръ въ одномъ селеніи. При самомъ началѣ его схватили мальчика, лѣтъ шестнадцати, почти на самомъ мѣстѣ преступленія, то есть поджога. Онъ тотчасъ и признался. На немъ были найдены и зажигательные матеріалы: спички и проч. При дальнѣйшемъ допросѣ открылось, что помѣщикъ Бекаревичъ и нѣсколько другихъ помѣщиковъ, имена которыхъ я забылъ, подговорили мальчика за сорокъ четыре рубля поджечь селеніе. Въ задатокъ онъ получилъ одинъ рубль, а остальные ему обѣщаны. Одновременно произошли пожары и въ двухъ другихъ селеніяхъ того-же округа. Та же исторія: тѣ-же помѣщики подговорили къ поджогу другихъ. По изслѣдованіи оказалось, что нѣсколько помѣщиковъ образовали здѣсь комплотъ поджигателей. Они заманивали въ свою шайку молодыхъ людей, которымъ говорили: „Россію ожидаютъ всеобщій неурожай и голодъ—надо ее жечь, отмстить ей за нашихъ повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь“. О всемъ этомъ получены оффиціальныя донесенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Объ этомъ вчера въ совѣтѣ разсказывалъ намъ товарищъ министра.

Въ Рязанской губерніи, по словамъ того-же товарища министра, также схвачены поджигатели изъ поляковъ. Между тѣмъ

---

[1]) Объ Іакинѳѣ Бичуринѣ (р. 1777 † 1853 г.). См. „Воспоминанія Н. С. Моллеръ“ въ „Русской Старинѣ“ 1888 г., т. LIX, августъ и сентябрь.

во вчерашнемъ засѣданіи Совѣта (Осипъ Антоновичъ) Пржецлавскій заявилъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Юзефовичъ въ своей статьѣ употребилъ слова: „Поляки жгутъ Россію“—и что за это, по словамъ его, Пржецлавскаго, слѣдовало-бы сдѣлать замѣчаніе редакціи. И Валуевъ терпитъ такого господина, какъ Пржецлавскій, въ совѣтѣ по дѣламъ печати!

Отослалъ письмо къ Д. съ просьбою выдать мнѣ университетское дѣло о Галичѣ, Германѣ, Арсеньевѣ, поднятое нѣкогда Руничемъ. Дѣло это мнѣ нужно для біографіи Галича. Вотъ уже два мѣсяца или больше какъ я хлопочу, чтобы получить его—и не могу.

30. Среда. Сегодня ночью разразилась ужаснѣйшая буря въ Павловскѣ и Петербургѣ. Въ Павловскѣ поломало много деревъ, а сучьями усѣяло аллеи. Въ Петербургѣ снесло и попортило деревянные мосты и нѣсколько деревянныхъ крышъ; на Невѣ разбило въ дребезги много барокъ съ дровами и другимъ грузомъ; въ Лѣтнемъ саду повырвало деревья съ корнями. Гозорятъ, нѣсколько человѣкъ погибло. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, только и было толковъ, что объ ураганѣ.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Къ Запискамъ П. Д. Шестакова.

ЗАМѢТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, въ посмертныхъ Запискахъ П. Дм. Шестакова о бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Толстомъ, на стр. 207, я прочелъ слѣдующія строки:

„Отраженіе нападеній на классическую систему, особенно въ послѣдніе годы, много отнимало времени у графа и сильно безпокоило его. Графъ очень возмущался извѣстными статьями, выходившими подъ заглавіемъ „Школьный вопросъ“, и при этомъ остроумно замѣтилъ: За каждую статью „Школьный вопросъ“ редакторъ „Голоса“ платилъ автору 150 руб.

Относительно подчеркнутыхъ мною строкъ этого заявленія я считаю себя обязаннымъ сдѣлать маленькую поправку.

Покойный графъ Дм. А. Толстой или намѣренно сообщилъ автору Записокъ—въ шутку-ли, съ другою-ли какою цѣлію,—это его дѣло—невѣрное свѣдѣніе о получавшемся мною за статьи, подъ заглавіемъ „Школьный вопросъ“, гонорарѣ отъ А. А. Краевскаго, или самъ былъ введенъ кѣмъ-нибудь въ заблужденіе: во всякомъ случаѣ, цифра полученнаго мною гонорара вполнѣ вымышлена и не имѣетъ ничего общаго съ истиной. А отсюда и продолженіе „шутки“ покойнаго министра, быть можетъ очень характеристичное для него самого, едва-ли можетъ назваться остроумнымъ, какъ это показалось покойному казанскому попечителю, человѣку, впрочемъ, очень почтенному.

В. И. Модестовъ.

Одесса,
15-го апрѣля 1891 г.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

III [1]).

Жизнь студентовъ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ.— Студентъ Александровъ. — Праздникъ студентовъ на пароходѣ. — Студентъ князь Кочубей. — Студентъ извозчикъ.

Описывая С.-Петербургскій университетъ конца 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, невольно возникаетъ вопросъ, какъ-же жили и вели себя студенты въ то время? Не увлекались-ли они политическими бреднями и не навлекали-ли на себя правдивый гнѣвъ царя Николая Павловича?

Относительно вопроса о жизни скажу, что студенты моего времени, за исключеніемъ весьма немногихъ, были по большей части бѣдняки, пробивались они по преимуществу уроками и занимали углы и комнаты въ 5—10 и не болѣе 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, помѣщаясь по двое и трое вмѣстѣ. Само собою, что и пища соотвѣтствовала симъ средствамъ. Что-же касается поведенія ихъ, то я смѣло говорю, что они вели себя хорошо и, главное, политическія и соціальныя бредни не входили въ ихъ головы. Подъ словомъ „хорошо“ я вовсе не хочу сказать, что они вели себя

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43; май, стр. 449—469.

какъ дѣти, вышедшія недавно изъ-подъ строгаго надзора родительскаго дома, или какъ красныя дѣвицы, стыдящіяся и боящіяся произнести въ слухъ, особенно при маменькѣ, слово: любовь... Нѣтъ, они учились, жили, терпѣли, веселились и увлекались всѣмъ, что свойственно ихъ молодой натурѣ. Такъ, они пили при случаѣ и при средствахъ всякаго рода питья, не гнушаясь ничѣмъ, за исключеніемъ воды. Тутъ были и горькія, и сладкія, была и ратафія, доставалось и донскому, попадалось и шампанское, если оно приходилось по карману. Но зачастую и голодали, живя только на пеклеванномъ хлѣбѣ съ масломъ, а иногда и того не было; насыщались также пирогами на Апраксиномъ дворѣ по 3 копѣйки за штуку; но духомъ не падали, о богатствѣ не мечтали и никому ни въ чемъ не завидовали. Особаго имущества у студента на квартирѣ не было, все его достояніе было при немъ, и латинское выраженіе: omnia mea mecum porto оправдывалось на дѣлѣ. Носили трехъ-угольныя шляпы, мундиры съ петлицами и синимъ воротникомъ при шпагѣ, двухъ-бортные сюртуки, шаровары, шинели на распашку, а фуражки на бекрень. Влюблялись безъ разбора, начиная отъ швеи до свѣтской дамы. Каждая женская головка у окна служила предметомъ воздыханія, лѣтняя-же ночь оглашалась пѣснею подъ окномъ или балкономъ. Любовныя записки всегда были на готовѣ въ карманѣ. Поминали въ пѣсняхъ какую-то дѣву, начиная пѣсню такъ: „да здравствуетъ Марья Петровна и ручки и ножки ея“, и пѣли съ подобающимъ уваженіемъ Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus, а почасту выкрикивали и такъ: edite, bibite, collegiales, post multa secula pocula nulla. Однимъ словомъ, жилось и жилось, а политическія бредни, или сходки соціальныя, не входили въ ихъ головы и о нихъ не было и рѣчи, а также не занимали ихъ домогательства о предоставленіи имъ разныхъ правъ. По понятіямъ студентовъ моего времени, декабристы, хотя были люди образованные, но сумасброды, не вѣдавшіе задачъ и блага Россіи, а потому они и понесли справедливое наказаніе.

Царь Николай Павловичъ въ глазахъ нашихъ былъ русскій богатырь невыразимаго величія, великодушенъ, строгъ и правдивъ безъ укора. Личность его была священна въ глазахъ современниковъ, и память о немъ останется на вѣки. Скажу, что въ началѣ 1830-хъ годовъ о декабристахъ не говорили уже, а тѣмъ менѣе писали, да и писать нельзя было, однимъ словомъ,—какъ будто о нихъ забыли. Ослабляющія ихъ вину причины выясняются только теперь, но исторія, въ свое время, скажетъ о нихъ правдивое слово!

Восхваляя студентовъ моего времени, долженъ, къ сожалѣнію, повторить извѣстную истину, что нѣтъ правила безъ исключенія, а потому не могу не разсказать одинъ прискорбный случай съ студентомъ Александровымъ. Впрочемъ, онъ былъ старше меня нѣсколькими курсами, а потому собственно я не считаю его товарищемъ; но исторія о немъ заслуживаетъ быть разсказанною.

Въ Петербургѣ въ то время славился своимъ богатствомъ и скопленіемъ наличныхъ денегъ, безъ счета, желѣзнозаводчикъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, имѣвшій двухъ сыновей, Ивана и Савву. Послѣдній въ особенности отличался безобразными кутежами, игрою въ карты и устройствомъ, такъ называемыхъ, Адамовскихъ ночей. Но тѣмъ не менѣе отецъ любилъ его, платилъ за него долги и давалъ средства вести и продолжать кутежную жизнь. Безобразная жизнь Саввы Алексѣевича была извѣстна правительству, а равно и императору Николаю Павловичу. Вотъ на любви отца къ сыну и на безобразіи жизни послѣдняго, Александровъ построилъ планъ своего обогащенія. По его понятіямъ, стоило только захватить или арестовать Савву Яковлева, подъ предлогомъ высочайшаго указа о ссылкѣ его въ Сибирь за развратное поведеніе, а затѣмъ въ жандармскомъ офицерскомъ мундирѣ явиться къ отцу его, предъявить ему этотъ указъ, выразить при этомъ крайнее сожалѣніе объ участи сына его и жестокости наказанія, сжалиться надъ нимъ и въ концѣ концовъ предложить ему, отцу, средства спасенія сына. Средства сіи, по замысламъ Александрова, состояли въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ Саввою бѣжать заграницу, получивъ отъ отца Яковлева тотчасъ-же, по крайней мѣрѣ, милліонъ рублей, а тамъ? Тамъ отдѣлаться отъ него какимъ-нибудь ловкимъ образомъ. Къ исполненію этого дерзкаго плана Александровъ подготовилъ себѣ товарища, нѣкоего Галлера, также бывшаго студента. Засимъ Александровъ заготовилъ фальшивый высочайшій указъ съ печатью, заграничный паспортъ, сшилъ себѣ и товарищу своему Галлеру мундиръ и назначилъ день и часъ для исполненія. Оставалось только захватить Савву Яковлева; для сего условлено было время, когда онъ будетъ возвращаться изъ театра.

Но подъ самый конецъ исполненія Галлеръ образумился, ужаснулся всѣхъ послѣдствій задуманнаго плана, явился въ III-е отдѣленіе, покаялся и выдалъ своего товарища Александрова. Это отдѣленіе, что называется, накрыло Александрова въ послѣдній часъ исполненія задуманнаго плана и онъ очутился не въ гостяхъ у стараго Яковлева, для полученія милліона, а въ надежномъ мѣстѣ заключенія, т. е. въ одиночной тюрьмѣ. Его, разумѣется, судили,

а Галлера простили; ему Савва Яковлевъ послалъ въ награду за свое спасеніе 10 тысячъ рублей, но самъ онъ, какъ говорили, не поѣхалъ къ нему и вообще отнесся къ его дѣйствіямъ съ презрѣніемъ. На судѣ, кажется въ сенатѣ, Александровъ позволилъ себѣ нахально оправдываться, при этомъ не выражалъ никакого раскаянія и даже, къ ужасу сенаторовъ, отрицалъ бытіе Божіе.

Не смотря на это, императоръ Николай, какъ къ безумному, а можетъ быть и потому, что это было дѣло не политическое, отнесся милостиво къ Александрову и наказаніе его ограничилось одною ссылкою.

Личность Александрова до описаннаго дѣла была извѣстна уже полиціи по слѣдующему случаю: Александровъ, находясь въ крайней бѣдности и выгоняемый изъ квартиры своимъ хозяиномъ за неплатежъ, взялъ свое скудное имущество и книги, вывезъ на Семеновскій плацъ и оставилъ ихъ на произволъ судьбы, написавъ, однакожъ, на особомъ лоскуткѣ бумаги: квартира студента! Штука эта разнеслась по городу, кой-кто смѣялся, а были такіе, что и пожалѣли, но помощи не было ни отъ кого.

Кто-же откликнулся на такую безотрадную бѣдность? А откликнулся приснопамятный великій князь Михаилъ Павловичъ! Разсказывали, что онъ велѣлъ разыскать Акександрова, позвалъ его къ себѣ и помогъ ему. Много можно-бы разсказать случаевъ великодушной помощи Михаила Павловича офицерамъ русской арміи, но это особый предметъ, который еще ожидаетъ правдиваго біографа, мы же будемъ продолжать говорить о студентахъ С.-Петербургскаго университета. Есть люди, а такихъ не мало, кои въ студентахъ видятъ какихъ-то буяновъ, сорванцевъ и вообще людей дерзкихъ, отрицающихъ, пожалуй, бытіе Божіе, не чтящихъ и не уважающихъ никого и ничего. Вотъ такіе люди при всякомъ случаѣ пускаютъ въ ходъ про студентовъ всякія небылицы и даже кричатъ: караулъ, разбой! Въ подтвержденіе сего я разскажу нѣсколько происшествій.

Разъ позвали цѣлую массу студентовъ въ III-е отдѣленіе для объясненія, по поводу жалобы одной чиновной барыни. Жалоба возникла по слѣдующему случаю: многіе студенты, въ томъ числѣ не мало было изъ лучшихъ фамилій, вздумали отпраздновать годовщину окончанія своихъ экзаменовъ и рѣшились поѣхать на пароходѣ, по Невѣ въ Шлиссельбургъ. Само собою разумѣется, они запаслись разною провизіею болѣе или менѣе деликатнаго свойства. Въ числѣ пассажировъ оказалась упомянутая барыня, нѣсколько богомольцевъ и я, пишущій эти строки. Не успѣли отвалить отъ бе-

рега, какъ одинъ студентъ, отличавшійся комизмомъ и смѣлостію рѣчи, принялъ на себя роль хозяина и началъ угощать всѣхъ. Для этого, вооружившись подносомъ или лоткомъ, онъ, съ подобающимъ смиреніемъ, подошелъ къ одному богомольцу, похожему на монаха, и сказалъ на распѣвъ: „отецъ духовный, благослови, прими и вкушай, чѣмъ Богъ послалъ!“ Монахъ, разумѣется, съ улыбкою, но безъ всякой церемоніи взялъ, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и благодарилъ. Затѣмъ хозяинъ студентъ подошелъ къ барынѣ и тоже со смирѣніемъ произнесъ: „милостивая государыня, удостойте принять отъ насъ смертныхъ сіе малое, но вкусное угощеніе!“ Но чопорная барыня не поняла шутки, рѣзко и съ неудовольствіемъ отвергла предложеніе. Но это не остановило хозяина студента. Взявъ особый лотокъ съ другими лакомствами, онъ опять и съ мнимою лукавою вѣжливостію повторилъ свое предложеніе. Барыня уже съ нѣкоторою злобою опять отказалась отъ угощенія. Это произвело смѣхъ! Хозяинъ студентъ не унялся! Онъ настойчиво новое угощеніе предложилъ опять барынѣ. Барыня окончательно озлилась! Такимъ образомъ, опять со смиреніемъ, безъ всякой улыбки, хозяинъ-студентъ повторялъ предложеніе барынѣ съ каждымъ новымъ лоткомъ. Отвѣты получились тѣ-же. Въ концѣ концовъ, барыня пришла въ неистовство, начала кричать, говорила, что будетъ жаловаться, и скрылась, а хозяинъ студентъ во время угрозъ стоялъ передъ ней, молча, аки агнецъ неповинный.

На другой день, по возвращеніи въ городъ, студенты массою были приглашены въ III-е отдѣленіе. Выслушавъ обвиненіе барыни и оправданіе студентовъ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ—призналъ ихъ виновными, но виновными въ излишней угодливости благороднымъ женщинамъ, за что однакожъ карающаго закона нѣтъ. А въ городѣ разсказывали, что на пароходѣ студенты обидѣли и избили одну барыню, затоптали ее ногами и чуть-чуть не бросили въ воду, но, къ счастью, одинъ монахъ за нее заступился и спасъ ее отъ погибели. Вотъ оно до чего дошло!

Разскажемъ еще другія нелѣпости городскихъ слуховъ о шалостяхъ студентовъ.

Въ Петербургѣ Дворцовой части былъ частный приставъ, кажется, по имени Владимірцевъ. Онъ имѣлъ высокій станъ, лице съ черными густыми бакенбардами, носилъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, на головѣ трехъ-угольную шляпу, какія были у студентовъ, и ѣздилъ на парочкѣ вятскихъ лошадей. По совершенной случайности, студентъ князь Сергій Викторовичъ Кочубей имѣлъ одинаковый ростъ и фигуру съ приставомъ Владимірцевымъ, облекался

въ подобную-же шинель съ бобровымъ воротникомъ и трехъ-угольную шляпу и, въ довершеніе сходства съ нимъ, ѣздилъ также на парочкѣ вятскихъ коней.

Вотъ при такомъ сходствѣ въ костюмахъ и въ экипажѣ, князь студентъ позволялъ себѣ дѣлать такія штуки: подъѣзжая къ будкѣ и не раскрывая широко шинель, онъ спрашивалъ часоваго: есть-ли кто въ будкѣ пьяный? И въ случаѣ утвердительнаго отвѣта князь принималъ на себя роль частнаго пристава и отдавалъ таковой приказъ: выпустить сейчасъ! Подобныя продѣлки повторялись нѣсколько разъ; пристава Владимірцева это ставило въ тупикъ, особенно, когда будочникъ настойчиво увѣрялъ его, что пьяный, бывшій въ будкѣ, выпущенъ по его-же приказу. Само собою все открылось, когда случайно въ одно и то же время къ будкѣ, что у Полицейскаго моста, подъѣхали разомъ и Владимірцевъ и князь Кочубей. Произошла нѣмая сцена! Они озирали другъ друга, кланялись, не произнося ни одного слова, да такъ и разъѣхались. Владимірцевъ догадался съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Лѣтъ чрезъ сорокъ послѣ сего, въ Кіевѣ, въ ложѣ нашего общаго товарища князя Дондукова-Корсакова, я встрѣтилъ князя Кочубея. Разумѣется, его черные волосы обратились въ сѣдые и самъ онъ уже былъ не тотъ, каковъ былъ во время оно.

— „А помните-ли, князь, студенческое время и продѣлки ваши съ приставомъ Владимірцевымъ?“—спросилъ я его.

„Да неужели вы помните?“—отвѣчалъ онъ. „Помню!“...

Что это такое? разумѣется шалость самаго невиннаго свойства.

А вотъ другой случай, надѣлавшій шуму на улицѣ.

Одинъ студентъ, князь, имѣя на конюшнѣ много лошадей безъ дѣла, забавлялся тѣмъ, что подъ вечеръ выѣзжалъ на улицу въ качествѣ извозчика и предлагалъ свои услуги въ особенности юнымъ женщинамъ. Вотъ разъ его наняли двѣ молодыя дамы и, помѣстившись въ саняхъ, повели между собою интимный разговоръ на чисто французскомъ языкѣ о томъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ можно съ удобствомъ устроить свиданіе со своимъ кавалеромъ. Вдругъ нашъ извозчикъ тоже, на томъ-же языкѣ, вмѣшался въ разговоръ и сдѣлалъ имъ возраженіе. Мои дамы, услышавъ его и вообразивъ, что это былъ переодѣтый разбойникъ или мошенникъ. выскочили изъ экипажа, подняли крикъ, взывая: караулъ, разбойники и т. д. Маленькая суматоха на улицѣ кончилась, разумѣется, ничѣмъ. Герой этихъ забавъ не окончилъ курса и пробавляется до сихъ поръ заграницей.

Въ числѣ товарищей моего курса была такая личность, которая

даже ходила въ народъ, чтобы прислушаться, что̀ тамъ баятъ? Подъ именемъ „народа“ онъ разумѣлъ кабакъ, гдѣ можно было видѣть и слышать простую мужицкую рѣчь и площадную брань. Но посѣщеніе это не имѣло у него никакой политической цѣли и было скорѣе послѣдствіемъ безпутства и отсутствіемъ у него всякой разумной дѣятельности. Это былъ человѣкъ, отверженный отъ науки и общества, но самъ онъ не пьянствовалъ и былъ, кажется, добрымъ. Къ числу таковыхъ я долженъ отнести бывшаго студента моего времени Александра Алексѣевича Львова. Фигура его, при маленькомъ ростѣ, куда какъ была невзрачна: глаза подслѣповаты, почти безъ бровей, губы на устахъ не толще древеснаго листка, голова безъ волосъ, въ парикѣ весьма не искусснаго парикмахера, просто-напросто уродецъ, но характера онъ былъ не по росту задорнаго, крайне неуживчиваго и въ довершеніе — охотникъ-хвастунъ. Онъ окружилъ себя стаею собакъ и прислугою довольно многочисленною и вооруженною; одѣвалъ ихъ въ какую-то форму, выѣзжалъ въ города Псковской губерніи, въ сопровожденіи своей свиты, на коняхъ и съ собаками, при трубныхъ звукахъ, и тѣмъ поставлялъ всѣхъ въ недоумѣніе и наводилъ даже страхъ на сельскія и уѣздныя власти. Своимъ буйнымъ поведеніемъ онъ возбудилъ бездну уголовныхъ дѣлъ и, кажется, попалъ въ тюрьму. Вообще жизнь его прошла не хорошо; курса не кончилъ; но между товарищами онъ слылъ за добраго малаго, разсказывая имъ свои удалыя и темныя похожденія. Посѣщая кабаки съ подвязанною бородою и усами, онъ иногда возвращался оттуда оборваннымъ, избитымъ, съ окровавленною физіономіею, но все это его не останавливало, — онъ продолжалъ свое, хвалясь своими подвигами. Разъ онъ посѣтилъ Гельсингфорсъ съ такою огромною собакою, что при прогулкѣ съ нею отъ него публика сторонилась и пряталась. Это его веселило. На другой день явилась полиція съ депутаціей, чтобы онъ немедленно выѣхалъ. Съ крикомъ и бранью онъ долженъ былъ подчиниться этому требованію. Эта исключительная уродливая личность не можетъ служить образцомъ времени.

Заключимъ эту главу тѣмъ, что въ 1838 году я окончилъ курсъ по юридическому факультету и затѣмъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи.

IV.

Петербургъ 1830-хъ годовъ.—Невскій проспектъ.—А. С. Пушкинъ. — И. А. Крыловъ и анекдоты о немъ.—Красавицы того времени. — Императоръ Николай Павловичъ.—Императрица Александра Ѳеодоровна. — Великій князь Михаилъ Павловичъ.—Школьники и императоръ Николай.—Пушкинъ на балу на минеральныхъ водахъ.—Графъ Г. А. Строгановъ. — Открытіе памятника Александру I.—Императоръ Николай въ маскарадахъ. — Резолюція императора Николая Павловича по поводу подмоченныхъ дѣлъ въ губернскихъ мѣстахъ.—Дѣло графа Михаила Потоцкаго.

Городъ Петербургъ былъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, весьма невеликъ и немноголюденъ или, по крайней мѣрѣ, онъ такимъ казался, особенно для тѣхъ, кои жили въ срединѣ онаго.

Начнемъ съ угла Невскаго проспекта, отъ главнаго штаба: тутъ былъ маленькій домикъ съ надписью: „Вольное экономическое общество". Потомъ тянулись двухъ-этажные дома до самаго Полицейскаго моста, который былъ весьма узенькій. Домъ голландской церкви отстраивался, а зданій Петропавловской церкви и самой церкви не было. Казанскій мостъ былъ тоже узенькій, а Михайловской улицы не существовало. Тутъ былъ сплошной огородъ, на одной сторонѣ коего по улицѣ былъ домъ купца Рогова, а на другой — графини Строгановой. Аничкинъ мостъ, съ башеньками на цѣпяхъ, былъ тоже не широкій; лошади Клодта на немъ явились много десятковъ лѣтъ послѣ. Конюшенная улица ничего не представляла собою: извозчичьи грязные дворы далеко не были привлекательны. Около большаго дома Кассиновскаго, что нынѣ, кажется, Смурова, у Полицейскаго моста, было большое пустынное мѣсто, съ какимъ-то флигелемъ, оставшимся отъ временъ императрицы Елисаветы. Александровскаго парка, окружающаго нынѣ Адмиралтейство, и въ поминѣ не было; впрочемъ, была липовая аллея, окаймливавшая все зданіе Адмиралтейства, но вся площадь отъ дворца до сената во всю ширину была пуста. Около Исакіевскаго собора площадь была завалена камнями, а самъ соборъ только въ нижней части своей былъ отстроенъ. Маріинскаго дворца и зданій министерства государственныхъ имуществъ и самаго Синяго моста въ томъ видѣ, какъ онъ теперь, не было. Желѣзной дороги въ Москву и вокзала не существовало; равнымъ образомъ, не было и Николаевскаго моста и набережной позади адмиралтейства. Все это явилось впослѣдствіи и много лѣтъ спустя.

Не смотря на это, Невскій проспектъ и въ то время былъ самой оживленной улицей въ Петербургѣ.

Я жилъ, что называется, на самомъ яру, именно у Полицейскаго моста, въ домѣ графини Строгановой, а потому могъ ежедневно наблюдать что̀ на этой улицѣ шло, двигалось и творилось. Такъ, около трехъ часовъ пополудни, каждый день являлся на Невскій, что называется „beau monde". Экипажи всѣхъ видовъ, коляски и кареты въ запряжкѣ съ форейторами и двумя лакеями позади постоянно сновали по улицѣ. Франты всѣхъ оттѣнковъ и просто въ длинныхъ полыхъ бекешахъ и въ шинеляхъ съ нѣсколькими воротниками и въ альмавиво съ закинутою полою съ одного плеча на другое, поражали всѣхъ своею наружностью.

Въ числѣ гулявшей публики почасту можно было примѣтить и Александра Сергѣевича Пушкина, но онъ, останавливая и привлекая на себя взоры всѣхъ и каждаго, не поражалъ своимъ костюмомъ, напротивъ, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь его, покрывавшая станъ, тоже была старенькая. Я не погрѣшу предъ потомствомъ, если скажу, что на его бекешѣ сзади на таліи не доставало одной пуговки. Отсутствіе этой пуговки меня каждый разъ смущало, когда я встрѣчалъ Александра Сергѣевича и видѣлъ это. Ясно, что около него не было ухода. Онъ жилъ недалеко отъ Невскаго, именно у Пѣвческаго моста, на Мойкѣ, въ домѣ Волконской, а потому прогулки его по Невскому были заурядны. Прогуливался онъ то съ графомъ Нессельроде, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, то съ Воронцовымъ-Дашковымъ, котораго, по улыбающейся фигурѣ, бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, называли вѣчнымъ имянинникомъ. Тутъ-же почасту гулялъ и отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ. Красноватое его лицо и, кажись, рябоватое было далеко не привлекательно, но то замѣчательно, что я никогда не встрѣчалъ его вмѣстѣ съ сыномъ. Непремѣннымъ и ежедневнымъ посѣтителемъ Невскаго былъ также и Булгаринъ, Ѳаддѣй Венедиктовичъ. Фигура его сутуловатая и вообще невзрачная, глаза съ большими бѣлками, лукавые, лицо красноватое и даже багровое, свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ былъ большой поклонникъ Бахуса, и вообще весь онъ былъ непривлекателенъ и даже что-то было въ немъ отталкивающее. Встрѣчая его и глядя на него, всегда припоминались извѣстные стихи Пушкина:

Не то бѣда, что ты полякъ,—
Костюшко ляхъ, Мицкевичъ ляхъ;
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда,
Будь жидъ—и это не бѣда,
Но то бѣда, что ты Булгаринъ!

Ежедневныя прогулки Булгарина по Невскому объясняются тѣмъ, что онъ жилъ за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Миняева.

Много было личностей, гулявшихъ по Невскому и кои уже давно отошли въ вѣчность, всѣхъ не перечтешь, но мы остановимся еще въ особенности на одной изъ нихъ.

Вотъ медленными шагами она идетъ на лѣвой сторонѣ улицы, по направленію отъ Публичной библіотеки къ Полицейскому мосту, въ синей шинели съ нѣсколькими воротниками. Голова его большая, съ вьющимися сѣдыми волосами, лицо бѣлое, широковатое и съ доброю улыбкою на устахъ. Простой народъ и въ особенности извозчики, встрѣчая его, снимаютъ шапки и почтительно кланяются. Это Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ идетъ въ англійскій клубъ, помѣщавшійся тогда на Мойкѣ, за Краснымъ мостомъ, въ домѣ Демидова. Почасту по дорогѣ онъ заходилъ въ домъ графини Софіи Владиміровны Строгановой, чтобы объявить ей чрезъ швейцара, что въ такой-то день онъ будетъ у ней обѣдать. Но на дорогѣ онъ остановился, видимо заинтересованный слѣдующею сценою: ѣхалъ экипажъ и въ упряжи лошадей что-то испортилось. Кучеръ, правившій ими, закричалъ: „Эй, ты, землякъ! Подь сюда, поправь тамъ, видишь?“ Встрѣчный охотно подошелъ къ нему и началъ, какъ зналъ, поправлять, но дѣлалъ какъ-то неумѣло. Кучеръ, видя это, безъ всякой церемоніи ругнулъ его: „Эхъ ты, говоритъ онъ: и этого-то не умѣешь сдѣлать, болванъ!“ прибавилъ онъ.

Поправка, однакожъ, кончилась благополучно; кучеръ уѣхалъ, не сказавъ пособнику даже спасибо.

Крылова это поразило.

Придя къ графинѣ, онъ разсказывалъ: „Вотъ какой народъ нашъ добродушный! Подозвалъ чужаго человѣка, заставилъ его дѣлать чужое дѣло, выругалъ и, не сказавъ спасибо, уѣхалъ! А вѣдь нѣмецъ не такой! заключилъ Крыловъ, тотъ даже и не подошелъ-бы поправлять“.

Кстати, въ одно изъ своихъ посѣщеній графини, Крыловъ разсказывалъ слѣдующее, что я своими ушами слышалъ: нѣкто Деларю, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за 1834 г., напечаталъ стихи, подъ заглавіемъ: „Красавицѣ“. Стихи эти надѣлали много шуму въ свое время; цензоръ, пропустившій ихъ, былъ подвергнутъ взысканію. Они начинались тѣмъ, что поэтъ за взглядъ красавицы готовъ былъ отдать державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру, а потомъ кончались такъ:

И если бы Богомъ былъ, селеніями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу
Райскихъ струй,

И сонмы Ангеловъ съ ихъ пѣснями
Живыми,
Гармонію міровъ и власть мою
Надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

Прочитавъ эти стихи, Крыловъ сказалъ графинѣ: „Вотъ что я сообщилъ автору“:

Мой другъ! Когда бы ты былъ Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ!“

Разсказъ о семъ былъ напечатанъ въ видѣ преданія („Русская Старина“ 1881 г., январь), но я подтверждаю это, какъ слышанный мною изъ устъ Ивана Андреевича Крылова.

Въ 1865 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатано было мною нѣсколько анекдотовъ объ И. А. Крыловѣ, но журналъ этотъ за то время теперь рѣдкость, а потому возобновлю въ своей памяти и разскажу одинъ изъ нихъ. Но предварительно упомяну, что Иванъ Андреевичъ, въ домѣ графини Строгоновой, былъ искони въ числѣ друзей. Въ тотъ день, когда онъ заявлялъ о своемъ приходѣ, весь обѣденный столъ заготовлялся въ русскомъ духѣ: щи, каша, пироги, кулебяка и все прочее, что Русью пахло. Притомъ всѣ присутствовавшіе должны были непремѣнно говорить по русски, въ противномъ случаѣ назначалось взысканіе. Иванъ Андреевичъ, по обыкновенію, кушалъ съ большимъ аппетитомъ и въ началѣ обѣда мало говорилъ, хотя къ бесѣдѣ прислушивался внимательно. Обѣдъ происходилъ въ комнатѣ, въ коей надъ обѣденнымъ столомъ висѣла люстра, украшенная множествомъ хрустальныхъ призмъ. Въ тотъ день, о коемъ я веду разсказъ, солнечные лучи отражались въ граняхъ люстры различными цвѣтами. За обѣдомъ былъ споръ: одни присутствовавшіе говорили, что Петербургъ въ будущемъ будетъ обстраиваться и подвигаться вверхъ по Невѣ, другіе, напротивъ, возражали, объясняя, что постройки Петербурга пойдутъ къ морю внизъ.

„Вы чтоже?“ сказала графиня, обращаясь къ Ивану Андреевичу: „не принимаете участія въ нашемъ спорѣ?“

Крыловъ какъ будто очнулся отъ ѣды и, посмотрѣвъ на люстру, быстро сказалъ:

— „Какого цвѣта кажутся вамъ, графиня, вотъ эти грани?“— „Зеленоватаго“, отвѣчала она. „А вамъ?“ обратился онъ къ другому лицу, сидѣвшему за столомъ. Отвѣтъ былъ: „Желтоватаго“.— „А вамъ?“ снова спросилъ Крыловъ у сидѣвшаго противъ послѣдняго. „Розовый“,— „А мнѣ“, заключилъ Крыловъ: „фіолетоваго“.

„И такъ", присовокупилъ онъ: „все разные цвѣта, а предметъ одинъ и тотъ-же. Что-жъ это значитъ? А значитъ то, что всѣ смотрятъ на предметъ съ разныхъ сторонъ".

Разговоръ прекратился, всѣ остались въ изумленіи, Крыловъ продолжалъ кушать.

Кстати, разскажу еще о двухъ случаяхъ, разсказанныхъ имъ графинѣ. Крыловъ говорилъ: „я сначала много писалъ по разнымъ предметамъ и всякій разъ меня критиковали; это меня крайне обезкураживало, но разъ я написалъ басню и критикъ меня похвалилъ, это меня подвигнуло и началъ я по преимуществу писать басни. Вотъ этому критику я и обязанъ всѣмъ".

Въ другой разъ Крыловъ говорилъ: „я всегда радуюсь, когда меня упрекаютъ, зачѣмъ я не пишу? и былъ бы очень опечаленъ, если бы мнѣ сказали: зачѣмъ я пишу?"

Все это я слышалъ самъ изъ устъ Крылова. Ясно, что Иванъ Андреевичъ былъ острякъ до самой старости.

Но мы оставили Невскій проспектъ, не сказавши ничего про выдававшихся красавицъ того времени. Исчислять ихъ всѣхъ я не могу по весьма понятной причинѣ: я ихъ не зналъ, хотя и видѣлъ; но всетаки могу сказать о тѣхъ, кои привлекали взоры гулявшихъ.

Замѣчательными женщинами того времени были: княгиня Воронцова-Дашкова, роскошный экипажъ которой, да и сама она привлекали взоры всѣхъ гулявшихъ. Она, что называется, была львица, хотя по виду своему не могла считаться красавицею. Потомъ, графиня Самойлова, графиня Заводовская, урожденная Влодекъ, княгиня Радзивилова, урожденная княжна Урусова, и множество другихъ. Появленіе этихъ лицъ считалось чѣмъ-то необходимымъ для того, чтобы сказать, что день прогулки на Невскомъ былъ удачнымъ.

Но самымъ необходимымъ условіемъ столичной жизни было появленіе на улицѣ царя Николая Павловича и его фамиліи. Вотъ онъ ѣдетъ! Въ коляскѣ синяго цвѣта, парой, въ шинелѣ и въ киверѣ; весь станъ его обличалъ въ немъ величіе. Быстрымъ орлинымъ взглядомъ онъ озиралъ обѣ стороны улицы; военные спѣшили скинуть съ праваго плеча шинель, стать во фронтъ и отдать честь; штатскіе, становясь тоже лицомъ къ царю, скидали шляпы. Для различія отъ нынѣшняго времени скажемъ, что бороды и усы на штатскихъ положительно отсутствовали, усы и бакенбарды были принадлежностью нѣкоторыхъ военныхъ.

Почти въ одно и то же время императрица Александра Ѳеодоровна, въ великолѣпномъ ландо синяго цвѣта, въ англійской упряжи,

цугомъ, въ сопровожденіи кого-либо изъ княженъ, показывалась на Невскомъ, привѣтливо отвѣчая на поклоны публики.

Не нужно было много ждать, чтобы видѣть, какъ появлялся на улицѣ почасту пѣшкомъ цесаревичъ, блаженной памяти Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ нему лица. Скромно отвѣчая на поклоны публики, встрѣчавшейся съ нимъ, онъ, своимъ добрымъ выраженіемъ лица, привлекалъ общее вниманіе.

Я не ошибусь, если скажу, что почти ежедневно, особенно въ хорошую погоду, можно было встрѣтить юныхъ тогда великихъ князей Константина, Михаила и Николая и великихъ княженъ: Марію, Ольгу и Александру.

Говоря о лицахъ царской фамиліи, нельзя забыть и великаго князя Михаила Павловича. Его тоже ежедневно, и даже нѣсколько разъ въ день, можно было видѣть то проѣзжающимъ по Невскому, то идущимъ пѣшкомъ. Отъ его взоровъ не ускользалъ ни одинъ юнкеръ или офицеръ; малѣйшее несоблюденіе ими формы, напримѣръ: ношеніе фуражки вмѣсто кивера или трехъ-угольной шляпы, или, наконецъ, ношеніе калошъ, не отданіе чести во-время кому слѣдуетъ, имѣло послѣдствіемъ взысканіе. А между тѣмъ, кто близко его зналъ всѣ свидѣтельствуютъ, что это былъ, въ душѣ своей, одинъ изъ милосерднѣйшихъ начальниковъ. Я былъ свидѣтелемъ одной сцены на улицѣ: шелъ отставной солдатъ и несъ большую бутыль масла; одежда его, не смотря на фартукъ, была, разумѣется, замаслена до-нельзя. Вдругъ великій князь, что называется, налетѣлъ на него. Взглядъ его показывалъ, что онъ узналъ солдата издали и окликнулъ его по имени:

— „Стой!“—закричалъ онъ: „поди сюда, посмотри на себя, на кого ты похожъ? Свинья свиньей!“

„Да такая работа, ваше высочество, съ масломъ вожусь!“

— „А другой нѣтъ?“ возразилъ великій князь.

„Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ солдатъ.

— „Приходи ко мнѣ во дворецъ“, продолжалъ великій князь: „я тебѣ сыщу работу“, и затѣмъ уѣхалъ.

Я подошелъ къ солдату. „Видно онъ тебя знаетъ!“ сказалъ я ему.

„Какъ-же,—я въ артиллеріи служилъ; да онъ насъ всѣхъ знаетъ!“

Мнѣ разсказывалъ еще бывшій адъютантъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ, что память великаго князя была поразительна: онъ помнилъ имена не только каждаго солдата изъ своей артиллерійской роты, когда онъ ею въ молодости командовалъ, но даже имена ихъ женъ и крестниковъ своихъ, коихъ, по полкамъ, у него было безъ счету.

Ежедневныя встрѣчи народа и вообще публики съ царскою фамиліею единили ихъ между собою, укрѣпляли преданность къ ней и поселяли радость. Встрѣчи эти были попреимуществу на Невскомъ, Морской, на набережныхъ и въ Лѣтнемъ саду.

Не рѣдко можно было видѣть царя Николая Павловича шедшимъ пѣшкомъ по Морской и Невскому проспекту, по лѣвой сторонѣ. Разъ я помню такой случай: не успѣлъ онъ, идя пѣшкомъ, миновать Публичную библіотеку, какъ изъ-за угловъ Александринскаго театра и смежныхъ съ нимъ улицъ показалась толпа школьниковъ. По какой-то странности, свойственной, впрочемъ, школярамъ низшихъ сословій, они начали бѣжать рядомъ съ царемъ и вокругъ него, смотря прямо ему въ лицо. Уличная полиція видѣла все это, но не смѣла выказать свою распорядительность. Равнымъ образомъ, и публика съ другой стороны Невскаго съ любопытствомъ смотрѣла на это и удивлялась терпѣнію и благодушію царя. Съ такою толпою кружившихся около него школяровъ царь дошелъ до продавца, стоявшаго со своимъ лоткомъ пряниковъ, фруктовъ и разныхъ сластей, около рѣшетки Аничкина дворца... Государь остановился около него и, взглянувъ милостиво и съ улыбкою на своихъ преслѣдователей, велѣлъ раздавать все, что у него было на лоткѣ, и послѣ явиться во дворецъ. Началась раздача. Школьники тотчасъ приткнулись къ лотку, съ жадностію смотрѣли на гостинцы, дожидаясь съ нетерпѣніемъ каждый своей очереди. Царь величаво пошелъ далѣе. Публика въ недоумѣніи съ другой стороны улицы смотрѣла, а полиція, освободившись отъ страха, вздохнула свободно.

Разсказы о царѣ, при посѣщеніи имъ корпусовъ, поражали всѣхъ отеческою его любовію. Маленькіе кадеты, безъ церемоніи и боязни, окружали царя, карабкались на его могучіе плечи, вытаскивали у него платки изъ кармана, вырывали перья изъ его шляпы, похищали перчатки и т. д.—всего не перечтешь!

Раннею весною и лѣтомъ царская фамилія при Николаѣ Павловичѣ, въ первые годы его царствованія, почасту пребывала на Елагиномъ острову. Тогда эта мѣстность съ Каменнымъ островомъ, Новою деревнею, Строгановымъ садомъ, особенно была оживленною. Зданіе минеральныхъ водъ только что было выстроено и лучшая публика посѣщала ихъ. Являлась сюда и царица Александра Ѳеодоровна утромъ для прогулокъ и вечеромъ во время баловъ. Тутъ-же было для царской фамиліи и особое отдѣленіе комнатъ. Помню: на одномъ изъ баловъ былъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ со своею красавицею-женою, Наталіею Николаевною. Супруги невольно останавливали взоры всѣхъ. Балъ кончился. Наталья

Николаевна, въ ожиданіи экипажа, стояла прислонясь къ колоннѣ у входа, а военная молодежь, по преимуществу изъ кавалергардовъ, окружала ее, разсыпаясь въ любезностяхъ. Нѣсколько въ сторону, около другой колонны, стоялъ въ задумчивости Александръ Сергѣевичъ, не принимая не малѣйшаго участія въ этомъ разговорѣ. Вглядываясь въ супруговъ и группу офицеровъ, проницательному и пытливому взору наблюдателя можно было прозрѣть и отгадать будущее. Это будущее было не вдалекѣ! Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пушкинъ погибъ (29 января 1837 г.) отъ руки, вѣроятно, одного изъ окружавшихъ Наталію Николаевну на балу кавалеровъ. Это былъ Геккернъ-Дантесъ.

На дачѣ въ Строгановомъ саду, на право съ мосту, на берегу, жилъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ († 7-го января 1857 г.); супругу его звали Юлія Петровна. Самъ онъ былъ слѣпецъ. У нихъ, на дачѣ, со стороны сада, на балконѣ часто можно было видѣть Александра Сергѣевича бесѣдовавшаго со старикомъ. Это отецъ графа Сергѣя Григорьевича, бывшаго попечителя московскаго университета и одесскаго—графа Александра Григорьевича—графъ Григорій Александровичъ. Фигура графа Григорія съ сѣдыми вьющимися волосами, въ бархатномъ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, съ добродушною улыбкою, невольно останавливала вниманіе гулявшихъ въ саду. Особенно, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ и поэтъ. Пушкинъ считалъ старика Строганова своимъ другомъ, каковымъ графъ себя и на дѣлѣ выказалъ впослѣдствіи, когда Пушкинъ умеръ. Извѣстно, что графъ Григорій былъ опекуномъ надъ дѣтьми поэта и его имуществомъ. Чрезъ его ходатайство семья Пушкина получила отъ государя до 150 т. руб. серебромъ.

Описывая Петербургъ прошлаго времени, нельзя пройдти молчаніемъ и его окрестности.

Павловскъ и Царское село тогда еще не были излюбленными мѣстами. Одинъ только Петергофъ, особенно въ день гулянья, что было 1-го іюля, подымалъ весь Петербургъ. Туда стекались въ экипажахъ, лодкахъ, на пароходахъ и даже пѣшкомъ. Вечеромъ 1-го іюля весь садъ верхній и нижній освѣщался безчисленными огнями, шкаликами съ разными сіяющими щитами, фонтаны метали и подымали воду неисчерпаемыми струями, а во дворцѣ шелъ маскарадъ. Сюда всѣ, сколько-нибудь въ приличномъ одѣяніи, допускались. Царь подъ руку съ дамой, украшенной вѣнками изъ васильковъ, открывалъ шествіе, пробивая себѣ и слѣдующимъ за нимъ дорогу. Украшеніе дамами своихъ головъ васильками было, кажется, общее. Это любимый цвѣтокъ императрицы Александры Ѳеодо-

ровны, напоминавшій ей мать—королеву Луизу. Всѣ видѣли и слышали рѣчь царя и поражались его простотою и величіемъ. Послѣ сего царская фамилія, съ придворными, садилась въ линейки и каталась по аллеямъ сада. Самъ царь, стоя на подножкѣ одной изъ линеекъ, около козелъ, громко возглашалъ, обращаясь къ публикѣ: „осторожнѣе, берегитесь, тише-тише!“ Однимъ словомъ, царя слышали, видѣли, царь былъ вездѣ и повсюду въ виду народа.

Помню, въ Петергофѣ, въ день Ольгинъ, кажется 11-го іюля 1846 года, царь вышелъ на балконъ съ великою княжною Ольгою Николаевною и движеніемъ руки, глазами и громкою рѣчью представилъ ее народу, какъ невѣсту. Нужно было видѣть эту сказочную красавицу княжну, со своимъ величавымъ отцемъ, чтобы прійдти въ неописанный восторгъ, залиться отъ избытка чувствъ слезами и затѣмъ, во всю жизнь, не забыть этой сцены.

Съ такими усвоенными мыслями о царѣ, появлявшемся всюду среди народа и охраняемомъ любовію его, мы, современники, остались во всю нашу жизнь; но не могу не разсказать еще нѣсколько событій того времени и случаевъ о приснопамятномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ.

30-го августа 1834-го года послѣдовало открытіе памятника Александровской колонны. Войскъ собрано было множество и вся площадь Зимняго дворца, Адмиралтейства и Сената покрыта была ими. Погода была пасмурная и съ дождемъ, но народу была масса. Въ кругу главнаго штаба и около него, по окраинамъ, устроены были мѣста для публики.

Въ то время, когда государь, со свитою и лицами высшаго духовенства, былъ около памятника, а протодіаконъ Лебедевъ провозглашалъ, могучимъ басомъ, вѣчную память императору Александру I, вдругъ, надъ самымъ памятникомъ просвѣтлѣло небо, въ видѣ радужнаго круга, и въ срединѣ онаго, съ высоты небесъ, лучи солнца, широкою полосою, ярко озарили вершину колонны. Явленіе было поразительное, видимое для всѣхъ, и оставалось во все время, пока продолжалось молебствіе. Многіе, видя это, невольно крестились. Говорю это для того, что я не читалъ о семъ нигдѣ, а между тѣмъ, на нѣкоторыхъ гравюрахъ того времени, гдѣ изображается Александровская колонна, облачное небо представлено отверстымъ съ нисходящими на нее лучами солнца. Ясно, что художникъ видѣлъ это явленіе. Разсказывая о возможности видѣть царя Николая, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ былъ большой любитель театра и въ особенности маскарадовъ. Не одна новая пьеса во французскомъ или русскомъ театрѣ, а равно опера и ба-

летъ не проходили безъ того, чтобы царь не осчастливилъ пьесу своимъ присутствіемъ. Всѣ лучшіе актеры того времени были извѣстны лично ему. Онъ удостоивалъ ихъ своею бесѣдою, шутками и вообще милостиво къ нимъ относился. Ходъ пьесы при царѣ видимо оживлялся; актеры наперерывъ другъ передъ другомъ старались выказать свои способности, играя на сценѣ безъ всякаго стѣсненія. Итальянская опера того времени была на высотѣ своего величія. Пѣвцы: Рубини, Тамбурини, Лаблашъ, Віардо и друг. сдѣлали эпоху въ музыкальномъ мірѣ всего свѣта.

Можно сказать безъ преувеличенія, что на всѣхъ маскарадахъ въ Большомъ театрѣ и дворянскомъ собраніи, царь Николай, если только находился въ столицѣ, былъ постояннымъ и непремѣннымъ посѣтителемъ. Эта любовь царя къ маскарадамъ дѣлала много заботъ бывшему оберъ-полиціймейстеру столицы Александру Павловичу Галахову. Онъ считалъ своею обязанностію, чтобы доставить удовольствіе государю, не только приглашать, но умолять знакомыхъ ему дамъ быть непремѣнно въ маскарадѣ, снабжая ихъ безплатно билетами. Отличавшіяся любезностію дамы были по преимуществу изъ круга французскихъ первоклассныхъ артистокъ; были, разумѣется, дамы и изъ высшаго круга, но какъ тѣ, такъ и другія безъ стѣсненія интриговали царя, отвлекали его отъ царственныхъ заботъ и почасту срывали улыбку съ его устъ.

Помню разъ, что одна маска, ведомая имъ подъ руку въ маскарадѣ, остановила его предъ группою генераловъ, кои, какъ на подборъ, были одинъ другаго толще и пузастѣе.

„Не знаю“, сказала маска: „храбры-ли или любезны твои генералы, но, глядя на нихъ, можно сказать навѣрно одно только, что они всѣ какъ будто въ интересномъ положеніи!“

Царь и генералы громко захохотали.

Много ходило разныхъ анекдотовъ по поводу посѣщенія царемъ маскарадовъ. Нѣкоторыя неумѣлыя дамы, какъ говорили, предлагали царю такіе вопросы, кои выходили изъ круга маскарадныхъ легкихъ разговоровъ. Такихъ дамъ царь обыкновенно безъ церемоніи оставлялъ, не удостоивая ихъ дальнѣйшею бесѣдою. Но были и такіе случаи, кои вызывали царя на доброе дѣло. Вотъ что разсказывала мнѣ одна дама, жившая въ Таврическомъ дворцѣ.

— „Вы видите“, произнесла она: „я далеко не хороша собою, даже можно сказать дурна, не правда-ли? Но тѣмъ не менѣе мнѣ страстно желалось интриговать царя въ маскарадѣ. Долго я думала, совѣтывалась со своимъ зеркаломъ. которое, хотя говорило мнѣ истину, но въ виду того, что я буду подъ маскою, я рѣшилась идти въ

маскарадъ. Само собою, я приготовилась къ той роли, которую задумала разыграть подъ маскою предъ царемъ. Это было въ Москвѣ. Насталъ день и я отправилась. Случай благопріятствовалъ мнѣ и я скоро овладѣла рукою царя. Скажу вамъ откровенно и не хвалясь, что въ разговорѣ съ нимъ, я превзошла сама себя: была умна, любезна и таинственна; однимъ словомъ, царь былъ завлеченъ мною. Но всему бываетъ конецъ!

„Довольно", сказалъ царь: „прошу тебя познакомить меня съ собою, безъ маски!"

Какъ? снять маску, это значило-бы уничтожить то очарованіе, которое я навѣяла на него. Мнѣ стало жаль самое себя, столько трудовъ и вдругъ—все должно исчезнуть какъ дымъ! Нѣсколько одумавшись, я произнесла: позвольте мнѣ, государь, воспользоваться, на этотъ разъ, правами маски и остаться подъ покровомъ ея, въ неизвѣстности!

„Въ такомъ случаѣ, скажи, не могу-ли я быть тебѣ полезнымъ и снова видѣть тебя когда-нибудь. Напримѣръ, продолжалъ царь: видѣла-ли ты дворецъ? если нѣтъ, то я самъ берусь показать тебѣ его!"

Я согласилась, и царь назначилъ мнѣ на другой день пріемъ. Вы можете себѣ представить, въ какомъ безотрадномъ положеніи была я, возвратившись домой. Первою мыслію моею было взглянуть снова на себя въ зеркало. Боже мой! какъ я была дурна! Я возненавидѣла всѣхъ красивыхъ женщинъ. Меня одолѣло раздумье—идти или не идти къ царю во дворецъ? Не идти нельзя, а идти, значило-бы сказать царю: смотри, какая дурнышка тебя интриговала! Но всякія размышленія тутъ были не причемъ. Я отправилась въ назначенный часъ во дворецъ и была представлена царю. Взглянувъ другъ на друга, смущеніе наше было полное: онъ — идеалъ мужества; я—дама въ сознаніи своего безобразія. Но онъ быстро овладѣлъ собою, подалъ мнѣ любезно свою руку и повелъ меня по новому дворцу, тогда только что отстроенному. Подъ конецъ онъ спросилъ меня: не можетъ-ли онъ быть для меня полезнымъ въ чемъ-нибудь другомъ? Я откровенно отвѣчала, что желала-бы жить въ Петербургѣ и имѣть тамъ занятія. Представленіе кончилось, а чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, мнѣ предложено было прибыть въ Петербургъ и въ ожиданіи занятій поселиться въ Таврическомъ дворцѣ. Вотъ вамъ моя исторія, заключила дама". Дальнѣйшая судьба ея мнѣ неизвѣстна.

Но не однѣ маскарадныя сцены свидѣтельствовали о великодушіи царя, какъ рыцаря мужчины, нѣтъ! Онъ во всѣхъ дѣлахъ,

кои доходили до него, вездѣ и всегда являлся достойнымъ того величія, которое присуще монарху.

Служа въ министерствѣ юстиціи, въ званіи начальника отдѣленія гражданскихъ дѣлъ, я имѣлъ много случаевъ, по производству оныхъ, видѣть и читать его резолюціи. Всѣ они свидѣтельствовали, что онъ былъ чуждъ всякаго пристрастія къ кому-бы то ни было.

По смерти царя Николая Павловича, бывшій тогда въ живыхъ, графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ возымѣлъ благую и добрую мысль: собрать всѣ собственноручныя его резолюціи. Ради сего онъ пригласилъ много дѣльцевъ и, кажется, работа была начата, но едва-ли при жизни получила окончаніе. Вышло, какъ извѣстно, его сочиненіе: „Восшествіе на престолъ императора Николая“— и только, но дальнѣйшіе труды его остались неизвѣстны.

Замѣчательно, что императоръ Николай, усматривая въ какомъ-либо вѣдомствѣ безпорядокъ, не освобождалъ себя отъ упрека въ томъ, что этотъ безпорядокъ не былъ устраненъ имъ своевременно. Такихъ случаевъ можно много привести, но я разскажу одинъ, который меня когда-то въ особенности поразилъ.

Вѣдомо всѣмъ, что въ 1824 году въ С.-Петербургѣ было наводненіе, во время котораго всѣ нижніе этажи зданій были наполнены водою, и что тамъ многое оказалось подмоченнымъ и испорченнымъ. Къ числу такихъ зданій принадлежалъ и домъ, находившійся на Адмиралтейской площади, занимаемый губернскими присутственными мѣстами. За нѣсколько лѣтъ до смерти императора, мѣстный петербургскій генералъ-губернаторъ, кажется Шульгинъ, довелъ до свѣдѣнія государя, что подъ лѣстницею губернскихъ мѣстъ валяется въ безпорядкѣ масса дѣлъ, сваленныхъ сюда еще во время бывшаго въ 1824 г. наводненія и до сихъ поръ не разобранныхъ.

На донесеніи этомъ государь приблизительно, какъ помню, написалъ слѣдующее: „Позоръ для начальства и моему царствованію! Какъ!“—писалъ государь: „въ теченіи слишкомъ 20-ти лѣтъ дѣла остаются не разобранными въ зданіи, мимо котораго ежедневно ходятъ и ѣздятъ всѣ, а въ томъ числѣ и я!“

Министерство юстиціи этого царскаго упрека не приняло къ сердцу, считая безпорядокъ въ означенномъ зданіи дѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но однакожъ, для отклоненія отъ себя упрека, командировало чиновника своего, нѣкоего Менщикова. Чиновникъ этотъ началъ съ того, что вошелъ съ представленіемъ о покупкѣ веревокъ, нужныхъ для связки дѣлъ.

Далѣе по дѣламъ министерства юстиціи было видно, что императоръ Николай, убѣдясь въ виновности какого-либо лица, не измѣ-

нялъ своихъ убѣжденій, не смотря на всѣ заискиванія, просьбы и ухищренія, и оставался твердъ и непоколебимъ, и былъ правъ. Въ подтвержденіе сего я разскажу про дѣло графа Михаила Потоцкаго. Личность эта принадлежала къ богатѣйшимъ помѣщикамъ Подольской губерніи. Ему принадлежали многолюдныя имѣнія Тульчинъ и Ольховатскъ съ нѣсколькими деревнями и селами. Самъ онъ былъ на худомъ счету у государя по многимъ дѣламъ, но мнѣ собственно извѣстно только два; первое: похищеніе имъ во время Вознесенскихъ маневровъ красавицы Мюллеръ-Закомельской, а второе: жестокое обращеніе его со своею женою, Дельфиною, урожденною Свейковскою. Съ нею у него не было ладу, и вотъ разъ онъ ее избилъ до-нельзя и она, растрепанная и оборванная, прибѣжала въ штабъ квартировавшей въ Тульчинѣ дивизіи, начальникомъ коей былъ генералъ Скарятинъ, прося у него защиты.

Графиня была молода и очень хороша собой, а потому, весьма естественно, что она скоро обрѣла эту защиту въ лицѣ генерала-воина. Но какъ и чѣмъ оказать ей покровительство? Недоумѣніе было полное. Къ счастію, въ это время, императоръ Николай былъ въ пути и ѣхалъ чрезъ Тульчинъ. Дѣло доложено было ему въ томъ смыслѣ, что графъ Потоцкій буйнаго характера, своеволенъ и стѣсняетъ жену и сына въ средствахъ жизни.

Рѣшеніе императора послѣдовало немедленно. Имѣніе взято въ вѣдѣніе III-го отдѣленія, съ назначеніемъ особаго администратора, а самъ Потоцкій сосланъ въ какой-то губернскій городъ, кажется, Саратовъ.

Графъ, живя въ этомъ городѣ, для того, чтобы затруднить жену въ средствахъ, началъ выдавать на себя разныя обязательства съ обезпеченіемъ на имѣніи. Послѣдствіемъ сего было то, что для разбора сихъ обязательствъ учреждена была особая комиссія. Это поудержало графа; но засимъ онъ пустился на разныя ухищренія, съ одной стороны, чтобы умилостивить царя и снискать отъ него прощеніе, а съ другой—затруднить управленіе имѣніемъ,—увы! всѣ его подвохи оказались тщетными и онъ ничего не достигнулъ; но разскажемъ по порядку.

Перво-на-перво онъ пожертвовалъ: три тысячи ежегоднаго дохода въ пользу сиротъ Саратовскаго института благородныхъ дѣвицъ и одну тысячу въ пользу тамошняго пріюта. Пожертвованіе принято; его, можетъ быть, и благодарили тѣ, до коихъ дѣло касалось, но царь безмолствовалъ. Потоцкій задумался и началъ заискивать расположеніе царя со стороны православія: онъ, вдругъ, пожертвовалъ 12 тысячъ рублей въ годъ на поддержку и устрой-

ство православныхъ церквей въ своемъ имѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ обязался выстроить тамъ же, особо, 12 каменныхъ православныхъ церквей. Это пожертвованіе со стороны католика не могло не поразить всѣхъ, но увы! помилованія отъ царя опять-таки не послѣдовало, а этого-то онъ и домогался! Но графъ Потоцкій не унимался, продолжалъ испытывать великодушіе царя, и пошелъ далѣе. Представьте себѣ,—онъ составилъ отпускную всѣхъ крестьянъ Тульчино-Ольховотскаго имѣнія, въ количествѣ, кажется, 18 тыс. крестьянъ, однакожъ, безъ земли.

По случаю этой отпускной въ министерствѣ задумались: съ одной стороны принимали во вниманіе, что помѣщикъ Потоцкій—правоспособный, слѣдовательно имѣющій право располагать своимъ имѣніемъ и свободою крестьянъ, а съ другой: какъ отпускать крестьянъ безъ земли, въ такомъ количествѣ, да еще на границѣ имперіи и въ то время, когда мысль о свободѣ крестьянъ, такъ сказать, жила въ воздухѣ и пугала неимовѣрно правительство.

„Что дѣлать", говорили въ министерствѣ, „и какъ быть? Вѣдь такъ можно, пожалуй, поднять общій вопросъ о свободѣ крестьянъ на всю имперію, а это, Боже сохрани, бѣда!"

Одинъ государь не затруднялся! Онъ указалъ, что всего удобнѣе въ имѣніи Потоцкаго опредѣлить временно обязательное положеніе съ переложеніемъ натуральной повинности на денежную и съ назначеніемъ крестьянамъ извѣстнаго количества земли. Ради сего составлена была комиссія, въ коей, какъ мнѣ извѣстно, засѣдалъ и самъ государь и дѣлалъ собственноручно нѣкоторыя поправки.

Дѣло кончилось,—имѣніе осталось въ вѣдѣніи III-го отдѣленія, крестьяне переведены на оброкъ, графинѣ назначено содержаніе, кажется 18 тыс. въ годъ, но положеніе графа не измѣнилось!

Послѣ сего можно-бы успокоиться, но графъ Потоцкій все еще считалъ возможнымъ умилостивить царя. Для этого онъ прибѣгъ къ послѣднему средству: онъ объявилъ и просилъ дозволить ему вмѣстѣ съ сыномъ принять православіе! И это ему было разрѣшено и засимъ онъ изъ Мечислава сталъ именоваться Михаиломъ, а сынъ его, по принятіи православія, опредѣленъ въ кадетскій корпусъ. Но и послѣ всего этого графъ Мечиславъ (Михаилъ) Потоцкій не получилъ свободы и царь, по отношенію къ нему, оставался непреклоннымъ.

Назначенное графинѣ Дельфинѣ Потоцкой комиссіею содержаніе показалось ей скуднымъ и она явилась въ Петербургъ, задумавъ подать жалобу на неправильное переложеніе комиссіею натуральныхъ

повинностей на денежную. Но кому подать жалобу, когда извѣстно было, что въ этой комиссіи участвовалъ самъ царь? Она прибѣгла къ В. П. Буткову за совѣтомъ. Мужъ этотъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ поклонникъ прекраснаго пола, а графиня была еще молода, хороша и даже въ свое врамя слыла красавицею. Онъ научилъ графиню подать лично государю жалобу, съ присовокупленіемъ, что она подаетъ жалобу царю на царя!

Царь великодушно и съ улыбкой принялъ эту жалобу и приказалъ препроводить оную въ министерство юстиціи съ порученіемъ разсмотрѣть дѣло во всей подробности и доложить ему: правъ-ли онъ или нѣтъ? Дѣло въ министерствѣ доложено было, въ качествѣ начальника отдѣленія, пишущимъ сіи строки и, разумѣется, царь оправданъ былъ вполнѣ. Засимъ графиня выпровождена была изъ Петербурга.

Въ такомъ положеніи дѣло было до самой смерти государя императора Николая и, слѣдовательно, всѣ ухищренія графа Потоцкаго умилостивить его,—остались тщетными. По восшествіи же на престолъ Александра II, Потоцкій былъ освобожденъ и отпущенъ за границу. Тамъ, какъ говорили, онъ предался биржевой игрѣ и нажилъ десятки милліоновъ. Былъ-ли онъ заграницею православнымъ или католикомъ?—неизвѣстно! Но не нужно быть мудрецомъ, чтобы отгадать, что онъ и не переставалъ быть католикомъ. Заключимъ исторію о Потоцкомъ, сказавъ, что въ 1869 году имѣніе Тульчинъ-Ольховотское съ деревнями и селами, перешло въ вѣдѣніе племянницы графа Михаила Потоцкаго, графини Маріи Болиславовны Строгановой, урожденной Потоцкой, а отъ нея, 1874 г. 9 декабря, поступило въ вѣдомство департамента удѣловъ за 3,500,000 руб.

Самъ графъ Михаилъ Потоцкій скончался въ Парижѣ, а сдѣланныя имъ пожертвованія въ пользу саратовскаго института, пріюта, на поддержку церквей 12 тысячъ р. и на постройку 12 каменныхъ церквей—остались безъ измѣненія.

Марія Строганова умерла въ Римѣ 18 марта 1882 года и похоронена въ Невскомъ монастырѣ. Дочь ея состоитъ въ замужествѣ за княземъ Щербатовымъ, сыномъ князя Григорія Алексѣевича Щербатова. Ей принадлежитъ имѣніе Немирово, Подольской губ.

Мужъ графини Маріи Строгановой, графъ Григорій Сергѣевичъ Строгановъ, пребываетъ постоянно въ Римѣ.

Разскажемъ еще одно преданіе объ императорѣ Николаѣ.

Многіе думали и говорятъ, что онъ при своемъ величіи былъ недоступенъ; напротивъ, печатаемые про него теперь разсказы свидѣтельствуютъ совсѣмъ иное. Можно-бы въ подтвержденіе сего

сказать многое, но я повѣдаю только одинъ случай, гдѣ онъ выказалъ терпѣніе и великодушіе.

Дѣвица Билибина, остановивъ царя на улицѣ, во время прогулки, просила у него аудіенціи. Государь изъявилъ согласіе; она явилась во дворецъ и разсказала слѣдующее:

Графъ Разумовскій, владѣя многими имѣніями Черниговской губерніи, отдалъ оныя въ аренду купцу Билибину. Но вслѣдъ за симъ послѣдовалъ указъ, въ силу котораго дворянскія имѣнія запрещалось отдавать лицу не дворянскаго званія въ аренду, посему упомянутая аренда должна была прекратиться и между купцомъ Билибинымъ и наслѣдниками графа Разумовскаго, въ числѣ которыхъ былъ графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія), образовались многосложные разсчеты. Дѣло это тянулось много лѣтъ и Билибинъ потерялъ оное, но дѣвица Билибина доложила царю, что дѣло это представлено было въ сенатъ не въ полномъ видѣ но при отсутствіи многихъ томовъ онаго, а потому результатъ рѣшенія вышелъ не въ пользу Билибина. При этомъ Билибина повѣдала царю, что исчезновеніе многихъ томовъ дѣла изъ сената слѣдуетъ приписать вліянію графа Уварова.

Царь принялъ слова Билибиной къ сердцу, повелѣлъ отыскать дѣла, кои вслѣдъ засимъ были подкинуты къ какому-то дому внѣ сената.

Дѣло, согласно высочайшему велѣнію, было вновь пересмотрѣно въ цѣломъ составѣ и графъ Уваровъ проигралъ оное.

Разсказывали тогда, что обстоятельство это имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу графа Уварова.

Н. М. Колмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Гетманъ Мазепа

1704 г.

Помѣщенное нами въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 498, письмо гетмана Мазепы интересно съ двухъ сторонъ—со стороны языка и внутренняго содержанія. Языкъ его составляется изъ смѣси словъ великорусскихъ, польскихъ и малорусскихъ, конструкція рѣчи немного напоминаетъ латинскую. Въ этомъ письмѣ, какъ и во многихъ другихъ памятникахъ, Мазепа является ритором. О внутреннемъ содержаніи письма позволю себѣ сдѣлать нижеслѣдующее замѣчаніе.

Въ октябрѣ 1702 года Петръ взялъ у шведовъ Нотебургъ, переименованный потомъ въ Шлиссельбургъ; въ апрѣлѣ 1703 года русскіе полки осадили Канцы (Ніеншанцъ) и 1-го мая взяли ихъ; 16-го мая Петръ заложилъ Петербургъ. Такъ быстро забираетъ онъ у шведовъ цѣлый край и забираетъ съ цѣлью оставить его за Россіей навсегда. Заботясь о благоустройствѣ новыхъ окрайныхъ городовъ своихъ, онъ старается поставить во главѣ ихъ лучшихъ русскихъ людей, дать городамъ этимъ лучшихъ представителей своей земли Первымъ губернаторомъ Шлиссельбурга былъ А. Д. Меншиковъ.

Увидѣвшись въ Москвѣ съ гетманомъ, государь приказываетъ ему найти двухъ разумныхъ и набожныхъ духовныхъ лицъ. Царь не объясняетъ, для чего они ему надобны. Меншиковъ-же, съ своей стороны, проситъ сыскать искуснаго въ дѣлахъ церковныхъ законника (т. е. монаха) или священника съ дьякономъ для шлиссельбургской церкви.

Очевидно, служителями русской церкви на новой окрайнѣ надобно было ставить людей образованныхъ, опытныхъ, которые были-бы въ состояніи грозно и честно держать здѣсь вновь поднятое знамя православія. Такихъ людей можно было сыскать тогда только въ Кіевѣ. Здѣсь давно уже шла борьба православія съ западными исповѣданіями, она воспитывала и добрыхъ бойцовъ.

Прибывъ въ Малороссію, гетманъ Мазепа видѣлся съ митрополитомъ, передалъ ему царское повелѣніе и просьбу царскаго любимца. Владыка отписываетъ, что онъ нашелъ требуемыхъ лицъ. И вотъ гетманъ извѣщаетъ о томъ „вѣло любезнаго брата“ своего А. Д. Меншикова и проситъ увѣдомить, нужны-ли эти лица, чтобъ не безпокоить ихъ напрасною посылкою. Въ письмѣ его не безъ умысла повелѣніе государя сопоставлено съ просьбою Меншикова объ одномъ и томъ-же предметѣ. Ближній къ Петру человѣкъ просьбою своею только разъясняетъ повелѣніе великаго государя. Мазепѣ это казалось выше всякаго сомнѣнія.

Ив. Шаталовъ.

АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ АРБУЗОВЪ,

генералъ-адъютантъ.

1796 — 1861 гг.

Къ „Воспоминаніямъ г.-л. М. А. Маркова о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку".

Насколько сыну не подобаетъ быть панегиристомъ своего роднаго отца и его служебной дѣятельности, настолько-же, если не болѣе, ему вмѣняется въ священную обязанность охранять память отца отъ неблаговидныхъ нареканій и отъ преувеличеннаго изображенія такихъ его недостатковъ, которые собственно свойственны всѣмъ смертнымъ, за исключеніемъ развѣ героевъ старыхъ романовъ и нѣкоторыхъ авторовъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Къ исполненію этой священной обязанности я вызванъ „Воспоминаніями стараго инвалида", М. А. Маркова, помѣщенными въ октябрьской книгѣ „Русской Старины" за 1890 г.

Прежде чѣмъ возражать противъ разсказовъ и анекдотовъ М. А. Маркова, предпосылаю краткія біографическія свѣдѣнія объ А. Ѳ. Арбузовѣ, заимствованныя изъ его формулярнаго списка и другихъ не менѣе достовѣрныхъ источниковъ; свѣдѣнія эти настолько характерны, что по прочтеніи ихъ, даже безъ всякихъ комментарій съ моей стороны, каждому станетъ ясно, куда отнести анекдоты „стараго инвалида", къ области-ли правдиваго изложенія дѣйствительности или къ области игриваго вымысла.

Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ происходилъ изъ бѣдной дво-

рянской семьи. Отецъ его—дворянинъ Смоленской губерніи, служившій въ мелкихъ офицерскихъ чинахъ, будучи обремененъ огромнымъ семействомъ, не имѣлъ никакой возможности дать образованіе своимъ дѣтямъ [1]), поэтому А. Ѳ. въ 1807 году былъ отправленъ, на счетъ дворянскихъ суммъ, во 2-й кадетскій корпусъ. Въ концѣ 1808 или въ началѣ 1809 г. онъ былъ уже фельдфебелемъ въ Дворянскомъ полку; въ августѣ 1810 г., по испытаніи, сдѣланномъ лично императоромъ Александромъ Павловичемъ, въ знаніи фронтовой службы, А. Ѳ. былъ произведенъ въ подпоручики по арміи, съ прикомандированіемъ къ л.-гв. Егерскому полку, въ который и былъ переведенъ въ томъ-же году и тѣмъ-же чиномъ. Тутъ наступило для А. Ѳ. время тяжкихъ лишеній и испытаній. Не легко было существовать гвардейскому офицеру на одно весьма ограниченное жалованье, безъ всякой матеріальной поддержки отъ семьи, особенно въ тѣ времена. Щегольство, всегда присущее гвардіи, тогда было гораздо чувствительнѣе для бѣднаго офицера, такъ какъ производство мишуры не было еще извѣстно и всѣ принадлежности военной формы: шарфы, эполеты и т. п. дѣлались изъ канители чистаго серебра. Въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ находился А. Ѳ., можно видѣть изъ того, что нерѣдко пища его ограничивалась артельнымъ котломъ. Чай былъ для него недоступною роскошью; онъ не дозволялъ себѣ пить его даже у своихъ товарищей, не имѣя возможности угощать ихъ тѣмъ-же у себя. Однимъ словомъ, если въ виду столь тяжкихъ матеріальныхъ условій, А. Ѳ. не исполнилъ своего намѣренія перейти въ армію, то лишь благодаря доброму къ нему расположенію товарищей и полковаго командира К. И. Бистрома, а главное, благодаря милостивому къ нему вниманію государя и пособіямъ отъ щедротъ его [2]). Черезъ $1^1/_2$ года послѣ производства въ офицеры, А. Ѳ. выступилъ въ походъ и былъ во всѣхъ тѣхъ сраженіяхъ, дѣлахъ и перестрѣлкахъ, въ которыхъ участвовали лейбъ-егеря отъ Смоленска до Парижа. Въ 1814 году онъ возвратился съ полкомъ изъ Парижа штабсъ-капитаномъ, имѣя ордена: св. Анны 4-й степени, съ надписью „за храбрость“, и 2-й ст. съ алмазами, св. Владиміра съ бантомъ, прусскій желѣзный крестъ (за Кульмъ) и орденъ за заслуги (Pour le mérite). Въ 1818 г. А. Ѳ. произведенъ въ полковники, въ 1820 году утвержденъ бата-

[1]) Дѣдъ былъ женатъ три раза и дѣтей у него было 24 человѣка.

[2]) Свято и съ безпредѣльною благодарностью чтилъ отецъ память императора Александра Павловича. Между прочимъ, до послѣднихъ дней своей жизни онъ ежедневно, послѣ утренней молитвы, подходилъ къ портрету императора и съ благоговѣніемъ преклонялъ передъ нимъ голову. Д. А.

ліоннымъ командиромъ, а въ 1825 г. назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и флигель-адъютантомъ. Въ 1826 году произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ этотъ періодъ службы и матеріальныя средства А. Ѳ. значительно возросли. Кромѣ гласныхъ и негласныхъ [1]) пособій отъ блаженной памяти Александра Павловича, А. Ѳ. въ 1821 г. была пожалована пенсія; вскорѣ затѣмъ — 2,857 десятинъ земли въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи и для устройства тамъ хозяйства 50,000 р. (ассигнаціями), заимообразно, на продолжительный срокъ. Впослѣдствіи сумма эта всемилостивѣйше обращена ему въ даръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Лейбъ-гв. Павловскимъ полкомъ А. Ѳ. командовалъ безъ малаго 11 лѣтъ. 14-го декабря 1825 г. онъ былъ во главѣ той части полка, которая, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, подверглась дѣйствію картечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ противъ толпы мятежниковъ; онъ участвовалъ съ полкомъ въ двухъ кампаніяхъ: Турецкой 1828 г. и Польской 1831 г.; при немъ полкъ былъ возведенъ въ „старую гвардію“ и при немъ-же полкъ почтенъ назначеніемъ шефомъ полка наслѣдника великаго князя Александра Николаевича. Такъ какъ разсказы и анекдоты объ А. Ѳ. въ „Воспоминаніяхъ стараго инвалида“ касаются лишь вышеизложеннаго періода службы отца, то считаю излишнимъ описывать дальнѣйшій ходъ ея; добавлю только, что до назначенія командующимъ всею

[1]) Со словъ отца и нѣкоторыхъ его товарищей привожу примѣръ подобнаго негласнаго пособія. Объ этомъ событіи въ своей жизни отецъ нерѣдко вспоминалъ со слезами на глазахъ. Въ началѣ 1821 года, вслѣдствіе политическихъ усложненій на югѣ Европы, гвардія неожиданно была двинута въ западныя губерніи. Внезапный походъ поставилъ отца въ крайне затруднительное положеніе: у него не было ни времени, ни достаточно средствъ для устройства и обезпеченія жены и двоихъ дѣтей. По приходѣ въ Вильну, выяснилось, что гвардіи, вѣроятно, не предстоитъ дальнѣйшаго похода, но и возвращеніе въ Петербургъ едва-ли послѣдуетъ раньше года. Взявъ на короткое время отпускъ, отецъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы при помощи частнаго займа добыть денегъ и перевезти семью въ Вильну. Къ великому его огорченію, всѣ хлопоты были безуспѣшны и наканунѣ дня своего отъѣзда въ Вильну, въ самомъ отчаянномъ настроеніи духа, возвращается онъ домой. Его встрѣчаетъ камердинеръ императора и, передавая конвертъ, говоритъ: „Его Величество, узнавъ, что вы пріѣхали за вашей семьей, повелѣлъ мнѣ вручить вамъ лично настоящій конвертъ“. Въ конвертѣ оказалось 5,000 р. асигн. Предоставляю каждому судить: что̀ долженъ былъ перечувствовать въ этотъ моментъ мой отецъ!.. Лишь не испытавшіе подобныхъ минутъ могли сомнѣваться въ искренности и глубокой скорби отца, когда его вынесли безъ чувствъ съ первой панихиды въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ по августѣйшемъ благодѣтелѣ его, императорѣ Александрѣ I-мъ. Д. А.

пѣхотою гвардейскаго корпуса, онъ послѣдовательно командовалъ всѣми частями ея: 4-й бригадой, 3-й бригадой, 3-й дивизіей и 1-й дивизіей.

Не считая для себя возможнымъ и удобнымъ входить въ оцѣнку дѣятельности А. Ѳ., какъ полковаго командира, мнѣ остается лишь сослаться въ этомъ отношеніи на отзывы самого автора „Воспоминаній“ [1]) и на „Исторію л.-гв. Павловскаго полка“, составленную П. Н. Вороновымъ и В. Бутовскимъ (изд. 1875 г., стр. 272, 273, 278—280, 305, 309, 317, 327, 341, 346 и 369).

Вотъ извлеченія изъ этихъ отзывовъ: А. Ѳ. Арбузовъ, получивъ воспитаніе и образованіе въ „непроходимой трущобѣ“ (такъ называетъ М. А. Марковъ — Дворянскій полкъ), былъ произведенъ въ офицеры л.-гв. въ Егерскій полкъ, гдѣ, окруженный обществомъ образованныхъ товарищей, съумѣлъ значительно сгладить угловатость пріемовъ, вынесенныхъ имъ изъ названной „трущобы“, и приноровиться по возможности къ приличію и особенностямъ тѣхъ людей, между которыми жилъ; какъ человѣкъ умный и вполнѣ способный понимать условія житейской практики, онъ скоро уразумѣлъ, что ему никогда не удастся стать вровень съ товарищами на свѣтской аренѣ, а потому всецѣло посвятилъ себя изученію строевыхъ тонкостей и вскорѣ обогналъ не одного полу-французика и „съ умѣлъ сдѣлаться положительно нужнымъ тамъ, гдѣ служилъ“. Затѣмъ, укоряя А. Ѳ. въ дикой и грубой фразеологіи, изученной имъ „въ омутѣ дворянскаго воспитанія“, М. А. Марковъ говоритъ: еслибъ возможно было уничтожить эти фразы и вычеркнуть ихъ вовсе изъ памяти, то нельзя не сознаться, что генералъ Арбузовъ былъ наиотличнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Солдаты его любили. Онъ былъ неутомимъ въ попеченіяхъ о солдатѣ; ежедневно и своеглазно наблюдалъ онъ за пищею и помѣщеніемъ солдатъ, доставлялъ имъ разныя удобства, устроилъ имъ бани и пріемный покой для заболѣвающихъ; при зимнихъ походахъ у солдатъ было изобиліе полушубковъ и другихъ теплыхъ принадлежностей; каждый день обгонялъ онъ всѣ роты на походѣ, внимательно всматриваясь, не терпѣлъ-ли кто изъ людей отъ зимняго похода; приказывалъ отправлять слабыхъ немедленно въ полковой штабъ, гдѣ лично распоряжался удобствами для помѣщенія больныхъ и слабыхъ, для которыхъ никогда не было недостатка въ подводахъ для перевозки ихъ, пока поправятся.

Обогнавъ роты, онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ штабъ не къ себѣ на квартиру, а въ полковой лазаретъ, гдѣ находилъ все

[1]) Стр. 88, 89, 98, 115 и 116.

недостаточно исправнымъ: то не хорошъ воздухъ, то мало соломы, то недостаточно тепло, то вода не хороша [1]). „Все это", говоритъ М. А. Марковъ, — „показывало личность разумную, могущую стать въ примѣръ даже современнымъ гуманникамъ".

Въ „Исторіи л.-гв. Павловскаго полка" повторяются тѣ же добрые отзывы объ А. Ѳ. какъ о полковомъ командирѣ, съ нѣкоторыми прибавленіями не менѣе для него лестными, такъ, напр.: передъ штурмомъ Варшавы, для примѣрнаго обученія солдатъ: какъ переходить рвы, уничтожать палисады, взбираться на брустверъ, по приказанію фельдмаршала Паскевича, были возведены укрѣпленія по образцу тѣхъ, которыми предстояло овладѣть; генералъ Арбузовъ самъ одѣвалъ амуницію, бралъ ружье и лично продѣлывалъ передъ полкомъ подробности взбиранія на укрѣпленія.

„Ни одинъ періодъ не былъ такъ счастливъ для л.-гв. Павловскаго полка, какъ періодъ командованія полковника, впослѣдствіи генералъ-маіора, Арбузова. Во все время командованія полкомъ А. Ѳ. Арбузова, полкъ стоялъ на значительной высотѣ по фронтовой выправкѣ, чему чрезвычайно способствовала его большая строевая опытность".

„Если принять во вниманіе духъ того времени и систему воспитанія, которую пришлось испытать на себѣ генералу Арбузову, то память его должна чтиться въ л.-гв. Павловскомъ полку, который въ его командованіе былъ осчастливленъ величайшими монаршими милостями".

Наконецъ, въ день празднованія 25-лѣтняго юбилея [2]) со дня назначенія государя наслѣдника шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, генералъ-адъютантъ А. Ѳ. Арбузовъ былъ осчастливленъ слѣдующимъ рескриптомъ:

„Алексѣй Ѳедоровичъ! Сегодня исполнилось двадцать пять лѣтъ, что я имѣю честь быть шефомъ л.-гв. Павловскаго полка; состоя тогда подъ вашимъ начальствомъ, полкъ сей, впослѣдствіи, въ двухъ достопамятныхъ походахъ, предводимый вами, отличился своими доблестями и удостоился причислиться къ старой гвардіи. Въ ознаменованіе сихъ событій и въ изъявленіе искренняго моего благоволенія, препровождаю къ вамъ при семъ табатерку съ моимъ портретомъ, брильянтами украшенную. Съ отмѣннымъ уваженіемъ пребываю къ намъ искренно доброжелательный Александръ".

---

[1]) „Вотъ тутъ-то я натерпѣлся отъ заботливаго полковаго командира мукн, что называется, по самое горло! восклицаетъ М. А. Марковъ, словомъ, поѣдомъ ѣлъ меня; но за то, надо сказать правду, и кормилъ на отвалъ"—и нервы М. А. Маркова успокоивались.

[2]) „Исторія л.-гв. Измайловскаго полка", стр. 369.

Настоящій рескриптъ и вышеприведенные отзывы безспорно подтверждаютъ, что А. Ѳ. не только не умалилъ, а напротивъ содѣйствовалъ къ усиленію славы доблестнаго л.-гв. Павловскаго полка и что анекдоты о немъ М. А. Маркова одинаково далеки какъ отъ правды, такъ и отъ добросовѣстности, ибо, въ противномъ случаѣ, А. Ѳ. не могъ-бы заслужить ни столь отличныхъ отзывовъ, ни признанія „наиотличнѣйшимъ командиромъ“ и память о немъ не могла-бы „чтиться“ полкомъ, такъ какъ это немыслимо на той ступени, на которую онъ низводится „Воспоминаніями“ М. А. Маркова. Въ виду столь явныхъ противорѣчій между отзывами самаго автора объ А. Ѳ. и его-же анекдотическими разсказами, о послѣднихъ не стоило бы и говорить, если-бъ они не были раздуты до цинизма. Чтобы показать насколько „старому инвалиду“ Маркову иногда измѣняла память [1]) и насколько онъ обладалъ способностью углубляться въ область фантазіи, жертвуя при этомъ правдой, ради краснаго и сильнаго словца, я, противъ собственнаго желанія, вынужденъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ его автобіографическихъ повѣствованій.

Будучи выпущенъ изъ Московскаго корпуса въ 1827 г., М. А. Марковъ, въ числѣ прочихъ, былъ прикомандированъ къ Дворянскому полку, „яко-бы для узнанія фронтовой службы, но вмѣсто того водили въ классы „писать по командѣ азы и получать колотушки въ лобъ за тупоуміе“ (!), а узнали они только то, „что въ этомъ полку каждый ротный командиръ, штабсъ-капитанскаго чина, имѣлъ полнѣйшее право пороть подчиненныхъ ему дворянъ, сколько угодно было его благоутробію“ (?); начальство не называло ихъ по фамиліямъ, а если нужно было кого-нибудь назвать, то оборачивало къ нему только свой носъ и произносило: „эй, ты, болванъ, оселъ! или еще какую-нибудь болѣе забористую кличку“ (!).

Наконецъ, въ первый день пасхи 1828 г., Марковъ былъ произведенъ въ офицеры и Я. И. Ростовцевъ, привезшій о томъ приказъ, предложилъ ему немедленно надѣть мундиръ и ѣхать къ нему обѣдать. „Но не тутъ-то было“,—восклицаетъ Марковъ,—оказалось, что высочайшій приказъ требовалъ санкціи приказа по Дворянскому полку:

„Въ то время—объясняетъ Марковъ—уже было почти правиломъ въ Дворянскомъ полку не объявлять воспитанникамъ, произведеннымъ въ офицеры, высочайшаго приказа по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, и не позволять въ это время надѣвать офицерскихъ мундировъ; малодушныхъ-же, нарушавшихъ этотъ запретъ, ловили и хватали, словно воровъ, при вечернемъ возвращеніи ихъ въ казармы, а наутро предавали ихъ энергическому стеганію, отпуская на порцію каждому не менѣе ста розогъ и приговаривая съ

[1]) Воспоминанія написаны въ 1875 г. о событіяхъ 1828—1835 гг.

особеннымъ злорадствомъ, что его-де благородію стыдно отпустить меньше; а если его благородіе возвращался домой не много навеселѣ или осмѣливался разсуждать объ офицерскихъ правахъ, то ему стеганіе производилось уже сугубое, доходившее до двухсотъ ударовъ и выше смотря по тому, въ какомъ духѣ былъ палачъ,—виноватъ, я хотѣлъ сказать—полковникъ, потому что за офицерскими мягкими частями сохранялось то великое преимущество, что ихъ стегали по распоряженію штабъ-офицера, а ужъ никакъ не штабсъ-капитана (!)"

Но.... къ великому счастью Маркова, въ годъ его выпуска Дворянскій полкъ не воспользовался своимъ правомъ: игнорировать высочайшіе приказы и стегать ихъ благородій!—На другой-же день, въ полной парадной формѣ офицера л.-гв. Павловскаго полка, вмѣстѣ со своими товарищами, Марковъ представлялся уже во дворцѣ великому князю Михаилу Павловичу.

Однако и тутъ не обошлось безъ казуса: въ пріемный залъ, въ которомъ вновь произведенные офицеры ожидали выхода великаго князя, „влетѣлъ командиръ перваго баталіона Дворянскаго полка, полковникъ Бородинъ; онъ, окинувъ насъ какимъ-то надменно-презрительнымъ взглядомъ, закричалъ: „что вы какими дураками стоите!"

Молча проглотили столь лестный привѣтъ вновь произведенные, и лишь присутствовавшіе при этомъ гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ и должностей „фыркнули".

Далѣе Марковъ говоритъ, что онъ распространился о Дворянскомъ полку въ томъ соображеніи, чтобы дать понятіе о той „непроходимой трущобѣ", гдѣ получилъ воспитаніе и образованіе А. Ѳ. Арбузовъ. Между тѣмъ, изъ разсказовъ и воспоминаній самого А. Ѳ., бывшихъ его товарищей, одного изъ офицеровъ Дворянскаго полка [1]) и по интереснымъ Запискамъ М. М. Кирѣева [2]) не подлежитъ сомнѣнію, что какъ ни сурова была дисциплина и какъ ни строги были взысканія въ Дворянскомъ полку въ 1807—1811 годахъ, но онѣ далеко не достигали тѣхъ невѣроятныхъ безобразій и беззаконій, которыя яко-бы творились въ „непроходимой трущобѣ" во время пребыванія тамъ самого М. А. Маркова, т. е. въ 1827—1828 гг.

Насколько вообще М. А. Марковъ въ своихъ Воспоминаніяхъ руководствовался чувствомъ справедливости и безпристрастія, можно судить по слѣдующему его отзыву о бывшемъ полковомъ адъютантѣ:

[1]) Впослѣдствіи нашего сосѣда по имѣнію—Григорія Викторовича Степанова.

[2]) „Русская Старина" 1890 г., т. LXVII, стр. 15—36.

А. А. Стахіевъ [1]), говоритъ онъ, былъ по природѣ человѣкъ съ хорошими началами, весьма неглупый и довольно начитанный; лично къ себѣ былъ безпеченъ до идіотизма; относительно службы строго исправенъ; съ младшими офицерами обходился деспотически, къ старшимъ относился заносчиво и былъ маленькимъ Аракчеевымъ, со всѣми замашками, присущими этому недавнему народному страшилищу: безграничнымъ себялюбіемъ, отвратительною мелочностью, неотразимою придирчивостью и безпощадною жестокостью". Безъ всякихъ комментарій сопоставляемъ этотъ отзывъ съ отзывомъ объ А. А. Стахіевѣ его товарищей-сослуживцевъ [2]).

„Къ числу лицъ, имѣвшихъ въ описываемое время сильное вліяніе и значеніе въ полку, слѣдуетъ отнести: полковаго адъютанта штабсъ-капитана А. А. Стахіева. Онъ былъ строго исправенъ по исполненію служебныхъ обязанностей и считалъ ихъ преимущественно достойными вниманія. Своею постоянною преданностью, а главное рвеніемъ къ исполненію службы вообще, онъ всегда обращалъ на себя вниманіе всѣхъ сослуживцевъ. Строго относясь къ самому себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ требовалъ того-же и отъ другихъ. По службѣ Стахіевъ былъ неутомимъ. Командиръ полка выказывалъ ему постоянное расположеніе и полное неограниченное довѣріе. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и начитанный. Не смотря на свою силу, значеніе и вліяніе въ полку, Стахіевъ былъ далекъ отъ всякихъ интригъ и былъ всегда прямодушенъ, за что и заслужилъ по себѣ хорошую память" [3]).

Переходя затѣмъ къ разсказамъ и анекдотамъ объ А. Ѳ. Арбузовѣ, прежде всего я долженъ замѣтить, что бо̀льшая часть изъ нихъ не вяжется даже съ понятіемъ о человѣкѣ „умномъ, вполнѣ способномъ понимать условія житейской практики, умѣвшемъ сдѣлаться положительно необходимымъ тамъ, гдѣ служилъ, могущемъ стать примѣромъ современнымъ гуманникамъ"—какимъ рисуетъ А. Ѳ. самъ же М. А. Марковъ. Обратимся къ его разсказамъ. Изъ всего груза неблаговидныхъ обвиненій, взваленныхъ имъ на А. Ѳ., коснемся лишь главнѣйшихъ изъ нихъ.

Когда при первомъ представленіи вновь произведенныхъ офицеровъ А. Ѳ—у, оказалось, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ состоянія, то генералъ скривился и плачевно произнесъ: „да когда-же, Боже мой, перестанутъ давать ко мнѣ въ полкъ только однихъ нищихъ, чтобы надоѣдать о пособіяхъ, да о выдачахъ въ счетъ жалованья!" Можно-ли повѣрить, чтобы человѣкъ „умный", испытавшій на себѣ

[1]) Воспоминанія, „Русск. Ст." 1890 г., т. LXVIII, стр. 90—94,

[2]) „Исторія л.-г. Павловскаго полка" 1875 г., стр. 343—44.

[3]) М. А. Марковъ сомнѣвается: былъ-ли маленькій Аракчеевъ преданъ безъ лести своему патрону? Не подлежитъ сомнѣнію, что А. А. Стахіевъ былъ и оставался до конца своей жизни безпредѣльно преданнымъ и глубоко уважавшимъ А. Ѳ. Арбузова. Семья наша имѣетъ на то достаточно доказательствъ. Д. А.

тяжесть бѣдности, могъ столь цинично привѣтствовать вновь произведенныхъ въ его полкъ офицеровъ!? Несомнѣннымъ же подтвержденіемъ того, что фраза эта весьма безцеремонно придумана Марковымъ и неудачно имъ навязана А. Ѳ—чу, служатъ тѣ добрые отзывы благодарности и уваженія къ памяти его, которые нерѣдко слышатся и по настоящее время на его родинѣ за его посильное содѣйствіе и ходатайства объ опредѣленіи бѣдныхъ дворянъ въ корпуса [1]) и на службу.

Не было также причинъ молодымъ офицерамъ, предназначеннымъ въ турецкій походъ, „просить о выдачѣ имъ жалованья впередъ", а А. Ѳ. „презрительно" возражать имъ, такъ какъ всѣмъ офицерамъ, передъ выступленіемъ въ кампанію, выдавалась часть жалованья не взачетъ.

— „Что вы архіереемъ-то, сударь, разъѣзжаете передъ баталіономъ"—фраза, лишь Марковымъ приписанная А. Ѳ—чу; въ свое время анекдотъ этотъ разсказывался про одного извѣстнаго кавалерійскаго генерала, которому впослѣдствіи пришлось командовать пѣхотнымъ корпусомъ и который, какъ истый кавалеристъ, не могъ равнодушно видѣть пѣхотныхъ маіоровъ верхомъ на конѣ.

Иногда Марковъ считаетъ необходимымъ ослабить неприглядность и грубость выраженій, приписываемыхъ имъ А. Ѳ—чу, и тѣмъ какъ бы самъ признаетъ, что разсказъ его черезъ чуръ раздутъ или просто даже придуманъ. Такъ, напримѣръ, на одномъ ученьѣ ошибка полковника заставила А. Ѳ. чуть не заревѣть: „святая заступница, отчего это нельзя и полковниковъ валять палочьемъ!" „Положимъ, что этого плачевнаго возгласа самъ виновный и не слыхалъ, но довольно, что его слышали два—три офицера и два—три десятка разныхъ ротозѣевъ"... Остается непонятнымъ: какъ это „ревъ" не дошелъ до виновнаго? А тѣмъ паче необъяснимымъ, какъ подобный „ревъ", слышанный двумя—тремя офицерами, не вызвалъ справедливаго протеста со стороны всѣхъ офицеровъ полка? Впрочемъ, судя по словамъ Маркова, полковники равнодушно переносили и другія, не менѣе оскорбительныя, выраженія, адресованныя имъ во всеуслышаніе: „вамъ все мерещатся"... „не будьте передъ фронтомъ чопорною барынею!" Какое невозможное и поистинѣ обидное равнодушіе къ оскорбленіямъ вынужденъ Марковъ приписать офицерамъ л.-гв. Павловскаго полка, чтобы затѣмъ имѣть возможность въ своихъ разсказахъ извращать до грубости всѣ вообще замѣчанія А. Ѳ—ча!

---

[1]) Что удавалось А. Ѳ. благодаря отмѣнно доброму расположенію къ нему Я. И. Ростовцева.

Въ увлеченіи, Марковъ обращаетъ въ укоръ А. Ѳ—чу даже и то весьма справедливое замѣчаніе его одному изъ полковниковъ, что въ строю нѣтъ „Иванъ Ивановичей, а есть только чины и фамиліи", хотя ему, Маркову, болѣе чѣмъ кому-либо было извѣстно это правило: въ 1829 году, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ водосвятія на Невѣ, онъ относилъ знамя въ Зимній дворецъ; встрѣтившійся ему государь Николай Павловичъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ сказалъ: „подпоручикъ Романовъ, примите знамя и отнесите на мѣсто" [1]).

По поводу всѣхъ вышеприведенныхъ фразъ, Марковъ говоритъ, что онѣ приведены лишь для образца, какъ пришедшія ему на память скорѣе другихъ; случались-же и гораздо почище этихъ. Странно, что при столь сильномъ и безцеремонномъ стремленіи изобразить „дикость фразеологіи и краснорѣчія" А. Ѳ., изученныхъ имъ въ „омутѣ дворянскаго воспитанія", у Маркова ускользаютъ изъ памяти наисильнѣйшія къ тому доказательства!..

„Руссишенъ и пруссишенъ брудеры"—шуточная фраза, бывшая въ ходу у нашихъ войскъ послѣ 1813—1814 гг. Быть можетъ, въ шутку и А. Ѳ. не разъ произносилъ эту фразу, но никакъ не при тѣхъ неостроумно придуманныхъ обстоятельствахъ, которыми Марковъ украшаетъ свой разсказъ. Дѣйствительно, какимъ образомъ могли оказаться, особенно въ военное время, за 100 верстъ отъ границы, три всадника въ прусской военной формѣ?! Ради чего А. Ѳ., подъѣзжая къ прусскому офицеру, „перекрестился"?! Наконецъ, почему Марковъ предполагаетъ, что А. Ѳ., „вѣроятно", разсуждалъ: „какъ легко для умнаго человѣка справиться съ нѣмецкимъ языкомъ?" Развѣ потому только, что авторъ самъ по себѣ зналъ весьма хорошо, какъ трудно справляться съ языками, которыхъ не знаешь [2])?...

Въ концѣ повѣствованія Марковъ напрягаетъ всѣ свои литературныя способности дабы доказать, что на маневрахъ, „гдѣ требовались уже нѣкоторыя научныя свѣдѣнія", А. Ѳ. былъ „просто жалокъ".

Въ подтвержденіе столь нелестнаго своего мнѣнія, Марковъ группируетъ всякія небылицы, несвязныя мелочи, пересыпаетъ ихъ разными неблаговидными до цинизма сравненіями, предположеніями, такъ что въ совокупности повѣствованіе его отнюдь не уступаетъ,

---

[1]) Восп. Маркова „Русск. Ст." 1890 г., т. LXVIII, стр. 3.

[2]) А. Ѳ. горько сожалѣлъ и понималъ, какъ много онъ проигрывалъ отъ незнанія иностранныхъ языковъ; но усиленная дѣятельность, выпавшая на его долю съ первыхъ-же шаговъ вступленія на службу, не дозволила ему пополнять этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи. Д. А.

по своей правдивости, разсказамъ барона Мюнхаузена, извѣстнымъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“.

Замѣтивъ, что недостатки первоначальнаго научнаго образованія, при умѣ и способностяхъ, значительно пополняются чтеніемъ [1]), участіемъ въ кампаніяхъ и другими благопріятными условіями и способами самообразованія, перехожу къ изложенію фактическихъ данныхъ, далеко не согласующихся со словами Маркова.

Съ 1821 г., командуя еще баталіономъ, А. Ѳ. началъ получать высочайшія благоволенія за маневры; съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ во всѣхъ маневрахъ гвардіи, производившихся по нѣсколько разъ въ годъ; съ назначеніемъ въ 1837 г. дивизіоннымъ командиромъ, А. Ѳ. ежегодно командуетъ уже значительными отрядами, а наконецъ и одною изъ сторонъ маневровъ, при чемъ случалось, что государь лично распоряжался другою стороною; даже и послѣ 1844 г., не командуя уже никакою частью, А. Ѳ. былъ назначаемъ командующимъ одною изъ сторонъ. Заслуживая постоянно царское одобреніе, однажды, по окончаніи продолжительныхъ маневровъ, когда къ государю обыкновенно собирались всѣ начальники для выслушиванія замѣчаній или одобреній, его величество, съ приближеніемъ А. Ѳ., скомандовалъ близь стоявшей части войскъ, „на караулъ“,—въ знакъ особеннаго одобренія его распоряженій. Наконецъ, если личное и столь нелестное мнѣніе Маркова было-бы правдиво, то могъ-ли бы А. Ѳ. заслужить то высокое довѣріе, которое сказалось въ назначеніи его командующимъ всѣми войсками и ополченіемъ въ Петербургѣ, окрестностяхъ и въ Финляндіи, до Выборга включительно, въ 1854 году? Но, какъ видно, всѣ эти данныя не имѣли никакого значенія въ глазахъ Маркова, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что неокончившему курсъ, по крайней мѣрѣ, въ московскомъ корпусѣ невозможно не быть „жалкимъ на маневрахъ“.

Что же касается собственно до разсказа о маневрахъ, то въ немъ не подлежатъ лишь сомнѣнію: 1) полный вымыселъ; 2) безцеремонный подборъ мелочей, противорѣчащихъ другъ другу, и 3) желаніе во что бы то ни стало изобразить въ жалкомъ видѣ „воспитаннаго въ Дворянскомъ полку начальника“.

Прежде всего слѣдуетъ припомнить, что Марковъ вышелъ въ отставку въ 1835 году, т. е. въ то время, когда А. Ѳ. ни по чину, ни по мѣсту не могъ еще командовать „значительнымъ отрядомъ“.

---

[1]) Все, выходившее на русскомъ языкѣ, особенно по военному быту и исторіи, внимательно прочитывалось А. Ѳ—емъ. Д. А.

Впрочемъ, и самъ авторъ воспоминаній, включивъ сначала въ отрядъ нѣсколько баталіоновъ, бригаду кавалеріи и три батареи, нѣсколькими строками ниже [1]) проговаривается, что у А. Ѳ. было лишь три баталіона и одна батарея. Не безъ причины также умалчиваетъ Марковъ объ именахъ начальниковъ частей, входившихъ въ составъ „значительнаго отряда"...

Несообразности всего сказанія и исключающія другъ друга подробности не дозволяютъ опредѣлить, какой собственно моментъ маневровъ Марковъ выбралъ для своихъ литературныхъ измышленій, но, во всякомъ случаѣ, неожиданное появленіе изъ опушки лѣса непріятельской кавалеріи, хотя-бы „съ полъ-взводика", не только могло, но и должно было вызвать команду „на весь отрядъ [2])": становись, а быть можетъ и нѣсколько выстрѣловъ, которые, благодаря необузданному воображенію Маркова, обратились въ пушечную „жарню" и ружейный огонь трехъ баталіоновъ.

Болѣе чѣмъ съ излишнею самоувѣренностью, Марковъ придаетъ ироническій смыслъ словамъ, яко-бы сказаннымъ начальникомъ штаба: „но кто могъ знать, что за полу-взводомъ не скрывается большихъ силъ?", объясняя при этомъ, что начальникъ штаба ограничился этими словами, лишь благодаря великодушной просьбѣ Маркова: „не конфузить генерала разспросами".

Кромѣ великодушія, Марковъ обладалъ и сверхъестественною способностью видѣть и слышать одновременно происходящее въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ; такъ, напримѣръ, въ началѣ тревоги, онъ скачетъ „въ хвостъ и въ гриву" четыре версты за конной бригадой, и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ до малѣйшихъ подробностей всѣ движенія и слышитъ дословно всѣ разговоры А. Ѳ., Стахіева и уланскаго офицера!!!... Правда, что при описаніи этихъ видѣній, Марковъ впадаетъ въ явныя несообразности, но это лишь потому, что онъ не принялъ въ соображеніе свойство миражей: отражать предметы въ превратномъ видѣ; иначе, безъ сомнѣнія, онъ додумался бы, что Стахіевъ могъ подъѣхать, съ донесеніемъ объ отсутствіи войска за разъѣздомъ, лишь со стороны непріятеля, а не съ тыла, не со стороны обоза, съ дерзкимъ восклицаніемъ: „что вы это срамитесь!"

— Не мѣшало-бы также Маркову принять во вниманіе, что Стахіевъ, хорошо понимавшій служебныя отношенія и искренно уважавшій А. Ѳ., не могъ произнести такое дерзкое замѣчаніе; къ тому-же и А. Ѳ. далеко не принадлежалъ къ числу людей спо-

[1]) Воспоминанія Маркова, стр. 126 и 128.

[2]) Т. е. тремъ баталіонамъ и батареѣ.

собныхъ снисходительно выслушивать дерзости отъ кого-бы то ни было.

Надѣюсь также, что всѣ знавшіе А. Ѳ. подтвердятъ, что онъ никогда не слагалъ своихъ ошибокъ на другихъ [1]), а напротивъ, не рѣдко принималъ на себя ошибки подчиненныхъ.

Что касается до шутовскихъ подробностей, выраженій и уподобленій, какъ напримѣръ: „листифониль“ [2]), „не по чину“, „граціозничающую ливретку“, „заигрывающимъ котомъ“, „отправился въ кусты, чтобы скрыть свой стыдъ, но мало что говорятъ, можетъ быть и вовсе не затѣмъ“ и т. п., то если столь площадной цинизмъ и можетъ набрасывать неблаговидную тѣнь, такъ развѣ лишь на память автора его. Въ опроверженіе упрековъ Маркова, что А. Ѳ. даже при частныхъ встрѣчахъ требовалъ подобострастныхъ къ себѣ отношеній, что онъ и въ чужихъ домахъ дозволялъ себѣ говорить дерзости своимъ подчиненнымъ [3]), „что онъ очень любилъ“, когда за нимъ ѣздилъ офицеръ съ аксельбантомъ и т. п., ссылаюсь на многочисленныхъ бывшихъ подчиненныхъ, адъютантовъ, офицеровъ и вообще близко знавшихъ А. Ѳ.,—надѣюсь, они подтвердятъ, что внѣ фронта и въ частной жизни онъ былъ безусловно обходителенъ и простъ.

Даже касаясь домашней жизни А. Ѳ. [4]), Марковъ не упускаетъ случая затемнить память о немъ неблаговидными предположеніями. Наряду съ справедливыми заявленіями о томъ, что А. Ѳ. былъ попечительнымъ отцемъ семейства, что у себя въ дому являлся радушнымъ хозяиномъ, отличался широкимъ хлѣбосольствомъ, Марковъ предполагаетъ, „что въ приглашеніи гостей онъ былъ очень расчетливъ, а можетъ быть—и не безкорыстенъ“.

Если Марковъ счелъ себя въ правѣ заподозрить А. Ѳ. въ корыстолюбіи, то обязанъ былъ и подтвердить это фактическими указаніями; авторъ-же, какъ-бы въ подтвержденіе столь неблаговиднаго заключенія, сряду продолжаетъ, что и онъ, Марковъ, „нерѣдко“ былъ приглашаемъ, преимущественно вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ.

Я. И. Ростовцевъ началъ службу въ л.-гв. Егерскомъ полку подъ ближайшимъ начальствомъ А. Ѳ. и съ тѣхъ поръ между ними сохранились до конца ихъ жизни наилучшія пріятельскія отношенія; не только съ семьей Я. И., но и съ братьями и съ близкими род-

---

[1]) Какъ разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Старый инвалидъ, „Русск. Ст.“ 1890 г., т. LXVIII, стр. 129.

[2]) Слово—вновь придуманное Марковымъ.

[3]) Воспоминанія Маркова, стр. 98 и 126. Д. А.

[4]) Тамъ же, стр. 98 и 99.

ными его А. Ѳ. былъ постоянно въ отличныхъ отношеніяхъ [1]). При подобныхъ условіяхъ, можно-ли хотя чѣмъ-нибудь оправдать предположеніе Маркова о „небезкорыстности“ въ приглашеніяхъ Я. И. Ростовцева.

Въ подтвержденіе своего „быть можетъ“ остается самъ Марковъ. Но какими-же корыстолюбивыми соображеніями могъ руководствоваться А. Ѳ., приглашая Маркова, занимавшаго незначительное мѣсто въ вѣдомствѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ положеніемъ А. Ѳ.? Не обладая сверхъестественными способностями, не могъ-же онъ предвидѣть, что черезъ десятки лѣтъ Марковъ вздумаетъ писать свои воспоминанія о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку и, въ виду этого, обѣдами подкупить снисходительные о себѣ отзывы!...

При этомъ, не ради платы тою-же монетою, а для того, чтобы возстановить истину и еще разъ показать насколько „старому инвалиду“ измѣняла память, долгомъ считаю заявить слѣдующее: вопреки утвержденію Маркова о томъ, что онъ „нерѣдко“ былъ приглашаемъ, „то на дикую козу, то на живую стерлядку“, я совсѣмъ не помню, чтобы онъ въ описываемое время обѣдывалъ у моего отца [2]).

Д. А. Арбузовъ.

---

[1]) Благодаря этому доброму и дружескому расположенію къ моему отцу, я самъ многимъ обязанъ Я. И. и сохраняю къ памяти его искреннѣйшую признательность. При выѣздахъ семьи моей изъ Петербурга, въ отпускное время изъ корпуса, я находилъ самый радушный пріютъ въ семьѣ Я. И. Въ затруднительныя минуты по службѣ я постоянно пользовался его совѣтами и содѣйствіемъ, напр., въ то время, когда мнѣ внезапно приходилось оставлять л.-гв. Преображенскій полкъ и потомъ, когда вслѣдствіе завиднаго назначенія, выпавшаго на мою долю, на меня посыпались небылицы, по своей правдивости и основательности не уступавшія анекдотамъ М. А. Маркова.

[2]) Въ то время я былъ уже поручикомъ л.-гв. Преображенскаго полка и, за рѣдкими исключеніями, постоянно обѣдалъ дома: слѣдовательно, могъ бы помнить визиты Маркова, тѣмъ болѣе, что у отца многолюдныхъ обѣдовъ никогда не бывало. Д. А.

БАНКРОТЪ.

СВОИ ЛЮДИ СОЧТЕМСЯ

Комедія А. Н. Островскаго.

АКТЪ ТРЕТІЙ [1]).

3-й актъ. Все то, что приведено нами далѣе въ началѣ этого акта, со словъ Большова (зачеркнутыхъ авторомъ въ рукописи): „Ну что, Лазарь, ты хлопочешь все", до словъ Лаз.: „...не сумнѣвайтесь-съ. Мой будетъ грѣхъ", принадлежитъ первоначальному виду 3-го акта „Своихъ людей",—ни одного слова изъ этого отрывка, написаннаго авторомъ на отдѣльномъ полулистѣ, мы не встрѣчаемъ въ печатномъ текстѣ этой комедіи. Но тѣмъ болѣе замѣчателенъ этотъ отрывокъ,—изъ него можно видѣть, какъ строился и округлялся типъ Подхалюзина. Побольше-бы подобныхъ отрывковъ изъ черновыхъ набросковъ 2-го и 3-го дѣйствія, а также весь первый актъ, котораго рукописи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ, и тогда бы весь процессъ постройки знаменитой комедіи представился бы намъ во всей полнотѣ и опредѣленности.

Лично отдавая намъ въ 1855 г. эту рукопись, А. Н. Островскій не нашелъ у себя первыхъ листиковъ этого акта, т. е. сцены, когда приходитъ Аграфена Кондратьевна съ Липочкой и убѣждаетъ мужа „приласкать, приголубить" дочку и посовѣтывать ей что нибудь такое житейское" (см. въ печати явленіе 2-е 3-го дѣйствія). Также нѣтъ начала той сцены, въ коей является Устинья Наумовна, и подкупленная Подхалюзинымъ объявляетъ о мнимомъ отказѣ ею же нѣкогда отысканнаго жениха.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 219—248.

Далѣе, третій актъ находится въ принадлежащей намъ рукописи, но не въ первыхъ, черновыхъ наброскахъ, между нимъ и печатнымъ текстомъ все-же встрѣчаются нѣкоторыя разницы: между прочимъ, изъ фразъ и цѣлыхъ явленій, не вошедшихъ въ печать, но и не зачеркнутыхъ авторомъ, находятся здѣсь слѣдующія: Ѳоминишна: „а такого похабства не видывала". — Липочка: „Да такъ во всѣхъ романахъ дѣлаютъ". — Липочка: „Зачѣмъ вы тятеньку кличете, Лазарь Елизарычъ, не кличьте его". — Лазарь Елизарычъ: „Отчего-же-съ, Алимпіада Самсоновна, не кликать-съ".—Лаз. Елиз.: „Вы думаете, что я этого не вижу. А я вижу—все-съ".—Лаз. Елиз.: „Алимпіада Самсоновна, неужели вы думаете, что я васъ дамъ въ обиду кому нибудь, этого никогда не бывать-съ". Въ печати авторомъ пропущенъ разговоръ, отъ словъ Алимпіады Самсоновны: „Да вы такіе робкіе"... и пр. до словъ ея же: „Такъ смотрите-же, Лазарь Елизарычъ". — Слова Самсонъ Силыча: „Наливай еще"...

Въ рукописи находится только начало того куплетца, который говоритъ Устинья Наумовна:

Ужъ и гдѣ-же это видано,
Ужъ и гдѣ-же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!

Въ концѣ этого акта написано: не „конецъ 3-го дѣйствія", а „конецъ 4-го дѣйствія"—это объясняется тѣмъ, что авторъ предполагалъ, первоначально, раздѣлить комедію на 5 актовъ, какъ это уже было нами замѣчено.

На второй, рукописной, страницѣ третьяго акта, противъ словъ Липочки: „Стыдно сказать, тятенька", на полѣ есть помѣтка автора, для памяти: „Тишка пляши"(тъ), она объясняется первоначальнымъ желаніемъ автора—заключить сговоръ общимъ весельемъ, въ коемъ-бы участвовалъ Тишка. По неизвѣстнымъ причинамъ авторъ не сдѣлалъ этого,

Объясненіе Подхалюзина съ Липочкой обратило на себя особенное вниманіе автора; не смотря на то, что эта рукопись есть уже второе или третіе черненіе (редакція) автора, но и здѣсь встрѣчаются большія помарки и вставки не только новыхъ словъ, но и цѣлыхъ выраженій, какъ это и указано нами далѣе при перепечатаніи рукописи болѣе мелкимъ шрифтомъ, скобками и черточками.

Первое явленіе третьяго дѣйствія написано авторомъ на отдѣльномъ лоскуткѣ гораздо позже всего акта и въ томъ видѣ, въ ка-

комъ мы находимъ эту сцену въ печати. Внизу листка, со словъ Агр. Конд. „Что ты его слушаешь", находятся вставки въ сцену Большова, жены, дочери и свахи.

Обращаясь затѣмъ къ подлинной рукописи автора—къ третьему, а по печатному изданію сочиненій А. Н. Островскаго — второму акту комедіи „Банкротъ"—„Свои люди—сочтемся", считаемъ необходимымъ напомнить, что:

1) Мѣста, зачеркнутыя авторомъ въ рукописи, набраны у насъ болѣе мелкимъ шрифтомъ и заключены въ прямыя скобки.

2) Слова, добавленныя авторомъ въ рукописи къ первоначальному тексту комедіи, а также тѣ слова, которыя написаны по зачеркнутому, первоначальному тексту, заключены въ прямыя черточки.

1855 г.
1891 г.

М. И. Семевскій.

3-й АКТЪ.

Большовъ и Лазарь.

Большовъ.

[Ну что, Лаз., ты хлопочешь все.]

Ну что, Лаз., дѣлишки наши подвигаются? а? Али все на одномъ мѣстѣ?

Лаз.

Какъ же это можно-съ, чтобъ они были на одномъ мѣстѣ-съ. | Вышнырилъ мѣстечко, куда векселя сбыть-съ | . Вчера [нашелъ одного дурака] одинъ дуракъ попался-съ, даетъ по 20 копѣекъ за рубль-съ; говоритъ: будь на милліонъ [все] и то согласенъ купить-съ.

Больш.

Вотъ ужъ именно фалелей ! Ну да пускай нацѣпитъ обузу та на шею | самъ лѣзетъ, никто его тянетъ.—А денежки то когда же?

Лаз.

Да хоть сей часъ-съ! Вся [недостача] остановка за векселями-съ. Гдѣ они у васъ-съ. А деньги, какъ прикажете. Хошъ ужотко принесу-съ.

Больш.

Здѣсь въ бумажникѣ. Подай ко чернилицу. Какъ же писать-то на кого.

Лаз.

Какъ угодно-съ,—это все равно.

Больш.

О, охъ! Вотъ они кровные то труды—вали въ яму, выручай одни проценты! Кто у тебя сторговалъ-то?

Лаз.

Черезъ маклера, какой то мѣняло изъ золотокружнаго ряду-съ. Да коли ужъ передавать, такъ пишите одинъ бланкъ.

Больш.

Пожалуй—это все единственно.—А ты со мной послѣ разсчитаешься. Такъ безъ обороту.

Лаз.

Извѣстное дѣло-съ. Для васъ же будетъ покойнѣе.

Больш.

Хорошъ спокой, почитай даромъ бросаю. (*Пишетъ и приговариваетъ*). Безъ оборота на меня, Моск. 1-й гил. куп. С. С. сынъ Большовъ. Всѣ порѣшилъ. Прощайте, голубчики! Бери, Лазарь!

Лаз.

Пожалуйте-съ; сколько ихъ всѣхъ-съ?

Больш.

3-и по 15000 сереб., 2 по 10 т., а остальн. 4 по полторы тысячи; вотъ маленькимъ-то и срокъ мѣсяца черезъ три.

Лаз. (*бер. и счит.*).

Что дѣлать-съ! видно ужъ имъ такъ на роду написано.

Больш.

Ну пропад. они и съ хозяиномъ! А что перевозишь товаръ.

Лаз.

Почитай все перевезъ-съ. Немного осталось-съ.

Больш.

Мѣста-то надежны-ли? Помилуй Богъ дознаются, да примутся искать!

Лаз.

Нѣтъ ужъ это ѳпосля честь будетъ. Днемъ съ огнемъ не найдутъ. Да вотъ кстати подпишите ужъ и продажный счетъ-съ.

Больш.

Въ 30 т. сер. На кого-жъ это подработано? Смотри ты!

Лаз.

Такой человѣкъ что честнѣе и желать нельзя.—Ужъ пишите, не сумнѣвайтесь-съ. Мой будетъ грѣхъ.

...должается [1]).

Агр. Кон.

И въ самомъ дѣлѣ, что онъ ломается-то. Мы развѣ хуже его. Ну не хочетъ, такъ наплевать. Мы на шею не навязываемся.

У. Н.

А лягушка его заклюй, нешто мы другаго не найдемъ.

[С. С.] Больш

Ну ужъ ты другова-то не ищи | а то опять тоже будетъ. | Ужъ другова-то я вамъ самъ найду.

Агр. Конд.

Да найдешь ты на печи-то сидя; ты ужъ и забылъ кажется, что у тебя дочь-то есть.

С. С.

А вотъ увидишь.

А. К.

Что увидать-то? Увидать-то нечего. Ужъ не говори ты мнѣ пожалу-ста, не разстраивай меня. (*Садится*).

---

[1]) Начала этой сцены нѣтъ въ принадлежащей намъ рукописи. М. С.

Больш. (*хохочетъ*).

У. Н. (*къ Лип.*).

Ишь | ты какъ вырядилась | платьице-то на тебѣ какое авантажное—[что] ужъ не сама ли [чтоль] смастерила?

Лип.

Вотъ ужасно нужно самой! Что мы нищіе что ли по твоему! А мадамы-то на что?

Агр. К.

| Какже это быть-то, поди ты бѣда какая. |

У. Н.

Фу ты, ужъ и нищіе! Кто тебѣ говоритъ такія глупости! Тутъ разсуждаютъ объ хозяйствѣ, [а коли по чему другому такъ] | что не сама ль дескать шила а то | извѣстное дѣло и платье-то твое дрянь.

Лип.

Что ты, что ты! Никакъ [рех.] съума сошла! Гдѣ у тебя глаза-то, съ чего это ты конфузить вздумала.

[**Фом.**]

[Полно тебѣ, У. Н., дразнить то вотъ охота. Да и тебѣ то].

[**У. Н.**]

[Полно, полно. Что ты такъ разъерепенилась!]

Лип.

Вотъ оказія! Стану я терпѣть такую напраслину! Да что я дѣвчонка что-ли какая необразованная.

У. Н.

Съ чего это ты взяла! Откуда нашелъ на тебя эдакой капризъ. Развѣ я хулю твое платье. Чѣмъ не платье, и всякій скажетъ что платье. Да тебѣ-то оно не годится, по красотѣ-то твоей совсѣмъ не такое надобно. Исчезни душа, коли лгу! для тебя золотова мало; подавай намъ шитое жемчугомъ. Вотъ и улыбнулась, изумрудная! Я, вѣдь, знаю, что говорю. А вотъ садись-ко да побесѣдуемъ.

Тишка (*входитъ*).

Сусой Псоичъ приказали спросить, можно ли дескать взойти? Они тамотка у Лаз. Елизарыча.

С. С.

Пошелъ зови сюда его и съ Лазаремъ (...)

Агр. К.

Что-жъ не даромъ же закуска то приготовлена, вотъ и закусимъ. А ужъ тебѣ, чай, У. Н., давно вод. хочется?

У. Н.

Извѣст. дѣло адмиральскій часъ, самое настоящее время.

Агр. К.

Ну, С. С., трогайся съ мѣста-то, что такъ то сидѣть.

С. С.

Погоди! вотъ тѣ подойдутъ, еще успѣешь!

Лип.

Я, маменька, пойду раздѣнусь.

А. К.

Погоди, дитятко, погоди.

С. С.

Погоди раздѣваться-то, женихъ пріѣдетъ.

А. К.

Как. тамъ еще женихъ. [Что ты тамъ городишь.] Полно дурачиться-то.

С. С.

[Говорятъ тебѣ, что женихъ, такъ ужъ стало быть я знаю, что говорю]. Погоди, Липа, женихъ пріѣдетъ.

Лип.

[Кто же это? тятинька, знаю я его или нѣтъ?]

С. С.

| А вотъ увидишь такъ можетъ и узнаешь | .

[А. К.]

[Коли кто въ сам. дѣлѣ пріѣдетъ, такъ ужъ ты бы путемъ говор., а то пріѣдетъ, пріѣдетъ, а Богъ зна. кто пріѣдетъ, вотъ всегда такъ.]

Лип.

Ну такъ я, м., останусь (*подход. къ зеркалу и смот., потомъ къ отцу*). Тятенька!

С. С.

Что тебѣ.

Лип.

Стыдно сказать, тятенька [1])

А. К.

Что за стыдъ, дурочка, говори коли что нужно.

У. Н.

Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ.

Лип.

Нѣтъ. Ей Богу стыдно.

С. С.

Ну закройся, коли стыдно.

А. К.

Шляпку что ли новую хочется?

Лип.

Вотъ не угадали; вовсе не шляпу.

С. С.

Такъ чего-жъ тебѣ?

---

[1]) Противъ этихъ словъ, рукою автора, написано сбоку: „Тишка, пляши.“

Лип.

Выйти замужъ за военнаго.

С. С.

Экъ вѣдь что вывезла!

А. К.

Акстись, безпутная, Христосъ съ тобой.

Липоч.

Что-жъ! вѣдь другія выходятъ же.

С. С.

Ну и пускай ихъ выходятъ; а ты вотъ сиди у моря да жди погодки.

А. К.

Да | ты у меня и заикаться не смѣй, | я тебѣ и родительскаго благословенія не дамъ.

СЦЕНА 3-я.

(Лаз. и Респ.) *входятъ.*

Респ.

Здрав., бат. С. С.! Здрав., мат. А. К., здр., А. С.

С. С.

Здравствуй брат., здрав., садись, мил. просимъ, сад. и ты, Лаз. [Садись, и ты Фом.]

[Фом.]

[Спасибо, родимый! Въ кои то вѣки привелъ Господь вмѣстѣ съ хозяиномъ компанствовать!]

[С. С.]

[Ну всѣ сѣли?]

[А. К.]

[Что ты тамъ еще затѣваешь?]

[С. С.]

[А вотъ увидишь что.]

[А. И.]

[Ну, начинай С. С.]
Зак. неугод., а у меня закусочка приготов.

Рисп.

Отъ чего-жъ, мат., не закусить, я бы теперь рюмочку выпилъ.

С. С.

А вотъ сейчасъ пойдемъ всѣ вмѣстѣ. А теперь пока побесѣдуемъ маненько.

У. Н.

Отъ чего-жъ и не побесѣдовать! Вотъ, золотые мои, слышала я, будто | въ газетѣ напечатано | правда-ли нѣтъ-ли, что [новый] другой Бонапартъ народился, и будто, золотыя вы мои.....

С. С.

Бонапартъ, Бонапар., а мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе; да и не о томъ теперь рѣчь.

У. Н.

Такъ о чемъ-же, яхонт.?

С. С.

А о томъ, что лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что будетъ впередъ, — то и положили мы еще при жизни своей отдать въ замужество единственную дочь нашу, а въ разсужденіи приданаго, то же можемъ надѣяться, что оно не остраминъ нашего капитала и происхожденія, — а равномѣрно и передъ другими прочими.

У. Н.

Ишь вѣдь какъ сладко разсказываетъ, бриліянтовый.

С. С.

А такъ какъ теперь дочь наша здѣсь, на лицо, и при всемъ томъ будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности на-

шего будущаго зятя, что для насъ очинно чувствительно въ разсужденіи Божескаго благословенія, то и назначаемъ его теперича въ общемъ лицезрѣніи. Липа, поди сюда.

Лип.

Что вамъ, тятенька, угодно. (*Лип. подх.*).

С. С.

Поди ко мнѣ, не укушу, не бось.

С. С.

Ну теперь ты, Лазарь, ползи.

Лаз.

Давно готовъ-съ.

С. С.

| Ну, Липа, давай руку. |

Лип.

Какъ, что это за вздоръ! Съ чего это вы выдумали!

С. С.

Хуже какъ силой возьму.

| У. Н. |

| Вотъ тебѣ, баб., и юрьевъ день. |

| А. К. |

| Г., да что-жъ это такое. |

Лип.

Не хочу, не хочу—не пойду я за такого противнаго.

| Ф. |

| Съ нами крестна сила! |

С. С. (*беретъ ее насиль. за руку и Л.*).

Л.

Видно ужъ, тятенька, | не видать мнѣ счастья на эт. свѣтѣ, видно | не бывать-съ по вашему желанію.

С. С.

Какъ-же не бывать, коли я того хочу! На что-жъ я и отецъ, коли не приказывать! Даромъ что-ль я ее кормилъ!

А. К.

Что ты! что ты! опомнись.

С. С.

Знай сверчокъ свой шестокъ. Не твое дѣло! Ну, Липа, вотъ твой женихъ, прошу любить да жаловать, садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ—а тамъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

Лип.

Какже нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть!—вотъ оказія!

С. С.

А не сядешь, такъ и насильно посажу, да заставлю жеманиться.

Лип.

Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ! [Если же]

С. С.

Молчи лучше! Велю, такъ и за дворника выдешь. (*Молчаніе*).

У. Н.

Вразуми, А. К., что это за бѣда такая?

А. К.

Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось!

Фом.

Господи! 7-й десят. живу, сколько свадьбъ праздновала, а такого похабства не видывала!

А. К.

За что-жъ вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

С. С.

Да очень нужно мнѣ слушать вашу фанаберію! Захотѣлъ выдать дочь за прикащика и поставлю на своемъ и разговаривать никто не смѣй; [захочу и его купцомъ сдѣлаю и капиталъ ему дамъ, и опять таки никто мнѣ не указъ]. Я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусить пойдемте; а они тутъ побалясничаютъ, можетъ быть и поладятъ какъ нибудь.

Р.

Пойдемте С. С. и я съ вами для комп. рюмочку выпью. А [изв.] | ужъ | это | А. К. | перв. долгъ, чтобы дѣти слуш. родителей, это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встаютъ*).

А. К. къ Л.

[Ужь ты не спорь съ нимъ Липочка, ну тамъ послѣ, что Богъ дастъ,— авось какъ нибудь и такъ обойдется.] Не перечь ему.

[**Лаз.**]

Лип.

Да что-же это, мам., такое, что я имъ кухарка что-ли досталась! (*плач.*).

Лаз.

Маменька-съ, вамъ зятя такого, который бы васъ уважалъ и значитъ старость вашу покоилъ окромя меня не найтить-съ.

А. К.

Да какъ это ты, батюшка!

Лаз.

Маменька-съ, въ меня Богъ вложилъ такое намѣреніе, потому самому-съ, что другой васъ, маменька-съ, и знать не захочетъ, а я по гробъ моей жизни (*плачетъ*), долженъ это чувствовать-съ.

А. К.

Ахъ, бат., да какже это быть-то.

С. С.

Жена, поди сюда!

А. К.

Сейчасъ, бат., сейчасъ.

Л.

Вы, мам., вспомните это слово, что я сейчасъ сказалъ-съ (*А. К. уходитъ*).

Л. и Лип.

Молчаніе.

А. С.-съ! А. С.-съ! Но кажется вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-съ. Позвольте вашу ручку поцѣловать.

Липочка.

Вы дуракъ—необразованный.

Лазарь.

За что вы, А. С., [меня] обижать изволите-съ?

Лип.

Я вамъ одинъ разъ навсегда скажу, что не пойду я за васъ,—не пойду.

Лаз.

Это какъ вамъ угоднс-съ. Насильно милъ не будешь. Только я вамъ вотъ что скажу-съ...

Лип.

Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня, какъ-бы вы были [хо] учтивый-то кавалеръ,—вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти, вы-бы должны отказаться.

Лаз.

Вотъ вы, А. С., изволите говор. отказаться. [Что-же] только если я откажусь, что-же потомъ будетъ-съ?

Лип.

А то и будетъ, что я выду за благороднаго!

Лаз.

За благород—съ, благородный-то безъ приданова не возьметъ.

Лип.

Какъ безъ приданова, что вы городите-то, посмотрите-ко какое у меня приданое-то,—въ носъ бросится.

Лаз.

Тряпки то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ-съ. Благородному-то деньги нужны-съ.

Лип.

Что-жъ тятенька и денегъ дастъ.

Лаз.

Хорошо какъ дастъ-съ. А какъ дать-то, нечего! Вы дѣлъ-то тятинкиныхъ не знаете, а я ихъ очинно хорошо знаю; тятенька-то банкрутъ-съ.

Лип.

Какъ банкрутъ! А домъ-то, а лавки?

Лаз.

А домъ-то и лавки мои-съ.

Лип.

Ваши? Подите вы.—Что вы меня дурачить хотите, глупѣе себя нашли.

Лаз.

А вотъ [не угодно-ли посмотрѣть-съ]. У насъ законные документы есть! (*вынимаетъ*).

Лип (*чит.*).

[Тутъ сказано, что папенька купилъ у васъ, продалъ вамъ]. | Такъ вы купили у тятеньки? | Гдѣ-же вы денегъ взяли?

Лаз.

Денегъ! У насъ, слава Богу, | денегъ-то | побольше будетъ, чѣмъ у какого благороднаго.

Лип.

Что-же это [тят.] | такое | со мной дѣлаетъ, воспитывали, воспитывали, а потомъ и обанкрут. (*молч*).

Лаз.

Ну, полож., А. С., что вы выдете и за благороднаго, да что-же въ эт. буд. толку-съ. Только [что] | одна | слава, что барыня, | а пріятности никакой нѣтъ-съ! | Вы извольте разсудить-съ: барыни-то часто сами на рынокъ | пѣшкомъ | ходятъ-съ. А если и выѣдутъ-то куда, такъ только слава что четверня- | то, | а хуже одной-съ хорошей, купеческой-то. | Ей Богу, хуже-съ | . Одѣваются-то тоже не больно пышно-съ. [Это видит. у нихъ не пристойно-съ. Опять-же-съ у благородныхъ-то тамъ разные клобы заведены, да и то и другое. Мужъ-то-съ угромъ на службѣ, а вечеромъ-то по клуб. шатается, а жена-то должна одна дома сидѣть-съ, безо всякаго удовольствія]. А если за меня-то вы, А. С., выдете-съ, такъ | первое слово | вы и дома-то будете въ шолк. плат. ходить-съ, а въ [собраніе] гости или въ театръ—такъ, окромя бархат., никакихъ и надѣвать не станемъ. | Въ разсужд. | шляпокъ [то тоже] | или салоповъ, | не буд. смотрѣть, на | раз. двор. | приличіе; [тамъ что ни говори, это для насъ все равно-съ, ничего-съ], а надѣнемъ какую чуднѣй. — Лошад. заведемъ орловскихъ-съ [и будете вы жить во всяк. удовольствіи; на счетъ хозяйственности никто васъ не буд. безпокоить, потому самому, что я самъ все это дѣло знаю]. Если-же вы на счетъ [меня сумнѣваетесь, т. е. на счетъ моего костюма] и | моей | физіономіи | сумнѣваетесь, | такъ это какъ вамъ буд. угодно-съ, мы пож. [бороду обрить-съ] и фракъ надѣн., да бород. обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ по модѣ-съ, это для насъ все [равно] одно. [А если на счетъ того-съ, что я на иностр. діалектахъ говорить не умѣю, такъ это намъ не для чего-съ].

Лип.

Да вы всѣ передъ свадьбой-то такъ говорите, а тамъ и обманете.

Лаз.

Съ мѣста не сойти, А. С! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-съ, А. С., нешто мы въ эд. домѣ буд. жить,—въ к. р. купимъ-съ [мебель]—распишемъ какъ-съ на потолкахъ это райскихъ птицъ, нарисуемъ сиреновъ, капидоновъ разныхъ,—поглядѣть только будутъ деньги давать.

Лип.

Нынче ужъ купидоновъ-то не рисуютъ[-съ].

Лаз.

Ну, такъ мы пукетами пустимъ (*молч.*) [Ахъ, А. С., какъ я радъ, А. С. что дождался такого благополучія], было-бы только съ вашей стороны согласіе, а то мнѣ въ жизни ничего не надобно. (*молч.*). Какъ я несчастливъ въ своей жизни, что не могу я никакихъ компл. говорить.

Лип.

Для чего вы, Л. Е., по французски не говорите?

Лаз.

А для того, что это намъ не для чего-съ (*молч.*). Осчастливьте, А. С., окажите этакое [можно сказать] благоволеніе- | съ | (*молч.*). Прикажете на колѣни стать.

Лип.

Станьте.

Лаз. (*станов.*).

Лип.

Вотъ у васъ какая жилетка скверная.

Лаз.

Эту я Тиш. подарю-съ, а себѣ на Куз. мосту закажу; только не погубите (*молч.*). Что-же, А. С.-сна?

Лип.

Дайте подумать.

Лаз.

Да о чемъ-же думать-съ?

Лип.

Какъ-же [не] можно не думать!

Лаз.

Да вы не думамши, скажите.

Лип.

Знаете что, Л. Е.?

Лаз.

Что прикажете-съ?

Лип.

Увезите меня потихоньку.

Лаз.

Да зачѣмъ-же потихоньку-съ, когда такъ тятенька согласны. [еще пож. полиція вмѣшается].

Лип.

Да такъ во всѣхъ ром. дѣлаютъ. Ну, а какъ не хотите увезти, такъ ужъ, пожалуй, и такъ.

Лаз.

А. С., позв. ручку поцѣл. (*цѣл., пот. вскак. и подбѣж. къ дверямъ*). Тятенька, тятенька!

Лип.

Лаз. Е., Л. Е., подите сюда!

Лаз.

Что вамъ угодно-съ?

Лип.

Зачѣмъ вы тятеньку кличете? Л. Е., не кличте его!

Лаз.

Отчегоже-съ, А. С., не кликать?

Лип.

Ахъ, если-бъ вы знали, Л. Е. какое мнѣ житье съ ними! У мам. 7 пят. на недѣли, тят. какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ

пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ-бы я вышла за благород., такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдетъ по старому!

Лаз. Елиз.

Нѣтъ-съ, А. С., не будетъ этого. Вы думаете, что я этого не вижу! А я вижу все-съ. Мы, А. С., какъ только сыграемъ свадьбу, такъ переѣдемъ въ свой домъ-съ [и вы у меня будете полная хозяйка-съ]. А ужъ мы имъ-то командовать не дадимъ-съ! Нѣтъ ужъ теперь все кончено-съ! А. С. неужели вы думаете, что я васъ дамъ въ обиду кому нибудь. Этого никогда не бывать-съ [и не будетъ.] Будетъ съ нихъ—почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

А. С.

Да вы такіе робкіе, Л. Е. — Вы не посмѣете тятенькѣ ничего сказать, а съ благороднымъ-то они не много наговорили-бы.

Л. Е.

Отъ того и робѣлъ-съ, что было дѣло подначальное-съ. Нельзя-съ. Прекослов. не смѣю. А какъ заживемъ своимъ домомъ, такъ никто намъ не указъ. А вотъ вы все про благород. говорите. Да буд.-ли васъ такъ люб. благород., какъ я буду люб. Благород. то по утру на службѣ, а веч. по клуб. шатаются, а жена должна одна дома сидѣть | безо всяк. удовольствія. | А смѣю-ли я такъ-съ поступить-съ! Я всю жизнь долж. стар., какъ вамъ всякое удовольствіе доставить.

А. С.

Такъ смотрите-же, Л. Елиз., мы буд. жить сами по себѣ, а они сами по себѣ. Мы заведемъ у себя все по модѣ, а они какъ хотятъ.

Л. Е.

Ужъ это какъ и водится-съ.

А. С.

Ну теперь зовите тятиньку.—(*Встаетъ и охорашивается передъ зеркаломъ*).

Л. Е.

Тятенька-съ! Тятенька-съ! (*идетъ на встрѣчу С. С.* | *и бросается къ нему въ объятія.* |) Маменька-съ, А. С. согласны-съ!

| А. К. |

| Бѣгу, бѣгу, бат., бѣгу. |

С. С.

Ну, вотъ и дѣло. То то же, я знаю, что дѣлаю, уже не вамъ меня учить!

Л. Е. къ А. К.

Маменька-съ, позвольте ручку поцѣловать.

А. К.

Цѣлуй, бат., обѣ чистыя. Ахъ-ты, дитятко мое (*цѣл. Лип.*), да какъ же ты это давича-то | такъ. Липочка! а! Ей Богу! Что-жъ это такое, | а ужъ я и не знала, какъ это дѣло и разсудить [то.] Ахъ, ненаглядная ты моя!

Л.

Я совсѣмъ, маменька, и не воображала, что Л. Е. такой учтивый кавалеръ! | А теперь вдругъ вижу, что онъ гораздо почтительнѣе другихъ. |

А. К.

Вотъ то то же, дур., ужъ отецъ тебѣ худа не пожелаетъ. [Сядьте-ка рядышкомъ, я погляжу на васъ]. | Ахъ ты, голубушка, ты моя! Ека вѣдь притча-то! а! Ахъ матушки вы мои! Что-жъ это такое! Фоминишна! Фом. |

| Фом. |

| Бѣгу, бѣгу, мат., бѣгу. |

С. С.

[И это дѣло, садитесь-ка, мы на васъ] | постой ты, таранта! Вотъ вы садитесь-ко рядкомъ; мы на васъ посмотримъ. Да подай[те] ты намъ, Ф., бут. шипучки. | (*Лип. сад., жем., Л. тоже бодрится*).

Ф.

| Сейчасъ, б., сейчасъ | (*Вход. У. Н. и Рисп.*) [*и Фом.*]

А. К.

Поздравь жениха-то съ невѣстой, У. Н., [посмотри-ка какая у насъ парочка-то]. [Вотъ Богъ привелъ на старости, У. Н., дожили до радости.]

[У. Н.]

[Да гдѣ-же это видано, чтобы такъ поздравляли, надобно шамп.—Ну дай вамъ Богъ жить да молодѣть, толстѣть да богатѣть, бриліянтовыя].

[А. К.]

[Принеси-ка поди, Фоминишна, бут , шампанскаго, прежде отчув.]

[Фом. (*приноситъ, начин. поздрав.*)]

[У. Н.]

[Богатѣть—горько, серебряныя].

[Расп.]

[Поздр.].

[Лаз. (*вст.*)]

[Я теперь пойду билеты заказывать].

У. Н.

Да чѣмъ же поздр.-то васъ, изумруд. Сухая ложка ротъ деретъ.

С. С.

А вотъ мы тебѣ, пѣвчій соловушко, горлышко промочимъ. (*Явл. Тишка съ подн. и Фом.*).

У. Н.

Вотъ это дѣло другаго роду. Ну дай вамъ Богъ жить да молод. толст. да богат. (пьетъ), горько, брилліантовыя. [(*Цѣл. жеманно*)] [*вст. и кланяются*].

С. С.

Дай-ко я поздравлю [по своему] (*Беретъ бокалъ. А. С. и Л. встаютъ*). (бер. бут.), живите какъ знаете, свой разумъ есть. А чтобъ вамъ жить-то было нескучно—такъ вотъ тебѣ, Л., домъ и лавки пойдутъ вмѣсто приданаго, да изъ наличнаго отщитаемъ [тысченокъ 50.]

Л. Е.

Помилуйте, тят., я и такъ вами много доволенъ.

С. С.

Что тутъ милов.-то, свое добро, самъ нажилъ. Кому хочу, тому и даю. (*Наливай еще*). Да что тутъ еще разговаривать-то. На милость суда нѣтъ. Бери все. Только насъ съ старухой корми, да кредиторамъ заплати коп. по 10.

Л.

Стоитъ-ли, тят., теперь объ эт. говорить-съ. Нешто я не знаю, пом., нешто я не чувствую.—Свои люди—сочтемся.

С. С.

Говорятъ тебѣ бери все, да и кончено дѣло. | И никто мнѣ не указъ. | Заплати только кредиторамъ. Заплатишь.

Л.

Пом., тятенька-съ—первый долгъ-съ.

С. С.

[То-то-же.] Только ты смотри, имъ много-то не давай. А то ты чай радъ съ дуру-то теперь все отдать.

Л.

Да ужъ тамъ, тят., какъ нибудь сочтемся-съ. | Помилуйте—свои люди. |

С. С.

Тото-же! Ты имъ больше 10 коп. не давай. Будетъ съ нихъ. Ну поцѣлуйтеся. [Ну теперь со мной]. (*А. К. подходитъ и нач. цѣлованіе*).

А. К.

Ахъ, голубчики, вы мои. Да какъ это такъ. Совсѣмъ вотъ какъ полоумная.

| У. Н. |

| Ужъ и гдѣ-же это видано. |
| Да и гдѣ-же—слыхано |
| Чтобы кур. . . . . (*подх. къ Расп.*). |

[С. С. (*Стоитъ*).]

[Что-же ты, С. Пс., выпей за здор. жениха съ невѣстой. Что-жъ—ты стоишь, али не выпьешь за жениха-то съ невѣстой.]

[С. С.]

[Выпей-же, С. П., на радости.]

Рист.

Не могу, С. С., претитъ.

С. С.

Полно—ты! Выпей на радости.

У. Н.

Еще туда-же ломается.

Рисп.

Пр., С. С. Ей Богу пр. Вотъ я вод. рюмочку выпью; а этого натура не принимаетъ. Ужъ такая слаб. комплекція.

У. Н.

Ахъ ты проволоч. шея. Ишь ты у него натура не принимаетъ Да давайте я ему за шив. вылью коли не выпьетъ!

Рисп. (*пятится*).

| Не прилич., У. Н., дамѣ это неприлич. | С. С., не могу-съ. Развѣ бы я сталъ [гов., что не пью, коли пью] | отказываться. | Хе, хе, хе, да что-жъ я за дур., чтобы я такое невѣжество сдѣлалъ, видали мы люд. то знаемъ, какъ жить, а этого не могу, потому претитъ. | Вотъ я отъ водки никогда не откажусь—пож. хоть теперь рюмочку выпью. | А, вы С. С., безчинства не допускайте. Обидѣть не долго. А не хорошо, [можете отвѣчать за это.]

С. С.

Хорошенько его, У. Н., хорошенько (*С. П. уход.*).

У. Н. (*став. вино на столъ. Приж. его въ уголъ и хват. за воротъ*).

Врешь, купоросная [чернильная] душа, не уйдешь.

Рисп.

Караулъ! (*всѣ хохочутъ*).

Сам. С. (*входитъ*).

Вотъ она жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чертъ знаетъ и самъ не разберешь чего хочется. Вотъ-бы и закусилъ что нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть одурь возьметъ (*садится*). Али чайкомъ-бы что-ль побаловать! (*смотр. по угламъ*).

А. К.

Что ты его слушаешь, какой тамъ еще шутъ пріѣдетъ. Такъ языкъ чешетъ!

С. С.

[Анъ вотъ] говорятъ тебѣ, что пріѣдетъ, такъ ужъ я стало быть знаю, что говорю.

КОНЕЦЪ 4-го (3-го) ДѢЙСТВІЯ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Черты изъ его жизни [1]).

Покойный государь Александръ Николаевичъ, какъ въ сущности и всѣ члены царствующаго дома Романовыхъ, обладалъ замѣчательною памятью. Послѣдующіе два эпизода послужатъ тому довольно интересною характеристикою.

Его величество потребовалъ къ себѣ однажды флигель-адъютанта М. Л. Дубельта, во время его дежурства. Посадивъ его, онъ, съ обычною своею любезностью, взявъ со стола папиросницу, протянулъ ее къ Дубельту, сказавъ:

— „Хочешь папироску?“

— Я не курю, ваше величество, благодарю васъ, отвѣчалъ Дубельтъ.

Болѣе чѣмъ черезъ три года послѣ этого, въ Курскѣ, когда Дубельтъ былъ начальникомъ корпуснаго штаба, государь пригласилъ его въ свой кабинетъ, для отдачи нѣкоторыхъ приказаній, относя-

---

[1]) См. въ „Русской Старинѣ“ разсказы изъ жизни императора Александра Николаевича различныхъ лицъ:

Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г. Сообщ. А. Щербаковъ. „Русск. Стар.“ изд. 1883 г., т. XL, стр. 381—390.—Александръ II въ Курской губерніи въ 1861 г. Разсказъ Н. Давыдова. „Русск. Старина“ изд. 1885 г., т. XLV, стр. 419—430.—Александръ II въ Александрійскомъ институтѣ въ Новой Александріи. Сообщ. Л. „Русск. Ст.“ изд. 1887 г., т. LIV, стр. 241—243. — Императоръ Александръ Николаевичъ на звѣриныхъ охотахъ (съ 1849 по 1876 г.). Очерки очевидца. Сообщ. А. И. Михайловъ. „Русск. Ст.“ изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 103—124.—Воспоминанія Теобальда: встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ. „Русск. Ст.“ изд. 1889 г., т. LXIV, стр. 94—102.—Александръ II въ Вологодской губерніи въ 1858 г. Сообщ. В. Т. Поповъ: „Русск. Старина“ изд. 1890 г., т. LXVIII, стр. 679—688, и проч.

щихся до смотра 4-й кавалерійской дивизіи, назначеннаго на слѣдующій день. Протянувъ Дубельту папиросницу, его величество ее быстро отдернулъ, сказавъ:

— „Ахъ, виноватъ, ты не куришь".

Весною 1853 года Мих. Дубельтъ ходилъ иногда гулять на Дворцовую набережную, со своею женою, рожденною Пушкиною — дочерью поэта, и въ сопровожденіи огромной собаки, именуемой Татаромъ. Однажды они во время прогулки встрѣтили наслѣдника престола Александра Николаевича и при немъ была огромная собака Рогъ, сенъ-бернардской породы. Звѣри сцѣпились дракой, что, конечно, надѣлало много шуму и визга. Во избѣжаніе подобной сцены, Дубельтъ не бралъ болѣе съ собой своей собаки, когда считалъ возможнымъ встрѣтить на прогулкѣ его высочество. Однажды отецъ Дубельта, Леонтій Васильевичъ, возвратившись домой и въ своей канцеляріи, часа въ три дня, сказалъ:

— „Бѣдный Наслѣдникъ. Онъ нездоровъ и ему сегодня ставили пьявки".

Натурально, М Л. Дубельтъ полагалъ прогулку для его высочества въ тотъ день невозможною, пошелъ гулять съ женой и взялъ Татара. На набережной они встрѣтили наслѣдника, а за его высочествомъ шла его собака Рогъ, и баталія у Рога съ Татаромъ произошла болѣе ожесточенная, чѣмъ предыдущая. Его высочество кричитъ: „Рогъ!", Дубельтъ кричитъ: „Татаръ!", и во время этой суматохи Дубельтъ сказалъ:

— „Ахъ, ваше высочество, я думалъ, что я васъ сегодня не встрѣчу".

Въ этотъ моментъ собаки отстали другъ отъ друга и хозяева ихъ поспѣшили уйти каждый въ свою сторону.

Послѣ этого прошло болѣе четырехъ лѣтъ времени и важныя перемѣны совершились. Императоръ Николай скончался, наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ сдѣлался императоромъ. Окончилась Крымская война и Михаилъ Дубельтъ, удостоенный званія флигель-адъютанта, служилъ въ Елисаветградѣ начальникомъ корпуснаго штаба. Его потребовали по служебнымъ дѣламъ въ Петербургъ, и, въ бытность свою дежурнымъ при его величествѣ въ Красномъ Селѣ, онъ имѣлъ счастіе завтракать съ монархомъ. Приборовъ было всего четыре: государь, одинъ изъ великихъ князей,

командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Плаутинъ и Мих. Дубельтъ. Во время завтрака его величество обращается къ Дубельту съ вопросомъ:

— „А что твой Татаръ живъ?“

Нѣтъ, ваше величество, Татаръ издохъ.

— „И мой Рогъ издохъ, — а помнишь, какъ они дрались на набережной? — Скажи, пожалуйста, продолжалъ государь, почему ты мнѣ во время ихъ послѣдней драки сказалъ, что ты не думалъ меня встрѣтить?“

Оттого, государь, что въ этотъ день мой отецъ, пріѣхавъ домой, сказалъ, что вы не совсѣмъ здоровы и что вамъ дома ставили пьявки“.

— „И Леонтій Васильевичъ сказалъ правду, возразилъ государь,—меня тогда такимъ премудрымъ способомъ дѣйствительно лечилъ докторъ Мандтъ; поставитъ одну или двѣ пьявки, а потомъ ступай гулять“.

Въ 1861 г., раннею осенью, покойный государь Александръ Николаевичъ, предпринявъ путешествіе въ Крымъ, въ Ливадію, произвелъ высочайшій смотръ въ Курскѣ 4-й кавалерійской дивизіи, начальникомъ которой былъ ген.-лейт. Столпаковъ. Начальникъ корпуснаго штаба, свиты его величества генер.-маіоръ Мих. Леонт. Дубельтъ, былъ на этомъ смотру за старшаго, такъ какъ корпусный командиръ баронъ Оффенбергъ получилъ разрѣшеніе встрѣтить императора въ Чугуевѣ, гдѣ былъ назначенъ смотръ 6-й кавалерійской дивизіи. Дубельтъ привѣтствовалъ государя у строя и смотръ прошелъ блистательно. По окончаніи онаго его высочество, садясь въ коляску, предложилъ Дубельту возвратиться въ городъ вмѣстѣ съ нимъ. Во время дороги государь сказалъ Дубельту:

— „Дивизія славная и я смотромъ остался вполнѣ доволенъ. Поздравь отъ меня Столпакова съ лентою Бѣлаго Орла“.

„Ваше величество, возразилъ Дубельтъ, — вы такой добрый, то вмѣсто ленты наградите генерала Столпакова арендой!.. Онъ состоянія никакого не имѣетъ, у него теперь дочь выходитъ замужъ, и я знаю, что онъ очень нуждается“.

Ничего не отвѣтивъ, государь ѣхалъ нѣсколько минутъ молча, такъ что Дубельтомъ овладѣло безпокойство, что не навлекъ-ли онъ на себя неудовольствіе государя императора за свое, быть можетъ,

неумѣстное ходатайство. Потомъ государь заговорилъ снова о постороннихъ предметахъ, и когда коляска остановилась у дворца, то его величество сказалъ Дубельту:

— „Пойдемъ завтракать".

Въ залѣ былъ накрытъ столъ и тутъ ожидали государя графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, курскій губернаторъ Владиміръ Ивановичъ Денъ и курскій губернскій предводитель дворянства Николай Яковлевичъ Скарятинъ. Государь, не останавливаясь, прошелъ въ свой кабинетъ; графъ Адлербергъ за нимъ послѣдовалъ, а Дубельтъ остался въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ графъ возвратился и, подойдя къ Дубельту, сказалъ ему:

— „Вамъ, конечно, Михаилъ Леонтьевичъ, будетъ пріятно узнать, что государь императоръ былъ весьма доволенъ смотромъ и назначилъ въ награду генералу Столпакову аренду на 12 лѣтъ— по 3 тысячи рублей въ годъ".

Великодушіе и милость въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича не требуютъ коментарія.

Дивный характеръ покойнаго императора Александра Николаевича, — кромѣ неимовѣрной доброты, отличался еще доступностію и дозволеніемъ возраженій, терпѣливо и милостиво выслушиваемыхъ. Когда же государь убѣждался въ справедливости и основательности ихъ, то онъ даже отмѣнялъ приказаніе, уже имъ отданное. Вотъ тому весьма интересное доказательство.

Въ 1862-мъ году, свиты его величества генералъ-маіоръ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго своднаго кавалерійскаго корпуса, командиромъ котораго состоялъ знаменитый въ то время кавалерійскій генералъ—баронъ Иванъ Петровичъ Офенбергъ. Корпусъ былъ значительный, и состоялъ изъ 30-ти восьми-эскадронныхъ полковъ, 23-хъ конныхъ батарей и конно-піонернаго дивизіона. Все это войско составляло пять кавалерійскихъ и одну конно-артиллерійскую дивизію.

Весною этого года Дубельтъ, жившій тогда въ Елизаветградѣ, получилъ депешу отъ своего брата Николая Леонтьевича, командира гвардейскаго драгунскаго полка, увѣдомлявшую его о крайне опасной болѣзни отца ихъ,—Леонтія Васильевича, желавшаго увидѣть своего отсутствовавшаго сына. Депеша гласила, что доктора

не надѣятся, чтобы Дубельтъ могъ застать отца своего въ живыхъ. Дубельть, конечно, въ тотъ же день поскакалъ въ Петербургъ, и имѣлъ утѣшеніе найти отца своего еще въ полномъ сознаніи.

Послѣ кончины Леонтія Васильевича и похоронъ его, когда Дубельтъ уже собирался въ обратный путь, къ нему однажды вечеромъ пріѣхалъ фельдъегерь и доложилъ, что государь императоръ, имѣвшій тогда пребываніе въ Царскомъ Селѣ, проситъ его прибыть туда на другой день, съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Петербурга въ 10 час. утра, и прямо съ вокзала ѣхать во дворецъ, для чего и будетъ ожидать его придворный экипажъ, такъ что его величество будетъ ожидать Михаила Дубельта около 11-ти часовъ утра. Дубельтъ отправился по назначенію, совершенно не подготовленный и даже не зная и не подозрѣвая, для чего его требуютъ.

Государь съ обычною своею привѣтливостію принялъ Дубельта въ своемъ кабинетѣ, поздоровался, посадилъ, и затѣмъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— „Я хотѣлъ переговорить съ тобою по весьма важному дѣлу,— началъ государь, — скажи мнѣ, пожалуйста, какого ты мнѣнія о генералѣ С.“ [1])?

„Мнѣ кажется, ваше величество, отвѣтилъ Дубельтъ,—что корпусной командиръ о немъ отличнаго мнѣнія, и что онъ дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ нашихъ начальниковъ дивизій“.

— „Нѣтъ, не въ строевомъ отношеніи, возразилъ государь, я знаю, что въ немъ онъ хорошъ, а въ политическомъ“?

„Я думаю, государь, что у него нѣтъ политическаго отношенія, онъ всецѣло занятъ ремонтами и обученіемъ своей дивизіи, и въ политику не вдается никогда. Но вамъ онъ человѣкъ вполнѣ преданный, и всегда являетъ благоговѣйное уваженіе и полнѣйшую любовь“.

— „Такъ ты его плохо знаешь. Вотъ что онъ написалъ въ одномъ письмѣ:— „всѣ мы имѣемъ недостатки, но у нашего государя ихъ гораздо болѣе, чѣмъ у кого либо другого. Впрочемъ, не нуждайся я въ службѣ, какъ въ средствѣ къ жизни, я бы давно службу отправилъ бы къ ч....“.

При видѣ изумленной физіономіи Дубельта, Государь продолжалъ: „Тебѣ это, быть можетъ, покажется смѣшнымъ, а мнѣ каково переносить подобныя вещи“.

„Ваше величество, по моему—просто невозможно, чтобы С. напи-

[1]) Генералъ С. былъ тогда начальникомъ 4-й кавалерійской дивизіи, расположенной въ Курской губерніи и входившей въ составъ отдѣльнаго своднаго кавалерійскаго корпуса.

салъ подобное письмо, и вѣрьте, что тутъ кроется крупное недоразумѣніе".

— „Недоразумѣніе, а если я скажу тебѣ, что я самъ читалъ это письмо, ты мнѣ повѣришь"?

„Конечно, повѣрю"?

— „Ну, такъ я самъ читалъ это письмо. Что ты скажешь на это?"

„Скажу, что если это письмо, дѣйствительно, писалъ генералъ С., то это, вѣроятно, въ припадкѣ сумасшествія, или онъ просто былъ пьянъ, хотя я этого недостатка никогда за нимъ не замѣчалъ, или онъ сотворилъ это подъ вліяніемъ какого-нибудь номера газеты „Колоколъ", Герцена".

— „Все это прекрасно, но я не могу допустить, чтобы въ настоящее тревожное время, при большомъ составѣ кавалерійскихъ дивизій и когда въ нихъ такъ много молодежи, во главѣ дивизіи стоялъ генералъ, который такъ отзывается о службѣ, и я уже приказалъ военному министру смѣнить С.".

„Ваше величество, — почтительно доложилъ Дубельтъ, — мнѣ кажется, что если вы меня удостоили великой чести призвать меня для объясненій по этому дѣлу, то ваше величество этимъ самымъ дали мнѣ право, и даже обязанность, откровенно высказать вамъ мое мнѣніе".

— „Конечно, говори".

„Ваше величество, не смѣняйте С.".

— „Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ"?

„Дозвольте мнѣ, такъ какъ я дня черезъ три возвращаюсь въ Елизаветградъ, остановиться въ Курскѣ, осмотрѣть 4-ю кавалерійскую дивизію по полкамъ, постараться вникнуть въ духъ офицеровъ, и истинную правду вамъ донести. Avec le général S. je ferai même l'agent provocateur. Если это недоразумѣніе даже не разъяснится, но въ дивизіи окажется все благополучно, то вы, быть можетъ, по добротѣ своей, простите С. въ память его до сихъ поръ вѣрной службы и отличій въ Севастополѣ".

Пристально посмотрѣвъ на Дубельта, въ продолженіе почти минуты, государь императоръ спросилъ: „А ты берешь-ли это дѣло на свою отвѣтственность?"

„Весьма охотно, тѣмъ болѣе, что оно, вѣроятно, разъяснится недѣли черезъ двѣ".

— „Хорошо, заѣзжай къ военному министру и скажи ему, чтобы онъ мнѣ обо всемъ этомъ доложилъ".

Послѣ этого государь еще съ четверть часа весьма милостиво разговаривалъ съ Михаиломъ Дубельтомъ, спрашивалъ его объ его

ожиданіяхъ по службѣ, такъ какъ осенью того же года предполагалось учрежденіе военныхъ округовъ и упраздненіе корпусныхъ штабовъ. Его величество даже предложилъ Михаилу Леонтьевичу Дубельту мѣсто губернатора въ Твери, въ виду того, что тогдашній тверской губернаторъ графъ Барановъ уже заявилъ объ оставленіи имъ этого поста, послѣ отпразднованія тысячелѣтія Россіи. Во время этого милостиваго разговора, его величество, вспомнивъ, что Дубельтъ, оправдывая генерала С., упомянулъ о газетѣ „Колоколъ", поставилъ Дубельту вопросъ: котораго изъ двухъ онъ предпочитаетъ—Герцена или князя Долгорукова, въ то самое время издававшаго также за границей газету „Правда". На отвѣтъ Дубельта, что, по его мнѣнію, оба они одинаково дурные люди, его величество возразилъ, что онъ предпочитаетъ Герцена, который хотя постоянно бранится, но по крайней мѣрѣ хотя иногда что-либо и предлагаетъ дѣльное, между тѣмъ какъ князь (Петръ) Долгорукій только бранится.

Пріѣхавъ въ Курскъ и приступивъ къ выполненію возложеннаго на него его величествомъ порученія, Дубельтъ въ скорости доискался, что упомянутое письмо было написано не генераломъ С., но его сыномъ, молодымъ поручикомъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка,—находившимся въ составѣ той же дивизіи. Недоразумѣніе становилось очевиднымъ. Письмо отъ С. изъ Курска, доложенное его величеству, натурально было принято какъ написанное генераломъ С., такъ какъ въ Петербургѣ въ ту минуту и не вспомнили, что въ той же дивизіи есть офицеръ того же имени.

Это интересное дѣло окончилось совершенно правильно. Молодой С. былъ удаленъ изъ службы, а отецъ его продолжалъ командовать дивизіей, вѣроятно, не подозрѣвая до самой своей смерти, какая грозная туча висѣла надъ его головою, но не разразилась изъ-за доступности, справедливости и милосердія незабвеннаго монарха.

Въ 1859-мъ году, во время высочайшихъ смотровъ въ Умани, флигель-адъютантъ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ былъ однажды дежурнымъ при покойномъ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Когда лица свиты начали уже собираться у подъѣзда дворца къ обѣду, то въ ожиданіи пріѣзда его величества, поѣхавшаго съ графомъ Ламбертомъ кататься въ знаменитый Уманьскій садъ

Софіувку,—Дубельтъ, какъ дежурный, сталъ отбирать прошенія отъ нѣкоторыхъ лицъ изъ публики. Между прочими стоялъ отставной унтеръ-офицеръ конно-гвардейскаго полка, довольно бѣдно одѣтый и державшій въ рукахъ сложенный листъ бумаги. На вопросъ Михаила Дубельта въ чемъ дѣло, проситель объяснилъ, что хочетъ просить у его величества пособія на бѣдность, и тутъ же добавилъ, что 14-го декабря 1825 года онъ служилъ вахмистромъ въ лейбъ-эскадронѣ конно-гвардейскаго полка, подъ командою графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, и ходилъ съ своимъ эскадрономъ въ атаку на мятежниковъ. Михаилъ Дубельтъ приказалъ ему стать поближе къ подъѣзду, желая обратить на него милостивое вниманіе императора. И дѣйствительно, когда государь, подъѣхавъ въ открытой коляскѣ, сталъ выходить изъ оной, то Дубельтъ, поддерживая его подъ руку, сказалъ: „ваше величество“, — государь остановился, и Дубельтъ продолжалъ: „дозвольте обратить ваше вниманіе на этого унтеръ-офицера, который, въ бытность свою вахмистромъ въ лейбъ-эскадронѣ конной гвардіи, ходилъ съ нимъ въ атаку на мятежниковъ, во время возмущенія 14-го декабря“. Его величество тотчасъ же подошелъ къ нему и сталъ задавать ему нѣкоторые служебные вопросы, во время которыхъ Дубельтъ стоялъ около императора. Діалогъ сложился слѣдующимъ образомъ: „а сколько лѣтъ ты состоялъ на службѣ“? Во время отвѣта унтеръ-офицера, Дубельтъ говоритъ государю, въ полъ-голоса, по французски: „Donnez lui de l'argent, il est très pauvre“.—„А Георгіевскій крестъ ты когда получилъ?“ И во время отвѣта, не смотря на Дубельта, Государь говоритъ ему: „Donnez lui 50 roubles“.

Подобное соединеніе императорской офиціальной важности съ безпредѣльною добротою всегда дѣлало величайшую честь обходительности и мягкости сердца покойнаго Царя-Освободителя.

Назначеніе Михаила Леонтьевича Дубельта тверскимъ губернаторомъ не состоялось, вслѣдствіе обрушившихся на него въ томъ же, 1862-мъ году, семейныхъ несчастій....

Императоръ Петръ II Алексѣевичъ.

Помѣщаемъ на стр. „Русской Старины“ подлинное письмо императора Петра II Алексѣевича своему дѣду по матери. Письма этого молодаго государя, внука Петра Великаго, сколько мнѣ извѣстно, довольно рѣдки, въ особенности къ отцу Шарлотты-Софіи, матери Петра II-го. Содержаніе настоящаго письма довольно незначительно, тѣмъ не менѣе не лишено историческаго интереса.

Графъ С. Д. Шереметевъ.

Moscau, den 20 February 1728.

Durchlauchtiger Herzug Freundlich vielgeliebter Herr Grossvater.

Ew. Durchl. und Liebden geben mir durch Dero werthestes Schreiben, so mir von Deroselben die ohnlängst alhier angekommene gräfin Golofkin mitgebracht, ein abermahliges und so verbindliches zeugniss Dero werthgeschätzen und wohlwollenden Andenkens, dass mein darob hegendes Vergnügen nicht volkommener seyn kann, noch auch bie Erkentlichkeit, so Ich Ev. Durchl. und Liebden derfass aufrichtigst behalte. Ev. Durchl. und liebden wollen hievon ungezweifelt persuadirt seyn, und dass mir nichts angenehmeres begegnen könne, als die Gelegenheit, dermahleins zu Ev. Durchl. und Liebden und dero fürstlichen Hauses Vergnügen etwas gefälliges beyzutragen, und dadurch die Ihnen volkommen gewiedmete verwandliche Freundschaft und Affection im Werke selbst an den Tag zu legen. Die anfangsgedachte Gräfin Golofkin hat nur die von Ev. Durchl. und Liebden genossene gar besondere Gnadenbezeugungen, dermassen angerühmet, dass Ich den darunter vor mich bezeugten grossväterlichen Egard factsam erkenne, und nicht umbhin seyn kan, Ihnen derfals absonderlichen Dank abzustatten wie auch vor das mir überschikte sehr angenehme Present von Gewehr, welches Ich als ein Andenken Ev. Durchl. und werthen Persohn jeder Zeit conserviren, und durch etwas gefälliges gelegentlich zu erwiedern suchen, auch übrigens und zu jeder Zeit mit aufrichtiger Eigebenheit seyn werde Ew. Durchl. und liebd. freundwilliger Enkel Petrus.

Сообщ. графъ С. Д. Шереметевъ.

Москва, 20-го февраля 1728 г.

[Переводъ]. Свѣтлѣйшій герцогъ, любезный многолюбимый господинъ дѣдушка! Ваша Свѣтлость и Милость даетъ мнѣ чрезъ ваше драгоцѣнное письмо, которое я получилъ чрезъ недавно сюда прибывшую графиню Головкину, новое и обязательное доказательство вашего почтеннаго воспоминанія, и мною испытываемое удовольствіе о томъ не можетъ быть совершеннѣе, равно какъ и благодарность, которую я искренно сохраняю къ Вашей Свѣтлости. Ваша Свѣтлость и Милость желаете, безъ сомнѣнія, быть увѣрены въ этомъ и ничего пріятнѣе не могъ бы я встрѣтить какъ случай услужить когда-нибудь Вашей Свѣтлости и Милости и вашему княжескому дому и доказать, такимъ образомъ, на дѣлѣ вамъ вполнѣ посвященную родственную дружбу и привязанность.

Выше помянутая графиня Головкина такъ хвалила мнѣ особенно оказанныя ей Вашею Свѣтлостью милости, что я въ томъ истинно вижу знакп дѣдушкинаго ко мнѣ вниманія, и не могу не высказать вамъ за то мою особенную благодарность, равно какъ и за присланный мнѣ весьма пріятный подарокъ,—оружіе, которое я сохраню навсегда какъ память отъ Вашей Свѣтлости и Милости, и постараюсь воздать при удобномъ случаѣ.

Вмѣстѣ съ симъ остаюсь навсегда искренно почтительный Вашей Свѣтлости и Милости внукъ благосклонный вамъ

„Петръ".

ПѢСНЯ О ПОБѢГѢ ДВОРОВАГО ЧЕЛОВѢКА

ВЪ 1787 ГОДУ.

Охъ, какъ былъ-то я добрый молодецъ во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ, въ домѣ господскіимъ.
Служилъ я своему князю вѣрой-правдою,
Ужъ тому князю строгому
Князю Николаю Сергѣичу Долгорукому;
Служилъ я ему тринадцать лѣтъ,
Не заслужилъ я себѣ славы добрыя,
Славы добрыя, чести милости.
Не видалъ я дней веселыихъ,
А всегда я былъ во кручинушкѣ.
Безъ резону онъ всегда гнѣвался,
Безъ вины онъ насъ наказывалъ,
Онъ наказывалъ насъ всегда палочьемъ.
Апосля того подъ караулъ сажалъ,
Подъ караулъ сажалъ на хлѣбъ, на воду.
Заставлялъ работать въ зеленомъ саду,
По прешпехтамъ березовымъ,
По дорогамъ зеленыемъ.
Что копали мы пруды глубокіе,
Огораживали дворы птичные.
Запретилъ онъ намъ по ночамъ гулять,
По ночамъ гулять, въ хороводъ ходить,
Заказалъ онъ намъ и пьянствовать;
Сего я отъ роду не зналъ и за то я присягу принялъ.
И тому князь вспыльчивый не увѣрился.
Ужъ онъ сталъ склонять во массонію,
Во массонію—вѣру проклятую.
И за то меня хотѣлъ жаловать:
Онъ давалъ мнѣ платья цвѣтныя,
Награждалъ меня золотой казной;
И онъ симъ прахомъ не прельстилъ меня,
За которое беззаконіе онъ прогнѣвался.
Посадилъ меня на круглый столъ,

Надѣлъ на меня ожерелочекъ,
Еще сковалъ мнѣ ноги скорыя,
Ноги скорыя, руки бѣлыя.
И хотѣлъ меня наказывать.
И того мнѣ не случилося;
Всѣ желѣзцы съ меня свалилися,
Ожерелочекъ съ меня и такъ скочилъ.
Что съ того времени я гулять пошелъ,
На чужую дальну сторону,
Что во ту-ли землю шведскую,
Въ которой жилъ я ровно два года.

Примѣчаніе: Эта любопытная пѣсня напечатана въ „Нижегородскомъ Сборникѣ“, изд. 1890 г., т. X, стр. 555—556, въ интересной статьѣ В. И. Снѣжневскаго: „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ“, и извлечена составителемъ статьи изъ подлиннаго дѣла о побѣгѣ въ 1787 г. отъ князя Николая Сергѣевича Долгорукова дворового его человѣка, по ремеслу живописца.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1891 г.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Москва и Казань въ началѣ XIX-го вѣка. Записки Ивана Алексѣевича Второва. Сообщ. А. Н. Яхонтовъ . . . . . 1—22

II. Фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . . 45—70, 267—304

III. Записки профессора и ректора императорской академіи художествъ Ѳедора Ивановича Іордана, род. 13-го августа 1800 г., умеръ 19-го сентября 1883 г. Глава V—XVIII. 71—116, 305—337, 547—580

Письмо гравера Раймбаха къ А. Н. Оленину о Ѳ. И. Іорданѣ 337

IV. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера, 1808—1858 гг. Гл. XVIII—XXII. Сообщ. Л. Лопатинскій . . . . . 581—601

СТРАН.

V. Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова съ 1816-го г. Гл. I—III. 23—43, 449—469, 657—679

VI. Императорская С.-Петербургская медико-хирургическая академія въ 1833—1863 гг. Записки поч. члена акад. Николая Ѳедоровича Здекауера. Главы I—III . . 117—135, 361—378

VII. Дневникъ графа Петра Александровича Валуева, 1847—1856 гг. . . 167—182, 337—360, 603—616

VIII. Дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, 1864 и 1865 гг. . . . . 137—166, 379—428, 617—655

IX. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, какъ министръ народнаго просвѣщенія. Посмертныя записки бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа, Петра Дмитріевича Шестакова, 1866—1880 гг. Гл. III—V. (Окончаніе) . . . . . 183—210

Замѣтка. Сообщ. В. И. Модестовъ 656

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Никифоръ Вяземскій, воспитатель царевича Алексѣя Петровича, 1696 г. Сообщ. А. Н. Труворовъ 602

II. Гетманъ Мазепа, 1704 г. Сообщ. И. Шатиловъ 680

III. Императоръ Петръ II Алексѣевичъ, письмо его къ дядѣ 1728 года. Сообщ. графъ С. Д. Шереметевъ. 727

СТРАН.

IV. Донесеніе графа Толя императору Николаю I о кончинѣ гр. Ив. Ив. Дибича, 29-го мая 1831 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . . . 499—500

V. Депутаты новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ, въ августѣ 1831 г. Сообщ. С. А. Тучкова. . . . . 511—514

VI. Поручикъ Александръ Нееловъ, уб. 8-го сентября 1854 г., на Альмѣ. Сообщ. Алексѣй Нееловъ . . . . . 263—265

VII. Гродненская процессія 14-го августа 1861 г. Сообщ. ксендзъ І. Маевскій . . . . . 489—498

VIII. Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ, генералъ-адъютантъ. Къ „Воспоминаніямъ г.-л. М. А. Маркова о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку“, 1796 — 1861 гг. Сообщ. Д. А. Арбузовъ . . 681—694

IX. Императоръ Александръ Николаевичъ. Черты изъ его жизни. . . . . 719—726

X. Петръ Александровичъ Степановъ, генералъ-отъ-инфантеріи. Ред. . . . . 211—217

XI. Дворянскій полкъ, 84-я годовщина его учрежденія, 1807 $\frac{\text{марта}}{14}$ 1891 гг. . . . . 249—262

XII. Памяти въ Бозѣ почившей вел. княг. Ольги Ѳеодоровны. Сообщ. В. П. Желиховская . 501—506

XIII. Его Императорское Высочество вел. князь Николай Николаевичъ Старшій . . . . . 507—510

XIV. Замѣтки и поправки къ Запискамъ Н. В. Берга. Сообщ. П. А. и Ек. Бакунина 218, 266, 470

Исторія русской литературы.

I. Василій Трофимовичъ Нарѣжный, род. 1780 г., † 21-го іюня 1825 г. Очеркъ четвертый. Сообщ. Н. А. Бѣлозерская. . . 471—487, 523—546

II. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

1. Къ его біографіи, 1847 г. Сообщ. В. Ѳ. Демичъ. . . . . 429—431

2. Тарасъ Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ смерти поэта, 1861 $\frac{\text{† февраля}}{26}$ 1891. Сообщ. А. И. Родзевичъ. 432—446

3. Замѣтка о портретѣ Шевченко 1859 г. Сообщ. С. Неклюдовъ 447

III. Николай Филиповичъ Павловъ, стихотвореніе его графу А. А. Закревскому 136

IV. Николай Ѳедоровичъ Щербина: эпиграммы, шутки, экспромты 44, 448, 488

V. Александръ Николаевичъ Островскій.

1. Его комедія: „Банкротъ“ [Свои люди сочтемся], собственноручная его рукопись, подаренная имъ М. И. Семевскому въ 1855 г., въ Москвѣ . . . . . 219—248, 695—718

2. Портретъ А. Н. Островскаго. Гравюра на мѣди художника Ѳ. И. Веревкина. Ред. 249—250

VI. Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ, его стихотвореніе. Сообщ. В. И. Розенгеймъ. . 338

VII. Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ, двадцатипятилѣтняя годовщина служенія его въ званіи присяжнаго повѣреннаго, 1866 $\frac{\text{мая}}{31}$ 1891 гг. 515—522

VIII. Пѣсня о побѣгѣ дворовaго человѣка въ 1787 г. 729—730

IX. Пѣсня о городѣ Иркутскѣ. Замѣтка. Сообщ. А. Никольскій 470

Портреты.

I. Портретъ Тараса Григорьевича Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 г. Копію съ портрета исполнилъ художникъ Жебровскій, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

(При стр. 523).

II. Портретъ Александра Николаевича Островскаго, съ фотографіи, сообщенной Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ, гравировалъ на мѣди художникъ Ѳедоръ Ивановичъ Веревкинъ.

(При стр. 1)

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціею ген.-лейт. Г. А. Леера, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб., 1883—1890 гг., въ 6. 8 д., въ два столбца, пять томовъ въ 17-ти выпускахъ, буквы: А — Наполеоны. (На оберткѣ IV кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
2. Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томъ шестой. Исторія академіи наукъ. Г. Ф. Миллера, съ продолженіями І. Г. Штриттера (1725—1743 гг.). Спб. 1890 г., 6. 8 д., стр. 635 (составлено и издано на нѣмецкомъ языкѣ). (Тамъ-же).
3. Свѣтъ Азіи (The light of Asia). Поэма Эдвина Арнольда. Переводъ А. Анненской, подъ редакціей В. Лесевича. Съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ-же. Спб., 1890 г., 8 д., стр. CIII+238. (Тамъ-же).
4. Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности императорскаго вольнаго экономическаго общества, съ 1865 до 1890 г. Составленный по порученію общества секретаремъ его А. Н. Бекетовымъ. Спб. 1890 г., 8 д., стр. 200. (Тамъ-же).
5. Генералъ-маіоръ Левъ Львовичъ Кирпичевъ, † 1890 г., 17-го ноября. Издалъ Павелъ Потоцкій (штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи 1-й артил. бригады). Спб., 1891 г., 8 д., стр. 40. Съ двумя портретами Л. Л. Кирпичева. (Тамъ-же).
6. В. П. Авенаріусъ. Три вѣнца. Романъ изъ временъ перваго Самозванца. Въ трехъ частяхъ. Спб., 1891 г., м. 8 д., стр. 537. (Тамъ-же).

7. Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ I. Составъ. В. И. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891 г., б. 8 д., стр. XII+485 въ два столбца. (На оберткѣ V кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
8. Городъ Холмъ (Псковской губерніи) и его уѣздъ. Историко-статистическій очеркъ. Изслѣдованіе Н. В. Затѣйщикова-Второго. Изданіе Холмскаго городскаго общественнаго управленія. Къ книгѣ приложены: изображеніе памятника Екатерины II (въ Спб.) и портреты: императоры Александръ I и Александръ II, каковыя гравюры изданы иждивеніемъ почетнаго гражданина города Великихъ-Лукъ М. И. Семевскаго. Спб., 8 д., стр. 330+VI и три таблицы. (Тамъ-же).
9. Н. Оглоблинъ. Семенъ Дежневъ, 1638—1671 гг. Новыя данныя и пересмотръ старыхъ. Спб. 1890 г., 8 д., стран. 60. (Тамъ-же).
10. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Выпускъ первый. Спб., 1891 г., б. 8 д., стр. 237. (Тамъ-же).
11. О наказаніи по законодательству Петра Великаго. Историко-юридическое изслѣдованіе Александра Филиппова, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва, 1891 г., 8 д., стр. X + 457. (На оберткѣ VI кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
12. Основы судебной реформы (къ 25-тилѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. Гр. Джаншіева. Приложеніе: Опись „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“. Москва, 1891 г., 8 д., стр. XVI+364 + 52. (Тамъ-же).
13. К. Ф. Хартулари. Итоги прошлаго.—1866 — 1891 гг. (Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи). Посвящается двадцатипятилѣтію судебныхъ учрежденій. Спб., 1891 г. 8 д., стр. XVII+576. (Тамъ-же).
14. Изданіе Ф. Павленкова.—Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1800). А. М. Скабичевскаго. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 523 + III. (Тамъ-же).
15. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Н. П. Семенова. Томъ III, ч. I-я. Третій періодъ занятій. Съ портретомъ гр. Н. И. Панина и изображеніями на двухъ таблицахъ 19-ти членовъ редакціонныхъ комиссій. Изд. М. Е. Комарова. Спб., 1891 г., б. 8 д., стр. 509. Трудъ посвященъ государю императору Александру Александровичу. (Тамъ-же).
16. Историческіе очерки города Саратова и его округи, составленные А. И. Шахматовымъ, подъ ред. Вл. Г. Вучетичъ. Вып. I-й. Саратовъ, 1891 г., б. 8 д., стр. XI+205+15. (Тамъ-же).

Изданіе Ф. Павленкова.—Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Спб. 1891 г., 8 д., стр. 523+XIII. Цѣна 2 р.

А. М. Скабичевскій, уроженецъ Петербурга (род. въ 1838 г.), воспитывался въ Ларинской гимназіи (1848—1856 гг.) и кончилъ курсъ по филологическому факультету с.-петербургскаго университета въ 1861 году. Литературная дѣятельность его началась еще на студенческой скамьѣ и первая статья его была напечатана, если не ошибаемся, въ «Развѣтѣ», въ одномъ вполнѣ хорошемъ журналѣ, посвященномъ задачамъ воспитанія, кажется въ 1859 году. Одинъ изъ талантливыхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» 1868—1884 гг. и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданій, А. М. Скабичевскій весьма близко изучилъ исторію русской литературы, для которой много потрудился въ одномъ изъ наиважнѣйшихъ отдѣловъ—критики. Въ настоящей книгѣ обозрѣвается исторія изящной литературы и находящейся въ тѣсной связи съ нею критики. Поэтому въ книгѣ этой, какъ объясняется въ предисловіи къ ней,—говорится лишь о такихъ дѣятеляхъ литературы, которые или прямо относятся къ изящной литературѣ, или такъ или иначе соприкасаются къ ней и лишь—насколько соприкасаются..... «Такъ какъ духъ времени, идеи и всѣ перипетіи умственнаго движенія разематриваемой эпохи наиболѣе ярко выразились въ критикѣ, то авторъ книги въ первыхъ ея главахъ соединилъ общій обзоръ эпохи съ исторіей критики въ лицѣ ея главныхъ представителей и затѣмъ уже излагаетъ исторію самой изящной литературы, какъ продукта, разсмотрѣннаго предварительно умственнаго движенія времени.

Въ характеристикахъ своихъ авторъ обрисовываетъ всѣхъ мало-мальски выдающихся русскихъ литературныхъ дѣятелей (въ области критики и изящной словесности) за избранный имъ періодъ послѣднихъ сорока лѣтъ.

Книга А. М. Скабичевскаго пользуется большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности коммиссій по крестьянскому дѣлу. Н. П. Семенова. Томъ III, ч. I-я. Третій періодъ занятій. Съ портретомъ гр. Н. И. Панина и изображеніями на двухъ таблицахъ 19-ти членовъ редакціонныхъ коммиссій. Изд. М. Е. Комарова. Спб. 1891 г., б. 8 д., стр. 509. Трудъ посвященъ государю императору Александру Александровичу.

Въ первой части III-го тома въ высокой степени интересной лѣтописи трудовъ славной памяти редакціонныхъ коммиссій (также заботливо и роскошно изданной М. Е. Комаровымъ, какъ и предъидущія книги) заключается окончаніе разработки Положеній 19-го февраля. Во второй части, какъ обѣщаетъ Н. П. Семеновъ, будутъ соединены заключительныя работы по выработкѣ проекта тѣхъ же Положеній. Нельзя достаточно возблагодарить Н. П. Семенова за воспроизведеніе, замѣчательно тщательное, его поденныхъ записей дѣятельности помянутыхъ коммиссій; напечатанное нынѣ, когда еще живы, увы уже немногіе, члены редакціонныхъ коммиссій и когда источность или ошибки этой лѣтописи, буде таковыя бы оказались, могутъ быть исправлены,—изданіе это является вполнѣ своевременно.

Историческіе очерки города Саратова и его округи, составленные А. И. Шахматовымъ, подъ ред. Вл. Г. Вучетичъ. Вып. I-й. Саратовъ, 1891 г., б. 8 д., стр. XI+205+15. Цѣна 1 р. 25 коп.

Трехсотлѣтній юбилей славнаго города ознаменованъ славными же дѣяніями, какъ напр., рѣшеніемъ мѣстной Думы соорудить памятникъ Петру I, открыть три безплатныхъ народныхъ читальни и проч. Юбилей, вызвавъ рядъ изданій, посвященныхъ старинѣ Саратова; этотъ рядъ открываютъ вышеназванные очерки. Эпоха, изслѣдуемая въ этомъ весьма почтенномъ трудѣ, простирается отъ первыхъ древнѣйшихъ извѣстій о Саратовской округи до настоящаго времени. Первый выпускъ книги объемлетъ время до 1764 года. Составители имѣли прекрасную цѣль подѣлиться матеріалами неизданными.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подьяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

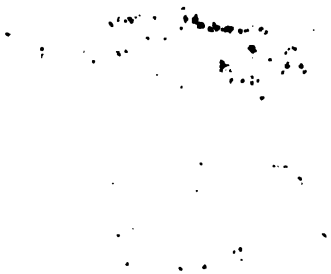
Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

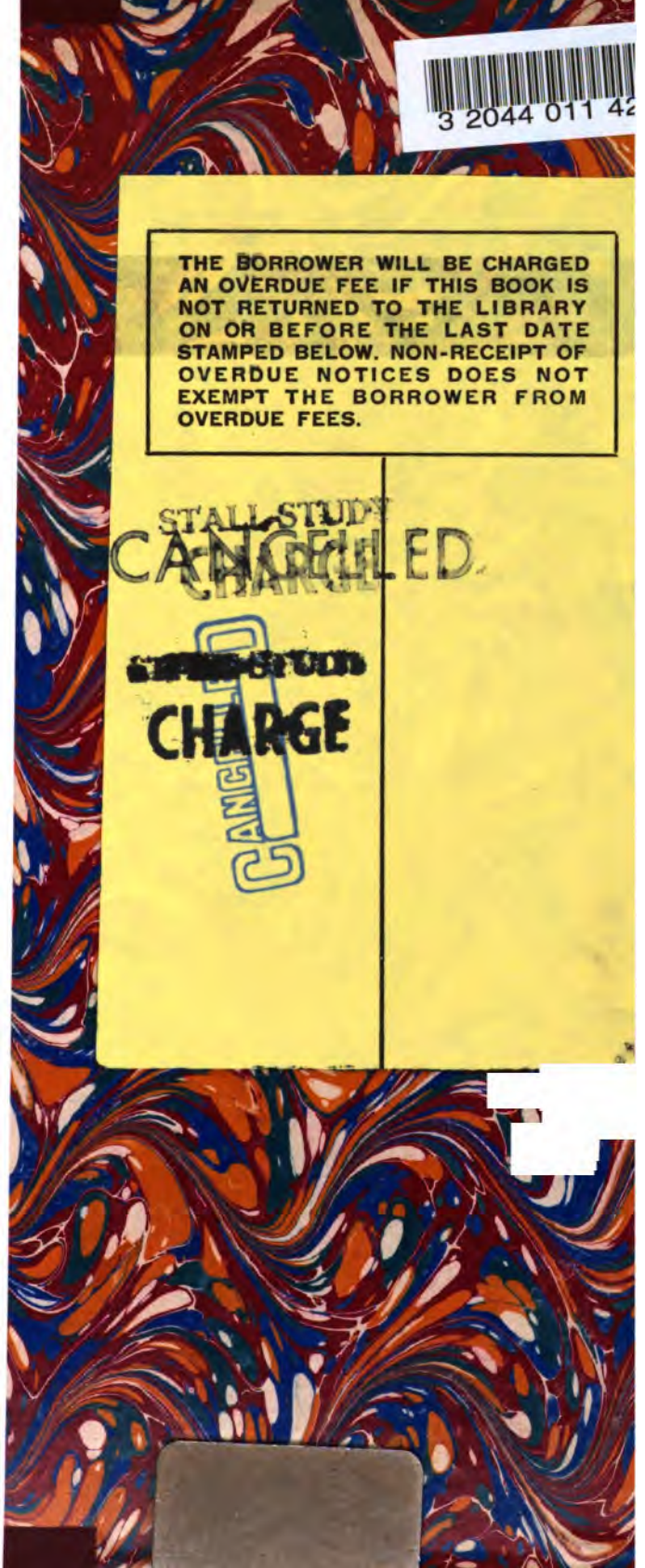
I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., *(20 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (*69 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (*36 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (*33 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (*16 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (*71 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (*31 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (*65 экз.*), съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (*69 экз.*), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (*95 экз.*) съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**




3 2044 011 42

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL STUDY
CANCELLED
CHARGE
CANCELLED